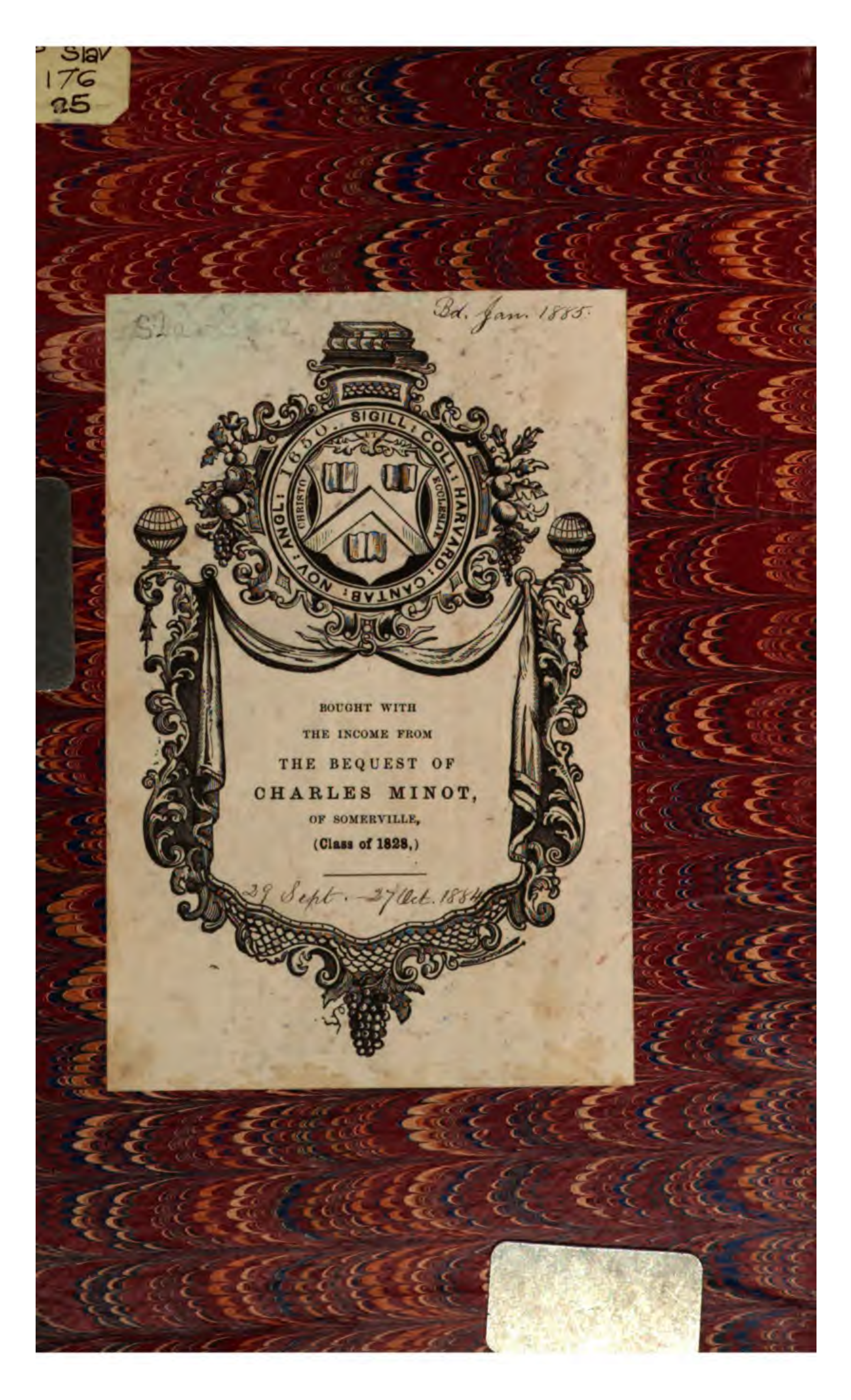
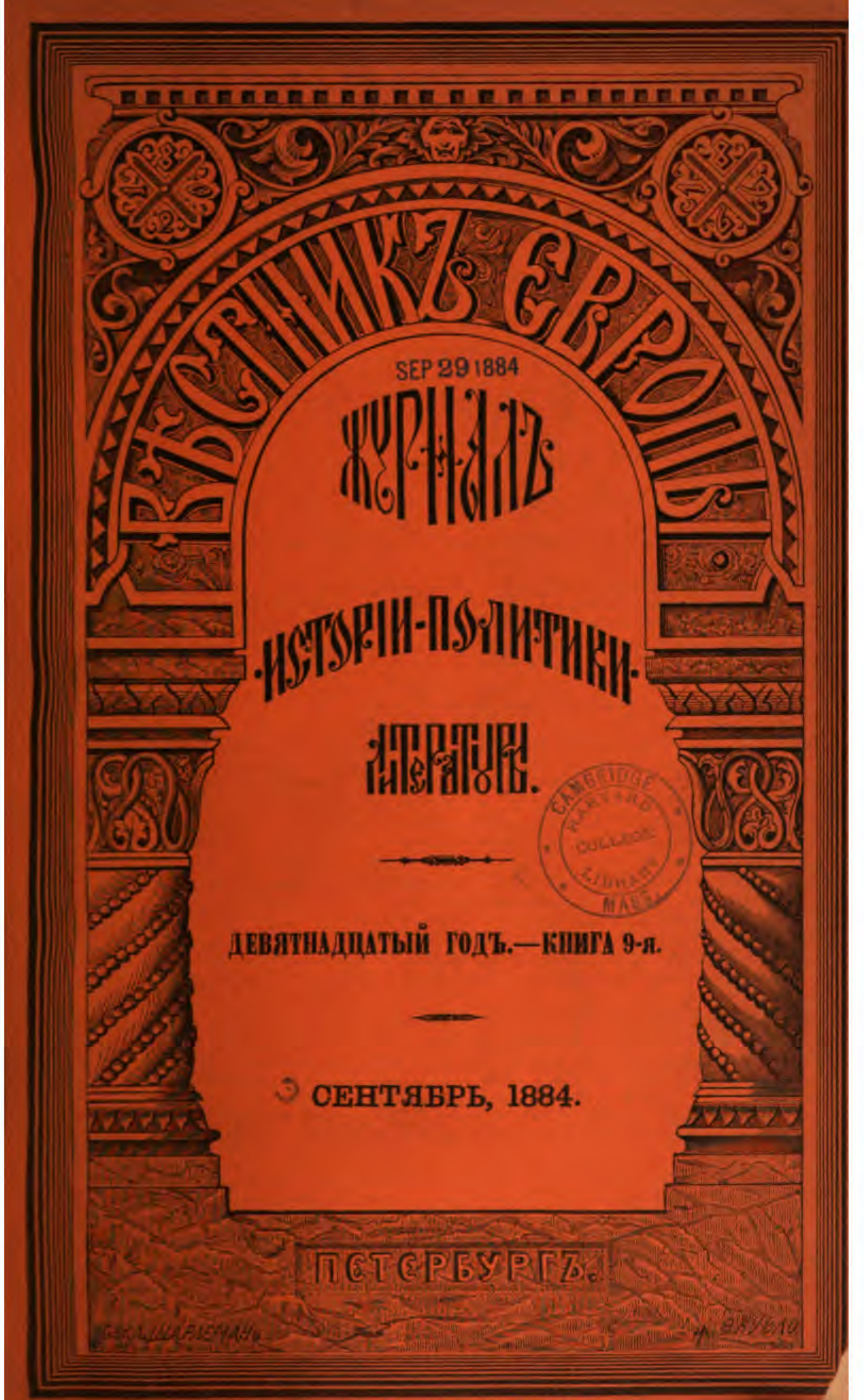

SIGILL : COLL : HARVARD : CANTAB : NOV : ANGL : 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин., 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1884.

Стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1884 г., см. ниже, на оберткѣ

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1884

(945)

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ МИНИХЪ

и

ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ*).

Окончаніе.

По кончинѣ Анны Ивановны ея опочивальня представляла такое зрѣлище. На постели лежалъ еще не остывшій трупъ. Кругомъ ходили близкія къ покойной государынѣ особы. Въ углу въ креслахъ сидѣла принцесса Анна и заливалась слезами. За спинкою кресла ея стоялъ ея супругъ съ нахмуреннымъ видомъ. Биронъ какъ изступленный метался передъ постелью, наконецъ обратился къ присутствующимъ въ комнатѣ и предложилъ всѣмъ узнать послѣднюю волю императрицы. Подполковница Юшкова объявила, что покойница вручила ей бумагу, лежавшую у нея подъ изголовьемъ, приказала ее хранить въ шкафѣ, гдѣ сберегались драгоцѣнные уборы, а послѣ ея кончины предъявить для всеобщаго свѣденія. По словамъ императрицы, это была очень важная, по своему содержанію, бумага. Но Юшковой было запрещено сдѣлать кому бы то ни было даже намекъ на существованіе этой бумаги, прежде чѣмъ императрица не скончается. Кромѣ Остермана и Бирона никто не зналъ о подписаніи императрицею духовной, въ которой Биронъ назначался регентомъ. Вельможи, постоянно вращавшіеся при дворѣ, не ясно знали о послѣдней волѣ императрицы. При входѣ въ опочивальню, кн. Куракинъ спросилъ Остермана: кто жъ послѣ

*) См. выше: августъ, стр. 510.

государыни будетъ ея преемникомъ на престолѣ?—Принцъ Иванъ Антоновичъ!—отвѣчалъ Остерманъ, но о регентствѣ ни Остерманъ Куракину не говорилъ, ни кн. Куракинъ Остермана не спрашивалъ.

Открытъ былъ указанный Юшковою шкафъ съ бриліантами; достали духовную, освидѣтельствовали цѣлость печати, приложенной на конвертѣ Остерманомъ; открыли конвертъ. Тогда Биронъ учтиво и лукаво обратился къ супругу принцессы Анны и сказалъ ему:

— Не угодно ли, принцъ, слушать послѣднюю волю усопшей императрицы?

Принцъ, молча, подошелъ къ кружку, собравшемуся около кн. Трубецкого; тотъ держалъ въ рукѣ свѣчу и готовился читать бумагу, которой составителемъ былъ самъ вмѣстѣ съ двумя другими. Принцъ выслушалъ духовную, которая, по замѣчанію Миниха-сына, была его приговоромъ, потомъ вмѣстѣ съ супругою удалился въ свои покои, не сказавши никому ни слова.

На другой день, 18 октября въ субботу, утромъ, съѣхались во дворецъ знатнѣйшіе духовные и свѣтскіе сановники, сенаторы, генералы; войска были разставлены подъ ружьемъ у лѣтняго дворца. Объявлено было завѣщаніе императрицы, назначавшее герцога курляндскаго правителемъ имперіи до совершеннолѣтія новаго государя, императора Ивана Антоновича. Всѣ присягали на вѣрность новому императору. Биронъ лично принималъ поздравленія со вступленіемъ въ санъ верховнаго правителя россійской имперіи. Все было чрезвычайно спокойно. Англичанинъ, бывшій тогда въ Петербургѣ представителемъ своего правительства, не безъ удивленія замѣтилъ, что все остается спокойнымъ, какъ будто ничего чрезвычайнаго не происходило; онъ приписываетъ это всеобщему довѣрію русскихъ къ достоинствамъ герцога курляндскаго. Англичанинъ ошибался, какъ иностранецъ, обольщаясь наружною тишиною, не въ силахъ будучи уразумѣть, что то была тишина предъ бурею.

Принцъ и принцесса переѣхали въ зимній дворецъ, куда, разумѣется, перевезли и малолѣтняго императора. Герцогъ оставался въ лѣтнемъ дворцѣ, намѣреваясь не покидать его до погребенія тѣла усопшей государыни. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его, какъ регента, было назначеніе пенсіи въ 200,000 р. принцессѣ брауншвейгской и ея супругу, а цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ 50,000 р. въ годъ. Съ своей стороны сенатъ поднесъ ему титулъ высочества и назначилъ ежегодную пенсію въ 500,000 руб. Это казалось очень много, такъ какъ родители царя полу-

чали менѣе, а Биронъ не былъ въ нуждѣ: онъ владѣлъ доходами въ четыре милліона съ своихъ имѣній въ Германіи.

Тутъ открывается рядъ доносовъ, а за ними естественно пошли аресты, допросы и пытки. Герцогъ курляндскій сразу увидалъ, что противъ него можетъ подняться сильная партія и его положеніе вовсе не такъ прочно, какъ представляли ему его угодники. Сперва попались двое гвардейскихъ офицеровъ, капитанъ Ханыковъ и поручикъ Аргамаковъ: они возбуждали между товарищами по службѣ и подчиненными недовольство — зачѣмъ герцогъ курляндскій, а не родители императора, облеченъ верховною властію. За ними попался подполковникъ Пустошкинъ. Онъ являлся къ графу Головкину и сообщалъ, что у шляхетства, а преимущественно у офицеровъ, существуетъ желаніе подать челобитную о назначеніи регентомъ вмѣсто герцога курляндскаго принца брауншвейгскаго, родителя государева. Головкинъ былъ еще при жизни императрицы въ дурныхъ отношеніяхъ къ Бирону, это всѣ знали и оттого къ нему обратились. Но Головкинъ въ это время собирался уѣзжать за границу, не хотѣлъ вмѣшиваться ни въ какія государственныя дѣла, и хотя отнесся очень дружелюбно къ Пустошкину, но совѣтовалъ ему обратиться къ князю Черкасскому. Князь Черкасскій также любезно принялъ Пустошкина, но еще не отпуская изъ своего дома, далъ знать Бестужеву, который немедленно явился самъ къ князю Черкасскому и захватилъ Пустошкина съ товарищами. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, когда арестуютъ одного или двухъ и начнутъ ихъ спрашивать, то ихъ отвѣты потянутъ еще новыхъ прикосновенныхъ и число обвиняемыхъ и подозрѣваемыхъ увеличивается, какъ снѣговая глыба, когда ее катить по снѣжному пространству. Такимъ образомъ, по показаніямъ взятыхъ подъ караулъ, взяты были еще секретарь принцессы Анны, Семеновъ, а за нимъ кабинетъ-секретарь Андрей Яковлевъ. Послѣдній въ допросѣ объявилъ, что, переодѣвшись въ дурномъ платьѣ, онъ ходилъ ночью по невской перспективѣ и прислушивался къ народнымъ толкамъ. Онъ услыхалъ въ народѣ ропотъ противъ назначенія иноземца Бирона регентомъ государства и желаніе, чтобъ эта важная должность была передана родителямъ императора. Тогда же открылось, что принцъ брауншвейгскій съ удовольствіемъ слушалъ офицеровъ, говорившихъ передъ нимъ, что его слѣдуетъ сдѣлать регентомъ, и съ своей стороны изъявлялъ сомнѣніе въ подлинности завѣщанія покойной императрицы. Обвиненныхъ посадили въ крѣпость въ дурныхъ помѣщеніяхъ и подвергали въ тайной канцеляріи до-

просамъ и пыткамъ. 22 октября регентъ отправился лично къ принцу Антону-Ульриху. «Вы, принцъ,—говорилъ ему регентъ: —дозволили въ своемъ присутствіи охуждать распоряженія покойной государыни и доказывать, что съ меня слѣдуетъ снять носимый мною санъ регента и передать его вамъ. Вы не остановили такихъ дерзкихъ рѣчей и не изъявили къ нимъ вашего неодобренія. Знаете ли, что̀ я вамъ скажу: вы хотя и родитель нашего императора, но вы все-таки его подданный и обязаны ему вѣрностію и повиновеніемъ, наравнѣ съ прочими его подданными. Очень сожалѣю, что, въ качествѣ регента, которому ввѣрено спокойствіе имперіи, я нахожусь въ необходимости напомнить объ этомъ вашему величеству».

Внезапное появленіе регента и рѣзкій тонъ, съ которымъ онъ относился къ принцу, поставили послѣдняго въ тупикъ. Онъ смутился и началъ извиняться.—То была не болѣе какъ болтовня молодежи, которая не могла имѣть никакого важнаго значенія,—сказалъ онъ:—впрочемъ, извините меня: на будущее время я не дозволю имъ доводить меня до слушанія отъ васъ подобныхъ упрековъ.—Отъ принца регентъ отправился къ принцессѣ Аннѣ и ей передалъ то же. «Я ничего не знаю,—сказала принцесса:—ничего не слыхала, но во всякомъ случаѣ не оправдываю такихъ рѣчей!» Она тотчасъ отправилась съ герцогомъ во дворецъ, гдѣ онъ жилъ, и пробыла съ нимъ часа два, стараясь смягчить непріятное впечатлѣніе, произведенное на него.

На другой день 23 октября принцъ приглашенъ былъ въ нарочно устроенное собраніе знатнѣйшихъ сановниковъ, между которыми были кабинетъ-министры, сенаторы и генералы. Тутъ принцъ брауншвейгскій испыталъ надъ собою въ нѣкоторомъ родѣ верховный судъ. Герцогъ произнесъ передъ собраніемъ рѣчь, изложилъ всѣ извѣстныя обстоятельства прежняго времени, своего близкаго къ императрицѣ положенія, своего назначенія въ санъ регента и обратился къ принцу съ такими же упреками, какія высказывалъ ему вчера наединѣ. На принца устремились глаза вельможъ и онъ смутился: на глазахъ его заблистали слезы, но потомъ онъ усиливался сохранить свое достоинство, бодрился и случайно схватился за ефесъ своей шпаги. Биронъ, подмѣтивши это движеніе, сказалъ:—извольте, принцъ, я готовъ и этимъ путемъ объясниться съ вами! — Принцъ сначала отпирался отъ всѣхъ взводимыхъ противъ него обвиненій, но потомъ, вошедши въ паѳосъ, высказалъ, что онъ былъ бы доволенъ, еслибъ произошло возстаніе, и онъ получилъ бы тогда власть.

Тогда генералъ Ушаковъ, страшный для всѣхъ и великихъ,

и малыхъ начальникъ тайной канцеляріи, выступилъ впередъ и сказалъ:

«Принцъ брауншвейгскій! Всѣ справедливо уважаютъ въ васъ родителя нашего императора, но ваши поступки могутъ принудить насъ всѣхъ обращаться съ вами какъ со всякимъ инымъ подданнымъ его величества. Вы еще молоды, принцъ, вамъ только двадцать шестой годъ отъ роду; вы неопытны и можете легко впасть въ ошибку, но еслибъ вы были въ болѣе пожилыхъ лѣтахъ и способны бы оказались предпринять и привести въ исполненіе намѣреніе, которое привело бы въ смятеніе и подвергло опасности миръ, спокойствіе и благосостояніе этой великой имперіи, то я объявляю вамъ, что, при всемъ моемъ глубокомъ сожалѣніи, я обратилъ бы противъ васъ, какъ виновнаго въ измѣнѣ вашему сыну и государю, преслѣдованіе со всею строгостью, какъ противъ всякаго другого подданнаго его величества.

«Я,—продолжалъ герцогъ курляндскій,—имѣю право быть регентомъ государства сообразно документу, данному покойною императрицею, въ подлинности котораго не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія—воля ея величества поставила меня регентомъ и я обязанъ этимъ возвышеніемъ столько же милостямъ ея, сколько и доброму мнѣнію, и довѣренности ко мнѣ достойнѣйшихъ особъ этой страны, здѣсь присутствующихъ. Но ея величество, покойная государыня не лишила меня права сложить съ себя этотъ высокій санъ и я объявляю теперь же, что если это почтенное собраніе найдетъ, что ваше величество болѣе меня способны занять эту должность, я немедленно вамъ ее уступаю. Если же, напротивъ, пожелаютъ, чтобъ я сохранилъ за собою регентство, то мои обязанности по отношенію къ покойной государынѣ и къ Россіи заставляютъ меня хранить этотъ залогъ, и я надѣюсь, что съ помощью совѣтовъ особъ, здѣсь присутствующихъ, я исполню долгъ свой согласно съ чувствами моей признательности для пользы великой Россійской Имперіи. Надѣюсь, что эти господа, которые предъ смертію ея величества пожелали возложить на меня правленіе, помогутъ мнѣ и нынѣ сохранить его для пользы и благосостоянія края!» Герцогъ обратился къ Остерману и сказалъ: «Графъ! извольте завѣрить принца, что документъ, который подвергается вопросамъ и въ подлинности котораго возникаютъ сомнѣнія, есть тотъ самый, который былъ поднесенъ покойной императрицѣ».

Остерманъ сдѣлалъ то, что̀ отъ него требовалось, и предложилъ, чтобы всѣ присутствующіе—въ числѣ которыхъ были всѣ,

носившіе генеральскіе чины—утвердили этотъ документъ своими подписями и приложеніемъ своихъ печатей, давая тѣмъ ручательство въ его подлинности и обязываясь съ своей стороны поддерживать его содержаніе.

Всѣ безпрекословно исполнили предлагаемое, и принцъ брауншвейгскій былъ въ числѣ приложившихъ свою руку.

Этимъ не ограничились преслѣдованія регента противъ принца брауншвейгскаго. На другое утро послѣ допроса, сдѣланнаго принцу въ собраніи сановниковъ, регентъ послалъ къ нему брата фельдмаршала, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Миниха, совѣтовать ему подать въ отставку отъ должности генералъ-поручика и отъ чина подполковника гвардіи и это будетъ служить залогомъ, что принцъ не будетъ предпринимать ничего, что̀ можетъ произвести волненіе. Антонъ-Ульрихъ безропотно согласился. Ему тутъ же подали заранѣе изготовленную просьбу объ отставкѣ. Онъ подписалъ ее. Между тѣмъ, герцогъ курляндскій написалъ по-нѣмецки вчерашнюю рѣчь свою и бесѣду съ принцемъ, а Бревернъ перевелъ это по-русски, и въ переводѣ это было читано предъ тѣмъ же собраніемъ сановниковъ. Въ это время вошелъ принцъ и сказалъ:

— Господа! я намѣренъ сложить съ себя мои служебныя должности и пришелъ объявить вамъ объ этомъ.

Биронъ отвѣчалъ:

— Не я возлагалъ на васъ ваши должности, и не вижу, какихъ должностей могу лишить васъ. Въ настоящее время не въ должностяхъ и званіяхъ суть дѣла, а въ спокойствіи государства. Вамъ, принцъ, было бы полезно нѣсколько дней оставаться въ своемъ домѣ, никуда не показываясь; опасно, чтобъ народъ, раздраженный за множество изъ-за васъ истязанныхъ людей, не отважился бы сдѣлать чего-нибудь непристойнаго вашей высокой особѣ.

Принцъ не противился, покорился приговору о своемъ домашнемъ арестѣ, порицалъ тѣхъ, кто ввелъ его въ заблужденіе, и давалъ обѣщаніе не дѣлать ничего, что̀ бы побуждало усматривать въ его дѣйствіяхъ покушенія на захватъ верховной власти.

Съ тѣхъ поръ ежедневно всѣ только того и ожидали, что регентъ выгонитъ принца съ принцессою за границу или—что еще хуже—зашлетъ ихъ въ какое-нибудь отдаленное мѣсто.

И прежде зазнавался въ своемъ величіи герцогъ курляндскій, теперь онъ воображалъ себя на непоколебимой высотѣ славы и чести. И прежде высокомѣрный и заносчивый, теперь онъ уже не зналъ никого себѣ въ уровень и сталъ обращаться неува-

жительно какъ съ принцессою, такъ и съ особами, содѣйствовавшими его возвышенію. Тогда какъ въ завѣщаніи императрицы ему вмѣнялось въ непремѣнную обязанность оказывать принцессѣ Аннѣ и ея супругу почтительность, онъ дозволялъ себѣ такое грубое съ ними обращеніе, что принцесса трепетала, какъ только видѣла, что къ ней входитъ Биронъ. Герцогъ, соображая, откуда можетъ угрожать ему опасность, старался тогда поддѣлаться къ принцессѣ Елисаветѣ, такъ какъ званіе единственной дочери Петра Великаго, для всей Россіи незабвеннаго, сильно располагало умы и чувства русскихъ въ ея пользу. Герцогъ курляндскій нерѣдко ѣздилъ къ ней въ ея особый дворецъ, бесѣдовалъ съ нею, старался показывать къ ней изысканные знаки вниманія. Назначеніе этой дочери Петра Великаго ежегодной пенсіи въ пятьдесятъ тысячъ было всѣми встрѣчено очень одобрительно, и если являлись голоса, не хвалившіе этого поступка, то развѣ въ такомъ смыслѣ, что назначено было немного. Когда баронесса Менгденъ сообщила герцогу, въ видѣ предостереженія, что цесаревна показываетъ всѣмъ портрѣтъ своего племянника, сына герцога голшинскаго, котораго многіе давно уже, какъ прямого внука Петра Великаго, считали прямымъ наслѣдникомъ русскаго престола, герцогъ курляндскій на это отвѣчалъ: «Каждый воленъ цѣнить портреты своихъ родныхъ, нельзя лишать этого права одну цесаревну!» а когда фельдмаршалъ Минихъ сообщилъ герцогу, что по сдѣланнымъ наблюденіямъ камеръ-юнкеры цесаревны что-то часто ходятъ въ домъ французскаго посланника, регентъ отвѣчалъ, что цесаревна не затѣетъ ничего, сообразно всѣмъ извѣстному своему характеру, а еслибъ захотѣла, то не нужно ей содѣйствія чужихъ посланниковъ: за нее пошелъ бы весь народъ и знатные, и простые.— Не знаю,—отвѣчалъ фельдмаршалъ:—насколько преданъ народъ цесаревнѣ, но войско, какъ никогда, предано престолу, особенно когда престолонаслѣдіе упрочено въ мужской линіи». По извѣстіямъ современниковъ, у Бирона роилось тогда честолюбивое помышленіе—измѣнить возведенному въ особѣ младенца браунш-вейгскому дому, женить собственнаго сына Петра на Елизаветѣ, провозгласить послѣднюю императрицею и, такимъ образомъ, собственному потомству проложить дорогу къ престолу. И прежде, при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, у него была мысль женить сына своего на принцессѣ Аннѣ—это не удалось, потому что принцесса Анна не терпѣла Биронова сына; теперь онъ простиралъ виды на Елизавету, но и съ нею, во всякомъ случаѣ, не удалось бы ему. Тѣмъ не менѣе извѣстіе это, судя по без-

мѣрному честолюбію этого человѣка, очень правдоподобно. А принцессу Анну не терпѣлъ онъ именно за крайнее невниманіе къ его сыну, въ то время, когда она была еще дѣвицею, и теперь онъ обращался съ нею до того безцеремонно, что, разсердившись на ея супруга, онъ не затруднился сказать ей, что, если оба они станутъ причинять ему досады, то онъ призоветъ принца голштинскаго. Такія же угрозы произносилъ онъ и предъ другими лицами.

Однажды, 7 ноября, Минихъ явился къ принцессѣ Аннѣ и нашелъ ее въ чрезвычайно грустномъ настроеніи духа.

— Я не въ силахъ болѣе терпѣть безпрестанныхъ огорченій отъ герцога регента,—сказала она,—мнѣ остается уйти съ мужемъ и съ сыномъ за границу. Пока герцогъ будетъ регентомъ, ясныхъ дней не видать намъ въ Россіи.

Минихъ отвѣчалъ:

— Ваше императорское высочество, и мнѣ кажется, вамъ немного добраго ожидать можно отъ герцога, но вы не падайте духомъ, положитесь на меня. Я готовъ защищать васъ.

— Вы, фельдмаршалъ,—сказала Анна,—можете употребить ваше вліяніе на регента, я прошу только, чтобы мнѣ не препятствовали взять моихъ малютокъ съ собою. Это избавитъ ихъ отъ опасностей въ рукахъ человѣка, смертельнаго врага ихъ родителей. Я знаю, какая судьба иногда постигаетъ государей въ Россіи!

— Вы никому не говорили подобнаго ничего?—спросилъ фельдмаршалъ.

— Никому!—отвѣчала принцесса.

— Такъ положитесь во всемъ на меня,—сказалъ Минихъ,—Биронъ не васъ однихъ вооружилъ противъ себя. Вся Россія страшится, что за семнадцать лѣтъ своего регентства, онъ успѣетъ признать настоящаго императора неспособнымъ и отстранитъ его отъ престола, а въ духовной покойной императрицы ему предоставлено, въ случаѣ кончины императора до его совершеннолѣтія, избрать иного сукцессора. Но еслибъ и до того не дошло, то, распоряжаясь семнадцать лѣтъ сряду во время своего регентства государственною казною, онъ успѣетъ разорить всю Россію, переводя ея деньги на свои курляндскія владѣнія. Я лично находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ герцогомъ и обязанъ ему за многое признательностію, но благо государства всего выше для меня. Я заглушу въ себѣ всѣ дружескія чувства къ герцогу и раздѣлаюсь съ нимъ.

— Но если, фельдмаршалъ, это предпріятіе не удастся, вы

подвергнете непріятностямъ ваше собственное семейство!—сказала принцесса.

— Можетъ ли быть рѣчь о семействѣ, когда идетъ дѣло о службѣ государю и о спокойствіи отечества?—отвѣчалъ Минихъ.

Тогда Минихъ далъ слово принцессѣ избавить ее отъ регента, но не открылъ вполнѣ своего плана, увѣривши принцессу только, что это совершится въ самомъ скоромъ времени. По наставленію фельдмаршала принцесса въ неясныхъ выраженіяхъ передала его обѣщаніе супругу своему и, по ея настоянію, послѣдній отправился къ герцогу съ визитомъ въ лѣтній дворецъ. Принцъ вмѣстѣ съ герцогомъ съѣздили въ зимній дворецъ, посѣтили маленькаго императора; регентъ отдалъ обычный поклонъ принцессѣ Аннѣ, потомъ оба, герцогъ и принцъ, поѣхали въ манежъ, находившійся отъ дворца неподалеку. Оттуда принцъ воротился къ себѣ, а герцогъ заѣхалъ къ своему брату Густаву, а отъ него поспѣшилъ въ лѣтній дворецъ, такъ какъ въ этотъ день онъ пригласилъ къ себѣ обѣдать семейства Миниховъ и Менгденовъ. Воротившись домой съ своей утренней поѣздки, регентъ замѣтилъ, что въ тотъ день на улицахъ мало встрѣчалъ онъ людей, и тѣ, которые ходили по улицамъ, почему-то казались ему скучными, какъ будто они чѣмъ-то недовольны. Это высказалъ хозяинъ за обѣдомъ своимъ гостямъ. Это,—сказалъ онъ—видно происходитъ оттого, что всѣ недовольны поведеніемъ принца браунштейгскаго!—Нѣтъ,—возразили ему гости,—очень легко случилось, что вамъ показались грустными физіономіи тѣхъ, которыхъ вы встрѣчали: это—всеобщая скорбь о недавней кончинѣ ея императорскаго величества!

Весь обѣдъ регентъ былъ какъ-то задумчивъ и молчаливъ; фельдмаршалу приходило невольно въ голову подозрѣніе: ужъ не догадывается ли онъ о чемъ-то?

Тотчасъ вставши изъ-за стола, Минихъ уѣхалъ, оставя у герцога свое семейство. Фельдмаршалъ, заѣхавши къ себѣ, на короткое время, отправился къ вечеру къ принцессѣ Аннѣ.

Тутъ Минихъ, утромъ только намекнувши принцессѣ, что онъ какъ-то избавитъ ее отъ ненавистнаго герцога курляндскаго, теперь откровенно сказалъ, что онъ намѣренъ въ слѣдующую же ночь арестовать регента и доставить его за карауломъ въ ея распоряженіе.

Принцесса благодарила фельмаршала.

— Но только чтобъ офицеры и солдаты, которымъ я поручу это дѣло, шли бодро, нужно, чтобъ ваше высочество лично почтили ихъ своимъ присутствіемъ,—сказалъ фельдмаршалъ.

Принцесса на это предпріятіе идти сама не рѣшалась.

— Ну хорошо, — сказалъ фельдмаршалъ, — вы сами не поѣдете, только ночью я пріѣду къ вашему высочеству и возьму изъ вашего дворцоваго караула команду для арестованія герцога.

— Я отдаюсь въ вашу волю, — сказала, наконецъ, принцесса, — въ вашихъ рукахъ судьба и моего супруга, и моего ребенка... да руководитъ вами провидѣніе и да сохранитъ насъ всѣхъ!

Между тѣмъ жена Минихова сына, не знавшая ничего о томъ, что̀ затѣвалось, сидѣла у герцогини курляндской, и герцогъ просилъ ее передать своему свекру, что какъ только совершится погребеніе тѣла императрицы, герцогъ сдѣлаетъ распоряженіе о выдачѣ фельдмаршалу *нарочитой* суммы для уплаты его долговъ. Съ этой вѣстію невѣстка воротилась домой, и думая, что ея свекоръ уже легъ почивать, оставила до утра передачу ему порученнаго отъ герцога. Такъ повѣствуетъ сынъ Миниха. По его разсказу, фельдмаршалъ пробылъ дома до двухъ часовъ ночи и въ это время поѣхалъ въ зимній дворецъ съ своимъ главнымъ адъютантомъ, подполковникомъ Манштейномъ.

Но по другимъ извѣстіямъ, фельдмаршалъ отъ принцессы, вмѣстѣ съ Левенвольдомъ, отправился къ Бирону, такъ какъ онъ обѣщалъ послѣднему, прощаясь съ нимъ послѣ обѣда, пріѣхать къ нему ужинать.

Во время ужина герцогъ, точно такъ же, какъ и за обѣдомъ, былъ задумчивъ и какъ будто чѣмъ-то озабоченъ. Разговоръ вертѣлся около событій текущаго времени. Вдругъ регентъ, какъ человѣкъ разсѣянный, перескакивающій въ бесѣдахъ съ одного предмета на другой, безъ всякой видимой связи между этими предметами, сдѣлалъ Миниху такой вопросъ: «фельдмаршалъ! вамъ случалось во время вашихъ походовъ предпринимать что-нибудь важное ночью?» Фельдмаршалъ смѣшался; вопросъ былъ очень неожиданъ и такъ близко содержалъ въ себѣ какъ будто намекъ на то, что̀ собирался дѣлать фельдмаршалъ. Однако Минихъ поборолъ свое невольное замѣшательство и сказалъ: «сразу теперь не вспомнишь, чтобы мнѣ приходилось предпринимать что-нибудь необыкновенное въ ночное время, но у меня постоянно было правиломъ, пользоваться всѣми обстоятельствами, когда они кажутся благопріятными».

Въ 11 часовъ друзья разстались. Фельдмаршалъ уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ, часа черезъ два или три, раздѣлаться съ Бирономъ и лишить его регентства, а у Бирона, по увѣренію современниковъ, уже вполнѣ созрѣла мысль — пожертвовать браун-

швейгскою династіею, доставить такъ или иначе престолъ потомству Петра Великаго, и черезъ эту услугу новой царственной вѣтви опять утвердить свое могущество въ Россіи, нѣкогда поднятое милостію покойной Анны Ивановны и въ послѣднее время опускавшееся отъ всеобщей .нелюбви къ нѣмцу-временщику. Герцогъ разсчитывалъ произвести такую перемѣну при похоронахъ императрицы; но это провѣдали враги его и предупредили его замыслы. Фельдмаршалъ Минихъ, по замѣчанію его адъютанта, былъ увѣренъ, что если онъ не низложитъ регента, то послѣдній сошлетъ его въ Сибирь. Такимъ образомъ, Минихъ въ этомъ дѣлѣ спасалъ, какъ говорится, собственную шкуру.

Въ два часа по полуночи явился къ фельдмаршалу, по его приказанію, его главный адъютантъ, подполковникъ Манштейнъ. Оба сѣли въ карету и поѣхали въ зимній дворецъ. Они въѣхали въ заднія ворота, которыя, по приказанію принцессы, оставлены были нарочно незапертыми. Оттуда былъ прямой путь въ покои принцессы Анны. Фельдмаршалъ съ адъютантомъ прошелъ черезъ гардеробную и встрѣтилъ любимую фрейлину принцессы, Юліану Менгденъ. Принцесса легла спать, а Юліана должна была дожидаться пріѣзда Миниха и разбудить ее, когда тотъ явится. Обмѣнявшись нѣсколькими словами съ фельдмаршаломъ, Юліана пошла будить принцессу, которая спала со своимъ супругомъ. Какъ ни старалась Юліана незамѣтно для принца поднять принцессу, но не могла этого сдѣлать. Принцъ, ничего не знавшій, проснулся, но принцесса сказала ему, что ей что-то занемоглось, и что она тотчасъ воротится. Она вышла къ Миниху.

— Ну вотъ,—произнесъ фельдмаршалъ,—пришла настоящая пора совершить задуманное дѣло, но я рѣшаюсь вторично просить ваше высочество ѣхать вмѣстѣ со мною.

— Ни за что, ни подъ какимъ видомъ!—возопила принцесса Анна и осталась въ своемъ упрямствѣ, какъ ни уговаривалъ ее фельдмаршалъ.

— По крайней мѣрѣ,—сказалъ онъ, послѣ долгихъ и напрасныхъ убѣжденій ѣхать съ нимъ,—позвольте позвать къ вамъ на верхъ караульныхъ офицеровъ, извольте лично объявить имъ, что это предпринимается съ вашего желанія! Сдѣлайте имъ отъ себя увѣщаніе, чтобъ они вѣрно во всемъ поступали!

Принцесса на это согласилась. Позвали офицеровъ, державшихъ тогда караулъ во дворцѣ.

— Господа офицеры!—сказала принцесса Анна,—я надѣюсь на васъ, какъ на честныхъ и вѣрныхъ людей; не отрекитесь оказать услугу малолѣтнему императору и его родителямъ. Всѣмъ

извѣстны насильства, чинимыя надо мною и надъ моимъ супругомъ отъ герцога курляндскаго; мнѣ нельзя, мнѣ стыдно терпѣть отъ него оскорбленія. Я поручила фельдмаршалу арестовать его. Храбрые офицеры, повинуйтесь вашему генералу!

Всѣ офицеры въ одинъ голосъ закричали, что готовы слушаться приказаній своего командира. Принцесса обняла Миниха, допустила каждаго изъ офицеровъ поцѣловать ея руку.—Желаю вамъ, господа, благополучнаго успѣха!—произнесла принцесса Анна, провожая офицеровъ съ фельдмаршаломъ.

Фельдмаршалъ съ офицерами вошелъ въ кордегардію, отобралъ себѣ тамъ, по одному извѣстію—тридцать, по другому [1]) —восемьдесятъ человѣкъ, оставивши при знамени сорокъ, и съ отобранными отправился къ лѣтнему дворцу. Герцогъ, оставаясь въ лѣтнемъ дворцѣ до погребенія тѣла императрицы, окружилъ себя стражею изъ трехъ сотъ человѣкъ гвардейцевъ, которые по своему количеству въ состояніи были оградить его отъ всякихъ могущихъ быть покушеній на его ненавистную для многихъ особу, но Минихъ заранѣе узналъ, что въ тотъ день, который онъ избралъ для покушенія, этотъ караулъ состоялъ изъ солдатъ преображенскаго полка; Минихъ самъ былъ этого полка подполковникомъ и надѣялся, что охранители герцога поступятъ по волѣ своего прямого командира. Фельдмаршалъ остановился съ своимъ отрядомъ шаговъ за двѣсти отъ лѣтняго дворца и послалъ Манштейна впередъ къ офицерамъ, стоявшимъ на караулѣ у лѣтняго дворца, объявить имъ предписаніе принцессы Анны и позвать къ нему капитана съ двумя офицерами. Капитанъ и офицеры, выслушавши рѣчь Манштейна, явились тотчасъ къ Миниху, какъ къ подполковнику своего полка, и дали ему слово, что ни одинъ караульный не пошевелится въ защиту герцога, напротивъ готовы сами помочь схватить его.—Вы меня знаете,—говорилъ имъ фельдмаршалъ: я много разъ несъ жизнь свою въ жертву за отечество, и вы славно слѣдовали за мною. Теперь послужимъ нашему государю и уничтожимъ, въ особѣ регента,—вора, измѣнника, похитившаго верховную власть! Тогда фельдмаршалъ приказалъ Манштейну идти, по однимъ извѣстіямъ, съ двѣнадцатью, по другимъ съ двадцатью гренадерами [2]), во дворецъ, взять Бирона и доставить къ нему арестованнымъ, позволяя, въ случаѣ крайняго сопротивленія, и убить его.

Манштейнъ прошелъ черезъ садъ; часовые пропустили его

---

[1]) Записки Миниха-сына, стр. 205—207; записки Манштейна, стр. 199.

[2]) Тамъ же.

безъ сопротивленія и онъ достигъ до покоевъ; въ переднихъ комнатахъ нѣкоторые изъ прислуги знали его лично и теперь узнали, но не стали останавливать, думая, что онъ идетъ зачѣмъ-нибудь по приказанію герцога. Не зная, въ какой именно комнатѣ спитъ герцогъ, Манштейнъ не рѣшался спрашивать объ этомъ ни солдатъ, разставленныхъ на караулѣ, ни служителей, и, прошедши двѣ или три комнаты, наткнулся на комнату, запертую на ключъ; онъ хотѣлъ-было ломать двери, догадываясь, что тутъ, вѣроятно, спальня герцога; но ломать двери не оказалось надобности. Служители забыли задвинуть верхнюю и нижнюю задвижку;—двери можно было распахнуть безъ особенныхъ усилій. Манштейнъ очутился въ большой комнатѣ, посрединѣ которой стояла двухспальная кровать: на ней лежали Биронъ съ своею супругою. Оба такъ крѣпко спали, что не услыхали, какъ вошли къ нимъ. Манштейнъ зашелъ съ той стороны кровати, гдѣ лежала герцогиня, отдернулъ занавѣсъ и громко сказалъ, что у него есть крайне важное дѣло до герцога.

Пробудившіеся внезапно супруги сразу поняли, что совершается что-то недоброе и стали кричать изо всей мочи. Герцогъ соскочилъ съ постели и въ попыхахъ, самъ не зная куда уйти, хотѣлъ спрятаться подъ кровать, но Манштейнъ обѣжалъ кровать, схватилъ герцога, что было силы, и сталъ звать стоявшихъ за дверью своихъ гренадеровъ. Явились гренадеры. Биронъ, успѣвши стать на ноги, махалъ кулаками на всѣ стороны вправо и влѣво, не даваясь въ руки, а самъ кричалъ во все горло, но гренадеры прикладами ружей повалили его на землю, вложили ему въ ротъ платокъ, связали офицерскимъ шарфомъ руки и ноги, и понесли его вонъ изъ спальни полунагого, а вынесши, накрыли солдатскою шинелью, и въ такомъ видѣ унесли въ ожидавшую уже у воротъ карету фельдмаршала. Рядомъ съ нимъ сѣлъ офицеръ.

Герцогиня въ одной рубашкѣ побѣжала за связаннымъ супругомъ и выскочила на улицу. Одинъ солдатъ схватилъ ее на руки и спрашивалъ Манштейна: чтó прикажетъ съ нею дѣлать? —Отведи ее назадъ въ покои,—отвѣчалъ Манштейнъ. Но солдатъ не взялъ на себя труда таскаться съ такою ношею и бросилъ ее на снѣгъ. Караульный капитанъ, увидя ее въ такомъ видѣ, приказалъ принести ей платье, дать надѣть и отвести обратно въ покои, которые она занимала.

Герцога повезли въ зимній дворецъ въ каретѣ фельдмаршала. Мы не знаемъ, съ нимъ ли ѣхалъ тогда самъ фельдмаршалъ и видѣлся ли онъ съ нимъ въ это время? Манштейнъ, между тѣмъ,

по приказанію фельдмаршала, отправился арестовать брата герцогова, генерала Бирона, Густава, но съ нимъ труднѣе казалось справляться. Онъ командовалъ измайловскимъ гвардейскимъ полкомъ и былъ любимъ солдатами. На караулѣ у него въ жилищѣ на Милліонной улицѣ былъ сержантъ съ двѣнадцатью солдатами измайловскаго полка. Они пытались было защищать своего подполковника. Но гренадеры Манштейна заставили ихъ смириться, угрожая всѣхъ перебить, если станутъ сопротивляться. Манштейнъ вошелъ въ спальню Густава Бирона, разбудилъ его, сказавши, что присланъ объявить ему что-то очень важное. Онъ отвелъ его къ окну и сказалъ, что является арестовать его.

Густавъ Биронъ пытался-было отворить окно и кликнуть караулъ, но Манштейнъ сказалъ ему:—это будетъ напрасно; герцогъ уже арестованъ и сами вы погибнете, если задумаете противиться!—Съ этими словами онъ позвалъ солдатъ своихъ, оставшихся въ передней комнатѣ.—Ничего вамъ не остается какъ только покориться!—Густавъ надѣлъ поданную ему шубу, сѣлъ въ сани и его повезли туда же, гдѣ уже былъ его братъ.

Другой адъютантъ фельдмаршала, Кенигфельсъ, догнавшій Миниха тогда, когда онъ уже возвращался съ плѣннымъ Бирономъ, получилъ отъ него приказъ арестовать Бестужева. Когда посланный явился къ послѣднему, Бестужеву почему-то показалось, что это Биронъ послалъ за что-то арестовать его, и спросилъ Кенигфельса: —Что за причина немилости ко мнѣ герцога?— Такъ Бестужевъ, хотя долго казался другомъ Бирона, но довѣрялъ ему очень мало.

Въ то время, когда въ лѣтнемъ дворцѣ совершалось роковое событіе надъ герцогомъ курляндскимъ, въ зимнемъ дворцѣ происходило слѣдующее. Сынъ Миниха, бывшій въ званіи камергера, дежурилъ въ передней передъ спальнею маленькаго императора. Молодой Минихъ задремалъ и, проснувшись, увидалъ, что на кровати у него въ ногахъ сидитъ принцесса Анна.

— Что съ вами, принцесса? — сказалъ Минихъ, замѣтивши на лицѣ принцессы безпокойство и волненіе.

— Мой любезный Минихъ,—сказала принцесса трепещущимъ голосомъ:—знаешь ли, что предпринялъ твой отецъ? Въ эту ночь онъ отправился арестовать регента. Дай только Богъ, чтобъ это благополучно окончилось!

— И я того же желаю,—сказалъ Минихъ:—но вы, принцесса, не тревожьтесь: мой отецъ, конечно, принялъ надежныя мѣры.

Тутъ вошла Юліана Менгденъ и принцесса Анна съ нею пошла въ спальню малолѣтняго императора, а Минихъ сталъ

одѣваться. Чрезъ нѣсколько минутъ вошла снова принцесса съ своимъ супругомъ: уже теперь, наконецъ, она ему открылась, а до того времени не считала нужнымъ дѣлать его соучастникомъ задуманнаго замысла.

Съ невыразимымъ нетерпѣніемъ ждали всѣ они вѣсти, чѣмъ кончится предпріятіе, постоянно колеблясь между страхомъ и надеждою, наконецъ, послышался шумъ, стукъ экипажей, голоса солдатъ и къ принцессѣ съ ея обществомъ вошелъ торжествующій фельдмаршалъ Минихъ.

Арестованныхъ особъ — герцога Курляндскаго, его брата и Бестужева—посадили за карауломъ въ трехъ особыхъ комнатахъ, расположенныхъ одна возлѣ другой.

Послали въ Москву курьера съ приказаніемъ арестовать другого герцогова брата, Карла Бирона, а другого курьера въ Ригу вытребовать оттуда герцогова зятя, генерала Бисмарка, бывшаго тамъ генералъ-губернаторомъ Лифляндіи. Послѣдній поѣхалъ-было въ Петербургъ, но на дорогѣ его арестовали въ Нарвѣ.

Тотчасъ послѣ арестованія герцога былъ составленъ манифестъ о случившемся и на разсвѣтѣ обнародованъ по всей столицѣ.

Именемъ императора позвали во дворецъ Остермана. Но Остерманъ объявилъ, что онъ боленъ и не въ силахъ ѣхать. Принцесса, зная, что Остерманъ всегда болѣетъ, когда свершается какой-нибудь переворотъ въ правительствѣ, шутила тогда, получивши извѣстіе, что Андрей Ивановичъ по болѣзни не можетъ исполнить волю принцессы.

Тогда Минихъ позвалъ Стрешнева, брата жены Остермана, и послалъ его къ Остерману.—Сообщите ему,—поручилъ Стрешневу Минихъ — такіе признаки, которые бы заставили графа Остермана сдѣлать надъ своею болѣзнію усиліе и прибыть къ намъ сюда.—Стрешневъ передалъ это Остерману и присовокупилъ, что собственными глазами видѣлъ арестованнаго Бирона въ караульной зимняго дворца. Это произвело чудесное дѣйствіе. Остерманъ немедленно явился во дворецъ. Недавно еще льстившій Бирону, теперь онъ восхвалялъ подвигъ, совершенный Минихомъ, и приносилъ поздравленія принцессѣ Аннѣ съ освобожденіемъ отъ тиранніи герцога курляндскаго. Замѣчательно, что многіе изъ современниковъ не хотѣли вѣрить, чтобъ Остерманъ заранѣе не зналъ того, что совершилось съ регентомъ. Французскій посланникъ въ Санктпетербургѣ маркизъ де-ля-Шетарди, описавши арестъ Бирона, говоритъ въ своей депешѣ: «болѣзнь графа Остермана сильно, если я не ошибаюсь, способствовала къ лучшему сокрытію тайныхъ мѣръ, которыя онъ принималъ, показывая

видъ, что ни съ кѣмъ не имѣетъ сообщенія. Такъ онъ поступалъ всегда, и вѣрный и смѣлый пріемъ, которымъ нанесенъ ударъ, можетъ быть только плодомъ и слѣдствіемъ политики и опытности графа Остермана». Но не только иностранцы, и природные русскіе, особенно такіе, что не находились слишкомъ близко къ совершавшимся событіямъ, приписывали гр. Остерману главнымъ образомъ сверженіе Бирона. Румянцевъ, находившійся посломъ въ Константинополѣ, получивши извѣстіе о сверженіи Бирона, писалъ Остерману: «не только я здѣсь, но и всѣ въ свитѣ моей сердечное порадованіе возъимѣли, вѣдая, что то мудрыми вашего сіятельства поступками учинено». Съѣхались во дворецъ всѣ знатнѣйшіе чины. Принцесса Анна безъ противорѣчій провозглашена была правительницею государства на время малолѣтства императора до его совершеннолѣтія. Это казалось всѣмъ въ порядкѣ вещей; недаромъ назначеніе регентомъ герцога курляндскаго такъ всѣми не одобрялось и большинство русскихъ находило, что всего приличнѣе, за несовершеннолѣтіемъ государя, управлять его родителямъ, а не постороннему человѣку. Посыпались награды и повышенія. Принцъ Антонъ-Ульрихъ сдѣлался генералиссимусомъ. Это званіе надлежало получить Миниху; но фельдмаршалъ, по совѣту сына, уступилъ эту честь родителю императора, и самъ получилъ званіе перваго министра, хотя оно было уже второе въ имперіи послѣ генералиссимуса, но Минихъ могъ съ этого мѣста управлять всею Россіею. Къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ, приходилось ему столкнуться съ Остерманомъ, который, столько времени заправляя дипломатическими дѣлами, считалъ, что мѣсто перваго министра подобаетъ не кому иному, какъ только ему. Остерману въ утѣшеніе дали санъ главнаго адмирала. Но Остерманъ этимъ не утѣшился: этотъ человѣкъ не любилъ совмѣстника въ управленіи дѣлами Россіи и не мирился съ мыслію быть на второмъ или третьемъ, а не на первомъ мѣстѣ. Онъ чувствовалъ себя какъ бы обезчещеннымъ и, по замѣчанію французскаго посланника, могъ выйти съ такого положенія только посредствомъ паденія Миниха. Князь Алексѣй Черкасскій получилъ санъ великаго канцлера, Михаилъ Головкинъ —вице-канцлера, другіе вельможи были награждены денежными пособіями и Андреевскимъ орденомъ. Всѣ награды расписывалъ Минихъ съ своимъ сыномъ и представилъ принцессѣ Аннѣ, которая утвердила все безъ противорѣчія; даже любимица Анны Леопольдовны, Юліана Менгденъ, не оставлена была безъ гостинцевъ по поводу счастливаго событія: ей подарены были кафтаны герцога курляндскаго и его сына Петра, расшитые золотомъ. Юліана

сорвала золотые позументы и отдала на выжигу, потомъ изъ этого сдѣлано было нѣсколько дорогой посуды. Но этимъ не ограничилась щедрость правительницы: Юліанѣ подарена была мыза подлѣ Дерпта и нѣсколько разъ получала она въ даръ единовременно по нѣсколько тысячъ.

Послѣ объявленія наградъ, въ этотъ же день, 9 ноября, въ закрытыхъ придворныхъ каретахъ, носившихъ названіе спальныхъ (schlafwagen), отправлены были въ Шлиссельбургъ въ заточеніе герцогъ курляндскій, братъ его Густавъ и Бестужевъ. Герцогъ ѣхалъ съ полицейскимъ служителемъ и съ почтальономъ въ царской ливреѣ. На козлахъ сидѣли докторъ и два офицера, каждый съ парою заряженныхъ пистолетовъ; впереди и позади кареты были размѣщены гвардейскіе солдаты съ ружьями, въ которыхъ были примкнуты штыки. Герцогъ сидѣлъ одѣтый въ халатѣ, а сверхъ халата былъ плащъ, подбитый горностаевымъ мѣхомъ. На головѣ у него была шапка, покрывавшая часть лица. Народъ, провожая его, издѣвался надъ нимъ и кричалъ: раскройся, покажись, не прячься!—Изъ оконъ зимняго дворца смотрѣла на этотъ поѣздъ принцесса Анна, и видя своего врага униженнымъ, прослезилась:—Я не то ему готовила,—произнесла она:—онъ понудилъ меня такъ съ нимъ поступить! Еслибъ онъ прежде мнѣ самъ предложилъ правленіе, я бы съ честію отпустила его въ Курляндію.—Жену герцога курляндскаго и сына его въ то же время изъ лѣтняго дворца вывезли въ Александро-невскій монастырь, а на другое утро отправили въ Шлиссельбургъ же. Герцогиня тогда говорила, что прежде смерти себѣ надѣялась, чѣмъ такого поступка отъ Миниха. Биронъ пробылъ въ Шлиссельбургѣ до іюня 12, находясь подъ судебнымъ слѣдствіемъ, а 12 числа этого мѣсяца съ женою, двумя сыновьями, дочерью, пасторомъ, лекаремъ и нѣсколькими служителями отправленъ на вѣчное житье въ Пелымъ, гдѣ ему опредѣлено жить въ домѣ, нарочно для него построенномъ по плану, начертанному Минихомъ.

Минихъ, низложивши регента, казалось, очутился на такой высотѣ власти, на какую только могъ надѣяться взойти. Но положеніе его вовсе не такъ было прочно, какъ можно было заключить по наружнымъ временнымъ признакамъ. Принцъ-генералиссимусъ не могъ поладить съ честолюбивымъ и умнымъ первымъ министромъ. Будучи выше его поставленъ по сану, принцъ тяготился зависимостію по уму отъ перваго министра, жаловался, что Минихъ хочетъ стать чѣмъ-то въ родѣ великаго визиря турецкой имперіи, обвинялъ Миниха въ безмѣрномъ честолюбіи и

необузданности нрава. Но болѣе всѣхъ вредилъ Миниху тогда Остерманъ, который никакъ не могъ выносить, что Минихъ сталъ первымъ министромъ и тѣмъ самымъ взялъ въ свои руки и внутреннюю, и внѣшнюю политику Россіи. Остерманъ сблизился съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ и руководилъ его непріязнію къ Миниху. Онъ нашептывалъ принцу, и потомъ самой принцессѣ-правительницѣ, что Минихъ взялся не за свое, что онъ не въ состояніи вести дѣла внутренней и внѣшней политики, и правительница, не отнимая отъ Миниха сана перваго министра, передала управленіе иностранными дѣлами Остерману, а внутренними князю Черкасскому, такъ что Миниху должны были оставаться, въ его непосредственномъ завѣдываніи, только военныя дѣла, которыми онъ управлялъ и прежде. Кромѣ того, Остерманъ возбуждалъ противъ Миниха и мелкое самолюбіе принца браунтвейгскаго, указывая на несоблюденіе Минихомъ формальностей, касавшихся почитанія съ его стороны принца, какъ высшаго чиномъ.

Между тѣмъ, случилось такое событіе: въ Петербургъ пріѣхалъ отъ прусскаго короля нѣкто Винтерфельдъ, женатый на падчерицѣ Миниха. По его просьбѣ, Минихъ обѣщалъ вмѣсто 6.000 человѣкъ солдатъ въ помощь Пруссіи, какъ было поставлено въ прежнемъ договорѣ, давать 12.000. Вслѣдъ затѣмъ Минихъ заболѣлъ коликою и такъ мучительно, что явилось подозрѣніе у врачей: не отравленъ ли онъ. Во время его болѣзни, продолжавшейся весь декабрь 1740 года, пріѣхали въ Петербургъ вѣнскій посланникъ Ботта и саксонскій гр. Линаръ. Императоръ Карлъ VI уже скончался. Дочь его Марія-Терезія, королева венгерская, по силѣ прагматической санкціи вступила въ наслѣдственныя права послѣ своего родителя и нуждалась въ союзѣ съ Россіею для огражденія правъ своихъ противъ державъ, не одобрившихъ прагматической санкціи, а главное противъ прусскаго короля. Съ посланникомъ ея при петербургскомъ дворѣ былъ за одно гр. Линаръ. Послѣдній еще при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ былъ въ Петербургѣ и сблизился съ принцессою Анною до того, что между ними возникала любовь, но императрица, провѣдавъ объ этомъ и желая отдать племянницу за браунтвейгскаго принца, удалила Линара. Теперь онъ являлся снова и тѣмъ легче могъ возъимѣть силу надъ правительницею, что она не любила своего мужа. Принцесса на этотъ разъ вознамѣрилась своего прежняго возлюбленнаго женить на своей вѣрной и преданной Юліанѣ Менгденъ. Бракъ, впрочемъ, не совершился ранѣе августа мѣсяца того же 1741 года; злые

языки говорили, что Юліана была только ширмою, прикрывавшею любовь между правительницею и Линаромъ. Какъ бы тамъ ни было, но Ботта и Линаръ легко успѣли устроить дѣло, противное Миниху: Остерманъ, такъ сказать, на пакость противнику, заключилъ договоръ Россіи съ Австріею, по которому Россія обязывалась помогать Австріи противъ прусскаго короля, замыслившаго овладѣть Силезіею. Князь Черкасскій, вице-канцлеръ Головкинъ пристали къ Остерману. Когда договоръ съ Австріею состоялся, оправившійся отъ недуга Минихъ явился къ правительницѣ. Она встрѣтила его уже совсѣмъ не съ прежнимъ довѣріемъ и сказала: «вы, фельдмаршалъ, всегда расположены къ прусскому королю, но мы не должны допускать его нападать на союзную намъ державу. Мы не будемъ съ нимъ воевать, а только остановимъ его: какъ только двинемъ мы войска наши съ намѣреніемъ защищать венгерскую королеву, дочь императора, онъ немедленно выведетъ свои войска изъ Силезіи».

— Ваше высочество!—сказалъ Минихъ:—я нахожу отвратительнымъ договоръ, направленный къ тому, чтобы лишить престола и владѣній государя, который, подобно его предшественникамъ, съ начала этого столѣтія бывшимъ вѣрнѣйшими союзниками Россіи, особенно Петра Великаго, остается такимъ же. Россія въ продолженіе сорока лѣтъ вела тягостныя войны и нуждается въ мирѣ для приведенія въ порядокъ внутреннихъ государственныхъ дѣлъ. Когда вступитъ въ правленіе сынъ вашъ, я и все министерство вашего высочества должны будемъ ему отдать отчетъ, если начнемъ новую войну съ Германіею, тогда какъ намъ еще грозитъ война со стороны Швеціи. Вѣнскій дворъ хочетъ, чтобы ему предоставили въ распоряженіе тридцать тысячъ русскаго войска, и не упоминаетъ ни однимъ словомъ, на что будутъ употреблены эти силы и какъ будутъ содержаться. Я уже упоминалъ Боттѣ, что въ послѣднюю турецкую войну въ Вѣнѣ не спѣшили оказывать Россіи помощь согласно договору. И мнѣ удивительно—неужели Австрія чувствуетъ себя въ крайности, когда ея противникъ, король прусскій, дѣйствуетъ противъ нея съ двадцатью тысячами войска? Видно, что трудно удерживать въ своемъ владычествѣ страну, которой жители сами добровольно поддаются непріятелю.—Представленія фельдмаршала не были приняты. Правительница обходилась съ нимъ не только сухо, но надменно и за каждымъ представленіемъ его предъ ея особу давала ему понять, что она безъ него можетъ обойтись. Минихъ подалъ въ отставку. И передъ тѣмъ нѣсколько разъ онъ порывался сдѣлать этотъ шагъ, но останавливался, а теперь

рѣшился безповоротно порвать съ тогдашнимъ русскимъ правительствомъ и, можетъ быть, съ Россіею, которой такъ блистательно послужилъ. Правительница изъ долга вѣжливости еще разъ просила Миниха не оставлять службы Россіи, говоря, что его совѣты будутъ для ней полезны, а Минихъ, пользуясь этимъ, сталъ убѣждать ее не заключать съ Австріей союза противъ Пруссіи; тогда правительница неожиданно сказала ему, что если онъ находитъ для себя нужнымъ, ему дастся отставка, и тутъ Минихъ увидалъ, что его считаютъ лишнимъ. Затѣмъ по приказанію правительницы сынъ фельдмаршала и Левенвольде объявили ему, что правительница не желаетъ долѣе откладывать его увольненіе. Но рѣшившись на такой рѣшительный шагъ, и правительница, и ея супругъ сильно боялись, чтобы Минихъ не воспользовался хотя бы самымъ короткимъ временемъ и не произвелъ бы переворота съ помощью гвардейскихъ полковъ. Уже солдаты недавними успѣшными поступками научились свергать существующія власти и возводить новыя. Къ большему страху правительницы и ея супруга Биронъ, надъ которымъ въ Шлиссельбургѣ происходило слѣдствіе, показывалъ, что Минихъ особенно понудилъ его, Бирона, принять регентство, а самъ же потомъ низвергнулъ его. Биронъ изъ своего заточенія давалъ правительницѣ понять, что Минихъ можетъ низвергнуть и ее, стоитъ только ей разъ исполнить не такъ, какъ ему хочется— онъ будетъ мстить! Минихъ получилъ отставку; но брауншвейгскіе супруги не переставали его бояться, до того, что не смѣли ночевать въ одномъ и томъ же покоѣ нѣсколько ночей сряду. Минихъ, однако, не думалъ предпринимать никакихъ переворотовъ; онъ уѣхалъ въ свою дачу Гостилицы. Правительница, опасаясь мщенія Миниха, въ то же время думала расположить его и милостивымъ вниманіемъ: она назначила ему 15,000 р. годичнаго пенсіона, подарила ему имѣніе въ Силезіи Вартенбергъ, принадлежавшее Бирону и конфискованное у послѣдняго, и Минихъ со всѣхъ своихъ имѣній получалъ дохода — включая сюда и данный ему годичный пенсіонъ — до 70,000 руб. Такимъ образомъ, удаливши опаснаго фельдмаршала, правительница думала ублаготвореніями оградить себя отъ него. Но опасность угрожала ей совсѣмъ съ другой стороны.

Есть извѣстіе, что Минихъ не только не затѣвалъ ничего дурного противъ тогдашняго русскаго правительства, но собирался уѣхать навсегда изъ Россіи и поступить на службу прусскаго короля Фридриха II. Несомнѣнно, что послѣдній готовъ былъ съ распростертыми объятіями принять знаменитаго вое-

начальника, прославившаго Россію своими побѣдоносными подвигами. Говорятъ, что Минихъ откладывалъ свою поѣздку, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, пока, наконецъ, переворотъ, постигшій Россію въ ноябрѣ 1741 года, повернулъ иначе судьбу фельдмаршала. Но тутъ происходитъ сомнѣніе: искренно ли Минихъ думалъ покинуть Россію или только пугалъ правительницу, надѣясь, что она сама станетъ просить его и убѣждать не оставлять ее и, наконецъ, помирится съ нимъ. Намъ, кажется, вѣроятнѣе послѣднее предположеніе. Минихъ уже слишкомъ сжился съ Россіею, съ нею была связана его слава, а онъ самъ составлялъ славу Россіи. Солдаты прозвали его соколомъ яснымъ, ему давали кличку столпа имперіи. Едва ли возможно, чтобы этотъ человѣкъ, безъ послѣдней крайности, сталъ искать другого отечества! Мы увидимъ и далѣе, когда, послѣ двадцати-лѣтняго заточенія, онъ получилъ свободу, то безпрестанно твердилъ, что уѣдетъ за границу кончать жизнь на своей родинѣ и, однако, не поѣхалъ, хотя уже никто не препятствовалъ ему ѣхать. Точно также, и въ 1741 году, онъ только говорилъ, что уѣдетъ и будетъ служить прусскому королю, но не уѣхалъ, и не уѣхалъ бы, еслибы ему даже не пришлось ѣхать въ Сибирь.

Минихъ, уговаривавшій правительницу предпочесть союзъ съ Пруссіею и съ Франціею союзу съ римскимъ императоромъ и его союзниками, оказался правъ, потому что былъ проницательнѣе другихъ. Для русскаго правительства было въ то время выгоднѣе и безопаснѣе находиться въ дружбѣ съ Пруссіею и съ Франціею, чѣмъ подавать имъ поводъ вредить ему. Французскій посланникъ де-ля-Шетарди, дѣйствуя по интересамъ своей державы и союзныхъ съ нею державъ, сыпалъ золотомъ и устраивалъ заговоръ—возвести на престолъ цесаревну Елисавету и низвергнуть брауншвейгскую династію. Конечно, еслибы правительница послушалась Миниха и союзомъ съ прусскимъ королемъ оградила себя отъ тайныхъ покушеній французскаго посла и вмѣстѣ съ нимъ заодно дѣйствовавшаго шведскаго, то этихъ козней бы не было и она могла бы удержать за собою власть. Но правительница и ея супругъ довѣрились въ политикѣ посольству императорскому въ лицѣ графа Ботты д'Адорно и польско-саксонскому въ особѣ Линара, и не хотѣли замѣчать ямы, которая рылась подъ ними, и притомъ не очень незамѣтно. Эта яма вырыта была удачно, и въ ночь съ 24 на 25 ноября совершился извѣстный переворотъ, поставившій на престолъ Елисавету Петровну.

Въ эту ночь хирургъ Елисаветы Лестокъ отправилъ отряды,

каждый въ 25 человѣкъ, для арестованія помѣченныхъ лицъ. Въ запискахъ Шетарди сообщается, что солдаты, прибывшіе арестовать Миниха, обращались грубо съ бывшимъ фельдмаршаломъ, котораго въ войскѣ будто не любили. Это извѣстіе противорѣчитъ другимъ, сообщающимъ единогласно, что, напротивъ, его подчиненные всегда уважали и любили; во время своей власти онъ внушалъ благоговѣйный страхъ, а въ эпоху своего паденія—участіе и состраданіе, неразлучное съ уваженіемъ.

Всѣхъ арестованныхъ на другой день въ 6 часовъ утра препроводили въ крѣпость и тутъ началось судебное слѣдствіе надъ ними, представляющее вопіющій образчикъ безправія, рельефно выступающій своимъ безобразіемъ въ исторіи, какъ ни богата, вообще, исторія всѣхъ временъ и странъ примѣрами неправедныхъ осужденій. Изъ всѣхъ тогда обвиненныхъ Минихъ былъ невиннѣе всѣхъ, такъ какъ онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ былъ въ отставкѣ и не занимался государственными дѣлами. Вся вина его состояла въ томъ, что онъ вѣрно служилъ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, а по смерти ея, назначенному отъ нея преемнику, и не показывалъ расположенія возвести на престолъ Елисавету Петровну. Кромѣ политическихъ государственныхъ преступленій его обвиняли въ преступленіяхъ по занимаемой имъ должности фельдмаршала: онъ умышленно выводилъ въ чины своихъ соотчичей нѣмцевъ, не давая хода природнымъ русскимъ; это обвиненіе само собою уничтожалось; стоило только вспомнить, что не кто иной, какъ Минихъ, упразднилъ установленное Петромъ Первымъ правило давать служащимъ въ войскѣ иностранцамъ двойное жалованье противъ русскихъ, носившихъ одинакіе съ первыми чины. Его обвиняли также въ жестокости произносимыхъ имъ приговоровъ, когда не обращалось вниманія на высокую породу обвиняемаго и люди родовитые подвергались одинакой карѣ съ людьми простого происхожденія. Его обвиняли въ казнокрадствѣ; а предсѣдательствующимъ коммиссіи, учрежденной для суда надъ государственными преступниками, былъ князь Никита Трубецкой, который два раза своею неисправностью въ своевременномъ подвозѣ провіанта и боевыхъ запасовъ причинялъ войску большія затрудненія и только, благодаря дружескому расположенію Миниха, избѣжалъ военнаго суда. Минихъ въ свое оправданіе ссылался на рядъ донесеній, сохранявшихся въ воинской коллегіи и закончилъ свою рѣчь такими словами:—Предъ судомъ Всевышняго мое оправданіе будетъ лучше принято, чѣмъ предъ вашимъ судомъ! Я въ одномъ только внутренно себя укоряю—зачѣмъ не повѣсилъ

тебя, когда ты занималъ должность генералъ-кригсъ-коммиссара во время турецкой войны, и былъ обличенъ въ похищеніи казеннаго достоянія. Вотъ этого я себѣ не прощу до своей смерти.

Императрица Елисавета сидѣла за ширмами, поставленными въ той же комнатѣ, гдѣ происходилъ допросъ, и невидимо для всѣхъ, присутствовала при судѣ надъ своими павшими противниками. Услыхавши то, что произнесъ Минихъ, она приказала прекратить судебное засѣданіе и отвести Миниха въ крѣпость.

18-го января 1742 года на Васильевскомъ Острову, противъ зданія двѣнадцати коллегій (гдѣ нынѣ университетъ) былъ воздвигнутъ эшафотъ о шести ступеняхъ. Кругомъ стояли вооруженные гвардейцы и солдаты астраханскаго полка, образуя карре и удерживая тѣснившуюся толпу. Множество народа обоего пола и разныхъ возрастовъ спѣшило отвсюду глазѣть на зрѣлище казни особъ, такъ недавно бывшихъ знатными и сильными. Былъ ясный морозный день. Осужденныхъ доставили въ 10 часовъ. На простыхъ крестьянскихъ дровняхъ везли Остермана, одѣтаго въ халатъ,—по болѣзни ногъ онъ не могъ идти. Прочіе осужденные шли пѣшкомъ. Всѣ показывали унылый видъ, были неряшливо одѣты и—сидя въ тюрьмѣ долгое время, обросли бородами. Одинъ Минихъ имѣлъ бодрый видъ, былъ выбритъ, одѣтъ въ сѣрое платье, поверхъ котораго накинутъ былъ красный плащъ. Идя изъ крѣпости, онъ разговаривалъ съ офицерами, провожавшими его, вспоминалъ, какъ часто во время войны находился близко къ смерти, и говорилъ, что по давней привычкѣ, и теперь безъ всякой боязни встрѣтитъ ее.

Прежде сняли съ дровень Остермана, посадили на носилки и взнесли на эшафотъ. Тамъ уже ожидали его страшныя орудія мучительной казни. Прочитанъ былъ длинный приговоръ на пяти листахъ: осужденный прослушалъ его съ открытой головой и съ усиліемъ держась на ногахъ. Его приговаривали къ колесованію, но тотъ же секретарь, произнесшій въ чтеніи эту жестокую участь преступнику, вслѣдъ затѣмъ произнесъ, что государыня, по своей милости и состраданію, смягчаетъ казнь эту, замѣняя ее отрубленіемъ головы. Уже Остермана подвели къ плахѣ; уже палачъ отстегнулъ воротъ его шлафрока и рубахи, уже взялъ въ руки топоръ, вдругъ секретарь, читавшій приговоръ, возвѣщаетъ слова императрицы, что, по природному матернему милосердію и по дарованному ей отъ Бога великодушію, вмѣсто смертной казни всѣхъ осужденныхъ сослать въ заточеніе. Палачъ по прочтеніи о пощадѣ его жертвы съ пренебреженіемъ толкнулъ Остермана ногою, хворый старикъ пова-

лился и былъ посаженъ на носилки солдатами.—Пожалуйте мнѣ мой парикъ и колпакъ!—сказалъ онъ, застегая вороты своей рубашки и своего халата. Это были единственныя слова, слышанныя изъ его устъ на эшафотѣ.

За нимъ черёдъ приходилъ Миниху, и онъ взошелъ на возвышеніе, съ котораго читался приговоръ. Его бодрый и живой взглядъ, его сіяющее старческою красотою лицо, его благородная осанка всѣмъ напомнила того фельдмаршала, который являлся на челѣ храбраго войска, воодушевляя его духъ однимъ своимъ видомъ. Но ему нечего было тамъ оставаться. Онъ сошелъ, другихъ не возводили на возвышеніе и отправили всѣхъ въ крѣпость. На другой день послѣдовала отправка осужденныхъ въ мѣста ихъ заточенія: Остермана—въ Березовъ, Миниха—въ Пелымъ, Головкина—въ Ярмангъ, иначе Среднеколымскъ, Менгдена—въ Нижнеколымскъ, Левенвольда—въ Соликамскъ, Темерязева и Яковлева—въ Тобольскъ, потомъ перваго перевели въ Мангазею. Наблюдать за этимъ поручено было Якову Петровичу кн. Шаховскому, оставившему любопытныя записки о своемъ времени, представляющія нѣкоторыя черты и объ этомъ событіи. Женамъ осужденныхъ дозволено было, по волѣ императрицы, или слѣдовать за мужьями, или со всѣми правами состоянія оставаться на прежнихъ мѣстахъ жительства. Онѣ послѣдовали за своими супругами. Остерманъ, по извѣстію Шаховского, лежалъ и вопилъ отъ боли въ ногахъ, пораженныхъ подагрою. Онъ съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что имѣлъ несчастіе прогнѣвать всемилостивѣйшую государыню и просилъ кн. Шаховского довести до императрицы его просьбу о милостивомъ и великодушномъ покровительствѣ его дѣтямъ. Бывшій министръ хорошо зналъ, что его слова тутъ же запишутся и представятся высочайшей особѣ, чтó и случилось. Кн. Шаховской приказалъ офицеру, командируемому съ нимъ для отвозу, чтобы солдаты его команды подняли несчастнаго старца съ постелью и бережно положили въ сани. «О женѣ же его, при семъ случаѣ находившейся, кромѣ слезъ и стенаній описывать не имѣю», замѣчаетъ кн. Шаховской.

Тутъ подошелъ къ нему офицеръ, который долженъ былъ везти Миниха. До той казармы, гдѣ сидѣлъ разжалованный фельдмаршалъ, было не близкое разстояніе, и кн. Шаховской имѣлъ возможность, идучи къ нему, вдоволь надуматься о суетѣ земного величія. «Въ такихъ смятенныхъ моихъ размышленіяхъ пришелъ я къ той казармѣ, гдѣ оной бывшій герой, а нынѣ наизлосчастнѣйшій находился, чая увидѣть его горестью и смя-

теніемъ пораженнаго», говоритъ кн. Шаховской. «Какъ только во оную казарму двери предо мною отворились, то онъ, стоя у другой стѣны возлѣ окна ко входу спиною, въ тотъ мигъ поворотясь, въ смѣломъ видѣ съ такими быстро растворенными глазами, съ какими я имѣлъ случай неоднократно въ опасныхъ съ непріятелемъ сраженіяхъ порохомъ окуриваемаго видать, шелъ ко мнѣ на встрѣчу, и приближась, смѣло смотря на меня, ожидалъ, что̀ я скажу. Сіи мною примѣченные сего мужа геройскіе и противъ своего злосчастія оказуемые знаки возбуждали во мнѣ желаніе и въ томъ случаѣ оказать ему излишнее предъ другими такими-жъ почтеніе, но какъ то было бы тогда неприлично и для меня бѣдственно, то я сколько возмогъ, не перемѣняя своего вида такъ же какъ и прежнимъ двумъ, уже отправленнымъ, все подлежащее ему въ пристойномъ видѣ объявилъ и довольно примѣтилъ, что онъ болѣе досаду, нежели печаль и страхъ на лицѣ своемъ являлъ. По окончаніи моихъ словъ, въ набожномъ видѣ поднявъ руки и возведъ взоръ свой къ небу, громко сказалъ онъ:—когда уже теперь мнѣ ни желать, ни ожидать ничего иного не осталось, такъ я только принимаю смѣлость просить, дабы, для сохраненія отъ вѣчной погибели души моей, отправленъ былъ со мною пасторъ,—и притомъ поклонясь съ учтивымъ видомъ, смѣло глядя на меня, ожидалъ дальнѣйшаго повелѣнія: на то я сказалъ ему, что о семъ, гдѣ надлежитъ, отъ меня представлено будетъ. А какъ все уже къ отъѣзду его было въ готовности и супруга его, какъ бы въ какой желаемый путь въ дорожномъ платьѣ и капорѣ, держа въ рукѣ чайникъ съ приборомъ, въ постоянномъ видѣ скрывая смятеніе своего духа, была уже готова, то немедленно такимъ же образомъ какъ и прежніе въ путь свой они отъ меня были отправлены.

Миниху назначили мѣстомъ заточенія Пелымъ, сибирскій городокъ, куда прежде отправили сверженнаго регента Бирона, по указанію князя Алексѣя Черкасскаго, которому былъ извѣстенъ сибирскій край, такъ какъ, прежде поступленія своего въ санъ кабинетъ-министра, онъ былъ сибирскимъ губернаторомъ. Минихъ самъ начертилъ планъ дома, опредѣленнаго на житье сосланному любимцу императрицы Анны Ивановны. Ему пришлось теперь ѣхать туда, куда онъ надѣялся засадить на всю жизнь своего соперника. Это подало поводъ къ легендѣ, будто Миниху суждено было проживать въ этомъ самомъ домѣ; но это невѣрно исторически. Домъ, построенный для Бирона, сгорѣлъ прежде доставленія въ Пелымъ бывшаго фельдмаршала. Когда Миниха

везли въ ссылку, Биронъ, по указу императрицы, возвращался изъ ссылки въ Ярославль, назначенный ему для житья вмѣсто отдаленнаго Пелыма. Враги встрѣтились при перемѣнѣ почтовыхъ лошадей въ предмѣстіи города Казани, сняли другъ передъ другомъ шляпы, поклонились одинъ другому и поѣхали каждый въ свою сторону, не обмѣнявшись ни однимъ словомъ между собою. Миниха помѣстили въ воеводскомъ домѣ, построенномъ посреди деревяннаго острога. Положеніе, въ какомъ очутился бывшій фельдмаршалъ, недавній первый министръ россійской имперіи, была не простая ссылка, а тяжелое тюремное заточеніе. Онъ не смѣлъ никуда выходить дальше острожной стѣны, которою отдѣлено было его жилище отъ остальнаго міра. Хотя съ нимъ поѣхала довольно немалочисленная прислуга, пасторъ и врачъ, но только они исключительно могли ходить въ городъ, состоявшій въ то время изъ небольшого числа обывательскихъ домовъ. Въ 1746 году писалъ узникъ къ своему брату, избѣгнувшему ссылки и остававшемуся при дворѣ съ прежнимъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, барону Миниху: въ своемъ письмѣ онъ оставилъ наглядное описаніе своего горемычнаго житья [1]).

[1]) „Для спасенія нашихъ душъ у насъ по милости ея императорскаго величества господинъ пасторъ Мартенсъ понынѣ находится, съ которымъ мы по вся дни по утру и вечеру съ нашими нѣмецкими служителями Божію службу отправляемъ и съ особливымъ благоговѣніемъ святыя свои книги читаемъ, святое причастіе мы принимаемъ, сколь скоро мы онаго душевно алчемъ и жаждемъ, и такожъ мы о высокомъ здравіи ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ Бога усердно молимъ. Наше состояніе здравія мое и любезной жены моей нарочито; и состоитъ мой утренній и вечерній хлѣбъ въ жесткомъ сухарѣ, который лучше молотомъ разбивать, нежели разломать можно. А изъ нашихъ служителей поваръ Брандъ почти непрестанно болѣнъ. Находится при насъ здѣсь не безъискусный лекарь, и мы ежегодно на тридцать и на сорокъ рублей изъ катеринбургской аптеки лекарства за наши деньги беремъ; за болѣзнью же онаго повара наша кухня не очень исправна и только одинъ мальчишка стряпаетъ, а насъ по вся дни обѣдаетъ съ караульнымъ офицеромъ ординарно четырнадцать, а частію и шестнадцать персонъ съ робятами. Наша квартира въ здѣшнемъ воеводскомъ домѣ посреди высокой деревянной крѣпости, которая въ квадратѣ отъ семидесяти до восьмидесяти шаговъ, а для людей нашихъ одна изба по прошенію нашему отъ караульнаго офицера, а другая на наши деньги построены, а притомъ плохой погребъ, въ которомъ зимою, дабы питье не мерзло, непрестанно уголье горящее держать принуждены. Нашъ выглядъ во всѣ стороны на тридцать или сорокъ шаговъ—высокая деревянная стѣна крѣпости, на которую уже смотрѣть мы такъ привыкли какъ напредъ сего на изрядныя палаты въ Петербургѣ.

„Мѣсто въ крѣпости болотное, да я ужъ способъ нашелъ на трехъ сторонахъ, куда солнечные лучи падаютъ, маленькій огородъ съ частными балясами устроить. Такой же пасторъ и Якобъ, служитель нашъ, которые позволеніе имѣютъ предъ во-

Двадцатилѣтнее пребываніе Миниха въ Пелымѣ составило важную переломную эпоху въ жизни этого человѣка. Самъ онъ сознавался, что былъ слишкомъ увлеченъ суетою жизни, въ которой до тѣхъ поръ вращался; ударъ, постигшій его, обратилъ его сердце къ Богу и онъ въ своемъ несчастіи и униженіи нашелъ душевный миръ и спокойствіе. Онъ, по собственному увѣренію, никогда въ продолженіе двадцатилѣтняго своего заточенія не

рота выходить, въ состояніе привели, въ которыхъ огородахъ мы въ лѣтнее время сажденіемъ и сѣяніемъ моціонъ себѣ дѣлаемъ, сами столько пользы пріобрѣтаемъ, что мы, хотя многое за стужею въ совершенный ростъ или зрѣлость не приходитъ, при рачительномъ раздѣленіи чрезъ весь годъ тѣмъ пробавляемся; ибо здѣсь въ Пелымѣ, который едва въ двадцати домахъ состоитъ, у обывателей (кои стрѣляніемъ соболей и оленей питаются) ни гороху, ни бобовъ, ни луку, ни редки, ниже какихъ травъ или капусты, такожъ ни фунта мяса, масла коровья, крупъ или муки, ни пива, ни хлѣба, или что инако къ домостройству потребно купить, достать неможно, но офицеръ принужденъ все чрезъ солдатъ по деревнямъ сыскивать у крестьянъ или изъ Тобольска за 700 верстъ отсюда не безъ трудности, вреда и иждивенія (для того, что иное отъ жару или морозу портится или подмачивается) привозить. Въ нашихъ огородахъ мы въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ небезопасны отъ великихъ ночныхъ морозовъ, и потому мы, что иногда мерзнуть можетъ, рогожами рачительно покрываемъ. Причемъ же еще и сіе великое безпокойство есть, что чрезъ всѣ вышереченные три мѣсяцы лѣтній воздухъ заразительными мухами или такъ называемыми мошками, которыхъ едва глазами видѣть можно, такъ наполненъ, что носъ, глаза и уши зажимать или непрестанно отмахиваться въ рукавицахъ быть надобнс, отъ проглоченія такихъ мошекъ дыхать нельзя; которая малая ядовитая гадина рогатому скоту такимъ множествомъ въ ноздри набивается, что оттого та скотина ѣсть не можетъ, временемъ умираетъ; такъ когда прохладительный вѣтеръ не вѣетъ, разгоняющій тѣ мошки, то люди, скотина и лошади въ домахъ быть принуждены! Сіе мѣсто такъ болотами и лѣсами окружено, что лѣтомъ никакая телега сухимъ путемъ проѣхать не можетъ, но только водою по рѣкѣ Тавдѣ, коя въ Тоболь впадаетъ, вверхъ по водѣ, что либо потребное перевозить судами можно, а все хожденіе судовъ состоитъ въ одномъ стругѣ, который въ іюлѣ мѣсяцѣ съ коронною солью для здѣшняго воеводства ежегодно приходитъ и при которомъ случаѣ изъ Тобольска нѣчто доставать можно. Въ февралѣ мѣсяцѣ, въ деревнѣ Ирбитъ имянуемой, разстояніемъ отсюда около четырехсотъ верстъ, ежегодно великая ярмарка бываетъ, на которую купцы со всѣхъ сторонъ изъ Россіи и притомъ изъ китайскихъ границъ, такожъ изъ сосѣднихъ татаръ и калмыкъ съѣзжаются, и на сей главной ирбитской ярмаркѣ все то, что для одежды и пищи потребно, достать можно и офицеръ попеченіе прилагаетъ, чтобъ мы, сколько наша казна дозволяетъ, всѣмъ потребнымъ всегда на цѣлый годъ снабдѣны были.

„Чрезъ всю долгую зиму жены моей такое упражненіе есть, что она своими руками все то шьетъ, чтó намъ бѣлья на столъ, постель и наше тѣло надобно, и старое вновь передѣлать она трудится; мое жъ упражненіе состоитъ въ томъ, что я по латинѣ учусь, въ чемъ я къ превеликому моему удовольствію столько предъуспѣлъ, что я нашего пастора латинскія книги, а именно библію и церковныя исторіи читаю, и книгу, именуемую потребнаго общаго соединенія (съ которой я начало учинилъ и тѣмъ желаніе по латинѣ въ моей уже старости учиться во мнѣ возбудилось) почти

унывалъ, но всегда былъ въ ясномъ расположеніи духа. «Я (писалъ онъ однажды брату) отъ Христа удалился, гласа его не слушалъ, нынѣ же онъ, милосердый, меня отъ грѣховнаго сна воздвигнулъ; въ Пелымѣ я научился лучше съ Лазаремъ въ убожествѣ нежели съ богатымъ мужемъ въ славѣ и радости жить». Онъ и прежде, съ самаго отрочества, нечуждъ былъ лютеранскаго благочестія. «Я всегда—писалъ онъ уже въ послѣднихъ дняхъ своей жизни—въ продолженіе семидесяти лѣтъ ста-

---

наизустъ вничилъ. Мой моціонъ зимою такой есть, чтобъ огородныя сѣмена вытрясывать и чистить и сѣти вязать, дабы тѣмъ во время лѣта навозныя и другія огородныя грады отъ птицъ, куръ и кошекъ прикрывать, якожъ мышекъ при мышьихъ пастяхъ, кои во всѣхъ углахъ разставлены въ нарочитомъ числѣ, да въ нашей собственной каморѣ двухъ содержимъ, чтобъ насъ мыши, которыхъ мы руками о стѣну до смерти бьемъ, купно съ нашимъ запасомъ не пожрали и тако полныя жены моей упражненія только между молитвенными часами чинятся, слѣдовательно же, мой сердечный братъ, по истинѣ могу васъ обнадежить, что намъ нынѣ пятый годъ въ нашей ссылкѣ еще ни единаго часа времени долго не казалось. Что-жъ до экономіи и казны нашей касается, то получаемъ мы всемилостивѣйше опредѣленныя отъ ея императорскаго величества деньги для нашего содержанія исправно по вся мѣсяцы напередъ, и понеже оныхъ для насъ стариковъ на день каждому по рублю, а каждому служителю по 3 рубля на мѣсяцъ да пастору 150 рублей въ годъ особливо дается, то чаятельно думаютъ (когда о Сибири слышатъ, какъ тамо все такъ дешево, что почти даромъ безъ денегъ здѣсь жить можно), что у насъ отъ того нѣчто остается; но когда, напротивъ того, въ разсужденіе пріемлется, что мы нашимъ служителямъ (кои часто негодуютъ) для содержанія ихъ въ веселости и негрущеніи опредѣленные имъ каждому на мѣсяцъ на мытье и другія потребности наличными деньгами даватъ приказываемъ и притомъ ихъ сами кормимъ и одѣваемъ, а за одежу весьма дорого платить принуждены, и все сіе намъ надобно дорогою цѣною съ платежемъ за провозъ и съ богатымъ награжденіемъ за покупку изъ Тобольска и Ирбита сюда доставлять принуждены, для служанкина ребенка дѣвку держимъ, одному работнику, который въ кухню воду носитъ и скотину кормитъ, на мѣсяцъ по полтора рубля, портомоямъ же за печенье, варенье и доенье коровъ по два рубля и за каждую сажень короткихъ дровъ (которыхъ при жестокой и долговременной зимѣ на кухню и шесть печей зѣло много исходитъ) по 20 коп. платимъ, то мы при ирбитской ежегодной крайнѣше нужной покупкѣ никакъ пробыть не можемъ, чтобъ отъ 200 до 300 рублей въ кредитъ не взять, еже безъ иждивеній учиниться не можетъ; при такихъ нашихъ обстоятельствахъ, какъ съ нами Богъ опредѣлить изволитъ, мы однако-жъ сердечно довольны.

„Непріятнѣйшее здѣсь то есть, что здѣшнія рѣки во вся зимы такъ жестоко замерзаютъ, что рыба, не имѣя въ нихъ никакого воздуха, множествомъ до смерти замерзаетъ, которая весною при берегахъ до того времени лежитъ, пока ее вороны и галки поѣдятъ, и вода, которая и безъ того болотная, паки очистится, и какъ въ сей околичности никакихъ родниковъ или источниковъ не находится, то принуждены тою водою пробавляться. Такъ названое здѣшнее пиво въ горшкахъ въ обыкновенныхъ печахъ черныхъ избъ солдатскими бабами варится, ибо здѣшніе обыватели никакого пива не пьютъ и никакой посуды къ варенію не имѣютъ, и тако одно худо, а другое еще и хуже. Но служитель нашъ Якобъ для насъ медъ варитъ, который

раюся каждый день сдѣлать что-нибудь во славу всемогущаго на пользу ближняго и, если мнѣ это удается, ввечеру того-жъ дня я чувствую истинную радость. Я не думаю сдѣлать этимъ чего-нибудь, за что бы я могъ ожидать награды, но единственно стараюсь, исполняя долгъ свой, находить въ сердцѣ миръ и чистыя невинныя удовольствія». Теперь онъ преимущественно посвятилъ себя религіозному созерцанію. Ежедневно у него отправлялось два молитвословія: одно утреннее отъ 11 до 12, другое послѣ полудня отъ 6 до 7 часовъ; его нѣмецкіе служители при этомъ всѣ присутствовали. Исполнялъ все это пасторъ, а послѣ, когда пастора не стало, самъ Минихъ. Въ праздники утромъ читали обычное евангеліе, по полудни апостольское писаніе, что приходилось въ данный праздничный или воскресный день по уставу лютеранскаго богослуженія. Его чрезвычайно дѣятельная природа не выносила духовнаго бездѣйствія. Онъ началъ составлять проекты, то военные, то строительные, но къ большому его несчастію ему не давали ни бумаги, ни чернилъ. Узникъ заявилъ, что желаетъ письменно сообщить что-то важное государынѣ. Это заявленіе пошло въ сенатъ, представлено было императрицѣ и она дозволила Миниху временно дозволить писать, что онъ находитъ нужнымъ представить правительству. Тогда Минихъ принялся писать и посылать въ Петербургъ одинъ

ии за каждымъ обѣдомъ три здравія, а именно ея императорскаго величества, обоихъ ихъ императорскихъ высочествъ, и тѣхъ, кои объ насъ помнятъ, пьемъ, а въ высокіе праздники чинится оное французскимъ виномъ, въ которые мы и наши два рубля солдатамъ даемъ, дабы они про здравіе ея императорскаго величества повеселяться, а равно какъ и мы за тотъ хлѣбъ, который ея величество намъ по милости своей жалуетъ, съ удовольствіемъ ихъ нижайшую благодарность засвидѣтельствовать могли. И такъ я на преблагого Бога твердо уповаю, что безъ воли его моего отца небеснаго ни власъ съ головы моей не погибнетъ, и въ такомъ моемъ упованіи онъ меня не оставитъ, въ чемъ во всемъ я совершенно на него и его праведныя судьбы полагаюсь".

По преданіямъ, собраннымъ въ Пелымѣ отъ старожиловъ лѣтъ пятьдесятъ слишкомъ тому назадъ, Минихъ изъ своего заточенія занимался скотоводствомъ, откупалъ окрестные луга и ставилъ сѣно своими работниками, отчасти же, приглашая тамошнихъ обывателей на помощь: тогда въ острожномъ дворѣ, гдѣ онъ жилъ съ женою, происходило угощеніе. Минихъ смотрѣлъ на нихъ и увеселялся ихъ пѣснями и забавами. О женѣ его сохранилось преданіе, что хотя она дурно изъяснялась по-русски, но любила оказывать благодѣянія крестьянскимъ дѣвушкамъ, выходившимъ замужъ, и вообще была чрезвычайно добродушна и всѣми любима. Преданіе описываетъ его жилище и способъ его жизни сходно съ его собственными извѣстіями, о которыхъ было выше сказано. Дворъ, въ которомъ помѣщался изгнанникъ, былъ обнесенъ высокою стѣною изъ срубовъ съ четырьмя башнями по угламъ и съ пятою—надъ воротами. Днемъ ворота были отворены и обыватели могли входить туда, а Миниха тогда только и можно было видѣть, когда онъ съ женою, никогда отъ него не отступавшею, прогуливался по стѣнѣ, имѣвшей въ каждомъ фасѣ по 30 саженей.

за другимъ проекты, касавшіеся окончанія того, чего не успѣлъ совершить Петръ Великій, застигнутый среди множества предпріятій преждевременною кончиною. Онъ писалъ и предположенія о томъ, какъ бы возвысить Петербургъ, возлюбленный городъ Петра Великаго, и его окрестности, замѣчая, что если бъ живъ былъ Петръ, то чаятельно тогда тысячами способовъ споспѣшествовано быть могло; но послѣ Петра многіе изъ этихъ способовъ забвенію преданы; предлагалъ построить рядъ селеній, дворцовъ, звѣринцевъ, увеселительныхъ домиковъ съ фонтанами, бассейнами и рощами на протяженіи отъ Ораніенбаума до Петербурга и тоже—отъ Петербурга до Шлиссельбурга по берегамъ Невы, а также заселить берегъ канала отъ Шлиссельбурга до Ладоги, прорыть начавшійся уже при Петрѣ каналъ на невскихъ порогахъ близъ рѣки Тосны, начать новый каналъ отъ Невы въ Царское село, такъ что государыня могла бы, сѣвши на буерѣ у своего лѣтняго дворца близъ Смольнаго двора, пристать прямо къ крыльцу своего царскосельскаго дворца; другой проектъ касался болѣе важнаго предмета—укрѣпленія украинской линіи и турецкой границы, еще иной — укрѣпленія Кіева, наконецъ,— проектъ о войнѣ съ Турціею (мысль эта не выходила изъ головы у Ставучанскаго героя), и о поправкѣ русскихъ крѣпостей,— проектъ, показывающій, въ какой подробности зналъ бывшій фельдмаршалъ состояніе этого дѣла въ тогдашней Россіи. При всѣхъ проектахъ присоединялось моленіе объ освобожденіи его изъ ужаснаго заточенія. Всѣ свои проекты онъ писалъ такъ, чтобы наглядно показать, что никто другой, кромѣ него, не въ состояніи исполнить этихъ предпріятій, необходимыхъ для Россіи. Онъ просилъ только освободить его, призвать въ Петербургъ и дать возможность словесно разъяснить посылаемыя предначертанія. Онъ умолялъ о помилованіи, ссылался на примѣръ отца государыни, Петра Великаго, который, хотя разгнѣвавшись и сослалъ князя Василія Владиміровича Долгорукаго, но потомъ простилъ его. «Не прошу ни титуловъ, ни богатствъ, — писалъ онъ: — ни земель, прошу дозволить при стопахъ вашего императорскаго величества умирать, удостовѣривъ ваше величество въ своей вѣрной и отличной службѣ въ память Петра Великаго! Если нужно, чтобъ я безъ денегъ и деревень жилъ, я готовъ и солдатскою порціею довольствоваться и буде мнѣ въ палатахъ жить не можно, я охотно буду дворникомъ у вашего императорскаго величества». Не ограничиваясь моленіями къ императрицѣ, изгнанникъ писалъ и къ великому князю Петру Ѳедоровичу, поздравлялъ его съ бракосочетаніемъ, желалъ ему всякаго благополу-

чія и умолялъ ходатайствовать у императрицы о дарованіи прощенія опечаленному генералу, который нѣкогда для Петра Великаго свое отечество оставилъ и въ тысячекратныхъ случаяхъ живота своего и покоя для Россіи не щадилъ. Вспоминалъ о томъ, какъ онъ служилъ Россіи въ войнахъ польской и турецкой и нынѣ готовъ оказать такія же услуги. Но какъ ни просилъ, какъ ни молилъ онъ, какъ ни унижался—его хвалы, возсылаемыя императрицѣ, такъ же мало имѣли вліянія, какъ мольбы и восхваленія Овидія, расточаемыя Августу съ дунайскихъ береговъ. Не болѣе дѣйствительны были его обращенія къ канцлеру Бестужеву, человѣку, съ которымъ прежнія отношенія Миниха имѣли никакъ не дружелюбный характеръ.

Въ 1744 году Минихъ отправилъ ему на нѣмецкомъ языкѣ длинное письмо, тогда же, по повелѣнію императрицы, переведенное по-русски статскимъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ Демидовымъ. Въ этомъ письмѣ Минихъ подробно излагаетъ свое прошлое—свои первые труды по устройству Ладожскаго канала, вспоминаетъ, какъ великій государь «такую радость и удовольствіе всякому человѣку засвидѣтельствовалъ, и меня бы не токмо изъ Пелыма изъ ссылки, но изъ китайской границы для его службы къ себѣ привелъ». Въ этомъ письмѣ узникъ приноситъ раскаяніе Бестужеву въ своихъ непріязненныхъ къ нему поступкахъ, впрочемъ, объясняя, что многое дѣлалъ онъ не по собственному желанію [1].

---

[1] „Сіятельнѣйшій высокородный графъ и кавалеръ, высочайше почитаемый господинъ вице-канцлеръ и статскій министръ! Ваше высокографское сіятельство, искусився самъ по волѣ Божіей, что есть печаль и прискорбіе, утѣшеніе и радость, позволите, чтобъ я, покоренный поражающею Всевышняго рукою, къ прославленію имени Его, шестидесятичетырехлѣтній старикъ, вашему высокографскому сіятельству, всѣми отъ всемилостивѣйшей императрицы пожалованному знатнѣйшими награжденіями, искренно и усердно поздравить и при томъ дѣйствительнымъ вседушнымъ покаяніемъ того, въ чемъ я противу вашего высокографскаго сіятельства погрѣшилъ, удостовѣрить случай пріемлю.

„Бога правды, предъ страшнымъ судомъ котораго мы всѣ явимся, во свидѣтели призываю, что то еже къ вашему высокографскому сіятельству писать чрезъ сіе смѣлость воспріемлю, правда есть:

„1) Когда я бывшаго герцога курляндскаго, Бирона, съ приказу принцессы Анны и во исполненіе того повелѣнія, которое отъ нея словесно кордяному гвардіи офицеру дано, арестовалъ, то я бы ваше сіятельство подъ арестъ взять не велѣлъ и ваше сіятельство, такъ какъ князь Черкаскій и графъ Остерманъ, при вашей порученной въ кабинетѣ должности остались безпрепятственно, ежели-бъ въ самое то время, когда я съ арестованнымъ герцогомъ во дворъ императорской принцессы пришелъ и предъ карауломъ стоялъ, мой сынъ отъ помянутой принцессы, сошедъ, мнѣ ваше высокографское сіятельство арестовать приказу не принесъ. О сей правдѣ, что

Это письмо замѣчательно еще и потому, что пелымскій узникъ припоминаетъ недавнія обстоятельства, содѣйствовавшія его паденію, извѣстныя уже изъ предшествовавшаго хода повѣствованія, но любопытныя потому, что передаются самимъ дѣятелемъ, не только участвовавшимъ въ описываемыхъ событіяхъ, но направлявшимъ ими. Попытка склонить Бестужева къ примиренію и

то арестованіе персоны вашего сіятельства не отъ меня произошло, можетъ мой синъ, когда еще въ живыхъ находится, ежели ея императорское величество опробовать изволитъ, вопрошенъ быть, оное же никогда мною присовѣтовано не было. Еже такая правда есть, да поможетъ мнѣ Богъ и его святое слово!

„2) Оттого-жъ часу, когда ваще высокографское сіятельство помянутымъ образомъ по повелѣнію реченной принцессы подъ караулъ взяты были, и я въ ней призналъ, что она къ вашему сіятельству немилостива была, то я, по слабости человѣческой, какъ въ свѣтѣ водится, ваше сіятельство, хотя, впрочемъ, мнѣ ничего противнаго не оказывали, не пощадилъ и, какъ предъ Богомъ и вашимъ сіятельствомъ признаться долженъ, никакого истиннаго сожалѣнія объ васъ не имѣлъ, изъ чего и все происходило еже при арестованіи и воспослѣдованномъ потомъ изслѣдованіи, колико я участіе въ томъ имѣлъ, что вашему сіятельству грубаго и обиднаго приключилось.

„3) Причемъ, однако, и сіе правда есть, что другіе во время изслѣдованія неисчисленные пункты проектовали было, дабы дѣло пространнѣе и тяжелѣе учинить, еже я препятствовалъ и помянутые пункты вымаралъ, о которой правдѣ тогдашній рекетмейстеръ Фемингъ, черезъ котораго тѣ пункты ко мнѣ присланы были, могъ бы вопрошенъ быть.

„4) соизвольте, ваше высокографское сіятельство, и то за правду принять, съ которою я предъ Христомъ на страшномъ судѣ стоять буду, что елико я ваше сіятельство обидѣлъ, то я между наиващшихъ моихъ грѣховъ, которые когда я содѣялъ, считаю, и объ оныхъ душевно каюсь, а напротивъ того, ежелибъ я вашему высокографскому сіятельству въ моей жизни могъ моею кровію служить, дабы о семъ моемъ преступленіи, нѣкоторымъ образомъ, покаяться, то оную охотно пролилъ бы, и вашему сіятельству обязану усердно быть желаю.

„А, наименьше еще, ваше высокографское сіятельство, въ сей правдѣ сомнѣваться изволите, что я несчастливый Ея величества нашей нынѣ славнѣйше владѣющей императрицы привлеченную на себя негодность и немилость съ наигорчайшими слезами оплакалъ и Бога молить непрестанно за всевысочайшее ея величество благополучіе молить нѐ преминулъ.

„6) Однако, и сіе правда, самому всемогущему Богу извѣстно есть, что учинено отъ ея величества императрицы Анны славы достойнѣйшей памяти при самомъ началѣ восрріятія правленія (ибо ея величество нынѣ уже владѣющую императрицу яко опасаемую соперницу къ престолу признавала) мнѣ повелѣніе было (понеже я тогда въ Санктпетербургѣ команду имѣлъ) дабы я, какъ къ ея императорскому высочеству, такъ и къ ея высочеству покойной герцогинѣ мекленбургской приходящихъ примѣчалъ и понедѣльно о томъ ея величеству покойной императрицѣ рапортовалъ.

„7) Но какъ я къ такой коммиссіи неспособенъ и сверхъ того положенною на меня должностію весьма отягощенъ былъ, то правда есть, что я въ томъ такимъ образомъ поступалъ, что ея величество славы достойнѣйшая памяти императрица меня отъ того освободила и, сколько мнѣ извѣстно, майору Альбрехту поручила, при чемъ я Бога во свидѣтели призываю, что никогда не единаго слова, кое-бы

къ ходатайству предъ императрицею за бывшаго своего врага не могла имѣть успѣха. Не таковъ былъ Бестужевъ, чтобъ онъ забылъ то, что потерпѣлъ отъ Миниха; въ то время, когда Минихъ искалъ отъ него такого христіанскаго великодушія, Бестужевъ готовилъ паденіе и гибель Лестоку, который, пользуясь приближеніемъ своимъ у Елисаветы, поднялъ Бестужева изъ

ея величеству нашей нынѣшней славы достойнѣйшей императрицѣ, чѣмъ-либо малѣйшимъ предосудительнымъ быть могло (къ чему я ни малѣйшаго случая не имѣлъ) не доносилъ, но паче тогда ея величество, яко великую императорскую принцессу съ драгайшею девоціею почиталъ и всепокорнѣйшаго респекту отнюдь не пренебрегалъ, какъ то ея величество при всѣхъ случаяхъ сама милостиво признавать изволила.

„8) Какъ высочайшая помянутая ея величество императрица Анна изъ Курляндіи къ воспріятію престола призвана была и въ Москву пріѣхала, а мнѣ въ Петербургѣ, гдѣ я команду имѣлъ, коммисія поручена была каждому человѣку присягать велѣть, то я ни россіянина ниже кого иного не видалъ и не слыхалъ, который бы въ пользу ея величества, нынѣ благополучно государствующей императрицы молвилъ, кромѣ одного покойнаго адмирала Сиверса, который публично сказалъ: корона-де ея императорскому высочеству цесаревнѣ Елисаветѣ принадлежитъ, но какъ о томъ по должности своей донесть принужденъ былъ, и помянутый адмиралъ Сиверсъ, хотя годъ спустя, отставленъ и въ его деревни посланъ былъ, то можетъ быть, что оное въ разсужденіи ея императорскаго величества сочинилось и вышереченное мое доношеніе поводъ къ тому подало. И потому, еслибъ ея императорское величество наша великодушнѣйшая императрица соизволила Сиверсовымъ дѣтямъ нѣкоторыя дѣйствительныя милости щедрѣйше явить, то оное-бъ къ успокоенію моей совѣсти служило.

„9) Нынѣ я съ моей стороны основаніемъ правды полагаю, что въ ея императорскомъ величествѣ, какъ и въ вашемъ высокографскомъ сіятельствѣ великодушныя христіанскія души обитаютъ, и что я Богу и ея императорскому величеству также и вашему сіятельству чистосердечно и съ сущимъ покаяніемъ о прощеніи того, въ чемъ я вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ погрѣшилъ и по указу либо своевольно васъ озлобилъ, съ глубочайшею покорностію прошу, такожъ надѣюся и Божескаго долготерпѣнія и ея императорскаго величества великодушнаго помилованія и женерознаго вашего сіятельства прощенія ко мнѣ кающемуся и соболѣзнующему грѣшному, за что Богъ ваше сіятельство и вашъ высокографскій домъ небеснымъ благословеніемъ душевно и тѣлесно со изобиліемъ одаритъ.

„10) Въ семъ надѣяніи, адресуя къ вашему высокографскому сіятельству, яко высоко повѣренному ея императорскаго величества вицеканцлеру и статскому министру, который всемѣрно о высокомъ ея императорскаго величества и ея государственномъ интересѣ ревностнѣйше старается и паче всякой партикулярной дружбы и недружбы по имѣвшемуся вашему незлобію и истинности предпочитаетъ, и потому я прошу ваше сіятельство наиприлѣжнѣйше меня вашей протекціи и многомощнаго предстательства у ея императорскаго величества къ знатному поспѣшествованію ея величества службы удостоить“.

Далѣе Минихъ вспоминаетъ свои прежнія услуги, налегая въ особенности на построеніе Ладожскаго канала, заслужившее одобреніе и самые лестные отзывы родителя императрицы, Петра Великаго. Минихъ доказываетъ министру, что онъ можетъ быть полезенъ Россіи, какъ никто другой, и слѣдовательно, въ видахъ пользы Россіи, слѣдуетъ возвратить его и даровать ему возможность заслужить благоволеніе императрицы.

праха, куда этотъ хитрый министръ былъ низверженъ предъидущими бурями. Да и кромѣ старой непріязни къ Миниху, Бестужевъ, вошедши въ силу и ставши первымъ министромъ при Елисаветѣ, изъ политическихъ соображеній никогда бы не сдѣлался ходатаемъ за сосланнаго въ Пелымъ фельдмаршала. Во-первыхъ, такое ходатайство могло бы обратить на него опалу императрицы, которая не терпѣла Миниха, считая его опаснѣйшимъ врагомъ своимъ, и безжалостно съ наругательствомъ его преслѣдовала; во-вторыхъ—Бестужевъ, разсуждая о Минихѣ по самому себѣ, не могъ довѣриться его искренности. Минихъ, будучи возвращенъ, могъ казаться опаснымъ для новаго правительства. Миниха любило и уважало войско: Минихъ имѣлъ бы возможность учинить въ имперіи такой переворотъ, который погубилъ бы и Елисавету и Бестужева. Понятно, что обращенія пелымскаго заточника къ Бестужеву были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и можно смѣло сказать, что если-бъ Елисавета, въ самомъ дѣлѣ, разчувствовалась и показала сострадание къ павшему фельдмаршалу, то прежде всего удержалъ бы ее отъ показанія милости Миниху некто другой, какъ этотъ Бестужевъ.

Минихъ писалъ также и къ любимцу императрицы Алексѣю Разумовскому, прося и его ходатайствовать за него у императрицы. И эта дорога не привела его къ желанной цѣли.

Вѣроятно, слезныя просьбы о помилованіи надоѣли императрицѣ, какъ равно и проекты его, къ чтенію которыхъ она, конечно, не могла получить вкуса, такъ какъ вообще не любила заниматься никакими серьезными дѣлами. Послѣдовало запрещеніе позволять Миниху посылать къ ней письма. Это послѣдовало, вѣроятно, въ 1746 г., какъ можно заключить изъ того, что рядъ посылаемыхъ изъ Пелыма въ Петербургъ посланій прерывается на этотъ годъ. Но въ іюлѣ 1749 года мы встрѣчаемъ слѣдующій рапортъ генералъ-прокурора ея императорскому величеству.

«Сего настоящаго мѣсяца 8 числа. Ваше императорское величество, на поданный сенатскій докладъ, всемилостивѣйше изустно указать мнѣ соизволили: бывшему фельдмаршалу для написанія, чтó онъ имѣетъ представить о государственномъ интересномъ дѣлѣ, бумаги и чернилъ дать, и оное представленіе при караульномъ обрѣтающемся при немъ офицерѣ написать ему позволить, только притомъ ему объявить, дабы онъ о всемъ достаточно единожды нынѣ написалъ, ибо ему впредь на такія требованія позволенія дано больше не будетъ. И оный вашего

величества указъ въ сенатѣ мною записанъ и во исполненіе онаго, по приговору правительствующаго сената, къ обрѣтающемуся при содержаніи объявленнаго Миниха сибирскаго гарнизона поручику Попову указъ съ нарочнымъ курьеромъ отправленъ іюля 11 дня».

Слѣдствіемъ этого позволенія было представленіе новаго проекта: объ укрѣпленіи города Кіева, написаннаго на французскомъ языкѣ и подписаннаго 22 августа того же года (Арх. Воронц. II, 189—504). При этомъ Минихъ счелъ умѣстнымъ выразить глубокую скорбь, произведенную чтеніемъ грознаго указа, заранѣе угрожающаго ему запрещеніемъ на дальнѣйшее время писать проекты и письма. Кажется, это было послѣднее посланіе его къ непреклонной государынѣ; по крайней мѣрѣ, намъ уже не случалось видѣть ни строчки отъ Миниха въ послѣдніе годы его заточенія. Миниху рѣшительно запрещено было давать бумагу и дозволять писать, но послѣ кончины его пастора Мартенса, случившейся въ 1749 году, Миниху въ наслѣдство остался порядочный запасъ писчей бумаги, и онъ отъ скуки началъ писать трактатъ о фортификаціи и составлять проектъ войны съ турками. Случилось тогда вотъ что: офицеръ, приставленный къ нему и выдававшій ему деньги на содержаніе, не хотѣлъ дать ему столько, сколько тотъ просилъ. Минихъ сказалъ ему какую-то колкость, а офицеръ сказалъ, что донесетъ на него: онъ все что-то пишетъ и вѣрно во вреду императрицы и Россіи. Минихъ зналъ, что̀ въ Россіи значило страшное «слово и дѣло», и поторопился всѣ написанныя бумаги бросить въ огонь. Къ его счастію это произошло уже въ послѣдній годъ царствованія Елисаветы.

Судьба опредѣлила ему участь, какой не испытали другіе его сострадальцы въ Сибири, съ нимъ разомъ сосланные по одному дѣлу. Онъ дожилъ до смерти Елисаветы и до вступленія на престолъ императора Петра III, и заря освобожденія блеснула для него уже на восьмидесятомъ году его бурной, славной и страдальческой жизни.

10 февраля (по Бюшингу, 1 февраля) 1762 года явился въ Пелымъ курьеръ съ сенатскимъ указомъ, объявляющимъ свободу Миниху. Старикъ въ это время совершалъ утреннюю молитву. Его супруга, узнавши, въ чемъ дѣло, не прерывала его и остановила служителя, разбѣжавшагося съ радостною вѣстію въ ту комнату, гдѣ молился Минихъ. Но вотъ вошелъ офицеръ, приставленный къ узникамъ. Недавно передъ тѣмъ онъ дозволялъ себѣ съ Минихомъ обращеніе не совсѣмъ почтительное, какъ

старшій съ меньшимъ, сознавая свое дворянско-офицерское величіе передъ тѣмъ, который прежде хоть и былъ фельдмаршаломъ, но потомъ сталъ ничто,—простой арестантъ, государственный преступникъ, лишенный навсегда прежнихъ правъ всемогущею царскою волею. Теперь этотъ офицеръ, прежде чѣмъ войти къ узнику, освѣдомился, можно ли войти, и, вошедши, почтительно представилъ ему сенатскій указъ. Тогда Минихъ и его супруга оба пали ницъ, залившись слезами, и съ восторгомъ благодарили Бога. Нельзя сказать, чтобъ это счастье пришло къ Миниху совершенно неожиданно. Еще прежде онъ узналъ о кончинѣ императрицы Елисаветы и нѣсколько недѣль провелъ въ колебаніи между страхомъ, что о немъ не вспомнятъ, и надеждою, что новый государь покажетъ ему свою милость въ такой мѣрѣ, въ какой только могъ желать ссыльный. Ему возвращали свободу и всѣ прежнія права состоянія.

Вдругъ проснулся душою узникъ, уже въ продолженіе многихъ лѣтъ отягченный духовнымъ сномъ безнадежности. Его люди были передъ тѣмъ посланы на ирбитскую ярмарку для закупки разныхъ запасовъ, какъ дѣлалось каждый годъ. Миниху хотѣлось скорѣе уѣхать изъ мѣста своего двадцати-лѣтняго заточенія и онъ послалъ нарочнаго догнать ихъ и заворотить назадъ. Спустя восемь дней послѣ полученія вѣсти о своемъ освобожденіи, онъ собрался въ путь. Преданіе, сохранявшееся въ Пелымѣ, говоритъ, что предъ своимъ отъѣздомъ онъ три раза объѣхалъ Пелымъ и говорилъ жителямъ, собравшимся провожать его:—простите, мои пелымцы, вотъ и старикъ Минихъ съ своею старухою отъ васъ уѣзжаетъ.—«Прости, отецъ нашъ родной!»—кричалъ ему народъ. Покинувши, наконецъ, Пелымъ, онъ, не смотря на свои семьдесятъ девять лѣтъ, черезъ 25 дней пути, совершеннаго въ простыхъ саняхъ, достигъ Москвы. Это было 16 марта, ночью. Вдова фельдмаршала графа Апраксина ждала его, приготовила ему у себя помѣщеніе и въ знакъ радости зажгла блистательную иллюминацію у своего дома. Минихъ пробылъ въ Москвѣ не долго. 21 марта онъ былъ уже въ Новгородѣ, а 24 приблизился къ Петербургу. Путь отъ Москвы до Петербурга былъ для него тріумфальнымъ шествіемъ: генералы, штабъ-офицеры и статскіе чины, служившіе когда-то у него подъ начальствомъ, выѣзжали встрѣчать и привѣтствовать воскресшаго героя, въ теченіе двадцати лѣтъ вычеркнутаго изъ разряда живыхъ. За тридцать верстъ отъ Петербурга встрѣтила его внучка, дочь сына его, Анна, съ своимъ супругомъ Фитингофомъ; она была красавица; дѣдъ еще не видалъ ея, потому что она роди-

лась въ годъ его заточенія. Услыхавши, что дѣда, наконецъ, освободили, Фитингофы нарочно прибыли изъ Риги, чтобъ встрѣчать его.

Минихъ прибылъ въ Петербургъ въ жалкомъ видѣ: у него не было платья и всю дорогу одѣтъ онъ былъ въ худой тулупъ. Императоръ 30 марта послалъ къ нему своего генералъ-адъютанта, гр. Гудовича, который отъ царскаго имени поднесъ ему шпагу и объявилъ возвращеніе генералъ-фельдмаршальскаго достоинства со старшинствомъ съ 25 февраля 1732 года. Жизнеописатель Миниха, пасторъ Бюшингъ, говоритъ, что въ этотъ день онъ явился къ Миниху и увидѣлъ его въ первый разъ въ жизни. «Это былъ крѣпкій, рослый старикъ, отлично сложенный, сохранившій всю огненную живость своей натуры. Въ его глазахъ было что-то проницающее, въ чертахъ лица что-то величавое, внушающее благоговѣйный страхъ и покорность его волѣ. Тогда Минихъ велъ бесѣду съ какимъ-то офицеромъ и что-то разсказывалъ о своихъ походахъ противъ турокъ и татаръ. Его голосъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его осанкѣ: въ немъ было что-то повелительное».

31 марта пріѣхалъ Минихъ во дворецъ благодарить государя. Государь сдѣлалъ ему вопросъ:—дозволятъ ли вамъ, фельдмаршалъ, ваши лѣта и ваши силы продолжать службу?

Минихъ на это произнесъ такую рѣчь: «Богъ возвелъ ваше величество на престолъ имперіи, которой предѣлы неизмѣримы; Богъ вручилъ вамъ власть надъ народомъ многочисленнымъ, который во многихъ отношеніяхъ превосходитъ всѣ народы Европы. Я съ побѣдоносною русскою арміею совершалъ походы въ степяхъ, гдѣ не доставало ни воды, ни жизненныхъ запасовъ; я съ русскимъ простымъ народомъ на Ладожскомъ каналѣ, при построеніи линій и крѣпостей, исполнялъ удачно такія работы, на которыя бы не посмѣлъ отважиться съ другимъ народомъ! Гдѣ такой народъ, который могъ бы пройти всю Европу безъ провіанта, переходить черезъ широкія рѣки безъ мостовъ, питаться конскимъ мясомъ, дикими яблоками и тому подобными снадобьями? А таковы именно донскіе казаки и калмыки, у послѣднихъ нѣтъ домовъ, живутъ въ кибиткахъ или шалашахъ, ни сѣютъ, ни жнутъ, ни косятъ, и къ хлѣбу не привыкли, а между тѣмъ воины превосходнѣйшіе, наилучшіе солдаты, соблюдающіе дисциплину, и такъ осторожны, что не допустятъ непріятеля напасть на себя ни въ станѣ, ни на походѣ. На рамена вашего императорскаго величества Богъ возложилъ бремя тяжелое. Кто не понимаетъ, какъ трудно управлять Россіею, пусть вникнетъ въ дѣянія Петра

Великаго, славы достойной памяти дѣда вашего величества и увидитъ его изумительные труды и усилія! Кто этого самъ не видалъ, тотъ понять не можетъ, а кто былъ наочнымъ свидѣтелемъ его дѣяній, какъ я, тотъ не можетъ не изумляться! Великій государственный человѣкъ и законодатель въ правленіи, великій полководецъ въ войскѣ, опытный во флотѣ адмиралъ и вмѣстѣ съ тѣмъ простой рабочій въ кораблестроеніи, устройствѣ каналовъ, прилагающій всюду собственную руку. Чего не устроилъ, чего не привелъ въ исполненіе этотъ государь? Что есть въ Россіи великаго—все то имъ зачато, и еще болѣе есть такого, что осталось недоконченнымъ или неисполненнымъ по причинѣ его безвременной кончины. Все это докончить оставлено мудрому правленію вашего величества и вамъ необходимы вѣрные и способные исполнители. Я, вашъ вѣрноподданный, покинулъ свое отечество за тѣмъ, чтобъ имѣть счастіе служить несравненному государю, Петру Первому. Я могу похвалиться, что былъ его любимымъ и довѣреннымъ генераломъ, но его неожиданная смерть отняла его у меня. Ваше императорское величество извлекли меня изъ тьмы на свѣтъ и всемилостивѣйше повелѣли мнѣ изъ Сибири явиться къ вашему пресвѣтлому престолу. Я желаю и готовъ принести мою кровь и жизнь службѣ вашего величества. Ни долговременное отдаленіе мое отъ царскаго трона, ни сибирскія стужи не погасили въ моемъ сердцѣ жара къ интересамъ россійскаго государства, къ славѣ его обладателей».

Произнесши такую рѣчь, старикъ склонилъ колѣна, а государь тотчасъ самъ поднялъ его, обласкалъ и тотчасъ пригласилъ съ собою на парадъ. Въ тотъ же вечеръ Минихъ получилъ приглашеніе быть ко двору. Государь хотѣлъ примирить его съ Бирономъ. Послѣдній, проживши все царствованіе Елисаветы въ Ярославлѣ, хотя не въ заточеніи, какъ Минихъ, но въ удаленіи отъ двора, Петромъ Третьимъ былъ также приглашенъ въ столицу. Государь хотѣлъ ихъ свести вмѣстѣ и помирить; для этого назначенъ былъ именно этотъ самый вечеръ. Минихъ и Биронъ, люди прошлаго времени, явились посреди новаго поколѣнія царедворцевъ, какъ тѣни, возставшія изъ могилъ. Все было вокругъ ихъ чуждымъ и они сами были для всего окружающаго какъ бы чужими. Петръ свелъ ихъ и заявилъ желаніе, чтобъ они помирились, забыли бы все прошлое и простили другъ другу всѣ надѣланныя огорченія. Минихъ и Биронъ отвѣчали поклонами. Тогда императоръ приказалъ подать три бокала—одинъ взялъ самъ, а два другіе предложены были Миниху и Бирону. Въ это время придворный подошелъ къ государю и что-то сказалъ ему

потихоньку; какъ видно, это сдѣлано было по данному заранѣе приказанію государя. Петръ поставилъ свой налитой виномъ бокалъ и вышелъ. Минихъ и Биронъ долго стояли на мѣстѣ, держа въ рукахъ бокалы, и не смотрѣли другъ на друга, а оба обращали взоры на дверь, куда вышелъ государь и откуда, повидимому, снова долженъ былъ воротиться, потомъ, обмѣрявши взглядами другъ друга съ головы до ногъ и не сказавши ни слова, поставили свои бокалы, повернулись одинъ къ другому спиною и разошлись.

Императоръ Петръ Третій вознамѣрился устроить подъ личнымъ своимъ руководствомъ и призрѣніемъ коммиссію или совѣтъ изъ приближенныхъ лицъ. Это было что-то въ родѣ прежняго кабинета, высшее правительственное учрежденіе, посредствующее между верховною особою и правительствующимъ сенатомъ. Минихъ былъ въ числѣ членовъ этого совѣта. Минихъ дѣлалъ предложеніе дать ему мѣсто или сибирскаго губернатора или главноначальствующаго надъ каналами и портами. Государь не исполнилъ ни того, ни другого изъ его желаній, отложивши это до будущаго времени. Петръ III, назначивъ ему изъ казны жалованье по чину фельдмаршала, подарилъ ему меблированный домъ, купленный у Нарышкина, и послалъ женѣ Миниха въ подарокъ двѣсти имперіаловъ, составлявшихъ двѣ тысячи рублей на излеченіе отъ болѣзни, на которую, какъ узналъ государь, графиня Минихъ жаловалась въ то время. Пребываніе въ Пелымѣ долго оставляло на ея нервы болѣзненное вліяніе; нѣкоторое время она не могла преодолѣть себя и всегда приходила невольно въ волненіе и безпокойство всякій разъ, когда отворялись двери, гдѣ она находилась. Кромѣ милостей отъ императора, возвратившаго ему и его прежнія помѣстья, ему оказалъ вниманіе и прусскій король. Биронъ въ 1734 году въ прусскихъ владѣніяхъ купилъ баронство Вартембергъ. Послѣ ссылки Бирона оно было конфисковано и отдано Миниху, а когда чрезъ годъ послѣ того сосланъ былъ и Минихъ, прусскій король велѣлъ взять его временно въ казну. Но по возвращеніи Миниха и Бирона, оба стали добиваться возврата себѣ этого имѣнія. Прусскій король принялъ на себя въ этомъ вопросѣ посредничество и рѣшилъ возвратить Вартембергъ прежнему владѣльцу Бирону, а прежній владѣлецъ, получая его обратно, долженъ былъ заплатить Миниху 25,000 талеровъ, и сверхъ того Минихъ отъ прусскаго правительства получилъ двѣнадцать тысячъ талеровъ за доходы, собираемые съ этого имѣнія во время своей ссылки, и 50,000 талеровъ за вновь прикупленныя къ нему помѣстья.

Минихъ не совсѣмъ сошелся съ новымъ государемъ. Во-первыхъ, онъ не одобрялъ войны съ Даніею, которую замышлялъ вести русскій государь за интересы своего голштинскаго дома, совершенно чуждые Россіи. Во-вторыхъ—онъ не одобрялъ намѣренія государя переодѣть все русское войско на прусскій образецъ и вообще отнюдь не мирволилъ его нѣмецкимъ симпатіямъ, которыя, какъ извѣстно, оскорбляли русскихъ и стали поводомъ къ тому охлажденію русской націи, которое въ критическія минуты, скоро наступившія для этого государя, лишили его опоры и въ войскѣ, и въ народѣ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Минихъ былъ всегда истый нѣмецъ, но какъ человѣкъ благоразумный и слишкомъ знавшій духъ русскій, видѣлъ, что нѣмцелюбіе не приведетъ къ добру государя. За смѣлыя возраженія Петръ уже сталъ показывать къ нему холодность и Минихъ совсѣмъ расходился уже съ своимъ государемъ-благодѣтелемъ.

Но вотъ настало страшное для Петра III 28 іюня 1762 года. Государь стоялъ въ открытой борьбѣ съ своею супругою. Въ это время онъ съ своею голштинскою силою шелъ на Петергофъ и узналъ, что императрица уже въ Петербургѣ, а войска русскія принимаютъ ея сторону. Слабодушный государь растерялся. Онъ грозилъ уничтожить Екатерину, и въ то же время послалъ къ ней канцлера Воронцова съ мирными предложеніями. А окружавшіе его не могли поддержать въ немъ присутствія духа. Одинъ Минихъ явился тогда героемъ. Онъ одинъ далъ государю спасительный совѣтъ.—Ваше величество,—говорилъ онъ:—не дождетесь посланнаго Воронцова: онъ останется при императрицѣ. На ея сторонѣ двадцать тысячъ войска, а мы что можемъ ему противопоставить: какихъ нибудь тысячи три голштинцевъ, да еще, можетъ быть, толпу необученныхъ мужиковъ, которыхъ, быть можетъ, удастся намъ поднять изъ деревень на защиту государя; въ Петергофѣ мы не можемъ обороняться, въ Ораніенбаумѣ—только на короткое время и слабо. Я вѣдь знаю русскихъ солдатъ. Малѣйшее сопротивленіе подвергнетъ жизнь вашего величества опасности. Въ Кронштадтѣ надобно искать спасенія. Тамъ найдемъ и многочисленный гарнизонъ и флотъ. Овладѣвши Кронштадтомъ, мы принудимъ покориться и Петербургъ.

По совѣту Миниха, тотчасъ отправили въ Кронштадтъ вѣрнаго Петру генерала Ливерса. Вслѣдъ затѣмъ приготовили двѣ яхты къ отплытію государя и всѣхъ бывшихъ съ нимъ. Не успѣли сѣсть въ яхты, какъ посланный въ Кронштадтъ Ливерсъ прислалъ адъютанта сказать, что Кронштадтъ держится въ вѣрности государю и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ его прибытія. Минихъ торо-

жилъ Петра скорѣе отплывать, но Петръ, какъ ребенокъ, постоян-ю переходилъ отъ отваги къ трусости, отъ трусости опять къ отвагѣ, и теперь, какъ только увѣрился, что въ Кронштадтѣ най-детъ себѣ надежное убѣжище и опору, забылъ объ опасности, палъ горячиться, кричалъ, что постыдно убѣгать, не видавши епріятеля; сталъ разставлять своихъ голштинцевъ въ боевой порядокъ и твердилъ, что дождется своей соперницы и дастъ ей отпоръ. Яхты были готовы; Минихъ настаивалъ на скорѣйшемъ отплытіи, а Петръ все осматривалъ мѣстность съ цѣлію обороны. Наконецъ прискакалъ адъютантъ во весь галопъ съ извѣстіемъ, что императрица съ двадцати-тысячнымъ войскомъ достигаетъ Петергофа. Уже вечерѣло. Тогда Петръ бросился къ яхтамъ; Ми-нихъ совѣтовалъ садиться въ порядкѣ, не торопясь, но всѣ бро-сились за императоромъ къ яхтамъ, стремглавъ. Государь отплылъ съ Гудовичемъ, Минихомъ, съ своею любимицею Воронцовою и съ нѣсколькими придворными дамами и царедворцами. Въ десять часовъ причалили къ Кронштадту. На берегу стояла часть крон-штадтскаго гарнизона подъ ружьемъ. Часовые сдѣлали окликъ: кто? Былъ отвѣтъ: императоръ! «У насъ нѣтъ императора»! за-кричали съ берега. Петръ выступилъ впередъ, стоя на палубѣ, открылъ свой плащъ, показалъ свой орденъ и, собираясь всту-пить на твердую землю, сказалъ:—Это я! развѣ меня не узнаете!—Нѣтъ!—былъ отвѣтъ. Караульный офицеръ грозилъ стрѣлять, если яхта не отчалитъ. Тогда Гудовичъ, положивъ руку на перила, окружавшія гавань, совѣтовалъ императору спрыгнуть на берегъ и увѣрялъ, что никто не осмѣлится выстрѣлить въ своего го-сударя. Но Петръ не обладалъ такою рѣшимостью и ушелъ въ каюту съ своею любимицею и съ прочими придворными да-мами.

Дѣло произошло отъ того, что въ то время, когда Петръ за-нимался въ Ораніенбаумѣ приведеніемъ въ строй своихъ гол-штинцевъ въ надеждѣ обороняться отъ Екатерины, въ Кронштадтъ прибылъ адмиралъ Талызинъ, успѣлъ расположить матросовъ и гарнизонныхъ солдатъ къ сторонѣ Екатерины, употребилъ при этомъ кстати водку и денежныя подачки и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, чтобъ не допустить Петра высадиться на берегъ. Ливерсъ былъ арестованъ.

Яхта отчалила. Минихъ стоялъ на палубѣ и глядѣлъ на звѣздное небо. Капитанъ судна вошелъ къ государю въ каюту и спрашивалъ: куда прикажетъ держать путь, Государь прика-залъ позвать Миниха.

— Фельдмаршалъ! я виноватъ предъ вами,—сказалъ государь:—

я не послушалъ вашего совѣта—спѣшить. Но что теперь дѣлать? Вы столько разъ бывали въ опасностяхъ и избавлялись отъ нихъ, дайте совѣтъ, какъ намъ поступить въ теперешней крайности!

— Плыть поскорѣе въ Ревель. Тамъ стоитъ наша эскадра,— сказалъ Минихъ:—Ваше величество сядете на одинъ изъ кораблей и поплывете въ Померанію; тамъ ваше войско; съ нимъ воротитесь въ Россію, и я ручаюсь, что въ шесть недѣль покорится вамъ Петербургъ и все остальное государство ваше.

— Далеко! далеко! гребцы устанутъ, не дойдутъ до Ревеля!— кричали царедворцы и дамы.

— Мы сами съ ними станемъ работать веслами, — сказалъ Минихъ.

— Опасность еще не такъ велика, ваше величество: Екатерина только того и желаетъ, чтобъ съ нею войти въ соглашеніе. Лучше сговориться, чѣмъ сражаться!—говорили царедворцы. Слабодушный Петръ поддался этому совѣту и приказалъ направляться къ Ораніенбауму.

Въ четыре часа утра всѣ вышли на берегъ. Государю донесли, что уже императрица недалеко съ войскомъ. Петръ заперся съ Воронцовою и написалъ къ Екатеринѣ письмо: онъ отрекался отъ престола, умолялъ только отпустить его за границу съ Воронцовой и Гудовичемъ.

Голштинскія войска, вернувшіяся изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ, повторили клятву вѣрности, изъявили готовность положить жизнь за государя. Петръ велѣлъ имъ положить оружіе и разойтись. Минихъ еще пытался возбудить падавшаго духомъ государя и убѣждалъ отважиться на битву. Все было напрасно. Петръ написалъ вторично къ Екатеринѣ и не только отрекался отъ престола, но клялся никогда не искать его возвращенія и ни отъ кого не принимать помощи.

Тогда Миниху ничего не оставалось какъ отдаться Екатеринѣ. Онъ отправился къ ней и смѣло предсталъ предъ нею.

— Вы хотѣли противъ меня сражаться?—спросила его Екатерина.

— Ваше величество!—отвѣчалъ Минихъ:—я хотѣлъ жизнію своею пожертвовать за государя, который возвратилъ мнѣ свободу. Но теперь я считаю своимъ долгомъ сражаться за васъ и вы найдете во мнѣ вѣрнѣйшаго слугу вашего.

Императрица оцѣнила поступокъ Миниха по его достоинству, хотя бы имѣла болѣе права поступить съ нимъ, какъ съ врагомъ, чѣмъ Елисавета; Минихъ поднималъ противъ Екатерины оружіе, чего не дѣлалъ противъ Елисаветы, будучи предъ

нею виновенъ только въ томъ, что оставался покоренъ существовавшей предержащей власти и не предпринималъ противъ послѣдней замысловъ въ пользу Елисаветы. Екатерина не только оцѣнила въ Минихѣ его вѣрность государю Петру Ѳедоровичу, но дозволила ему въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ являться къ ней въ траурѣ по скончавшемся вскорѣ императорѣ.

Екатерина, вообще обладавшая рѣдкимъ даромъ узнавать людей и поручать имъ соотвѣтствующія ихъ способностямъ должности, нашла, что Минихъ въ своей старости способнѣе всего обратиться къ такой области дѣятельности, въ какой началъ свою службу въ Россіи. Самъ Минихъ, какъ намъ кажется, направилъ государыню къ этому. По крайней мѣрѣ, онъ еще Петру Третьему дѣлалъ предложеніе назначить его либо сибирскимъ губернаторомъ, либо начальникомъ надъ каналами и портами. Екатерина назначила его главноначальствующимъ надъ портами: рогервикскимъ, ревельскимъ, нарвскимъ, кронштадтскимъ и надъ ладожскимъ каналомъ.

Онъ съ энтузіазмомъ принялся за приведеніе къ окончанію постройки рогервикской гавани. Онъ видѣлъ въ ней важное значеніе для безопасности русскаго государства. «Рогервикъ, —писалъ онъ императрицѣ изъ Ревеля,—оплотъ противъ шведовъ и всѣхъ завистниковъ Россіи. Непремѣнно слѣдуетъ достроить тамъ гавань, и если ваше величество не окажете вниманія къ этому славному и полезному предпріятію, то мнѣ останется удалиться въ бѣдную хижину и тамъ кончать свои дни»!—Онъ требовалъ пособія, денегъ и людей на работы, требовалъ также надлежащаго числа инженеровъ и секретарей. Работы производились осужденными преступниками; ихъ было недостаточно; Минихъ домогался, чтобы ему отрядили для работъ нѣсколько полковъ солдатъ. Екатерина хоть и была постоянно внимательна къ почтенному неутомимому старику, но, занятая разнообразными дѣлами по управленію, не могла отдаваться этимъ вопросамъ въ такой степени, какъ Минихъ, и старикъ былъ этимъ очевидно недоволенъ. Между тѣмъ онъ сообщалъ ей въ то же время о разныхъ подмѣченныхъ злоупотребленіяхъ. Такъ, напримѣръ, онъ докладывалъ, что въ Нарвѣ собираютъ пошлину съ проходящихъ англійскихъ и голландскихъ торговыхъ судовъ, назначаемую на содержаніе въ порядкѣ нарвской гавани, но собранныя деньги истрачиваются совсѣмъ не на то, къ чему предназначены.. «Нарва,—писалъ онъ,—первый городъ, отнятый Петромъ Великимъ у шведовъ, на балтійскомъ

побережьѣ, Нарва—это ворота Россіи къ Европѣ. Нарва была цвѣтущимъ городомъ, а теперь упала».

Рогервикская гавань строилась по чертежу Миниха. Молъ былъ заложенъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ находился, когда его начинали дѣлать шведы, и не въ той величинѣ, какъ прежде: онъ долженъ былъ протягиваться на восемьсотъ шаговъ въ море, а на его оконечностяхъ возведены были два сильныхъ больверка. Отверстіе между этими двумя больверками составляло входъ съ моря въ гавань. По обѣимъ сторонамъ нѣсколько шанцевъ и баттарей должны были прикрывать входъ въ гавань и защищать молъ; за ними предположили построить два моста—одинъ на твердой землѣ для купеческихъ судовъ, другой на острову для кораблей военныхъ. Утесистые берега надлежало взорвать порохомъ, а камни, оставшіеся отъ взрыва, употребить на устройство плотины, шанцевъ и для выравниванія нѣкоторыхъ неровностей. Таковъ былъ планъ Миниха, по которому приступлено къ работамъ. Въ сентябрѣ 1762 года онъ писалъ императрицѣ: «Въ теченіе сорока лѣтъ работы, молъ былъ отдѣланъ на 79 тоазовъ, а съ 17 августа по 5 сентября при мнѣ въ продолженіе восемнадцати дней прибавлено было еще на тридцать одинъ тоазъ, слѣдовательно, болѣе трети цѣлаго, и уже молъ былъ отдѣланъ на 109 таозовъ. Вотъ успѣхи по новому образцу работъ, мною указанному. У насъ же немного рабочихъ рукъ: изъ числа тѣхъ, которые назначены къ намъ, одна часть служитъ при казармахъ на малой гавани, у генералъ-маіора Шиллинга, другая—при выгрузкѣ провіанта изъ галіотъ. Съ какимъ бы успѣхомъ пошло наше дѣло, если бы мнѣ дали человѣкъ тысячъ пять,—я прошу ихъ и все напрасно! Вотъ если-бъ дѣлалась гавань внутри Петербурга—тогда иное дѣло, тогда бы всѣ адмиралы были согласны со мною. А то—на балтійскомъ портѣ, около 400 верстъ отъ столицы! Постройка здѣсь гавани понудитъ перенести сюда часть адмиралтейства. Кто-то въ сенатѣ обо мнѣ сказалъ: фельдмаршалъ хочетъ въ Рогервикѣ сдѣлать то, въ чемъ искуснѣйшіе люди уже находили для себя камень преткновенія. Это говоритъ духъ недѣятельности и злобы! Петръ Великій, поручая мнѣ строеніе Ладожскаго канала, въ сенатѣ сказалъ: «я нашелъ человѣка, который способенъ окончить каналъ по моему желанію. Я велю вамъ исполнять все, чего онъ потребуетъ!»

Въ другомъ письмѣ къ императрицѣ Минихъ такъ описываетъ свое положеніе: «Сонъ почти не смыкаетъ глазъ моихъ. Ѣмъ я очень мало. Съ разными планами я закрываю глаза, и

снова проснувшись, обращаю къ нимъ свои мысли. Меня безпокоитъ давняя геморроидальная болѣзнь, а иногда дѣлаются лихорадочные припадки, по утрамъ—сильный кашель съ болями въ груди. Но меня безпокоитъ то, что мнѣ мало оказываютъ помощи въ моихъ трудахъ и, напротивъ, дѣлаютъ все возможное, чтобъ огорчать меня, нарочно доводятъ до крайности, чтобъ заставить меня сдѣлать какой-нибудь ложный шагъ и чрезъ то лишиться милости своей государыни, хотя бы это произошло со вредомъ для государства». Минихъ старался убѣдить императрицу совершить поѣздку къ балтійскому порту. Она совершила ее въ 1769 году. Онъ привелъ ее на новоустроенный молъ, показалъ ей свои сооруженія, уже устоявшія противъ зимнихъ бурь. Императрица благодарила его и приказывала продолжать работы.

Одинъ разъ онъ ей написалъ: «Посвятите мнѣ, всемилостивѣйшая государыня, въ день одинъ часъ или даже меньше часа и назовите это время часомъ фельдмаршала Миниха. Это доставитъ вамъ средства обезсмертить свое имя». Императрица исполнила его желаніе, и онъ сообщилъ ей плоды своихъ долгихъ размышленій о разныхъ вопросахъ, занимавшихъ его въ теченіе жизни. Любимымъ предметомъ его задушевныхъ желаній было изгнаніе турокъ и татаръ изъ Европы и завоеваніе Константинополя.

Въ празднованіе дня рожденія великаго князя Павла Петровича приглашенный во дворецъ Минихъ сказалъ императрицѣ: «я желаю, чтобы, когда великій князь достигнетъ семнадцатилѣтняго возраста, я бы могъ поздравить его генералиссимусомъ россійскихъ войскъ и проводить въ Константинополь, слушать тамъ обѣдню въ храмѣ св. Софіи. Можетъ быть, назовутъ это химерою, такъ же какъ называли химерою строеніе балтійскаго порта въ Рогервикѣ. Но я могу на это сказать только то, что Великій Петръ съ 1695 года, когда въ первый разъ осаждалъ Азовъ, и вплоть до своей кончины не выпускалъ изъ вида своего любимаго намѣренія—завоевать Константинополь, изгнать турокъ и татаръ изъ Европы и на ихъ мѣсто возстановить христіанскую греческую имперію. Я могу, всемилостивѣйшая государыня, предложить планъ этого обширнаго и важнаго предпріятія. Я нѣсколько лѣтъ надъ этимъ планомъ трудился въ моемъ изгнаніи; къ несчастію—онъ, уже написанный, пропалъ вмѣстѣ съ моею новою системою фортификаціи. Надобно нѣсколько времени, чтобъ его снова обдумать и начертить». Минихъ сообщалъ Екатеринѣ свои предположенія о войнѣ съ турками, и Екате-

рина съ удовольствіемъ слушала сѣдого воина, который при этомъ не удерживался и проклиналъ Австрію за бѣлградскій миръ, остановившій побѣдоносное движеніе Россіи къ общенамѣченной цѣли.

Минихъ, всегда человѣкъ религіозный, еще съ 1727 года состоялъ патрономъ евангелическаго общества при лютеранской церкви св. Петра въ Петербургѣ. Въ 1728 году онъ купилъ и подарилъ ей просторное мѣсто, на которомъ эта церковь каменная стоитъ до сихъ поръ, самъ начерталъ планъ и фасадъ ея, собралъ на постройку ея деньги, присутствовалъ при ея заложеніи, и при освященіи ея 14 іюня 1730 г., поднесъ пастору Наззіасу церковные ключи. Послѣ его возвращенія изъ ссылки, его опять упросили принять на себя патронатъ. Минихъ ревностно старался привести въ цвѣтущее состояніе церковь и основанную при ней школу (Petersschule), находившуюся тогда подъ надзоромъ доктора пастора Бюшинга; испросилъ у императрицы пожертвованіе въ пользу школы въ количествѣ трехъ тысячъ рублей, а отъ великаго князя тысячу рублей на покрытіе долга, сдѣланнаго при постройкѣ зданія для школы, а самъ вносилъ на школу каждогодно по 300 рублей. Но въ 1766 году, вслѣдствіе несогласій между членами общины, Минихъ лишился патронатства. Тогда оставилъ свою пасторскую должность и уѣхалъ за границу его пріятель, докторъ Бюшингъ. Онъ, какъ самъ объясняетъ, поступилъ такъ столько же изъ уваженія къ Миниху, сколько и для того, чтобъ не подавать повода къ дальнѣйшимъ раздѣленіямъ и недоразумѣніямъ.

Минихъ не забывалъ никогда своей родины, а послѣ своего возвращенія изъ Сибири, велъ постоянную переписку съ управителями своихъ помѣстьевъ въ Ольденбургскомъ краѣ. Осталось его письмо къ управителю Гансу и другое къ Генриху, который приходился ему родственникомъ и занималъ должность главнаго надзирателя надъ водяными путями и постройками каналовъ, плотинъ, мостовъ и шлюзовъ. Минихъ списалъ сочиненіе своего родителя о плотинахъ и послалъ къ Генриху для напечатанія; кромѣ того, послалъ собственный проектъ о проведеніи каналовъ въ Ольденбургскомъ графствѣ, назначивъ его на благоусмотрѣніе датскаго короля, который въ то время былъ и владѣтельнымъ графомъ ольденбургскимъ и дельменгорстскимъ. На этотъ проектъ не обратили тогда большого вниманія. Данія собиралась обмѣною Ольденбурга прекратить возникшую тогда датско-голштинскую распрю. Впрочемъ, датскій король прислалъ

Миниху благодарность и далъ позволеніе въ своихъ имѣніяхъ свободно стрѣлять оленей и другихъ звѣрей.

Минихъ приказывалъ перестроить по своему плану свой домъ въ родовомъ своемъ помѣстьѣ Нейенгунторфѣ и купить для себя домъ въ Ольденбургѣ: онъ намѣревался, удалившись на родину, проживать тамъ въ зимнее время, а на лѣто переселяться въ Нейенгунторфъ. За годъ передъ смертію, онъ писалъ женѣ своего управителя: «Я живу здѣсь въ великолѣпномъ домѣ, въ которомъ комнаты богато расписаны и украшены дорогими картинами, но все это я оставлю, чтобы переселиться въ Ольденбургъ: такъ сердечно я люблю свою родину. Охотно вѣрю, что и вы, моя дорогая, пожелаете увидѣть стараго фельдмаршала. Если Богу угодно, это исполнится въ будущемъ году, въ маѣ». Уже за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины онъ писалъ: «меня задерживаютъ здѣсь: составленіе фортификаціонной системы и множество дѣлъ, должностныхъ и домашнихъ. У меня подъ управленіемъ три канцеляріи: русская, нѣмецкая и французская. Я работаю въ нихъ, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней. Зимою и лѣтомъ съ четырехъ часовъ утра до обѣда. За столомъ бываю въ кругу пріятелей. Это мое развлеченіе. Послѣ обѣда отдыхаю, не болѣе получаса, а къ вечеру, если работа уже окончена, стараюсь имѣть необходимое для здоровья движеніе, посѣщаю кого-нибудь изъ знакомыхъ или прогуливаюсь въ саду, читаю книги и газеты, чтобы не быть совсѣмъ чужимъ для всѣхъ на свѣтѣ». Онъ въ совершенствѣ владѣлъ русскимъ и французскимъ языками, какъ своимъ природнымъ нѣмецкимъ и, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, диктовалъ на этихъ языкахъ разныя письма и замѣчанія, и дѣлалъ это съ такою быстротою, что уставали отъ работы скорѣе его секретари, чѣмъ онъ самъ. Порядокъ, аккуратность, правильность во всемъ были его качествами, и онъ не выносилъ ни малѣйшаго промаха въ писаніи. До смерти онъ былъ милъ и любезенъ въ обращеніи съ дамами. Екатерина, замѣчая любезный тонъ его писемъ къ ней, однажды выразилась: «вы такъ любезно ко мнѣ пишете, что со стороны могло бы кому-нибудь показаться, что между нами есть сердечныя отношенія, если бы ваши почтенныя лѣта не исключали всякаго подозрѣнія въ этомъ родѣ».

Въ 1766 году императрица устроила у себя рыцарскій карусель для благородныхъ лицъ россійскаго дворянства. Участвовали знатныя придворныя дамы. Всѣ участники раздѣлены были на четыре группы или кадрили, изображавшія собою четыре націи, то были: славяне, индѣйцы, римляне и турки. Минихъ былъ

судьею состязавшихся. Онъ стоялъ на возвышеніи въ родѣ амфитеатра. По окончаніи рыцарскихъ игръ, онъ сказалъ по-французски кавалерамъ и дамамъ: «я—старѣйшій фельдмаршалъ въ Европѣ, я на службѣ шестьдесятъ пять лѣтъ; я водилъ къ побѣдамъ славное русское воинство, считаю настоящія минуты драгоцѣннѣйшею въ моей жизни наградою, и горжусь, что избранъ судьею вашихъ блистательныхъ подвиговъ, благородные дамы и кавалеры!» Онъ вручилъ первый призъ графинѣ Чернышовой и передалъ ей для раздачи другимъ лицамъ призы.

Этими игрушками императрица думала развлекать дворянство и отвлекать отъ политическихъ волненій, которыя считала возможными, вслѣдствіе своего необычнаго вступленія на престолъ.

Старый фельдмаршалъ надѣялся еще жить долго. У него была вѣра въ то, что его поддерживаютъ на свѣтѣ благодѣянія, которыя онъ щедро оказывалъ всѣмъ, вѣрный своему правилу непремѣнно каждый день исполнить какое-нибудь богоугодное доброе дѣло, за которое вечеромъ въ тотъ же день одобритъ его собственная совѣсть. Человѣкъ благодѣтельный долженъ прожить до ста лѣтъ,—писалъ онъ Бюшингу. Но когда ему исполнилось слишкомъ восемьдесятъ пять лѣтъ, ему сильно хотѣлось удалиться на свою Ольденбургскую родину и онъ подалъ Екатеринѣ просьбу объ отставкѣ; въ этой просьбѣ сравнивалъ себя съ Верзеніемъ, котораго царь Давидъ не охотно отпускалъ отъ себя (Царств. II, гл. XIX, ст. 34): «Вкусъ мой не прельщается пиршествами, гласы пѣвцовъ и пѣвицъ не плѣняютъ уже моего слуха. Зачѣмъ рабъ твой будетъ въ тягость своему царю! Дозволь, всемилостивѣйшая государыня, рабу своему возвратиться и умереть у гроба отца своего и матери». Но государыня, уже прежде отказывавшая ему подъ разными предлогами, и теперь просила его подождать немного, увѣряя, что нѣтъ у ней другого, который бы могъ замѣнить его въ это время. Екатерина намѣревалась созвать депутатовъ для уложенія законовъ и уже разослала по Россіи свой «Наказъ»; она вручила экземпляръ и сыну Миниха, для передачи отцу, и желала, чтобы старецъ, прочитавъ его, сообщилъ ей свои мнѣнія.

Но этотъ даръ засталъ Миниха на смертномъ одрѣ. Онъ заболѣлъ лихорадочными припадками и колотьемъ въ боку. Чрезъ двѣ недѣли онъ сталъ выздоравливать, и тутъ доставленъ былъ ему отъ императрицы экземпляръ ея «Наказа». За четыре дня до смерти, онъ писалъ въ Ольденбургъ, что былъ боленъ, но болѣзнь уже проходитъ и онъ надѣется, что скоро силы его со-

вершенно возстановятся. Но послѣ облегченія отъ болѣзни, вдругъ силы его стали исчезать и Минихъ скончался 16 октября 1767 года, проживши 84 года, 5 мѣсяцевъ и 6 дней.

Его желаніе—быть погребеннымъ въ ольденбургской родовой гробницѣ—не исполнилось. Тѣло его было сначала положено въ церкви св. Петра въ Петербургѣ, какъ строителя и благодѣтеля этой церкви, а потомъ отвезено было въ Лифляндію въ его мастность Лунію, недалеко отъ Дерпта, и тамъ было предано землѣ. Его супруга пережила его. Послѣ него осталось четверо дѣтей: сынъ и три дочери, всѣ отъ перваго брака. Но у каждаго изъ дѣтей были не только дѣти, но уже и внуки, такъ что послѣдніе дни свои освобожденный изъ грустнаго заточенія старецъ проводилъ какъ ветхозавѣтный патріархъ посреди юнаго потомства.

Личность Миниха—безспорно одна изъ самыхъ замѣчательныхъ въ ряду дѣятелей русской исторіи. Изъ всѣхъ такъ-называемыхъ нѣмцевъ Петра Великаго, включая въ число ихъ какъ найденныхъ имъ въ отечествѣ и поднятыхъ его всепроницающимъ геніемъ, такъ и приглашенныхъ имъ въ Россію иноземцевъ, едва ли можно указать на болѣе соотвѣтствовавшаго значенію быть продолжателемъ дѣятельности великаго преобразователя, какъ Минихъ, и недаромъ прозорливый государь такъ одобрительно отнесся къ нему передъ собраніемъ своихъ сенаторовъ. Искусный водопроводитель, мудрый администраторъ, непобѣдимый полководецъ, онъ, куда только ни ставила его судьба, вездѣ являлся достойнымъ продолжателемъ Петра Великаго, къ памяти котораго до гробовой доски сохранялъ благоговѣйное уваженіе. Даже по своей неутомимой дѣятельности и по безпредѣльному трудолюбію онъ напоминалъ собою великаго государя. Будучи въ Россіи чужеземцемъ и въ русской службѣ наемникомъ, онъ, по своему обширному уму, не могъ послѣдовать общему предразсудку своихъ земляковъ-нѣмцевъ, которые, вступая въ Россію, считали ее варварскою страною, смотрѣли на русскій народъ, какъ на матеріалъ, пригодный только для ихъ корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ плановъ. Минихъ не переставалъ принадлежать къ той народности, въ нѣдрѣ которой родился, но уразумѣлъ, какъ немногіе изъ природныхъ русскихъ, всѣ достоинства русскаго народа и служилъ пользѣ и интересамъ Россіи честно, открыто и неутомимо. Россія обязана ему приведеніемъ въ лучшій строй русскаго войска и многими административными учрежденіями по военному устройству; въ особенности заведеніе Сухопутнаго кадетскаго корпуса и учрежденіе

гарнизонныхъ школъ останутся вѣчнымъ памятникомъ заботливости его о распространеніи просвѣщенія въ русскомъ войскѣ. Его неудавшіеся планы относительно турецкой имперіи показываютъ, что онъ понималъ истинное призваніе Россіи и что его войны были у него не такъ, какъ у многихъ талатливыхъ военачальниковъ, войнами для войны, но средствомъ для болѣе великихъ и гуманныхъ цѣлей. Разрушеніе турецкаго владычества въ Европѣ, за которымъ неизбѣжно должно было послѣдовать освобожденіе и призваніе къ новой политической жизни подавленныхъ оттоманскимъ завоеваніемъ христіанскихъ народовъ, было его любимою идеею, не оставлявшею его и въ грустномъ пелымскомъ заточеніи: ему хотѣлось, чтобы это великое дѣло совершено было Россіею и совершеніе было уже не далеко, но помѣшала тогда зависть къ величію Россіи западныхъ державъ и неспособность, а равно коварство союзника, австрійскаго двора; оттуда-то непримиримая ненависть его къ Австріи, проявлявшаяся постоянно. Въ судьбѣ этого человѣка — много трагическаго; въ своихъ широкихъ видахъ на пользу Россіи—онъ постоянно встрѣчалъ препятствія отъ самой Россіи. Узкое правительство Анны Ивановны, руководимое недалекимъ умомъ герцога курляндскаго, заключаетъ не кстати миръ, разбивающій въ дребезги всѣ плоды военной дѣятельности Миниха, и празднуетъ этотъ унизительный миръ, какъ великое счастливое событіе— одинъ Минихъ чувствуетъ, что Россіи надобно не радоваться, а сѣтовать, но долженъ, однако, скрѣпя сердце, молчать и заурядъ съ другими радоваться и торжествовать, а завистники и клеветники, всю жизнь не дававшіе ему отдыха, замѣчая въ немъ недовольство, приписываютъ его только невозможности достигнуть своихъ собственныхъ эгоистическихъ цѣлей! Анна при смерти; придворные льстецы, угождая ей и думая предупреждать ея тайныя желанія, обращаются къ ея любимцу съ просьбою принять по смерти императрицы регентство; Минихъ, ненавидѣвшій и презиравшій временщика, понималъ изъ предшествовавшихъ событій, что если государыня выздоровѣетъ, то не проститъ ни малѣйшаго неуваженія къ ея любимцу, и долженъ былъ не только пристать къ льстецамъ, но даже стать во главѣ ихъ и просить Бирона о томъ, чего внутренно не хотѣлъ. Черезъ 20 дней, по просьбѣ утѣсняемой регентомъ матери императора, онъ низвергъ регента, но вмѣсто благодарности встрѣтилъ отъ возстановленнаго имъ правительства недовѣріе, подозрительность и противодѣйствіе своимъ совѣтамъ. Минихъ устранился, а его не переставали подозрѣвать и не любили. Наконецъ, совершается

новый переворотъ и Миниха, ни въ чемъ не повиннаго, уже совершенно отстранившагося отъ государственныхъ дѣлъ, арестуютъ, ведутъ на эшафотъ и отправляютъ въ тяжелое заточеніе. Какое опять наступаетъ трагическое положеніе! Его натура въ силахъ нести непомѣрные для другихъ труды, перетерпѣвать лишенія и оскорбленія, какъ никто иной не въ силахъ, но бездѣятельности вынести не можетъ; онъ пишетъ и посылаетъ изъ своей грустной темницы проектъ за проектомъ, въ видахъ то того, то другого предпріятія въ пользу Россіи, указываетъ на все, какъ на продолженіе или на окончаніе того, что замышлялъ Петръ Великій, проситъ себѣ свободы настолько, чтобы могъ потрудиться для Россіи—все напрасно: власть глуха къ его моленіямъ, его проектовъ не читаетъ властительница, во все свое царствованіе избѣгавшая всякаго серьезнаго чтенія, ему, наконецъ, запрещаютъ писать, отнимаютъ у него бумагу, перья, чернила, грубый караульный подсматриваетъ за нимъ какъ за опаснымъ государственнымъ злоумышленникомъ... и въ такомъ ужасномъ положеніи томится страдалецъ двадцать лѣтъ! И что же? «Не было дня, чтобы я не находился въ свѣтломъ расположеніи духа»,—сознавался онъ по выходѣ изъ заточенія! Какая сверхъ-человѣческая сила духа! Съ веселымъ лицомъ шелъ этотъ человѣкъ на эшафотъ, не зная еще, что милость императрицы замѣнитъ для него колесо ссылкою; не унывалъ онъ и въ ужасныхъ стѣнахъ пелымскаго острога: вездѣ и всегда—равенъ себѣ самому! Наконецъ, дожилъ онъ до освобожденія! Но трагизмъ не покидаетъ этой личности и послѣ. Какъ не назвать трагическимъ въ ряду противоположныхъ явленій, доходящихъ отчасти до комизма, положеніемъ, когда старый фельдмаршалъ выбивается изъ силъ, чтобы спасти государя, которому обязанъ возвращеніемъ къ жизни, и не можетъ, по причинѣ ничтожности души этого государя и его сателлитовъ! Старику остается безсмысленно смотрѣть на звѣзды, когда послѣдній спасительный совѣтъ его былъ отвергнутъ! Онъ отдается Екатеринѣ. Трогательно великодушіе новой государыни! Теперь, уже въ восемьдесятъ лѣтъ отъ роду, для него, казалось, наступала эпоха, когда онъ могъ сойтись съ властью—но и теперь не кончился трагизмъ для судьбы этого человѣка. Казалось бы, съ кѣмъ легче могъ сойтись Минихъ, какъ не съ Екатериною! И что же? Мы видимъ, что она предоставила ему строить гавани и каналы, окружила его внѣшнимъ почетомъ, цѣнила его личность, слушала со вниманіемъ, но тутъ же и скучала отъ его старческихъ предположеній и даже не содѣйствовала успѣшному окончанію

его инженерныхъ и гидравлическихъ работъ въ такой степени, какъ онъ желалъ и требовалъ! Онъ все-таки чувствовалъ, что онъ—уже лишній. Отсюда—его желаніе удалиться на родину и тамъ дожить въ безвѣстности. Едва ли въ русской исторіи можно указать личность, въ судьбѣ которой было столько трагизма, какъ личность Миниха!

Современники, знавшіе его лично, замѣчали въ немъ признаки неудержимаго честолюбія, а иногда и высокомѣрія; конечно, ни одинъ смертный не можетъ быть безъ недостатковъ и пороковъ, но тѣ же современники сознавали, что эти недостатки умѣрялись другими высокими нравственными качествами. Притомъ надобно имѣть въ виду, что Минихъ, какъ человѣкъ, былъ все-таки сынъ своего вѣка. Мы позволимъ себѣ замѣтить въ немъ еще противорѣчіе, незамѣтное для современниковъ. Какъ мирились въ этомъ человѣкѣ два противоположныя качества: жестокость и безпощадность къ человѣку на войнѣ и глубокая религіозность, не такая, которая часто удовлетворяетъ себя видимыми обрядами благочестія въ родѣ построенія церквей и т. п., а иная, болѣе раціональная, стремящаяся выразиться исключительно въ молитвѣ и любви къ ближнему? Минихъ безъ сожалѣнія велъ войско въ лѣтній зной по степямъ крымскимъ и украинскимъ, теряя тысячи погибавшихъ отъ утомленія, жажды и голода, и тотъ же Минихъ поставлялъ себѣ всю жизнь обыденнымъ правиломъ—сдѣлать каждый день какое-нибудь доброе дѣло, чтобъ успокоить свою совѣсть вечеромъ, когда начнетъ размышлять о проведенномъ днѣ! Какъ согласить несогласимое—военную доблесть, истребленіе враговъ, съ послѣдованіемъ тому, кто, въ минуту крайней опасности, повелѣлъ хотѣвшему защищать его вложить въ ножны оружіе и произнесъ великую міровую истину: всякъ, принимающійся за мечь, погибнетъ отъ меча! И, однако, эта истина, произнесенная такъ давно, и въ наше время сознается и чувствуется только очень немногими, а въ тѣ времена, когда жилъ Минихъ, чувствовалась развѣ одними отшельниками, отрекавшимися отъ всякой общественной дѣятельности, не только разрушительной, но и созидательной! Да и тѣ признавали такой взглядъ обязательнымъ только для себя самихъ, а пребывающимъ за стѣнами ихъ келлій предоставляли руководствоваться иными нравственными убѣжденіями! Большинство изъ поколѣнія въ поколѣніе считало призваніе воина совершенно согласимымъ съ призваніемъ истиннаго христіанина и добытые на войнѣ трофеи безъ зазрѣнія совѣсти приносились въ храмъ, посвященный тому, кто повелѣлъ

даже злу не противиться! И у Миниха согласовалось воинское поприще съ обязательствомъ каждый день совершить доброе дѣло для успокоенія своей совѣсти. Надобно только замѣтить, что у Миниха приличнѣе, чѣмъ у многихъ ему подобныхъ, сочеталось это противорѣчіе воинственности съ христіанскимъ благочестіемъ. Мы выше уже замѣтили, что Минихъ принадлежалъ не къ тѣмъ, для которыхъ война имѣла значеніе для самой войны; у него она была необходимымъ, хотя и злымъ средствомъ къ достиженію болѣе гуманныхъ, культурныхъ цѣлей, точно такъ же какъ и у великаго Петра, котораго Минихъ постоянно считалъ для себя образцомъ, и это качество, замѣтное во всей его жизни, возвышаетъ въ глазахъ нашихъ этого человѣка, и дѣлаетъ его однимъ изъ самыхъ почтенныхъ лицъ, двигавшихъ нашу исторію, не только по суммѣ пользы, сдѣланной имъ Россіи въ своей жизни, но и по нравственной высотѣ своего характера.

Н. Костомаровъ.

ДЕРЕВЕНСКІЯ ИСТОРІИ

I.

СЧАСТЛИВЧИКЪ.

I.

Былъ прелестнѣйшій весенній день...

Небольшая березовая роща, едва успѣвшая покрыться первымъ налетомъ жидкой зелени, вся гремѣла соловьями, вся благоухала прѣлымъ листомъ, фіалками, смолистою почкою деревьевъ, вся трепетала, словно отъ избытка жизни, подъ легкимъ движеніемъ вѣтра, переливая сотнями красокъ и оттѣнковъ, насквозь пронизанная лучами яркаго солнца... Ахъ, это солнце! Безконечною сѣтью своихъ свѣтлыхъ движущихся пятенъ покрыло оно и бурый коверъ прошлогодняго листа, весело распестренный зеленью молодой, только-что пробивающейся травки, и толстые бѣлые стволы березъ, и рыжихъ, черныхъ, пестрыхъ коровъ, которыя уже паслись въ лѣсу небольшимъ стадомъ... Все ликовало, все рвалось къ жизни подъ могучимъ сіяніемъ солнца, подъ ширью необъятнаго, бездонно-глубокаго неба, въ сіяющей синевѣ котораго такъ безпомощно тонулъ взоръ человѣка.

Спрашивается: какъ въ подобный день усидѣть дома? Особливо покуда въ памяти еще такъ живы и недавнія метели, и вой зимняго вѣтра въ трубахъ, и противная слякоть сырого, холоднаго дня—того дня, когда все кажется сѣрымъ: и земля, и небо, и даже хлопья мокраго снѣга, падающія въ глубокое мѣсиво грязи.

— Нѣтъ, пáпа, воля твоя, а я домой не поѣду!—рѣшила очень юная дѣвица съ высоты великолѣпнаго шарабана заграничной работы.—Ныньче такая погода, такой воздухъ, такой запахъ, что просто пьянѣешь, какъ отъ шампанскаго... Если тебѣ некогда, оставь меня здѣсь, и пришли за мною миссъ Чёрчъ.

Спутникъ юной дѣвицы, очень представительный господинъ лѣтъ пятидесяти на видъ, съ красивымъ и умнымъ, но нѣсколько высокомѣрнымъ лицомъ, молча вытащилъ свои дорогіе карманные часы.

— Что-жъ, пожалуй...—протянулъ онъ затѣмъ.—До обѣда остается еще три часа. Поброди здѣсь, если припала охота.

— Merci, papa!—восторженно крикнула дѣвица.—Останови, пожалуйста, лошадей: я сойду.

Представительный господинъ натянулъ возжи.

Но тутъ вдругъ, почти съ быстротою мысли, произошло нѣчто неожиданное, странное и страшное: съ ближайшаго дерева съ шумомъ и карканьемъ сорвалось нѣсколько воронъ; въ то же мгновеніе лошади разомъ шарахнулись въ сторону; послышался раздирающій крикъ, что-то большое, блеснувшее на солнцѣ розовой краской, мелькнуло въ воздухѣ; затѣмъ еще крикъ, удушливый и хриплый; еще что-то, но уже темное, метнулось впередъ...

Когда черезъ минуту шарабанъ остановился, и можно было понять, въ чемъ именно дѣло, чтó такое произошло—дѣйствующія лица оказались въ слѣдующемъ положеніи: дѣвушка лежала на землѣ, блѣдная, съ закрытыми глазами, и розовое ея платье запуталось въ заднемъ колесѣ экипажа; представительный господинъ, съ лицомъ, искаженнымъ отъ ужаса, готовился прыгнуть съ подножки шарабана; лошади дрожа стояли на мѣстѣ, а за уздечки ихъ держался какой-то крестьянинъ, тяжело дышавшій и, повидимому, сильно придавленный дышломъ къ березѣ.

— Мúла! Мúла! Что съ тобой? Ради Господа!..—воскликнулъ представительный господинъ.

Съ быстротой, совершенно необычайной въ человѣкѣ его возраста, онъ соскочилъ нá-земь и наклонился надъ дѣвушкой, протягивая къ ней руки.

— Мúла! Жизнь моя!..

Но дѣвушка уже успѣла открыть глаза.

— Я, кажется, только очень испугалась,—слабо улыбнулась она, слегка двинувъ руками и ногами, какъ бы съ цѣлью убѣдиться, что онѣ еще цѣлы и будутъ служить ей по прежнему.

— Ты можешь встать?

— Конечно.

Дѣвушка привстала, повидимому, свободно; но платье, запутавшееся въ колесѣ, не допустило ее подняться на ноги.

Тутъ только представительный господинъ замѣтилъ всю опасность такого положенія.

— Держи, держи лошадей! Держи, ради Бога!—крикнулъ онъ крестьянину, который, хотя былъ придавленъ къ дереву, все еще не трогался съ мѣста и не выпускалъ изъ рукъ уздечекъ.

— Будьте благонадежны, ваше сіятельство.

Господинъ съ нѣкоторымъ усиліемъ приподнялъ заднія колеса.

— Если можешь, помоги мнѣ высвободить твое платье,—сказалъ онъ дѣвушкѣ.—Тяни его къ себѣ, сильнѣе... Ну!

Послышался трескъ разрываемой ткани, но черезъ минуту или двѣ все было приведено въ надлежащій порядокъ: господа опять сидѣли въ шарабанѣ, а крестьянинъ усердно отвѣшивалъ имъ поклоны, съ шапкою въ рукахъ.

— Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ, спасибо! — говорилъ представительный баринъ.—Ты меня знаешь?

— Какъ же намъ не знать ваше сіятельство!

— То-то. Приходи. Ну, еще разъ спасибо, и прощай.

— Нѐ на чемъ. Прощайте, ваше сіятельство.

Крестьянинъ, низко расклянявшись, простоялъ безъ шапки, покуда шарабанъ не скрылся за деревьями на поворотѣ дороги.

— Дюжё убился!—замѣтилъ онъ тогда про себя, потрогивая грудь рукою.—Ажно дышать тяжко.

И, надѣвъ свою дырявую шапченку, онъ медленно побрелъ домой, по изрытой водою лѣсной тропинкѣ.

II.

Людмила Сергѣевна княжна Убромская поплатилась за свое паденіе только двумя-тремя царапинами да небольшою ссадиной на лѣвой рукѣ пониже локтя. Приключеніе сошло ей съ рукъ необыкновенно благополучно, и на всѣ тревожные разспросы у нея былъ одинъ отвѣтъ: «никакой боли нигдѣ не замѣчаю, а вообще чувствую себя, какъ нельзя лучше».

Тѣмъ не менѣе князь Убромскій счелъ необходимымъ тотчасъ же выписать изъ губернскаго города мѣстную хирургическую извѣстность.

«Извѣстность» щупала, стучала, давила, вытягивала, гнула, слушала, но несмотря на очевидное и самое искреннее желаніе разыскать «легонькій переломчикъ или что-нибудь въ этомъ родѣ»—должна была прійдти къ заключенію, что кромѣ пустячныхъ царапинъ ничего у княжны не замѣчается, общее же состояніе ея здоровья «можно признать даже цвѣтущимъ и вполнѣ благонадежнымъ».

Князь, однако, не вполнѣ успокоился.

— Да еще понимаетъ ли что-нибудь этотъ господинъ, провинціальный эскулапъ?—усомнился онъ, расплатившись съ хирургомъ.

Какъ человѣкъ, постоянно живущій въ Петербургѣ и очень богатый, князь привыкъ вѣрить, что только немногіе въ правѣ понимать недуги его самого и его единственной дочери.

Князь вообще не отличался ни обиліемъ нѣжности въ характерѣ, ни особенной набожностью... Но онъ много пожилъ на свѣтѣ, многое испыталъ и многаго добился, одаренъ былъ умомъ не дюжиннымъ, а потому—познавъ истинную цѣну всякихъ земныхъ радостей—сталъ нѣсколько скучать жизнью, которая уже не представляла ему иллюзій и приманокъ, способныхъ всецѣло охватить душу огнемъ страсти, желанія или вдохновенной вѣры. Хорошенькая, шестнадцатилѣтняя княжна, съ ея идеальной головкой и большими открытыми глазами, съ ея веселой болтовней и неистощимой, довѣрчивой нѣжностью, была—сама того не подозрѣвая—солнцемъ въ жизни князя. Осыпанный всяческими дарами счастія, онъ, однако, не разъ говорилъ себѣ, что безъ Милы, пожалуй, не стоило бы и жить на свѣтѣ. А послѣ приключенія въ лѣсу этотъ баловень судьбы, этотъ человѣкъ съ гордымъ и смѣлымъ умомъ, запершись у себя въ кабинетѣ, на колѣняхъ, со слезами и съ горячей мольбою, билъ поклоны передъ дѣдовскимъ образомъ въ потускнѣвшей серебряной ризѣ, передъ тѣмъ самымъ образомъ, который такъ долго, цѣлые годы, висѣлъ всѣми забытый въ своемъ темномъ углу... «Сотрясеніе мозга», «разрывъ сосудовъ», «поврежденіе надкостной плевы и костоѣда»—вотъ ужасныя слова, которыя словно кто-то нашептывалъ князю Убромскому; и дыханіе замирало въ немъ отъ страха, и сердце сжималось до боли, и съ новыми слезами глядѣлъ онъ на темный дѣдовскій образъ.

Однако, дня черезъ два-три даже князю пришлось убѣдиться, что на этотъ разъ малоизвѣстный провинціальный эскулапъ не ошибся: хорошенькая княжна прыгала, бѣгала, смѣялась, и все это съ такою энергіей, которая лишь очень рѣдко проявлялась

у нея въ Петербургѣ; чистый, музыкальный голосокъ княжны, словно серебряный колокольчикъ, разносился по цѣлому дому, звенѣлъ изъ всѣхъ закоулковъ сада и усадьбы. Рѣшительно «мозгъ и сосуды» сохранились въ надлежащей неприкосновенности.

Князь не былъ изъ числа людей, легко забывающихъ. Почти совсѣмъ успокоившись на счетъ своей дочери, онъ еще разъ преклонилъ колѣни передъ тѣмъ же темнымъ образомъ.

Молитва князя была прервана на этотъ разъ голосомъ его дочери.

— Папа, можно къ тебѣ?—постучалась она.

Еще съ глазами, влажными отъ слезъ, поспѣшно вытертыхъ надушеннымъ платкомъ, онъ поднялся съ колѣнъ и отворилъ двери.

— Можно, моя радость. Тебѣ всегда можно.

Весело и шумно, на этотъ разъ даже съ особеннымъ оживленіемъ, ворвалась Людмила Сергѣевна въ комнату отца.

— Папа! Знаешь, чтó говоритъ кучеръ?

— Ну?

— Онъ говоритъ, не быть бы мнѣ въ живыхъ, еслибъ не тотъ крестьянинъ, который—помнишь?—схватилъ лошадей.

— Конечно, дитя мое, этотъ человѣкъ сдѣлалъ намъ величайшую услугу. Но все-таки онъ—только орудіе божіе; и что именно случилось бы безъ него—вѣдаетъ одинъ Господь.

Князь, еще весь подъ вліяніемъ своей прерванной молитвы, глубоко вздохнулъ, мысленно творя крестное знаменіе.

— Нѣтъ, папа, кучеръ говоритъ, что Самсонъ,—нашъ лѣвый дышловой,—очень смирная лошадь; но ужъ за то, если иной разъ испугается, удержать его нѣтъ возможности. Не будь того крестьянина, мнѣ навѣрное размозжили бы голову объ какой-нибудь пень или дерево, право.

Князь даже закрылъ глаза рукою.

— Боже сохрани! И зачѣмъ вспоминать объ этомъ, когда уже все прошло и кончено...

Убромскій съ невольной дрожью подумалъ: «размозженная голова... кровь... пробитый черепъ!.. И все это, пожалуй, по моей же винѣ; пришлось бы упрекать себя же... Господи, какой ужасъ!»

Но княжна, все съ тѣмъ же одушевленіемъ, съ тѣмъ же блескомъ въ глазахъ—вѣдь минувшая опасность была такимъ интереснымъ обстоятельствомъ!—продолжала толковать свое.

— Кучеръ даже удивляется, папа, какъ это крестьянину

удалось схватить лошадей, какъ его самого не подтоптали подъ копыта и не избили въ прахъ... Мнѣ бы хотѣлось отыскать этого крестьянина и поблагодарить его.

— Да, да, конечно, ему надо заплатить!—живо согласился князь:—хорошо заплатить, обезпечить на всю жизнь, дать больше, чѣмъ онъ мечтаетъ... А, впрочемъ, искать его не безпокойся: повѣрь, онъ самъ явится.

— Почему, папа?

— Какое ты еще дитя, Мила!—погладилъ онъ ее по головѣ.—Подумай сама: человѣкъ этотъ знаетъ, что онъ оказалъ намъ огромную услугу, знаетъ, что я могу и конечно захочу наградить его щедро... И неужто онъ пропуститъ подобный случай? Это было бы ужъ слишкомъ удивительно! Не рыцарь же онъ, переодѣтый въ лапти и сѣрую свиту.

Князь даже улыбнулся.

Но послѣ приключенія въ лѣсу прошло болѣе недѣли, а крестьянинъ, успѣвшій остановить лошадей, не являлся въ Краснополье (такъ прозывалась великолѣпная усадьба князей Убромскихъ): точно онъ въ воду канулъ.

III.

Вечерѣло.

Солнце, близкое къ закату, выглянувъ изъ-за небольшой тучки, еще разъ озарило своимъ послѣднимъ розоватымъ свѣтомъ и яркую зелень озимей, и черныя поля свѣжевспаханной яри, и сотню березъ (неизмѣнный пріютъ неизмѣнно суетливыхъ и крикливыхъ грачей), которыя словно сторожили въѣздъ въ небогатое село Богодухово.

Но это было прощальной улыбкой дня.

Почти тотчасъ затѣмъ румяный блескъ началъ сбѣгать съ полей. Разомъ потускнѣла и нахмурилась синеватая озимь. Тѣнь пошла рости все выше, выше... Вотъ ужъ она добралась почти до самыхъ верхушекъ березъ, вотъ погасъ вдали глубоченскій мѣловой холмъ—и вмѣстѣ съ этимъ вдругъ помутнѣлъ воздухъ, исчезли всѣ яркіе тоны красокъ... Только крестъ богодуховской колокольни еще горѣлъ яркой звѣздочкой надъ мирными полями, да западная половина неба, расцвѣтившись въ золото, янтарь и карминъ, повела свой молчаливый хороводъ быстро мѣняющихся огней, блесковъ и тѣней.

Въ этотъ вечерній часъ, по узенькой полевой дорожкѣ про-

бирались къ селу Богодухову три крестьянскія сохи, запряженныя лохматыми лошаденками; а слѣдомъ шли двое крестьянъ, да крестьянскій же мальчикъ лѣтъ тринадцати на видъ.

Первый изъ пѣшеходовъ — рыжій, съ лохматой бородой, вздернутымъ носомъ, съ живыми и вороватыми глазами—былъ одѣтъ въ такія невообразимыя лохмотья, что даже человѣку, привычному къ сельской бѣднотѣ, его костюмъ, конечно, бросился бы въ глаза. Это, впрочемъ, нисколько не мѣшало рыжему «дядѣ Кукишу» [1]) находиться въ самомъ пріятномъ настроеніи духа, по крайней мѣрѣ судя по его веселому лицу и неистощимой болтливости.

За то товарищъ «дяди Кукиша»—степенный и задумчивый мужикъ лѣтъ тридцати пяти на видъ, солидно одѣтый по крестьянски,—очевидно съ трудомъ волочилъ ноги, а на всѣ рѣчи болтливаго спутника отзывался почти только полусловами.

— Что, братъ, Алеха, али тебѣ опять неможется?—спросилъ наконецъ рыжій Кукишъ.

— Разломило. Такъ-то-ли разломило—мочи нѣтъ! Ну, да еще благодарить Бога, что противъ прежняго все-таки быдто полегчало: работàю вотъ, цѣльный день пахалъ. А то вѣдь и не чаялъ съ ярью управиться. Выйдешь, выйдешь это въ поле, возьмешься за соху, пройдешь двѣ-три борозды—шабашъ! Ровно вотъ кто у тебя весь духъ отыметъ. Ахъ, ты-жъ Господи! Въ самый, то-ись, сѣвъ—на-ко-сь,—вонъ какая бѣда стряслась.

— Угораздило тебя ловко!

— Дышломъ, провалиться ему на семъ мѣстѣ! Спервоначалу, значить, садануло меня, братецъ ты мой въ брюхо; да вѣдь такъ-ли двинуло, что ажъ въ глазахъ помутилось. Ну, между прочимъ ничего. А вотъ послѣ-то, когда къ дереву очинно крѣпко прижмало—тутъ вышла самая погибель: какъ заняло духъ, даже и поселева дыхать не могу; нѣту легости въ груди, хошь ты что! Восемь дёнъ не работалъ, въ экую пору, вотъ она какова оказія. А у меня, самъ знаешь, всей подсобы—одинъ мальченка. Что съ него взять?

Алексѣй кивнулъ головой на опередившаго ихъ мальчика.

— Все-таки я на твоемъ мѣстѣ къ этому самому князю пошелъ бы. Такъ, молъ, и такъ, ваше высокое сіятельство! Черезъ усердіе пострадалъ, и должóнъ свово хлѣба рѣшиться. Отъ лошадей вашего здоровья. Убитъ. Явите божескую милость!

Алексѣй махнулъ рукой.

---

1) Въ святцахъ: Кукша.

— Не пойду. Нѣшто я самъ не загадывалъ идти? И жена посылала, и добрые люди присовѣтовали... Да нѣтъ, не пойду! Тамошніе порядки извѣстные; къ самому не допустятъ, а ужъ холопишки эти... Ну!

— Для-че не допустятъ? Пострадалъ. Може и того... награда какая выйдетъ. Попытка—не пытка, а спросъ—не бѣда. Такъ старые люди говаривали.

— Провались она, эта награда. Ну, выкинетъ онъ мнѣ рублевку, дѣло статочное... Оно конечно, кто говоритъ: можно лишней копѣйкой попользоваться... Но, между прочимъ, жили мы, благодарить Бога, безъ этой самой рублевки доселева— проживемъ, Богъ дастъ, и на предбудущее время.

— Такъ-то такъ. Только вѣдь, братецъ ты мой, и рублевка —не грибъ, въ лѣсу не выскочитъ. А на милость образца нѣтъ: ну, какъ онъ тебѣ... вдругъ... трюшницу отвалитъ!?

— Трюшницу! Вона! Выпалилъ тоже!.. Извѣстно, сказать не жаль, сказать все можно.

— Нѣтъ, да ты что думаешь? А какъ же бочарскому Митяю посчастило? Вѣдь вотъ живой человѣкъ, у всѣхъ на глазахъ.

— Что посчастило?

— На счетъ Сухаровой барыни.

— А что съ барыней?

— Да нѣшь ты не слыхалъ?

— Нѣ. Скудова-жъ мнѣ слыхать? Я и Митяя нонича не стрѣвалъ нигдѣ съ самаго съ Успенья.

— Вона!—словно обрадовался дядя Кукишъ, и разсказалъ цѣлую исторію спасенія Сухаровой барыни, вылетѣвшей изъ саней. Барыня, оказалось, наградила Митяя на мѣстѣ «синюхой».

— Слышь, подъ Бочарами. Знаешь, гдѣ двѣ ракитки стоятъ? Ну, такъ вотъ въ этомъ самомъ мѣстѣ. Врюхались такъ чудесно, что ни взадъ, ни впередъ. Кучеръ бился, бился, видитъ—шабашъ! ничего не подѣлать. А тутъ сичасъ на этотъ грѣхъ, откуда ни случись—Митяй. Кучеръ его поклинкалъ; потому, извѣстно, чужой душѣ обрадовался: что-жъ ёнъ одинъ подѣлаетъ? Вотъ они сичасъ, честь честью, барыню съ барышней изъ саней выволокли, и представили ихъ на сухое мѣсто; постромка лопнула — подвязали ее опять же; сани вытащили въ лучшемъ видѣ... И сичасъ Митяй шапку въ руки.—«Извольте, говоритъ, сударыня, садиться; пріятнаго вамъ желаю пути!» А барыня, какъ бы ты думалъ?—«спасибо, молъ, добрый человѣкъ!» Сичасъ въ карманъ, да Митяю-то синюху.

— Синюхой!? Врешь!?—усомнился Алексѣй.

— Провалиться мнѣ на семъ мѣстѣ! Да что мнѣ врать? Спроси, кого хочешь, изъ ихнихъ бочарскихъ: всякій тебѣ скажетъ.

Алексѣй даже руками развелъ.

Но послѣ нѣкотораго раздумья, Алексѣй махнулъ рукой съ новой рѣшимостью.

— Богъ съ ними, не пойду! Только сраму тамъ напримаешься отъ холопишковъ этихъ проклятыхъ. Енъ, може, по своему большому званію, даже говорить со мной не захочетъ, не токма-что другое прочее. А то вдругъ—синюха! Какъ-же! Разѣвай ротъ пошире: неравно влетитъ.

Дядя Кукишъ счелъ за лучшее перемѣнить разговоръ.

— Ты колько-нибудь землицы ужъ снялъ подъ озимь, асъ?

— Снялъ десятину у глубоченскаго управителя.

— Гдѣ?

— Въ копаномъ болотѣ.

— Значитъ, красненькую отвалилъ?

Алексѣй молча кивнулъ головой.

— Чево-жъ ты отъ міра отбиваешься? Бралъ бы за одно у старшины въ Мокрецахъ.

— А мнѣ пошто? Нѣшь за мной податя стоятъ? Благодарить Бога, еще николи самъ себя до этого не допускалъ.

Дядя Кукишъ тяжело вздохнулъ.

— Это точно, что воля твоя вольная, вся передъ тобой,— протянулъ онъ, почесывая затылокъ. — Куды захотѣлъ, туды и пойдешь.

— Коли-бъ иные прочіе поменьше этой самой водки проклятой локали, была бы и у нихъ воля вольная,—сердито замѣтилъ Алексѣй. — Никто бы не отнялъ. А теперича не то что волю, скоро и хрестъ съ шеи пропьемъ; душу свою хрестьянскую за полштофа заложимъ...

Въ это время сохи повернули въ околицу села Богодухова, и передъ нашими путниками стала по немногу открываться длинная деревенская улица, обставленная невзрачными домишками крестьянъ.

Вдругъ сынъ Алексѣя — мальчикъ, значительно опередившій обоихъ крестьянъ—крикнулъ во весь голосъ:

— Тятька! Глянь-ка, передъ нашимъ дворомъ народъ собрался, и какая-то господская запряжка стоитъ.

— Ну?

— Вѣрно!

Дядя Кукишъ поспѣшилъ къ мальчику.

— Алеха!

— Чево?

— Да вѣдь это княжьи лошади, съ Краснополья, провалиться мнѣ на семъ мѣстѣ!

IV.

Княжна Убромская вмѣстѣ со своей компаньонкой, миссъ Чёрчъ, уже около часа пробыла въ селѣ Богодуховѣ, у Алексѣя Иванова Щастнева, поджидая его возвращенія съ полевыхъ работъ. Она терпѣливо расположилась на низенькой деревянной скамьѣ, прямо на улицѣ, передъ избою Щастнева, и завела долгую бесѣду съ его женой, выспрашивая, давно ли она замужемъ, сколько имѣетъ дѣтей, какъ ей живется, и т. п. «Алехина хозяйка» — рослая и здоровая баба лѣтъ тридцати-трехъ, извѣстная на селѣ также подъ именемъ «рябой Катюхи»—правда, не разъ порывалась «спосылать за своимъ мужикомъ старшенькаго мальченку», но княжна этого не допустила, объяснивъ, что спѣшить ей некуда и что она даже рада случаю «получше познакомиться съ семьей Алексѣя Ивановича».

Между тѣмъ со всѣхъ концовъ села стали подходить любопытные, и мало-по-малу обступили пріѣзжихъ довольно многолюднымъ кружкомъ, но сначала на почтительномъ разстояніи и весьма молчаливо. Однако, вслушавшись въ ласковую бесѣду княжны съ Катюхой, нѣкоторые позволили себѣ, какъ бы вскользь и съ должной опаской, вставить два-три короткія замѣчанія. А когда сдѣлалось очевиднымъ, что «барышня» не только не «гнѣвлива», но даже на эти стороннія замѣчанія очень охотно отзывается—кружокъ быстро съузился, и началась общая бесѣда самаго оживленнаго характера.

При этомъ выяснилось, что Алексѣй Ивановъ — «мужикъ настоящій, степенный мужикъ—работникъ, надо прямо сказать; ну, и зелья этого самаго, прости Господи, не потребляетъ, человѣкъ совсѣмъ, какъ есь, не питущій, потому—зарокъ далъ». Выяснилось даже, что Алексѣй Ивановъ—хозяинъ, сравнительно достаточный: «житель, одно слово! Много ли еще у насъ такихъ-то? Двѣ лошади, корова, овецъ девять штукъ, подсвинокъ... Ну, вѣстимо, совсѣмъ чтобы безъ недостатковъ прожить никакъ не возможно, потому — дѣло мужицкое; тоже вѣдь на всякъ день одного чистаго хлѣба не напасешься: поѣшь когда

и со жмышкомъ, а не то и вовсе съ мякиной... Земельки мало, вотъ оно, наше горе крестьянское!.. Все-жъ таки между прочимъ Алексѣй Ивановъ, не въ примѣръ другимъ, подати справляетъ въ лучшемъ видѣ; ужъ отъ него старшина не поживится, это шалишь».

Доложили, разумѣется, Людмилѣ Сергѣевнѣ и о томъ, что удержавъ ея лошадей, «Алеха дюжо убился, восемь денъ въ полѣ не работалъ, и даже сичасъ очинно кряхтитъ».

Къ этому послѣднему сообщенію княжна отнеслась съ видимымъ участіемъ. Она тотчасъ начала разспрашивать и что́, и какъ зашибъ Алексѣй Ивановичъ; но удовлетворительныхъ разъясненій добиться не могла, такъ какъ даже рябая Катюха только и знала, что мужъ ея «все больше на грудь жалится, въ родѣ какъ удушье у ево».

— Почему же онъ не пріѣхалъ или не прислалъ кого-нибудь къ намъ, въ Краснополье?—спросила Людмила Сергѣевна.—Можетъ быть, мы давно бы ему помогли: съ докторомъ бы посовѣтовался, лекарство бы дали... все-таки лучше.

— То-то вотъ глупость наша мужицкая: не посмѣлъ,—возразила Катюха. — Я таки грѣшнымъ дѣломъ ему наказывала: надыть, молъ, сходить, Иванычъ, безпремѣнно сходить поклониться ево сіятельству, не умилился бы онъ надъ нами; ну, и добрые люди тоже совѣтовали. А онъ все нѣтъ да нѣтъ... такъ и осталось.

— Почему же нѣтъ-то?

— Не похотѣлъ. Тамъ, говоритъ, до барина не допустятъ.

Катюха вдругъ оборвалась, и даже ротъ зажала рукой.

— Вы ужъ меня простите, если я вамъ по глупости, може, слово какое непріятное сказала,—поклонилась она чуть не до земли.—То-то мы дуры, бабы деревенскія, дуры какъ есть. Нѣшь мы что смыслимъ? Болтаемъ зря, ровно сороки... Ужъ вы простите, ради Бога!

— Что вы, что вы, Катерина Захаровна! Зачѣмъ это? — сконфузилась княжна.—Мнѣ напротивъ очень пріятно говорить съ вами...

— Ну, ужъ гдѣ, чай!

Въ эту минуту кто-то изъ толпы крикнулъ: «гляди! Вона и самъ Алеха идетъ».

Катюха живо бросилась къ мужу на-встрѣчу.

— Барышня пріѣхала изъ Краснополья! — объяснила она ему торопливо, но полушопотомъ.—Сидитъ возлѣ насъ, почитай, цѣлый часъ: тебя ждетъ. Иди скорѣе!

Алексѣй Ивановъ очень засуетился.

— Чево такое, Господи помилуй!—проговорилъ онъ въ смущеніи, и быстро зашагалъ впередъ.

Людмила Сергѣевна съ своей стороны не усидѣла на скамьѣ. Поспѣшно бросивъ нѣсколько словъ миссъ Чёрчъ, она двинулась по улицѣ, храбро взметая своими маленькими ножками цѣлое облачко черной пыли.

Толпа любопытныхъ повалила за ней.

Увидѣвъ княжну, Алеха еще издали снялъ свою оборванную шапку, умѣрилъ шагъ и понурилъ голову; а затѣмъ, не доходя шаговъ десять, вдругъ остановился середи улицы, молча и очень смущенный.

Но княжна, съ обычной своей живостью, тотчасъ подступила къ нему вплотную.

— Алексѣй Иванычъ,—заговорила она горячо.—Я пріѣхала благодарить васъ...

И она поклонилась по-русски.

— Вы спасли мнѣ жизнь. Я только сейчасъ узнала, что при этомъ вы даже сами пострадали, гораздо больше меня... Я, разумѣется, понимаю, что за такую услугу нельзя заплатить деньгами, что я должна всю жизнь молиться за васъ—и я буду молиться, повѣрьте!.. Но все-таки отецъ мой желалъ бы знать, не можетъ ли онъ исполнить какое-нибудь ваше желаніе? Онъ будетъ счастливъ, если ему придется хоть чѣмъ-нибудь поблагодарить васъ.

Алеха — человѣкъ смирный и даже застѣнчивый — до того былъ смущенъ и поклономъ, и обращеніемъ къ нему, какъ къ «Алексѣю Иванычу», наконецъ, вообще всѣмъ тономъ рѣчей княжны, ея обѣщаніемъ молиться цѣлую жизнь — молиться за него, Алеху! — все это было такъ неожиданно и невозможно, такъ походило на какую-то странную сказку, что, совершенно растерянный, онъ даже не покушался отвѣтить что-либо словами, а только молча отвѣшивалъ усердные поклоны, одинъ за другимъ.

— Алексѣй Иванычъ!—настойчиво повторила княжна. — Я пріѣхала къ вамъ съ чистымъ сердцемъ, чтобы поблагодарить васъ, моего спасителя, отъ всей души, чтобы поклониться вамъ, какъ второму отцу...

Она опять отвѣсила поклонъ. Алексѣй же вдругъ вздрогнулъ, точно раненый, и быстрымъ движеніемъ вскинулъ свою опущенную голову.

— Вы спасли меня, рискуя своей собственной жизнью,—съ волненіемъ продолжала Людмила Сергѣевна:— послѣ отца я вамъ обязана больше всѣхъ на свѣтѣ...

Вдругъ Людмила Сергѣевна невольнымъ движеніемъ отшатнулась назадъ: Алеха съ громкимъ не то стономъ, не то рыданіемъ рухнулъ передъ ней на колѣни.

— Матушка-барышня! Ваше сіятельство!—воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Ничего мнѣ не надо, видитъ Богъ! На такомъ вашемъ ласковомъ словѣ... что вы, то ись, не погнушались... не то что деньги—а прикажите мнѣ сейчасъ умереть!

Княжна очень смутилась.

— Что вы, что вы, Алексѣй Иванычъ!—говорила она испуганно.—Встаньте, ради Бога!

— Не встану! Буду, какъ песъ, въ ногахъ валяться. Нѣшто я не чувствую? Вѣдь это какое мнѣ было отъ васъ слово? Замѣсто второго отца! Даромъ, значитъ, что сѣръ—не погнушались... Православные! Долженъ я это понимать? Долженъ я, то ись...

Алексѣй только рукой махнулъ, не находя словъ, чтобы достойно выразить свое чувство.

— Вѣрно, вѣрно, Алексѣй Ивановъ! правильно!—завопили въ толпѣ, гдѣ общее возбужденіе тоже росло съ необыкновенной быстротой.

Многіе уже крестились.

Какая-то пожилая женщина вдругъ вырвалась впередъ, припала къ ногамъ княжны, и прежде, чѣмъ та успѣла опомниться, благоговѣйно приложилась губами къ носку ея запыленной ботинки.

Людмила Сергѣевна была до того поражена всей этой неожиданной сценой, что, не умѣя ни сказать, ни сдѣлать что-нибудь въ отвѣтъ на возгласы и благословенія, только расплакалась горячими слезами.

За то эти слезы возымѣли самое рѣшительное дѣйствіе: мгновенно толпа затихла и разступилась; Алексѣй вскочилъ на ноги съ испуганнымъ видомъ.

— Буде вамъ, ошалѣлые! Куды лѣзешь, Микифоръ? Не видите рази: барышню мы растревожили. Эхъ, дуроломы, право!

Такія увѣщанія и упреки посыпались въ смущенной толпѣ.

— Добрые люди!—воскликнула Людмила Сергѣевна.—Ради Бога, простите меня! Простите мои слезы!.. Я не знала... я не умѣю выразить все, что́ теперь вдругъ...

Она дѣйствительно не умѣла выразить, и замолкла съ новыми слезами.

— Матушка-барышня! Андельская душенька прежалосливая! Христосъ съ тобою, родимая!—раздались возгласы въ толпѣ.— Да пошли-жъ тебѣ Господь! Да подай же тебѣ Царица Небесная! Печальница ты наша христьянская...

— Господи!—всплеснула руками Людмила Сергѣевна.

— Darling! — шепнула сзади миссъ Чёрчъ. — It is getting quite dusk. I fear your father may be displeased...

— Yes, yes, my dear! We are going home directly.

Миссъ Чёрчъ — уже не молодая, но еще очень не дурная собой и пресимпатичная на видъ англичанка—ничего не поняла изъ разыгравшейся передъ нею сцены: она совсѣмъ не разумѣла по-русски. Но видимое возбужденіе толпы, а особенно слезы Людмилы Сергѣевны, привели ее въ немалое смущеніе, и она рѣшилась напомнить про поздній часъ и безпокойство отца.

— Алексѣй Ивановичъ!—обратилась опять княжна къ смущенному крестьянину. — Отецъ мой непремѣнно желаетъ васъ видѣть, и приказалъ мнѣ попросить васъ пріѣхать вмѣстѣ со мною. Если вамъ угодно, поѣдемте; онъ давно ждетъ.

Алексѣя усадили на бархатное сидѣнье княжей коляски—и экипажъ покатился обратно.

V.

Въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, сынъ одного барскаго камердинера, «Ѳадюшка Лопоуховъ», проявилъ замѣчательную способность каллиграфическую, почему и былъ взятъ въ вотчинную контору писаремъ, съ производствомъ ему жалованья по два рубля въ мѣсяцъ, на господскихъ харчахъ.

Въ сороковыхъ годахъ этотъ же самый «Ѳадѣй Корниловичъ Писарекъ» (настоящая его фамилія, Лопоуховъ, къ тому времени не только давно вышла изъ употребленія, но даже была всѣми позабыта) настолько поднялся во мнѣніи своихъ господъ, что сдѣланъ былъ управителемъ всего помѣстья, дочь выдалъ замужъ за купца третьей гильдіи,—конечно, испросивъ ей предварительно вольную,—а сына Николашку «опредѣлилъ» въ уѣздное училище.

Впрочемъ, такъ какъ ничто не вѣчно подъ луною, то и управительское благополучіе Писарька, хотя весьма продолжительное, возымѣло однако свой конецъ: въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, проворовавшись слишкомъ неосторожно, Писарекъ вдругъ смѣщенъ былъ съ должности, лишенъ всякаго имущества (въ пополненіе начетовъ), и наконецъ сосланъ въ дальнюю деревню свинопасомъ.

Удалось ли ему, при такомъ внезапномъ поворотѣ колеса фортуны, припрятать хотя нѣсколько наличныхъ денегъ (какъ это предполагали тогда весьма многіе)—неизвѣстно. Но во вся-

комъ случаѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что по смерти «старика Ѳадѣя», случившейся въ слѣдующемъ же году, сынъ его не наслѣдовалъ ни единой копѣйки.

Юный Николай Писарекъ, однако, не растерялся, даже при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ своего вступленія въ жизнь. Малый онъ былъ бойкій, неглупый, грамотный, въ уѣздномъ училищѣ окончилъ курсъ съ отличіемъ, и потому довольно легко находилъ себѣ кусокъ хлѣба. А когда въ провинціи появились первые мировые судьи, онъ даже успѣлъ къ одному изъ нихъ пристроиться въ качествѣ письмоводителя.

Это былъ рѣшительный шагъ впередъ!

Въ новой своей должности Николай Ѳадѣевичъ скоро проявилъ и замѣчательное трудолюбіе, и быструю сообразительность: въ самое короткое время онъ настолько ознакомился съ дѣломъ, со всѣми юридическими тонкостями мирового судопроизводства, что сталъ рѣшительно «правою рукою» г. судьи, вообще нѣсколько беззаботнаго на счетъ уставовъ, и преисправно подсказывалъ ему большинство рѣшеній.

Однако и Николаю Ѳадѣевичу пришлось со временемъ на собственномъ горькомъ опытѣ провѣрить ту скорбную истину, что ничто не вѣчно подъ луною, что всякое, самое даже, повидимому, прочное положеніе вещей—способно измѣниться.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ довольно сложныхъ обстоятельствъ, сопряженныхъ съ утратою документовъ, ввѣренныхъ храненію г. мирового судьи, и съ довольно громкимъ процессомъ, возникшимъ по поводу значительнаго наслѣдства—Николай Ѳадѣевичъ не только вынужденъ былъ прекратить свою письмоводительскую дѣятельность съ нѣкоторой, такъ сказать, внезапностью, но и покинуть родную губернію, бывшую до сихъ поръ неизмѣннымъ театромъ его подвиговъ.

Многіе теряютъ голову въ подобномъ положеніи. Но юный Писарекъ вовсе не счелъ себя окончательно погибшимъ, какъ могъ бы предположить иной, слишкомъ торопливый на заключенія, читатель. Обвиненный мировымъ судьею въ покражѣ документовъ, онъ успѣшно оправдался передъ судомъ, мимоходомъ набросивъ весьма неблаговидную тѣнь на самого обвинителя; а затѣмъ покинулъ родныя мѣста, и скоро нашелъ себѣ новыя занятія, устроившись писаремъ при краснопольскомъ волостномъ правленіи.

Въ этомъ званіи Николай Ѳадѣевичъ сначала держалъ себя тише воды, ниже травы. Но какъ человѣкъ, завѣдомо талантливый, онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ съумѣлъ привлечь къ себѣ сердца всѣхъ членовъ мѣстнаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ при-

сутствія, и притомъ до такой степени, что когда наступило время новыхъ крестьянскихъ выборовъ — Николай Ѳадѣевичъ, по настоянію и горячей рекомендаціи г. мирового посредника, былъ избранъ краснопольскимъ волостнымъ старшиной.

Писаревъ пришелся какъ разъ по плечу своей новой должности, а эта должность пришлась ему по вкусу: онъ дослуживаетъ теперь свое четвертое трехлѣтіе, и не только окончательно устроился и обосновался на новомъ мѣстѣ, сдѣлавшись въ Краснопольѣ совсѣмъ своимъ человѣкомъ, но даже пріобрѣлъ себѣ въ районѣ волости прочную земельную осѣдлость и цѣлое маленькое состояніе.

Случилось это такимъ образомъ.

Лѣтъ шесть тому назадъ, купилъ онъ почти задаромъ небольшую помѣщичью усадьбу возлѣ села Богодухова, вмѣстѣ съ принадлежавшими къ ней сорока-шестью десятинами очень хорошей земли. Прежній владѣлецъ этой усадьбы, нѣкто Горчановъ—старый, одинокій и совершенно спившійся помѣщикъ—отдалъ Николаю Ѳадѣевичу свой Верхній Хуторъ за долгъ, въ сущности довольно ничтожный, но съ приплатою въ пользу его, Горчанова, сорока ведеръ водки и съ тѣмъ, чтобы за нимъ же, Горчановымъ, оставалось пожизненное право владѣнія проданнымъ хуторомъ.

Послѣднее условіе, хотя очень, повидимому, стѣснительное для покупателя, оказалось на дѣлѣ совершенно ничтожнымъ, такъ какъ Горчановъ черезъ двѣ недѣли по совершеніи вышеозначенной сдѣлки умеръ съ перепоя.

Николай Ѳадѣевичъ Писаревъ похоронилъ опившагося помѣщика на свой счетъ (весьма прилично), переѣхалъ въ свое новое владѣніе вмѣстѣ съ женою, дочерью и двумя сыновьями, выписалъ откуда-то еще племянницу, не молодую дѣву, снялъ на ея имя кабакъ въ селѣ Богодуховѣ, и «зачалъ шибко хозяйствовать».

Впрочемъ, ни выгоды, получаемыя Писарькомъ отъ торговли водкою, ни его доходы по службѣ, ни прекрасные урожаи на поляхъ Верхняго Хутора не могли сравниться съ тою пользой, какую умѣлъ онъ извлечь изъ тѣсной дружбы съ Ѳедоромъ Карловичемъ Тапферомъ, управляющимъ князя Убромскаго.

Усердно помогая ему въ разныхъ его сельско-хозяйственныхъ экспериментахъ финансоваго характера (особенно въ такихъ, которые не во всей подробности должны были сдѣлаться извѣстными князю-довѣрителю), и очень охотно являясь въ роли то подставного лица, то посредника въ нѣкоторыхъ сдѣлкахъ щекотливаго свойства, то сбытчика кое-какихъ «экономическихъ

остатковъ» за счетъ и въ пользу ученаго г. Тапфера, Писарекъ пріобрѣлъ себѣ незыблемое право на живѣйшую благодарность этого агронома... И хотя, по мнѣнію иныхъ пессимистовъ, высокое чувство благодарности становится все болѣе рѣдкимъ въ наши дни, но оно, очевидно, съ неизмѣннымъ постоянствомъ процвѣтало въ душѣ благороднаго г. Тапфера. Заключить это можно изъ того, что съ таковымъ же неизмѣннымъ постоянствомъ онъ ежегодно изъ земель князя Убромскаго сдавалъ Писарьку въ аренду пустошь Мокрецы за двѣсти рублей, аттестуя ее въ отчетахъ довѣрителю, какъ «малоудобный болотистый выгонъ при селѣ Богодуховѣ, съ небольшимъ количествомъ распашной земли плохого качества». Въ дѣйствительности этотъ болотистый выгонъ представлялъ собою сто-двадцать десятинъ великолѣпнаго чернозема, прилегавшаго къ самымъ огородамъ богодуховскихъ крестьянъ, которые по необходимости арендовали его въ теченіе многихъ лѣтъ, и мало-по-малу добрую треть земли превратили въ коноплянники, увѣренные, что богачъ князь Убромскій, конечно, не вздумаетъ заводить собственное хозяйство на отдѣльномъ клочкѣ въ сто-двадцать десятинъ, никогда имъ даже не виданномъ, а слѣдовательно, и Мокрецы никогда не минуютъ своихъ стародавнихъ «рендателевъ».

Богодуховцы, однако, горько ошиблись.

Поселившись въ Верхнемъ Хуторѣ, Писарекъ тотчасъ отбилъ у нихъ аренду, принялся «хозяйствовать» по своему и съ помощью кабака, старшинской власти, а особенно обладанія Мокрецами, очень скоро закабалилъ себѣ все богодуховское населеніе въ столь идеальной полнотѣ, что ни о чемъ подобномъ и не снилось, конечно, даже бывшимъ богодуховскимъ помѣщикамъ-крѣпостникамъ.

Устроившись въ хозяйственномъ отношеніи съ такимъ изумительнымъ мастерствомъ, Николай Ѳадѣевичъ Писарекъ быстро сдѣлался очень виднымъ человѣкомъ въ своемъ ближайшемъ сосѣдствѣ, и даже начиналъ быть не безъизвѣстнымъ въ цѣломъ уѣздѣ. Двое сыновей его не дурно учились въ мѣстной классической гимназіи, дочь—въ институтѣ. Не только купцы и мелкіе землевладѣльцы, но даже крупные дѣятели мѣстнаго земства охотно протягивали ему руку; тѣмъ болѣе, что Николай Ѳадѣевичъ, въ качествѣ гласнаго отъ крестьянъ, былъ далеко не молчаливымъ членомъ уѣздныхъ земскихъ собраній, и напротивъ, часто отстаивалъ мѣстные интересы населенія очень рѣчисто и не безъ успѣха.

Писарекъ уже задумывалъ новый шагъ впередъ: онъ рѣшилъ

пріобрѣсти, съ переводомъ на себя банковаго долга, триста двѣнадцать десятинъ земли отъ сосѣда землевладѣльца, поразстроившаго свои дѣла какою-то неудачною спекуляціей. Этою покупкой онъ надѣялся сразу достигнуть двухъ выгодъ: прибыльно помѣстить накопившіяся свободныя деньги, и вмѣстѣ стать твердою ногою въ средѣ крупныхъ землевладѣльцевъ уѣзда. А Николай Ѳадѣевичъ былъ честолюбивъ. Онъ мечталъ провести современемъ одного изъ своихъ сыновей въ мировые судьи или, пожалуй, въ предсѣдатели управы, и такимъ образомъ, завоевать себѣ мѣсто между самыми видными людьми уѣзднаго общества. Въ силу такихъ соображеній, Писарекъ поспѣшилъ дать запутавшемуся владѣльцу намѣченной земли нѣкоторую сумму въ долгъ, подъ перезалогъ имѣнія; но окончательную покупку, какъ человѣкъ осторожный, порѣшилъ отложить годика на два, чтобы должникъ позапутался еще больше, а самому можно было тѣмъ временемъ «укрѣпиться получше и осилить дѣло безъ всякаго разстройства въ прочихъ обстоятельствахъ».

Все, повидимому, удавалось Писарьку, какъ нельзя лучше, все катилось, точно по маслу: «надо бы только радоваться да благодарить Бога».

И что же?

Вдругъ изъ яснаго неба грянулъ надъ нимъ громъ—да такой неожиданный, такой неправдоподобный громъ, что рѣшительно ничего подобнаго невозможно было допустить даже въ разсчетѣ самыхъ отдаленныхъ вѣроятностей. А между тѣмъ, этотъ непостижимый громъ грозилъ поколебать въ самыхъ основахъ все недовершенное зданіе благополучія, которое съ такимъ несравненнымъ талантомъ, съ такимъ терпѣніемъ и нѣжною любовью устроялъ себѣ «уважаемый Николай Ѳадѣевичъ».

VI.

Въ одно прекрасное майское утро, Писарекъ сидѣлъ на высокомъ крыльцѣ своего дома въ Верхнемъ Хуторѣ, и велъ переговоры съ кучкою богодуховскихъ крестьянъ, относительно найма земли въ Мокрецахъ подъ озимь.

Главнымъ говоруномъ и запѣвалой среди явившихся «рендателей» былъ не безъизвѣстный уже читателю дядя Кукишъ. Но, судя по смущенному виду крестьянъ, все краснорѣчіе этого оборваннаго дяди пропадало втунѣ и переговоры ладились совсѣмъ не удовлетворительно.

— Вы ужъ сдѣлайте милость,—кланялся онъ Писарьку:—изъ отработковъ хоть молотьбу-то намъ отставьте. Сдѣлайте милость! Тяжко будетъ, Миколай Ѳатѣичъ, ей-ей тяжко! не в могоду.

— Не въ могоду—и не надо. Нѣшто я васъ тяну брать меня землю? Это дѣло любовное: не выгодно, не бери. А меж прочимъ, можетъ, и такіе найдутся, которымъ будетъ въ могот

— Миколай Ѳатѣичъ! Вотъ-те хрестъ, дюжо тяжко... Пожалѣй ты насъ, хоть маленечко.

— У меня, братъ, слово одно. Я, можетъ, съ тебя Богъ знаетъ чего не возьму за слово за свое, вотъ что. А ты лѣзеш Небось какъ подати платить доведется, такъ тутъ напротивъ в и людей не сыщешь, чего-чего не наобѣщаете: и ужъ я-то ва замѣсто отца родного выхожу, и ужъ вы-то мнѣ, Богъ даст отслужите, себя не жалѣючи: только, молъ, свисни, Миколай Ѳатѣичъ—мы ужъ тутъ всей душой... Благодѣтели, что и говори А какъ денежки за васъ повнесешь—сотнями вѣдь платить приходится!—тутъ вы сейчасъ изъ-за важнаго дня торговат рады... Что у тебя, ай руки-то отвалятся помолотить день другой?—вдругъ свирѣпо напустился Писарекъ на дядю Кукиш —Ай тебѣ это расходъ дюжо великъ составляетъ? Купленн онѣ у тебя, что ли, руки-то?

Дядя Кукишъ, совсѣмъ оробѣвши, поспѣшилъ отступить товарищей.

— Я что-жъ, я какъ люди,—забормоталъ онъ въ смущ ніи.—А по мнѣ какъ угодно...

— То-то вотъ и есть!—уже спокойно, но съ презрѣніе заключилъ. Николай Ѳадѣевичъ.—Вся и цѣна-то вамъ грошъ, туда-же артачитесь, торговаться вздумали. Эхъ!.. А впрочем вѣдь насильно милъ не будешь: не нравится вамъ брать у ме землю—возьмите помимо у кого-нибудь другого. Это дѣло любовное, какъ кому пріятно, неволить васъ я не могу. А мн даже и хлопотъ меньше: по крайности съ податьми впередъ до кучать не будете... Ну, должокъ-то, разумѣется, принесите, это ужъ какъ водится; не докелева же мнѣ ждать!

Крестьяне всѣ вдругъ заволновались.

— Нѣтъ, это зачѣмъ же! Нѣтъ, это что-жъ!—толковали он на перебой.—Ужъ мы, Миколай Ѳатѣичъ, отъ вашей чести н станемъ отбиваться николи: надо къ одному боку тянуть... Сусѣди мы, по-сусѣдски и жить слѣдоваетъ. Когда мы васъ уважимъ, а когда и вы насъ. Такъ-то вотъ лучше! А ужъ отбиваться на сторону—это зачѣмъ же, это послѣднее дѣло.

— Такъ чего-жъ вы тутъ цѣлый часъ галдѣли?—воскликнулъ Писарекъ.—Ай меня до сихъ поръ не знаете? Тьфу вы, дуроломы, право! Нѣтъ на васъ пропасти...

— И то, братцы!—обратился дядя Кукишъ къ остальнымъ своимъ товарищамъ.—Видно ужъ обуха плетью не перешибешь, видно такъ тому и быть... По рукамъ, что ли? По крайности Николай Ѳатѣичъ попоштуетъ насъ при договорѣ.

— За этимъ пустякомъ дѣло не станетъ: пожалуй—четверть вамъ жертвую, такъ и быть.

— Покорно благодарствуемъ, Николай Ѳатѣичъ. Такъ что же, братцы? Слышали вы? Рѣшайте, что ли, и въ самъ дѣлѣ. Чего еще ждать-то, какого рожна?

— Рѣшать надыть, это такъ точно... Видно, какъ ни гадай, а податься вѣдь некуда... Видно, ужъ пусть будетъ, какъ ихъ милость приказываютъ: ослухаться мы не должны...

— И премилое дѣло.

Николай Ѳадѣевичъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ, чтобы написать племянницѣ ордеръ на безплатную выдачу предъявителямъ «четверти» изъ питейнаго заведенія.

Между тѣмъ, на богодуховскомъ проселкѣ показался густой столбъ пыли, который съ необычайной быстротой летѣлъ въ направленіи къ Верхнему Хутору.

— А вѣдь это, должно, краснопольскій управитель будетъ,—замѣтилъ одинъ изъ собравшихся у крыльца крестьянъ.—Коколецъ быдто сходственный.

— Онъ и есть,—подтвердилъ дядя Кукишъ.

Дѣйствительно, когда Писарекъ вновь появился на крыльцѣ, съ ордеромъ въ рукахъ, во дворъ къ нему уже влетала тройка съ конюшенъ князя Убромскаго, и самъ Ѳедоръ Карловичъ Тапферъ торопливо вылѣзалъ изъ тарантаса.

— Николай Ѳадѣевичъ!—воскликнулъ онъ еще на ходу, не успѣвая даже сказать: «здравствуйте».—Мнѣ нужно поговорить съ вами по очень важному дѣлу. Вы одни?

— Одинъ, одинъ, пожалуйте. Что случилось?

Управляющій, войдя въ кабинетъ, съ силой бросилъ свою фуражку на стулъ.

— Ну, Николай Ѳадѣевичъ,—сказалъ онъ сурово,—теперь стряслась бѣда, отворяй ворота.

— Что такое? Господи!..

Новости, привезенныя Писарьку агрономомъ, были дѣйствительно почти неправдоподобнаго свойства.

Князь Убромскій, отъѣзжая въ Петербургъ и притомъ въ

самую послѣднюю минуту, уже сидя въ коляскѣ, вдругъ приказалъ своему управляющему немедленно выдать богодуховскому крестьянину, Алексѣю Иванову Щастневу, даровую купчую на всю пустошь Мокрецы. «Довѣренность на сей предметъ», кратко добавилъ князь, «вы найдете у меня въ кабинетѣ, на письменномъ столѣ». Кромѣ того, онъ же приказалъ: за всѣхъ крестьянъ села Богодухова всѣ подати за текущій годъ, а равно и всѣ недоимки прежнихъ лѣтъ—тотчасъ уплатить изъ вотчинной конторы.

Николай Ѳадѣевичъ ушамъ своимъ не вѣрилъ.

— Да вы шутите, должно быть!—воскликнулъ онъ было въ первую минуту.

— Какія тутъ шутки!

Очень мрачное лицо г. Тапфера дѣйствительно не допускало и предположенія о шуткахъ или мистификаціи. Притомъ же ученый агрономъ совсѣмъ не склоненъ былъ къ подобнымъ маленькимъ забавамъ...

Да, несомнѣнно, извѣстіе было вполнѣ достовѣрное.

Но Николая Ѳадѣевича оно ошеломило до такой степени, что онъ даже не сразу могъ освоиться съ новымъ фактомъ, не сразу вникнулъ во всѣ его тревожныя послѣдствія.

Впрочемъ, это было лишь минутнымъ помраченіемъ свѣтлаго ума.

— Господи!—воскликнулъ онъ вдругъ, хватаясь за голову обѣими руками.—Ѳедоръ Карловичъ! Что же вы со мной-то дѣлаете?

Тапферъ только руками развелъ.

— А я тутъ при чемъ, и чтó могу?—возразилъ онъ мрачно.—Черезъ недѣлю или двѣ меня, вѣроятно, самого турнутъ отсюда... Дай только Богъ благополучно выскочить.

— Что вы! А васъ за что?

— Да все за то-жъ. Вѣдь князь-то, оказывается, всѣ Мокрецы объѣздилъ самъ, верхомъ, осматривалъ всю землю: и луга, и коноплянники...

— Ну-у?!

— Чего ну! Вѣрно, коли говорю.

— А вы и не знали?

— Узналъ... да поздно.

— Кто-жъ его провожалъ? Кто ему межи указывалъ?

— Все тотъ-же Щастневъ, подавиться ему навозомъ!

Николай Ѳадѣевичъ и руки разставилъ въ тяжеломъ раздумьѣ: совсѣмъ придавили его такія извѣстія.

— Да-а!—протянулъ онъ въ полголоса, словно про себя.— Это, значитъ, и вамъ капутъ...

Но затѣмъ онъ вдругъ схватился руками за голову, и отчаянно воскликнулъ:

— Господи! Да что-жъ это такое стряслось надъ нами? Откуда? За что? Владыко, Царь небесный!

VII.

Двадцатаго мая тысяча-восемьсотъ-семдесятъ-перваго года, Алексѣй Ивановъ Щастневъ вернулся къ себѣ домой, послѣ трехдневнаго пребыванія въ губернскомъ городѣ, и вернулся полнымъ владѣльцемъ пустоши Мокрецовъ.

Да, теперь ужъ не могло быть сомнѣнія въ его правахъ, въ окончательномъ осуществленіи тѣхъ невозможныхъ, почти сказочныхъ мечтаній, которыми онъ жилъ и волновался послѣднія двѣ недѣли. Въ городѣ ему выдали большой листъ синей бумаги, съ печатнымъ орломъ на правомъ углу, съ печатью и подписями на третьей страницѣ...

Это была купчая.

Кому изъ грамотныхъ ни предъявлялъ затѣмъ Алексѣй Ивановъ свою драгоцѣнную бумагу—всѣ подтверждали ему то же самое: на синемъ листѣ прописана купчая, о продажѣ ему, Щастневу, княземъ Убромскимъ пустыни Мокрецовъ, всей безъ остатка.

Алексѣй Ивановъ началъ понимать.

Онъ началъ освоиваться съ той мыслью, что въ самомъ дѣлѣ эти огромные коноплянники, эти богатѣйшіе луга, это поле, родящее не менѣе тринадцати копенъ на тридцатной десятинѣ— принадлежатъ ему, Алексѣю Иванову Щастневу. И порывы безмѣрнаго, почти непереносимаго восторга по временамъ захватывали ему дыханіе.

Въ такихъ порывахъ совсѣмъ тонуло даже то хозяйское горе, которое онъ было вывезъ съ собой изъ деревни, и которое заставило всплакнуть его «рябую Катюху»: на расходы по купчей пришлось продать одну изъ лошадей, корову, овецъ и двѣ десятины посѣва.

Конечно, это было полное разореніе для крестьянскаго хозяйства, конечно, это стоило не мало тревоги и сомнѣній всему семейству Щастневыхъ—но что значили подобныя невзгоды теперь! Теперь, когда синяя купчая уже въ рукахъ у Алексѣя

Иванова; когда, ставъ посреди поля въ Мокрецахъ, онъ можетъ воскликнуть: все мое! все, на сто двадцать десятинъ кругомъ!

Собственно говоря, Алексѣю Иванову не предстояло бы никакой надобности распродавать имущество, потому что князь Убромскій приказалъ Ѳедору Карловичу Тапферу сдѣлать купчую на его, Убромскаго, счетъ. Но ученый агрономъ, по совѣту и даже усиленной просьбѣ Писарька, предпочелъ стоимость купчей положить въ свой собственный карманъ—записавъ ее, конечно, князю въ расходъ—а уплату возложить на счастливаго пріобрѣтателя Мокрецовъ.

Алексѣй Ивановъ спорить не смѣлъ. Да ему и въ голову не приходило, чтобы князь, «жертвуя» землю, еще и купчую сталъ дѣлать на свои же деньги: это было слишкомъ несовмѣстимо съ крестьянскими понятіями Щастнева. А князь, со своей стороны и по своимъ понятіямъ, не допускалъ даже возможности, чтобы возникло хотя какое-нибудь сомнѣніе относительно купчей: если ужъ онъ дарилъ тысячи—стоило ли распространяться о какой-нибудь парѣ сотенъ? Это было такъ ясно само собою, что князь даже не помянулъ Щастневу объ этой подробности своихъ распоряженій. Г. Тапферъ удачно воспользовался такою недомолвкой.

Какъ бы то ни было, двадцатаго мая Алексѣй Ивановъ получилъ купчую, и въ тотъ же день поспѣшилъ домой.

Верстъ пятьдесятъ онъ проѣхалъ по желѣзной дорогѣ, затѣмъ со станціи Песчанки пошелъ пѣшкомъ, и къ тремъ часамъ пополудни явился въ Богодухово.

Рябая Катюха еще въ воротахъ встрѣтила его громкими восклицаніями. Но Алексѣй Ивановъ, только искоса скользнувъ по ней взглядомъ, прямо прошелъ въ избу.

Тутъ онъ истово помолился на иконы, а ужъ затѣмъ молча отвѣсилъ женѣ поясной поклонъ, и молча, но съ затаенной улыбкой положилъ на столъ сложенный вчетверо листъ синей бумаги.

Катюха, въ высшей степени пораженная чрезвычайной торжественностью мужа, обыкновенно очень простодушнаго, даже совсѣмъ присмирѣла.

— Это что-жъ такое будетъ?—спросила она робко, указывая пальцемъ на синій листъ.

— А то, любезная супруга моя Катерина Захаровна, что завтра же надыть безпремѣнно подымать икону, чтобы, то-есть, молебствіе и съ водосвятіемъ.

— Значитъ, благополучно, Алексѣй Ивановичъ?

— Супруга моя, Катерина Захаровна! вотъ въ этой самой

бумагѣ съ орломъ,—Щастневъ бережно взялъ ее со стола, и на обѣихъ ладоняхъ приподнесъ женѣ,—состоитъ намъ купчая.

— Ку-упчая?..

— Она сама. И должны мы таперича возблагодарить Господа, какъ слѣдуетъ по порядку.

Съ минуту оба молчали, пристально глядя другъ другу въ глаза.

— Иванычъ! а, Иванычъ!—еще робче начала опять Катерина:—что-жъ теперь будетъ?

— Съ чево?

— Да съ этой самой... съ купчей-то?

Катюха опять съ явнымъ опасеніемъ указала пальцемъ на бумагу.

Мужъ посмотрѣлъ на свою оторопѣвшую супругу—и вдругъ разразился какимъ-то дикимъ, но восторженнымъ хохотомъ.

— Катюха!—крикнулъ онъ, съ размаха хлопнувъ ее по плечу рукою.—Да неужъ ты не смыслишь? Вѣдь Мокрецы-то теперь наши!

— На-а-ши?

— Ну, да, наши! Совсѣмъ какъ есть наши! Вотъ къ примѣру, ты о коровѣ плакала, или-бо объ овцахъ; а мы теперь если... хоть половину, скажемъ, земли будемъ отдавать въ аренду —въ родѣ какъ старшина Миколай Ѳатѣичъ...

— Мы? въ аренду!—повторила ошеломленная Катюха, да такъ и осталась съ открытымъ ртомъ.

— Чего ты дивишься? А старшина какую землю сдавалъ? Стало быть, таперича, нашу же.

— Царица небесная!..

— Такъ вотъ мы, значитъ, на одни задатки... коли, говорю, въ аренду... на одни задатки, пожалуй—сразу три коровы купимъ! Поняла ты?

— Три?!..

— И купимъ, даже сичасъ. Потому скотомъ обзавестись таперича первое дѣло.

Катюха нѣсколько мгновеній простояла молча, совершенно подавленная. Но вдругъ лицо ея засіяло, станъ выпрямился и, точно угорѣлая, она опрометью бросилась къ двери, изъ хаты вонъ.

— Постой! Куда ты? — воскликнулъ удивленный мужъ въ догонку.

— На село.

Да, подобныхъ извѣстій она не въ силахъ была удержать

въ себѣ самой; о нихъ надо было разсказать всѣмъ и каждому, разсказать тотчасъ же, чтобъ не задохнуться.

Алексѣй Ивановъ, очень озадаченный внезапнымъ бѣгствомъ жены, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и даже двинулся-было къ двери, которою та съ размаха хлопнула за собою. Но, постоявъ передъ этой дверью нѣсколько мгновеній, онъ только медленно покачалъ головой, проговорилъ: «вотъ-те знай!» — и повернулся къ печкѣ.

Алексѣй Ивановъ былъ очень голоденъ. Въ городѣ съ самаго утра — а всталъ онъ по обыкновенію рано — пришлось ему съѣсть только небольшой кусокъ домашняго хлѣба, взятаго съ собою изъ деревни про запасъ. Запасъ этотъ истощился еще наканунѣ. Но Щастневъ, какъ человѣкъ хозяйственный и весьма бережливый, разсчиталъ, что будетъ дома «почитай, въ самые обѣды, или рази чуточку попозднѣе», а слѣдовательно успѣетъ поѣсть своего, не переплативъ лишнее въ лавкахъ, гдѣ за всякую снѣдь берутъ дорого.

Понятно, что къ тремъ часамъ по-полудни, да еще послѣ доброй прогулки пѣшкомъ, онъ чувствовалъ завидный аппетитъ. Но въ виду непостижимаго исчезновенія Катюхи, совершеннаго съ такой стремительностью, ему оставалось только самому позаботиться о своихъ нуждахъ.

Онъ совершенно правильно началъ осмотръ съ печки, въ которой и нашелъ чугунокъ съ вареным картофелемъ. Затѣмъ онъ добылъ ковригу хлѣба, соль, кружку воды изъ колодца, солидно разставилъ все это на столѣ, сѣлъ, перекрестился и, взявъ въ руки ножъ да ковригу хлѣба, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ готовился приступить къ трапезѣ.

Однако, Алексѣю Иванову не суждено было пообѣдать безъ помѣхи: прежде, чѣмъ онъ успѣлъ отрѣзать себѣ намѣченную краюху, въ избѣ появился гость — оборванный дядя Кукишъ.

— Хлѣбъ да соль! — поклонился онъ низко.

— На томъ благодаримъ. Не хочешь ли вмѣстѣ? Присаживайся.

— Нѣ, поснѣдали. А я къ тебѣ, Алексѣй Ивановичъ, прослышамши, что какъ будучи ты сичасъ вернулся съ города... Какъ дѣла?

— Дѣла — благодарить Бога: справили, какъ слѣдоваетъ быть.

— Совсѣмъ, то ись, въ чистую? Неужъ и правда? Катюха, положимъ, прибѣгала, сказывала...

— Надо быть, чисто. Я купчую привезъ. Вонъ лежитъ подъ образами.

Дядя Кукишъ стремительно поднялся съ мѣста, подступилъ къ образамъ и молча, не дотрогиваясь руками, нѣсколько мгновеній созерцалъ синюю бумагу.

— Тэ-экъ!...—протянулъ онъ затѣмъ, качая головой. — И крѣпко сдѣлано?

— Надо быть, крѣпко. Самъ нотарусъ сказывалъ: таперича, говоритъ, не то что кто да нибудь, а хоша бы самъ князь—и то въ другую сторону повернуть не можетъ...

— Самъ князь!

— Да. Твоя, говоритъ, земля, Алексѣй Ивановичъ, не сумлѣвайся, потому—сдѣлано вб-какъ: за царской печатью. Владай на здоровье; а встрянуть къ тебѣ никто не смѣетъ, а ни Боже мой!

— Такъ и сказалъ?

— Вѣрно тебѣ говорю.

— Нну!—энергически тряхнулъ головой дядя Кукишъ.—Значитъ, теперь въ аккуратѣ, вполнѣ! Какъ кому Богъ... Вотъ это такъ дѣльцо ты оборудовалъ, Алексѣй Ивановичъ! Это вотъ дѣльцо! Умственный человѣкъ, одно слово.

— Умственный, не умственный, одначе между прочимъ Господь благословилъ.

— Не умственный?—съ одушевленіемъ воскликнулъ дядя-Кукишъ.—А какого-жъ тебѣ еще надоть?

— Ну, чево тамъ!

— Чево-о? А пусть говорю объявится, похвастаетъ, какія-такія за имъ дѣла есть. Твое вотъ дѣло всѣмъ видимое: оборудовалъ такъ, что надо лучше, да нельзя. Прямо сказать, въ помѣщики вылетѣлъ!

— Ври больше.

— Чево мнѣ врать? Небось, всѣ чувствуютъ. Кто молъ, у нашей волости самый умственный человѣкъ? Промежду хрестьянъ, то ись? Извѣстно—Алексѣй Ивановичъ, всякому видимо.

— Съ чево-жъ то я вдругъ поумнѣлъ больно?

— Не вдругъ, а и завсегда ты былъ первѣйшій человѣкъ! Только что мы-то, ровно какъ свиньи какія, не чувствовали. Кто на сходкѣ стоялъ, чтобъ не давать дозволенія на счетъ кабака? Кто отсовѣтовалъ съ Писарькомъ коноплей займаться? Вѣдь ты же. Тогда, извѣстно, не послухались, загордѣли; а между прочимъ, вышло-то по твоему...

Въ этомъ направленіи, не лишенномъ пріятности для Алексѣя Иванова, бесѣда тянулась подолѣе получаса; такъ что подъ конецъ Щастневъ—въ виду всяческой лести и всепокорнѣйшей униженности своего деверя — почувствовалъ себя на высотѣ положенія.

Хотя онъ отлично понималъ, что Кукишъ вретъ и льститъ ему превыше всякой мѣры, совсѣмъ не искренно, а ради угожденія; но именно это обстоятельство доставляло ему огромнѣйшее удовольствіе.

Пріятная бесѣда окончилась, однако, не совсѣмъ по-пріятельски.

Дядя Кукишъ началъ просить своего «зятька бральянтоваго», чтобы онъ не забывалъ родственныхъ отношеній, а удѣлилъ ему, Кукишу, десятинокъ семь земли въ аренду, съ пожданьемъ денегъ до вымолота.

Алексѣй Ивановичъ, въ чаду лести и торжества, можетъ быть, и пообѣщалъ бы, если не семь, то «хоша пару десятинокъ»; но тутъ возвратилась домой рябая Катюха и, услыхавъ въ чемъ дѣло, накинулась на брата.

— Проваливай-ка, проваливай!—безцеремонно проводила она его за дверь, почти подталкивая въ спину. — Ишь, какой еще прокуратъ сыскался! Тьфу! Намъ, миленькій, и самимъ еще справиться надоть, безъ тебя тошно: ни коровенки, ни овечекъ. А то на-ка. Семь десятинъ съ пожданьемъ. Какъ же! Пождать съ тебя, видно, покелева въ кабакъ снесешь.

Алексѣй Ивановичъ пытался-было нѣсколько усмирить жену.

— Катюха!—напомнилъ онъ.—Вить, чай, ёнъ тебѣ не кто да нибудь, а братъ рôдный.

— Братъ! братъ! Ладно-ка ты, рохля! Небось, какъ въ запрошломъ году ригу-ту ставили, да просили его на помочь— такъ ёнъ къ попу на покосъ сбѣжалъ: на поповскую баранину да на лишнюю рюмку польстился. Тогда, небось, сестру съ зятемъ на шкаликъ промѣнялъ; а таперича—братъ?!

VIII.

На слѣдующее утро состоялся молебенъ.

Богодуховскій батюшка, о. Михаилъ—небольшой, худенькій и сѣденькій человѣкъ съ живыми черными глазами — очень охотно явился на зовъ Алексѣя Ивановича, узнавъ, по какому чрезвычайному случаю этотъ зовъ воспослѣдовалъ.

Служеніе длилось болѣе получаса. Давно уже о. Михаилъ ни для кого изъ своихъ прихожанъ не вычитывалъ молебенъ съ такимъ рвеніемъ и торжественностью. Весь акаѳистъ пресвятой Дѣвѣ Маріи произнесъ онъ даже, стоя на колѣняхъ.

Наконецъ, провозгласивъ «многая лѣта» кому полагается,

подставивъ серебряный крестъ и собственную сморщенную руку десятку вѣрующихъ устъ и окропивъ святой водою столько же смиренно-преклоненныхъ головъ, о. Михаилъ снялъ съ себя облаченіе и остался въ одномъ нанковомъ подрясникѣ.

Служба кончилась.

За нею, конечно, послѣдовало обычное угощеніе «чайкомъ» (самоваръ, чай, сахаръ и всѣ принадлежности были припасены заранѣе изъ питейнаго заведенія, отъ племянницы Писарька).

О. Михаилъ принялъ угощеніе безъ всякихъ отговорокъ.

— Ну, Алексѣй Ивановичъ,—замѣтилъ онъ, присаживаясь на лавку въ «чистой горницѣ»,—вотъ ужъ именно можно сказать, все это происшествіе съ тобою въ родѣ какъ бы сонъ нѣкій. Даже не вѣрится... Такъ-таки и выдали тебѣ купчую?

— Выдали, вѣрно вамъ говорю.

— А возможно полюбопытствовать, взглянуть?

— Для-че нельзя? Сичасъ.

Алексѣй Ивановъ и самъ горѣлъ нетерпѣніемъ предъявить батюшкѣ свой драгоцѣнный синій документъ, потому что батюшка «все-таки быдто какъ побольше нашего смыслитъ, и по крайности разсудить, какъ оно что, крѣпко ли писано».

О. Михаилъ съ полнымъ вниманіемъ, при общемъ напряженномъ безмолвіи всѣхъ присутствующихъ, прочелъ бумагу отъ первой строки до послѣдней, а затѣмъ сложилъ ее вчетверо и, отдавая Щастневу, всталъ съ лавки.

— Ну, поздравляю васъ, Алексѣй Ивановичъ, еще разъ!—поклонился онъ.—Дай Богъ вамъ много лѣтъ здравствовать, и съ хозяюшкой вашей, и съ дѣтками, на новомъ пребогатомъ владѣніи.

— Значитъ, вѣрно, о. Михаилъ?—какимъ-то дрогнувшимъ и зазвенѣвшимъ голосомъ воскликнулъ Алексѣй Ивановичъ.

— Чего же вѣрнѣе? Купчая во всей формѣ, старшимъ нотаріусомъ утвержденная. Тутъ и сомнѣнія быть не можетъ... Ну, сыне-Алексій, возвеличилъ же тебя Господь, нежданно-негаданно. Да, вотъ они, неисповѣдимые-то пути Промысла! Кто ихъ постигнетъ?

— Я благодарю Господа,—перекрестился Щастневъ.

— И благодари Его, Алексѣй Ивановичъ, молись Ему съ сугубымъ усердіемъ! Не забывай, что если кто возмогъ преподать, тотъ и еще легче отниметъ.

— А рази князь, коли захочетъ, то и вернуть можно? Какъ же нотарусъ меня завѣрялъ, быдто какъ теперь дѣло мое крѣпко, и самъ князь назадъ податься не можетъ?

— Не можетъ, это точно. Да я не про князя и говорю. А про Того, Кто превыше всѣхъ князій и сильныхъ земли: про Бога, Царя нашего небеснаго... Вотъ Онъ что ниспослалъ, то и отъяти можетъ, въ единое глаза человѣческаго мгновеніе.

Алексѣй Ивановичъ видимо успокоился.

— Это такъ! — замѣтилъ онъ, прикусывая сахаръ. — Безъ этого, извѣстное дѣло, никакъ не возможно, чтобы, значитъ, не молиться... А только я такъ надѣюсь, что худого ничего за мною нѣтъ, значитъ, и Господь насъ таперича не обидитъ... Батюшка! Еще стаканчикъ, прикажете!

— Выпью... Да! Несравненная Его къ вамъ милость видима: передъ всѣми, можно сказать, объявилася во славѣ. Потщитеся лишь достойно сохранить ее.

— Вѣрно. А между прочимъ я такъ надѣюсь, батюшка, что какъ будучи я не пропоица, не воръ, ко храму Божію усерденъ, посты соблюдаю... и во всемъ прочемъ живу по христіанскому положенію... А ужъ это на что лучше, для души это первое!

— То есть, что именно?

— Да наше мужицкое положеніе.

— Почему ты такъ полагаешь?

— Потому—дѣло наше справедливое. Справедливѣе нашего дѣла, надо такъ сказать, и въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ.

— Это, пожалуй, отчасти и правда... Именно, по завѣту Господа, въ потѣ лица вашего снискиваете хлѣбъ свой.

— А то какъ же?—нѣсколько воодушевился Щастневъ.— Ты то подумай: нѣшь мужикъ кого ограбилъ, или обманулъ, или чужое добро съѣлъ? Нѣ, отецъ, николи! Онъ еще и другихъ прочихъ своимъ хлѣбцомъ накормилъ. Ты спроси: чьимъ пòтомъ-кровью вся земелька полита? Мужицкимъ. Кто божію скотинку выростилъ? Мужикъ опять же. Такъ - то! Небось и самъ Іисусъ Христосъ, царь нашъ небесный, когда будучи на землѣ, откелева апостоловъ взялъ? Изъ богатыхъ? Нѣ, шутишь! Простые рыбари были, все одно хрестьяне по нашему; этакіе видно Господу угоднѣе, даромъ что сѣры.

О. Михаилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ уставился на Щастнева. «Вотъ какъ заговорилъ теперь!» думалъ онъ про себя. «А ужъ на что, кажется, мужикъ былъ смирный».

— Что-жъ! — замѣтилъ онъ вслухъ. — Слова ваши, можетъ быть, и вѣрныя... Но вѣдь именно теперь - то, Алексѣй Ивановичъ, придется вамъ свое крестьянское положеніе оставить навсегда.

— Какъ это?

— А разумѣется. Какой же вы теперь крестьянинъ? Вы земледѣлецъ, богачъ. Прежде люди васъ утѣсняли землей, а теперь вы сами людей тѣснить будете.

— Это точно...

— Прежняя простота помышленій вашихъ отложится. Ибо до сихъ поръ вамъ приходилось разсуждать: какъ бы своими руками хотя малый хлѣба кусочекъ выростить? А теперь ужъ надо думать: какъ бы у кого-нибудь другого—арендатора, что ли, или работника—кусокъ хлѣба изъ рукъ вырвать, да побольше? И за что это? Развѣ *ты*, сынъ мой, землю-то въ Мокрецахъ сотворилъ? *Ты* ее выростилъ что ли? За что она твоя, а не прочихъ людей? Очень ясно: единственно по милости Божіей.

— Это точно...—уже задумчиво поддакнулъ Алексѣй Ивановичъ.—Настоящей справедливости, пожалуй, что не будетъ.

— То-то вотъ и есть.

— Такъ какъ же теперь, отецъ? Не отъ меня вѣдь это, отъ Бога.

— Вѣрно. Я и говорю: потщися сохранить милосердіе Его къ честному дому твоему.

— А сдѣлать-то какъ?

— Извѣстно, какъ угождаютъ Господу: молитвой, жизнью праведной, и наипаче усердіемъ къ церкви, къ ея служителямъ.

— Да я что-жъ, батюшка, я даже со всѣмъ моимъ удовольствіемъ... по силѣ возможности... Вотъ только пошли Господь справиться...

— Чего тамъ справиться! Развѣ мы тебя деньгами нудимъ? А если есть ваше усердіе къ церкви, то и кланяемся вамъ всѣмъ причтомъ: соблаговолите хотя сколько-нибудь земли и сѣнокосцу, ради тѣсноты нашей церковной; а мы ренду платить готовы, если по силамъ. Кланяемся низко въ нуждѣ нашей.

О. Михаилъ всталъ и дѣйствительно поклонился очень низко, а вмѣстѣ съ нимъ продѣлали то же два его псаломщика.

Алексѣй Ивановичъ совсѣмъ растерялся: слишкомъ еще было для него ново и необычно, что ему кланяются, что его просятъ, съ нѣкоторой даже униженностью — и кто же? Самъ батюшка! Человѣкъ, на котораго онъ еще такъ недавно, или даже до настоящей минуты смотрѣлъ снизу вверхъ, какъ на лицо сравнительно очень высокопоставленное.

Щастневъ все еще не вдумался въ свое новое положеніе, ему все еще приходилось дѣлать нежданныя открытія. Онъ никакъ не могъ проникнуться той мыслью, что прежнія его отно-

шенія къ людямъ измѣнились разъ навсегда, что бѣднякъ Алеха исчезъ, а новый землевладѣлецъ Алексѣй Ивановичъ Щастневъ есть сила, и даже сила великая въ своемъ ближайшемъ околоткѣ, передъ которою обязательно должны летѣть шапки съ обывательскихъ головъ. Смиреніе крѣпко засѣло въ крестьянской душѣ, опаска сдѣлалась привычкой, — какъ тутъ сразу войти въ новое положеніе, повѣрить своему нежданному величію?

— Алексѣй Ивановичъ! Не оставьте насъ грѣшныхъ своею милостью. Можно сказать, со слезами припадаемъ ко стопамъ вашимъ и молимъ, яко благодѣтеля и покровителя.

Это гнусилъ псаломщикъ Евтихій, который слылъ на селѣ человѣкомъ гордымъ, заносчивымъ и весьма безпокойнаго характера.

Мудрено ли, что Щастневъ растерялся?

— Я... я...—лепеталъ онъ, запинаясь: — да что-жъ, я со всѣмъ моимъ удовольствіемъ... Вотъ какъ, Катюха... А по мнѣ все равно. Будемъ землю сдавать, тогда и того—можно...

— Намъ бы отъ Песоченскаго края, сколько милости вашей будетъ,—мягко проговорилъ о. Михаилъ.—Тамъ-то землю будете-же въ аренду сдавать?

— Да мы, батюшка, покелева и сами еще ничего не удумали,—вдругъ вступилась Катюха довольно рѣзкимъ тономъ.— Мудреное вѣдь это дѣло, сразу такъ-то.

— Вѣрно! Вѣрно!—поспѣшилъ согласиться священникъ. — Легкое ли дѣло! Имѣніе вона́ какое: тоже все обсудить требуется. А между прочимъ, Алексѣй Ивановичъ, когда можно будетъ зайти къ вамъ понавѣдаться? Вечеркомъ, или завтра?

— Да я что-жъ... Я вотъ какъ только... Я къ вамъ и самъ прибѣгу...

— Ну, благослови васъ Господь. И то въ самомъ дѣлѣ, если выберется свободное время, заходите чайку испить. Супругу вашу милости просимъ. А мы съ попадьей всегда будемъ рады. Милости просимъ!

IX.

Когда, послѣ многихъ и низкихъ поклоновъ, священникъ со своими псаломщиками отправился домой на Поповку—такъ называлась совершенно отдѣльная частица Богодухова, населенная причтомъ,—между Алексѣемъ Ивановичемъ и его Катюхой произошло весьма серьезное совѣщаніе, первый поводъ къ къ которому данъ былъ просьбою церковниковъ на счетъ земли.

Алексѣй Ивановичъ очень «заскучалъ» съ одной лошадью, безъ коровы и безъ овецъ: въ опустѣвшемъ дворѣ совсѣмъ «рукъ не къ чему приложить стало». А Катюха чуть ли еще не больше «хозяина» вздыхала по своей пестрой коровѣ, безъ которой «и молочка взять для ребенка негдѣ». Раны, нанесенныя хозяйству совершеніемъ дорогой купчей, были серьезны, даже очень серьезны. Вотъ для того-то, чтобы залечить ихъ какъ можно, Щастневы, потолковавъ между собою, рѣшились тотчасъ же раздать большую часть земель въ Мокрецахъ подъ посѣвы, и притомъ на первое время даже задешево, но съ тѣмъ, чтобы взять большіе задатки и разомъ возстановить крестьянское благолѣпіе своего двора. Это, по ихъ соображеніямъ, было самой разумной мѣрою въ данныхъ обстоятельствахъ, хотя вырвало не одинъ вздохъ изъ груди Алексѣя Иванова.

— Радъ бы попридержаться,—говорилъ онъ своей Катюхѣ,—земли дюже жалко. Эхъ! Отъ Песоченскаго края, кажется, ни въ жисть бы никому не отдалъ. Опять же къ Глубочкѣ... Еслибъ самимъ-то все посѣять—эхъ, Господи! Хлѣба-то! Да ничего не подѣлаешь, податься некуда. Безъ лошадей, безъ сѣмянъ, безъ работниковъ, что я одинъ сдѣлаю?

— Видимое дѣло, что не за что взяться!—покачивала головой Катюха.—Обзаведемся на задатки, такъ по крайности все коноплянье за собой удержимъ; а то вѣдь и къ тому приступиться не съ чѣмъ.

— Извѣстно... Катюха! Ты помнишь, какая въ третьемъ годѣ у старшины по конопляныо рожь стояла? Матушка, царица небесная!

Катерина Захаровна отъ восторга даже сунула въ мужа кулакомъ, и показала свои бѣлые зубы.

— Счастливчикъ ты, право! Всѣ люди таперь на насъ дивуются. Вотъ тебѣ, говорятъ, и Щастневъ! Ужъ подлинно, что Щастневъ; не даромъ такъ прозывается.

— И то. Это священникъ даве правильно сказывалъ, что видимая милость божія... Може, родители на томъ свѣтѣ умолили,—отъ нихъ.

Супружеская бесѣда Щастневыхъ была прервана очень неожиданнымъ, но и очень почетнымъ посѣщеніемъ: передъ скромнымъ крылечкомъ ихъ незатѣйливаго жилья вдругъ очутился столь извѣстный всему околотку сѣрый жеребецъ волостного старшины, и самъ Николай Ѳадѣевичъ Писарекъ грузно вылѣзалъ изъ щеголеватой телѣжки городского издѣлія, въ которой имѣлъ обыкновеніе дѣлать свои разъѣзды по волости.

Разумѣется, Алексѣй Ивановичъ поспѣшилъ выскочить на встрѣчу именитому гостю, приказалъ сынишкѣ «принять лошадь» его высокостепенства, а самъ съ низкимъ поклономъ отворилъ передъ нимъ дверь въ «горницу».

Николай Ѳадѣевичъ, войдя, истово перекрестился на иконы, поклонился хозяину и хозяйкѣ, проговоривъ: «еще разъ здравствуйте!» а ужъ затѣмъ съ самымъ пріятнымъ оживленіемъ обратился къ Щастневу.

— Алексѣй Ивановичъ!—воскликнулъ онъ весело.—Ну, что, какъ, братецъ? Я слышалъ, краснопольскій управитель выдалъ-таки тебѣ купчую?

— Благодарить Бога! Третьяго дня все дѣло покончено.

— Ну, слава Богу! Поздравляю, истинно поздравляю!

Николай Ѳадѣевичъ раскрылъ объятія и трижды облобызался со Щастневымъ.

— Счастливчикъ, что и говорить! Вотъ ужъ именно, есл Богъ захочетъ кого возвысить, такъ ужъ на диво всѣмъ.

— Это точно, благодарить Бога! — перекрестился Алексѣй Ивановичъ.

— А вѣдь я къ тебѣ именно ради этого самаго дѣла по говорить пріѣхалъ.

— Что-жъ, милости просимъ.

— Значитъ, сядемъ рядкомъ, да потолкуемъ ладкомъ. Та что ли? Хе-хе-хе... Только вотъ что, милый: тутъ у тебя ребя тишки вертятся и тѣсновато, да кромѣ того, если ужъ говори о дѣлѣ, такъ надо же и горло прополоскать чѣмъ ни на ес Пойдемъ-ка мы съ тобою къ племянницѣ; тамъ у нея въ задне горницѣ и чаю выпьемъ всласть, и потолкуемъ преотлично, бе всякой помѣхи. А разговоръ-то у насъ будетъ, пожалуй, чт довольно «антиресный».

Разговоръ вышелъ и дѣйствительно «антиресный», по выра женію Писарька, который хотя умѣлъ выражаться совершенн правильно, гдѣ это было нужно и кстати, но съ крестьянам любилъ говорить на ихъ ладъ, и даже у себя дома въ семь очень охотно сбивался на мѣстный складъ крестьянской рѣчи.

Когда собесѣдники засѣли въ отдѣльной комнаткѣ при кабакѣ, которую обыкновенно занимала племянница Николая Ѳадѣич но на этотъ разъ уступила имъ въ полное распоряженіе—Писа рекъ приступилъ къ дѣлу такимъ образомъ:

— Слушай, братецъ Алексѣй Ивановичъ, какъ ты тепер располагаешь поступить съ Мокрецами?

Крестьянинъ сразу не понялъ вопроса.

— То есть, это на счетъ чего же, Николай Ѳатѣичъ?— спросилъ онъ въ свою очередь.

— Ну, какъ, то есть, ты съ землей-то хозяйствовать будешь? Я вотъ про что.

— А что-жъ, какъ люди, такъ и мы.

— Да вѣдь у людей и скотина есть, и денежки водятся. А тебѣ съ чѣмъ приступиться?

— Извѣстно, на первое время перебьемся какъ ни на есть. А тамъ, гляди, Богъ дастъ, и поправимся.

— Улита ѣдетъ, когда-то будетъ. Ты вотъ дворъ свой ужъ разорилъ купчей этой самой; а справлять его чѣмъ станешь?

— Да вотъ, Богъ дастъ, землю подъ посѣвы отдамъ... ну, и справлюсь.

— Зе-емлю? Какую?

— А въ Мокрецахъ.

— Коли-жъ ты ее раздавать будешь?

— Я такъ полагаю, сичасъ пустить. И радъ бы самъ хозяйствовалъ—да не съ чѣмъ.

— Ну, это, братанъ, ты шутишь. Землю-то раздавать, особенно сичасъ, тебѣ не придется.

— Для-чего?

Николай Ѳадѣевичъ, не торопясь, вынулъ папироску и закурилъ ее.

— А для того, — сказалъ онъ очень спокойно, дымя папиросой,—для того, что правбвъ твоихъ нѣтъ. Вотъ для этого самаго.

— Правовъ нѣтъ!—воскликнулъ Алексѣй Ивановъ, крайне обезпокоенный и удивленный.—А купчая?

— Что-жъ, купчая. Конечно, вольно было князю выдавать ее, ни у кого не спросившись. Да вѣдь на землю-то, чать, и пораньше вашей купчей документы какіе ни на есть сдѣланы.

Щастневъ уже съ великимъ ужасомъ, широко раскрывъ глаза, смотрѣлъ на Николая Ѳадѣича.

— Я сколько лѣтъ владѣлъ землей? Ты тó попомни! — все такъ же невозмутимо продолжалъ Писаревъ.—Такъ неужто-жъ я безъ документовъ, такъ себѣ пользовался? А кто-жъ бы мнѣ позволилъ?

— Да вѣдь вы, Николай Ѳатѣичъ, землю-то на рендѣ судержали,—пролепеталъ Щастневъ.

— Ну, да. Такъ что-жъ?

— А теперь, какъ она, значитъ, продамши...

— А ты про арендный-то нашъ договоръ знаешь, какой-

такой онъ есть, и что въ ёмъ заключается? Може, по этому самому договору князь и продавать совсѣмъ не могъ, а? Который же документъ раньше сдѣланъ: твой, или мой? Вотъ она штука! Понялъ ты таперь, ай нѣтъ?

Алексѣй Ивановичъ молчалъ, совершенно подавленный.

— Князь вѣдь тоже,—усмѣхнулся Писаревъ,—зналъ чѣмъ подарить: чего себѣ не жалко... Купчая твоя, милый другъ, кто-жъ говоритъ; при тебѣ и останется; только въ землю вступаться ты не моги. Дай-ка сюда стаканъ, чайку тебѣ налить.

Но Щастневу было не до чаю. Въ немъ «сердце упало», и въ головѣ другъ завертѣлся такой вихрь недоумѣній, страховъ и отчаянія, что онъ вполнѣ сознавалъ окончательную свою безпомощность въ данномъ случаѣ. Какъ тутъ выбраться собственными силами изъ этого хаоса противорѣчій и бѣдъ? Съ видомъ человѣка, который стоитъ передъ погибелью неминучей, онъ только по-дѣтски лепеталъ одну и ту же фразу, совершенно ничтожную:

— Какъ же таперь быть? Головушка ты моя!..

— Какъ быть?—подхватилъ Писаревъ.—А вотъ про это-то я и пріѣхалъ съ тобой покалякать, Алексѣй Ивановичъ. Слушай же меня обоими ушами, потому въ другой разъ этого не повторю. Одно у меня слово. Мокрецы, положимъ, я могу оттягать у тебя въ чистую, это вѣрно; только будетъ это самое стоить денегъ много, да и по судамъ придется ходить не одинъ мѣсяцъ. А ужъ это на что хуже.

— Ужъ это!..—и Щастневъ, недоговоривъ, безнадежно махнулъ рукой.

— Потому что все-таки, какъ ни на есть, у тебя купчая выдана, хоша и неправильно. Поди возись съ ней... Такъ вотъ я тебѣ предлагаю разойтись со мной полюбовно. Выбери ты для себя изъ Коноплянья, изъ самолучшей земли, или откуда хочешь— это все равно—восемнадцать десятинъ, да двѣ десятины огородовъ, да двѣ луговой. Выбирай самъ, какъ хочешь, я тебѣ не препятствую; и пусть ужъ эта земля остается твоей на вѣки вѣчные. По твоей семьѣ, да еще при надѣлѣ, съ тебя этого поля весьма предовольно; даже на твоихъ дѣтей и внуковъ хватитъ. Кромѣ того жертвую я тебѣ три лошади, двѣ коровы, свинью съ поросятами, хорошую, борова и два десятка овецъ. Все это сейчасъ. Кромѣ того, плачу я тебѣ двѣ тысячи рублей, чистыми деньгами, прямо изъ рукъ въ руки. Ну, вотъ! Пусть же не даромъ Господь тебѣ счастье послалъ: первымъ жителемъ будешь на всю волость. А ты, разумѣется, на остальную землю выдашь

мнѣ купчую... На мой счетъ! Нотаріусу за все самъ заплачу, копѣйки съ тебя не потребую... Вотъ тебѣ мой первый и послѣдній сказъ. Хочешь ты такъ-то—давай дѣлать, что ни скорѣй, то лучше. А заупрямишься—ну, помогай тебѣ Боже. Только ужъ отъ меня милости не жди! Доведешь до судовъ, я тебя, прямо сказать, разорю въ корень, а то и еще хуже... Суды-то я, можетъ, получше твоего знаю!

X.

Катерина Захаровна, она же рябая Катюха, въ томъ трудномъ положеніи, которое наступило для Щастневыхъ послѣ бесѣды съ Писарькомъ, выказала несравненно бо́льшую твердость духа, чѣмъ Алексѣй Ивановичъ. Подобно мужу, она въ первую минуту была тоже совершенно озадачена притязаніями старшины, но очень скоро пришла въ себя и затѣмъ вдругъ необычайно разгнѣвалась.

— А вить онъ вретъ все, собачій хвостъ, поганая его душонка!—разразилась Катерина Захаровна цѣлымъ потокомъ ругательствъ.—Нотарусъ, чать, не похуже его дѣла-тѣ знаетъ. Опять же и попъ купчую читалъ: не похулилъ нисколько. Да ты вить еще комусь показывалъ?

— А какъ же!

Щастневъ убитымъ тономъ перечислилъ человѣкъ пять «знающихъ людей», которые смотрѣли его документъ въ губернскомъ городѣ.

— И никто не похулилъ? — спрашивала Екатерина Захаровна.

— А ни Боже мой!—печально повѣсивъ голову,—объяснялъ Щастневъ.—Даже всѣ въ одно слово завѣрили: настоящая, говорятъ, твоя купчая, то есть, въ самомъ лучшемъ видѣ, какъ быть возможно. Не токма что, а самъ князь, чу, повернуть таперича не можетъ. Во какъ завѣрили!..

— Такъ чево-жъ онъ мелетъ? На дураковъ напалъ? Извѣстно, земли ему жалко, такъ вотъ онъ и мутитъ. Для всѣхъ, вишь, купчая хороша, какъ быть слѣдствуетъ; а ему одному не ндравится: не гожа-де, не правильная! Ахъ онъ... Или на него ужъ и суда нѣтъ? Да подавись ты и своими коровами, и лошадьми, и двумя тысячами! Чтобъ ты ихъ съ собой въ домовину взялъ!

Катерина Захаровна положительно неистовствовала.

— Какъ онъ и въ самъ-дѣлѣ засудитъ?—попыталъ-было Алексѣй Ивановичъ хотя нѣсколько поудержать расходившуюся су-

пругу.—Какъ бы, то есть, чего не вышло, чтобъ, значитъ, въ отдѣлку не пропасть. Мы вить что-жъ—люди темные...

— Темные! Такъ что-жъ, что темные? Чать, вить и онъ не одинъ свѣтлый по землѣ ходитъ. Поискать, такъ еще, можетъ, насупротивъ его свѣтлѣе найдутся...

Катерина Захаровна примолкла на одинъ мигъ, и вдругъ закончила тономъ, не допускающимъ возраженій:

— Идемъ къ попу!

Въ данную минуту это было самое благоразумное рѣшеніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, оцѣнилъ его Алексѣй Ивановичъ, который чувствовалъ неодолимую потребность посовѣтоваться съ «умственнымъ и знающимъ человѣкомъ».

— «Чего мы знаемъ?»—разсуждалъ онъ про себя.—«Баба, извѣстно, торохтитъ, потому—баба. А между прочимъ чего мы знаемъ? Влопаешься это подъ судъ... сичасъ раззоръ... да еще угодишь куда-нибудь, въ отсидку, значитъ... Вотъ тѣ и здравствуй! бабѣ что? Баба, извѣстно, не въ отвѣтѣ... Да!»

Однако о. Михаилъ разсѣялъ—по крайней мѣрѣ на время—всѣ сомнѣнія Алексѣя Ивановича. Онъ такъ утвердительно говорилъ о незыблемости правъ новаго владѣльца, о рѣшающемъ значеніи купчей, такъ посмѣивался и покачивалъ головой, выслушивая разсказъ о притязаніяхъ Писарька, наконецъ, вообще такъ охотно принялъ сторону Щастневыхъ, что не только Катерина Захаровна,—женщина вообще энергичная,—но самъ Алексѣй Ивановичъ,—гораздо болѣе мнительный,—не могли не успокоиться вполнѣ: дѣло оказывалось слишкомъ ужъ несомнѣннымъ, а утвержденія и указанія о. Михаила слишкомъ положительными и точными.

Тому горячему интересу, съ которымъ отнесся священникъ къ дѣлу Щастневыхъ, можетъ быть, отчасти способствовало и то обстоятельство, что Катерина Захаровна, вопреки своей недавней неподатливости, первая заговорила объ отдачѣ въ аренду церковникамъ нѣкоторой части земель съ Песоченскаго края, и притомъ на самыхъ выгодныхъ для причта условіяхъ, такъ какъ «тоже и о душѣ своей надоть попомнить, чтобъ было съ чѣмъ передъ Господомъ Богомъ явиться, отвѣтъ Ему, Царю нашему небесному, держать».

Узнавъ о такомъ усердіи своей прихожанки, о. Михаилъ тотчасъ же и заявилъ, что ему доподлинно извѣстно, будто у Писарька нѣтъ ни одного письменнаго документа на владѣніе Мокрецами, такъ какъ арендовалъ онъ землю просто по словесному уговору съ управителемъ князя Убромскаго. Но о такой

арендѣ въ купчей не упомянуто ни однимъ словомъ, слѣдовательно она вовсе не обязательна для новаго владѣльца. Что же касается до правъ собственности, до того, чтобы Писарьку удалось отсудить землю въ свою пользу окончательно—объ этомъ и говорить смѣшно. Писарекъ пробуетъ попугать Алексѣя Ивановича, обмануть его, пока онъ «по новости» еще не знаетъ дѣла—это очевидно. Но если споръ и въ самомъ дѣлѣ дойдетъ до суда, то Писарекъ, навѣрное, даже не явится къ разбору, потому что съ чѣмъ же ему явиться? Не съ пустыми же руками!

О. Михаилъ настолько выразилъ свою несомнѣнную увѣренность въ правахъ Щастнева, что даже «со всѣмъ удовольствіемъ» предложилъ ему тотчасъ же получить значительный задатокъ подъ аренду земли, даже сталъ ему навязывать этотъ задатокъ съ нѣкоторой горячностью, чтобы, какъ онъ выразился, «уже быть въ надеждѣ, если есть ваше такое усердіе къ церкви».

Послѣ этого въ умахъ Алексѣя Ивановича и Катюхи уже не могло оставаться никакихъ сомнѣній: они оба значительно просвѣтлѣли.

— Ужъ коли батька деньги давалъ,—сообщала Катерина Захаровна мужу свои соображенія, по дорогѣ домой;—такъ ужъ тутъ и говорить нечего; выходитъ, дѣло вѣрное. Ужъ этотъ, небося, гривенника даромъ не выложитъ, не токма что.

Алексѣй Ивановичъ вполнѣ соглашался.

О. Михаилъ указалъ ему даже самый простой и легкій путь къ немедленному осуществленію своихъ правъ: а именно онъ совѣтовалъ, пользуясь тѣмъ, что Писарекъ пашетъ въ Мокрецахъ подъ гречиху, тотчасъ подать прошеніе мѣстному мировому судьѣ о возстановленіи его, Щастнева, владѣнія, нарушеннаго Писарькомъ.

Наконецъ, самое прошеніе о. Михаилъ вызвался написать и написалъ тутъ же, безъ всякаго отлагательства; такъ что, уходя отъ священника, Алексѣй Ивановичъ уже несъ аккуратно сложенную бумагу съ собою, тщательно увязавъ ее въ какую-то женину тряпицу.

Послѣ этого можно ли было еще сомнѣваться въ смыслѣ окончательнаго рѣшенія Щастневыхъ? Конечно, они безъ всякаго раздумья положили: предложенія Писарька отклонить, и тотчасъ же начать противъ него рѣшительныя непріязненныя дѣйствія.

— Ишь, кабанъ пестрый, какъ было хотѣлъ объѣхать!—замѣтила про него Катерина Захаровна даже совсѣмъ успокоеннымъ тономъ.

На другой день Алексѣй Ивановичъ всталъ еще до солнца,

и исполнивъ по дому разныя мелочныя надобности, отправился въ путь «къ мировому». Онъ очень спѣшилъ, потому что идти приходилось не близко: мѣстный судья уѣхалъ куда-то въ отпускъ, за него исправлялъ должность мировой судья городского участка, а отъ Богодухова до уѣзднаго города считалось верстъ восемнадцать. Единственную же свою лошадь Алексѣй Ивановичъ отправилъ въ поле на пахоту. Да еслибъ она и была свободна, едва ли онъ воспользовался бы ея услугами: какъ человѣкъ весьма «хозяйственный», онъ берегъ свою «животину» пуще всего, и никогда не запрягалъ ее «безъ надобности».

Было раннее утро, когда Алексѣй Ивановичъ шагалъ по пыльной дорожкѣ, пролегавшей черезъ Мокрецы, между двумя стѣнами густой, сине-зеленой ржи, которая только-что начинала зацвѣтать. Невысокій туманъ еще покрывалъ поля, тихо волнуясь надъ ними своей непроницаемой пеленой мутно-молочнаго цвѣта. Но совершенно чистое небо уже было залито потоками солнечныхъ лучей, видимыхъ даже сквозь дымку тумана; въ высотѣ уже звенѣли пѣсни жаворонковъ; уже начинали трещать, жужжать и суетиться милліарды насѣкомыхъ. Все предвѣщало погожій, чудесный день. И въ самомъ дѣлѣ, вдругъ густая масса тумана какъ-то вся заколебалась, что-то въ ней заклубилось, завилось, заволновалось; кое-гдѣ образовались разрывы и яркіе просвѣты; еще минута, двѣ, и вотъ—словно невидимою силой разомъ отдернутъ былъ громаднѣйшій занавѣсъ—солнце брызнуло своимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ на все вокругъ, и мгновенно выявилась широкая панорама окрестностей: загорѣлся крестъ Песоченской церкви; засверкала странная Мѣловая гора бѣлыми боками своихъ огромныхъ овраговъ, окаймленныхъ чернолѣсьемъ; зазолотилось облако пыли, не вдалекѣ поднятое пестрымъ стадомъ, которое съ веселымъ мычаньемъ бѣжало на пастьбу. Вся даль съ ея холмами, селами, полями и перелѣсками была залита сплошнымъ моремъ горячаго свѣта; и только вблизи, вокругъ Алексѣя Ивановича, солнце разсыпалось отдѣльными блестками растопленнаго золота, которыя сквозили, прыгали и мелькали среди высокихъ стеблей роскошнѣйшей ржи.

Однако, у Щастнева не было ни глазъ, ни вниманія для красивой картины, такъ просторно и ярко развернувшейся передъ нимъ: онъ весь, всѣми своими чувствами, всѣмъ своимъ помышленіемъ ушелъ въ восторженное созерцаніе богатой нивы, которая волновалась вокругъ него. И не причудливою игрою золотыхъ блестокъ, не быстро бѣгущими волнами сѣро-зеленой тѣни любовался онъ, вглядываясь въ высокія стѣны ржи, гдѣ

каждый кустъ чуть не десяткомъ сочныхъ стеблей росъ изъ одного могучаго корня; нѣтъ, его волновало нѣчто иное.

— «Господи! — думалъ онъ. — Ржица-то, ржица! Вѣрныхъ восемнадцать копенъ будетъ. Вотъ благодать Божія! Вотъ земелька!.. А еще этотъ прохвостъ за двѣ тысячи оттягать хотѣлъ. За двадцать не отдамъ. Пусть меня лучше живого четвертуютъ. Не отдамъ, покеля живъ.

Легкій, но очень близкій стукъ колесъ заставилъ Щастнева очнуться. Онъ быстро поднялъ голову, и почти носъ къ носу столкнулся съ «прохвостомъ», о которомъ только-что думалъ.

Николай Ѳадѣевичъ, сидя на бѣговыхъ дрожкахъ, самой маленькой рысцой, въ притруску, объѣзжалъ поле. Встрѣтивъ Щастнева, онъ тотчасъ остановилъ свою раскормленную лошадь.

— Алексѣй Ивановичъ! Другъ-пріятель! Ты куда бредешь?

— Въ городъ.

— А пó што?

Щастневъ, на минуту смущенный нечаянной встрѣчей, почувствовалъ въ себѣ новый приливъ геройства.

— Къ мировому! — отвѣтилъ онъ, твердо глядя въ глаза своему противнику.

— Вó какъ! А зачѣмъ бы это?

Улыбающееся лицо Писарька стало хмуриться.

— На тебя жалиться, Миколай Ѳатѣичъ, на счетъ, значитъ, владѣнія.

— Те-е-екъ... Ну, что-жъ, помогай Богъ. А на меня ужъ, братецъ, таперича не гнѣвись, коли ежели что-нибудь... По чести не хотѣлъ—значитъ, самъ на себя и плачься.

Николай Ѳадѣевичъ вдругъ сильно стегнулъ свою лошадь, и укатилъ, не дожидаясь возраженій, прежде чѣмъ Щастневъ успѣлъ открыть ротъ.

Крестьянинъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ. Рѣшимость Писарька, явно уклонившагося отъ всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ, подѣйствовала на него крайне непріятно и заронила въ душу новыя сомнѣнія. Однако, жребій былъ брошенъ. Еще разъ посмотрѣвъ на восемнадцатикопенную рожь, Алексѣй Ивановичъ глубоко вздохнулъ и пошелъ дальше, на встрѣчу своей судьбѣ.

Въ городѣ ожидала его удача. «Мировой» не только принялъ прошеніе, но, подъ добрую минуту, даже прочелъ купчую Щастнева, объявилъ ее совершенно правильной, а про притязанія Писарька отозвался съ рѣзкостью эксъ-военнаго человѣка: «должно быть, старый чортъ съ ума сошелъ».

— Не бойся!—обнадежилъ онъ крестьянина, хлопнувъ его по плечу рукою.—Защитимъ тебя отъ всякихъ писарей и писарьковъ. Твое твоимъ и будетъ.

Послѣднія сомнѣнія Щастнева разсѣялись дымомъ. Чего еще было желать!

XI.

Однако, Алексѣю Ивановичу пришлось долгонько ожидать судебнаго рѣшенія.

Дѣло въ томъ, что городское его высокородіе, согласившись «по-товарищески» взять на себя другой участокъ, пока деревенское высокородіе будетъ отсутствовать—признавало актомъ великой снисходительности съ своей стороны благосклонный пріемъ и помѣтку всякаго рода прошеній, апелляцій, актовъ, казенныхъ бумагъ и пакетовъ, которые поступали къ нему по «чужому» участку. Но затѣмъ «вся эта канцелярщина» просто сваливалась въ кучу, впредь до прибытія «настоящаго» мирового судьи. Городскому его высокородію не приходило и въ голову назначить какое-либо засѣданіе по дѣламъ «чужого» участка. А тѣмъ немногимъ просителямъ, которые рѣшались настаивать на необходимости скорѣйшаго разсмотрѣнія ихъ споровъ, онъ только отвѣчалъ, пожимая плечами: «Но какъ же вы не понимаете? Вѣдь я временно — слышите?—временно взялъ на себя участокъ Александра Васильевича, просто изъ одной любезности. — Понимаете вы это? Просто изъ одной любезности — и больше ничего. Пріѣдетъ Александръ Васильевичъ, и разберетъ всѣ дѣла. А я-то тутъ при чемъ же?» Онъ еще разъ пожималъ плечами и удалялся въ свой кабинетъ, нѣсколько оскорбленный требовательностью упрямыхъ просителей.

Такимъ образомъ дѣло Щастнева пролежало «безъ движенія» поболѣе мѣсяца.

Между тѣмъ, положеніе Алексѣя Ивановича было далеко не изъ пріятныхъ, и съ каждымъ днемъ становилось все хуже. Николай Ѳадѣевичъ Писаревъ, ради извѣстныхъ ему причинъ и цѣлей, съ особеннымъ искусствомъ умѣлъ возстановить противъ Щастневыхъ все населеніе села Богодухова. Выходило какъ-то такъ, что пріобрѣтеніе Мокрецовъ Алексѣемъ Ивановичемъ стало поперегъ дороги всѣмъ богодуховцамъ, непосредственно и очень чувствительно задѣвая ихъ интересы. То какой-нибудь Иванъ Селифонтовъ, снявъ у Писарька двѣ десятины подъ посѣвъ за весьма выгодную цѣну, только благодаря притязаніямъ Щастнева

не могъ продлить аренду на всѣ три года; то «Пётра» Большовъ не рѣшался удобрить нанятый коноплянникъ, и терпѣлъ убытки, потому что «кто его знаетъ? Таперича навозъ вагатишь — а еще кому достанется сѣять?» То Фролъ Лазаревъ дрожалъ за судьбу своихъ покосовъ: по уговору съ Писарькомъ, онъ раскосилъ и расчистилъ кустарникъ въ Машкиномъ Болотцѣ, а также провелъ тамъ канаву, съ тѣмъ, чтобы три года косить исполу; «между прочимъ, таперича либо скосишь, либо нѣтъ». Самъ Щастневъ, и въ особенности Катерина Захаровна не могли безучастно относиться къ дѣйствіямъ Писарька, который началъ раздавать землю въ Мокрецахъ подъ посѣвъ разнымъ богодуховцамъ, причемъ раздавалъ ее усиленно и крайне дешево, но забиралъ впередъ болѣе половины денегъ. Это была именно та система раздачи, о которой на первое время мечтали сами супруги Щастневы. Они, конечно, бросились къ нанимателямъ съ предостереженіями, они рѣшительно и впередъ заявляли каждому заинтересованному лицу, что никакихъ сдѣлокъ Писарька не признаютъ, счетовъ съ нимъ имѣть не желаютъ, а просто воспользуются своей землею, кѣмъ бы она ни была засѣяна. Арендаторы, выгодно снявшіе поле у Писарька и уплатившіе впередъ немалую сумму денегъ, разумѣется, приходили въ остервенѣніе отъ подобныхъ угрозъ, завязывалась неистовая ругань, а иногда даже и взаимное «оскорбленіе дѣйствіемъ». Понятно, что за полтора мѣсяца такихъ отношеній и столкновеній все село вооружилось противъ Щастневыхъ, тѣмъ болѣе, что Писаревъ умѣлъ необыкновенно искусно подливать масло въ огонь.

Наконецъ въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца Алексѣй Ивановичъ получилъ повѣстку, изъ которой явствовало, что мировой судья 2-го участка приглашаетъ его явиться въ камеру свою, состоящую въ селѣ Бѣлыя Глины, третьяго августа тысяча восемь сотъ такого-то года.

Широкимъ крестомъ перекрестился Алексѣй Ивановичъ. Еще бы! Наконецъ-то развяжется вся эта «канитель», прекратится небывалая скудость въ домѣ, и замолкнутъ разные Иваны, Петры, Фролы, позволяющіе себѣ то самыя язвительныя насмѣшки, то площадную брань и угрозы.

«Погоди, дай только управиться,—мечталъ Алексѣй Ивановичъ,—еще прикусятъ язычокъ, еще покланяются мнѣ въ ноги! Погоди!»

Что же касается Катерины Захаровны, то она ужъ рѣшительно носилась съ планами самой безпощадной мести всѣмъ своимъ новымъ ворогамъ и завистникамъ; ни о комъ изъ нихъ

она даже не могла хладнокровно вспомнить; а вслѣдствіе не-стоянныхъ, и хотя упорныхъ, но не всегда удачныхъ стычекъ на улицѣ, она въ послѣднее время почти не выходила со двора.

Третье августа приходилось въ воскресный день.

Алексѣй Ивановичъ одѣлся въ чистую рубаху, въ свою лучшую свиту и, съ не малымъ замираніемъ сердца, отправился въ село Бѣлыя Глины.

Въ глубинѣ души своей онъ еще далеко не былъ увѣренъ въ благопріятномъ исходѣ дѣла. Во-первыхъ, судиться пришлось не у того «мирового», который такъ рѣшительно призналъ не-оспоримость его купчей. А во-вторыхъ, его очень смущала самая увѣренность Писарька, который не только не заводилъ бол[ѣе] никакихъ съ нимъ переговоровъ, но и самую спорную землю раздавалъ на-право и на-лѣво всѣмъ желающимъ, точно не могло быть даже сомнѣній въ его правѣ распоряжаться ею по произ-волу. Для вѣчно опасливаго крестьянина такое нахальство явля-лось просто непостижимымъ. «Вить, значитъ, надѣется же он[ъ] на что да нибудь!» говорилъ себѣ Алексѣй Ивановичъ... Н[а] арендаторовъ тоже отнюдь не дѣйствовали ни его увѣщані[я] ни угрозы. Положимъ, они—свой братъ, мужики: «чево они по-нимаютъ?» Имъ бы вотъ только землю подешевле снять, а та[мъ] —что будетъ! «Мало ли насъ, дураковъ, такъ-то надуваютъ! Въ лучшемъ видѣ!» Однако...

Однако, на душѣ у Алексѣя Ивановича, когда онъ шагалъ по дорогѣ въ Бѣлыя Глины, было очень и очень скверно.

Нѣсколько утѣшили его знакомые крестьяне изъ сосѣдня[го] села, которые тоже пробирались «къ мировому» кучкою въ пя[ть] человѣкъ, и къ которымъ онъ присталъ на пути. Эти знакомы[е] горячо и наперерывъ расхваливали судью второго участка. «Бу[дь] спокоенъ!» говорили они Алексѣю Ивановичу: «коли твое дѣ[ло] правое, энтотъ ни за что не выдастъ. Онъ не то что на Писарьк[а], а ни на кого, какъ есть, не поглядитъ — было-бъ твое дѣ[ло] правое. Да! Судья, одно слово, Бога за него молить — больш[е] ничево! Опять же ни онъ тебя облаетъ, какъ другіе прочіе, н[и] онъ тобой погнушается, а либо поскучаетъ. Иной разъ сидитъ, сидитъ, сердешный, въ каморѣ-то своей—все судитъ, все суди[тъ] — инда нашему-то брату тошно станетъ, животы подведетъ; [а] онъ — ничево! Да еще что, братецъ ты мой, даже послѣ суд[а] ужъ онъ и цѣпь съ себя скинетъ, домой бы ему идти—гляд[ь], а кто-нибудь изъ просителевъ, посмѣлѣе, значитъ, и подойдетъ къ ему—такъ, значитъ, по своему дѣлу. Ну, и что-жъ ты ду-маешь? Ничево, ей Богу, ничево! И послухаетъ, и разскажетъ

все какъ быть слѣдуетъ, тихо, истово. То-есть... одно слово— праведный судья, настоящій!»

Алексѣй Ивановичъ запомнилъ мужицкія рѣчи, и тутъ же рѣшилъ про себя—«въ случаѣ чево»—переждать засѣданіе суда, а затѣмъ прямо «повалится мировому въ ноги»: научи-де и защити насъ, темныхъ людей. «Може, онъ и въ самъ-дѣлѣ умилится надо мной», соображалъ Щастневъ: «бываетъ»...

Путь до Бѣлыхъ Глинъ былъ не дальній: всего девять верстъ; а потому передъ нашими крестьянами скоро открылся и громадный дѣдовскій садъ «мирового», и его «хоромы» — гордый каменный домъ, очень красиво построенный на холмѣ надъ обширными прудами.

— Куда-жъ тутъ идти? — спросилъ Алексѣй Ивановичъ у своихъ бывалыхъ товарищей.—Нѣшто прямо къ хоромамъ?

— Зачѣмъ? Камора-то вонъ она гдѣ.

И товарищи указали ему на новую небольшую постройку, поставленную нѣсколько въ сторонѣ отъ остальной усадьбы.

— Тута онъ и судитъ. А если окромя суда къ ему есть дѣло—въ другое, значитъ, время: прошеніе ли подать, али такъ, спросить что-нибудь—тогда, малый, прямо иди къ ему въ хоромы: ничево, допущаетъ! Даже вотъ какъ: коли ежели онъ дома случится—и ждать не нужно: сею минутою самъ къ тебѣ выйдетъ...

Мировой судья 2-го участка, Александръ Васильевичъ Щемятевъ, принадлежалъ къ тому типу сельскихъ судей, который, къ сожалѣнію, лишь очень рѣдко, а въ послѣднее время и все рѣже, встрѣчается въ нашихъ провинціальныхъ захолустьяхъ. Магистръ московскаго университета и человѣкъ совершенно независимый по средствамъ, даже относительно богатый (онъ не умѣлъ проживать свои двадцать—двадцать-пять тысячъ дохода), Александръ Васильевичъ моложе тридцати лѣтъ отъ роду безвыѣздно поселился въ своемъ наслѣдственномъ помѣстьѣ и горячо отдался всѣмъ интересамъ сельской жизни, начиная отъ полевого хозяйства и кончая земской службой. Что побудило его отказаться и отъ настежь раскрытой передъ нимъ служебной карьеры (Онъ имѣлъ хорошія связи), и отъ пріятной жизни богатаго человѣка въ большомъ городѣ, и, наконецъ, отъ близкаго общенія съ «умственными центрами?» Первые два вопроса очень удивляли и интриговали его деревенскихъ сосѣдей, послѣдній—его бывшихъ товарищей по университету.

Ни карманъ, ни честолюбіе не влекли его къ земской службѣ. Но въ такомъ случаѣ, что-же, кромѣ искренней преданности къ

дѣлу, могло побудить его взять на себя совсѣмъ не легкія обязанности мирового судьи? И въ самомъ дѣлѣ Александръ Васильевичъ творилъ это свое дѣло просто, скромно, но съ великимъ усердіемъ. Правда, онъ не «священнодѣйствовалъ» въ своей камерѣ, не поражалъ ни точностью соблюденія всѣхъ формъ, ни серьезной величавостью своего вида. Напротивъ! Отъ своей публики тоже никакого «соблюденія формъ» не требовалъ: прехладнокровно позволялъ всѣмъ высказываться, какъ они знают, допускалъ самые горячіе споры тяжущихся, не прерывая ихъ ни единымъ словомъ; иной разъ терпѣливо переносилъ даже вмѣшательство посторонних дѣлу лицъ изъ публики, лишь бы это вело къ раскрытію обстоятельствъ дѣла; читая рѣшеніе, никогда не замѣчалъ, если какой-нибудь новичокъ въ камерѣ позволялъ себѣ «выказать неуваженіе суду» — то-есть, по просту не вставалъ съ мѣста. Однимъ словомъ Александръ Васильевичъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ своихъ товарищей, допускалъ въ своей камерѣ «всевозможную распущенность», хотя—сознавались они —дѣло «понималъ до тонкости». Мы же рѣшаемся утверждать, что даже нѣкоторое пренебреженіе къ формѣ было не недостаткомъ, а очень существеннымъ достоинствомъ въ дѣятельности деревенскаго мирового судьи, какимъ былъ Александръ Васильевичъ.

XII.

Дѣло Щастнева разсматривалось въ числѣ самыхъ послѣднихъ: Александръ Васильевичъ дѣла безъ свидѣтелей всегда откладывалъ на самый конецъ засѣданія, стремясь поскорѣе освободить большинство явившихся.

За то вся процедура разбирательства оказалась необыкновенно короткой.

— Что вы имѣете возразить противъ иска?—спросилъ судья Николая Ѳадѣича.

— Ничего. Пусть мой противникъ докажетъ свое право; я пока буду молчать.

— На чемъ вы основываете ваше право?—обратился судья къ Щастневу.

— Какъ это?...

— Почему вы считаете, что Мокрецы ваши?

— Помилуйте! У насъ купчая есть.

И Алексѣй Ивановичъ, торопліво развернувъ грязный бумажный платокъ, подалъ судьѣ свой драгоцѣнный документъ.

Судья бѣгло просмотрѣлъ его.

— А вводный листъ у васъ есть?

— Это что-жъ будетъ?..

— Пріѣзжалъ къ вамъ судебный приставъ? вводилъ васъ во владѣніе?

— Нѣ... нѣтъ, не бывалъ.

— Ну, такъ я вамъ долженъ объяснить, что мировой судья, если дѣло идетъ о помѣстьѣ — землѣ или домѣ, все равно — не имѣетъ права разсматривать какіе-либо документы, кромѣ вводнаго листа. Купчую получите назадъ.

Алексѣй Ивановичъ съ недоумѣніемъ принялъ изъ рукъ судьи бумагу и опять бережно завернулъ ее въ пестрый платокъ.

— Стороны, не угодно ли вамъ помириться?—предложилъ судья.

— Какъ это?..

— Не желаю!—твердо отвѣтилъ Писаревъ.

Черезъ минуту судья объявилъ рѣшеніе:

«Въ силу 1 п. 31 ст. уст. гр. суд. опредѣляю: настоящее дѣло признать мировымъ судебнымъ учрежденіямъ неподсуднымъ».

Алексѣй Ивановичъ все съ тѣмъ же совершеннымъ недоумѣніемъ продолжалъ стоять передъ судейскимъ столомъ; но какой-то бывалый крестьянинъ тихонько тронулъ его за рукавъ, поманилъ къ себѣ и усадилъ на скамью.

— Дѣло твое таперь кончено,—сказалъ онъ въ поясненіе.

— Кончено? На чемъ же?

— Отказали, братъ, тебѣ; не выгорѣло...

У Алексѣя Ивановича помутилось въ глазахъ.

— Отказали? Господи Боже мой! А какъ же купчая-то...

Онъ дрожащими руками сталъ торопливо разворачивать свою пеструю тряпицу.

— Слышь, ты не купчую предоставить долженъ, а вводный листъ, потому—здѣсь купчей хода нѣту. Понялъ?

— Значитъ, пропала таперь моя головушка! Пропала... пропала...

— Дурашный, чево ты? Чево ты? Коли купчая есть, такъ вводный листъ самое пустое дѣло.

— Дѣтки мои малыя...

— Да ты, слышь, чево ты убиваешься? Я-жъ тебѣ говорю, что вводный листъ самая плевая вещія: даже сичасъ его можно справить.

Алексѣй Ивановичъ поднялъ голову.

— Какъ это?

— Нотарусу скажи, альбо аблакату какому-нибудь... Только бери изъ плохонькихъ, подешевле, потому—дѣло это не мудреное: всякій охлопочетъ.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій бывалаго крестьянина, Алексѣй Ивановичъ кое-что уразумѣлъ, и даже нѣсколько пріободрился. Но про себя онъ все-таки рѣшилъ прежде всего исполнить еще по дорогѣ надуманное предпріятіе, то-есть, выждавъ судебное засѣданіе до конца—«повалиться судьѣ въ ноги».

Это онъ исполнилъ въ точности.

Александръ Васильевичъ, очень не любившій подобныхъ вещей, отшатнулся назадъ, досадливо нахмуривъ брови.

— Что вы! Что вы!—заговорилъ онъ поспѣшно.—Вставайте! Этакъ не годится дѣлать. Что вамъ угодно?

Щастневъ началъ было что-то объяснять, но Александръ Васильевичъ перебилъ его:

— Сначала встаньте, а такъ я васъ не стану слушать.

Алексѣй Ивановичъ поднялся съ колѣнъ.

— Ваше высокородіе!—воскликнулъ онъ.—Отецъ нашъ милосливый! Заставьте за себя вѣчно Бога молить; умилитесь вы надо мною, темнымъ человѣкомъ...

— Хорошо, хорошо. Разскажите толкомъ, въ чемъ ваше дѣло.

— Да все на счетъ того-же, что завладалъ Писарекъ моею собственностью...

— Да вы достаньте вводный листъ, подайте мнѣ опять прошеніе—и все дѣло будетъ кончено въ три минуты. Это совсѣмъ пустяки...

— То-есть, чья же тогда земля будетъ?

— Разумѣется, ваша,—улыбнулся Александръ Васильевичъ,—коли у васъ купчая. Что-жъ тутъ можетъ сдѣлать Писарекъ? Вы поймите: я не потому вамъ отказалъ, что ваше дѣло не правое; а просто потому, что по закону не могу рѣшать такихъ дѣлъ безъ вводнаго листа. Но представьте вводный листъ—и всю бѣду какъ рукой сниметъ.

— Ваше высокородіе! Листъ когда еще будетъ, а вѣдь онъ покелева всю землю, какъ есть, поразмытаритъ. Онъ таперь, ровно оглашенный, за полцѣны кому угодно раздаетъ. Причемъ же я-то останусь? Моя собственность — а другіе будутъ сѣять? Посѣвы-то вѣдь вотъ они, подходятъ; пожалуй, что черезъ недѣлю кто-нибудь и начнетъ. А я долженъ лишиться?! За что же? Будьте милосерды!..

— Не безпокойтесь, — улыбнулся Александръ Васильевичъ. —Пусть себѣ сѣютъ. Вамъ-то какая обида? Вѣдь вы, по закону,

всю землю и со всѣми посѣвами въ свою пользу возьмете. Такъ чего же вамъ бояться, что люди за васъ постараются? И въ обидѣ никто не останется; потому что если кто и въ самомъ дѣлѣ посѣетъ, такъ убытки свои съ Писарька взыщетъ. А съ Писарька есть что взять.

Мировой судья «не погнушался» подробно и терпѣливо разъяснить Алексѣю Ивановичу всѣ его права, пріобрѣтенныя по купчей крѣпости, а также и тѣ способы, посредствомъ которыхъ онъ всего легче можетъ добиться осуществленія этихъ правъ на дѣлѣ. Оказалось, что Писарекъ не только не имѣетъ ни малѣйшихъ шансовъ «оттягать» землю въ Мокрецахъ, но— въ виду отсутствія какихъ-либо письменныхъ условій между нимъ и княземъ Убромскимъ, и по общему смыслу купчей крѣпости —онъ, Писарекъ, не имѣлъ никакого права воспользоваться даже тѣмъ урожаемъ, который уже былъ снятъ имъ и его арендаторами; а Щастневъ, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ взыскать съ Писарька и всю стоимость урожая, и убытки, понесенные имъ, Щастневымъ, отъ самовольнаго захвата его собственности.

Трудно описать тотъ восторгъ, въ которомъ находился Алексѣй Ивановичъ, выйдя изъ судейской камеры. Всѣ его сомнѣнія окончательно разсѣялисѣ. Наконецъ-то дѣло оказалось и простымъ, и вѣрнымъ, и—главное—близкимъ, близкимъ къ осуществленію... Сердце Алексѣя Ивановича было переполнено горячей благодарностью къ мировому судьѣ.

— Вотъ это баринъ, такъ баринъ! — разсуждалъ онъ, проходя мимо прудовъ и высокихъ каменныхъ хоромъ.—Простой баринъ, ду-ушевный! Бываютъ и промежъ ихняго брата... А Писарекъ-то! Ну, ужъ только и Писарекъ! Нѣтъ ужъ таперича, любезный, видно шалишь; будетъ тебѣ надо мною куражиться; покуражился! Таперича какъ бы еще я надъ тобою не поломался—вотъ что. Тоже вить какъ придется платить-то... можетъ, побольше тыщи рублей—почешешь за ухомъ и ты, любезный, не понравится!..

Впрочемъ, отъ Писарька и «мирового» мысли Алексѣя Ивановича скоро перешли на хозяйство, на ту землю, которая уже на дняхъ сдѣлается его неотъемлемой собственностью, на тѣ порядки и устройство, которые поспѣшитъ онъ завести въ своемъ любезномъ дворѣ. Будутъ у него восемь лошадей, три коровы; новый овинъ надо выстроить; по неуправкѣ, пожалуй, придется и работника взять...

Занятый этими розовыми мечтами, Алексѣй Ивановичъ скоро вышелъ изъ барской усадьбы и миновалъ Бѣлыя Глины.

Публика, бывшая у мирового судьи, давно уже разбрелась; а тѣ, кому приходилось идти въ одну сторону со Щастневымъ, далеко опередили его: одни ушли ранѣе конца засѣданія, другіе хотя и дождались этого конца, но успѣли исчезнуть, пока Алексѣй Ивановичъ объяснялся съ мировымъ.

Такимъ образомъ Щастневъ совсѣмъ одиноко шелъ по знакомой дорогѣ.

Онъ уже добрался до песоченскаго перекрестка (что составляло почти половину пути), когда услышалъ за собою торопливый топотъ лошади: кто-то скакалъ верхомъ, поднимая цѣлое облако пыли.

Алексѣй Ивановичъ посторонился съ узкаго проселка, чтобы пропустить всадника впередъ; но, къ нѣкоторому его удивленію, незнакомецъ круто осадилъ лошадь, и прямо обратился къ нему съ вопросомъ:

— Не ты будешь Алексѣй Ивановъ Щастневъ съ Богодухова?

— Я...

— Ну, вотъ!

Всадникъ проворно соскочилъ съ лошади.

— Держи!—передалъ онъ поводья Щастневу.—Садись верхомъ, да отведи лошадь къ Писарьку, въ Верхній Хуторъ. Мировой судья, Александръ Васильевичъ приказали; потому—тебѣ все равно: почитай, что по дорогѣ.

— Ла-а-дно... А вы сами кто такіе будете?

— У Александра Васильевича, у мирового, въ кучерахъ служу.

— О-о-о! А прежній-то что же, Емельянъ Антоновичъ? Уволился, стало-быть?

— Зачѣмъ! Я въ родѣ какъ его помощникъ, за конюха состою.

— Та-а-акъ...

— Ну, смотри же, братъ, доставь лошадь въ исправности, баринъ приказалъ. Прощавай! Да ты—слышь!—не гони ее занапрасно... поспѣешь.

— Ладно, предоставлю, будь въ надеждѣ. Чево гнать? Прощенья просимъ.

Конюхъ быстро ушелъ назадъ; а Щастневъ сѣлъ на давно знакомую кобылу, и шажкомъ поѣхалъ своей дорогой, дивясь про себя: зачѣмъ это «Синичка» попала къ мировому?

— Нѣшто купить ее не хочетъ ли; такъ, можетъ, на спытокъ бралъ?—догадывался Алексѣй Ивановичъ.—Мудренаго въ этомъ нѣтъ, что на спытокъ.

Однако Щастневъ не проѣхалъ и полверсты, какъ конскій топотъ опять раздался за его спиною.

На этотъ разъ верховые скакали цѣлою кучкой человѣкъ въ семь.

Они, конечно, весьма быстро догнали Алексѣя Ивановича, который подвигался впередъ только самымъ нетороопливымъ шажкомъ, и затѣмъ...

Затѣмъ произошло нѣчто до такой степени неожиданное и непонятное для нашего героя, что онъ даже совсѣмъ одурѣлъ на извѣстное время, и далеко не вполнѣ былъ увѣренъ: на яву, или только во снѣ видитъ онъ все происходящее.

Верховыми оказались: самъ Николай Ѳадѣевичъ Писаревъ, двое его работниковъ, урядникъ, да три крестьянина изъ Песочни.

Всѣ они разомъ окружили Алексѣя Ивановича, и начался невообразимый гвалтъ.

— Ага! Такъ вотъ оно что! Вотъ у насъ, стало-быть, кто эфтими дѣлами займается! Ловко! Очень даже превосходно! Ребята, чево смотрѣть? Крути ему руки назадъ! Ахъ, ты идолъ-анаѳема! Ахъ, ты...

Совершенно ошеломленнаго Щастнева сорвали съ лошади, навалились на него впятеромъ, смяли, и дѣйствительно начали вязать ему руки такъ безцеремонно, что чуть не повывихнули ихъ въ плечевыхъ суставахъ; а отъ усерднаго урядника тутъ же «влетѣло» ему и нѣсколько весьма добросовѣстныхъ пинковъ (въ видахъ служебной неукоснительности).

— Братцы! — взмолился Алексѣй Ивановичъ. — Да, что-жъ это будетъ? за что? чево я сдѣлалъ?

— Чево-о-о? Ахъ, ты Езопъ, безстыжіе твои глаза! Ахъ, ты... Еще спрашиваетъ! Чево-о-о!!

Новый изрядный «толчокъ» кулакомъ въ зубы преподанъ былъ Щастневу въ видѣ разъясненія.

Однако мало-по-малу изъ общаго гвалта выдѣлялись слова и цѣлыя фразы, на основаніи которыхъ можно было кое-какъ уяснить себѣ слѣдующую связь событій:

Лошадь «Синичка» въ эту же ночь была украдена у Писарька съ ночного въ Верхнемъ Хуторѣ. По какимъ-то свѣжимъ слѣдамъ урядникъ, вмѣстѣ съ двумя работниками потерпѣвшаго, бросился съ обыскомъ въ Песочню, куда, покончивъ свое дѣло у мирового судьи, вскорѣ прибылъ и самъ Николай Ѳадѣевичъ. Въ Песочнѣ ничего не нашли. Однако, предполагая затѣмъ проѣхать еще въ Цитово, на всякій случай захватили съ собою трехъ понятыхъ. Но въ Цитово не попали; потому что на пути

встрѣтился «нѣкоторый неизвѣстный человѣкъ» (позабыли или не сочли нужнымъ спросить: кто онъ именно, и откуда?) и указалъ, будто по богодуховской дорогѣ только-что проѣхалъ крестьянинъ, верхомъ на пѣгой кобылѣ, которая, какъ видно изъ объясненныхъ примѣтъ, во всѣхъ статьяхъ походитъ на украденную. Трудно рѣшить, по какому странному предчувствію Николай Ѳадѣевичъ Писарекъ такъ разговорился со встрѣчнымъ «неизвѣстнымъ человѣкомъ», и вдругъ ему настолько повѣрилъ, что, отложивъ поискъ въ Цитовѣ, бросился на богодуховскую дорогу. Во всякомъ случаѣ, предчувствіе не обмануло почтеннаго старшину: черезъ какія-нибудь пять минутъ, преслѣдователи уже настигли Щастнева, ѣхавшаго верхомъ на украденной Синичкѣ.

— Братцы! Такъ нѣшто *я* ее кралъ?!—воскликнулъ Алексѣй Ивановичъ, постигнувъ, наконецъ, въ чемъ именно его обвиняютъ.

— А то кто же? Ужъ не сама ли къ тебѣ прибѣжала?—насмѣшливо возразилъ урядникъ.

— Нѣтъ, хуть не сама. Мировой приказалъ мнѣ доставить ее къ Миколаю Ѳатѣичу на Верхній Хуторъ, вотъ что. Я и поѣхалъ, потому — мы не можемъ ослухаться. А про воровство я знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, разрази меня Господь!

— Мирово-о-ой?! Это еще что! Который?

— Все нашъ же, Лександра Василичъ.

Алексѣй Ивановичъ разсказалъ дѣло во всей подробности, и притомъ такъ убѣдительно, что даже урядникъ на минуту задумался.

— Ты вѣдь врешь вѣрно? Только морочишь насъ баснями?—воскликнулъ онъ подозрительно.

— Вотъ тѣ хрестъ, истинная правда!—перекрестился Алексѣй Ивановичъ.

— Что за дьявольщина?.. Впрочемъ, это провѣрить не долго. А покуда—маршъ впередъ!

Ѳ. Ромеръ.

ЭДИНБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

и

ТРЕХСОТЛѢТНІЙ ЕГО ЮБИЛЕЙ

Историко-культурный очеркъ.

Въ апрѣлѣ настоящаго года эдинбургскій университетъ праздновалъ трехсотлѣтній свой юбилей при такой блестящей и исключительной обстановкѣ, что это празднество останется навѣрно для всѣхъ участвовавшихъ навсегда памятнымъ событіемъ. Весьма недавно университеты въ Лейденѣ и Упсалѣ праздновали также весьма торжественнымъ образомъ свое четырехсотлѣтнее существованіе, и имѣются въ Европѣ другіе университеты, основаніе которыхъ послѣдовало болѣе пятисотъ лѣтъ тому назадъ. Но никогда празднованіе юбилея какого-либо университета не представляло такого зрѣлища, какое мы видѣли въ прошломъ апрѣлѣ въ Эдинбургѣ. Сюда стекались почти изо всѣхъ странъ міра представители ума и таланта, чтобы чествовать университетъ, пріобрѣвшій въ продолженіе вѣковъ право на любовь всего шотландскаго народа и на уваженіе со стороны всего цивилизованнаго міра. Навѣрно никогда не было такого собранія замѣчательныхъ людей, какое можно было видѣть въ Эдинбургѣ. Тутъ были знаменитѣйшіе ученые, инженеры, поэты и государственные люди, пришедшіе изъ Австраліи, Индіи, Южной и Сѣверной Америки, Африки и въ особенности почти изъ всѣхъ странъ Европы, чтобы воздавать дань уваженія первому шотландскому университету.

Но почему, спрашивается, выпала такая особенная честь на долю эдинбургскаго университета? Развѣ университеты въ Болоньѣ, Прагѣ, Лейденѣ и Упсалѣ не сослужили самымъ добросовѣстнымъ образомъ свою службу общечеловѣческой культурѣ и не имѣютъ такихъ же правъ на признательность всего образованнаго міра? Развѣ въ числѣ членовъ этихъ университетовъ нѣтъ такихъ именъ, которыя могли бы быть сопоставлены съ именами наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей эдинбургскаго университета?

Нѣтъ, имена многихъ профессоровъ западно-европейскихъ континентальныхъ университетовъ стоятъ гораздо выше заслугъ знаменитѣйшихъ преподавателей эдинбургскаго университета. Непосредственное вліяніе университетовъ болоньскаго, пражскаго или лейденскаго на судьбы европейскаго просвѣщенія было несравненно болѣе сильно и благотворно, нежели вліяніе шотландскаго народа и лучшаго его университета. Наконецъ, даже въ настоящее время эдинбургскій университетъ, ни по извѣстности или заслугамъ своихъ преподавателей, ни по числу своихъ студентовъ не можетъ сравняться съ нѣкоторыми континентальными университетами.

Между тѣмъ, навѣрно нѣтъ въ мірѣ университета, пользующагося бо́льшимъ уваженіемъ и имѣющимъ большее право на него, чѣмъ этотъ шотландскій университетъ. Такое уваженіе основывается, прежде всего, на замѣчательной исторіи этого разсадника континентальной европейской культуры на сѣверной окраинѣ англійскаго острова. Но въ особенности представляется интереснымъ развитіе эдинбургскаго университета съ точки зрѣнія исторіи европейской культуры и высшаго образованія.

Исторія эдинбургскаго университета въ продолженіе трехъ столѣтій есть исторія древней столицы Шотландіи и всего шотландскаго народа. Нельзя понять культурныхъ и политическихъ стремленій шотландцевъ, не зная условій развитія и процвѣтанія эдинбургскаго университета за истекшія три столѣтія. Трудно себѣ объяснить то огромное нравственное вліяніе, которое имѣетъ Шотландія и ея литературные дѣятели на политическую жизнь и культурный строй Англіи, если не имѣть въ виду выдающагося мѣста, занимаемаго этимъ святилищемъ науки въ умахъ всѣхъ шотландцевъ, трудившихся на различныхъ поприщахъ общественной и государственной дѣятельности Великобританіи.

Наконецъ исторія шотландскаго университета представляетъ еще другой чрезвычайный интересъ. Возникъ этотъ университетъ по иниціативѣ жителей города Эдинбурга и въ продолженіе

почти трехъ вѣковъ ни шотландское, ни англійское правительство не считали себя въ правѣ вмѣшиваться въ его управленіе. Городской совѣтъ, или дума, Эдинбурга былъ и попечителемъ, и министромъ народнаго просвѣщенія въ отношеніи замѣщенія каѳедръ и вообще управленія этого университета. Эдинбургскіе купцы и ремесленники, засѣдавшіе въ городскомъ совѣтѣ (Town Council), относились съ такимъ уваженіемъ къ польвамъ своего университета и съ такою энергіею охраняли въ немъ полнѣйшую свободу преподаванія и ученія, что нельзя не проникнуться глубокимъ уваженіемъ къ этому городу и его представителямъ.

Наконецъ въ насъ, русскихъ, исторія эдинбургскаго университета и его юбилейныя празднества вызываютъ, по необходимости, размышленія весьма грустнаго свойства. Нѣтъ у насъ университета, которому можно насчитать даже двѣсти лѣтъ существованія и нѣтъ у насъ городского общества, поставившаго себѣ цѣлью видѣть лучшее свое дѣло и свою гордость въ высшемъ учебномъ заведеніи, съ судьбою котораго оно готово соединить неразрывными узами свою собственную судьбу и процвѣтаніе. Этого мало. Какъ бѣдны мы вообще и наши университеты въ особенности, въ сравненіи съ бѣдными, въ глазахъ англичанъ, шотландцами и эдинбургскимъ университетомъ. Скажу откровенно: удручающее впечатлѣніе произвело на меня то особенное гостепріимство и все, что я видѣлъ въ Эдинбургѣ. Какъ высоко стоитъ тамъ званіе профессора и какъ великолѣпно вознаграждается ихъ трудъ. Побывавши въ домахъ нѣсколькихъ эдинбургскихъ профессоровъ и присмотрѣвшись къ ихъ домашнему житью-бытью, устроенному по всѣмъ требованіямъ изысканнаго комфорта, у меня невольно напрашивался вопросъ: какъ могутъ у насъ еще находиться любители профессорской или такъ называемой ученой карьеры при томъ общественномъ положеніи и матеріальномъ вознагражденіи, которыя составляютъ долю, за весьма немногими исключеніями, всѣхъ русскихъ ученыхъ и университетскихъ профессоровъ?..

Въ виду только-что приведенныхъ соображеній, я надѣюсь, что краткій историческій очеркъ развитія эдинбургскаго университета представитъ также для русскаго общества несомнѣнный интересъ, и только по ознакомленіи съ историческими судьбами этого учрежденія понятны будутъ причины совершившагося торжества [1]).

---

[1]) Источниками для нижеслѣдующаго очерка послужили, главнымъ образомъ, слѣдующія книги: *Sir A. Grant*, The story of the University of Edinburgh, 1884, 2 тома; *Principal Lee*, The University of Edinburgh; *Harrison*, Oure Town's Col-

I.

Развитіе эдинбургскаго университета неразрывнымъ образомъ связано съ исторіей Шотландіи, начиная съ конца XVI вѣка. Въ это время, какъ извѣстно, происходила въ Шотландіи жестокая борьба между реформаціей и ея главнымъ представителемъ въ Эдинбургѣ, Джономъ Ноксомъ, съ одной стороны, и папизмомъ, съ другой. Изъ этой борьбы вышелъ побѣдителемъ шотландскій реформаторъ и почти весь шотландскій народъ сталъ въ концѣ XVI столѣтія подъ его знамя. По идеямъ Нокса была учреждена въ Эдинбургѣ высшая школа, изъ которой мало-помалу выработался нынѣ существующій и процвѣтающій университетъ, который поэтому справедливо называется «дѣтищемъ шотландской реформаціи».

Въ настоящее время существуютъ въ Шотландіи, кромѣ эдинбургскаго, еще три другіе университеты, судьба которыхъ существеннымъ образомъ отличается отъ судьбы университета эдинбургскаго. Первый шотландскій университетъ былъ учрежденъ въ 1412 году въ Ст.-Андрюсъ (St. Andrews); второй въ Глазго въ 1450 году и третій въ Эбердинѣ въ 1494 году. Всѣ эти университеты были учреждены, согласно тогдашнимъ условіямъ, съ особеннаго разрѣшенія римскаго папы и по образцамъ, которые находились въ особенности въ Парижѣ и въ Болоньѣ.

Каждый изъ этихъ трехъ университетовъ составлялъ совершенно самостоятельное общество преподавателей и студентовъ, которое имѣло свое собственное управленіе, свои особенныя почести, особенную гражданскую и уголовную юрисдикцію и весьма значительныя права и преимущества. Въ эту эпоху университетъ былъ въ полномъ смыслѣ маленькимъ государствомъ въ государствѣ, которое управляло самостоятельно своими дѣлами съ того времени, когда оно признано таковымъ со стороны компетентной власти. Такою властью была въ XV столѣтіи не государственная власть, но духовный глава римско-католическаго міра. Первая обыкновенно ограничивалась признаніемъ совершившагося факта учрежденія новой Universitas scholarium и magistrorum, и расширеніемъ или утвержденіемъ преимуществъ,

---

ledge, и еще другіе матеріалы, собранные во время пребыванія въ Эдинбургѣ. Кромѣ того: *Lorenz von Stein*, Die Innere Verwaltung. II-ter Theil. Das Bildungswesen des Mittelalters, 2-te Aufl. Stuttgart, 1884.

въ которыхъ университетъ нуждался. Каждый университетъ долженъ былъ, по необходимости, пользоваться особенными привилегіями и льготами въ отношеніи обыкновеннаго общественнаго порядка и властей, которыя далеко не всегда сознавали необходимость и пользу высшаго научнаго образованія. Только созданіе для лицъ, желающихъ посвятить себя изученію наукъ, особеннаго самоуправляющагося учрежденія или самостоятельной корпораціи могло обезпечить за ними необходимую личную безопасность и свободу изученія и преподаванія.

На этомъ основаніи сложился въ XV вѣкѣ слѣдующій афоризмъ: «университетъ безъ привилегій есть то же самое, что тѣло безъ души».

Университетъ состоялъ изъ нѣсколькихъ коллегій, помѣщенныхъ въ отдѣльныхъ домахъ, въ которыхъ жили студенты подъ постояннымъ надзоромъ своихъ учителей. Первоначально эти дома были отчасти и больницами (hospitia), въ которыхъ находили убѣжище студенты, пришедшіе изъ другихъ городовъ. Все житье-бытье студентовъ и профессоровъ въ этихъ коллегіяхъ опредѣлялось строгими уставами, на основаніи которыхъ вся жизнь университетской корпораціи получила религіозный или монастырскій характеръ. Всѣ обыватели этихъ домовъ или коллегій должны были исполнять ежедневно опредѣленную службу, вмѣстѣ обѣдать, чистить и содержать въ порядкѣ всѣ жилыя помѣщенія и исполнять еще другія домашнія обязанности. Ни въ одной изъ коллегій, входящихъ въ составъ университетовъ въ Ст.-Андрюсъ, Глазго или Эбердинъ, не дозволялось жить лицамъ прекраснаго пола. Только для прачки дѣлалось исключеніе, которая, впрочемъ, должна была быть не моложе 50 лѣтъ!

Что касается до самаго преподаванія, то оно во всѣхъ трехъ шотландскихъ университетахъ было основано на одинаковыхъ, по существу, началахъ. Въ нихъ изучалось такъ называемое studium generale, т.-е. получалось вообще высшее образованіе, которое еще не было организовано на началахъ современной факультетской системы, требующей отъ каждаго студента, вступающаго въ университетъ, избранія той или другой спеціальности или «карьеры». Общее высшее образованіе основывалось на изученіи artes, т.-е. всѣхъ наукъ, не входящихъ въ составъ богословія, юриспруденціи и философіи. Согласно съ этимъ вся система преподаванія раздѣлялась на двѣ части: на trivium и quadrivium, въ первое входило изученіе латинской грамматики, діалектики и ариѳметики; въ послѣднее — изученіе риторики, математики, музыки и астрономіи.

Однако, ни одинъ изъ названныхъ трехъ шотландскихъ университетовъ не достигъ такой громкой и почетной извѣстности, какъ эдинбургскій университетъ, основанный безъ благословенія римскаго папы и безъ всякаго покровительства со стороны шотландскихъ королей. Впрочемъ, равнодушіе, которое встрѣтилъ эдинбургскій университетъ со стороны шотландской родовой и денежной аристократіи, было также удѣломъ первыхъ католическихъ шотландскихъ университетовъ. Кромѣ того, постоянныя политическія замѣшательства, междоусобныя войны и невѣжество огромнаго большинства шотландскаго народа привели мало-помалу къ полному упадку университетовъ въ Ст.-Андрюсъ, Глазго и Эбердинѣ.

Обратимся теперь къ изложенію обстоятельствъ, при которыхъ былъ основанъ эдинбургскій университетъ.

Когда въ прошломъ году членъ нынѣшняго англійскаго министерства Мунделла посѣтилъ Эдинбургъ и спросилъ лорда провоста (Lord Provost) или городского голову, что составляетъ главную промышленность (industry) города, онъ получилъ въ отвѣтъ: «наша главная промышленность—воспитаніе».

Этотъ замѣчательный отвѣтъ вполнѣ выражаетъ то особенно выдающееся положеніе, которое пріобрѣлъ себѣ городъ Эдинбургъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія не только шотландцевъ, но также англичанъ. Учебныя заведенія шотландской столицы пользуются заслуженною извѣстностью во всей Великобританіи и число англійскихъ семействъ, которыя отправляютъ своихъ дѣтей въ Эдинбургъ для помѣщенія въ какую-нибудь коллегію или для посѣщенія лекцій въ мѣстномъ университетѣ, увеличивается ежегодно. Мало того: даже съ континента и изъ Россіи посылаются туда дѣти, чтобъ получить надлежащее образованіе въ образцовыхъ эдинбургскихъ школахъ. Эдинбургъ дѣйствительно «промышляетъ» дѣломъ воспитанія и въ правѣ гордиться образцовымъ устройствомъ учебнаго дѣла.

Такую завидную славу пріобрѣлъ этотъ городъ не раньше второй половины XVI столѣтія, благодаря благотворному вліянію реформаціи и, въ особенности, замѣчательной энергіи Джона Нокса. Вся современная система воспитанія и образованія шотландцевъ основана на уставѣ, составленномъ въ 1560 году великимъ шотландскимъ реформаторомъ, при содѣйствіи другихъ руководителей реформаціоннаго движенія, и извѣстномъ подъ названіемъ «Книги о дисциплинѣ» (The Book of Discipline). Эта книга была принята въ руководство со стороны всей пресвитеріанской церкви и получила, въ продолженіе вѣковъ, значеніе

евангелія, на которомъ должно быть основано все благочиніе и благонравіе церкви, и въ школѣ, и въ семьѣ.

По предписанію этой книги, «богатые и состоятельные не должны имѣть право позволять своимъ дѣтямъ провести дѣтство въ праздности, какъ они до сихъ поръ это дѣлали. Но необходимо ихъ заставить, силою дисциплинарной власти церкви, посвятить своихъ сыновей посредствомъ хорошаго воспитанія, на пользу церкви и общества». Если они имѣютъ дарованія, продолжаетъ Джонъ Ноксъ въ своей книгѣ, они должны прилежно заниматься и продолжать свое ученіе до тѣхъ поръ, пока они не въ состояніи служить своей родинѣ.

Для того, чтобъ эта цѣль была достигнута, «Книга о дисциплинѣ» предписываетъ учредить въ каждой церковной общинѣ (parish) начальную школу (grammar school) и въ каждомъ значительномъ городѣ по коллегіи для изученія «наукъ (arts), логики, риторики и языковъ».

Высшимъ учебнымъ заведеніемъ долженъ былъ быть университетъ. «Книга о дисциплинѣ» совершенно не знаетъ существовавшихъ уже трехъ шотландскихъ университетовъ и говоритъ, что въ Ст.-Андрюсъ, Глазго и Эбердинѣ должны быть учреждены университеты. Такое странное предписаніе объясняется убѣжденіемъ Джона Нокса, что существующіе три университета для пресвитеріанской церкви и ея приверженцевъ не существуютъ, потому что они основаны папскими буллами, которыхъ онъ признать не могъ.

Весьма замѣчательны основныя правила, предписанныя этою книгою для устройства и управленія университетами. Изъ нихъ явствуетъ, что Ноксъ и его ближайшіе сотрудники совершенно отказываются отъ средневѣковаго взгляда на университетскую жизнь и стараются построить ее на новыхъ, болѣе выгодныхъ для развитія высшаго образованія, началахъ. Въ каждомъ университетѣ должны были находиться профессора, читающіе, каждый за опредѣленную плату, извѣстный спеціальный предметъ. Всѣ науки, составляющія вмѣстѣ одну группу, должны были образовать предметы преподаванія одного и того же факультета. Каждый факультетъ составляетъ одну коллегію. Во главѣ университета долженъ былъ находиться начальникъ, которымъ являлся ex officio пресвитеріанскій суперинтендентъ. Ректоръ долженъ былъ избираться слѣдующимъ образомъ: принципалы коллегій (principals) и профессора избирали трехъ кандидатовъ на эту должность, изъ которыхъ новое собраніе изъ принципаловъ коллегій, профессоровъ и студентовъ избирало одного—ректора. На

обязанности послѣдняго было, между прочимъ, посѣщать ежемѣсячно всѣ коллегіи, входящія въ составъ университета; разбирать всѣ гражданскія тяжбы между членами университетской общины и засѣдать въ судѣ провоста при разбирательствѣ уголовныхъ жалобъ противъ тѣхъ же лицъ. Наконецъ ректоръ долженъ былъ засѣдать въ совѣтѣ суперинтендента, нынѣшняго канцлера университета, который, между прочимъ, назначалъ всѣхъ принципаловъ коллегій и имѣлъ надъ ними надзоръ.

Наконецъ относительно студентовъ «Книга о дисциплинѣ» выражаетъ совершенно новыя требованія въ сравненіи съ тѣми, которыя считались въ то время общепризнанными. Студентомъ университета могъ сдѣлаться только тотъ, кто представилъ свидѣтельство о прохожденіи, въ продолженіе двухъ лѣтъ, курса первоначальнаго образованія (primary instruction), трехъ или четырехъ лѣтъ латинской грамматики и четырехъ лѣтъ греческаго языка, логики и риторики. При вступительномъ испытаніи въ университетѣ студентъ долженъ былъ еще выказать свои познанія въ діалектикѣ. По истеченіи двухлѣтняго пребыванія въ университетѣ каждый студентъ обязанъ былъ выдержать экзаменъ изъ философіи, и только тогда, достигши 18 или 19 лѣтняго возраста, онъ могъ приступить къ спеціальному изученію, въ продолженіе пяти лѣтъ, медицинскихъ наукъ или юриспруденціи, или богословія, курсъ котораго былъ 6 лѣтній. Такимъ образомъ, по мнѣнію шотландскаго реформатора, только по достиженіи 24-лѣтняго возраста молодые шотландцы должны были начать свою службу церкви и государству.

Такова система университетскаго образованія, предложенная Джономъ Ноксомъ шотландскому народу. «Книга о дисциплинѣ» никогда не получала обязательной силы закона, благодаря энергическому сопротивленію многихъ шотландскихъ лордовъ, но выставленныя въ ней требованія относительно организаціи университетскаго образованія остались на всегда идеальными цѣлями, къ осуществленію которыхъ стремились впослѣдствіи шотландскіе общественные дѣятели. Такъ, напримѣръ, постановка въ этой книгѣ факультетскаго преподаванія, основаннаго на необходимости спеціализаціи при изученіи наукъ, получила впослѣдствіи полное примѣненіе въ эдинбургскомъ университетѣ. Этому обстоятельству обязанъ, между прочимъ, медицинскій факультетъ эдинбургскаго университета своимъ замѣчательнымъ развитіемъ.

Только не легко удалось главнымъ дѣятелямъ шотландской реформаціи осуществить идеалъ, поставленный «Книгою о дисциплинѣ». Они сильно желали учредить въ Эдинбургѣ, сдѣлав-

шемся главною опорою пресвитеріализма, университетъ на основаніяхъ, преподанныхъ «Книгою о дисциплинѣ». Но такое желаніе встрѣтило сильное сопротивленіе въ особенности со стороны королевской власти. Правда, королева Марія Стюартъ согласилась исполнить убѣдительнѣйшія просьбы эдинбургскаго населенія уступить ему нѣкоторыя зданія и земли, принадлежавшія прежде католическимъ церквамъ и монастырямъ. Но сынъ ея, король Джэмсъ VI слышать не хотѣлъ объ основаніи въ Эдинбургѣ университета. Онъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе короля французскаго Генриха IV, сказавшаго депутатамъ города Женевы, что онъ не можетъ разрѣшить обращеніе женевской академіи въ университетъ, потому что «les universités sont des pépinières d'hérésie». Кромѣ того сильнѣйшимъ образомъ интриговали, противъ желанія эдинбургскаго городского общества основать у себя университетъ, другіе шотландскіе университеты, не безъ основанія опасавшіеся, что новый университетъ можетъ сдѣлаться весьма опаснымъ для нихъ соперникомъ и опередить ихъ.

Не смотря на всѣ эти происки и личное недоброжелательство короля, эдинбургское городское общество все-таки достигло, въ концѣ концовъ, своей цѣли. Въ апрѣлѣ 1584 года городская дума (the Town Council) Эдинбурга получила наконецъ возможность осуществить свое давнишнее желаніе имѣть въ Эдинбургѣ особенное высшее учебное заведеніе. Уже въ 1582 году король Джэмсъ VI пожаловалъ эдинбургскому городскому совѣту право учредить «Коллегію или коллегіи для изученія высшихъ наукъ», но только въ 1584 году это пожалованіе могло получить надлежащее практическое значеніе.

Такимъ образомъ эдинбургскій университетъ возникаетъ первоначально не какъ университетъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но въ видѣ «Городской коллегіи» (the Town's College). Разница была огромная между этими обоими учрежденіями. Университетъ былъ въ XVI вѣкѣ неограниченная числомъ членовъ корпорація, въ составъ которой входило иногда отъ 12—15 тысячъ человѣкъ, которые жили въ опредѣленномъ городѣ, но не были обязаны жить въ опредѣленныхъ домахъ или помѣщеніяхъ. Эта корпорація имѣла свою особенную организацію, свои особенныя власти, и гражданскую, и уголовную юрисдикцію. Между тѣмъ, какъ коллегія представляла собою, прежде всего, особенное зданіе, въ которомъ жило небольшое число учениковъ (scholares), желающихъ получить университетское образованіе, т.-е. изучать высшія науки. Въ такой коллегіи, вмѣстѣ съ учениками или студентами, жили ихъ учителя или профессора и всѣ вмѣстѣ состав-

ляли какъ бы одну семью. Понятно, что въ каждой коллегіи существовалъ особенный уставъ, предписаніямъ котораго должны были безусловно подчиняться всѣ живущіе въ коллегіи. Съ такимъ характеромъ возникли коллегіи въ средніе вѣка подъ вліяніемъ римско-католической церкви: онѣ представляли собою мірскія училища, находящіяся подъ дѣйствіемъ правилъ монастырскаго режима. Мало - по - малу преобладающее вліяніе католическаго духовенства упраздняется, и коллегіи становятся учрежденіями, въ которыхъ прежній монастырскій порядокъ жизни сохраняется, но всѣ дѣла по управленію переходятъ въ руки членовъ коллегіи. Бывало, что нѣсколько коллегій входили въ составъ одного университета и въ такомъ случаѣ могло быть, что коллегіи развиваются насчетъ университета, который остается только выраженіемъ формальной связи, существующей между имъ и коллегіями. Въ такомъ направленіи развились англійскіе университеты въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ. Здѣсь коллегіи все означаютъ: онѣ владѣютъ громадными богатствами, библіотеками и вообще средствами, которыми можетъ воспользоваться каждый fellow для изученія какихъ-либо наукъ или пріобрѣтенія общаго образованія. Никакой спеціализаціи въ изученіи наукъ не существуетъ въ англійскихъ коллегіяхъ, подобно тому какъ не существуетъ въ нихъ опредѣленной системы преподаванія. Въ оксфордскомъ же или кэмбриджскомъ университетѣ не читались, до самаго послѣдняго времени, никакія лекціи.

Совершенно въ противоположномъ смыслѣ развилась эдинбургская коллегія: мало-по-малу она превратилась въ настоящій университетъ, съ раздѣленіемъ на факультеты и съ строго опредѣленнымъ планомъ преподаванія.

II.

Когда эдинбургскій городской совѣтъ получилъ право учредить коллегію, онъ немедленно отвелъ подъ нее отдѣльное зданіе (Hamilton House) и нашелъ необходимыя средства для ея содержанія. Нашлись также немедленно студенты, болѣе осьмидесяти человѣкъ, которые изъявили желаніе поступить въ коллегію. Но весь успѣхъ дѣла зависѣлъ, само собою разумѣется, отъ перваго начальника коллегіи, который далъ бы ей надлежащее устройство и направленіе.

Таковой нашелся въ лицѣ Роберта Роллока, бывшаго профессоромъ въ университетѣ въ Ст.-Андрюсъ. Онъ принялъ пред-

ложеніе эдинбургскаго городского совѣта, переѣхалъ въ Эдинбургъ и положилъ первое основаніе внутренней дѣятельности вновь учрежденной коллегіи. Планъ преподаванія, составленный Роллокомъ для коллегіи, вполнѣ соотвѣтствовалъ тогдашнему университетскому курсу. Студенты, принятые по особенному спеціальному испытанію въ коллегію преимущественно изъ латинскаго языка, были раздѣлены на четыре курса. Студенты перваго курса назывались bajani (новички, Gelbschnäbel); они должны были въ особенности изучать латинскій и греческій языки и читать сочиненія Цицерона, Исократа, Гомера, вмѣстѣ съ Новымъ завѣтомъ на греческомъ языкѣ. Студенты второго курса носили названіе semies, semi-bajani (не совсѣмъ новички), обязаны были заниматься первый мѣсяцъ повтореніемъ пройденнаго въ продолженіе истекшаго года, затѣмъ приступить къ изученію риторики по сочиненіямъ Talaens, Canander и Aphthonius, затѣмъ читать Organon Аристотеля и, наконецъ, къ концу курса заняться—ариѳметикою. Студенты третьяго курса назывались bachelors (кандидаты) или также determinands, потому что по окончаніи этого года могли оставлять коллегію со званіемъ кандидата или же могли еще оставаться на четвертый годъ для полученія высшей степени магистра (master of arts). Въ продолженіе третьяго года студенты занимались сперва изученіемъ еврейской грамматики, затѣмъ происходили упражненія въ діалектикѣ и въ каждую субботу диспуты, въ которыхъ принимали участіе студенты и сами профессора, а въ особенности самъ Роллокъ. Наконецъ, въ концѣ третьяго года студентамъ-кандидатамъ читался краткій курсъ анатоміи человѣческаго организма.

На четвертый годъ оставались только студенты-магистранты (magistrands), желающіе достигнуть высшей степени магистра. Въ началѣ этого года студенты прежде всего занимались повтореніемъ всего прежде пройденнаго. Вслѣдъ затѣмъ они читали сочиненія Аристотеля (De Coelo и De Ethica) и Сакробоско, слушали краткій курсъ географіи и занимались «опытами изъ практической астрономіи».

Этотъ планъ преподаванія эдинбургской коллегіи существеннымъ образомъ отличается отъ системы преподаванія въ средневѣковыхъ коллегіяхъ и въ частности въ англійскихъ коллегіяхъ того времени. Между прочимъ, замѣчательно вниманіе, которое было обращено на изученіе греческаго языка и чтеніе греческихъ авторовъ въ подлинникѣ. Съ другой стороны, встрѣчаются въ этомъ планѣ небывалые въ то время предметы для ученія:

описательная анатомія, географія и космографія по учебникамъ современныхъ ученыхъ.

Студентъ, проходившій четыре года курсъ ученія въ коллегіи, долженъ былъ выдержать особенное испытаніе не изъ всѣхъ предметовъ, преподанныхъ въ коллегіи, защищать на публичномъ диспутѣ, продолжавшемся съ утра до вечера, опредѣленные тезисы и только по окончаніи этого акта, онъ удостоивался степени магистра (master of arts) посредствомъ наложенія на его голову особенной шляпы.

На первый взглядъ должно думать, что для чтенія всѣхъ этихъ различныхъ предметовъ въ эдинбургской коллегіи имѣлись спеціалисты-профессора. Такое заключеніе оказывается, однако, совершенно ошибочнымъ. Въ началѣ одинъ Роллокъ читалъ почти всѣ предметы и, само собою разумѣется, не всѣ были ему одинаковымъ образомъ знакомы. Вскорѣ присоединились къ нему еще двое, и только впослѣдствіи число преподавателей увеличилось. При этомъ Роллокомъ былъ установленъ слѣдующій порядокъ для занятій профессоровъ: каждому профессору былъ порученъ одинъ курсъ студентовъ, въ которомъ онъ проходилъ всѣ четыре года отъ перваго до послѣдняго. Этотъ профессоръ-руководитель назывался regent, и студенты, для которыхъ онъ былъ regent'омъ, должны были признавать въ немъ ближайшаго своего наставника и даже воспитателя, а не только преподавателя. Очевидно, что этотъ профессоръ-руководитель былъ въ эдинбургской коллегіи то, что̀ въ оксфордскихъ и кэмбриджскихъ коллегіяхъ tutor'ы.

Весьма любопытна является внутренняя жизнь эдинбургской коллегіи. По мысли ея основателей всѣ студенты должны были жить въ самой коллегіи. Но исполненіе этого желанія оказалось практически невозможнымъ, потому что бѣдный городъ не имѣлъ достаточно средствъ, чтобы отвести подъ коллегію требуемыя помѣщенія; поэтому уже съ самаго начала часть студентовъ должна была жить на вольныхъ квартирахъ. Для огромнаго большинства, жившаго въ коллегіи, былъ установленъ строгій порядокъ, опредѣленный во всѣхъ подробностяхъ и придавшій жизни коллегіи совершенно домашній или семейный характеръ.

Лѣтомъ въ 5 часовъ утра, а зимою въ 6 вставали студенты, и работа каждаго дня была опредѣлена впередъ на всѣ десять или одиннадцать мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ продолжалось ученіе. Они сами обязаны были смотрѣть за опрятностью въ домѣ, чистить и мести комнаты. Одинъ изъ студентовъ чет-

вертаго курса исполнялъ должность janitor'а, т.-е. по-просту швейцара; у него находились ключи къ воротамъ коллегіи и онъ отворялъ и запиралъ ихъ въ опредѣленные часы. У него же находились ключи отъ классовъ и на его обязанности было смотрѣть вообще за зданіями, въ которыхъ находилась коллегія. Только въ 1653 году принципалъ коллегіи совѣтовалъ городскому совѣту назначить на должность швейцара не студента, но переплетчика, который могъ бы работать при входѣ въ коллегію и наблюдать за всѣми, которые входятъ и выходятъ. Это остроумное предложеніе было принято городскими властями, и переплетчикъ получилъ мѣсто, на которомъ прежде сидѣлъ магистрантъ, готовый сдѣлаться чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ пасторомъ пресвитеріанской церкви и духовникомъ.

Если студенты не слушали лекцій, они обязаны были вести бесѣду съ своимъ профессоромъ-руководителемъ, который могъ во всякое время провѣрять при такихъ обстоятельствахъ ихъ познанія. Во время Роллока, каждый вечеръ онъ самъ собиралъ студентовъ и бесѣдовалъ съ ними о религіозныхъ вопросахъ, а по средамъ происходили спеціальныя бесѣды «о познаваніи Творца и обязанностяхъ въ отношеніи Него». По воскресеньямъ, послѣ утреннихъ лекцій, студентовъ вели въ церковь два раза, утромъ и послѣ обѣда, чтобы слушать проповѣди, о которыхъ они потомъ должны были отдавать отчетъ.

Наконецъ, понятно, что для всѣхъ студентовъ былъ общій столъ, общія игры и общія прогулки. Въ коллегіи и въ городѣ они обязаны были носить особенное одѣяніе (gown) и подчиняться изданнымъ для нихъ правиламъ даже во время пребыванія за стѣнами коллегіи. Такъ, напримѣръ, имъ безусловно предписано было говорить по-латыни вездѣ: въ коллегіи, на прогулкахъ и даже во время игръ. Имъ прямо запрещалось говорить на родномъ языкѣ.

III.

Такое устройство эдинбургской коллегіи не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она не была университетомъ даже въ смыслѣ XVI столѣтія. «Тотъ моментъ, — говоритъ историкъ и нынѣшній принципалъ эдинбургскаго университета, — съ котораго слѣдуетъ замѣнить названіе «коллегія» словами «эдинбургскій университетъ», наступилъ только тогда, когда ея попечители упразднили систему руководителей (tutorial system) и замѣнили

профессорами-спеціалистами преподавателей-руководителей по философіи». Сэръ Александръ Грантъ, выставивъ въ своей замѣчательной исторіи эдинбургскаго университета это неопровержимое положеніе, доказываетъ вслѣдъ затѣмъ фактами, какимъ образомъ «городская коллегія» образовалась въ университетъ, которымъ нынѣ гордится вся Шотландія. Для нынѣшняго почтеннаго принципала эдинбургскаго университета, который самъ былъ воспитанникомъ оксфордской коллегіи, нѣтъ никакого сомнѣнія, что ни Оксфордъ, ни Кэмбриджъ не имѣютъ настоящихъ университетовъ и, что назначеніе профессоровъ-руководителей совершенно противорѣчитъ основной идеѣ университета и становится въ разрѣзъ съ самымъ назначеніемъ университетскаго преподаванія. Съ того времени, когда эдинбургская коллегія отказалась какъ отъ требованія общей жизни студентовъ въ опредѣленныхъ домахъ коллегіи, такъ и отъ назначенія профессоровъ-руководителей или воспитателей для студентовъ, она обезпечила больше свободу изученія и преподаванія, и положила прочное основаніе процвѣтанію нынѣшняго свободнаго эдинбургскаго университета.

Но много потребовалось времени и труда, чтобы устроить этотъ переходъ отъ коллегіи къ университету. Нельзя не согласиться вполнѣ съ словами нынѣшняго почтеннаго канцлера эдинбургскаго университета, лорда Инглиса, что городъ Эдинбургъ не только былъ основателемъ коллегіи, но такъ же лучшимъ ея попечителемъ и руководителемъ. «Исторія никакого другого университета въ мірѣ,—говорилъ благородный лордъ на торжественномъ пріемѣ делегатовъ иностранныхъ университетовъ,—не представляетъ такой тѣсной и дружеской связи между высшею школою и городскимъ населеніемъ, какъ было въ Эдинбургѣ». Между городскимъ совѣтомъ, управлявшимъ дѣлами коллегіи или университета, и сословіемъ профессоровъ существовали въ продолженіе вѣковъ самыя дружескія сношенія, основанныя на взаимномъ довѣріи и уваженіи, которыя рѣдко нарушались неугомоннымъ характеромъ того или другого профессора.

Только не легко было городскимъ властямъ Эдинбурга удовлетворять всѣмъ сознаннымъ потребностямъ и ввести необходимыя преобразованія. Прежде всего городъ былъ въ XVI вѣкѣ весьма бѣденъ и долженъ былъ разсчитывать каждый шагъ. Нескончаемыя войны и междоусобицы въ особенности тяжко отозвались на обывателяхъ шотландской столицы, которые также не всегда въ состояніи были жертвовать на коллегію необходимые денежные фонды. Шотландская аристократія также ничего не

очень мало жертвовала, не потому, чтобы она не сознавала пользы высшаго университетскаго образованія, но по той причинѣ, какъ остроумно доказывалъ на юбилейномъ банкетѣ въ Эдинбургѣ лордъ Росберри, что она сама большею частью нищенствовала.

Нечего было также ожидать городскому совѣту на пользу своего питомца чего-либо отъ щедротъ короля шотландскаго, потому что король также ничего особеннаго не могъ дать. Еслибы онъ далъ что-нибудь, то, по словамъ лорда Росберри, онъ далъ бы то, чтó ему не принадлежало, и такой королевскій подарокъ не пошелъ бы въ прокъ коллегіи. Впрочемъ, король Джэмсъ VI все-таки воспользовался случаемъ, чтобы выразить свое личное сочувствіе коллегіи и установленнымъ въ ней порядкамъ.

Въ 1617 году король прибылъ въ Шотландію и остановился въ Стерлингѣ (Stirling), куда онъ пригласилъ преподавателей эдинбургской коллегіи. Тогдашній принципалъ коллегіи, Чартерисъ, отказался пойти къ королю, потому что онъ не любилъ показываться въ публикѣ. Но пошли всѣ другіе профессора, какъ еще состоявшіе при коллегіи, такъ и вышедшіе въ отставку. Король нисколько не обидѣлся на отсутствующаго принципала и просилъ профессоровъ выставить нѣсколько научныхъ тезисовъ и вступить между собою въ состязаніе. Самъ король Джэмсъ, обладавшій какъ познаніями, такъ и природнымъ остроуміемъ, увлекся до такой степени этимъ ученымъ диспутомъ, что онъ удержалъ у себя профессоровъ до глубокой ночи и самъ принималъ живое участіе въ диспутѣ. Отпуская профессоровъ, онъ объявилъ имъ, что жалуетъ коллегіи почетный титулъ коллегіи короля Джэмса VI и сдѣлаетъ ей еще другой «королевскій подарокъ» (royal gift). Съ этого времени коллегія эдинбургская, дѣйствительно, носила названіе «коллегіи короля Джэмса», но подарка никакого отъ короля она не получила, потому что, какъ утверждаютъ шотландскіе историки, королю отказалъ въ кредитѣ его банкиръ, а самъ онъ никакихъ лишнихъ капиталовъ не имѣлъ.

Чтобы имѣть понятіе о бѣдности эдинбургской коллегіи въ XVI ст., стоитъ только припомнить слѣдующій фактъ: не только не всѣ семьдесятъ или восемьдесятъ студентовъ могли жить въ коллегіи, какъ этого пламенно желали ея основатели, но обыкновенно на двухъ студентовъ была только одна постель. Сынъ эдинбургскаго гражданина могъ привезти въ коллегію свою собственную постель и тогда ничего не платилъ. Сыновья не эдинбургскихъ обывателей должны были платить въ годъ два фунта

шотландскихъ стерлинговъ, если раздѣляли постель съ другимъ, и четыре фунта, если желали имѣть особенную для себя постель.

Однако, несмотря на всю эту бѣдность и неблагопріятныя обстоятельства, эдинбургскій городской совѣтъ не унывалъ въ своихъ усиліяхъ улучшить положеніе своего любимаго дѣтища и развить его жизнеспособность. Въ 1590 году была учреждена въ коллегіи «каѳедра правъ», благодаря щедротамъ сословія эдинбургскихъ адвокатовъ и судей и новому пожертвованію со стороны города. Но эта попытка ввести въ коллегію спеціальное изученіе юридическихъ наукъ не удалось, потому что оба профессора были назначены, по словамъ Гаррисона, «не на основаніи ихъ ученыхъ заслугъ, но по вліянію при дворѣ». Оба оказались совершенно негодными и жертвователи постановили упразднить эту юридическую каѳедру и учредить новую каѳедру латинскаго языка и римской словесности (professorship of humanity), вмѣстѣ съ нѣсколькими стипендіями для студентовъ.

Зато болѣе успѣшными оказались другія мѣры, принятыя городскимъ совѣтомъ въ смыслѣ развитія коллегіи въ университетъ. Такъ учреждена была въ 1620 году каѳедра богословія (professorship of divinity) и на вновь назначеннаго профессора были возложены городскимъ совѣтомъ слѣдующія обязанности: 1) читать въ недѣлю двѣ лекціи о богословіи для студентовъ обоихъ высшихъ курсовъ и въ присутствіи принципала и другихъ преподавателей; 2) заставить студентовъ, изучающихъ богословіе, вести одинъ разъ въ недѣлю диспутъ; 3) давать имъ «приватные уроки» латинскаго языка; 4) диспутировать одинъ разъ въ мѣсяцъ публично, т.-е. въ присутствіи всей коллегіи, и 5) читать еще одну лекцію въ недѣлю для студентовъ-богослововъ по еврейскому языку.

Далѣе были учреждены, въ началѣ XVII вѣка, двѣ новыя каѳедры: одна по математикѣ, а другая по метафизикѣ.

Весьма любопытны обстоятельства, при которыхъ развивалась должность ректора эдинбургской коллегіи. Первоначально эта должность была соединена съ профессурою, и ректора назначалъ по своему усмотрѣнію городской совѣтъ. Въ 1640 году послѣдній постановилъ, что ректоръ назначается на годъ городскимъ совѣтомъ изъ своей собственной среды или изъ числа пасторовъ или преподавателей коллегіи. Обязанности ректора были опредѣлены слѣдующимъ образомъ: онъ былъ «окомъ городского совѣта» (the eye of the Town council) и посредникомъ между послѣднимъ и коллегіей; на немъ лежала обязанность наблюдать за принципаломъ и представителями, насколько он

исполняютъ добросовѣстно свой долгъ; онъ былъ судьею споровъ и тяжбъ между членами коллегіи; онъ завѣдывалъ финансами коллегіи, завѣдывалъ списками студентовъ, предсѣдательствовалъ во всѣхъ публичныхъ засѣданіяхъ коллегіи и т. д.

Но уже въ 1665 году городской совѣтъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ на эту должность, опредѣливъ, что лордъ-провостъ города Эдинбурга и предсѣдатель городского совѣта долженъ ex-officio считаться ректоромъ коллегіи. Такой порядокъ продолжался до 1858 года, когда былъ изданъ англійскимъ парламентомъ новый уставъ для эдинбургскаго университета, нынѣ дѣйствующій, который совершенно измѣнилъ значеніе должности ректора и отношенія городского совѣта къ университету. Вслѣдствіе того, что лордъ-провостъ города былъ ректоромъ университета, послѣдній старался всѣми средствами обратить эту должность въ почетное званіе, не имѣющее никакого практическаго значенія для университетской жизни.

Притомъ сами лорды-провосты весьма скоро убѣдились, что принятая ими должность ректора нисколько не увеличила ихъ значеніе и вліяніе въ отношеніи коллегіи, но напротивъ, значительно уменьшила ихъ, потому что весь преподавательскій персоналъ коллегіи систематически старался доказать безсмыслицу новаго порядка назначенія ректора. Лордъ-провостъ имѣлъ законное вліяніе на ходъ дѣлъ коллегіи по своему званію предсѣдателя городского совѣта. Но должность ректора только тогда имѣла смыслъ, когда ее занимало лицо, избранное довѣріемъ членовъ самой коллегіи и принадлежащее ей на основаніи личныхъ его заслугъ, уже оказанныхъ дѣлу просвѣщенія или ожидаемыхъ отъ него въ будущемъ.

Надо отдать справедливость большинству лордовъ-провостовъ Эдинбурга, что они сами обыкновенно сознавали безплодность своихъ усилій заставить себя уважать со стороны членовъ «коллегіи короля Джэмса» въ качествѣ ректоровъ, если они не имѣли права на такое уваженіе по своему званію лорда-провоста. Такимъ образомъ объясняется совершенно просто фактическое безсиліе ректора въ продолженіе двухъ столѣтій въ отношеніи эдинбургской коллегіи, какъ во время нормальнаго теченія университетской жизни, такъ и въ эпоху университетскихъ бурь.

Въ 1838 году происходили въ эдинбургскомъ университетѣ серьезнѣйшіе безпорядки и слѣдственная коммиссія была назначена для ихъ изслѣдованія. Предъ этою коммиссіей тогдашній лордъ-провостъ на вопросъ: «Вы—ректоръ университета?» серьезно

отвѣтилъ: «Нѣтъ; можетъ быть, я и ректоръ, но я этого не знаю»! Трудно придумать болѣе мѣткое опредѣленіе того унизительнаго положенія, на которое была низведена должность ректора, не въ силу закона, но исключительно вслѣдствіе отсутствія къ ней довѣрія со стороны коллегіи, дѣлами которой ректоръ долженъ былъ управлять.

Имѣя въ виду такую постановку должности ректора, понятно будетъ, почему на счетъ значенія ректора постепенно возрастаютъ права и значеніе должности принципала въ эдинбургской коллегіи или университетѣ. Ректоръ былъ, на основаніи закона, «окомъ городского совѣта», отъ котораго зависѣли высшее управленіе и надзоръ за дѣлами коллегіи. Между тѣмъ, въ дѣйствительности руководителемъ и хозяиномъ университета сдѣлался принципалъ и онъ остался таковымъ по настоящее время. Правда, принципалъ утверждался въ должности городскимъ совѣтомъ, но такъ какъ послѣдній неуклонно старался о преуспѣяніи коллегіи, то обыкновенно, за весьма немногими исключеніями, званіе принципала носили лица, заслуживавшія полное довѣріе со стороны членовъ коллегіи и глубокое уваженіе со стороны членовъ городского совѣта. Нѣкоторые изъ этихъ принципаловъ сдѣлались извѣстными, какъ неумолимые противники назначившаго ихъ городского совѣта, противъ вторженій котораго въ порядокъ внутренняго управленія университета они протестовали самымъ энергическимъ образомъ.

Такое отношеніе городского совѣта къ должности ректора представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что въ другихъ случаяхъ совѣтъ обыкновенно выказывалъ полное уваженіе къ самостоятельности профессорскаго персонала эдинбургской коллегіи. Такъ, между прочимъ, для назначенія новыхъ профессоровъ городской совѣтъ обыкновенно учреждалъ коммиссію, большею частью изъ членовъ коллегіи, для испытанія кандидатовъ на открывшуюся вакансію, и тотъ, котораго рекомендовала коммиссія, обыкновенно утверждался городскимъ совѣтомъ въ должности.

Таковы, главнымъ образомъ, порядки, установившіеся въ продолженіе XVII вѣка въ эдинбургской коллегіи. Извѣстно, что весьма потрясающія волненія проходила Шотландія и Англія въ продолженіе этого вѣка, но замѣчательно, что всѣ самыя крупныя политическія событія исключительно коснулись до личнаго состава эдинбургской коллегіи, оставляя совершенно неприкосновенными ея внутренніе порядки. Ни протекторъ Кромвель, ни вновь воцарившаяся въ Англіи династія Стюартовъ, ни наконецъ правительство Вильгельма Оранскаго не находили нуж-

нымъ совершать опыты надъ внутреннимъ строемъ эдинбургской коллегіи, въ порядкахъ и направленіи которой уже тогда рельефнымъ образомъ выражались особенности шотландскаго національнаго духа. Никому изъ тогдашнихъ политическихъ дѣятелей въ голову не приходило искать въ эдинбургской коллегіи зародышъ «шотландскаго сепаратизма» или отомстить самой коллегіи за то, что нѣкоторые ея преподаватели имѣли симпатіи къ изгнанной изъ Англіи династіи Стюартовъ или были другого политическаго образа мыслей, чѣмъ временные обладатели правительственною властью.

Коллегія могла развиваться постепенно путемъ наступательнаго развитія внутреннихъ ея порядковъ для достиженія высшей своей цѣли: полной свободы преподаванія и самоуправленія. Въ продолженіе XVIII столѣтія коллегія дѣйствительно развивалась въ этомъ направленіи и только столкновенія съ городскимъ совѣтомъ останавливали на короткое время правильное и мирное ея развитіе.

Въ этотъ самый вѣкъ, когда англійскіе университеты, оксфордскій и кэмбриджскій, большею частью прозябали и окончательно были побѣждены коллегіями, сдѣлавшимися совершенно независимыми отъ университетовъ корпораціями, эдинбургская коллегія развивалась все болѣе и болѣе въ смыслѣ университета, открытаго для всѣхъ жаждущихъ знанія. Благодаря такимъ замѣчательнымъ принципаламъ, какъ Карстаресъ и епископъ Лейтонъ (Leighton), въ эдинбургской коллегіи постоянно стала проводиться идея, что для каждаго преподаваемаго предмета долженъ быть въ коллегіи особенный профессоръ-спеціалистъ. Только такимъ образомъ можно было ожидать развитія науки трудами профессоровъ коллегіи и надлежащаго изученія каждаго предмета. Понятно, что по мѣрѣ того, какъ стала прививаться эта новая система къ эдинбургской коллегіи, она стала преобразовываться въ настоящій университетъ и профессора уже переставали разыгрывать роль руководителей или гувернеровъ (tutor) студентовъ. Благодаря вліянію замѣчательно энергической личности Карстереса, эдинбургской коллегіи было поставлено образцомъ устройство голландскихъ университетовъ, лейденскаго и утрехтскаго, пользовавшихся въ XVII и XVIII столѣтіяхъ громкою и вполнѣ заслуженною славою.

При такихъ условіяхъ постоянно увеличивается въ XVIII вѣкѣ число вновь учреждаемыхъ каѳедръ, на которыя приглашались дѣйствительные спеціалисты. Послѣ каѳедры государственнаго права были еще учреждены каѳедры логики и мета-

физики, естественной философіи и моральной философіи, рито-
рики и словесности и т. д. Актомъ 1708 года городской со-
вѣтъ существенно измѣнилъ прежній планъ преподаванія, вслѣд-
ствіе учрежденія новыхъ каѳедръ въ виду возникновенія новыхъ
потребностей. Преподаваніе классическихъ языковъ было ещ
усилено, потому что этого требовала система преподаванія, гос-
подствовавшая въ то время въ Голландіи и вообще на матери
европейскомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было соразмѣрно увеличе
преподаваніе математическихъ наукъ, географіи и также нау
естественныхъ. Вліяніе Бэкона, Ньютона и Локка сильно ощу-
щается на всѣхъ программахъ эдинбургскихъ профессоровъ это
эпохи.

Въ первой половинѣ прошлаго вѣка въ эдинбургской кол
ніи уже вполнѣ установились четыре факультета: философск
(arts faculty), юридическій, медицинскій и богословскій (of di
vinity). Нѣкоторые предметы на философскомъ факультетѣ долж
были также слушать молодые люди, желавшіе посвятить себ
духовному званію и состоявшіе на богословскомъ факультет
Для нихъ было обязательно изученіе математики. Юридическ
факультетъ болѣе твердо установился только съ половины пр
шлаго вѣка, послѣ того, какъ учрежденныя каѳедры гражданска
и государственнаго права нашли самостоятельныхъ преподава-
телей. Къ этимъ предметамъ прибавилось еще шотландское пра
и науки естественнаго и международнаго права.

Достойно вниманія, что городской совѣтъ находилъ в
1722 году крайне полезнымъ учредить на юридическомъ ф
культетѣ еще каѳедру всеобщей исторіи на томъ основаніи, чт
изученіе исторіи весьма необходимо для людей, желающихъ по
святить себя службѣ общественной и государственной. Эта весьм
разумная мѣра была подтверждена послѣднимъ уставомъ 1858 г.
изданнымъ для эдинбургскаго университета. До настоящаго вре
мени на юридическомъ факультетѣ этого университета читаетс
всеобщая исторія и политическая исторія Великобританіи.

Третьимъ факультетомъ былъ медицинскій, достигшій въ эдин-
бургскомъ университетѣ совершенно исключительнаго развитія
Въ настоящее время этотъ медицинскій факультетъ, числом
своихъ слушателей (болѣе 1500)—самый многочисленный из
всѣхъ существующихъ медицинскихъ факультетовъ. Во всяком
случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что во всей Велико-
британіи этотъ факультетъ стоитъ на первомъ мѣстѣ, какъ школ
для изученія медицинскихъ и естественныхъ наукъ въ томъ
смыслѣ, какъ принято изучать медицину на европейскомъ кон-

тиментѣ. Многіе изъ преподавателей-медиковъ эдинбургскаго университета извѣстны не только спеціалистамъ, но всякому образованному человѣку. Кто не знаетъ сэра Чарльза Бэлла, знаменитаго изслѣдователя нервной системы? Кто не слыхалъ о Джонѣ Листерѣ, изобрѣтателѣ извѣстной хирургической повязки для предохраненія ранъ отъ вредныхъ міазмовъ и бактерій? Наконецъ, извѣстно, что сэръ Юнгъ Симпсонъ, изобрѣтатель хлороформа, также былъ въ теченіе многихъ лѣтъ профессоромъ въ эдинбургскомъ медицинскомъ факультетѣ.

Здѣсь не мѣсто представить болѣе подробный очеркъ развитія знаменитаго медицинскаго факультета эдинбургскаго университета. Я могу ограничиться приведеніемъ только немногихъ фактовъ. Возникъ этотъ факультетъ по иниціативѣ частныхъ лицъ и безъ содѣйствія городского совѣта. Первоначально въ половинѣ XVII столѣтія эдинбургскому доктору Сиббольту пришла мысль завести въ Эдинбургѣ ботаническій садъ для разведенія всевозможныхъ лекарственныхъ травъ. Потомъ, въ 1681 году получило утвержденіе основанное имъ же общество эдинбургскихъ докторовъ (the Royal College of Physicians), которое однако обязалось «не основывать медицинской школы въ ущербъ университетамъ въ Ст.-Андрюсъ, Глазго, Эбердинѣ и Эдинбургѣ».

Это послѣднее условіе объясняется ревностнымъ желаніемъ городского совѣта Эдинбурга учредить въ своей коллегіи лекціи по медицинскимъ наукамъ. Но на предложеніе совѣта городского академическому совѣту университета допустить избраннаго доктора читать въ университетѣ лекціи, профессора постоянно отвѣчали, что не видятъ никакой надобности въ преподаваніи медицинскихъ наукъ. Сэръ Александръ Грантъ объясняетъ такой отвѣтъ профессоровъ исключительно опасеніемъ ихъ уменьшить, посредствомъ увеличенія числа преподавателей, сумму гонорара, которую они получали отъ студентовъ. Старымъ профессорамъ пришлось бы раздѣлить ту сумму съ новыми товарищами-медиками.

Но городской совѣтъ остался при своемъ желаніи, и при поддержкѣ, оказываемой обществами эдинбургскихъ докторовъ и хирурговъ, онъ рѣшился въ 1685 году учредить при университетѣ одну медицинскую каѳедру, которая, впрочемъ, оставалась долго незанятою. Только въ началѣ XVIII вѣка дѣло изученія медицинскихъ наукъ было поставлено надлежащимъ образомъ, благодаря замѣчательному по своей энергіи и даровитости шотландскому семейству Монро. Съ 1720 года, когда Александръ Монро открылъ въ эдинбургскомъ университетѣ свои лекціи по анатоміи, медицинскій факультетъ считается дѣйствительно основаннымъ.

Любопытно, что съ 1720 по 1846 годъ читали лекціи по ана- томіи только профессора изъ семейства Монро: сперва сынъ, а потомъ внукъ Александра Монро, о геніальныхъ способностях которого всѣ историки эдинбургскаго университета отзываютс самымъ восторженнымъ образомъ.

Такимъ образомъ только съ первой половины прошлаго вѣка медицинскій факультетъ вступилъ въ жизнь, но съ того времен онъ уже развивается неудержимымъ образомъ, при дружном содѣйствіи городского совѣта, профессорской коллегіи и англій скаго правительства. Чтобъ понять удивительное развитіе это высшей медицинской школы, стоитъ только указать на слѣдующ немногіе факты. Въ 1741 году, когда въ Эдинбургѣ было толь 30,000 жителей, этотъ бѣдный городъ учредилъ госпиталь 228 кроватей, который послужилъ большимъ пособіемъ для сту дентовъ-медиковъ. Въ настоящемъ году освящено вновь построе ное великолѣпное зданіе для медицинскаго факультета (the ne buildings), въ которомъ имѣются, по словамъ знатоковъ, всѣ н вѣйшія пособія и приспособленія для лучшаго изученія медици скихъ наукъ. Въ одномъ анатомическомъ музеѣ этого зданія с бодно сидѣли за lunch'омъ 650 человѣкъ! Наконецъ, не толь изъ Англіи и Америки, но также изъ континентальныхъ европе скихъ государствъ поступаютъ молодые люди въ эдинбургс университетъ для изученія медицины.

Всякій согласится съ нами, что этотъ университетъ имѣе законное право гордиться своимъ медицинскимъ факультетомъ.

Наконецъ, для полноты нашего историческаго очерка от сительно развитія эдинбургскаго университета до начала насто щаго столѣтія, слѣдуетъ еще прибавить, что начиная съ кон XVII столѣтія, также окончательно установился четвертый ф культетъ богословскій, приготовлявшій пасторовъ пресвитеріанск церкви. Клерикальное вліяніе на ходъ дѣлъ въ коллегіи и ун верситетѣ было въ началѣ весьма сильно и только мало-по-ма было парализовано дружными усиліями городского совѣта и пр фессоровъ. Но на богословскій факультетъ начальство пресвит ріанской церкви и по настоящую минуту сохранило значительну долю вліянія, которое, впрочемъ, нисколько не препятствуе изученію также богословія съ точки зрѣнія не только одни библейскихъ преданій, но и требованій науки.

IV.

Съ начала нынѣшняго столѣтія начинается въ эдинбургскомъ университетѣ движеніе, которое приводитъ къ существенному преобразованію господствующихъ въ немъ порядковъ и оканчивается изданіемъ англійскимъ парламентомъ въ 1858 году нынѣ дѣйствующаго особеннаго для шотландскихъ университетовъ устава. Въ продолженіе первой половины настоящаго вѣка все болѣе ощутительно чувствуется необходимость окончательно выяснить отношенія между городскимъ совѣтомъ и университетомъ, которыя, правда, установились въ продолженіе двухъ вѣковъ, но не могли оставаться неизмѣнными. Городской совѣтъ старался не только о сохраненіи своихъ вѣковыхъ правъ въ отношеніи университета, но о расширеніи и точномъ опредѣленіи ихъ. Съ своей стороны академическій сенатъ (senatus academicus). находилъ, напротивъ, что права городского совѣта совершенно несогласны съ достоинствомъ профессорскаго званія и противны дальнѣйшему развитію свободы университетскаго обученія.

При такихъ обстоятельствахъ понятно, что городской совѣтъ и университетъ должны были неминуемо вступить другъ съ другомъ въ борьбу, и только вмѣшательство высшей законодательной власти могло водворить миръ и порядокъ въ эдинбургскомъ университетѣ.

Но была еще другая причина, приведшая къ спорамъ и недоразумѣніямъ. Въ первой половинѣ вѣка, какъ извѣстно, въ лонѣ шотландской церкви произошли движенія, которыя привели въ 1843 году къ разрыву, вслѣдствіе котораго шотландскій народъ раздѣлился на двѣ главныя части: защитники свободной церкви (Free church), съ одной стороны, и сторонники епископской церкви (Episcopalian church), съ другой. Вслѣдствіе этой борьбы приверженцы епископской церкви, въ составѣ эдинбургскаго городского совѣта, старались поддерживать формулу присяги, которую издавна должны были произносить профессора до вступленія въ должность. Кромѣ того они требовали, чтобъ профессоръ—сторонникъ «свободной церкви» — ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ права читать нѣкоторые предметы, какъ, напримѣръ, лекціи по нравственной философіи (moral philosophy).

Понятно, что такіе религіозные раздоры обострили совершенно естественнымъ образомъ взаимныя отношенія лицъ, причастныхъ къ университету. Нѣкоторые профессора даже на-отрѣзъ отказались принести присягу по старой установленной формѣ. Только

въ 1853 году англійскій парламентъ установилъ новую формулу для присяги профессоровъ эдинбургскаго университета, которая не насилуетъ ихъ совѣсти, все равно къ какой церкви они принадлежатъ. Но еще пять лѣтъ продолжались споры между городскимъ совѣтомъ и совѣтомъ эдинбургскаго университета.

Нельзя не сказать, что не всегда правда и справедливость были на сторонѣ академическаго сената. Когда въ 1824 году городской совѣтъ предложилъ университету допустить доктора Гамильтона читать лекціи по акушерству, академическій сенатъ отказалъ въ исполненіи требованія своихъ «патроновъ» безъ всякихъ основательныхъ причинъ. Мало того: университетское начальство также отказало патронамъ въ правѣ опредѣлить условія пріобрѣтенія ученыхъ степеней или установить новую степень по медицинѣ.

Городской совѣтъ сдѣлалъ также въ полномъ составѣ своихъ членовъ, съ лордомъ-провостомъ во главѣ, «визитъ» университету и въ торжественномъ засѣданіи вмѣстѣ съ членами академическаго сената, онъ объявилъ свою волю, чтобъ были читаны лекціи по акушерству. Но этотъ визитъ не прекратилъ другихъ споровъ, и неоднократно городской совѣтъ долженъ былъ обращаться къ судамъ для точнаго опредѣленія своихъ правъ въ отношеніи университета. Суды, рѣшая эти споры на основаніи права, должны были требовать отъ университета подчиненія законнымъ требованіямъ городского совѣта.

Естественно, что эти судебныя рѣшенія не могли водворить миръ въ отношеніяхъ между «патронами» и университетомъ. Вслѣдствіе настояній нѣкоторыхъ шотландскихъ членовъ англійскаго парламента, англійское правительство учредило въ 1826 г. большую коммиссію для изученія порядковъ эдинбургскаго университета и составленія новыхъ правилъ относительно всѣхъ сторонъ университетской жизни. Коммиссія открыла свои дѣйствія въ Эдинбургѣ въ 1826 году и продолжала дѣйствовать до 1830 г., но практическаго результата она не достигла, не смотря на присутствіе въ ней лицъ, пользовавшихся общимъ уваженіемъ со стороны какъ правительства, такъ и университета.

Впрочемъ, коммиссія составила весьма подробный планъ преобразованія эдинбургскаго университета, который, однако, не устоялъ предъ критикою университета и профессоровъ, на судъ которыхъ онъ былъ сообщенъ самою коммиссіею.

Главныя предложенія коммиссіи заключались въ слѣдующемъ. Канцлеръ университета долженъ быть назначенъ правительствомъ и ректоръ избираемъ членами академическаго сената вмѣстѣ съ

удостоенными со стороны университета ученыхъ степеней (graduates). Ректоръ, избранный на семь лѣтъ, долженъ былъ имѣть важное участіе въ завѣдываніи университетскими дѣлами, а не представлять только почетное званіе, какъ въ настоящее время. Принципалъ долженъ былъ наблюдать за чтеніемъ профессорами своихъ лекцій.

Далѣе коммиссія предложила уничтожить нѣкоторыя каѳедры, какъ, напримѣръ «практической астрономіи», государственнаго права и всеобщей, и учредить взамѣнъ ихъ другія: уголовнаго права, психическихъ болѣзней и т. д. Въ особенности настаивала она на увеличеніи времени, въ продолженіе котораго профессора должны читать лекціи.

Время для наступленія каникулъ опредѣлялось въ XVII и XVIII столѣтіяхъ не общимъ какимъ-нибудь порядкомъ, но по усмотрѣнію каждаго отдѣльнаго профессора. Одни читали весьма усердно восемь или даже девять мѣсяцевъ въ году; другіе же только шесть мѣсяцевъ. Только силою практики выработалось, что на богословскомъ и философскомъ факультетахъ профессора читали лекціи только въ продолженіе шести мѣсяцевъ въ году, между тѣмъ какъ профессора юридическаго и медицинскаго факультетовъ больше восьми мѣсяцевъ. При этомъ всѣ знали, что тотъ изъ профессоровъ, который самъ еще трудился для науки и двигалъ ее впередъ, больше нуждался въ свободномъ отъ лекцій времени и никто ему не препятствовалъ сокращать, въ случаѣ надобности, лекціи. Только профессора-ремесленники готовы были читать весь круглый годъ, но такое усердіе нисколько не ставилось имъ въ особенную заслугу. Когда, напримѣръ, въ началѣ прошлаго столѣтія извѣстный математикъ Макъ-Лауринъ (M' Laurin) открылъ свои лекціи въ эдинбургскомъ университетѣ, онъ прямо объявилъ, что будетъ читать лекціи только съ 1-го ноября до 1-е мая, хотя нѣкоторые другіе профессора читали отъ восьми до девяти мѣсяцевъ. Между тѣмъ, эдинбургскій университетъ и теперь еще почитаетъ память Макъ-Лаурина и забылъ многія имена изъ тѣхъ, которые такъ усердно «трудились».

Королевская коммиссія 1826 года желала поднять уровень университетскаго преподаванія посредствомъ увеличенія числа лекцій и урѣзыванія времени каникулъ. Она была убѣждена, что чѣмъ больше профессора читаютъ лекцій, тѣмъ больше приносятъ они пользу наукѣ и двигаютъ ее впередъ. Она поэтому предложила, чтобъ въ эдинбургскомъ университетѣ читались лекціи въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ и ссылалась на XVII вѣкъ, когда эдинбургская коллегія была открыта также один-

надцать мѣсяцевъ, совершенно забывая, что въ XVII вѣкѣ эдинбургская коллегія была школою, гдѣ были профессора-тюторы, отъ которыхъ требовалось преподаваніе грамматики, диспутовъ, надзора за играми студентовъ и жизнь въ общихъ съ ними комнатахъ, но нисколько не требовалось самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій.

Насколько безразсудно было требованіе королевской коммисіи, объяснили ей не только университетъ, но и судъ эдинбургскій. Случилось именно въ 1827 году, когда еще засѣдала королевская коммиссія, слѣдующее любопытное дѣло. Въ томъ году подлежащая власть доводитъ до свѣденія совѣта эдинбургскаго университета, что въ Калькуттѣ скончался нѣкто Джонъ Фаргваръ, оставившій въ своемъ духовномъ завѣщаніи постановленіе слѣдующаго рода: каждому профессору философскаго факультета, эдинбургскаго университета, слѣдуетъ выплачивать ежегодно изъ оставленнаго имъ капитала 200 фунтовъ стерл., если они согласятся преподавать «въ продолженіе всего года безъ всякихъ каникулъ, за исключеніемъ установленныхъ по закону и двухъ недѣль лѣтомъ». Но не нашлось ни одного профессора, который согласился бы читать лекціи круглый годъ, за исключеніемъ двухнедѣльныхъ каникулъ лѣтомъ и немногихъ великихъ праздниковъ, установленныхъ закономъ. Поэтому пожертвованный капиталъ остался два года безъ употребленія.

Наконецъ, въ 1829 году вопросъ возникъ на судѣ: какъ относиться къ упомянутому распоряженію Фаргвара. Судъ постановилъ: на основаніи этого распоряженія можно положительно сказать, что завѣщатель не былъ въ «здравомъ умѣ и твердой памяти» [1]), когда написалъ такое требованіе относительно чтенія профессорами лекцій и на томъ основаніи этотъ пунктъ духовнаго завѣщанія Фаргвара былъ уничтоженъ судомъ.

Совѣтъ университета также подвергъ весьма основательной критикѣ предложеніе королевской коммиссіи, расширить зимній семестръ до шести мѣсяцевъ и лѣтній до пяти. По его мнѣнію, увеличить число часовъ, въ которые профессоръ долженъ преподавать, произведетъ, неминуемымъ образомъ, въ студентахъ «усталость, уныніе и отвращеніе и, съ другой, заставитъ замѣчательныхъ ученыхъ отказаться отъ чтенія лекцій». Кромѣ того, такое увеличеніе учебнаго года совершенно уничтожитъ возможность домашнихъ занятій.

Другія преобразованія, предложенныя королевскою коммис-

---

[1]) «That the testator must be of unsound mind».

сіей, были подвергнуты такому же тщательному разбору со стороны отдѣльныхъ факультетовъ in corpore и отдѣльныхъ профессоровъ. Такъ, между прочимъ, профессоръ богословія Чомерсъ (Chalmers), про котораго историкъ эдинбургскаго университета говоритъ, что «никто изъ тѣхъ, которые были связаны съ этимъ университетомъ до такой степени, не носилъ на своемъ челѣ печать величія, какъ онъ», обнаруживалъ многія противорѣчія и несообразности, придуманныя коммиссіей для яко бы поднятія уровня университетскаго обученія. Такъ онъ, между прочимъ, доказывалъ, что предложенія коммиссіи относительно увеличенія надзора за занятіями студентовъ, съ одной стороны, и возвышенія требованія для поступленія въ университетъ, съ другой, очевидно другъ другу противорѣчатъ. Если студенты должны имѣть хорошее общее образованіе и быть хорошо воспитаны (highly educated), чтобъ поступить въ университетъ, то здравый смыслъ требуетъ «не обращаться съ ними въ университетѣ, какъ со школьниками». Далѣе, по мнѣнію доктора Чомерса, требованіе коммиссіи, чтобъ плата за лекціи или гонораръ профессоровъ былъ уменьшенъ, становится совершенно въ разрѣзъ съ несомнѣнною истиною, что «хорошій трудъ и дешевый трудъ въ университетѣ не могутъ быть соединяемы».

Кромѣ этихъ приведенныхъ возраженій противъ проекта университетскаго преобразованія, придуманнаго королевскою коммиссіей, были еще другія относительно учрежденія новыхъ и закрытія старыхъ каѳедръ, порядка избранія ректора и т. п. Подъ ударами этихъ критиковъ не устоялъ трудъ королевской коммиссіи и не нашлось англійскаго министерства, которое согласилось бы рисковать представленіемъ этого плана на обсужденіе парламента. Только въ 1837 году, т.-е. семь лѣтъ послѣ закрытія коммиссіи, лордъ Мельборнъ прочелъ въ парламентѣ билль, въ силу котораго для каждаго шотландскаго университета должна была учредиться коммиссія (board of visitors), съ назначеніемъ привести мало-по-малу въ исполненіе планъ реформъ, составленный королевскою коммиссіей. Но этотъ билль остался мертвою буквою, потому что по обнародованіи его во всей Шотландіи поднялась такая страшная оппозиція противъ исполненія его предписаній, что само англійское правительство рѣшилось оставить этотъ билль безъ послѣдствій и забыть о немъ.

Такимъ образомъ опасность, угрожавшая правильному развитію жизни эдинбургскаго университета, миновала. Но неудачный исходъ трудовъ королевской коммиссіи, составлявшей свой планъ реформъ не съ тенденціями обскурантизма, но съ любовью

къ университету, не могъ предупредить тѣхъ столкновеній, которыя съ начала послѣдняго вѣка постоянно возникали между городскимъ совѣтомъ и университетомъ эдинбургскимъ. Весьма серьезно было столкновеніе, возникшее въ 1838 году между эдинбургскими эдилями, или университетскими патронами, и профессоромъ логики и метафизики Гамильтономъ, которому намѣревались запретить раздѣлить свои лекціи на двѣ отдѣльныя части и брать со студентовъ гонораръ за лекціи по логикѣ и по метафизикѣ. По англійскимъ понятіямъ только судебная власть была компетентна для опредѣленія, въ данномъ случаѣ, того, на чьей сторонѣ право и законъ.

Возникали еще различныя другія недоразумѣнія, заставившія, наконецъ, англійскій парламентъ серьезно заняться преобразованіемъ порядковъ эдинбургскаго университета. Иниціативу взялъ на себя въ этомъ дѣлѣ человѣкъ, искреннѣйше преданный дѣлу высшаго образованія и въ частности любящій эдинбургскій университетъ, мистеръ Инглисъ, занимавшій въ 1858 году мѣсто лорда-адвоката и нынѣ всею Шотландіей почитаемый канцлеръ эдинбургскаго университета, лордъ Инглисъ. Въ 1858 году онъ предложилъ парламенту билль «относительно лучшаго устройства и порядковъ шотландскихъ университетовъ», для составленія котораго онъ добросовѣстнымъ образомъ воспользовался трудами королевской коммиссіи 1826—1830 года вмѣстѣ со всѣми критическими отзывами, на нихъ поступившими.

Существенныя нововведенія, предложенныя мистеромъ Инглисомъ, заключались въ слѣдующемъ: во-первыхъ, онъ желалъ связать неразрывными узами съ университетомъ тѣхъ, которые получили въ немъ опредѣленную ученую степень. Съ этою цѣлью онъ желалъ предоставить имъ право участвовать въ избраніи принципала университета. Во-вторыхъ, по его предложенію необходимо учредить для каждаго университета особенное присутствіе для завѣдыванія его собственностью и бюджетомъ. Въ третьихъ, онъ требовалъ сохраненія патронатства городского совѣта надъ университетомъ.

Но противъ послѣдняго положенія были приведены весьма существенныя возраженія со стороны нѣкоторыхъ членовъ парламента. Никто не отрицалъ того историческаго факта, что корпорація простыхъ купцовъ въ продолженіе почти трехъ столѣтій съ успѣхомъ завѣдывала дѣлами университета и положила своими разумными распоряженіями твердый фундаментъ для поступательнаго его развитія. Но, съ другой стороны, нельзя было отрицать, что обстоятельства серьезно измѣнились въ тече-

ніе нынѣшняго столѣтія. До 1830 года городской совѣтъ (the town council) состоялъ изъ членовъ одной тѣсно-сплоченной и немногочисленной корпораціи, которые избирали другъ друга въ совѣтъ. При такомъ порядкѣ можно было себѣ объяснить тотъ удивительный фактъ, что въ университетскихъ дѣлахъ рѣшительный голосъ принадлежалъ купцамъ (tradesmen), обыкновенно не получившимъ никакого университетскаго образованія. Но съ 1830 года это положеніе вещей существеннымъ образомъ измѣнилось, потому что на основаніи новаго городового положенія (the Municipal Reform Bill) городской совѣтъ состоялъ изъ гласныхъ, избираемыхъ всѣмъ городскимъ населеніемъ, раздѣленнымъ въ виду иной цѣли на опредѣленные избирательные участки. Трудно себѣ представить, чтобъ многочисленный городской совѣтъ, составленный изъ весьма разношерстныхъ лицъ, въ состояніи былъ продолжать патронатство надъ эдинбургскимъ университетомъ.

Кромѣ того, религіозные раздоры стали послѣ 1843 года обнаруживать свое вліяніе на управленіе всѣми общественными дѣлами и, безъ сомнѣнія, городской совѣтъ, въ которомъ сектаторскіе происки имѣли бы какое-нибудь вліяніе, навѣрно переносилъ бы это сектаторство и происки въ область университетскихъ дѣлъ.

На основаніи этихъ весьма убѣдительныхъ доводовъ, парламентъ принялъ предложеніе, по которому для высшаго управленія дѣлами эдинбургскаго университета учреждается «совѣтъ кураторовъ» (the court of curators) изъ семи членовъ: четыре отъ городского совѣта и три отъ «университетскаго совѣта» (the university court).

Наконецъ послѣ назначенія особенной спеціальной коммиссіи для приведенія въ дѣйствіе новаго закона, биллъ Инглиса былъ утвержденъ огромнымъ большинствомъ голосовъ и обнародованъ подъ названіемъ «The Universities (Scotland) Bill» въ 1858 году. Какъ видно уже изъ самаго названія этого закона, онъ касается управленія не только эдинбургскаго университета, но вообще всѣхъ шотландскихъ университетовъ.

Но мы остановимся здѣсь только на изложеніи порядка управленія и современнаго состоянія эдинбургскаго университета, оставляя въ сторонѣ особенности другихъ шотландскихъ университетовъ.

V.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что если эдинбургскій уни-
верситетъ достигъ въ продолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ
такого удивительнаго развитія, то онъ обязанъ этимъ преж
всего закону 1858 года и вмѣстѣ съ тѣмъ нынѣшнему лорду
канцлеру, лорду Инглису, проведшему въ парламентѣ новую уни-
верситетскую реформу. Развитіе этого университета дѣйствител
замѣчательно: въ продолженіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ чис
студентовъ эдинбургскаго университета болѣе чѣмъ удвоилось: в
1868 году ихъ было только 1565 человѣкъ, а въ 1883 г.—334

Другимъ несомнѣннымъ доказательствомъ его развитія сл
житъ тотъ положительный фактъ, что общественное довѣріе
уваженіе къ этому университету увеличиваются самымъ ос
тельнымъ образомъ и выражаются въ постоянныхъ значите
ныхъ пожертвованіяхъ со стороны частныхъ лицъ и обществъ
стипендіи и другія надобности университета.

Для иллюстраціи этого положенія могу привести слѣдую
любопытныя цифры. Въ Шотландіи, какъ и въ Англіи, приня
жертвовать капиталы не только на учрежденіе стипендій,
также на учрежденіе новыхъ каѳедръ въ университетѣ. И во
въ теченіе 280 лѣтъ, т.-е. до конца 1862 года, въ эдинбур
скомъ университетѣ были учреждены на частныя пожертвова
только двѣ каѳедры: музыки и земледѣлія. Но въ теченіе пос
дующихъ двадцати лѣтъ были учреждены еще семь новыхъ каѳедр
на содержаніе которыхъ было пожертвовано частными лицами
58,000 фунтовъ стерл., т.-е. 580,000 рублей по нынѣшне
курсу!

Всего, въ продолженіе этихъ послѣдне-истекшихъ двадца
лѣтъ эдинбургскій университетъ обогатился слѣдующими пожер
вованіями:

На стипендіи студентамъ	142,000	ф. ст.
На стипендіи окончившимъ съ отличіемъ	90,000	» »
На учрежденіе новыхъ профессуръ	58,000	» »
На увеличеніе жалованья профессорамъ	18,000	» »
На постройку новыхъ зданій	130,000	» »
На разныя другія надобности	14,000	» »
Всего	452,000	ф. ст.

Слѣд., эдинбургскій университетъ получилъ за 20 лѣтъ бол
четырехъ съ половиною милліоновъ рублей на свои надобнос
и развитіе своей дѣятельности, отъ однихъ частныхъ лиц

Едва ли можно найти другой примѣръ подобнаго развитія университета съ такой любовью общества къ своему высшему учебному заведенію. При этомъ не слѣдуетъ упустить изъ виду, что Шотландія страна сравнительно бѣдная и что кромѣ эдинбургскаго университета въ ней процвѣтаютъ еще три другіе университеты, которые также владѣютъ значительною собственностью, какъ въ особенности университетъ въ Глазго.

Весьма любопытенъ еще слѣдующій фактъ. Давно уже чувствовалась профессорами-медиками эдинбургскаго университета крайняя необходимость построить новое зданіе, въ которомъ могъ бы помѣститься весь медицинскій факультетъ со всѣми своими коллекціями, лабораторіями, анатомическимъ театромъ и т. д. Въ великолѣпномъ и громадномъ зданіи университета не было достаточно мѣста, чтобъ развернуться. Въ 1874 году былъ учрежденъ комитетъ изъ лицъ, заинтересовавшихся этимъ дѣломъ, для собиранія пожертвованій на построеніе совершенно новаго зданія для одного медицинскаго факультета. Въ продолженіе девяти лѣтъ этотъ комитетъ собралъ 100,483 фунтовъ стерлинговъ, къ чему правительство прибавило еще 80,000 ф. ст. и, такимъ образомъ, была собрана въ такое короткое время сумма въ 180,483 ф. ст. Но когда монументальное зданіе было уже почти готово въ прошломъ году, оказалось, что необходимо еще около 30,000 ф. ст. для образцоваго его устройства. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ была собрана почти вся эта сумма, т.-е. 28,901 ф. ст.

Такимъ образомъ на всю эту новую «Медицинскую Школу» или «Новыя Зданія» (New Buildings) было пожертвовано не болѣе и не менѣе какъ громадная сумма въ 209,384 ф. ст.

Ознакомившись съ этими замѣчательными фактами, невольно спрашиваешь себя: чѣмъ же объяснить себѣ такую любовь къ эдинбургскому университету? Отчего въ такое короткое время этотъ университетъ сдѣлался настолько притягательнымъ и популярнымъ, что стоитъ ему только заявить о какой-нибудь потребности своей, чтобъ со всѣхъ сторонъ предлагались средства для ея удовлетворенія?

На эти вопросы мы слышали на торжественномъ собраніи гостей эдинбургскаго университета слѣдующіе отвѣты изъ компетентнѣйшихъ устъ его преобразователя, лорда Инглиса, нынѣшняго всѣми почитаемаго лорда-канцлера университета.

«Я думаю,—сказалъ этотъ маститый старецъ,—что все это есть послѣдствіе многихъ причинъ, дѣйствующихъ совокупно. Независимое самоуправленіе (the independent self-government),

которымъ пользуется въ настоящее время университетъ, и вліяніе, проявляемое соединенною корпораціей всѣхъ удостоенныхъ ученыхъ степеней (graduates), связали ихъ всѣхъ болѣе тѣсными узами съ университетомъ и заставили ихъ сознавать, что чрезъ окончаніе университетскаго образованія они не прерываютъ ни своихъ обязанностей въ отношеніи университета, ни пользованія своихъ академическихъ привилегій». Всѣ бывшіе въ университетѣ продолжаютъ принимать участіе, какъ мы увидимъ, въ судьбахъ его и вліять на условія его развитія и процвѣтанія.

«Есть существенная особенность шотландскихъ университетовъ,—продолжалъ лордъ-канцлеръ,—благодаря которой увеличеніе числа студентовъ находится въ причинной связи съ увеличеніемъ населенія и богатства страны. Наши студенты выходятъ изъ всѣхъ слоевъ общества. Двери наши открыты для всѣхъ классовъ, исповѣданій и странъ, безъ всякаго различія. Единственное условіе, которое ставится для вступленія въ университетъ—здоровая жажда знаній».

Такимъ образомъ, «свободное самоуправленіе университета связало съ нимъ всѣхъ вступившихъ къ нему въ какое-нибудь близкое соприкосновеніе и обезпечило роскошное внутреннее его развитіе и глубокую привязанность всего шотландскаго народа». Исторія эдинбургскаго университета совершенно подтверждаетъ положеніе, къ которому пришелъ геніальный вѣнскій профессоръ Лоренцъ фонъ-Штейнъ въ своей исторіи образованія университетовъ съ среднихъ вѣковъ.

«Съ этой эпохи, т.-е. съ среднихъ вѣковъ,—говоритъ онъ,—принципъ самоуправленія сдѣлался принципомъ жизни (Lebensprincip) для университетовъ и непоколебимо сохраняется онъ до настоящаго времени, хотя бы въ измѣненной формѣ... Если нѣтъ въ университетахъ права самоуправленія, то нѣтъ и самыхъ университетовъ».

Посмотримъ теперь, въ чемъ заключаются главныя черты устройства и управленія эдинбургскаго университета.

На основаніи университетскаго устава 1858 года, эдинбургскій университетъ сдѣлался «самоуправляющимся учрежденіемъ» (self-governing body), дѣлами котораго управляетъ ближайшимъ образомъ «академическій сенатъ» (senatus academicus), состоящій изъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ принципала. Этотъ сенатъ завѣдываетъ доходами университета, всею учебною частью и внутреннимъ порядкомъ въ университетѣ. Онъ избираетъ профессоровъ, открываетъ новыя каѳедры, дѣлаетъ измѣненія во внутреннемъ распредѣленіи учебнаго плана, утвер-

даетъ въ ученыхъ степеняхъ, взыскиваетъ за нарушеніе университетскихъ правилъ и т. п.

Только ошибочно было бы заключить, что всѣми этими дѣлами академическій сенатъ завѣдуетъ безконтрольно. Нѣтъ, надъ нимъ стоитъ другое коллегіальное учрежденіе, называемое «the University Court» — университетскій совѣтъ, состоящій въ настоящее время изъ восьми членовъ, изъ которыхъ двое представляютъ «академическій сенатъ», двое — городской совѣтъ, двое — общее собраніе удостоенныхъ ученыхъ степеней и двое — интересы студентовъ. Въ этомъ высшемъ университетскомъ совѣтѣ должны были находить защиту всѣ интересы, существующіе въ университетѣ, и совершенно справедливо было рѣшеніе англійскаго правительства не составлять эту высшую инстанцію также изъ однихъ профессоровъ, въ виду того, что между ними часто происходятъ столкновенія и интриги, которымъ охотно приносятся въ жертву высшіе интересы науки и университета.

Предъ этомъ совѣтомъ долженъ отвѣчать совѣтъ профессоровъ или академическій за всѣ свои распоряженія, и отъ него зависитъ пріостановить или отмѣнить постановленія послѣдняго и даже возбудить вопросъ объ отвѣтственности того или другого профессора: онъ можетъ даже отставить отъ исполненія своихъ обязанностей принципала или профессора. Кромѣ того въ его власти дѣлать распоряженія относительно внутреннихъ порядковъ въ университетѣ.

Наконецъ, послѣднею коллегіальною инстанціею является — the Court of Curators — «совѣтъ попечителей», въ которомъ засѣдаютъ четыре члена, назначенные городскимъ совѣтомъ, и трое, назначенные университетскимъ совѣтомъ. Но въ этомъ совѣтѣ попечителей только остался призракъ прежняго вліянія городского совѣта на дѣла университетскія. Онъ весьма рѣдко собирается, потому что никакихъ дѣлъ не имѣетъ, и обыкновенно собирается только въ тѣхъ случаяхъ, если умеръ одинъ изъ профессоровъ, занимающихъ одну изъ шестнадцати каѳедръ, находящихся въ его распоряженіи и которыя не могутъ быть заняты безъ его предварительнаго согласія.

Но только одно весьма важное право принадлежитъ этому попечительному совѣту — назначеніе принципала для университета. Эту должность обыкновенно занимаетъ одинъ изъ профессоровъ университета и на принципалѣ лежитъ въ дѣйствительности все управленіе университетскими дѣлами. Его должность во многомъ сходна съ должностью ректора русскихъ университетовъ по уставу 1863 года.

Кромѣ принципала имѣются въ эдинбургскомъ университе еще двѣ весьма почетныя должности: канцлера и ректора. Об должности весьма почетныя, и при извѣстныхъ обстоятельствах лица, ее занимающія, могутъ имѣть огромное вліяніе на ходъ уни верситетскихъ дѣлъ. Но ни канцлеръ, ни ректоръ не занимаютс обыкновенными или текущими дѣлами по управленію универси тетомъ. Условія, въ которыя поставлены эти обѣ должности, весьм своеобразны и нигдѣ, кромѣ Эдинбурга, не существуютъ.

Канцлеръ университета есть первое лицо въ университетско служебной іерархіи: предъ нимъ носится скипетръ университет скій на всѣхъ торжествахъ университета. Избирается канцле такъ-называемымъ «общимъ совѣтомъ» (General Council), учре деніе котораго представляется незабвенною заслугою творца н выхъ университетскихъ порядковъ въ 1858 году. Членами это «общаго совѣта» являются всѣ удостоенные со стороны эдинбур скаго университета какой-либо ученой степени, когда долж собраться въ Эдинбургѣ для избранія канцлера. Когда въ 185 году въ первый разъ собрался этотъ «общій совѣтъ», то Эдинбургъ прибыли бывшіе студенты университета не тол изъ Англіи и Ирландіи, но даже съ материка европейскаго д подачи своего голоса. Такимъ образомъ сохранена постоян крѣпкая связь между университетомъ и его питомцами, которо предоставлено чрезвычайно важное право—избраніе перваго дол ностного лица университета. Кромѣ того каждый членъ тако «общаго совѣта» имѣетъ право возбудить въ немъ всякій вопрос касающійся до благоуспѣянія университета.

Въ 1859 году изъ 1862 человѣкъ (graduates), имѣвших по званію право участвовать въ «общемъ совѣтѣ», собрались н менѣе 1100, которые избрали первымъ канцлеромъ эдинбургска университета знаменитаго лорда Брума (Brougham). Въ насто щее время занимаетъ эту почетную должность лордъ Инглисъ.

Если должность канцлера должна служить выраженіемъ н разрывной связи, соединяющей навсегда бывшихъ студентовъ удостоенныхъ ученыхъ степеней съ эдинбургскимъ университе томъ, то съ другой стороны, должность ректора имѣетъ назна ченіемъ закрѣпить связь между настоящими студентами и уни верситетомъ.

Ректора избираютъ на три года всѣ студенты эдинбургска университета. Въ 1859 году былъ избранъ первымъ ректоро Гладстонъ; въ настоящее время занимаетъ эту должность гла оппозиціи въ англійскомъ парламентѣ, сэръ Стаффордъ Норскотъ. Ректоръ состоитъ предсѣдателемъ «университетскаго совѣта»,

(University Court), но не управляетъ непосредственно дѣлами университета — для чего существуютъ академическій сенатъ и принципалъ. Въ виду того, что ректоромъ обыкновенно бываетъ какая-нибудь крупная политическая личность и что еще никогда избранный эдинбургскими студентами государственный мужъ не отказывался принять это избраніе, понятно, что ректоръ университета рѣдко бываетъ въ Эдинбургѣ. Онъ обыкновенно пріѣзжаетъ только разъ, немедленно послѣ избранія, чтобъ благодарить за оказанную ему честь и выразить имъ свой взглядъ на цѣли университетскаго образованія и обязанности студенчества. Вслѣдъ затѣмъ онъ пріѣзжаетъ только для участія въ какихъ-нибудь особенныхъ университетскихъ торжествахъ или при возникновеніи особенно важныхъ вопросовъ въ «университетскомъ совѣтѣ», требующихъ его личнаго участія.

Обыкновенно же каждый ректоръ назначаетъ своего замѣстителя на случай его отсутствія, который постоянно засѣдаетъ въ «университетскомъ совѣтѣ» съ правомъ голоса наравнѣ съ другими членами. И вотъ ректоръ и его замѣститель (assistant) считаются въ «университетскомъ совѣтѣ» ближайшими защитниками интересовъ студентовъ, но понятно, что ни тотъ, ни другой не принимаютъ въ отношеніи студентовъ никакихъ обязательствъ защищать исполненіе ихъ желаній, если они лично не убѣждены въ законности и исполнимости ихъ. Никакого mandat impératif не существуетъ для избраннаго студентами ректора, и достаточно припомнить, кто былъ ректоромъ эдинбургскаго университета, чтобъ устранить въ этомъ отношеніи малѣйшее сомнѣніе въ полной личной независимости этихъ лицъ.

Представивъ здѣсь нынѣшній порядокъ управленія эдинбургскаго университета и указавъ на его особенности, мнѣ остается сказать весьма немного относительно другихъ сторонъ университетской жизни. Прежде сказанное относительно раздѣленія на факультеты и прохожденія курса студентами осталось по существу неизмѣннымъ послѣ 1858 года. Только «исполнительная коммиссія», приведшая въ исполненіе уставъ 1858 года, приняла нѣкоторыя болѣе важныя мѣры относительно порядка пріобрѣтенія ученыхъ степеней.

Въ настоящее время въ особенности чувствуется эдинбургскимъ университетомъ потребность въ увеличеніи своихъ преподавательскихъ силъ и въ учрежденіи новыхъ каѳедръ. Не смотря на громадныя средства, которыми обладаетъ университетъ, все-таки они оказались недостаточными для достойнаго вознагражденія профессоровъ. — Замѣтимъ, что ни одинъ профессоръ не

получаетъ менѣе 400 ф. ст., т.-е. 4,000 рублей за 4 лекціи въ недѣлю, начиная съ 25-го ноября по 25-е марта. Къ этому жалованью надо еще прибавить гонораръ, получаемый каждымъ профессоромъ отъ своихъ слушателей. При наличности 3651 студента, этотъ гонораръ можетъ быть весьма значителенъ. Тѣ же изъ профессоровъ, которые пріобрѣли своими трудами большую извѣстность, получаютъ не менѣе 500 ф. ст., а иногда 800 ф. ст. Такимъ образомъ объясняется тотъ фактъ, что каждый профессоръ эдинбургскаго университета имѣетъ свой собственный домъ и живетъ съ такимъ комфортомъ, о которомъ русскіе профессора даже мечтать не могутъ. Вообще, ознакомившись de visu съ житьемъ-бытьемъ университетскихъ преподавателей въ Германіи, Франціи, Англіи, Шотландіи, Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи и Австро-Венгріи, я долженъ сознаться, что болѣе плачевнаго и менѣе обезпеченнаго положенія, чѣмъ то, въ которомъ обыкновенно находятся профессора русскихъ университетовъ, мнѣ не приходилось видѣть. Притомъ мнѣ всегда бросалась въ глаза совершенно исключительная особенность русскихъ университетовъ, именно та, что никакіе особенные труды или ученыя заслуги не въ состояніи улучшить положеніе университетскаго преподавателя: трудится ли онъ или не трудится, дѣлаетъ ли онъ научныя открытія или не дѣлаетъ, имѣетъ ли онъ громкую и заслуженную извѣстность въ ученомъ мірѣ или не имѣетъ—все равно онъ до смерти будетъ получать разъ положенное жалованье, получаемое въ нѣкоторыхъ министерствахъ дѣлопроизводителями V класса за трехчасовыя занятія ежедневно въ департаментѣ. Очевидно, что для профессоровъ русскихъ университетовъ не существуетъ ни малѣйшаго стимула для неутомимаго научнаго труда, который существуетъ для всякаго заграничнаго ученаго. Если послѣдній пріобрѣлъ своими трудами какую-нибудь извѣстность, то со всѣхъ сторонъ дѣлаются ему болѣе или менѣе высокія предложенія и онъ переѣзжаетъ туда, гдѣ больше его цѣнятъ и лучше будетъ ему жить. Въ настоящее время можно застать профессоровъ германскаго происхожденія при университетахъ: эдинбургскомъ, оксфордскомъ (Максъ Миллеръ), швейцарскихъ, бельгійскихъ, американскихъ и другихъ. Съ другой стороны въ германскихъ университетахъ заняты въ настоящее время сорокъ каѳедръ русскими подданными, и можно думать, что въ будущемъ еще увеличится число русскихъ ученыхъ, находящихъ за границею бо́льшее признаніе своихъ способностей и лучшія условія для полнаго ихъ развитія.

Однако, возвращаюсь къ эдинбургскому университету, изу-

ніе жизни и порядковъ котораго невольно вызываетъ на сравненія и многія соображенія не особенно веселаго свойства. Въ заключеніе этой характеристики положенія учебнаго персонала эдинбургскаго университета остается только сказать, что въ настоящее время онъ обладаетъ необходимыми матеріальными средствами для увеличенія числа профессуръ. Кромѣ четырехъ съ половиною милліоновъ рублей, полученныхъ въ даръ въ продолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, англійское правительство постановило выдавать ему еще ежегодно 950,000 рублей на удовлетвореніе его нуждъ. При такихъ блестящихъ средствахъ эдинбургскій университетъ можетъ серьезно взяться за разрѣшеніе поставленной себѣ задачи.

VI.

Для полноты нашего очерка университетскихъ порядковъ въ Эдинбургѣ, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ относительно быта эдинбургскаго студенчества. Въ этомъ отношеніи родство эдинбургскаго университета съ университетами континентальными въ особенности бросается въ глаза. Извѣстно, что студенты оксфордскаго или кэмбриджскаго университетовъ живутъ въ богатыхъ коллегіяхъ общею жизнью во время всего учебнаго года, и благодаря этому обстоятельству между ними завязывается столько узъ взаимной дружбы и расположенія, которыя сохраняются на всю жизнь. Общая коллегіальная жизнь, во всякомъ случаѣ, вырабатываетъ въ англійскихъ студентахъ тотъ духъ и «общественный инстинктъ», которыми они всегда отличались.

Студенты эдинбургскаго университета уже давно перестали жить въ коллегіяхъ, какъ это было въ XVI столѣтіи принято за общее правило, и въ настоящее время каждый можетъ жить гдѣ ему угодно. Такое отсутствіе коллегіальной связи между студентами привело къ тому, что въ продолженіе четырехлѣтняго пребыванія въ университетѣ они недостаточно сближались и даже могли оставаться другъ другу чуждыми. Непосредственными послѣдствіями такой разрозненности были, по свидѣтельству эдинбургскихъ профессоровъ, отсутствіе надлежащаго порядка на общихъ студенческихъ собраніяхъ и даже безчинства отдѣльныхъ студентовъ, которыхъ стыдилось огромное большинство. Правда, то нравственное и религіозное направленіе, которое получаетъ всякій молодой шотландецъ въ родительскомъ

домѣ, поддерживало въ студентахъ серьезное отношеніе къ свои университетскимъ занятіямъ и преданность къ своему долгу. Н торжественномъ юбилейномъ собраніи эдинбургскаго универ тета лордъ-канцлеръ могъ публично заявить, что «серьезно нашихъ студентовъ является наиболѣе замѣчательною и радост чертою нашей университетской жизни». И дѣйствительно, ес присматриваться къ семейному быту шотландскаго народа, нел не видѣть, какъ съ малолѣтства прививается дѣтямъ не тол неограниченное почтеніе къ своимъ родителямъ и вообще ст шимъ, но также глубокое чувство своего долга и незыбле вѣра въ тѣ великія религіозныя истины, которымъ цивилизо ные народы обязаны своею современною культурою и гражд скимъ развитіемъ. Если еще прибавить, что эта серьезная нр ственная подкладка, данная семьею, не убивается, но напрот развивается шотландскою школою, то понятно, почему шотла скій студентъ никогда не въ состояніи дойти до полнаго заб нія всѣхъ правилъ приличія или чувства долга въ отноше университета и общества, которымъ онъ обязанъ своимъ обр ваніемъ. Однимъ словомъ, студенты эдинбургскіе учатся и въ голову не приходитъ мысль, что они въ состояніи пере лать общество и государство.

Поэтому, не смотря на отсутствіе организаціи эдинбургс студенчества, все-таки чувства долга и порядка въ немъ сущ вовали постоянно и весьма рѣдко забывались студентами столько, чтобъ подвергать ихъ строгимъ взысканіямъ. Пра въ XVI и XVII столѣтіяхъ эдинбургскіе студенты прини дѣятельное участіе въ религіозной борьбѣ между папистам приверженцами новой пресвитеріанской церкви. Въ виду глубоко-религіознаго характера, которымъ отличаются всѣ ландцы, понятно, что религіозная борьба конца XVI и полови XVII вѣка должна была сильно отозваться на молодомъ по лѣніи, собранномъ въ стѣнахъ эдинбургской коллегіи. П вліяніемъ этихъ условій происходили дѣйствительно нѣкото безпорядки въ Эдинбургѣ, въ которыхъ студенты приним участіе.

Но крайне замѣчательны слѣдующіе факты. Съ 1733 го сохранились протоколы засѣданій академическаго совѣта, и основаніи этихъ актовъ можно положительно утверждать, въ продолженіе болѣе столѣтія не было въ эдинбургскомъ у верситетѣ *ни одного* случая исключенія студента! Въ нынѣшне столѣтіи вызывала четыре раза безпорядки — игра въ снѣ (snow riot)! Когда выпадаетъ снѣгъ, эдинбургскіе студенты

такой степени увлекаются удовольствіемъ играть въ снѣжки, что въ упомянутые четыре раза, въ 1831, 1848, 1854 и 1860 годахъ, они давали маленькія сраженія, отъ которыхъ пострадали не только нѣкоторые студенты, но также нѣкоторые жители города. Въ 1831 году вмѣшалась полиція и арестовала въ стѣнахъ университета главныхъ полководцевъ этого сраженія, и тогда академическій совѣтъ сдѣлалъ объявленіе студентамъ, что «онъ оскорбленъ (scandalised) появленіемъ полицейскихъ въ стѣнахъ коллегіи» и что онъ надѣется видѣть въ будущемъ лучшее поведеніе студентовъ. Но ни эти сраженія студентовъ съ городскими обывателями, ни другіе незначительные проступки отдѣльныхъ студентовъ не имѣли послѣдствіемъ удаленія изъ университета хоть одного студента. Только въ 1855 году послѣдовало единственное исключеніе одного студента за подкупъ хранителя экзаменаціонныхъ вопросовъ.

Если до самаго послѣдняго времени студенты эдинбургскаго университета не имѣли между собою общей связи и организаціи, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ необходимость ея не чувствовалась уже давно со стороны студентовъ. Напротивъ, уже давнымъ-давно существуютъ въ Эдинбургѣ студенческіе клубы или собранія, въ которыхъ они собираются, но только не было клуба или собранія для всѣхъ студентовъ, а только для отдѣльныхъ группъ.

Такъ съ 1737 года существуетъ въ Эдинбургѣ «королевское медицинское общество», основанное студентами-медиками и владѣющее собственнымъ домомъ, библіотекою и т. д. Еженедѣльно бываютъ собранія членовъ этого общества, на которыхъ читаются серьезныя работы по медицинскимъ вопросамъ. Эти рефераты составляются весьма серьезнымъ образомъ и членами этого общества состоятъ студенты медицинскаго факультета, составляющіе élite студентовъ-медиковъ.

Въ 1764 году было основано другое общество студентовъ, названное «спекулятивнымъ» (the Speculative Society), послужившее превосходною школою для будущихъ юристовъ, государственныхъ дѣятелей и духовныхъ лицъ, потому что на постоянныхъ публичныхъ диспутахъ въ этомъ обществѣ они могли выказывать свои способности и развивать ихъ наилучшимъ образомъ. Оно также имѣло свое собственное помѣщеніе и бюро, завѣдывавшее его дѣлами. Секретаремъ этого общества состоялъ съ 1791 по 1795 годъ знаменитый Вальтеръ Скоттъ, котораго память особенно чествуетъ весь шотландскій народъ. На самой главной улицѣ Эдинбурга, Princess' Street, великолѣпнѣйшей по

живописному своему положенію улицы въ мірѣ, красуется малень-кій готическій храмъ, подъ куполомъ котораго находится одна статуя Вальтера Скотта.

Кромѣ этихъ двухъ студенческихъ обществъ имѣются ещ шесть другихъ, которыя всѣ преслѣдуютъ одну общую цѣл содѣйствовать развитію способностей и ума студентовъ, посред ствомъ общихъ бесѣдъ или диспутовъ о научныхъ вопросах Такимъ образомъ дѣйствуетъ «богословское общество», основанное въ 1776 году для обсужденія вопросовъ богословскихъ и рел гіозныхъ. Въ 1787 году было основано «діалектическое общ ство»; въ 1815 году «общество для изученія шотландскихъ з коновъ»; въ 1816 году «діагностическое общество»; въ 185 «филоматическое общество» и, наконецъ, въ 1871 году бы учреждено послѣднее студенческое «философское общество».

Условія для вступленія въ эти общества не всегда одинако и для каждаго изъ нихъ выработался въ теченіе времени ос бенный характеръ, который поддерживается каждымъ покол ніемъ студентовъ, потому что уваженіе къ старинѣ и къ авт ритету уже сложившихся порядковъ настолько же свойствен шотландскимъ студентамъ, сколько англійскимъ.

Но приведенными восьмью обществами еще не исчерпывает число обществъ и клубовъ, въ которыхъ студенты эдинбургска университета могутъ сходиться и заниматься или серьезною раб тою, сообщеніемъ рефератовъ, или играми. Кромѣ приведенны восьми обществъ имѣются еще *одиннадцать* другихъ, учрежд ныхъ болѣе или менѣе на одинаковыхъ основаніяхъ. Сюда пр надлежатъ: «общество для обсужденія вопросовъ земледѣль скихъ», «химическое» и «естествоиспытателей». Далѣе иду общества, имѣющія исключительно религіозныя или нравственн цѣли, какъ-то: «миссіонерское общество», «общество соверш ной трезвости» (the Total Abstinence Society); «христіанск общество студентовъ-медиковъ», имѣющее цѣлью противодѣйств вать разлагающему съ точки зрѣнія христіанской вѣры вліяні медицинскихъ и естественныхъ наукъ на умы студентовъ-медиков

Затѣмъ для упражненія въ различныхъ искусствахъ и раз витія физической ловкости устроены слѣдующія ассоціаціи: «му зыкальное общество», «яхтъ-клубъ» (the Boat Club), котор вмѣстѣ съ «клубомъ атлетовъ» (the Athletic Club) и «клубо игры въ мячикъ» (the Golf Club) занимаются развитіемъ тѣлес ныхъ силъ и доказываютъ, какую огромную важность придаю шотландцы тѣлеснымъ упражненіямъ. Члены-студенты этихъ клу бовъ занимаются катаніемъ на лодкѣ, игрою въ cricket, football,

lawn-tennis и golf. Въ послѣднюю игру, «golf», заключающуюся въ подбрасываніи палкою мячика на большое пространство и по особеннымъ правиламъ и являющуюся вполнѣ шотландскою національною игрою, я видѣлъ, что играли почтенные сѣдовласые старики на громадныхъ лугахъ, находящихся въ самомъ Эдинбургѣ. Кромѣ того въ этихъ клубахъ занимаются еще гимнастическими упражненіями вообще, ѣздою на велосипедахъ и т. д.

Особеное развитіе получило въ послѣдніе годы студенческое «общество стрѣлковъ» (the Rifle Company's Shooting Club), занятія котораго опредѣляются его названіемъ. Студенты-члены этого клуба имѣютъ особенный мундиръ изъ черного сукна, который они надѣваютъ только въ торжественные дни и въ особенности на университетскихъ праздникахъ. Такъ, между прочимъ, во время торжественнаго шествія въ первый день юбилейныхъ торжествъ всѣхъ иностранныхъ делегатовъ и почетныхъ гостей съ профессорами эдинбургскаго университета въ каѳедральный соборъ St.-Giles, по обѣимъ сторонамъ пути были разставлены студенты въ мундирѣ стрѣлковъ, которыхъ многіе иностранцы приняли за солдатовъ мѣстнаго гарнизона. Командовалъ этимъ отрядомъ стрѣлковъ профессоръ анатоміи Тэрнеръ (Turner), въ мундирѣ маіора.

Наконецъ всѣ эти общества и клубы студентовъ были еще недостаточны, по мнѣнію самихъ эдинбургскихъ студентовъ и ихъ друзей, для того, чтобъ уничтожить между ними разрозненность и установить самыя крѣпкія узы дружбы на всю жизнь. Эти общества или клубы существуютъ только для студентовъ, которые имѣютъ кое-какія деньги и могутъ вносить ежегодную плату, установленную для содержанія помѣщенія и покрытія другихъ расходовъ клуба. Между тѣмъ, многіе студенты изъ шотландцевъ весьма бѣдны, и принципалъ эдинбургскаго университета Ли разсказывалъ, что въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія онъ знавалъ студентовъ, которые не имѣли денегъ, чтобъ купить свѣчу и должны были заниматься при свѣтѣ каминнаго огня. Другіе не имѣли даже средствъ, чтобъ поддерживать огонь въ каминѣ, несмотря на суровость шотландской зимы.

Съ цѣлью соединить всѣхъ студентовъ вмѣстѣ и придти на помощь тѣмъ изъ нихъ, которые болѣе нуждаются, были сдѣланы въ послѣднее время различныя попытки, которыя привели къ еще большему сплоченію студентовъ и большему ихъ сближенію. По мнѣнію многихъ искреннихъ друзей студентовъ, весьма желательно учредить для нуждающихся изъ нихъ общежитія, въ

которыхъ за незначительную плату студентъ могъ бы находить приличную комнату и содержаніе.

Первою попыткою для большаго сближенія между студентами являются, разумѣется, вышеприведенные студенческіе клубы и общества. Но первыя восемь изъ названныхъ обществъ признали въ 1833 году желательнымъ имѣть общія собранія всѣхъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ избраннаго ими почетнаго лица. Такимъ почетнымъ предсѣдателемъ общаго собранія членовъ этихъ обществъ былъ одно время знаменитый англійскій писатель Литтонъ Бульверъ, который обратился съ замѣчательною рѣчью къ собранію студентовъ «соединенныхъ обществъ» (Associated Societies).

Затѣмъ въ 1876 году былъ учрежденъ въ Эдинбургѣ «студенческій клубъ», съ цѣлью «уничтожить нѣкоторыя неудобства, связанныя съ житьемъ въ отдѣльныхъ квартирахъ». Этотъ клубъ имѣетъ свое особенное помѣщеніе, гдѣ студенты могутъ читать газеты, завтракать и обѣдать за самую умѣренную плату.

Но на этомъ не остановились старанія уничтожить изолированность студентовъ. До сихъ поръ имѣются въ эдинбургскомъ университетскомъ обществѣ убѣжденные защитники общежитія студентовъ, желающіе по возможности возвратиться къ порядкамъ XVI и XVII ст. Они проектировали учрежденіе громадныхъ домовъ (halls), въ которыхъ могли бы жить студенты подъ наблюденіемъ отвѣтственныхъ надзирателей и подъ «семейною дисциплиною». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было открыто такое общежитіе, завѣдывающимъ котораго было назначено духовное лицо. Но этотъ опытъ потерпѣлъ полную неудачу, потому что, какъ говоритъ нынѣшній почтенный принципалъ эдинбургскаго университета, «шотландскій студентъ любитъ свою независимость и необходимо сказать, какъ общее правило, онъ не злоупотребляетъ ею». «Кромѣ того,—прибавляетъ сэръ Александръ,—привычка къ самообладанію (self control), воспитываемая въ студентѣ самостоятельностью въ своей собственной комнатѣ, когда онъ начинаетъ здѣсь серьезную борьбу за существованіе, представляется, можетъ быть, наиболѣе драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ отъ его университетской жизни».

Такимъ образомъ ни студенческій клубъ, ни студенческое общежитіе не достигли вполнѣ предположенной цѣли соединить всѣхъ студентовъ эдинбургскаго университета въ одно общество. Только въ самое послѣднее время, благодаря трехсотлѣтнему юбилею университета, эта высокая цѣль была дѣйствительно достигнута. Въ виду приближенія юбилейныхъ празднествъ эдин-

бургскіе студенты выразили свое желаніе также участвовать въ нихъ и, съ своей стороны, принять достойнымъ образомъ гостей университета, приглашенныхъ академическимъ сенатомъ изъ всѣхъ странъ свѣта. Для того, чтобъ такое участіе могло имѣть мѣсто, необходимо было соединить всѣхъ студентовъ и заставить ихъ принести сопряженныя съ такими празднествами личныя и матеріальныя жертвы.

Такое сплоченіе студентовъ дѣйствительно состоялось: прошлою зимою они составили «представительный совѣтъ студентовъ» (the Student's Representative Council), въ составъ котораго входятъ представители двухъ родовъ: во-первыхъ, отъ студентовъ всѣхъ четырехъ факультетовъ, и, во-вторыхъ, отъ студентовъ и удостоенныхъ ученыхъ степеней, состоящихъ членами вышеприведенныхъ студенческихъ обществъ и клубовъ. Въ составъ этого совѣта входятъ 3 представителя отъ богословскаго факультета, 10 отъ юридическаго, 20 отъ философскаго и 36 отъ медицинскаго. Къ этимъ членамъ необходимо еще прибавить 30 представителей, избранныхъ обществами и клубами. Предсѣдателемъ его состоитъ лордъ ректоръ. Такимъ образомъ всего въ «представительномъ совѣтѣ» 100 членовъ. Изъ своей среды совѣтъ избралъ особенный комитетъ для завѣдыванія порученными ему совѣтомъ дѣлами и исполненія его рѣшеній.

Первое засѣданіе «представительнаго совѣта студентовъ» открылъ рѣчью сэръ Стаффордъ Норскотъ, который согласился быть предсѣдателемъ этого собранія, несмотря на важныя и многочисленныя его обязанности въ качествѣ главы оппозиціи въ англійской палатѣ общинъ.

Благодаря такой организаціи всего студенчества эдинбургскаго университета въ одно общество, участіе студентовъ въ эдинбургскихъ юбилейныхъ празднествахъ было весьма выдающееся и, вообще говоря, отличалось полнымъ порядкомъ и замѣчательнымъ для молодыхъ людей тактомъ. Въ настоящее время почти обезпечено исполненіе единодушнаго желанія эдинбургскихъ студентовъ имѣть свой собственный общій домъ (Union-house). На одномъ изъ общихъ собраній студентовъ, созванныхъ «представительнымъ совѣтомъ» съ согласія лорда ректора, совѣтъ предложилъ собирать деньги на устройство такого общаго студенческаго дома, въ которомъ должны находиться, между прочимъ, зало для упражненій гимнастическихъ, большое зало для сходокъ, нѣсколько меньшихъ комнатъ для засѣданій различныхъ комитетовъ и существующихъ студенческихъ обществъ, комната для куренія и питья кофе и, наконецъ, читальня. Постройка

такого дома должна обойтись въ 12,000 ф. ст. и въ настоящее время уже собрано болѣе 1000 ф. ст.

Нѣтъ сомнѣнія, что если этотъ планъ осуществится, эдинбургскіе студенты дѣйствительно достигли цѣли, къ которой стремилось нѣсколько поколѣній. Насколько такой общій домъ служитъ облагораживанію нравовъ и сближенію студентовъ между собою, лучше всего можно видѣть въ Гельсингфорсѣ и Упсалѣ, гдѣ жизнь студентовъ отличается замѣчательнымъ благонравіемъ и проникнута глубокимъ уваженіемъ къ alma mater, подъ покровительствомъ которой молодые люди проводятъ тамъ лучшіе годы своей жизни, остающіеся для нихъ навсегда дорогими и незабвенными.

Такимъ образомъ, послѣ упроченія новой организаціи студентовъ эдинбургскаго университета, послѣдняя тѣнь разрозненности должна исчезнуть и чувство солидарности общихъ интересовъ и отвѣтственности въ отношеніи университета должно побудить ихъ держать и на будущее время высоко знамя науки и порядка.

Во всякомъ случаѣ новая организація студентовъ и учрежденіе «представительнаго совѣта» оказались въ высшей степени цѣлесообразными во время юбилейныхъ торжествъ. Студенты принимали въ нихъ весьма выдающееся участіе: они устроили факельцугъ-монстръ чрезъ весь городъ, который прошелъ замѣчательно стройнымъ образомъ. Они дали балъ, отличавшійся блескомъ, оживленностью и образцовымъ порядкомъ. На этомъ балу мы видѣли лучшее эдинбургское общество, и иностранные гости, пріѣхавшіе съ своими женами и дочерьми, оставались до позднягo утра и принимали живое участіе въ танцахъ. Благовоспитанность или «джентльменство» всѣхъ этихъ юношей, умѣющихъ веселиться, не производя безобразій, была по-истинѣ замѣчательна. Студенты же устроили концертъ, въ которомъ члены студенческаго «музыкальнаго общества» исполняли весьма трудныя вокальныя и инструментальныя вещи. Вообще преподаваніе музыки въ эдинбургскомъ университетѣ поставлено такъ, какъ ни въ какомъ другомъ университетѣ на свѣтѣ. Тутъ университетъ является также, въ извѣстной степени, консерваторіей.

Далѣе студентами же былъ устроенъ торжественный драматическій спектакль, въ которомъ они одни явились исполнителями. Кромѣ того, ими былъ устроенъ особенный вечерній праздникъ, въ родѣ нѣмецкаго студенческаго «commers», въ честь иностранныхъ гостей, и также еще особенное утреннее торжественное собраніе, на которомъ нѣкоторыя иностранныя знаменитости

обращались къ нимъ съ рѣчами. Наконецъ на всѣхъ юбилейныхъ торжествахъ, продолжавшихся цѣлую недѣлю, почти всегда присутствовали тысячи студентовъ. Между тѣмъ, ни разу не совершили они какого-нибудь скандала или существеннаго нарушенія порядка на этихъ собраніяхъ, гдѣ присутствовало обыкновенно отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ въ одномъ залѣ.

Напротивъ, обыкновенно студенты были распорядителями, и въ случаѣ малѣйшаго безпорядка стоило только явиться распорядителю съ его длинною бѣлою палкою — этою эмблемою его особеннаго достоинства — чтобъ немедленно возстановился порядокъ. Только разъ былъ произведенъ маленькій безпорядокъ, вслѣдствіе того, что студенты желали заставить своего любимаго ректора сказать имъ также слово. Это было на торжественномъ пріемѣ лордомъ-канцлеромъ депутацій отъ иностранныхъ университетовъ и ученыхъ обществъ.

Тогда сэръ Стаффордъ Норскотъ всталъ и сказалъ, что «непростительно, если тотъ, кто пользуется какою-либо властью или авторитетомъ, совершаетъ безпорядокъ» и потому онъ не считаетъ себя въ правѣ сказать какую-нибудь рѣчь. Онъ можетъ только повторить, отъ имени студентовъ, которыхъ онъ ректоръ, глубокую благодарность иностраннымъ гостямъ за прибытіе ихъ въ Эдинбургъ. Этихъ немногихъ словъ достаточно было, чтобъ немедленно заставить молчать увлекшихся студентовъ и воцарилась опять тишина въ залѣ, въ которомъ было не менѣе четырехъ тысячъ присутствующихъ.

VII.

Я окончилъ изложеніе историческаго развитія эдинбургскаго университета и современнаго его состоянія. Позволяю себѣ надѣяться, что тотъ, кто прочелъ со вниманіемъ вышеприведенное, согласится со мною, что эдинбургскій университетъ дѣйствительно имѣлъ самыя вѣскія причины торжествовать свое прошедшее, радоваться настоящему и смотрѣть съ полнымъ довѣріемъ въ ближайшее будущее.

Какъ не торжествовать свой трехсотлѣтній юбилей университету, который изъ незначительной коллегіи превратился въ многолюдный и богатый университетъ, пользующійся полнымъ самоуправленіемъ и всѣми условіями для свободнаго изученія и преподаванія наукъ?

Какъ не гордиться нынѣшнимъ профессорамъ эдинбургскаго

университета своимъ храмомъ науки, въ которомъ дѣйствовали такія личности какъ Брюстеръ, Адамъ Смитъ, докторъ Чомерсъ, Дюгальдъ Стьюардъ, Юнгъ Симсонъ и многіе другіе, нашедшіе въ окружавшемъ ихъ обществѣ глубокое уваженіе къ ихъ трудамъ и личности, а въ студентахъ—любовь къ наукѣ и преданность своимъ профессорамъ?

Наконецъ, какъ не любить эдинбургскимъ студентамъ свой университетъ, какъ имъ не дорожить его судьбою и какъ имъ не ликовать по поводу трехсотлѣтняго его счастливаго существованія, если они съ малолѣтства привыкли почитать то, что составляетъ національную гордость, если они инстинктивно уважаютъ то, что для ихъ родителей дорого и свято и если они твердо вѣрятъ въ тѣ самые культурные и религіозные идеалы, которыми жили ихъ предки?

Эдинбургская молодежь знаетъ, что эти идеалы, привитые ей родителями, утверждались и развивались университетомъ, постоянно помогавшимъ ихъ торжеству. Она сознаетъ, что безъ преклоненія предъ авторитетомъ науки, университета и его преподавателей, она не въ состояніи будетъ исполнить долгъ свой на избранномъ каждымъ жизненномъ пути, ни въ отношеніи близкихъ, ни въ отношеніи родины.

Счастливъ и завиденъ удѣлъ университетской молодежи въ Шотландіи: она еще почитаетъ авторитеты, проникнута вѣрою въ идеальныя цѣли человѣческой жизни и строитъ свою будущность не на пескѣ собственнаго самомнѣнія, но на твердой исторической почвѣ, подготовленной вѣковою культурною работою собственнаго народа и всего человѣчества.

Въ виду такихъ чувствъ и обстоятельствъ понятно, что юбилейное торжество эдинбургскаго университета вышло такимъ искреннимъ и блестящимъ праздникомъ для науки и многочисленныхъ ея представителей, съѣхавшихся въ столицу Шотландіи въ прошломъ апрѣлѣ, праздникомъ, подобный которому трудно найти другой въ исторіи университетскихъ юбилеевъ послѣдняго времени. Чувства уваженія къ эдинбургскому университету, которыя съ восторгомъ высказывалъ весь шотландскій народъ и въ особенности жители Эдинбурга во время празднествъ, вполнѣ раздѣлялись многочисленными иностранцами, прибывшими туда для представленія своихъ поздравленій.

Впрочемъ нельзя не сказать, что необыкновенному блеску эдинбургскихъ праздниковъ значительно содѣйствовали удивительная природная красота города и множество историческихъ памятниковъ, разсѣянныхъ по всему городу. Весьма не много городовъ

въ мірѣ могутъ поспорить, по красотѣ своего мѣстоположенія, съ шотландскою красавицею-столицею. Подъѣзжая къ Эдинбургу со стороны моря (гавани Портобелло), прежде всего бросается въ глаза высокій холмъ (Carlton Hill), на которомъ построена обсерваторія. Этотъ холмъ, вмѣстѣ съ постройками, совершенно напоминаетъ Акрополисъ Аѳинъ, который также скрывалъ отъ взоровъ аѳинскую столицу. Этимъ обстоятельствомъ объясняется почетный титулъ города Эдинбурга: «Сѣверныя Аѳины», данный ему уже давно. Затѣмъ вступивъ на этотъ холмъ, предъ глазами открывается великолѣпная панорама: на-лѣво на высокой горѣ виситъ какъ бы на воздухѣ старая крѣпость и замокъ, въ которомъ совершалась въ продолженіе вѣковъ исторія шотландскаго народа, а на-право тянется прелестнѣйшая улица въ мірѣ, Princess' Street, на которой находятся, съ одной стороны, памятники въ честь Вальтера Скотта, хирурга Симпсона и другихъ, а съ другой самые блестящіе магазины, наполненные всѣми произведеніями современной промышленности и торговли. Разстояніе между памятниками и старымъ замкомъ, непосредственно у подножія котораго начинается старый городъ, и новымъ городомъ съ главною его улицою Princess' Street, занято роскошнымъ садомъ и лужками, которые поднимаются въ верхъ до самыхъ стѣнъ замка.

Трудно себѣ представить, какую великолѣпную картину представляли этотъ садъ, лужки и самый замокъ вечеромъ 18-го (16-го) апрѣля, когда на склонѣ замковой горы въ травѣ горѣли болѣе 2000 разноцвѣтныя плошки, изъ которыхъ составлены были вензеля и монограммы. Когда же все это пространство освѣщалось сотнями ракетъ, римскихъ свѣчей и фальшфейеровъ, картина представлялась дѣйствительно очаровательная.

При такой живописной обстановкѣ всякое празднество должно было уже само по себѣ произвести глубокое впечатлѣніе. Но необходимо прибавить, что это впечатлѣніе значительно увеличивалось при такомъ радушіи и гостепріимствѣ, съ которымъ были встрѣчены иностранные гости. Не только университетъ праздновалъ свой юбилей, но видно было, что всѣ жители города душевно радовались этому торжественному чествованію своего университета и охотно приходили ему на помощь для подобающаго пріема гостей. Всѣмъ приглашеннымъ гостямъ были предложены даровыя квартиры или у профессора, или у другого обывателя города и, насколько мнѣ извѣстно, всѣ эти гости были въ восторгѣ отъ того широкаго гостепріимства и душевной любезности, съ которыми они были приняты въ семействахъ, бывшихъ имъ

совершенно незнакомыми. Между тѣмъ, не мало было такихъ «почетныхъ гостей» эдинбургскаго университета, которые цѣлую недѣлю жили такимъ образомъ на счетъ профессоровъ или обывателей шотландской столицы.

Изъ каждой европейской страны, за исключеніемъ только Испаніи, Турціи и Греціи, были посланы делегаты. Были также делегаты изъ Индіи, Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, Канады и Новаго-Брауншвейга, изъ Африки и въ особенности съ Мыса Доброй Надежды, изъ Бразиліи, Чили и Австраліи. Однимъ словомъ, тамъ была собрана такая коллекція болѣе или менѣе замѣчательныхъ ученыхъ, государственныхъ дѣятелей и заслуженныхъ представителей своихъ близкихъ и далекихъ странъ, которую едва ли прійдется видѣть еще во второй разъ.

Всего были въ Эдинбургѣ делегаты отъ семидесяти-пяти университетовъ и пятидесяти пяти академій и ученыхъ обществъ. Число этихъ делегатовъ доходило до 125. Три русскіе университета, не считая дерптскаго и гельсингфорсскаго, откомандировали своихъ делегатовъ [1]). Понятно, что въ особенности многочисленно были представлены шотландскіе и англійскіе университеты и ученыя общества.

Но кромѣ этихъ делегатовъ университетскими гостями были еще всѣ ученые, общественные и государственные дѣятели, приглашенные имъ въ Эдинбургъ для полученія почетныхъ степеней доктора правъ или доктора богословія. Такихъ лицъ было всего 136, изъ которыхъ 14 должны были удостоиться послѣдней степени, а остальные 112—первой.

Переходя теперь къ описанію самыхъ юбилейныхъ празднествъ, я считаю излишнимъ останавливаться подробно на всѣхъ церемоніяхъ, банкетахъ, завтракахъ и пріемахъ, которыхъ было каждый день нѣсколько. Остановлюсь только на такихъ фактахъ, которые особенно характеристичны для шотландскихъ нравовъ и обычаевъ.

Празднества открылись большимъ раутомъ во вторникъ 15 (3) апрѣля со стороны лорда-провоста и членовъ городского совѣта, устроеннымъ въ эдинбургскомъ музеѣ. На этомъ раутѣ собралось болѣе 4000 человѣкъ, которыхъ всѣхъ принималъ лордъ-провостъ у входа въ главное зало. Здѣсь въ первый разъ могъ я видѣть и познакомиться съ нынѣшнимъ лордомъ-провостомъ Эдинбурга, который въ слѣдующіе дни сидѣлъ всегда въ

---

[1]) Отъ *Московскаго* университета былъ проф. Ковалевскій; отъ *Кіевскаго*—проф. Рахманиновъ и отъ *Петербургскаго*—проф. Д. Н. Менделѣевъ, и Н. П. Минаевъ и я.

своей длинной красной мантіи, отдѣланной горностаемъ, и обращалъ на себя вниманіе не столько маленькимъ своимъ ростомъ и типичною физіономіей, сколько умными и находчивыми рѣчами. Весьма удачна была его рѣчь, сказанная на торжественномъ юбилейномъ банкетѣ въ отвѣтъ на замѣчательно остроумную и талантливую рѣчь лорда Росберри, предложившаго тостъ за здоровье лорда-провоста и магистрата эдинбургскаго. Между тѣмъ, этотъ маленькій лордъ-провостъ, державшійся съ такимъ замѣчательнымъ тактомъ, есть не кто другой какъ мистеръ Гаррисонъ, по ремеслу портной, который, по всей вѣроятности, опять займется своимъ ремесломъ, когда на его мѣсто избранъ будетъ лордомъ-провостомъ другой эдинбургскій обыватель. Но въ настоящее время онъ—«лордъ», и онъ съ честью носитъ этотъ громкій титулъ.

Въ тотъ же самый вечеръ проходилъ по главнымъ улицамъ факельцугъ эдинбургскихъ студентовъ, въ которомъ принимало участіе около 3000 человѣкъ. Это былъ, кажется, первый опытъ, сдѣланный эдинбургскими студентами, перенести въ шотландскій университетъ обычай, выработавшійся въ германскихъ университетахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Германіи факельцуги устраиваются съ большимъ искусствомъ и въ особенности всегда величественъ конецъ его, когда всѣ факелы бросаются вмѣстѣ въ одну кучу и цѣпь окружающихъ этотъ пылающій костеръ становится все тѣснѣе и ближе. Но эдинбургскій факельцугъ также удался вполнѣ, благодаря соблюденію самими студентами образцоваго порядка.

Чтобъ лучше видѣть этотъ факельцугъ, я послѣдовалъ приглашенію одного эдинбургскаго клуба (Capand Gown Club), подъ окнами котораго долженъ былъ остановиться факельцугъ, чтобъ студенты могли пропѣть въ честь своего лорда-ректора, бывшаго также гостемъ этого клуба, любимую студентскую пѣснь: «He's a jolly good fellow». Сэръ Стаффордъ Норскотъ отвѣтилъ рѣчью студентамъ, вставъ съ открытою головою у окна и не обращая вниманія на холодную апрѣльскую ночь и вѣтеръ, дувшій ему прямо въ лицо дымъ отъ нѣсколькихъ тысячъ факеловъ. Не могу не прибавить, что вечеръ, устроенный этимъ клубомъ въ честь приглашенныхъ иностранныхъ гостей, былъ весьма любопытный и характеристичный, потому что въ этомъ клубѣ принято за правило не разрѣшать произнесенія на обѣдахъ или торжествахъ никакихъ рѣчей. Между тѣмъ, представить себѣ въ Англіи или Шотландіи торжественный обѣдъ безъ огромнаго числа спичей, это то же самое, что представить себѣ современную ан-

глійскую палату общинъ безъ сэра Стаффордъ Норскота и лорда Рандольфа Чёрчилля. На всѣхъ бывшихъ въ Эдинбургѣ завтракахъ и обѣдахъ было произнесено столько рѣчей, что приходилось только удивляться и находчивости ораторовъ, и подъ часъ терпѣнію слушателей.

Въ «Capand Gown Club» члены не говорятъ никакихъ рѣчей, но зато даютъ сами драматическія представленія, сами играютъ на разныхъ инструментахъ, сами декламируютъ и сами разсказываютъ à la Горбуновъ. Только члены клуба могутъ участвовать въ этихъ дивертиссементахъ, и то, что мнѣ приходилось видѣть и слышать въ этотъ импровизированный вечеръ, доказало, что члены этого клуба — замѣчательные артисты. Были, между прочимъ, одинъ замѣчательный виртуозъ на шотландской волынкѣ (pipe) и удивительный разсказчикъ юмористическихъ сценъ изъ шотландскаго народнаго быта.

На другой день, въ среду, 16 (4) апрѣля, открылось офиціальное празднованіе самимъ университетомъ своего трехсотлѣтняго юбилея. И такъ какъ всякое дѣло, и всякій день начинается въ Шотландіи молитвою, эти празднества также начались божественною службою въ древнемъ каѳедральномъ соборѣ St. Giles. Всѣ члены иностранныхъ депутацій, вмѣстѣ съ лицами, которыя должны удостоиться почетныхъ степеней, и съ профессорами эдинбургскаго университета собрались въ зданіи прежняго шотландскаго парламента (Parliament Hall) и съ лордомъ-канцлеромъ университета во главѣ отправились процессіею чрезъ площадь въ соборъ между двухъ рядовъ студентовъ, разставленныхъ въ военномъ мундирѣ университетскихъ стрѣлковъ. Картина, которую представляло это шествіе, была по-истинѣ великолѣпная, благодаря чрезвычайному разнообразію костюмовъ и блестящихъ военныхъ и гражданскихъ мундировъ лицъ, участвовавшихъ въ процессіи. На многихъ иностранцахъ были шелковыя мантіи изъ краснаго, голубого и желтаго цвѣта. Въ особенности величественъ былъ академическій костюмъ знаменитаго профессора Макса фонъ-Петтенкофера, состоящій изъ мантіи свѣтло-зеленаго сукна съ темнымъ бархатнымъ большимъ воротникомъ. Члены французской академіи, какъ графъ Лессепсъ, Каро, Пастёръ и другіе, были въ своихъ академическихъ фракахъ, вышитыхъ зелеными лавровыми листьями. Представитель пештскаго университета былъ въ живописномъ мундирѣ венгерскихъ говендовъ. Делегатъ краковскаго университета прибылъ въ театральномъ польскомъ костюмѣ временъ короля Собѣскаго. Англійскіе генералы, какъ Аллисонъ, храбрый и с

особый начальникъ англійской экспедиціонной арміи въ Египтѣ, и генералъ сэръ Генри Раулинсонъ, лучшій англійскій спеціалистъ по вопросамъ Средней Азіи, были въ военномъ мундирѣ. Графъ Нигра и маркизъ Пенедо, посланникъ Бразиліи, въ блестящей дипломатической формѣ. Со всѣми этими живописными академическими и блестящими военными мундирами составляли рѣзкій контрастъ профессора эдинбургскаго университета въ своихъ черныхъ шелковыхъ мантіяхъ и немногіе иностранные делегаты, явившіеся во фракѣ.

Самая служба въ соборѣ отличалась свойственною пресвитеріанской церкви простотою и замѣчательною, по философскому своему содержанію и глубокому смыслу, рѣчью профессора эдинбургскаго университета Флинта, извѣстнаго изслѣдователя философіи исторіи въ историческомъ ея развитіи.

Послѣ окончанія молебствія почти всѣ иностранные гости отправились на завтракъ, устроенный членами медицинскаго факультета на 650 человѣкъ, въ новомъ анатомическомъ театрѣ. Вечеромъ былъ блестящій раутъ въ университетѣ, на которомъ иностранные гости имѣли удовольствіе слышать лучшихъ въ Шотландіи виртуозовъ на волынкѣ, въ ихъ живописнѣйшемъ національномъ костюмѣ.

На другой день, въ четвергъ, 17 (5) апрѣля, происходило главное торжество: торжественный пріемъ иностранныхъ депутацій и возведеніе въ почетное званіе доктора богословія или правъ приглашенныхъ университетомъ почетныхъ гостей. Всѣ были опять въ своихъ вчерашнихъ, болѣе или менѣе блестящихъ мундирахъ, и церемонія началась, когда появился лордъ-канцлеръ университета, лордъ Инглисъ, въ своей черной мантіи, вышитой золотомъ. Предъ нимъ шелъ университетскій «педель» со скипетромъ эдинбургскаго университета. Какъ лордъ-канцлеръ, такъ и всѣми уважаемый принципалъ сэръ Александръ Грантъ и ректоръ университета сэръ Стаффордъ Норскотъ были приняты съ восторгомъ публикою въ 4,000 человѣкъ, собранныхъ въ громаднѣйшей залѣ въ Эдинбургѣ (the Presbyterian Synod Hall).

Открылось это торжественное засѣданіе университета краткою молитвою, сказанною однимъ изъ профессоровъ-богослововъ. Затѣмъ начался пріемъ лордомъ-канцлеромъ депутатовъ иностранныхъ университетовъ, академій или ученыхъ обществъ. Всѣ депутаты, числомъ 130, за исключеніемъ двухъ, ограничились передачею написанныхъ адресовъ и были приняты рукоплесканіемъ со стороны публики.

Затѣмъ началась церемонія возведенія приглашенныхъ великобританскихъ и иностранныхъ гостей въ званіе почетныхъ док-

торовъ богословія (Doctor of Divinity—D. D.) или правъ (Doctor of Laws—LL. D.).

Прежде всего нельзя не замѣтить, что въ эдинбургском университетѣ существуютъ только эти двѣ степени почетнаго доторства. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему всѣ государственные дѣятели, естествоиспытатели, химики, поэты, скульторы были, вмѣстѣ съ юристами, удостоены степени почетнаго доктора правъ, потому что нельзя было возвести ихъ въ звані доктора богословія, отъ котораго многіе изъ нихъ навѣрно отказались бы. Въ одной изъ своихъ рѣчей въ Эдинбургѣ знаменитый профессоръ Гельмгольцъ остроумно замѣтилъ, что онъ произведенъ въ «почетные доктора правъ» или законовъ, хотя никогда юридическихъ наукъ не изучалъ. Но онъ зато старался изучать законы природы и, вѣроятно, за немногія заслуги которыя онъ можетъ имѣть въ раскрытіи естественныхъ наукъ эдинбургскій университетъ удостоилъ его почетнаго званія доктора правъ.

Самая церемонія заключалась въ слѣдующемъ. Сперва деканъ богословскаго, а потомъ деканъ юридическаго факультета произнесли, обращаясь къ лорду-канцлеру, слѣдующую рѣчь: «Имнемъ академическаго сената эдинбургскаго университета, я имѣю высокую честь, господинъ канцлеръ, просить васъ пожаловать по поводу этого памятнаго событія высокую степень доктора правъ длинному ряду знаменитыхъ лицъ (illustrious persons), пріобрѣвшихъ заслуженныя отличія на различныхъ поприщахъ и пришедшихъ сюда изъ всѣхъ частей свѣта, чтобы оказать намъ честь участвовать въ настоящихъ празднествахъ».

Послѣ этой рѣчи деканъ богословскаго факультета вызывалъ по списку тѣхъ, которыхъ университетъ желалъ удостоить степени почетнаго доктора богословія. Обыкновенно предлагающій деканъ произноситъ рѣчь о заслугахъ каждаго отдѣльнаго лица, но при огромномъ числѣ лицъ, которыя въ этотъ разъ удостоились почетной степени, этотъ обрядъ былъ опущенъ. Только въ печатной книжкѣ, розданной всѣмъ присутствовавшимъ, были приведены о каждомъ будущемъ докторѣ богословія или правъ нѣкоторыя данныя относительно его карьеры и трудовъ.

Вызванный на эстраду долженъ былъ имѣть на себѣ докторскую мантію (черную шелковую или изъ краснаго кашемира) и держать въ рукахъ бархатную шапочку и такъ называемый hood, представляющійся по покрою башлыкомъ, концы котораго сшиты. Предъ каждымъ вступившимъ на эстраду канцлеръ вставалъ и, поддерживая надъ головою особенную большую доктор-

скую шляпу, произносилъ слѣдующія слова посвященія въ докторскій санъ: «Именемъ университета и моею собственною властью жалую вамъ высокую степень почетнаго доктора богословія (или правъ»). Вслѣдъ затѣмъ секретарь академическаго сената бралъ изъ рукъ каждаго упомянутый hood и надѣвалъ его чрезъ плечо такимъ образомъ, чтобы самый мѣшокъ, выложенный или бѣлымъ (у богослововъ), или голубымъ (у докторовъ правъ) шелкомъ, приходился на спинѣ, но болѣе съ боку. Наконецъ, рукопожатіе съ канцлеромъ и секретаремъ, и самая церемонія посвященія была окончена. Только по окончаніи ея всѣ новые доктора еще должны были внести собственноручно свои имена въ особенную книгу докторовъ эдинбургскаго университета.

Такимъ образомъ были посвящены 13 лицъ въ званіе почетнаго доктора богословія и 109 въ почетные доктора правъ. Нѣтъ надобности приводить здѣсь имена всѣхъ замѣчательныхъ ученыхъ, писателей и вообще общественныхъ дѣятелей, на долю которыхъ выпала эта высокая честь. Назову только немногія имена: строитель суэзскаго канала Лессепсъ; профессора Вирховъ, Гельмгольцъ, Петтенкоферъ, Гольдшмидтъ, Эльце изъ Германіи; графъ Нигра, Виллари, Кремона, Манчини, нынѣшній итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ, изъ Италіи; кромѣ Лессепса изъ Франціи Пастёръ, Каро и Перро; изъ Бельгіи: Эмиль де-Лавелэ, Ривье, генеральный секретарь института международнаго права, и аббатъ Ренаръ; изъ Россіи: проф. Д. Н. Менделѣевъ и я. Само собою разумѣется, что огромное большинство новыхъ докторовъ были великобританскіе ученые и общественные дѣятели. Съ особеннымъ радушіемъ изъ числа послѣднихъ были приняты публикою историкъ Фриманъ, поэтъ Броунингъ, генералъ Аллисонъ, сѣверо-американскій посланникъ при лондонскомъ дворѣ Лоуэлль, доктора Кэрдъ, Джемсъ Пэджетъ и лордъ-провостъ Гаррисонъ.

Каждый новый почетный докторъ былъ встрѣчаемъ и провожаемъ громкими рукоплесканіями со стороны публики. Съ наибольшимъ энтузіазмомъ изъ иностранцевъ были приняты Пастёръ, Гельмгольцъ, Вирховъ и Лессепсъ. Когда Пастёръ и Гельмгольцъ вышли на эстраду, вся публика встала какъ одинъ человѣкъ, и университетская молодежь съ увлеченіемъ рукоплескала, бросала вверхъ шляпы и махала платками. Такой оваціи удостоились эти великіе изслѣдователи также при другихъ случаяхъ во время эдинбургскихъ празднествъ, и навѣрно, ни они сами, ни присутствовавшіе не забудутъ этихъ минутъ, когда шотландская молодежь выражала такимъ искреннимъ и востор-

женнымъ образомъ свое глубочайшее почтеніе къ этимъ лучшимъ свѣтиламъ современной науки.

Наконецъ остается еще прибавить, что кромѣ всѣхъ прибывшихъ почетныхъ докторовъ правъ, этой самой чести удостоились въ отсутствіи (in absentia) такія замѣчательныя личности какъ историкъ Леопольдъ фонъ-Ранке, поэтъ лордъ Теннисонъ, химикъ Бунзенъ, знаменитые профессора анатоміи Гиртль и Генле, авторъ лучшей исторіи греческой философіи берлинскій профессоръ Целлеръ, члены французской академіи Шоврель и Бусинго (Bousingault) и еще нѣкоторые другіе.

Въ этотъ самый день торжественнаго пріема иностранныхъ депутацій и церемоніи пожалованія почетнаго докторства происходилъ еще юбилейный банкетъ, устроенный университетомъ въ громадномъ манежѣ, убранномъ по этому случаю съ большимъ вкусомъ. По одной стѣнѣ зала тянулась длинная эстрада, на которой сидѣлъ канцлеръ университета и нѣкоторые изъ почетныхъ гостей. Всего участвовавшихъ въ банкетѣ было не менѣе 1,200 человѣкъ, и нельзя было не удивляться тому порядку, съ которымъ все происходило, не смотря на полную непринужденность и оживленность, которыми отличался этотъ банкетъ. По знаку, подаваемому каждый разъ трубачемъ, стоящимъ сзади кресла предсѣдателя-канцлера, говорили спичи и произносили всѣхъ ораторы по печатной программѣ, находившейся въ рукахъ, тосты участниковъ. Всего было 27 ораторовъ, и обѣдъ, начавшійся въ $5^1/_2$ часовъ, окончился во второмъ часу утра при томъ же самомъ порядкѣ, который господствовалъ въ началѣ.

По недостатку мѣста я не могу привести здѣсь даже выписки изъ произнесенныхъ рѣчей, но не могу не сказать, что нѣкоторыя изъ нихъ представляются образцомъ застольнаго ораторскаго искусства. Таковыми представляются въ особенности рѣчи лорда Росберри, сэра Стаффорда Норскота и американскаго посланника Лоуэлля.

Наконецъ наступилъ четвертый и послѣдній день юбилейнаго торжества. Въ этотъ день утромъ происходило собраніе эдинбургскихъ студентовъ въ вышеупомянутой Presbyterian Hall, на которомъ нѣкоторые гости, по просьбѣ студентовъ, согласились сказать имъ рѣчи. На этомъ собраніи опять были восторженно приняты Лессепсъ, Пастёръ, Гельмгольцъ и Вирховъ, изъ которыхъ каждый говорилъ что-нибудь изъ своей собственной жизни или развивалъ, какъ это сдѣлалъ Вирховъ, свою точку зрѣнія на извѣстную научную теорію, напр., на дарвинизмъ. Наконецъ вечеромъ иностранные гости опять были гостями сту-

дентовъ на устроенной ими вечеринкѣ, названной ими греческимъ словомъ «симпозіонъ» и что въ германскихъ университетахъ называется «Commers». Здѣсь опять было произнесено нѣсколько импровизированныхъ рѣчей, но было гораздо больше охотниковъ говорить рѣчи, нежели оказалось времени.

Таковы были главнѣйшія празднества, которыми эдинбургскій университетъ ознаменовалъ свое трехсотлѣтнее существованіе. Кромѣ вышеприведенныхъ церемоній и банкетовъ, было еще каждый день нѣсколько раутовъ, устроенныхъ корпораціей адвокатовъ, къ которой принадлежатъ всѣ профессора юридическаго факультета эдинбургскаго университета, королевскою академіей художествъ, отдѣльными почетными лицами. Были фейерверкъ и балы; было и состязаніе студентовъ въ игру въ «foot-ball» и концертъ профессора музыки университета на органѣ; былъ утренній завтракъ въ обществѣ хирурговъ и были экскурсіи для обозрѣнія знаменитаго дворца Holyhood Palace, въ которомъ жила злополучная Марія Стюартъ и гдѣ разыгралась кровавая драма смерти Риччи.

Понятно, что послѣ такой праздничной недѣли уже необходимость отдыха заставила огромное большинство гостей эдинбургскаго университета покинуть шотландскую столицу немедленно по окончаніи въ пятницу 18 (6) апрѣля юбилейныхъ торжествъ.

Надѣюсь, что это сжатое описаніе эдинбургскаго университетскаго праздника въ состояніи дать нѣкоторое понятіе о томъ, что въ дѣйствительности происходило. Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ въ томъ, что всѣ присутствовавшіе на этихъ празднествахъ вынесли изъ гостепріимной шотландской столицы самыя искреннія чувства уваженія къ народу, который въ состояніи такимъ образомъ чествовать свой храмъ науки. Нельзя было не замѣтить какъ «популяренъ» эдинбургскій университетъ у мѣстнаго населенія и съ какою гордостью и любовью шотландцы, даже не бывшіе въ университетѣ, говорятъ объ его высокомъ значеніи для культурнаго развитія шотландскаго народа и гражданской его жизни.

Университетъ, окруженный со всѣхъ сторонъ такою любовью и преданностью его интересамъ, можетъ только развиваться и процвѣтать и спокойно смотрѣть въ будущее. Безъ этой увѣренности въ будущемъ не можетъ ни развиваться наука, ни установиться правильная университетская жизнь.

Ф. Мартенсъ.

ОТЪ СКУКИ.

I.

Могучій продолжительный свистокъ пронесся надъ Волгой и долетѣлъ до убогаго уѣзднаго городка, ушедшаго отъ Волги на гору. Два-три извощика во всю прыть поскакали къ берегу. На конторкѣ американскихъ пароходовъ засуетились. Расторопный околодочный торопливо прошелъ между полѣнницами дровъ, сложенныхъ на берегу, покручивая длинные залихватскіе усы и поправляя шашку. Немногочисленные пассажиры кинулись къ своимъ узелкамъ и мѣшкамъ.

Пароходъ убавилъ ходу и, мѣрно хлопая громадными колесами, бокомъ подходилъ къ пристани. Капитанъ-нѣмецъ, какъ угорѣлый, метался по трапу, крича и размахивая руками. Застучали о крышу конторки чалки... Пароходъ всколыхнулся въ послѣдній разъ, шумно, продолжительно вздохнулъ и сталъ.

Съ парохода сошло немного народа: человѣкъ десять оборванныхъ, грязныхъ жнецовъ съ обвязанными тряпками серпами, и двѣ барыни, за которыми матросы тащили чемоданы, узелки, картоны, корзины. Завидѣвъ ихъ, околодочный кинулся предупредительно очищать дорогу. Барыни прошли въ залъ.

— Спасибо, Митрофанъ Павловичъ,—поблагодарила околодочнаго высокая, полная барыня.—Все ли благополучно у васъ?

— Слава Богу-съ... Михалъ Авреліанычъ въ уѣздѣ... мнѣ поручили васъ встрѣтить.

— А-а!—зѣвнула барыня.

— Вотъ и доѣхали, Анна Ивановна,—обратилась она къ своей спутницѣ.

Спутница ея, болѣзненно-тучная пожилая женщина, окутанная, несмотря на тридцатиградусную жару, нѣсколькими платками, промычала что-то въ отвѣтъ. Сосредоточенно поджавъ губы, пересчитывала она свои узелки и картоны.

— Митрофанъ Павлычъ! голубчикъ!—всполохнулась вдругъ она:—ковровый мѣшокъ я забыла... тамъ, въ дамской каютѣ... Отыщите, батюшка, ради Бога!

Околодочный, все время стоявшій у двери и молодцовато крутившій усы, красиво наклонилъ голову въ знакъ готовности и ринулся на пароходъ. Исправница подошла къ окну.

— Ахъ, отшельникъ! отшельникъ!—заволновалась она вдругъ. —Онъ, значитъ, сюда тоже ѣхалъ... Анна Ивановна! да посмотрите же!—крикнула она капризно.

Анна Ивановна нехотя подошла къ окну. Съ парохода по длиннымъ msосткамъ шелъ высокій, слегка сутуловатый молодой человѣкъ съ смуглымъ, слегка загорѣлымъ лицомъ, темными глазами, задумчиво и какъ-то нерѣшительно смотрѣвшими черезъ очки, и темной бородкой.

— Красавецъ! чистокровный брюнетъ!—восторгалась исправница.

Анна Ивановна окинула его испытующимъ взглядомъ.

— Одѣтъ-то онъ не очень... не важная, видно, птица,— возразила она лѣниво.

— Ахъ, что вы! что вы! лѣтняя пара, пледъ черезъ плечо, соломенная шляпа съ широкими полями, чемоданъ въ рукѣ... Ахъ, это прелесть! Знаете, что? Онъ похожъ на англичанина, на путешественника!

— Англичане рыжіе,—замѣтила Анна Ивановна наставительно.

— Не всѣ... есть и темные... Ахъ, еслибы Митрофанъ Павлычъ былъ здѣсь—я бы непремѣнно заставила его узнать— кто это... Можетъ быть, онъ сюда зайдетъ? а?

— Кто? Митрофанъ Павлычъ-то? Конечно, зайдетъ, не понесетъ же онъ мѣшокъ...

— Да нѣтъ! брюнетъ-то нашъ? А? какъ вы думаете? зайдетъ?

— Мнѣ-то что? зайдетъ, такъ зайдетъ...

— Нѣтъ, пошелъ къ извощикамъ... Анна Ивановна! поѣдемте и мы!

— Какъ же мѣшокъ-то?

— Митрофанъ Павлычъ потомъ принесетъ... Голубушка, поѣдемте!

Анна Ивановна уступила и начала собираться. Но незнакомецъ сѣлъ на извощика и уѣхалъ.

— Нѣтъ ужъ, опоздали,—сказала исправница съ досадой.

— Митрофанъ Павлычъ! Митрофанъ Павлычъ! да идите же скорѣе!—крикнула она въ окно околодочному.

— Не знаете, кто это пріѣхалъ—въ очкахъ и съ пледомъ?

— А! я тоже заинтересовался имъ... Новый учитель въ уѣздное училище...

— А-а!—протянула исправница разочарованно.—Поѣдемте, Анна Ивановна,—добавила она, вздохнувъ.

— Вотъ вамъ и англичанинъ!—ворчала Анна Ивановна, собираясь:—я сразу увидала, что пьяница, только вамъ не сказывала.

II.

Евгеній Александровичъ Корневъ,—такъ назывался пріѣзжій,—оставилъ въ дрянной грязной гостинницѣ на берегу чемоданъ, вмѣщавшій все его имущество, и поспѣшилъ разыскивать училище, помѣщавшееся «въ городѣ», какъ сказалъ ему грязный половой съ подбитымъ глазомъ и грязной салфеткой подъ мышкой. Тревожно было у него на душѣ, когда онъ пробирался немощеными улицами. Цѣлый рой вопросовъ, предположеній проносился у него въ головѣ—и это было вполнѣ естественно: онъ много слышалъ объ уѣздныхъ учителяхъ и, правду сказать, слышалъ больше дурного, чѣмъ хорошаго.

«Кто смотритель?—думалъ онъ.—Можетъ быть, это заплѣсневѣвшій старикъ, дослуживающій вторую пенсію, въ родѣ знакомаго ему директора гимназіи, или онъ немолодой уже, но юный душой, человѣкъ не позабывшій еще старыя университетскія преданія. Кто товарищи? Можетъ быть, это хорошіе, честные люди, изъ «неудачныхъ».—Корневу рисовались уже картины дружной жизни, дружной дѣятельности, направленной на пробужденіе «соннаго царства», какъ онъ мысленно обозвалъ городъ.—Можетъ быть, смотритель семейный человѣкъ,—славно будетъ отдохнуть у него подъ звуки фортепіано... Жена смотрителя, конечно, занимается музыкой: всѣ уѣздныя барышни занимаются ею».

Объ N-скомъ обществѣ Корневъ думалъ мало. Общество, какъ общество. Притомъ же онъ слышалъ, что уѣздные учителя рѣдко живутъ общественной жизнью, что въ обществѣ за ними установилась репутація пьяницъ, что съ ними неохотно знакомятся. Грустная улыбка мелькнула на губахъ Корнева.

— Нечего сказать, пріятно пользоваться такой репутаціей, —сказалъ онъ вслухъ. Впрочемъ, репутація эта, можетъ быть, и не заслужена. Конечно, учителя иногда выпиваютъ... хоть бы

о скуки, какъ говорятъ обыкновенно, но это не значитъ, что ни пьянствуютъ. Онъ постарается тѣснѣе сойтись съ товарищами. Можно что-нибудь выписывать вмѣстѣ и вмѣстѣ же читать. Вообще онъ постарается какъ-нибудь поразнообразить скучную захолустную жизнь. Любительскіе спектакли, напр... Люди на маякѣ—и то живутъ цѣлые годы.

«Не всѣ»,—вспомнилось Корневу.

«Что же изъ этого? — поспѣшилъ онъ себя ободрить. Главное дѣло—годъ, только годъ мнѣ здѣсь прожить, а тамъ снова университетъ, товарищи, большой городъ»...—Да когда же, наконецъ, я доберусь до «города»!—сказалъ онъ вслухъ.

Былъ полдень. Іюльское солнце щедро осыпало своими лучами убогій городокъ. Тихо было въ немъ. Пароходъ ушелъ—и ничто больше не нарушало соннаго, захолустнаго безмолвія. Обыватели сидѣли по домамъ, чиновники корпѣли еще въ своихъ присутствіяхъ. Даже ребятишекъ не было слышно, черными точками мелькали они у Волги, на ослѣпительно-бѣлой песчаной отмели, залитой тепломъ и свѣтомъ. Корневъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на покосившіеся домишки, на подпертые кольями заборы, на траву по серединѣ улицъ. Черезъ отворенныя ворота видѣлъ онъ сохи, бороны, телѣги. Лишь нѣсколько улицъ напоминали городъ крашеными крышами, вывѣсками, тумбами и дремавшими извощичьими лошадьми.

— Это «городъ», что ли?—спросилъ Корневъ у встрѣчной старухи.

Старуха внимательно посмотрѣла на него изъ-подъ ладони.

— Городъ, батюшка, городъ!

Корневъ еще разъ взглянулъ на вывѣски, на тумбы...

— Городъ, точно,—согласился онъ наконецъ.

На углу двухъ улицъ Корневъ остановился. Передъ нимъ стоялъ семиоконный деревянный домъ, слегка покачнувшійся на бокъ. Тесовая крыша поросла мохомъ. Надъ ветхимъ крылечкомъ красовалась полинявшая голубая вывѣска съ золотымъ орломъ на верху. Одна лапа у орла была переломлена и безжизненно болталась въ пространствѣ. На крылечкѣ, залитомъ солнцемъ, сидѣлъ весьма суроваго вида солдатъ. Все его красное морщинистое лицо заросло громадными усами и сѣдой, колючей щетиной. Солнце его пригрѣло; на колѣняхъ у него лежалъ большой арбузъ, который онъ лѣниво ковырялъ сломаннымъ ножомъ; около него, на ступеняхъ крыльца, лежала трубка съ мѣдной крышкой. Все это, вмѣстѣ взятое, давало право каждому постороннему наблюдателю заключить, что старикъ былъ въ данную

минуту очень доволенъ, и потому неудивительно, что онъ только мелькомъ взглянулъ на Корнева и погрузился въ прежнее занятіе.

— Кавалеръ, а кавалеръ!—обратился къ нему Корневъ.

Старикъ бросилъ на него сердитый взглядъ изъ-подъ нахмуренныхъ сѣдыхъ бровей.

— Чего надо?

— Здѣсь, что ли, въ училище пройти?

— Тебѣ чего надо?

— Смотрителя бы надо повидать, — отвѣтилъ, улыбаясь, Корневъ.

— Смотрителя у насъ съ полгода ужъ нѣтъ—исправляющій вмѣсто него, Иванъ Филипычъ...

— Ну, хоть исправляющаго, если ужъ настоящаго нѣтъ.

Старикъ снова окинулъ его взглядомъ и отодвинулся къ сторонкѣ.

— Проходи!—разрѣшилъ онъ отрывисто, снова принимаясь за арбузъ.

Корневъ вошелъ на крыльцо и по галлереѣ обогнулъ домъ. По пути онъ безуспѣшно пытался отворить нѣсколько дверей. Наконецъ, одна дверь, обитая ободранной клеенкой, поддалась, и онъ проникъ въ комнату, похожую на переднюю своимъ мрачнымъ видомъ и вѣшалками. Его охватилъ спертый затхлый воздухъ. Откуда-то изъ дальней комнаты слышались голоса, нестройный веселый смѣхъ, изъ котораго порой вырывался молодой, звонкій хохотъ, или старческое хихиканье, или сдержанный, благовоспитанный смѣшокъ. Корневъ раздѣлся и съ нѣкоторымъ волненіемъ пошелъ на голоса. Половицы подъ его шагами гнулись и жалобно скрипѣли. Стеклянные шкафы съ книгами дребезжали и звенѣли имъ въ отвѣтъ.

Въ небольшой комнатѣ, тоже уставленной шкафами, сидѣли вокругъ стола священникъ и двое учителей. Высокій худощавый старикъ то останавливался у стола, то ходилъ изъ угла въ уголъ. Всѣ были веселы. Всѣхъ оживлялъ молодой человѣкъ въ потертомъ сѣренькомъ пиджачкѣ съ бархатнымъ воротникомъ, безъ галстуха, съ огромной массой рыжеватыхъ кудрей надъ высокимъ выпуклымъ лбомъ, съ молодымъ, свѣжимъ лицомъ, покрытымъ веснушками. Онъ что-то разсказалъ передъ этимъ и всѣ еще смѣялись.

— Ну, и взяли?—спрашивалъ, звонко, неудержимо хихикая, священникъ, высокій худощавый человѣкъ съ нѣсколькими волосками на кругломъ, полномъ лицѣ.

— Ну, и взяли! — хохоталъ молодой человѣкъ.

Всѣ притихли при входѣ Корнева. Разсказчикъ спрыгнулъ со стола, опрокинулъ груду рисунковъ, сложенныхъ стопою, и поднялъ воротникъ пиджака. Яркая краска такъ и разлилась по его лицу. Священникъ заботливо запахнулъ рясу и полу-приподнялся на стулѣ.

— Не новый ли инспекторъ? — мелькнуло у него въ головѣ.

— Извините, господа, кажется, помѣшалъ? — поклонился слегка застѣнчиво Корневъ. — Кто изъ васъ исправляетъ должность смотрителя?

Старикъ, ходившій изъ угла въ уголъ, остановился противъ него. Корневъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

И въ самомъ дѣлѣ, фигура смотрителя, и его лицо были замѣчательны. Казалось, что передъ вами не живой человѣкъ, а мумія, Богъ вѣсть, откуда выкопанная. Большой нависшій лобъ былъ изрѣзанъ глубокими морщинами, землистыя щеки поросли, какъ мхомъ, сѣдой щетиной и были до-нельзя впалы; про такія щеки говорятъ, что «щека щеку ѣстъ»; длинный, тонкій крючковатый носъ былъ синеватаго цвѣта; изъ ввалившагося рта, прикрытаго тонкими высохшими губами, глядѣли черные, мелкіе зубы. Темные, большіе, блестящіе глаза, пытливо смотрѣвшіе изъ-подъ густыхъ щетинистыхъ бровей, дѣлали его похожимъ на стараго филина; сходство еще увеличивалось длинными мохнатыми руками съ длинными крючковатыми пальцами, когти которыхъ превратились въ настоящіе когти хищной птицы. Одѣтъ былъ смотритель въ виц-мундиръ, сшитый, вѣроятно, при поступленіи на службу. Казалось, что выведи смотрителя на свѣжій воздухъ, на вѣтерокъ — и отъ него, и отъ виц-мундира не останется ничего, кромѣ облака гнилой пыли, какая столбомъ поднимается къ небу, когда рухнетъ старое деревянное зданіе подъ ударами плотниковъ.

— Я ужъ настоящій смотритель — сегодня утвержденъ... Что вамъ, милый мой, угодно? — прошамкалъ смотритель.

Корневъ отрекомендовался.

— Назначенъ къ вамъ учителемъ математики, — добавилъ онъ.

— Ну, что же? Хорошо... А я — Иванъ Филипычъ Веймаръ, кандидатъ физико-математическихъ наукъ...

Смотритель вцѣпился въ руку Корнева своими когтями. Низенькій кругленькій человѣчекъ съ кругленькимъ полнымъ личикомъ, толстыми, рыжими усами и сѣрыми глазками съ достоинствомъ приподнялся со стула.

— Учитель русскаго языка, Александръ Петровичъ Олинъ, —

сказалъ онъ хриплымъ, но пріятнымъ голоскомъ, крѣпко тряс руку Корнева. Отъ всего его существа такъ и вѣяло чистото приличіемъ и порядкомъ.

Священникъ объявилъ, что онъ—законоучитель Астраха скій. Молодой человѣкъ, краснѣя, сунулъ Корневу широку какъ печной заслонъ, руку и отрекомендовался учителемъ истор и географіи Дыхляевымъ. Нѣсколько времени помолчали.

Корневъ присѣлъ къ столу же на продавленный сту стулъ покачнулся, и Корневъ чуть не упалъ. Дыхляевъ поба ровѣлъ, строя невозможныя гримасы, наконецъ не удержался расхохотался во всю мощь молодого горла. Глядя на него, Ко невъ невольно улыбнулся. Брюшко Олина тряслось отъ внутре няго смѣха; наконецъ и онъ разсмѣялся.

— Охъ вы, зараза!—погрозилъ онъ Дыхляеву пальцемъ.

Дыхляевъ пересталъ уже смѣяться и смущенно посматр валъ на Корнева.

— Ну, такъ и взяли васъ?—спросилъ Олинъ, чтобы зам неловкую, какъ онъ думалъ, выходку товарища.

Дыхляевъ снова разсмѣялся.

— Что такое, господа?—спросилъ Корневъ.

Дыхляевъ покраснѣлъ и добродушно махнулъ рукой.

— Да все надо мной смѣются...

— Разскажите, Петръ Васильевичъ, разскажите по поряд хи, хи, хи!—заерзалъ по стулу Астраханскій.

— Да что разсказывать?—проговорилъ Дыхляевъ скон женно, обращаясь больше къ Корневу.—Жарко мнѣ вчера по залось—я и вышелъ прогуляться... Ну, нѣсколько того... пото что наканунѣ 20-го... А тутъ, какъ на грѣхъ, обходъ шелъ. Подцѣпили меня... Только и всего.

— Въ полиціи ночевалъ!—залился Астраханскій:—утро полицейскаго за платьемъ посылали!

Дыхляевъ краснѣлъ и добродушно улыбался. Разговоръ оп оборвался, какъ это часто бываетъ при первыхъ знакомства Олинъ, игравшій, очевидно, роль первой скрипки въ мален комъ оркестрѣ, прервалъ молчаніе.

— Вы бы, Иванъ Филиппычъ, хоть чаемъ угостили на ради сегодняшнихъ событій,—предложилъ онъ смотрителю, л каво подмигивая остальнымъ.

Веймаръ остановился.

— Событія?! какія событія, милый мой?—спрашивалъ он недоумѣвая.

— Какъ какія? Цѣлыхъ два: смотрителемъ васъ утвердили — разъ, товарищъ новый пріѣхалъ—два...

Веймаръ пожевалъ губами и посмотрѣлъ на Корнева.

— Съ барынями ѣхали?—спросилъ онъ его отрывисто.

Корневъ удивленно уставился на него, не понимая, къ чему онъ клонитъ рѣчь.

— Что у васъ на лбу-то?

Корневъ ощупалъ небольшой прыщикъ.

— Отъ жару, вѣроятно...

Веймаръ торжествующе улыбнулся.

— Барыни на васъ глядѣли... Кривой магнитизмъ.

Дыхляевъ махнулъ рукой и расхохотался. Веймаръ опять пожевалъ губами и посмотрѣлъ на изумленнаго Корнева.

— А-а! вы говорили, Александръ Петровичъ, два событія. Хорошо, милый мой, хорошо! идемте, идемте,—вспомнилъ онъ.

Помѣщеніе смотрителя отдѣлялось отъ классовъ длиннымъ коридоромъ и состояло изъ нѣсколькихъ комнатъ. Загажены были комнаты до невѣроятія. Мебели почти не было, да и бывшая была вся поломана. Корневъ изумленно посматривалъ кругомъ.

— Каковъ жидоморъ! и стряпаетъ самъ, и на базаръ самъ ходитъ,—шепнулъ ему Олинъ.

Веймаръ занималъ лишь одну комнату, которую мели, казалось, мѣсяцъ тому назадъ. Кромѣ кровати, стола и трехъ стульевъ въ комнатѣ ничего не было. Надъ кроватью, покрытой старымъ шерстянымъ одѣяломъ, висѣла связка луку.

— Это онъ закусываетъ имъ,—шепнулъ опять Корневу Олинъ.

— Садитесь, милый мой, садитесь,—приглашалъ Веймаръ учителей.

Самъ онъ проскользнулъ въ другую комнату и воротился оттуда въ изношенномъ до-нельзя драповомъ пальто, которое играло роль халата. Замѣтивъ, что Корневъ и Дыхляевъ стоятъ, онъ осторожно снялъ со стула большой элементъ Даніэля.

— Опытами занимаетесь?—спросилъ Корневъ.

— Э! нѣтъ, милый мой... Лечусь, отъ кривого магнитизма лечусь... Захварываю иногда. Э, милый мой, думаю: барыня посмотрѣла, кривой магнитизмъ! Пущу токъ и ничего!

— Я и окно загородилъ,—указалъ онъ на рамы. Нижнія части рамъ были закрыты желѣзными листами.

— Но вѣдь желѣзо хорошій проводникъ электричества,—улыбнулся Корневъ.

— Э, милый мой, нѣтъ! Кривой магнитизмъ изъ глазъ ис-

ходитъ, а глаза сквозь желѣзо не видятъ!—возражалъ Веймар съ торжествующей улыбкой.

— Откуда вы узнали про кривой магнитизмъ? — не уде жался Корневъ.

— Э! я спиритъ... Вы тоже спиритъ?

— Нѣтъ.

— Неужели, милый мой! Всѣ образованные люди спириты Жаль, жаль... Вотъ и они не спириты, — кивнулъ онъ голов на прочихъ учителей.

Олинъ нетерпѣливо барабанилъ пальцами по столу и жималъ плечами. Веймаръ посмотрѣлъ на него, пожевалъ бами, затѣмъ быстро нагнулся и вытащилъ изъ-подъ кров четверть водки и нѣсколько рюмокъ.

— Не спириты, а спиртъ любятъ,—замѣтилъ онъ отрыви Корневу.—Да! такъ мнѣ духи сказали,—началъ онъ прерван разговоръ.—А знаете, гдѣ они живутъ? – Лицо Веймара озари счастливой улыбкой.—Ау! въ Скалистыхъ горахъ—вонъ гдѣ! какъ быстро долетаютъ они сюда—въ 20 часовъ! Ау! Они мнѣ писву разъ оставили вотъ на этомъ столѣ.—«Мы, говорятъ, стоянно около васъ, а вы насъ не знаете». Собирался-был къ нимъ... Да нѣтъ! Старъ сталъ... и денегъ на проѣздъ ин надо...

Веймаръ умолкъ и безцѣльно уставился въ пространст жуя губами. Корневу стало жаль старика.

— Давно вы кончили курсъ?—спросилъ онъ.

Лицо Веймара опять озарилось счастливой улыбкой.

— Про Лобачевскаго слыхали? Ау! при немъ учился! Хоро время было,—добавилъ онъ задумчиво.

Корневъ тоже задумался, глядя на него и прочихъ сосл живцевъ, подсмѣивавшихся надъ Веймаромъ.

«Гоголевскіе типы»,—мелькнуло у него въ головѣ.

III.

Отецъ Корнева былъ несчастнымъ дьячкомъ гдѣ-то въ счастномъ захолустномъ селѣ. Черезъ все прошелъ Евгеній Ал сандровичъ—отвѣдалъ онъ и бурсы, и пѣвчества, но пробра въ университетъ. Онъ собирался уже кончать, когда случил исторія и ему пришлось выйти съ 4-го курса. Онъ не па духомъ. Годъ невольнаго отлученія отъ университета рѣшил онъ провести въ уѣздныхъ учителяхъ, а тамъ снова поступи

кончить. Жизнь въ уѣздномъ глухомъ городѣ пугала его, но онъ старался ободрять себя.—Есть же и тамъ люди,—возражалъ онъ, знавшимъ захолустья,—учителя, врачи... Наконецъ, у меня будетъ живое дѣло.—Познакомившись съ товарищами, онъ ужаснулся, но тотчасъ же поспѣшилъ себя успокоить: «первому впечатлѣнію не нужно поддаваться»,—говорилъ онъ всегда. Но затѣмъ онъ познакомился съ мѣстнымъ обществомъ. Произошло это очень просто. Однажды всѣ учителя собрались опять у Веймара. Скучно было. Дыхляевъ и Олинъ апатично пили, Корневъ курилъ папиросу за папиросой, а Веймаръ, по обыкновенію, мѣрялъ комнату большими шагами.

— Что это, господа, какъ жизнь однообразно идетъ,—пожаловался Корневъ.—Давайте хоть вечеръ литературный устроимъ, что ли...

— Прекрасная мысль! Хе-хе-хе!—засмѣялся Олинъ.—Кто читать будетъ?

— Мы, конечно...

— Ну, на насъ двѣ работы навалить нельзя! и читать мы, и слушать мы же! Помилуйте!

— Какъ это: «и слушать мы же»?

— Да очень просто: не пойдетъ никто.

— Почему?

— Потому что некогда, въ преферансъ играть надо,—вмѣшался Дыхляевъ.

— Да вы пробовали или нѣтъ?—спросилъ Корневъ почти печальчиво.

— Мы-то не пробовали—не такъ ужъ наивны, а былъ здѣсь года два тому назадъ молодецъ въ родѣ васъ,—тотъ пробовалъ...

— Ну, и что же? никто не пришелъ?

— Какъ никто! Мы всѣ были... Помните, Иванъ Филипычъ?

— Помню, милый мой, помню... На другой день никто въ училищѣ не былъ.

— Перепились!—пояснилъ Дыхляевъ.—Кочетковъ съ горя, что вечеръ не удался, а мы за компанію.

— А любительскій спектакль можно устроить?—спросилъ Корневъ, нѣсколько помолчавъ.

— Спектакль можно,—согласился Олинъ иронично.—Кто играть будетъ?

— Мы можемъ...

— И женскія роли мы?

— Т.-е. вы хотите сказать, что нельзя найти любительницъ?

— Именно, именно это хочу сказать. Развѣ можно объяс-

няться въ любви при народѣ, хотя и на сценѣ? Да всякая барыня, со стыда сгоритъ! А барышнямъ сверхъ того и маменьки не позволятъ.—Олинъ говорилъ злобно, рѣзко. Дыхляевъ сочувственно покачивалъ головой.

— Видно, батенька, что вы, въ нѣкоторомъ родѣ, изъ столицы пріѣхали,—перешелъ Олинъ въ свой обыкновенный, ласковый и нѣсколько слащавый тонъ.—Во всемъ это видно. Помилуйте! постоянно въ глаженой сорочкѣ! Поносишь ее дня три-четыре—смотришь, надо чистить, а это гривенничекъ стоитъ. Вамъ, молодымъ людямъ, это еще туда-сюда, а для нашего брата вотъ эта штука самая подходящая статья.—Олинъ указалъ на черную коленкоровую манишку съ пришитымъ къ ней галстухомъ. Корневъ промолчалъ.—И замашки у васъ вообще столичныя. Слушалъ я вчера вашъ урокъ. Вдругъ слышу: «господа, приготовьте къ слѣдующему уроку тройное правило». Это мальчишки-то—господа!

— Что же вы находите здѣсь страннаго?—спросилъ Корневъ сухо.

— Какъ что! помилуйте! вѣдь, слово «господинъ» что̀ значитъ!

— А-а-ахъ!—зѣвнулъ Дыхляевъ такъ громко, что Веймаръ остановился, и уставился на него, посмѣиваясь.

— Ну, затянулъ! Теперь на весь вечеръ пойдетъ,—проворчалъ Олинъ недовольно.

Но Дыхляевъ вдругъ крикнулъ:

— Ура!

— Кривой магнитизмъ,—прошамкалъ Веймаръ.

Дыхляевъ вскочилъ съ кровати, на которой сидѣлъ, схватилъ Олина за талію и закружился съ нимъ по комнатѣ.

— Петръ Васильичъ, оставьте! что за шутки! вы меня всего изомнете!—отбивался Олинъ.

Дыхляевъ продолжалъ молча кружиться. Олинъ покраснѣлъ отъ натуги, стараясь освободиться изъ медвѣжьихъ объятій.

— Да оставьте, вамъ говорятъ!—крикнулъ онъ сердито.

— У насъ нынѣ имянины,—запѣлъ въ тактъ Дыхляевъ, совсѣмъ не замѣчая усилій своего коллеги.

Олинъ пересталъ сопротивляться. Передъ его мысленными очами мелькнула выпивка, закуска... Въ воздухѣ, казалось, вдругъ запахло горячимъ пирогомъ.

— У кого?—спросилъ онъ мягко.

Дыхляевъ разжалъ руки, кинулся на постель и перекувыркнулся.

— Охъ! У Стебельковскаго... Судебный слѣдователь,—добавилъ онъ, обращаясь къ Корневу.

Олинъ оправился.

— Пойдемте, Евгеній Александрычъ! и познакомитесь тамъ кстати. А то неловко даже: человѣкъ почти мѣсяцъ живетъ въ городѣ—и ни съ кѣмъ незнакомъ.

Корневъ призналъ этотъ укоръ отчасти справедливымъ. Нельзя сказать, чтобы у него совсѣмъ не было знакомствъ, но знакомства эти были случайныя, шапочныя. Сказать по правдѣ, первыя впечатлѣнія отъ новыхъ знакомыхъ отбивали у Корнева охоту знакомиться тѣснѣе, но все-таки онъ не рѣшался совсѣмъ махнуть рукой на общество.

— Удобно ли мнѣ будетъ сразу явиться на имянины?— возразилъ Корневъ.

— Да ничего! у насъ народъ простой!

Имянины были въ полномъ разгарѣ.

Человѣкъ тридцать народу толпилось въ двухъ не особенно просторныхъ комнатахъ. Гамъ нѣсколько утихъ, когда пришли учителя, но игроки (играли на трехъ столахъ) не оставили своего дѣла и азартно спорили.

— Семь червей надо было играть! — горячился хозяинъ, пожилой, лысый и тучный господинъ.

— Ни-и въ какомъ случаѣ! черви просто,—возражалъ ему спокойно длинный почтмейстеръ.

Призвали, въ качествѣ третейскихъ судей, сосѣднихъ игроковъ. Раскладывали карты, пускались въ тонкія соображенія, обязательно начинавшіяся словами: «если бы»...

Въ пылу спора хозяинъ на-скоро сунулъ руку Корневу и кивнулъ головой на столъ съ закуской и винами.

— Употребляйте... Мы люди простые,—бросилъ онъ мимоходомъ.

У стола собралась уже кучка. Аптекарь, лысый мужчина съ темно-багровой жилой, надувшейся поперегъ широкаго лба, разсказывалъ анекдотъ, оглядываясь на дверь въ сосѣднюю комнату.

— «Ну,—спрашиваетъ патеръ:— что такое душа»? Молчатъ.

— Душа — существо невидимое. Видѣлъ кто изъ васъ душу?

— Видѣлъ!—крикнулъ аптекарь тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ.

— Гдѣ ты ее видѣлъ, дуракъ?

Аптекарь еще разъ оглянулся на дверь и вполголоса докончилъ анекдотъ. Громкій раскатистый хохотъ раздался кругомъ, и Дыхляевъ долго еще прыскалъ со смѣху и трясся на стулѣ. Самъ аптекарь уморительно присѣдалъ и хлопалъ себя то по головѣ, то по колѣнямъ. Онъ началъ другой анекдотъ, еще болѣе

понизивъ голосъ, еще чаще оглядываясь на дверь. Корневъ отошелъ къ окну. Около окна сидѣлъ уже другой судебный слѣдователь Пуховъ и жадно вдыхалъ свѣжій воздухъ. Совсѣмъ пьяный помощникъ исправника съ грязнымъ небритымъ лицомъ и черными нахальными глазами сидѣлъ рядомъ съ нимъ и не то бранилъ, не то убѣждалъ въ чемъ-то.

— Да вѣдь ты, животное, любишь ее?

— Лю-юблю,—мычалъ Пуховъ въ отвѣтъ, улыбаясь пьяной добродушной улыбкой.

— Предложеніе дѣлалъ?

— Н-нѣтъ еще.

— И не сдѣлаешь! потому что—баба.

— Кто? я? Сдѣлаю,—оживился вдругъ Пуховъ.

— Гдѣ тебѣ! у тебя языкъ не поворотится!

— Сейчасъ сдѣлаю!—разгорячился Пуховъ.

Онъ поправилъ рѣдкіе волосы, передвинулъ пенснэ и колеблющимися шагами направился въ сосѣднюю комнату.

— Пуховъ идетъ предложеніе дѣлать! Господа! идемте смотрѣть,—зашепталъ помощникъ исправника, бѣгая по залѣ и дергая всѣхъ за рукава.

Всѣ подвинулись къ дверямъ.

Около стола съ орѣхами и сластями сидѣла толстая барыня, ѣхавшая на одномъ пароходѣ съ Корневымъ, и ея дочка, миловидная молодая дѣвушка, много обѣщавшая въ будущемъ съ стороны полноты. Пуховъ подошелъ къ нимъ, слегка перегнулся впередъ и поднялъ руку кверху.

— Марья Андреевна! я васъ люблю и предлагаю вамъ руку и сердце. Хотите?

Губы его разъѣхались въ добродушную улыбку. Помощникъ исправника громко захохоталъ. Дочка вспыхнула, какъ огонь. Мать въ недоумѣніи посмотрѣла на Пухова, побагровѣла и тяжело приподнялась съ мѣста, держа дочь за руку.

— Вы—невѣжа, милостивый государь! Да! болѣе чѣмъ невѣжа!—отчеканила она, гнѣвно сверкая заплывшими глазками.

Пуховъ растерялся и закрылъ лицо руками.

— Анна Ивановна! какъ честный человѣкъ, серьезно!—бормоталъ онъ.

Мать и дочь, не слушая извиненій хозяевъ, медленно выплыли въ переднюю.

— Ушли,—дернулъ Пухова за плечо помощникъ исправника.

Пуховъ оттолкнулъ его и безъ шляпы выбѣжалъ на улицу.

— Господа! господа! Пуховъ стрѣляться побѣжалъ отъ стыда! ей-Богу!—крикнулъ помощникъ исправника.

Почти всѣ гости кинулись къ Пухову. Лишь только вошли они въ переднюю, послышались одинъ за другимъ три выстрѣла и что-то тяжелое упало на полъ.

— О Господи!—вырвалось невольно у Дыхляева.

Въ комнатахъ было темно. Ѣдкій пороховой дымъ клубами вылеталъ въ открытое окно. Вдругъ изъ смежной комнаты послышался веселый хохотъ.

— Живъ? О, чтобъ тебя!—выругался имянинникъ.

— Ну, не сердись, ничего! Я и вправду хотѣлъ-было застрѣлиться, а потомъ жалко стало... Я опять къ тебѣ пойду!

Пуховъ выскочилъ въ окно и бѣгомъ побѣжалъ къ товарищу. Тамъ помощникъ исправника предложилъ тостъ за «воскресеніе мертвыхъ».

Успокоившіяся барыни торопились домой, чтобы подѣлиться съ домашними новостью. Пышно проплыла исправница, бросивъ мелькомъ взглядъ на Корнева. За ней шла невысокая дѣвушка въ простомъ платьѣ, плотно обхватывавшемъ ея стройное, полное тѣло. Добродушнымъ плутовствомъ вѣяло отъ ея полнаго румянаго лица, чуть-чуть вздернутаго носа и сѣрыхъ глазъ, бойко смотрѣвшихъ изъ-подъ темныхъ, тонко очерченныхъ бровей. Корневъ невольно залюбовался ею.

— Кто это?—спросилъ онъ у Олина.

— Свояченица исправника. Аппетитная, канальство! — засмѣялся онъ.

Корневъ съ отвращеніемъ взглянулъ на него: его шокировали такіе взгляды на женщинъ. Скоро онъ ушелъ.

«Шесть недѣль тому назадъ я собирался въ N.,—писалъ въ этотъ вечеръ Корневъ въ своемъ дневникѣ, куда онъ имѣлъ привычку изрѣдка заносить свои мысли. — Мнѣ говорили: «и охота вамъ ѣхать! да вы тамъ умрете со скуки». Помню, что я отвѣтилъ имъ, что отдамся наукѣ.

«Больше мѣсяца живу я въ N. и съ грустью сознаю, что не могу уже отвѣчать этими словами людямъ, говорящимъ, что удѣлъ мало-мальски порядочнаго человѣка въ захолустьѣ — скука, — ибо скучаю самъ. Педагогическая дѣятельность, казавшаяся мнѣ такой великой, плодотворной съ университетской скамьи, на дѣлѣ сводится... къ таблицѣ умноженія. Да и зачѣмъ, на самомъ дѣлѣ, обитателямъ N—ска наука? Нѣкоторымъ изъ нихъ она нужна была—да и то давно—для полученія диплома. Дипломъ полученъ, долой науку! Водка покупается готовой,

закуску мастерски приготовляютъ совершенно незнакомыя съ на-
кой кухарки. Лишь изрѣдка есть спросъ на математику... въ пр
ферансѣ—да и то всѣ разсчеты выучены ужъ наизусть. Что ж
тутъ дѣлать представителямъ науки, въ частности мнѣ? Мы н
нужны. Всѣ они сплочены общностью интересовъ, общност
жизненныхъ привычекъ, наконецъ. Мы или должны примкну
къ нимъ, или стоять въ сторонѣ. Но въ сторонѣ стоять та
грустно! такъ грустно чувствовать себя совершенно одиноки
Я не могу уже осуждать, какъ раньше, Дыхляева за его пь
ство: что же ему, на самомъ дѣлѣ, дѣлать?

«Страшная мысль приходитъ мнѣ въ голову: неужели
кончу тѣмъ же?!

«Нѣтъ, будь, что будетъ, я не опошлюсь, не сольюсь
массой здѣшнихъ обывателей, я пойду своей особой доро
какъ бы ни было мнѣ тяжело порою. А будетъ тяжело: я
чувствую. Я одинъ, некому помочь мнѣ, облегчить меня х
словомъ участья. Здѣсь у меня никого нѣтъ, а «туда» я пис
не стану, я боюсь писать туда, боюсь увидѣть злорадныя улыб
говорящія: «не правы ли мы были!»

«Скорѣй, скорѣй отсюда!

«Но правъ ли я? Не ошибаюсь ли я въ этихъ люд
сорвавшихся съ страницъ Гоголя?—Рѣшено: завтра пойду съ
зитами, познакомлюсь ближе. Какъ знать! Иногда подъ
привлекательной внѣшностью таятся сущіе самородки сам
хорошихъ качествъ.—Ну, а если они окажутся такими, как
кажутся съ перваго взгляда! Бѣжать тогда, бѣжать надо».

IV.

— Вы къ Михалъ Авреліанычу? Его дома нѣтъ, въ уѣз
—говорила Корневу дѣвушка, которой онъ любовался вчера.

Корневъ хотѣлъ-было уйти.

— Куда же вы! посидите—сейчасъ сестра выйдетъ.

Она присѣла на диванъ съ какой-то книгой. Корневъ
ловко присѣлъ на стулъ и сдѣлалъ видъ, что смотритъ въ ок
Замѣчательное дѣло: попавъ въ уѣздный городъ, онъ почувст
валъ себя какъ-то незамѣтнѣй, словно онъ меньше сталъ росто
Что значилъ для него «тамъ» исправникъ? А здѣсь онъ ч
ствовалъ себя неловко у этого самаго исправника. Объ эт
думалъ Корневъ, украдкой взглядывая на дѣвушку. Она
положительно нравилась: просто одѣта, не изъявляетъ жел

занимать его разговорами о погодѣ... и очень хорошенькая, какъ разсмотрѣлъ онъ сегодня. Кажется, и она посматривала на него —по крайней мѣрѣ, однажды взгляды ихъ встрѣтились, и они оба покраснѣли. Однако, они постарались не дать замѣтить этого другъ другу: она торопливо закрылась книгой, онъ нагнулся къ окну.

— Боже мой! Что же мы молчимъ? Я и позабыла, что должна занимать васъ, — улыбнулась она плутовской улыбкой, откладывая въ сторону книгу.—Давно вы пріѣхали?—спросила она комически-серьезно.

— Съ мѣсяцъ,—отвѣтилъ Корневъ, улыбаясь.

Онъ мало встрѣчался съ женщинами и всегда робѣлъ въ ихъ присутствіи, но теперь онъ не испытывалъ ни малѣйшаго стѣсненія и самъ удивлялся этому. Она казалась ему давнымъ-давно знакомой.

— Какъ вы нашли нашъ городъ?—продолжала его спрашивать Марья Васильевна.

— Въ прекрасномъ состояніи...

— Ахъ, зачѣмъ вы лжете! — крикнула Марья Васильевна нетерпѣливо, но тотчасъ же спохватилась и слегка покраснѣла. —Извините, мнѣ надо бы было сказать: зачѣмъ вы говорите неправду, — поправилась она. — Впрочемъ, вѣдь это все равно, смыслъ одинъ и тотъ же.

— Совершенно все равно,—подтвердилъ Корневъ.

— Вы, конечно, смѣетесь: кому понравится нашъ городишко!

— Вамъ не нравится?

— Мнѣ?! Вотъ выдумали! Я сюда только на лѣто пріѣхала, къ будто на дачу, а на зиму ни за что не останусь.

— Гдѣ вы зимой живете?—спросилъ Корневъ.

Марья Васильевна назвала городъ.

— Это моя родина,—добавила она,—и училась я тамъ же...

— Въ институтѣ?

— Въ институтѣ-съ благородныхъ дѣвицъ, — поклонилась Марья Васильевна жеманно.—Я даже съ шифромъ кончила... Знаете, какія права мнѣ шифръ даетъ? Я могу, когда буду старухой, поступить въ любую богадельню, — разсмѣялась она.

— По прежнему тамъ заботятся о манерахъ?

— Какъ-же-съ... Воображаю, какъ бы досталось мнѣ отъ Анны Андреевны, еслибы она слышала, какъ я сказала вамъ: зачѣмъ вы лжете! — Ахъ, уморительная эта Анна Андреевна! Сшалимъ, бывало... Она сейчасъ явится въ классъ.—«Mesdames! какъ это можно!»

Марья Васильевна закатила глаза кверху, приложила ру
къ груди и такъ забавно выразила отчаяніе и ужасъ нача
ницы, что Корневъ разсмѣялся.

— Не было вамъ скучно?—спросила исправница, появля
въ дверяхъ съ обворожительной улыбкой на губахъ.—Она на
стерица занимать,—кивнула она на сестру.

— Михалъ Авреліанычъ въ уѣздѣ, недоимокъ много нако
пилось,—сказала она, усаживаясь рядомъ съ сестрою.

Марья Васильевна скорчила гримасу.

— Опять сѣчь будутъ,—замѣтила она вполголоса.

Исправница слегка покраснѣла.

— Ахъ, Маня! Что же станешь дѣлать, если такъ не платя

— Что дѣлать, что дѣлать! Зачѣмъ онъ въ нашей дерев
скотъ въ прошломъ году продалъ? Я на него страхъ какъ за
сердита! Тронь-ка онъ ихъ еще разъ!—прибавила она угрожаю

Исправница покраснѣла еще сильнѣе.

— Ну, ужъ ты, Маня, вѣчно такъ: чѣмъ же онъ ви
ватъ? вѣдь и ему за недоимки-то достается,—возразила она р
драженно.

— Ну-да, достается! Ему только выговоръ дадутъ.

Корневъ съ улыбкой смотрѣлъ на Марью Васильевну. Е
нравилась ея горячность.

— Ты думаешь, что Мишѣ пріятно взыскивать недоим
Жестоко ошибаешься, милая! Ты думаешь, что разъ челов
носитъ полицейскій мундиръ, такъ ужъ онъ и не человѣкъ?

— Еслибы было непріятно, такъ и не взыскивалъ бы,
возражала Марья Васильевна.

Исправница пожала плечами и взглянула на Корнева, ка
бы прося его извинить сестру.

— Что же ему дѣлать? уйти?

— Разумѣется, уйти.

— А на его мѣсто никого не найдется? и недоимокъ неко
взыскивать будетъ?—замѣтила съ ироніей исправница.

— Ну, это мы слышали!—вспыхнула Марья Васильевна:
«не онъ, такъ другой»! Эдакъ мало ли что оправдать можно!

— Мало еще ты на свѣтѣ жила!

Марья Васильевна ничего не отвѣтила и начала нервно пере
листывать книгу.

— А право, досадно иногда становится,—обратилась испра
ница къ Корневу:—видятъ мундиръ, а души подъ мундиромъ
видятъ. Между тѣмъ, что такое мундиръ? Больше ничего, ка
вывѣска.

— Однако, по вывѣскамъ-то и приходится судить съ перваго взгляда. Видишь вывѣску: «питейный домъ», — ну, ужъ и знаешь, что въ этомъ заведеніи не книги продаютъ,—замѣтилъ Корневъ.

Исправница обидѣлась и углубилась въ перелистываніе «Нивы».

— Конечно, нѣтъ правила безъ исключеній, — попробовалъ Корневъ смягчить сорвавшееся съ языка заявленіе.

— Но исключенія только подтверждаютъ правило и бываютъ очень рѣдки,—подхватила съ торжествомъ Марья Васильевна.

— А Миша и есть именно исключеніе, — проговорила исправница обиженно.

— Не смѣю спорить,—отвѣтилъ Корневъ сдержанно.

Марья Васильевна улыбнулась ему и лукаво посмотрѣла на сестру.

«Славная дѣвушка,—подумалъ Корневъ:—славная».

— «По-правдѣ сказать, только Марья Васильевна да Дыхляевъ и нравятся мнѣ здѣсь», думалъ однажды Корневъ.

Онъ прилегъ почитать въ ожиданіи чая и не замѣтилъ, какъ его мысли оторвались отъ книги. Онъ часто ходилъ къ исправнику, настолько часто, насколько позволяли приличія, и Марья Васильевна нравилась ему все больше и больше. На его счастье исправникъ все еще ѣздилъ по уѣзду.

— «Какъ я съ нимъ встрѣчусь, когда онъ пріѣдетъ! Богъ его знаетъ, что онъ за человѣкъ».

Изъ открытаго окна лились волны свѣжаго осенняго воздуха и наполняли небольшую комнату прохладой и запахомъ цвѣтовъ.

— А Сашенька опять цвѣтовъ принесла,—улыбнулся Корневъ, поглядывая на окно, гдѣ въ двухъ стаканахъ стояли букеты.

«Надо будетъ позаняться съ нею, какъ выберется свободное время», подумалъ онъ.

— Евгеній Александрычъ, можно войти?—послышался за дверью мелодичный грудной голосъ.

Корневъ поспѣшно всталъ съ кровати.

— Войдите, Сашенька, можно.

Высокая, стройная дѣвушка съ свѣжимъ личикомъ, бойкими carими глазами и красными пухлыми губками осторожно вошла въ комнату.

— Васъ исправникъ спрашиваетъ,—сказала она вполголоса.

Корневъ вспыхнулъ до корней волосъ и поспѣшно запах-

нулъ старое лѣтнее пальто, служившее ему халатомъ. Он упустилъ изъ вида, что и ему будутъ дѣлать визиты. Корне невольно улыбнулся. Онъ будетъ принимать гостей! Въ ком наткѣ помѣщались только кровать («деревянная, вдобавокъ», мелькнуло у Корнева), да у единственнаго окна стоялъ небол шой столъ и два стула. Для книгъ Корневъ не нашелъ мѣст и разложилъ ихъ въ нѣкоторомъ порядкѣ, прямо на полу.

— Гдѣ онъ?—спросилъ Корневъ безпокойно.

— На крыльцѣ ждетъ... Я ему сказала, что не знай дома, не знай нѣтъ...

Корневъ задумался: принять или не принять?

— Я скажу, что васъ дома нѣтъ,—предложила Сашен лукаво.

— Да, да, да! пожалуйста, скажите,—согласился растеря ный Корневъ.

Жгучій стыдъ душилъ его: зачѣмъ онъ ходилъ къ испр нику? И долго шагалъ онъ черезъ книги, кусая губы.

— «А ну ихъ къ Богу!»—махнулъ онъ, наконецъ, рук «руби дерево по себѣ»,—и взялся за книгу.

Справедливость требуетъ сказать, что Корневъ ни стро не прочиталъ въ этотъ вечеръ, хотя свѣтъ долго тянулся и его окна поперегъ улицы длинной, колеблющейся полосой.

V.

Квартирная хозяйка Корнева была не какая-нибудь м щанка, а «благородная», какъ она отрекомендовалась свое постояльцу. Мужъ ея лѣтъ 40 служилъ по почтовой части умеръ въ чинѣ губернскаго секретаря.

Анисья Петровна жила крошечной пенсіей, работой и п стояльцами. Бойкая, говорливая, она хлопотала цѣлый день отдыхала лишь за чаемъ. Прихлебывая горячій чай, она заб вала о всѣхъ домашнихъ дрязгахъ и не любила, чтобы ее бе покоили въ это время. За чаемъ у нея вѣчно кто-нибудь бы валъ, и разговоры не умолкали. Говорилось обо всемъ, начин съ войны и кончая уличными происшествіями. Впрочемъ, у не былъ избранный кружокъ знакомыхъ — не могла же она во диться со всякимъ—и потому разговоры были довольно од образны.

Самымъ виднымъ лицомъ въ ея кружкѣ былъ живописе Кузьма Мосеичъ Серебряковъ, старый другъ ея покойнаго му

и крестный отецъ ихъ единственной дочери. Анисья Петровна часто смѣялась надъ нимъ, бранила его въ глаза, но когда онъ долго не являлся, посылала за нимъ Сашеньку.

— Погляди сходи, не занесло ли крёстнаго-то снѣгомъ,— говорила она зимой.

— Погляди—не задохнулся ли,—говорила она лѣтомъ.

И то, и другое предположеніе имѣло нѣкоторыя основанія. Кузьма Мосеичъ имѣлъ собственный, благопріобрѣтенный домъ. Домъ былъ очень странной архитектуры, но всѣ странности его были легко объяснимы. Прежде всего, домъ былъ очень малъ— это потому, что раньше онъ предназначался подъ баню. Этимъ же объясняется, почему во всемъ домѣ было только одно маленькое окно, размѣры котораго Кузьма Мосеичъ лишь нѣсколько увеличилъ. Домъ былъ одноэтажный снаружи и двухъэтажный на самомъ дѣлѣ,—Кузьма Мосеичъ углубилъ подполье, обложилъ стѣны кирпичомъ и устроилъ тамъ кухню. Кухня соединялась съ каменной пристройкой съ боку домика. Эта-то пристройка подъ стеклянной крышей и служила чаще всего предметомъ насмѣшекъ со стороны Анисьи Петровны. Кузьма Мосеичъ былъ страстный цвѣтоводъ и на цвѣты тратилъ почти весь свой заработокъ отъ живописи. Знавшіе Кузьму Мосеича со смѣхомъ разсказывали, какъ онъ однажды заложилъ зимой шубу и на вырученныя деньги купилъ дровъ для оранжерей. Весною, пересадивъ цвѣты, Кузьма Мосеичъ отправлялся въ села на работу и оставлялъ своихъ «дѣтей» (онъ былъ холостякъ и называлъ дѣтьми цвѣты) на попеченіе Аксиньи, старой и кривой бабы, приходившейся ему какой-то сестрой. Осенью кончались работы, и Кузьма Мосеичъ снова возвращался къ цвѣтамъ.

Кузьма Мосеичъ только-что возвратился съ работы и пилъ у кумы чай. Анисья Петровна, довольная и веселая, передавала ему городскія новости и трещала безъ умолку.

— Постоялецъ мой съума никакъ скоро сойдетъ,—вздохнула она легонько.

Сашенька, сидѣвшая тутъ же, нетерпѣливо передернула плечами. Кузьма Мосеичъ поставилъ блюдечко на столъ и испуганно воскликнулъ:

— Что ты!!

— Чудной какой-то сталъ, право... Ни къ нему кто, ни онъ къ нему. Прежде все-таки ходилъ кой-къ-кому изъ хорошихъ людей, а какъ зашелъ-было къ нему разъ исправникъ, Евгенія Александрыча-то, Сашенька сказала, дома нѣтъ—съ тѣхъ поръ ни къ кому. И съ учителями мало водится. Ну, да это-то и хо-

рошо—больно ужъ они пьянствуютъ. Все читаетъ, все читаетъ... А теперь, вотъ ужъ съ недѣлю никакъ будетъ, и читать бросилъ—такъ и слоняется цѣлый день. Изъ дому-то только въ училище выходитъ. Да и то хоть не гляди: идетъ, идетъ, вдругъ остановится, упретъ глаза въ землю и стоитъ. Постоитъ, постоитъ, щелкнетъ вотъ эдакъ пальцами: «а вѣдь онъ, говоритъ, вретъ», или: «а вѣдь правду говоритъ», скажетъ. И пойдетъ. И Богъ его знаетъ, про кого это онъ говоритъ... Представляется ему что-ли...

Кузьма Мосеичъ глубокомысленно покачалъ головой.

— Человѣкъ еще молодой, а живетъ, какъ старикъ. Ни о... поговоритъ, ни онъ посмѣяться. Ужъ у меня Сашенька на ч... хохотунья, на что вострушка, а онъ ее и не видитъ, будто... нѣтъ ея,—добавила Анисья Петровна съ нѣкоторой досадой.

Сашенька зардѣлась и опустила глаза.

— Ну, ну! ничего—дѣло молодое,—потрепалъ ее ласково... щекѣ Кузьма Мосеичъ.

Сашенька незамѣтно вздохнула: была она когда-то хохо...туньей, была вострушкой, а теперь, около года ужъ, не д... того ей: сердце ноетъ, глядя на него, а онъ ея и не замѣчаетъ...

— А онъ не пьетъ? — спросилъ Кузьма Мосеичъ.

— Ни-ни! ни капли!

— Ну, плохо... Эдакъ, пожалуй, и вправь съума спятитъ... Ни водки не пьетъ, ни на дѣвокъ не смотритъ... Ну, ну!—прикрикнулъ Кузьма Мосеичъ шутливо на крестницу, которая сно... вспыхнула.—И въ карты не играетъ?

— Не видала.

— Ай-ай-ай! долго ли эдакъ пропасть человѣку?

VI.

Корневъ почти обрадовался, когда Кузьма Мосеичъ пригласилъ его къ себѣ. Больше года жилъ онъ въ N., но никогда еще онъ не чувствовалъ себя болѣе одинокимъ, никогда е... ему не было такъ скучно. Дыхляевъ окончательно спился. Корневъ пробовалъ поддержать его, приносилъ ему книгъ, приглашалъ читать вмѣстѣ. Дыхляевъ бралъ книгу, переворачивалъ нѣсколько страницъ и отдавалъ назадъ или клалъ на полку.— «Скучно», говорилъ онъ. Самому Корневу надоѣло только читать. Впрочемъ, и читать уже было нечего, кромѣ убогой мѣстной газетки, выписываемой училищемъ.

— Прислали мнѣ, видите, сѣменковъ изъ Москвы, есть тамъ у меня одинъ пріятель,—церковь разъ вмѣстѣ размалевывали,— а какія сѣмена, не знаю: по-латынѣ написано... а мы' ей не обучались. Такъ будьте ужъ добры, разберите.

Корневъ съ большимъ предубѣжденіемъ вошелъ за Кузьмой Мосеичемъ въ его «хибарку» и удивился. Ему показалось, что онъ попалъ въ монашескую келью — до того было чисто, уютно и вмѣстѣ съ тѣмъ просто. На единственномъ окнѣ висѣли чистыя занавѣски, стекла были тщательно перемыты, на полу ни соринки. Въ углу стоялъ мольбертъ съ начатымъ видомъ изъ окна (видъ былъ красивый—прямо подъ окномъ, подъ горою, тянулась рѣчка, за ней луга, песчаная пустыня изъ-подъ вырубленнаго соснового лѣса и на горизонтѣ уцѣлѣвшій еще боръ), кисти и краски были въ порядкѣ разложены на маленькомъ столикѣ. Въ комнаткѣ не было цвѣтовъ, но тонкій ароматъ пропиталъ весь воздухъ и билъ въ носъ.

— Изъ оранжереи проходитъ,—пояснилъ Кузьма Мосеичъ: —лѣтъ двадцать нюхаю—нанюхаться не могу.

Онъ любовно посмотрѣлъ на оранжерею, отдѣленную отъ комнаты только стѣною, которая состояла почти изъ одного большого окна. Въ оранжереѣ, всѣ залитые осеннимъ солнечнымъ свѣтомъ, стояли роскошные фикусы, драцены, фиговыя деревья. Хорошій экземпляръ финиковой пальмы протягивалъ вѣтви почти къ самой крышѣ, какъ бы жалуясь на недостатокъ простора и свѣта.

— Самъ вывелъ, изъ косточки,—улыбнулся гордо Кузьма Мосеичъ, любуясь своимъ сокровищемъ. — А въ прошломъ году у меня свои лимоны были... ей-Богу! малость только недовисли, прѣсноваты... А нынѣ ананасы будутъ. Не хотите-ли посмотрѣть?

Они спустились въ темное творило, осторожно прошли нѣсколько ступенекъ, прошли черезъ кухню, освѣщенную свѣтомъ изъ оранжереи, и очутились среди цвѣточныхъ горшковъ.

— Вотъ-съ, вотъ посмотрите,—остановился Кузьма Мосеичъ передъ большимъ ананасомъ.—Скоро готовъ будетъ: приходите пробовать,—добавилъ онъ, осторожно трогая пальцемъ желтовато-красный плодъ.

Все желтое, сморщенное лицо Кузьмы Мосеича дышало гордостью и счастьемъ, тепло и любовно смотрѣли черезъ желѣзные очки слезящіеся каріе глаза, а высохшія губы сложились въ тихую улыбку. Корневъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на его невысокую худенькую фигурку въ потертомъ, замасленомъ и пере-

пачканномъ красками пиджакѣ. Передъ нимъ стоялъ старый холостякъ, одинокій, какъ персть—и такое довольство судьбой!

— И вы вполнѣ довольны?—спросилъ онъ.

— Доволенъ-съ! чего-же мнѣ еще? Что лѣтомъ заработаю, зимой проживу... Такъ и живу съ цвѣточками своими. Времени они мнѣ мало оставляютъ. Утромъ встанешь — дровъ нарубишь и для нихъ, и для Аксиньи, воды натаскаешь... потомъ польешь ихъ, листочки сухіе оберешь. Поработаешь немного, если работа есть. Послѣ обѣда почитаешь, — я «Свѣтъ» выписываю, очень ужъ цѣна подходящая.—Потомъ опять которые цвѣты польешь... Посмотришь, какъ листочки развертываются, бутоны распускаются. Ярлычки перемѣнишь—бываетъ, подмочишь при поливкѣ...

Корневъ нагнулся къ одной банкѣ и посмотрѣлъ ярлычекъ. На немъ старинным почеркомъ были написаны какія-то буквы и цифры.

— Я на ярлычкѣ названіе пишу... Хорошо бы по-латыни было писать, да не знаю... Потомъ годъ, число, когда цвѣтокъ посаженъ, когда зацвѣлъ въ первый разъ, когда плодъ былъ, ежели цвѣтокъ плодъ даетъ.

— И вамъ не скучно изо-дня въ день возиться съ цвѣтами только?

Кузьма Мосеичъ удивленно посмотрѣлъ на него.

— Чего же скучать-то?—спросилъ онъ почти съ недоумѣніемъ.

— А я такъ безъ людей жить не могу,—сказалъ Корневъ съ тоской.

Кузьма Мосеичъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Ваше дѣло, Евгеній Александрычъ, молодое, васъ къ людямъ тянетъ... А пожили бы вы съ мое!

На лбу Кузьмы Мосеича появилась глубокая поперечная морщина, въ глазахъ мелькнуло страдальческое выраженіе.

— Что я отъ людей видѣлъ? Больше все обиды, насмѣшки... Не поладилъ я разъ съ городничимъ... За недоимку высѣкли. А я въ ступинской школѣ учился живописи-то, да курса не кончилъ,—сказалъ онъ тихо.

Кузьма Мосеичъ провелъ рукой по глазамъ.

— Такъ вотъ, батюшка, и не будетъ къ людямъ тянуть,—началъ онъ послѣ небольшой паузы почти весело. — Бываю я лѣтомъ по селамъ... Глаза бы, Евгеній Александрычъ, не смотрѣли—мерзости, пакости... душатъ другъ друга! Въ городахъ-то это не такъ замѣтно, потому что народу много, а тамъ все какъ на ладонкѣ-съ. Посмотришь-посмотришь да и скажешь:

«э! Богъ съ ними! пускай ихъ! я и съ цвѣточками проживу!» И живу-съ! Осенью придешь домой, спустишься въ оранжерею —сердце-то словно у любовника при свиданіи бьется! Здѣсь, батюшка, природа, здѣсь все чисто, хорошо... Растетъ себѣ цвѣтокъ,—растетъ, цвѣтетъ, плодъ приноситъ — и никто отъ этого не страдаетъ. Душа отдыхаетъ, на нихъ глядя, — ей-Богу-съ! Какъ и жить, если не любить ее, природу-то! Я зналъ тоже одного учителя... Хорошій человѣкъ былъ, но тоже скучалъ— вотъ какъ вы же, къ примѣру. Тоже людей не могъ найти по себѣ—онъ себѣ ищетъ честныхъ, да умныхъ, да образованныхъ, а здѣсь такихъ въ ту пору не видно было, особенно съ перваго взгляда-то. Ему покопаться бы надо — нѣтъ ли, дескать, гдѣ-нибудь, а онъ сразу же отъ нихъ въ сторону. Такъ тотъ чуть бывало захандритъ, сейчасъ: «Кузьма Мосеичъ! идемъ рыбу ловить». Или: «Кузьма Мосеичъ, идемъ на охоту». И чудесно! Смотришь, парень-то и отойдетъ—и улыбка, и слово мягкое, и взглядъ свѣтлый—все появится. И народъ нашъ ему въ ту пору лучше кажется... Такъ-то-съ!

Они взобрались уже въ горницу, и Аксинья подала имъ чаю.

— Водочку не пьете? — спросилъ Кузьма Мосеичъ и, не дожидаясь отвѣта, добавилъ: — Я, грѣшнымъ дѣломъ, пью помаленьку; а лѣтъ двадцать-пять тому назадъ и совсѣмъ пьянствовалъ. Года три пилъ... Во время войны только опомнился. «Что, думаю, за ерунда такая! люди въ Севастополѣ умираютъ, а я пью!» И бросилъ, цвѣтами занялся.

«А дай попробую и я выпить», подумалъ Корневъ. Онъ какъ-то особенно былъ настроенъ сегодня: ему хотѣлось сдѣлать что-нибудь не обыденное, что̀ отличалось бы отъ вседневной, будничной жизни.

— Налейте и мнѣ, пожалуй,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія.

— И отлично, выпейте... Она, родимая, тоже иногда помогаетъ.

Корневъ рѣшительно взялъ рюмку и выпилъ всю. Водка обожгла непривычное горло и огнемъ разлилась по жиламъ. Немного спустя, у него заблестѣли уже глаза, зарумянились щеки.

— Счастливый вы человѣкъ, Кузьма Мосеичъ: не скучаете... А я какъ скучаю, еслибы вы знали! — началъ онъ, немного помолчавъ.

— Знаю, знаю,—покачалъ Кузьма Мосеичъ головой: — по себѣ знаю. Мѣщанинъ я, недоучка, а кой-что читалъ, кой-что слыхалъ. Ну-ка, каково мнѣ самому было въ то время? У тебя

на умѣ Богъ знаетъ что, а тутъ тебя городничій за недоим
поретъ, на основаніи закона. Совсѣмъ народа здѣсь нѣтъ, пого
ворить не съ кѣмъ...

— Не съ кѣмъ,—подтвердилъ Корневъ уныло, наливая себ
вторую рюмку.—Тоска одолѣваетъ! Хоть бы книги были, что-ли
а то и ихъ нѣтъ.

— Журнала никакого не выписываете?

Корневъ горько улыбнулся.

— Журналъ! Съ меня и теперь еще вычитаютъ — годов
жалованье впередъ забралъ при поступленіи:—брата надо бы
устроить, сестру... Ну-ка, ухитритесь-ка выписать журналъ: пред
лагалъ было товарищамъ выписывать вмѣстѣ—говорятъ, денег
нѣтъ.

— Да, на ваше жалованье не разживешься: — двадца
четыре съ полтинкой...

— Да еще вычеты при этомъ!

Корневъ выпилъ третью рюмку.

— Да что журналъ! Мнѣ, Кузьма Мосеичъ, люди нуж
люди! Я привыкъ къ людямъ, я все время на людяхъ жи
вмѣстѣ съ людьми и отдыхалъ, и работалъ, а теперь... Эхъ!

Корневъ махнулъ рукой и опустилъ голову. Водка силь
подѣйствовала на него съ непривычки. Явилась потребность
лить все, что накопилось на душѣ за время долгаго молчанія

— Вѣдь я почему только сюда пошелъ? — Онъ помолча
Денегъ скопить хотѣлъ, чтобы потомъ опять въ университе
ѣхать. Всего на годъ хотѣлъ себя здѣсь замуравить. Ну, вотъ
годъ прошелъ. Гдѣ же деньги? гдѣ деньги?—онъ стукнулъ
столу кулакомъ.

— Нѣтъ у васъ?—спросилъ Кузьма Мосеичъ.

— Есть,—отвѣтилъ Корневъ съ разстановкой и мрачно: —
три рубля съ копейками, да въ казначействѣ лежатъ впредь до 20-

Онъ выпилъ еще.

— Ну-съ, какъ же это Евгеній Александрычъ въ универс
тетъ поступитъ?—спросилъ онъ самъ себя иронически.—Дума
онъ здѣсь уроками разжиться. Помилуйте! человѣкъ образованн
представитель науки, такъ сказать: къ кому же и будутъ обр
щаться, какъ не къ нему! А оказалось, — добавилъ онъ ме
ленно,—что здѣсь въ урокахъ и не нуждаются совсѣмъ, сами в
знаютъ... Денегъ нѣтъ, значитъ, ѣхать нельзя, тѣмъ болѣе, ч
казнѣ еще долженъ. И пришлось мнѣ остаться еще на годъ.
кто знаетъ, что черезъ годъ будетъ? Можетъ быть, мнѣ тогда

...ому ѣхать не захочется,—улыбнулся Корневъ горько.—Дых...евъ, тотъ и не читаетъ теперь ничего; а тоже бывшій студентъ.

Онъ выпилъ еще.

— Но что всего страшнѣй, такъ это то, что учительская ...тельность меня не удовлетворяетъ. Пищи для ума и сердца ...тъ. Зады, одни зады, которые я еще въ первыхъ классахъ ...имназіи проходилъ и за которые меня больно били...

И долго еще продолжалъ говорить Корневъ, выпивая рюмку ...рюмкой. Кузьма Мосеичъ сочувственно поглядывалъ на него. «Пусть его душу отведетъ»,—думалъ онъ.

Поздно ночью надумалъ Корневъ идти домой.

— Однако, я совсѣмъ пьянъ,—замѣтилъ онъ, смѣясь:—и ...чно чувствую себя. — «Да здравствуетъ веселье! да здрав...уетъ вино!»—затянулъ онъ, хохоча.

Сашенька отперла ему дверь. Она не раздѣвалась всю ночь, ...ждаясь Корнева, и печально посмотрѣла на него.

— А я, Сашенька, нынѣ пьянъ, совсѣмъ пьянъ,—говорилъ ...й Корневъ, держась за косякъ и весело улыбаясь. — Вы меня извините, что я такъ поздно пришелъ и васъ потревожилъ... Я хотѣлъ-было въ окно влѣзть, да оно заперто.

— Зачѣмъ вы напились, Евгеній Александрычъ!—упрекнула Сашенька.

— Что, Сашенька, дѣлать! Скучно! Но я больше не буду, ...отъ увидите.

Сашенька недовѣрчиво покачала головкой.

VII.

Нѣсколько дней послѣ этого Корневъ стыдился глядѣть въ ...аза Сашенькѣ и Кузьмѣ Мосеичу, съ которымъ ему приходи...сь встрѣчаться каждый день, и мужественно боролся со скукой. «Что же это такое? — писалъ онъ въ дневникѣ:—ты, осуж...давшій Дыхляева, самъ напился! Студентъ, «идейный» человѣкъ, пьетъ со скуки! Стыдись, братъ!—Нѣтъ въ жизни хорошихъ впе...чатлѣній, живи внутренней жизнью, жизнью мысли, а не опу...скайся, не вязни въ болотѣ. Что-же это за твердость—не скажу убѣжденій, а правилъ,—которая исчезаетъ при первомъ испыта...ніи? Нѣтъ, ты переломи себя, перетерпи, сохранись въ чистотѣ, тогда ты получишь право думать: «мои убѣжденія тверды, не навѣяны». А то и всѣ воры честны, когда нечего украсть».

Онъ сталъ ходить на охоту, гулять въ лѣсу. Но ему было

скучно. Охота не удавалась. Прогулки не развлекали именно потому, что предпринимались съ цѣлью развлеченія. Мало-по-малу ему стало приходить желаніе снова выпить, снова забыться.

«Славно я провелъ тогда вечерокъ у Кузьмы-Безсребренника,—припоминалъ онъ:—выпилъ—и все какъ рукой сняло... Попадись мнѣ тогда, ну, хоть помощникъ исправника—расцѣловалъ-бы его кажется,—до-того всѣ мнѣ тогда нравились»...

Онъ ловилъ себя на этой мысли и краснѣлъ. Еще болѣе краснѣлъ онъ, когда на имянинахъ у Олина его просили выпить и, лукаво улыбаясь, говорили, что только первая рюмка идетъ коломъ, а вторая соколомъ и что ему на этомъ основаніи непремѣнно слѣдуетъ напиться, если онъ не хочетъ обидѣть имянинника. Но онъ устоялъ. Можетъ быть, онъ долго еще не напился бы во второй разъ, но случилось одно обстоятельство. Однажды пьяный почтальонъ принесъ Корневу письмо. Корневъ очень рѣдко получалъ письма и съ понятнымъ волненіемъ разорвалъ конвертъ. Письмо было отъ брата. Вотъ что писалъ он[ъ]:

«Милый братъ! у насъ въ семинаріи случилась глу[пая] исторія (какая—скажу потомъ) и меня выключили. Думаю приготовиться въ университетъ—авось, буду въ состояніи жить уроками. Покамѣстъ-же у меня совсѣмъ нѣтъ денегъ. Пришли, если онѣ у тебя есть. Я возвращу тебѣ ихъ при первой возможности».

Слово «возвращу» мальчикъ подчеркнулъ двумя чертами, боясь показаться въ глазахъ брата человѣкомъ, живущимъ на чужой счетъ.

Корневъ не сразу понялъ письмо — очень ужъ невѣроятнымъ оно ему показалось—и прочиталъ два раза.—Боже мой, вотъ еще несчастье-то!—прошепталъ онъ.

Приливъ злобы овладѣлъ имъ. Все на него!—мало ему был[о] собственнаго горя! Бѣдный братъ — врядъ-ли ему придется поступить въ университетъ! Старшій братецъ его, на котораго он[ъ] возлагаетъ надежды, самъ не можетъ выбраться изъ этой ям[ы], самъ не прочь просить помощи порою.

Въ порывѣ злобы заскрипѣлъ онъ зубами и толкнулъ собаченку, вертѣвшуюся подъ ногами.

— Убирайся ты къ чорту!

— Что вы, Евгеній Александровичъ! — упрекнула его Сашенька.

Корневъ такъ свирѣпо взглянулъ на нее, что она вспыхнула и на глазахъ у нея навернулись слезы. Собаченка заб[...]

лась подъ столъ и оттуда испуганно смотрѣла на него. Корневу вдругъ сдѣлалось ужасно стыдно.

— Скотина!—выругалъ онъ себя почти вслухъ.—Чѣмъ же другіе виноваты, что ты такой мерзавецъ!

Онъ не докончилъ обѣда и ушелъ.

Дыхляевъ очень удивился, увидѣвъ Корнева.

— Случилось что-нибудь?—спросилъ онъ тревожно, приподнимаясь съ постели.

— Ничего не случилось,—оборвалъ Корневъ рѣзко.

— Что-же вы такой?

— Какой?

— Невеселый...

— А чему веселиться прикажете? ну-ка!—спросилъ Корневъ злобно.

Дыхляевъ замолчалъ и началъ приготовлять чай, а Корневъ взялъ какую-то книгу и смотрѣлъ въ нее, ничего не видя. Ему хотѣлось рвать на себѣ волосы, биться объ стѣну. Господи, какой онъ, въ сущности, скотина! За что обрываетъ онъ такъ безжалостно этихъ добрыхъ людей?

Дыхляевъ приготовилъ чай и вопросительно посмотрѣлъ на гостя.

— Посылай!—пробормоталъ Корневъ злобно,—отвертываясь къ стѣнѣ. «Скотина! тряпка»!—ругалъ онъ себя, стиснувъ зубы.

На столѣ появился полштофъ, тарелка соленыхъ огурцовъ и нѣсколько ломтей чернаго хлѣба.

— Самая учительская закуска. У другихъ тамъ и рыбка, и сыръ, и колбаса, а съ насъ, братъ, и этого достаточно, — говорилъ Дыхляевъ, откупоривая бутылку.

— Ну?!

Корневъ молча взялъ рюмку и выпилъ. И чѣмъ больше онъ пилъ, тѣмъ свѣтлѣй становилось у него на душѣ, тѣмъ ничтожнѣй казалось его горе.

— Что значитъ мое горе, мои страданія въ сравненіи съ моремъ міроваго общечеловѣческаго зла?—философствовалъ онъ передъ Дыхляевымъ.—И почему мнѣ не пить? Не все-ли равно человѣчеству — будетъ-ли единица, называющаяся Корневымъ, трезва или пьяна, какъ... какъ ты, напримѣръ?

— Вѣрно,—подтверждалъ Дыхляевъ:—я давно это говорю. Вотъ и Бокль тоже говоритъ, что единичная личность ничего не значитъ...

— Ну, теперь идемъ ко мнѣ,—пригласилъ Корневъ, когда на столѣ остались лишь объѣдки огурцовъ да пустая бутылка.

Съ шумомъ и хохотомъ вошли они въ небольшую каморку Корнева. Сашенька широко раскрытыми глазами посмотрѣла на Корнева и потупилась. Корневу сдѣлалось неловко. Онъ подсѣлъ къ столу и задумался.

— Да, удивилъ я ихъ, удивилъ...

— Кого?

— Хозяекъ своихъ...

— А ты удиви ихъ еще больше! пошли за водкой.

— И въ самомъ дѣлѣ!—Теперь все-равно ужъ... Анисья Петровна! Анисья Петровна!

Анисья Петровна, какъ олицетворный упрекъ, встала въ дверяхъ и сердито посмотрѣла на Дыхляева.

— Ну, чего вамъ?—спросила она недовольно.

Корневъ подошелъ къ Дыхляеву и шепнулъ ему на-ухо: «Возьми деньги, пожалуйста, и пошли; я не привыкъ еще».

— Евгеній Александровичъ, вставайте! въ классъ пора идти, —будила утромъ Анисья Петровна Корнева.

Корневъ раскрылъ мутные глаза и приподнялъ отяжелѣвшую голову. Сердце у него болѣзненно билось, въ глазахъ мелькали круги.

— Не выспались, поди?—То-то! Въ три часа угомонились. Хоть бы перевели куда-нибудь чорта-то этого,—ворчала она.

— Кого?

— Да Дыхляева вашего—только хорошихъ людей смущаетъ.

Корневъ невольно покраснѣлъ и виновато посмотрѣлъ на хозяйку. Съ неловкимъ чувствомъ подалъ онъ въ училищѣ руку Дыхляеву. Ему чудились ужъ насмѣшливыя улыбки остальныхъ сослуживцевъ, хотя послѣдніе и не догадывались, какое важное значеніе для Корнева имѣлъ вчерашній день.

— Придешь сегодня ко мнѣ?

Корневъ мрачно посмотрѣлъ на Дыхляева.

«Когда это мы успѣли на «ты» перейти? Вѣроятно, вчера», подумалъ онъ съ горькой усмѣшкой.

— Нѣтъ, не приду: не каждый же день пьянствовать,—отвѣтилъ онъ рѣзко.

— Какъ хочешь... Что-же ты дѣлать дома будешь?

— Приду домой, пообѣдаю...

— Ну?

— Потомъ... потомъ спать залягу.

Дыхляевъ разсмѣялся.

— И проспишь до девяти?

— До девяти!—почти крикнулъ Корневъ сердито, и вызывающе посмотрѣлъ на Дыхляева.

Дыхляевъ умолкъ и равнодушно засвисталъ.

Спать послѣ обѣда Корневъ не легъ, а пошелъ прогуляться, «чтобы освѣжить голову». День былъ сѣрый. Городъ казался еще печальнѣе, еще мертвѣе. Вчерашнее письмо не выходило у Корнева изъ головы и мучило его. Самъ не зная какъ, онъ очутился передъ квартирой Дыхляева.

— Позову и его гулять,—подумалъ онъ вслухъ. А про себя подумалъ: «если есть у него водка на столѣ, выпью, а если нѣтъ—честное слово, не стану.

У Дыхляева на столѣ стояла бутылка.

— Пойдемъ гулять,—пригласилъ Корневъ, избѣгая глядѣть на водку.

— Пойдемъ,—согласился Дыхляевъ.—Только знаешь что? не выпить ли на дорожку—путешествующимъ людямъ разрѣшается.

Корневъ нерѣшительно посмотрѣлъ на бутылку.

— Я ужъ одну выпилъ, а то голова болитъ съ похмѣлья,—продолжалъ Дыхляевъ.

«И у меня болитъ голова... Выпить развѣ для облегченія головы»? подумалъ Корневъ.

— Ну, налей ужъ одну..!

За одной выпили другую, «чтобы не хромать».

— Ну, теперь можно идти гулять.

— Идти-ли ужъ,—возразилъ Корневъ,—поздно кажется становится.

— И въ самомъ дѣлѣ не пойдемъ,—подхватилъ обрадованный Дыхляевъ.—Ну ее къ чорту, осеннюю-то природу! лучше выпьемъ.

— Освѣжили голову, нечего сказать, — фыркнула Анисья Петровна, отпирая Корневу дверь.

Корневъ, опустивъ голову, на цыпочкахъ, чтобы не потревожить Сашеньки, прошелъ въ свою комнату. Сашенька не спала и украдкой смотрѣла на него изъ-за занавѣси своей кроватки. На глазахъ у нея свѣтились слезы.

VIII.

Жизнь пошла, какъ заведенная машина.

Каждый вечеръ пріятели сходились и пили. Пили почти молча, мрачно, какъ-бы подчиняясь какому-то роковому закону. Изрѣдка лишь перекидывались они замѣчаніями.

— А водка нынѣ тепловата,—говоритъ Дыхляевъ, прожев
вая огурецъ.

Корневъ выпивалъ рюмку.

— Д-да... Но огурцы—прелесть! гораздо лучше вчерашних

— А вотъ лѣтомъ у насъ другая закуска будетъ, молод
рѣдька, знаешь, съ сметаной, свѣжіе огурцы... Чудо, что та
—сулилъ Дыхляевъ.

Иногда, и даже часто, Корневъ давалъ себѣ обѣщаніе
пить, исправиться, «стряхнуть съ себя грязь», просиживалъ
чера два дома, но въ концѣ концовъ, досадуя и негодуя
себя, шелъ къ Дыхляеву. У себя онъ не пилъ.

— У меня пить нельзя, — говорилъ онъ чуть не кажд
вечеръ Дыхляеву:—старуха ворчитъ, а Сашенька чуть не плачетъ

— А ты съ Сашенькой-то не того... не близокъ?—спрос
однажды Дыхляевъ.

— Что?! заикнись-ка еще разъ объ этомъ! — вскинулся
него Корневъ.—Она, братъ, славная дѣвушка, хоть и неразви

— Да я про что же говорилъ?—оправдывался Дыхляевъ.
Конечно, славная. Я и хотѣлъ спросить—не хочешь ли ты
ней жениться...

— Я?! Жениться! Ха, ха, ха! — засмѣялся Корневъ.—
насмѣшилъ! Нѣтъ, братъ! я до августа здѣсь кой-какъ промая
а потомъ въ университетъ!

Дыхляевъ отвернулся въ сторону и закрылъ ротъ рукой.

— Ты что?! Смѣешься?

— Нѣтъ, нѣтъ! Ну, право же, нѣтъ! Конечно, въ авгу
ты поступишь въ университетъ... На который курсъ?

— На третій или на четвертый.

— Лучше ужъ на четвертый... Выпьемъ за твое поступлен

— Выпьемъ!

Олинъ зашелъ какъ-то на «огонекъ» и напился. На дру
день онъ снова заявился. Стали пить втроемъ.

— У васъ славно,—говорилъ онъ:—пей безъ всякихъ це
моній, да и кончено!

Къ «священной лигѣ», какъ окрестилъ Дыхляевъ пьянству
щую компанію, начали приставать всѣ, кому хотѣлось выпи
а въ гости идти было некуда. Письмоводитель непремѣнн
члена чокался съ мировымъ судьею, прогорѣвшій помѣщи
Шмитъ съ домашнимъ учителемъ предводителя дворянства. Час
пили до утра и оставались ночевать у Дыхляева. Домашній учите
предводителя, изъ семинаристовъ, спился съ-кругу и сталъ явля
къ своимъ питомцамъ черезъ день, а иногда и черезъ два. Пр

водитель прогналъ его и взялъ другого. Но и другого постигла та же участь. Тогда предводитель махнулъ рукой на дешевизну и пригласилъ кандидата правъ.

— Двое вашихъ предшественниковъ спились ужъ. Не знакомьтесь съ учителями, не губите себя,—говорилъ предводитель новому учителю.

Новый учитель внялъ совѣту и нѣсколько недѣль не знакомился съ членами «священной лиги». Лига была кровно обижена этимъ.

Однажды Байко («кандидатъ правъ Байко», какъ рекомендовался всѣмъ домашній учитель предводителя) мирно гулялъ по одной изъ двухъ городскихъ улицъ.

— А вы поскорѣй идите,—раздался сзади него чей-то насмѣшливый голосъ.

Байко обернулся и увидѣлъ красное лоснящееся лицо мирового съ насмѣшливыми черными глазками, которые въ эту минуту были прищурены отъ солнца и глядѣли поэтому еще насмѣшливѣй.

— А что?—спросилъ Байко невольно.

— Принципалъ-то вашъ, пожалуй, разсердится. Знаемъ мы!—подмигнулъ мировой.

Байко обидѣлся и принялъ гордую осанку.

— Вы же не торопитесь,—замѣтилъ онъ сухо.

— Мнѣ не къ спѣху—я къ Дыхляеву иду.

— Скажите, пожалуйста, что это за злой геній такой, этотъ Дыхляевъ? — оживился Байко. — Только и слышу: Дыхляевъ, у Дыхляева, къ Дыхляеву...

— Идите, покажу,—предложилъ мировой съ невиннымъ видомъ, но тотчасъ же испуганно прибавилъ:—ахъ нѣтъ, нѣтъ! не ходите! сопьетесь! Двое вашихъ предшественниковъ спились ужъ... Такъ вѣдь?—залился мировой добродушнымъ хохотомъ.

— Такъ,—улыбнулся и Байко.

— То-то и есть! Ай-ай, какъ мы заболтались! Ступайте-ка домой, пока Петръ Алексѣичъ кухарку за вами не послалъ.

— Оставьте это, пожалуйста,—остановилъ его съ чувствомъ собственнаго достоинства Байко:—что вы меня мальчикомъ что-ли считаете?

— Мальчикомъ я васъ не считаю, а думаю, что предводитель васъ въ рукахъ держитъ, что вы у него по стрункѣ ходите.

— Изъ чего это вы заключили?

— Да вѣдь вамъ, признайтесь, хочется хоть разъ у Дыхляева побывать? Признайтесь!

— Ну, хочется,—покраснѣлъ слегка Байко.

— А идти боитесь!

— Ну вотъ вздоръ! просто случая до сихъ поръ не бы познакомиться.

— Идемте—познакомлю: мы люди простые.

Байко снова покраснѣлъ.

— Сегодня мнѣ, знаете ли, некогда... Въ другое вре какъ-нибудь.

— Ну вотъ то-то и есть! — засмѣялся мировой и по дальше.

Байко постоялъ съ минуту въ нерѣшимости. Онъ бо идти къ Дыхляеву, но и мальчишкой ему быть не хотѣ Ничѣмъ нельзя было оскорбить его такъ сильно, какъ при за мальчишку, потому-что ему было 23 года и на подборо у него не было ни одного волоска. Не было у него и усо а тоненькая стройная фигура, нѣжный сопрано, которымъ говорилъ, способность краснѣть почти при каждомъ словѣ дѣл его похожимъ даже не на мальчика, а прямо на молоденьк дѣвушку.

— Послушайте-ка!—крикнулъ онъ вслѣдъ мировому.

Торжествующая улыбка мелькнула на толстыхъ губахъ м рового. «Ага! клюнулъ-таки!» подумалъ онъ.

— Покажите мнѣ, на всякій случай, квартиру Дыхляева.

— Извольте, батенька, извольте! квартира у него незавид да «не красна изба углами»...

Лига была почти вся въ сборѣ, когда мировой торжестве ввелъ Байко.

— Мертвъ бѣ—и ожилъ, пропадалъ—и нашелся,—говор онъ, рекомендуя гостя.

Байко, красный, какъ маковъ цвѣтъ, пожималъ руки.

— Вы вотъ что, — обратился къ нему Корневъ: — если хотите спиться, не ходите къ намъ.

— Почему?—спросилъ Байко обидчиво.

— Сами спились и другихъ спаиваемъ,—пояснилъ Корн грустно.

— Не безпокойтесь—я не мальчикъ, я знаю, что дѣла возразилъ Байко гордо.

— То-то, смотрите! мое дѣло предупредить васъ, а т какъ знаете.

Лишь на другой день попалъ Байко къ предводителю. Пр водитель крякнулъ, закусилъ усы, но ничего не сказалъ. Да

незачѣмъ было говорить: собственная совѣсть мучила Байко несравненно сильнѣе, чѣмъ боязнь лишиться мѣста.

Цѣлую недѣлю не ходилъ Байко къ Дыхляеву, но потомъ зашелъ — «на минутку».

— Здоровую нотацію прочли вамъ? — освѣдомился мировой.

— Оставьте, пожалуйста, разъ навсегда эти... недостойныя подсмѣиванія! — вспылилъ Байко.

— Ну, извините, когда такъ: я, право, не хотѣлъ васъ обидѣть! Выпьемте... на мировую?

«Лига» сдѣлалась чѣмъ-то роковымъ. Противъ нея раздавались громкія жалобы. Жены членовъ часто являлись въ Дыхляеву и со слезами укоряли его и Корнева за совращеніе мужей. Обвиняемые отмалчивались. Мужья шли домой, но, улучивъ свободную минуту, снова появлялись.

— Три клапана есть въ жизни, — философствовалъ порой Байко: — вино..

— Водка, — поправлялъ его точный Олинъ.

— Женщины и карты.

При словѣ «женщины» Корневъ опускалъ глаза. Да, будь онъ по прежнему знакомъ съ Марьей Васильевной, онъ не спился бы.

— И не будь этихъ клапановъ, все мыслящее въ уѣздныхъ городишкахъ задохнулось бы.

Корневъ горячо возставалъ противъ этого. Все это вздоръ. Есть выходъ въ честномъ, разумномъ трудѣ, и блаженъ тотъ, кто любитъ свой трудъ, кто въ немъ способенъ находить наслажденіе. Къ клапанамъ прибѣгаютъ лишь слабовольные люди, люди-тряпки, способные исполнять только казенную, строго-опредѣленную работу, не могущіе отыскать себѣ дѣла по собственному почину. — Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ пить. Наконецъ, разразилась гроза и надъ лигой.

— Ну, господа, конецъ лигѣ! Окружной инспекторъ пріѣхалъ по донесенію предводителя. Отъ смотрителя сейчасъ слышалъ, — говорилъ однажды вечеромъ запыхавшійся Дыхляевъ.

Комната инспектора (онъ остановился у смотрителя) выходила на улицу. Было уже поздно. Инспекторъ сидѣлъ на диванѣ, задумчиво перекладывалъ единственную прядь волосъ съ одного виска на другой и посматривалъ на жену Олина, немолодую худощавую женщину.

— Ваше превосходительство! разлучите его съ товарищами, — молила она инспектора: — Христа ради разлучите: у насъ трое дѣтей... До нынѣшняго года онъ не былъ пьяницей...

Подъ окномъ послышался сдержанный смѣхъ. Кто-то задалъ

тонъ, послышалось откашливаніе и вслѣдъ за тѣмъ грянулъ нестройный хоръ.

«Я вновь предъ тобою стою очарованъ», выдѣлялся звучный теноръ Дыхляева.

— Господи!—жена Олина сложила руки.—И мой здѣсь же,—сказала она съ отчаяніемъ вполголоса, прислушиваясь къ фальшивому баску мужа.

— Недурно поютъ, — одобрилъ инспекторъ. — Не знаете, кто это?

Олина замялась.

— Свадьба сегодня у одного чиновника.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! Ура!—крикнулъ хоръ.

— Это что̀ такое?—изумился инспекторъ.

— Съ пріѣздомъ, ваше превосходительство!

Инспекторъ высунулъ голову въ окно. Пѣвцы съ громкимъ хохотомъ разбѣжались.

— На водочку бы намъ! — донесся откуда-то уже издали голосъ Дыхляева.

Инспекторъ покачалъ головой.

— Не учителя это?—спросилъ онъ подозрительно.

Олину бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Солгать—завтра по голосамъ узнаетъ, сказать правду... Тогда что̀ будетъ?

— Они... Не погубите, ваше превосходительство! Трое дѣтей!—зарыдала она, падая инспектору въ ноги.

На другой день произошла въ высшей степени тяжелая и позорная для Корнева сцена.

— Вы не догадываетесь, зачѣмъ я васъ собралъ?—спрашивалъ инспекторъ учителей.

Инспекторъ сидѣлъ въ креслѣ, положивъ ногу на ногу и закинувъ руки за спинку кресла. Учителя полукругомъ стояли передъ нимъ. Корневъ стоялъ, мрачно опустивъ голову. Дыхляеву, казалось, очень трудно было удержаться отъ смѣха при взглядѣ на плотнаго старичка съ лысой головой, гладко-выбритымъ лицомъ. Особенно же смѣшила его верхняя губа инспектора, искривлявшаяся и подергивавшаяся при каждомъ словѣ. У Олина тряслась рука, которой онъ придерживалъ шпагу, тряслись ноги, тряслось сердце. Блѣдный, съ дрожащими губами, робкимъ взглядомъ, онъ представлялъ совершенную противоположность и Дыхляеву, и Веймару, спокойно стоявшему нѣсколько поодаль отъ нихъ.

— Не догадываетесь?—спросилъ еще разъ инспекторъ.

Корнеевъ еще ниже опустилъ голову и стиснулъ зубы. «И чего еще томить?—думалъ онъ.—Имѣетъ вѣдь полное право дѣлать, что угодно!» — Олинъ сильнѣе затрясся, а Дыхляевъ спокойно отвѣтилъ:

— Не догадываемся, ваше превосходительство.

— Что вы по вечерамъ дѣлаете? а?

— Водку пьемъ, ваше превосходительство,—отвѣтилъ такъ же невинно Дыхляевъ.

Олинъ чуть не упалъ и странно уставился на Дыхляева. Корнеевъ улыбнулся. Инспекторъ былъ, видимо, изумленъ.

— Водку пьете?—переспросилъ онъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Каждый вечеръ?

— Каждый.

— Какъ же это можно! да развѣ вы *за это* жалованье получаете?

— Не *получаемъ*, ваше превосходительство, ни копейки — доплачиваемъ, напротивъ.

Инспекторъ окончательно растерялся и, сдвинувъ брови, долго сердито сопѣлъ.

— Они и въ классъ пьяные ходятъ?—спросилъ онъ Веймара.

— Нѣтъ, милый мой, ваше превосходительство, не ходятъ,—прошамкалъ Веймаръ.

— Мы послѣ классовъ пьемъ,—подтвердилъ Дыхляевъ.

Инспекторъ снова удивленно посмотрѣлъ на него и посопѣлъ.

— А вамъ какъ не стыдно?—накинулся онъ на Олина.

— Виноватъ, ваше превосходительство,—прошепталъ тотъ дрожащимъ голосомъ.

— Скучно,—заявилъ Дыхляевъ.—Вы пожили бы, ваше превосходительство, здѣсь — непремѣнно вмѣстѣ съ нами пить начали бы.

— Я? Никогда! Я пять лѣтъ въ Островѣ жилъ—и не пилъ.

— Это меня не удивляетъ,—заявилъ Дыхляевъ.

— Какъ, не удивляетъ?—спросилъ инспекторъ обиженно.

— Можно ли писать «Житіе Кирилла Туровскаго» и въ то же время пить?—сказалъ Дыхляевъ восторженно, ни мало не смутившись.

— А! вы читали мою брошюру?—осклабился инспекторъ.

— Нѣсколько разъ, ваше превосходительство.

— А рецензіи на нее читали?—спросилъ инспекторъ тревожно.

— Нѣтъ. Кто теперь разбираетъ книги? Недоучки!

— Вѣрно, вѣрно,—просіялъ инспекторъ.—Вы хорошимъ бы учителемъ были, если бы не пили.

Дыхляевъ поклонился.

— Васъ, Олинъ, я переведу, т.-е. представлю объ этомъ попечителю: вамъ стыдно—вы человѣкъ пожилой, семейный.

— А мы, ваше превосходительство, совсѣмъ еще молоды, мы исправимся,—замѣтилъ Дыхляевъ скромно.

— Я на это надѣюсь... Посмотримъ, что̀ будетъ на слѣдующій годъ. Жаль, если такая голова пропадетъ,—замѣтилъ инспекторъ Веймару.—Нѣтъ ли у васъ закусить чего-нибудь?

Объясненіе кончилось.

IX.

Шелъ іюль мѣсяцъ. Стояли невыносимые жары, и обитатели N сидѣли по цѣлымъ днямъ дома, лишь вечеромъ выходя на набережную. На Ильинъ день было особенно жарко. Лѣто, переходя во вторую половину, какъ бы хотѣло запасти землѣ тепла на дождливую, туманную осень и морозную зиму.

Корневу было жарко, но онъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія, не позаботился даже открыть окно: онъ былъ занятъ разговоромъ съ Анисьей Петровной.

— Что вы все пьете, Евгеній Александрычъ? зачѣмъ себя губить?—спрашивала Анисья Петровна.

— Отъ скуки, Анисья Петровна, отъ скуки.

— Нашли чѣмъ скуку разгонять!—возразила Анисья Петровна презрительно.

— А чѣмъ же? Посовѣтуйте.

— На охоту бы ходили.

— Пробовалъ—не нравится.

Помолчали.

— Ну, еще одно средство есть...

— Какое?

Анисья Петровна помолчала, собираясь съ духомъ. Ужъ сколько разъ хотѣла она заговорить объ этомъ, да все смѣлости не хватало. Но теперь она рѣшилась. Ей и Евгенія Александрыча жаль—человѣкъ хорошій, что̀ и говорить,—а дочь и того больше.

— Да чтобы вамъ не жениться?—высказала она вдругъ.

Корневъ посмотрѣлъ на нее и разсмѣялся.

— Отъ скуки жениться?

— Да хоть отъ скуки. Вы думаете, съ женой-то не веселѣй? Еще какъ веселѣй-то! Повѣрьте мнѣ — сама замужемъ была. Бывало, закручинится эдакъ покойный Иванъ Ѳедосеичъ, а я къ нему подсяду, обниму рукой за шейку.—«Что, молъ, Ванюшка, не веселъ, что головушку повѣсилъ!» Да какъ улыбнусь, да поведу вотъ эдакъ бровями — такъ куда и печаль дѣнется!

Анисья Петровна оживилась, въ старыхъ глазахъ мелькнулъ огонекъ молодости.

— Такъ вотъ и ваше дѣло.

Корневъ тихо смѣялся, поглядывая на хозяйку черезъ очки. Онъ вспомнилъ про свояченицу исправника и въ раздумьѣ покачалъ головой.

— Право женитесь!

— На комъ же мнѣ жениться? Желалъ бы я знать, кто за меня пойдетъ!—возразилъ онъ, посмѣиваясь.

У Анисьи Петровны сильно забилось сердце.

— Кто пойдетъ? Изъ богатыхъ да образованныхъ, конечно, никто не пойдетъ: чтó у васъ есть? Одни штаны, съ позволенія сказать, да и тѣ худые!

Корневъ съ улыбкой посмотрѣлъ на продранныя колѣни и кивнулъ головой.

— А вы себѣ попроще поищите, небогатую, неученую... Тѣ, батюшка, лучше любить-то умѣютъ. Я вотъ за покойнымъ мужемъ тридцать лѣтъ жила, одинъ Богъ знаетъ, чего не перенесла, а вѣрна ему была, другимъ на шею не вѣшалась, не то что наша исправница, къ примѣру.

Анисья Петровна остановилась и внимательно посмотрѣла на собесѣдника. Евгеній Александрычъ не менѣе внимательно разсматривалъ бутылку.

— Вотъ вы сказали, что жениться не на комъ,—заговорила Анисья Петровна робко,—а я знаю, на комъ вамъ надо жениться.

Корневъ удивленно посмотрѣлъ на нее. «Ужъ не играетъ ли она роль свахи?» мелькнуло у него въ головѣ.

— На комъ? Скажите—интересно!

— «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его»,—помолилась мысленно Анисья Петровна и съ гнѣвомъ начала:

— Да вы слѣпой что-ли? Глаза-то у васъ есть иль нѣтъ, Вы не видите что-ли, по комъ Сашенька моя плачетъ, убивается? Эхъ, Евгеній Александрычъ, Евгеній Александрычъ!—покачала Анисья Петровна головой.

Кровь бросилась Корневу въ голову и залила яркой краской лицо.

— Послушайте, Анисья Петровна! неужели вы думаете что я...

— Ничего я, батюшка, не думаю! Не слѣдовало бы мн объ этомъ и говорить-то, да вѣдь дочь она мнѣ, вѣдь мое серд изныло, на нее глядючи... Изсушили вы ее, мою голубушку!

Анисья Петровна расплакалась и энергично начала утир глаза бѣлымъ платочкомъ.

Корневъ сидѣлъ, какъ въ чаду. Сначала онъ думалъ, ч старуха подозрѣваетъ его въ чемъ-то нехорошемъ, и ему сд лалось стыдно отъ одного предположенія о возможности тако подозрѣнія, потомъ...

— Сашенька?!—вырвалось у него невольно.

И онъ началъ припоминать. Припомнились ему ея весел лукавые взгляды раньше, когда онъ не пилъ; вспомнились п чальныя улыбки и слезы, съ которыми она встрѣчала его ино позднею ночью или раннимъ утромъ; заботливость, съ котор она ухаживала за нимъ во время двукратнаго нездоровья— чувство глубокой жалости къ этой дѣвушкѣ шевельнулось въ е сердцѣ.—Бѣдная!—подумалъ онъ,—неужели она меня люби Ахъ, бѣдная!

«Да, онъ женится на ней. Она знаетъ его, ей не пр дется разочаровываться. Если она хочетъ выйти за него заму онъ женится: пусть она будетъ счастлива».

— Такъ вы говорите, что я Сашеньку изсушилъ?—спр силъ онъ.

— Изсушили, Евгеній Александрычъ, изсушили!—подтве дила Анисья Петровна энергично.

— И что мнѣ на ней слѣдуетъ жениться?

— А ужъ это какъ вы знаете, батюшка: я съ ней не бываюсь. Мнѣ только ее жалко, а то за женихами дѣло не ст нетъ. Коли вы ее не возьмете, я завтра же съ Максимомъ И ничемъ, сапожникомъ, переговорю: онъ за нее давно свата да не хотѣлось мнѣ выдавать за него,—говорила Анисья П тровна съ сильно бьющимся сердцемъ.

— А Сашенька хочетъ за него идти? — спросилъ Корнев съ какимъ-то новымъ чувствомъ, похожимъ на ревность.

Анисья Петровна замахала головой.

— Что вы! что вы! и руками, и ногами! — возразила о даже нѣсколько обиженно.

Евгеній Александрычъ выпилъ. «Что же? Его личная ж разбита—пусть другіе, благодаря ему, будутъ счастливы».

— Я женюсь,—сказалъ онъ кротко.

— Батюшка! Евгеній Александрычъ! да неужели правда? Ахъ вы золотой мой! да дайте я васъ поцѣлую за это!

Она обхватила его голову обѣими руками и три раза смачно поцѣловала.

— Спасибо, что пожалѣли сироту! Мнѣ жить недолго—на кого она останется? Сашенька! Сашенька! поди сюда!

Сашенька робко пріотворила дверь.

— Слышишь ты, Сашенька...

— Погодите, Анисья Петровна, я самъ... Пройдите сюда, Сашенька.

Сашенька вошла и присѣла, опустивъ глаза, на кровать. Она догадывалась, что происходило что-то очень важное, что рѣчь шла о ней, и попеременно то вспыхивала, то блѣднѣла. Она была не трусиха, далеко нѣтъ, но теперь она боялась, страшно боялась, чтобы не разлетѣлись ея дѣвичьи мечты прахомъ. При первыхъ словахъ Корнева она вся затрепетала.

— Сашенька!

Евгеній Александрычъ снова выпилъ.

— Сашенька! Пойдете за меня замужъ?—спросилъ онъ, краснѣя и нерѣшительно.

— Конечно, пойдетъ! съ радостью пойдетъ! Я же вамъ говорила.

— Постойте, Анисья Петровна, пусть она сама скажетъ.

— Ну, что же ты молчишь? Говори,—разсердилась даже немного Анисья Петровна.

— Ахъ, Анисья Петровна!—закачалъ нетерпѣливо головой Корневъ.

— Вы не шутите, Евгеній Александрычъ?—спросила Сашенька прерывающимся голосомъ, тихо и робко.

— Нѣтъ, Сашенька, серьезно. Почему вы думаете, что я шучу?

— Я такая неученая, простая...

— Какія шутки! что ты еще ломаешься! — прикрикнула Анисья Петровна.

— Анисья Петровна! Я уйду, если вы не замолчите!

Анисья Петровна испугалась и, какъ подстрѣленная, опустилась на стулъ.

— Молчу, молчу.

— Такъ пойдете?—снова спросилъ Корневъ.

— Пойду...

Сашенька покраснѣла и немного отвернулась.

— Вы, Сашенька, подумайте. Вѣдь я—пьяница,—улыбнулся Корневъ горько.

Анисья Петровна сорвалась-было съ мѣста, но тотчасъ сѣла и только шумно, нетерпѣливо вздохнула.

— Это ничего, Евгеній Александрычъ: я буду васъ поддерживать,—сказала Сашенька тихо.

Корневъ умилился. Эта дѣвочка хочетъ поддерживать его! Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Такъ это правда? правда?—прошептала смущенная Сашенька, отнимая руку.

Корневъ снова овладѣлъ ея рукой и снова поцѣловалъ.

— Правда, Сашенька.

Она не отняла руки и тихо заплакала.

— Ну, слава Богу! покончили! — поднялась шумно Анисья Петровна.—Глядѣть-то на васъ тошно! Хоть поцѣлуйтесь что-ли!

И женихъ, и невѣста оба покраснѣли, но не поцѣловались. Корневъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Ну, ладно, ладно: потомъ наквитаете! Ну, Евгеній Александрычъ, сегодня надо священника призвать — обрученье сдѣлать.

— Такъ скоро?—удивился и смутился нѣсколько Евгеній Александрычъ.

— Чего же ждать? Мясоѣдъ къ концу ужъ, а до осени еще долго—самимъ ждать наскучитъ,—улыбнулась она лукаво.

— Или вамъ не хочется такъ скоро? — спросила она осторожно.—Можно и отложить: вы человѣкъ благородный, слово свое не измѣните.

— Нѣтъ, нѣтъ! какъ хотите!—поспѣшно согласился Корневъ, краснѣя при мысли, что Анисья Петровна заподозрила искренность его намѣренія жениться.

— Пойдемъ, Сашенька: одна-то я не управлюсь... А вы легли бы отдохнуть, Евгеній Александрычъ,—посовѣтовала она участливо.

Проснулся Корневъ отъ осторожнаго покашливанія. Кузьма Мосеичъ сидѣлъ у окна и разсматривалъ какую-то книгу.

— Проснулись?—спросилъ онъ ласково.—А я давно ужъ у васъ сижу. Прибѣжала ко мнѣ кума. «Кумъ, говоритъ, Евгеній Александрычъ Сашенькѣ предложеніе сдѣлалъ!» Я и лейку выронилъ. — Ну? говорю. — «Приходи, говоритъ, вечеромъ на обрученье».—Ахъ, мухи тебя ѣшь, думаю: надо пойти... И пришелъ пораньше.

Корневъ медленно всталъ и присѣлъ на кровать. Не совсѣмъ

...ще протрезвившійся и со сна, онъ плохо слушалъ Кузьму Мо...сеича. Одна мысль лишь: «сегодня обрученье» молніей прорѣзывалась въ его затуманенномъ мозгу.

— Кузьма Мосеичъ! нельзя ли водочки достать? немножко ...ть? а?—попросилъ онъ нерѣшительно.

Кузьма Мосеичъ съ недоумѣніемъ и сожалѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Достаньте, пожалуйста!

— Достать-то я достану, только...

— Я немного лишь выпью, не напьюсь... Честное слово!

Корневъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. «Сегодня обру...нье»,—повторялъ онъ машинально. Онъ не раскаивался, но ...у было невыразимо страшно передъ чѣмъ-то неизвѣданнымъ. ...удто нитка какая-то оборвалась, и онъ очутился въ пустомъ ...остранствѣ.

Кузьма Мосеичъ явился въ сопровожденіи Дыхляева.

— Что? не угадалъ развѣ я? А ты еще тогда сердился,—...ворилъ весело Дыхляевъ.

— Да тогда, братъ, я и самъ еще объ этомъ не думалъ,—...правдывался Корневъ.

— Толкуй еще! когда же ты надумалъ? Не вчера же!

— И не вчера даже.

— Когда же?!

— Да, собственно говоря, только сегодня,—сознался Корневъ.

— Сегодня?!—протянулъ Дыхляевъ въ недоумѣніи.

Кузьма Мосеичъ покачалъ головой.

— Охъ, смотри, кума подтолкнула!—подумалъ онъ.

— То-есть, сегодня я окончательно надумалъ,—поправился ...орневъ.

— Ну, ладно... Поздравляю! Дай вамъ Богъ совѣтъ да лю...вь! Совсѣмъ распалась лига! Олина перевели, мировой умеръ. ...айко уволили, письмоводителя прогнали... Одинъ я! снова одинъ. ...а упокой лиги.

Всѣ выпили.

— Какъ же ты теперь съ университетскимъ образованіемъ ...ступишь? по боку его, небось? а?—посмѣялся Дыхляевъ.

— Университетъ?—переспросилъ Корневъ растерянно.

И вдругъ всѣ старыя мечты возобновились въ его памяти и ...токомъ нахлынули на него. Онъ пилъ это время, слишкомъ ...лго пилъ, но все-таки думалъ объ университетѣ, и эти думы, ...и мечты скрашивали ему жизнь. На N-скъ онъ смотрѣлъ какъ ...а промежуточную станцію: на станціи душно, грязно, но впе-

реди свѣтло, впереди чистый воздухъ... Ему бы лишь выбраться со станціи—тамъ онъ и пить броситъ. И вотъ теперь всѣ его мечты разлетѣлись... Онъ долженъ отъ нихъ отказаться. Долженъ! Что онъ надѣлалъ, что онъ надѣлалъ!

— Все кончено! и университетъ, и все!—вскрикнулъ Корневъ съ отчаяніемъ.—Боже мой! умрешь пьяный подъ плетнемъ, какъ собака!

Онъ закрылъ лицо руками и прошепталъ, покачиваясь всѣмъ тѣломъ: «загубили, загубили!»

У Кузьмы Мосеича на глаза навернулись слезы. Онъ подошелъ къ Корневу и слегка обнялъ его.

— Братъ! тебя загубили... Крестницу не загуби! Чѣмъ она виновата?

Корневъ положилъ голову на плечо старика и тихо заплакалъ, всхлипывая, какъ ребенокъ.

— Эхъ! вотъ она, жизнь учительская!—вздохнулъ Дыхляевъ, отирая глаза.

Кузьма Мосеичъ любовно, какъ мать ребенка, гладилъ Корнева по головѣ и шепталъ, вздыхая:

— Что дѣлать, что дѣлать!

Долго плакалъ Корневъ о своихъ погибшихъ мечтахъ, и чѣмъ больше онъ плакалъ, тѣмъ легче ему становилось, миръ водворялся въ его душѣ, а въ головѣ робко бродили новыя, не ясныя надежды на счастье.

И. Борскій.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ СКЛАДѢ
РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

Историко-критическія замѣтки.

I.

Въ толкахъ о «народности», наполняющихъ нашу литературу, господствуетъ такое разнорѣчіе, что его нельзя не приписать крупному недоразумѣнію относительно самаго пониманія ея сущности. На нее ссылаются и въ предметахъ литературно-образовательныхъ и художественныхъ, и въ вопросахъ общественной и политической жизни, но понятія о ней такъ различны, что на ея «началахъ» опираются въ одно и то же время мнѣнія совершенно противоположныя. Такъ, на ней основываются и тѣ направленія, которыя стремятся къ народной и общественной свободѣ, и новѣйшій консерватизмъ, предполагающій найти себѣ опору въ старомъ національномъ преданіи; къ ней прибѣгають наконецъ тѣ новыя направленія, которыя, стремясь отыскать основы народнаго блага, запутываются въ мнимомъ противорѣчіи между прогрессивными идеями и дѣйствительностью народныхъ понятій и быта.

Всѣ эти направленія ищутъ опоры въ томъ или другомъ толкованіи «народности». Теоріи прогрессивныя, не довольствуясь прежними отвлеченными положеніями о правѣ человѣческой личности и необходимости свободнаго ея развитія, исходятъ изъ понятія о народномъ, національномъ интересѣ, который можетъ

быть достигаемъ только извѣстными средствами широкаго про-свѣщенія и самодѣятельности; въ исторіи народа указывается множество явленій, изъ которыхъ очевидно, что самъ народъ,— которому обыкновенно приписывается упорный консерватизмъ,— на дѣлѣ самъ тяготился своей исторической дѣйствительностью, возмущался противъ нея, искалъ изъ нея выхода въ чемъ-нибудь новомъ и лучшемъ, искалъ той справедливости, къ опредѣленію которой стремятся современныя общественныя науки. Консерваторы, напротивъ, ссылаются на свой подборъ фактовъ, который будто бы какъ разъ подтверждаетъ, что для народа нѣтъ авторитета сильнѣе старины; что это и справедливо, такъ какъ старина представляетъ собою именно результатъ многовѣковой самобытной народной думы и опыта, стоящихъ выше перемѣнчивыхъ мнѣній немногочисленнаго класса оторванной отъ народа интеллигенціи.

Гдѣ же правда? Какому изъ этихъ направленій отвѣчаетъ дѣйствительный смыслъ «народности»; какое изъ нихъ угадываетъ истинный смыслъ прошедшаго и настоящія потребности народной жизни?

На это недоумѣніе постоянно наводитъ новѣйшая наша литература въ своихъ ожесточенныхъ спорахъ по поводу тѣхъ или другихъ явленій общественной и народной жизни—по поводу школы и образованія, администраціи, суда, церкви, наконецъ отношеній экономическихъ и сельско-хозяйственныхъ. Къ «народности» сводятся и капитальные вопросы внѣшней политики—именно, въ послѣднія десятилѣтія особенно вопросъ славянскій. Для однихъ, это—вопросъ, важнѣе котораго другого нѣтъ для русскаго народа и государства: это—вопросъ о самомъ существѣ нашей національной жизни; въ немъ наше предназначенье, безъ его рѣшенія нами и въ нашемъ народномъ смыслѣ русскій народъ не исполнитъ своего историческаго долга, загубитъ свои національныя основы. Другіе не простираютъ такъ далеко нашихъ національныхъ обязанностей, думая, что главнѣйшей заботой для народа должно быть устройство его собственныхъ матеріальныхъ дѣлъ и нравственныхъ отношеній, а не погоня за преданіями (частью мнимыми), надъ которыми исторія полагаетъ свое рѣшеніе. Еще болѣе сложное противорѣчіе является въ примѣненіи «народнаго» начала къ частнымъ междуплеменнымъ отношеніямъ: должно ли быть признано право польской національности; можетъ ли быть допущена отдѣльность малорусской народности въ литературѣ? Славянофильскіе мыслители отвергаютъ то и другое: въ первомъ случаѣ они забываютъ

о сами защищали теоретическое право національнаго существованія отдѣльныхъ славянскихъ племенъ (противъ нѣмцевъ, роковъ, мадьяръ и итальянцевъ); во второмъ случаѣ они ссылаются на историческое преданіе—объединительную роль Москвы, гда украинофилы ссылаются на такое же преданіе въ осой исторической роли южнаго русскаго племени. Слово «сепаизмъ», въ различныхъ примѣненіяхъ, уже двадцать лѣтъ раетъ въ нашей публицистикѣ роль политическаго пугала.

Вслушиваясь въ эти шумные толки, мы попадаемъ въ совершный хаосъ. Гдѣ опять правда, и въ чемъ заключается, наконъ, «народность»?

Надо было бы думать, что при этой важности народнаго ала, въ литературѣ явятся разностороннія объясненія самаго нципа, изъ которыхъ можно было бы извлечь точныя указанія объ его правильномъ примѣненіи къ отношеніямъ источескимъ и современнымъ. Какъ извѣстно, однако, этого нѣтъ. ретически и исторически принципъ остается очень мало выеннымъ и бóльшею частью, почти всегда, онъ просто берется ъ готовая (хотя въ сущности весьма неопредѣленная и туная) формула, изъ которой прямо дѣлаются догматическіе оды.

Напримѣръ. Мы постоянно слышимъ, какъ рѣшеніе, не лежащее спору, что русскій народъ и русская жизнь не ютъ ничего общаго съ Европой и что намъ предназначена ходѣ человѣческой исторіи особая, совершенно самобытная ь. Мы—главные представители греко-славянской цивилизаціи, противоположность романо-германской; представители истинностіанскаго начала въ формѣ восточнаго православія, въ проположность романо-германскому католицизму и протестантзу, утратившимъ вмѣстѣ съ единственно-правильнымъ пониманіемъ основного догмата и истинное пониманіе христіанской ности. Наша самобытная особенность столь глубока, что къ ъ неприложимы ни общественно-политическія формы западо европейскаго быта, ни даже западныя формы самаго мышія. Русскій народъ имѣетъ свое исконное преданіе, которое хранитъ вѣками своей исторіи, и его политическое и дуное развитіе можетъ здраво и нормально развиваться только духѣ этого преданія.

Эти и подобныя положенія повторялись у насъ множество ъ и знакомы, конечно, каждому читателю. Понятно, что изъ ъ проистекаютъ весьма важныя практическія примѣненія; примѣненія и дѣйствительно извлекаются изъ нихъ по раз-

нымъ вопросамъ нашего національнаго быта, и выдаются как поученіе, истекающее изъ самой глубины нашего народнаго на чала. Очевидно, однако, что эти положенія составляютъ весь произвольную теорію, которая далеко не подтверждается дѣйств тельною жизнью и исторіей. Толки о національномъ предназн ченіи, какъ извѣстно, были у насъ порождены въ особенно вліяніями нѣмецкой метафизики съ двадцатыхъ и тридцаты годовъ. Исторія, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, нащ въ судьбахъ народовъ строгую послѣдовательность и цѣлесообр ность, которая правильно отвѣчала теоретическимъ рубрика «философіи исторіи». Если каждый великій историческій нар имѣлъ какую-либо особую область и способъ дѣятельности, те рія рѣшала, что онъ именно *долженъ былъ* исполнить эту ро т.-е. исполнялъ свое историческое предназначеніе. Опредѣляемое прошедшемъ, «предназначеніе» отнесено было и въ будущ У насъ, теорія примѣнена была и къ русскому народу. Это бы несомнѣнно великій историческій народъ—потому что это бы народъ могущественный, занявшій своеобразное положеніе отн сительно другихъ народовъ Европы, носившій въ себѣ наслѣ восточнаго греческаго міра, распоряжавшійся половиной Евро и громадными пространствами Азіи. Нѣмецкая философская ис рія не угадывала его провиденціальной роли—или понимала совершенно превратно [1]); наши мыслители восполнили пробѣ и нашли предназначеніе русскаго народа въ помянутой вы формулѣ.

Не будемъ останавливаться на самой теоріи историческаго пр назначенія: она отжила свое время вмѣстѣ съ метафизическ построеніемъ исторіи. Въ данномъ случаѣ, выводъ о преднаэ ченіи былъ построенъ на чистомъ произволѣ поэтическаго патрі тизма. Оно доказывалось, какъ обыкновенно извѣстными истори скими фактами, которымъ подставлялось «предназначеніе» та сказать заднимъ числомъ; доказывалось и національными сво ствами. Историческое пониманіе превращалось въ фатализмъ и въ прорицаніе; національная судьба являлась какъ нѣчто на ро написанное. Но фатализмъ и пророчество мало вязались съ пр шедшими судьбами народа. Отчего высокое предназначеніе дает тому народу, а не другому? оно, конечно, должно было пр надлежать ему искони, когда онъ еще не успѣлъ заявить сво исторической способности,—потому что иначе нельзя было б говорить о предназначеніи. Извѣстныя національныя свойства ко

[1]) Напр., у Гервинуса, Einleitung in die Gesch. des XIX Jahrh.

гутъ быть поставлены въ достоинство народа, но они еще не дѣлаютъ исторіи—вмѣстѣ съ ними дѣлаютъ ее множество разнородныхъ условій, которыя относительно народа бывали чисто случайными и которыя, однако, также должны были бы входить въ область предназначенія?—Гдѣ могло начаться предназначеніе русскаго народа? Какъ помѣстить его въ тѣ вѣка, когда народъ только-что выдѣлялся неясными очертаніями изъ славянскаго цѣлаго? Начинать его съ принятіемъ христіанства? но въ то время еще цѣла была Византія и ей еще не требовался преемникъ; если позднѣе, то странно представлять, что для появленія Руси въ роли такого преемника нужно было не иначе какъ турецкое нашествіе и гибель цѣлыхъ православныхъ царствъ. Если Россія могла заявить свою историческую роль со времени усиленія Москвы, то неужели высокая роль русскаго народа въ христіанствѣ (которая считается его предназначеніемъ) должна была зависѣть отъ такого политическаго усиленія, которое, какъ извѣстно, добыто было средствами, часто далеко не возвышенными и не христіанскими. Словомъ, переводя мысль о «предназначеніи» на почву реальныхъ фактовъ и исторіи, мы постоянно наталкиваемся на придуманную его подстановку post facto, т.-е. послѣ фактовъ различнаго вмѣшательства Россіи въ балканскія дѣла, имѣвшаго иногда религіозныя основанія, а чаще политическія.—Остается ли «предназначеніе» невѣдомымъ для самого народа, или оно бываетъ въ сознаніи по крайней мѣрѣ лучшихъ, мудрѣйшихъ его людей? Обыкновенно принимается, что народъ въ глубинѣ своего непосредственнаго чувства именно носитъ это предназначеніе, т.-е. послѣднему придается извѣстный мистическій характеръ, или другими словами дѣлается опять произвольная подстановка, потому что мистическія положенія именно уклоняются отъ реальной провѣрки. Насколько народъ (т.-е. именно масса) могъ предрѣшать однимъ чувствомъ будущія судьбы націи и государства, не трудно видѣть изъ того, какими размѣрами вообще отличается горизонтъ народныхъ свѣденій.

Другой догматическій выводъ, извлекаемый часто изъ понятія о народности, состоитъ въ томъ, что народу приписываются извѣстныя свойства, которыя считаются неподвижными. Въ этомъ смыслѣ о «національномъ характерѣ» говорится обыкновенно такъ, какъ бы народъ нынѣшній былъ совсѣмъ однороденъ съ его предшественниками не только XVI—XVII-го вѣка, но XIII-го и даже X-го столѣтія. На этомъ понятіи о народности, конечно, только и возможно основывать обязательность преданія. Историческое наблюденіе и здѣсь представляетъ однако весьма серьез-

ныя возраженія. Преемственность въ народной жизни не под-
лежитъ сомнѣнію, она есть основаніе и необходимое услові
самой исторіи народа; тѣмъ не менѣе она вовсе не безуслов
и имѣетъ свой весьма категорическій предѣлъ, и именно, ес
только въ народѣ начался процессъ исторической дѣятельнос
и развитія, этотъ процессъ уже не допускаетъ *однородности* яв
ній—иначе какъ лишь на извѣстномъ пространствѣ времени.

Однородность равняется неподвижности и возможна лишь та
гдѣ еще нѣтъ историческаго движенія, когда народъ, въ пер
бытныя эпохи его существованія, остается въ однихъ неизм
ныхъ условіяхъ, уединенный отъ сосѣдства болѣе развитыхъ пл
менъ, не стремясь самъ къ расширенію своей дѣятельности
культурнаго горизонта. Но разъ началось историческое движе
когда народъ получаетъ новыя возбужденія, умственныя и бы
выя, когда возникаетъ его собственная дѣятельность, однороднос
поколѣній становится невозможной. Смѣна историческихъ по
лѣній есть рядъ все *новыхъ* общественно-политическихъ и нр
ственныхъ *формацій*, изъ которыхъ каждая вноситъ новое с
держаніе понятій, обычаевъ, такъ или иначе, больше и
меньше измѣняетъ старину и въ концѣ концовъ на значите
ныхъ промежуткахъ времени измѣняетъ самыя существен
черты народно-общественнаго бытія.

Такія и подобныя готовыя формулы, столь распространен
въ популярныхъ понятіяхъ о народности, становятся истори
ской ошибкой и нерѣдко ведутъ къ вреднымъ послѣдствіямъ д
общественнаго воспитанія: здѣсь въ особенности бываетъ исто
никъ тѣхъ извращеній національнаго чувства, какія можно н
блюдать очень часто, даже въ средѣ наиболѣе образованных
обществъ. Національное чувство, какъ форма любви къ роди
заключаетъ въ себѣ самыя лучшія нравственныя возбужден
призывая людей служить своему обществу и народу; но тѣ
больше надо желать, чтобы оно сохраняло свою нравственну
чистоту и не извращалось ни въ ту задорную самонадѣя
ность, въ которой находятъ національное достоинство та
называемые квасные патріоты, ни въ тупую и лѣнивую иск
чительность, которая создаетъ застой и въ немъ—одну изъ в
личайшихъ опасностей національной жизни.

На всѣ эти недоумѣнія и темныя представленія о народнос
должна въ особенности бросить свѣтъ ея *исторія*.

II.

«Если бы нужно было,—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей происхожденія народовъ,—указать одинъ изъ самыхъ яркихъ, можетъ быть, самый яркій результатъ дѣятельности современной мысли, мы сказали бы, что нѣтъ вещи, которая благодаря ей не сдѣлалась бы *древностью*... Нѣкогда антикварій занимался монетами, медалями, друидическими камнями,—таковы были самые обыкновенные памятники, въ которыхъ старались угадывать прошедшее и на которые направлялось вниманіе изслѣдователей. Но теперь есть другіе памятники, или, лучше сказать, все стало историческимъ памятникомъ. Наука пытается въ каждомъ кускѣ земли открыть слѣдъ причинъ, сдѣлавшихъ его именно такимъ, каковъ онъ есть. Наука знаетъ, что эти силы, дѣйствовавшія на него, оставили свой отпечатокъ, точно такъ же, какъ вкусъ и рука художника оставили свою печать на античномъ камнѣ... Масса разнообразныхъ подробностей, добываемыхъ современнымъ изыскателемъ, сообщаетъ тѣмъ картинамъ, какія онъ чертитъ, многосложность и богатство, приближающія ихъ въ природѣ. Самый человѣкъ въ глазахъ науки сдѣлался *древностью*. Въ сложной массѣ элементовъ, составляющихъ каждаго человѣка, наука пытается, начинаетъ читать, знаетъ, что она должна читать, полный конспектъ исторіи всей его жизни; въ этой исторіи она должна видѣть то, что̀ онъ есть и что̀ его дѣлаетъ такимъ, исторію всѣхъ его предковъ, исторію того. чѣмъ они были и того, что̀ ихъ сдѣлало такими, какими они были...

«Быть можетъ, замѣтятъ, что въ сказанномъ нами нѣтъ ничего новаго, что всегда было извѣстно, какъ будущее человѣка зависитъ отъ его прошедшаго, что всѣ мы знали, какъ свойственно человѣку походить на своихъ предковъ, что существованіе національнаго характера есть самое банальное общее мѣсто, что, когда философъ не умѣетъ иначе объяснить себѣ факта, онъ смѣло приписываетъ его какому-нибудь скрытому свойству расы. Но дѣло науки состоитъ не въ томъ, чтобы открыть элементъ наслѣдственности, а въ томъ, чтобы сдѣлать его яснымъ, дать намъ точное понятіе о результатахъ, которыхъ мы должны ожидать, объяснить намъ основанія, которыя даютъ намъ возможность предвидѣть эти результаты» [1])...

---

[1]) W. Bagehot, Lois scientifiques du développement des nations. Paris, 1882, стр. 2—4. (Bibliothèque scientifique internationale).

Науки, созданныя этимъ стремленіемъ проникнуть въ глу-бочайшія черты человѣческаго прошлаго и въ законы, по кото-рымъ совершаются физическія и нравственныя явленія человѣ-ческой жизни—развитіе, упадокъ, видоизмѣненіе человѣческихъ племенъ и обществъ, ихъ ростъ и исчезновеніе, — эти нау-принадлежатъ въ особенности новѣйшему времени. Вопросы, и-поднимаемые, исполнены такого интереса, что они уже иско-возбуждали любопытство и занимали величайшихъ мыслителей-религіозныхъ учителей, философовъ и ученыхъ; но можно ск-зать, что только теперь они сдѣлались предметомъ истинно научн-изслѣдованія, которое стало возможнымъ съ одной стороны необычайными успѣхами новѣйшаго естествознанія и затѣмъ могущественнымъ развитіемъ знанія историческаго. Изслѣдован-направленныя къ этимъ основнымъ вопросамъ о судьбахъ че-вѣчества, дали матеріалъ для цѣлаго ряда спеціальныхъ нау-которыя частью впервые созданы были нашимъ вѣкомъ, част-впервые поставлены были имъ на строго-критическую поч-таковы сравнительное языкознаніе и лингвистика, сравнител-этнографія, до-историческая археологія, новые успѣхи исто-ческаго знанія, наконецъ антропологія. Изученіе языка, древ-преданій и миѳологіи, ископаемыхъ остатковъ первобытнаго че-вѣчества, физическаго строя древняго и современнаго человѣ-нравовъ и обычаевъ дикаря, первыхъ начатковъ общества-разнообразныхъ формъ быта, такъ часто соприкасаются въ сво-стремленіяхъ къ одной цѣли, что самая классификація эти-наукъ до сихъ поръ остается невыясненной: этнографія, арх-логія, языкознаніе, антропологія, постоянно захватываютъ сосѣд-области фактовъ, сплетаются одна съ другою и вмѣстѣ съ тѣ-порождаютъ все новую спеціализацію изслѣдованій; но какъ ни размѣщались факты, масса ихъ возросла уже теперь до гр-маднаго богатства и привела къ выводамъ глубочайшаго ин-реса.

Вопросъ о человѣческихъ племенахъ въ болѣе или мен-строгой научной формѣ ставили уже ученые прошлаго вѣка даже болѣе ранніе, и новѣйшая антропологія имѣла сво-предшественниковъ въ Блуменбахѣ, Бюффонѣ, Кювье, Причар-и т. д.; но только въ послѣднія десятилѣтія ея поиски ст-пріобрѣтать все болѣе широкіе размѣры подъ вліяніемъ усп-ховъ естествознанія и исторіи [1]). «Этнологія» сдѣлалась

---

[1]) Краткій обзоръ развитія антропологической науки см. въ предисловіи къ ру-скому изданію „Антропологіи“ Тэйлора, и въ книгѣ Топинара.

послѣднія десятилѣтія предметомъ особеннаго ученаго любопытства; во Франціи, Англіи и Германіи, наконецъ и въ Россіи, учреждались спеціальныя общества съ цѣлью разнообразныхъ изученій естественной исторіи человѣка, которыя собраны были наконецъ въ общее понятіе «антропологіи». Эта наука съ одной стороны сливалась съ общими системами природы и общими вопросами о физіологіи и развитіи человѣка (Кювье, Ламаркъ, Бэръ, Дарвинъ, Геккель и пр.), съ другой тѣсно соприкасалась съ до-исторической и бытовой археологіей, наукой о языкѣ и самой исторіей. Рядъ первостепенныхъ ученыхъ и трудолюбивыхъ собирателей посвящали свои изысканія геологической древности, быту современныхъ дикарей, вновь открытымъ остаткамъ первобытнаго человѣка (изслѣдованія каменнаго вѣка, свайныхъ построекъ, могилъ и кургановъ и т. д.), народнымъ обычаямъ и всякаго рода старинѣ, и эти изслѣдованія съ большимъ интересомъ встрѣчены были и въ нашей собственной литературѣ, гдѣ въ переводахъ и извлеченіяхъ извѣстны труды Ляйеля, Дарвина, Гексли, Геккеля, Тэйлора, Вайца, Топинара, Брока́, Лёббока, Мэна, Лавелэ, Фюстель-Куланжа, Ворсо, Воцеля, Альквиста и друг.

Рядомъ съ естествознаніемъ, этнографіей и археологіей первобытнаго человѣка получило небывалые размѣры и историческое изслѣдованіе древности. Грандіозныя раскопки въ Египтѣ, въ странахъ древней Ассиріи и Вавилона, въ Малой Азіи, Греціи, Италіи, на югѣ и сѣверѣ Россіи, въ разныхъ странахъ западной Европы, наконецъ въ Америкѣ открыли громадные и неподозрѣваемые ранѣе горизонты исторической древности; въ кругъ историческаго знанія введены цѣлые неизвѣстные ранѣе историческіе періоды и племена — открытіе древнѣйшихъ обитателей Европы, впервые найденные и прочтенные памятники исторіи Египта, Ассиріи, Вавилона, новыя открытія въ области античнаго міра, памятники скиѳскіе, исторія американскихъ аборигеновъ и т. д., и т. д.

Наука сравнительнаго языкознанія была вполнѣ открытіемъ нашего времени. Съ первыхъ десятилѣтій нашего вѣка она совершила цѣлый рядъ замѣчательныхъ трудовъ, гдѣ къ изслѣдованію языка впервые былъ примѣненъ остроумный историческій и сравнительный анализъ: съ удивительной проницательностью намѣчены были законы развитія языка, и въ первый разъ сведено къ общему первобытному источнику разнообразіе европейскихъ языковъ, родства которыхъ до тѣхъ поръ не подозрѣвали, и, на основаніи фактовъ языка, впервые начинаетъ раскрываться до-историческая генеалогія европейской цивилизаціи.

Эти новыя отрасли знанія возникали вообще подъ вліяніе[м] невиданнаго прежде развитія исторической пытливости и анал[и]... они сказались и въ чрезвычайномъ расширеніи собственно-истор[и]ческой науки. Никогда прежде не достигала она этой широт[ы] взгляда, не вводила въ изслѣдованіе такого громаднаго матеріал[а], не ставила столь разнообразныхъ вопросовъ, не примѣняла так[ой] тонкой и строгой критики. И дѣйствительно, исторической нау[кѣ] до сихъ поръ никогда еще не удавалось съ такой реальн[ой] отчетливостью возсоздавать давно исчезнувшій міръ, угадыв[ать] его міровоззрѣніе, раскрывать тѣсную связь внѣшняго и внутре[н]няго быта обществъ и народовъ, и ихъ движущія силы. О[на] стремится обнять всѣ проявленія этой жизни отъ шумныхъ п[о]литическихъ событій до экономической статистики, отъ госуд[ар]ственнаго устройства до мелкихъ потребностей практическ[аго] быта и т. д. Она специализируется до чрезвычайности, но вмѣс[тѣ] съ тѣмъ растетъ многосторонность ея общаго взгляда и строго[сть] критическихъ требованій.

Подъ указаніями всѣхъ этихъ различныхъ изученій, въ нау[кѣ] о человѣческомъ обществѣ и его исторіи установляются точ[ки] зрѣнія, до сихъ поръ или совершенно неизвѣстныя, или гора[здо] болѣе отчетливыя. Антропологія, на основаніи анатомическ[ихъ] измѣреній и физіологическихъ признаковъ, открыла возможнос[ть] изученія расъ, приводящаго уже теперь къ чрезвычайно люб[о]пытнымъ выводамъ. Одинъ изъ этихъ выводовъ заключается [въ] рѣзкомъ различеніи *расы* и *народа*. Раса представляетъ соб[ою] анатомическія и физіологическія особенности племени; нар[одъ] опредѣляется такъ называемыми этническими признаками—яз[ы]комъ, особенностями этнографическими и общественнымъ скл[а]домъ. Отношенія расы, т.-е. антропологическаго строя племе[ни] и народа, какъ формаціи общественно-этнографической, чрез[вы]чайно разнообразны, какъ разнообразны и сложны комбинаціи пр[и]родныхъ условій международныхъ связей и цивилизаціи. Преж[де] думали обыкновенно, что племенная принадлежность народа д[о]статочно опредѣляется его языкомъ; болѣе внимательное изсл[ѣ]дованіе указываетъ, напротивъ, что между языкомъ и племенны[мъ] свойствомъ народа вовсе нѣтъ необходимой тождественности, ч[то] раса можетъ сохраняться при полной утратѣ языка и при си[ль]номъ измѣненіи обычая. Сходство языковъ еще не обознача[етъ] единства происхожденія и т. п. «Лингвисты,—говоритъ фра[н]цузскій антропологъ Топинаръ,—показавъ, что всѣ европейск[іе] языки, за исключеніемъ бискайскаго и финскаго, произошли от[ъ]

анскритскаго [1]), что ранѣе разсѣянія этихъ языковъ въ централь-
ой Азіи, они уже заключали слова для обозначенія металловъ
различныхъ земледѣльческихъ орудій, пришли къ выводу, что
лавная масса европейскихъ народовъ—арійскаго происхожденія
выселилась изъ центральной Азіи. Къ тому же пришли и
иеологи, вслѣдствіе доказаннаго ими соотвѣтствующаго отно-
енія между различными религіозными миѳами западныхъ и
осточныхъ народовъ.—Но теперь обнаружилась реакція противъ
того безусловнаго вѣрованія. Сравненіе найденныхъ въ землѣ
статковъ древнихъ расъ съ послѣдовавшими за ними народами
оказало непрерывность типа, нарушаемую только рѣдкими внѣд-
еніями чужеземной крови, болѣе или менѣе постоянными, остав-
ющими по себѣ мѣстами метисовъ или же окончательно исче-
ющими. Но рѣшительно ничѣмъ не доказано, чтобы арійцы
еренесли съ востока на западъ что-либо, кромѣ цивилизующаго
іянія, языка и знакомства съ металлами. Возникъ даже вопросъ,
ошло ли это вліяніе путемъ прямыхъ переселеній, или же
ло-по-малу вслѣдствіе постепеннаго втѣсненія или торговыхъ
ошеній» [2]). «Языкъ, которымъ говоритъ человѣкъ,—замѣчаетъ
глійскій антропологъ Тэйлоръ, — не представляетъ полнаго и
рнаго доказательства его происхожденія. Онъ можетъ даже
ести въ полное заблужденіе; каждый изъ насъ (т.-е. англичанъ)
дѣлъ людей, которые говорятъ только по-англійски, но имѣютъ
тайскія или африканскія черты лица и которые, по наведеніи
равокъ, оказываются вывезенными въ дѣтствѣ изъ ихъ родной
раны... Не только отдѣльныя особи, но цѣлые народы могутъ
рачивать свой родной языкъ подобнымъ путемъ. Негры, вве-
нные въ Америку какъ рабы, были взяты изъ различныхъ
еменъ и не имѣли никакого общаго языка; вслѣдствіе этого
и стали говорить между собою на языкѣ своихъ бѣлокожихъ
зяевъ — на ломаномъ англійскомъ, французскомъ или испан-
омъ языкѣ... Въ смѣшанномъ населеніи Корнуэльса—все равно,
ворить ли оно на кельтскомъ языкѣ или нѣтъ—остается кельт-
ая кровь, и относить современныхъ корнуэльцевъ къ чистой
глійской расѣ только потому, что они говорятъ по-англійски,
ло бы неправильнымъ употребленіемъ данныхъ, доставляемыхъ
ыкомъ. Подобное небрежное сопоставленіе языка и расы, какъ
дто бы они всегда идутъ рука объ руку, уже не разъ при-

[1]) Это, разумѣется, не точно: они не произошли отъ санскритскаго, а разви-
сь, вмѣстѣ съ санскритскимъ, изъ одного источника.

[2]) Антропологія, Топинара. Перев. И. И. Мечникова. Спб. 1879, стр. 419—420.

водило къ неправильнымъ антропологическимъ выводамъ... Хотя языкъ и весьма важенъ, какъ пособіе и руководство при изученіи исторіи народа, все-таки не должно разсчитывать, что онъ въ состояніи вполнѣ разъяснить намъ возникновеніе какой-нибудь расы или возвести насъ къ самому началу ея» [1].

Такимъ образомъ по изслѣдованіямъ антропологическимъ выходитъ, напр., что французы вовсе не настоящіе арійцы по происхожденію, но цѣлое наслоеніе различныхъ расъ, въ числѣ которыхъ предполагаются и неизвѣстные предки, кости которыхъ отысканы недавно въ до-историческихъ пещерахъ юга Франціи.

Языки, по выводамъ новѣйшей антропологіи, нерѣдко, конечно, сохраняются въ той средѣ, гдѣ они получили начало, но вмѣстѣ съ тѣмъ они различнымъ образомъ передаются отъ одного племени или народа къ другому, развиваются или исчезаютъ. Иногда побѣдители передаютъ свой языкъ побѣжденнымъ, иногда, напротивъ, усвоиваютъ языкъ послѣднихъ, теряя свой собственный. При смѣшеніи языковъ прежде всего принимаются слова, выражающія новыя идеи, старыя слова приспособляются къ нимъ, наконецъ измѣняется самая грамматика. Отдѣльныя части побѣжденныхъ (теряющихъ свой языкъ) долѣе хранятъ свой языкъ въ силу преданія, духа независимости или вслѣдствіе недоступности своихъ жилищъ, но наконецъ и онѣ уступаютъ, если иноплеменное вліяніе, враждебное или мирное, продолжаетъ свое дѣйствіе [2].

Антропологи вообще настаиваютъ на чрезвычайной стойкости и живучести расъ. Въ народахъ современныхъ они находятъ не только тѣхъ ихъ предковъ, о которыхъ сохранились свидѣтельства исторіи, но предполагаютъ и тѣхъ, остатки которыхъ теперь открываетъ палеонтологія. «Во Франціи,—говоритъ Топинаръ,—гдѣ однородность націи и ея единство сравнительно очень значительны, есть французы, но нѣтъ французской *расы*. Въ ней находятся: на сѣверѣ—потомки белговъ, валлоновъ и другихъ кимвровъ; на востокѣ—потомки германцевъ и бургундцевъ; на западѣ—потомки норманновъ; внутри страны—кельтовъ, которые были составлены изъ туземцевъ и пришельцевъ изъ различныхъ странъ, еще въ то время, когда ихъ имя только возникало; на югѣ, наконецъ, потомки аквитанцевъ и басковъ, не говоря уже о множествѣ мелкихъ колоній, о сарацинахъ, по...

---

[1]) Антропологія, Эд. Б. Тэйлора. Переводъ д-ра Ивина. Спб. 1882, стр. 150—151, 164.

[2]) Топинаръ, тамъ же, стр. 414.

дающихся мѣстами, тектозагахъ, оставившихъ въ Тулузѣ обычай уродованія черепа, и о купцахъ, прошедшихъ черезъ фокейскій городъ Марсель» [1]). Подобнымъ образомъ, ни до-историческій элементъ, ни позднѣе приходившія племена не образовали однороднаго типа въ Германіи; сами нѣмцы, по замѣчанію Топинара, начинаютъ приходить къ убѣжденію, что они не составляютъ исключенія изъ общаго правила европейскихъ народовъ и не составляютъ особой антропологической расы [2]), т.-е. другими словами, что въ Германіи до сихъ поръ продолжаютъ жить раздѣльные антропологическіе типы, временъ до-историческихъ и историческихъ, хотя объединенные нѣмецкимъ языкомъ и народностью. — Тэйлоръ приводитъ въ примѣръ постоянства антропологическаго типа рисунокъ съ головы статуи египетскаго царя (памятника, имѣющаго до 3,000 лѣтъ древности) и рядомъ современный портретъ жителя Египта, — они сходны до тождественности [3]). Это постоянство возможно тамъ, гдѣ люди продолжаютъ жить въ своей странѣ, не очень измѣняя свои обычаи и не очень смѣшиваясь съ другими народами. — Но въ томъ же Египтѣ онъ приводитъ и любопытные примѣры расоваго смѣщенія...

Различіе расъ заключается въ различіи анатомическихъ и физіологическихъ свойствъ, обыкновенно довольно рѣзкомъ и которое антропологи отыскиваютъ даже въ современныхъ народностяхъ, повидимому, весьма однородныхъ. Форма и объемъ черепа, размѣры и отношенія скелета, цвѣтъ глазъ и волосъ и т. д. указываютъ имъ отпечатки старой исторической расы тамъ, гдѣ, повидимому, отъ нея не осталось слѣда въ народности, имѣющей и новый языкъ, и новый общественный характеръ. Антропологическія различія коренныхъ расъ сопровождаются чрезвычайнымъ различіемъ умственныхъ явленій и образа жизни, какъ результата мозговой дѣятельности. Отдѣльныя расы отличаются чрезвычайно различной степенью пониманія, т.-е. разумности. Насколько мозговая дѣятельность плодотворна и разнообразна у расъ, называемыхъ высшими, — замѣчаетъ Топинаръ, — настолько она притуплена у низшихъ. «Можно думать, говоритъ одинъ изслѣдователь, что умъ дикаря на половину дремлетъ; нужно повторять предлагаемые ему вопросы, короткій разговоръ его утомляетъ, если отвѣты требуютъ нѣкотораго усилія мысли и памяти... Нѣкоторые дикари живутъ въ полнѣйшемъ индифферентизмѣ, на подобіе дикихъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 432, 415.
[2]) Тамъ же, стр. 444.
[3]) Антропологія, Тэйлора, стр. 81.

звѣрей» и т. д. [1]). Арійскіе народы отличаются способност къ исчисленію; низшія племена не умѣютъ считать дальше 2 3 или 5, — за этимъ, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ безконечное непостижимое [2]). Различна способность къ рисованію: есть племе восходящія вѣроятно, къ первобытнымъ временамъ, которыя умѣю чертить только кружки и палочки и иногда не способны от чить на рисункѣ головы отъ дерева или корабля; китайцы, смотря на многія тысячи лѣтъ существованія ихъ культуры, до си поръ не понимаютъ перспективы; — другіе народы напротивъ об руживаютъ весьма сильное художественное чувство. Различ бываетъ ощущеніе музыкальной гаммы: звуки гармоничные д однихъ племенъ бываютъ невыносимы для уха другихъ, и различіе прямо сводится къ различію анатомическаго строен какъ къ тому же сводятся различія въ фонетикѣ человѣчес языковъ. Различна, наконецъ, вообще способность къ культу «Съ самаго начала преданій, — говоритъ Топинаръ, — и да раньше, во времена до-историческія, мы видимъ уже осѣд племена, мирно занимающіяся рыболовствомъ и торговлей, и п мена воинственныя и буйныя. Одни изъ нихъ впослѣдствіи легкостью усвоиваютъ прелести цивилизаціи, другія же отка ваются отъ нихъ, предпочитая суровую дикую жизнь. Одни ле становятся скептиками и относятся безразлично къ религіозн формамъ; другимъ же необходимо вѣрованіе и Богъ-покровите Есть народы, какъ бы предназначенные къ вѣчной коче жизни, какъ цыгане, евреи и арабы» [3]).

Но при различіи умственныхъ способностей, — врожденно какъ надо полагать, вмѣстѣ съ различіемъ антропологичес строя, — всѣ люди отличаются способностью подражанія и с собностью совершенствованія. Извѣстная пріобрѣтенная сноров искусство, добытое знаніе передается какъ наслѣдство, и но поколѣнія вновь умножаютъ запасъ знанія. Потомки родите культивированныхъ, уже вслѣдствіе врожденной организа будутъ способнѣе къ развитію, чѣмъ потомки людей некульти рованныхъ, такъ что въ самомъ организмѣ создается прич

---

[1]) Антропологія Топинара, стр. 400—401.

[2]) Рядъ любопытныхъ примѣровъ собранъ у Тэйлора: „Первобытная культу Спб. 1872, I, стр. 221 и слѣд. Одни изъ дикарей считаютъ такъ: 1—„одинъ“, 2 „два“, 3—„множество“; другіе: „одинъ“, „два“, „два-одинъ“, „два-два“; тре знаютъ счетъ только по пальцамъ на одной рукѣ, такъ что „пять“ обознача „одинъ человѣкъ“. Болѣе развитые считаютъ по пальцамъ на рукахъ и нога такъ что 10 есть „полъ-человѣка“, а 20—„цѣлый человѣкъ“ и т. п.

[3]) Топинаръ, стр. 397—399.

совершенствованія [1]). Эта наслѣдственность и даетъ возможность цивилизаціи; новое пріобрѣтенное знаніе, новое искусство ведутъ племя далѣе и могутъ измѣнять въ концѣ-концовъ весь его бытъ и характеръ. Измѣненія бываютъ громадны, если сравнить исторически-извѣстную первобытную грубость съ современнымъ состояніемъ цивилизаціи. Велось не мало споровъ о томъ, принадлежитъ ли способность къ цивилизаціи только извѣстнымъ высшимъ породамъ людей и остается недоступна для низшихъ. На отрицаніи этой способности у низшихъ племенъ, какъ извѣстно, утверждались доказательства естественности и слѣд. законности рабства негровъ,—но очевидно, что для полнаго отрицанія у насъ нѣтъ еще достаточно продолжительнаго историческаго опыта съ низшими племенами; а гдѣ они гибли, что называется, отъ соприкосновенія съ цивилизаціей,—тамъ, въ сущности, не было никакого соприкосновенія ихъ съ дѣйствительной цивилизаціей, а гибли они отъ встрѣчи съ ея извращеніями и злыми сторонами мнимо цивилизованной эксплуатаціи.—Новѣйшіе антропологи думаютъ, напротивъ, что при разумной заботѣ низшія племена были бы именно способны подняться изъ своего дикаго состоянія, хотя бы путь ихъ былъ (и долженъ бы быть) очень медленный; — крайне медленно было и развитіе самой европейской цивилизаціи отъ ея первыхъ начатковъ.—Но если наслѣдственность была основой цивилизаціи, то съ другой стороны исторически извѣстно, что измѣненіе условій, извращеніе соціальнаго быта и воспитанія поколѣній могутъ вести и къ потерѣ пріобрѣтеннаго, къ «упадку цивилизаціи» въ данномъ обществѣ.

Въ теченіе исторіи судьба и характеръ расъ измѣнялись множествомъ внѣшнихъ причинъ, дѣйствовавшихъ на физіологическій бытъ. Таковы измѣненія быта кочевого, звѣроловнаго и пастушескаго на осѣдлый и земледѣльческій, возникновеніе торговой предпріимчивости, промысловъ, военныя столкновенія и т. п. Однимъ изъ величайшихъ двигателей антропологическаго измѣненія и историческаго развитія народовъ были мирныя или воинственныя встрѣчи ихъ между собой, причемъ открывалась возможность племеннаго смѣшенія и разнообразныхъ культурныхъ вліяній. Высшая, т.-е. болѣе цивилизованная раса обыкновенно оказывала болѣе сильное вліяніе своимъ умственнымъ превосходствомъ и распространяла свой языкъ: такъ распространялся нѣкогда греческій языкъ, такъ римляне положили начало нынѣшнимъ романскимъ языкамъ. При встрѣчѣ на одной почвѣ

---

1) Bagehot, Lois scientifiques, стр. 9.

брало верхъ то племя, которое лучше умѣло приспособляться к
окружающей средѣ и пользоваться средствами природы; бо
слабыя расы часто вымираютъ безъ остатка.

Современная наука находитъ возможнымъ отыскивать слѣд
подобныхъ столкновеній племенъ еще въ до-историческую эпох
Затѣмъ множество народныхъ передвиженій въ Азіи, Африкѣ
Европѣ совершилось на глазахъ исторіи, какъ движеніе римля
на востокъ и сѣверъ Европы, какъ великое переселеніе на
довъ, походъ франковъ въ Галлію, нашествія норманновъ, пер
ходъ мадьяръ съ береговъ Оби въ ихъ нынѣшнія земли, д
женіе славянъ на балканскій полуостровъ, нашествіе тата
и т. д. При этомъ происходили многоразличныя взаимныя вл
нія, характеръ которыхъ зависѣлъ отъ свойства столкновен
численности побѣдителей, степени ихъ цивилизаціи и т. п. Бы
рыя нашествія, какъ гунновъ при Атиллѣ, вандаловъ при Ге
зерихѣ, могли проходить, не оставляя по себѣ слѣда; постоян
теченіе народовъ напротивъ приводило къ измѣненію типа; ино
горсть людей успѣваетъ передать побѣжденнымъ свой языкъ, р
лигію и цивилизацію, но не оказываетъ замѣтнаго вліянія на ти

Въ результатѣ исторіи происходило самое пестрое смѣше
племенъ, которое побуждало нѣкоторыхъ антропологовъ къ
ключенію, что чистыхъ расъ уже болѣе не существуетъ. М
встрѣчаемъ теперь большею частью уже чрезвычайно слож
типы, народности, составленныя изъ весьма различныхъ ант
пологическихъ элементовъ, нерѣдко подъ именами, мало отвѣча
щими ихъ національному составу—напр., англичане называю
по имени сѣверо-германскаго племени; французы отъ друго
германскаго племени, въ небольшомъ числѣ совершившаго на
деніе на Галлію и слившагося съ туземцами и т. д. [1]).

Антропологическая наука, такъ же какъ связанныя съ н
новыя изученія до-исторической археологіи, при всемъ богатс
открытыхъ ими явленій въ ходѣ развитія человѣчества, дѣлают
собственно говоря, еще только первые шаги въ изслѣдованіи и
необозримаго предмета. Намѣчено много новыхъ точекъ зрѣні
опредѣлены болѣе или менѣе методы изслѣдованія, но толь

---

[1]) Тэйлоръ, изъ котораго мы привели выше примѣръ постоянства типа, гово-
ритъ тамъ же о каирскомъ водоносѣ: „Этотъ водоносъ говоритъ по-арабски, но ре
лигіи онъ мусульманинъ, но онъ вовсе не настоящій арабъ, точно такъ же какъ и
египтянинъ древняго царства, а сынъ страны, гдѣ въ теченіе вѣковъ происход
смѣшеніе нубійцевъ, коптовъ, сирійцевъ, бедуиновъ и многихъ другихъ народ
его предки въ дѣйствительности могли происходить изъ трехъ частей земно
шара“. Антропологія, стр. 84.

небольшая доля подлежащихъ фактовъ изслѣдована съ достаточной точностію. Съ каждымъ днемъ возрастаетъ количество вновь открываемаго въ нѣдрахъ земли до-историческаго матеріала, бросающаго новый свѣтъ на темную область человѣческой палеонтологіи; до сихъ поръ остаются недовершенными изслѣдованія о сродствѣ и взаимныхъ отношеніяхъ языковъ; все еще остаются не разъясненными ни родина, ни пути движенія главнаго представителя человѣческой цивилизаціи, арійскаго племени и т. д. Наукѣ остается сдѣлать еще очень многое и для сколько-нибудь точныхъ историческихъ выводовъ о свойствѣ расъ, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и вліяніяхъ и объ историческомъ результатѣ: до сихъ поръ только на очень небольшомъ количествѣ субъектовъ произведены антропологическія измѣренія, и остается впереди еще масса антропологическихъ изысканій. Такъ по вопросу о первоначальныхъ мозговыхъ отличіяхъ между расами — «для каждой изъ основныхъ расъ нужно было бы представить подробный разборъ, съ отдѣленіемъ всего, что̀ зависитъ отъ естественнаго совершенствованія, отъ постороннихъ учрежденій, отъ вліянія другихъ расъ и различныхъ историческихъ обстоятельствъ. Слѣдовало бы до извѣстной степени измѣрить силу каждой способности, чувства или инстинкта. Для этого нужно бы было разсмотрѣть духъ суевѣрія, религіозности, семейственности, индивидуализма, общественности, способность къ цивилизаціи, предпочтеніе того или другого образа жизни и обычаевъ» [1]). Въ вопросѣ языка, народныхъ миѳологій, поэтическихъ сказаній, по вопросу возникновенія и распространенія всякаго рода культурныхъ знаній, предстоитъ опредѣлить соприкосновенія и взаимныя вліянія народовъ, чтобы возможно было отдѣлить то, что̀ было собственнымъ произведеніемъ извѣстнаго народа или заимствованіемъ; наконецъ вообще нужно разыскать, какъ слѣдовали расы однѣ за другими, какъ онѣ сталкивались и смѣшивались, какъ исчезали старые типы и возникали новые, какое наслѣдіе осталось отъ старины и какъ сложились наконецъ черты современнаго человѣчества.

III.

Такъ обширны и многосложны изученія, какія считаетъ необходимыми современная наука для опредѣленія «народности». Въ глазахъ науки «народность» есть до чрезвычайности сложное,

---

[1]) Топинаръ, стр. 400.

трудно изслѣдуемое и часто все-таки загадочное явленіе,—загад-ное, впрочемъ, вовсе не въ томъ мистическомъ смыслѣ, как прежде нерѣдко прилагался къ этому явленію, а въ томъ про-стомъ смыслѣ, что наука пока еще только поставила свои во-просы по антропологическому и историческому изученію наро-довъ, но еще не собрала всего матеріала и не произвела всѣх критическихъ изслѣдованій, необходимыхъ для ихъ рѣшенія. В нашей литературѣ, какъ мы замѣтили, интересъ къ вопросу за-мѣтно пробуждается, и въ трудахъ самихъ русскихъ учены сдѣланы начатки изслѣдованій по различнымъ предметамъ антр-пологіи, до-исторической археологіи и т. д., но начатки весь неравномѣрные: всего меньше по антропологіи собственно, гд есть только отдѣльныя работы, далеко не представляющія чего-нибудь цѣлаго [1]); больше сдѣлано по до-исторической археологіи—по раскопкѣ и описанію древнихъ могилъ, кургановъ, копей, го-родищъ въ разныхъ концахъ Россіи, отъ Ладожскаго озера, за-падныхъ губерній, Крыма и Кавказа до Вологды, Перми, Ура и Сибири,—и въ этихъ трудахъ собрано не мало чрезвычай важнаго научнаго матеріала; гораздо болѣе сдѣлано по языку этнографіи—гдѣ изслѣдованія нашихъ ученыхъ примыкаютъ к современному движенію сравнительнаго языкознанія, и гдѣ огро-ныя собранія произведеній народной поэзіи и описанія обычае занимаютъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ литерату европейскаго «фольклоризма»; обширныя изслѣдованія произв-дены въ области древне-литературныхъ сказаній, причемъ откр-лись въ высшей степени любопытныя сопоставленія съ общ европейскимъ народнымъ преданіемъ и средне-вѣковымъ эпосо наконецъ, наибольшая масса научнаго труда была у насъ по-ложена, и до сихъ поръ полагается, на изученіе историческо поры народной жизни.

Въ прежнее время, съ началомъ научныхъ изслѣдовані русской старины, въ нихъ понятнымъ образомъ примѣнялис только пріемы тѣсно-историческіе: единственнымъ источнико были свидѣтельства древнихъ писателей и лѣтописцевъ, изъ ко-торыхъ съ большею или меньшею критикой извлекались отвѣт на являвшіеся вопросы о происхожденіи народа, его первоначаль-ныхъ свойствахъ и бытѣ. Исторію народа начинали обыкновенно съ того момента, съ котораго начиналъ ее старый лѣтописецъ,

[1]) Недавно, напр., вышелъ томъ изслѣдованій г. Майнова о Мордвѣ,—масса антро-пологическихъ измѣреній,—какихъ не сдѣлано, однако, до сихъ поръ для самого рус-скаго племени, не говоря уже о другихъ инородческихъ племенахъ Россіи.

съ основанія государства; раньше принимались баснословныя времена, относительно которыхъ рекомендовалась осторожность, и эта баснословная древность возбуждала лишь умѣренный интересъ, какъ ребяческая сказка. Для освѣщенія старины лишь изрѣдка пользовались живымъ народнымъ преданіемъ и обычаемъ. Такова была Карамзинская школа, непосредственнымъ послѣдователемъ которой еще недавно былъ Погодинъ. Извѣстная скептическая школа, задавшись преувеличеннымъ критицизмомъ, находила потомъ, что Карамзинъ шелъ даже слишкомъ далеко въ довѣріи къ лѣтописному сказанію и что русская старина баснословна чуть-ли не до XIII—XIV столѣтія. Сильный переворотъ въ пониманіи старины произвели знаменитыя «Славянскія Древности» Шафарика, который съ великою для своего времени ученостью собралъ и сопоставилъ массу свидѣтельствъ изъ античныхъ и средневѣковыхъ писателей, а также и современныхъ этнографическихъ фактовъ: изъ этихъ данныхъ несомнѣнно оказывалось давнее присутствіе славянскихъ элементовъ въ жизни европейскихъ народовъ и Шафарикъ отыскивалъ по нимъ славянскія племена даже тамъ, гдѣ никто ранѣе ихъ не подозрѣвалъ. Область, затронутая Шафарикомъ, была еще такъ мало разработана, что его книга въ славянской и русской ученой публикѣ получила великій авторитетъ и значеніе настоящаго открытія. Вскорѣ дѣло пошло и дальше, куда не доводилъ его осмотрительный Шафарикъ: разыскивая въ старой исторіи европейскихъ племенъ присутствіе славянства въ его явномъ и скрытомъ видѣ, Шафарикъ хотя иногда и ошибался, но всегда считалъ обязательными требованія строгой критической осторожности; явилось поколѣніе ученыхъ, которымъ эта осторожность казалась слабостью, — они принялись вновь перебирать старыя свидѣтельства историковъ, и нашли множество новыхъ славянъ въ такихъ племенахъ, которыхъ и самъ Шафарикъ не рѣшался причислять къ славянству (напр., племенахъ древне-германскихъ, финско-татарскихъ или иранскихъ). Сюда наконецъ примѣшалось не встати и національное самолюбіе. По такому побужденію нѣкогда западные лѣтописцы возводили начало своихъ народовъ къ выходцамъ изъ Трои; наши старые книжники производили Москву отъ библейскаго Мосоха, и московскихъ князей отъ Августа-кесаря. Нѣчто подобное дѣлали новые ученые: славянство не должно было уступить въ древности никакому иному народу; самое имя ихъ происходитъ отъ «славы» (у западныхъ сосѣдей оно, по филологическому недоразумѣнію, дѣлалось синонимомъ рабства); на историкѣ лежалъ священный долгъ возвратить славянской старинѣ

подобающую ей первобытную древность и славу. Во главѣ писа-телей подобнаго направленія сталъ Венелинъ: его ближайши послѣдователями были Морошкинъ (старый московскій профессоръ) и Савельевъ-Ростиславичъ; въ послѣднее время отголоски е ученія слышатся въ изслѣдованіяхъ гг. Иловайскаго и Забѣлин Относительно русской старины эта точка зрѣнія выставляла слѣ дующія новыя положенія: русская исторія начинается вовсе н съ IX вѣка, а еще за много вѣковъ до Рождества Христо именно съ тѣхъ поръ, какъ древніе писатели упоминаютъ о н родахъ, жившихъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. Геродо въ V-мъ вѣкѣ *до* Р. Хр., въ описаніи Скиѳіи, между пр чимъ говоритъ несомнѣнно о нашихъ славяно-русскихъ пре кахъ и даже о тѣхъ самыхъ племенахъ, какія извѣстны на по Нестору (отъ XII-го вѣка *по* Р. Хр.); роксоланы и сармат о которыхъ говорятъ древніе писатели, были русскіе славя гунны были славяне; болгары, основавшіе царство на Дунаѣ, бы славяне; варяговъ, основателей русскаго государства, смѣшно с тать норманнами, потому что они были славяне. Словомъ, но точка зрѣнія не сомнѣвалась, что исторія, совершавшаяся на п странствѣ нынѣшней средней и южной Россіи съ незапамятны временъ, была не только славянская, но именно русская исторі Въ этомъ взглядѣ было свое логическое основаніе, а именно, ч невозможно было предполагать дѣйствительнаго начала русска племени въ тѣ вѣка, когда оно въ первый разъ было записа въ документальной исторіи; по всему ходу вещей нѣтъ сомнѣ что русскій народъ возникъ не однимъ вѣкомъ раньше того, ка совершались походы Олега и Святослава, принималось христіа ство, писались лѣтопись и «Русская правда»; нѣтъ сомнѣнія, н противъ, что этимъ фактамъ предшествовало болѣе раннее ра витіе, которое должно было дать возможность появленія подо ныхъ фактовъ, и что русскій народъ, вѣроятно, совершалъ з раннюю свою жизнь на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ послѣ застае его исторія документальная. Но съ другой стороны, въ это взглядѣ (какъ онъ излагался упомянутыми историками) был несомнѣнныя заблужденія: во-первыхъ, онъ теоретически пред лагалъ, будто бы достоинство русской національности требова такъ сказать, ретроспективнаго обрусѣнія земли и племенъ в такіе вѣка и въ такихъ обстоятельствахъ, о которыхъ мы поч не знаемъ ничего положительнаго; во-вторыхъ, для достиже этой цѣли онъ нерѣдко употреблялъ слишкомъ мало-критическі средства. Для *достоинства* русскаго народа совершенно все равн было ли въ V вѣкѣ до Р. Хр. то или другое, названное у Геро

дота, племя русскимъ или не-русскимъ, были ли гунны русскіе славяне или не были (инымъ казалось, что послѣднее было бы желательнѣе); достоинство русскаго народа нисколько не пострадало бы даже отъ того, еслибы, напр., варяги оказались самыми несомнѣнными норманнами скандинавскаго происхожденія. Новый взглядъ думаетъ о послѣднемъ совершенно иначе. Мысль приписывать начинателямъ русскаго государства это чужое происхожденіе кажется новому взгляду не только смѣшной, какъ мы замѣтили, но даже оскорбительной для чести русскаго имени: писателямъ этого направленія кажется невозможнымъ, чтобы историческое разсужденіе объ этомъ вопросѣ диктовалось однимъ чисто-научнымъ интересомъ, а не внушалось какой-нибудь задней мыслью и именно, чтобы признаніе варяговъ норманнами не имѣло явной цѣлью унизить русское достоинство. Но можно было бы припомнить, по крайней мѣрѣ, что еслибы варяги были чужимъ племенемъ для русскаго народа, то въ этомъ было бы не больше обиднаго, чѣмъ для французовъ основаніе ихъ древней монархіи франкскимъ нашествіемъ; чѣмъ для англичанъ покореніе Англіи Вильгельмомъ Завоевателемъ; чѣмъ для Италіи образованіе новой итальянской національности путемъ завоеваній и нашествій греческихъ, готскихъ, вандальскихъ, норманнскихъ, сарацинскихъ и т. д.

Мы приводили раньше убѣжденіе новѣйшихъ антропологовъ въ несуществованіи чистыхъ расъ; они увѣрены даже, что смѣшеніе расъ (равныхъ по способности къ культурѣ, или вообще характерныхъ и энергическихъ) представляетъ даже болѣе выгодный результатъ въ смыслѣ повышенія культурной воспріимчивости и творчества; между прочимъ, высокія свойства цивилизаціи современныхъ европейскихъ народовъ объясняются этимъ сосредоточеніемъ разнообразныхъ расовыхъ свойствъ. Такимъ образомъ стремленіе доказывать однородность, неприкосновенность, исключительность расы для ея возвеличенія, можетъ оказаться вдвойнѣ ошибочнымъ, какъ въ виду исторической невѣроятности безпримѣснаго состава расы, искони связанной мирно и враждебно со множествомъ разнообразнаго сосѣдства, такъ и въ виду сдѣланныхъ наукою наблюденій относительно смѣшенія расъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стремленіе доказывать исключительную однородность племени до сихъ поръ оказывалось весьма неудовлетворительнымъ по свойству его историческаго доказательства: новому взгляду до сихъ поръ не удавалось собрать дѣйствительно научную аргументацію для защиты его положеній—произвольныя сближенія, натянутыя или совершенно невозможныя этимологіи до

сихъ поръ играютъ въ немъ такую роль, которая никакъ не допускается ни здравой исторической критикой, ни первоначальными требованіями филологическаго анализа [1]).

Возьмемъ два-три примѣра. По мнѣнію г. Забѣлина, норманнская теорія призванія варяговъ отрицаетъ историческія свойства русской народности — «отрицаетъ старобытность русскаго племени и имени, — отрицаетъ варяжество балтійскихъ славянъ, т.-е. отнимаетъ у нихъ всѣ тѣ народныя свойства и качества, которыя принадлежатъ имъ, какъ предпріимчивымъ и воинственнымъ, наравнѣ съ скандинавами, — отрицаетъ у старобытнаго русскаго славянства *предпріимчивость торговую, мореплавательную, воинственную* и т. д., — отрицаетъ всѣ тѣ простыя и *естественныя качества народной жизни*, которыя создаются самою природою страны, создаются простыми естественными условіями мѣстожительства» [2]). Но затѣмъ тотъ же авторъ, говоря о развитіи Новгорода, находитъ слѣдующее: «исторія Новгорода показываетъ, что этотъ *промышленный нравъ*, эта необыкновенная *предпріимчивость* и горячая *бойкая подвижность*, *едва ли* могли народиться и воспитаться внутри страны, выйдти, такъ сказать, изъ *собственныхъ* домашнихъ пеленокъ»; или: «морская жизнь въ ея полномъ существѣ *не была свойственна* Кіеву, не могла въ немъ развить характеръ истиннаго поморянина. *То же* должно сказать и о *Новгородѣ*... Поэтому весьма *трудно повѣрить*, чтобы русская морская отвага первыхъ вѣковъ народилась и развилась изъ собственныхъ, такъ сказать, изъ материковыхъ началъ жизни». Такимъ образомъ, по мнѣнію самого автора, собственные материки, по его выраженію, были именно недостаточны для развитія того характера, какой представляетъ русская жизнь въ ея первые историческіе вѣка; т.-е. онъ самъ соглашается съ тѣмъ «отрицаніемъ», которое считалъ великимъ преступленіемъ норманнской теоріи. Ему также кажется теперь естественнымъ, что «первыми водителями» русской жизни считались норманны; но только для сохраненія славяно-русскаго достоинства онъ припоминаетъ, что: «исторія на ряду съ норманнами очень помнитъ другое племя, ни въ чемъ имъ не уступавшее, и даже превосходившее ихъ всѣми качествами *не разбойной*, но промышленной, торговой и земледѣльческой жизни», т.-е. именно варяговъ, происходившихъ изъ балтійскаго славянства [3]).

---

[1]) Такъ было въ школѣ Венелина; такъ продолжается теперь въ сочиненіяхъ гг. Иловайскаго и Забѣлина.

[2]) Исторія русской жизни, т. I, гл. II.

[3]) Тамъ же, т. II, гл. I, стр. 70—71.

Такимъ образомъ сущность дѣла остается та же: русское славянство, вступая въ исторію, нуждалось въ какомъ-то постороннемъ толчкѣ, потому что племенныя качества, внесенныя варягами, кто бы они ни были, не находились во всякомъ случаѣ у туземнаго населенія. Замѣтимъ притомъ, что «разбойныя» качества принадлежали несомнѣнно и тѣмъ (положимъ, славянскимъ) варягамъ, которые дѣйствовали на русской землѣ: свидѣтельство — походы Олега, Игоря, Святослава и самого Владиміра.

Такимъ же страннымъ является непремѣнное желаніе доказать славянство гунновъ — съ точки зрѣнія національной амбиціи. Едва ли сомнительно, что славянскія племена должны были принять участіе въ гуннскихъ нашествіяхъ, но извѣстныя историческія свидѣтельства никакъ не мирятся съ полнымъ отождествленіемъ гунновъ съ славянами. Ко всему, что говорилось до сихъ поръ противъ этого отождествленія, прибавляется еще одно, недавно высказанное вѣское возраженіе: извѣстно, что Атилла и гунны — предполагаемые славяне — играютъ большую роль въ историко-поэтическихъ сказаніяхъ средневѣковой Европы, но за исключеніемъ только—самихъ славянъ. «Всѣ помнятъ о грозномъ величіи славянъ, одни славяне ничего не знаютъ объ этомъ, являясь народомъ, не помнящимъ родства!» [1]).

Углубляясь еще далѣе въ древность, мы находимся въ томъ же положеніи по вопросу о славянствѣ скиѳовъ. И здѣсь опять, какъ въ вопросѣ о гуннахъ, «неизвѣстное и темное объясняется еще менѣе извѣстнымъ и темнѣйшимъ» [2]): очень возможно опять, что въ скиѳской области существовали славянскіе элементы, но какъ и въ какой степени, это во всякомъ случаѣ еще требуетъ многихъ и многихъ изслѣдованій. Несомнѣнно одно, что въ скиѳскомъ царствѣ господствовалъ элементъ не-славянскій.

До-историческая археологія до сихъ поръ еще мало участвовала въ рѣшеніи этихъ вопросовъ о первобытной судьбѣ славяно-русскаго племени. Правда, палеонтологическія изслѣдованія уже теперь доставили не мало любопытныхъ данныхъ, восходящихъ до каменнаго вѣка; геологи, находившіе слѣды человѣка въ до-исторической почвѣ, считали даже возможнымъ видѣть въ этихъ остаткахъ, отдѣленныхъ отъ насъ нѣсколькими тысячелѣтіями, предковъ именно великорусскаго племени. Раскопка кургановъ южной Россіи и Крыма доставила въ высшей степени замѣча-

---

[1]) Статья А. А. Котляревскаго о книгѣ г. Забѣлина, въ кіевскихъ „Универс. Извѣстіяхъ“ 1880, ноябрь и декабрь; въ отдѣльномъ оттискѣ (Кіевъ, 1881), стр. 28.

[2]) Тамъ же, стр. 37.

тельные памятники древняго быта—скиескую старину, велико-лѣпныя произведенія греческаго искусства, заходившія къ скиеамъ,—нерѣдко удивительно совпадавшіе съ повѣствованіемъ Геродота. Изслѣдованіе сѣверныхъ кургановъ и могилъ, чудскихъ копей и т. п. доставляли другого рода любопытныя свидѣтельства о сѣверной старинѣ, отъ каменныхъ и костяныхъ вещей до метал-личсскихъ издѣлій, наконецъ, до арабскихъ и западныхъ средне-вѣковыхъ монетъ и т. д. Археологи, по предметамъ, открыва-емымъ въ курганахъ и могилахъ, находятъ возможнымъ опредѣ-лять періоды каменнаго вѣка, бронзы, мѣди и желѣза; на сѣ-верѣ возстановляется, въ туманныхъ очертаніяхъ, древняя Біарм съ ея загадочнымъ народомъ и культурой; угадываются, с первыхъ вѣковъ нашей эры, слѣды торговыхъ сношеній, прохо-дившихъ по сѣверной и средней Россіи, и т. д. Всѣ эти изслѣ-дованія, накопляя любопытнѣйшіе факты, до настоящаго вре-мени даютъ, однако, еще мало основаній для выводовъ, имѣю-щихъ нѣкоторую историческую точность. Только для бо близкихъ сравнительно эпохъ является возможность опредѣли какому времени и какой расѣ могли принадлежать памятни но большею частью хронологическая и племенная принадлежно ихъ остается крайне неопредѣленной. Нужно еще много изыс-ній, чтобы изъ этихъ источниковъ могли бы быть извлече ясныя указанія для антропологіи, этнографіи и исторіи.

Въ дополненіе ко всему этому могущественнымъ средство изслѣдованія является анализъ языка. Сравнительное языкозна сдѣлало прежде всего открытіе первостепенной важности, до завши сродство огромной семьи индо-европейскихъ языковъ. далѣе, какъ нѣсколько десятилѣтій тому назадъ вошелъ въ ис рическую науку фактъ, добытый языкознаніемъ, что все дви ніе европейской цивилизаціи совершалось въ средѣ одного гр маднаго племени, развѣтвленія котораго дали длинный ря культурныхъ народовъ отъ древней до новѣйшей Европы. Сре этихъ такъ называемыхъ индо-европейскихъ или арійскихъ на родовъ заключались и племена славянскаго міра.

Съ своего перваго появленія и донынѣ наука сравните наго языкознанія прошла уже нѣсколько стадій изслѣдовані гдѣ первоначальные выводы все болѣе и болѣе усложнялись но-выми фактами, сравненіями и комбинаціями, и пріобрѣтали бо бо́льшую критическую точность. На первыхъ порахъ явилась естественно мысль построить, на основаніи пріобрѣтенныхъ фак-товъ сходства, схему послѣдовательнаго выдѣленія языковъ из первоначальнаго корня и ихъ взаимныхъ отношеній между со-

бою—ихъ большей или меньшей близости или раздѣльности. По мѣрѣ накопленія наблюденій эта схема начинала видоизмѣняться: между языками, поставленными далеко одинъ отъ другого, оказывались черты ближайшаго родства, такъ что требовалась иная комбинація генеалогическаго дерева [1]); въ индо-европейскую семью были привлечены языки, которые прежде къ ней не причислялись, напримѣръ, кельтскій; въ послѣднее время въ сравненія вошелъ даже языкъ армянскій; въ санскритѣ находили прежде если не корень, то ближайшую къ корню вѣтвь арійскаго языка, и по степени близости къ нему опредѣляли большую или меньшую древность другихъ арійскихъ языковъ,—теперь напротивъ бо́льшую первобытность находятъ въ нѣкоторыхъ языкахъ европейскихъ и т. д. Предполагалось прежде очевиднымъ, что родиной первобытнаго арійскаго народа была Азія и что затѣмъ части этого азіатскаго племени, мало-по-малу отрываясь отъ корня, переходили въ Европу и здѣсь начинали свою отдѣльную жизнь, сохранивъ то общее, что́ вынесли съ своей древней родины, и въ дальнѣйшемъ развитіи пріобрѣтая новыя черты, которыя, наконецъ, составили ихъ новѣйшую особенность. Но послѣдующія изысканія заставили усумниться въ этомъ выводѣ: изслѣдованіе лексическаго матеріала языковъ (между прочимъ и языка самихъ азіатскихъ арійцевъ) приводило многихъ ученыхъ къ убѣжденію, что страна и природа, въ обстановкѣ которыхъ могъ явиться данный составъ первобытнаго арійскаго языка, должны были принадлежать никакъ не Азіи, а именно (средней) Европѣ. Эти два мнѣнія и существуютъ рядомъ въ современной наукѣ и споръ между ними остается еще не рѣшеннымъ. Явилось затѣмъ другое разнорѣчіе. По открытымъ даннымъ языка (именно, реставрируя первобытное состояніе санскрита въ связи съ другими арійскими языками) сравнительная филологія стремилась возсоздать черты древнѣйшаго арійскаго быта въ ту пору, когда все племя оставалось еще въ соединеніи, и рисовала уже для той отдаленной поры картину весьма развитого быта съ выработанными патріархальными отношеніями, земледѣліемъ, извѣстными искусствами и т. д. Подобнымъ образомъ дѣлались изображенія отдѣльныхъ семействъ арійскаго племени. Болѣе внимательное изслѣдованіе опять нашло эти картины преувеличенными: древность извѣстныхъ словъ оказывалась недостаточно до-

[1]) Такъ, въ греческомъ и латинскомъ, которые ставились рядомъ какъ ближайшіе родичи, найдены были существенныя отличія; съ другой стороны открыты неожиданныя соотвѣтствія между греческимъ языкомъ и литовскимъ, и т. д.

казанной; обращено было вниманіе на то, что для древнѣйшихъ эпохъ не слѣдуетъ смѣшивать словъ съ тѣми понятіями, какія принадлежатъ имъ теперь (что, напримѣръ, термины, относящіеся теперь къ земледѣлію, могли означать только грубѣйшую его ступень, что названія домашнихъ животныхъ не даютъ повода считать ихъ уже тогда прирученными, и т. п.), что должно различать слова оригинальныя и заимствованныя, причемъ однако заимствованіе словъ не всегда бывало заимствованіемъ понятій и т. п. Филологи приходили наконецъ къ убѣжденію, что «первобытный языкъ» едвали когда-нибудь существовалъ въ формѣ такого цѣльнаго единства, какое прежде предполагалось; что напротивъ, на самой родинѣ древнѣйшаго племени (гдѣ бы она ни помѣщалась, въ Азіи или въ Европѣ) первобытный языкъ существовалъ уже въ раздѣленной формѣ мѣстныхъ нарѣчій, между которыми уже въ то время могло образоваться значительное различіе. Далѣе антропологія указывала на то существенное обстоятельство, что языкъ и раса вовсе не тождественны; что сходство языковъ еще не доказываетъ единаго происхожденія племенъ; что языкъ одного племени, по тѣмъ или другимъ условіямъ, нерѣдко распространяется на племена совсѣмъ иного происхожденія и другого антропологическаго типа. Это соображеніе, общая вѣрность котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію, очевидно, чрезвычайно измѣняло и усложняло весь историческій вопросъ: чтобы доказать родственность народовъ, надо было, кромѣ сходства языковъ, доказать единство антропологическаго типа; чтобы характеризовать народъ, надо было принять въ соображеніе не только развитіе его изъ самого себя, но и участіе возможныхъ чужихъ элементовъ путемъ племенного смѣшенія, гдѣ данный языкъ можетъ остаться господствующимъ, но данный типъ не можетъ не отразить на себѣ постороннихъ вліяній. Наконецъ, все болѣе чувствуется необходимость, для точности историческаго результата, связывать филологическіе выводы съ реальными данными антропологіи и исторіи: только такимъ путемъ можетъ быть устранена случайность и произвольность чисто-филологическихъ соображеній.

Какъ ни мало разработанъ вопросъ о русской народности съ указанныхъ точекъ зрѣнія, но и теперь уже очевидно, что постановка его должна быть значительно иная, чѣмъ до сихъ поръ дѣлалось. Изслѣдованіе представляется гораздо болѣе сложнымъ [1].

[1]) Литература по этому предмету весьма обширна. Не касаясь общихъ трудовъ по сравнительному языкознанію, укажемъ здѣсь лишь нѣсколько общихъ сочиненій, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ вопросу о первобытной старинѣ славянской

Исторія народности, даже въ тѣ далекія времена, до какихъ только могутъ достигать усилія историческаго знанія, должна давать, и дѣйствительно даетъ картину не однородности и исключительности, а напротивъ, картину неяснаго броженія раздѣленныхъ элементовъ, затѣмъ разнороднаго общенія съ другими народами, племенного смѣшенія, взаимныхъ культурныхъ связей путями мирными и военными, и многочисленныхъ заимствованій. Какъ мы выше сказали, опредѣленіе степеней родства между арійскими племенами до сихъ поръ колеблется, но обыкновенно принимается, что славянство принадлежитъ ближайшимъ образомъ къ группѣ германо-литовско-славянской, гдѣ предполагается наибольшое родственное сходство. Разселеніе и взаимныя отношенія славянскихъ племенъ остаются до сихъ поръ опредѣлены очень мало: наиболѣе выяснены отношенія славянскихъ языковъ; но отличіе племенъ въ антропологическомъ отношеніи указывается, какъ существующій фактъ, хотя еще далекій отъ научнаго объясненія. Несомнѣнно одно, что эти различія славянства приведены далеко не однимъ развитіемъ первобытнаго славянскаго типа подъ условіями различной природы, въ которыя онъ былъ поставленъ разселеніемъ племени, но и множествомъ разнообразныхъ смѣшеній съ другими племенами, встрѣченными на пути или на мѣстѣ поселенія, или даже еще на первоначальной родинѣ. Точно также, до сихъ поръ остаются мало изучены

(и русскаго) племени. Таковы: Gr. Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. Gratz, 1874 (здѣсь указаны прежнія изслѣдованія); Miklosich, Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. Wien, 1867; A. Matzenauer, Cizi slova etc. (Чужія слова въ славянской рѣчи), Брюннъ, 1870; А. Будиловичъ, Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованія въ области лингвистической палеонтологіи Славянъ. Ч. I (два выпуска). Кіевъ, 1878—1879,—начало очень любопытной и важной работы; V. Hehn, Kulturpflanzen und Hausthiere in ihrem Uebergang aus Asien nach Griechenland und Jtalien sowie in das übrige Europa. Historisch-linguistische Skizzen, 4-е пересмотрѣнное изд. Berlin, 1883 (русскій переводъ сдѣланъ по 1-му изданію); O. Schrader, Sprachvergleichung und Urgeschichte. Linguistisch-historische Beiträge zur Erforschung des indogermanischen Alterthums. Jena, 1883—гдѣ между прочимъ, сдѣланъ обзоръ всего развитія историко-филологическихъ изслѣдованій по индо-европейской древности.

Прежніе ученые принимали обыкновенно теорію азіатскаго происхожденія арійцевъ, и слѣдовательно считали славянъ пришельцами изъ Азіи. Новѣйшіе филологи и археологи, касавшіеся первобытной славянской древности, начинаютъ склоняться къ теоріи европейскаго происхожденія арійцевъ, и слѣд. считать славянъ автохтонами Европы.—Крекъ не рѣшается ни за ту, ни за другую теорію, считая ихъ пока равносильными; Будиловичъ видитъ родину славянъ въ Европѣ; Шрадеръ — приверженецъ европейской теоріи; но писатель такого авторитета, какъ Генъ, предпочитаетъ старую теорію.

начало и особенности древняго русскаго племени. Свѣдѣнія лѣ
писи о первыхъ историческихъ временахъ русскаго народа у
зываютъ уже большое разнообразіе племенъ, которыя даже
взглядъ стараго лѣтописца отличались весьма несходными сте
нями культуры: у нѣкоторыхъ лѣтописецъ отмѣчаетъ еще «з
ринскіе» обычаи. Если сопоставить это послѣднее извѣстіе
той значительной ступенью бытового развитія, какую истор
предполагаютъ (и не безъ основанія), въ старомъ Кіевѣ и Нов
родѣ, то мы получаемъ фактъ крайне неравномѣрной ку
туры у разныхъ племенъ первобытнаго русскаго народа
должны предположить, по всей вѣроятности, ихъ крайнюю р
общенность. Ихъ нѣкоторое объединеніе является въ сам
дѣлѣ уже результатомъ историческаго времени. Древняя лѣ
пись сохранила и другой отголосокъ до-историческаго полож
русскаго народа, когда говоритъ о безпомощности этихъ отдѣ
ныхъ разбросанныхъ племенъ передъ чужими нашествіями
когда отмѣчаетъ тотъ фактъ, что самое призваніе варяговъ
становлено было сѣверными русскими въ союзѣ съ финск
племенами, которыя тутъ въ послѣдній разъ являются имъ ра
правными, что раньше, конечно, бывало не одинъ разъ.

Что собственно происходило въ русской странѣ и плем
до начала положительной исторіи, опредѣлить очень трудно. Д
ныя до-исторической археологіи, какъ мы сказали, еще оч
неопредѣленны, по неясности хронологіи и племенной при
лежности ея памятниковъ. Чтобы судить о временахъ, пред
ствовавшихъ положительной исторіи, остается распространять
задъ то положеніе вещей, какое застаетъ исторія, — потому
это положеніе, дѣйствительно, должно было имѣть свои анте
денты,—а также пользоваться данными языка. Въ этомъ посл
немъ отношеніи нѣкоторые результаты уже достигнуты ср
ствами сравнительнаго языкознанія.

По фактамъ языка, наука старалась опредѣлить какъ по
женіе упомянутой германо-литовско-славянской группы, такъ
положеніе славянства, уже выдѣлившагося изъ этой группы
особое цѣлое. Мы приводимъ дальше нѣсколько подробностей
томъ культурномъ состояніи древняго славянства, которое бы
и древнѣйшимъ исходнымъ пунктомъ русскаго племени, и
мѣтимъ здѣсь вообще, что въ эту отдаленнѣйшую пору слав
ство (и русское племя) вовсе не стоитъ одиноко отъ други
народовъ, а напротивъ, у него оказываются весьма существ
ныя и далеко распространенныя культурныя связи, гдѣ, напр
мѣръ, оно съ одной стороны усвоиваетъ извѣстныя пріобрѣ

ія культуры съ юга, отъ племенъ иранскихъ, отъ классической Греціи и Италіи, и съ запада отъ германцевъ, и съ другой стороны дѣлится ими на сѣверѣ съ финнами (восточныя племена которыхъ, въ свою очередь, имѣли свои отдѣльныя культурныя связи съ Ираномъ), а на югѣ, нѣсколько позднѣе, съ мадьярами турскими кочевниками южныхъ степей...

Въ древнѣйшей исторіи племенной культуры одинъ изъ существенныхъ пунктовъ составляетъ вопросъ о знакомствѣ съ металлами и ихъ употребленіемъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области древняго славянства, этотъ вопросъ представляется въ такомъ видѣ. Золото было, повидимому, извѣстно арійцамъ съ самыхъ раннихъ поръ, тѣмъ не менѣе въ арійскихъ языкахъ для него нѣтъ общаго названія. Въ Европу знаніе золота пришло изъ Азіи, а именно изъ передней Азіи черезъ посредство финикіянъ въ Грецію, и съ другой стороны, отъ иранскихъ племенъ къ восточнымъ финнамъ. Въ дальнѣйшемъ распространеніи этого металла въ Европѣ большое вліяніе имѣла, повидимому, Италія: латинское названіе золота перешло къ кельтамъ, албанцамъ, литовцамъ и позднѣе къ скандинавамъ; славяно-германцы имѣютъ для золота общее названіе, которое очень рано установилось въ ихъ области, повидимому, подъ восточными вліяніями; отъ германцевъ это названіе перешло къ западнымъ финнамъ. Съ другой стороны турко-татарскія племена на Алтаѣ имѣли издавна самостоятельное названіе золота и сказанія о немъ доходили къ понтійскимъ грекамъ еще во время Геродота.—Названіе серебра однородно во всей германо-литовско-славянской группѣ (silubr, sidabras, сребро) и, по мнѣнію Гена, происхожденіе этого названія сводится къ имени города понтійскихъ грековъ (Alybe, Salybe), откуда серебро распространялось къ сѣвернымъ варварамъ, повидимому, позднѣе временъ Геродота, такъ какъ, по его словамъ, употребленіе этого металла не было извѣстно скиѳамъ и ихъ сосѣдямъ. Далѣе, мѣдь была извѣстна европейскимъ и азіатскимъ арійцамъ еще до ихъ раздѣленія, хотя имъ еще не было тогда извѣстно употребленіе бронзы; но древнѣйшее арійское названіе мѣди сохранилось только у нѣкоторыхъ племенъ, взамѣнъ того являются новыя названія, сообразно съ тѣмъ, какъ вновь подновлялось и распространялось знакомство съ употребленіемъ металловъ. Такъ нѣмецкое названіе (Kupfer) ставятъ въ связь, какъ названіе серебра, съ географическимъ именемъ, заимствованнымъ изъ латинскаго источника (aes Cyprium—отъ острова Кипра, cuprum); славянскія названія возводятъ отчасти къ индо-иранскому сродству («руда», соб-

ственно металлъ) или къ германскому («мѣдь», smida). Назва-
ніе желѣза—общее у славянъ съ литовцами, и филологи ста-
вятъ его въ связь съ греческимъ словомъ (chalkos, хотя оно зна-
читъ собственно мѣдь); другіе и здѣсь видятъ не общій корень,
а заимствованіе славяно-литовцами у грековъ. Общее назва-
у славяно-литовцевъ для желѣза и различныя названія для мѣди
заставляютъ нѣкоторыхъ изслѣдователей предполагать, что пер-
вымъ обрабатываемымъ металломъ у этихъ племенъ была
мѣдь, а желѣзо (Геродотъ именно говоритъ о распростране-
номъ употребленіи желѣза на скиѳскомъ сѣверѣ). Затѣмъ дру-
названія желѣза въ обработанномъ видѣ указываютъ въ русско
языкѣ на новыя культурныя отношенія: «булатъ» указываетъ
переднюю Азію, «харалугъ» заимствованъ отъ тюркскихъ племе-
«сталь»—у нѣмцевъ; южно и западно-славянское «оцель» —
латинскаго источника.

Предполагая германское происхожденіе славяно-русскаго сло-
«мѣдь», приписываютъ германское происхожденіе и многимъ
званіямъ предметовъ, приготовленныхъ изъ металла, какъ
примѣръ: «шлемъ» (готское hilms), «броня» (др.-нѣм. brun
«стрѣла» (др.-нѣм. strâla), «мечъ» (гот. mêki), «тесла» др.-нѣ
dehsala), «скрада» (ст.-слав. сковорода; др.-нѣм. scart) и т.

Въ то же время находятъ, что названія металловъ у вост
ныхъ финновъ и балтійскихъ литовцевъ были заимствованы и
Ирана.

Въ названіяхъ вооруженія у славянъ также находятъ слѣ
культурнаго вліянія тѣхъ народовъ, съ которыми славяне вст
чались въ эпоху своего существованія въ видѣ особаго племе
выдѣлившагося отъ германцевъ и литовцевъ. Мы указывали се
часъ на названія меча, брони, стрѣлы; далѣе въ словѣ «с
кира» находятъ скиѳско-иранское «sagaris»; слово «топоръ» пр
шло изъ иранскаго корня (перс. tabar), который проникъ и
восточнымъ финнамъ; «щитъ»—слово германо-славянское (г
skildus); «броня»—или заимствованное славянами у германце
или общее славяно-германское, возводятъ къ западнымъ кельта
новѣйшее «панцырь»—изъ романо-германскаго panzer, въ сво
очередь взятаго отъ итальянскаго pancia; «шлемъ» и «стрѣл
—или общія германо-славянскія, или заимствованы славянами
германцевъ; «лукъ» и «тетива»—общія литовско-славянскія
званія; названіе «ножа» филологически сводятъ къ обозначені
ножа каменнаго.

Какъ мы выше замѣтили, новыя изслѣдованія значител
измѣняютъ картину древне-арійскаго быта, какъ она нарисова

была впервые при помощи сравнительнаго языкознанія. Первобытные арійцы были цивилизованы гораздо меньше, чѣмъ казалось прежнимъ ученымъ. Разыскивая исторію словъ, обозначающихъ первоначальные предметы и понятія культуры, находятъ, что эти слова очень часто совершенно несходны у различныхъ арійскихъ группъ европейскихъ и азіатскихъ, и представляютъ уже дальнѣйшее развитіе культуры у этихъ отдѣльныхъ группъ, частью независимо другъ отъ друга, частью путемъ заимствованій, оставившихъ свой слѣдъ въ языкѣ, который, такимъ образомъ, даетъ возможность угадывать взаимныя связи народовъ въ такія времена, гдѣ намъ совершенно недостаетъ положительныхъ свидѣтельствъ исторіи. Надо прибавить къ этому весьма вѣроятное предположеніе, что племена вообще очень долго оставались на первыхъ низкихъ ступеняхъ своей культуры. На эту мысль можетъ наводить и Геродотъ въ разсказахъ о Скиѳіи, и Цезарь въ описаніяхъ Галліи и Германіи, и Тацитъ, и наконецъ нашъ Несторъ, еще помнившій о «звѣринскихъ» обычаяхъ.

При первомъ появленіи въ исторіи арійцы являются еще въ состояніи номадовъ, но и самое скотоводство, и прирученіе домашнихъ животныхъ еще не шло у нихъ далеко. Древнѣйшее достояніе ихъ составлялъ рогатый скотъ, овца и коза; свинья сдѣлалась домашнимъ животнымъ, вѣроятно, уже у европейскихъ арійцевъ, такъ какъ для содержанія ея требуется уже болѣе установившееся земледѣльческое хозяйство. Конь былъ извѣстенъ древнимъ арійцамъ, какъ прирученное животное; но названія верховой ѣзды у арійскихъ народовъ вообще весьма различны, слѣдовательно самое распространеніе ея было очень позднее (Гомеровскіе греки не умѣли еще ѣздить верхомъ, иранцы научились верховой ѣздѣ отъ блуждавшихъ въ ихъ странѣ турко-татарскихъ номадовъ). Названіе осла взято сѣверными европейцами (кельты, готы, славяне, литовцы) у римлянъ, а тѣ въ свою очередь получили его отъ семитовъ. Кошка, по выводамъ Гена, распространилась въ Европѣ, какъ домашнее животное, только въ V-мъ вѣкѣ по Р. Х., изъ Италіи. Появленіе домашнихъ куръ въ сѣверной Европѣ, по Гену, произошло не ранѣе V-го вѣка до Р. Х.: славяне и литовцы были тогда уже раздѣлены, потому что имѣютъ различныя названія для пѣтуха; славяне на своей первоначальной почвѣ уже были раздѣлены на свои двѣ главныя группы, такъ какъ у нихъ имѣются два различныя названія для пѣтуха («пѣтелъ-пѣтухъ», и «когутъ»), и повидимому были въ связи съ мидо-персидскими племенами (скиѳы, савро-

маты, аланы), потому что обще-славянское «куръ - кура» ес вмѣстѣ и персидское слово.

Первобытные арійскіе номады, повидимому, были, однако, зн комы съ первыми начатками земледѣлія, потому что меж азіатскими и европейскими арійцами существуетъ значительное с отвѣтствіе терминовъ, относящихся къ земледѣлію; но гораздо боль соотвѣтствій находится между южными и сѣверными европейца Напр., славянскія слова «орати» и «орало», «рало» (плугъ) имѣ соотвѣтствія въ языкахъ греческомъ, латинскомъ, кельтскомъ, л товскомъ; «сѣять» — въ латинскомъ, литовскомъ, кельтско готскомъ; «сѣмя» — въ латинскомъ, германскомъ, литовско «серпъ»—въ греческомъ, латинскомъ; «молоть»—въ греческо латинскомъ, готскомъ, литовскомъ, кельтскомъ, и т. д. Изъ эт соотвѣтствій можно заключать, что арійскіе европейцы сто еще близко другъ къ другу и географически, и по язы когда дѣлали успѣхи въ земледѣліи, — хотя въ то время и было «первобытнаго европейскаго племени» (предполагавшаго прежде).

Изъ сходныхъ именъ хлѣбныхъ растеній отмѣтимъ: «рожь» извѣстную только сѣвернымъ народамъ, славянамъ, германца литовцамъ; «ленъ»—извѣстный съ родственными названіями вс европейскимъ арійцамъ; «овесъ» имѣетъ сродныя названія литовскомъ и латинскомъ, и въ послѣднемъ это названіе с тается пришедшимъ съ сѣвера. Древнѣйшее орудіе земледѣ вышеназванное «рало», вытѣсняется впослѣдствіи «плугомъ имѣющимъ кельто-германское происхожденіе.

Но на этомъ останавливаются соотвѣтствія въ земледѣль ской терминологіи юга и сѣвера Европы, и надо думать, ч европейскіе народы, усвоивши себѣ начатки земледѣлія, до однако оставались на грубой его степени. Новая эпоха нач нается для юга съ возникновеніемъ культурныхъ связей съ в стокомъ, а для сѣвера со времени соприкосновеній съ циви заціей грековъ и римлянъ. Такъ, общія названія садовыхъ и ог родныхъ растеній почти на всемъ славяно-германскомъ сѣвер а частію и у кельтовъ, ясно указываютъ на ихъ южно-европе ское происхожденіе: обыкновенно эти общія сѣверно-европейск названія можно прослѣдить только до Италіи или Греціи, иногда ихъ можно провести и дальше, до ихъ источника въ се митической Сиріи.

Названія, относящіяся къ предметамъ и приготовленію пищ представляютъ соотвѣтствія или обще-арійскія («печь», «молоть» или только европейскія. Такъ славянскій «хлѣбъ» производит

изъ готскаго hlaifs, имѣющаго соотвѣтствія въ греческомъ и латинскомъ языкѣ. «Соль» была неизвѣстна древнимъ индійцамъ и иранцамъ; общее названіе для нея существуетъ только въ языкахъ европейскихъ народовъ—греческомъ, латинскомъ, готскомъ, кельтскомъ и славянскомъ. Названія «молока» и его доенія различны у европейскихъ и азіатскихъ арійцевъ, и сходны у сѣверныхъ и южныхъ европейцевъ; но названіе «сыра», кромѣ европейскихъ языковъ, доходитъ и до санскрита. По всѣмъ арійскимъ языкамъ распространено названіе «меда» въ значеніяхъ сладкой ѣды, питья, а также опьяняющаго напитка. Европейскимъ народамъ извѣстно было далѣе приготовленіе пива (ст.-слав, «олъ»); въ языкахъ скандинавскомъ, литовскомъ и славянскомъ было одно названіе для «дрожжей». «Вино» у славянъ, какъ и другихъ сѣверныхъ европейцевъ, было заимствовано изъ латинскаго vinum.

Не смотря на то, что степень культуры первобытныхъ арійцевъ вообще не была очень высока, въ ихъ быту уже образовалось понятіе о семьѣ, выдѣлившейся изъ рода. На это указываетъ значительное обиліе обозначеній родства въ разныхъ боковыхъ линіяхъ, далѣе сохранившееся соотвѣтствіе въ обозначеніи брака, восходящее отъ европейскихъ языковъ до санскрита (ст.-слав. «веду»); наконецъ замѣчательное совпаденіе брачныхъ обычаевъ у древнихъ азіатскихъ и европейскихъ арійцевъ. Между прочимъ, старымъ индоевропейскимъ учрежденіемъ считаютъ сожиганіе вдовы по смерти мужа. Упомянутое обиліе родственныхъ названій давало поводъ прежнимъ филологамъ изображать въ идиллическихъ чертахъ патріархальный бытъ древне-арійцевъ; но теперь находятъ, что идиллія была преувеличена, что толкованіе значенія словъ не было достаточно доказательно; и наконецъ, что запасъ словъ, обозначающихъ степени родства, еще несравненно обильнѣе у народовъ финскихъ и турко-татарскихъ.

Какъ устроивалось арійское общество за предѣлами семьи, опредѣлить довольно трудно за недостаткомъ матеріала. Есть слова для обозначенія болѣе обширныхъ поселеній и народныхъ массъ (ст.-слав. «весь», имѣющее соотвѣтствія въ греческомъ, латинскомъ и въ санскритѣ; ст.-слав. «плъкъ», гот. folc, и др.), но значеніе этихъ корней въ разныхъ языкахъ такъ варьируется, что изъ нихъ трудно вывести что-нибудь положительное. Обыкновенно древнія племена не вступали въ исторію цѣльными народами, а напротивъ раздѣльными и часто враждебными другъ другу племенами, которыя уже гораздо позднѣе приходили мало по малу къ политическому единству.

Самыя первоначальныя ремесла представляютъ термины, ра-
спространенные почти во всѣмъ арійскимъ языкамъ («плести»
«шить» и т. п.). Относительно жилищъ, названія «дома» и
«двери» одинаковы въ санскритѣ, въ греческомъ, латинскомъ,
готскомъ, славянскомъ и пр. языкахъ, хотя обозначали конечн
самыя первобытныя постройки изъ дерева, плетня, соломы и
т. п., въ родѣ тѣхъ хижинъ, которыхъ остатки находятъ в
свайныхъ постройкахъ. Каменное строеніе уже гораздо поздн
пришло въ Европу, черезъ посредство финикіянъ. Слово «го-
родъ» (ст.-слав. «градъ») имѣетъ обширныя соотвѣтствія въ дру-
гихъ языкахъ (греческомъ, латинскомъ, готскомъ и пр.), но с
весьма различными значеніями — ограды, стѣны, сада и т. п.
первоначально какъ бы ограды воздѣланнаго поля или сада,
безъ сомнѣнія также и въ смыслѣ защиты отъ непріятеля, ка
это въ особенности указывается значеніемъ славянскаго сло
Къ первобытнымъ искусствамъ принадлежала постройка возов
слова «возъ», «ось», «иго» имѣютъ обширное родство въ са
скритѣ, въ языкахъ греческомъ, древне-германскомъ и т. д. По
женіе предполагаемой первобытной страны арійцевъ въ глуби
материка объясняетъ недостатокъ общихъ словъ, относящи
къ мореплаванію: наше слово «корабль» возводится къ гре
скому подлиннику; слово «якорь» извѣстное всей сѣверной Европ
возводится къ греко-латинскому источнику.

Однимъ изъ важнѣйшихъ свидѣтельствъ значительнаго умстве
наго развитія древнихъ арійцевъ осталась распространенная од
наково у всѣхъ племенъ десятичная система счета, съ большим
сходствомъ самыхъ названій чиселъ. Обще-арійскій счетъ идет
впрочемъ только до сотенъ; понятіе о «тысячѣ» пріобрѣте
уже въ германо-литовско-славянскомъ племенномъ союзѣ (о
одинаково съ славянскимъ называется у древнихъ германцев
и литовцевъ). Но понятіе о «десяти тысячахъ» выражено в
старо-славянски словомъ «тьма», т.-е. это было уже нѣчто не
постижимое [1]). Дѣленіе времени происходило по мѣсяцамъ
именно луннымъ; солнечный годъ былъ еще неизвѣстенъ; год
дѣлился на свои двѣ главныя части: лѣто и зиму, и сходны
названія послѣдней восходятъ къ языкамъ санскритскому, зенд
скому, греческому и т. д.

Въ области права термины очень расходятся въ разныхъ
языкахъ и ихъ коренное значеніе болѣе или менѣе неопредѣ

---

[1]) Впослѣдствіи книжники дѣлали различеніе между *тма* (десять тысячъ) и тьма (мракъ); но различеніе произвольно,—слово тамъ и здѣсь одно и то же.

ленно. Государство, конечно, не существовало; изъ прочныхъ общественныхъ учрежденій существовала кровная месть, которую, впрочемъ, можно было замѣнять выкупомъ.

Первобытная религія арійцевъ опредѣляется какъ обоготвореніе силъ природы на самой первобытной его ступени. Объ этой религіи можно конечно судить только предположительно по даннымъ языка и позднѣйшимъ миѳамъ: въ тѣхъ и другихъ сохранились любопытныя соотвѣтствія между арійцами азіатскими и европейскими. Главнымъ божествомъ было небо, какъ непосредственное явленіе, которое потомъ олицетворяется въ различныхъ миѳологическихъ подробностяхъ и аттрибутахъ. Санскритское названіе неба филологически сопоставляется съ именемъ греческаго Зевса, латинскаго Юпитера и т. д.; другой санскритскій эпитетъ неба соотвѣтствуетъ греческому «Урану»; третій эпитетъ, извѣстный въ санскритѣ и зендѣ (bhaga, bagha), соотвѣтствуетъ славянскому «богъ». Подобнымъ образомъ славянское «солнце» имѣетъ соотвѣтствія въ санскритскомъ названіи солнечнаго божества, и затѣмъ тотъ же корень повторяется въ языкахъ греческомъ, латинскомъ, скандинавскомъ и пр. Славянскій «Перунъ», извѣстный также литовцамъ, имѣетъ опять соотвѣтствіе въ санскритскомъ названіи божества дождя и грома (parjánya). Далѣе, сходно названіе огня и т. д.

IV.

Таково, въ главныхъ чертахъ, понятіе, составляемое на основаніи языка о первобытной степени культуры, на какой стояло славянство въ ту эпоху, когда оно выдѣлялось въ особое племенное цѣлое. Какъ ни скудны и неясны эти свѣденія, они даютъ, однако, весьма существенный историческій выводъ, который напрасно забывается изслѣдователями первобытной судьбы славянства и его доли—русскаго племени. Во-первыхъ, русское племя вполнѣ однородно съ европейскими народами по происхожденію, культурной способности и первому наслѣдію умственнаго содержанія, миѳовъ и знаній. Во-вторыхъ, оно не стоитъ въ культурномъ одиночествѣ и, напротивъ, уже въ ту отдаленную пору расширяетъ свое культурное содержаніе частію рядомъ съ европейскими соплеменниками, частію заимствуя у нихъ то, что было ими раньше выработано или ими самими раньше перенято у болѣе развитого тогда семитическаго востока. Мы упоминали, что подобныя заимствованія славянъ у западныхъ и

южныхъ европейцевъ касались вообще предметомъ, неизвѣстны[...] въ арійскомъ періодѣ и весьма существенныхъ въ дѣлѣ куль[...] туры,—каковы, напримѣръ, обработка металловъ, прирученіе до[...] машнихъ животныхъ, разведеніе садовыхъ и огородныхъ расте[...] ній, усвоеніе земледѣльческихъ и военныхъ орудій и т. п.,—[...] имѣли весьма важное значеніе для успѣховъ цѣлаго быта. Та[...] кимъ образомъ, мы находимъ славянство (и въ томъ числѣ, рус[...] кое племя) не въ состояніи одиночества и исключительности, [...] именно въ состояніи общенія, степень котораго зависѣла, конечн[...] только отъ степени благопріятности условій и была бы е[...] больше, еслибы эти условія были болѣе благопріятны.

За тѣмъ періодомъ, когда славянство находилось еще [...] болѣе или менѣе тѣсномъ арійскомъ союзѣ, откуда были вы[...] сены упомянутыя здѣсь общія слова и культурныя понятія, сл[...] довалъ періодъ болѣе тѣснаго союза, гдѣ связи по языку [...] культурѣ ограничивались племенами литовскимъ и германски[...] т.-е. ближайшимъ сосѣдствомъ по географическому положені[...] Запасъ словъ, гдѣ родство славянскихъ терминовъ ограничивае[...] только германскимъ и литовскимъ языками, относится именно [...] этому періоду германо-литовско-славянской общности и предст[...] ляетъ новую ступень культурнаго развитія, частью достигав[...] гося отдѣльно этимъ племеннымъ союзомъ, частью сопровожд[...] шагося заимствованіями отъ другихъ, болѣе успѣвавшихъ груп[...] Намъ встрѣчались примѣры того и другого рода.

Еще далѣе, и этотъ племенной союзъ разбился, и слав[...] ство составило особое цѣлое или особую родственную групп[...] Историческая жизнь все болѣе спеціализировалась; то, что бы[...] прежде оттѣнкомъ, вырабатывалось въ цѣлый особый скла[...] матеріальнаго быта, миѳологическаго развитія и общественны[...] нравовъ. Къ этой порѣ относятся тѣ соотвѣтствія, какія нау[...] отыскиваетъ теперь въ русскомъ и славянскомъ языкѣ, обыч[...] и старинѣ. Понятно, что и въ этомъ случаѣ общность язы[...] преданій и проч. можетъ объясняться только тѣмъ, что слав[...] скія племена были еще сосредоточены въ одной географическ[...] области,—хотя безъ сомнѣнія уже съ тѣхъ поръ представл[...] мѣстные оттѣнки.

Еще далѣе, и эта общность прекращается. Начинается разс[...] леніе и съ нимъ отдѣльная жизнь племенъ: они разъ навсег[...] порвали связь съ общимъ корнемъ и въ дальнѣйшемъ разви[...] языка и самой жизни исходили изъ того матеріала, какой [...] несли изъ прежняго союза, развивая его уже отдѣльно въ [...] выхъ условіяхъ своего быта и природы, обогащая его самосто[...]

тельными пріобрѣтеніями и опять заимствованіями у туземцевъ занятыхъ ими новыхъ странъ и у чуженароднаго сосѣдства. Старое общее все больше видоизмѣнялось новымъ и частнымъ, и все больше уступало передъ нимъ. Въ такомъ положеніи было и русское племя по его выдѣленіи изъ славянскаго союза. Для него началась своя отдѣльная жизнь.

Какъ совершалась эта жизнь, какъ продолжителенъ былъ ея періодъ до начала исторической эпохи, исторія еще не могла выяснить и до сихъ поръ,—замѣтимъ только, что новыя изслѣдованія возводятъ славянское разселеніе къ первымъ вѣкамъ нашей эры,—тогда, слѣдовательно, уже и оканчивался періодъ обще-славянской жизни, и начался періодъ отдѣльности племенъ. Несомнѣнно, что само русское племя еще до начала документальной исторіи дѣлилось на особые мѣстные оттѣнки, разницу которыхъ еще въ двѣнадцатомъ столѣтіи лѣтописецъ отмѣчалъ весьма рѣзкими чертами. Мы не будемъ вдаваться въ разборъ извѣстныхъ, и все еще темныхъ, вопросовъ о томъ, какъ происходило разселеніе русскаго племени—откуда взялись новгородцы-«славяне», откуда происходила кіевская «Русь», откуда явились радимичи и вятичи и т. д.; безспорно одно, что всѣ они на тогдашній взглядъ были не совсѣмъ похожи другъ на друга, что сѣверъ былъ непохожъ на югъ, и востокъ на западъ. Судя по фактамъ и извѣстнымъ аналогіямъ, различіе простиралось на самый бытъ, нравы и, наконецъ, на языкъ, представлявшій діалектическіе варіанты.

Такимъ образомъ, слѣдя судьбу элементовъ русской народности со временъ ея арійскихъ источниковъ до начала исторической эпохи, мы встрѣчаемъ рядъ періодовъ, гдѣ этотъ зародышъ перешелъ уже весьма различныя историческія положенія, участвовалъ съ другими въ культурныхъ пріобрѣтеніяхъ, испыталъ различныя племенныя вліянія и т. д., такъ что нѣтъ возможности говорить о какой-либо его національной исключительности и особой провиденціальности. Мы привыкли слышать, что русскій народъ не похожъ на европейскіе народы, что онъ стоитъ, какъ искони будто бы стоялъ, особнякомъ отъ Европы, что для него должны существовать особые законы не только общественнаго, но и умственнаго развитія; въ порывахъ патріотической нетерпимости, мы не хотимъ допустить, чтобы тысячу лѣтъ тому назадъ какое-нибудь чужое племя могло оказать вліяніе на бытъ и культуру нашихъ предковъ, и стремимся объяснить русскую жизнь только изъ нея самой, въ ней одной найти ея основы и ея идеалы. Какъ видимъ, исторія не отвѣчаетъ этому взгляду:

въ основу русской жизни легли обще-европейскія начала; иноземныя вліянія—какъ о томъ свидѣтельствуетъ исторія языка—проходятъ черезъ всю судьбу племени, сообщая ему основныя культурныя знанія и, сколько было возможно, вовлекая его въ общій союзъ. Мы хотимъ отвергнуть вліяніе норманновъ, но сколько разъ могла бы, пожалуй, возмущаться наша національная нетерпимость, еслибы только мы знали, въ какихъ условіяхъ совершались въ давно прошедшіе вѣка тѣ иноземныя вліянія, которыхъ несомнѣнный слѣдъ остался въ языкѣ. Намъ кажутся очень мудрены иноземныя вліянія въ эти давно прошедшіе вѣка, напримѣръ, при несомнѣнной разбросанности русскаго племени, при его отдаленіи отъ запада и юга Европы, при трудности путей и сношеній,—и однако не подлежитъ сомнѣнію, что задолго до начала документальной исторіи, къ намъ приходили съ запада и юга Европы, отъ германцевъ, изъ Греціи и Италіи, наконецъ отъ племенъ иранскихъ, и утвердились у насъ тѣ культурныя вліянія, о которыхъ мы выше упоминали.

Внѣшняя исторія тѣхъ странъ, которыя въ IX вѣку по Р. Хр. заняты были русскимъ племенемъ, до этого времени такъ мало извѣстна, что оставляетъ великій просторъ для всякихъ предположеній. Въ послѣднее время этимъ просторомъ воспользовался авторъ «Исторіи русской жизни», который изъ недостатка извѣстій о землѣ, занимаемой потомъ русскими, заключаетъ прямо о неизмѣнности населявшаго ее народа. Но не говоря о томъ, что въ самихъ скиѳахъ и сарматахъ Геродота и другихъ древнихъ писателей наибольшая часть новѣйшихъ изслѣдователей не находитъ возможнымъ видѣть славянъ (ихъ допускаютъ только въ нѣкоторыхъ *не*-скиѳскихъ народахъ Геродота), южная и средняя Россія уже на глазахъ исторіи видѣли цѣлый рядъ движеній кочевыхъ племенъ изъ Азіи въ Европу, начиная съ самихъ скиѳовъ, сарматовъ, роксоланъ, продолжая потомъ готами, гуннами, затѣмъ болгарами, аварами, венграми, печенѣгами, половцами, наконецъ татарами. Эти движенія, вѣроятно, притомъ не всѣ извѣстны исторіи и совершались не только въ видѣ быстрыхъ нашествій и переходовъ (въ родѣ отмѣченнаго лѣтописью прохода венгровъ «мимо Кіевъ»), но и медленными движеніями, когда эти народы оставались на цѣлые вѣка на одномъ мѣстѣ: поселяясь вблизи славянства (или, въ частности, русскаго племени) эти народы уже въ до-историческія времена могли быть въ болѣе или менѣе тѣсныхъ сношеніяхъ съ туземцами; иные «погибали, какъ обры», но другіе, безъ сомнѣнія, расплавлялись въ славяно-русскомъ племени.

Кромѣ тѣхъ измѣненій, какія испытывались раздѣлившимися племенами славянства подъ вліяніемъ новыхъ условій природы и успѣховъ культуры, происходило еще одно существенное измѣненіе, котораго никакъ нельзя забыть при опредѣленіи ихъ племенныхъ отношеній; это—измѣненіе въ самой расѣ. Каждое племя и на своей первоначальной родинѣ и на новыхъ мѣстахъ встрѣчалось мирно или сталкивалось враждебно со всѣмъ окружающимъ сосѣдствомъ: мирныя сношенія, колонизація, военное занятіе чужихъ земель, побѣды и пораженія вели одинаково къ большему или меньшему смѣшенію племенъ. Какъ мы видѣли, антропологія указываетъ удивительные примѣры постоянства племенного типа, сохраняющееся, въ извѣстныхъ условіяхъ, на пространствѣ цѣлыхъ тысячелѣтій; но она же приходитъ къ убѣжденію въ несуществованіи теперь чистыхъ расъ. Покоренныя племена, теряя политическую самобытность, теряя языкъ, принимая чужіе нравы, культуру побѣдителей и скрываясь подъ ихъ національной оболочкой, долго хранятъ, однако, свой антропологическій типъ,—такъ что послѣ политическаго покоренія племени, послѣ того, какъ оно приняло даже языкъ побѣдителей, національность послѣднихъ заключаетъ подъ своей фирмой не только свой подлинный, но и этотъ пришлый, по расѣ чуждый, элементъ. Собственная раса господствующаго, одолѣвающаго племени перестаетъ быть чистой, т.-е. неизмѣнной и однородной. Когда нынѣшнее западное и южное славянство двинулось въ страны, занятыя имъ теперь, оно встрѣтило тамъ не безлюдную пустыню, а напротивъ, населеніе туземцевъ иной расы, которые частію отступали передъ ними, частію имъ покорялись и принимали ихъ національность. Извѣстно выраженіе стараго историка, что «Грецiя ославянилась» отъ славянскаго нашествія;—дѣйствительно славяне, проникши во время своихъ нашествій на Балканскій полуостровъ до самаго Пелопоннеза, оставили въ Греціи память о себѣ цѣлымъ рядомъ мѣстныхъ названій и даже извѣстнымъ числомъ культурныхъ словъ въ ново-греческомъ языкѣ, но впослѣдствіи эти греческіе славяне совсѣмъ исчезли изъ исторіи, очевидно потонувши въ туземномъ населеніи, болѣе многочисленномъ. Извѣстно также, какъ славянскій элементъ большой долей участвовалъ въ формаціи румынскаго племени, языкъ котораго такъ проникнутъ славянской стихіей, и т. д. Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, туземное населеніе тонуло въ славянствѣ—такъ случилось въ балтійскомъ славянствѣ въ первую пору его существованія (послѣ оно само потонуло въ германскомъ племени); въ Богеміи, гдѣ славяне поглотили туземцевъ; въ Сербіи

и Болгаріи, гдѣ они поглощали греческія, иллирійскія, ѳракійскія племена, и т. д. Неизвѣстно, какихъ предшественниковъ имѣло въ своей первобытной области русское племя; но извѣстно, что въ первые вѣка документальной исторіи оно распространялось на счетъ финскихъ и частію тюркскихъ туземныхъ племенъ, осѣдлыхъ и кочевыхъ, а на западномъ краѣ сливалось съ литвой и элементами юго-западнаго славянства. Это разнообразное сосѣдство и занатіе чужихъ земель несомнѣнно вело къ племенному смѣшенію, т.-е. къ измѣненію антропологическаго типа побѣдителей чрезъ поглощеніе чужихъ элементовъ. Такимъ образомъ тѣ варіаціи славянскаго племени, которыя покрываются понятіемъ родственности, происходили не только отъ развитія однороднаго типа въ условіяхъ различной природы, но и прямо отъ вступленія въ него инородныхъ стихій. Въ этомъ, кажется, нужно убѣдиться, сличивъ типы современныхъ славянскихъ народностей: не одна историческая судьба однороднаго типа провела такую разницу между русскимъ и чехомъ, полякомъ и черногорцемъ, или поселила племенную вражду между русскимъ и полякомъ, сербомъ и болгариномъ; внѣшній типъ и національный характеръ, безъ сомнѣнія, сложились и подъ вліяніемъ (хотя и трудно уловимыхъ) антропологическихъ элементовъ, образовавшихъ отдѣльныя племена. Не трудно видѣть, что отдавши себѣ отчетъ въ такомъ характерѣ происхожденія современныхъ племенъ, мы точнѣе поймемъ «славянское единство», въ которомъ надо будетъ въ большей степени признать право мѣстныхъ индивидуальностей.

Возвращаясь къ русскому племени, мы едва ли не должны признать, что его варіаціи, упомянутыя лѣтописью, также могли имѣть въ своей основѣ не только чисто мѣстныя видоизмѣненія единаго типа, но и результатъ различныхъ племенныхъ смѣшеній. Документальная исторія застаетъ русское племя за дѣломъ постепеннаго занатія инородческихъ земель южной, средней и сѣверной Россіи и обрусенія туземныхъ племенъ, непоконченнаго и до настоящей минуты. Колонизація русскаго племени, направлявшаяся преимущественно въ сѣверо-восточномъ направленіи, представляетъ основное явленіе въ исторической жизни русскаго народа: она усвоивала русскому племени громадныя пространства новыхъ земель, которыя становились поприщемъ его дѣятельности и размноженія. Наши историки давно обратили вниманіе на великое историческое значеніе колонизаціи. Равнинное положеніе страны не давало условій для совмѣстнаго жительства рядомъ двухъ различныхъ племенъ и, напротивъ, содѣй-

ствовало ихъ сліянію. Вопросъ былъ только въ томъ, на основѣ какой народности совершится это объединеніе. Средина, сѣверъ и востокъ нынѣшней Россіи заняты были въ тѣ времена громаднымъ племенемъ финскимъ и племенами монгольскаго и тюркскаго происхожденія. Въ первые вѣка нашей исторіи славяно-русская народность возобладала надъ ними въ срединѣ нынѣшней Россіи путемъ мирной колонизаціи, позднѣе военнымъ покореніемъ восточнаго и южнаго края. «Это распространеніе русскаго племени на счетъ другихъ народностей,—говоритъ Ешевскій, одинъ изъ первыхъ изслѣдователей у насъ этого вопроса,—имѣетъ всемірное историческое значеніе. Въ немъ заключается не одно количественное увеличеніе русскаго племени, не одно приращеніе его матеріальной силы, а побѣда европейской цивилизаціи надъ Востокомъ. Каждое финское или монгольское племя, распустившееся, такъ сказать, въ русской народности, поглощенное ею, представляетъ пріобрѣтеніе для всей великой семьи народовъ европейскихъ, которымъ ввѣренъ провидѣніемъ двойной свѣточъ христіанства и образованія и которымъ предназначено идти во главѣ развитія человѣчества. Принимая въ себя чуждыя племена, претворяя ихъ въ свою плоть и кровь, русское племя клало на нихъ неизгладимую печать европеизма, открывало для нихъ возможность участія въ историческомъ движеніи народовъ европейскихъ. Въ этомъ отношеніи, Русь была тѣмъ же передовымъ бойцомъ за Европу противъ Азіи, какимъ была она, принявъ на себя удары страшнаго монгольскаго нашествія... Въ крѣпости храненія европейскаго типа, среди безпрерывнаго смѣшенія съ племенами азіатскаго происхожденія, и состоитъ величайшая заслуга русскаго народа; поэтому-то каждый шагъ русскаго племени въ глубину Азіи и становился несомнѣнной побѣдой европейской гражданственности. Чуждыя племена вливались въ народность русскую подъ условіемъ принятія ими главныхъ условій народности славянской и европейской» [1]). Но тотъ же историкъ видѣлъ уже, что храненіе не было полное и безусловное, что инородческія племена, если они не истреблялись поголовно, а медленно сливались съ господствующимъ народомъ, не могли не оставить въ послѣднемъ слѣда своего типа. Историкъ предполагаетъ, и совершенно справедливо, что этимъ присутствіемъ разнородныхъ инородческихъ элементовъ объясняется различіе

---

[1]) „Русская колонизація сѣверо-восточнаго края". Сочин. Ешевскаго, т. III, стр. 608—610.

мѣстныхъ племенныхъ особенностей русскаго народа, замѣченные уже древней лѣтописью [1]).

Но вопросъ о точнѣйшемъ опредѣленіи этихъ племенныхъ элементовъ, поставленный Ешевскимъ въ 50-хъ годахъ, остается до сихъ поръ очень мало разработаннымъ. Въ частности, едва затронутъ вопросъ объ отношеніяхъ русскаго народа къ племенамъ финскимъ; едва намѣчается вопросъ о племенныхъ отношеніяхъ русскихъ къ тюркскому элементу, и еще ранѣе иранскому, пребывавшимъ искони на юго-востокѣ нынѣшней Россіи,—между тѣмъ эти отношенія безъ сомнѣнія еще въ древнемъ періодѣ наложили свою печать на разныя вѣтви русской народности и полагали начало тому чрезвычайному разнообразію русскаго типа, какое образовалось къ настоящему времени, исходя отъ древнихъ варіантовъ и осложнившись неисчислимымъ множествомъ позднѣйшихъ обстоятельствъ племенныхъ, политическихъ и культурныхъ. Далѣе, мы возвратимся къ этому вопросу.

На взглядъ современныхъ антропологовъ, какъ не существуетъ особаго антропологическаго типа французскаго или германскаго, такъ нѣтъ и антропологическаго типа славянскаго, и въ частности русскаго. Въ послѣднемъ на сѣверѣ находятъ или прямо финновъ, или по крайней мѣрѣ много финской крови, во многихъ мѣстностяхъ примѣсь монгольскую, а на югѣ примѣсь какого-то «недостаточно опредѣленнаго черноволосаго элемента» [2]).

Мы намѣтили въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ условія, въ которыхъ зарождались первыя основы русской народности, и указывали, сколько еще нужно изысканій для того, чтобы выяснить съ нѣкоторой точностью ея антропологическій составъ, этнографическіе элементы и культурную исторію. Болѣе ясною становится ея судьба (хотя и здѣсь она остается еще мало изслѣдована) съ начала документальной исторіи. Кромѣ продолжавшейся колонизаціи и военнаго покоренія восточнаго и южнаго сосѣдства, великое вліяніе на складъ русской народности оказали здѣсь основаніе государства и христіанство.

А. Пыпинъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 614. „Довольно рѣзкое отличіе великорусскаго племени отъ малорусскаго, можетъ быть, объясняется развитіемъ постороннихъ примѣсей на общей обоимъ славянской основѣ. Не даромъ же сѣверо-восточная часть славянъ русскихъ рано уже начинаетъ отличаться по характеру отъ юго-западной. Не даромъ въ лѣтописяхъ давно уже замѣчены особенности въ характерѣ жителей разныхъ областей,—особенности, отличающія, напримѣръ, рязанца отъ жителя области суздальской, отъ москвича, а еще болѣе отъ смолянина и кіевлянина".

[2]) Антропологія Топинара, стр. 443. Сравн. Ешевскаго, тамъ же, стр. 613 и д.

ДЖУЛІЯ

ПОВѢСТЬ

Вальтера Безанта.

Съ англійскаго.

I.

— Джулія, вотъ «Family Treasure». Смотри, не забудь про «Family Treasure». Брошюровка стоитъ три фунта, четыре шиллинга и восемь пенсовъ. А по счету слѣдуетъ получить за три мѣсяца.

— Три фунта, четыре шиллинга, восемь пенсовъ,—повторила Джулія машинально, подводя итогъ и записывая карандашомъ общую сумму.—Онъ говорилъ, что заплатитъ сегодня утромъ.

— Смотри же, постарайся, чтобъ онъ непремѣнно заплатилъ. Treasure—ловкій малый. Создатель! міръ кишмя-кишитъ ловкими людьми. Намъ всѣмъ, хочешь-не хочешь, а приходится изворачиваться, потому что мы бѣдны. И зачѣмъ только существуютъ бѣдняки!

Говорившій былъ старикъ лѣтъ семидесяти или болѣе, возсѣдавшій на высокомъ табуретѣ,—костлявый старикъ съ короткими сѣдыми волосами подъ гребенку и сморщеннымъ, какъ печеное яблоко лицомъ. У него былъ четырехъ-угольный подбородокъ и онъ говорилъ съ тѣмъ рѣзкимъ нетерпѣніемъ въ голосѣ, которое обличаетъ властолюбивыхъ людей. И дѣйствительно, онъ былъ настойчивый человѣкъ и борецъ за всякія права; одинъ изъ

тѣхъ людей, которые способны драться. Бойцы и драчуны бы-
ваютъ неоцѣненны, когда умѣютъ примѣнять свои способност
какъ слѣдуетъ. Но зачастую они дерутся зря и сражаются з
неправое дѣло. Этотъ человѣкъ былъ такъ настойчивъ, что, ко
нечно, могъ бы разбогатѣть и составить карьеру. Но онъ н
сдѣлалъ карьеры и не разбогатѣлъ; полагаю, потому, что н
попалъ на настоящую дорогу. Его лавка находилась на Си
Родъ и была восьми футовъ ширины и пятнадцать футовъ длин
въ ней былъ небольшой каминъ на одномъ концѣ и несгараем
шкапъ на другомъ; кромѣ того, тамъ находилась высокая ко
торка и табуретъ, а возлѣ камина стоялъ еще буфетъ. Это бы
пріемная м-ра Брадберри и вмѣстѣ съ тѣмъ его лавка, а на
нею помѣщалась его спальня, такъ какъ онъ не стыдился жи
тамъ же, гдѣ и работалъ, да, по правдѣ сказать, и не могъ б
жить въ другомъ мѣстѣ. Каждаго, входящаго въ его помѣщен
обдавалъ какой-то кислый запахъ, казавшійся все непріятнѣе
непріятнѣе посѣтителю, чѣмъ долѣе онъ тамъ оставался; запа
который могъ искоренить цѣлую армію или обратить ее въ бѣ
ство; запахъ, къ которому никто изъ постороннихъ не могъ пр
выкнуть, но для привычныхъ людей онъ напоминамъ клейсте
и папку, что, въ свою очередь, намекало на переплетное иску
ство. И дѣйствительно, это была переплетная мастерская одн
изъ самыхъ смиренныхъ и немудреныхъ представителей это
искусства, у котораго рабочій персоналъ немногочисленъ, а раб
отличается больше дешевизной, нежели артистической отдѣлк

И, дѣйствительно, м-ръ Брадберри былъ совершенно нез
комъ съ исторіей и величіемъ своего ремесла, никогда не сл
халъ про Гролье де-Сервье, не имѣлъ никакого понятія о герба
девизахъ и геометрическихъ узорахъ и довольствовался тѣмъ, ч
переплетая всякую книгу, попадавшую ему въ руки, въ па
въ девять пенсовъ, въ коленкоръ съ кожанымъ корешкомъ
одинъ шиллингъ и шесть пенсовъ, и въ кожу съ золотымъ обр
зомъ за три шиллинга и шесть пенсовъ. А всѣ мечты его
желанія сводились къ тому, чтобы имѣть достаточно работы д
своихъ немногочисленныхъ рабочихъ и аккуратно расплачиват
съ ними.

— А этого ни одинъ человѣкъ не въ состояніи сдѣлать, Дж
лія,—говаривалъ онъ,—если ему самому не платятъ.—Поэто
ты хорошенько шпыняй ихъ. Ты слишкомъ мягка. Скажи и
что я ихъ всѣхъ упрячу въ долговую тюрьму.

— Все тутъ?—перебила его Джулія, не обращая ни мал
шаго вниманія на послѣднее яростное замѣчаніе, аккуратно пов

равшееся каждую субботу, когда она ходила собирать деньги съ должниковъ своего хозяина.

— Да, все.

Старикъ слѣзъ съ табурета, и тогда оказалось, что это совсѣмъ маленькій старичекъ, и удивительно было, какъ это онъ умѣлъ импонировать людямъ своей персоной.

— Я сообщилъ тебѣ все, что слѣдуетъ, но увѣренъ, что ты принесешь только четверть того, что слѣдуетъ, и цѣлый куль извиненій. Имъ нечѣмъ заплатить и они станутъ врать напропалую. Бѣднякокъ совсѣмъ не должно было бы быть на свѣтѣ. Я обанкрочусь и закрою лавочку, вотъ увидишь. Уѣду въ Новую Зеландію. Ты поѣдешь со мной, если хочешь, а бабушка отправится въ богадельню. Такъ-то, Джулія. Ну, теперь все въ порядкѣ. Чего-жъ ты ждешь?

Слова были рѣзки, но манеры мягки. Джулія кивнула головой и собиралась спрятать карандашъ и записную тетрадку. Но вдругъ лицо ея поблѣднѣло, а голова закружилась, въ глазахъ потемнѣло и Джулія упала бы, еслибъ старикъ не поддержалъ ее и не посадилъ на свое кресло. Съ ней былъ легкій обморокъ и она тотчасъ же пришла въ себя. Она сидѣла блѣдная и ошеломленная.

— Что съ тобой, дѣвушка?—закричалъ старикъ. — Лучше тебѣ?

— О, да,—отвѣчала она, озираясь кругомъ.—Это пустяки. Мнѣ что-то нездоровится. Быть можетъ, въ комнатѣ слишкомъ жарко.

— Пустяки!—повторилъ онъ сердито.—Жарко въ комнатѣ! Не лги, дѣвушка! Твой, каналья, дѣдушка, опять видно напился вчера вечеромъ и сегодня утромъ нѣтъ денегъ въ домѣ и не на что позавтракать.

Джулія опустила глаза. Этихъ словъ нельзя было опровергнуть. Дѣйствительно, склонность ея дѣда пропивать и проматывать фамильные доходы была такъ извѣстна, какъ еслибъ онъ былъ Людовикъ Четырнадцатый.

— А вчера тебѣ не чѣмъ было поужинать, вернувшись изъ театра?

Старикъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Безъ ужина, да безъ завтрака, вотъ и немудрено, что ты проводишь мое драгоцѣнное время въ обморокахъ.

Джулія не отвѣчала, но виновато повѣсила голову.

— Посмѣй только встать у меня съ кресла, пока я не вернусь.

М-ръ Брадберри схватилъ свою шляпу и исчезъ. Вскорѣ онъ вернулся, въ сопровожденіи мальчика, съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ дымилась чашка горячаго какао и лежалъ кусокъ хлѣба съ кускомъ сливочнаго масла.

— Ты должна все это съѣсть, до послѣдней крошки, прежде чѣмъ уйти, — съ устрашающей суровостью приказывалъ старикъ. — Слышишь, Джулія; и не воображай, что я заплачу за это изъ своего кармана. Ни одного мѣднаго гроша. Я вычту изъ твоего жалованья. Каждый грошъ. И если ты не образумишься, то я буду кормить тебя бараниной, каждое утро, въ счетъ твоего жалованья. Честное слово, я это сдѣлаю. Такъ и скажи бабушкѣ.

Онъ остановился, потому что задохся. Иначе насказалъ бы еще съ три короба.

Джулія не отвѣчала. Когда вы страшно голодны, голодны до обморока, и ничего не ѣли со вчерашней утренней чашки чая съ ломтикомъ хлѣба съ масломъ, вы не заставите себя двоекратно просить выпить чашку какао и съѣсть кусокъ хлѣба. Поэтому она терпѣливо выпила какао, который могъ бы быть и покрѣпче, но все же былъ горячъ и сладокъ, и скоро справилась съ кускомъ хлѣба и масломъ, которое было очень вкусно, хотя и было приготовлено изъ одного только говяжьяго жира. Но голодный желудокъ не разбираетъ и оно сошло за настоящее сливочное масло.

— Еслибы твоихъ дѣдушку съ бабушкой Богъ прибралъ или бы ты согласилась помѣстить ихъ въ богадельню, — продолжалъ м-ръ Брадберри болѣе мягкимъ тономъ, — я бы удвоилъ твое жалованье, Джулія, честное слово. Ты стоишь по моему дороже восемнадцати шиллинговъ въ недѣлю, гораздо дороже. Я очень, очень доволенъ тобой, Джулія. Ты умѣешь лучше убѣждать кредиторовъ своими разговорами, нежели любой судебный приставъ. Я вѣдь давеча только пошутилъ. И все же я ни копѣйки не прибавлю тебѣ жалованья, слышишь. Я еще урѣжу его. Такъ и скажи своему старому негодяю, дѣду. Гдѣ твой разсудокъ? Къ чему ты это дѣлаешь? Зачѣмъ ты не сама распоряжаешься своими деньгами? Ладно же: я буду вычитать у тебя по пяти шиллинговъ въ недѣлю и ты будешь ежедневно на нихъ получать на завтракъ чашку какао, а на обѣдъ баранину. Ступай и скажи имъ это. Да.

Джулія ничего не отвѣчала. Но такъ какъ какао и хлѣбъ очень подкрѣпили ея силы и освѣжили голову, она встала и

проговоривъ:—благодарствуйте!—отправилась въ путь съ записной книжкой и карандашомъ въ рукахъ.

II.

Дѣвушка была одѣта въ простое, но неотрепанное платье: черную юбку и черную кофточку; на ея шляпѣ красовалось красное перо, а на рукахъ были надѣты шведскія перчатки, когда-то сѣрыя, а теперь бурыя и даже черныя на пальцахъ. Еслибы вы встрѣтили Джулію на улицѣ, то, вѣроятно, прошли бы мимо, не обративъ на нее вниманія. Она показалась бы вамъ совсѣмъ незначительною дѣвушкой: такихъ, какъ она, попадаются сотни и тысячи на лондонскихъ улицахъ. И со всѣмъ тѣмъ, наблюдательные люди, которымъ доводилось сидѣть напротивъ нея въ омнибусахъ или въ вагонахъ конно-желѣзной дороги, вскорѣ замѣчали, что въ этой дѣвушкѣ есть нѣчто особенное. Напримѣръ, у нея были большіе, ясные глаза, темно-синяго цвѣта, немедленно обращавшіе на себя вниманіе каждаго, кто самъ былъ не безъ глазъ. Такіе глаза какъ будто поглощаютъ свѣтъ извнѣ и удерживаютъ его; они всегда кажутся полными чувства и мысли, слишкомъ глубокихъ для человѣческаго языка. Волосы у нея были темные и прекрасные; носъ, быть можетъ, немного коротокъ, а ротъ черезъ-чуръ великъ, но вѣдь нельзя же ждать отъ рабочей дѣвушки безукоризненной наружности, и ея лицо было во всякомъ случаѣ многообѣщавшее. Она была средняго роста и слишкомъ худа; слегка горбилась и съ плоской грудью. Когда приходится сидѣть противъ такой дѣвушки въ вагонѣ третьяго класса, то невольно начинаешь соображать — если только не читаешь газету и не созданъ изъ камня или дерева — какъ бы она перемѣнилась, еслибы ее взять и перемѣстить въ такое мѣсто, гдѣ бы она могла дышать чистымъ воздухомъ и быть въ обществѣ людей, которые бы заронили высокія мысли въ ея голову, не давали бы ей работать черезъ силу, а предоставляли бы дѣлать только то, чтó ей нравится, хорошо кормили бы ее, мило одѣвали, окружили бы добрыми подругами, симпатіей, довѣріемъ и любовью. Безъ сомнѣнія, тогда плечи ея закруглились бы, а спина перестала горбиться, плоская грудь пополнѣла бы и пріобрѣла женственную красоту, складки исчезли бы со лба, щеки округлились бы и зарумянились, а лицо озарилось бы радостной улыбкой, какъ это и предназначено самой природой. Есть одна превосходная

школа, къ которой принадлежатъ, между прочимъ, всѣ истинно хорошія женщины: онѣ считаютъ, что всѣ знакомые имъ люд обладаютъ такой же чистой и прекрасной душой, какъ т которая была для нихъ предназначена природой, и сообраз этому относятся къ нимъ и довѣряютъ имъ. Очень часто он бываютъ жестоко обмануты, но это имъ все-равно. Этимъ добры людямъ бываетъ поэтому особенно пріятно, когда имъ удаетс открыть въ чьемъ-нибудь лицѣ настоящія, свойственныя е отъ природы черты, но которыя искажены бѣдной и скудн жизнью. Никто, кому еще не доводилось этимъ заниматьс не можетъ себѣ представить, какимъ интереснымъ дѣлается чел вѣкъ, когда вы откроете, какое чудное лицо предназначал ему природою. До извѣстнаго возраста очень легко различ истинныя черты всякаго лица и не трудно возстановить ихъ.

Что касается Джуліи, то не трудно было разобрать, как должно было бы быть ея лицо, потому что въ девятнад лѣтъ почти невозможно испортить оригиналъ. Кромѣ того, са Джулія ничего еще не сдѣлала такого въ жизни, что могло б обезобразить дѣвушку, помимо того, насколько это можетъ сд лать невѣжество, тяжелая работа и отсутствіе всякихъ удово ствій. Все это, безъ сомнѣнія, способствуетъ обезображені какъ каждый можетъ въ томъ убѣдиться въ субботу вечеро на лондонскихъ улицахъ. Она, напримѣръ, не разгуливала этимъ улицамъ, сцѣпившись за руки съ тремя или четыр другими дѣвушками, громко разговаривая и хохоча во все гор при малѣйшемъ поводѣ, какъ это дѣлаютъ другія. Она не «в дила компаніи» ни съ какимъ мужчиной, ни съ хорошимъ, съ дурнымъ. Она аккуратно каждый вечеръ возвращалась дом послѣ работы и такъ же пунктуально уходила на работу утрамъ. Она жила съ дѣдушкой и бабушкой, нанимавш двѣ комнаты въ нижнемъ этажѣ дома на Брауншвейгской п щади, неподалеку отъ театра, посѣщавшагося преимуществен простонародьемъ. Старикъ всю жизнь работалъ въ типограф одного издателя на Патерностеръ-Роу и все еще служилъ та за небольшое жалованье, хотя уже и находился въ преклонны лѣтахъ. Старуха служила многіе годы горничной въ теат «Royal Grecian» и восторгалась драмой, главнымъ образо по части дамскихъ костюмовъ. Старики, кромѣ того, были бол шіе любители ощущеній, доставляемыхъ обильнымъ употребл ніемъ крѣпкихъ напитковъ. Они покупали ихъ, какъ и сво платье, пищу, и какъ нанимали квартиру, главнымъ образо на жалованье Джуліи.

Дѣвушка была, говоря истинную правду, уличной дѣвушкой, сиротой, брошенной на произволъ судьбы. О своей матери она знала только то, чтó ея бабушкѣ пріятно было ей сообщать, а именно: что она умерла съ обручальнымъ кольцомъ на пальцѣ. Что касается отца, то такъ какъ ей было запрещено о немъ разспрашивать, то и мы хорошо сдѣлаемъ, если воздержимся отъ вопросовъ на его счетъ. Быть можетъ, онъ бросилъ жену, чтó часто случается у нѣкоторыхъ другихъ; быть можетъ, съ нимъ случилось что-либо «неладное», чтó тоже часто бываетъ. Какъ бы то ни было, онъ ни копѣйки не давалъ на содержаніе дочери и ей издавна внушалось, что она всѣмъ обязана бабушкѣ и должна заплатить впослѣдствіи за всѣ издержки, причиняемыя ея воспитаніемъ.

Въ народной школѣ ее выучили читать, писать и считать; улица была ареной ея дѣтскихъ игръ, а рай, о которомъ она смутно слыхала, представлялся ей какимъ-то отдаленнымъ мѣстомъ, дорога куда ей незнакома и гдѣ не будетъ старой бабушки, чтобы бить и пилить ее, а будетъ вдоволь пироговъ съ мясомъ и вареньемъ. Товарками ея были, само собою разумѣется, такія же уличныя дѣвочки, какъ и она сама, и величайшимъ удовольствіемъ для нихъ всѣхъ было плясать на улицѣ подъ звуки шарманки. Что же касается религіи, нравственности, принциповъ и правилъ для жизни и поведенія, то Джулія, подобно всѣмъ другимъ, должна была вырабатывать ихъ сама для себя. Принимая во вниманіе ея происхожденіе и воспитаніе, я могу объяснить ея любовь къ спокойствію, приличію и добропорядочности только тѣмъ предположеніемъ, что она естественно научилась любить все противоположное тому, чтò нравилось ея бабушкѣ. Если это покажется недостаточнымъ для объясненія этого факта, то припомнимъ избитую истину, что нѣкоторыя дѣвушки, будутъ ли онѣ принцессы или уличныя дѣти, родятся съ природной и инстинктивной любовью къ добропорядочности и всему, чтó съ этимъ связано. Богъ создалъ мужчинъ сильными, а женщинъ чистыми, сказалъ который-то изъ отцовъ церкви, по всей вѣроятности, св. Августинъ, которому принадлежатъ почти всѣ истинно-гуманныя изреченія. Фанатики, чтобы найти предлогъ для своего пустосвятства, перевернули это правило.

Джулію считали чрезвычайно счастливой дѣвушкой и она зарабатывала столько денегъ, что другія дѣвушки только охали и ахали отъ зависти. Фамильныя связи и личный интересъ, какъ это и всегда бываетъ, доставили ей это благополучіе. Бабушка спозаранку, когда она была еще крошкой, брала ее съ

собой въ театръ, гдѣ она появлялась на сценѣ въ тѣхъ мело-драмахъ, гдѣ фигурировалъ ребенокъ, мальчикъ или дѣвочк. На Рождествѣ много дѣтей набирается для пантомимъ, и Джулі всегда участвовала въ нихъ. Когда она выросла, она ста играть роли деревенскихъ дѣвушекъ, участвовала въ числ фигурантокъ, изображавшихъ толпу, или же въ какой-нибуд процессіи, зачастую несла шлейфъ принцессы. Словомъ, е ставили туда, гдѣ надо было пополнить пробѣлъ или образова группу. Такъ какъ она была красивѣе остальныхъ фигуранто и лучше сложена, то ее вскорѣ начали ставить впереди с приказаніемъ глядѣть въ партеръ своими большими глаза и кротко улыбаться. Она дѣлала это, и сводила съума всѣ приказчиковъ и привлекала всѣ сердца за пятнадцать шилли говъ въ недѣлю. И при всемъ томъ, если Джулія и пыта когда-нибудь понять то, что творится вокругъ нея, — въ че я сильно сомнѣваюсь, — то развѣ только, чтобы задать вопрос къ чему это люди ходятъ въ театръ? Всѣ театральные эффе она знала и презирала и находила, что ходить въ театръ сто развѣ только затѣмъ, чтобы посмотрѣть на костюмы героини.

Это было ея вечернее занятіе. Днемъ же она вела всѣ сче у переплетчика. И тутъ мы можемъ оцѣнить всю важность ф мильныхъ связей. Ея дѣдушка нашелъ, что хорошо было б обучить ее переплетному мастерству и помѣстилъ ее къ м-р Брадберри. Она могла бы со временемъ научиться порядоч складывать листы и даже сшивать тетради, но, къ счастью д нея, ея хозяинъ открылъ въ ней замѣчательныя способнос къ счетоводству. У Джуліи было много соображенія и о быстро складывала. Поэтому она была возведена въ званіе бу галтера, отдѣлена отъ остальныхъ дѣвушекъ и переведена из мастерской въ лавку. Она получала изъ театральной касс пятнадцать шиллинговъ въ недѣлю, а м-ръ Брадберри плати ей восемнадцать, такъ что счастливая дѣвушка получала три цать-три шиллинга въ недѣлю, на которые, съ придачею тѣх десяти, что ея дѣдушка зарабатывалъ въ своей типографі старики жили отлично и пользовались всѣми благами цивилиза ціи, включая сюда и джинъ.

Врядъ ли можно сказать, чтобы Джулія была счастлива в тѣ дни, потому что счастіе есть дѣятельное состояніе духа и не можетъ существовать безъ опредѣленной пищи въ формѣ какого-нибудь воспоминанія или ожиданія. Но съ другой стороны о конечно не была несчастна, такъ какъ для несчастія тоже нуж воспоминаніе или опасеніе. Еслибы, подобно Робинзону Крузе,

ей пришлось взвѣшивать этотъ вопросъ, то она должна была бы сказать, что съ одной стороны она въ самомъ дѣлѣ получаетъ большое содержаніе, но что съ другой стороны бабушка отбираетъ у нея всѣ деньги, что съ одной стороны у ней есть постоянная работа, но съ другой стороны ей приходится слишкомъ много работать. Что съ одной стороны у ней нѣтъ ни друзей, ни развлеченій, но что съ другой ей извѣстенъ характеръ нѣкоторыхъ изъ нихъ и онъ нисколько не привлекателенъ. Что съ одной стороны она молода, но съ другой молодые люди должны имѣть хоть одинъ часокъ въ день для отдыха и для того, чтобы пользоваться своей молодостью. Человѣческая душа, говорятъ фразёры, способна къ безконечному счастію. Будемъ по крайней мѣрѣ понимать это такъ, что человѣческая душа способна наслаждаться, когда умѣетъ желать. Джулія ничего не желала, потому что ничего не знала. Она была слишкомъ молода, чтобы особенно тяготиться работой. Она любила счетоводство, потому что ея хозяинъ былъ съ нею добръ. Она ходила въ театръ, не спрашивая себя о томъ: нравится ей это или нѣтъ, потому что она это дѣлала съ тѣхъ поръ какъ себя помнила. А о чемъ она думала день деньской—это я не знаю и рѣшительно не понимаю, въ виду того, что она не водилась съ другими дѣвушками, которыя болтаютъ и слѣдовательно думаютъ съ утра до вечера. Она находилась при дѣлѣ съ девяти часовъ утра до двѣнадцати ночи; никогда ничего не читала и ни съ кѣмъ не разговаривала, исключая м-ра Брадберри, который приходилъ и уходилъ изъ лавки и ворчалъ на свои долги и на трудныя времена. Но она привыкла къ нему и кромѣ того онъ былъ по своему добръ съ нею.

По воскресеньямъ иныя дѣвушки ходятъ гулять, другія въ церковь, третьи имѣютъ поклонниковъ, съ которыми проводятъ время. Джулія уже привыкла проводить воскресное утро въ лавкѣ, утверждая, что ей необходимо сводить счеты съ м-ромъ Брадберри, но въ сущности затѣмъ, чтобы ему было съ кѣмъ разсуждать о беззаконіи бѣдности. Джулія торжественно слушала, но не понимала ни слова. Затѣмъ въ воскресенье днемъ, когда старики дремали, она приводила въ порядокъ свой гардеробъ. Не даромъ же у дѣвушки была бабушка, служившая горничной въ театрѣ. Многія изъ сверстницъ Джуліи не умѣютъ держать иголки въ рукахъ, а потому ходятъ всегда оборванныя. Джулія умѣла шить, поэтому хотя она одѣвалась просто, но не неряшливо. Воскресные вечера бывали для нея самыми пріятными въ недѣлѣ, потому что она сидѣла въ креслѣ и ничего не дѣлала. Старики уходили въ свою спальню въ девять часовъ вечера, и

она могла лечь спать тремя часами раньше обычнаго време
и шумъ шаговъ на улицахъ, пѣсня гулякъ и стукъ омнибус
служили ей колыбельной пѣсней.

Если ей и желательна была какая-нибудь перемѣна въ судьбѣ, то полагаю только въ томъ отношеніи, чтобы бабу ея поменьше бранилась, а сама она могла бы отдѣлаться отъ сноснаго кашля, который привязывался къ ней обыкновенно началѣ зимы и не прекращался до половины лѣта.

Но ей было только девятнадцать лѣтъ, а потому такъ иначе монотонное существованіе это должно было измѣнит Сколько есть вещей, которыхъ молодежь начинаетъ желать, только узнаетъ о нихъ. А рано или поздно, она узнаетъ о и кромѣ того молодежи прилично и свойственно всегда жел Природа ненавидитъ такое состояніе духа, когда человѣкъ чего не желаетъ. Въ сущности это есть нравственная пусто

III.

Такъ проходили дни, одинъ какъ и другой, съ тою то разницею, что иногда бывало теплѣе, а иногда холоднѣе; ино небо было покрыто тучами, а иногда сіяло солнце. Но ничто отличало одинъ день отъ другого. Но такъ какъ гдѣ жизнь, та и движеніе, и ничто не стоитъ на мѣстѣ, то дѣвушка начи убѣждаться, что старики пьютъ гораздо больше того, чѣмъ имъ полезно, и что съ каждой недѣлей они напиваются силь и сильнѣе и что несправедливо съ ихъ стороны отбирать отъ всѣ деньги для того, чтобы покупать на нихъ джинъ, хотя бабушка и воспитала ее. Быть можетъ, она находила также, она лучше проводитъ время у переплетчика, нежели дома, и ея ворчливый хозяинъ болѣе пріятный собесѣдникъ, нежели дѣдушка. Но ей не приходило въ голову желать какой-нибу перемѣны или думать, что ея жизнь могла бы течь иначе, жели жизнь катоновскаго идеальнаго раба, который всегда спи когда не работаетъ, и всегда работаетъ, когда не спитъ.

Но вотъ наступила перемѣна, какъ это всегда бываетъ въ зем ной юдоли. Для римскаго невольника она наступала, когда о заболѣвалъ и его выносили, по приказанію его благодарнаго го подина, на вольный воздухъ, умирать. Перемѣна въ жизни Дж ліи на первый взглядъ, казалось, обѣщала болѣе пріятный хо вещей.

Дѣло было въ послѣднихъ числахъ мая. На театрѣ шла нел

драма, въ которой ея услуги не требовались послѣ четвертаго акта и пятнадцатой картины, когда долженствовала произойти свадьба добраго молодого мельника и добродѣтельной молочницы, послѣ неслыханныхъ затрудненій, и когда какъ-разъ у дверей церкви она прерывается прибытіемъ злого лорда, вырывающаго жениха изъ объятій невѣсты среди криковъ сельскихъ дѣвушекъ, вздымающихъ къ небу руки. Джулія была одной изъ сельскихъ дѣвушекъ, и въ то время какъ она поднимала руки въ условной позѣ, долженствовавшей изображать ужасъ, она обратила по обыкновенію свои большіе глаза въ партеръ и кротко улыбнулась ряду взволнованныхъ и оживленныхъ лицъ. Когда занавѣсъ упалъ, она освободилась и поспѣшила въ уборную, чтобы переодѣться.

Было половина десятаго, вечерній воздухъ показался ей прохладнымъ послѣ душной атмосферы театра; Джулія вышла изъ театра и прошла черезъ садъ, гдѣ играла музыка и народъ плясалъ на площадкѣ.

Въ настоящее время нѣтъ ни одного уголка въ обширномъ городѣ съ четырьмя милліонами жителей, гдѣ бы простой народъ могъ поплясать—подумайте объ этомъ!—но два года тому назадъ все еще существовалъ жалкій садъ «City Road Ranelagh», съ его галлереей, фонарями, площадкой и оркестромъ музыки. Джулія остановилась и поглядѣла на танцующихъ; но они не привлекали ее. Когда простоишь цѣлый вечеръ на сценѣ возлѣ турецкаго барабана, то музыка не имѣетъ никакой прелести; что касается танцевъ, то она хотѣла-было научиться этому искусству въ театрѣ, но отъ этой затѣи у ней осталось только воспоминаніе о необыкновенно сердитомъ нравѣ танцмейстера. Не могла также привлекать ее и внѣшность компаніи, состоявшей большею частію изъ буйныхъ приказчиковъ разныхъ мелочныхъ лавокъ и рабочихъ дѣвушекъ. Мужчины держались большею частію вмѣстѣ и хохотали между собой, а дѣвушки тоже, чтобы показать свою независимость, держались другъ дружки и тоже смѣялись промежъ себя. Многія дѣвушки плясали другъ съ другомъ. По временамъ одинъ изъ мужчинъ отдѣлялся отъ другихъ, подходилъ къ группѣ дѣвушекъ и манилъ которую-нибудь пальцемъ, говоря:—сюда, и когда дѣвушка подходила къ нему, они плясали. Какъ бы то ни было, они веселились на свой ладъ; теперь имъ нельзя больше веселиться и они сходятся въ революціонные клубы и желаютъ національзировать землю — какъ будто бы это сдѣлаетъ ихъ счастливѣе. Когда они затѣятъ подѣлить денежные капиталы, такъ же какъ и землю, тогда, быть

можетъ, почтенные миддльсекскіе магнаты, владѣющіе большими капиталами, хотя обладаютъ малымъ количествомъ земли, пожалѣютъ о томъ, что не поощряли любви къ невиннымъ развлеченіямъ, пока было еще не поздно.

Какъ бы то ни было, Джулія не танцовала, и не знала никого изъ компаніи, а потому прошла мимо нихъ и вышла на большую аллею. Здѣсь она съ минуту остановилась въ нерѣшительности. Она устала и ей хотѣлось спать, но сегодня была суббота, и старики, она это знала, еще не были «готовы» къ тому, чтобы лечь въ постель. Поэтому она перешла черезъ аллею на южную болѣе спокойную сторону и сказала себѣ, что такъ какъ вечеръ такъ хорошъ, и луна свѣтитъ такъ ярко, то она погуляетъ съ полчаса.

Когда она выходила изъ сада, за ней пошелъ слѣдомъ какой-то молодой человѣкъ; когда она повернула на западъ и направилась къ Ислингтону, онъ послѣдовалъ за ней, держась въ нѣкоторомъ разстояніи позади нея. Она слишкомъ привыкла слышать за собой топотъ ногъ, чтобы обратить на это вниманіе. Мягкій весенній воздухъ и яркій лунный свѣтъ пріятно ласкали ее послѣ театра, грохота публики и шума музыки. Отчего это, думалось ей, люди такъ любятъ шумъ? И зачѣмъ это они всѣ ревутъ и апплодируютъ, когда героиню бросаетъ въ рѣку злодѣй, а ея вѣрный любовникъ спасаетъ ее? Какіе дураки! вѣдь должны же они знать, что все это не взаправду.

Три раза молодой человѣкъ, провожавшій дѣвушку, нагонялъ ее, какъ бы собираясь съ ней заговорить, и три раза храбрость измѣняла ему, такъ какъ онъ былъ застѣнчивый молодой человѣкъ. При четвертой попыткѣ, онъ пришелъ въ отчаяніе и, положивъ руку на плечо дѣвушкѣ, съ вѣжливостью, свойственной народнымъ кавалерамъ, проговорилъ торопливымъ и хриплымъ шопотомъ:

— Позвольте сказать вамъ пару словъ?

— Оставьте меня въ покоѣ,—отвѣчала она,—озираясь кругомъ, чтобы видѣть, нѣтъ-ли вблизи помощи. — Я не разговариваю съ незнакомыми.

— Одну минутку,—продолжалъ онъ,—одну только минутку. Пожалуйста, не прогоняйте меня. Я ничего дурного не замышляю. Я не хочу васъ обидѣть.

Она смягчилась.

— Я хочу только сказать вамъ, — тутъ онъ перевелъ съ трудомъ духъ,—что бывалъ въ вашемъ театрѣ каждый вечеръ въ послѣднія три недѣли, главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы

видѣть васъ на сценѣ, и каждый разъ провожалъ васъ послѣ него домой.

— Зачѣмъ же вы провожали меня домой?—спросила она, дивясь, что этому человѣку отъ нея нужно.

Ее и прежде, случалось, провожали, но не каждый же день въ продолженіе двухъ недѣль. Съ ней также, случалось, и заговаривали, но никогда такъ вѣжливо.

— Затѣмъ, что я васъ люблю,—отвѣчалъ онъ.—О! я видалъ много дѣвушекъ на сценѣ, но ни одной такой хорошенькой, какъ вы, и ни у одной не было такихъ прелестныхъ глазъ.

Джулія знала, что у нея красивые глаза, и радовалась этому, потому что благодаря имъ она занимала мѣсто въ первомъ ряду фигурантокъ и ей платили дороже. Ея глаза стоили денегъ.

— Что же касается того, чтобы обидѣть васъ,—продолжалъ молодой человѣкъ, сжимая кулаки, — то желалъ бы я видѣть человѣка, который бы посмѣлъ это сдѣлать при мнѣ. Слушайте, скажите мнѣ, какъ васъ зовутъ?

— Меня зовутъ Джулія.

— Джулія! ахъ! — опять онъ глубоко перевелъ духъ, какъ бы находя, что имя такое же хорошенькое, какъ и сама дѣвушка.—Джулія! Мнѣ слѣдовало догадаться. Хотите погулять со мной завтра?

Она колебалась. Впервые въ жизни ей было сдѣлано такое предложеніе.

— Развѣ я опоздалъ? — спросилъ онъ. — Но я ни разу не видѣлъ васъ съ кѣмъ-нибудь другимъ. Вы развѣ уже водите съ кѣмъ-нибудь компанію?

— Нѣтъ,—отвѣчала она.—Не въ томъ дѣло. Я еще ни съ кѣмъ не водила компаніи.

— Развѣ вы думаете, что я не порядочный человѣкъ? Я—прикавчикъ въ книжной лавочкѣ на Гагерстоновской соединительной вѣтви и продаю книги и газеты. Мнѣ платятъ жалованья тридцать шиллинговъ въ недѣлю. Приходите взглянуть сами. Я ничего не хочу отъ васъ скрывать. Приходите въ понедѣльникъ. Если вы согласитесь водить со мной компанію, то я вамъ все разскажу про себя.

— Я не могу придти въ понедѣльникъ, — отвѣчала она, тронутая этимъ знакомъ довѣрія съ его стороны. — Я занята дѣломъ у м-ра Брадберри, переплетчика, служу у него бухгалтеромъ. А по вечерамъ бываю въ театрѣ.

— Ну, такъ приходите завтра!

Онъ взялъ ее за руку. Она слегка дрожала и глядѣла на

него съ сомнѣніемъ. Онъ былъ очень красивый молодой человѣкъ, бѣлокурый и краснощекій, высокаго роста и одѣтъ по модѣ, насколько это дозволялъ ему карманъ. Онъ глядѣлъ на нее съ такимъ выраженіемъ въ глазахъ, которое для нея совсѣмъ ново, но отъ котораго сердце ея странно забилось.

— Приходите сюда въ три часа, — продолжалъ онъ. — Я всегда хожу поутру въ церковь съ матушкой, которая очень строга на этотъ счетъ. Мы пойдемъ... мы пойдемъ...

Онъ раздумывалъ, какую бы программу начертать, чтобы она была и привлекательна и не очень дорога.

— Мы поѣдемъ по конкѣ въ Гэмстедъ и напьемся тамъ чаю, а затѣмъ погуляемъ. Если погода будетъ хорошая, то прогулка можетъ быть очень пріятна. Вамъ нравится Гэмстедъ?

— Я никогда тамъ не была. Я нигдѣ не бываю. У меня совсѣмъ нѣтъ друзей, кромѣ бабушки и дѣдушки и м-ра Брайберри.

Глаза ея наполнились слезами, отчасти потому, что она впервые теперь сообразила, какая она одинокая и сиротливая дѣвушка, отчасти же потому, что ее растрогала мысль, что вотъ нашелся же наконецъ человѣкъ, который пожелалъ познакомиться съ нею.

— Развѣ у васъ нѣтъ пріятельницъ въ театрѣ между дѣвушками?

Она покачала головой.

— Вы слишкомъ для нихъ хороши, — замѣтилъ онъ. — Само собой разумѣется, что вы не можете дружиться съ ними. Большинство изъ нихъ ужасная дрянь. А у переплетчика вы тоже не сошлись ни съ кѣмъ изъ дѣвушекъ?

— Нѣтъ. Я прихожу въ особые часы и никого изъ нихъ не вижу. У меня было много подругъ, когда я ходила въ школу, но теперь я не знаю, гдѣ онѣ всѣ находятся. Дѣвушки, какъ мы, разбредутся по бѣлому свѣту, и теперь я совсѣмъ одна.

— А у васъ нѣтъ отца съ матерью?

— Нѣтъ; они умерли, и мнѣ не велѣно про нихъ разспрашивать. Ахъ! вотъ вы такой порядочный молодой человѣкъ... а... понравится ли это вашей матушкѣ?

Она хотѣла сказать, понравится ли его матери, что такой красивый и хорошо одѣтый молодой человѣкъ будетъ водить компанію съ такой смиренной дѣвушкой, какъ она. Онъ же подумалъ, что она хочетъ сказать, что его матери, пожалуй, не понравится, что она служитъ въ театрѣ.

— Матушка ничего не будетъ имѣть противъ бухгалтерства.

Послушайте, Джулія, будемъ друзьями. Меня зовутъ Джемсъ Аверстонъ. Зовите меня Джимомъ, а я буду васъ звать Джуліей. Обѣщаете придти завтра? Дайте мнѣ вашу руку.

И онъ не только взялъ ее за руку, но и поцѣловалъ въ лобъ.

— О! Джулія! еслибы вы знали, какъ я васъ люблю! Я влюбился въ васъ въ первый же разъ, какъ увидѣлъ на сценѣ! О! Джулія, какъ мы будемъ счастливы!

И вотъ какимъ образомъ началось счастіе Джуліи: оно пришло тихо и незамѣтно, какъ всѣ великія и хорошія вещи. Когда ея поклонникъ разстался съ ней, проводивъ ее до дверей ея дома, она пришла къ себѣ вся проникнутая сознаніемъ, что ее цѣловали, что ей жали руки, называли ее хорошенькой и что молодой человѣкъ—милый молодой человѣкъ—красивый и хорошо одѣтый молодой человѣкъ, которымъ можно было гордиться, сказалъ ей, что любитъ ее. До сихъ поръ никто еще въ жизни не цѣловалъ ее, никто и никогда еще не ласкалъ ее, не говорилъ ей ни одного слова любви или нѣжности. Дѣвушки высшихъ классовъ! вы принимаете равнодушно любовь и заботы, расточаемыя вамъ тѣми, кто васъ любитъ; вы принимаете это какъ должное. Оно такъ и есть: я этого не отрицаю; но подумайте, каково вамъ было бы, еслибы вы были ихъ лишены!

Бабушка, безъ сомнѣнія, замѣтила бы перемѣну въ дѣвушкѣ, когда та вернулась домой: блескъ въ глазахъ, румянецъ на щекахъ, бодрость и оживленіе въ походкѣ и вообще въ манерѣ себя держать, потому что ея бабушка была изъ подозрительныхъ и постоянно опасалась какъ разъ того самаго, что теперь случилось, то-есть: поклонника и свадьбы. Она боялась лишиться своей Джуліи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и доходовъ. Но въ настоящую минуту она находилась въ состояніи невмѣняемости. Она сидѣла, выпрямившись на стулѣ, съ безсмысленной улыбкой на губахъ; еще нѣсколько минутъ, еще одна капля джина съ водой и ее можно будетъ уложить спать. Дѣдушка тоже могъ бы обратить вниманіе на необычный видъ своей внучки, но тоже былъ пьянъ. Онъ держалъ потухшую трубку въ рукѣ и, проливая слезы сострадания и умиленія, пѣлъ: «Отецъ, отецъ! о, приди, спаси свое дитя!» Такимъ образомъ никто изъ нихъ не обратилъ рѣшительно никакого вниманія на дѣвушку, которая въ первый разъ въ жизни со стыдомъ поглядѣла на своихъ опекуновъ, потому что... потому что: какое мнѣніе получитъ о ней Джимъ, если увидитъ ихъ въ такомъ видѣ? Она и прежде часто видѣла ихъ въ такомъ видѣ съ чувствомъ отвращенія и безпомощной

горечи, но сегодня она стыдилась ихъ. Она тутъ же рѣшила, что не допуститъ, чтобы Джимъ провелъ вечеръ съ дѣдушкой.

Какъ бы то ни было, а Джулія, уложивъ стариковъ спать, осталась одна. Она легла на кровать, старомодной формы, имѣвшей видъ шкапа, но ей не хотѣлось спать. Она набросила платокъ на голову и сѣла у открытаго окна, глядя въ лунное небо и раздумывая о томъ, что̀ случилось.

Такъ она просидѣла, оперевшись подбородкомъ на руку, далеко за полночь, пока всѣ торопливо шагавшіе пѣшеходы на улицѣ не разошлись по домамъ спать, а Брауншвейгская площадь, никогда не отличавшаяся шумомъ, совершенно затихла. Но она не замѣчала ни шума, ни тишины! Ея голова была полна красивымъ молодымъ человѣкомъ и его словами! Неразумная голова! Онъ назвалъ ее хорошенькой; онъ сказалъ, что любитъ ее. Онъ желалъ водить съ нею компанію; онъ провожалъ ее двѣ недѣли сряду; онъ назвалъ ее хорошенькой; онъ каждый вечеръ ходилъ въ театръ въ продолженіе трехъ недѣль; онъ сказалъ, что любитъ ее; онъ жалъ ей руку; онъ навѣрное такъ же добръ, какъ и красивъ, потому что сразу сообщилъ ей, кто онъ такой и гдѣ работаетъ; онъ сказалъ, что любитъ ее... и такъ далѣе, до безконечности.

Наконецъ со вздохомъ, она закрыла окно и захлопнула ставни и легла спать. Простодушная Джулія! такъ волноваться отъ того только, что какой-то молодой человѣкъ въ нее влюбился!

IV.

И вотъ началась мирная и прелестная идиллія, хотя пастухъ былъ всего только приказчикъ книжнаго магазина, а нимфа — театральная статистка. Съ одной стороны юноша съ живымъ воображеніемъ, прочитавшій большинство тѣхъ книгъ, которыя продавалъ, и которому мерещился цѣлый міръ чудныхъ мыслей въ большихъ и блестящихъ глазахъ, плѣнившихъ его сердце. Это убѣжденіе внушало ему безграничное уваженіе къ своей милой. Что за дѣло до общественнаго положенія дѣвушки, если она съумѣла внушить такое убѣжденіе своему поклоннику? Съ другой стороны дѣвушка, находившая, что ея поклонникъ хорошо воспитанный, красивый и благородный человѣкъ. Она всегда считала себя такой ничтожной, что эта чудная вещь, его любовь, внушала ей удивленіе и страхъ. Какъ могъ онъ полюбить такую

...стенькую дѣвушку, какъ она? Какимъ образомъ приковать ей ... любовь къ себѣ, такъ, чтобы онъ больше не заглядывался на ...гихъ женщинъ?

Разумѣется новое положеніе, въ какомъ она очутилась, прежде ...го инстинктивно заставило ее хлопотать о томъ, чтобы быть ...ъ можно красивѣй. Поэтому при всякой возможности она ...бавляла какую-нибудь бездѣлицу къ своимъ незатѣйливымъ ...ядамъ. А такъ какъ счастіе всегда выражается во внѣшности, ...она стала прямѣе держаться и развязнѣе ходить. Кашель про...ъ, щеки покруглѣли, грудь пополнѣла; она съ каждымъ днемъ ...ошѣла. Глаза ея улыбались предмету ея мечтаній, но эта же ...бка озаряла и весь остальной свѣтъ.

— Джулія,—говорила ей бабушка, съ уныніемъ, такъ какъ ...нь скоро пронюхала, какимъ образомъ дѣвушка проводила ...кресные дни.—Джулія, помни, что бываютъ всякіе молодые ...и. Иные изъ нихъ стремятся обижать дѣвушекъ. Берегись. Мнѣ ...тся, что я кое-что о немъ слышала... но оставимъ это. Будь ...рожна, дѣвушка... Водить компанію, — дѣвушкѣ не сдобро...ь отъ этого, помни это. Другое дѣло—выдти замужъ. Дѣвушкѣ ...годится откладывать свадьбу. Будь осторожна и слушайся ...ушки. И вотъ что, Джулія, никогда не давай ему денегъ!

Джулія смѣялась. Ея Джимъ будетъ ее обижать! онъ самъ ...титъ всѣ свои деньги на нее. Но она сдѣлала одну вещь, отъ ...орой старуха пришла въ ужасъ: она осмѣлилась удержать всѣ ...и деньги и отдала изъ нихъ бабушкѣ только столько, сколько ...жно было на квартиру и на столъ. Что-жъ это такое? откуда ...ть денегъ на выпивку? Старики сидѣли и глядѣли другъ на ...уга и съ уныніемъ обсуждали этотъ вопросъ. Старуха пошла ... театръ и попросила, чтобы жалованье внучки выдавалось ей ... руки. Тамъ надъ ней только посмѣялись. Она отправилась съ ...кой же просьбой къ м-ру Брадберри, но вернулась, повѣся ...съ и оскорбленная въ своихъ чувствахъ.

Джулія же, хотя и ходила по прежнему въ воскресенье утромъ ... м-ру Брадберри, но не вела больше съ нимъ счетовъ. Она ...носила съ собой работу и шила себѣ наряды въ то время ...къ онъ курилъ трубку и разсуждалъ о негодности существую...ихъ учрежденій. Джулія слушала, но ничего не слышала, такъ ...къ сердце ея было далеко. Кромѣ того, она ничего не знала ... существующихъ учрежденіяхъ, а потому какое ей было дѣло ... того, что они дурны?

— Ты не слушаешь того, что́ я тебѣ говорю, Джулія,—вор...алъ онъ.—Вотъ такъ всегда бываетъ съ дѣвушкой. Стоитъ только

ей влюбиться и она непремѣнно испортится. Ни о чемъ друг… она больше думать не въ состоянiи.

Иногда,—но не часто, потому что мать не любила, чтобы… поздно возвращался домой,—Джимъ шелъ встрѣтить ее, когда… выходила изъ театра и провожалъ ее домой. Но обыкновенно… сходились по воскресеньямъ, когда она надѣвала свое самое… рядное платье и они шли гулять. Все послѣ-обѣда и веч… воскреснаго дня они проводили вмѣстѣ. Лѣто стояло довол… хорошее; рѣдко выпадали дождливыя воскресенья и они мог… ѣздить по окрестностямъ. Какъ и всѣ лондонскiе юноши, Дж… зналъ наперечетъ всѣ загородныя увеселительныя мѣста: въ Р… жентъ-паркѣ днемъ играетъ музыка по воскресеньямъ; дру… оркестръ играетъ въ прекраснѣйшемъ павильонѣ въ Батерс… паркѣ, гдѣ можно напиться чаю, и такъ далѣе.

Для Джулiи лѣто проходило, точно сонъ; она не заглядыв… въ прошлое и не задумывалась о будущемъ; она жила нас… щимъ; всю недѣлю, сидѣла ли она наклонившись надъ сво… приходо-расходными книгами, вдыхая запахъ клейстера, или… находилась въ душномъ театрѣ, она мысленно переживала с… воскресные дни, припоминала то, что ей говорилъ ея Джем… думала о тѣхъ вещахъ, которыя онъ ей подарилъ, и о томъ, к… онъ глядѣлъ, когда поцѣловалъ ее при встрѣчѣ на улицѣ; … дала о томъ, что они будутъ дѣлать въ будущее воскресенье. … время этихъ прогулокъ она узнала такiя вещи, о котор… прежде и не подозрѣвала: лѣса, поля, полевые цвѣты, п… чернаго дрозда. Всѣ эти чудеса были такъ же новы для … какъ и мысли, вычитанныя ея Джимомъ изъ книгъ и га… его лавки и сообщаемыя имъ своей внимательной слушате… ницѣ. Ея умъ обогатился новыми идеями и представленiя… у ней явились новыя надежды; она на все стала смотрѣ… совсѣмъ иначе. Она уже не чувствовала прежняго доволь… своей судьбой. Она точно вновь на свѣтъ родилась и род… съ новыми и странными стремленiями и требованiями.

Что касается Джемса, то ни на одну минуту онъ не пер… ставалъ быть самымъ пламеннымъ влюбленнымъ; онъ окру… ее такимъ вниманiемъ, какъ еслибы онъ былъ настоящiй джен… менъ, а она настоящая молодая лэди. Онъ находилъ, что ни… не могло быть слишкомъ хорошо для нея; онъ никогда не б… съ нею раздражителенъ или не въ духѣ; верхомъ счастiя д… него, какъ и для его возлюбленной, было гулять подъ руку … городомъ, по лѣснымъ тропинкамъ и вдоль полевыхъ изгород… Онъ не пилъ вина и не курилъ; онъ говорилъ о книгахъ и …

томъ, чтò онъ въ нихъ прочиталъ, о газетахъ и о томъ, чтò дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, такъ что Джулія устыдилась своего невѣжества и купила учебникъ и географическую карту; иногда онъ приносилъ книгу въ карманѣ и читалъ ей, сидя въ тѣни подъ деревомъ. Онъ былъ въ сущности юношей съ сильно развитымъ воображеніемъ, и, при образованіи, изъ него могъ бы выйти поэтъ. При этомъ у него были очень простые вкусы, и чашка чаю и бутербродъ, съѣденный въ обществѣ Джуліи, казались ему привлекательнѣе альдерменскихъ пировъ безъ нея. Что же касается вкусовъ Джуліи, то у ней ихъ совсѣмъ не было; она думала, какъ Джемсъ, любила то, чтò онъ любилъ, жила его умомъ и считала его такимъ же умнымъ, какъ и красивымъ, и такимъ же разсудительнымъ, какъ и ласковымъ.

По большей части она молча шла рядомъ съ нимъ, въ то время какъ юноша, исполненный великодушныхъ и дикихъ идей соціалистъ и республиканецъ, и радикалъ, вѣрившій въ человѣка и любившій все, чтò привлекаетъ пламенную юность, открывалъ ей душу, чувствуя себя вполнѣ вознагражденнымъ, когда она, поднимая на него свои прекрасные глаза, говорила: — О, Джемсъ, еслибы всѣ могли говорить, какъ ты!

Изъ всего, чтò онъ сообщалъ ей, у нея слагалась новая и чудесная вѣра, что положеніе вещей можетъ быть измѣнено къ лучшему и созданъ лучшій міръ, гдѣ всѣ мужчины будутъ такъ честны и смѣлы, какъ ея Джемсъ, а всѣ женщины такъ же хороши, какъ она, по мнѣнію Джемса.

И каждый вечеръ въ воскресенье, когда они разставались на Брауншвейгской площади, гдѣ онъ обнималъ ее и цѣловалъ въ губы и въ щеки, она, возвращая ему поцѣлуи, шептала: — О! Джемсъ! какъ ты добръ ко мнѣ!

— Провалиться мнѣ! — говаривалъ м-ръ Брадберри, — я совсѣмъ не узнаю тебя Джулія! — должно быть, это его вліяніе! Право, ты стала вдвое толще противъ прежняго! У тебя и щеки закруглились и ты поешь за работой, и стала рѣзвушкой! Кто бы повѣрилъ, что ты можешь быть рѣзвушкой, Джулія? И право, мнѣ кажется, что твой кашель совсѣмъ прошелъ. А твоя бабушка говорила мнѣ, что ты наконецъ взялась за умъ и не позволяешь себя грабить въ конецъ, а отдаешь только половину своего жалованья. Приходила сюда ревѣть и просила меня отдавать твое жалованье ей на руки, — говорила, что ты неблагодарная внучка. Не безпокойся, Джулія. Я сказалъ ей, что если она содержала тебя въ продолженіе десяти лѣтъ, то ты содержала ее тоже въ продолженіе десяти лѣтъ, и что если она не урезо-

нится, то я увезу тебя далеко, далеко, и много ли она отъ того выиграетъ, желалъ бы я знать?

Это была правда. Джулія, съ укрѣпленіемъ своихъ силъ и здоровья, стала смѣлѣе и рѣшилась, какъ выше сказано, оспаривать у бабушки право отнимать у ней всѣ деньги. Она начала даже, увлекшись низкимъ и мизернымъ разсчетомъ, откладывать деньги въ почтовый банкъ. Мало того: она пригрозила старикамъ совсѣмъ уйти отъ нихъ, если они не перестанутъ пилить ее упреками.

Эта угроза, вмѣстѣ съ предположеніемъ о возможности, чтобы Джулія вышла замужъ, ужасно встревожила ихъ. Они сидѣли каждый вечеръ за джиномъ, который теперь имъ приходилось пить умѣренно, и обсуждали этотъ вопросъ съ различныхъ сторонъ. Не могли ли они идти за невѣстой въ родѣ какъ бы приданаго, такъ чтобы ея мужъ призналъ ихъ право жить на его счетъ? Или же, если это было невозможно, то чтобы имъ назначено было еженедѣльное содержаніе, въ родѣ того, какое внучка имъ давала теперь? или же нельзя ли,—что было бы лучше всего,—устроить такъ чтобы свадьба разстроилась?

— И что только онъ нашелъ въ ней?—говорила бабушка.—Такъ-себѣ, сухопарая дѣвчонка, и ничего больше. А про нее и говорить нечего, стоитъ только произнести его имя, и она сейчасъ же встанетъ на дыбы.

— Что же ты намѣрена теперь дѣлать?—спрашивалъ мужъ, дозволявшій женѣ свободно замышлять всякія козни и не находившій въ этомъ ничего предосудительнаго.

— Увижу,—отвѣчала она.—Но, что я этого такъ не оставлю, въ этомъ ты можешь быть увѣренъ. Она воображаетъ, что можетъ послать ко всѣмъ чертямъ бабушку, которая ее выростила!—какъ бы не такъ! Будь увѣренъ, что я что-нибудь придумаю. Неблагодарная тварь!

— Вѣрно! вѣрно!—бормоталъ старикъ, глядя на пустую бутылку отъ джина.

Старушка не была такъ привлекательна, какъ старикъ; бѣлые волосы послѣдняго и гладко выбритое лицо придавали ему чрезвычайно благообразный видъ. У старухи же волосы повыпали и чепецъ не могъ вполнѣ скрыть опустошеній, произведенныхъ временемъ; облысѣвшая и состарѣвшаяся Венера не можетъ быть хороша безъ помощи искусства, а у старухи не было средствъ завести себѣ парикъ. Кромѣ того у нея были хитрые глазки, которые постоянно бѣгали и какъ будто что-то замышляли, а губы вѣчно двигались, точно помогали глазамъ. Почему

она казалась такой хитрой—не можетъ быть разумно объяснено никакой теоріей, потому что жизнь ея, проведенная въ томъ, чтобы одѣвать и раздѣвать актрисъ въ театрѣ, была не изъ такихъ, которыя способствуютъ развитію въ человѣкѣ хитрости.

Она рѣшила что-нибудь предпринять. Но что же именно?

Сначала она подумывала-было сказать что-нибудь такое молодому человѣку, что бы охладило его страсть. Но она понимала, что это очень трудно сдѣлать, и кромѣ того это, конечно, приведетъ къ разрыву съ Джуліей и навлечетъ головомойку со стороны м-ра Брадберри, котораго старуха побаивалась.

Затѣмъ она могла насказать чего-нибудь такого самой Джуліи, и уже пыталась сдѣлать это.

Наконецъ, она могла натравить родственниковъ молодого человѣка. Но она не знала, кто они такіе, и гдѣ живутъ.

Весь остатокъ недѣли ломала она надъ этимъ голову, но ничего не говорила до воскресенья утромъ, когда предложила внучкѣ помочь ей въ работѣ.

— Ты вѣдь знаешь, милочка,—заявила она съ порывомъ необычайной нѣжности,—что, когда у меня глаза не болятъ, я могу такъ же хорошо шить, какъ и бывало. Дай-ка мнѣ иголку и нитки; ты шей свое, а я свое. Не безпокойся о дѣдушкѣ. Пусть себѣ лежитъ въ постели, если ему это нравится. Ахъ! милочка, если все дѣло въ твоемъ счастіи, то я вѣдь не прочь. Да! да! совсѣмъ не прочь, если только онъ стоитъ тебя! Я съ радостью уступлю тебя ему. Вѣдь онъ приказчикомъ въ книжной лавкѣ, не правда ли?

Джулія кивнула головой.

— Скажите! вѣдь дѣдушка-то твой тоже всегда былъ на этой линіи. Тутъ виденъ какъ бы перстъ провидѣнія! А кто его родители, Джулія? Тоже книгопродавцы?

Она подняла на свѣтъ платье и критически оглядывала его, точно была поглощена этимъ занятіемъ и ей въ сущности не было никакого дѣла до родителей Джима.

Джулія, захваченная, такимъ образомъ, врасплохъ, разсказала, не подозрѣвая ничего худого, все, что знала.

— И мать его,—заключила она,—очень строгая и религіозная женщина; принадлежитъ къ обществу трезвости и не одобряетъ театра, не знаю почему. Поэтому, когда мы повѣнчаемся, я буду жить съ м-ромъ Брадберри, который обѣщаетъ удвоить мнѣ жалованье и я оставлю театръ. А до тѣхъ поръ она ничего не должна знать про театръ.

— Онъ удвоитъ тебѣ жалованье, говоришь ты? Ахъ! я всегда

говорила, что ты служишь ему за безцѣнокъ. А гдѣ жив
мать молодого джентльмена?

— Она содержитъ мелочную лавочку на Госвелъ-Родѣ,—
отвѣчала Джулія.

— Она содержитъ лавочку на Госвелъ-Родѣ, — медле
повторила бабушка,—и она религіозная, строгая женщина, сто
за трезвость и не любитъ театра. Ого!

Когда часъ или два спустя, Джулія пошла на свиданіе
женихомъ, старуха, надѣвъ шляпку и накинувъ на плечи ш
отправилась кратчайшимъ путемъ на Госвелъ-Родъ. Медле
проходя по улицѣ, она читала вывѣски на домахъ, пока
увидѣла имени «Атерстонъ». Ставни были закрыты, по слу
воскресенья, но лавочка была, очевидно, незначительная и
важная. Пока она стояла и разглядывала вывѣску, дверь о
рилась и на порогѣ показалась женщина. На ней былъ над
вдовій чепецъ, а въ рукахъ она держала библію. Ей было л
сорокъ-пять и лицо ея сморщилось отъ заботы; то была не
жинная забота о деньгахъ, такъ какъ лавочка и небольшой ка
талъ, оставленный ей мужемъ, дозволяли ей безбѣдное сущес
ваніе. Забота ея была другого рода: она непрерывно трепе
за спасеніе души своего сына. Этого рода тревога въ былые д
когда пуританство было сильнѣе распространено, чѣмъ те
отравляла жизнь многихъ тысячъ матерей, проводившихъ все с
время въ молитвахъ, увѣщаніяхъ и опасеніяхъ. Она прина
жала къ той строгой и логичной сектѣ, которая самымъ п
жительнымъ образомъ знала, кто будетъ спасенъ и кто н
Разумѣется тѣ, которые не соблюдаютъ субботы, ходятъ въ те
поздно ложатся спать и не посѣщаютъ церкви по крайней м
разъ въ недѣлю, не могутъ войти въ царствіе небесное. Поэт
какую надежду могла она питать на то, чтобы сынъ ея б
спасенъ?

— Вы — миссисъ Атерстонъ, сударыня?—смѣло подош
заговорила съ ней старуха.

— Да. Чѣмъ могу служить вамъ?

— Я проходила мимо, сударыня,—продолжала старуха
любезнѣйшей улыбкой,—и подумала, загляну ужъ кстати къ ла
о которой слышала такъ много хорошаго и съ которой с
мнѣ придется породниться.

— Я не понимаю, чтó вы хотите сказать,—замѣтила мисс
Атерстонъ.—Мнѣ кажется, вы ошибаетесь.

— О! нѣтъ, нѣтъ, сударыня,—возразила посѣтительница.—
вѣдь бабушка Джуліи.

— Кто такая Джулія?

— Какъ?

И старуха прикинулась крайне изумленной.

— Какъ? вы не знаете даже имени молодой лэди, на которой вашъ сынъ собирается жениться?

— Мой сынъ... собирается жениться?

Лицо бѣдной матери выдало ея изумленіе.

— На комъ онъ собирается жениться? я ничего не знаю. Войдите пожалуйста и разскажите мнѣ, въ чемъ дѣло.

Она провела ее въ пріемную, помѣщавшуюся сзади лавочки. Бабушка сѣла и развязала ленты у своей шляпки, что въ нѣкоторыхъ кружкахъ означаетъ дружеское расположеніе и намѣреніе поговорить по душѣ.

— Объясните пожалуйста, — спросила миссисъ Атерстонъ дрожащими губами: — что такое вы знаете про моего сына?

— Онъ женится на моей внучкѣ, Джуліи. Господи! да неужели же вы ничего объ этомъ не знаете?

— И кто же... извините пожалуйста, но мнѣ нужно вѣдь это знать... мой сынъ не хорошо со мной поступаетъ... Кто же вы сами?

— О! — отвѣчала бабушка, — мы люди почтенные, увѣряю васъ, и хотя не держимъ собственной лавочки, но могли бы не хуже другихъ. Мой мужъ всю жизнь служилъ на Патерностеръ-Роу и до сихъ поръ тамъ, хотя уже старикъ и не имѣетъ прежней силы. Я же была горничной въ греческомъ театрѣ, пока не нажила ревматизма въ пальцахъ и теперь не могу больше работать. Мы всегда были самыми приличными людьми.

— А... а вашъ сынъ? вы говорили, что она ваша внучка.

— У меня былъ только одинъ ребенокъ, да и то дочка. Джулія, ея дитя, а моя дочка умерла съ обручальнымъ кольцомъ на пальцѣ. Что же касается отца Джуліи, то я никогда не спрашивала и не знала, кто онъ такой, да оно и лучше.

Миссисъ Атерстонъ выслушивала всѣ эти объясненія съ удрученнымъ сердцемъ. Но ей нужно было задать еще одинъ вопросъ.

— А чѣмъ же занимается ваша внучка?

— Она служитъ въ театрѣ, м-мъ, какъ ея бабушка и мать служили раньше ея, — отвѣчала экс-субретка, взглянувъ на слушательницу своими хитрыми глазками. — Она поступила на сцену еще крошкой, какъ скоро научилась ходить. Не для разговора и представленья, потому что у бѣдной дѣвочки слабая грудь и слабый голосъ, а для того, чтобы стоять впереди въ хорошенькомъ платьѣ и быть въ толпѣ или въ процессіи или

въ хорѣ деревенскихъ дѣвушекъ и притомъ самой красивой изъ нихъ. О! вы будете гордиться ею, м-мъ, когда увидите ее на сценѣ, право! Вашъ сынъ увидѣлъ ее въ театрѣ, влюбился въ нее, какъ и многіе другіе джентльмены, которые не знають, что вся красота эта отъ размалевки, такъ что ужъ лучше бы имъ влюбиться въ горничную. Послѣ того онъ...

— Благодарю васъ,—перебила миссисъ Атерстонъ,—вы достаточно разсказали мнѣ. Сынъ сообщитъ мнѣ остальное.

— Милости просимъ къ намъ, м-мъ, — отвѣчала старуха, вставая.—Если вы пожелаете пойти въ театръ завтра вечеромъ, то я проведу васъ за кулисы или въ партеръ, куда вамъ угодно. Быть можетъ, вы пожелаете поглядѣть на Джулію изъ партера, это заставитъ васъ скорѣе полюбить ее, м-мъ, думается мнѣ.

— Я никогда не ходила въ театръ.

— Ну чтожъ такое, никогда не поздно начать. А теперь, когда мы такъ поладили съ вами, то и дальше будемъ ладить, и будемъ часто видаться другъ съ другомъ. Я какъ-нибудь вечеромъ приведу своего старика съ его трубкой и мы разопьемъ рюмочку-другую чего-нибудь тепленькаго. Увидите, какой онъ чудесный собесѣдникъ.

— Въ моемъ домѣ ничего не пьютъ, кромѣ воды, а табакъ никогда не допускается.

Послѣ этого старуха ушла, разсыпаясь въ дружескихъ завѣреніяхъ. Всю дорогу домой она качала головой, жевала губами, подмигивала глазомъ и ухмылялась, такъ что случись на ту пору какой-нибудь антикварій на улицѣ, онъ навѣрное принялъ бы ее за колдунью, схватилъ бы ее и бросилъ въ бассейнъ Сити-Родъ, чтобы видѣть, пойдетъ она ко дну или поплыветъ. Но на улицѣ никого не было и она благополучно вернулась домой, и сидя на досугѣ, съ величайшимъ удовольствіемъ размышляла о славныхъ дѣлахъ, надѣланныхъ ею поутру, и о заваренной ею кашѣ, которая съ успѣхомъ могла загубить вѣкъ двумъ человѣкамъ.

— Она воображаетъ, что можетъ бросить свою старую бабушку и выдти замужъ, а насъ спустить въ богадѣльню. Посмотримъ!

Этотъ вопросъ она задавала себѣ сто разъ, будучи въ томъ расположеніи духа, которое до сихъ поръ еще не получило никакого названія—когда паціентъ, совершивъ какой-нибудь безумный или безобразный поступокъ, ощущаетъ въ сердцѣ радость, потираетъ руки, хотя и не безъ нѣкоторой тревожной оглядки, и объявляетъ, что доволенъ тѣмъ, что сдѣлалъ, и что повторилъ

бы это, и жалѣетъ, что давно уже такъ не поступилъ, и что вотъ онъ имъ всѣмъ покажетъ себя.

Этотъ день показался Джуліи счастливѣйшимъ въ ея жизни. Послѣ девятнадцати лѣтъ страданій, четыре мѣсяца счастія. Чтожъ! огромная печаль забывается, когда достанется на долю маленькая радость. Однако, когда она пройдетъ окончательно и невозвратно, то нѣтъ худшей муки, какъ вспоминать прошлое счастіе. Это было сказано раньше, я знаю, и много разъ цитировалось. Но это не вполнѣ вѣрно. Человѣкъ можетъ безъ отчаянія вспоминать о томъ, какъ былъ молодъ; онъ можетъ съ чувствомъ тихой грусти вспоминать былые, счастливые дни, когда любилъ, и пѣлъ, и танцовалъ, ссорился съ любимымъ предметомъ, безумно надѣялся, вѣрилъ и любилъ; но лишиться такого счастія, какъ Джулія, потерять его внезапно, ужасно, насильственно, видѣть, какъ его растоптали ногами или вырвали изъ рукъ—это, повѣрьте мнѣ, приведетъ къ тому, что во всю свою остальную жизнь, будетъ ли она коротка или длинна, человѣкъ станетъ только мучиться и терзаться.

Дѣло было въ началѣ октября; стоялъ самый чудный осенній день, какой только когда-либо выпадалъ на долю Англіи; влюбленные отправились вмѣстѣ въ Горнси и блуждали по полямъ и лугамъ. Эта окрестность одна изъ самыхъ тихихъ; мало народу гуляетъ тамъ даже въ воскресные дни. Солнце ярко сіяло и лучи его сквозили сквозь деревья красными и золотистыми пятнами. Поспѣли и лѣсныя ягоды, которыхъ Джулія до того и не пробовала никогда. Вотъ, наконецъ, они усѣлись на траву и стали бесѣдовать, держа другъ друга за руку и открывая другъ другу всю свою душу.

Первая заговорила Джулія, хотя слѣдовало бы, наоборотъ, заговорить ея жениху, такъ какъ иниціатива въ этихъ дѣлахъ должна принадлежать мужчинѣ. Она удивлялась со слезами на глазахъ, что въ такое короткое время такая большая перемѣна произошла въ ея жизни и какъ это она могла прожить такъ долго на свѣтѣ и такъ малому научиться? Но теперь она всѣмъ обязана своему милому... и «о! Джимъ, м-ръ Брадберри говоритъ, что удвоитъ мое жалованье, если я поселюсь съ нимъ. И тогда мнѣ можно будетъ оставить театръ и твоей матери нечего будетъ меня стыдиться. Ты знаешь, милый, что хотя ты и влюбился въ меня, когда я была на сценѣ, но я не особенно ею дорожу. Мнѣ кажется, что это потому, что я слишкомъ хорошо знаю,

какъ это все тамъ дѣлается... всѣ эти театральныя штуки и фокусы. Я съ радостью оставлю театръ».

— Если ты будешь рада, Джулія, — отвѣчалъ онъ, — то и я буду радъ. Я еще не говорилъ объ этомъ съ матушкой, но поговорю сегодня вечеромъ. Я нарочно вернусь домой пораньше, и если она дастъ свое согласіе, то мы скоро и повѣнчаемся. Гдѣ мы поселимся?

— Еслибы можно было поселиться гдѣ-нибудь поближе къ полямъ, — сказала она, — но вѣдь работа не позволитъ этого. Джимъ, поселимся въ Гокстонѣ или въ Клеркенвелѣ. Развѣ тебя не поражаетъ городской воздухъ послѣ деревенскаго, когда мы возвращаемся съ прогулки?

И вотъ какимъ образомъ они строили свои незамысловатые воздушные замки и мечтали, какъ они сдѣлаютъ то-то и то-то, какъ они будутъ счастливы, какъ ни въ чемъ не будутъ знать неудачи, никогда не будутъ ссориться, никогда не обнищаютъ, никогда не состарѣются, а будутъ себѣ жить да поживать, да добро наживать. Затѣмъ наша глупенькая чета нѣжно поцѣловалась и опять побрела вдоль цвѣтущихъ изгородей.

Они рано разстались, въ половинѣ восьмого, такъ какъ Джимъ собирался переговорить съ матерью. Когда они поцѣловались на прощанье на углу Брауншвейгской площади, то въ воздухѣ пахло грозой, громъ гремѣлъ, молнія сверкала и падали крупныя капли дождя. Но ничто не предвѣщало грядущей бѣды и никакого предчувствія о ней въ нихъ не просыпалось. Джулія не знала, что̀ значатъ предчувствія и разныя предвѣщанія: лондонская дѣвушка наименѣе суевѣрна изъ всѣхъ женщинъ въ мірѣ. Однако, и въ Лондонѣ женщина можетъ получить кое-какія предостереженія.

Они разстались въ этотъ свой послѣдній счастливый вечеръ не нѣжнѣе обыкновеннаго. Джимъ поцѣловалъ ее, когда она стояла на порогѣ двери, нѣжно и страстно, а она, возвращая ему поцѣлуй, прошептала, какъ обыкновенно: — «О! Джимъ, какъ ты добръ ко мнѣ!»

V.

Когда старуха ушла, миссисъ Атерстонъ продолжала сидѣть въ своей пріемной, позабывъ о церкви, куда было собралась идти. Сердце въ ней окаменѣло, губы были стиснуты, глаза неподвижно застыли въ одномъ и томъ же выраженіи, щеки блѣдны. Дверь ея лавочки оставалась открытой, но она не за-

мѣчала этого; дѣти заглядывали въ нее и кричали: «ухъ!» и бѣжали прочь, но она ничего не слыхала. Ея сынъ собирался жениться на актрисѣ. Да! Израильтянка-мать, у которой сынъ захотѣлъ бы жениться на медіанитской дѣвушкѣ, была бы не болѣе огорчена и оскорблена, чѣмъ эта бѣдная мать, видя, что ея сынъ попался въ сѣти театральной кокетки. Если былъ пунктъ, въ который она непоколебимо вѣрила, такъ это то, что театръ — домъ сатаны.

И подумать, что сынъ обманывалъ ее, ни слова не сказалъ ей про эту женщину! Въ послѣднее время она особенно безпокоилась на его счетъ. Онъ иногда поздно возвращался домой, по воскресеньямъ не оставался съ ней, а куда-то уходилъ послѣ обѣда. Онъ не хотѣлъ больше подчиняться ей: вести строгую жизнь сектантовъ съ чаепитіями, молитвословіями, благочестивыми митингами, лекціями и выставками. А теперь вдругъ ей сообщаютъ, что онъ открыто выступилъ на путь порока. Въ такомъ свѣтѣ представлялось ей полученное извѣстіе и она ни минуты не сомнѣвалась, что Джулія—Далила, околдовавшая ея бѣднаго мальчика. Онъ собирался на ней жениться,—на дѣвушкѣ, у которой отецъ былъ Богъ-вѣсть кто, а бабушка—старая театральная прислужница, страстно приверженная къ водкѣ. Вотъ къ чему привела его любовь къ свободѣ! Онъ — потерянный человѣкъ. Ея молитвы остались втунѣ. Онъ слѣпо идетъ къ погибели.

Она принялась машинально переворачивать страницы библіи. Ей, какъ нарочно, попадались на глаза гремящіе проклятіями псалмы, обличенія пророковъ и угрозы кары, постигающей грѣшниковъ, то-есть, разумѣется, тѣхъ людей, которые ходятъ въ театръ; указанія на внезапную погибель злыхъ, то-есть, актеровъ и актрисъ; во всемъ она видѣла связь съ тѣмъ безумнымъ и превратнымъ путемъ, на который, по ея мнѣнію, выступилъ ея сынъ.

Когда стемнѣло, она зажгла газъ и продолжала читать и думать.

Въ девять часовъ Джимъ вернулся домой. Онъ повѣсилъ на гвоздь шляпу и вошелъ въ комнату съ обычной развязностью. Сегодня вечеромъ онъ чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ: онъ собирался все разсказать матери и нарочно пришелъ пораньше, чтобы успѣть обо всемъ переговорить. Въ послѣднее время онъ, конечно, немного забросилъ мать, но теперь Джулія вознаградитъ ее за все. Она собиралась оставить театръ; нечего, значитъ, и упоминать о немъ. Онъ скажетъ матери, что Джулія бухгалтеромъ у переплетчика — самое почтенное занятіе.

— Ну, матушка, — весело заговорилъ онъ, — я пораньше вернулся сегодня, потому что мнѣ надо серьезно переговорить съ вами. Мнѣ слѣдовало раньше сообщить вамъ объ этомъ; но ужъ вы не сердитесь на меня. Матушка, я собираюсь составить ваше счастіе.

Онъ оперся локтями на столъ и глядѣлъ въ лицо матери такими довѣрчивыми глазами и съ такой откровенной улыбкой, что сердце ея смягчилось. Но воспоминаніе о дѣвушкѣ-актрисѣ и старухѣ-пьяницѣ снова ожесточило ее.

— Продолжай, Джемсъ, — строго сказала она.

— Да, матушка, я готовлюсь осчастливить васъ, подаривъ невѣсткой. Не какой-нибудь вертушкой, но солидной, спокойной дѣвушкой, которая будетъ аккуратно посѣщать церковь, когда попадетъ въ ваши руки.

Солидная, спокойная дѣвушка! Какая безсовѣстная ложь! Вдова представляла себѣ молодую особу, закатывающую глаза, громко смѣющуюся и съ бахрамой волосъ на лбу. Вотъ въ какомъ видѣ представлялась ей невѣстка, которую ея сынъ собирался представить ей.

— Продолжай, — ледянымъ голосомъ замѣтила она.

— Я познакомился съ нею, матушка, четыре мѣсяца тому назадъ. Мнѣ бы слѣдовало тогда же сказать вамъ объ этомъ, но я не зналъ, насколько это окажется серьезно, а также и то: достойная ли она дѣвушка. Матушка, — онъ совсѣмъ въ эту минуту позабылъ про театръ, — еслибы вы перебрали всѣхъ дѣвушекъ въ Лондонѣ, то не нашли бы другой, которая бы вамъ больше понравилась. Право такъ. Вы постараетесь полюбить ее, матушка, не правда-ли? Вы не будете мучиться надъ тѣмъ, принадлежитъ-ли она къ баптистамъ или къ первобытнымъ методистамъ, или надъ тѣмъ: будетъ она спасена или нѣтъ, и все такое, не правда ли, матушка?

— Продолжай.

— Вотъ все, что́ я хотѣлъ сказать о ней. Въ будущее воскресенье она придетъ, чтобы... — онъ запнулся, потому что не былъ увѣренъ, согласится-ли на это Джулія, — чтобы идти въ церковь вмѣстѣ съ нами.

— И это все?

— Все, что до нея касается, — весело объявилъ Джимъ: — но, милая матушка, у меня опять недочетъ въ кассѣ. Завтра, какъ вамъ извѣстно, день ревизіи, а у меня опять не хватаетъ трехъ фунтовъ. Я знаю, что это уже въ пятый разъ, но увѣряю васъ, что я тутъ не при чемъ. Я подозрѣваю, что кто-

-нибудь воруетъ деньги. Три фунта — большая сумма, я знаю. Но вѣдь у васъ много моихъ собственныхъ денегъ, у васъ ихъ нѣсколько сотъ фунтовъ. И я долженъ получить эти деньги завтра до двѣнадцати часовъ. Слышите, *долженъ*.

— Потише, потише, Джемсъ. *Долженъ*—слово не совсѣмъ подходящее.

Деньги принадлежали молодому человѣку и онъ былъ уже совершеннолѣтній, но мать не выпускала денегъ изъ своихъ рукъ, потому что разстаться съ ними значило бы потерять свою власть надъ нимъ, а онъ не зналъ, что по закону имѣетъ право брать ихъ, когда ему будетъ угодно. Потерять надъ нимъ власть! А вѣдь это значило лишиться всякой возможности спасти его душу!

— Потише, Джемсъ. Прежде, нежели я выдамъ тебѣ деньги, я хочу съ тобой объясниться. Какъ ты растратилъ три фунта? Ты не соблюдалъ дня субботняго и проводилъ время въ дурномъ обществѣ?

— Нѣтъ, я не тратился даже на загородныя прогулки по воскресеньямъ въ хорошемъ обществѣ. Я просто немного запутался въ счетахъ. Пожалуйста, матушка, не будемъ начинать спора о субботнемъ днѣ. Я всегда путаюсь въ своихъ счетахъ. Вы это знаете.

— Съ кѣмъ ты ѣздилъ за городъ. Съ Джуліей?

Щеки Джемса вспыхнули, а глаза засверкали.

Въ воздухѣ пахло грозой.

— Такъ ее зовутъ Джулія? И ты говоришь, она служитъ...

— Она служитъ бухгалтеромъ у переплетчика въ Сити-Родъ.

— Джемсъ,—спокойно произнесла мать,—ты лжешь.

Юноша вскочилъ съ мѣста и стукнулъ кулакомъ по столу.

— Я не лгу. Она служитъ бухгалтеромъ у Брадберри, переплетчика.

— Ты лжешь, Джемсъ. Она—раскрашенная тварь и играетъ въ греческомъ театрѣ; я все знаю. Ты лжешь, Джемсъ, и попадешь въ адъ, гдѣ черти мучатъ грѣшниковъ. Она—размалеванная театральная потаскушка. Ты лжешь.

Она говорила спокойно, безъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ ярости.

— Она весь день ведетъ книги, а по вечерамъ служитъ въ театрѣ, бѣдная Джулія!

Мать молчала.

— Въ сущности,— закричалъ юноша,—я не обязанъ спрашиваться у васъ на счетъ жены. Если она понравится вамъ,

тѣмъ лучше. Если же нѣтъ, тѣмъ хуже для васъ. Въ свѣтѣ нѣтъ лучшей дѣвушки, чѣмъ Джулія.

— Ты разстанешься съ ней.

— Ни за что. Никто не заставитъ меня это сдѣлать.

— Ты говоришь, тебѣ нужны деньги завтра утромъ. Я ихъ тебѣ не дамъ, если ты не послушаешься меня.

— Я не откажусь отъ нея.

Щеки его побѣлѣли и онъ весь дрожалъ.

— Матушка! знаете ли вы, что̀ говорите. Наша фирма никогда не прощаетъ недочетовъ въ кассѣ. Она по принципу преслѣдуетъ судомъ каждаго неисправнаго приказчика. Знаете ли, что̀ вы говорите?

— Откажись отъ нея! откажись отъ своей актрисы!

— Дайте мнѣ деньги. Они—мои. Отецъ мнѣ ихъ оставилъ.

— Не затѣмъ, чтобы тратить на актрисъ. Откажись отъ нея.

— Ни за что.

— Ну такъ не получишь и денегъ.

Онъ глядѣлъ на нее, во всѣ глаза помертвѣвъ. *Неужели* она знала, какой смыслъ имѣютъ ея слова?

Онъ объяснилъ ей ихъ значеніе самымъ категорическимъ образомъ.

— Откажись отъ нея,—сказала она.

Онъ медленно всталъ и взялся за шляпу.

— Матушка, попомните, что *вы* сдѣлали это и никто другой. Я не укралъ этихъ денегъ. Я только запутался въ счетахъ. Это со всякимъ можетъ случиться. Я былъ такъ счастливъ, что не считалъ. Вы причиной всему. Вы будете помнить это во всю свою жизнь. Что до меня касается, если вы не дадите мнѣ этихъ денегъ, то я клянусь, что вы меня больше не увидите, что̀ бы ни случилось. Что же касается вашей религіи, то если люди, поступающіе такъ, какъ вы съ своими сыновьями, принимаются въ царствіе небесное, то я не желаю туда попасть. Повторите это еще разъ, такъ, чтобы мнѣ было противно вспоминать про васъ. Повторите это, чтобы, когда я попаду въ бѣду, я никогда не забывалъ, что вы это сдѣлали и никто другой.

— Откажись отъ нея, — сказала она, глядя ему прямо въ лицо жесткимъ и рѣшительнымъ взглядомъ.—Богохульникъ, откажись отъ нея.

Онъ колебался съ минуту, надѣлъ шляпу, и опять снялъ ее и оглядѣлъ комнату. Въ ней онъ выросъ, въ ней игралъ на колѣняхъ у матери. Онъ разставался съ ней навсегда и впереди его ждалъ вѣчный и неизбѣжный позоръ.

— Матушка!—вскрикнул он еще раз, протягивая к ней руки.

— Откажись от раскрашенной женщины,—повторила она сурово.

Он надел шляпу и ушел.

Всю эту ночь он проходил взад и вперед по улице под окном Джулии. Он знал, что она спит за этим окном. Еслибы она не спала, она могла бы выставить голову в окно и переговорить с своим милым. Но она спала — прогулка утомила ее — и во сне ей снились полевые цветы и лес с позолоченными солнцем листьями. Она спала крепко и ей снились счастливые сны.

Ее не мог даже разбудить звук хорошо знакомых шагов. В пять часов утра Джим почувствовал себя нехорошо и пошел позавтракать в кофейню. После того безцельно блуждал до тех пор, пока не пришло время открывать лавочку. И там он стоял встревоженный, растерянный, с посоловевшими глазами в ожидании решения своей участи.

А в приемной его родного дома сидела его мать и время от времени говорила себе пересохшими губами: «я старалась спасти его душу!» Она не в силах была подняться со стула и просидела на нем всю ночь, дожидаясь, что ея мальчик вернется к ней с повинной головой. До сих пор он всегда был почтительным сыном. И кроме того, ему нужны деньги. Он наверное вернется. Он не может обойтись без этих денег. Но заря занялась на небе и первые ея лучи проникли сквозь ставни в маленькую комнату, а сын не вернулся к ней.

VI.

В понедельник после полудня Джулия сидела за высокой конторкой в маленькой, грязной комнатке, согнувшись над своими приходо-расходными книгами. Из мастерской доносились обычные деловые звуки, регулярный шум паровой машины, стук молотков, вместе с привычным запахом провисшего клейстера. Ея мысли были так приятны, что время от времени она приостанавливалась среди работы и погружалась в сладкую грезу. Всего каких-нибудь четыре месяца тому назад, она даже не знала, что значит счастие и существует ли оно даже на свете, подобно тому как для лошади, запряженной в омнибусе, непонятна привольная жизнь ея диких собратий. А теперь

она была счастлива въ продолженіе цѣлаго лѣта, хотя трудъ ея былъ такъ же тяжелъ, а дѣдушка такъ же несносенъ, и театръ такъ же шуменъ и душенъ. Цѣлое счастливое лѣто!

По истинѣ говоря, если смотрѣть на вещи съ точки зрѣнія прошлаго столѣтія, когда счастіе считалось исключительнымъ достояніемъ поземельнаго дворянства и въ нѣкоторомъ родѣ узурпаціей со стороны высшаго класса купцовъ,—она должна была бы удовольствоваться этимъ, видя, что и «привилегированнымъ» людямъ рѣдко когда выпадаетъ на долю болѣе чѣмъ четыре мѣсяца счастія во всю долгую жизнь. И однако она не была довольна. Счастіе такая вещь, которая никогда не удовлетворяетъ. Неблагоразумные люди претендуютъ даже — представьте! на такое счастіе, которое бы длилось лѣтъ семьдесятъ подъ рядъ, и ворчатъ, и жалуются если вмѣсто того имъ выпадаетъ на долю полвѣка или около того печали и разочарованія. Какія претензіи могла заявлять Джулія въ своей скромной долѣ и принимая во вниманіе ея происхожденіе? Сегодня, какъ бы то ни было, она была вполнѣ счастлива и чувствовала себя вмѣстѣ съ тѣмъ физически окрѣпшей, благодаря своимъ воскреснымъ прогулкамъ, свѣжему воздуху и наплыву пріятныхъ мыслей. Она тихонько напѣвала, выводя свои цифры, какую-то мелодію безъ начала и конца. Въ сущности она не любила музыки, потому что ей постоянно приходилось стоять какъ разъ передъ оркестромъ, а когда вы каждый вечеръ простаиваете нѣсколько часовъ въ двухъ шагахъ отъ турецкаго барабана, тромбоновъ и французскихъ рожковъ, то необходимо должны получить превратное понятіе о музыкѣ.

Вошелъ м-ръ Брадберри послѣ своего ежедневнаго обхода по кліентамъ. Онъ тоже былъ въ хорошемъ расположеніи духа, потому что собралъ много денегъ.

— Джулія,—сказалъ онъ,—чѣмъ скорѣе ты разстанешься съ своей бабушкой и съ театромъ и выйдешь замужъ за своего молодца, тѣмъ лучше, замѣть себѣ это. Я видѣлъ вчера старуху разгуливающей по Госвелъ-Роду, возлѣ лавочки его матери, и надѣюсь, что она ничего худого не натворила. Не воображай, что я прибавлю тебѣ жалованья для ея удовольствія.

Джулія улыбнулась и продолжала считать.

— Что касается твоего суженаго, моя милая, то онъ молодецъ на видъ, и васъ будетъ славная парочка. Я давно слѣжу за нимъ и онъ мнѣ пришелся по сердцу. Славный малый, хотя немного и безпечный. Держи его построже, когда вы поженитесь

Но все-таки онъ славный человѣкъ. И любитъ тебя Джулія, а это много значитъ. Какого онъ мнѣнія на счетъ старухи?

— Онъ никогда ея не видѣлъ. Я ничего ему про нее не говорила. Но я совсѣмъ не желаю, чтобы онъ давалъ ей деньги на пьянство.

— Видѣла ли ты его мать?

— Нѣтъ еще. Джимъ хотѣлъ переговорить съ нею вчера вечеромъ.

— Я знаю ее,—продолжалъ Брадберри.—Когда я услышалъ, гдѣ она живетъ и кто она такая, я пошелъ поглядѣть на нее. Она содержитъ мелочную лавочку и принадлежитъ къ сектѣ баптистовъ. Она изъ тѣхъ людей, которые всю жизнь терзаются помышленіями о спасеніи души. Будь съ ней почтительна, Джулія, но не позволяй ей вмѣшиваться въ ваши семейныя дѣла. Такимъ людямъ всего лучше сидѣть въ церкви и молиться о тѣхъ, кто туда не ходитъ.

Въ эту минуту какъ разъ дверь отворилась и вошла женщина во вдовьемъ чепцѣ съ крепомъ. Ея блѣдное лицо выражало сильнѣйшую ярость.

— Вотъ она сама!—вскричалъ м-ръ Брадберри.—Это мать Джима!

Джулія поспѣшно вышла изъ-за конторки и стала возлѣ старика переплетчика, какъ бы ища его покровительства, такъ какъ эта женщина—мать Джима—глядѣла на нее съ невыразимымъ бѣшенствомъ. Выраженіе ея глазъ привело дѣвушку въ ужасъ. Что такое съ нею?

— Это та самая тварь?—закричала она наконецъ, указывая дрожащимъ пальцемъ на Джулію и обращаясь къ м-ру Брадберри.

— Если вы разумѣете Джулію и невѣсту вашего сына, то это она сама,—отвѣчалъ онъ.—Что же касается слова тварь, то если вы затѣмъ сюда пришли, чтобы...

— О!

Она на секунду остановилась и затѣмъ... затѣмъ ярость ея излилась въ потокѣ бѣшеныхъ словъ, и съ краснорѣчіемъ безумной женщины она принялась упрекать, обвинять въ самыхъ обидныхъ и оскорбительныхъ выраженіяхъ, какія только можетъ придумать женщина, обезумѣвшая отъ стыда и злости.

Джулія схватила старика за руку, но ни слова не говорила.

— Мужайся, Джулія, мужайся. Дай ей выболтаться. Мужайся, моя милая, и не вступай съ ней въ перебранку. Браниться легко. Но лучше держать языкъ за зубами. Это мать Джима, моя милая. Пожалѣй бѣднаго Джима. Онъ не виноватъ.

Не отвѣчай ей. Что касается васъ, сударыня, то чѣмъ скорѣе вы кончите, тѣмъ лучше, потому что вы въ порядочномъ домѣ, гдѣ такихъ вещей не годится говорить про порядочную дѣвушку. Еслибы дѣвушка была не Джулія, а молодой человѣкъ не вашъ сынъ, я давно бы свернулъ вамъ шею. Не плачь, Джулія.

— О!—вопила м-съ Атерстонъ, задыхаясь и прижимая руку къ сердцу.—О! подумать только, что я дожила до того, что мой сынъ навѣки обезчещенъ изъ-за раскрашенной...

— Потише, потише, м-мъ. Въ чемъ вы видите безчестіе? Эта дѣвушка—золото и вашъ сынъ недостоинъ такой жены. Въ чемъ же безчестіе? Перестаньте, довольно браниться. Въ чемъ вы видите безчестіе?

— Въ чемъ безчестіе? когда она играетъ въ короткой юбкѣ въ греческомъ театрѣ? Въ чемъ безчестіе? когда черезъ нее мой сынъ попалъ въ тюрьму и его доброе имя... О! слава Богу, что его отецъ умеръ... его доброе имя...

— Въ тюрьму? — закричала Джулія, — Джимъ въ тюрьмѣ? что онъ сдѣлалъ?

— Укралъ деньги, чтобы промотать ихъ на тебя. О!..

И снова полились самыя оскорбительныя слова.

— Джимъ не способенъ украсть деньги!—вскричала Джулія.

— Укралъ... изъ-за тебя. Посаженъ въ тюрьму... изъ-за тебя. Обезчещенъ на всю жизнь... изъ-за тебя. О! я старалась какъ могла спасти его отъ дурныхъ женщинъ. Я предостерегала его: «Дурныя женщины ведутъ на путь погибели, дурныя женщины приводятъ въ адъ». Изъ-за тебя... да! изъ-за тебя онъ отказался покориться мнѣ и получить тѣ деньги, какія ему были нужны.

— Какъ велика сумма?—спросилъ м-ръ Брадберри.

— Онъ задолжалъ три фунта. Я предлагала ему заплатить ихъ, если онъ покорится мнѣ и откажется отъ дурной женщины.

— Вы предлагали ихъ ему? Негодная женщина!

И старикъ стукнулъ кулакомъ по столу.

— Вы довели сына до тюрьмы своимъ проклятымъ упрямствомъ и невѣжествомъ. Убирайтесь... вонъ.

Мужчина не долженъ заносить руку на женщину, иначе какъ затѣмъ, чтобы приласкать ее, но м-ръ Брадберри буквально набросился на миссисъ Атерстонъ и вышвырнулъ ее на улицу, между тѣмъ какъ она продолжала ругать бѣдную Джулію. Она постояла у дверей, дожидаясь, чтобы Джулія вышла на улицу. Затѣмъ повернулась и ушла домой.

Да! книги провѣрили, кассу осмотрѣли, а у Джима оказался недочетъ въ три фунта.

Правила его фирмы были тѣ же, что и во всѣхъ лондонскихъ торговыхъ домахъ: каждый приказчикъ, допустившій недочеты въ своихъ книгахъ, преслѣдуется какъ за растрату. Правила эти всѣмъ извѣстны, каждый служащій знаетъ, что исключенія не допускаются ни въ какомъ случаѣ, и прощенія никогда не бываетъ. Употреблять на собственныя нужды деньги фирмы—равнозначуще растратѣ. Четыре уже раза передъ тѣмъ, въ книгахъ Джима, передъ провѣркой счетовъ оказывался недочетъ въ одинъ или два фунта. И всякій разъ мать заблаговременно снабжала его деньгами. Теперь у него не хватало трехъ фунтовъ и мать отказалась дать ему денегъ.

На него напала слѣпота, которая иногда проявляется у людей передъ гибелью: еслибы онъ обратился къ м-ру Брадберри, то могъ бы занять денегъ у него. Сама Джулія отложила порядочную сумму, послѣ того, какъ отказалась отдавать всѣ деньги бабушкѣ. Но ему ничего не шло въ голову, кромѣ незаслуженныхъ упрековъ матери и ея отказа помочь ему. Такимъ образомъ, онъ ничего не предпринялъ и былъ отведенъ ревизоромъ въ центральную контору. Быть можетъ—я не увѣренъ въ этомъ—но можетъ быть, вопреки правиламъ, онъ могъ бы еще спасти себя, пославъ за м-ромъ Брадберри, но онъ этого не сдѣлалъ. Онъ не извинялся, не пытался защищать себя. Онъ дозволилъ обвинять себя въ томъ, что сознательно и намѣренно укралъ всю сумму заразъ, и не объяснилъ, что допустилъ, вслѣдствіе небрежнаго веденія счетовъ, накопиться недоимкѣ день за днемъ и по пенсамъ дойти до такой крупной суммы.

Послѣ того, онъ былъ переданъ полисмену, который отвелъ его въ Клеркенвель, гдѣ его подвергли допросу. Онъ ничего не отвѣчалъ, и его посадили подъ арестъ.

— Успокойся, Джулія!—утѣшалъ ее м-ръ Брадберри.—Это ничтожная сумма, три фунта! Да я дамъ ихъ ему взаймы и подожди меня здѣсь, пока я не привезу его съ собой сюда.

Увы! какъ мало понималъ онъ процедуру уголовнаго суда. Джемсъ сидѣлъ уже въ тюрьмѣ. Въ главной конторѣ отказались взять деньги. Дѣло принимало дурной оборотъ, говорили ему; Джемсъ былъ молодъ и повышенъ въ должности и обманулъ довѣріе своихъ хозяевъ. Мать его уже приходила къ нимъ. Эту женщину очень жаль, но они должны, по чувству справедливости, вести дѣло дальше. Кромѣ того, изъ показаній матери явствуетъ, что ея сынъ попалъ въ дурную компанію. Для пользы своихъ служащихъ, они не должны показывать снисходительности къ человѣку, водившему дурную компанію.

— Это ложь,—закричалъ м-ръ Брадберри съ яростью:—м
этого юноши—полоумная женщина. Она ничего не смысл
Онъ никогда не водилъ дурной компаніи.

Тогда они объявили ему, что не желаютъ терпѣть въ св
конторѣ присутствія грубыхъ людей, и вывели его вонъ. О
вернулся печальный и пристыженный, повѣся носъ.

— Джулія,—говорилъ онъ, стараясь пріободрить ее,—ус
койся. Я пойду завтра и самъ объясню въ судѣ, какъ было д

VII.

Джулія пошла въ полицейскій судъ вмѣстѣ съ м-ромъ Бр
берри и сѣла на задней скамейкѣ въ галереѣ, отведенной д
публики. Старикъ всю дорогу не переставалъ убѣждать ее
томъ, что Джемса навѣрное оправдаютъ. Что такое, въ сам
дѣлѣ, три фунта? Ошибка въ сложеніи и только. Сама Джу
иногда ошибалась въ счетѣ. Что касается возмѣщенія недост
щихъ денегъ, то онъ готовъ это сдѣлать самъ. Помилуйте,
цѣломъ Лондонѣ нѣтъ честнѣе человѣка, чѣмъ Джемсъ. Ну
только Джулія успокоится и все будетъ хорошо. Онъ говор
такъ поспѣшно и съ такой настойчивостью, что болѣе опы
особа, чѣмъ Джулія, замѣтила бы его тревогу. На дворѣ с
стояли на мостовой группы людей, друзья подсудимыхъ. Л
мѣняются съ каждымъ днемъ, но группы, кажется, остаются
тѣ же; много женщинъ, нѣкоторыя съ грудными младенцам
рукахъ. Онѣ страстно обсуждаютъ дѣло съ своей собствен
точки зрѣнія. Время отъ времени одна которая-нибудь отдѣля
отъ остальныхъ и бѣжитъ въ залу суда, гдѣ даетъ съ дик
трагическими жестами, торопливое и страстное показаніе ил
присаживается въ галереѣ и скрежещетъ зубами, потому
ей не позволяютъ ругать судей.

Галерея—небольшой четырехъ-угольный ящикъ, гдѣ вс
четыре скамейки и на нихъ могутъ размѣститься человѣкъ тр
цать, не болѣе. Сидѣвшіе на скамейкахъ очень были похож
тѣхъ, которые стояли на дворѣ, но Джулія не обращала
нихъ вниманія. Люди, живущіе въ простонародныхъ квар
лахъ Лондона, не обращаютъ большого вниманія на наружн
другихъ людей, даже если у этихъ послѣднихъ голова пов
окровавленными платками, глаза подбиты, а лица носятъ сл
всякаго рода необузданныхъ страстей. Она пришла сюда не
тѣмъ, чтобы глядѣть на всѣхъ этихъ людей, но затѣмъ, что

видѣть судей и своего жениха, попавшаго въ бѣду. Джимъ укралъ деньги? Джимъ воръ? Какая нелѣпость!

Напротивъ галереи былъ узкій корридоръ, въ которомъ стоялъ очень высокій полисменъ, а какъ разъ подлѣ находилась скамья подсудимыхъ, походившая на фамильную церковную ложу: затѣмъ шло открытое пространство со столомъ и стульями для чиновниковъ и адвокатовъ, и наконецъ конторка съ красной драпировкой и кресло судьи.

Когда этотъ страшный человѣкъ, которому дана власть засаживать людей въ тюрьму, лишать ихъ добраго имени и навлекать стыдъ и безчестіе на цѣлую семью, сѣлъ на свое мѣсто, тогда началось разбирательство дѣлъ. Сначала судились пьяницы и производившіе уличные безпорядки, мужчины и женщины, чьи лица Джуліи были какъ бы знакомы, потому что — странное дѣло — если вы долго живете въ Лондонѣ и много гуляете по улицамъ, вы какъ будто привыкаете ко всѣмъ встрѣчающимся вамъ лицамъ. Нѣкоторые изъ нихъ были стары и сѣды: Джулія подумала про своего дѣдушку; нѣкоторыя изъ женщинъ были стары, другія молоды и среднихъ лѣтъ. Но она видала такихъ женщинъ и раньше. Былъ въ числѣ другихъ молодой джентльменъ, назвавшій себя Уильямомъ Смитомъ и медицинскимъ студентомъ; съ него потребовали штрафъ, и одинъ изъ его пріятелей, находившійся въ судѣ, заплатилъ за него штрафъ, и они оба ушли, причемъ медицинскій студентъ имѣлъ пристыженный видъ и вѣроятно позавидовалъ тѣмъ, у кого хмѣль бываетъ веселый и выражается смѣхомъ и дружеской болтовней, потому что такіе никогда не попадаютъ въ тюрьму, а любовно притыкаются полисменами къ стѣнѣ или же отводятся домой. Бѣда для джентльмена, если онъ сердитъ во хмѣлю.

Когда всѣ эти дѣла были разобраны, дошла очередь до болѣе тяжкихъ проступковъ. Прежде всего судился человѣкъ, укравшій пару сапогъ. Это былъ жалкій человѣкъ, бывшій, повидимому, когда-то и почтеннымъ, и красивымъ. Его дѣло было отложено до дальнѣйшихъ справокъ. Послѣ него пришла очередь малаго съ бульдожьей мордой, который сбилъ съ ногъ кулакомъ старика и отнялъ у него два пенса. Его дѣло тоже отложили, чтобы возстановить всю его предъидущую исторію, и надо думать, исторію довольно некрасиваго свойства.

Затѣмъ, увы! дошла очередь до Джемса Атерстона.

Дѣвушка на задней судейской скамейкѣ съ трудомъ перевела духъ и вся задрожала, когда ея милый появился на позорной скамьѣ. Щеки его были красны; онъ казался разсерженн-

нимъ и крѣпко стиснулъ зубы. Обѣими руками ухватился
за рѣшетку и глядѣлъ прямо передъ собой. Но онъ ничего
видѣлъ, потому что душа его полна была жгучей ярости. Ро
ная мать привела его на эту скамью; родная мать оклевет
его невѣсту. Все это сдѣлала родная мать.

Дѣло было изложено въ короткихъ словахъ, и Джиму пр
доставлено было слово въ защиту себя. Онъ покачалъ голово
пробормоталъ что-то сквозь зубы, что судомъ было принято
«не виновенъ». Затѣмъ всталъ истецъ и объявилъ, что ему по
чено фирмою, на службѣ которой находился подсудимый, ве
дѣло о растратѣ. Другой повѣренный объявилъ, что ему по
чено защищать подсудимаго, и что хотя онъ не можетъ от
цать обнаруженнаго дефицита, но что долженъ указать на
что поведеніе подсудимаго было безукоризненно до тѣхъ по
пока онъ не попалъ въ руки интриганки и что поэтому
проситъ судью снисходительно отнестись къ подсудимому.

При словѣ «интриганка», Джулія крѣпко сжала руки,
не шевельнулась.

Тогда главный свидѣтель показалъ про дефицитъ въ ка
но заявилъ, что книги велись правильно и не было попы
подчистить цифры, и что подсудимый и самъ не отрицалъ де
цита. Спрошенный свидѣтелемъ, отчего онъ не пополнилъ су
онъ отвѣчалъ, что мать отказала ему въ деньгахъ.

Тогда судья замѣтилъ, что, вѣроятно, мать не въ состоя
была внести такой суммы.

— Нѣтъ,—возразилъ свидѣтель,—его мать состоятельная же
щина; у ней есть лавочка и небольшой капиталъ. Но она от
залась помочь ему.

— Это очень странно,—замѣтилъ судья.

— Она пришла къ хозяевамъ,—пояснилъ свидѣтель,—ког
уже было слишкомъ поздно и предлагала внести деньги, гово
что дала бы ихъ сыну раньше, но что онъ отказался прекра
свой дурной образъ жизни и дурное знакомство.

Послѣ того полисменъ, отводившій Джемса въ тюрьму, да
свое показаніе.

Наконецъ адвокатъ, защищавшій подсудимаго, позвалъ е
мать, и миссисъ Атерстонъ появилась на свидѣтельской скамьѣ

Она была блѣдна, губы ея были крѣпко сжаты, а въ гл
захъ выражалась непреклонность. Она не взглянула на сы
который съ своей стороны съ какимъ-то недоумѣніемъ устав
на нее глаза. Чѣмъ заслужилъ онъ, что родная мать навле
на него такую бѣду?

Она сказала, что сыну ея двадцать-одинъ годъ и что онъ всегда былъ добрымъ сыномъ и хорошаго поведенія человѣкомъ, хотя и слабъ въ вѣрѣ. И только съ прошлой весны началъ поздно возвращаться домой и проводить воскресные дни въ кутежахъ въ безпутной компаніи. Что она только-что передъ тѣмъ узнала, что онъ свелъ знакомство съ дурной женщиной — тутъ м-ръ Брадберри зарычалъ, но Джулія, казалось, не слышала, — танцовщицей или актрисой въ греческомъ театрѣ, одной изъ тѣхъ женщинъ, — прибавила она, — которыя должны идти въ адъ. Чтобы достать деньги на эти кутежи, онъ тратилъ все свое жалованье и растратилъ деньги своихъ хозяевъ.

Судья спросилъ у нея: отказала ли она ему въ этихъ деньгахъ?

Она отвѣчала, что предлагала ему денегъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ отказался отъ этой дѣвушки, но онъ такъ былъ очарованъ ею, что не послушалъ матери.

— Вы знали, — спросилъ судья, — что если онъ не покроетъ дефицита въ своихъ книгахъ, то будетъ отданъ подъ судъ.

— Я это знала, — отвѣчала она. — Стыдъ и позоръ — мой удѣлъ во всю остальную жизнь; но я лучше соглашусь тысячу разъ на то, чтобы онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, нежели губилъ свою душу въ компаніи потерянныхъ женщинъ. Въ тюрьмѣ онъ будетъ, надѣюсь, читать библію и не можетъ нарушать дня субботняго.

М-ръ Брадберри, скрежеща зубами, взглянулъ на Джулію. Она слушала, опустивъ голову и сложивъ руки, но не шевелилась. Никакія бранныя слова не могли больше оскорбить ее.

— У меня нѣтъ другихъ свидѣтелей, — сэръ, — объявилъ адвокатъ подсудимаго.

Тогда м-ръ Брадберри всталъ и попросилъ позволенія сдѣлать съ своей стороны показаніе. Онъ отправился на скамью свидѣтелей и принесъ присягу. Затѣмъ сказалъ, что знаетъ обоихъ и подсудимаго, и дѣвушку, его невѣсту, что она нѣсколько лѣтъ какъ служитъ у него...

Но тутъ судья перебилъ его, говоря, что желаетъ оказать снисхожденіе молодому человѣку на основаніи его прежняго хорошаго поведенія и что о молодой особѣ, замѣшанной въ дѣлѣ, лучше не говорить. Онъ сдѣлалъ это въ сущности по добротѣ своего сердца и потому, что смутное впечатлѣніе о дурной компаніи и неопредѣленный призракъ Далилы выгоднѣе для подсудимаго, нежели точное описаніе его оргіи и кутежей. Если намъ скажутъ въ общихъ словахъ, что лѣнивый подмастерье попалъ на худую дорогу, то мы отнесемся къ нему далеко не

съ такимъ презрѣніемъ какъ тогда, когда Гогартъ изобразилъ намъ его поведеніе своимъ безпощаднымъ карандашомъ.

Поэтому судья попросилъ м-ра Брадберри удалиться, и спросилъ подсудимаго, что онъ можетъ сказать въ свою защиту. Джимъ покачалъ головой. Ему нечего было сказать. Еслибы онъ открылъ ротъ, то только для того, чтобы излить свою горечь и негодованіе на мать, которая погубила его. Родная мать сдѣлала это. Отъ этого языкъ прилипъ къ его гортани и онъ ничего не сказалъ, а только покачалъ головой.

Затѣмъ судья сказалъ, что дѣло это очень печальное; молодой человѣкъ, тщательно и религіозно воспитанный, сбился съ пути отъ соблазна — Лондонъ полонъ такими соблазнами — онъ желалъ бы, чтобы этотъ случай послужилъ урокомъ для всѣхъ молодыхъ людей въ Лондонѣ и они убѣдились, какое зло влечетъ за собой дурная компанія и общество балетныхъ и иныхъ актрисъ. Послѣ этого онъ приговорилъ подсудимаго къ четырехмѣсячному тюремному заключенію, и дѣло было окончено, и Джима взяли и увели изъ залы. Перешли къ слѣдующему дѣлу; адвокатъ подсудимаго заговорилъ съ повѣреннымъ противной стороны и оба засмѣялись: Джуліи показалось удивительнымъ, что они могутъ смѣяться. Она видѣла также, какъ миссисъ Атерстонъ со стиснутыми губами торопливо вышла изъ залы суда.

— Пойдемъ, Джулія,—сказалъ м-ръ Брадберри, — мы не принесли никакой пользы: пора домой.

Они вернулись вмѣстѣ въ переплетную, было два часа пополудни. М-ръ Брадберри послалъ за обѣдомъ, но Джулія отказалась отъ ѣды и сидѣла молча. Затѣмъ сняла шляпу и кофточку, влѣзла на свой высокій табуретъ, открыла книги и просидѣла за ними до шести часовъ.

М-ръ Брадберри ушелъ послѣ обѣда и оставилъ ее одну.

Въ пять часовъ онъ вернулся.

— Джулія,—сказалъ онъ,—это твоя бабушка ходила къ матери Джима и разсказала ей, что ты служишь въ театрѣ. Она сдѣлала это нарочно, чтобы помѣшать твоей свадьбѣ, потому что боялась, что ей придется идти въ богадѣльню.

Джулія поглядѣла на него своими печальными глазами, но ни слова не сказала.

Вечеромъ она пошла въ театръ по обыкновенію и съиграла свою роль. То-есть, надѣла красивое бѣлое съ розовымъ платье, болѣе короткое, чѣмъ принято носить въ обществѣ, съ передникомъ, обшитымъ розовыми лентами, съ розовыми бантами на плечахъ, и хорошенькую соломенную шляпу съ розовыми лентами; она

была въ толпѣ молодыхъ поселянокъ, и когда героиню увлекалъ злодѣй, она повернула глаза въ партеру и улыбнулась цѣлому ряду молодыхъ людей, у которыхъ сердце сильнѣе забилось отъ одной только мысли, какъ счастливъ былъ бы тотъ, кто могъ бы назвать своей это прелестное созданіе.

Когда она могла уйти изъ театра, былъ уже двѣнадцатый часъ. Сцена уже опустѣла и оркестръ ушелъ.

Она остановилась и поглядѣла на сцену. И тутъ впервые въ жизни, внезапно, ей стало вполнѣ ясно то, чтó думалъ судья, чтó думала мать Джима и адвокатъ, и всѣ рѣшительно. Ну, да! конечно, въ этомъ грубомъ увеселительномъ мѣстѣ, въ этомъ простонародномъ театрѣ было много такихъ, какъ ее называла мать Джима. И всѣ думали о ней точно такъ же, за исключеніемъ м-ра Брадберри. Она, а не кто другой, привела бѣднаго малаго въ тюрьму. Всѣ это говорили.

Она должна была бы понять это раньше, но она не понимала. Она никогда не могла постичь, почему всѣ они такъ на нее глазѣли. Если вы ежедневно всю свою жизнь, съ девяти и до девятнадцати-лѣтняго возраста, видите одну и ту же сцену, вы больше не обращаете на нее вниманіе; смыслъ ея ускользаетъ отъ васъ. Но вотъ внезапно театръ и бабушка — то-есть цѣлыхъ полжизни—стали для нея невозможны: она не можетъ больше появляться на сценѣ; отнынѣ она не въ силахъ переступать черезъ порогъ греческаго театра.

Она увидѣла въ дверяхъ въ толпѣ другихъ знакомую ей дѣвушку изъ мастерской м-ра Брадберри, которая, подобно тысячамъ другихъ лондонскихъ дѣвушекъ—жила сама по себѣ и на полной своей волѣ.

— Эмилія,—сказала она ей,—я не вернусь больше домой. Позволь мнѣ переночевать сегодня у тебя.

— Что ты говоришь Джулія?—закричала та, неужели же ты...

— Я не вернусь больше къ бабушкѣ.—Позволь мнѣ переночевать сегодня у тебя.

VIII.

Джулія оставила театръ и не вернулась къ бабушкѣ. Она наняла себѣ комнатку и продолжала вести книги м-ра Брадберри и собирать деньги съ его должниковъ. Это занимало у нея весь день. По вечерамъ она сидѣла у себя въ комнатѣ и думала. Она не привыкла читать, знакомыхъ у нея не было и она не нуждалась въ развлеченіяхъ. Она сидѣла размышляя и

припоминая. Иногда она оставалась въ переплетной старика, который курилъ трубку и разсуждалъ о беззаконіи допускать людей быть бѣдными. Джулія слушала, но ничего не говорила. Но все же это было для нея нѣкотораго рода развлеченіемъ. Она стала очень молчалива; въ сущности вернулась къ тому, чѣмъ была въ прежнее время; опять стала пассивной молчаливой дѣвушкой, добросовѣстно выполнявшей возложенныя на нее обязанности. Она никогда не ворчала и не жаловалась и ей повидимому и въ голову не приходило, что у нея есть какія-нибудь права или основанія ждать чего-либо отъ судьбы. Походка ея утратила прежнюю развязность; щеки снова поблѣднѣли, плечи сгорбились; грудь похудѣла. Когда она шла, то глядѣла въ землю; всѣ наряды, которыми она украшала себя, когда ходила гулять съ Джимомъ, были спрятаны и больше не появлялись на свѣтъ Божій.

И со всѣмъ тѣмъ она не въ силахъ была вполнѣ вернуться къ прежней, монотонной жизни. Провести воскресенье на старый ладъ ей казалось нестерпимымъ. Поэтому въ хорошую погоду она уходила за городъ и одна бродила по тѣмъ мѣстамъ и дорогамъ, по которымъ гуляла съ Джимомъ. Поля были теперь мокры и сиротливы, изгороди лишены всякой зелени, овраги, по которымъ она собирала полевые цвѣты, были полны палыхъ темныхъ листьевъ. Она гуляла по мокрымъ тропинкамъ и снова переживала счастливые дни, которые она проводила здѣсь съ своимъ милымъ; или же сидѣла на какомъ-нибудь пнѣ, въ глухомъ уголку, куда никто кромѣ нея не заглядывалъ, и вспоминала о лѣтнихъ солнечныхъ, чудныхъ дняхъ, пока не наступали сумерки и короткій зимній день не смѣнялся ночью. Тогда она вспомнила, что Джимъ сидитъ въ тюрьмѣ и что она та самая дурная женщина, которая его привела туда, и медленно возвращалась домой въ свою одинокую келью. Печальная и нездоровая жизнь! Вѣчно къ воспоминанію прошлыхъ радостей примѣшивался упрекъ, что она виновата во всей этой бѣдѣ. Ея милый сидитъ въ тюрьмѣ, облеченный въ арестантское платье. Бѣдный Джимъ! Бѣдный Джимъ! Онъ попалъ въ худую компанію. Она была этой худой компаніей; она была дурной женщиной, отъ которой предостерегалъ другихъ судья; она свела его съ пути добродѣтели на путь порока. Они говорятъ, это потому, что она актриса, Еслибы не это, никто бы этого не говорилъ. А она была актрисой съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ научилась ходить, и никогда не знала, что она дурная. Какъ все это странно!

Я разъ читалъ исторію объ одной маленькой дѣвочкѣ, которой приходилось впервые идти на исповѣдь. Она желала очистить свою душу отъ всѣхъ грѣховъ и почерпнула изъ книги (заботливо составленной католической церковью) всѣ грѣхи, какіе только бываютъ на свѣтѣ, и всѣ ихъ присвоила себѣ,—такъ что, когда она стала на колѣни передъ патеромъ, то вывела его изъ того сонливаго состоянія, въ какомъ выслушиваютъ эти почтенные люди своихъ духовныхъ дѣтей, самой удивительной и неожиданной исповѣдью. Она начинала съ убійства, грабежа, святотатства и шла, развиваясь далѣе, въ ужасающихъ размѣрахъ. Никогда еще и ни одинъ патеръ не былъ такъ удивленъ.

Еслибы Джулія встрѣтила патера и этотъ послѣдній приказалъ ей стать на колѣни и исповѣдываться во грѣхахъ, она сказала бы:

— Я—раскрашенная дрянь; я—потерянная женщина; я свела молодого человѣка съ праваго пути, и привела его къ грѣху и погибели; я—дурная компанія; мои стопы ведутъ къ воротамъ ада; моя порочность должна служить примѣромъ и предостереженіемъ для всѣхъ молодыхъ людей.—И на дальнѣйшіе разспросы какъ и что̀ было, она прибавила бы, что погибель вызвана ничѣмъ инымъ какъ прогулками съ нимъ по полямъ, на виду у всѣхъ, и питьемъ чая въ общественныхъ садахъ, на глазахъ толпы гуляющихъ. Я бы желалъ, чтобы Джулія встрѣтила этого патера.

Въ дождливые воскресные дни, Джулія ходила въ церковь, но робко, какъ будто бы ей тамъ было не мѣсто. Музыка и пѣніе нравились ей, служба казалась своего рода представленіемъ, смыслъ котораго ускользалъ отъ нея. Раза два она ходила на митинги «Арміи Спасенія», гдѣ игра на цимбалахъ, на трубахъ и возгласы ораторовъ напоминали ей мелодраму. Когда всѣ собравшіеся тамъ люди начинали пѣть и она видѣла, какъ религіозный экстазъ сообщался отъ одной скамейки къ другой и мужчины и женщины громко рыдали и кричали: слава!—сердце ея тоже трогалось и она проливала слезы, которыя можно было принять за слезы убѣжденія. Но когда ее увѣщевали выдти впередъ и сѣсть на скамью покаянія и повергнуть свои грѣхи къ подножію Распятія, она снова черствѣла душой, потому что не знала за собой грѣха, хотя и имѣла несчастіе быть актрисой.

Въ началѣ декабря, быть можетъ, вслѣдствіе ея одинокихъ загородныхъ прогулокъ суровою зимою, старинный кашель вернулся къ ней и сталъ раздирать ей грудь. Въ январѣ онъ усилился, не давая ей покоя ни днемъ, ни ночью, такъ что щеки ея провалились, а также и грудь, а плечи совсѣмъ сгорбились.

Тогда м-ръ Брадберри перевелъ ее къ себѣ на квартиру и уступилъ ей свою собственную спальню, и не пускалъ ее на улицу, иначе какъ днемъ, и только тогда, когда не было холоднаго вѣтра. Его обращеніе съ дѣвушкой стало мягкое и нѣжное: онъ придумывалъ для нея такія кушанья, которыя могли бы возбудить въ ней аппетитъ; привелъ къ ней доктора и заставлялъ ее принимать лекарство и старался изо всѣхъ силъ разсѣять мракъ и отчаяніе, царившія въ душѣ бѣдняжки. Онъ убѣждалъ ее, что Джима скоро выпустятъ на свободу и что его слѣдуетъ принять съ открытыми объятіями, потому что онъ ничего худого не сдѣлалъ, былъ только безпеченъ, а это еще не Богъ вѣсть какое преступленіе; и что сама она ровно ни въ чемъ не виновата, такъ какъ изъ всѣхъ невинныхъ дѣвушекъ въ мірѣ, она—самая невинная. Но его слова никакого другого дѣйствія не производили какъ только то, что она начинала плакать, а когда онъ говорилъ о томъ, что ея милаго выпустятъ на свободу, то она содрогалась, потому что думала, что онъ навѣрное позабылъ ее, какъ его мать на то надѣялась. А можетъ быть, онъ также убѣдился, что она дурная женщина и теперь стыдится ея. Когда дѣвушка наслушается стольких грубыхъ и жестокихъ словъ, обращенныхъ къ ней, то ласковыя слова заставляютъ ее плакать.

Въ послѣднее воскресенье февраля мѣсяца—Джимъ долженъ былъ быть выпущенъ въ первый понедѣльникъ марта мѣсяца—м-ръ Брадберри встрѣтилъ на Сити-Родъ дѣдушку и бабушку Джуліи, гулявшихъ подъ ручку. Ихъ отпустили на цѣлый день изъ богадельни, такъ какъ теперь они облеклись въ красивый и изящный мундиръ дома призрѣнія св. Луки. Нельзя было бы встрѣтить болѣе почтенную и добродѣтельную на видъ чету, какъ эти два старичка. Прохожіе могли подумать, что они пожертвовали все свое имущество на добрыя дѣла, и этимъ объясняется ихъ почетная бѣдность,—такимъ сѣдымъ патріархомъ смотрѣлъ старикъ и такой кроткой старушкой казалась его жена.

М-ръ Брадберри остановилъ ихъ и прорычалъ:

— Что касается Джуліи...

— О! какая неблагодарная и дрянная дѣвчонка!—перебила бабушка.—О! бросить своихъ престарѣлыхъ...

— Что касается Джуліи,—продолжалъ онъ, не обративъ вниманія на перерывъ,—то я думаю, что она умираетъ. Я нашелъ нужнымъ объявить вамъ это, потому что не намѣренъ дозволить вамъ безпокоить ее въ послѣдніе дни, какіе ей осталось еще прожить, бѣдняжкѣ! У ней нѣтъ для васъ больше денегъ. Но вотъ

чтó я вамъ скажу. Я знаю, что вы привыкли напиваться хоть разъ въ недѣлю на ея деньги. Хорошо, Джулія побалуетъ васъ въ послѣдній разъ. Вотъ, берите и напейтесь себѣ съ Богомъ. Это будетъ въ послѣдній разъ.

И онъ протянулъ имъ два или три шиллинга, которыя старуха съ жадностью схватила, и затѣмъ чета удалилась, а м-ръ Брадберри поглядѣлъ имъ вслѣдъ, засунувъ руки въ карманы:

— Бѣдная дѣвочка!—пробормоталъ онъ,—ей рѣшительно не повезло въ жизни. Охъ! и зачѣмъ это только существуютъ бѣдняки на свѣтѣ!

Въ восемь часовъ утра въ одинъ прекрасный понедѣльникъ Джимъ былъ освобожденъ. Мнѣ говорили, что выходить изъ тюрьмы кажется еще тяжелѣй, нежели входить въ нее, для такого рода подсудимыхъ, какъ этотъ молодой человѣкъ. Когда онъ вышелъ въ проклятыя ворота и очутился на улицѣ, снова свободнымъ человѣкомъ, его щеки вспыхнули отъ стыда, котораго онъ почти не чувствовалъ въ тюрьмѣ, сердце его упало, а въ глазахъ потемнѣло. Въ эту минуту кто-то тронулъ его за рукавъ, онъ пришелъ въ себя и обернулся.

То была его мать. Джимъ застоналъ и отскочилъ отъ нея съ выраженіемъ ужаса во взглядѣ.

— Это вы?—закричалъ онъ, отталкивая ее съ такимъ жестомъ, какого онъ не забудетъ до конца жизни.—Вы рѣшаетесь показываться мнѣ на глаза послѣ того какъ привели меня сюда и навѣки обезчестили. Вы пришли полюбоваться на мой позоръ?

— Я пришла узнать, раскаялся ли ты?

— Раскаялся, какъ бы не такъ!

— Этотъ человѣкъ, какъ бишь-его, Брадберри, приходилъ ко мнѣ вчера вечеромъ,—холодно продолжала она.—Онъ сказалъ мнѣ что эту женщину, твою бывшую подругу, небо покарало за ея беззаконія. Чаша ея переполнилась и она умираетъ. Онъ обвинялъ меня въ томъ, что я причиною ея смерти, но это вздоръ. Кромѣ того, единственнаго раза, когда я высказала ей правду въ глаза, я ея больше не видѣла. Ступай къ ней и постарайтесь вмѣстѣ покаяться.

Онъ не дослушалъ и убѣжалъ. Я думаю, что онъ больше никогда не увидится съ своей матерью.

Его не оттолкнуло исхудалое, измученное лицо Джуліи, ея слабость и поблекшая красота, — какъ только она, съ тоской, повернула глаза къ двери, въ которую онъ входилъ, прежняя любовь нахлынула на него — въ сущности она никогда и не умирала въ немъ—съ такой жгучей нѣжностью и горькимъ рас-

каяніемъ, какихъ онъ вовсе не испытывалъ въ тюрьмѣ. Онъ бросился на колѣни передъ ней и схватилъ ея руки

— О! Джулія, Джулія! — закричалъ онъ,—прости меня. Я причиной всѣхъ твоихъ страданій. Но я сдѣлалъ это нечаянно, право, нечаянно. Я думалъ, что мои счёты вѣрны. Право, я думалъ, а мать не захотѣла отдать мнѣ моихъ собственныхъ денегъ. О! Джулія!

И онъ такъ горько зарыдалъ, что растрогалъ ее до глубины души.

— Нѣтъ, Джимъ,—сказала она, рыдая вмѣстѣ съ нимъ,—не плачь. Виновата я одна. Всѣ говорятъ, что я виновата. И судья это говорилъ. Прости меня и оставь меня. Ты не долженъ больше водить дурную компанію. Но я тоже нечаянно пропала. Я не знала, что я дурная женщина. Я слишкомъ любила тебя, чтобы желать тебѣ худого. Джимъ, не думай, что я сдѣлала это нарочно. О! Джимъ, ты былъ добръ ко мнѣ!

Онъ божился, цѣлуя ее и рыдая, что никогда больше не оставитъ ее. Кашель ея пройдетъ и она опять поправится. Но она покачала головой.

— Нѣтъ, Джимъ, я умираю. Докторъ говоритъ, что я очень скоро умру. Онъ сказалъ это м-ру Брадберри. Ахъ! Джимъ, не было минуты, когда бы я не была мысленно съ тобой въ тюрьмѣ. Даже по ночамъ мнѣ казалось, что я сижу около тебя и слышу, какъ бьется твое бѣдное сердце. Бѣдный Джимъ! не огорчайся такъ изъ-за меня. На свѣтѣ много дѣвушекъ лучше меня—не актрисъ,—такихъ дѣвушекъ, которыя понравятся твоей матери. Не печалься обо мнѣ. М-ръ Брадберри говоритъ, что умирать не больно. И быть можетъ, говоритъ онъ, — онъ самъ хорошенько не знаетъ,—но можетъ быть на томъ свѣтѣ будутъ цвѣты и живыя изгороди, какъ на Мусвеллъ-Гиллѣ.

— Да,—отвѣчалъ Джимъ,—да, Джулія, тамъ навѣрное много цвѣтовъ.

— Побудь со мною, Джимъ! О! я такъ рада, что ты опять со мною! Побудь со мной, Джимъ. Ты не уйдешь, скажи. О! Джимъ, какъ ты добръ ко мнѣ!

А. Э.

ФРАНЦЪ ЛИСТЪ.

Біографическій очеркъ.

— Franz Liszt, als Künstler und Mensch. Von L. Ramann. Erster Band. Die Jahre 1811—1840. Leipzig, 1880.
— Franz Liszt. Studien und Erinnerungen, von R. Pohl. Leipzig, 1883.

Обширная и разнообразная дѣятельность Франца Листа имѣетъ такое значеніе въ развитіи музыки XIX столѣтія, что въ ея исторіи этому замѣчательному художнику будетъ, конечно, отведено одно изъ первыхъ, одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Необыкновенно счастливое, рѣдкое въ одномъ человѣкѣ, соединеніе блестящихъ музыкальныхъ способностей самаго разнообразнаго характера дало Листу возможность проявлять свою дѣятельность въ различныхъ отрасляхъ музыкальнаго искусства и всегда достигать чудесныхъ результатовъ. Какъ виртуозъ — Листъ составилъ себѣ славу величайшаго піаниста; какъ композиторъ — онъ далъ большой рядъ художественныхъ произведеній фортепіанной, симфонической и вокальной музыки, произведеній новыхъ и по формѣ, и по содержанію. Во время его капельмейстерской дѣятельности въ пятидесятыхъ годахъ въ Веймарѣ, онъ поставилъ веймарскую оперную сцену и веймарскіе концерты на такую высоту, что они привлекали вниманіе всей музыкальной Германіи. Кромѣ того, подъ руководствомъ Листа образовалась цѣлая масса прекрасныхъ піанистовъ и хорошихъ музыкантовъ и, наконецъ, все то, что онъ писалъ о музыкѣ и музыкантахъ—представляетъ богатый вкладъ въ музыкальную литературу и доказываетъ его выдающіяся литературныя способности, много знанія и разносторонняго образованія. Вся эта дѣятельность, въ общей сово-

купности, и велика, и плодотворна; ею характеризуются колоссальная талантливость и необычайная энергія, благодаря которымъ Листъ могъ выполнить массу труда, превышающаго, казалось бы, силы человѣческія. Но не смотря на всю прежнюю чрезмѣрную дѣятельность, не смотря на кипучую, богатую разнообразнѣйшими впечатлѣніями жизнь, не смотря на свой 73-хъ-лѣтній возрастъ, Листъ до сихъ поръ не израсходовалъ всего запаса своей жизненной энергіи и все еще продолжаетъ свои работы: пишетъ новыя произведенія, руководитъ занятіями своихъ учениковъ и дѣятельно слѣдитъ за всѣми музыкальными новостями. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что и въ преклонныхъ лѣтахъ Листъ не только не отсталъ отъ современнаго состоянія искусства, но и въ настоящее время остается передовымъ музыкантомъ, съ живѣйшимъ участіемъ привѣтствуетъ все молодое, новое и своимъ авторитетнымъ вліяніемъ содѣйствуетъ дальнѣйшему усовершенствованію въ области музыки. Эти качества свидѣтельствуютъ о могучей, въ высшей степени даровитой, натурѣ, и если еще прибавить, что Листъ, по отзывамъ лично его знающихъ, отличается блестящимъ умомъ, всестороннимъ образованіемъ, гуманностью, рѣдкимъ остроуміемъ, при большомъ добродушіи и замѣчательномъ благородствѣ характера, то будетъ понятно обаяніе, какое онъ производитъ на большинство изъ тѣхъ, съ которыми онъ входитъ въ непосредственныя отношенія, и тотъ интересъ, какой представляетъ ближайшее знакомство съ жизнью и дѣятельностью этого маститаго художника, одного изъ выдающихся дѣятелей XIX столѣтія.

I.

Авторъ біографіи Франца Листа, Раманнъ, на первыхъ страницахъ своего сочиненія, пытается объяснить происхожденіе фамиліи «Листъ» отъ древней венгерской линіи, угасшей въ XVII вѣкѣ. Но его попытки не увѣнчались успѣхомъ. Достовѣрныя свѣденія о родословной Франца Листа не простираются далѣе его прадѣда, о которомъ извѣстно только то, что онъ служилъ въ гусарскомъ полку офицеромъ невысокаго чина и умеръ въ Венгріи. Его сынъ Адамъ, родившійся въ 1755 г., занималъ мѣсто управляющаго имѣніями извѣстнаго своими богатствами венгерскаго магната, князя Эстергази. Адамъ Листъ былъ женатъ три раза и имѣлъ ни болѣе ни менѣе какъ двадцать-шесть человѣкъ дѣтей. Его сыновья изучали различныя ремесла, бóльшая часть изъ нихъ разбрелись по разнымъ горо-

дамъ и странамъ, потерявъ связь другъ съ другомъ, и только о троихъ имѣются болѣе опредѣленныя извѣстія: Адамъ, одноименникъ съ отцомъ, сынъ отъ перваго брака, пошелъ по стопамъ отца, т. е. служилъ у князя Эстергази; Антонъ, отъ второго брака, былъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ въ Вѣнѣ, гдѣ умеръ въ 1876 г., оставивъ многочисленное семейство; наконецъ, третій, Эдуардъ, служилъ въ австрійской администраціи, достигъ весьма почетнаго званія (Generalprocurator), былъ любимъ и уважаемъ всѣми его знавшими и умеръ въ началѣ 1879 года.

Изъ этихъ троихъ братьевъ Адамъ былъ отцомъ Франца Листа. Съ юныхъ лѣтъ онъ занимался счетоводствомъ въ конторѣ князя Эстергази въ Эйзенштадтѣ, гдѣ была резиденція князя, былъ прилежнымъ, добросовѣстнымъ конторщикомъ, но далеко не былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Причина этого недовольства заключалась въ томъ, что онъ не безъ основанія сознавалъ въ себѣ призваніе къ музыкѣ, которую любилъ страстно и которой посвящалъ все свое свободное время. Это несоотвѣтствующее конторскимъ занятіямъ влеченіе развилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ знаменитой оркестровой капеллы князя Эстергази, находившейся въ Эйзенштадтѣ и бывшей въ то время подъ управленіемъ Іосифа Гайдна. Обладая недюжинными музыкальными способностями, вращаясь постоянно въ кругу музыкантовъ, Адамъ Листъ, безъ всякой помощи учителей, быстро выучился играть на всѣхъ струнныхъ инструментахъ, на флейтѣ, на гитарѣ, на фортепіано и владѣлъ этими инструментами довольно порядочно. Когда же онъ услышалъ игру на фортепіано пріѣзжавшаго въ Эйзенштадтъ Гуммеля, то виртуозность этого послѣдняго плѣнила его до такой степени, что съ того времени онъ оставилъ всѣ свои инструменты и всецѣло отдался одному фортепіано, все еще надѣясь когда-нибудь смѣнить свои занятія въ конторѣ на карьеру музыканта. Но скоро вынужденъ былъ разстаться съ своей надеждой, такъ какъ долженъ былъ покинуть Эйзенштадтъ съ его оркестромъ и его концертами и переселиться въ мѣстечко Райдингъ (въ комитатѣ Эденбургъ), куда былъ назначенъ въ 1810 году управляющимъ. Въ то время ему было около тридцати лѣтъ. Осенью того же года онъ женился на молодой, миловидной австріячкѣ Аннѣ Лагеръ, дочери небогатаго промышленника изъ города Кремса, близъ Вѣны. Черезъ годъ послѣ ихъ свадьбы, именно въ ночь на 22-е (10) октября 1811 года, родился ихъ единственный сынъ Францъ; другихъ дѣтей у нихъ не было.

На мѣстѣ своей родины, въ Райдингѣ, въ деревенской ти
подъ вліяніемъ сельской природы и скромной жизни родите
и окружающихъ, Францъ Листъ росъ до девяти лѣтъ. Это бы
стройный, пропорціонально сложенный мальчикъ; у него бы
красивыя черты лица, густые бѣлокурые волосы и чудес
голубые глаза, лежащіе въ глубокихъ впадинахъ. Вся его внѣ
ность производила впечатлѣніе гармоніи, здоровья и талантли
натуры. Душевныя качества соотвѣтствовали внѣшности. Е
мать часто разсказывала съ гордостью, что у ея Франца не бы
даже самыхъ обыкновенныхъ дѣтскихъ недостатковъ: онъ все
былъ добръ, веселъ, ласковъ и очень послушенъ. Родители е
какъ отецъ, такъ и мать, оба были католики и люди религі
ные; религіозность и склонность къ мистицизму они замѣча
и въ сынѣ въ самомъ раннемъ его возрастѣ. Въ раннемъ
возрастѣ сказалась въ немъ очень впечатлительная нату
Уединенная жизнь въ Райдингѣ разнообразилась единстве
только появленіемъ время отъ времени венгерскихъ цыга
Дикая, своеобразная, фантастическая красота цыганскихъ т
ровъ производила на маленькаго Франца сильнѣйшее впечатлѣ
Каждое ихъ появленіе въ окрестностяхъ Райдинга было
него цѣлымъ событіемъ. Весной, съ приближеніемъ тепл
дней, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ, не покажутся ли в
палатки или вечеромъ огни костровъ — вѣрные признаки п
бытія цыганъ. И когда случалось, что они располагали с
таборъ у самаго Райдинга, — мальчикъ всецѣло отдавался
блюденію. Оригинальная внѣшность цыганъ, ихъ образъ жи
ихъ музыка и танцы, ихъ внезапное появленіе, столь же в
запное исчезновеніе, ихъ загадочное откуда и куда? — все
представлялось ему какой-то фантастической загадкой, окру
шей его дѣтство поэтическими грёзами.

Адамъ Листъ и въ Райдингѣ не оставлялъ музыки и
свободное отъ немногихъ служебныхъ занятій время проводи
преимущественно за фортепіано. Такимъ образомъ, Францъ
стоянно слышалъ музыку и уже съ 4-хъ-лѣтняго возраста,
каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе обнаруживалъ сознатель
склонность къ музыкальнымъ звукамъ. Вскорѣ онъ началъ д
заявлять желаніе самому выучиться играть на фортепіано,
величайшему удовольствію отца, который съ любовью наблюда
за развивающеюся въ ребенкѣ наклонностью и лелѣялъ с
надеждой, что, быть можетъ, его сынъ составитъ себѣ му
кальную карьеру, о которой онъ мечталъ когда-то самъ. Фра
было шесть лѣтъ, его находили еще слишкомъ малымъ и с

бымъ, чтобы начать учить музыкѣ. Но когда, однажды, отецъ съ удивленіемъ услышалъ, что Францъ чисто поетъ тэму Cis-мольнаго концерта Ферд. Риса, слышанную имъ всего одинъ разъ, онъ рѣшился посадить сына за фортепіано. Не смотря на отсутствіе въ преподаваніи правильнаго метода, всѣ первыя элементарныя понятія мальчикъ усвоилъ съ замѣчательною легкостью. Казалось, ему все было извѣстно ранѣе и требовалось только вызвать внѣшнее проявленіе. Глазъ читалъ ноты какъ бы шутя и маленькіе пальцы ударяли по клавишамъ съ такою быстротою, правильностью и увѣренностью, какъ бы послѣ многолѣтнихъ упражненій. Также удивительны были у него тонкость слуха и необыкновенная музыкальная память. Къ тому же занятія музыкой чрезвычайно увлекали мальчика; вообще очень подвижный, веселый, игривый — онъ засиживался за фортепіано до тѣхъ поръ, пока мать, опасаясь за его здоровье, не отгоняла его отъ инструмента. Его увлекало все, чтó касалось музыки: если онъ не игралъ, то писалъ ноты, чему выучился безъ посторонней помощи, гораздо ранѣе, чѣмъ узналъ, какъ пишутся буквы.

Въ дѣтствѣ было для него большимъ горемъ имѣть маленькія руки, не растягивавшіяся достаточно широко; но онъ пріискивалъ разныя средства преодолѣвать подобныя препятствія, обнаруживая при этомъ большую изобрѣтательность. Разсказываютъ, что разъучивая одну изъ пьесъ Гуммеля, съ децимами въ лѣвой рукѣ, онъ ухитрялся брать эти децимы съ помощью носа, вызывая, конечно, всеобщій смѣхъ такимъ комичнымъ способомъ игры на фортепіано.

Быстрые успѣхи маленькаго Франца приводили въ восторгъ родителей; но ихъ озабочивала та страстность, съ которою мальчикъ относился къ музыкѣ. Когда онъ сидѣлъ за фортепіано, особенно когда игралъ свои собственныя дѣтскія фантазіи,—что было его любимѣйшимъ занятіемъ,—онъ всегда приходилъ въ возбужденное состояніе и это не могло не повліять на его здоровье. У него появилась упорная лихорадка, которая, не принимая кáкой либо опредѣленной формы, не поддавалась леченію и истощала его дѣтскія силы до крайности. Отчаявались за его жизнь; между сосѣдями разнеслась уже вѣсть о его смерти и деревенскій столяръ даже приготовлялъ для него гробъ.

Къ счастью исходъ болѣзни былъ благополучный; мальчикъ мало-по-малу поправился, по прежнему сдѣлался веселымъ и бойкимъ, по прежнему дѣлалъ «изобрѣтенія» на фортепіано и опять игралъ съ отцомъ въ четыре руки. Замѣчательно, что, не

смотря на весьма продолжительный перерывъ музыкальныхъ за- нятій, онъ ничему не разъучился, ничего не забылъ, онъ игралъ такъ же свободно, какъ и до болѣзни: никакой неувѣренности ни въ пальцахъ, ни во взглядѣ, никакого колебанія въ тактѣ. Посл болѣзни даже еще явственнѣе проявилась его талантливость и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзче обозначались его субъективныя качества: правдивость и чистосердечность. Также опредѣлились его сим- патіи и антипатіи въ музыкѣ. Поклонникъ съ самаго ранняго дѣтства цыганской музыки съ ихъ рѣзкими ритмами и форт піанныхъ произведеній съ наиболѣе выразительной музыкой,— онъ ненавидѣлъ музыку другого характера и могъ играть толь произведенія, переполненныя чувствомъ или рѣзко ритмованн

Прошло три года послѣ начала музыкальныхъ занятій. В это же время Францъ выучился, подъ руководствомъ деревенска капеллана, читать, писать и считать; болѣе обширнымъ школ нымъ преподаваніемъ онъ никогда не пользовался. Всѣмъ свои разностороннимъ и весьма обширнымъ образованіемъ, пріобр теннымъ впослѣдствіи изъ чтенія, онъ обязанъ исключитель самому себѣ, своей талантливости, своей изумительной энергі На родномъ венгерскомъ языкѣ Францъ Листъ не говорилъ и е не учился; въ семействѣ у нихъ говорили только на нѣмецко языкѣ, господствовавшемъ въ то время въ Венгріи, какъ в оффиціальныхъ сферахъ, такъ и въ частной жизни. Убѣждаясь в болѣе и болѣе въ несомнѣнномъ музыкальномъ дарованіи свое сына, Адамъ Листъ хорошо понималъ, что, живя въ деревн онъ не могъ дать мальчику полнаго музыкальнаго образован По должности управляющаго имѣніемъ князя Эстергази, о пользовался помѣщеніемъ и всѣми жизненными припасами в такомъ изобиліи, что «могъ-бы прокормить цѣлую дюжину д тей»,—какъ разсказывалъ самъ Францъ Листъ; но деньгами, п тогдашнему обычаю, получалъ такъ мало, что нечего было думать о какихъ-либо болѣе или менѣе значительныхъ издер кахъ, чтобы подготовить мальчика къ артистической карьер вполнѣ согласной съ его наклонностями и столь желанной д его отца. Одно случайное обстоятельство рѣшило судьбу буду щаго знаменитаго художника.

Музыкальныя дарованія девятилѣтняго Франца Листа, ег бойкая игра на фортепіано, чтеніе нотъ prima-vista и особен способность къ импровизаціи, доставили уже ему нѣкоторую из вѣстность, и въ окрестностяхъ Райдинга его называли артистом Такая извѣстность дала мысль одному слѣпому музыканту, бар фонъ-Брауну, снискивавшему себѣ пропитаніе концертами, пр

гласить маленькаго Франца участвовать въ одномъ изъ подобныхъ концертовъ въ Эденбургѣ. Адамъ Листъ былъ радъ случаю испытать силы своего сына передъ публикой; самъ же Францъ былъ въ восторгѣ отъ предстоящаго торжества. Первый его дебютъ на концертной эстрадѣ состоялся при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ послѣднее время мальчикъ страдалъ перемежающейся лихорадкой и передъ самымъ концертомъ съ нимъ случился довольно сильный припадокъ; но никакія просьбы не могли заставить маленькаго піаниста отказаться играть передъ публикой. Съ замѣчательными для его лѣтъ силою, выдержанностью, спокойствіемъ и бѣглостью, онъ сыгралъ Es-дурный концертъ Ферд. Риса съ оркестромъ и свою собственную импровизацію. Въ публикѣ никто даже не замѣтилъ его болѣзненнаго состоянія; всѣ любовались привлекательною внѣшностью мальчика и подвижностью, съ которою онъ, при своихъ маленькихъ рукахъ, не доставая со стула обоихъ концовъ клавіатуры, игралъ то стоя, то сидя, безпрестанно перемѣняя мѣсто.

Съ такимъ же успѣхомъ прошелъ и второй концертъ, устроенный въ Эденбургѣ уже спеціально для Франца. Тогда Адамъ Листъ рѣшился представить сына князю Эстергази, для чего поѣхалъ съ нимъ въ Эйзенштадтъ. И здѣсь мальчикъ одержалъ побѣду. Блестящее общество и непривычная роскошь обстановки произвели на него сильное впечатлѣніе; онъ игралъ съ замѣчательнымъ возбужденіемъ, но нисколько не стѣсняясь своими слушателями, которые были изумлены необыкновенными способностями мальчика и осыпали его похвалами и ласками. Князь Эстергази подарилъ ему роскошный національный венгерскій костюмъ и позволилъ устроить концертъ въ своемъ дворцѣ въ Пресбургѣ. Необыкновенный мальчикъ очаровалъ и пресбургскихъ магнатовъ; шестеро изъ нихъ немедленно составили подписку, съ цѣлію дать средства на дальнѣйшее артистическое образованіе даровитаго ребенка. Эти меценаты были изъ богатѣйшихъ венгерскихъ землевладѣльцевъ и каждый изъ нихъ получалъ отъ 25,000 до 50,000 гульденовъ годового дохода; ихъ субсидія въ пользу Франца Листа составила только по 600 гульденовъ въ годъ на 6 лѣтъ. По ихъ мнѣнію, эта ничтожная сумма могла обезпечить правильное музыкальное образованіе будущаго геніальнаго артиста. Да такъ смотрѣлъ на вещи и Адамъ Листъ. Не имѣя другихъ средствъ, кромѣ субсидіи магнатовъ, онъ рѣшился оставить службу у князя Эстергази, чтобы переселиться туда, гдѣ можно было найти хорошаго учителя для сына.

Прежде всего Адамъ Листъ обратился къ Гуммелю, который

въ то время былъ придворнымъ капельмейстеромъ въ Веймарѣ; но Гуммель потребовалъ такую высокую плату за уроки, какую Листъ платить не могъ. Тогда рѣшено было поселиться въ Вѣнѣ, куда все семейство Листа переѣхало въ 1821 году. Лучшимъ піанистомъ и преподавателемъ въ Вѣнѣ считался въ то время Карлъ Черни; къ нему и повелъ Листъ своего сына. Черни сначала не соглашался давать уроки, отговариваясь неимѣніемъ времени, но Францъ, безъ дальнѣйшихъ церемоній, сѣлъ за фортепіано и началъ играть. Несомнѣнная талантливость мальчика заставила Черни измѣнить свое рѣшеніе, онъ тогда же принялъ Франца въ число своихъ учениковъ за весьма умѣренную плату и даже въ скоромъ времени отказался отъ всякой платы, продолжая уроки во все время пребыванія Листа въ Вѣнѣ, въ теченіе полутора года. Карлу Черни Францъ Листъ всегда оставался признательнымъ за пріобрѣтенныя подъ его руководствомъ познанія, которыхъ онъ не могъ имѣть при своихъ первоначальныхъ музыкальныхъ занятіяхъ дома, не отличавшихся ни систематичностью, ни правильностью. Одновременно съ уроками на фортепіано, Францъ началъ теоретическія музыкальныя занятія подъ руководствомъ Сальери. Шестидесятилѣтній маэстро въ то время уже не давалъ уроковъ, но такъ же, какъ и Черни, не могъ отказать «kleinem Wundermann»,—какъ прозвали мальчика между вѣнскими музыкантами,—и охотно занимался съ нимъ упражненіями въ гармоніи, а также чтеніемъ и анализомъ партитуръ. Ученикъ скоро началъ писать небольшія пьесы церковной музыки, которыми Сальери оставался весьма доволенъ. Что же касается до чтенія партитуръ, то и это давалось мальчику очень легко; когда ему было всего только одиннадцать лѣтъ, онъ уже свободно читалъ ноты prima-vista и превосходно игралъ съ партитуры. Общаго научнаго образованія внѣ сферы музыки, въ Вѣнѣ Францъ не получалъ; полагали, что будущему артисту не нужны другія знанія, кромѣ профессіональныхъ, къ тому же въ самомъ мальчикѣ не проявлялось въ то время никакихъ интересовъ, исключая музыки.

Въ теченіе полутора года Францъ Листъ сдѣлалъ большіе успѣхи и уже 1 декабря 1822 г. игралъ передъ большой публикой А-мольный концертъ Гуммеля и импровизацію на избранныя тэмы. Послѣ перваго дебюта, Листъ принималъ участіе во многихъ концертахъ и вскорѣ вся Вѣна заговорила о необыкновенномъ талантѣ мальчика. Къ этому періоду времени относится начало особенной симпатіи вѣнской публики къ Листу, который отвѣчаетъ ей взаимностью и относится къ жителямъ Вѣны какъ бы

къ своимъ личнымъ друзьямъ, называя ихъ «своими милыми вѣнцами» и самый городъ — «городомъ звуковъ» (klingende Stadt).

Вѣсть о маленькомъ виртуозѣ дошла и до Бетховена, несмотря на то, что геніальный композиторъ жилъ въ Вѣнѣ совершенно уединенно, никого къ себѣ не принимая по причинѣ своего печальнаго недуга, полнѣйшей глухоты. А. Шиндлеръ, вѣрный товарищъ въ уединенной жизни Бетховена, сообщалъ ему нѣкоторыя свѣденія о маленькомъ Листѣ. Въ сохранившихся разговорныхъ тетрадкахъ, съ помощью которыхъ Шиндлеръ объяснялся съ Бетховеномъ, находится написанное рукой Шиндлера въ апрѣлѣ 1823 г. [1]): «Маленькій Листъ настоятельно просилъ меня уговорить васъ дать ему тэму, на которую онъ желаетъ фантазировать завтра въ концертѣ. Ergo rogo humiliter dominationen vestram, si placeat, scribere unum thema; онъ хочетъ, чтобы тэма была запечатана въ конвертѣ, который онъ вскроетъ публично; отъ фантазіи мальчугана, конечно, еще нельзя многаго требовать,—онъ хорошій піанистъ, но ему еще далеко до того дня, когда можно будетъ сказать: онъ фантазируетъ». Далѣе, вѣроятно, на вопросъ Бетховена, Шиндлеръ писалъ: «Черни, Карлъ,—его учитель; ему 11 лѣтъ. Приходите же, и Карлу [2]), разумѣется, интересно будетъ послушать, какъ играетъ мальчуганъ. Жаль, что маленькій въ рукахъ Черни». Еще далѣе изъ той же тетради видно, что Шиндлеръ уговаривалъ Бетховена непремѣнно идти въ концертъ Листа: — «это ободритъ мальчика». Бетховенъ хотя тэмы для фантазіи не далъ, но 13 апрѣля 1823 г. былъ въ концертѣ. Листъ игралъ H-мольный концертъ Гуммеля и по обыкновенію свою импровизацію. Сидя у самой эстрады, Бетховенъ все время пристально наблюдалъ за игрой мальчика, и по окончаніи импровизаціи поднялся на эстраду, обнялъ его и поцѣловалъ.

Осенью 1823 г. семейство Листа оставило Вѣну и направилось въ Парижъ, чтобы предоставить Францу возможность продолжать музыкальное образованіе въ парижской консерваторіи. Переѣздъ ихъ въ столицу Франціи былъ довольно продолжительный; они останавливались въ Мюнхенѣ, Штутгартѣ, Страсбургѣ, и др. городахъ, гдѣ маленькій виртуозъ давалъ концерты съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ Вѣнѣ. Въ Парижъ они пріѣхали въ половинѣ декабря. Но хлопоты Адама Листа объ опре-

---

[1]) См. Nohl, „Beethoven, Liszt, Wagner“. Wien, 1874.

[2]) Семнадцатилѣтній племянникъ Бетховена.

дѣленіи сына въ консерваторію не увѣнчались успѣхомъ; не помогло даже рекомендательное письмо князя Меттерниха. По правиламъ парижской консерваторіи безусловно запрещалось принимать въ число ея учениковъ лицъ не-французскаго происхожденія. Пришлось покориться и, вмѣсто занятій въ консерваторіи, ограничиться частными уроками у консерваторскихъ профессоровъ: теоріи композиціи у Паэра (Päer) и, позднѣе, контрапункта—у Рейха (Reicha).

Адамъ Листъ привезъ изъ Вѣны не малое число рекомендательныхъ писемъ, благодаря которымъ въ скоромъ времени началъ появляться съ своимъ сыномъ во многихъ парижскихъ аристократическихъ домахъ, не исключая салоновъ герцогини де-Берри и герцога Орлеанскаго (впослѣдствіи король Луи-Филиппъ), около которыхъ группировалась тогда вся французская знать. Быстро составилъ себѣ Францъ извѣстность въ частныхъ кружкахъ и уже 8 марта 1824 г. выступилъ въ первомъ своемъ публичномъ концертѣ въ Парижѣ.

Приведенные въ книгѣ Раманна отзывы газетъ о концертахъ двѣнадцатилѣтняго мальчика можно назвать преувеличенными восторженными; но уже самая эта восторженность рецензій доказываетъ, какое сильное впечатлѣніе производилъ на слушателей маленькій Листъ своей игрой, своимъ возрастомъ и своею привлекательною внѣшностью. Послѣ блистательнаго перваго дебюта, онъ игралъ публично очень часто. Рѣдкій концертъ обходился безъ его участія. Его воспѣвали въ стихахъ, продавали его портреты; на мальчика смотрѣли какъ на «восьмое чудо» и знаменитый френологъ Галль снялъ даже гипсовый слѣпокъ съ его черепа и лба для своихъ изслѣдованій. Съ возрастающими успѣхами увеличивались и денежныя средства. Адамъ Листъ могъ дѣлать сбереженія изъ доходовъ съ концертовъ сына и въ 1824 г. внесъ на проценты въ кассу князя Эстергази первую тысячу гульденовъ.

Между тѣмъ уроки теоріи композиціи подъ руководствомъ Паэра шли такъ успѣшно, что послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ занятій, Паэръ заставилъ своего маленькаго ученика писать оперу для сцены, выбравъ одноактное либретто подъ заглавіемъ «Don Sancho ou le Château de l'Amour», принадлежащее перу очень плодовитаго, но уже давно забытаго писателя Теолона. Къ такой затѣѣ Паэра нельзя не отнестись съ улыбкой, если не съ сожалѣніемъ. Слишкомъ ранняя эксплуатація творческихъ способностей ребенка, точно такъ же какъ и слишкомъ частое для его лѣтъ участіе въ концертахъ могли оказать пагубное вліяніе

на дальнѣйшее развитіе талантливаго мальчика. Авторъ біографіи какъ бы старается оправдать въ этомъ Адама Листа, говоря, что онъ былъ не тщеславенъ, достаточно уменъ, а главное настолько добросовѣстенъ, что не относился къ успѣхамъ сына совершенно слѣпо и даже опасался, чтобы мало сосредоточенная жизнь не сдѣлала Франца поверхностнымъ человѣкомъ, въ ущербъ будущимъ высшимъ его цѣлямъ. Однако мы видимъ совершенно обратное. Адамъ Листъ не только не устранялъ угрожающія его сыну опасности, но скорѣе вызывалъ ихъ, безпрестанно переѣзжая съ нимъ изъ одного города въ другой, заставляя его давать множество концертовъ и чуть не ежедневно посѣщая съ нимъ аристократическіе салоны. Такая жизнь, не говоря уже о томъ, что не могла вліять благотворно на развитіе характера и привычекъ мальчика, не оставляла ему даже времени для болѣе или менѣе серьезныхъ учебныхъ занятій. Вспомнимъ, что онъ не пользовался даже элементарнымъ общимъ образованіемъ и умѣлъ въ то время только читать и писать, дальше его познанія не шли. Все это отразилось впослѣдствіи, когда ему, въ очень еще юныхъ лѣтахъ, пришлось жить самостоятельно и когда у него явилась потребность знанія. Къ счастью, его выручили природныя счастливыя свойства характера и необычайныя способности помогли ему собственными трудами наверстать потерянное время и выйти на прямую дорогу.

Не прошло и пяти мѣсяцевъ послѣ пріѣзда въ Парижъ,— Адамъ Листъ затѣялъ уже новое путешествіе: онъ захотѣлъ везти сына въ Лондонъ и потомъ по французскимъ провинціямъ. Для большихъ удобствъ въ такихъ переѣздахъ, Листъ рѣшилъ отправить жену въ Австрію, гдѣ она должна была оставаться у родственниковъ во все время до окончанія предположеннаго путешествія.—Въ маѣ 1824 г. отецъ и сынъ пріѣхали въ Лондонъ и прожили тамъ до начала слѣдующаго года. Францъ Листъ нѣсколько разъ игралъ въ публичныхъ концертахъ, съ перваго же дебюта (24 іюня) пріобрѣтя всеобщую симпатію какъ публики, такъ и печати. Въ Лондонѣ Францъ учился по-англійски (что ему давалось такъ же легко, какъ и изученіе французскаго языка въ Парижѣ) и продолжалъ свои музыкальныя занятія по плану, составленному отцомъ, и тамъ же окончилъ своего «Don Sancho». Тогда нужно было возвратиться въ Парижъ, чтобы инструментовать оперетту подъ руководствомъ Паэра. Францъ былъ очень радъ покинуть мрачный Лондонъ; радость его возросла еще болѣе, когда Паэръ одобрилъ его сочиненіе и вскорѣ было объявлено, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ «Don Sancho» будетъ

поставленъ на сценѣ.—Въ ожиданіи этого срока Адамъ Ли
повезъ сына концертировать въ Бордо, Тулузу, Монпелье, Ліо
Марсель и т. д., а затѣмъ опять въ Лондонъ, Манчестеръ
другіе города Англіи. Біографъ Франца Листа не указыва
какъ великъ былъ въ то время его концертный репертуа
упоминается, что онъ исполнялъ два концерта Гуммеля (A-
и H-moll), одинъ концертъ и квинтетъ Риса и тэму съ ва
ціями Черни; заключался ли въ этомъ весь репертуаръ
игралъ онъ также и другія вещи—неизвѣстно.

Вступивъ въ четырнадцатилѣтній возрастъ, когда вмѣстѣ
развитіемъ физическимъ начинаетъ проявляться и внутре
сознаніе собственнаго достоинства, Францъ Листъ пересталъ
быть прежнимъ простодушнымъ мальчикомъ. Онъ не люб
когда его называли «le petit Liszt», и хотѣлъ, чтобы его счи
взрослымъ и зрѣлымъ. Вслѣдствіе частыхъ сношеній съ сам
разнообразнымъ обществомъ по воспитанію и положенію,
пріобрѣлъ извѣстнаго рода свѣтскую выправку,—свѣтскія ман
свѣтскій тактъ; но все это было только внѣшностью, составля
контрастъ съ его дѣтскою неопытностью въ жизни. Однак
всемъ, относящемся до музыки, въ немъ проявлялась, свойст
ная геніальнымъ натурамъ, какая-то прирожденная зрѣл
далеко не отвѣчавшая его возрасту. Онъ уже начиналъ
нимать, какое имѣетъ значеніе энтузіазмъ слушателей въ са
или въ концертной залѣ и что общество и толпа требуетъ
виртуоза только развлеченія, забавы. Противъ этого начи
возставать зарождающееся въ немъ самолюбіе и онъ испыты
непріятное чувство, когда ему приходилось играть передъ
бликой. Прежнее веселое, смѣлое выраженіе лица, послѣ у
шагося исполненія, смѣнилось сдержанностью и отчасти
достью. Въ его душѣ начали складываться художественные
алы, большею частью идущіе въ разрѣзъ съ виртуозност
Имѣя частыя, едва не ежедневно новыя сношенія съ музык
тами-виртуозами всѣхъ степеней развитія, онъ рано узналъ,
подъ извѣстностью часто скрывается глубокое невѣжество. О
нажды въ 1825 г. въ Бордо онъ былъ въ обществѣ музык
товъ, въ числѣ которыхъ находился одинъ извѣстный скрипа
и композиторъ. Заговорили о Бетховенѣ и скрипачъ восторга
болѣе другихъ. Юный Листъ сѣлъ за фортепіано подъ пред
гомъ исполненія одной изъ сонатъ Бетховена, но вмѣсто то
съигралъ сонату своего собственнаго сочиненія. Никто изъ пр
сутствующихъ, не исключая и скрипача-композитора, не пон
мистификаціи и дѣтское сочиненіе Листа было принято за Бе

ховеновскую сонату. Съ свойственнымъ ему свѣтскимъ тактомъ Листъ долго умалчивалъ объ этомъ эпизодѣ и только послѣ смерти скрипача назвалъ его имя—Пьеръ Роде.

Въ переходную эпоху юношескаго развитія Франца Листа, характеръ его значительно измѣнился. Прежнее душевное настроеніе, всегда мирное и ясное, было уже утрачено и замѣнилось быстрыми чередованіями спокойствія и нервной веселости, умственнаго возбужденія и физической усталости. Проявилась склонность къ мистицизму,—мальчикъ началъ часто посѣщать церковныя службы и цѣлыми часами засиживался подъ церковными сводами. Адамъ Листъ съ тревогой слѣдилъ за этими явленіями и, не понимая проявлявшихся въ сынѣ симптомовъ физическаго и умственнаго развитія, считалъ необходимымъ бороться противъ ихъ проявленія; онъ требовательнѣе относился къ занятіямъ сына, строже слѣдилъ за его жизнью.

Наступилъ день [1]) перваго исполненія оперетты «Don-Sancho». Успѣшному исполненію содѣйствовали дирижеръ Крейцеръ и любимый публикой теноръ Нурри, исполнявшій главную роль. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Адамъ Листъ торжествовалъ; но радость юнаго композитора была нѣсколько омрачена тѣмъ, что Нурри, на вызовы публики, вынесъ его, композитора, на сцену на рукахъ, какъ маленькаго ребенка, что онъ считалъ весьма оскорбительнымъ для своего дѣтскаго самолюбія. Послѣ трехъ исполненій, «Don-Sancho» былъ снятъ съ репертуара. Единственный экземпляръ партитуры этой оперетты, сохранявшійся въ театральномъ архивѣ, сгорѣлъ во время пожара въ театрѣ и вмѣстѣ съ нимъ исчезли всѣ слѣды этого ранняго произведенія Франца Листа. По отзывамъ слышавшихъ исполненіе «Don-Sancho» въ 1825 г., въ этой оперетте было много музыкальной плавности и она была написана въ стилѣ Моцарта.

Кромѣ «Don-Sancho» къ весьма раннему періоду относятся и другія произведенія Листа, большая часть которыхъ напечатана не была; о нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣтъ никакихъ свѣденій, другія извѣстны только по названію. Къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ: хоралъ «Tantum ergo», написанный еще въ Вѣнѣ подъ руководствомъ Сальери; соната, послужившая Листу для мистифицированія скрипача Роде; увертюра для оркестра, исполнявшаяся 20 іюня 1825 г. въ концертѣ Листа въ Манчестерѣ и фортепіанный концертъ A—moll, игранный имъ въ Лондонѣ въ 1827. Изъ написанныхъ въ теченіе этого періода произ-

[1]) 17 октября 1825 г.

веденій напечатаны слѣдующія: «Impromptu» на тэмы Россини и Спонтини (1824 г.), «Allegro di Bravura» (1825 г.) и «Études pour le piano en douze exercises» (1826 г.). Особенною самостоятельностью эти пьесы не отличаются; изъ нихъ сравнительно лучше—этюды.

Въ началѣ 1826 г. Адамъ Листъ опять повезъ сына концертировать въ Швейцарію и въ Англію. Въ Лондонѣ Листа слушалъ Мошелесъ, отмѣтившій въ своей записной книжкѣ [1]), что игра Франца Листа, по силѣ и легкости преодолѣванія трудностей, превосходитъ все прежде имъ слышанное. Около этой замѣтки стоитъ другое: «A-moll-ный концертъ Листа, заключающій хаотическія красоты». Это, кажется, единственная замѣтка, оставшаяся объ этомъ концертѣ, забытомъ и самимъ авторомъ.

Несмотря на частыя путешествія, мрачное настроеніе Франца не измѣнялось; онъ становился все болѣе и болѣе религіознымъ, его фантазія была переполнена мистицизмомъ, чтó сказывалось въ каждомъ его дѣйствіи. «Laus tibi, Domino»—было началомъ и концомъ каждаго его занятія, эти слова онъ писалъ въ концѣ каждой своей работы. Наконецъ, это религіозное настроеніе усилилось до такой степени, что юноша возъимѣлъ желаніе совсѣмъ отречься отъ свѣта и готовиться къ принятію духовнаго званія. Но его отецъ рѣшительно воспротивился такому намѣренію, доказывая сыну, что его призваніе заключается въ музыкѣ и что онъ принадлежитъ искусству, а не церкви. Эти доводы были достаточно убѣдительны; Францъ нѣсколько сократилъ свои частыя посѣщенія церквей, тѣмъ не менѣе его мистическое настроеніе не измѣнялось и книги религіознаго содержанія были его постояннымъ чтеніемъ. Пережитыя юношей душевныя треволненія, при частыхъ переѣздахъ и утомительности безпрестанныхъ публичныхъ концертовъ, отразились на его здоровьѣ. Онъ сдѣлался болѣзненно-блѣднымъ и въ немъ обнаружилась нервная раздражительность. Доктора предписали ему отдыхъ и морскія купанья, къ тому же и здоровье Адама Листа было въ весьма плохомъ состояніи и также требовало серьезнаго леченія. Поэтому по окончаніи лондонскаго концертнаго сезона, отецъ и сынъ отправились въ Булонь. Морской воздухъ, купанье, отдыхъ, а главное свобода и хорошій моціонъ скоро возвратили мальчику физическое здоровье и прежнее бодрое веселое настроеніе духа. Между тѣмъ отецъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Булонь,

[1]) «Aus Moscheles Leben» etc. Leipzig, 1872. T. I, стр. 132.

захворалъ гастрической лихорадкой, окончательно убившей его и безъ того слабыя силы. На третій день болѣзни уже не было надежды на его выздоровленіе, и онъ умеръ 28 августа 1827.

II.

Неожиданная смерть отца поставила пятнадцатилѣтняго Франца Листа въ совершенно новое для него положеніе, къ которому онъ отнесся съ мужествомъ и серьезностью вполнѣ взрослаго человѣка. Первая его мысль была о матери, жившей въ то время въ Вѣнѣ. Онъ вызвалъ ее въ Парижъ, разсчитывая обезпечить свое и ея существованіе уроками музыки. Отъ сборовъ съ его концертовъ были нѣкоторыя сбереженія и въ банкѣ Эстергази хранились нѣсколько тысячъ гульденовъ; но всѣ эти деньги Францъ Листъ хотѣлъ сохранить для матери на черный день и, скорѣ послѣ ея пріѣзда, вручилъ ей, какъ ея собственность, всѣ свои цѣнныя бумаги. Въ урокахъ музыки у него недостатка не было. Извѣстность виртуоза исключала недовѣріе къ его слишкомъ юнымъ годамъ для учителя, и онъ скоро нашелъ учениковъ и ученицъ. Быстрые успѣхи свидѣтельствовали о его преподавательскихъ способностяхъ, и въ своей новой дѣятельности онъ очень скоро занялъ вполнѣ солидное положеніе.

Слишкомъ ранняя самостоятельность, отсутствіе строгаго руководителя, какимъ былъ прежде его отецъ, не замедлили обнаружиться во всемъ складѣ и образѣ какъ домашней, такъ и практической жизни Листа. Его мать, правда, имѣла на него нѣкоторое вліяніе; онъ ее любилъ, былъ къ ней безконечно нѣженъ и настолько заботливъ, что, по ея разсказамъ, онъ нерѣдко оставался спать на лѣстницѣ, чтобы только не будить ее при поздних возвращеніяхъ домой. Но эти нѣжныя чувства не могли понудить къ правильному образу жизни и не мѣшали ему оставаться весьма безолаберным юношей. Въ распредѣленіи, напримѣръ, времени своихъ занятій, что прежде дѣлалось подъ руководствомъ отца, теперь онъ былъ совсѣмъ несистематиченъ и вполнѣ подчинялся настроенію минуты. Одинъ день онъ игралъ на фортепіано очень много, въ другой—онъ вовсе не подходилъ къ инструменту; сегодня онъ игралъ днемъ, а завтра ночью. Въ его урокахъ также не было лучшаго порядка: одинъ его урокъ былъ очень коротокъ, другой слишкомъ продолжителенъ; онъ приходилъ то ранѣе условленнаго часа, то позже или совсѣмъ пропускалъ урокъ. Часто въ обѣденное время онъ, безъ

разбора, заходилъ въ первый попавшійся ресторанъ, питаясь чѣмъ попало, или возвращался домой поздно вечеромъ совершенно голодный, когда ожидавшій его, впродолженіе цѣлаго дня, обѣдъ былъ уже никуда негоденъ. Однимъ словомъ во всемъ образѣ его жизни была полнѣйшая безурядица.

Такая безпорядочная жизнь въ юношескихъ годахъ мало-помалу разстраивала здоровье Листа. Этому еще содѣйствовала слишкомъ ранняя и, конечно, неудачная любовь. Листъ влюбился въ одну изъ своихъ ученицъ, 17 лѣтнюю дочь графа Сенъ-Крига, одного изъ министровъ Карла X. Ему отвѣчали взаимностью и юноша нѣсколько мѣсяцевъ считалъ себя вполнѣ счастливымъ, пока графъ С.-Кригъ не положилъ конецъ этой идилліи, выдавъ дочь замужъ за богатаго родовитаго француза. Это произошло въ 1828 г.; Листу было тогда всего только 16 лѣтъ. Эпизодъ несчастной любви сильно подѣйствовалъ на пылкаго юношу; онъ бросилъ всѣ свои занятія и углубился въ религіозность болѣе прежняго, просиживая цѣлые дни въ церкви. У него опять явилось желаніе принять духовное званіе. Какъ прежде отецъ, такъ теперь мать возстала противъ этого намѣренія, хотя ея аргументы были другіе: она не могла говорить сыну о настоящемъ его призваніи, а непосредственно дѣйствовала на его чувства, заливаясь слезами при мысли о возможности потерять единственнаго сына. Онъ не въ силахъ былъ противустоять материнскимъ слезамъ и опять отказался отъ своего стремленія, но заскучалъ, захандрилъ еще сильнѣе, перестаьъ выходить изъ дому, просиживалъ цѣлые дни въ глубокомъ молчаніи и впалъ въ совершенную апатію. О частыхъ посѣщеніяхъ Листомъ церкви и о его мрачномъ настроеніи духа говоритъ В. Ленцъ, описывая свое первое знакомство съ Листомъ осенью 1828 г.[1]. Разсказъ Ленца производитъ тяжелое непріятное впечатлѣніе и свидѣтельствуетъ о безусловно болѣзненномъ состояніи Листа. Въ Парижѣ даже разнеслась вѣсть о его смерти и въ «Étoile» былъ помѣщенъ некрологъ Листа, съ ужасомъ прочитанный его матерью и не произведшій ни малѣйшаго впечатлѣнія на него самого,—такъ велика была его апатія. Такое печальное состояніе, продолжавшееся нѣсколько мѣсяцевъ, до крайности истощало силы юноши, такъ что доктора дѣйствительно начали опасаться за дальнѣйшія послѣдствія; но здоровая натура одержала побѣду, продолжительная апатія была кризисомъ и служила отдыхомъ

---

[1]) «Die grossen Pianoforte-Virtuosen unserer Zeit», von W. von Lenz. 1872.

возбужденной нервной системы. Листъ началъ постепенно поправляться.

Въ періодъ выздоровленія Листъ очень много читалъ: кромѣ книгъ религіознаго содержанія, любимымъ его чтеніемъ были сочиненія Шатобріана, котораго «Рене» онъ выучилъ даже всего на память. Это сочиненіе производило на Листа глубокое впечатлѣніе; слова «Рене»: «un instinct secret me tourmente» неотступно преслѣдовали его фантазію и его мысли, и сдѣлались девизомъ его собственнаго, еще невыяснившагося душевнаго настроенія и тѣхъ противорѣчій и сомнѣній, появленіе которыхъ онъ и самъ не зналъ какъ объяснить. Вопросы, вызванные сомнѣніями, привели къ жаждѣ знанія; онъ хотѣлъ все знать и съ жадностью набросился на книги. При недостаткѣ предварительной подготовки и при отсутствіи руководителя, въ этомъ чтеніи не было никакого плана, никакой системы. Онъ читалъ авторовъ самыхъ разнообразныхъ направленій: скептика Монтэня и мистика аббата Ламеннэ, Вольтера и Ламартина, С. Бёва, Балланша, Руссо, Шатобріана и проч. Онъ переходилъ отъ одного сочиненія къ другому, отыскивая въ нихъ великое новое слово и, волнуемый противуположными впечатлѣніями, не находилъ спокойствія. «Un instinct secret me tourmente»—оставались безъ разрѣшенія.

Подъ вліяніемъ этого чтенія, его убѣжденія, казалось, радикально измѣнились; съ тою же страстностью, съ какою еще недавно онъ посѣщалъ церкви—теперь онъ началъ посѣщать театры. Его любимой драмой была «Маріонъ Делормъ»; его часто встрѣчали въ театрѣ «Porte St. Martin»; также онъ любилъ посѣщать оперу и въ зиму 1829—1830 г. его приводилъ въ энтузіазмъ «Вильгельмъ Телль», не столько музыкой, сколько своимъ сюжетомъ, а главное героемъ Теллемъ — освободителемъ угнетенныхъ. Но это стремленіе къ свѣтскимъ развлеченіямъ продолжалось недолго; религіозность все-таки оставалась его основнымъ настроеніемъ, хотя болѣе не изолировала его, какъ прежде, отъ жизни. Какъ виртуозъ, онъ въ то время рѣдко выступалъ въ публичныхъ концертахъ и всегда неохотно, сознавая что его художественные идеалы и выборъ исполняемыхъ пьесъ все болѣе и болѣе удалялись отъ господствовавшихъ въ то время въ парижской публикѣ вкусовъ. Тогдашніе парижскіе піанисты, Калькбреннеръ, Герцъ, Плейель и др. играли въ концертахъ почти исключительно свои собственныя салонныя пьесы и рѣдкій изъ нихъ отваживался на исполненіе чужихъ произведеній, находя это трудомъ утомительнымъ и неблагодарнымъ. А Листъ

въ одномъ изъ концертовъ консерваторіи въ 1829 г. игралъ Es-дурный концертъ Бетховена, чтб для того времени по-ложительно было смѣлымъ подвигомъ, если принять въ соображе-ніе, что тогда въ Парижѣ не только публика, но даже многі музыканты относились къ Бетховену враждебно [1]). Листъ и прежде проводилъ въ концертныя залы произведенія Бетховен но скрывалъ имя композитора и украшалъ исполняемыя вещ самодѣльнымъ нарядомъ, прибавляя трели и разные виртуозны пассажи, чтобы обезпечить одобреніе публики Бетховену и себ Какъ онъ исполнялъ въ 1829 г. бетховеновскій Es-дурный кон-цертъ, — согласно ли съ партитурой или также съ собственным украшеніями, — неизвѣстно. Но существенъ и знаменателенъ то фактъ, что онъ былъ первый и единственный піанистъ, которы имѣлъ смѣлость играть этотъ концертъ публично въ Парижѣ такое время, когда ни публика, ни даже музыканты не умѣ еще цѣнить Бетховена. Художественный инстинктъ Листа сто впереди своего времени.

Наступила эпоха іюльской революціи 1830 г. Эти дни пр извели на Листа сильнѣйшее впечатлѣніе. Ему страстно хот лось идти на баррикады, сражаться во имя гуманности, во им страждущаго человѣчества и, если нужно, умереть за народъ, его права, за свободу. Съ большимъ трудомъ удалось мате удержать его порывы и нѣсколько успокоить его возбужденіе.— Юноша находился подъ обаяніемъ геройскихъ подвиговъ «ве ликой недѣли»; вмѣстѣ съ парижскою молодежью онъ покл нялся сереброкудрому «генію свободы стараго и новаго свѣт Лафайету и вмѣстѣ съ нею вѣровалъ въ наступленіе нов мірового порядка, который осуществитъ мечты о неразрушимо счастьи и дастъ людямъ присущія имъ права: политическую, со ціальную и личную свободу.

Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній, въ творческой фанта Листа создался планъ «Symphonie révolutionnaire». Ему хот лось, чтобы эта симфонія была музыкальнымъ выраженіемъ то жественнаго клика народовъ, — не только однихъ французов но всѣхъ соединенныхъ націй, поднявшихъ знамя во имя хр

---

[1]) Композиторъ Керубини, директоръ парижской консерваторіи, авторъ многих оперъ, мессъ, ораторій и проч. выражался о позднѣйшихъ произведеніяхъ Бетх вена: „Cela me fait éternuer“. Рудольфъ Крейцеръ, первый скрипачъ въ орке парижской консерваторіи, тотъ самый Крейцеръ, которому Бетховенъ посвятилъ од изъ своихъ скрипичныхъ сонатъ,—на репетиціи концерта, услышавъ бетховеновску Д-дурную симфонію, заткнувъ уши, закричалъ капельмейстеру: „Ради Бога, избав нась отъ этого жалкаго, варварскаго произведенія“.

стіанскихъ идей, гуманности и свободы,—чтобы она была общимъ, такъ сказать универсальнымъ торжественнымъ гимномъ. Въ подражаніе симфоніи Бетховена «Битва при Витторіи», въ которой намѣренія композитора выясняются извѣстными музыкальными тэмами (англійскія войска изображены пѣснею «Rule Britannia», французскія—«Malborough» и побѣдное торжество англичанъ «God save the King»). Листъ въ основаніе своей симфоніи ввелъ три тэмы, долженствовавшія характеризовать три историческіе момента борьбы за гуманность. Первая тэма была славянскаго происхожденія — именно гусситская пѣсня XV столѣтія, того времени, когда чешскій герой Жижка водилъ въ бой, противъ католиковъ, чеховъ, воодушевленныхъ новыми религіозными идеями; вторая—лютеранскій хоралъ «Ein fester Burg ist unser Gott» и наконецъ третья — «Марсельеза». Съ большимъ воодушевленіемъ принялся пылкій юноша за симфонію; но дни надеждъ скоро прошли, отъ революціи осталось одно разочарованіе, воодушевленіе Листа смѣнилось уныніемъ и негодованіемъ, и работа осталась неоконченною. Эскизъ симфоніи затерянъ, но одинъ изъ ея мотивовъ венгерскаго характера, впослѣдствіи, по словамъ Раманна [1]), былъ употребленъ Листомъ въ героическомъ маршѣ (Д-моль) и въ симфонической поэмѣ «Hungaria»; сохранилась также рукопись, разработанная для предполагаемой симфоніи Марсельеза. Первая часть этой симфоніи, по словамъ Поля [2]), обработана Листомъ въ 1849 г. и составляетъ его симфоническую поэму «Heroide Funèbre».

Іюльская революція окончательно освободила Листа отъ прежняго преобладающаго въ немъ мистическо-религіознаго настроенія, отчуждавшаго его отъ жизни. Онъ усердно посѣщалъ общество, плѣняя въ аристократическихъ салонахъ своими блестящими фантазіями на фортепіано; но всего охотнѣе бывалъ въ обществѣ художниковъ, поэтовъ, ученыхъ. Онъ жилъ полною жизнью. Все привлекало его вниманіе: концерты, живопись, скульптура, публичныя лекціи, печать, трибуна, церковныя проповѣди,—всюду искалъ онъ удовлетворенія потребности знанія. Онъ съ жадностью читалъ самыя разнообразныя сочиненія современныхъ писателей по исторіи, космографіи, статистикѣ, философіи и т. д., все усвоивалъ, если не вполнѣ основательно и систематично, то во всякомъ случаѣ настолько, что обо всемъ имѣлъ хорошее понятіе. Недостатокъ первоначальнаго образо-

---

[1]) Liszt, von Ramann, T. I, стр. 147.
[2]) Liszt, von R. Pohl, стр. 222.

ванія затруднялъ эти занятія, но зато Листа выручали его удивительная память и необыкновенная способность быстро и всесторонне освоиваться съ изучаемымъ предметомъ. Частыя непосредственныя бесѣды съ авторами прочитанныхъ имъ книгъ пополняли пробѣлы его знаній и его самообразованіе быстро шло впередъ.

Въ этотъ періодъ пытливой любознательности Листъ ознакомился съ ученіемъ сенъ-симонистовъ; его увлекли ихъ взгляды на искусство, какъ на главное средство для проведенія въ общество идеально-гуманныхъ принциповъ. Побывавъ въ ихъ собраніяхъ, онъ одно время имѣлъ желаніе сдѣлаться даже членомъ этого общества, но таковымъ никогда не былъ. Не разъ сообщалось въ печати противное, и въ біографіи Листа, написанной Густавомъ Шиллингомъ (1844 г.) также упомянуто, что онъ былъ членомъ круга сенъ-симонистовъ; на это Листъ послалъ тогда же Шиллингу опроверженіе слѣдующаго содержанія: «Хотя я имѣлъ честь тѣсно сближаться со многими послѣдователями сенъ-симонизма, посѣщалъ ихъ собранія и слушалъ ихъ проповѣди, но никогда не носилъ ни извѣстнаго голубого фрака, ни ихъ позднѣйшаго одѣянія. Не оказывая обществу никакой услуги, я не принадлежалъ къ нему ни оффиціально, ни неоффиціально».

Увлеченія идеями Сенъ-Симона смѣнились болѣе сильнымъ увлеченіемъ, принадлежащимъ исключительно къ сферѣ музыки, увлеченіемъ необыкновенною виртуозностью Паганини, пріѣхавшаго въ Парижъ въ 1831 г. Игра знаменитаго скрипача, по выраженію Эскудье, «ироническая и шутливая, какъ Донъ-Жуанъ Байрона, причудливая и фантастическая, какъ разсказы Гофмана, меланхолическая и мечтательная, какъ стихотворенія Ламартина, дикая и палящая, какъ проклятія Данта, сладостная и нѣжная, какъ мелодіи Шуберта», — очаровала, ошеломила Листа и вмѣстѣ съ тѣмъ открыла ему новую сферу. Онъ рѣшилъ достигнуть такого же совершенства исполненія на фортепіано, какого Паганини достигъ на скрипкѣ, и съ необыкновеннымъ рвеніемъ принялся за работу, упражняясь на своемъ инструментѣ по шести и болѣе часовъ въ день и вырабатывая технику каждаго пальца до небывалой у піанистовъ быстроты, независимости и увѣренности. Отъ участія въ публичныхъ концертахъ Листъ рѣшительно отказался.

Другой музыкантъ, имѣвшій также большое вліяніе на развитіе Листа, былъ Берліозъ, смѣлѣйшій поборникъ романтизма въ музыкѣ въ эпоху наиболѣе ожесточенной борьбы этого по-

слѣдняго противъ классическаго направленія. Въ Листѣ уже съ дѣтства сказывалась нелюбовь къ сухой педантической музыкѣ, и по своему впечатлительному характеру, по складу и стремленію своихъ мыслей, онъ былъ вполнѣ подготовленъ къ пониманію и оцѣнкѣ новаго направленія въ искусствѣ. Поэтому неудивительно, что Берліозъ сразу завоевалъ его симпатію и вниманіе первымъ же исполненіемъ своей фантастической симфоніи («Episode de la vie d'un artiste»). Съ горячимъ увлеченіемъ примкнулъ Листъ къ новому направленію и выступилъ на его защиту рядомъ съ Берліозомъ, котораго критика наполовину ненавидѣла, наполовину боялась, музыканты не понимали и не хотѣли признавать и на котораго публика смотрѣла какъ на какой-то курьёзъ.

Раманнъ совершенно вѣрно указываетъ на двоякое значеніе вліянія Берліоза на дальнѣйшую композиторскую дѣятельность Листа. Во-первыхъ—въ музыкально-техническомъ отношеніи, въ силу котораго Листу были открыты смѣлыя оригинальныя берліозовскія гармонизаціи и модуляціи и его яркая, блестящая, разнообразная и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкая, небывалая до того инструментовка. Во-вторыхъ — въ смыслѣ общаго значенія и направленія искусства. Листъ усвоилъ взгляды Берліоза на задачи музыки, его рѣшительное намѣреніе освободить музыкальную форму отъ классическаго традиціоннаго типа и тѣсно связать форму съ поэтическими идеями и наконецъ его стремленіе не только поднять музыкальное искусство до уровня искусства поэтическаго, но даже заставить свою музыку, такъ-сказать, вытекать изъ поэтическихъ идей. Принципы эти съ полною послѣдовательностью Листъ проводилъ въ своихъ произведеніяхъ и не только въ симфоническихъ поэмахъ и ораторіяхъ, но и въ оригинальныхъ фортепіанныхъ пьесахъ. Согласіе во взглядахъ на искусство скоро сблизило Листа съ Берліозомъ, и ихъ взаимныя пріятельскія отношенія не прерывались до самой смерти Берліоза.

Въ еще болѣе близкихъ искренно дружескихъ отношеніяхъ находился Листъ съ Шопеномъ, съ которымъ сошелся вскорѣ послѣ пріѣзда этого послѣдняго въ Парижъ въ концѣ 1831 г. По возрасту они близко подходили другъ къ другу, Шопенъ былъ на $2^1/_2$ года старше Листа, характерами же они рѣзко отличались другъ отъ друга и, быть можетъ, именно въ этомъ различія и заключалась причина ихъ тѣсной дружбы. Характеръ Шопена при всей его мягкости былъ уже вполнѣ сформированъ, законченъ и отличался зрѣлостью и замкнутостью. Натура Листа въ то время дѣлалась все болѣе и болѣе пылкой, страстной, го-

рячей; «wild, wetterleuchtend, vulkanisch und himmelstürmend» называлъ его Гейне.

Субъективныя свойства характера Шопена имѣли на Листа большое вліяніе, особенно въ минуты его нерѣшительности, колебанія, когда въ разсудительности, хладнокровіи и въ твердости убѣжденій Шопена, онъ находилъ себѣ благотворную поддержку, какъ это, напримѣръ, выказалось въ то время, когда Листъ, увлекаемый идеями Берліоза, все еще нѣсколько колебался примкнуть къ новому направленію. Рѣшительность, выказанная въ этомъ случаѣ Шопеномъ, разсѣяла всѣ его сомнѣнія и они оба сдѣлались вѣрными адептами новыхъ стремленій въ музыкѣ. Точно также и въ развитіи творческихъ силъ Листа вліяніе Шопена было, безъ сомнѣнія, весьма значительное. Изъ всего, написаннаго Листомъ о произведеніяхъ Шопена, видно, что онъ ихъ глубоко уважалъ, прекрасно понималъ и высоко цѣнилъ. Поэзія и лиризмъ музыки Шопена безспорно были однимъ изъ элементовъ, изъ которыхъ сформировался его композиторскій талантъ. Наконецъ вліяніе Шопена отразилось также,—и можетъ быть, даже сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо, — и на виртуозности Листа, на его игрѣ на фортепіано. Въ этомъ отношеніи вліяніе Шопена служило противовѣсомъ вліянію Паганини. Послѣдній открылъ Листу дорогу къ новой фортепіанной техникѣ, велъ его за предѣлы тогдашняго фортепіано, указывалъ возможность приблизиться къ оркестру; тогда какъ Шопенъ, характеромъ и манерой своей игры на фортепіано, содержаніемъ своихъ фортепіанныхъ произведеній, открылъ ему новыя сферы музыки, оставаясь вѣрнымъ своему инструменту, не выходя изъ его области. Одинъ освобождалъ его отъ стѣсненій, другой, наоборотъ, ставилъ въ тѣсныя рамки и въ ихъ предѣлахъ давалъ возможность чувствовать безграничную красоту субъективнаго лиризма и необыкновенную глубину содержанія. Усвоивъ характеръ произведеній Шопена, Листъ прекрасно усвоилъ также всѣ тонкости его исполненія и, внеся индивидуальныя свойства своей игры: страстность и силу,— передавалъ тайны шопеновской музы съ такимъ совершенствомъ, что самъ Шопенъ признавалъ преимущество его исполненія въ большихъ концертныхъ залахъ, передъ многочисленной публикой, гдѣ Листъ горячо пропагандировалъ сочиненія своего друга. Тѣсная дружба между Листомъ и Шопеномъ впослѣдствіи порвалась; какія были причины этого разрыва—неизвѣстно. Раманнъ предполагаетъ, что здѣсь было нѣкоторое вліяніе Ж. Сандъ, послѣ ея ссоры съ Листомъ. Насколько Листъ уважалъ и цѣнилъ

Шопена, выразилось въ его объемистомъ сочиненіи о Шопенѣ [1]), написанномъ послѣ его смерти; подобную апологію могъ написать только человѣкъ, искренно любившій Шопена и вполнѣ его понимавшій.

Упомянемъ еще объ одной личности, имѣвшей значительное вліяніе на индивидуальное развитіе Листа. Это былъ аббатъ Ламеннэ, сочиненія котораго «Essai sur l'indifférence en matière de réligion», «Avenir» и др., довольно распространенныя въ началѣ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, производили сильное впечатлѣніе на пытливую фантазію Листа и давали обильную пищу его мистическимъ стремленіямъ. Личное на него вліяніе ученаго аббата также было очень большое; Ламеннэ былъ для Листа авторитетомъ, къ которому онъ обращался очень часто даже въ частныхъ случаяхъ своей жизни, называя его «отцомъ, другомъ и учителемъ». Въ воззрѣніяхъ Ламеннэ, проникнутыхъ духомъ демократизма, въ его стремленіи объединить эти воззрѣнія съ ученіемъ христіанской религіи, наконецъ въ его взглядахъ на искусство (изложенныхъ въ 3-й части большого сочиненія «Esquisse d'une philosophie») Листъ находилъ философское развитіе тѣхъ своихъ идеаловъ, которые создались въ его воображеніи въ то время, когда онъ увлекался соціалистическимъ ученіемъ Сенъ-Симона. Подъ вліяніемъ Ламеннэ, говоритъ Раманнъ, убѣжденія Листа и его взгляды на искусство, слагавшіеся изъ самыхъ разнообразныхъ ингредіентовъ, выяснились, упрочились и объединились. Вліяніе это отразилось и въ музыкальныхъ произведеніяхъ Листа, написанныхъ осенью 1834 г. во время его пребыванія у Ламеннэ, въ La-Chênaie въ Бретани; тамъ онъ написалъ «Pensée des Morts», вошедшее потомъ въ сборникъ его фортепіанныхъ пьесъ подъ заглавіемъ: «Harmonies poétiques et réligieuses», затѣмъ «Lyon», составляющее отголосокъ бывшаго въ апрѣлѣ 1834 г. восстанія ліонскихъ рабочихъ и носящее motto тогдашнихъ соціалистовъ:

Vivre en travaillant
Ou mourir en combattant.

Это произведеніе, въ формѣ марша, напечатано было въ сборникѣ «Impressions et Poesie» въ изданіи Гаслингера 1842 г.; въ позднѣйшихъ изданіяхъ, просмотрѣнныхъ и передѣланныхъ Листомъ, этого произведенія уже нѣтъ. Оно было посвящено à Mr.

---

[1]) F. Chopin, par F. Liszt. Paris, 1852.

F. de L..... въ выраженіе, вѣроятно, солидарности взглядовъ Лис
и демократическаго аббата на ліонское восстаніе.

Своихъ демократическихъ убѣжденій Листъ не скрывалъ, н
не придавалъ имъ значенія политическихъ мнѣній и вообще ст
ронился отъ какихъ-либо политическихъ партій, находя, ч
искусство должно стоять выше партійной борьбы. Буржуазію он
считалъ врагомъ искусства; поэтому съ антипатіей относился к
королю-буржуа и его режиму, стараясь даже не скрывать св
нерасположеніе, и если игралъ, будучи еще юношей въ салон
герцога Орлеанскаго, то никогда не былъ въ Тюльери, пос
того, какъ герцогъ Орлеанскій сдѣлался королемъ Луи-Фил
помъ; даже однажды, при случайной съ нимъ встрѣчѣ въ за
извѣстнаго фортепіаннаго фабриканта Эрара, отказался игр
въ его присутствіи. Раманнъ, приводя въ своей книгѣ неод
кратные примѣры проявленія Листомъ гордости, высокомѣрія
даже пожалуй грубоватости въ отношеніи высокопоставленн
лицъ и коронованныхъ особъ,—объясняетъ, что въ этихъ посту
кахъ не было и тѣни причудъ или заносчивости избалованн
виртуоза; но что въ этомъ сказывалась гордость «аристокр
таланта», обороняющаго свое достоинство, преломляющаго ко
въ защиту положенія искусства и артистовъ. Отстаивая с
достоинство и независимость, горячо сочувствуя демократическ
принципамъ, вращаясь въ кругу передовыхъ людей, Листъ
то же время не прерывалъ постоянныхъ сношеній съ аристок
тіей. Со многими дамами Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, гдѣ ле
тимистическіе принципы строго охранялись во всей ихъ непр
косновенности, онъ находился въ хорошихъ личныхъ отношені
Друзья Листа, видя какъ бы сомнительное положеніе, въ ко
ромъ онъ находился, вращаясь между крайними легитимиста
и республиканцами, между демократами и аристократами, меж
представителями прогресса и консерваторами, нерѣдко упрека
его въ отступничествѣ; но это было несправедливо: Листъ сто
внѣ узкихъ доктринъ той или другой партіи и всегда проявля
теплое сочувствіе къ нуждающимся и дѣлалъ щедрыя пожертвова
въ пользу голодныхъ и страждующихъ. Сотни богатыхъ сборо
съ его концертовъ переходили въ комитеты фабричныхъ ра
чихъ, вдовъ и сиротъ, больныхъ и слѣпыхъ; значительныя су
денегъ передавались имъ въ распоряженіе учредителей пенсіо
ныхъ и вспомогательныхъ кассъ для бѣдныхъ музыкантовъ, и т.

Вращаясь въ литературныхъ кружкахъ, Листъ въ 1834
познакомился съ Жоржъ-Сандъ, только-что возвратившейся тог
изъ путешествія по Италіи; между ними скоро установились с

мыя близкія товарищескія отношенія, продолжавшіяся нѣсколько лѣтъ. Кромѣ «camaraderie» въ этихъ отношеніяхъ не было ничего болѣе интимнаго и, безъ сомнѣнія, Гейне былъ совершенно правъ, опровергая въ своихъ парижскихъ письмахъ ходившіе слухи о любовной связи Листа съ Ж. Сандъ. Болѣе опасности для пылкаго сердца Листа представляло Сенъ-Жерменское предмѣстье, гдѣ онъ, такъ сказать, пріобрѣлъ права гражданства. Здѣсь были его первые юношескіе тріумфы, когда его, «le petit prodige», ласкали и задаривали бонбоньерками; здѣсь онъ вращался и теперь, постоянно окруженный роемъ молодыхъ женщинъ. Онъ имъ игралъ свои переложенія произведеній Берліоза, сочиненія Шопена, собственныя импровизаціи, разсказывая въ звукахъ свои впечатлѣнія, поэтическія грёзы, надежды и стремленія. Здѣсь иногда онъ забрасывалъ искру чувства въ сердца парижскихъ аристократокъ и въ свою очередь не всегда оставался хладнокровнымъ, засматриваясь на окружающихъ его красавицъ. Но въ парижскихъ салонахъ амуръ былъ чарующимъ, шаловливымъ, рѣдко «опаснымъ богомъ» и его стрѣлы, даже достигая цѣли, наносили лишь легкія, скоро излечимыя раны. Одна изъ такихъ стрѣлъ ранила сердце Листа. Молоденькая графиня Adèle Laprunarède (впослѣдствіи герцогиня de Fleury), старавшаяся въ салонахъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья вознаградить себя за скучную жизнь, проводимую ею со старикомъ мужемъ, плѣнила Листа своею красотою, веселымъ характеромъ и остроуміемъ; плѣнила настолько сильно, что заставила юнаго художника покинуть Парижъ и послѣдовать за красавицей и ея мужемъ въ ихъ имѣніе въ Альпахъ. Друзья Листа не знали, чѣмъ объяснить его внезапное исчезновеніе изъ Парижа и загадочное отсутствіе въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ. Никто не зналъ, что бросившій свои работы, уроки и общество Листъ сидитъ затворникомъ въ альпійскомъ замкѣ графини, задерживаемый тамъ не только чарами любви, но и снѣжными заносами въ Альпахъ, прекратившими всякое сообщеніе съ замкомъ. Наступившая весна согнала снѣгъ и очистила дороги и Листъ возвратился въ Парижъ съ сердцемъ, полнымъ романтическою любовью. Между нимъ и графиней завязалась горячая переписка,—«высшія упражненія въ стилѣ на французскомъ языкѣ», какъ шутя называлъ впослѣдствіи Листъ свои любовныя письма къ графинѣ Laprunarède.

Этотъ эпизодъ былъ только мимолетнымъ развлеченіемъ, смѣнившимся въ слѣдующій-же зимній сезонъ другимъ, имѣвшимъ весьма серьезныя послѣдствія. Теперь предметомъ любви Листа была графиня д' Агу (урожд. виконтесса Флавиньи), пріобрѣв-

шая впослѣдствіи нѣкоторую извѣстность въ французской литературѣ подъ псевдонимомъ Даніэля Стерна: она была авторомъ исторіи февральской революціи, исторіи Нидерландовъ и проч. Графиня д' Агу была красавица въ полномъ смыслѣ слова. Стройная, представительная, очаровательно граціозная блондинка съ правильнымъ классическимъ профилемъ, и вмѣстѣ съ задумчивымъ мечтательнымъ выраженіемъ глазъ. Ея замѣчательная красота увеличивалась еще изысканнѣйшими туалетами, по роскоши и элегантности которыхъ она мало находила себѣ соперницъ даже въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Графиня д' Агу давно уже знала Листа, когда еще онъ былъ только геніальный ребенокъ, «un petit bohémien». Прошло нѣсколько лѣтъ, мальчикъ выросъ, теперь ему было 23 года, а ей уже 29 лѣтъ и она была матерью троихъ дѣтей; тѣмъ не менѣе графиня была въ полномъ разцвѣтѣ красоты.—Еще свѣжи были воспоминанія Листа о прошлогоднемъ романическомъ эпизодѣ въ Альпахъ, но новое увлеченіе совсѣмъ поглотило нашего артиста, отдавшагося любви со всею страстью пылкаго, почти юношескаго сердца. Связь его съ графиней д' Агу,—говоритъ Раманнъ,—была результатомъ тихо зародившагося взаимнаго расположенія, мало по малу развившагося до силы страсти, не была плодомъ душевнаго сочувствія и пониманія,—«это было случайность, игра, прихоть, несчастіе». Бывали моменты отрезвленія, когда Листъ серьезно и критически всматривался въ свое новое положеніе, съ ѣдкой ироніей относился и къ себѣ, и къ графинѣ д' Агу, желалъ даже разрыва и съ этимъ намѣреніемъ весной 1835 г. уѣхалъ въ Швейцарію. Но онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ: графиня д' Агу, покинувъ мужа и дѣтей, послѣдовала за нимъ. Событіе это, конечно, надѣлало много шуму. Парижская аристократія считала себя оскорбленною открытымъ нарушеніемъ приличій. Оставался только одинъ путь къ возстановленію положенія графини д' Агу въ свѣтѣ, — разводъ съ мужемъ и затѣмъ законный бракъ съ Листомъ. Съ этою цѣлью Листъ предлагалъ ей перейти въ протестантство, что значительно упрощало формальности развода, но получилъ гордый отвѣтъ: «madame la comtesse d' Agoult ne sera jamais madame Liszt!» [1]).

---

[1]) Liszt, von Ramann, T. I. стр. 332.

III.

Поселившись въ Женевѣ, весной 1835 г., Листъ принялся за литературную работу. Онъ не былъ совершеннымъ новичкомъ въ этомъ дѣлѣ; первая его журнальная статья появилась за годъ передъ тѣмъ и имѣла весьма курьезное содержаніе, такъ какъ это былъ написанный Листомъ отчетъ о дуэли, состоявшейся весной 1834 г. между извѣстнымъ музыкальнымъ издателемъ и редакторомъ «Gazette musicale de Paris», Морицомъ Шлезингеромъ и какимъ-то меломаномъ, изъ-за неодобрительнаго отзыва Шлезингера о фортепіанныхъ произведеніяхъ Герца. Листъ былъ секундантомъ Шлезингера и написалъ свою статейку съ такою талантливостью и оригинальностью, что Шлезингеръ настойчиво совѣтовалъ ему не скрывать своего литературнаго таланта. Слѣдуя этому совѣту, Листъ написалъ для «Gazette musicale» двѣ небольшія статьи о церковной музыкѣ и о дешевомъ изданіи выдающихся музыкальныхъ произведеній.

Въ Женевѣ въ 1835 г. онъ написалъ для той-же музыкальной газеты рядъ статей подъ заглавіемъ «De la situation des artistes», въ которыхъ критически разбиралъ современное положеніе консерваторій, преподаванія музыки, оперныхъ театровъ, концертовъ, музыкальной критики и проч., и вслѣдъ затѣмъ предложилъ проектъ необходимыхъ реформъ для дальнѣйшаго развитія искусства. Между прочимъ, онъ указывалъ на необходимость преподаванія музыки въ народныхъ школахъ, улучшенія церковнаго пѣнія въ церквахъ, усовершенствованія оперныхъ театровъ, поднятія уровня музыкальнаго преподаванія въ консерваторіяхъ, учредивъ въ этихъ заведеніяхъ каѳедры исторіи музыки и философіи. Затѣмъ онъ предлагалъ планъ организаціи концертовъ и періодическихъ общихъ собраній филармоническихъ обществъ для образцоваго исполненія лучшихъ музыкальныхъ произведеній. Такимъ образомъ почти 50 лѣтъ тому назадъ проповѣдывалъ Листъ о необходимости тѣхъ реформъ, которыя въ настоящее время частію уже осуществились, частію еще стремятся къ осуществленію. Такъ, напримѣръ, основанное въ 1859 г. какъ-бы по иниціативѣ Л. Кёллера «Allgemeine deutsche Musikverein» имѣетъ тѣ самыя задачи, о которыхъ писалъ въ 1835 г. нынѣшній почетный президентъ этого общества, Францъ Листъ, тогда еще юный начинающій писатель, но уже стоявшій далеко впереди своихъ современниковъ. Вскорѣ за этой работой Листъ написалъ еще двѣ журнальныя статьи: о «Гугенотахъ» Мейербера и о фортепіан-

ныхъ произведеніяхъ Шумана. Въ то же время въ Gazette mus. Paris начали появляться путевыя письма Листа, подъ заглавіе «Lettres d'un Bachelier ès musique». Эти письма, числомъ д надцать, адресованныя Ж. Сандъ, Гейне, Берліозу, д' Орт и др., въ безпритязательной формѣ обыкновенныхъ путевыхъ ковъ, были отраженіемъ разнообразныхъ впечатлѣній, пере мыхъ Листомъ во время странствованія по Швейцаріи и Ит въ періодъ времени 1835—1849 г. Въ общемъ изящныя по ложенію, хотя и не безъ нѣкоторой доли фразы, всегда кія и мѣткія въ описаніяхъ, часто очень удачныя по иде письма эти обнаруживаютъ литературную способность ихъ ав и прекрасно характеризуютъ натуру Листа, полную поэтичес стремленій, идеальныхъ грёзъ, чуткую, отзывчивую ко всему красному, какъ въ искусствѣ, такъ и въ жизни.

Кромѣ литературныхъ работъ Листъ занимался въ Же также и преподаваніемъ музыки, какъ въ частныхъ домахъ, и въ основанной тамъ въ началѣ 1836 г. консерваторіи, чемъ, чтобы поддержать это новое учрежденіе, онъ отказался гонорара за свои консерваторскіе уроки. Какъ виртуозъ, он ступалъ въ Женевѣ только въ особенныхъ исключительныхъ чаяхъ, какъ напримѣръ, въ концертѣ 3 октября 1835 г. пользу итальянскихъ эмигрантовъ. Въ то-же время его ком торская дѣятельность была очень богатая. Въ первый годъ жизни въ Швейцаріи, Листъ написалъ серію изъ 18 небол фортепіанныхъ піесъ, изданныхъ въ 1842 г. въ трехъ тетра подъ общимъ заглавіемъ «Album d'un Voyageur» [1], четыре б шія фантазіи на тэмы изъ оперъ «Niobé» (Пачини), Пур Жидовка, Лючія, сдѣлалъ фортепіанныя переложенія пасто ной симфоніи Бетховена и проч.

Въ то время какъ Листъ проживалъ въ Швейцаріи, въ варѣ 1836 г. пріѣхалъ въ Парижъ вѣнскій піанистъ Сигизм Тальбергъ и своей блестящей игрой и своими произведе привелъ парижанъ въ сильнѣйшій энтузіазмъ. Газеты прово сили Тальберга первымъ піанистомъ въ свѣтѣ; его назвали ніемъ, составившимъ эпоху въ развитіи фортепіанной муз Листъ, горячо интересуясь этими новостями и не желая у пать безъ борьбы свое первенство Тальбергу, поспѣшилъ въ рижъ, однако уже не засталъ тамъ своего соперника. Устр

---

[1]) Впослѣдствіи Листъ подвергнулъ этотъ альбомъ значительной передѣлк кращенію, такъ что во второе изданіе этого произведенія (1853) подъ загл „Années de Pélérinage.—Suisse", вышло только 9 піесъ.

ные Листомъ въ Парижѣ два музыкальныхъ вечера произвели сенсацію неменьшую, чѣмъ концерты Тальберга [1]).

Въ декабрѣ 1836 г. Листъ опять пріѣхалъ изъ Швейцаріи и оставался въ Парижѣ до весны. Въ продолженіе всей зимы онъ очень часто игралъ въ концертахъ и, между прочимъ, устроилъ четыре вечера камерной музыки, съ спеціальною цѣлью знакомить съ произведеніями Бетховена. Въ тоже время, Листъ помѣстилъ въ Gaz. musicale критическій разборъ трехъ фортепіанныхъ произведеній Тальберга [2]); статья эта произвела цѣлую бурю среди поклонниковъ вѣнскаго піаниста, и изъ этого лагеря на Листа посыпались упреки въ артистической зависти и скрытомъ страхѣ передъ Тальбергомъ. Началась ожесточенная журнальная борьба, которая, по пріѣздѣ Тальберга въ февралѣ 1837 г. въ Парижъ, перешла со страницъ періодическихъ изданій въ концертныя залы. Тальбергъ далъ свой концертъ въ небольшой залѣ консерваторіи, Листъ—въ театрѣ «Grand Opéra». Оба соперника имѣли одинаково блестящій успѣхъ; первый въ сравнительно небольшомъ кружкѣ слушателей, второй въ толпѣ самой разнообразной публики, наполняющей громадный театръ. Вскорѣ за тѣмъ оба піаниста играли въ одномъ и томъ-же концертѣ, устроенномъ княгинею Бельджойозо въ пользу итальянскихъ эмигрантовъ; оба были одинаково привѣтствуемы, опять оба имѣли одинаковый успѣхъ. Тогда-же Листъ написалъ по просьбѣ княгини Бельджойзо вступленіе, варіацію и финалъ для произведенія, извѣстнаго подъ заглавіемъ «Hexameron», по числу принимавшихъ въ немъ участіе шести піанистовъ-композиторовъ: Листа, Тальберга, Пиксиса, Герца, Черни и Шопена, изъ которыхъ каждый написалъ по одной варіаціи на тэму изъ беллиніевской оперы «Пуритане» [3]). Въ апрѣлѣ Тальбергъ уѣхалъ въ Англію и многіе

---

[1]) „Листъ прошлаго года, котораго мы всѣ знали,—писалъ по поводу этихъ концертовъ Берліозъ въ Gaz. musicale,—не смотря на все его тогдашнее превосходство, далеко остался за Листомъ настоящаго времени, когда онъ съ необычайною быстротою поднялся на такую высоту, что тѣмъ, которые не слышали его теперь, смѣло можно сказать: „вы не знаете Листа!“ Говоря объ исполненныхъ тогда Листомъ въ первый разъ новыхъ произведеніяхъ, по поводу фантазіи на тэмы изъ оперы „Жидовка“, Берліозъ сдѣлалъ такой знаменательный отзывъ: „Это новая высшая школа фортепіанной игры! Теперь мы имѣемъ право всего ожидать отъ Листа, какъ композитора! И едва-ли можно сказать, гдѣ онъ остановится какъ піанистъ; потому что указанное выше быстрое и совершенное превращеніе показываетъ натуру, находящуюся еще въ развитіи и обладающую мощнымъ внутреннимъ стремленіемъ, полетъ котораго неизмѣримъ!“.

[2]) Gr. Fantaisie op. 22 и Caprices op. 15 и 19.

[3]) Эти варіаціи „Hexameron“ были изданы въ Парижѣ въ 1837 г. и Листъ

нѣмецкіе журналы сообщили, что Листъ послѣдовалъ за свои соперникомъ; но это было невѣрно: Листъ оставался въ Пари до мая 1837 г., участвовалъ во многихъ концертахъ, далъ с собственный и уѣхалъ въ Ноганъ, имѣніе Ж. Сандъ, гдѣ въ время гостила графиня д'Агу.

Въ Ноганѣ Листъ провелъ три мѣсяца, «полные, — по выраженію, — внутренней жизни, воспоминаніе о которой с набожно сохранялъ въ своемъ сердцѣ». «Въ Ноганѣ, — писа Листъ [1]), — мы не нуждались ни въ королевскихъ охотахъ звѣрей, ни въ спектакляхъ любителей, ни въ такъ-называем загородныхъ пикникахъ, на которые весь свѣтъ привозитъ собою собственную свою скуку. Наши занятія и наслажд заключались въ чтеніи натур-философовъ и великихъ поэт Монтэнь или Дантъ, Гофманъ или Шекспиръ; въ прогул по красивымъ берегамъ рѣки въ веселомъ обществѣ дѣтей, полученіи писемъ отъ друзей». Къ вечеру все общество соб лось на садовой террасѣ и наслаждалось природой. Но нер и вся ночь проходила въ занятіяхъ; Ж. Сандъ любила рабо когда въ домѣ все затихаетъ, и часто просиживала за пись нымъ столомъ до разсвѣта и въ такихъ случаяхъ Листъ со лялъ ей компанію. Она писала въ то время романъ «Мапр а Листъ дѣлалъ фортепіанныя переложенія бетховеновкихъ фоній, начатыя имъ еще въ Женевѣ. Переложеніе симф первой, второй и пятой, было результатомъ такихъ ноч работъ въ Ноганѣ. Однако спокойная жизнь въ Ноганѣ б нарушена ссорой графини д'Агу съ Жоржъ-Сандъ, что отр лось и на дружескихъ отношеніяхъ этой послѣдней къ Л въ концѣ іюля они разстались и съ того времени Листъ возвращался болѣе въ Ноганъ. Остатокъ лѣта Листъ и граф д'Агу провели въ южной Франціи, въ Женевѣ, въ Милан наконецъ поселились въ Белладжіо на Комскомъ озерѣ, прожили до марта 1832 г. и гдѣ родилась дочь Листа—Коз

Живя на озерѣ Комо, Листъ часто бывалъ въ Милан нѣсколько разъ игралъ въ публичныхъ концертахъ. Ни од піанистъ не имѣлъ еще здѣсь такого большого успѣха какъ о такъ что, уѣзжая въ половинѣ марта въ Венецію, Листъ о щалъ вернуться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но вскорѣ по его отъѣзда дружеское отношеніе къ нему миланцевъ сразу

часто игралъ ихъ въ концертахъ; впослѣдствіи онъ переложилъ „Hexameron" 2-хъ фортеп. (изд. 1870 г.), а также передѣлалъ съ сопровожденіемъ оркестра, титура котораго однако не напечатана.

[1]) Lettres d'un Bachelier ès musique, № 4.

вратилось въ ожесточенную вражду, что произошло послѣ того, какъ въ Парижѣ была напечатана корреспонденція Листа изъ Милана [1]), въ которой онъ описывалъ миланскій театръ, его пѣвцовъ, общественную жизнь въ театральныхъ ложахъ, вкусы публики и т. п. Миланцы сочли себя обиженными и провозгласили войну Листу: на него посыпались упреки за неблагодарность къ городу, принимавшему его съ одушевленіемъ, за посрамленіе всей итальянской націи и т. п. преступленія; кромѣ газетныхъ статей къ Листу полетѣли оскорбительныя и угрожающія письма. Не помогло и оправданіе Листа, напечатанное имъ въ одной изъ мѣстныхъ газетъ. Тогда Листъ самъ пріѣхалъ въ Миланъ и послалъ редактору одной изъ мѣстныхъ газетъ для опубликованія слѣдующее открытое письмо: «Брань и оскорбленія журналовъ продолжаются. Какъ я уже сказалъ, я не вступаю въ чернильную войну. Продолжать въ тонѣ, въ которомъ начали «Пиратъ» и «Театральный Вѣстникъ», было бы только обмѣномъ грубостей. Еще того менѣе могу я отвѣчать на оскорбленія анонимныя. Поэтому я объявляю въ сотый и въ послѣдній разъ, что у меня никогда не было, никогда не могло быть намѣренія оскорбить миланское общество. Я объявляю также, что готовъ дать каждому, кто пожелаетъ, всѣ необходимыя объясненія». Но напрасно ожидалъ Листъ въ отелѣ, адресъ котораго онъ напечаталъ въ концѣ своего письма; никто не пришелъ за разъясненіями. Онъ уѣхалъ обратно въ Лугано и все успокоилось. Однако, когда Листъ, согласно обѣщанію, пріѣхалъ въ Миланъ въ сентябрѣ, то уже не нашелъ въ публикѣ прежняго къ себѣ энтузіазма и его концерты не имѣли никакого успѣха. Однако и въ этотъ разъ, уѣзжая изъ Милана, Листъ произвелъ сенсацію въ другомъ родѣ, именно роскошнымъ прощальнымъ обѣдомъ, устроеннымъ имъ для своихъ друзей. Сенсація эта была такова, что миланскій корреспондентъ лейпцигской «Всеобщей музыкальной газеты» считалъ долгомъ упомянуть о листовскомъ обѣдѣ, какъ о достойной вниманія новости.

Между началомъ и концомъ этого миланскаго эпизода, Листъ совершенно неожиданно очутился въ Вѣнѣ и именно по слѣдующему поводу. Весной 1838 г. разлитіе Дуная произвело сильное наводненіе въ Австріи и Венгріи; бѣдственное положеніе массы жителей затопленныхъ мѣстечекъ и деревень требовало немедленной помощи, о которой вся европейская печать взывала къ общественной благотворительности. Листъ откликнулся на это

[1]) Lettres d'un Bachelier ès-musique, № 7.

воззваніе съ энтузіазмомъ и рѣшился немедленно ѣхать въ В чтобы дать тамъ концертъ въ пользу своихъ соотечественни пострадавшихъ отъ наводненія. 1 апрѣля онъ давалъ свой к цертъ въ Венеціи, а 7 апрѣля находился уже въ Вѣнѣ, и вм предположенныхъ одного или двухъ концертовъ, далъ тамъ лыхъ десять и всѣ въ теченіе одного мѣсяца. «Этого б вполнѣ достаточно,—писалъ Листъ въ Парижъ,—чтобы исто подорвать и болѣе крѣпкія силы, чѣмъ мои; но симпатія блики поддерживала меня такъ сильно и продолжительно, ч не чувствовалъ никакого утомленія. Передъ такими добры интеллигентными слушателями никогда не является опас остаться непонятымъ».

Листъ имѣлъ въ Вѣнѣ громадный, необычайный успѣх безусловно затмилъ незадолго до него концертировавшихъ з Тальберга, Клару Викъ (впослѣдствіи Шуманъ) и Гензельта и не мудрено: уже самый репертуаръ произведеній, испол ныхъ имъ въ Вѣнѣ, былъ изумительный по своему разнообр и новизнѣ; программы его концертовъ включали произвед Вебера, Бетховена, Гуммеля, Мошелеса, Келлера, Генделя, С лати, Шопена, Черни, собственныя произведенія Листа и транскрипціи: увертюры «Вильгельмъ Тель», «Фантастич симфоніи» Берліоза, романсовъ Шуберта и т. п. Листъ испол это въ публичныхъ концертахъ; въ частныхъ же домахъ, кружкахъ артистовъ, гдѣ онъ проводилъ цѣлые дни, онъ игр все, что бы его ни попросили, все, что попадалось на глаз разбирая, было ли это ему знакомое или вовсе неизвѣстно приходилось читать prima vista, часто по рукописямъ вѣнс и другихъ композиторовъ [1]).

Въ концертныхъ залахъ Листъ воодушевлялъ, электриз публику своею геніальною виртуозностью, въ частныхъ к кахъ очаровывалъ своими качествами свѣтскаго человѣка, об зованнаго, чрезвычайно остроумнаго. Не мало удивляла его широкая щедрость: весь сборъ со своихъ десяти концерт (приносившихъ каждый 1,600—1,800 гульденовъ), все до пос ней копѣйки, онъ пожертвовалъ въ пользу пострадавшихъ наводненія въ Венгріи и въ пользу благотворительныхъ уч

---

[1]) Корреспондентъ лейпцигскаго муз. журнала „Neue Zeitschrift für M сообщая о пребываніи Листа въ Вѣнѣ, писалъ между прочимъ, что въ одномъ номъ домѣ Листъ игралъ prima vista совершенно ему неизвѣстные: „Phantasien Шумана, этюды Шопена, прелюдіи и фуги для органа Мендельсона и другія пр веденія и при всемъ томъ игралъ „превосходнѣйшимъ образомъ“, „изумител потрясая слушателей до глубины души.

деній. Все это возбуждало особенныя симпатіи къ Листу и дѣлало его въ Вѣнѣ положительно героемъ дня, въ лучшемъ значеніи этого слова. Различныя общества благотворительныя и художественныя выбрали его въ свои почетные члены, въ честь его устраивались праздники.

Послѣ вѣнскихъ концертовъ Листъ имѣлъ намѣреніе постранствовать «съ чемоданчикомъ за плечами» по Венгріи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ провелъ свое дѣтство; но извѣстіе о болѣзни графини д'Агу заставило его немедленно же возвратиться въ Италію. Проживъ лѣто въ Лугано, Листъ продолжалъ свое путешествіе по апеннинскому полуострову; «чтобы не разучиться своему ремеслу»—какъ писалъ онъ Берліозу, онъ давалъ концерты во Флоренціи, въ Болоньѣ и, наконецъ, въ январѣ 1839 г. въ Римѣ. Здѣсь онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ, посвящая свое время изученію художественныхъ сокровищъ, въ чемъ нашелъ себѣ прекраснаго руководителя въ лицѣ живописца Энгра (Ingres), бывшаго въ то время директоромъ французской академіи въ Римѣ. Энгръ къ тому же былъ талантливый музыкантъ-любитель и потому очень близко сошелся съ Листомъ. Благодаря его содѣйствію, Листъ хорошо ознакомился со всѣми римскими достопримѣчательностями по живописи, скульптурѣ и архитектурѣ, и это знакомство съ безсмертными художественными произведеніями, конечно, составляло одно изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній въ его умственномъ развитіи. Тамъ же въ Римѣ нашелъ Листъ богатое удовлетвореніе своей музыкальной любознательности въ многочисленныхъ партитурахъ старой итальянской церковной музыки, изучая ихъ по рукописямъ и слушая ихъ въ исполненіи папской капеллы. Особенное впечатлѣніе производили на него произведенія Палестрины, строгія гармоніи которыхъ были для него новымъ музыкальнымъ откровеніемъ, отразившимся впослѣдствіи въ его собственныхъ произведеніяхъ церковной музыки.

Въ общемъ четырехъ-лѣтнее пребываніе въ Италіи имѣло для Листа существенное значеніе, оказавъ громадное вліяніе на развитіе и расширеніе его взглядовъ на искусство. Вынесенныя имъ впечатлѣнія изъ путешествій онъ описывалъ въ письмахъ къ Берліозу въ слѣдующихъ выраженіяхъ [1]: «Красота этой благодатной полосы земли обнаружилась для меня въ своихъ чистѣйшихъ, въ своихъ возвышеннѣйшихъ формахъ. Моему удивленному взгляду искусство предстало во всемъ своемъ великолѣпіи и открылось ему во всей своей универсальности, во всемъ

[1]) Lettres d'un Bachelier ès-musique, № 12.

своемъ единствѣ. Все то, что я перечувствовалъ и передумыва здѣсь ежедневно, укрѣпляло во мнѣ сознаніе скрытаго родс между всѣми произведеніями творческаго духа. Рафаэль и Анджело содѣйствовали мнѣ къ пониманію Моцарта и Бетхове въ Jean de Pisa, Fra Beato Francia, я находилъ объясне Аллегри, Марчелло, Палестрины; Тиціанъ и Россини предст ляются мнѣ созвѣздіями одинаковаго лучепреломленія. Коли и Campo Santo я нахожу не столь далекими отъ героиче симфоніи и реквіема, какъ полагаютъ. Дантъ нашелъ свое ху жественное выраженіе въ Органья и М. Анджело; быть може когда-нибудь онъ найдетъ также свое музыкальное выраже въ произведеніяхъ какого-нибудь Бетховена будущихъ в менъ». Приведенныя строки отнюдь не были краснымъ словцо напротивъ онѣ служили выраженіемъ настолько опредѣленн идей и взглядовъ Листа на искусство, что вскорѣ послѣ т онъ уже задумывалъ осуществить ихъ въ большой симфо «Divina Comedia» по Данту [1]). Но еще и ранѣе (1837 г.) него была написана для фортепіано «Fantaisie quasi Son d'après une lecture de Dante»; кромѣ того въ Римѣ въ 183 онъ написалъ двѣ небольшія фортепіанныя піесы, въ котор вышеприведенные взгляды на сродство различныхъ родовъ ис ства выступаютъ еще рельефнѣе. Одна изъ нихъ носитъ на ніе «Sposalizio» — одинаковое съ названіемъ извѣстной к тины Рафаэля, награвированной также и на заглавномъ ли листовской пьесы; другая — «Il Penseroso» съ изображені на обложкѣ скульптурнаго произведенія того же названія р боты М. Анджело [2]). Въ этихъ пьесахъ не только заглав листы, но и самое ихъ содержаніе не оставляютъ никакого с мнѣнія, что онѣ служатъ музыкальнымъ выраженіемъ тѣхъ ощ щеній композитора, которыя были въ немъ вызваны созер ніемъ картины Рафаэля и статуи М. Анджело [3]).

За послѣдній годъ своего пребыванія въ Италіи, Листъ н писалъ, кромѣ только-что упомянутыхъ пьесъ, значительное чис

---

[1]) Симфонія эта была задумана Листомъ въ 1840 или 1841 г., написана только въ 1856 г.

[2]) Статуя, находящаяся во Флоренціи въ церкви С. Лоренцо.

[3]) Вообще Листъ не однажды находилъ въ живописи источникъ для св музыкальнаго творчества; нерѣдко картины служатъ „программой безъ слов" его произведеній. Такъ его симфоническая поэма „Битва Гунновъ" написана картину Каульбаха; „Marsch der heiligen drei Könige" въ ораторіи „Христо вызванъ соотвѣтствующей картиной, находящейся въ кёльнскомъ соборѣ; наконе послѣдняя изъ его симфоническихъ поэмъ „Отъ колыбели до могилы" написана п впечатлѣніемъ картины Зичи.

фортепіанныхъ произведеній, изданныхъ впослѣдствіи въ видѣ сборниковъ по нѣскольку пьесъ, какъ напримѣръ: «Soirées Italiennes», «Nuits d'été à Pausilippe», «Venczia e Napoli». Къ этому же времени кромѣ транскрипцій многихъ романсовъ и маршей Шуберта, относятся первые опыты Листа въ вокальной музыкѣ; лѣтомъ 1839 г. онъ написалъ романсъ для тенора «Angiolin dal biondo crin» и тогда же у него были сдѣланы наброски музыки съ текстомъ трехъ сонетовъ Петрарки (№ 47, 104, и 123), впослѣдствіи передѣланные въ фортепіанныя пьесы, извѣстныя подъ заглавіемъ «Tre Sonetti di Petrarca». Упомянемъ еще, что въ томъ же 1839 г. Листъ кончилъ свой большой прекрасный трудъ переложенія для фортепіано партитуръ всѣхъ девяти симфоній Бетховена. Вообще Листъ много работалъ за послѣднее время и былъ вполнѣ правъ, когда, уѣзжая изъ Италіи въ ноябрѣ 1839 г., писалъ въ Пештъ графу Фестетичу «Je vous arriverai un peu plus vieilli, plus muri et permettez moi de le dire, plus ausgearbeitet als Künstler, que vous ne m'avez connu l'année dernière, car j'ai énormement travaillé depuis ce temps en Italie».

На всѣ свои труды того времени Листъ смотрѣлъ только, какъ на подготовительныя работы, цѣлью которыхъ было саморазвитіе и усовершенствованіе въ себѣ тѣхъ данныхъ, которыми могла бы быть обусловлена наиболѣе широкая дѣятельность въ избранной имъ спеціальности. Цѣль была достигнута и теперь настало время рѣшить, какое именно избрать направленіе въ дальнѣйшемъ. Листъ колебался выборомъ между двумя возможными путями въ сферѣ своей спеціальности. Путь піаниста-виртуоза, на которомъ онъ уже пріобрѣлъ выдающуюся извѣстность и который обезпечивалъ и въ будущемъ постоянный успѣхъ,— далеко не былъ ему вполнѣ по сердцу и не могъ удовлетворить всѣхъ его художественныхъ стремленій. Несравненно болѣе привлекательною представлялась ему дѣятельность капельмейстера, посредствомъ которой, по его мнѣнію, можно было лучше и плодотворнѣе служить истиннымъ задачамъ искусства. Воспоминаніе о капеллѣ князя Эстергази въ Эйзенштадтѣ, съ ея знаменитымъ капельмейстеромъ Іосифомъ Гайдномъ, служило прекраснымъ примѣромъ, и Листъ охотно принялъ бы подобную должность при дворѣ какого-нибудь германскаго герцога. Веймаръ, гдѣ, послѣ смерти Гуммеля въ 1837 г., мѣсто придворнаго капельмейстера оставалось вакантнымъ, сильно привлекалъ мысли Листа; но другія соображенія заставили его избрать, если не

на всегда, то, по крайней мѣрѣ, на продолжительное время другой путь и посвятить себя исключительно дѣятельности виртуоза.

Соображенія эти заключались въ томъ, что Листъ не считалъ себя въ правѣ руководствоваться только личными желаніями, такъ какъ семейныя отношенія налагали на него извѣстныя обязанности. Во-первыхъ, у него была еще жива мать, нуждавшаяся въ его попеченіяхъ, во-вторыхъ, у него было трое дѣтей,—двѣ дѣвочки и родившійся въ Римѣ мальчикъ, Даніэль,—которые всѣ носили его имя и были имъ узаконены тотчасъ послѣ их рожденія и которыя требовали серьезнѣйшихъ о нихъ забо[...]; наконецъ, онъ долженъ былъ подумать и о матери своихъ дѣтей графинѣ д'Агў. Листъ хорошо понималъ, что мѣсто придворнаго капельмейстера, съ весьма ограниченнымъ содержаніемъ, далеко не можетъ доставить ему необходимыхъ денежныхъ средствъ. По этому, чтобы вполнѣ обезпечить свое семейство, онъ рѣшилъ отказаться отъ идеи о капельмейстерствѣ и выступить на са[...] широкое виртуозное поприще, задумавъ съ этою цѣлью объѣхать всю Европу. Избравъ Вѣну для начала своихъ концертовъ, Листъ поѣхалъ туда въ ноябрѣ 1839 года, отправивъ дѣ[...] съ графиней д'Агў къ своей матери въ Парижъ.

Послѣднее время пребыванія Листа въ Италіи ознаменова[...] однимъ замѣчательнымъ фактомъ, прекрасно характеризующ[...] этого удивительнаго человѣка. Давно уже предположено б[...] поставить памятникъ Бетховену въ Боннѣ, гдѣ онъ роди[...] но сборы и пожертвованія въ фондъ на сооруженіе монуме[...] были до того скудны, поступали такъ медленно, что комит[...] завѣдывавшій этимъ фондомъ, нашелъ необходимымъ заяв[...] въ газетахъ, что, при такомъ положеніи дѣлъ, едва-ли мож[...] надѣяться на осуществленіе идеи о памятникѣ великому ком[...] зитору. Прочитавъ это заявленіе, Листъ, немедля, предлож[...] членамъ названнаго комитета сумму, недостающую на соору[...] ніе памятника, не требуя при этомъ никакихъ особыхъ п[...] имуществъ, какъ только право указать художника для выпол[...] нія этой работы. Этотъ художникъ былъ Бартолини во Флоре[...] ціи, признаваемый тогда первымъ скульпторомъ въ Италіи.

Конечно, подобное предложеніе было принято и, благода[...] щедрому пожертвованію Листа, идея о памятникѣ геніально[...] композитору могла быть приведена въ исполненіе [1]).

---

[1]) Открытіе памятника Бетховену въ Боннѣ состоялось въ августѣ 1845 [...] По этому случаю въ Боннѣ было большое трехдневное музыкальное праздн[...] устроенное также по иниціативѣ Листа, изъявившаго готовность покрыть вс[...] ходы по устройству колоссальныхъ концертовъ, на которыхъ, кромѣ лучшихъ [...]

Почти цѣлыхъ десять лѣтъ, съ 1839 по 1848 годъ, Листъ странствовалъ по Европѣ, давая концерты, и объѣздилъ всю Германію, Францію, два раза былъ въ Россіи (въ 1842 и въ 1848 г.), побывалъ въ Испаніи и Португаліи, на Скандинавскомъ полуостровѣ и, наконецъ, даже въ Турціи. Свои концерты Листъ давалъ преимущественно одинъ; онъ былъ первый изъ піанистовъ, выступившихъ въ большихъ публичныхъ концертахъ безъ участія другихъ исполнителей. Вездѣ громадный успѣхъ сопровождалъ Листа; всюду, гдѣ онъ ни появлялся, его необычайная виртуозность вызывала энтузіазмъ и его личныя качества, прекрасный характеръ, завоевывали ему симпатіи всѣхъ, съ кѣмъ онъ знакомился и сходился; вездѣ онъ находилъ себѣ горячихъ поклонниковъ и преданныхъ друзей.

Это многолѣтнее путешествіе по Европѣ въ матеріальномъ отношеніи дало блестящій результатъ. Сборами съ концертовъ Листъ, во-первыхъ, обезпечилъ свою мать капиталомъ въ 100,000 франковъ; во-вторыхъ, на каждаго изъ своихъ троихъ дѣтей положилъ въ банкъ по такой же суммѣ; въ третьихъ, внесъ 18,000 талеровъ въ фондъ на монументъ Бетховена [1]), поставленный въ Боннѣ только благодаря такому щедрому пожертвованію и, наконецъ, обезпечилъ самого себя настолько, что впредь могъ пользоваться полнѣйшею независимостью. Концертныя путешествія Листа представляютъ рядъ тріумфовъ, составившихъ ему такую славу, какою не пользовался еще ни одинъ піанистъ, и такое имя, которое на долгое время осталось памятнымъ, почти легендарнымъ, какъ имя Паганини. Съ того времени прошло сорокъ лѣтъ; Листъ давно уже оставилъ свою виртуозную дѣятельность и уже не много осталось тѣхъ, которые слышали его исполненіе въ публичныхъ концертахъ, а между тѣмъ имя Листа до сихъ поръ окружено ореоломъ славы, какъ геніальнѣйшаго виртуоза; съ его именемъ связано понятіе о чемъ-то небываломъ, колоссальномъ, фантастическомъ. Судить о геніальности его исполненія можно только по воспоминаніямъ и отзывамъ непосредственныхъ свидѣтелей его концертовъ, въ лучшую пору его виртуозной дѣятельности въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ [2]).

———

...веденій Бетховена (месса D-dur, 5-я и 9-я симфоніи, фортепіанный концертъ Es-dur, сыгранный Листомъ), была также исполнена торжественная кантата для хора и оркестра, написанная Листомъ спеціально для этого празднества.

[1]) См. Musik. Convers. Lexikon, von H. Mendel.

[2]) Робертъ Шуманъ, описывая въ 1840 году концерты Листа въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ, указываетъ на ту необычайную власть Листа надъ аудиторіей, на ту силу,

Біографъ Листа, Раманнъ, въ XII главѣ своей книги пытается дать болѣе или менѣе обстоятельный разборъ виртуозности Листа, и указываетъ, что Листъ обладалъ колоссальной техникой во всѣхъ ея деталяхъ и вмѣстѣ съ тончайшей нюансировкой, со всѣмъ блескомъ полнаго большого тона, проявлялъ титаническую силу и изумительную быстроту. Онъ пріобрѣлъ такую независимость каждаго отдѣльнаго пальца и такую въ нихъ силу, какихъ до него не имѣлъ ни одинъ піанистъ; и потому онъ достигалъ на фортепіано эффектовъ, казавшихся просто недостижимыми для двухъ человѣческихъ рукъ. Напримѣръ, онъ изумлялъ необыкновенною отчетливостью исполненія фугъ и вообще всякой полифонической музыки; при громадной независимости пальцевъ, посредствомъ разнообразія аншлага и нюансировки, онъ придавалъ такую ясную отчетливость и самостоятельность каждому отдѣльному голосу, какихъ, казалось, можно достигнуть только въ исполненіи струннаго квартета съ его разнообразіемъ въ тэмбрѣ инструментовъ. Но феноменальная техника Листа не была искусствомъ, стоящимъ на первомъ планѣ и за которымъ, какъ къ сожалѣнію у многихъ и очень многихъ виртуозовъ, ничего нѣтъ. Техника его, несмотря на все ея изумительное совершенство, казалось, была для него чѣмъ-то второстепеннымъ, побочнымъ, что было только ему необходимо какъ рояль, безъ котораго онъ не могъ играть, какъ бумага и перо поэту, какъ кисть или рѣзецъ

съ которой онъ вполнѣ подчиняетъ себѣ публику. „Проявленіе подобной силы въ такой высокой степени, — говоритъ онъ, — нельзя подмѣтить ни въ одномъ артистѣ, исключая Паганини. При игрѣ Листа, въ секундный срокъ смѣняется цѣлый рядъ разнообразнѣйшихъ впечатлѣній; подъ его пальцами инструментъ раскаляется и блещетъ искрами (glüht und sprüht). Объ этомъ говорили уже сотни разъ; но надо слышать, а также видѣть Листа,—если его не видѣть, то бóльшая часть поэзіи пропадаетъ. Это уже болѣе не фортепіанная игра того или другого рода, но выраженіе въ общей совокупности смѣлаго характера, которому судьба для властвованія и побѣдъ предоставила, вмѣсто опаснаго оружія, мирный инструментъ искусства. Какъ много прошло мимо насъ въ послѣднее время значительныхъ артистовъ, которыхъ можно отчасти сравнивать съ Листомъ,—продолжаетъ Шуманъ, — но они всѣ вмѣстѣ должны уступить ему въ энергіи и смѣлости. Охотнѣе всего сравниваютъ Листа съ Тальбергомъ; но стоитъ только разсмотрѣть головы ихъ обоихъ, чтобы вывести заключеніе. Я вспоминаю выраженіе одного извѣстнаго вѣнскаго живописца, называвшаго голову своего земляка (Тальберга) „прекрасной графиней съ мужскимъ носомъ“, тогда какъ про голову Листа онъ отзывался, что каждый живописецъ охотно взялъ бы ее образцомъ головы какого-нибудь греческаго бога. Подобное же различіе заключается и въ ихъ искусствѣ. Ближе къ Листу стоитъ уже Шопенъ, какъ піанистъ, который, по крайней мѣрѣ, не уступаетъ ему въ волшебной нѣжности и граціи, ближе же всѣхъ Паганини, а изъ женщинъ — Малибранъ; Листъ признаетъ, что больше всего заимствовалъ у этихъ двухъ послѣднихъ“.

живописцу и скульптору. Когда онъ сидѣлъ за роялемъ, то заставлялъ забывать и свою технику, и свой инструментъ; мощь его исполненія охватывала, очаровывала до такой степени, что исключала все постороннее и сосредоточивала вниманіе слушателя на звукахъ, выливавшихся, казалось, непосредственно изъ души геніальнаго исполнителя, безъ какого-либо передаточнаго механизма, какъ страстное слово оратора, увлекающаго своимъ краснорѣчіемъ.

Какъ на одну изъ существеннѣйшихъ заслугъ указываетъ Раманнъ на исполненіе Листомъ фортепіанныхъ произведеній Бетховена, которыя долгое время оставались непонятными и потому ихъ интерпретація далеко не соотвѣтствовала ихъ духу и характеру. Сонаты и другія фортепіанныя произведенія Бетховена,—говоритъ Раманнъ,—играли «классически» т.-е. строго въ темпѣ, плавно, гладко, съ холодными безстрастными акцентами и съ пріятнымъ (liebenswürdigem) выраженіемъ чувства; тогда какъ, судя по описаніямъ современниковъ, самъ Бетховенъ игралъ ихъ не классически, но «классически - романтично». Но мощь, страстность и этическое величіе бетховеновской музыки долго оставались незамѣченными большинствомъ піанистовъ до тѣхъ поръ, пока произведенія этого музыкальнаго титана не получили самаго обширнаго распространенія. Большую въ этомъ случаѣ заслугу оказалъ Бернгардъ Марксъ своими сочиненіями о Бетховенѣ («Beethoven's Leben und Schaffen» и «Anleitung zum Vortrag Beetchoven'scher Klavierwerke»). Именно во второмъ изъ названныхъ сочиненій Марксъ стремится изложить, объяснить исполненіе бетховеновской музыки, ея ритмическіе и риторическіе акценты, ея свободу такта (Taktfreiheit) въ зависимости отъ духа и характера творчества Бетховена; но при этомъ онъ упускаетъ упомянуть, что въ тридцатыхъ годахъ Листъ уже сознавалъ эти тонкости исполненія и былъ тогда главнымъ интерпретаторомъ бетховеновскихъ произведеній. Тѣ вопросы, которые Марксъ въ шестидесятыхъ годахъ разрабатывалъ и доказывалъ въ своихъ сочиненіяхъ, Листъ тридцать лѣтъ ранѣе проводилъ уже въ своихъ концертахъ, встрѣчая съ одной стороны индиферентизмъ публики и съ другой стороны ожесточенные нападки послѣдователей классическаго исполненія.

Чтобы лучше судить о характерѣ исполненія Листомъ бетховенскихъ сонатъ, приводимъ отзывъ Берліоза, музыканта до щепетильности требовательнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда исполнялись произведенія Бетховена или другихъ уважаемыхъ имъ компози-

торовъ. Давая отчетъ [1]) объ одномъ изъ концертовъ Листа въ 1836 г., говоря о его превосходной игрѣ, Берліозъ писалъ: «Въ подтвержденіе моего мнѣнія, ссылаюсь на сужденіе всѣхъ тѣхъ, которые слышали въ исполненіи Листа большую сонату Бетховена B-dur (op. 106),—это возвышенное произведеніе, остающееся почти для всѣхъ піанистовъ загадкой сфинкса [2]). Новый Эдипъ, Листъ, разрѣшилъ ее и разрѣшилъ такъ, что если бы композиторъ могъ услышать ее изъ своей могилы, то содрогнулся бы отъ радости и гордости. Ни одна нота не была пропущена, ни одна не была прибавлена (я слѣдилъ за исполненіемъ съ партитурой въ рукахъ), ни малѣйшаго отступленія, ни одного измѣненія въ тактѣ, которое не было бы указано; ни одна идея не ослаблена, никакого уклоненія отъ истиннаго смысла. Особенно въ Adagio,—гдѣ геній Бетховена, одиноко парящій въ безконечности, пѣлъ для самого себя,—Листъ постоянно стоялъ на одной высотѣ съ идеей автора. Болѣе этого ничего сказать нельзя,—я это хорошо знаю; но сказать слѣдует потому, что это правда. Это идеалъ исполненія произведенія, считаемаго неисполнимымъ. Тотъ фактъ, что непонимаемое съ произведеніе Листъ своимъ исполненіемъ довелъ до понима служитъ вѣрнымъ доказательствомъ, что онъ—піанистъ будущаго» Свидѣтельство Берліоза объ исполненіи Листомъ бетховеновской сонаты «безъ малѣйшаго отступленія» отъ партитуры заслуживаетъ особеннаго вниманія въ виду довольно распространеннаго мнѣнія, что будто-бы Листъ, исполняя чужія произведенія, всегда вводилъ свои собственныя измѣненія. Въ юношескихъ годахъ онъ практиковалъ этотъ пріемъ часто, но впослѣдствіи, насколько извѣстно, не позволялъ себѣ никакихъ отступленій и можно привести не мало указаній музыкальныхъ критиковъ и рецензентовъ о необыкновенно точномъ «рабски-вѣрномъ съ оригиналомъ» исполненіи Листа, особенно произведеній Бетховена и другихъ первоклассныхъ композиторовъ.

Одному изъ учениковъ Листа пришла счастливая идея передать потомству характеръ исполненія Листомъ бетховеновскихъ сонатъ и, какъ результатъ этой идеи, явилось превосходное изданіе сонатъ Бетховена подъ редакціей Ганса фонъ-Бюлова. Изданіе это посвящено имъ Листу «какъ плодъ его препода

---

[1]) См. Gazette musicale de Paris, 1836.

[2]) Эта соната и до сихъ поръ остается загадкой для большинства піанистовъ; ее почти совсѣмъ не играютъ въ концертахъ, не смотря на то, что она не только безусловно лучшая изъ всѣхъ сонатъ Бетховена, но одно изъ глубочайшихъ и геніальныхъ его произведеній.

нія» (als Frucht seiner Lehre). Еще лучшимъ памятникомъ, лучшимъ свидѣтельствомъ изумительной виртуозности Листа служатъ его собственныя произведенія, самая фактура которыхъ уже показываетъ, что они написаны коллоссальнымъ піанистомъ. Громадная масса листовскихъ фортепіанныхъ переложеній своихъ и чужихъ произведеній, всѣ его оригинальныя фортепіанныя пьэсы служатъ лучшимъ мѣриломъ степени его виртуозности. Большая часть его произведеній требуетъ отъ исполнителя совершеннѣйшей техники и многія изъ нихъ по однимъ уже техническимъ трудностямъ доступны лишь для первоклассныхъ піанистовъ, которыхъ можно перечислить по пальцамъ. Но и преодолѣніе техническихъ трудностей далеко не выполняетъ всѣхъ условій для вѣрнаго исполненія листовскихъ произведеній; сколько нужно вкуса для всѣхъ смѣлыхъ фортепіанныхъ эффектовъ, изобрѣтенныхъ Листомъ; сколько граціи и поэтичности для передачи всѣхъ тонкостей мечтательнаго романтизма, которымъ проникнуты его произведенія, сколько энергіи для выраженія его страстности, сколько разносторонней воспріимчивости для воспроизведенія разнообразныхъ впечатлѣній, внесенныхъ имъ въ свои музыкальныя концепціи. Вникая въ характеръ фортепіанныхъ произведеній Листа, приходится изумляться не только необыкновенной разносторонности его творчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ разносторонности его таланта-исполнителя, являющагося какимъ-то всеобъемлющимъ, заключающимъ въ себѣ самые разнородные оттѣнки характера исполненія. Если Листа называютъ геніальнѣйшимъ исполнителемъ чужихъ произведеній, то какимъ-же изумительнымъ исполнителемъ являлся онъ въ своихъ собственныхъ произведеніяхъ, служившихъ выраженіемъ его собственныхъ чувствъ, ощущеній, идей. Понятно, что онъ подчинялъ себѣ слушателей, безгранично властвовалъ надъ своей аудиторіей и безспорно былъ величайшимъ изъ піанистовъ: такъ говорилъ о немъ напр. Таузигъ, [1]) лучшій изъ его учениковъ и справедливо считавшійся первымъ піанистомъ послѣ Листа. Не смотря на совершенство виртуозной техники Таузига, не смотря на его замѣчательную талантливость и музыкальную эрудицію и для этого превосходнаго піаниста преодолѣніе нѣкоторыхъ произведеній Листа представляло большой трудъ. Такъ, напримѣръ, онъ говорилъ по поводу листовской фантазіи на тэмы моцартовскаго «Донъ-Жуана»: «Долго я не могъ преодолѣть эту вещь, пока наконецъ она мнѣ не удалась послѣ новыхъ и новыхъ переучиваній

---

[1]) См. Die grossen Pianoforte-Virtuosen unserer zeit von W. Lenz.

Баха и послѣднихъ сонатъ Бетховена—и все-таки я сознаю, что здѣсь я не сталъ выше трудностей, но остаюсь въ нихъ,—только онъ стоитъ выше ихъ, только онъ! Въ этомъ заключается тайна того впечатлѣнія, которое онъ производитъ. Его называютъ «Паганини фортепіано». Это вѣрно и ему также нравится; но это слишкомъ мало сказано. Листъ по призванію композиторъ, проявляющій свое творчество во всѣхъ формахъ; поэтому въ немъ олицетворяется безусловное господство надъ всею областью музыкальнаго искусства и виртуозъ въ немъ является продуктомъ всей совокупности музыкальнаго знанія и пониманія. Этого не достигалъ никакой Паганини, не идущій далѣе виртуозности».

П. Трифоновъ.

КРИЗИСЪ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

I.

Скоро исполнится столѣтіе со времени торжества во Франціи новыхъ началъ политической жизни. «Великіе принципы» перешли изъ философскихъ трактатовъ на шумную арену исторіи, проникая исподволь въ бытъ европейскихъ народовъ и подвергаясь различнымъ превратностямъ въ рукахъ практическихъ дѣятелей.

Исполнились ли всѣ ожиданія, которыми воодушевлены были лучшіе люди прошлаго вѣка? Оправдалась ли вѣра въ цѣлебную творческую силу новыхъ идей и учрежденій? На эти вопросы все чаще получается отрицательный отвѣтъ съ различныхъ сторонъ. Не только консерваторы отжившей старины, но и передовые прогрессисты, приверженцы рабочаго класса, обнаруживаютъ замѣтную холодность къ политическимъ формамъ, которыхъ столь горячо добивались идеалисты прежняго времени. Упадокъ вѣры въ политическіе идеалы, преобладаніе экономическихъ интересовъ надъ соціальными и нравственными, общее охлажденіе къ великимъ вопросамъ, волновавшимъ умы въ концѣ XVIII столѣтія,—таковы несомнѣнныя черты переживаемой нами эпохи.

Народное самоуправленіе не служитъ уже предметомъ увлеченія и поклоненія; оно вызываетъ критику и разочарованіе. Представительныя собранія, призванныя играть рѣшающую роль въ конституціонныхъ государствахъ, не оказались свободными отъ человѣческихъ слабостей и недостатковъ. Борьба политическихъ партій принимаетъ иногда направленіе нежелательное и невыгодное для общихъ интересовъ страны; соперничество лич-

ныхъ самолюбій и безцѣльныя пререканія въ палатахъ нерѣд
подрываютъ авторитетъ парламентаризма въ глазахъ населені
Низшіе классы не видятъ осязательныхъ выгодъ отъ предста-
тельства, въ которомъ господство принадлежитъ высшимъ и сре-
нимъ слоямъ общества; интеллигенція въ свою очередь недовольн
голосованіями невѣжественной части народа, слишкомъ лег
поддающейся нашептываніямъ реакціонеровъ и обманчив
увѣреніямъ честолюбцевъ. Массы рабочаго пролетаріата охот
промѣняли бы свои голыя политическія права на существен
матеріальныя облегченія и уступки. Государственные люди, вра-
дебные парламентамъ, готовы бросить народу лакомую кость,
видѣ сомнительныхъ соціальныхъ реформъ,—и голоса прот
парламентаризма поднимаются все рѣзче и сильнѣе.

Главнѣйшая опора власти и могущества правительствъ—
стоянная армія—относится вообще непріязненно къ парламе
скимъ собраніямъ; она видитъ въ нихъ «говорильни», особе
неудобныя для цѣлости военныхъ бюджетовъ. Привыкши
короткимъ командным словамъ, представители военнаго сос
вія не любятъ долгихъ обсужденій и совѣщаній по сложн
государственнымъ вопросамъ. Эмиль де-Лавеле могъ даже
сказать мысль, что «на европейскомъ материкѣ предст
тельное правленіе существуетъ только благодаря терпимости
нархической власти». Располагая милліономъ солдатъ,
раясь на сочувствіе однихъ и на равнодушіе другихъ,
Бисмаркъ имѣлъ бы, повидимому, возможность уничтожить пал
доставляющія ему столько хлопотъ своимъ утомительнымъ и
стойчивымъ контролемъ. Однако ни прусскій король, ни
знаменитый канцлеръ не думаютъ объ этомъ «легкомъ» спос
избавиться отъ открытой оппозиціи; напротивъ, они воздвига
новое роскошное зданіе для германскаго парламента въ Берл
Серьезные политическіе дѣятели не смѣшиваютъ непріятны
имъ направленій съ самыми институтами, въ которыхъ
направленія выражаются или преобладаютъ въ данное вре
«Я считаю задачею своей жизни,—заявлялъ еще недавно кн
Бисмаркъ (въ засѣданіи имперскаго сейма, 9 мая текущаго го
—считаю своимъ долгомъ передъ монархомъ и страною бор
съ либерализмомъ, пока хватитъ моихъ силъ, до послѣд
моего дыханія». Но представительство само по себѣ затрогива
этою борьбою только косвенно; если оно есть зло въ глаз
Бисмарка, то это зло — неизбѣжное для государства, при
временномъ уровнѣ развитія народовъ въ западной Евро
Споръ идетъ не о правѣ участія общества въ обсужденія

сударственныхъ дѣлъ, а объ извѣстной формѣ этого участія, называемой парламентаризмомъ,—о притязаніяхъ выборныхъ палатъ на управленіе страною, черезъ посредство предводителей большинства.

Образецъ всѣхъ парламентовъ, англійская палата общинъ, все болѣе теряетъ свое исключительное обаяніе; горсть смѣлыхъ крикуновъ нарушаетъ и останавливаетъ по произволу нормальное дѣйствіе парламентскаго механизма, превращая святилище Вестминстерскаго дворца въ простой политическій клубъ. Законы, самые необходимые, откладываются отъ одной сессіи до другой и тщетно ждутъ своей очереди въ теченіе многихъ лѣтъ, въ то время какъ палата принуждена выслушивать безконечныя рѣчи и запросы объ египетскихъ или средне-азіатскихъ дѣлахъ. Глава либеральнаго министерства, Гладстонъ, прямо ставитъ вопросъ о коренномъ преобразованіи существующей парламентской системы, для того чтобы сдѣлать ее болѣе пригодною для правильнаго исполненія законодательныхъ функцій. «Управлять государствомъ при помощи клуба—это настоящее чудо», замѣчаетъ Бэджготъ въ своей книгѣ объ англійской конституціи. Милль считалъ для себя великою честью избраніе въ члены этого «клуба»; а когда недавно предложили выступить кандидатомъ Герберту Спенсеру, онъ отклонилъ эту честь указаніемъ на преимущество литературной дѣятельности предъ парламентскою.

Значеніе парламентовъ измѣнилось еще подъ вліяніемъ одной важной и общей причины: они перестали быть единственными органами всенароднаго мнѣнія и отчасти какъ будто потонули въ могучемъ, непрерывно волнующемся ходѣ политической жизни, среди новыхъ формъ свободнаго публичнаго слова. Грандіозное развитіе печати далеко оставило за собою гласность, достигаемую въ тѣсныхъ стѣнахъ парламента. Общество не должно уже ждать извѣстій отъ своихъ представителей, чтобы имѣть понятіе о проектахъ министерства и подвергать ихъ надлежащей критической оцѣнкѣ; оно узнаетъ о малѣйшихъ фактахъ текущей политики помимо депутатовъ и одновременно съ ними. Газетныя телеграммы и сообщенія значительно опережаютъ оффиціальные источники, даютъ богатый матеріалъ самимъ правителямъ и ежедневно освѣщаютъ положеніе дѣлъ въ разныхъ краяхъ міра. Общественное мнѣніе организуется и устанавливается за спиною парламента, независимо отъ него и часто вопреки ему, — то увлекая палаты за собою, то вызывая ихъ распущеніе. Печать выдвигаетъ вопросы и событія, къ которымъ политическіе дѣятели могутъ оказаться совсѣмъ не подготовленными, какъ это

было, напримѣръ, во время послѣднихъ балканскихъ усложне разрѣшившихся войною. Турецкія звѣрства въ Болгаріи б открыты и сдѣлались извѣстны Европѣ, только благодаря к респонденту «Daily News»; извѣстные «митинги негодова пошатнули кабинетъ лорда Биконсфильда и удержали Анг отъ рокового шага противъ Россіи, не смотря на то, что п вительство располагало послушнымъ большинствомъ въ пар ментѣ. Наиболѣе замѣчательныя рѣчи произносятся внѣ па на публичныхъ собраніяхъ или митингахъ; таковы белльвиль рѣчи Гамбетты, мидлотіанскія рѣчи Гладстона, рѣчи минист и депутатовъ въ промежуткѣ между двумя сессіями. Талантли ораторы и публицисты дѣйствуютъ на общество, возбужд его мысли и чувства въ ту или другую сторону, стано глашатаями народныхъ потребностей и оказываютъ давленіе политику власти, не будучи вовсе выборными представите народа. Парламенты часто отстаютъ отъ общественнаго дви и обгоняются имъ; депутаты, избранные два-три года тому задъ, не соотвѣтствуютъ сегодняшнему настроенію. Уже не ламентъ стоитъ впереди общества, а общественное мнѣніе водитъ парламентомъ и правительствомъ. Политическая ж просачивается черезъ тысячи новыхъ каналовъ, которые не в попадаютъ въ обычное парламентское русло. Вмѣсто одной ламентской трибуны, съ которой только и могъ раздаваться бодный голосъ публичнаго контроля, появилось множество бунъ, мелкихъ и крупныхъ, скромныхъ и смѣлыхъ, дѣйст щихъ болѣе быстро и своевременно. Представительныя па выдѣляются лишь своимъ оффиціальнымъ, обязательнымъ ха теромъ, и какъ все оффиціальное, болѣе критикуются, одобряются публикою. Парламентъ могъ казаться яркимъ св чемъ, когда кругомъ была сравнительная тьма; онъ нево меркнетъ и слабѣетъ, когда свѣтъ разливается отовсюду.

II.

Кризисъ парламентаризма отражается прежде всего въ л ратурѣ. Недавно бельгійскій профессоръ Адольфъ Пренсъ из сочиненіе о «демократіи и парламентскомъ режимѣ»—сплош обвинительный актъ противъ новѣйшихъ формъ народнаго са управленія. Другой бельгійскій ученый, Гюставъ де-Молин выпустилъ въ свѣтъ обширную книгу въ томъ-же духѣ. Гор

ранѣе высказался противъ господства парламентовъ писатель несомнѣнно искренній и либеральный, Эмиль де-Лавеле.

Холодный анализъ вступаетъ въ свои права—и, быть можетъ, переступаетъ ихъ, по отношенію къ событіямъ прошлаго. Тэнъ сравниваетъ Францію 1789 года съ пьянымъ человѣкомъ, которому члены уже не повинуются и который однако чувствуетъ себя въ самомъ возвышенномъ настроеніи, воображаетъ себя счастливымъ, всемогущимъ, любимымъ; потомъ наступаетъ мрачная подозрительность—періодъ безсмысленнаго буйства, насилій, преступленій. «Ничего подобнаго не бывало еще въ исторіи,—замѣчаетъ остроумный критикъ,—впервые можно было видѣть долгую и безпрепятственную работу бѣшеныхъ животныхъ, руководимыхъ глупцами, сошедшими съ ума» [1]). Эмиль де-Лавеле не употребляетъ столь сильныхъ словъ и рѣзкихъ картинъ; онъ спокойно разбираетъ и отвергаетъ принципы французской революціи. «Мы разрушили — говоритъ онъ, — привилегіи дворянства, независимость провинціальныхъ собраній и общинъ, права цеховъ и корпорацій,—словомъ, мы низвергли все, что могло служить преградою для воли народа, надѣясь этимъ способомъ утвердить свободу; а въ дѣйствительности мы только очистили почву, на которой воздвигнется какая-угодно тираннія. Единая и всевластная республика, какую стремились основать во Франціи, есть нѣчто чудовищное; это—зданіе деспотизма, надъ которымъ вывѣшено республиканское знамя съ словами: свобода, равенство, братство». Законъ не долженъ быть выраженіемъ воли народа «по той простой причинѣ, что, не понимая ничего въ обсуждаемыхъ вопросахъ, народъ не можетъ имѣть воли въ этомъ отношеніи». Многочисленныя собранія представителей не даютъ хорошихъ результатовъ: «соберите вмѣстѣ нѣсколько сотъ весьма разумныхъ личностей, и они легко сдѣлаютъ какую-нибудь глупость». Въ палатѣ «человѣкъ выдающійся не въ состояніи заставить себя слушать, если онъ обладаетъ слабымъ голосомъ и идеями, несогласными съ мнѣніями большинства; тогда какъ ораторъ, одаренный звучнымъ органомъ, привлекаетъ вниманіе къ своимъ словамъ, хотя-бы рѣчь его заключала лишь общія мѣста и громкія фразы,—такъ-что сила легкихъ беретъ верхъ надъ силою ума». Вспомнимъ, что Тьеръ имѣлъ голосъ не особенно звонкій, что Луи-Бланъ говорилъ тихо и что герцогъ де-Брольи произноситъ свои рѣчи въ писклявомъ, непріятномъ тонѣ, — и однако они заставляли себя слушать съ напряженнымъ вниманіемъ, тогда какъ никто

---

[1]) *H. Taine*, Les origines de la France contemporaine, t. I, p. 459—60.

не придавалъ значенія рѣчамъ Поля де-Кассаньяка, у ко-
раго голосъ звучитъ какъ труба. Авторъ предостерегаетъ та
отъ увлеченія людьми слишкомъ умными, съ пылкою фа
тазіею. «Читайте поэтовъ и хорошихъ писателей, воздвига
имъ статуи, но не поручайте имъ управленіе публичны
дѣлами, ибо обыкновенно они не умѣютъ справляться съ с
ими собственными. Говорятъ, что глупцы дѣлаютъ карье
а геніальные люди разоряются. Это потому, что первые, ка
каясь по землѣ, замѣчаютъ препятствія и обходятъ ихъ, то
какъ вторые, направляя взоры къ облакамъ, спотыкаются
всякіе камни и попадаютъ во всякія пропасти. Еще Фридрих
говорилъ, что еслибы онъ хотѣлъ разорить какую-либо про
цію, онъ отдалъ-бы ее въ управленіе философу. Литераторъ
ботится больше объ эффектѣ, чѣмъ объ истинѣ; онъ не ста
думать о точности числа; чтобы сказать много, онъ ска
«тысяча» или «милліонъ». Онъ напишетъ, что Франція отвѣт
врагу единодушнымъ порывомъ сорока милліоновъ сердецъ; б
можетъ, онъ самъ этому повѣритъ или заставитъ вѣрить друг
Сколько зла надѣлала въ 1793 году ложная реторика того
мени! Сколько крови пролилось во имя красивыхъ фразъ, з
ствованныхъ у Руссо или Плутарха!» Разумѣется, бываютъ
чаи, когда красивыя фразы имѣютъ красивое и глубокое со
жаніе.

Призывать весь народъ къ подачѣ голосовъ, безъ вся
различій, безъ условій и ограниченій,—было грубою ошиб
по мнѣнію Лавеле. «Страшно подумать, изъ какой тьмы пр
разсудковъ, суевѣрій, увлеченій и невѣжества выходитъ тотъ
диктъ, который періодически рѣшаетъ судьбу такой державы,
Франція. Народъ понимаетъ власть только въ лицѣ одного о
дѣленнаго правителя; для него безличная власть разсуждаю
палаты есть только тѣнь. Довѣрьте народу выборъ, и онъ на
читъ принца или генерала, который сдѣлается королемъ, ко
захочетъ». Замѣтимъ, что авторъ писалъ это еще до утверж
французской конституціи 25 февраля 1875 года. Онъ эне
чески нападаетъ, между прочимъ, на чрезмѣрную склонность фр
цузовъ къ сосредоточенію власти въ центральныхъ рукахъ. «Б
провинціальныхъ вольностей, парламентскій режимъ имѣетъ то
наружный видъ свободы; въ сущности это деспотизмъ, нап
ляемый представительнымъ собраніемъ. Мѣстное самоуправле
есть необходимая принадлежность парламентскаго режима. Об
мененный массою дѣлъ чисто-мѣстнаго значенія, парламентъ пл
рѣшаетъ ихъ; домогательства депутатовъ, противоположность

тересовъ, приводятъ къ частымъ министерскимъ кризисамъ и къ хроническому безсилію власти. Общеполезныя работы порождаютъ новый видъ подкуповъ насчетъ средствъ государства; чтобы заручиться голосами избирателей въ той или другой мѣстности, имъ обѣщаютъ постройку порта, желѣзной дороги, церкви, канала. Другіе округа требуютъ того-же, и такимъ образомъ громадныя суммы поглощаются предпріятіями вовсе ненужными, причемъ бюджетъ увеличивается непомѣрно. Изъ публичныхъ работъ, раздаваемыхъ въ видѣ милостей, создается для правительства почти неодолимое средство давленія на парламентскіе выборы». Подобныя работы и дѣла должны быть предоставлены заинтересованнымъ общинамъ и областямъ. «Оживляя различные центры политической жизни въ провинціи, мы возстановили бы дѣятельность въ застывшихъ оконечностяхъ и облегчили-бы столицу, подвергающуюся періодическимъ припадкамъ апоплексіи». Пока не совершилась эта перемѣна въ распредѣленіи власти, останутся безплодными всѣ попытки «гарантировать свободу въ краснорѣчивыхъ хартіяхъ; ибо кто гарантируетъ эти гарантіи?» Несчастье Франціи,—продолжаетъ Лавеле,—заключается въ томъ, что, стремясь страстно къ свободѣ, она никогда не хотѣла слѣдовать по пути, который ведетъ къ ней. Республиканцы упорно идутъ по стопамъ дѣятелей 1793 года, которые кончили плачевною неудачею,—вмѣсто того чтобы вдохновляться примѣромъ Швейцаріи, Нидерландовъ, Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ основатели республики достигли успѣха. Рядомъ съ автономіею общинъ и областей, должна быть установлена полная отвѣтственность администраціи предъ судомъ; всякій чиновникъ, гражданскій или военный, отвѣчаетъ лично за незаконныя дѣйствія, хотя-бы совершенныя по приказанію начальства. Тогда судъ былъ-бы охраною всякихъ правъ, и правосудіе заставитъ всѣ органы власти уважать законы [1]). Въ концѣ концовъ, Лавеле мирится съ несовершенствами парламентаризма и предлагаетъ только обставить его иначе, въ духѣ мѣстнаго самоуправленія и административной децентрализаціи.

Сильнѣе и глубже захватывается вопросъ въ книгѣ Адольфа Пренса. Этотъ суровый юристъ не довольствуется критикою парламентскаго правленія; онъ осуждаетъ весь строй современнаго общества, отыскиваетъ утраченные идеалы въ среднихъ вѣкахъ и совѣтуетъ радикально измѣнить основы представительства. «Взгля-

---

[1]) Essai sur les formes de gouvernement dans les sociétés modernes, par Emile de Laveleye.

немъ вокругъ,—говоритъ онъ:—зданіе колеблется и готово разсыпаться въ пыль. Повсюду, подъ различными масками, съ противоположными интересами и страстями, личности борются между собою, точно песчинки, гонимыя вѣтромъ. Люди всѣ равны, но всѣ одинаково безсильны; они всѣ свободны, но всѣ одинаково неспособны пользоваться своею свободою. Нѣтъ ни общенія, ни солидарности, ни силы сопротивленія. Всякая буря поднимаетъ ихъ, какъ кучу атомовъ, и они падаютъ обратно, не оставляя слѣда. Наше общество, вмѣсто прочнаго узла союзовъ, представляетъ лишь сборище отдѣльныхъ лицъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою, помѣщенныхъ какъ-бы въ пустомъ пространствѣ, безъ связей съ какимъ-либо центромъ, безъ дѣйствія на окружающее». Парламентъ призванъ удовлетворять разнообразныя потребности этой безсвязной массы; онъ долженъ все контролировать, заботиться обо всемъ, знать все, обо всемъ законодательствовать. Чтобы быть на высотѣ своей миссіи, депутаты должны были-бы въ одно и то-же время быть философами, законниками, учеными, администраторами, военными, экономистами, артистами; въ дѣйствительности они вообще—ни то, ни другое, ни третье. Имѣя предъ собою колоссальныя задачи, правительства встрѣчаются на каждомъ шагу съ затрудненіями и теряются въ мелочахъ, чтобы удержать за собою большинство; министры ищутъ равновѣсія посредствомъ обѣщаній, сдѣлокъ, ловкихъ маневровъ, и все-таки низвергаются по малѣйшему поводу. Никогда еще министерства не были менѣе прочны, чѣмъ теперь; съ 1870 года Франція имѣла 25 министровъ внутреннихъ дѣлъ. Эти быстро смѣняющіеся сановники не успѣваютъ дѣлать ничего серьезнаго, и весь режимъ обнаруживаетъ признаки безсилія. Въ доказательство авторъ приводитъ печальное состояніе государственныхъ бюджетовъ и долговъ. Въ управленіи господствуетъ канцелярская рутина, духъ мелкаго чиновничества и бумажнаго формализма. «Ни политическія, ни административныя учрежденія не отвѣчаютъ своей цѣли. Пропасть образуется между правителями и управляемыми; масса общества стоитъ въ сторонѣ отъ дѣлъ и открываетъ ротъ только для критики; власть чувствуетъ, что почва уходитъ изъ-подъ нея, и не можетъ подняться до настоящаго своего назначенія».

Въ противоположность этой мрачной картинѣ, авторъ рисуетъ идиллію общинной и корпоративной жизни прежняго времени. Благодаря земледѣльческимъ общинамъ, «солидарность и братство проникали во всѣ закоулки сельскаго быта и придавали особый отпечатокъ всѣмъ дѣйствіямъ сельскаго класса». Въ этомъ

своеобразномъ мірѣ «крестьяне были истинно счастливы», по мнѣнію Адольфа Пренса,—какъ будто не было вовсе крѣпостного права, барщины, тяжелыхъ и унизительныхъ повинностей въ пользу сеньора. Сельскія демократіи впервые научили людей уважать рѣшеніе большинства; — авторъ считаетъ это заслугою, хотя возмущается педантическимъ счетомъ голосовъ въ парламентѣ. Древняя община распалась и погибла; «сельское населеніе не было поддержано, а напротивъ подавлено цивилизаціею»,—т.-е. феодалами и затѣмъ правительствами. Зародыши самобытности и независимости сельской жизни исчезли, подъ вліяніемъ произвольныхъ государственныхъ мѣръ; разрозненнымъ поселянамъ остается только одинъ пунктъ единенія—церковь, и либералы не должны удивляться реакціонному духу деревень. Городскія корпораціи и сообщества были также не преградами, а точками опоры для мѣщанъ, не тормазами, а орудіями развитія и прогресса. Притязанія народа были умѣренны, даже въ случаѣ торжества надъ противниками; каждый зналъ свое мѣсто и охранялъ лишь свое право. «Масса, предоставленная самой себѣ, есть безпорядочный потокъ, не имѣющій опредѣленнаго пути; корпораціи суть плотины, сдерживающія и регулирующія народное теченіе. Онѣ даютъ людямъ чувство собственности, любовь къ домашнему очагу, инстинктъ законности, совокупность солидныхъ качествъ, которыя не позволяютъ имъ вовлекаться въ крайности. Вмѣсто большого центральнаго свѣтила, которое въ наши дни сіяетъ одиноко, не освѣщая и не согрѣвая всего общества, существовало множество огней, скромныхъ и жгучихъ, и послѣдній изъ гражданъ получалъ свою долю тепла и свѣта». Представительство имѣло тогда органическій характеръ; выборное начало имѣло второстепенное значеніе, и неразрывная общность интересовъ соединяла представителей съ населеніемъ. Это было «не то, что современный парламентаризмъ съ его абстрактною централизаціею»; въ нашихъ городахъ мы имѣемъ еще коллегіи и совѣты, но эти учрежденія не служатъ средоточіемъ соціальныхъ организмовъ и представляютъ только большинство противъ меньшинства. Напротивъ, въ старинныхъ совѣтахъ всегда присутствуетъ идея высшаго корпоративнаго интереса, предъ которымъ умолкаютъ пререканія и столкновенія партій. Авторъ признается, впрочемъ, что «было бы безуміемъ сожалѣть объ этой эпохѣ насилій, бѣдствій, жестокостей и братоубійственной борьбы»; другими словами, идиллія была въ сущности далеко не завидная. Не смотря на всѣ недостатки, «мы должны признать величіе этого общества, которое вдохнуло

жизнь въ хаосъ и создало міръ, полный могущества». Средніе вѣка заслуживаютъ нашихъ симпатій, если бы даже они не произвели ничего другого, кромѣ этихъ сообществъ и маленькихъ братствъ, гдѣ послѣдніе были еще чѣмъ нибудь, гдѣ обездоленные на землѣ привязывались еще къ идеалу и къ жизни путемъ практики права, человѣколюбія и справедливости [1]. Авторъ идеализируетъ средневѣковые порядки и находитъ въ нихъ черты, достойныя подражанія. Тогдашнія представительныя собранія были, по его словамъ, естественнымъ выраженіемъ человѣческой совѣсти, между тѣмъ какъ новѣйшіе парламенты суть искусственные продукты спекулятивнаго ума.

Въ странахъ съ ограниченнымъ избирательнымъ правомъ демократія требуетъ всеобщей подачи голосовъ, надѣясь найти въ ней осуществленіе всѣхъ своихъ желаній; а въ странахъ съ всеобщимъ правомъ голоса, она имѣетъ ту же неопредѣленную жажду перемѣнъ, тотъ же страхъ постоянства. Вездѣ люди проникнуты недовольствомъ, отыскиваютъ какой-то смутный и неуловимый идеалъ, и «многіе начинаютъ думать, что парламентаризмъ есть форма уже исчерпанная, давшая все, что было въ ней хорошаго». Англійскіе бароны, вынудившіе у короля Іоанна великую хартію 1215 года, стремились къ общему благу, а не только къ увеличенію своихъ привилегій; революціонеры 1789 г., ставши хозяевами положенія, эксплуатировали его въ пользу одной буржуазіи, не заботясь о прочихъ классахъ общества. Оттого англійскій парламентъ живучъ и крѣпокъ, а созданія французскихъ дѣятелей недолговѣчны. Выборы въ Англіи основывались на силѣ и значеніи сословій, а не на числѣ избирателей; «дѣло шло не о побѣдѣ численнаго большинства, и потому точнаго счета голосовъ не производилось; голосованіе было чѣмъ-то побочнымъ: вотировали поднятіемъ рукъ». Непонятно, какое именно преимущество видитъ авторъ въ этой первобытной системѣ, при которой опредѣленіе результата выборовъ зависѣло отчасти отъ произвола распорядителей. Пренебрегая числомъ, авторъ тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что до билля о реформѣ 1832 года англійское представительство было чистѣйшею фикціею. «Гнилое мѣстечко», состоявшее изъ нѣсколькихъ хижинъ съ десяткомъ жителей, избирало двухъ депутатовъ въ палату общинъ, тогда какъ городъ Лондонъ, съ милліономъ населенія, посылалъ только четырехъ депутатовъ. Въ мѣстечкѣ, для выбора двухъ

---

[1]) La démocratie et le régime parlementaire, par *Adolphe Prins*, 18.. Chap. II—V.

представителей, оказывался на лицо одинъ только избиратель, и это былъ слуга того лорда, которому принадлежало мѣстечко. Одно поселеніе, имѣвшее право выбора, потоплено было моремъ, и владѣлецъ побережья отправлялся въ лодкѣ съ тремя избирателями къ мѣсту исчезнувшаго села, чтобы самого себя выбрать депутатомъ. Такіе плоды органическаго представительства вызвали потребность въ искусственныхъ нормахъ и правилахъ; реформы 1832 и 1867 годовъ распространили избирательное право на значительную часть гражданъ, за которыхъ ранѣе выбирали лорды и ихъ агенты. Число избирателей доведено до трехъ милліоновъ; новый проектъ Гладстона доводитъ эту цифру до пяти милліоновъ. Пренсъ полагаетъ, что это направленіе ослабляетъ прежнюю соціальную сплоченность Англіи, въ угоду идеямъ индивидуализма; но однородность состава парламента изъ представителей поземельной и промышленной аристократіи не могла, конечно, свидѣтельствовать о солидарности съ тѣми слоями общества, которые были исключены изъ пользованія избирательными правами. Англичане однако сохранили нѣкоторыя хорошія черты старой системы; они удержали различіе между городскими и сельскими округами, освятили право университетскихъ корпорацій имѣть депутатовъ въ парламентѣ и не отказались еще отъ мысли, что депутатъ представляетъ болѣе интересы общества, чѣмъ извѣстное число лицъ; наконецъ, они хранятъ обычаи самоуправленія. Иначе развился парламентаризмъ на материкѣ Европы. Во Франціи выборные отъ сословій созывались въ интересахъ монархіи; представительныя собранія обнаруживали реформаторскій духъ и были уничтожены. Революція возстановила ихъ въ новомъ видѣ, подъ знаменемъ народнаго верховенства; государство стало отвлеченнымъ и неяснымъ понятіемъ. Власть перешла къ толпѣ и къ ея вождямъ; началась работа соціальнаго разложенія. Семь различныхъ правительствъ слѣдовали одно за другимъ съ того времени, и всѣ они имѣли одинаковую судьбу, благодаря коренному противорѣчію между стремленіемъ къ свободѣ и всепоглощающею политическою централизаціею.

«Теорія всеобщаго голосованія,—по словамъ Пренса,—составляетъ великое неудобство нынѣшняго парламентскаго режима, давая поводъ къ затрудненіямъ, ошибкамъ и разочарованіямъ. Для народа важно не право голоса, а право имѣть представителей, хотя бы и безъ непосредственнаго участія въ ихъ избраніи. При всеобщей подачѣ голосовъ наступаетъ владычество числа: большинство дѣлается высшимъ рѣшителемъ національ-

ныхъ судебъ, а меньшинство остается безправнымъ. Безличная власть абстрактной цифры можетъ позволять себѣ злоупотребленія, какихъ избѣгаютъ тираны ради собственной безопасности; торжество числа есть отрицаніе индивидуальнаго права. Это ярмо особенно тягостно, когда оно налагается наименѣе образованною частью націи; а народное большинство состоитъ преимущественно изъ работниковъ и крестьянъ». Въ высшихъ классахъ—нравственная порча, сухость сердца, узкость ума, свѣтскіе предразсудки производятъ такія же послѣдствія, какъ невѣжество, бѣдность, вражда и зависть въ массахъ, внизу. Когда все это общество приводится въ движеніе, хорошія качества нейтрализуются, и на поверхность всплываютъ лишь пороки. Всенародное голосованіе предполагаетъ равенство тамъ, гдѣ его нѣтъ. «Какое равенство можетъ существовать между государственнымъ человѣкомъ, тонкимъ знатокомъ соціальныхъ пружинъ, и темнымъ поселяниномъ, вооруженнымъ лишь простыми инстинктами? Гдѣ найти подобіе равенства и справедливости въ этомъ режимѣ, основанномъ будто бы на равенствѣ? Когда голоса считаются, а не взвѣшиваются, то не можетъ быть рѣчи о равенствѣ и справедливости. Давать всѣмъ одинаковое право голоса — столь же основательно, какъ облагать всѣхъ жителей страны одинаковою суммою платежей». Среди различныхъ партій, группъ и оттѣнковъ нѣтъ мѣста народному мнѣнію; депутаты представляютъ не народъ, а частицы большинства, склоняющіяся въ ту или другую сторону. «Всеобщая подача голосовъ есть сила отрицательная, а не творческая; она можетъ выражать нужды націи, но не способна указать средства къ ихъ удовлетворенію». Въ дѣйствительности, ничего другого и не требуется отъ избирателей: не ихъ дѣло указывать способы рѣшенія государственныхъ вопросовъ; они только выбираютъ лицъ, которыхъ считаютъ способными обсуждать эти вопросы съ пользою для страны. Замѣчанія автора о неравенствѣ между поселяниномъ и государственнымъ человѣкомъ имѣли бы смыслъ, еслибы простымъ избирателямъ предоставлено было непосредственно подавать голосъ по поводу отдѣльныхъ мѣръ законодательства и политики. Въ настоящей своей функціи — въ выборѣ людей — народная масса ошибается рѣже, чѣмъ просвѣщенные политическіе дѣятели. Тьеръ покровительствовалъ принцу Луи-Наполеону потому, что принималъ его за ничтожество, которымъ легко управлять; а народъ, не имѣя никакихъ свѣденій о личностяхъ предложенныхъ кандидатовъ въ президенты, — Каваньяка и Бонапарта, вполнѣ естественно выбралъ послѣдняго, какъ носителя гром-

каго популярнаго имени. Этотъ результатъ приводится нерѣдко въ доказательство политической незрѣлости народныхъ массъ; но онъ скорѣе свидѣтельствуетъ о неразумности самаго вопроса, поставленнаго народу. Отмѣчать выдающихся и честныхъ дѣятелей въ предѣлахъ данной мѣстности — населеніе можетъ съ безспорною компетентностью; дѣлать выборъ между двумя-тремя лицами на должность правителя цѣлой страны — задача болѣе трудная и важная, которую слѣдовало довѣрить избраннымъ депутатамъ, имѣющимъ надлежащія свѣденія о качествахъ и заслугахъ кандидатовъ. Такъ и предлагали поступить нѣкоторые предусмотрительные дѣятели 1848 года; между тѣмъ большинство республиканцевъ пожелало сохранить въ чистотѣ принципъ народнаго верховенства и безсознательно готовило тронъ для Наполеона III.

Адольфъ Пренсъ настаиваетъ на томъ, что истиннымъ фундаментомъ представительства должны служить не простыя числа избирателей, распредѣленныя по однообразному шаблону, а соціальныя группы, соединенныя общностью интересовъ. Граждане призывались бы къ выборамъ въ кругу своихъ естественныхъ союзовъ и коллегій по разрядамъ занятій; каждая коллегія назначала бы извѣстное число депутатовъ сообразно своему соціальному, а не численному значенію. «Можно сказать, что общая подача голосовъ—это случай, неизвѣстность, мутный потокъ, необузданно и дико опрокидывающій все на своемъ пути. Голосованіе коллективныхъ группъ—это плодотворные ручьи, съ водою чистою и спокойною, движущіеся въ нормальномъ направленіи и улучшающіе почву». Общество, какъ выразился англійскій публицистъ Лоримеръ,—не должно быть разсматриваемо какъ стадо, опредѣляемое по числу головъ. Мысль автора давно примѣняется на практикѣ. Въ Австріи избиратели раздѣлены на категоріи, соотвѣтственно главнымъ группамъ интересовъ въ обществѣ: крупное землевладѣніе имѣетъ 85 депутатовъ, сельскія общины—131, городское населеніе—95 и торговыя палаты—21. Приблизительно такая же система принята въ Румыніи; верхнія палаты въ нѣкоторыхъ государствахъ также пополняются представителями извѣстныхъ общественныхъ группъ. Въ нашей Финляндіи парламентъ составляется изъ депутатовъ четырехъ сословій—дворянства, духовенства, горожанъ и поселянъ. Вообще авторъ напрасно жалуется на невниманіе къ соціальнымъ интересамъ и корпораціямъ, ибо на дѣлѣ такого невниманія не оказывается. Никто, однако, не скажетъ, что въ Австріи или въ Румыніи выборы даютъ лучшіе результаты, чѣмъ

жествомъ, жадностью и лѣностью (?)». Всѣ средства хороши въ избирательной борьбѣ,—ложь, клевета, обманъ; разгулъ политическихъ страстей принимаетъ особенно значительные размѣры въ странахъ съ густымъ населеніемъ, гдѣ либеральныя профессіи переполнены, гдѣ «толпа адвокатовъ безъ дѣлъ, врачей безъ больныхъ, неудачниковъ всякаго рода, отыскивая средства къ существованію, набрасывается на пирогъ общественныхъ должностей». Политическая карьера привлекаетъ массу мелкихъ честолюбцевъ, открывая имъ дорогу къ матеріальнымъ выгодамъ и почестямъ. «Вотъ адвокатъ, имя котораго было едва извѣстно за предѣлами его небольшого города;—онъ становится депутатомъ, министромъ. Газеты печатаютъ его малѣйшія заявленія, репортеры слѣдятъ за каждымъ его шагомъ, фотографы выставляютъ его портреты, вся нація знаетъ его имя. Онъ стоитъ въ первомъ ряду во время оффиціальныхъ церемоній; его грудь увѣшана орденами и лентами разныхъ цвѣтовъ. Онъ—особа; даже свергнутый съ пьедестала, онъ можетъ свой титулъ бывшаго министра промѣнять на деньги, вступивъ въ генеральный штабъ какой-нибудь крупной финансовой компаніи». Въ этой картинѣ остается неясною одна только подробность: какимъ образомъ ничтожный провинціальный адвокатъ могъ выдвинуться изъ рядовъ соперниковъ и сразу достигнуть того, о чемъ напрасно мечтаютъ многочисленныя свѣтила столичной адвокатуры? Если борьба идетъ такъ страстно и горячо, какъ описываетъ авторъ, то по здравому смыслу нельзя предположить, что побѣда достается первому встрѣчному.

«Политическій персоналъ понизился въ качествѣ,—объясняетъ авторъ,—такъ какъ дѣйствовать успѣшно на толпу могутъ только люди неразборчивые въ средствахъ, съ рѣчью плавною и громкою, съ изощренными аппетитами, съ стремленіемъ къ легкой и видной карьерѣ. Потерпѣвъ обыкновенно неудачу въ регулярныхъ профессіяхъ, они ни предъ чѣмъ не останавливаются, не стѣсняются въ ораторскихъ и иныхъ пріемахъ, легко поступаются своимъ личнымъ достоинствомъ, не гнушаются оскорбленіями и клеветами, всегда готовы изливать свое вульгарное краснорѣчіе и отлично умѣютъ льстить вкусамъ слушателей. Старыя вліянія стушевываются предъ новыми; люди, съ болѣе утонченными чувствами и съ лучшимъ образованіемъ, оказываются неподходящими для невѣжественной и грубой массы, — они должны уступить мѣсто новымъ пришельцамъ». Притомъ все болѣе возрастаетъ непрочность всякихъ политическихъ и административныхъ положеній, вслѣдствіе необходимости распредѣлять добычу между по-

печеніе, забираться на кухню и вмѣшиваться въ распоряженія поваровъ. Личный интересъ хозяина заставитъ его принять мѣры для улучшенія производства; если же потребители нетерпѣливы и захотятъ сами заняться этимъ дѣломъ, то они могутъ остаться совсѣмъ безъ хлѣба или получить товаръ еще худшій. Въ будущемъ авторъ предвидитъ господство крупной политической промышленности и свободной конкурренціи; услуги государства будутъ продаваться частными обществами «страхованія безопасности», политика сдѣлается отраслью торговли, а законы замѣнятся добровольными соглашеніями съ крупными фирмами, которыя возьмутъ на себя опеку надъ своими кліентами [1]).

Г. де-Молинари имѣетъ репутацію солиднаго публициста; но его объемистый трактатъ производитъ удручающее впечатлѣніе,—это бредъ больного ума, зараженнаго маніею узкаго экономическаго доктринерства и глядящаго на весь міръ глазами мелкой лавочки. Поглощеніе государства акціонерными компаніями, на началахъ спроса и предложенія, прибыли и процентовъ,—ставится какъ высшій идеалъ, къ которому должно стремиться человѣчество; для автора нѣтъ другой мѣрки и другихъ принциповъ, кромѣ промышленныхъ; исторія представляется ему торговою книгою, въ которой счеты все еще ведутся неправильно, съ постоянными отступленіями отъ правилъ бухгалтеріи. Если государства подвергались катастрофамъ, если народы волнуются или терпятъ разныя невзгоды, то только потому, что рецепты «политической экономіи» г-на де-Молинари не примѣнялись ко всѣмъ областямъ общественной жизни съ надлежащею полнотою. Низкій уровень политическихъ идей въ настоящее время ярче всего характеризуется появленіемъ ученыхъ книгъ, подобныхъ сочиненію названнаго автора.

Разочарованные въ парламентскомъ режимѣ, видя слабыя стороны въ практикѣ всѣхъ новыхъ учрежденій и не зная, откуда ждать спасенія отъ общихъ человѣческихъ золъ, писатели-теоретики вдаются въ крайности и воздвигаютъ теоріи явно нелѣпыя. Критика обыкновенно убѣдительна и сильна; положительные выводы ничтожны или смѣшны. Г. де-Молинари не жалѣетъ красокъ для изображенія темныхъ сторонъ современной политической жизни. Партіи борются между собою единственно ради громадныхъ выгодъ, доставляемыхъ эксплуатаціею государства; народъ отдается въ руки ловкихъ льстецовъ, пользующихся его «невѣ-

[1]) L'évolution politique et la révolution, par *G. de Molinari*, Paris, 1884, Chap. X и XI.

и легковѣсному содержанію, не заслуживала-бы серьезнаго раз-
бора; но она кажется намъ весьма своеобразнымъ симптомомъ
настроенія въ нѣкоторой части западно-европейскаго общест-

IV.

Многіе либеральные умы въ Европѣ начинаютъ серьез-
опасаться послѣднихъ логическихъ выводовъ парламентаризма. Ес-
численное большинство народа должно дѣйствительно управл-
государствомъ черезъ своихъ представителей, если составъ пала-
будетъ соотвѣтствовать составу населенія и власть выпадетъ и-
рукъ привилегированныхъ сословій, то что станется съ высш-
интеллигенціею страны, съ интересами культуры и цивилизац-
Лучшія умственныя силы всегда будутъ въ меньшинствѣ,—
перейдутъ подъ власть темной массы и ея вождей, утратятъ
можность руководить государственными дѣлами и будутъ дрож-
за свое собственное существованіе и развитіе. Это опасеніе леж-
въ основѣ всѣхъ новѣйшихъ нападокъ на господство груб-
числа въ народномъ представительствѣ. Дальновидные консерв-
торы начинаютъ понимать ту громадную выгоду, которую пр-
ставляетъ для нихъ всеобщая подача голосовъ; они наход-
твердую опору въ традиціонной неподвижности народныхъ
нятій, суевѣрій и предразсудковъ. По временамъ замѣча-
любопытная перемѣна фронта: охранители стоятъ за свобод-
самоуправленіе, которое хотятъ ограничить либералы. Такъ б-
во Франціи еще недавно, при обсужденіи закона о школа-
Бонапартисты повсюду выступаютъ сторонниками воззванія
народу; либералы относятся уже скептически къ принципу
родовластія. Всенародное голосованіе выдвигаетъ на первый пл-
клерикальные и реакціонные элементы въ Бельгіи, отчасти
Австріи и въ другихъ государствахъ.

Нападки на господство числа имѣютъ еще другое основа-
при нынѣшней парламентской системѣ незначительное количес-
избирателей рѣшаетъ исходъ выборовъ въ ту или другую ст-
рону, и цѣлая половина населенія можетъ остаться совс-
безъ представителей въ парламентѣ. Переходъ нѣсколькі-
голосовъ отъ одной партіи къ другой измѣняетъ иногда сост-
палаты и правительства. Въ 1882 году городъ Гентъ выбра-
8 либераловъ большинствомъ всего 40 голосовъ. Еслибы толь-
21 избиратель перешелъ на другую сторону, депутатами Ге-
были бы клерикалы, и вмѣсто либеральнаго большинства,

бельгійской палатѣ оказалось бы большинство клерикальное, что̀ привело бы къ перемѣнѣ министерства. Въ этомъ случаѣ ничтожная группа гентскихъ гражданъ отняла представительство у значительной части жителей. Мало того, большинство въ парламентѣ можетъ представлять собою меньшинство населенія въ странѣ. Въ 1874 году консерваторы въ Англіи получили 1.200,000 голосовъ, а либералы и ирландскіе автономисты — 1.400,000; между тѣмъ первые имѣли большинство 50 членовъ въ палатѣ общинъ, хотя число избирательныхъ бюллетеней, поданныхъ въ ихъ пользу, было на 200,000 меньше, чѣмъ у противниковъ. Такимъ образомъ, кабинетъ лорда Биконсфильда не былъ выраженіемъ преобладающаго настроенія въ англійскомъ обществѣ. Такъ же точно въ Бельгіи клерикалы, побѣдившіе въ 1870 и 1884 годахъ, не располагали большинствомъ избирателей вообще, а только успѣли провести своихъ кандидатовъ въ большемъ числѣ округовъ, чѣмъ либералы. Въ округахъ, давшихъ консервативные результаты, цифра либеральныхъ голосовъ доходила почти до половины общаго числа, а въ прочихъ мѣстахъ она составляла громадное большинство; но численное меньшинство консерваторовъ было распредѣлено болѣе выгодно, и ихъ голоса не пропадали тамъ, гдѣ они не имѣли шансовъ успѣха. Въ 1880 году англійскіе либералы побѣдили тореївъ большинствомъ 460,000 голосовъ; по своимъ относительнымъ силамъ они должны были бы имѣть 370 депутатовъ, а консерваторы — 280; въ дѣйствительности же первые имѣютъ 441, а вторые — 236. Партія Гладстона получила 43 лишнихъ членовъ парламента, тогда какъ шестью годами раньше она имѣла на 56 меньше, чѣмъ слѣдовало ей по числу поданныхъ голосовъ. Несправедливая разница въ обоихъ случаяхъ огромная — на 99 депутатскихъ мѣстъ изъ 650. Разница эта кажется тѣмъ болѣе странною, что число консервативныхъ избирателей не только не уменьшилось сравнительно съ 1874 годомъ, но еще увеличилось на 220,000.

«Настоящая система, — говоритъ сэръ Джонъ Лёббокъ, у котораго мы заимствуемъ эти данныя, — придаетъ результату общихъ выборовъ характеръ неизвѣстности и случайности; она ведетъ къ сильнымъ колебаніямъ въ положеніи политической власти и, слѣдовательно, въ политикѣ страны. Эта система можетъ считаться хорошею или дурною; но она вовсе не есть представительство». Лёббокъ предлагаетъ организовать подачу голосовъ такимъ способомъ, чтобы число представителей было пропорціонально числу избирателей и чтобы меньшинство не

исключалось изъ представительства въ парламентѣ. Знамени
ученый, будучи въ то же время виднымъ банкиромъ и член
палаты общинъ, пытается осуществить свою мысль на прак
онъ образовалъ для этой цѣли особое общество, къ котор
примкнуло уже болѣе 170-ти депутатовъ обѣихъ партій
Во время недавнихъ преній объ избирательной реформѣ Го
поднялъ вопросъ о представительствѣ меньшинства, но не б
поддержанъ либералами. Демократія, увѣренная въ буду
своемъ господствѣ, не расположена признавать за меньш
ствомъ такія права, въ которыхъ отказывали ей высшія сос
въ періодъ ихъ обезпеченнаго политическаго преобла
Либеральная конференція, собиравшаяся въ Лидсѣ въ на
текущаго года, высказала рѣшительное мнѣніе, что «по
доставить меньшинству представительство посредствомъ специ
ныхъ законодательныхъ мѣръ является нарушеніемъ прин
народнаго парламентскаго управленія». Въ мѣстныхъ дѣ
гдѣ не замѣшаны политическіе интересы, меньшинство от
уже пользуется въ Англіи избирательными правами; напри
члены городскихъ школьныхъ совѣтовъ выбираются по сис
«совокупнаго голосованія»: каждый имѣетъ столько голо
сколько требуется замѣстить вакансій, и можетъ всѣ го
отдать одному кандидату. По другому способу, предлага
Лёббокомъ, избиратель назначаетъ нѣсколько именъ, и го
ненужный первому кандидату, переходитъ ко второму, за
къ третьему и такъ далѣе. Такой порядокъ выборовъ гар
руетъ права всѣхъ избирателей и устраняетъ дѣйствіе случая.
избраніи членовъ парламента въ графствѣ Кентъ, въ 1880
либералы имѣли 13,000 голосовъ, а консерваторы — 16,
однако, всѣ шесть вакантныхъ мѣстъ достались послѣд
Въ 99 мѣстахъ подано 96,000 либеральныхъ и 116,000
сервативныхъ бюллетеней; между тѣмъ выбрано только 15
бераловъ, а торіевъ — 84. Можно-ли считать это настоя
представительствомъ? Гдѣ обѣ партіи равносильны по ч
избирателей, тамъ небольшая горсть людей распоряжается
тическою ареною и выбираетъ сама всѣхъ кандидатовъ. Въ
верпулѣ находится около 30,000 либераловъ, столько же
серваторовъ и 2,000 ирландскихъ автономистовъ; отъ од
послѣднихъ будетъ зависѣть назначеніе членовъ отъ Ливер
Обыкновенно ирландцы присоединяются къ торіямъ, и 30,

---

[1]) „Proportional representation", by Sir *John Lubbock* (Nineteenth C
1884, April).

либераловъ остаются безъ представителей. Съ расширеніемъ избирательныхъ правъ вышло бы слѣдующее: безъ этихъ 30,000 либераловъ Ливерпуль имѣлъ бы, напримѣръ, четырехъ депутатовъ; но такъ какъ либералы увеличиваютъ населеніе вдвое, то консерваторамъ дается вдвое больше членовъ парламента, а именно восемь. Очевидный абсурдъ,—а такова между тѣмъ парламентская система при нынѣшнемъ пренебреженіи правами меньшинства.

Меньшинство, не имѣющее возможности вліять на общій ходъ дѣлъ черезъ представителей въ парламентѣ, чувствуетъ себя безправнымъ и проникается инстинктами насилія. Почти всѣ депутаты, избираемые Ирландіею, принадлежатъ къ партіи крайнихъ автономистовъ, руководимыхъ Парнеллемъ; третья часть населенія, состоящая изъ англичанъ и протестантовъ, подавляется господствомъ этой воинственной группы, съ которою должно по необходимости считаться правительство. При болѣе справедливомъ способѣ выборовъ приверженцы Парнелля потеряли бы въ палатѣ около двадцати мѣстъ, которыя перешли бы къ противникамъ, лишеннымъ теперь представительства. А при настоящемъ порядкѣ меньшинство прибѣгаетъ къ насильственнымъ мѣрамъ для охраны своихъ правъ, образуетъ вооруженные отряды подъ именемъ «оранжистовъ», на митинги и рѣшенія патріотовъ-католиковъ отвѣчаетъ шумными демонстраціями, которыя часто кончаются кровопролитіемъ. Междоусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ, вѣроятно, не возникла бы вовсе, еслибы представительство въ южныхъ штатахъ не попало цѣликомъ въ руки одной демократической партіи, съ устраненіемъ многочисленныхъ сторонниковъ единства союза; это высказано было въ оффиціальномъ отчетѣ коммиссіи, назначенной въ 1869 году американскимъ сенатомъ для разсмотрѣнія вопроса объ избирательной реформѣ. Можно привести еще одинъ убѣдительный примѣръ: въ 1842 году Женева была раздѣлена на шесть округовъ, для избранія шести депутатовъ. Либеральные избиратели, сосредоточенные въ двухъ округахъ, имѣли всего двухъ представителей, хотя составляли несомнѣнно большинство въ общемъ населеніи города, а консерваторы, будучи меньшинствомъ, выбирали четырехъ; и крайнее неудовольствіе, порожденное этимъ обстоятельствомъ, привело къ волненіямъ 1846 года. «Представительное собраніе, — замѣчаетъ Лёббокъ, — должно быть вѣрнымъ отраженіемъ націи; однородность по составу и направленію требуется только отъ правительства. Исключеніе меньшинства, необходимое въ одномъ случаѣ, было бы неспра-

ведливостью и тираннією въ другомъ. Пропорціональное пред-
вительство дало бы надлежащій вѣсъ голосу каждаго избирате-
оно обезпечило бы выборъ способныхъ и достойныхъ дов-
государственныхъ людей, равно какъ и лицъ, извѣстныхъ
хорошей стороны въ своихъ округахъ; оно могло бы возвы-
и очистить общій характеръ избирательной борьбы; оно до-
вило бы меньшинству дѣйствительное право голоса и, наконе-
упрочило бы за большинствомъ то преобладаніе, которое
должно принадлежать по справедливости».

Недостатки парламентаризма, на которые указываютъ
чаще,—непостоянство, шаткость, возможность неожиданныхъ п-
мѣнъ и случайностей,—происходятъ отъ ошибочныхъ изби-
тельныхъ порядковъ, при которыхъ даже несомнѣнное числе-
большинство въ странѣ можетъ оказаться въ меньшинствѣ
палатахъ. Въ господствующихъ мнѣніяхъ и желаніяхъ нар-
обнаруживается вообще извѣстная стойкость и послѣдовательно-
скачки и колебанія бываютъ только при исключительныхъ у-
віяхъ, когда нормальный ходъ политической жизни внез-
нарушается отъ внѣшняго толчка или отъ внутренняго по-
сенія. Такъ и парламентъ принялъ бы болѣе прочныя и о-
дѣленныя черты, при введеніи вѣрнаго и справедливаго пред-
вительства.

V.

Двѣ важныя причины ставятъ въ критическое полож-
современные европейскіе парламенты: чрезмѣрное расшир-
разнообразныхъ функцій государства и сосредоточеніе въ п-
тахъ излишней массы дѣлъ, которыя съ успѣхомъ могли
быть предоставлены мѣстному самоуправленію или спеціальн-
учрежденіямъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ демократія пріобрѣла рѣшающее влі-
на законодательство и политику, она стала все болѣе раздви-
сферу дѣятельности государства; поводы и формы вмѣшатель-
въ народную жизнь увеличиваются въ числѣ и значеніи; об-
ственные интересы, требующіе защиты, усложняются и ра-
стаются вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ страны. Ч-
сильнѣе довѣріе къ правительственной власти, тѣмъ значит-
нѣе запросъ на административныя и законодательныя мѣры.
реформы нуждаются въ исполнителяхъ; контроль государс-
развѣтвляющійся по всѣмъ направленіямъ, вызываетъ потребно-

въ массѣ новыхъ служебныхъ органовъ. Вѣдомства, канцеляріи и чиновники размножаются повсюду; разъ созданныя учрежденія упорно существуютъ и усиливаютъ свои штаты даже послѣ того, какъ надобность въ нихъ миновала или ослабѣла. Во Франціи на содержаніе чиновничества расходуется теперь 600 милліонами больше, чѣмъ въ послѣдніе годы второй имперіи; гражданскія пенсіи возрасли съ 41 до 55 милліоновъ въ короткій періодъ времени съ 1877 до 1882 года;—пенсію получаютъ 263,000 человѣкъ, а въ 1869 ихъ было только 174,000. На каждую должность приходится нѣсколько получателей жалованья—нынѣшній штатный чиновникъ, его отставной предмѣстникъ, еще болѣе ранній предшественникъ, если онъ живъ, и т. д. [1]). А наивные люди не перестаютъ взывать къ правительству по поводу всякаго общественнаго вопроса, не имѣющаго еще соотвѣтственной канцеляріи, и въ то же время жалуются на непрерывное увеличеніе бюджета, приписывая всю вину министрамъ и парламентамъ. Государство предпринимаетъ колоссальныя общеполезныя работы, съ цѣлью возвысить благосостояніе населенія; извѣстный планъ де-Фрейсинэ, приводимый въ исполненіе въ различныхъ мѣстностяхъ Франціи, долженъ обойтись въ нѣсколько милліардовъ. Военныя силы страны поглощаютъ громадныя суммы, въ которыхъ никогда не отказываетъ народъ, въ лицѣ своихъ представителей. Издержки и налоги растутъ вполнѣ естественно,—и расли бы еще больше и скорѣе, еслибъ удовлетворялись всѣ желанія и требованія избирателей. Отъ своихъ довѣренныхъ людей, посылаемыхъ въ парламентъ, населеніе ждетъ такихъ преобразованій и уступокъ, которыя иногда невозможны при данныхъ условіяхъ. Недовольство возникаетъ одинаково и въ томъ случаѣ, когда не исполняется все, ожидаемое прогрессистами, и тогда, когда исполненное не оправдываетъ всѣхъ ожиданій. Увеличенная дѣятельность чиновничества въ разныхъ областяхъ народнаго быта не даетъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ даже при самой лучшей и образцовой организаціи управленія. Соціальные недуги не излечиваются еще парламентами, и неосновательныя надежды смѣняются разочарованіемъ.

Представительныя собранія имѣютъ своимъ назначеніемъ обсуждать и разрѣшать государственные расходы, контролировать общую политику кабинета и отдѣльныя дѣйствія министровъ, разсматривать проекты законовъ и давать полное освѣщеніе публичнымъ интересамъ, вопросамъ и нуждамъ, съ точки зрѣнія

---

[1]) „Nouvelle Revue“, 1883, отъ 15 іюня: „L'administration française“.

народнаго блага. Но выборныя палаты не состоять изъ спеціалистовъ по всевозможнымъ отраслямъ законодательства, государственнаго хозяйства и управленія; поэтому парламентъ выходитъ изъ своей естественной роли, когда онъ вникаетъ во всѣ подробности предлагаемыхъ мѣръ и самъ формулируетъ законы или исправляетъ ихъ, не довольствуясь общей оцѣнкою ихъ содержанія. Каждому извѣстно, что неточное слово или неправильное выраженіе, употребленное въ законѣ, можетъ испортить все дѣйствіе его на практикѣ; нужно быть опытнымъ и свѣдущимъ юристомъ, чтобы предвидѣть послѣдствія той или другой формулы и предупредить ошибочныя толкованія при ея примѣненіи. Многіе законы, составленные съ наилучшими намѣреніями, вызываютъ массу неудобствъ и недоразумѣній тотчасъ по своемъ обнародованіи,—только потому, что составители были военные и гражданскіе патріоты, мало подготовленные къ дѣлу законодательства. Неудачныя или поспѣшныя рѣшенія палаты депутатовъ встрѣчаютъ однако своевременную критику и отклоняются обыкновенно болѣе осторожною верхнею палатою. При политическомъ тактѣ и навыкѣ, собраніе, столь случайное по своему составу, какъ англійская палата лордовъ, исполняетъ съ успѣхомъ важную спеціальную роль верховнаго суда въ королевствѣ; это было бы немыслимо, еслибы всѣ лорды вздумали дѣйствительно участвовать въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ, наравнѣ съ немногими заслуженными членами судебнаго сословія, засѣдающими въ палатѣ. Разработка спеціальныхъ вопросовъ и задачъ должна быть поручаема особымъ коммиссіямъ, такъ же какъ редактированіе законовъ; парламентъ оставляетъ за собою рѣшеніе принципіальное, не вдаваясь въ опредѣленіе деталей, — какъ это и установлено отчасти французскою парламентскою практикою. Англійская палата общинъ не держится такого правила; она не выдѣляетъ изъ себя особыхъ коммиссій для подробнаго разсмотрѣнія обширныхъ законодательныхъ проектовъ, въ родѣ послѣдняго земельнаго билля Гладстона; она сама въ обычномъ своемъ составѣ образуетъ «комитетъ», обсуждаетъ отдѣльныя статьи закона, дѣлаетъ въ нихъ измѣненія и поправки. Проектъ въ нѣсколько десятковъ статей требуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ усиленныхъ преній и поглощаетъ добрую половину всей парламентской сессіи; оттого и невозможны въ Англіи болѣе сложныя законодательныя предпріятія, въ которыхъ давно уже чувствуется настоятельная потребность,—какъ, напримѣръ, приведеніе къ единству разрозненныхъ гражданскихъ законовъ и составленіе систематическихъ кодексовъ по различнымъ отдѣламъ права. Чтобы обсудить уло-

женіе въ тысячу или болѣе параграфовъ, палата общинъ и затѣмъ палата лордовъ должны были бы на много лѣтъ отказаться отъ прочихъ многочисленныхъ и обязательныхъ занятій; никакой парламентъ и никакое министерство не взялись бы за подобную непосильную задачу, чѣмъ и объясняется поразительная запутанность въ англійскихъ законахъ. Неудивительно поэтому, что Джонъ Стюартъ Милль находилъ представительныя собранія вообще неспособными къ законодательству [1]). Знаменитые акты французскихъ палатъ, начиная съ конвента, и особенно новѣйшіе уголовные кодексы, судебные уставы, торговые и фабричные законы, выработанные при участіи парламентскихъ коммиссій въ Германіи и въ другихъ странахъ, ясно доказываютъ невѣрность мнѣнія Милля. Палата общинъ есть чрезвычайно тяжелое и неповоротливое законодательное орудіе,—единственно только вслѣдствіе устарѣлаго и несостоятельнаго способа разсмотрѣнія законовъ.

Введеніе парламентовъ въ государствахъ континентальной Европы сопровождалось самыми свѣтлыми, возвышенными ожиданіями. Люди мечтали о вѣкѣ правды и свободы, предавались поэтическимъ иллюзіямъ и надѣялись на скорую богатую жатву; —свою традиціонную привычку ждать спасенія сверху, изъ центра государства, они перенесли на народное представительство. Они воображали, что устранятся всякія бѣдствія и невзгоды, что исчезнутъ неудовольствія и ошибки, что рѣшенія депутатовъ замѣнятъ пищу для голодныхъ и что все устроится къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Увлекшись идеаломъ парламентаризма, они забыли о необходимыхъ для него подпоркахъ въ видѣ мѣстныхъ органовъ самоуправленія; парламенты остались, такъ-сказать, висѣть въ воздухѣ, сосредоточивая въ себѣ всевозможные общественные и политическіе интересы цѣлой націи, въ ущербъ самостоятельности областей и общинъ. Проза жизни не замедлила заявить свои права. Исключительное, напряженное вниманіе общества къ дѣятельности палатъ сдѣлалось болѣе трезвымъ и спокойнымъ; идеалы спустились на землю и пошатнулись подъ вліяніемъ глухого броженія рабочаго класса. Для парламентовъ насталъ тревожный кризисъ—періодъ затрудненій и новыхъ задачъ. Чтобы справиться съ ними, центральное представительство должно прочнѣе укрѣпить свои корни въ мѣстномъ самоуправленіи и передать ему часть своихъ функцій. На этотъ

---

[1]) „Размышленія о представительномъ правленіи“, (р. перев.), Спб. 1863.

путь вступила англійская палата общинъ послѣ билля о рефор 1832 года, расширившаго политическія права демократіи: обра зованъ былъ цѣлый рядъ избирательныхъ учрежденій въ городах и селахъ; извѣстнымъ законамъ придается условная сила, с примѣненіемъ ихъ по желанію мѣстныхъ выборныхъ власте такіе важные вопросы, какъ торговля спиртными напиткам предполагается разрѣшать мѣстнымъ народнымъ голосованіем Это—зачатки движенія, замѣтнаго и въ остальной Европѣ; иску ственное единство уступаетъ мѣсто естественному разнообразі

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е сентября, 1884.

Правила о церковно-приходскихъ школахъ; способъ изданія ихъ. Обособленіе церковно-приходской школы; организація ея, срокъ и программа ея учебнаго курса, отношеніе ея къ крестьянской школѣ грамотности, вѣроятные ея результаты.—Списокъ запрещенныхъ книгъ.—Признаки времени.

Вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ, возбужденный еще въ 1882 г., получилъ, наконецъ, окончательное разрѣшеніе. Заслуживаетъ вниманія, прежде всего, самая форма этого разрѣшенія. Правила о церковно - приходскихъ школахъ, Высочайше утвержденныя 13-го іюня, составляютъ, безъ сомнѣнія, *законъ,* и притомъ такой законъ, дѣйствіе котораго распространяется далеко за предѣлы духовнаго вѣдомства. Для предварительнаго разсмотрѣнія законопроектовъ установленъ у насъ особый законодательный порядокъ; они должны восходить на Высочайшее утвержденіе не иначе, какъ черезъ департаменты и общее собраніе Государственнаго Совѣта. Положеніе о церковно-приходскихъ школахъ не было направлено этимъ путемъ; составленное синодомъ, оно было утверждено по докладу синодальнаго оберъ - прокурора. Между тѣмъ, ни устройство, ни назначеніе церковно-приходскихъ школъ не позволяетъ видѣть въ нихъ учрежденіе исключительно духовное, подлежащее, по самой сущности дѣла, единственно вѣдѣнію церкви. Преподавателями въ этихъ школахъ могутъ быть не только священники и другіе члены клира, но и свѣтскія лица; свѣтскимъ лицамъ можетъ принадлежать и попечительство надъ ними; свѣтскій элементъ вводится въ епархіальные училищные совѣты, учреждаемые вновь для завѣдыванія церковно-приходскими школами. Окончившимъ курсъ въ этихъ школахъ дается, на общемъ основаніи, льгота по отбыванію воинской повинности. Церковно-приходскія школы имѣютъ главною цѣлью „утверждать въ народѣ православное ученіе вѣры и нравствен-

ности христіанской"; но таково, по мысли закона, существенное назначеніе всякой вообще начальной школы. Другая задача церковно-приходскихъ училищъ — „сообщеніе первоначальныхъ полезныхъ знаній"—не заключаетъ въ себѣ уже ровно ничего спеціально-духовнаго или церковнаго. Предметы преподаванія въ церковно-приходской школѣ тѣ же какъ и въ свѣтскихъ начальныхъ училищахъ. Чтобы окончательно убѣдиться въ *общемъ* значеніи правилъ, изданныхъ не въ общемъ порядкѣ, стóитъ только припомнить шестой ихъ пунктъ, изложенный слѣдующимъ образомъ: „вѣденію и наблюденію духовнаго начальства подлежатъ и открываемыя по деревнямъ и поселкамъ, входящимъ въ составъ прихода, домашнія крестьянскія школы грамотности". Возможныя послѣдствія этого постановленія будутъ указаны нами ниже; теперь мы приводимъ его только съ цѣлью подтвердить нашу мысль о свѣтскомъ характерѣ новыхъ правилъ. Крестьянская школа грамотности — учрежденіе вполнѣ свѣтское, судьбу котораго несомнѣнно слѣдовало бы опредѣлить не иначе, какъ изданнымъ на общемъ основаніи закономъ.

Безспорно хорошей стороной разбираемаго нами нововведенія слѣдуетъ признать отношеніе его къ существующей свѣтской начальной школѣ. Объ упраздненіи или замѣнѣ послѣдней церковно-приходскою школой нѣтъ, къ счастію, и рѣчи. „Въ мѣстностяхъ, гдѣ уже учреждены гражданскимъ вѣдомствомъ школы не принадлежащія къ числу приходскихъ"—сказано въ синодскомъ опредѣленіи, распубликованномъ одновременно съ правилами о церковно-приходскихъ школахъ—„духовенство должно открывать свои школы не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи преосвященнаго съ подлежащимъ начальствомъ, *такъ какъ для достиженія полнаго успѣха въ просвѣщеніи народа потребно единодушіе между всѣми лицами и учрежденіями, призванными къ служенію сему дѣлу*". Вполнѣ цѣлесообразнымъ и симпатичнымъ представляется, далѣе, призваніе свѣтскихъ лицъ къ дѣятельности на пользу церковно-приходской школы. „Вниманіе преосвященныхъ", читаемъ мы въ томъ же опредѣленіи синода, „должно быть обращено и на привлеченіе къ сему дѣлу просвѣщенныхъ и благочестивыхъ міррянъ, извѣстныхъ прежнимъ своимъ усердіемъ къ устройству церковно-приходскихъ школъ и способныхъ личнымъ трудомъ и попеченіемъ или матеріальною помощью оказать свое содѣйствіе: участіе въ трудахъ епархіальнаго совѣта и въ наблюденіи за школами людей благочестивыхъ и преданныхъ церкви поможетъ духовенству въ усовершеніи дѣла, на него возложеннаго". Для народнаго образованія сдѣлано еще такъ мало и слѣдуетъ сдѣлать такъ много, что избытка дѣятелей на этомъ поприщѣ быть не можетъ; труда хватитъ на всѣхъ, кто захочетъ трудиться. По спра-

ведливому замѣчанію министра народнаго просвѣщенія (см. циркуляръ, разосланный министерствомъ вслѣдъ за обнародованіемъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ), „народныхъ училищъ такъ мало сравнительно съ населеніемъ и пространствомъ обширной имперіи, что возникающія церковно-приходскія школы восполнятъ потребность въ обученіи народа, который охотно будетъ ввѣрять дѣтей школѣ, устрояемой подъ сѣнью церкви... Школа—естественная союзница церкви, и въ святомъ дѣлѣ ея веденія не можетъ быть ни розни, ни пререканій". Сопоставленіе разъясненій, данныхъ синодомъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія, невольно приводитъ къ слѣдующему вопросу: если цѣль начальныхъ школъ, какъ бы онѣ ни именовались и въ чьемъ бы вѣденіи ни состояли, вездѣ и всегда одна и та же, если изъ церковно-приходской школы не вовсе устраняется свѣтскій элементъ, а въ свѣтской начальной школѣ по прежнему играетъ важную роль элементъ духовный, если „для достиженія полнаго успѣха въ просвѣщеніи народа потребно единодушіе между всѣми призванными къ тому лицами и учрежденіями", то гдѣ же основаніе къ обособленію церковно-приходской школы, къ изъятію ея изъ сферы дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія, къ устройству для нея особыхъ наблюдающихъ и управляющихъ органовъ? Возможно ли было бы такое обособленіе, еслибы самыя правила о церковно-приходскихъ школахъ были разсмотрѣны въ обыкновенномъ законодательномъ порядкѣ? Есть ли надобность въ учрежденіи, рядомъ съ свѣтскою, духовной инспекціи надъ школами, рядомъ съ уѣздными и губернскими—епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ? Есть ли поводъ думать, что „наблюдатели", назначенные изъ числа „наиболѣе способныхъ и благонадежныхъ священниковъ" (п. 21 правилъ), окажутся болѣе полезными руководителями начальной школы, чѣмъ инспектора народныхъ училищъ? Двадцатилѣтній опытъ показалъ, что изъ числа коллегіальныхъ школьныхъ учрежденій живое участіе въ школьномъ дѣлѣ принимаютъ только уѣздные училищные совѣты (конечно—не всѣ), что губернскіе совѣты слишкомъ для этого отдалены отъ школы, слишкомъ склонны ограничиваться бумажною, канцелярскою дѣятельностью; вопреки этому опыту, завѣдываніе церковно-приходскими школами возлагается на *епархіальные* совѣты, соотвѣтствующіе, по своему положенію и кругу дѣйствій, губернскимъ училищнымъ совѣтамъ.

Двоевластіе въ школьномъ дѣлѣ не только безполезно, но и вредно. Оно мѣшаетъ одной половинѣ учительскаго состава пользоваться опытомъ и знаніями другой половины; оно проводитъ искусственную черту между людьми, которыхъ все призываетъ къ дружному, единодушному преслѣдованію одной общей цѣли. Кто знакомъ практически съ по-

ложеніемъ начальной школы, тотъ знаетъ, какое громадное значеніе имѣютъ для ея дѣятелей учительскіе съѣзды. Учебный персоналъ церковно-приходскихъ школъ или вовсе будетъ лишенъ этого средства развитія и усовершенствованія, или образуетъ свои особые, самостоятельные съѣзды. Въ послѣднемъ случаѣ потеря будетъ, безъ сомнѣнія, меньше, чѣмъ въ первомъ, но все же много силъ будетъ тратиться по-напрасну, много вопросовъ оставаться освѣщенными не со всѣхъ сторонъ. Намъ невольно приходитъ на память съѣздъ законоучителей, свидѣтелемъ котораго намъ случилось быть года два тому назадъ [1]). Господствующей его нотой была увѣренность участниковъ въ своей непогрѣшимости, въ безполезности совѣщаній и бесѣдъ о томъ, что̀ имъ всѣмъ какъ нельзя лучше извѣстно. Весьма вѣроятно, что та же нота будетъ звучать и на съѣздахъ учителей церковно-приходскихъ школъ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько участниками съѣзда будутъ члены клира; удѣломъ остальныхъ присутствующихъ (т.-е. учителей и учительницъ изъ числа свѣтскихъ лицъ) будетъ, по всей вѣроятности, почтительное молчаніе въ виду подчиненнаго ихъ положенія, о которомъ рѣчь еще впереди. Не станемъ, однако, ограничиваться предположеніями; посмотримъ какъ отразилось обособленіе церковно-приходскихъ школъ на самыхъ правилахъ 13-го іюня.

Обученіе въ церковно-приходскихъ школахъ производятъ мѣстные священники или другіе, по соглашенію, члены причта, а равно особо назначаемые для того, съ утвержденія епархіальнаго архіерея, учители и учительницы, подъ наблюденіемъ священника (ст. 10-я правилъ). Непосредственное и отвѣтственное завѣдываніе школой возлагается на приходскаго священника или на то лицо, которое (въ исключительныхъ случаяхъ) будетъ для сего назначено епархіальнымъ архіереемъ (ст. 19). Учительскія должности въ церковно-приходскихъ школахъ замѣщаются преимущественно лицами, получившими образованіе въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства (ст. 12-я). Насъ поражаетъ здѣсь прежде всего, зависимое положеніе, въ которое поставлены учители и учительницы церковно-приходскихъ школъ, разъ, что они назначены изъ среды свѣтскихъ лицъ. Особенно самостоятельнымъ положеніемъ учителя не можетъ быть названо, правда, и въ свѣтской начальной школѣ—но все-таки онъ имѣетъ извѣстную свободу дѣйствій уже потому, что многочисленные его начальники и наблюдатели стоятъ поодаль отъ школы и не вмѣшиваются, ежедневно и ежечасно, въ подробности преподаванія. Отвѣтственнымъ и непосредственнымъ рас-

---

[1]) См. „Внутреннее обозрѣніе“ въ № 10 „Вѣстника Европы“ за 1882 г.

порядителемъ свѣтской начальной школы является, во всякомъ случаѣ, самъ преподаватель; законоучитель стоитъ рядомъ съ нимъ и отвѣчаетъ только за свой предметъ; попечитель школы не имѣетъ начальническихъ правъ; инспекторъ народныхъ училищъ, члены училищнаго совѣта и др. соединяютъ въ своихъ рукахъ завѣдываніе многими школами, не управляя прямо ни одною изъ нихъ. Совершенно иною представляется роль учителя въ церковно-приходской школѣ; назначаемый мѣстнымъ священникомъ, имъ же, по всей вѣроятности, и увольняемый, онъ дѣйствуетъ постоянно на глазахъ своего начальника, нисходя такимъ образомъ, на степень простого исполнителя его приказаній. Не думаемъ, чтобы это могло способствовать успѣху учебнаго дѣла. Съ сознаніемъ отвѣтственности слишкомъ часто исчезаетъ одно изъ главныхъ побужденій къ усиленной работѣ надъ самимъ собою и надъ своей задачей. Одно изъ двухъ: или священникъ можетъ посвятить значительную часть своего времени и своихъ силъ занятіямъ въ церковно-приходской школѣ—въ такомъ случаѣ ему слѣдуетъ прямо взять на себя преподаваніе въ ней; или онъ слишкомъ поглощенъ другими приходскими дѣлами—въ такомъ случаѣ распорядителемъ церковно-приходской школы слѣдовало бы признавать преподавателя, оградивъ его отъ всякаго произвола со стороны священника. Оставаясь законоучителемъ, священникъ имѣлъ бы полную возможность слѣдить за ходомъ дѣла въ церковно-приходской школѣ и сохранилъ бы, по отношенію къ ней, ту степень вліянія, которая принадлежитъ ему въ свѣтской начальной школѣ. Еще менѣе нормальнымъ, чѣмъ положеніе учителя или учительницы изъ числа свѣтскихъ лицъ, будетъ положеніе преподавателя церковно-приходской школы, взятаго изъ среды второстепенныхъ членовъ клира. Діаконъ или тѣмъ болѣе причетникъ явится, въ большинствѣ случаевъ, учителемъ par ordre, равнодушнымъ къ своему дѣлу, а иногда, быть можетъ, и вовсе къ нему неспособнымъ. Чѣмъ настойчивѣе будетъ требоваться сверху открытіе церковно-приходскихъ школъ, тѣмъ чаще, по всей вѣроятности, преподаваніе въ нихъ будетъ выпадать на долю званыхъ, но не избранныхъ. Діаконовъ, какъ извѣстно, при сельскихъ церквахъ большею частью нѣтъ; священники, даже при искреннемъ желаніи, рѣдко будутъ имѣть свободное время для постоянныхъ занятій въ церковно-приходской школѣ; наемъ учителей со стороны потребуетъ расходовъ, далеко не всегда посильныхъ для прихода. Самымъ простымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія будетъ возложеніе преподаванія на одного изъ псаломщиковъ. Нельзя не пожалѣть, поэтому, что и псаломщики не исключены, правилами 13-го іюня, изъ числа преподавателей цер-

ковно-приходской школы [1]). Число церковно-приходскихъ школъ, при существованіи такого исключенія, было бы, можетъ быть, гораздо меньше, но меньше, зато, было бы между ними училищъ, существующихъ только номинально или ничѣмъ, de facto, не отличающихся отъ простыхъ школъ грамотности. Нѣтъ ничего хуже разнорѣчія между оффиціальными данными и дѣйствительностью. Значительное, *на бумагѣ*, число учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ можетъ стать задержкой на пути развитія народнаго образованія, позволяя утверждать, что для него сдѣлано уже все, чтó нужно.

Другая характеристическая черта новыхъ правилъ—это преимущество, предоставляемое ими воспитанникамъ духовныхъ учебныхъ заведеній. Разъ, что преподаваніе въ церковно-приходской школѣ ведется не самимъ священникомъ и не членами клира, ограниченіе въ выборѣ преподавателя едва ли можетъ быть признано цѣлесообразнымъ. Духовныя семинаріи и училища—не единственные и не лучшіе разсадники народныхъ учителей. Если правительство разрѣшаетъ учреждать и учреждаетъ по собственной инипіативѣ учительскія семинаріи, спеціально съ цѣлью подготовки народныхъ учителей, то не странно ли закрывать передъ ихъ учениками двери церковно-приходской школы? Не значитъ ли это поселять недовѣріе къ цѣлому разряду учителей, ничѣмъ его не заслужившихъ и безпрепятственно допускаемыхъ къ дѣятельности въ сосѣднемъ отдѣлѣ той же сферы? Духовныя семинаріи и женскія духовныя училища — учрежденія сословныхъ, если не de jure, то de facto; полезно ли вносить принципъ сословности въ такія всенародныя учрежденія, какъ церковно-приходская школа? Есть ли, притомъ, основаніе считать духовныя семинаріи хорошей подготовительной школой для учительской дѣятельности? Не слѣдуетъ ли имѣть въ виду, что лучшіе воспитанники семинарій поступаютъ въ духовныя академіи, переходятъ въ свѣтскія учебныя заведенія, получаютъ священническія мѣста, и что въ народные учителя идутъ изъ семинарій почти исключительно тѣ, которымъ больше некуда дѣваться? Еще менѣе понятно для насъ распространеніе привилегіи, установляемой правилами 13 іюня, на воспитанниковъ духовныхъ училищъ (мужскихъ), имѣющихъ смыслъ только въ качествѣ подготовительной ступени семинарскаго образованія. Что касается до женскихъ духовныхъ училищъ, то нѣкоторыя изъ нихъ—мы имѣли случай убѣдиться въ этомъ лично — устроены очень хорошо и готовятъ ученицъ именно къ педагогической дѣя-

---

[1]) Само собою разумѣется, что изъятіе этого рода не должно было бы распространяться на псаломщиковъ, окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи и ожидающихъ посвященія въ діаконы или священники.

тельности; но это еще не значитъ, чтобы онѣ стояли въ какомъ бы то ни было отношеніи выше земскихъ учительскихъ школъ для женщинъ или выше женскихъ гимназій [1]). Въ свѣтскихъ начальныхъ школахъ до сихъ поръ находятъ себѣ мѣсто многіе воспитанники и воспитанницы духовныхъ учебныхъ заведеній; столь же далекой отъ исключительности слѣдовало бы быть и церковно-приходской школѣ.

Церковно-приходскія школы, на основаніи новыхъ правилъ, могутъ быть одноклассныя съ двухлѣтнимъ и двухклассныя съ четырехлѣтнимъ курсомъ. Въ одноклассныхъ школахъ предметы преподаванія тѣ же, какъ и въ обыкновенной начальной школѣ (законъ Божій, церковное пѣніе, чтеніе гражданской и церковной печати, письмо, начальная ариѳметика); въ школахъ двухклассныхъ преподаются, сверхъ того, начальныя свѣдѣнія изъ исторіи церкви и отечества (ст. 5-ая). Желательно было бы знать, почему курсъ ученья въ одноклассной церковно-приходской школѣ ограниченъ двумя годами, между тѣмъ какъ въ свѣтской начальной школѣ онъ продолжается, большею частью, три года? Ожидаются ли отъ учениковъ, въ первомъ случаѣ, болѣе быстрые успѣхи, чѣмъ въ послѣднемъ? Такое ожиданіе едва ли было бы основательно, уже потому, что преподаватель свѣтской школы имѣетъ возможность отдаться ей всецѣло, а преподаватель школы церковно-приходской, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ священнослужитель, необходимо долженъ отвлекаться отъ школьныхъ занятій обязанностями своего главнаго званія. Или, можетъ быть, предполагается сократить *объемъ* курса церковно-приходской школы? Это столь же мало вѣроятно, какъ въ виду равенства правъ, обусловливаемыхъ окончаніемъ курса въ школахъ обоихъ типовъ, такъ и потому, что кругъ знаній, сообщаемыхъ свѣтской начальной школой, безъ того уже доведенъ до минимума; нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, ограничить „начальную ариѳметику" сложеніемъ и вычитаніемъ, или обученіе письму — умѣньемъ срисовывать буквы съ доски или книги. Если трехгодичный курсъ начальной школы не всегда устраняетъ печальное явленіе, извѣстное подъ именемъ „рецидива безграмотности", то на долго ли хватятъ свѣденія, почерпнутыя изъ двухгодичнаго курса церковно-приходской школы?.. Сравнительно съ двухклассными начальными училищами, курсъ двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ также сокращенъ на одинъ годъ (четыре вмѣсто пяти); но здѣсь приходится удивляться уже не краткости, а продолжительности учебнаго времени. Въ самомъ дѣлѣ, неужели нужны цѣлыхъ два года, чтобы сообщить уче-

---

[1]) Если окончившіе курсъ въ мужской гимназіи крайне рѣдко поступаютъ въ народные учителя, то о женскихъ гимназіяхъ этого сказать никакъ нельзя.

никамъ „начальныя свѣдѣнія изъ исторіи церкви и отечества"? Ученики свѣтскихъ двухклассныхъ училищъ остаются во второмъ классѣ также два года, но они изучаютъ въ это время не только русскую исторію (объ исторіи церкви имъ, безъ сомнѣнія, даетъ понятіе законоучитель, на урокахъ закона Божія), но и географію Россіи, начальную геометрію, заключительные отдѣлы ариѳметики. Какимъ образомъ, съ другой стороны, познакомить учениковъ съ русской исторіей, не сообщая имъ свѣденій по географіи Россіи? Отчего не воспользоваться четвертымъ годомъ ученья, чтобы пополнить ихъ ариѳметическія познанія? Осторожнѣе было бы, во всякомъ случаѣ, не установлять теперь же законныхъ опредѣленій относительно срока и программы ученья въ церковно-приходскихъ школахъ, а выждать указаній опыта, если уже не цѣнится ни во что примѣръ свѣтской начальной школы. Стремленіе провести во всемъ существенномъ демаркаціонную черту между обоими типами школы едва ли могло бы зайти такъ далеко, еслибы правила 13 іюня подверглись обсужденію въ обычномъ законодательномъ порядкѣ.

Мы уже говорили, что въ составъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ вошло, неизвѣстно почему, постановленіе, относящееся къ крестьянскимъ школамъ грамотности. До сихъ поръ, на основаніи правительственнаго распоряженія 1882 г., онѣ состояли подъ наблюденіемъ полиціи и духовенства. Наблюденіе это — какъ видно уже изъ самой разнородности наблюдающихъ элементовъ — было равносильно завѣдыванію, управленію; ни священники, ни полицейскіе чины не были *начальниками* школы грамотности. На обязанности первыхъ лежалъ надзоръ за религіозною, на обязанности послѣднихъ — надзоръ за политическою благонадежностью преподавателей. Ничто не мѣшало, такимъ образомъ, ни самостоятельному устройству и веденію школы грамотности, ни установленію живой связи между нею и правильно организованной начальной школой. На самомъ дѣлѣ общеніе, въ высшей степени желательное, уже начиналось; учителя школы грамотности, окончившіе курсъ въ земской начальной школѣ, дѣйствовали подъ руководствомъ своихъ прежнихъ преподавателей, являлись иногда на учительскіе съѣзды; инспектора народныхъ училищъ и уѣздные училищные совѣты собирали свѣденія о школахъ грамотности, оказывали поддержку лучшимъ изъ нихъ; земскія собранія ассигновали средства для такой поддержки [1]). Предоставленное самому себѣ, дѣло продолжало бы идти по той же, совершенно естественной и правильной дорогѣ. Правила 13-го іюня создаютъ для школы грамотности то же обособ-

---

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 5 „Вѣстника Европы" за текущій годъ.

леніе, какъ и для церковно-приходской школы; они подчиняютъ ее не только наблюденію, но и *вѣденію* духовенства, т.-е. дѣлаютъ священника *начальникомъ* всѣхъ школъ грамотности, открываемыхъ или открытыхъ въ его приходѣ. Подчиненіе это не обусловлено даже существованіемъ, въ данной мѣстности, церковно-приходской школы; священникъ можетъ ничего не дѣлать для народнаго образованія, и все-таки быть рѣшителемъ судьбы устроенныхъ помимо него училищъ. Мы ничего не могли бы сказать противъ руководства священниковъ по отношенію къ школамъ грамотности, противъ тѣсной связи между послѣдними и церковно-приходской школой, еслибы это руководительство, эта связь составляли только одну изъ формъ школьнаго единства—еслибы, напримѣръ, каждая школа грамотности была пріурочена къ ближайшей правильно организованной школѣ, все равно — земской, правительственной или церковно-приходской. Нежелательнымъ кажется намъ *безусловное* подчиненіе школъ грамотности мѣстному духовенству, *искусственное* соединеніе учрежденій, на самомъ дѣлѣ часто не имѣющихъ между собою ничего общаго. Представимъ себѣ, напримѣръ, такой случай: на границѣ прихода, верстахъ въ 10—15 отъ церкви, а слѣдовательно и отъ мѣста жительства священника, существуетъ уже много лѣтъ земская школа; кругомъ нея, въ пятиверстномъ районѣ, открыто нѣсколько школъ грамотности, преподаватели которыхъ — бывшіе ученики земской школы, душевно къ ней привязанные и дѣйствующіе подъ ея вліяніемъ. Много ли выиграетъ дѣло отъ номинальнаго главенства священника, уже въ силу отдаленности разстояній лишеннаго возможности сдѣлать что-либо въ пользу подчиненныхъ ему училищъ? Хорошо еще, если это главенство останется только номинальнымъ; а если начальникъ захочетъ показать свою власть, замѣнить прежнихъ преподавателей своими ставленниками или измѣнить методъ преподаванія, усвоенный учителями еще въ земской школѣ?.. Въ какомъ положеніи окажутся, далѣе, раскольническія школы грамотности, поставленныя подъ *начальство* православнаго духовенства? Для нихъ, во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы сдѣлать исключеніе изъ общаго правила, установленнаго п. 6-мъ положенія о церковно-приходскихъ школахъ. Замѣтимъ, въ заключеніе, что эпитетъ: *домашнія*, которымъ характеризованы въ п. 6-мъ крестьянскія школы грамотности, не устраняетъ недоразумѣній, о которыхъ мы уже нѣсколько разъ говорили, и можетъ явиться, въ рукахъ противниковъ школы грамотности, орудіемъ весьма опаснаго свойства. Во имя *домашняго* характера школъ грамотности можно наложить запретъ на школу, для которой нанято особое помѣщеніе, на школу, въ которой учатся не одни только домашніе хозяина.

Мы указали съ полною откровенностью всѣ слабыя по нашему убѣжденію стороны правилъ 13-го іюня; но это еще не значить, чтобы мы вовсе отрицали возможность или хотя бы вѣроятность полезнаго ихъ результата. Увеличеніе числа начальныхъ училищъ не можетъ быть совершенно безплоднымъ, лишь бы только ростъ церковно-приходской школы совершался не въ ущербъ другимъ типамъ школы, лишь бы только не было создано, закономъ или помимо закона, ни прямыхъ, ни косвенныхъ преградъ для дѣятельности земства, городовъ, обществъ, частныхъ лицъ на поприщѣ народнаго образованія. Чуждые пессимизма, мы не можемъ, однако, примкнуть къ тѣмъ черезъ-чуръ оптимистическимъ взглядамъ, которые были высказаны въ нашей печати по поводу новаго закона. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что церковно-приходскія школы не составляютъ чего-либо новаго въ нашемъ учебномъ строѣ. Открытіе ихъ было вполнѣ возможно и вполнѣ удобно какъ до, такъ и послѣ изданія положенія 25-го мая 1874 г.; сильно уменьшившись въ числѣ (сравнительно съ началомъ шестидесятыхъ годовъ), онѣ никогда не переставали существовать на самомъ дѣлѣ, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ всего больше было учреждено земскихъ школъ. Нельзя сказать также, чтобы церковно-приходскія школы встрѣчали до сихъ поръ противодѣйствіе или равнодушіе со стороны учебнаго вѣдомства; достаточнымъ доказательствомъ противнаго можетъ служить циркуляръ бывшаго министра народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толстаго (1879 г.), цитированный недавно его преемникомъ. „Проникаясь мыслью о необходимости дѣятельнѣйшаго участія православнаго духовенства въ образованіи народа“—сказано въ этомъ циркулярѣ,—„я считаю непремѣнною обязанностью ввѣреннаго мнѣ министерства всѣми зависящими способами содѣйствовать духовенству въ такомъ участіи и располагать его къ оному, будучи убѣжденъ, что труды, предлежащіе духовенству на поприщѣ школьнаго образованія народа, не останутся впредь безъ матеріальнаго, въ соотвѣтственной мѣрѣ постояннаго вознагражденія изъ суммъ казны“. Если, не смотря на совокупность благопріятныхъ внѣшнихъ условій, церковно-приходскимъ школамъ было мало и видной роли въ дѣлѣ народнаго образованія онѣ, въ послѣднія двадцать или двадцать-пять лѣтъ, не играли, то были же этому, очевидно, какія-либо внутреннія причины, коренящіяся въ самомъ духовенствѣ. Вопросъ, такимъ образомъ, сводится къ тому, устранены-ли эти причины правилами 13-го іюня. Безъ сомнѣнія, ожиданія и надежды, выразившіяся въ самомъ фактѣ изданія этихъ правилъ, не останутся совершенно тщетными; они возлагаютъ на духовенство не только нравственную, но, до извѣстной степени, и формальную обязанность, о неисполненіи которой не можетъ быть и

рѣчи. *Какъ* она будетъ исполнена—покажетъ время; немыслимымъ, во всякомъ случаѣ, представляется внезапное перерожденіе цѣлаго сословія. Чтобы стать на высотѣ своей учительской роли, нашему духовенству нужно именно переродиться; это признаютъ самые ревностные его друзья, если ревность не исключаетъ въ нихъ искренности. Припомнимъ, что̀ говорилъ объ учительской дѣятельности священниковъ г. Рачинскій, въ своихъ этюдахъ о народной школѣ. Не менѣе знаменательна передовая статья, появившаяся въ „Руси“ нѣсколько раньше обнародованія правилъ 13-го іюня (въ № 13). „Наши сельскіе священники,—такова ея основная мысль,—большею частью совершители таинствъ и требъ, но не пастыри, а потому и не учители“. „Если бы священники наши,—читаемъ мы въ той же статьѣ,—проповѣдывали въ храмахъ, учили народъ съ амвона слову Божію, то главная, существенная задача вновь учреждаемыхъ церковно-приходскихъ училищъ была бы уже исполнена... Почему же предположить, что усѣвшись на учительскій стулъ въ классной комнатѣ, взявъ катихизисъ въ руки, священникъ усерднѣе и успѣшнѣе исполнитъ пастырскій долгъ учительства, чѣмъ въ самомъ Дому Божіемъ“.. „Къ несчастію,—заключаетъ авторъ, — священниковъ-педагоговъ по призванію болѣе, чѣмъ мало“. Какъ исполнялся и исполняется въ начальной школѣ, въ большинствѣ случаевъ, долгъ законоучительства—это слишкомъ хорошо извѣстно; а обязанность учительства въ церковно-приходской школѣ, обнимающая собою, сверхъ закона Божія, и всѣ другіе учебные предметы, еще гораздо сложнѣе и труднѣе.

Не зависѣло-ли, однако, слабое участіе духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія отъ недостаточности матеріальныхъ средствъ, которыми вознаграждался до сихъ поръ трудъ его на этомъ поприщѣ? Безусловно утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ не былъ бы правиленъ уже потому, что законоучительство оплачивалось во всѣхъ начальныхъ школахъ, а въ нѣкоторыхъ (напр., въ министерскихъ) оплачивалось даже очень хорошо, далеко не всегда становясь отъ того болѣе ревностнымъ и удачнымъ. Тѣмъ не менѣе мы готовы признать, что съ увеличеніемъ матеріальныхъ средствъ увеличатся, до извѣстной степени, и получаемые результаты. Какими же средствами будутъ располагать церковно-приходскія школы? По ст. 2-й правилъ 13-го іюня, церковно-приходскія школы открываются на мѣстныя средства прихода, безъ пособій или съ пособіемъ отъ сельскихъ и городскихъ обществъ, приходскихъ попечительствъ и братствъ, земскихъ и другихъ общественныхъ и частныхъ учрежденій и лицъ, епархіальнаго и высшаго духовнаго начальства, а равно и казны. Итакъ, на первомъ планѣ стоятъ мѣстныя средства прихода. Приходъ не составляетъ у насъ, какъ извѣстно, ни юридическаго

лица, ни административной единицы, ни исторически сложившейся группы, привыкшей дѣйствовать общими силами, во имя общихъ интересовъ. Отсюда, въ большинствѣ случаевъ, безпомощность и безсиліе приходскихъ братствъ и попечительствъ, часто существующихъ только на бумагѣ или едва подающихъ признаки жизни. Ничто не мѣшало имъ и до сихъ поръ учреждать приходскія школы—но много ли найдется училищъ, содержимыхъ на счетъ прихода? Разсчитывать на радикальную, въ этомъ отношеніи, перемѣну, на широкую коллективную дѣятельность прихожанъ можно было бы развѣ тогда, еслибы приходу, согласно съ недавнимъ ходатайствомъ московскаго губернскаго земства, предоставлено было участіе въ избраніи священника; но обстоятельства настоящей минуты неблагопріятны развитію выборнаго начала, ограничиваемаго даже въ средѣ самого духовенства. Городскія общества и земскія учрежденія слишкомъ привыкли къ своимъ собственнымъ школамъ, чтобы можно было ожидать отъ нихъ отреченія въ пользу церковно-приходскихъ училищъ; кто даетъ деньги на содержаніе школы, тотъ желаетъ и вліянія на нее, хотя бы оно ограничивалось правомъ голоса при назначеніи и увольненіи учителя. То же самое слѣдуетъ сказать и о частныхъ лицахъ, основывающихъ на свой счетъ начальную школу. Болѣе или менѣе вѣроятной поддержка церковно-приходскихъ школъ со стороны города, земства, частныхъ лицъ представляется, поэтому, въ тѣхъ только случаяхъ, когда рѣчь будетъ идти объ ассигнованіи не всей сполна суммы, необходимой для содержанія школы, а только нѣкоторой, не слишкомъ большой ея части. Что касается до пособія отъ сельскихъ обществъ, то мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что назначеніе его будетъ зависѣть, большею частью, отъ усердія администраціи. Самымъ нормальнымъ источникомъ расходовъ по содержанію церковно-приходскихъ школъ слѣдуетъ считать, безъ сомнѣнія, пособіе отъ епархіальнаго и высшаго духовнаго начальства; но о размѣрѣ этого пособія нельзя составить себѣ теперь даже приблизительнаго понятія, потому что до сихъ поръ епархіальное и высшее духовное начальство почти ничего не вносило отъ себя въ бюджетъ начальной школы. Въ концѣ концовъ весьма легко можетъ случиться, что главная доля расходовъ по содержанію церковно-приходскихъ школъ упадетъ на счетъ казны; въ четырехъ небольшихъ словечкахъ („а равно и казны"), которыми заканчивается пунктъ 2-й, заключается, быть можетъ, настоящій центръ тяжести правилъ 13-го іюня. Забота государства о народномъ образованіи должна выражаться, между прочимъ, въ ассигнованіи суммъ на содержаніе начальной школы, и тѣмъ больше эти суммы, тѣмъ лучше; до сихъ поръ онѣ играли слишкомъ незначительную роль въ нашемъ государственномъ бюджетѣ. Про-

чивъ казеннаго пособія церковно-приходскимъ школамъ нельзя въ принципѣ возразить ни слова; желательно только, чтобы право на пособіе признавалось не исключительно за ними, чтобы оно было обусловлено не столько наименованіемъ школы, сколько достигаемыми результатами. Всего правильнѣе было бы распредѣлять суммы, назначаемыя на начальное образованіе, между всѣми начальными школами, нуждающимися въ поддержкѣ и заслуживающими ея по удостовѣренію учебнаго начальства. Экзамены на льготу даютъ полную возможность опредѣлить, удовлетворяетъ ли школа этому послѣднему требованію. При дѣйствіи такого порядка ни одна копѣйка изъ школьнаго бюджета не тратилась бы по напрасну, ни одна школа не возникала бы единственно въ виду содержанія, обезпеченнаго за преподавателемъ независимо отъ достоинства преподаванія. Стоитъ только установить, что священникъ, открывшій церковно-приходскую школу, пріобрѣтаетъ ipso facto право на вознагражденіе отъ казны—и число церковно-приходскихъ школъ станетъ рости весьма быстро; но много ли выиграетъ отъ этого дѣло народнаго образованія?.. Съ какой бы стороны ни подходить къ вопросу, выводъ, во всякомъ случаѣ, получается одинъ и тотъ же: насколько полезна церковно-приходская школа, какъ одно изъ многихъ равноправныхъ звеньевъ школьной цѣпи, настолько же нежелательно привилегированное положеніе ея, нежелательна искусственная и поспѣшная ея прививка къ нашей почвѣ.

Въ газетахъ появился недавно списокъ книгъ и журналовъ, изъятыхъ изъ обращенія въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ, на основаніи временныхъ правилъ 5 января 1884 г. О значеніи этихъ правилъ мы уже имѣли случай говорить, вслѣдъ за ихъ изданіемъ [1]; не возвращаясь болѣе къ основной ихъ мысли, остановимся только на первомъ практическомъ ея примѣненіи. Кое-что, въ вышеупомянутомъ спискѣ, представляется мало понятнымъ, такъ что иногда возникаютъ сомнѣнія въ точности его (оффиціальнымъ путемъ онъ до сихъ поръ обнародованъ не былъ). Такъ, запрещеніе книги г. П. Л. („Мысли о соціальной наукѣ будущаго"), занимающаго, если мы не ошибаемся, высокій постъ въ нашей администраціи, не объясняется ли тождествомъ начальныхъ буквъ его имени и фамиліи съ начальными буквами имени и фамиліи другого лица (автора также запрещенныхъ „Историческихъ писемъ")? Особенно серьезнымъ представляется veto, наложенное на чисто-научныя сочиненія; напр. мы съ недоумѣніемъ прочли въ спискѣ имя Адама Смита. Классическій въ своемъ родѣ авторъ, основатель науки, болѣе

[1] См. „Внутреннее обозрѣніе" въ № 4 „Вѣстника Европы" за текущій годъ.

ста лѣтъ окруженный общимъ уваженіемъ, свободный отъ всякой страстности, отъ всякаго радикализма, не можетъ ни въ какомъ случаѣ считаться опаснымъ для общественнаго спокойствія, вредным для молодыхъ умовъ. Во имя послѣдовательности оставалось бы тогда запретить упоминаніе о немъ на лекціяхъ и въ учебникахъ политической экономіи, или вовсе прекратить чтеніе этихъ лекцій, вовсе изъять изъ обращенія эти учебники, потому что нельзя вообразить себѣ ни тѣхъ, ни другихъ безъ имени Адама Смита. На одну доску съ великимъ шотландскимъ писателемъ поставлены такіе ученые, какъ Спенсеръ, Лёббокъ, Гексли, Лайель, Кетле, Агассисъ, Леккі, Льюисъ, такіе благоразумные, умѣренные соціологи, какъ Дж. Ст. Милль. Изъятыми изъ обращенія оказываются, такимъ образомъ, не только „Первые принципы“ Спенсера, но и его „Основанія психологіи“, не только „Исторія философіи“ Льюиса, но и его „Физіологія обыденной жизни“. Спрашивается, много ли выиграетъ учащаяся или только-что окончившая ученье молодежь (мы предполагаемъ, что именнно она имѣлась преимущественно въ виду при изданіи правилъ 5 января), вслѣдствіе недоступности или неудободоступности для нея спокойныхъ, безпристрастныхъ трудовъ тѣхъ ученыхъ, которые перечислены нами выше? Чтеніе и изученіе подобныхъ книгъ—лучшая гарантія противъ легкомысленныхъ увлеченій; оно развиваетъ привычку къ критическому анализу, мѣшаетъ вѣровать въ первую схваченную на лету мысль, апеллирующую не столько къ разуму, сколько къ чувству. Другихъ послѣдствій отъ знакомства съ Ад. Смитомъ или Кетле, съ Ляйелемъ или Спенсеромъ можно ожидать развѣ тогда, когда читатель приступаетъ къ нему съ предвзятымъ намѣреніемъ найти тотъ тонкій тайный ядъ, изъ-за котораго принята запретительная мѣра. Не говоримъ уже о томъ, что нѣкоторые изъ опальныхъ писателей,—напр. Агассисъ—не раздѣляетъ во многомъ такъ называемыхъ опасныхъ взглядовъ и принадлежитъ скорѣе къ консервативному лагерю, насколько можетъ быть рѣчь о консерватизмѣ въ наукѣ. Между русскими учеными, навлекшими на себя неблагосклонное вниманіе администраціи, мы встрѣчаемъ имена покойнаго Щапова, гг. Сѣченова, Жуковскаго, де-Роберти. Запрещеніе распространяется, такимъ образомъ, на сочиненія въ родѣ „Соціологіи“, г. де-Роберти, въ которой никакое увеличительное стекло не найдетъ признаковъ неблагонамѣренности.

Другая категорія писателей, постигнутыхъ запрещеніемъ, относится къ сферѣ изящной литературы. Подобно тому, какъ наряду съ именемъ Гёксли стоитъ въ спискѣ имя Дебэ (автора разсчитаннаго на нездоровое любопытство „Физіологіи брака“), мы встрѣчаемъ здѣсь, рядомъ съ именемъ Зола имя г. Златовратскаго. Разница за-

ключается въ томъ, что изъ романовъ Зола запрещены только два („Западня"—т.-е. „Assommoir"—и „Нана"), а сочиненія г. Златовратскаго запрещены безусловно. Читателямъ „Вѣстника Европы" извѣстно наше мнѣніе о Зола; мы вовсе не считаемъ его безнравственнымъ писателемъ, какимъ любитъ выставлять его рутинная критика, и менѣе всего видимъ безнравственности въ „Assommoir", этой глубоко-трагической и поучительной картинѣ вырожденія, обусловливаемаго пьянствомъ. Не сочувствуя мѣрѣ, принятой по отношенію къ Зола, мы можемъ, однако, понять ее, въ виду страницъ извѣстнаго сорта, слишкомъ многочисленныхъ въ „Assommoir" и особенно въ „Нана"; но мы не можемъ представить себѣ лучшаго противоядія противъ излишествъ французскаго нео-реализма, какъ сочиненія Левитова, Рѣшетникова, Слѣпцова, Помяловскаго, г. Златовратскаго. Всѣ эти сочиненія внесены въ index—и для читателей затрудненъ, такимъ образомъ, доступъ въ цѣлую область, прямо противоположную золаизму. Простая, свѣжая, укрѣпляющая пища признана вредной только потому, что ее не въ силахъ были переварить нѣсколько исключительныхъ, болѣзненно разстроенныхъ организмовъ. Нѣтъ такой книги, которую нельзя было бы перетолковать вкривь и вкось, изъ которой нельзя было бы почерпнуть аргументовъ въ пользу чуждой ей тэмы. Быть можетъ, чтеніе названныхъ нами авторовъ и породило въ комъ-нибудь чувства раздраженія и ненависти—но это еще не значитъ, чтобы они были проникнуты чѣмъ-либо инымъ, кромѣ любви къ народу. Помяловскій, отчасти и Рѣшетниковъ имѣютъ, притомъ, болѣе историческое, чѣмъ современное значеніе; міръ, изображенный въ „Очеркахъ бурсы", въ „Подлиповцахъ", отошелъ или отходитъ въ прошедшее и не можетъ болѣе возбуждать страстныхъ порывовъ негодованія и злобы. Пройдетъ не много лѣтъ—и историку нашей „народнической" литературы трудно будетъ повѣрить, что она могла быть объявлена „внѣ закона". Еще болѣе памятнымъ останется, по всей вѣроятности, изъятіе изъ обращенія сочиненій Добролюбова — писателя, которымъ могла бы гордиться всякая европейская литература. Не знать Добролюбова—значитъ не знать и не понимать движенія русской мысли за послѣднюю четверть вѣка. Отчего бы тогда не внести въ index и сочиненій Бѣлинскаго, соединивъ въ одной общей судьбѣ учителя и ученика, набросивъ покрывало на два одинаково знаменательные фазиса развитія русской критики?

Въ одной изъ газетныхъ статей, вызванныхъ разбираемымъ нами спискомъ, запретительныя мѣры по отношенію къ библіотекамъ для чтенія и общественнымъ читальнямъ объясняются „твердымъ убѣжденіемъ правительства, что соціальныя и политическія науки слу-

жать прямыми источниками современныхъ анти-государственных течeній". Это объясненіе очевидно требуетъ дополненія. Мы видѣ уже, что цѣлый рядъ писателей, внесенныхъ въ index, не имѣет ничего общаго съ соціальными и политическими науками. Опасно предполагается и въ беллетристикѣ, и въ естественныхъ наукахъ; на равнѣ съ учеными упомянуты здѣсь художники, наравнѣ съ эконом стами и соціологами—представители геологіи, біологіи, антропологі физіологіи. Еще важнѣе то, что наравнѣ съ людьми партіи осужде подверглись люди строгаго нейтралитета. Нужно ли прибавлять, что е тествознаніе, само по себѣ взятое, никого еще не сдѣлало врагомъ об ства и государства, что заподозриваніе естественныхъ наукъ ничѣ не отличается отъ заподозриванія классическихъ языковъ, вошедш было въ моду какъ во Франціи, такъ и въ Россіи лѣтъ 30—35 то назадъ (реформы Фортуля и кн. Ширинскаго-Шихматова)?... За пр изведеніями науки можно было бы признать, въ сферѣ политиче акціи и реакціи, ту же неприкосновенность, какую признает больницами и лазаретами новѣйшее международное право.

Впрочемъ, повторимъ опять, судить вполнѣ правильно о значе списка недозволенныхъ книгъ въ библіотекахъ для чтенія—можно б детъ только по оффиціальномъ его опубликованіи.

Въ политической метеорологіи, точно такъ же какъ и въ фи ческой, довольно существенную роль играютъ разныя примѣты мелкія явленія, маловажныя сами по себѣ, но служащія матеріал для догадокъ, болѣе или менѣе правдоподобныхъ. За недостатк строго научныхъ данныхъ, съ помощью которыхъ можно был точно предсказать перемѣну погоды, приходится иногда обра вниманіе на разные мелкіе примѣры; за отсутствіемъ того бароме политической атмосферы, которымъ служитъ гласность, свобода о сужденія и критики, приходится иногда класть на вѣсы малыя, да безконечно малыя величины. Къ числу такихъ микроскопически но все-таки характеристичныхъ „признаковъ времени" принад житъ, напримѣръ, недавняя рѣчь пензенскаго губернатора къ крест намъ, представляющая собою, по выраженію одной изъ петербу скихъ газетъ, „образчикъ заботливости мѣстной администраціи о вопросамъ крестьянскаго благоустройства и даже нравственности". „Начинаясь разъясненіемъ важности общественныхъ запашекъ— читаемъ мы въ той же газетѣ — рѣчь переходитъ къ семейны раздѣламъ и завершается напоминаніемъ о важности религіозны обязанностей, посѣщенія церкви, теперь совсѣмъ вышедшаго и употребленія не только между взрослыми, но даже между дѣтьм

Въ серьезныхъ, прочувствованныхъ выраженіяхъ г. губернаторъ сѣтуетъ на полное почти отсутствіе народа при общественномъ богослуженіи, *замѣченное имъ даже въ день совершенія молебствія о дождѣ*, требуетъ обязательнаго, безотговорочнаго посѣщенія церкви дѣтьми, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ дальности разстоянія давались обществомъ подводы для этой цѣли". Итакъ, мы присутствуемъ здѣсь при попыткѣ водворить или возстановить благочестіе административными, а можетъ быть даже и полицейскими мѣрами. При всѣмъ извѣстной набожности нашего народа, при томъ значеніи, которое имѣетъ для него церковное богослуженіе, прекращеніе живой связи между населеніемъ и церковью—гдѣ оно дѣйствительно существуетъ, а не выводится изъ поверхностныхъ, неправильно обобщенныхъ наблюденій (напр., изъ однажды замѣченной пустоты храма, совпадающей, быть можетъ, съ самымъ разгаромъ лѣтней страды и съ крайнимъ утомленіемъ крестьянъ)—непремѣнно должно имѣть серьезныя, глубокія причины. Быть можетъ, большинство мѣстнаго населенія уклонилось въ расколъ, продолжая числиться православнымъ; быть можетъ, оно недовольно священникомъ, нерадивымъ къ богослуженію, нетрезвымъ или склоннымъ къ непомѣрнымъ поборамъ; быть можетъ, оно подавлено той безвыходной нуждою, которая приводитъ къ апатіи, къ физической и умственной неподвижности. Чего можно достигнуть, во всѣхъ этихъ случаяхъ, требованіемъ, приказаніемъ, энергическимъ нажимомъ „властной руки?" Наружнаго повиновенія—и то не надолго, потому что—въ деревняхъ нелегко наблюдать за точнымъ, постояннымъ исполненіемъ начальническихъ распоряженій. Для лицемѣрія, зато, всякое вмѣшательство власти въ дѣла совѣсти открываетъ широкій просторъ—но можно ли построить что-либо прочное на такой ненадежной почвѣ?... Sublata causa, tollitur effectus — эта старинная поговорка вполнѣ примѣнима и къ обсуждаемому нами случаю. Охлажденіе къ церкви — фактъ, несомнѣнно заслуживающій вниманія; открыть, въ каждомъ данномъ случаѣ, его источникъ — вотъ первая задача, для разрѣшенія которой нужно нѣчто гораздо большее, чѣмъ нѣсколько общихъ мѣстъ о духѣ времени и объ испорченности народа. За нею слѣдуетъ вторая задача, еще болѣе трудная и не всегда разрѣшимая—устраненіе обнаруженной причины; противъ раскола, напримѣръ, идетъ безплодная борьба уже болѣе двухъ столѣтій. Все это азбучныя истины—но что же дѣлать, если приходится напоминать о нихъ? Нѣтъ ничего болѣе печальнаго, чѣмъ вѣра въ принужденіе, какъ въ средство укрѣпленія религіи и нравственности. Она не только не приводитъ къ желаннымъ результатамъ—она мѣшаетъ достиженію ихъ другимъ, болѣе вѣрнымъ путемъ, и пріучаетъ разсчитывать вездѣ и во всемъ на одно и то же,

мало пригодное средство. Всего менѣе принудительный способъ дѣйствій умѣстенъ именно въ сферѣ церковной; не въ развитіи, а въ ограниченіи его слѣдуетъ искать нормальныхъ отношеній между церковью и народомъ.

„Признакомъ времени“ можно считать, отчасти, и пріемъ, встрѣченный губернаторскою рѣчью со стороны тѣхъ органовъ печати, которые всего больше расположены плыть по теченію. „Если фактически — говоритъ одинъ изъ нихъ—въ деревнѣ сильны постороннія вліянія, въ родѣ кабатчиковъ, богатыхъ купцовъ, нравственно-нечистыхъ личностей изъ интеллигенціи, то пусть же лучше такое вліяніе принадлежитъ лицу безпристрастному и не заинтересованному, какимъ долженъ быть представитель администраціи“. *Долженъ быть* и *дѣйствительно бываетъ*—это далеко не одно и то же; представители администраціи въ деревнѣ, какъ прежніе (напр., окружные начальники), такъ и нынѣшніе (становые пристава, урядники и др.) едва ли соединяли и соединяютъ въ себѣ условія „безпристрастія“ и „незаинтересованности“. Вліянію кабатчиковъ и т. п. необходимо противодѣйствовать, и противодѣйствіе это должно идти, между прочимъ, и отъ правительственной власти; но замѣна одного вліянія другимъ, не всегда лучшимъ—едва ли желательная форма противодѣйствія. Хорошее устройство самоуправленія, умственное развитіе и матеріальное благосостояніе народа — вотъ тѣ условія, при которыхъ ослабѣютъ и упадутъ „столпы“, теперь господствующіе надъ деревней. Стоитъ только припомнить, какимъ образомъ и благодаря чему сложилось и окрѣпло это господство, чтобы усомниться въ целебной силѣ предлагаемаго лекарства. „Столпы“ были сплошь и рядомъ союзниками мѣстныхъ административныхъ органовъ—и нѣтъ причины думать, чтобы продолженіе этого союза теперь перестало быть возможнымъ. Въ виду близкой административной реформы усилія общества должны быть направлены не къ тому, чтобы способствовать торжеству доктрины о „властной рукѣ“, а къ тому, чтобы сохранить коренныя черты сельскаго самоуправленія, созданнаго положеніями 19 февраля, очистивъ его только отъ чуждыхъ ему наростовъ и расширивъ его основы, въ смыслѣ равенства правъ и еще больше — равенства обязанностей.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Тифлисъ.—Августъ.

Реформа кавказскаго управленія хотя и началась еще года два назадъ, но по настоящее время не закончена, и цѣлый рядъ учрежденій, состоявшихъ при намѣстникѣ, продолжаетъ существовать и по нынѣ. Впрочемъ они сохраняютъ за собою свои прежнія власть и значеніе лишь временно, впредь до окончательнаго рѣшенія вопроса о томъ, какія именно дѣла могутъ быть переданы изъ нихъ въ министерства, и какія подлежатъ вѣденію мѣстныхъ учрежденій. Въ такомъ переходномъ состояніи находятся управленія: гражданское медицинское, почтовое, военно-народное, закавказскій приказъ общественнаго призрѣнія и пр.

Изъ ожидаемыхъ преобразованій этихъ управленій, особенную важность имѣетъ преобразованіе военно-народнаго управленія, которое захватываетъ интересы чуть не половины кавказскаго края. Оно дѣйствуетъ во всѣхъ горскихъ и вновь присоединенныхъ областяхъ Кавказа: дагестанской, карсской, закаспійской, въ бывшей батумской области и сухумскомъ отдѣлѣ, вошедшихъ нынѣ въ составъ кутаисской губерніи, а также въ областяхъ терской и кубанской и въ округахъ закатальскомъ и черноморскомъ.

Реформа военно-народнаго управленія имѣетъ особую важность также въ виду тѣхъ широкихъ полномочій, какими оно облекаетъ мѣстную администрацію. Начальники областей и округовъ, находящихся въ вѣденіи этого управленія, соединяютъ у себя съ властью административною и власть судебную. Первые изъ нихъ являются для дѣлъ судебныхъ, разсматриваемыхъ въ народныхъ судахъ, инстанціею апелляціонною; представители же уѣздной администраціи засѣдаютъ въ этихъ судахъ въ качествѣ предсѣдателей, и воля послѣднихъ при постановленіи рѣшеній играетъ гораздо бо̀льшую роль, чѣмъ мѣстные обычаи, которыми, въ силу закона, обязательно руководствоваться. Въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ пользуются начальники областей и округовъ властью административною. Они управляютъ не только полицейскою частью, но берутъ на себя заботу и о тѣхъ дѣлахъ по благоустройству, которыя предоставляются въ другихъ мѣстностяхъ о̀рганамъ самоуправленія. Для кавказскихъ горцевъ не только не существуетъ земскихъ учрежденій, но и то

крайне ограниченное сельское самоуправленіе, которое имъ даровано по закону, фактически упраздняется по усмотрѣнію мѣстнаго начальства; начальству этому предоставлено лишать сельскія общества права выбора своихъ должностныхъ лицъ и замѣнять послѣднихъ полицейскими чинами.

Легко себѣ представить, какая благопріятная почва создается въ нашей глуши для произвола отдѣльныхъ личностей, благодаря такой системѣ управленія. Возложеніе на полицейскаго чиновника всѣхъ обязанностей администраціи и суда дѣлаетъ его царькомъ и устраняетъ возможность и у общества, и у высшей власти контролировать его дѣйствія. Безконтрольное же управленіе, какъ всегда и вездѣ, развиваетъ у насъ легендарное хищеніе.

Чтобы не быть голословнымъ, считаю нужнымъ указать на результатъ недавней ревизіи административныхъ учрежденій кубанской области. Съ одной стороны безконечныя жалобы частныхъ лицъ на произволъ кубанской полиціи, издавна подававшіяся кавказскому начальству, и слухи, державшіеся въ обществѣ по тому же поводу, бросавшіе на нее крайне неблагопріятную для нея тѣнь; и съ другой стороны, желаніе бывшаго начальника названной области и нынѣшняго помощника главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, ген. Шереметева—замѣнить произволъ мѣстныхъ дѣятелей какими-либо положительными законами,—вызвали въ началѣ нынѣшняго года вышеозначенную ревизію, которая и подтвердила справедливость многихъ и многихъ нареканій, адресовавшихся къ ревизованнымъ учрежденіямъ. Такъ, по ревизіи оказалось, что одинъ уѣздный начальникъ (екатеринодарскій) самовольно установилъ особый налогъ для самой несчастной части населенія, — для горцевъ, которыхъ нужда выгоняла въ Турцію, — въ разныхъ размѣрахъ, отъ 3 р. до 15 р., и изъ этого значительнаго сбора лишь самая незначительная часть поступала въ общественныя суммы аульныхъ обществъ, остальная же пропадала неизвѣстно куда. Въ то время, какъ несчастные горцы облагались такой контрибуціей, виноторговцы и подрядчики пользовались особымъ покровительствомъ уѣздныхъ начальствъ, не безъ вѣдома, конечно, отчасти и начальства областного. Виноторговцы очень часто вели питейную торговлю безъ патента, и неисправные подрядчики дѣлали воспрещаемые закономъ займы изъ сельскихъ хлѣбныхъ магазиновъ. Въ этомъ отношеніи особенно интересно дѣло интендантскаго чиновника Оконнишникова. Онъ, поставляя на коммерческомъ правѣ провіантъ въ магазины области, съ разрѣшенія областного начальства и вопреки закону занялъ изъ станичныхъ запасныхъ магазиновъ нѣсколько тысячъ четвертей хлѣба, по приговорамъ станичныхъ обществъ, составленнымъ внѣ установлен-

закономъ порядка. Занятый хлѣбъ былъ возвращенъ въ эти магазины лишь по истеченіи двухъ лѣтъ послѣ срока займа, но онъ могъ и вовсе не возвращаться, такъ какъ заемъ былъ разрѣшенъ начальствомъ безъ обезпеченія его надлежащимъ залогомъ. Растраты общественныхъ и казенныхъ суммъ сдѣлались въ майкопскомъ уѣздномъ управленіи весьма зауряднымъ явленіемъ. Въ баталпашинскомъ уѣздѣ чины мѣстной полиціи принимали участіе въ торговыхъ операціяхъ кулаковъ и освобождали ихъ отъ уплаты акцизныхъ сборовъ. Словомъ, хищеніе приняло въ кубанской области самыя разнообразныя формы, дальнѣйшее перечисленіе которыхъ заняло бы здѣсь слишкомъ много мѣста.

Къ такимъ результатамъ привело безконтрольное управленіе всемогущихъ кубанскихъ царьковъ. Но если оставить въ сторонѣ ихъ завѣдомыя злоупотребленія властью, то и въ томъ случаѣ немало найдется у нихъ самыхъ грубыхъ, но невольныхъ нарушеній закона и справедливости. Правонарушенія эти имѣютъ одинъ источникъ— незнакомство со своими крайне многочисленными обязанностями. Возможно ли знать все, что происходитъ въ уѣздѣ, и достаточно ли для блюстителя порядка одно знаніе, когда физически нѣтъ возможности поспѣвать всюду и отдавать вездѣ надлежащія распоряженія? Превышеніе власти, бездѣйствіе власти — вотъ обвиненія, которыхъ едва ли по справедливости можетъ избѣгнуть какой-нибудь полицейскій чиновникъ вышеупомянутаго типа. Таковы послѣдствія совмѣщенія въ одномъ органѣ дѣлъ, по характеру своему самыхъ разнообразныхъ и требующихъ отъ своихъ исполнителей разной подготовленности и разныхъ способностей.

Въ силу приведенныхъ соображеній, нельзя не пожелать, чтобъ реформа военно-народнаго управленія совершилась возможно скорѣе и совершилась именно въ томъ смыслѣ, чтобъ каждая власть, полицейская, общественно-административная и судебная, имѣла въ кавказской глуши своихъ особыхъ, независимыхъ другъ отъ друга представителей.

Особенно важна эта реформа и потому, что вышеописанная система военно-народнаго управленія имѣла большое вліяніе и на все остальное гражданское управленіе Кавказа. Послѣднее, вслѣдствіе этого вліянія, нерѣдко предоставляетъ полиціи, отчасти фактически, отчасти и въ силу особыхъ, изданныхъ для Кавказа узаконеній, такія же широкія, можно сказать диктаторскія полномочія, какими пользуются чины военно-народнаго управленія. Правда, въ мѣстностяхъ, находящихся въ вѣденіи гражданскихъ учрежденій,—администраціи, по закону, не предоставлено право принимать непосредственное участіе въ судѣ, и судебныя дѣла сосредоточены почти исключительно въ

мировыхъ и общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, устроенныхъ по судебнымъ уставамъ 1864 г., съ нѣкоторыми изъятіями, — но тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобъ чины гражданской администраціи играли незначительную роль въ судьбѣ уголовныхъ дѣлъ. Администраціи на Кавказѣ съиздавна предоставлено закономъ высылать изъ края неблагонадежныхъ лицъ своею властью. Это право кавказской администраціи подтверждено и новымъ, введеннымъ въ прошломъ году „учрежденіемъ управл. кавк. края", которое гласитъ (см. 26 ст.): „Въ случаѣ значительнаго, въ той или другой мѣстности Кавказа, усиленія слѣдующихъ преступленій: сопротивленія правительственнымъ властямъ, убійствъ, разбоевъ, грабежей, скотокрадства и пристанодержательства, главноначальствующему предоставляется тѣхъ, принадлежащихъ къ туземному населенію лицъ, которыя, по имѣющимся у мѣстной административной власти достовѣрнымъ свѣдѣніямъ объ участіи ихъ въ означенныхъ преступныхъ дѣйствіяхъ, оказываются вредными для общественнаго порядка и безопасности,—удалять въ избранную для сего мѣстность въ предѣлахъ кавказскаго края, съ воспрещеніемъ всякой изъ нея отлучки въ теченіе опредѣленнаго срока, не свыше, однако, пяти лѣтъ, а также высылать изъ края, на такой же срокъ, на жительство въ мѣста, которыя будутъ назначены для сего министромъ внутреннихъ дѣлъ. Та или другая мѣра приводится въ исполненіе не иначе, какъ по предварительномъ разсмотрѣніи каждаго вызывающаго примѣненіе оной случая въ совѣтѣ главноначальствующаго".

Означеннымъ здѣсь важнымъ правомъ, предоставляемымъ главноначальствующему, въ видѣ изъятія изъ общаго закона, въ дѣйствительности болѣе всего пользуются представители уѣздной полиціи. Представленія послѣднихъ, черезъ губернаторовъ, утверждаются главнымъ начальствомъ, почти безъ всякихъ измѣненій, такъ какъ у послѣдняго нѣтъ средствъ провѣрять доставляемыя ему данныя. Такимъ образомъ, судьба той или другой личности, и даже цѣлыхъ семействъ, въ сущности, можетъ быть, и вовсе невиновныхъ и случайно попавшихъ въ немилость какому-нибудь станичному сатрапу, всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія послѣдняго.

Нужно къ тому же добавить, что, не смотря на всѣ вышеизложенныя ограниченія новаго закона, правомъ административной высылки пользуются у насъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Происходитъ это, между прочимъ, и оттого, что высылка эта, не смотря на то, что она признана во всѣхъ европейскихъ кодексахъ, а также въ нашемъ улож. о наказ.—наказаніемъ, и притомъ довольно крупнымъ, считается у насъ почему-то лишь обыкновенною полицейскою мѣрою, принимаемою лишь въ предупрежденіе повторенія преступленій. Пре-

ступникъ, оторвавшись отъ своихъ соумышленниковъ, отъ своихъ пособниковъ и укрывателей и попавъ въ незнакомую среду, по мнѣнію кавказскихъ полицейскихъ, лишается возможности продолжать идти по стезѣ порока. При этомъ, конечно, забывается, что ссылка для многихъ является карой, равной даже смертной казни, такъ какъ чуждый имъ климатъ и вообще чуждая имъ природа дѣйствуютъ на ихъ организмъ убійственно; такъ, напр., достаточно вспомнить судьбу кавказскихъ горцевъ, поселенныхъ въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ Россіи. Во всякомъ случаѣ, нельзя забывать, что ссылка, сама по себѣ, не можетъ ослабить въ ссыльномъ его порочныхъ наклонностей, потому что она, какъ извѣстно, приводитъ къ озлобленію и нуждѣ, которыя въ такихъ случаяхъ весьма плохіе совѣтчики.

Вышеупомянутый взглядъ администраціи, какъ уже сказано, развязываетъ ей руки въ широкомъ практикованіи означенной мѣры. Разъ высылка не есть наказаніе, то можно примѣнять ее и къ тѣмъ лицамъ, которыя ни въ чемъ еще не провинились, но, по какимъ-нибудь соображеніямъ полиціи, могутъ въ будущемъ угрожать общественному спокойствію и безопасности. Въ виду этого, нерѣдко вмѣстѣ съ виновными высылаются и ихъ невинныя семейства до малолѣтнихъ дѣтей включительно, а также лица, навлекшія на себя какое бы то ни было подозрѣніе полиціи.

Менѣе могла бы быть произвольна внѣ-судебная ссылка, когда она опредѣлена приговоромъ однообщественниковъ. Эта мѣра по своему принципу близко подходитъ къ суду присяжныхъ. И тутъ, и тамъ— судъ по совѣсти, творимый людьми одной общественной среды съ судимымъ. Но, къ сожалѣнію, административная ссылка, и въ такомъ своемъ видѣ довольно широко практикуемая у насъ, приняла въ дѣйствительности крайне несимпатичный характеръ. Дѣло въ томъ, что общества (почти всегда сельскія) постановляютъ приговоръ, о высылкѣ своего члена, очень часто подъ давленіемъ низшихъ полицейскихъ чиновъ. Является въ селеніе экзекуція и поселяется она тамъ до тѣхъ поръ, пока общество не выдастъ своего вреднаго члена. Но такъ какъ содержаніе экзекуціи обходится очень дорого, а преступныхъ личностей общество не всегда видитъ и знаетъ, то въ результатѣ нерѣдко получается приговоръ о высылкѣ лицъ по одному лишь указанію полиціи. Въ такихъ случаяхъ было бы гораздо проще обходиться безъ общественныхъ приговоровъ и безъ дорого стоющей экзекуціи, въ присутствіи которой эти приговоры и постановляются. Особенно страшна для нашихъ селеній экзекуція, которая имѣетъ очень невыгодныя для нихъ послѣдствія, и въ матеріальномъ, и нравственномъ отношеніяхъ. По словамъ грузинской газеты „Дроэба“, трехдневное пребываніе экзекуціи въ эртацминдскомъ сельскомъ об-

ществѣ, находящемся въ раіонѣ горійскаго уѣзда (тифл. губ.), т.
всего лишь въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ мѣстопребыв
тифлисскаго губернатора и высшаго кавказскаго начальства,—сто
названному обществу *813 рублей*. Это извѣстіе было перепечат
въ началѣ настоящаго года въ мѣстной русской газетѣ и ни
до сихъ поръ не опровергнуто. Не сомнѣваясь въ достовѣрности
добныхъ фактовъ, неоднократно передаваемыхъ мѣстною печат
приходится заключать, что нѣкоторыя военныя полицейскія м
принимаемыя въ нашихъ захолустьяхъ для охраненія ихъ спокойст
наносятъ населенію гораздо большій матеріальный ущербъ, чѣмъ
преступленія, для искорененія которыхъ онѣ создаются. Для о
дѣленія же нравственнаго вліянія экзекуціи достаточно упомя
что она ведетъ себя въ нашихъ селеніяхъ, какъ въ покоре
странѣ: жителей ихъ принимаетъ за враговъ, поставленныхъ
закона, а на ихъ достояніе смотритъ, какъ на военную добычу.
характеристики нашихъ экзекуціонныхъ отрядовъ я приведу од
фактъ, также оглашенный мѣстною печатью и также оставшійся б
надлежащаго опроверженія. Начальникъ сотни, поставленный въ
Ухинвали, по словамъ газетъ, похитилъ изъ-подъ вѣнца молоден
дѣвушку и на вопль ея родителей и негодованіе всего селенія
вѣчалъ, что онъ ей за безчестіе заплатилъ восемь красненьк
Это извѣстіе пробовалъ-было опровергнуть самъ герой исторіи,
явивъ въ газетахъ, что онъ, какъ кабардинецъ, похищеніе дѣву
считаетъ лишь брачнымъ обрядомъ, а свой поступокъ оправдыв
сдѣлкой съ ея родными, засвидѣтельствованной мѣстной админис
ціей. Это опроверженіе никого, однако, не обмануло, такъ какъ о
чившія начальника экзекуціи газеты не замедлили сообщить, что
христіанинъ и давно женатъ, а, слѣдовательно, и не можетъ опр
дываться мусульманскими обычаями многоженства и похищенія
вѣстъ. Опроверженіе начальника экзекуціи лишь сконфузило мѣст
администрацію (вѣроятно, пристава), сдѣлавъ ее соучастницею
его некрасивыхъ похожденіяхъ.

Таковъ результатъ вообще всякаго вмѣшательства администрат
ной власти въ сферу дѣлъ, по существу своему судебныхъ;—оно д
при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не можетъ не б
вреднымъ для авторитета власти: единоличное, безконтрольное и
гласное распоряженіе судьбой человѣка со стороны власти, обре
ненной притомъ еще и другими не менѣе тяжелыми обязанност
невольно вызываетъ въ населеніи сомнѣніе въ ея компетентност

Исполнительная власть имѣетъ въ своихъ отношеніяхъ къ су
при болѣе нормальномъ порядкѣ вещей, столько важныхъ обяза
стей, что одно правильное отправленіе ихъ, безъ вышеуказан

вмѣшательства въ дѣла судебнаго свойства, много бы способствовало къ возстановленію преступно-нарушенныхъ личныхъ и имущественныхъ правъ. Исполнительной власти надлежало бы главнымъ образомъ озаботиться организаціею сыскной части, отсутствіе которой, и неудовлетворительность новыхъ судовъ, является у насъ дѣйствительной причиной множества оправдательныхъ судебныхъ приговоровъ. Не меньшую важность имѣетъ другая обязанность администраціи въ отношеніи суда, это—разумное исполненіе судебныхъ приговоровъ: правильное устройство тюремъ и другихъ мѣстъ заключенія. Плачевное положеніе этого дѣла у насъ допускаетъ смѣшеніе въ одномъ помѣщеніи самыхъ невинныхъ подслѣдственныхъ арестантовъ съ преступниками, уже присужденными къ тяжелому наказанію, смѣшеніе малолѣтнихъ дѣтей, способныхъ исправиться, съ закоренѣлыми разбойниками и мошенниками. Правильное устройство этихъ двухъ дѣлъ, т.-е. организація сыскной части и мѣстъ заключенія гораздо болѣе помогло бы суду удовлетворить своему назначенію, чѣмъ прямое вмѣшательство администраціи въ отправленіе правосудія.

Такое нераціональное и незаконное развитіе исполнительной власти насчетъ судебной имѣло у насъ мѣсто, главнымъ образомъ, въ виду того неосновательнаго взгляда на кавказцевъ, какъ на дикарей, который установился, къ сожалѣнію, въ нашей бюрократіи довольно прочно. Край некультуренъ, говорятъ они, и управленіе имъ возможно лишь военной силой и простыми полицейскими мѣрами.

Благодаря этому же взгляду, нашей администраціи поручено заботиться о предметахъ, находящихся въ другихъ мѣстахъ въ вѣдѣніи органовъ городского и сельскаго самоуправленія, губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій. Въ отношеніи сельскихъ обществъ она, подобно тому, какъ въ мѣстностяхъ, находящихся въ раіонѣ военно-народнаго управленія, и въ другихъ мусульманскихъ провинціяхъ Кавказа имѣетъ право замѣнять выборныхъ должностныхъ лицъ низшими полицейскими чинами. Въ отношеніи хозяйства тѣхъ городовъ, которые не получили еще права управляться по положенію 1870 г., полиція продолжаетъ пользоваться своими обширными дореформенными полномочіями; и лишь въ отношеніи городовъ, управляемыхъ по означенному положенію, ея права, какъ извѣстно, нѣсколько сокращены. Но не смотря, однако, на это, она не мало стѣсняетъ наши молодыя городскія общественныя учрежденія въ ихъ новой дѣятельности, стремясь съузить ея и безъ того неширокій районъ постояннымъ своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла городского хозяйства. Въ видѣ примѣра достаточно упомянуть о безконечныхъ пререканіяхъ между тифлисской администраціей и тифлисскимъ городскимъ управленіемъ по вопросу о томъ, кому, администраціи

или городу, опредѣлять мѣста для хлѣбныхъ рынковъ или устраивать адрессный столъ и установить для него особый сборъ [1]). Пререканія эти сенатомъ разрѣшены въ пользу города, но это обстоятельство, конечно, нисколько не помѣшаетъ возникать подобнымъ недоразумѣніямъ и въ будущемъ, не въ одномъ кавказскомъ городѣ. Благопріятная для нихъ почва создана общимъ духомъ мѣстной администраціи.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго нельзя не пожелать, чтобы при реформѣ военно-народнаго управленія было обращено вниманіе и на созданное, благодаря его вліянію, ненормальное положеніе гражданской администраціи, а именно, на обширность круга предметовъ, находящихся въ ея вѣденіи. Въ этомъ дѣлѣ многое зависитъ отъ энергіи вновь назначеннаго старшаго предсѣдателя тифлисской судебной палаты (бывшаго прокурора московской судебной палаты, Гончарова) и отъ такта передовой части мѣстнаго дворянства. Новому предсѣдателю судебной палаты предстоитъ задача—вернуть судебнымъ учрежденіямъ то значеніе, какое надлежитъ имъ придать по уставамъ 1864 г., а на обязанности интеллигентной части дворянства лежитъ разъясненіе остальнымъ его членамъ необходимости возбужденія ходатайства о введеніи въ краѣ земскихъ учрежденій. Земство, дѣйствительно, не можетъ быть любезно дворянству, потому что наложитъ на него поземельный налогъ, но преимущества самостоятельнаго общественнаго управленія предъ управленіемъ полицейскимъ такъ очевидны, и кромѣ того, лучшей части дворянства предоставляется при существованіи земства такая руководящая роль, что едва ли это сословіе, при правильномъ пониманіи вопроса, откажется отъ нѣкоторыхъ жертвъ для пріобрѣтенія правъ на самоуправленіе. Года два назадъ тифлисское губернское дворянство избрало особую коммиссію для разработки вопроса о примѣненіи къ

---

[1]) Въ этомъ отношеніи также довольно характеренъ эпизодъ, на которомъ остановились недавнія пререканія тифлисскаго городского управленія съ управленіемъ конно-желѣзной дороги. Послѣднее нарушило свое обязательство съ городомъ, самовольно повысивъ плату за проѣздъ, а городское управленіе, во избѣжаніе недоразумѣній, возбужденныхъ въ публикѣ такимъ поступкомъ концессіонера, естественно пожелало оправдаться передъ обществомъ и съ этою цѣлью пожелало объявить дѣйствительную таксу, утвержденную думой. Но каково было удивленіе гласныхъ, когда они узнали, что на объявленіе это наложено администраціею строжайшее veto на томъ только основаніи, что огласка городской таксы можетъ вызвать въ обществѣ враждебное отношеніе къ концессіонеру. Очевидно, что губернская администрація смотритъ на органы городского самоуправленія, какъ на постороннее вѣдомство, интересы котораго, разъ оно вышло изъ ея непосредственнаго подчиненія, могутъ быть поставлены ниже интересовъ любого неисправнаго контрагента. Объ интересахъ же населенія, при наложеніи veto, конечно, совсѣмъ было забыто.

намъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, и было бы желательно, чтобъ эта коммиссія дала знать о своемъ существованіи въ будущемъ году, во время очередного губернскаго собранія. Примѣру тифлисской губерніи, въ такомъ случаѣ, легко могутъ послѣдовать ея младшіе братья—другія кавказскія губерніи и области, и такимъ способомъ облегчится возможность осуществить желаніе правительства распространить на Кавказѣ общіе по имперіи законы.

Однакожъ съ нашей стороны было бы большимъ оптимизмомъ предполагать, что эти реформы могутъ осуществиться въ скоромъ будущемъ. Противъ дѣйствительныхъ преобразованій его, мѣстная бюрократія выдвигаетъ тяжелую артиллерію, въ видѣ „мѣстныхъ условій края". Читатель уже имѣетъ понятіе объ этихъ „мѣстныхъ условіяхъ"; они составляютъ—дикость края и его обитателей и невозможность справиться съ нею иными мѣрами, какъ военными.

Присмотрѣвшись, однако, къ дѣйствительнымъ „мѣстнымъ условіямъ края", можно придти къ совершенно противоположному взгляду, а именно, что они-то, главнымъ образомъ, и вызываютъ сильную необходимость въ введеніи у насъ самоуправленія и тѣхъ реформъ, въ основу которыхъ оно легло — реформъ судебной, земской и городской. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли гдѣ можетъ быть такъ вредна единоличная, негласная и безконтрольная дѣятельность, какъ именно въ нашихъ захолустьяхъ, которыя отрѣзаны, какъ другъ отъ друга, такъ и отъ всего остального міра высокими снѣжными горами и неудобствами существующихъ тамъ дорогъ. Отсюда хоть три года скачи, какъ говоритъ гоголевскій городничій, ни до какого государства не доѣдешь. При невозможности центральному кавказскому начальству провѣрять на мѣстѣ всѣ жалобы на дѣйствія тѣхъ или другихъ захолустныхъ дѣятелей, всякое сомнѣніе разрѣшается въ пользу послѣднихъ.

Другое мѣстное условіе Кавказа, представляющее неудобство сосредоточенія въ бюрократіи всѣхъ дѣлъ его мѣстныхъ управленій, это—незнакомство ея съ мѣстными интересами, со средствами, необходимыми для ихъ удовлетворенія, съ прошлою жизнью, искони дѣйствующими въ мѣстномъ населеніи обычаями и съ мѣстными языками. Чиновничеству, которое у насъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ пришлаго элемента, приходится управлять краемъ черезъ переводчиковъ и низшихъ агентовъ полиціи изъ туземцевъ. Скудное содержаніе переводчиковъ привлекаетъ на ихъ должность лишь лицъ съ сомнительными познаніями какъ по русскому, такъ и по туземнымъ языкамъ, вслѣдствіе чего роль ихъ, долженствующая быть весьма важной, давно сдѣлалась у насъ водевильной. Едва ли больше того можетъ вызывать довѣрія персоналъ служащихъ туземцевъ, въ выборѣ котораго, вслѣдствіе незнакомства начальства съ мѣстнымъ

обществомъ, самое рѣшающее значеніе имѣетъ ни болѣе, ни менѣе какъ простой случай.

Изучать же серьезно самому управляемую мѣстность, пришлый кавказскій чиновникъ считаетъ дѣломъ, совершенно излишнимъ. Причинъ, почему онъ держится такого страннаго, чтобъ не сказать дикаго, взгляда, выставляется очень много. Управлять краемъ, знакомясь и сообразуясь съ особенностями его населенія, съ точки зрѣнія такого взгляда значитъ заниматься сепаратизмомъ. Туземецъ, желающій быть гражданиномъ русскаго государства, по этому взгляду обязанъ моментально забыть все свое прошлое, свой родной языкъ и литературу, свои искони установившіяся понятія, и превратиться въ безпрекословнаго исполнителя всякихъ полицейскихъ распоряженій, очень часто вовсе для него непонятныхъ. Такова логика нашихъ захолустныхъ обрусителей. Другіе же изъ мѣстныхъ бюрократовъ, считая себя носителями европейской цивилизаціи, не ограничиваются этими высшими политическими соображеніями и оправдываютъ свое незнакомство съ краемъ также дикостью его обитателей, дикостью, изучать и принимать которую во вниманіе при управленіи значило-бъ совершать преступленье противъ прогресса. Хотя и странно называть незнакомый край дикимъ, хотя его вовсе и не считаютъ таковымъ тѣ немногіе ученые изслѣдователи, которымъ удавалось заѣзжать сюда, но приведенный мотивъ самооправданія нашей якобы просвѣщенной бюрократіи почему-то признается самымъ сильнымъ и поэтому и наиболѣе распространенъ.

Болѣе же откровенные изъ кавказскихъ дѣятелей сознаются въ своемъ безсиліи изучить всю пестроту жизни многоязычнаго и разноплеменнаго населенія Кавказа. И дѣйствительно, нельзя не согласиться, что чиновнику, не желающему ограничить свою служебную карьеру какимъ-нибудь тѣснымъ раіономъ, пришлось бы при каждомъ своемъ перемѣщеніи изъ губерніи въ губернію, и даже изъ уѣзда въ уѣздъ, знакомиться съ совершенно новою жизнью, новымъ языкомъ, новой природой. Не является ли поэтому и эта мѣстная особенность Кавказа убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу децентрализаціи его управленія, въ пользу предоставленія его своеобразному населенію мѣстнаго самоуправленія? Съ этою цѣлью нужно было бы довести до конца давно начатую у насъ судебную, городскую и сельско-общественную реформы, и ввести земскія учрежденія. Этимъ шагомъ, распространеніемъ на Кавказъ дѣйствія обще-русскихъ учрежденій установилась бы дѣйствительная, прочная связь этой далекой окраины съ внутреннею, коренною Россіею.

Т.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е сентября, 1884.

Новыя политическія комбинаціи.—Колоніальные вопросы въ европейской политикѣ.— Значеніе колоній для Германіи.—Нѣмецкія поселенія въ Африкѣ и „международная ассоціація вольныхъ штатовъ Конго".—Отношенія Англіи къ державамъ материка.— Франко-китайская война и англійская политика. — Внутреннія дѣла во Франціи и Англіи.—Индійская журналистика.

Нынѣшнее лѣто прошло въ Европѣ весьма неспокойно въ политическомъ отношеніи. Дипломаты, государственные люди и публицисты имѣли больше работы, чѣмъ обыкновенно; европейская печать не успѣвала слѣдить за возникавшими вопросами и вдавалась въ сомнительныя догадки, увлеченія и ошибки.

Лондонская конференція обнаружила нѣкоторыя перемѣны въ положеніи державъ: Германія дѣйствовала за-одно съ Франціею и относилась холодно къ Англіи; Италія держалась въ сторонѣ отъ нѣмецкой политики и склонялась замѣтно на сторону англичанъ. Вчерашніе друзья спорятъ съ ожесточеніемъ, а враги толкуютъ о сближеніи и даже союзѣ. Англійскія газеты нападаютъ на французовъ, которые и съ своей стороны не остаются въ долгу, а нѣмцы ведутъ горячую полемику противъ британскихъ притязаній и косвенно поддерживаютъ интересы Франціи.

Среди этого газетнаго шума возобновились толки о союзѣ трехъ имперій; между двумя императорами въ Ишлѣ произошло сердечное свиданіе, которое получило особый смыслъ благодаря присутствію австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Кальноки, и венгерскаго министра-президента Тиссы. Вслѣдъ затѣмъ графъ Кальноки отправился въ Варцинъ къ князю Бисмарку и пробылъ тамъ нѣсколько дней; это „событіе" дало газетамъ матеріалъ для многочисленныхъ предположеній и разсужденій. Теперь ожидается еще свиданіе трехъ императоровъ, которое должно окончательно закрѣпить результаты бесѣдъ между двумя руководящими министрами. Въ Лондонѣ полагаютъ, что дѣло идетъ о чемъ-то касающемся Англіи; другіе разсчитываютъ на новыя политическія комбинаціи для упроченія европейскаго мира вообще и германскаго могущества въ частности. Возможно также, что министерскія бесѣды въ Варцинѣ не имѣли приписываемой имъ важности; австро-германская дружба давно уже перестала оказывать дѣйствительное творческое

вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ. Но при настоящихъ обстоятельствахъ всякое движеніе министровъ возбуждаетъ общественное вниманіе: настолько чувствуется всѣми непрочность существующаго международнаго порядка. Въ области внѣшней политики народы все еще блуждаютъ во тьмѣ; они не знаютъ, куда ихъ ведутъ, и должны полагаться всецѣло на мудрость руководителей. Нѣмецкіе патріоты постоянно благословляютъ судьбу, что имѣютъ князя Бисмарка, которому могутъ довѣриться вполнѣ спокойно. Относительно болѣе скромныхъ дѣятелей, къ числу которыхъ принадлежитъ графъ Кальноки, господствуетъ одна только надежда, что они не сдѣлаютъ никакого смѣлаго шага и будутъ твердо стоять на мѣстѣ; это называется на языкѣ дипломатовъ сохранять status quo. Съ такою союзницею, какъ Австрія, не замышляются крупныя предпріятія, а напротивъ предупреждаются; консервативная неподвижность составляетъ вѣрнѣйшую гарантію неприкосновенности австрійской монархіи. Свиданія въ Ишлѣ или въ Гаштейнѣ, повторяющіяся почти ежегодно, получили значеніе обычнаго обмѣна вѣжливостей; на этотъ разъ не было даже предполагаемаго антагонизма съ Россіею, который въ послѣдніе годы омрачалъ собою мирное настроеніе кабинетовъ. Если однако секретные разговоры въ Варцинѣ даютъ поводъ къ усиленнымъ толкованіямъ, то только потому, что къ началу августа собралось много признаковъ оживленія въ политическомъ мірѣ. Франція втянулась въ войну съ Китаемъ, Англія вновь распоряжается самостоятельно въ Египтѣ, и колоніальные вопросы волнуютъ общественное мнѣніе Германіи.

Внѣшняя политика державъ вступаетъ въ новый періодъ колоніальной предпріимчивости и колоніальнаго соперничества; въ далекихъ краяхъ и моряхъ завязываются узлы будущихъ международныхъ отношеній. Европейскія государства дѣлятъ между собою Африку, какъ подѣлили уже Австралію и отчасти Америку; дальнѣйшія завоеванія готовятся еще въ Азіи. Система взаимнаго недовѣрія и подозрительности въ тѣсныхъ предѣлахъ Европы утомила народы; для интересовъ могущества и вліянія открывается широкое поле въ другихъ частяхъ свѣта. Кабинеты присоединяютъ свои усилія къ частнымъ предпріятіямъ и отыскиваютъ новыя свободныя земли для эксплуатаціи. Первая робкая попытка нѣмцевъ утвердить свою власть въ одной изъ мѣстностей, прилегающихъ къ Капской колоніи въ Африкѣ, выдвинулась сразу на степень первостепеннаго событія въ Германіи; газеты привѣтствовали этотъ шагъ съ необычайнымъ восторгомъ, наполняютъ свои столбцы подробными разсужденіями объ Ангрѣ-Пекенѣ и негодуютъ на Англію за ея противодѣйствіе князю Бисмарку. Колоніальная горячка положительно

овладѣла нѣмецкимъ обществомъ и нѣмецкою печатью. Забыта даже вражда къ французамъ; нѣмцы готовы примириться съ ними для болѣе спокойнаго выполненія новой политической програмы.

Многихъ удивлялъ этотъ внезапный интересъ къ полосѣ песчаной земли, на которой бременская фирма Лидерица устроила свою факторію; не мало нѣмецкихъ торговыхъ домовъ владѣютъ подобными же землями, и никому не приходило въ голову дѣлать изъ этого вопросъ политическій. Когда фирма Лидерица пожелала обезпечить за своими владѣніями покровительство Германіи, имперскій канцлеръ обратился какъ бы за разрѣшеніемъ къ англійскому кабинету; онъ не считалъ возможнымъ дѣйствовать прямо въ такой области, въ которой съ давнихъ временъ господствуютъ англичане. Англія долго не давала опредѣленнаго отвѣта; только черезъ полгода графъ Дерби сообщилъ правительству Капской колоніи, что онъ ничего не имѣетъ противъ намѣренія нѣмцевъ и что окрестныя земли западнаго побережья будутъ, однако, взяты подъ защиту Англіи, если Капскій парламентъ одобритъ необходимые расходы на присоединеніе ихъ. Другими словами, поселеніе Лидерица окружено было бы британскою территоріею и лишено было бы возможности расширяться внутрь страны; нѣмецкая колонія была бы обречена на безсиліе и не имѣла бы самостоятельнаго будущаго. Въ то время какъ нѣмецкія газеты возмущались по поводу коварныхъ дѣйствій англичанъ, германскій коммиссаръ, извѣстный путешественникъ д-ръ Нахтигаль, проѣзжалъ на военномъ кораблѣ вдоль Золотого берега, остановился близъ Камеруна, противъ испанскаго острова Фернандо-По, и торжественно, при пушечной пальбѣ, объявилъ эту мѣстность германской колоніею. Въ Камерунѣ существуютъ агенты нѣкоторыхъ гамбургскихъ фирмъ; имъ угрожали туземцы, съ которыми англичане вели переговоры объ уступкѣ земель. Свѣденія о Камерунѣ оказались несравненно болѣе благопріятными, чѣмъ объ Ангрѣ-Пекенѣ; это богатѣйшій пунктъ, плодородный и здоровый, съ прекрасною гаванью. Послѣ оффиціальнаго занятія Камеруна поднятъ былъ германскій флагъ въ Ангрѣ-Пекенѣ. Вѣсть объ этомъ событіи встрѣчена была нѣмцами съ патріотическою радостью, которую охранители пытались утилизировать въ свою пользу; либеральную оппозицію упрекаютъ теперь, что она не согласилась на назначеніе субсидіи въ четыре милліона для поддержанія пароходныхъ сообщеній съ отдаленными странами. Очевидно, либералы не могли на первыхъ порахъ понять всю важность новаго направленія политическихъ заботъ Германіи; „только въ будущемъ, — говоритъ „Кельнская Газета", — исторія оцѣнитъ великое значеніе дѣла, совершеннаго княземъ Бисмаркомъ". „Гдѣ развѣваются нѣмецкія знамена, — продолжаетъ солидный ор-

ганъ, — тамъ пребываютъ нѣмецкія сердца; и подобно тому, какъ эти сердца съ трепетомъ и мужествомъ слѣдили за нѣмецкими знаменами на поляхъ сраженій, такъ же точно они съ довѣріемъ и гордостью слѣдуютъ за ними по берегамъ Африки". Колоніальная политика великой націи, по мнѣнію „Всеобщей Газеты", не можетъ ограничиваться охраною торговыхъ интересовъ отдѣльныхъ фирмъ; „было бы странно, еслибы покровительство имперіи и германское знамя означали лишь поддержку частныхъ предпріятій бременскихъ и гамбургскихъ купцовъ. Имперія имѣетъ болѣе обширныя цѣли; она должна заранѣе позаботиться, чтобы новыя земли не попали въ исключительную зависимость отъ нынѣшнихъ предпринимателей и чтобы для трудолюбія дальнѣйшихъ поколѣній открытъ былъ свободный доступъ. Для нѣмецкаго народа важнѣе всего знать, что въ далекихъ краяхъ, гдѣ выдвинуто германское знамя, находится удобное мѣсто для избытка народныхъ силъ, не имѣющаго примѣненія въ отечествѣ".

Нѣмецкія газеты нисколько не преувеличиваютъ, выражаясь подобнымъ образомъ, и насмѣшки лондонской печати во всякомъ случаѣ несправедливы. Радостное волненіе, охватившее нѣмцевъ, вполнѣ естественно и законно. Германія снабжаетъ всѣ страны излишкомъ своего населенія; десятки тысячъ эмигрантовъ ежегодно отправляются въ Америку, гдѣ нѣмецкій элементъ образуетъ внушительную силу, все болѣе возрастающую въ числѣ и въ значеніи. Нѣмецкіе поселенцы ищутъ работы и счастія въ Россіи, въ непріязненной Франціи, гдѣ конкурренція ихъ на рынкѣ труда оживляетъ враждебныя чувства, — въ Турціи, въ Азіи, въ самыхъ глухихъ и малоизвѣстныхъ мѣстахъ; вездѣ они привыкли повиноваться чужимъ властямъ и опасаться за прочность своего положенія, сохраняя твердо свои національныя добродѣтели. Чтó помогало имъ могущество родины, когда они вынуждены гнаться за кускомъ хлѣба по всѣмъ краямъ міра? Множество способныхъ и здоровыхъ работниковъ покидаетъ родную землю, безъ надежды вернуться когда-нибудь обратно; повсюду они носятъ съ собою свое крѣпкое національное чувство, спокойное терпѣніе, привычку къ добросовѣстному труду, предусмотрительность и разсчетливость, умѣренность и аккуратность. Они достигаютъ успѣха, благодаря своимъ качествамъ; но связь ихъ съ родиной остается лишь отвлеченною, и зависимость отъ всякихъ случайностей, отъ настроенія и доброй воли туземцевъ, даетъ себя знать на каждомъ шагу. Они чувствуютъ себя столь же безсильными на чужбинѣ, какъ и въ былое время, въ періодъ политической розни; ихъ національная гордость невольно страдаетъ, когда они добиваются заработка въ Парижѣ у своихъ исконныхъ враговъ — французовъ. Ра-

сѣянные по всему свѣту, нѣмецкіе эмигранты кажутся совершенно оторванными отъ политическаго вліянія и силы отечества; ихъ не покрываетъ могучее крыло германской имперіи, и они не могутъ съ гордостью ссылаться на свое званіе германскихъ гражданъ. Они составляютъ въ этомъ отношеніи прямую противоположность англичанамъ; каждый гражданинъ Англіи, пребывая въ чужой сторонѣ, сознаетъ въ себѣ частицу національной силы, поддерживаемой энергическимъ правительствомъ и непобѣдимыми броненосцами,—онъ всегда увѣренъ въ своей личной неприкосновенности, въ твердости своихъ правъ и въ надежной защитѣ ихъ со стороны метрополіи. Нѣмцы чужды еще этого сознанія не только потому, что для нихъ политическое могущество есть нѣчто внѣшнее, случайное, мало гармонирующее съ ихъ внутреннею жизнью и съ ихъ экономическимъ бытомъ, но еще и потому, что вліяніе Пруссіи ограничивается материкомъ Европы и не распространяется на тѣ далекіе края, которые болѣе всего привлекаютъ къ себѣ эмигрантовъ.

Нѣмецкій патріотизмъ не могъ примириться съ мыслью, что изъ года въ годъ многія тысячи нѣмцевъ удаляются изъ отечества и безвозвратно пропадаютъ для государства, въ которомъ нѣтъ для нихъ мѣста,—и это послѣ славной, тяжелой борьбы изъ-за расширенія и объединенія Германіи. Громадныя человѣческія жертвы принесены для отобранія у французовъ двухъ пограничныхъ провинцій, и все-таки побѣдители просятъ работы у побѣжденныхъ и не находятъ занятій у себя дома. Эльзасъ и Лотарингія не доставили нѣмцамъ никакихъ матеріальныхъ выгодъ; тамъ остались прежнія фабрики и хозяйства, и спросъ на рабочія силы не увеличился нисколько съ замѣною французскихъ чиновниковъ нѣмецкими. Нынѣшнее стремленіе къ колоніямъ есть косвенное признаніе несостоятельности политическихъ идеаловъ, которые упорно осуществлялись цѣною страшныхъ усилій при помощи системы крови и желѣза. Стоило ли бороться на жизнь и смерть съ сосѣдними народами, ради небольшихъ клочковъ земли, когда въ Африкѣ и въ Америкѣ лежатъ еще обширныя пространства плодородной почвы, ожидающія заселенія и обработки? Слѣдовало ли домогаться присоединенія густо населенныхъ областей только для того, чтобы убѣдиться въ печальной необходимости искать земель свободныхъ за предѣлами Европы. Сотой доли жертвъ, принесенныхъ ради Эльзаса и Лотарингіи, было бы достаточно для покоренія всей незанятой части Африки, гдѣ масса трудящагося нѣмецкаго люда нашла бы пропитаніе и честный трудъ. Но для этого нуженъ былъ военный флотъ, а для безпрепятственныхъ дѣйствій флота нужна общая военная сила, предполагающая многочисленную сухопутную армію и отсутствіе опасныхъ враговъ;—

эти послѣднія условія давно наступили для Германіи, а мысль о колоніяхъ, однако, не возникала до новѣйшихъ колоніальныхъ успѣховъ Франціи. Германское правительство строило дорогіе броненосцы, чтобы не оставаться безпомощнымъ на морѣ въ случаѣ новой войны; оно имѣло въ виду французовъ, создавая свой военный флотъ.

Въ колоніальной политикѣ, какъ и во многомъ другомъ, нѣмцы идутъ по стопамъ своихъ западныхъ сосѣдей; они напрасно приписываютъ теперь князю Бисмарку всю честь открытія эры колоніальныхъ пріобрѣтеній. Франція подала Германіи примѣръ своими настойчивыми и строго послѣдовательными дѣйствіями въ новомъ направленіи. Нѣмецкіе патріоты смѣялись надъ французскою республикою за исканіе побѣдныхъ лавровъ въ Тунисѣ; они недоумѣвали по поводу предпріятій ея въ Мадагаскарѣ, въ области рѣки Конго, въ Тонкинѣ. Теперь они превозносятъ своего канцлера за достиженіе маленькой частицы того, что́ сдѣлали въ короткое время французы. Франція присоединяетъ цѣлыя государства, для обогащенія своей торговли и промышленности; нѣмцы заняли двѣ небольшія мѣстности и предвидятъ уже цѣлый рядъ счастливыхъ завоеваній для своей имперіи, страдающей экономическимъ худосочіемъ. Тунисъ не былъ случайностью для французскихъ политическихъ дѣятелей и публицистовъ; онъ не выступилъ на сцену неожиданно, подобно вопросу объ Ангрѣ-Пекенѣ, а былъ слѣдствіемъ сознательнаго политическаго плана, который съ тѣхъ поръ развертывается все шире и захватываетъ все новыя области, не отступая передъ преградами и столкновеніями. Французы не ждали, чтобы появился у нихъ какой-нибудь Бисмаркъ, который предложилъ бы имъ колоніальную политику въ видѣ отдѣльнаго совершившагося факта; они выработали свой образъ дѣйствій подъ вліяніемъ убѣжденія, что народныя силы и средства должны имѣть обезпеченный сбытъ въ другихъ частяхъ свѣта, если съузилось примѣненіе ихъ въ Европѣ, и что самая потребность славы и могущества можетъ удовлетворяться неизмѣримо легче и вѣрнѣе насчетъ Тонкина или Китая, чѣмъ разорительнымъ и безплоднымъ соперничествомъ съ сосѣдними европейскими державами. Эти идеи съ особенною энергіею проповѣдывались въ „Economiste français", съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ; Поль Леруа-Больё постоянно доказывалъ необходимость завоеванія новыхъ колоній, и его разсужденія находили сочувственный откликъ въ органахъ господствующей республиканской партіи. Гамбетта и его приверженцы находили нужнымъ образованіе особый колоніальной арміи, чтобы не нарушать системы военныхъ силъ, предназначенныхъ для національной обороны; сподвижникъ и послѣдователь Гамбетты, Жюль Ферри, осуществляетъ предположенія, раздѣляемыя большинствомъ

французскихъ политическихъ дѣятелей. Нѣмцы не замѣчаютъ, что Ангра-Пекена и Камерунъ суть крошечныя копіи Туниса и Тонкина; они восторгаются своею добычею совершенно самостоятельно и имѣютъ на это полное право. То, что для богатой Франціи есть дѣло политическаго разсчета, представляется для Германіи вопросомъ о средствахъ къ существованію значительной части народа. Могущественное государство, доставляющее колонистовъ въ чужія земли и не имѣющее собственныхъ колоній, должно было рано или поздно оказаться въ ложномъ положеніи, требующемъ разумнаго выхода. Обычные виды на востокъ, на балканскій полуостровъ или на провинціи сосѣдей, устранялись опытомъ Эльзаса и Лотарингіи; они предполагали бы рѣшимость начинать новыя войны, которыя дали бы столь же сомнительные результаты. Балканскія области—не пустопорожняя почва, доступная свободному завладѣнію; ихъ нельзя уже заселять кѣмъ угодно, и управленіе ими связано болѣе съ обязанностями, чѣмъ съ выгодами. Убѣдительный примѣръ представляетъ Боснія, присоединенная къ Австріи: австрійцы не только не могутъ извлечь никакой пользы изъ этой оккупаціи, но должны еще прибавлять значительныя суммы на содержаніе войскъ и на администрацію, въ ущербъ своимъ собственнымъ финансамъ. Между тѣмъ, земельныя пріобрѣтенія въ Африкѣ даютъ чистую прибыль; они служатъ помѣщеніемъ для капиталовъ и поселенцевъ, не требуютъ крупныхъ военныхъ расходовъ и обходятся дешево правительству, такъ какъ управленіе можетъ быть предоставлено самимъ колонистамъ. Притомъ въ занятой уже землѣ поселенцы, хотя бы завоевавшіе страну силою оружія, подвергаются всякимъ непріятностямъ отъ враждебныхъ жителей и должны считаться съ ихъ чувствами и мнѣніями; жизнь становится иногда невыносимою при такой обстановкѣ. Совсѣмъ другое въ колоніяхъ, гдѣ пришельцы распоряжаются какъ у себя дома, гдѣ они имѣютъ предъ собою вольный просторъ и гдѣ труду не грозитъ конкурренція туземцевъ. Нѣмцы, уѣзжавшіе до сихъ поръ въ Америку и прощавшіеся навсегда съ отечествомъ, будутъ имѣть другую перспективу,—они могутъ найти мѣсто въ національныхъ поселеніяхъ, среди своихъ соплеменниковъ, подъ прикрытіемъ германскаго флага и германскихъ законовъ. Они не будутъ поставлены въ печальную необходимость подчиняться иностранцамъ,—англичанамъ, голландцамъ или французамъ; никто не будетъ возбуждать вопроса о неудобствѣ наплыва нѣмецкихъ искателей работы, какъ это не разъ бывало въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ. Возможность свободы откроется и для массы тружениковъ, ищущихъ спасенія въ эмиграціи; они останутся полноправными гражданами, вмѣсто того, чтобы превращаться въ подданныхъ чужой власти,

только терпимыхъ и живущихъ какъ-будто изъ милости на чуж
хлѣбахъ.

Конечно, Ангра-Пекена и Камерунъ открываютъ лишь край
ничтожный кусочекъ этой заманчивой перспективы; но они ук
ваютъ на политику, которая послужитъ основою для дальнѣйш
болѣе смѣлыхъ начинаній. Не слѣдуетъ поэтому удивляться вост
женнымъ отзывамъ нѣмецкой печати о колоніальныхъ попытк
князя Бисмарка. Эти попытки гораздо важнѣе всякихъ свиданій
графомъ Кальноки; онѣ обѣщаютъ многое въ будущемъ, и вызв
мыя ими надежды замѣтно облегчаютъ душную атмосферу, въ ко
рой заперта Германія въ центрѣ Европы. Располагая нынѣ по
дочнымъ военнымъ флотомъ, нѣмецкая имперія можетъ употреб
его съ пользою для колоніальныхъ цѣлей, безъ всякаго риск
безъ серьезныхъ жертвъ. Когда Франція и Германія будутъ од
ково озабочены пріобрѣтеніемъ колоній, взаимная вражда ихъ н
бѣжно ослабѣетъ и со временемъ, быть можетъ, даже погасн
обѣ державы уже и теперь дѣйствуютъ часто рука объ руку, т
какъ антагонизмъ чувствъ не находитъ соотвѣтственнаго анта
низма въ интересахъ. Свободныхъ земель еще много въ различ
частяхъ земного шара; ихъ хватитъ еще для европейскихъ г
дарствъ, имѣющихъ въ себѣ избытокъ людей или средствъ.
Германія не остановится на сдѣланномъ шагѣ и пойдетъ вслѣд
Франціею по пути колоніальныхъ предпріятій, — за это руча
сильное общественное движеніе, о которомъ мы упоминали вы
Не только въ печати и въ парламентскихъ кругахъ обнаружи
это движеніе, но и въ сферахъ практической дѣятельности: въ Б
линѣ организовалось частное общество съ большимъ капиталомъ д
содѣйствія нѣмецкой колонизаціи въ далекихъ краяхъ; однород
общество существуетъ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, съ отдѣлені
въ разныхъ городахъ имперіи. За Германіею потянулась и союзн
ея, Австрія; четыре австрійскихъ корвета отправлены въ Афр
Америку и Австралію для поддержанія колоніальной торговли и
отысканія удобныхъ гаваней, могущихъ быть полезными австрійца

Положеніе Африки, которую европейцы рвутъ теперь на час
оказывается вполнѣ исключительнымъ. Этотъ материкъ, населен
своеобразными племенами, дѣлается настоящею добычею Европы; о
разсматривается какъ безхозяйное наслѣдство, ошибочно попав
въ руки безправныхъ дикарей. Африканскія земли, въ которыя
бирались лишь смѣлые путешественники, стали близки и досту
европейцамъ, благодаря новѣйшему развитію пароходныхъ сообще
правильные торговые и пассажирскіе рейсы установились между
нѣйшими пунктами африканскаго побережья и европейскими пор

ми. Извѣстный изслѣдователь центральной Африки, американецъ Стэнли, составилъ проектъ устройства „вольныхъ штатовъ Конго“, которые должны обнять значительнѣйшую часть материка, съ населеніемъ около 50 милліоновъ негровъ. Проектъ приводится въ исполненіе „международною африканскою ассоціаціею“, которою руководитъ бельгійскій король Леопольдъ II. Ассоціація добилась уже отъ нѣкоторыхъ державъ оффиціальнаго признанія своихъ верховныхъ правъ на земли, занимаемыя бассейномъ рѣки Конго; Соединенные Штаты признали верховенство ассоціаціи, Франція заключила съ нею договоръ, Германія, Италія и Голландія оказываютъ ей сочувствіе; даже Англія, которая подписала сомнительную сдѣлку съ Португаліею, имѣвшею притязанія на Конго, начинаетъ склоняться на сторону бельгійской компаніи, такъ какъ послѣдняя заявила рѣшимость твердо держаться принциповъ свободы торговли и прекращенія невольничества. Ассоціація занялась уже розысканіями для постройки желѣзной дороги черезъ внутренность Африки, и хотя эти розыски касаются пока незначительнаго пространства, тѣмъ не менѣе они подготовляютъ включеніе дѣвственнаго еще материка въ культурную жизнь европейскаго человѣчества. „Вольные штаты Конго“ могутъ сдѣлаться ядромъ, около котораго будутъ группироваться новыя политическія организаціи и самостоятельныя колоніи, при ближайшемъ участіи заинтересованныхъ державъ Европы.

Само собою разумѣется, что новѣйшая колоніальная политика континентальныхъ государствъ должна была возбудить безпокойство въ Англіи, привыкшей считать себя почти безраздѣльною владычицею морей. Франція, владѣвшая когда-то богатыми колоніями, была долго поглощена дѣлами спеціально-европейскими и отчасти растеряла свои владѣнія; оживленіе въ ней колоніальной предпріимчивости не могло быть принято сочувственно англичанами и вызывало рѣзкую полемику со стороны лондонскихъ газетъ. Французы не обращали вниманія на нападки, и англичане поневолѣ мирились съ фактомъ, котораго нельзя было ни устранить, ни ослабить,—ибо французскія морскія силы почти не уступаютъ англійскимъ. Франція имѣла за собою традицію и силу—два весьма вѣскіе аргумента въ глазахъ Англіи; но когда туда-же попробовала двинуться новая держава, только недавно пріобрѣвшая возможность обзавестись броненосцами,—англичане увидѣли опасность во всемъ ея дѣйствительномъ значеніи. Насчетъ французской республики не трудно было утѣшиться мыслью, что дѣло идетъ лишь о временномъ направленіи, вынужденномъ обстоятельствами—упадкомъ политической роли французовъ въ Европѣ и необходимостью поддержать обаяніе военной славы; въ этомъ смыслѣ колоніальная мода могла-бы пройти столь-же легко, какъ и возник-

ла. Но что сказать о попыткахъ Германіи, этой безусловно практи-
ческой и разумной имперіи, доставляющей эмигрантовъ въ чужі
колоніи? Англійскіе министры сохраняли молчаніе или небрежно укл
нялись отъ отвѣта; а публицисты называли нѣмецкіе планы ребя
скими и неисполнимыми. Однако, пришлось примириться и съ этим
фактомъ, такъ какъ холодныя отношенія съ берлинскимъ кабинето
не привели-бы ни къ чему; и безъ того неудовольствіе нѣмецкой д
пломатіи отразилось весьма чувствительнымъ образомъ на занятіях
неудавшейся египетской конференціи въ Лондонѣ. Англійская печат
подверглась неустанному перекрестному огню со стороны берлински
и парижскихъ газетъ; Англія очутилась въ положеніи независима
одиночества, утративъ одновременно дружбу Франціи и Германі
Англо-французскій союзъ, къ которому стремился Гамбетта, ста
очевидною невозможностью; сближеніе съ нѣмцами болѣе вѣроятн
ибо колоніальное соперничество Германіи не столь непосредствен
и серьезно для англичанъ, какъ конкурренція французовъ. Непріязн
къ послѣднимъ особенно обострилась со времени столкновенія ихъ с
Китаемъ, гдѣ коммерческіе интересы Англіи терпятъ громадн
ущербъ отъ начавшихся военныхъ дѣйствій.

Франція вовлечена въ войну съ Китайскою имперіею, не смотря н
общее нежеланіе доводить дѣло до разрыва; французскій парламент
которому принадлежитъ по закону право разрѣшать вопросы о мир
и войнѣ, предоставилъ министерству Жюля Ферри охранять всѣ
способами обязательную силу заключеннаго въ Тянъ-Тзинѣ договор
объ очищеніи Тонкина китайскими войсками. Палаты разошл
прежде чѣмъ кризисъ успѣлъ принять свой нынѣшній острый х
рактеръ; на веденіе войны правительство не уполномочено, но с
считаетъ себя въ правѣ употреблять репрессаліи, въ видѣ бомб
дировки китайскихъ портовъ. Причины столкновенія всѣмъ извѣст
Китайцы неожиданно напали на французовъ, которые готовил
вступить въ городъ Лангсонъ, согласно договору; за такое вѣроло
ство, стоившее жизни многимъ французамъ, министерство Жю
Ферри потребовало денежнаго удовлетворенія въ размѣрѣ 250 ми
ліоновъ франковъ и затѣмъ понизило эту сумму до 80 милліоно
Послѣ долгихъ уклоненій и колебаній, китайское правительство р
шительно отвергло французскій ультиматумъ и предпочло откры
войну. Жюль Ферри задумалъ преждевременно напугать китайцев
для этой цѣли велѣлъ разрушить Келунгъ; между тѣмъ этотъ вр
дебный поступокъ Франціи породилъ воинственный духъ въ насел
ніи и заставилъ правителей Китая взяться за оружіе. Адмира
Курбэ направилъ пушки своей эскадры противъ арсенала въ Фу
городѣ съ полумилліономъ жителей, по рѣкѣ Минъ; арсеналъ

вратился въ груду развалинъ, половина китайскаго флота уничтожена, и французская эскадра вышла въ море. Китай посылаетъ свои отряды къ Тонкину, угрожая войскамъ генерала Миллью; китайскіе патріоты обѣщаютъ повторить русскую народную оборону 1812 года, организовать партизанскіе набѣги и не давать покоя французамъ, истребляя ихъ по частямъ и избѣгая встрѣчи въ открытомъ полѣ. Подобныя предположенія останутся напрасными уже потому, что Франція не имѣетъ въ виду проникать внутрь Китая, а ограничится только занятіемъ нѣсколькихъ приморскихъ пунктовъ, въ видѣ залога, для обезпеченія требуемой отъ китайцевъ денежной уплаты. Во всякомъ случаѣ Китай едва-ли въ состояніи успѣшно сопротивляться французамъ; современная артиллерія дѣйствуетъ слишкомъ разрушительно и быстро, чтобы возможно было отражать или предупреждать ея удары при плохихъ китайскихъ средствахъ. Англійскія газеты держатъ сторону китайцевъ и считаютъ ихъ врагами, весьма опасными для Франціи; однако и „Times“ сознается въ безнадежности внутреннихъ порядковъ „Небесной“ имперіи.

„Власти въ Китаѣ,—пишетъ корреспондентъ „Times'a“,—состоятъ, за рѣдкими исключеніями, изъ людей, не имѣющихъ понятія о прочихъ народахъ и столь же ребячески ослѣпленныхъ, какъ и двадцать-четыре года тому назадъ, во время экзекуціи генерала Монтобана. Разслабленное правительство хлопочетъ только объ одномъ—о противодѣйствіи всякимъ перемѣнамъ. Сановники заинтересованы въ сохраненіи существующихъ злоупотребленій; они не нуждаются ни въ иностранныхъ изобрѣтеніяхъ, ни въ чужихъ людяхъ и товарахъ. Продажность чиновничества господствуетъ безъ стѣсненій; честныхъ дѣятелей администраціи можно пересчитать по пальцамъ. Слабость правительства становится все болѣе ясною для народа, и довѣріе къ власти совершенно пошатнулось. Правительственный контроль надъ отдаленными провинціями сдѣлался почти номинальнымъ; изъ Пекина не могутъ услѣдить за положеніемъ дѣлъ въ восемнадцати обширныхъ областяхъ“. При этихъ условіяхъ можно бы повѣрить, что пекинскіе государственные люди совершенно неповинны въ сознательномъ нарушеніи тянь-тзинскаго трактата; ихъ приказанія просто не дошли до исполнителей или оставлены безъ послѣдствій, а отвѣчать за дѣйствія своихъ непокорныхъ органовъ кажется страннымъ китайскому правительству. Франція поступала ужъ слишкомъ круто и поспѣшно, назначая двухдневные сроки съ угрозою бомбардировки; съ неповоротливыми азіатскими государствами нужно имѣть нѣкоторую долю терпѣнія, оставляя время для обдумыванія и принятія ультиматумовъ. Нельзя отрицать, что французскія газеты не обнаружили достаточныхъ свѣденій о Китаѣ; онѣ

спорили съ какимъ-то „Тзунгъ-ли-яменомъ", какъ съ опредѣлен личностью, тогда какъ это названіе означаетъ управленіе иностр ными дѣлами. Но французскіе дипломаты и французскія пу знаютъ свое дѣло: внушая „спасительный страхъ" отдаленнымъ родамъ, Франція въ то же время показала кабинетамъ Европы, ея колоніальная политика не есть дѣло временное или произв ное, а серьезная и практическая система, въ осуществленіи кото правительство не останавливается даже передъ войною. Нужна была эта война для утвержденія власти въ Тонкинѣ и можно было избѣгнуть ея, — это другой вопросъ, о которомъ сами фр цузы высказываютъ различныя мнѣнія.

Министерство Жюля Ферри поставлено въ довольно щекотл положеніе: оно фактически ведетъ войну, не имѣя на это закон права безъ разрѣшенія палатъ. Называть репрессаліями такія м как бомбардировка иностранныхъ портовъ, — это пріемъ дово натянутый и безцѣльный. Война имѣетъ всегда значеніе репре лій; въ 1870 году Франція хотѣла наказать Пруссію за рѣзкое вниманіе къ французскимъ интересамъ и чувствамъ, а Пруссія шилась наказать французовъ за постоянное вмѣшательство въ жія дѣла. Репрессаліи относительно независимаго государства чаютъ характеръ войны, и если французскія газеты доказыв что дѣло идетъ лишь о наказаніи Китая, а не о войнѣ, то есть только злоупотребленіе словами. Насильственныя мѣры пр храненіи мира практиковались часто англичанами противъ втор пенныхъ морскихъ державъ; еще сравнительно недавно, года тому назадъ, англійскіе броненосцы бомбардировали Александ оставаясь въ оффиціальномъ мирѣ съ египетскимъ хедивомъ. нятно, что теперь англійская пресса болѣе всего возмущается о зомъ дѣйствій Франціи относительно Китая. Подъ видомъ так зываемыхъ репрессалій вопросъ о войнѣ ускользаетъ отъ контр парламентовъ, и важнѣйшіе интересы народа остаются въ ру министерства, вслѣдствіе крайняго неудобства своевременнаго бличнаго обсужденія текущихъ задачъ иностранной политики. Н возможности винить конституціонное правительство за то, что не вноситъ международныхъ вопросовъ на разсмотрѣніе палатъ; сношеніяхъ между кабинетами есть много пунктовъ щекотли или секретныхъ, которые не должны подлежать преждевреме огласкѣ. Министерство беретъ на свою отвѣтственность практи ское примѣненіе политики, одобренной въ общихъ чертахъ пар ментомъ; оно всегда можетъ начать войну или сдѣлать ее неизб ною, предоставляя палатамъ выражать согласіе заднимъ числ Строгіе парламентаристы видятъ въ этихъ случаяхъ прямое н

шеніе конституціи; но всякія нарушенія проходятъ безслѣдно, когда палаты и общественное мнѣніе дружно поддерживаютъ правительство. Англійскій кабинетъ заключилъ предварительную сдѣлку съ Франціею по египетскому вопросу и впослѣдствіи отказался отъ этого соглашенія, такъ какъ оно было отвергнуто почти всею лондонскою печатью; точно также и конференція, созванная Гладстономъ, осталась безъ всякаго результата только потому, что не встрѣтила сочувствія въ англійскомъ обществѣ. Зато съ другой стороны, чувствуя за собою общественное одобреніе, Гладстонъ свободно распоряжался въ Египтѣ, безъ формальнаго спроса палатъ; теперь онъ вновь обратился къ этой самостоятельной политикѣ, подъ давленіемъ энергической оппозиціи, и въ Каиръ посылается побѣдитель при Тель-эль-кебирѣ, генералъ Уэллеслей, для устройства новой экспедиціи къ Судану. Правительство рѣшилось выручить генерала Гордона, засѣвшаго въ Хартумѣ, — хотя, повидимому, прошла уже опасность для этого храбраго рыцаря, побѣждающаго толпы какихъ-то „мятежниковъ" своею одинокою личностью.

Внѣшняя политика Гладстона страдаетъ вообще непослѣдовательностью, неустойчивостью и медлительностью;—въ этой области консервативная партія имѣетъ богатый матеріалъ для критики. Многое объясняется, впрочемъ традиціями прошлаго, послѣдствіями прежнихъ ошибокъ. Консерваторы, во время своего управленія, тратили массу времени и средствъ на обезпеченіе сѣверныхъ границъ Индіи, на подчиненіе Афганистана и на заботы о спокойствіи средней Азіи; что-же вышло изъ всѣхъ этихъ усилій? Пограничная комиссія изъ агентовъ русскихъ и британскихъ должна была опредѣлить сѣверную границу Афганистана; афганскій эмиръ, Абдурахманъ, получающій отъ Англіи ежегодную субсидію въ нѣсколько милліоновъ рублей, отказывается гарантировать неприкосновенность англійскихъ делегатовъ при проѣздѣ черезъ его владѣнія, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что не всѣ племена повинуются ему одинаково. И такому правителю, безсильному и безотвѣтственному, уплачиваются колоссальныя суммы за сохраненіе дружбы и союза съ Англіею; и Афганистанъ съ его ничтожнымъ эмиромъ долженъ былъ служить оплотомъ противъ русскаго приближенія къ Индіи. Это остатки идей и плановъ лорда Биконсфильда; за нихъ не можетъ отвѣчать либеральный кабинетъ Гладстона.

Трудно замѣтить какую-либо перемѣну въ настроеніи Франціи послѣ пересмотра конституціи: шумныя засѣданія версальскаго конгресса были непродолжительнымъ эпизодомъ, который едва-ли оста-

вилъ по себѣ глубокіе слѣды. Въ конституцію включены постановленія о томъ, что вопросъ о формѣ правленія не можетъ уже подлежать пересмотру, что президентами республики не должны быть избираемы члены царствовавшихъ фамилій и что для сенатскихъ выборовъ будутъ установлены новыя правила, съ устраненіемъ пожизненности. Эти принципы, принятые конгрессомъ послѣ долгихъ споровъ и бурныхъ сценъ, не измѣнили положенія ни въ чемъ существенномъ: монархисты продолжаютъ вѣровать въ свое будущее торжество; графъ Андинье продолжаетъ доказывать превосходство анжуйскихъ Бурбоновъ предъ орлеанскими; клерикалы нападаютъ на графа Парижскаго за его либерализмъ, а непримиримые не отчаяваются въ наступленіи такой революціи, которая сразу исполнитъ всѣ желанія ихъ партіи. Радикалы сошлись съ бонапартистами въ отрицаніи правъ конгресса на дѣйствительный пересмотръ конституціи; они требовали созыва учредительнаго собранія, о чемъ никто не думалъ въ странѣ. Послѣ того какъ конгрессъ окончился, они обнародовали заявленіе, въ которомъ высказываютъ рѣшимость добиваться новой, настоящей „ревизіи“, такъ какъ исправленная нынѣ конституція не соотвѣтствуетъ еще ихъ идеаламъ. Въ сущности весь вопросъ о пересмотрѣ былъ искусственно созданъ партіями и очень мало интересовалъ населеніе. Всякій понимаетъ, что республика держится прочно не потому, что объ ней существуютъ извѣстныя постановленія въ законѣ, а потому, что она имѣетъ въ себѣ жизненную, фактическую силу, которой противостоятъ только разрозненные кружки идеалистовъ и доктринеровъ стараго закала. Даже политическіе и журнальные дѣятели не увлекались пересмотромъ; они хлопотали больше для очистки своей совѣсти и заботились лишь о скорѣйшемъ окончаніи конституціоннаго кризиса. Масса публики смотрѣла на конгрессъ, какъ на невинное развлеченіе; нельзя было ожидать никакого восторга или воодушевленія по поводу забытыхъ дополнительныхъ поправокъ къ конституціи. Казалось-бы, что въ такое время странно было-бы поднимать вопросъ объ учредительномъ собраніи и о коренной „ревизіи“ республиканскихъ учрежденій; общее равнодушіе, смѣшанное съ ироніею, сопровождало призывы крайнихъ „ревизіонистовъ“.

Надо только удивляться, что безцѣльные проекты, не имѣющіе никакихъ шансовъ осуществленія, горячо поддерживаются такимъ опытнымъ ораторомъ, какъ докторъ Клемансо. При жизни Гамбетты Клемансо считался наиболѣе виднымъ соперникомъ и вѣроятнымъ преемникомъ его; онъ поддерживалъ свою репутацію смѣлыми и искусными нападками на „диктатора“. Но Гамбетта умеръ, и депутату Клемансо пришлось играть роль самостоятельнаго вождя радикаль-

ной оппозиціи: онъ не съумѣлъ, однако, возвыситься до значенія настоящаго государственнаго человѣка, и остался по прежнему ловкимъ парламентскимъ бойцомъ, не больше. Ему не достаетъ того тонкаго политическаго чутья, которое отличало Гамбетту и которое дѣлало его живымъ воплощеніемъ національной республиканской политики. Клемансо чуждъ оппортунизма въ его здравомъ практическомъ смыслѣ; онъ не представляетъ собою опредѣленной програмы, доступной примѣненію при данныхъ обстоятельствахъ, а гонится за формулами и задачами, не имѣющими связи съ дѣйствительностью. Клемансó владѣетъ оружіемъ критики и нападенія; положительныя качества, необходимыя для государственной дѣятельности, отсутствуютъ въ немъ,—если судить по его политикѣ за послѣдніе годы. Этотъ характеръ предводителя радикальной партіи придаетъ особенную прочность министерству Жюля Ферри, ибо послѣдній не имѣетъ авторитетнаго противника, который могъ-бы занять его мѣсто въ случаѣ паденія кабинета. Человѣкъ, считавшійся соперникомъ Гамбетты, не можетъ успѣшно соперничать съ Жюлемъ Ферри: это оригинальное положеніе происходитъ именно вслѣдствіе того, что періодъ внутренней коституціонной борьбы окончился во Франціи и что настала пора созидательной работы, систематической и осторожной. Жюль Ферри обладаетъ всѣми свойствами упорныхъ и искусныхъ исполнителей, умѣющихъ превосходно справляться съ фактами, событіями и людьми; у него есть твердая воля, самообладаніе, хладнокровіе и находчивость, хотя никто не припишетъ ему ни геніальныхъ идей, ни великихъ замысловъ. Онъ не изъ тѣхъ, которые ослѣпляютъ своими дѣйствіями или краснорѣчіемъ; но онъ чрезвычайно полезная практическая сила, которою вполнѣ основательно дорожатъ французскіе республиканцы.

Колоніальныя затрудненія отчасти отвлекали вниманіе французскаго правительства отъ внутреннихъ вопросовъ, и продолжительная парламентская сессія не принесла обильныхъ законодательныхъ плодовъ. Законъ о разводѣ разсмотрѣнъ и утвержденъ; законы о мятежныхъ манифестаціяхъ, о полицейской префектурѣ и о рецидивистахъ не дождались своей очереди; проекты военныхъ преобразованій, въ томъ числѣ законъ о колоніальной арміи, отложены на неопредѣленное время; разсмотрѣніе бюджета также отложено до осени. Остается только пересмотръ конституціи, который отнялъ у палатъ полтора мѣсяца. Въ общемъ, управленіе Жюля Ферри не можетъ быть названо безплоднымъ; оно вызываетъ упреки только за излишнюю горячность въ международныхъ предпріятіяхъ,—упреки, могущіе сдѣлаться роковыми для кабинета въ случаѣ какой-либо неожиданной неудачи.

Господство реальной, положительной политики во Франціи сказывается во многомъ въ настоящее время. Гамбетта мечталъ еще о разныхъ искусственныхъ международныхъ комбинаціяхъ, о союзѣ съ Англіею или съ Россіею, о вмѣшательствѣ въ балканскія дѣла, для возвышенія авторитета и вліянія французской республики въ Европѣ. Онъ хотѣлъ фактически опровергнуть указаніе монархистовъ на невозможность тѣснаго сближенія съ европейскими монархіями при современномъ государственномъ устройствѣ Франціи. Теперь всѣ эти стремленія оставлены, и взамѣнъ обманчивыхъ союзовъ устанавливается и расширяется матеріальная почва для внѣшняго могущества государства, независимо отъ мнѣній и желаній сосѣдей. Дѣйствуя съ тактомъ и съ энергіею въ извѣстной сферѣ международныхъ интересовъ, Франція косвенно приблизила къ себѣ Германію и усилила кредитъ свой въ Европѣ и въ другихъ частяхъ свѣта. Не навязывая никому своей дружбы и сохраняя полную свободу дѣйствій, великая держава выигрываетъ гораздо болѣе, чѣмъ исканіемъ сомнительныхъ союзовъ и сближеній. Англія всегда слѣдовала этой системѣ и доводила ее даже до крайности,—до полнаго невниманія къ правамъ другихъ государствъ; но она успѣвала извлекать выгоды изъ чужихъ кабинетныхъ комбинацій, не участвуя въ нихъ сама.

Въ центральной Европѣ замѣчается иная традиція: государственные люди стремятся, во что бы то ни стало, къ достиженію извѣстной группировки державъ, для чего устраиваютъ свиданія, дѣлаютъ уступки, входятъ въ ненужныя сдѣлки и нерѣдко приносятъ серьезныя политическія жертвы. Австрія за свою довѣрчивость поплатилась въ 1866 году; Россія испытала на себѣ удобства тройственнаго союза въ 1877—8 годахъ; тѣмъ не менѣе и теперь еще повторяются слухи о тѣхъ же союзахъ, которые въ сущности вовсе не нужны сосѣдямъ Германіи. Нѣкоторая доля сантиментальности выражается въ сужденіяхъ о взаимной дружбѣ державъ;—нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ принимать эти выраженія буквально и строить на нихъ что-либо положительное.

Министерство Гладстона не можетъ похвалиться особенными успѣхами въ дѣлахъ внутреннихъ: парламентская сессія закончилась отклоненіемъ избирательнаго билля въ палатѣ лордовъ и общественными манифестаціями противъ наслѣдственныхъ законодателей. Движеніе противъ лордовъ породило множество рѣчей и журнальныхъ проектовъ; консерваторы защищали палату противъ всякихъ обвиненій и взваливали отвѣтственность за происшедшій кризисъ исклю-

чительно на министровъ, которые будто бы хотѣли воспользоваться расширеніемъ избирательныхъ правъ для своихъ партійныхъ цѣлей. Лордъ Салисбёри торжественно увѣрялъ, что онъ искренній другъ народа, что онъ ничего не имѣетъ противъ реформы въ принципѣ, но что онъ считаетъ только необходимымъ правильное распредѣленіе округовъ между новыми избирателями, одновременно съ изданіемъ избирательнаго закона. Прогрессисты старались поставить вопросъ болѣе общій и широкій—о преобразованіи или упраздненіи самой палаты пэровъ, какъ учрежденія отжившаго и несостоятельнаго; народъ охотно слушалъ эти рѣчи и соглашался съ ними, газеты разсуждали объ этомъ предметѣ въ различныхъ направленіяхъ и въ концѣ концовъ не пришли ни къ какому практическому выводу. Движеніе, обѣщавшее радикальный исходъ, затихло само собою; публика понимала, что хорошія идеи не легко приводятся въ исполненіе и что въ данное время дѣло идетъ вовсе не о палатѣ лордовъ, а о расширеніи избирательныхъ правъ. Такая крутая реформа, какъ уничтоженіе привиллегій наслѣдственныхъ пэровъ, потребовала бы въ Англіи многолѣтнихъ общественныхъ усилій, и нынѣшняя агитація казалась многимъ напрасною потерею времени. Протесты противъ лордовъ утратили свой raison d'être съ той минуты, какъ вожди верхней палаты заявили готовность принять избирательный билль при выполненіи указаннаго ими условія со стороны министерства. Графъ Коуперъ предложилъ въ газетахъ компромиссъ для устраненія разногласія между обѣими палатами, и его предложеніе встрѣчено сочувственно либеральною печатью. Въ началѣ будущей сессіи кабинетъ внесетъ проектъ закона о распредѣленіи избирательныхъ округовъ, послѣ чего будетъ беспрепятственно принятъ билль о реформѣ. Палата лордовъ не потеряетъ своего значенія, и реформа ея совершится не скоро. Пересмотръ конституціи, который дѣлается во Франціи въ нѣсколько дней или недѣль, проходитъ въ Англіи предварительную стадію обсужденія въ теченіе многихъ лѣтъ. Безъ сомнѣнія, Гладстонъ не разсчитывалъ на возможность дѣйствительнаго преобразованія верхней палаты; но онъ добился уступчивости лордовъ благодаря возникшему движенію, и участь избирательнаго закона обезпечена.

Отклонивъ отъ себя опасность враждебнаго поворота въ общественномъ мнѣніи, англійскіе консерваторы вновь направляютъ свои усилія на благодарную для нихъ область иностранной политики. Они обвиняютъ Гладстона и графа Гренвилля за ненужное раздраженіе Германіи, съ которою лордъ Биконсфильдъ старался установить близкую дружбу ради важныхъ интересовъ на востокѣ. Отношенія съ Берлиномъ выдвигаютъ теперь новую задачу, въ виду внезапной

смерти британскаго посланника при германскомъ дворѣ, лорда Одо Росселя-Амптгилля. Этотъ даровитый дипломатъ умѣлъ сглаживать всякія шероховатости, смягчать разногласія и поддерживать добрыя чувства между обоими кабинетами при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, какъ это было, напримѣръ, во время прусско-французской войны; услуги его были бы теперь особенно полезны для Англіи, и утрата его тѣмъ болѣе чувствительна, что его трудно вполнѣ замѣнить. Либеральныя газеты говорятъ о бывшемъ министрѣ финансовъ Гошенѣ, какъ о наиболѣе удобномъ кандидатѣ на должность англійскаго представителя въ Германіи; но Гошенъ, хорошо знающій нѣмецкую жизнь, извѣстенъ какъ практическій государственный человѣкъ и какъ глава старой банкирской фирмы, но не какъ дипломатъ. А въ такомъ пунктѣ, какъ Берлинъ, нуженъ тонкій знатокъ дипломатическаго искусства. Впрочемъ, отношенія съ Германіею поправятся сами собою, при содѣйствіи лондонской печати, которая успѣла уже перейти отъ насмѣшливаго тона къ хвалебному относительно нѣмцевъ; берлинскіе органы перепечатываютъ новыя статьи „Times'а“ и „Pall-Mall-Gazette“, выставляющія уже нѣмецкую имперію первостепенною державою въ мірѣ. Англійскія руководящія газеты отлично исполняютъ дипломатическія обязанности—иногда лучше и успѣшнѣе дипломатовъ по профессіи.

Консервативная оппозиція имѣетъ еще другой предметъ для своихъ патріотическихъ заботъ—Остъ-Индію. Противники министерства указываютъ на чрезмѣрную свободу туземной индійской журналистики, получившей значительное развитіе и распространеніе въ послѣдніе годы. Правитель Индіи при лордѣ Биконсфильдѣ, извѣстный писатель графъ Литтонъ, ограничилъ свободу туземной печати, но при его преемникѣ маркизѣ Рипонѣ стѣснительныя мѣры были отмѣнены. „Times“ приводитъ нѣсколько любопытныхъ выдержекъ изъ разсужденій индійскихъ публицистовъ, по поводу стараній правительства смягчить послѣдствія голода въ Индіи. „Англичане,—говорится въ одной газетѣ,—утверждаютъ съ дьявольскою насмѣшкою, что населеніе Мадраса умираетъ съ голоду только потому, что оно жило изо дня въ день, не заботясь о будущемъ. Когда люди жалуются, что ихъ ограбили дочиста, они обзываются мятежниками. Просить работы считается безстыдствомъ. Англичане обвиняютъ въ лѣности тѣхъ, которые не въ состояніи работать вслѣдствіе недостатка въ пищѣ“. Другая газета идетъ гораздо далѣе и смѣлѣе: „Иностранцы,—по ея словамъ,—завладѣли Индіею и высасываютъ изъ нея всѣ соки. Индійское населеніе безпомощно смотритъ на это. Важнѣйшіе интересы народа отдаются въ жертву англичанамъ. Невинные туземцы подвергаются оскорбленіямъ и казнямъ. При ока-

домъ своемъ шагѣ народъ взываетъ къ помощи, чувствуя на себѣ удары англійскаго бича. Демоны позорятъ и губятъ индійскихъ женъ. Въ высшей степени прискорбно, что народъ Индіи не вооружается, чтобы свергнуть иго бѣлыхъ людей".

Въ самомъ Лондонѣ издается индійскій журналъ, проповѣдующій освобожденіе народовъ Индіи. Этотъ журналъ ссылается на примѣръ Англіи, которая достигла свободы при помощи непрерывной настойчивости и терпѣнія. „Нельзя отрицать,—пишетъ индійскій редакторъ, —что Индія управляется лучше чѣмъ другія азіатскія страны. Печать, имѣющая многочисленныхъ представителей въ Индіи, пользуется необходимою свободою мнѣній. Индійцы не имѣютъ повода къ составленію тайныхъ заговоровъ и не навлекаютъ на себя суровыхъ преслѣдованій; все можетъ и должно дѣлаться открыто. Клубы и народные союзы могутъ быть учреждаемы для правильнаго обсужденія всякихъ вопросовъ. Что англичане въ настоящее время исполняютъ культурную задачу въ великой индійской имперіи,—это несомнѣнно. По численности они составляютъ каплю въ морѣ, среди 250 милліоновъ населенія". Журналъ не безъ остроумія утверждаетъ, что англичане должны для пользы своего здоровья избѣгать индійскаго климата и предоставить всѣ должности образованнымъ туземцамъ. Нужно также, по мнѣнію редакціи, устроить общія учебныя заведенія, доступныя одинаково для христіанъ, магометанъ и индійцевъ. Журналъ разсуждаетъ довольно здраво; онъ вѣритъ въ возможность достигнуть всего путемъ мирныхъ энергическихъ усилій. Подобные взгляды одобряются и консерваторами; послѣдніе полагаютъ только, что воинственныя и враждебныя выходки противъ англичанъ не должны быть допускаемы въ индійской печати. Но въ Англіи господствуетъ убѣжденіе, что гораздо полезнѣе знать истинное настроеніе и идеалы общества, чѣмъ игнорировать ихъ,—ибо опасность не въ томъ, что̀ высказывается, а въ томъ, что̀ чувствуется и сознается.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е сентября, 1884.

— Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. Сочиненіе *Е. Замысловскаго*. Съ приложеніемъ матеріаловъ для историко-географическаго атласа Россіи XVI в. Спб. 1884.

Книга г. Замысловскаго была его „диссертаціей“ на степень доктора русской исторіи, которой онъ уже много лѣтъ состоитъ профессоромъ въ петербургскомъ университетѣ. Защищеніе докторской диссертаціи г. Замысловскимъ вызвало въ свое время нѣкоторые толки въ печати; одни замѣчали, что книга г. Замысловскаго не есть вовсе диссертація, а только комментарій къ Герберштейну, — притомъ не совершенно полный и точный; другіе отвѣчали на это дружескими панегириками автору. Съ первымъ замѣчаніемъ нельзя, однако, не согласиться. Въ прежнее время для пріобрѣтенія ученой степени (а особливо высшей) требовалась именно „диссертація“, т.-е. такой трудъ, который представлялъ бы нѣчто новое для науки — новый взглядъ, освѣщающій извѣстную группу историческихъ явленій, сопоставленіе новыхъ фактовъ, разъясняющее процессъ исторической жизни; словомъ, сочиненіе должно было представлять новый шагъ въ теоретической разработкѣ исторіи, въ разъясненіи ея движущихъ началъ. Вспомнимъ напримѣръ двѣ знаменитыя диссертаціи Соловьева, которыя выставляли цѣлую новую историческую теорію, служившую для объясненія основныхъ явленій политической жизни древней Руси; вспомнимъ старыя диссертаціи Устрялова, Костомарова, даже диссертаціи Щапова, Иловайскаго, Фирсова, за послѣдніе годы въ особенности диссертацію г. Ключевскаго: въ каждомъ изъ этихъ трудовъ если еще не рѣшался, то ставился новый вопросъ, дѣлался новый подборъ фактовъ, относящихся къ самому существу историческаго процесса; каждый изъ этихъ трудовъ, что называется, двигалъ науку. И въ самомъ дѣлѣ, это требованіе и необходимо

было въ такомъ трудѣ, который именно предназначается служить доказательствомъ научной компетентности, правомъ на авторитетъ въ вопросахъ науки. Многіе изъ упомянутыхъ трудовъ заняли почетное мѣсто въ нашей исторіографіи. Прилагая эту мѣрку къ сочиненію г. Замысловскаго, нельзя не увидѣть, что „диссертаціи" въ немъ нѣтъ,—такъ какъ нѣтъ никакого новаго историческаго положенія, никакого новаго объясненія хода старой исторіи, — а есть именно только частный комментарій къ одному изъ „источниковъ".

Книга заключается сначала въ біографіи Герберштейна, затѣмъ въ изложеніи его сочиненія о Россіи. Это изложеніе авторъ сопровождаетъ объясненіями, на которыя потратилъ очень много труда. Объясненія простираются на замѣчанія Герберштейна о природѣ и климатѣ старой Россіи, на его описанія живущихъ въ ней народовъ, городовъ и путей. Для указанія мѣста, занимаемаго трудомъ Герберштейна въ литературѣ его времени, авторъ почти столь же подробно излагаетъ историко-географическія показанія его предшественниковъ—Барбаро, Контарини, Павла Іовія, Мѣховскаго. Комментарій чрезвычайно неравномѣренъ, и Герберштейнъ нерѣдко служитъ поводомъ для экскурсій, которымъ, собственно говоря, не было бы мѣста въ комментаріи. Напр. упоминаніе о лѣсахъ побуждаетъ автора собирать изъ новыхъ писателей различныя мнѣнія о значеніи лѣсовъ для климата страны; упоминанія о животныхъ ведутъ къ выпискамъ изъ зоологовъ; упоминаніе городовъ и путей ведетъ не только къ обозначенію теперешней мѣстности, но и къ сообщенію градусовъ широты и долготы, въ которыхъ не было бы надобности, и т. п. Привлеченіе подробно излагаемыхъ Барбаро, Контарини и пр. въ этомъ размѣрѣ для комментарія не составляетъ необходимости и загружаетъ книгу,—какъ вообще загружаютъ ее излишества объясненій (напр., въ свѣденіяхъ о лѣсахъ, приводятся даже точныя статистическія цифры о количествѣ десятинъ лѣса въ разныхъ мѣстностяхъ въ настоящее время; въ свѣденіяхъ о фаунѣ—описанія животныхъ по Брэму, Миддендорфу и пр. и пр.).

Труды подобнаго рода имѣютъ обыкновенно чисто справочное употребленіе. Поэтому, совершенно справедливо упрекали автора въ отсутствіи указателя; подробное оглавленіе не можетъ замѣнить его, потому что всѣхъ частностей оно вовсе не указываетъ. Ненужнымъ образомъ увеличиваетъ книгу излишество въ цитатахъ: авторъ очень часто приводитъ то или другое извѣстіе въ текстѣ по-русски, а затѣмъ повторяетъ его, безъ всякой надобности, въ сноскѣ—по-латыни или по-нѣмецки. Такъ напр. одна и та же цитата изъ Герберштейна, на стр. 408—409, повторена авторомъ пять разъ—сначала въ текстѣ по-русски, потомъ въ сноскѣ по-латыни, потомъ по-нѣ-

мецки, по одному и по другому изданію, и еще разъ по-русски. Читатель остается удрученъ.

— *Печенѣги, торки и половцы* до нашествія татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII вв. Монографія *П. Голубовскаго*. Кіевъ 1884.

Сочиненіе г. Голубовскаго есть также диссертація, но иного характера. Авторъ взялъ предметомъ сочиненія такую тэму, которая имѣетъ несомнѣнную важность, какъ историческій вопросъ, и требуетъ настоящаго „разсужденія". Древняя русская исторія вся переплетена упоминаніями о войнахъ и сношеніяхъ южныхъ княжествъ съ различными кочевыми народами, смѣнявшими другъ друга въ южно-русскихъ степяхъ. Эти отношенія съ кочевниками простираются отъ первыхъ князей и до самаго татарскаго нашествія; но къ удивленію, до сихъ поръ никто изъ нашихъ историковъ не посвятилъ этимъ отношеніямъ подробнаго изслѣдованія: поэтому г. Голубовскій какъ нельзя болѣе кстати предпринялъ въ своемъ трудѣ восполненіе этого пробѣла. Кто были эти кочевники? Откуда они брались и куда дѣвались? Какія были ихъ отношенія къ русскимъ княжествамъ и ихъ населеніямъ? — всѣхъ этихъ вопросовъ прежніе историки касались большею частію только мимоходомъ, и въ нихъ оставалось много темнаго; между тѣмъ очевидно, что эти отношенія, тянувшіяся нѣсколько столѣтій, не могли оставаться безъ вліянія на складъ древней южно-русской исторіи и даже на всю судьбу русскаго племени тѣхъ вѣковъ.

Г. Голубовскій въ своемъ сочиненіи ставитъ слѣдующія тэмы: 1) степи до появленія печенѣговъ; 2) племенное родство и происхожденіе кочевниковъ; 3) Русь и кочевники; 4) судьбы окраиннаго славянскаго населенія; 5) кочевники у себя; 6) нашествіе татаръ и выселеніе половецкаго народа. Авторъ приступаетъ къ изслѣдованію весьма разумно и указываетъ въ предисловіи, что поставилъ себѣ цѣлію опираться только на источники первой руки, не вдаваясь въ полемику съ писателями, мнѣній которыхъ онъ не раздѣляетъ, такъ какъ и безъ того его мысль будетъ достаточно высказана. Этого послѣдняго нельзя не одобрить: полемика въ подобныхъ случаяхъ занимаетъ обыкновенно очень много мѣста и большею частію не къ пользѣ самаго изслѣдованія. Нельзя было, разумѣется, совсѣмъ обойтись безъ встрѣчи съ другими мнѣніями, но авторъ обыкновенно относитъ разнорѣчіе въ примѣчанія.

Источниковъ первой руки по этому предмету существуетъ довольно много: русская лѣтопись, писатели византійскіе и частію за-

падные, наконецъ писатели восточные. Авторъ весьма внимательно пересматриваетъ ихъ извѣстія, сличаетъ между собою и извлекаетъ свои, вообще весьма доказательные, выводы, въ которыхъ спеціалисты русской исторіи найдутъ не мало интереснаго. Авторъ приходитъ къ убѣжденію, что кочевники южныхъ степей, исторію которыхъ онъ поставилъ цѣлію своихъ изслѣдованій, печенѣги, торки и половцы, всѣ были различными отраслями одного тюркскаго племени. Онъ дѣлаетъ любопытныя изслѣдованія о дальнихъ отрасляхъ русскаго племени, которыя обыкновенно мало помнились старой лѣтописью, и доказываетъ давнишнее и постоянное существованіе русскихъ поселеній по всему югу, отъ Дуная, по берегамъ Чернаго и Азовскаго моря, до древняго Хазарскаго царства, — поселеній своеобразнаго характера, гдѣ между прочимъ возникали особыя воинственныя общины, которыя имѣли въ своей средѣ и бродячіе инородческіе элементы, и въ которыхъ авторъ усматриваетъ первые начатки позднѣйшаго казачества. Далѣе, авторъ опредѣляетъ отношенія кочевниковъ къ русскимъ княжествамъ, мирныхъ и враждебныхъ, собираетъ данныя о бытѣ кочевниковъ у себя дома и отмѣчаетъ въ этомъ бытѣ русскія вліянія. Въ началѣ труда онъ собираетъ извѣстія и соображенія о физическомъ характерѣ южно-русской степи, которая, по его объясненіямъ, оказывается вовсе не настолько лишенной лѣсовъ, какъ обыкновенно ее представляютъ, — напротивъ, въ древнія времена она въ разныхъ пунктахъ имѣла большіе лѣса, остатки и слѣды которыхъ сохранились до самаго послѣдняго времени. Русское населеніе, по мнѣнію автора, издавна продвинулось очень далеко въ степныя пространства, а во времена историческія оно не столько расширяло свою колонизацію на югъ и востокъ, какъ обыкновенно думаютъ, сколько, напротивъ, покидало занятыя прежде земли, отступая передъ надвигавшимися кочевниками.—Вообще авторъ съумѣлъ извлечь изъ своихъ изысканій новые и любопытные результаты, съ которыми вопросы южно-русской исторіи получаютъ важныя разъясненія: это—полезная, здраво веденная историческая работа, дѣлающая честь начинающему изслѣдователю.

Не входя въ частности, мы сдѣлали бы автору одно замѣчаніе, какое намъ уже случалось дѣлать по поводу новѣйшихъ ученыхъ, особливо историческихъ работъ. Новые историки слишкомъ пренебрегаютъ формой; они довольствуются тѣмъ, что собрали свой матеріалъ, установили свои соображенія и затѣмъ передаютъ ихъ читателю въ порядочно сыромъ видѣ, не заботясь о томъ, чтобы дать своему труду ясное, послѣдовательное и связое изложеніе, которое не отталкивало бы обыкновеннаго любознательнаго читателя.

Бываютъ, конечно, предметы, гдѣ по необходимости должна пройти передъ читателемъ сырая научная работа; но, вообще говоря, писатель имѣетъ возможность дать своему труду болѣе совершенную литературную обработку, которая была бы полезна и для научной стороны дѣла, потому что потребовала бы большей ясности и симметріи въ постройкѣ цѣлаго труда. Пренебреженіе формой, къ сожалѣнію, несомнѣнно вредитъ самому распространенію научной литературы въ кругу читателей: ученыя книги (напр., въ родѣ диссертаціи г. Голубовскаго) не выходятъ обыкновенно изъ тѣснаго круга спеціалистовъ, между тѣмъ какъ при другомъ изложеніи этотъ кругъ могъ бы очень расшириться. Тэма книги вовсе не такая исключительная и головоломная, чтобъ быть доступной однимъ кабинетнымъ анахоретамъ.

Въ послѣднія десятилѣтія въ нашей южной литературѣ (особенно въ трудахъ кіевскаго и одесскаго университетовъ, кіевской духовной академіи и начавшаго-было дѣйствовать кіевскаго отдѣла географическаго общества) совершено было много въ высшей степени полезныхъ трудовъ по изученію южно-русской старины и народности; нѣтъ сомнѣнія, что это направленіе ученой работы есть именно долгъ мѣстной литературы и чрезвычайно полезное примѣненіе научнаго труда. Къ заслуженнымъ именамъ прежняго поколѣнія (В. Б. Антоновичъ, Иконниковъ, Драгомановъ, Чубинскій, Котляревскій, Малышевскій, Дашкевичъ и проч.) прибавляются новые дѣятели, достойно продолжающіе начатое дѣло: въ ряду ихъ, конечно, займетъ мѣсто и авторъ настоящей книги.

— *Этюды изъ области новой чешской литературы. А. Степовича.* Выпускъ I-II. Кіевъ, 1884.

— *Горные разсказы, А. Ираска.* Переводъ съ чешскаго и литературныя объясненія *А. Степовича.* Кіевъ, 1884.

Намъ случилось, года два тому назадъ, говорить о трудахъ г. Степовича по новой чешской литературѣ: онъ именно считалъ полезнымъ знакомить русскихъ читателей съ произведеніями беллетристической литературы, изъ которыхъ можно ближе узнать славянскую жизнь, чѣмъ изъ ученыхъ сочиненій. Не вдаваясь въ споры (см. предисловіе г. Степовича ко 2-му выпуску „Горныхъ разсказовъ"), надо замѣтить только, что для дѣйствительнаго знакомства съ славянскою (въ данномъ случаѣ — съ чешскою) жизнью не довольно было бы разсказовъ только изъ народнаго быта: г. Степовичъ настаиваетъ на ихъ этнографическомъ интересѣ, когда, наприм., они

рисуютъ весьма близкія съ нашими народныя преданія, обычаи и суевѣрья; но за народнымъ бытомъ остается еще цѣлая область жизни, бытъ и понятія образованныхъ классовъ. Этимъ классамъ принадлежитъ руководство національной жизнью, и бытъ ихъ, напротивъ, представляетъ множество особенностей, у насъ неизвѣстныхъ (большинству читателей) и уже не имѣющихъ никакого сходства съ формами нашего общественнаго быта и нашими обычаями и нравами. Чтобы получить точное понятіе о всемъ характерѣ чешской жизни, очень важно было бы особенно знакомство съ тономъ и складомъ жизни образованныхъ слоевъ общества: сходства этнографическія, которыя мы можемъ найти, напр., между чешскимъ и русскимъ простымъ народомъ, не могутъ послужить мѣркой національной солидарности; эти сходства, во-первыхъ, простираются не на одни славянскія племена и, главное, вовсе не предрѣшаютъ согласія въ другой области понятій,—понятій общественныхъ и культурныхъ. Тотъ же чехъ-простолюдинъ, у котораго окажутся съ русскимъ одинаковыя повѣрья и суевѣрья, представится русскому настоящимъ нѣмцемъ по образу жизни, пріемамъ труда и культурнымъ привычкамъ. Если, такимъ образомъ, даже въ простонародной средѣ могутъ оказаться, при этнографическомъ сходствѣ, большія культурныя различія, остающіяся результатомъ различно проведенной исторіи, то еще больше окажется ихъ въ другихъ классахъ общества, еще болѣе примкнувшихъ къ нѣмецкому или вообще западно-европейскому культурному типу: въ этотъ типъ переходятъ и простонародные элементы жизни, по мѣрѣ возрастанія образованности. Не отрицая пользы перевода такихъ произведеній, какъ „Горные разсказы“ Ираска (или какъ переведенные давно разсказы Божены Нѣмцовой), мы думаемъ, что необходимо было бы обратить вниманіе и на такія произведенія чешской литературы, гдѣ рисуется жизнь образованнаго общества, и особенно со стороны общественно-политической. Правда, чешскій романъ и новелла, въ послѣднія десятилѣтія развившіеся до очень значительнаго внѣшняго объема, не очень богаты по этой послѣдней рубрикѣ, но могли бы все-таки доставить очень любопытный матеріалъ въ подтвержденіе упомянутаго различія. Если въ предлагаемыхъ намъ теперь „Горныхъ разсказахъ“ мы встрѣтимъ знакомыя этнографическія черты, то въ чешскомъ общественномъ романѣ мы, напротивъ, не найдемъ никакого подобія съ тѣмъ, что̀ представляетъ русская общественность и изображающая ее литература.

Г. Стеновичъ коснулся отчасти этого предмета, предлагая въ своихъ „этюдахъ“ характеристику одного изъ первостепенныхъ писателей современной чешской литературы — Верхлицкаго. Это имя

у насъ почти неизвѣстно; между тѣмъ это — гордость чешской ли- тературы, поэтъ, за которымъ чешскіе критики единогласно при- знаютъ пальму поэтическаго первенства, и г. Степовичъ оче кстати посвятилъ ему одинъ изъ своихъ этюдовъ, хотя остановил только на одномъ сборникѣ стихотвореній Верхлицкаго, когда в дѣлѣ ихъ есть уже цѣлый длинный рядъ. Верхлицкій (род. 1854 г выступилъ въ чешской литературѣ еще юношей и съ первыхъ св ихъ произведеній обратилъ на себя вниманіе, которое обратило въ изумленіе, когда за первымъ сборникомъ его стихотвореній ста быстро появляться все новые плоды его музы („Изъ глубин“, „Духъ и міръ“, „Миѳы“, „Симфоніи“, переводы изъ Виктора Гю Леопарди, драмы и т. д.). Муза Верхлицкаго постоянно витала в возвышенныхъ (и часто туманныхъ) областяхъ человѣческаго мышле нія, мистическаго чувства, искусства, міровыхъ воспоминаній и ист ріи; поэтъ отличался не только плодовитостью, но и замѣчательны мастерствомъ формы и, какъ мы замѣтили, онъ быстро занялъ пер степенное мѣсто въ чешской литературѣ: чешскимъ критикамъ к залось, что это просто первый поэтъ современной Европы.

Высокая талантливость Верхлицкаго не подлежитъ сомнѣн но его положеніе—въ тѣсной чешской литературѣ—представляе очень своеобразнымъ. Повидимому, чешская литература едва-л представляетъ условія, чтобы изъ нея выросъ поэтъ съ міровым задатками, въ родѣ Байрона или Виктора Гюго. Нашъ критик указывая это возвышенное содержаніе поэзіи Верхлицкаго и дѣл сравненіе съ русской литературой, находитъ, что это содержан является результатомъ „извѣстнаго философскаго образованія интереса, философской настроенности“, которыхъ нѣтъ у русских читателей и, пожалуй, писателей (см. „Этюды“, стр. 35, 39, 44 хотя и думаетъ, что такая поэзія „выходитъ за предѣлы сво области и вторгается въ чужую, и съ ущербомъ для себя“. Подобну настроенность г. Степовичъ усматриваетъ развѣ только у Тургене (въ нѣкоторыхъ эпизодахъ) и частію у А. Толстого... Намъ пре- ставляется этотъ вопросъ нѣсколько иначе: идеалистическое соде жаніе поэзіи Верхлицкаго не говоритъ о большомъ распространені философской настроенности въ чешской литературѣ; это — явлен исключительное, личное. Это содержаніе ни мало не создано чешско литературой и не имѣетъ въ ней антецедентовъ; оно, напротив прямо извлечено изъ литературы европейской — изъ Виктора Гюго Леопарди и Шопенгауэра, какъ это послѣднее замѣтилъ и г. Степо- вичъ. Идеализмъ Верхлицкаго—сильно пессимистическій; его укорял (особенно строгій критикъ въ словацкомъ журналѣ „Slovenske Po- hlady“) въ отсутствіи національныхъ тэмъ и сочувствій, но намъ

кажется, что настроеніе Верхлицкаго именно отражаетъ національную чешскую жизнь—отрицательнымъ образомъ: въ ней нѣтъ пищи для широкой поэтической мысли; какое дать этой жизни мѣсто въ міровой эпопеѣ, которая носится въ воображеніи поэта? Онъ уходитъ въ европейскую поэзію и философію, вдохновляется ихъ содержаніемъ и особенно тѣмъ мрачнымъ направленіемъ, какое распложается философіей Шопенгауэра. Верхлицкій нашелъ много поэтическихъ образовъ для своего настроенія, но это настроеніе не вызываетъ ни къ какому дѣятельному національному порыву. Этотъ преувеличенный и мрачно настроенный идеализмъ и въ глазахъ нашего критика есть нѣчто болѣзненное; можно прибавить, что въ этомъ характерѣ первостепеннаго писателя отражается и положеніе цѣлой литературы... Чешская литература не отличается тѣмъ сильнымъ и (большей частью) здоровымъ реализмомъ, который прочно установился у насъ, начиная съ Гоголя. Разсказы изъ народнаго быта, образчикъ которыхъ предлагаетъ теперь г. Степовичъ въ русскомъ переводѣ, въ чешской литературѣ только отчасти были самобытнымъ результатомъ патріотическаго дидактизма, потому что другимъ источникомъ ихъ были нѣмецкія Dorfgeschichten; съ нашими разсказами изъ народнаго быта они имѣютъ очень мало общаго: въ чешскихъ гораздо меньше настоящаго реализма и несравненно больше романтики и сантиментальности. Очень искусственъ и чешскій общественный романъ; но мы думаемъ, что тѣмъ не менѣе знакомство съ нимъ было бы не лишено большого интереса для русскихъ читателей: они увидѣли бы здѣсь (хотя частію) и нравы общества, и свойства самой литературы.—А. Н.

— *Владиміръ Соловьевъ.* Религіозныя основы жизни. Москва, 1884.

Книга г. Соловьева имѣетъ какой-то двойственный характеръ: съ одной стороны авторъ разсуждаетъ, какъ философъ, а съ другой,—какъ богословъ-проповѣдникъ. „Наша жизнь несостоятельна и исправить ее сами мы не можемъ,—такъ начинаетъ авторъ:—задача религіи исправить нашу извращенную жизнь. Ибо вообще мы живемъ безбожно, безчеловѣчно, въ рабствѣ у низшей природы. Мы возстаемъ противъ Бога, отдѣляемся отъ ближнихъ, подчиняемся плоти... Но какъ жить въ мирѣ, когда надъ міромъ царитъ раздоръ, когда весь міръ во злѣ лежитъ? Прежде всего не нужно вѣрить въ это зло, будто оно есть что-то непреложное. Напротивъ, оно ложно и преложно. Не въ немъ смыслъ міра. Смыслъ міра есть миръ, согласіе, единодушіе всѣхъ“. Говоря о религіи человѣчества вообще,

авторъ имѣетъ въ виду исключительно христіанство и ни од[...] словомъ не упоминаетъ о вѣрованіяхъ многихъ сотенъ милліо[...] людей, населяющихъ значительнѣйшую часть земного шара. Са[...] христіанство онъ понимаетъ по своему, въ духѣ отвлеченнаго ас[...] тизма, ограниченія потребностей плоти и матеріальныхъ стремле[...] только христіанская организація экономической жизни можетъ, [...] его мнѣнію, „дать намъ средства, чтобы существенно испра[...] наше отношеніе къ земной природѣ, чтобы достигнуть благот[...] наго вліянія на всю тварь, которая по нашей винѣ стенаетъ и [...] чится донынѣ“.

Г. Соловьевъ находитъ коренной разладъ между ходомъ [...] внѣшней природы и божественнымъ духомъ, побуждающимъ [...] стремиться къ нравственному совершенствованію. Жизнь смѣ[...] щихся организмовъ не имѣетъ ни цѣли, ни смысла; каждое [...] лѣніе существуетъ лишь затѣмъ, чтобы породить свое потомство, и это послѣднее живетъ только для порожденія дальнѣйшаго по[...] ства: „значитъ, каждое поколѣніе имѣетъ смыслъ своей жизни то[...] въ слѣдующемъ, т.-е. другими словами, жизнь каждаго покол[...] безсмысленна, а если безсмысленна жизнь каждаго, то значитъ—[...] смысленна жизнь всѣхъ“. Выводъ былъ бы правиленъ, еслибы [...] дѣйствительно заключалась лишь въ размноженіи и еслибы о[...] низмъ умиралъ вслѣдъ за производствомъ потомства. „Насто[...] цѣли,—продолжаетъ авторъ, — нигдѣ не находится, все сущест[...] щее безцѣльно и безсмысленно какъ неисполнимое стремле[...] даже грандіозныя системы небесныхъ тѣлъ обречены на гибель; астрономія предвидитъ уже тѣ времена, когда „земля и другія [...] неты мертвыми ледяными глыбами будутъ носиться кругомъ [...] хающаго солнца“. Удивительно, что при такомъ широкомъ взгл[...] на вселенную, авторъ довольствуется міросозерцаніемъ, связыв[...] щимъ судьбу всего міра съ чувствами и понятіями существъ, [...] селяющихъ ничтожную пылинку въ хаосѣ вселенной.

Природа людей сама по себѣ безбожна и зловредна, по мнѣ[...] автора. Мы постоянно совершаемъ убійство, питаясь тѣлами чу[...] животныхъ; потомъ мы отдаемъ себя во власть „чуждыхъ (?) с[...] природы—слѣпого родового влеченія“, отдаемъ свою жизнь (въ [...] ловомъ дѣйствіи) для произведенія чужой жизни и такимъ обра[...] совершаемъ самоубійство (стр. 7). Поэтому приходится „*осудить* [...] *природу* и *всѣ* пути ея (въ томъ числѣ нравственные и умственные[...] обратиться къ иному пути; ибо признать путь природы, т.-е. удо[...] твореніе своихъ животныхъ потребностей и влеченій, за окончате[...] ный законъ нашей жизни, значитъ узаконить убійство и самоубій[...] и примириться навсегда съ царствомъ смерти“. Осуждая всю [...]

природу и не желая примириться съ смертью, авторъ въ другомъ мѣстѣ высказываетъ вполнѣ справедливое замѣчаніе, какъ нельзя болѣе примѣнимое къ его собственнымъ теоріямъ: „мысль, осуждающая дѣйствительность, но не могущая упразднить ее, является безсильною, нетвердою, невѣрною себѣ и въ этомъ смыслѣ ложною". Философія, судящая природу и ея законы съ точки зрѣнія нашего личнаго чувства, есть ребяческое самообольщеніе, а не наука. Авторъ не замѣчаетъ, что отдѣлять природу, какъ вмѣстилище зла, отъ сотворившаго ее божественнаго начала—значитъ предполагать міръ вовсе не подвластнымъ божеству и независимымъ отъ него, что едва ли согласно съ представленіями религіи.

Рѣшивъ съ первыхъ же словъ, что „міръ весь во злѣ лежитъ" и что „нѣтъ добра и въ человѣкѣ", г. Соловьевъ видитъ въ человѣческой волѣ главную преграду, отдѣляющую „все существующее отъ сущаго добра"; но развѣ волею человѣка созданы тѣ условія и законы природы, которые осуждаются авторомъ? Изъ ложнаго положенія получается ошибочный выводъ, что человѣкъ при помощи своей же воли можетъ „рѣшиться не дѣйствовать отъ себя и отъ міра; онъ можетъ рѣшить: *я не хочу своей воли*; такое самоотреченіе или обращеніе человѣческой воли есть ея высшее торжество". Воззрѣнія г. Соловьева сводятся къ проповѣди безсилія, безплодія и бездѣлія. Очень жаль, что при своей несомнѣнной искренности и талантливости авторъ напрасно блуждаетъ среди невозможныхъ софизмовъ и фантазій, могущихъ вести лишь къ нравственному и матеріальному скопчеству.

Дальнѣйшее содержаніе книги имѣетъ уже положительный богословскій характеръ и потому свободно отъ указанныхъ недостатковъ философской логики автора.

— Пессимизмъ и quasi-научная критика. *А. И. Холмскаго.* Одесса, 1884.

По поводу брошюры проф. Н. Я. Грота, о которой мы говорили недавно (см. „Литературное обозрѣніе" въ іюньской книгѣ „Вѣстника Европы"), г. Холмскій написалъ контръ-брошюру, вдвое болѣе по объему. Задачей автора было доказать, что г. Гротъ „не понялъ" научнаго пессимизма, что онъ совершилъ всякіе промахи—логическіе, критическіе и философскіе, что онъ, наконецъ, просто незнакомъ будто бы съ спеціальною литературою предмета и т. п. Не думаемъ, чтобы автору удалось увѣрить кого-либо изъ читателей въ основательности своихъ утвержденій. Излишняя горячность и чисто-личный характеръ полемики значительно вредятъ серьезнымъ возра-

женіямъ г. Холмскаго и отнимаютъ у его брошюры ту долю инте-реса, которую могъ бы имѣть въ глазахъ публики научный споръ о значеніи пессимизма.

Вмѣсто того, чтобы разсуждать о самомъ предметѣ спора, авторъ занимается разслѣдованіемъ вопроса, „читалъ ли г. Гротъ Шопен-гауэра и Гартмана" (стр. 21, 39 и др.); свой отрицательный выводъ онъ подкрѣпляетъ нѣкоторыми выдержками, противорѣчащими по-видимому сдѣланной г. Гротомъ оцѣнкѣ ученій этихъ философовъ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе подобнаго пріема: отдѣльныя фразы и замѣчанія разбираемыхъ писателей могутъ не соотвѣтствовать общему характеру ихъ сочиненій, и основывать оцѣнку послѣднихъ на этихъ отдѣльныхъ фразахъ было бы несогласно съ началами разумной критики. Безъ сомнѣнія, Шопенгауэръ и Гартманъ прекрасно знали условія научнаго метода; они сами утверждали, что существуютъ вопросы, которыхъ наука рѣшить не можетъ, — но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, что въ своихъ разсужденіяхъ они дѣйствительно придерживались строго-научной точки зрѣнія. Гартманъ широко пользуется естественно-научными свѣдѣніями, а между тѣмъ нѣкото-рые существенные его выводы основаны на чистѣйшихъ софизмахъ. Если Гартманъ, по увѣренію г. Холмскаго, ставитъ только гипотезы по вопросамъ неразрѣшимымъ, то и этого вполнѣ достаточно для оправданія мнѣнія г. Грота о ненаучности системы названнаго фи-лософа. Замѣтимъ, что самъ Гартманъ далеко не считаетъ своей „Философіи безсознательнаго" столь безспорно-научнымъ трудомъ, какимъ выставляетъ ее русскій поклонникъ его; еще недавно въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ („Magazin für die Literatur des In- und Auslandes) нѣмецкій философъ признавалъ серьезные недостатки своего сочиненія, которое прямо названо имъ „юношескимъ". Та-кимъ образомъ, въ своей усердной защитѣ Гартмана г. Холмскій оказывается „plus royaliste que le roi".

— Переходъ отъ сознанія къ самосознанію. *Николая Алферова.* Одесса, 1884.

Философія г. Алферова не отличается ясностью ни по мысли, ни по изложенію. „Каждое душевное состояніе,—говоритъ онъ, напри-мѣръ,—представляетъ собою нѣкоторое равнодѣйствующее испыты-ваніе изъ проинтегрированныхъ испытываній, составлявшихъ содер-жаніе проинтегрированныхъ душевныхъ состояній, причемъ это равно-дѣйствующее испытываніе выражаетъ собою всѣ взаимныя отношенія проинтегрированныхъ испытываній" (стр. 245). Кто разберется въ этой

неуклюжей кучѣ словъ? А, между тѣмъ, у автора есть серьезная психологическая теорія, которую онъ проводитъ съ терпѣливою послѣдовательностью.

Г. Алферовъ поставилъ себѣ задачею выяснить сущность человѣческаго самосознанія въ отличіе отъ сознанія у животныхъ. По его опредѣленію, сознаніе есть актъ усилія. „Понятіе пассивнаго существованія, не проявляющагося ни въ какомъ актѣ,—объясняетъ онъ,—заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, такъ какъ предполагаетъ, что сила въ одно и тоже время и существуетъ, и не существуетъ. Слѣдовательно, пассивное существованіе равняется небытію (?). Тѣмъ болѣе мы не можемъ приписывать такого существованія сознанію. Слѣдовательно, каждое состояніе сознанія должно быть стремленіемъ, актомъ" (стр. 25—6). Способъ доказательства—довольно сомнительный; отъ него пахнетъ схоластикою. Авторъ выходитъ изъ предположенія, что „существованіе и дѣйствованіе суть синонимы"; очевидно, онъ смѣшиваетъ разныя вещи. Онъ опредѣляетъ усиліе, какъ „простѣйшее произвольное и *сознательное* дѣйствіе"; другими словами, сознаніе предшествуетъ усилію, такъ-что приведенное выше опредѣленіе сознанія оказывается невѣрнымъ. Г-ну Алферову не удалось объяснить, какимъ образомъ „усиліе способно преобразовываться во всѣ сложные и разнообразные психическіе продукты". Чтобы подтвердить свою теорію, онъ впадаетъ въ явныя преувеличенія и несообразности. Всѣ предметы внѣшняго міра, по его мнѣнію, „должны возбуждать въ субъектѣ иллюзію, что онъ самъ есть производитель той силы, которая проявляется въ этихъ предметахъ, такъ какъ эту силу онъ не можетъ представлять себѣ иначе, какъ въ формѣ своего собственнаго усилія и слѣдовательно, какъ свое собственное душевное состояніе;—субъектъ въ своемъ сознаніи долженъ разыгрывать роли внѣшнихъ предметовъ". (стр. 66). Едва ли возможно признать существованіе подобной „первобытной иллюзіи".—Въ книгѣ приводится не мало данныхъ по психологіи и антропологіи; но авторъ, повидимому, пользовался только сочиненіями, существующими на русскомъ языкѣ,—новѣйшая иностранная литература оставлена имъ безъ вниманія, что̀ не могло не отразиться на достоинствѣ всей работы.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е сентября, 1884.

Мысли въ московской печати о судьбѣ нашихъ законовъ.—Новое приложеніе философіи Гартмана къ разъясненію нѣкоторыхъ рѣшеній сената.—Вопросъ о нищенствѣ въ г. Петербургѣ и проектъ устройства „Дома труда".—Причина трудности этого вопроса, и одно изъ средствъ къ ея устраненію.—„Московскія Вѣдомости" о „Уставѣ 1863 г." въ прежнемъ уставѣ духовныхъ академій.—Критика учебной части новаго ихъ устава.—Первая годовщина смерти И. С. Тургенева.

„Странная судьба,—говорилось недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ",—постигаетъ у насъ правительственныя мѣропріятія, направленныя къ охраненію интересовъ страны. Изыскиваются средства къ подъему народнаго благосостоянія, обсуждаются въ спеціальныхъ коммиссіяхъ съ участіемъ представителей отъ непосредственно заинтересованныхъ въ данномъ вопросѣ группъ; наконецъ, предлагаемыя мѣры утверждаются высшею властью. Но какъ только вступаетъ въ силу правительственное мѣропріятіе, тотчасъ же изыскиваются средства къ *обходу* его, и дружными усиліями какъ неправительственныхъ, такъ и правительственныхъ дѣльцовъ достигается то, что принятыя мѣры сводятся къ нулю, а иногда даже обращаются прямо противъ той цѣли, къ достиженію которой предназначались по мысли законодателя".—Трудно, конечно, сказать что-нибудь болѣе печальное и болѣе безнадежное для судьбы какого-нибудь общества, которое можетъ страдать даже и отъ самыхъ мѣръ, принимаемыхъ къ утвержденію его благосостоянія, подобно человѣку, который въ топкомъ мѣстѣ, какъ извѣстно, погружается тѣмъ болѣе, чѣмъ большія усилія онъ дѣлаетъ къ своему избавленію отъ бѣды. Московская газета берется, однако, подтвердить высказанную ею мысль, и притомъ „многими примѣрами; но чтобы не ходить далеко", она указываетъ на недавно обнародованное Высочайшее повелѣніе объ обложеніи пошлиной иностраннаго каменнаго угля, и на то, какъ исполняется это повелѣніе въ нашихъ таможняхъ. Въ виду общаго, широкаго взгляда, брошеннаго на судьбу всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій у насъ, выбранный наудачу примѣръ кажется нѣсколько случайнымъ и узкимъ, такъ что мы, не интересуясь притомъ

настоящую минуту спеціальнымъ вопросомъ о каменномъ углѣ, ограничимся однимъ послѣднимъ, общимъ выводомъ газеты изъ того, какъ практикуется на дѣлѣ обложеніе его пошлиной: „можно будетъ сказать,—говоритъ газета,—что у насъ законы издаются для того, чтобы ихъ нарушать“. Нѣчто подобное сказалъ Наполеонъ I о крѣпостяхъ, которыя будто бы для того строятся, чтобъ было, чтб брать.

Мы не будемъ оспаривать по существу высказаннаго газетою положенія о томъ, что обходъ законовъ и ихъ нарушеніе составляетъ отличительную черту въ судьбѣ нашей общественной жизни; еще болѣе несомнѣнно то, что правильное развитіе послѣдней и ея успѣхи находятся вездѣ и всегда въ зависимости отъ строгаго исполненія закона и въ независимости отъ произвола и личныхъ интересовъ. Можемъ развѣ указать на пробѣлъ въ разсужденіяхъ московской газеты: обходы и нарушенія закона—это далеко еще не все: съ годъ тому назадъ, въ „Русской Старинѣ“ былъ разсказанъ историческій случай изъ эпохи, не особенно старинной, откуда видно, что у насъ не всегда даже нужно давать себѣ трудъ обходить законъ, и еще недавно достаточно было сѣсть на него, въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова, чтобы законъ не служилъ препятствіемъ къ достиженію какихъ-нибудь личныхъ цѣлей.

Но все же нельзя безусловно согласиться съ „Москов. Вѣд.“ и ихъ сторонниками, будто стремленіе обходить законъ и нарушать его во вредъ общественному благу и для достиженія личныхъ цѣлей—составляетъ характеристическую черту одного нашего общества, или, какъ выразилась московская газета, однихъ нашихъ „правительственныхъ и неправительственныхъ дѣльцовъ“; подобныя стремленія обнаруживаются во всѣхъ обществахъ, и различіе состоитъ развѣ въ томъ, что у однихъ такія стремленія находятъ себѣ болѣе сильный отпоръ, у другихъ менѣе сильный—въ общественныхъ нравахъ и общемъ складѣ государственной жизни, но зато вездѣ существуютъ учрежденія, созданныя тою же законодательною властью съ спеціальною цѣлью не допускать ни обхода закона, ни его нарушеній, или какого-нибудь другого безцеремоннаго отношенія къ закону, въ родѣ разсказаннаго въ „Русской Старинѣ“. И въ этомъ отношеніи мы также не составляемъ исключенія изъ всѣхъ странъ: наше правительство также имѣетъ для себя такое учрежденіе, которое стоитъ на стражѣ закона, не дозволяя ни обходить его, ни нарушать другимъ какимъ-либо способомъ, ни толковать въ свою пользу. Таково именно назначеніе перваго департамента правительствующаго сената.

Но какъ относятся къ такимъ дѣйствіямъ сената тѣ же самые органы печати, — „Московскія Вѣдомости", или вторящія имъ „С.-Петербургскія",—всякій разъ, когда это учрежденіе исполняетъ возложенныя на него верховною властью обязанности, когда оно останавливаетъ всякую попытку, откуда бы она ни исходила, — обойти законъ, или растолковать его по своему? Вотъ тутъ-то мы и должны присутствовать при неожиданномъ переворотѣ въ умахъ той именно части печати, которая сѣтуетъ и печалится о господствующемъ у насъ пренебреженіи къ закону, объ обходѣ его, и въ ней-то прежде раздаются іереміады на всякое препятствіе къ тому со стороны сената. Казалось бы, что эти органы должны были бы первые отнестись въ подобныхъ случаяхъ къ сенатскимъ рѣшеніямъ, не допускающимъ ни обхода закона, ни слишкомъ свободныхъ его толкованій—съ особеннымъ вниманіемъ, какъ къ коррективу того порока, которымъ, по ихъ же словамъ, страдаютъ у насъ и „правительственные, и неправительственные дѣльцы". Но именно тутъ-то и даютъ эти органы, такъ сказать, заднiй ходъ своему мышленію и даже толкуютъ сенатскія рѣшенія, какъ оппозиціонныя и чуть не анти-правительственныя дѣйствія.

Такой обходъ логики и нарушеніе ея законовъ со стороны извѣстной части нашей публицистики для насъ не менѣе любопытны, какъ и указываемое ею умѣнье со стороны „правительственныхъ и неправительственныхъ дѣльцовъ" обходить и попирать общіе гражданскіе законы. Мы могли бы также привести много примѣровъ тому, но довольствуемся указаніемъ на одинъ изъ нихъ, какъ болѣе свѣжій: почти одновременно съ вышеприведенною тирадою „Москов. Вѣдомостей" противъ обхода закона и своеобразныхъ его толкованій, мы читали въ однородной съ ними газетѣ, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", нижеслѣдующее размышленіе объ усиліяхъ правительствующаго сената держать всѣхъ въ предѣлахъ закона: „Замѣчено,—говоритъ петербургская газета, вторящая московской,—что въ многочисленныхъ случаяхъ протестовъ противъ постановленій земскихъ и городскихъ учрежденій, правительствующій сенатъ, куда протесты восходятъ на рѣшеніе, становится, за рѣдкими исключеніями, на сторону этихъ учрежденій. Отчего это происходитъ?—отъ неосновательности ли большинства протестовъ администраціи, или же это есть, — какъ нерѣдко прославляется въ печати (кѣмъ? когда?), — явленіе нѣкоторой принципіальной поддержки юнымъ учрежденіямъ, включаемымъ въ тотъ же избранный кругъ, гдѣ числятся и судебныя". Для всякаго сколько-нибудь не предубѣжденнаго лица и сколько-нибудь знакомаго съ компетентностью самого

перваго департамента пр. сената, вышепредложенный вопросъ: „отчего это происходитъ?"—не представляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія: во-первыхъ, сенатъ никакимъ образомъ не можетъ быть заинтересованъ въ поддержкѣ „юныхъ учрежденій", созданныхъ не имъ; въ успѣхѣ и процвѣтаніи ихъ должно быть заинтересовано одно высшее правительство, создавшее эти учрежденія, конечно, съ тѣмъ, чтобы они преуспѣвали и процвѣтали; а во-вторыхъ, рѣшенія перваго департамента—не окончательны, и отъ той же самой администраціи всегда зависитъ перенести всякое дѣло въ общее собраніе; да и оно еще не послѣдняя инстанція въ подобнаго рода вопросахъ, такъ какъ отъ министра юстиціи, члена высшаго правительства, зависитъ повести дѣло дальше. Къ чему же, спрашивается, послужила бы „принципіальная поддержка", со стороны перваго департамента, „юнымъ учрежденіямъ", если бы та же администрація не приходила къ убѣжденію, что въ рѣшеніяхъ сената заключается „принципіальная поддержка" одной законности, а не учрежденій? Окончательное рѣшеніе вопроса о правотѣ или неправотѣ „юныхъ учрежденій" не находится въ рукахъ сената, и дальнѣйшая его судьба все-таки зависитъ отъ самой администраціи.

Вмѣсто такого простого отношенія къ заданному вопросу, внушаемаго и здравымъ смысломъ, и обстоятельствами самаго дѣла, „С.-Петербургскія Вѣдомости" задались мыслью рѣшить его „по математической теоріи вѣроятностей, — какъ сдѣлалъ философъ Гартманъ по отношенію къ вопросу о присутствіи конечныхъ цѣлей въ природѣ". Философія Гартмана и привела газету къ убѣжденію, а именно, что протесты администраціи, направленные противъ „юныхъ учрежденій", правильны, но сенатъ желаетъ поддержать эти „юныя учрежденія", прикрывая незаконность ихъ дѣйствій своимъ авторитетомъ! „Вотъ,—восклицаетъ газета,—почему эти сенатскія рѣшенія, коллекція которыхъ, по газетнымъ извѣстіямъ, недавно обогатилась новымъ, по случаю протеста казанскаго губернатора на постановленіе казанскаго земскаго собранія почтить панихидою въ залѣ собранія память Кошелева и барона Н. Корфа, состоявшееся въ концѣ прошлаго года, — заслуживаютъ вниманія и анализа. Ими характеризуется цѣлый потокъ мнѣнія, не чуждый, повидимому, и нашему высшему судебному учрежденію (т.-е. сенату). Потокъ этотъ въ общемъ имѣетъ политическій (!!) характеръ".

Остановимся на этомъ пунктѣ, такъ какъ именно тутъ газета даетъ задній ходъ теченію своей мысли, съ цѣлью привести читателя къ убѣжденію, что нашъ сенатъ, останавливающій протесты, какъ не имѣющіе опоры въ законѣ, „не есть судъ судящій, но судъ

порицающій или исправляющій законодательство, и въ особенности судъ *политикующій*". Но изъ примѣра, избраннаго самою же газетою для иллюстраціи своей теоріи, прямо слѣдуетъ обратное, а именно, что сенатъ былъ бы судомъ „политикующимъ", еслибы въ данномъ случаѣ поступилъ иначе. Дѣйствительно, гдѣ можно видѣть, что сенатъ, отмѣняя протестъ казанскаго губернатора, тѣмъ самымъ выразилъ порицаніе какому-нибудь существующему закону: никакого подобнаго закона нѣтъ, а слѣдовательно и порицать было бы нечего;—или старался бы исправить законодательство, каковаго и предметъ, возбужденный мѣстною администраціею, вовсе не имѣется. Вотъ еслибы сенатъ, находя, что казанское земство своимъ постановленіемъ никакого закона не нарушило, тѣмъ не менѣе утверждалъ протестъ мѣстной администраціи только потому, что это протестъ администраціи, — тогда газета была бы болѣе права, усматривая въ такомъ рѣшеніи сената „политику", такъ какъ въ законѣ мотивовъ къ тому не имѣется, — но какимъ образомъ цѣлая коллегія можетъ заниматься такой „политикой"? Политика — не законъ, и самопроизвольно измѣняется съ теченіемъ времени и съ перемѣною людей; откуда коллегія можетъ узнавать, какой „политики" нужно держаться въ тотъ или другой моментъ? — Обо всемъ этомъ газета не подумала, легкомысленно обозвавъ сенатъ „судомъ политикующимъ". На бѣду себѣ, она кромѣ того пустилась въ подробности и еще болѣе изобличила всю шаткость и неосновательность своей теоріи, выведенной будто бы изъ „философіи Гартмана".

„По газетнымъ извѣстіямъ,—повѣствуютъ „С.-Петербургскія Вѣдомости",—губернаторъ (казанскій) основалъ свой протестъ на томъ соображеніи, что земство не имѣетъ права входить въ оцѣнку дѣятельности лицъ, не состоящихъ у него на службѣ и не имѣющихъ къ нему непосредственныхъ отношеній". Что же дѣлаетъ правительствующій сенатъ? Онъ оставляетъ протестъ безъ послѣдствій, такъ какъ оказалось изъ дѣла, что земское собраніе никакой оцѣнки не дѣлало ни Кошелеву, ни барону Н. Корфу, и ни въ какія пренія по этому предмету не входило; однимъ словомъ, факта, на которомъ губернаторъ обосновалъ свой протестъ, въ дѣйствительности вовсе не существовало. А что думаетъ по этому поводу почтенная редакція „С.-Петерб. Вѣдомостей? Она тоже полагаетъ, что протестъ губернатора поставленъ „не на настоящую почву", т.-е. соглашается съ тѣмъ, что протестъ ни на чемъ не основанъ. Чего же она могла послѣ этого ожидать отъ сената? Полагала ли она, что сенатъ, подобно газетной редакціи, можетъ въ одно и то же время признать основаніе протеста фантастическимъ, а протестъ — тѣмъ не менѣе

правильнымъ? Но такъ могла бы дѣйствовать именно газетная редакція, руководясь въ своихъ сужденіяхъ не вопросомъ о законности, а вопросомъ о томъ, приходилась ли ей по вкусу дѣятельность бар. Корфа и Кошелева, или они оба были ей антипатичны; но можно ли желать, чтобы сенатъ, въ своихъ рѣшеніяхъ, стоялъ на почвѣ газетъ? А „Спб. Вѣдомости", быть можетъ, сами того не сознавая, именно желаютъ „политикующаго" сената, и думаютъ, что и сенатъ долженъ видоизмѣнять свои рѣшенія и высказывать самые различные взгляды, подобно тому, какъ нынѣшняя редакція „С.-Петерб. Вѣдомостей" имѣетъ право иначе судить о тѣхъ же предметахъ, сравнительно съ редакціею той же газеты, лѣтъ 10 тому назадъ. Но правительствующій сенатъ—не редакція газеты, и отъ него никакъ нельзя ожидать, чтобы онъ въ 70-хъ годахъ одобрялъ, а въ 80-хъ годахъ порицалъ то же самое; да и вообще его задача состоитъ не въ одобреніи или порицаніи (это надо хорошенько понять!), а въ рѣшеніи вопроса: основано ли, или не основано на законѣ то или другое дѣйствіе администраціи, а также и, „юныхъ учрежденій". Если, напримѣръ, сенатъ кассировалъ протестъ казанскаго губернатора, то этимъ онъ вовсе не выражалъ ни одобренія, ни порицанія дѣйствію казанскаго земства по существу дѣла, а только констатировалъ отсутствіе законныхъ основаній для протеста—и болѣе ничего. Сами „Спб. Вѣдомости" какъ бы чувствуютъ, что ихъ выходка противъ сената есть одинъ наборъ словъ, и потому заключаютъ статью слѣдующимъ соображеніемъ, которое собственно, независимо отъ ихъ воли, и ставитъ весь вопросъ на настоящую почву. „Послѣ похоронъ Тургенева,—говоритъ газета,—былъ слухъ, что высшимъ правительствомъ имѣлось въ виду установить правила на случай похоронныхъ общественныхъ чествованій. Не знаемъ (газетѣ слѣдовало бы знать!), состоялось ли по этому предмету какое распоряженіе (?), но если состоялось, то не будетъ ли съ нимъ въ противорѣчіи разрѣшеніе, данное сенатскимъ истолкованіемъ"? Если это распоряженіе будетъ не административное, а утвержденный Верховною властью законъ, то вопросъ, заданный газетою, совершенно излишенъ: то сенатское „истолкованіе" и состоитъ именно въ указаніи на то, что по этому предмету до сихъ поръ не существовало никакого закона; еслибы такой законъ, о которомъ, по словамъ газеты, ходятъ слухи, былъ объявленъ сенату, то мы получили бы совершенно иное его рѣшеніе по поводу упомянутаго протеста казанскаго губернатора, а именно, протестъ былъ бы признанъ законнымъ.

Любопытно, при этомъ, какъ „Спб. Вѣдомости" редактируютъ сами подобный законъ, и не чувствуя за собою никакой отвѣтствен-

ности, рѣшаютъ его съ такою легкостью, съ какою не рѣшила бы ни одна, самая искусная, кодификаціонная коммиссія. Редакціи представляется это дѣло очень простымъ, и потому она постановляетъ: разрѣшить городскимъ и земскимъ собраніямъ манифестаціи, но самыя манифестаціи раздѣлить на патріотическія и не-патріотическія; патріотическими же манифестаціями считать только тѣ, которыя „согласны съ видами правительства“. Въ этомъ премудромъ рѣшеніи все предусмотрѣно, кромѣ одной бездѣлицы, отсутствіе которой однако уничтожаетъ весь законопроектъ редакціи „Спб. Вѣдомостей“: а какимъ образомъ, спрашивается, общественныя собранія будутъ узнавать, чтó „согласно съ видами правительства“ и чтó не согласно?—Очень просто, — отвѣтитъ намъ почтенная редакція:—земское или городское собраніе предварительно постановитъ обратиться о томъ съ вопросомъ, куда слѣдуетъ! Но вѣдь уже самый вопросъ о такомъ предметѣ есть своего рода чествованіе памяти лица, и потому затѣмъ, въ случаѣ неодобренія, окажется вовсе не то, чтó желательно, а именно, что общественное собраніе желаетъ чествовать заслуги того или другого лица, но не приводитъ къ исполненіе самого чествованія только по независящимъ отъ него обстоятельствамъ. Такимъ образомъ, законодательная дѣятельность редакціи „Спб. Вѣдомостей“ привела бы прямо къ противоположной цѣли; но какое дѣло до всего этого газетѣ! Иначе, безъ сомнѣнія, приходится относиться къ подобнымъ вопросамъ законодательной власти.

Въ свое оправданіе „Спб. Вѣдомости“ говорили потомъ, что онѣ собственно хотѣли только указать на то, „что пререканіе о земскомъ постановленіи отслужить въ залѣ земскаго собранія панихиду по Кошелевѣ и бар. Корфѣ, въ протестѣ губернатора, а *черезъ то* и въ рѣшеніи сената, было постановлено не на истинную почву, и потому разсматривалось лишь съ внѣшней стороны, тогда какъ въ *подкладкѣ* дѣла лежалъ болѣе важный вопросъ о правѣ учрежденій на манифестаціи политическаго, въ обширномъ смыслѣ слова, характера. Правда ли это“? спрашиваетъ газета, какъ бы торжествуя надъ своими противниками, которымъ она отвѣчала. Въ томъ-то и бѣда для газеты, что это—правда; редакція газеты желала бы, чтобы сенатъ, подобно ей, занимался не самымъ дѣломъ, съ которымъ къ нему обратился протестъ администраціи, а „подкладкою“; изученіе „подкладокъ“ надобно предоставить тѣмъ газетамъ, которыя чувствуютъ къ тому охоту, но нельзя ожидать ничего подобнаго отъ высшихъ государственныхъ учрежденій. „С.-Петербург. Вѣд.“, такимъ образомъ, открыли походъ, съ цѣлью доказать, что въ данномъ

случаѣ и во многихъ другихъ подобныхъ, сенатъ былъ „политикующимъ судомъ", а между тѣмъ изъ всѣхъ ея доводовъ видно прямо обратное, а именно, сожалѣніе газеты, что сенатъ занимается только судомъ и устраняетъ отъ себя всякую „политику"; только политика и могла бы заставить сенатъ пренебрегать тѣмъ, что въ газетѣ называется „формальною стороною" дѣла, т.-е. законностью, и сосредоточить все свое вниманіе на „подкладкѣ", т.-е. элементѣ весьма подвижномъ и произвольномъ, гдѣ судья можетъ подсудимому подкладывать даже и такія намѣренія, какихъ онъ никогда и не имѣлъ. Не потому ли „Спб. Вѣдомости" такъ стоятъ за „подкладку" въ судахъ?

Около года тому назадъ, одинъ изъ весьма важныхъ общественныхъ вопросовъ для столицы, а именно, вопросъ о нищенствѣ, получилъ практическое разрѣшеніе въ формѣ проекта устройства въ Петербургѣ „Дома труда". Главная забота призрѣнія нищихъ въ столицѣ возложена на специальный комитетъ о нищихъ; ему содѣйствуетъ человѣколюбивое общество и отчасти приходскія попечительства; городское же общественное управленіе, по преданіямъ стараго времени, имѣло одно пассивное, косвенное отношеніе къ этому предмету, т.-е. участвовало взносомъ опредѣленной ежегодной суммы въ комитетъ о нищихъ, въ размѣрѣ слишкомъ 20 т. рублей. Но дѣятельность этого комитета давно уже признана оффиціально и неудовлетворительною, и недостаточною. Какъ неудовлетворительность, такъ и недостаточность всегда имѣла одну и ту же причину: комитету о нищихъ предстояла неблагодарная задача наполнить бездонную бочку Данаидъ, и сверхъ того найти средство отличить несчастныхъ нищихъ отъ злостныхъ или профессіональныхъ, что̀ на практикѣ оказывается чрезвычайно труднымъ. Наконецъ, противъ злостныхъ нищихъ комитетъ до сихъ поръ не имѣлъ другого средства, какъ отдачу на поруки или высылку на свой счетъ въ мѣсто жительства; и та, и другая мѣра обыкновенно оканчивалась появленіемъ тѣхъ же лицъ на улицѣ и повтореніемъ противъ нихъ прежнихъ мѣръ, которыя отъ повторенія не дѣлались болѣе дѣйствительными.

Вслѣдствіе того и было открыто при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ начальника главнаго тюремнаго управленія, „особое совѣщаніе", съ цѣлью согласовать „неудовлетворительную и недостаточную" дѣятельность комитета о нищихъ съ такою же дѣятельностью, по этому же предмету, человѣколюбиваго

общества, приходскихъ попечительствъ и городского общественнаго управленія; впрочемъ, дѣятельность послѣдняго, какъ мы сказали выше, была собственно кассирская, а потому тутъ не могло быть и рѣчи о какомъ-нибудь согласованіи дѣятельности Думы съ дѣятельностью комитета о нищихъ, такъ какъ все согласованіе можетъ быть сведено развѣ на новое обремененіе городской казны въ дополненіе къ тому, что̀ уже ею отпускалось до сихъ поръ на этотъ спеціальный предметъ, и на другія подобныя же благотворительныя цѣли; въ общемъ счетѣ, этотъ отпускъ составляетъ въ городскомъ бюджетѣ сумму, близкую къ 400 тысячамъ.

Относительно несчастныхъ нищихъ особое совѣщаніе не пришло, да и не могло прійти къ какимъ-нибудь новымъ заключеніямъ, такъ какъ, съ одной стороны, болѣе усиленное веденіе такого дѣла обусловливается, прежде всего, болѣе крупными суммами, а съ другой — комитетъ о нищихъ остается по прежнему только воспособленіемъ для полиціи, подбирающей нищихъ на улицѣ и сдающей ихъ комитету для дальнѣйшаго направленія ихъ въ приходское попечительство, или въ человѣколюбивое общество, или, въ случаѣ отказа послѣднихъ, онъ держитъ забранныхъ у себя въ сборномъ отдѣленіи на обязательныхъ работахъ, если лицо попадаетъ въ комитетъ въ первый или во второй разъ. Итакъ, задача комитета о нищихъ будетъ состоять и теперь собственно въ сортировкѣ полученнаго имъ матеріала, въ разсылкѣ его по принадлежности, и въ случаѣ неудачи послѣдней операціи—во временномъ содержаніи нищихъ въ сборномъ отдѣленіи при комитетѣ на казенномъ пайкѣ арестантовъ, причемъ одни взрослые занимаются обязательными работами, а дѣти, повидимому, остаются безъ всякаго дѣла. Болѣе широкой задачи не поставлено въ программу дѣятельности комитета, и всего менѣе потому можно ожидать отъ него какого-нибудь „искорененія нищенства“ въ Петербургѣ: дѣйствительно, сегодня полиція очиститъ нѣсколько улицъ, а завтрашній день породитъ новыя ихъ толпы, вслѣдствіе того, что нищенство, въ существующихъ его размѣрахъ, не есть результатъ мѣстной городской жизни, а результатъ всеобщей нищеты, стекающейся въ столицу отвсюду. До сихъ поръ потому и практиковалась соотвѣтственная тому мѣра, а именно, иногородные нищіе высылались на мѣсто родины; но общее совѣщаніе весьма основательно сообразило, что переносить соръ изъ одного угла въ другой не значитъ очищать комнату, да и къ тому этотъ соръ при первомъ же случаѣ, возвращается на прежнее мѣсто. Рецидивисты и злостные нищіе, эксплуатирующіе нищенство, какъ профессію, по справедливому замѣчанію общаго совѣщанія, „составляютъ

большое бремя для общества и правительства, и требуютъ *радикальныхъ* мѣръ къ предотвращенію того зла, какое происходитъ отъ нихъ". Такою „радикальною мѣрою" общее совѣщаніе считаетъ устройство „Дома труда", и въ основаніе его принимаетъ слѣдующія положенія: „1) въ домѣ труда помѣщаются, для обязательныхъ работъ и на срокъ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ и долѣе, сообразно поведенію и трудолюбію, всѣ взятые за прошеніе милостыни не въ первый и не во второй разъ (т.-е. въ третій), какъ иногородные, такъ и мѣстные, а равно ничѣмъ не занимающіеся, завѣдомо не имѣющіе средствъ и потому (?) навлекающіе сомнѣніе полиціи въ недозволенныхъ занятіяхъ; 2) на содержаніе отпускается изъ казны за присылаемыхъ по распоряженію полиціи праздношатающихся и пойманныхъ въ прошеніи милостыни, согласно табели, составленной въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, для платы за продовольствіе арестантовъ; 3) въ домѣ труда могутъ быть помѣщаемы изъ мѣстныхъ безпріютные и лишенные возможности имѣть работу, изъ иногородныхъ же—по несчастнымъ обстоятельствамъ стѣсненные въ средствах по отысканію работъ".

При такихъ основаніяхъ, едвали проектируемый „Домъ труда" будетъ не только „радикальною", но и вообще—сколько нибудь дѣйствительною мѣрою къ искорененію нищенства въ Петербургѣ. Во 1-хъ, дѣло идетъ пока объ ограниченіи этого дома устройствомъ его на 500 человѣкъ, чтó, конечно, составляетъ весьма небольшой процентъ того числа, при которомъ можно было бы начать говорить объ искорененіи нищенства, да и такое устройство, какъ мы увидимъ, не по силамъ комитету о нищихъ, безъ новой помощи со стороны городского общественнаго управленія; а во 2-хъ, осуждаемая особымъ совѣщаніемъ высылка нищихъ изъ города будетъ по прежнему практиковаться два раза надъ каждымъ обличеннымъ въ нищенствѣ лицомъ, а слѣдовательно по прежнему будутъ затрачиваться деньги самымъ непроизводительнымъ образомъ.

Кромѣ того, проектируемый „Домъ труда" преслѣдуетъ одновременно двѣ, и даже три цѣли, не имѣющія ничего общаго между собою: туда, повидимому, будутъ помѣщаться дѣти, между тѣмъ какъ дѣти вообще не должны быть относимы къ разряду нищихъ и смѣшиваться съ ними: самъ законъ до серьезнаго возраста освобождаетъ дѣтей отъ труда, а потому въ „Домѣ труда" не должно быть имъ мѣста; ребенокъ можетъ быть безпріютнымъ, но не нищимъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а потому для призора оставленныхъ на улицѣ дѣтей долженъ существовать особый óрганъ. Для взрослыхъ „Домъ труда" представляетъ собою также двѣ стороны, трудно

соединимыя: для однихъ, какъ несчастныхъ, этотъ домъ имѣетъ значеніе пріюта; для злостныхъ нищихъ это—уголовное наказаніе, сопряженное съ заключеніемъ на неопредѣленное время, срокъ котораго зависитъ отчасти изъ усмотрѣнія управляющихъ „Домомъ труда"; притомъ, это, болѣе или менѣе тяжкое наказаніе, близкое къ арестантскимъ ротамъ, налагается административнымъ порядкомъ. Итакъ въ этомъ „Домѣ труда" будутъ соединены личности самаго различнаго свойства, начиная отъ лицъ, впавшихъ въ нищету отъ внезапнаго несчастія или рабочаго кризиса, до лицъ, эксплуатирующихъ нищенство, а слѣдов. преступныхъ: и то, и другое лицо будутъ находиться въ одномъ домѣ, репутація котораго не будетъ завидною, благодаря присутствію въ немъ лицъ второго разряда.

Вотъ почему мы полагали бы, что для помощи нищимъ перваго разряда были бы цѣлесообразны косвенныя мѣры, какъ-то: устройство ночлежныхъ пріютовъ, дешевыхъ столовыхъ, съ выдачею совершенно неимущимъ билетовъ на даровое пользованіе тѣмъ и другимъ. „Домъ труда" долженъ имѣть въ виду только тѣхъ, которые будутъ изобличены въ злостномъ нищенствѣ, и устройство его, соотвѣтственно тому справедливо можетъ имѣть пенитенціарный характеръ, т.-е. работы въ этомъ домѣ должны быть обязательны. Тогда и самая цифра 500, проектируемая для населенія такого „Дома труда", получитъ серьезное значеніе, такъ какъ профессіональное нищенство составляетъ небольшой процентъ въ общей суммѣ людей безъ крова и безъ куска хлѣба.

Общее совѣщаніе обратило вниманіе также и на мѣсто помѣщенія подобнаго „Дома труда", и пришло къ совершенно справедливому выводу, что такой домъ долженъ быть устроенъ „внѣ города". Домъ, устроенный въ столицѣ, обходился бы дороже, и кромѣ того въ городѣ были бы легче и побѣги, и укрытіе. Но въ такомъ случаѣ двѣ-три и даже болѣе верстъ не составили бы ни малѣйшей разницы, и потому намъ казалось бы, такой домъ долженъ быть устроенъ въ весьма значительномъ отдаленіи отъ столицы, гдѣ онъ могъ бы принять характеръ пенитенціарной колоніи, съ примѣненіемъ къ такимъ работамъ, которыя не требовали бы особыхъ подготовленій въ мастерскихъ.

Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что вопросъ о нищихъ столь же важенъ для каждаго общества, сколько и труденъ, особенно въ столицѣ, гдѣ нищенство является продуктомъ не столько мѣстнымъ, сколько наноснымъ, а потому и неисчерпаемымъ. Но главная трудность заключается въ томъ, что этотъ вопросъ хотятъ разсматривать какъ мѣстный, городской, между тѣмъ какъ онъ имѣетъ характеръ болѣе об-

щегосударственный, а потому и требуетъ общегосударственныхъ мѣръ. Никакія усилія мѣстныя не облегчатъ петербургскаго общества отъ нищенства, если провинція будетъ служить главнымъ источникомъ столичнаго нищенства, и если провинціальныя земства и городскія управленія не будутъ принимать никакихъ у себя мѣръ для искорененія нищенства на самомъ мѣстѣ его рожденія. А для того необходимы общіе законы о бѣдныхъ и общія мѣры, а также опредѣленіе взаимныхъ отношеній между земствами и городами по дѣлу оказанія помощи иногороднымъ или ино-земскимъ бѣднымъ. Это и практикуется на дѣлѣ, но внѣ всякихъ правилъ и твердо опредѣленныхъ постановленій; если намъ не измѣняетъ память, въ прошедшую сессію с.-петербургскаго земства разсматривался докладъ управы по дѣлу о вознагражденіи новгородскаго земства за помѣщеніе въ больницу бѣдной женщины изъ петербургской губерніи.

При настоящей же постановкѣ вопроса о нищихъ въ Петербургѣ, какъ мѣстнаго вопроса, едва ли справедливо мнѣніе, высказанное г. предсѣдателемъ общаго совѣщанія, а именно, что „несомнѣнно заботы о призрѣніи нуждающихся и объ искорененіи нищенства въ столицѣ *прежде всего* должны касаться городского общественнаго управленія, а потому признавалось бы желательнымъ и вполнѣ справедливымъ, чтобы городъ, въ видахъ скорѣйшаго устройства сознаннаго неотложно необходимымъ дома труда, пришелъ бы на помощь обезпеченіемъ необходимыхъ на это средствъ". Оставляемъ въ сторонѣ положеніе финансовыхъ средствъ города, но и помимо того съ вышеуказанной точки зрѣнія, мнѣніе г. предсѣдателя особаго совѣщанія никакъ не можетъ представиться несомнѣннымъ: петербургское городское общество, какъ столичное, имѣетъ дѣло не съ городскимъ нищенствомъ, а съ нищенствомъ нѣсколькихъ губерній, стекающимся въ столицу, а потому едва ли справедливо требовать отъ него непосильнаго дѣла. Къ вопросу о нищихъ въ Петербургѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, имѣетъ болѣе близкое отношеніе скорѣе петербургское земство, нежели столичное общественное управленіе; такъ какъ статистика нищихъ показываетъ ясно, что главный ихъ контингентъ поставляется уѣздомъ и губерніею и состоитъ преимущественно изъ крестьянъ, выгнанныхъ бѣдностью изъ дому и не нашедшихъ въ столицѣ соотвѣтственнаго спроса на предложеніе работы съ ихъ стороны. Изъ этого, однако, обстоятельства слѣдуетъ, что вопросъ объ „искорененіи" нищенства никогда не можетъ быть разрѣшенъ сколько-нибудь удовлетворительно, пока онъ будетъ разсматриваться, какъ вопросъ мѣстный, будто бы „касаю-

щійся прежде всего городского общественнаго управленія". Городъ Петербургъ представляетъ изъ себя одинъ изъ самостоятельныхъ уѣздовъ петербургской губерніи и, какъ уѣздъ, посылаетъ своихъ земскихъ гласныхъ въ губернское собраніе петербургскаго земства, а потому и вопросъ о нищихъ въ столицѣ долженъ составлять предметъ обсужденія скорѣе губернскаго собранія петербургскаго земства, нежели городской думы, и заботы объ этомъ предметѣ, а также и расходы, должны падать не на одно городское общественное управленіе. Но, конечно, и этотъ пріемъ въ рѣшеніи подобнаго вопроса можетъ быть названъ только болѣе правильнымъ, но вполнѣ правильно, какъ мы замѣтили выше, онъ могъ бы быть рѣшенъ какъ вопросъ общегосударственный, при чемъ дѣйствія земствъ и городскихъ думъ являлись бы не изолированными другъ отъ друга, а тѣсно связанными одною общею системою.

Мѣсяца два тому назадъ, мы коснулись новаго устава духовныхъ академій, сравнивая его съ новымъ проектомъ университетскаго устава, и ограничились преимущественно одною административною ихъ стороною. Мы отдали преимущество въ этомъ отношеніи уставу духовныхъ академій; „Московскія Вѣдомости", повидимому, также довольны этою стороною устава, но только потому, что изъ него, какъ кажется имъ, изгнанъ „бѣсъ 1863 года". Демонологія московской газеты состоитъ въ слѣдующемъ. „Университетскій уставъ 1863 г. (онъ же и есть „бѣсъ 1863 года") не ограничился въ своемъ дѣйствіи университетами; дѣйствіе его неудержимо распространилось и на всю у насъ педагогическую систему и подчинило положеннымъ въ основаніе этого устава началамъ болѣе или менѣе и другія высшія учебныя заведенія... Этого мало: начала, впервые выраженныя въ этомъ уставѣ, обозначали цѣлую политическую (!?) систему, которая потомъ отозвалась въ дальнѣйшихъ реформахъ 60-хъ годовъ; университетскій уставъ былъ первымъ шагомъ, первымъ актомъ этой системы, прикрывшимъ ее какъ бы интересами образованія". Итакъ, земскія учрежденія, судебныя, городскія, уставъ печати 1865 г. и т. д.— все это было не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе университетскаго устава, и этотъ „бѣсъ 1863 года" былъ только первымъ шагомъ ко всѣмъ этимъ реформамъ! Можно ли представить себѣ примѣръ болѣе болѣзненной фантазіи, усматривающей подобную связь между университетскимъ уставомъ и, напримѣръ, Положеніемъ о зем-

скихъ учрежденіяхъ? Мы нисколько бы не удивились, еслибы кто поставилъ во главѣ реформъ 60-хъ годовъ крестьянскую реформу 1861 г.: она, дѣйствительно, сдѣлала необходимыми прочія реформы и потому можетъ считаться первымъ къ нимъ шагомъ. Но „Моск. Вѣд.", очевидно, такою фабулою хотѣли только высказать свою мысль вообще о реформахъ 60-хъ годовъ: если нужно уничтожить первый шагъ, то затѣмъ слѣдуетъ приступить и къ прочимъ „шагамъ", и выгнать „бѣса 1863 года" отвсюду! Это слѣдовало бы сказать прямо, не прибѣгая къ сочиненію такой небылицы, какъ происхожденіе земскихъ, судебныхъ и другихъ учрежденій, отъ университетскаго устава 1863 г. Но всего болѣе читатель долженъ изумиться тому, какимъ образомъ „бѣсъ 1863 года" могъ войти въ уставъ духовныхъ академій *1869 года*, когда, какъ всѣмъ извѣстно, еще съ самаго начала 60-хъ годовъ оберъ-прокуроромъ св. Синода былъ гр. Д. А. Толстой, не принимавшій участія въ составленіи университетскаго устава, и потому ничѣмъ не связанный по отношенію къ характеру устава духовныхъ академій 1869 года. На это „Московскія Вѣдомости" отвѣчаютъ, что, „когда творецъ университетскаго устава (А. В. Головнинъ) сошелъ въ 1866 году съ арены, новый министръ народнаго просвѣщенія, бывшій въ то же время и оберъ-прокуроромъ св. Синода, *не могъ* воспротивиться этой аналогіи (т.-е. вліянію „бѣса 1863 года"), пока не осмотрѣлся и не извѣдалъ на дѣлѣ наслѣдія своего предмѣстника". Разсуждая такъ, московская газета поставила вопросъ уже на личную почву, куда мы за нею слѣдовать не можемъ; но во всякомъ случаѣ, въ 1869 г., по признанію самихъ „Московъ. Вѣд.", когда былъ утвержденъ уставъ духовныхъ академій, уже была приготовлена реформа гимназическаго устава и начались работы по реформѣ университетскаго устава 1863 г., а потому въ моментъ утвержденія устава духовныхъ академій 1869 г. было бы несправедливо, какъ то дѣлаютъ „Московъ. Вѣдомости", предполагать какую-нибудь зависимость оберъ-прокурора св. Синода того времени отъ „бѣса 1863 года". Обвиненіе г. оберъ-прокурора въ слабости воли и недостаткѣ самостоятельности со стороны московской газеты есть чистѣйшій анахронизмъ, придуманный ею только для того, чтобы сказать, будто новый проектъ университетскаго устава „далъ возможность и синодальному вѣдомству приступить къ очищенію духовныхъ академій отъ нелѣпой конституціи (?), занесенной въ нихъ уставомъ 1863 года. Уставъ духовныхъ академій подвергся теперь *радикальному* пересмотру; бѣсъ 1863 года изъ нихъ изгнанъ и ихъ администрація приведена къ здравымъ нормамъ".

При болѣе спокойномъ и безпристрастномъ сравненіи устава духовныхъ академій 1869 г. съ новымъ уставомъ, всякій долженъ придти къ убѣжденію, что составители послѣдняго вовсе не имѣли въ виду „изгнанія бѣса 1863 г.“, а руководились болѣе практическими цѣлями, на которыя мы имѣли уже случай указать, дѣлая обзоръ новаго устава и отдавая ему въ этомъ отношеніи преимущество предъ проектомъ университетскаго устава. „Вообще,—говорятъ „Москов. Вѣд.“,—новый уставъ духовныхъ академій *усиливаетъ власть начальствующихъ лицъ*“, —и этого для газеты довольно; но она упускаетъ изъ виду самое существенное, а именно, что сами „начальствующія лица“, вмѣстѣ съ совѣтомъ академіи, подчинены не администраціи, а опять коллегіальному учрежденію, т. е. св. Синоду, что̀ составляетъ весьма существенную разницу съ положеніемъ такихъ же свѣтскихъ учрежденій. Вотъ почему, относительно административной стороны новаго устава духовныхъ академій, мы могли сойтись съ „Москов. Вѣдомостями“, не раздѣляя, впрочемъ, ихъ вѣры въ „бѣса 1863 года“.

Но зато учебною частью этого же устава московская газета осталась крайне недовольна, и это для нея должно быть тѣмъ болѣе прискорбно, что тутъ никакимъ образомъ нельзя приплесть вышеупомянутаго Асмодея. Переходя къ учебной части, „Москов. Вѣдомости“ восклицаютъ: „Увы, переходъ не радостный! Какая-то роковая сила тяготѣетъ надъ нашими духовными учебными заведеніями! Грустно убѣждаться въ недостаткѣ крѣпкихъ преданій въ нихъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ (слѣдовательно, еще до „бѣса 1863 г.“) наши духовныя семинаріи были преданы въ распоряженіе *самодурству*, которое изгнало изъ нихъ серьезное ученіе и задалось мыслью обучать въ нихъ медицинѣ и сельскому хозяйству. Теперь...“ Газета нѣмѣетъ и ставитъ многоточіе, въ виду ужаса, усмотрѣннаго ею въ уставѣ духовныхъ училищъ: латинскій, греческій, а также и еврейскій языки отнесены къ числу предметовъ „второстепенныхъ“, и отъ студента академіи требуется знаніе только одного изъ нихъ!!.. Всего любопытнѣе при этомъ то заключеніе, къ какому приходятъ „Москов. Вѣдомости“ въ концѣ статьи, забывъ свои воздыханія въ началѣ, по поводу какой-то роковой силы, тяготѣющей надъ нашими духовными учебными заведеніями, и о недостаткѣ крѣпкихъ преданій въ нихъ: газета, изложивъ свои мысли о необходимости сдѣлать въ духовныхъ академіяхъ обязательными всѣ три языка, указываетъ на § 104 устава: „Съ разрѣшенія св. Синода, по усмотрѣнію нужды, могутъ быть дѣлаемы измѣненія въ учебной части академіи“;—другими словами, печальники о роковой силѣ, будто бы нависшей надъ

нашими духовными учебными заведеніями, и о недостаткѣ „крѣпкихъ преданій" въ нихъ, сами же и въ той же статьѣ совѣтуютъ уже теперь начать реформы въ реформѣ; но не отъ того ли у насъ вообще нѣтъ „крѣпкихъ преданій", что въ каждомъ уставѣ найдется какой-нибудь параграфъ по силѣ котораго ничто въ жизни не можетъ ни окрѣпнуть, ни устояться.

Намъ скажутъ: нельзя же, однако, въ самомъ дѣлѣ оспаривать безусловную важность для будущаго богослова знанія такихъ трехъ языковъ, какъ греческій, латинскій, и въ особенности — еврейскій. Но вѣдь этого никто и не оспариваетъ, и московская газета споритъ сама съ собою; вышеприведенное постановленіе устава, предоставляющее студенту богословія на выборъ одинъ изъ трехъ богословскихъ языковъ, нельзя разсматривать, какъ выраженіе недостатка пониманія или прямое отрицаніе важности значенія этихъ языковъ для богослова, со стороны составителей устава духовной академіи, а еще менѣе какъ запрещеніе заниматься всѣми тремя языками. Кромѣ того, письменныя упражненія студентовъ, которымъ отведено въ уставѣ справедливо весьма важное мѣсто, суть лучшее средство къ поддержанію въ студентахъ пріобрѣтеннаго ими уже знанія въ греческомъ и латинскомъ языкахъ: отъ преподавателей вполнѣ зависитъ требовать, чтобы эти работы были основаны на чтеніи первоначальныхъ источниковъ. Что же касается до еврейскаго языка, то, безъ сомнѣнія, опытъ привелъ къ убѣжденію, что обязательное для всѣхъ и формальное преподаваніе этого языка въ духовныхъ академіяхъ не дало плода, и если наши Иннокентіи, Макаріи, знали основательно еврейскій языкъ, то этимъ они были обязаны не тому, что этотъ языкъ преподавался при нихъ въ академіяхъ, а тому, чему будутъ обязаны и будущіе наши знаменитые богословы, если такіе родятся, а потомъ такими сдѣлаются. Духовная академія должна доставить каждому желающему средства обучаться еврейскому языку и продолжать настоятельно требовать знанія латинскаго и греческаго языка,—и она сдѣлала то и другое, установивъ у себя каѳедру еврейскаго языка и придавъ особенную важность письменнымъ упражненіямъ. Напрасно потому московская газета ссылается на „достоподражаемый" уставъ академій 1814 г., упрекая составителей новаго устава въ отступленіи отъ него: и тамъ не предписывалось преподаванія латинскаго и греческаго языковъ: „въ академическомъ ученіи—говорилось въ уставѣ 1814 г.—надлежитъ *только* продолжать чтеніе труднѣйшихъ авторовъ на томъ и другомъ языкѣ"; и мотивируется это тѣмъ, что „въ предъидущихъ училищахъ студенты прі-

обрѣли уже твердое познаніе языковъ греческаго и латинскаго". Намъ возразятъ, быть можетъ, указавъ, что въ „предъидущихъ училищахъ" оно вовсе не такъ твердо; но это не должно служить основаніемъ къ тому, чтобы въ духовной академіи исправлять недостатки семинарій; эти недостатки, если они существуютъ, нужно исправлять на своемъ мѣстѣ.

22-го августа исполнилась первая годовщина смерти И. С. Тургенева—время, слишкомъ ничтожное, чтобы сколько-нибудь утешить сожалѣніе о понесенной нашею литературой утратѣ; но личная ненависть къ нему, повидимому, успѣла даже возрасти за этотъ краткій промежутокъ времени. Годъ тому назадъ, „Московскія Вѣдомости" были послѣдними, помѣстившими лаконическое извѣстіе о смерти Тургенева; за то годъ спустя эта газета первая справила по немъ тризну, еще въ началѣ августа посвятивъ его памяти передовую статью, начинавшуюся такъ: „Въ прошломъ году мы присутствовали при странномъ зрѣлищѣ. Умеръ *писатель, оставившій по себѣ рядъ повѣстей и романовъ, отличающихся большими или меньшими литературными достоинствами.* Свободная дѣятельность свободно и чествуется. Всякому предоставлено право имѣть о ней свое мнѣніе и оцѣнивать ее такъ или иначе; но обязательно (?) общественное народное, или что то же, государственное, признаніе заслугъ чьихъ бы то ни было, можетъ быть совершаемо только по распоряженію правительства страны. Мы присутствовали въ прошломъ году при *возмутительномъ* зрѣлищѣ!"... Это „возмутительное" зрѣлище московская газета усмотрѣла собственно въ прирожденной каждому народу способности выражать симпатію къ таланту, генію, произведенія котораго прославили отечественное слово далеко даже за предѣлами его; между тѣмъ, по мнѣнію газеты, ничего другого тогда не случилось, какъ только „умеръ писатель, оставившій по себѣ рядъ повѣстей и романовъ", иногда довольно удачныхъ (это, вѣроятно, тѣ, которыя печатались въ „Русскомъ Вѣстникѣ"), а иногда и неудачныхъ.

Но, признаемся, намъ въ прошедшемъ году представлялось возмутительнымъ нѣчто другое, что̀ и было дѣйствительно возмутительно. Вскорѣ послѣ смерти Тургенева, въ парижскихъ газетахъ явилось письмо г. Лаврова о Тургеневѣ съ содержаніемъ, повидимому, направленнымъ къ тому, чтобы воспрепятствовать въ Россіи всякому публичному чествованію его памяти. „Московскія Вѣдомости

сти", преслѣдуя ту же самую цѣль, поспѣшили открыть г. Лаврову столбцы своей газеты для вящшаго распространенія его статьи, и конечно, въ разсчетѣ достигнуть той же цѣли, какую преслѣдовалъ и г. Лавровъ, полагая, какъ онъ самъ послѣ объяснилъ одному изъ русскихъ, проживающихъ въ Парижѣ, что правительство будетъ имѣть „слабость" принять въ соображеніе газетную статью. Какъ извѣстно, ничего подобнаго не случилось. И вотъ, годъ спустя, тотъ же г. Лавровъ, по словамъ „Москов. Вѣд.", печатаетъ въ женевскомъ изданіи „Вѣстникъ народной воли", прямо противоположныя соображенія, а именно, что правительство, дозволивъ торжественное чествованіе памяти Тургенева, обнаружило тѣмъ слабость. Что же дѣлаютъ „Москов. Вѣдомости?"—онѣ опять перепечатываютъ и это соображеніе, какъ соображеніе авторитетное и не допускающее никакихъ возраженій, и заключаютъ вопросомъ: „какъ вамъ все это нравится, милостивые государи? ошибались ли мы, раскрывая въ прошломъ году смыслъ демонстраціи на могилѣ Тургенева?" Но что же приводится московскою газетою въ доказательство безошибочности ея мнѣнія? Приводятся соображенія лица, которыя, значитъ, по мнѣнію „Московск. Вѣд." должны стоять выше всякой критики и принимаемы какъ изреченія, недопускающія и тѣни сомнѣнія,—и все это, разумѣется, только потому, что по убѣжденію газеты это можетъ произвести то же дѣйствіе, какое она желала произвести перепечаткою у себя другого письма г. Лаврова, и найти новую точку опоры въ аргументаціи противъ извѣстныхъ рѣшеній пр. сената.

Мы коснулись этого послѣдняго предмета выше и не будемъ возвращаться къ нему. Обратимъ лучше вниманіе „Москов. Вѣдомостей" на тѣ мемуары какого-то „китайца о китайцахъ", которые печатались недавно въ этой газетѣ, и безъ сомнѣнія она не даромъ дала у себя мѣсто этой оригинальной критикѣ новѣйшей европейской цивилизаціи, во многомъ дѣйствительно согласной съ передовыми статьями нашей газеты. Но тамъ есть одна глава, которая расходится во взглядахъ съ „Москов. Вѣдомостями", и могла бы быть принята редакціею къ соображенію; это—глава о почитаніи предковъ, особенно тѣхъ, которые прославили свою родину. Вотъ, это, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ подражанія; да и въ западной Европѣ, мы съ трудомъ нашли бы другой примѣръ такого отношенія къ писателю, подобному Тургеневу, какой представила наша московская газета. Что бы ни говорили „Москов. Вѣдомости", для какихъ цѣлей онѣ ни избирали бы память Тургенева, исторія русской литературы нынѣшняго вѣка, въ числѣ другихъ „предковъ",

всегда помѣстить на почетномъ мѣстѣ и имя этого „умершаго писателя, оставившаго по себѣ рядъ повѣстей и романовъ, отличающихся бо́льшими или меньшими литературными достоинствами", — а о передовыхъ статьяхъ московской газеты, если и упомянетъ, то для курьеза, какъ мы теперь иногда упоминаемъ о статьяхъ нѣкоторыхъ публицистовъ прошедшаго времени, говорившихъ въ томъ же родѣ о Пушкинѣ.

ПОПРАВКИ. Въ статьяхъ г. Тарханова: „Психическія явленія" и пр. (іюль и августъ) по корректурному недосмотру вмѣсто слова „эффектъ" поставлено иногда слово „аффектъ" (напр. авг., стр. 458, 459, 464 и др.).

Въ стихотвореніи г. Мережковскаго (авг., стр. 507—508) третья строка четвертой строфы должна читаться:

„Мучительный разладъ—онъ въ музыкѣ міровъ"...

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Странствованія Василья Григорьевича Барскаго по святымъ мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 г. Издано православнымъ Палестинскимъ обществомъ по подлинной рукописи подъ редакціею Николая Барсукова. Спб. 1884. 4 выпуска.

Василій Григоровичъ Барскій издавна пользовался большой популярностью въ средѣ благочестивыхъ читателей, какъ авторъ обширнаго путешествія къ святымъ мѣстамъ, которое распространялось не только въ печатныхъ изданіяхъ, но и въ рукописяхъ. По обширности книги изданія были однако не многочисленны и въ настоящее время книга составляетъ рѣдкость; притомъ первый издатель книги—Рубанъ (1778) по обычаю того времени подправилъ и подновилъ текстъ подлинника. Книга Барскаго любопытна не однимъ описаніемъ святыхъ мѣстъ, но и особенно разсказомъ о его странствіяхъ, между прочимъ, въ славянскихъ земляхъ, такъ что представляетъ и значительный историко-этнографическій интересъ. Новое изданіе, и притомъ по подлинному тексту, было поэтому очень желательно, и любители старины, безъ сомнѣнія, съ большимъ интересомъ встрѣтятъ предпріятіе Палестинскаго общества. На обложкахъ выпусковъ сообщены объ этомъ изданіи такія свѣденія. Палестинское общество при самомъ своемъ возникновеніи, между прочимъ, постановило издать въ достойномъ видѣ путешествіе Барскаго. Благодаря сочувствію предсѣдателя этого общества Вел. кн. Сергія Александровича, общество получило изъ богатаго собранія графа А. С. Уварова подлинную рукопись Барскаго (хотя и не вполнѣ сохранившуюся) съ его рисунками, собрало кромѣ того всѣ извѣстныя копіи Барскаго и его собственные рисунки (числомъ болѣе 130), наконецъ, получило и значительныя средства для исполненія изданія въ пожертвованіи Вел. Кн. Павла Александровича (5000 руб.) и редакцію изданія поручило извѣстному своими археографическими работами Н. П. Барсукову. Теперь вышли первые выпуски этого изданія.—Но мы находимъ, что общество напрасно приняло избранный способъ изданія, а именно: по его исчисленію книга Барскаго составитъ до 40 выпусковъ, или три тома въ большую осьмушку; каждый выпускъ будетъ заключать въ особой обложкѣ 32 стр. (2 печатныхъ листа) и 4 рисунка, кромѣ тѣхъ, которые помѣщаются въ самомъ текстѣ; каждый мѣсяцъ будетъ выходить по одному выпуску, который стоитъ 50 к., наконецъ, цѣна изданія, полными томами будетъ увеличена. Намъ казалось бы, во-первыхъ, что способъ изданія выпусками вообще весьма неудобенъ; изданіе по разсчету будетъ продолжаться 40 мѣсяцевъ, т.-е. почти три съ половиной года выпуски неизбѣжно разрознятся по разнымъ рукамъ,—что будетъ очень жаль, если притомъ, по словамъ объявленія, печатается только ограниченное число экземпляровъ. Гораздо проще было бы выпускать изданіе по крайней мѣрѣ отдѣльными томами, если уже не вдругъ. Способъ изданія выпусками — у насъ непривыченъ и несомнѣнно вообще затруднителенъ для покупателей при столь продолжительномъ срокѣ изданія. Къ этому способу прибѣгаютъ обыкновенно издатели, для которыхъ продажа выпусковъ должна доставить недостающія средства; между тѣмъ, какъ мы видѣли, общество получило для своего предпріятія весьма значительное пожертвованіе. Наконецъ, повышеніе цѣны при окончаніи изданія также принадлежитъ къ пріемамъ, какіе употребляютъ издатели небогатые или инымъ образомъ несостоятельные и которыхъ приличнѣе было бы избѣжать обществу,—тѣмъ болѣе, что цѣна изданія будетъ и безъ того весьма значительна.—Внѣшность изданія очень изящна.

Судебные уставы Императора Александра II съ комментаріями и разъясненіями. Уставъ уголовнаго судопроизводства. Съ разрѣшенія министра юстиціи составилъ С. Г. Щегловитовъ, редакторъ департамента министерства юстиціи.—Уставъ гражданскаго судопроизводства. Выпуски I-II. Составилъ Л. П. Рошковскій, членъ варшавскаго окружнаго суда. С.-Петербургъ, 1884.

Изданіе гг. Щегловитова и Рошковскаго представляется самымъ полнымъ и добросовѣстнымъ изъ всѣхъ новѣйшихъ изданій подобнаго рода; оно соединяетъ въ себѣ текстъ судебныхъ уставовъ съ многочисленными разъясненіями и комментаріями, извлеченными изъ кассаціонной практики сената. Составители имѣли возможность пользоваться не только обнародованными для общаго свѣденія сенатскими рѣшеніями, но и ненапечатанными „рѣшеніями общаго собранія и соединенныхъ присутствій перваго и кассаціонныхъ департаментовъ сената“, — что значительно увеличиваетъ практическую цѣнность настоящаго сборника. Удобство и простота системы, точность и полнота извлеченій изъ громаднаго судебнаго матеріала кассаціонныхъ рѣшеній, наконецъ, сравнительная дешевизна изданія—обѣщаютъ ему прочный успѣхъ.

Великое Зерцало (изъ исторіи русской переводной литературы XVII вѣка). Изслѣдованіе П. В. Владимірова. Москва, 1884. 8°. XIV, 105 и 78 стр.

Наша старая письменность вызываетъ въ послѣднее время самыя ревностныя изслѣдованія. Къ числу ихъ принадлежитъ и названное изслѣдованіе г. Владимірова, весьма полезное для тѣхъ, кто изучаетъ старую русскую литературу. „Великое Зерцало“ есть огромный повѣствовательный сборникъ, частью религіознаго, частью свѣтскаго характера и происхожденія. Авторъ поставилъ себѣ задачей разыскать происхожденіе этого сборника и опредѣлить его различныя редакціи; для этого нужна была внимательная библіотечная работа, которую онъ и исполнилъ съ большимъ успѣхомъ.

Карлъ Эльце. Лордъ Байронъ. Перевелъ со второго изданія Б. Цацкинъ. Выпускъ первый. Харьковъ, 1884. 8°. 78 стр. Ц. 40 коп.

Книга Эльце, первое изданіе которой вышло еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ, считается лучшей біографіей Байрона и безъ сомнѣнія весьма заслуживаетъ перевода. Но жаль, что переводчикъ придумалъ издавать свой трудъ выпусками: русская публика не привыкла къ подобной формѣ изданія и, чтобы пріобрѣсти книгу, все-таки обыкновенно ждетъ ея окончанія. Г. переводчику слѣдовало бы по крайней мѣрѣ, при слѣдующемъ выпускѣ, обозначить сроки, въ которые будутъ выходить выпуски его изданія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
НА 1884 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:		Годъ:	Полгода:	Четв...
Безъ доставки	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою	17 » — »	10 »	[illegible]
Съ доставкою	16 » — »	9 »	5 »	За-границей	19 » — »	11 »	[illegible]

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россі[и] — 2 р. 50 [к.],
за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается—въ Петербургѣ: въ Главной Конто[рѣ] журн[ала] «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я ли[н]., 7, [и] ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Нев[с]комъ [про]спектѣ;—въ Москвѣ: при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Ку[знец]комъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и въ Конторѣ Н. [Печ]ковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются по почтѣ въ ред[акцію] журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же [при]нимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ жур[налѣ].

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписч[икамъ] Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые [вы]слали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ [сообще]ніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежде[ніе, гдѣ] *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ пре[жняго] мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. [...] изъ иногородныхъ въ городскіе—50 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностр[анные —] недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана [въ] указанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, как[ъ по по]лученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, кот[орые] приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛ[А]:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин., 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1884.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1884 г., см. ниже, на обертк

ДЕРЕВЕНСКІЯ ИСТОРІИ

I.

СЧАСТЛИВЧИКЪ.

XIII *).

Къ великому ужасу и недоумѣнію Алексѣя Ивановича, ссылка на мирового судью отнюдь не оправдалась. Щемятевъ рѣ- ительно заявилъ, что не только лошади Писарька, но и ни- кой лошади вообще въ тотъ день никому и ни съ кѣмъ не сылалъ; да наконецъ, и особаго конюха или подкучера у себя службѣ вовсе не имѣетъ.

Такимъ образомъ неблагопріятныя обстоятельства, въ кото- хъ такъ нежданно очутился Алексѣй Ивановичъ, разомъ при- ли самый угрожающій характеръ.

Того «молодого малаго, черноволосаго, съ усиками» (такъ сывалъ его наружность Щастневъ), который будто бы пере- ъ нашему герою украденную лошадь, и разыгралъ роль бар- го конюха — разумѣется, нигдѣ не оказалось. Да его и не кали, потому что въ самое существованіе его никто не вѣрилъ. са ъ дѣлѣ, «чего ради воръ станетъ добровольно возвра- ть у о украденную вещь? А, главное, съ какою цѣлью и чем ло припутывать имя мирового судьи? Ясно, что на- щій ръ—то-есть, Щастневъ—растерявшись въ первую ми-

---

*) С сентябрь, стр. 58.

нуту, съ испуга наговорилъ Богъ знаетъ какого вздора; а ужъ теперь волей-неволей держится своихъ дикихъ показаній».

Такъ разсуждала «полицейская власть», не допуская никакихъ сомнѣній въ виновности Щастнева. Но вѣдь ихъ и никто не допускалъ. Еще бы; поимка съ поличнымъ! Въ Богодуховѣ общее волненіе, вызванное этой поимкой, а затѣмъ и арестомъ Алексѣя Ивановича, было неописуемо; но мнѣніе богодуховцевъ сложилось рѣшительно не въ пользу нашего героя. Теперь-то съ особенною силой сказались послѣдствія ловкой политики Писарька, а также тѣхъ перебранокъ, которыя въ послѣднее время по необходимости случались между Алексѣемъ Ивановичемъ и его односельцами. Поднялось общее неистовое галдѣнье... И что же? Въ этомъ гвалтѣ нельзя было разслышать почти ни одного сочувственнаго слова о Щастневыхъ; зато многіе, не таясь, выражали свое торжество и злорадство.

Но, можетъ быть, наиболѣе замѣчательнымъ явленіемъ должно признать тотъ фактъ, что всѣ эти люди, столь близко знавшіе Алексѣя Ивановича въ теченіе цѣлой жизни, вѣдавшіе всѣ его дѣла и обстоятельства до послѣдней мелочи, жившіе съ нимъ, такъ сказать, одной общей жизнью и общими интересами—нисколько ни на одну минуту не усомнились въ его виновности, а напротивъ, повѣрили ей вполнѣ искренно, и на всѣ его горячія клятвы и отрицанія отвѣчали только самой обидной насмѣшкой или даже просто площадной бранью. Мало того: вдругъ припомнили всѣ прежнія пропажи на селѣ. У одного вытащили полотна изъ незапертаго сундука, у другого свели лошадь, у третьяго украли окорокъ да куль муки, четвертому околотили копну ржи на загонѣ—и все это было теперь поставлено въ счетъ Алексѣю Ивановичу. «А выходитъ, говорили, надо примѣчать, какъ иные прочіе, которые то-есть ловкіе, сдобыть умѣютъ. Ну только сдобывка эта—очень довольно острогомъ пахнетъ»

Вообще на счетъ острога общественное мнѣніе богодуховцевъ установилось съ замѣчательной твердостью. Даже тѣ немногіе обыватели, которые еще сохранили искру сочувствія къ Алексѣю Ивановичу, должны были признать, что ужъ отъ острога ему не отвертѣться. Пойманъ съ поличнымъ! Что тутъ подѣлаешь? А большинство въ этой тюремной перспективѣ находило даже законное удовлетвореніе своему взволнованному чувству: «пусть-ка посидитъ, такихъ учить надо!»—говорили обыватели съ нескрываемымъ удовольствіемъ. «Да и посидитъ, это ужъ будь въ надеждѣ!»—рѣшалъ богодуховскій людъ съ полнымъ единодушіемъ.

Однако, на этотъ разъ общественному мнѣнію пришлось крѣпко ошибиться.

Александръ Васильевичъ Щемятевъ, разобравъ дѣло Щастнева въ своей камерѣ 12-го августа, объявилъ приговоръ въ окончательной формѣ. Изложивъ обстоятельства дѣла, судья заключилъ приговоръ слѣдующимъ соображеніемъ:

... «Во всемъ этомъ остается пока не вполнѣ яснымъ одно: кому и зачѣмъ понадобилось всунуть подсудимому краденную лошадь подъ ложнымъ предлогомъ? Однако и это, можетъ быть, достаточно разъясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что потерпѣвшій состоитъ въ тяжбѣ съ обвиняемымъ, причемъ споръ идетъ по поводу весьма серьезныхъ интересовъ. Поимщикомъ оказался при этомъ самъ потерпѣвшій, причемъ, по какой-то необыкновенной случайности, онъ настигъ обвиняемаго черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ тотъ успѣлъ сѣсть на лошадь. Все это можетъ повести къ нѣкоторымъ догадкамъ. Но для судебнаго рѣшенія однихъ догадокъ недостаточно, какъ бы ни казались онѣ правдоподобны, и потому въ настоящемъ дѣлѣ я не считаю возможнымъ признать недобросовѣстность обвиненія. Однако, еще менѣе возможнымъ я полагаю признать, основываясь на такомъ сомнительномъ обвиненіи, виновность подсудимаго».

Въ силу 119 ст. уст. угол. судопр., судья приговорилъ Щастнева «по суду оправдать». А Николай Ѳадѣевичъ Писаревъ, къ немалому изумленію всѣхъ присутствовавшихъ въ камерѣ, охотно заявилъ свое на приговоръ «удовольствіе», и тотчасъ подписалъ таковое въ протоколѣ судьи. Такимъ образомъ, оправдательное рѣшеніе вступило въ законную силу и стало безповоротнымъ.

— Когда ужъ самъ господинъ судья человѣка помиловалъ, такъ я-то его и подавно губить не намѣренъ,—выразился Николай Ѳадѣевичъ. — Мнѣ что́? Богъ съ нимъ! Пусть ему простится, лишь бы въ другой разъ не грѣшилъ.

XIV.

Усердно помолился Щастневъ, выйдя изъ камеры, на золоченый крестъ бѣлоглинской церкви.

— Ну, ужъ только и судья!—дивился онъ въ душѣ, покачивая головою.—Одно слово, наскрозь тебя видитъ! Попадись я таперича къ другому—скажемъ, хоть къ жирятинскому барину—чево тамъ! Сидѣть бы мнѣ въ острогѣ безо всякаго сумлѣнія;

то-есть въ лучшемъ бы видѣ закаталъ. Потому сичасъ: «Гдѣ—скажетъ—лошадь взялъ?» —Люди дали.—«Какой тебѣ лѣшій давалъ? Покажь ево сюды! Гдѣ онъ?» Да, покажь! А я откудова ево возьму, лѣшаго-то, коли ево нѣтути? «А коли ты — скажетъ— при томъ разѣ съ лошадью самъ-одинъ пойманъ, значитъ, одинъ ты и должо́нъ отвѣтствовать».

Но теперь всѣ страхи и опасенія исчезли навсегда: Алексѣй Ивановичъ возвращался домой оправданнымъ и свободнымъ человѣкомъ, съ радостнымъ чувствомъ полнаго успокоенія. А впереди предстоитъ еще новое, крупное дѣло, которое необходимо «охлопотать» во что бы то ни стало, потому что на немъ покоятся всѣ надежды, зиждутся всѣ мечты о будущемъ благополучіи. Однимъ словомъ, предстоитъ полученіе вводнаго листа! И дѣйствительно листъ этотъ до такой степени овладѣлъ всѣми мыслями и чувствами Алексѣя Иванова, что, наконецъ, даже приснился ему, наканунѣ поѣздки въ городъ; приснился въ какомъ-то необыкновенно огромномъ видѣ, покрывъ собою чуть не половину Мокрецовъ; а затѣмъ явились нотаріусъ, судебный приставъ съ огромной цѣпью на груди, и десятокъ знакомыхъ крестьянъ свидѣтелей ввода; потомъ вдругъ—колокольный звонъ... большая площадь... множество народа... и на площади онъ, Щастневъ, раздаетъ землю въ наймы; всѣ толпятся вокругъ, кланяются ему подобострастно, подаютъ деньги... много денегъ! Словомъ, приснился какой-то сумбуръ; но сумбуръ, приведшій Алексѣя Ивановича въ самое счастливое настроеніе духа, исполненное нѣкоторой восторженной рѣшимости.

Подъ вліяніемъ этой рѣшимости, онъ даже безъ всякихъ страховъ, но съ бодрымъ упованіемъ отправился въ городъ. Да и чего ему бояться? Вѣдь самъ Александръ Васильевичъ завѣрялъ, что дѣло вовсе пустое: попросить нотаріуса—только и всего. А ужъ потомъ нотаріусъ все самъ знаетъ, и охлопочетъ въ лучшемъ видѣ, потому—за это вѣдь онъ и деньги беретъ.

Однако, побывъ въ городѣ, онъ нѣсколько пріунылъ. Готовность со стороны нотаріуса онъ дѣйствительно встрѣтилъ полнѣйшую, но—увы!—далеко не безкорыстную. По разсчету, на удовлетвореніе требованій гг. нотаріуса и судебнаго пристава приходилось продать послѣднюю лошадь, да пожалуй, и того еще не хватитъ. Было надъ чѣмъ призадуматься! Но съ другой стороны — жребій уже брошенъ, дѣло заведено, и волей-неволей приходится идти до конца, на милость Божію. Не остановиться же въ самомъ дѣлѣ, послѣ всего, что сдѣлано, передъ пожертвованіемъ какой-нибудь лошади! Нѣтъ, видно назвался груздемъ,

такъ полѣзай и въ кузовъ... Притомъ Александръ Васильевичъ ясно сказалъ: «представь только вводный листъ, и черезъ три минуты все твое дѣло будетъ кончено». Да, кабы только Господь благословилъ кончить...

Алексѣй Ивановичъ очевидно еще не имѣлъ понятія о томъ, что три минуты въ камерѣ мирового судьи очень часто соотвѣтствуютъ тремъ мѣсяцамъ дальнѣйшаго производства; что существуютъ еще такія вещи, какъ апелляція въ съѣздъ, выдача исполнительнаго листа, назначеніе г. предсѣдателемъ съѣзда судебнаго пристава, обязаннаго привести въ исполненіе то, что̀ рѣшилъ судъ, затѣмъ недосугъ вышеозначеннаго г. судебнаго пристава, иногда даже очень продолжительный, затѣмъ необходимые антракты между всѣми этими актами судебной процедуры—антракты, опять-таки неопредѣленно-длинные, если тяжущійся по неопытности не вѣдаетъ, что ни выдача исполнительнаго листа, ни назначеніе судебнаго пристава не могутъ состояться безъ его особой на то просьбы. Словомъ, мало ли есть на свѣтѣ гарантій для обезпеченія неподкупности правосудія и равенства всѣхъ передъ закономъ!

Между тѣмъ въ селѣ Богодуховѣ совершилось событіе высокой важности, о которомъ, однако, Алексѣй Ивановичъ, находясь «въ губерніи», еще ничего не зналъ. Въ ту же ночь, когда онъ до свѣта выбрался изъ дома (по обычаю пѣшкомъ), чтобы во время, то-есть «на зорькѣ», поспѣть къ пассажирскому поѣзду—изъ села Богодухова были выкрадены три лучшія лошади, принадлежавшія Терентію Лупоносову да Кузьмѣ Савватѣеву, двумъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ крестьянскаго «міра». Понятно, что подобный случай произвелъ въ Богодуховѣ великую сенсацію и крайній переполохъ: тотчасъ заявили полиціи, дали знать даже въ сосѣдній уѣздъ, распрашивали, искали, ѣздили въ разныя стороны—и ничего не нашли.

Кража эта была всецѣло и всѣмъ міромъ приписана Щастневу, котораго уходъ изъ дому такъ неудачно совпалъ съ временемъ ея совершенія. Всѣмъ селомъ и въ одинъ голосъ говорили, будто теперь надо ждать еще и не такихъ вещей отъ Алексѣя Иванова, потому что если ужъ онъ пойманъ былъ съ поличнымъ, да и то выкрутился—чего-жъ ему бояться? За то и общее противъ него озлобленіе дошло до крайности, такъ что легко могло повести къ опасному взрыву. Слышались рѣчи о томъ, что даже воронъ находитъ себѣ добычу на сторонѣ, но никогда не воруетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ постоянно живетъ: значитъ, «воронья душа лучше иной христіанской»; что при

деньгахъ да съ умомъ, пожалуй, грабить можно, сколько угодно: все сойдетъ; но съ другой стороны отъ бѣшеной собаки судъ не защита: пока на нее будешь жаловаться, а она все село перекусаетъ и дальше побѣжитъ. Терентій Лупоносовъ и Кузьма Савватѣевъ, въ пылу озлобленной горести, съумѣли возстановить свой «міръ» противъ Щастнева до той степени возбужденія, которая никогда не проходитъ даромъ, а непремѣнно разрѣшается какою-нибудь нечаянностью, и очень часто—совсѣмъ нежелательной.

Алексѣй Ивановичъ, не подозрѣвая ничего подобнаго, пробылъ два дня «въ губерніи», а затѣмъ на третій спокойно возвращался домой, не то счастливый, не то печальный, потому что съ одной стороны нотаріусъ обѣщалъ ему положительно изготовить все нужное черезъ недѣлю, но съ другой—приходилось тратить сорокъ рублей. Сумма огромная, а гдѣ ее взять? Ясно, что безъ продажи послѣдней лошади обойтись было невозможно.

Алексѣй Ивановичъ, глубоко задумавшись, уже подходилъ къ Богодухову, когда въ сторонѣ отъ дороги увидалъ Кузьму Савватѣева, пахавшаго свой загонъ. Щастневъ зналъ его за одного изъ своихъ недавнихъ, но самыхъ ожесточенныхъ недруговъ, притомъ, занятый серьезными мыслями, вообще не имѣлъ расположенія къ болтовнѣ, а потому, сдѣлавъ видъ, будто не замѣчаетъ или скорѣе не желаетъ замѣтить Савватѣева, намѣревался пройти мимо своей дорогой. Но къ удивленію на этотъ разъ самъ Кузьма съ преувеличенной вѣжливостью снялъ передъ нимъ шапку и отвѣсилъ нижайшій поклонъ.

— Алексѣю Ивановичу! Гдѣ побывалъ, да каково погулялъ?

— Здравствуй!—буркнулъ на ходу Щастневъ, больше себѣ подъ носъ.—Гдѣ побывалъ, тамъ насъ нѣтути.

— Выгодно ли моими лошадками расторговался? По чемъ пошли?

— Что-о?—пріостановился Щастневъ.

— Я говорю: лошадки-то мои по чемъ пошли? Лошадки добрыя; надо полагать, ты ими обиженъ не былъ... Особливо чаленькая.

Алексѣй Ивановичъ окончательно остановился, и всею своей особою разомъ повернулся къ Кузьмѣ.

— Каки твои лошадки? Чево ты мелешь?

Но Кузьма Савватѣевъ въ отвѣтъ только расхохотался съ очевидной злостью.

— Ужъ быдто не знаешь?

— Конечно, не знаю.

— Мотри, крутель!—вдругъ разразился Кузьма, освирѣпѣвъ потрясая своими огромными кулачищами въ воздухѣ.—Кру-пишься ты ловко, добре ловко, только на этотъ разъ тебѣ ужъ е сойдетъ, анаѳемская твоя душа! Да разрази меня Господь, Царица небесная, если я тебѣ это такъ и попущу. Попомни, Леха! Попомни! Попомни!

— Да чево тебѣ надоть? Чево ты и въ самъ-дѣлѣ присталъ, ровно банный листъ!..—крикнулъ Алексѣй Ивановичъ, въ свою очередь начиная сердиться.—Скажи толкомъ: какія твои лошади?

Но Кузьма Савватѣевъ вмѣсто отвѣта только плюнулъ, что ило мочи, а затѣмъ, повернувшись къ своей кобылѣ, жестоко хлестнулъ ее кнутомъ, вслѣдствіе чего кобыла вся встрепену-лась, вытянулась и съ необычайнымъ усердіемъ потащила соху.

Алексѣй Ивановичъ постоялъ, поглядѣлъ на это, тоже плю-улъ и, махнувъ рукой, пошелъ дальше своей дорогой.

— А провались ты совсѣмъ!—только проворчалъ онъ себѣ одъ носъ.

Однако, возвращеніе Алексѣя Иванова въ свое родное село этотъ разъ сопряжено было съ такими странностями, кото-ня не могли не броситься ему въ глаза съ первыхъ же ша-въ. Едва успѣлъ онъ появиться изъ-за околицы, какъ уже улицѣ раздались восклицанія: «Мотри, мотри, братцы: Алешка Щастневъ вернумшись! Алешка Щастневъ идетъ!» И дѣйстви-ельно, ребятишки высыпали со всѣхъ дворовъ, глазѣя на него, къ на диковиннаго звѣря. Зато два-три встрѣчныхъ крестья-нина рѣшительно отвернулись отъ него въ сторону, а нѣкоторыя абы, ни съ того, ни съ сего, послали ему вслѣдъ самыя не-естныя замѣчанія. Однимъ словомъ, Алексѣй Ивановичъ даже совсѣмъ растерялся и поспѣшилъ укрыться домой, съ неволь-нымъ чувствомъ тоскливой робости: что, молъ, еще подѣялось? очему все село точно бѣлены объѣлось?

Дома, не то съ радостью, не то съ плаксивымъ воемъ, на него тотчасъ же накинулась Катюха.

— Ну, Иванычъ, заждалась я тебя! Тутъ такое... такое вышло, что хоть и глазъ не показывай на улицу. У, вы, из-верги проклятые!..

И Катерина Захаровна, вдругъ разразившись горячими сле-зами, съ ненавистью погрозила кулакомъ на окна. Даже все лицо ея перекосилось отъ злобы.

— Что у васъ тутъ стряслось?—тревожно спросилъ Алексѣй Ивановичъ.—Разскажи ты толкомъ.

Жена стала передавать ему всѣ подробности послѣднихъ

богодуховскихъ событій; однако прежде, чѣмъ успѣла изложить до конца исторію своихъ многочисленныхъ обидъ и огорченій, въ избѣ появился дядя Кукишъ.

Молча, но съ широчайшей улыбкой на сіяющемъ лицѣ, сталъ онъ посреди комнаты и глядѣлъ, не сводя глазъ, на Щастнева, словно любуясь имъ, какъ прелестною картинкой.

Нѣсколько мгновеній никто не говорилъ ни слова.

— Здравствуй, деверь!—хмуро привѣтствовалъ его наконецъ Алексѣй Ивановичъ.

— Здравствуй, здравствуй, зятекъ. Эхъ, да и умственный же ты человѣкъ, какъ посмотрю я таперича! Вотъ ужъ умственный! Вотъ умственный!

— Ну, опять замолола мельница!—съ ожесточеніемъ плюнула Катерина Захаровна.—Тьфу ты, пьяное горло! И чево вяжешься? Безъ тебя довольно тошно.

— Цыть, Катюха!—все такъ же сіяя всей своей физіономіей, обернулся къ ней дядя Кукишъ.—Ужъ я тоже не лыкомъ шитъ: понимаю, очень. Чево ты, дура, таишься? Вить я, чай, не чужакъ вамъ, не кто да нибудь, а братъ рòдный. Ты хоть спроси мужа-то. Ну, только тебѣ, за такимъ мужемъ бымши, надоть цѣлый вѣкъ Бога молить. За нимъ не пропадешь! Николи!

— Пьяная ты рожа!—съ презрѣніемъ повела плечами Катерина Захаровна.

— Пьяная? Такъ что-жъ? Нѣтъ, мать, Кукша Захаровъ, даромъ что пьянъ, одначе понимаетъ въ лучшемъ видѣ. А только Алексѣю Ивановичу, зятьку своему, я дѣйствительно въ ножки поклонюсь, потому какъ онъ того стоитъ, заслужилъ.

Усталый, смущенный и разсерженный Алексѣй Ивановичъ наконецъ не выдержалъ: онъ вдругъ съ бранью накинулся на дядю Кукиша и вытолкалъ пьянаго родственника просто въ шею.

Однако и тѣмъ не кончились треволненія, которыя суждено ему было переиспытать въ этотъ злополучный день.

Когда уже давно наступилъ вечеръ и даже совсѣмъ стемнѣло—въ дверяхъ его скромнаго жилища вдругъ появились двѣ темныя человѣческія фигуры.

Всмотрѣвшись, Алексѣй Ивановичъ съ досадою и тревогой узналъ въ нихъ Козьму Савватѣева да Терентія Лупоносова.

Посѣтители, впрочемъ, повидимому, явились безъ всякихъ враждебныхъ намѣреній. Остановясь у самаго порога, они степенно помолились на передній уголъ, и затѣмъ, честь-честью, отвѣсили по поясному поклону «хозяину и хозяюшкѣ».

— А мы къ тебѣ, Алексѣй Ивановичъ...—первый загово-

рилъ Терентій, небольшой человѣчекъ среднихъ лѣтъ, съ живыми черными глазками, который любилъ выражаться елейно, сладко и наставительно, но подчасъ весьма ехидно.

— Чтожъ... Садитесь, гости будете...

— На томъ благодаримъ.

Гости, по приглашенію, чинно усѣлись на скамью.

— Подчивать-то васъ нечѣмъ...

— Каки тутъ подчиванья... не для того пришли... А ты вотъ что, Алексѣй Ивановичъ, ты вѣдь это, ей-Богу, только такъ, занапрасно осерчалъ на насъ.

— Я?

— Вотъ тѣ хрестъ, занапрасно! Можетъ, тебѣ кто и говорилъ про насъ, быдто какъ мы, то-есть, ругатели; ну, только это одни пустыя слова, вѣрь совѣсти... Конечно, что промежъ людей на всякъ часъ не убережешься: иной разъ, можетъ, и сболтнешь чево-нибудь лишнее... Такъ рази за это сичасъ серчать? Что ты, Алексѣй Ивановичъ, побойся Бога! По сусѣдски ка-бы такъ-то дѣлать не гожо.

— Чево не гожо?

Терентій Лупоносовъ и Кузьма Савватѣевъ переглянулись между собою, и вдругъ оба, точно по уговору, повалились Щастневу въ ноги.

— Коли виноваты, прости насъ, Алексѣй Ивановичъ, не попомни зла. Самъ знаешь, како таперича время: безъ скотины чистая смерть, пропадать надо вовсе. Умилися надъ нами! Поучить насъ—поучи, за обиду за свою, коли что, возьми съ насъ хоть по пятковому билету—а лошадокъ-то отдай назадъ. Самъ видишь, всему двору разоренье!

Напрасно Щастневъ и клялся всѣми святыми, и завѣрялъ чуть не со слезами, что его обнесли, оболгали и «оморочили», что онъ ничего знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ про украденныхъ лошадей, что у него даже въ мысляхъ никогда не было «займаться» воровствомъ, что дѣло съ лошадью Писарька— одинъ «подвохъ», и больше ничего... Крестьяне упорно стояли передъ нимъ на колѣняхъ, упорно набавляя по рублику да по полтиннику «за обиду» и вымаливая своихъ лошадей обратно.

Наконецъ, терпѣніе со обѣихъ сторонъ стало истощаться, и въ рѣчахъ начали проскальзывать недобрыя слова. Крестьяне поднялись на ноги, и мало-по-малу смиренно-примирительный тонъ ихъ круто измѣнился. Посыпались угрозы, крѣпкая брань; голосъ Катерины Захаровны повысился до самыхъ рѣзкихъ нотъ... Начиналось нѣчто безобразное, грубое и мучительное.

Разстались послѣ этихъ объясненій чуть не съ пѣною у рта, еще худшими врагами, чѣмъ прежде. А по Богодухову сдѣлалось извѣстнымъ, что Алексѣй Ивановъ похваляется обокрасть все село цѣликомъ, со всею его требухой.

XV.

Двадцать перваго августа, утромъ, Алексѣй Ивановичъ былъ наконецъ введенъ во владѣніе Мокрецами, съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей. А Николай Ѳадѣевичъ Писаревъ, въ то же памятное утро, съ сокрушеннымъ видомъ объявлялъ Кузьмѣ Савватѣеву и Терентію Лупоносову, что полиція рѣшительно отказалась начать судебное преслѣдованіе противъ Щастнева, по поводу кражи ихъ (то-есть Кузьмы и Терентія) лошадей, такъ какъ ясныхъ уликъ не имѣется, а Щастневъ ужъ доказалъ, что, даже пойманный съ поличнымъ, онъ умѣетъ выйти сухимъ изъ воды.

— Что-жъ, значитъ, намъ таперича такъ и пропадать черезъ ево!—воскликнули крестьяне, совершенно возмущенные этимъ извѣстіемъ.

Николай Ѳадѣевичъ только пожалъ плечами.

— Какъ быть, братцы! Человѣкъ пронзительный, къ нему не подступишься. Тоже вѣдь и начальство... надо судить почеловѣчески: какая есть сладость хотя бы становому или, скажемъ, урядпику писать актъ, безпокоиться, а между прочимъ для того, чтобъ Алеха надъ ними же въ глаза понасмѣялся. Слыхали, какъ съ моей лошадью вышло? Ужъ не вашему дѣлу чета: съ поличнымъ. Но вѣдь у судьи-то я не зналъ, въ которую сторону глазами хлопать, отъ совѣсти: такъ онъ меня же подвелъ!

— Выходитъ, на ево и суда нѣтути.

Николай Ѳадѣевичъ развелъ руками.

— Миколай Ѳатѣичъ, да неужъ такъ-таки и средствій противъ ево никакихъ нѣтути?

— Средствій? Зачѣмъ? Средствія завсегда есть. Какъ можно, чтобъ не было средствій!

Убитыя лица крестьянъ вдругъ нѣсколько просвѣтлѣли и оживились самымъ жаднымъ вниманіемъ. Кузьма Савватѣевъ даже рванулся впередъ.

— Миколай Ѳатѣичъ! Отецъ! Такъ вы-жъ не оставьте насъ, темныхъ людей: научите для-ради Бога, не дайте пропасть!

— Научить, пожалуй, можно... Зачѣмъ не научить? Только

дѣло-то ужъ надо повести скоро да строго. А то какъ бы хуже чего не вышло.

— Отецъ! Да мы не то что... мы всей душой! Мы... Да что тутъ! Только укажи.

— Ладно, укажемъ...

Затѣмъ послѣдовало между Писарькомъ и обокраденными крестьянами очень подробное и очень серьезное совѣщаніе, результатомъ котораго, въ тотъ же день вечеромъ, была мірская сходка въ селѣ Богодуховѣ. А на этой сходкѣ шла рѣчь ни болѣе, ни менѣе, какъ объ удаленіи Алексѣя Иванова Щастнева изъ общества богодуховскихъ крестьянъ и представленіи его въ распоряженіе правительства, какъ завѣдомаго вора, человѣка порочнаго и вреднаго сельскому обществу во всѣхъ отношеніяхъ.

Самого Алексѣя Ивановича въ это время дома не было: онъ со своимъ вводнымъ листомъ отправился въ Краснополье, къ «знающему человѣку», чтобы изготовить прошеніе на Писарька (такъ какъ батюшка, о. Михаилъ, въ послѣднее время очень охладѣлъ къ дѣлу Щастневыхъ, и рѣшительно отказался написать новое прошеніе).

Сходка происходила въ высшей степени пьяная и бурная; потому что, вопреки обычаю, цѣлое ведро роспили еще до ея начала. Виномъ угощали Кузьма Савватѣевъ и Терентій Лупоносовъ, будто бы на собственныя деньги, хотя подобная щедрость казалась очень странной со стороны этихъ сельскихъ «горлановъ», привыкшихъ угощаться на чужой, но отнюдь не на собственный свой счетъ. Впрочемъ, сходка была въ такомъ настроеніи, что не обратила бы вниманія даже на бо̀льшую странность: слишкомъ ужъ всѣ были возбуждены и заняты главнымъ вопросомъ дня.

За Алексѣя Ивановича—увы!—нашлось только очень немного заступниковъ; да и тѣ говорили такъ робко и неувѣренно, что слабая рѣчь ихъ была положительно заглушена протестами самаго запальчиваго негодованія.

Вообще сходка шла обычнымъ порядкомъ всѣхъ крестьянскихъ сходокъ, то-есть, происходило какое-то совмѣстное галдѣнье множества голосовъ, энергическое размахиваніе руками, и выкрикиванье совершенно отрывочныхъ, короткихъ, повидимому, безсмысленныхъ или ужъ совсѣмъ не идущихъ къ дѣлу фразъ, которыми однако каждый силился перекричать своего сосѣда, по мѣрѣ собственныхъ голосовыхъ средствъ. Однимъ словомъ, совершалась та странная безтолочь, которая безусловно

непостижима для всякаго изъ постороннихъ слушателей, но, къ удивленію, оказывается вполнѣ вразумительной для самихъ крестьянъ, отлично понимающихъ другъ друга.

Какъ бы то ни было, не прошло и получаса, какъ участь Щастнева уже была рѣшена этою полупьяной и возбужденной толпою. Писарь, устроившись на высокомъ и довольно просторномъ крыльцѣ питейнаго дома, изготовился писать приговоръ, подъ которымъ предстояло приложить руку всѣмъ бывшимъ на лицо домохозяевамъ.

Тогда вдругъ раздался яростный и раздирающій женскій крикъ, который, на минуту покрывъ собою весь шумъ сходки, заставилъ невольно вздрогнуть отъ нечаянности и писаря, и многихъ въ толпѣ.

— Христопродавцы! Іуды! Каторжники!—вопила женщина, повидимому захлебываясь отъ злобы и отчаянія. А затѣмъ въ середину круга, образованнаго сходкой, влетѣла Катерина Захаровна, вся пылающая, дрожащая, съ растерзанною на груди рубахой и космами распустившихся, встрепанныхъ волосъ. Крайніе на сходкѣ мужики, стараясь удержать «бѣшеную бабу», сорвали платокъ съ ея головы, и вообще привели костюмъ ея въ безпорядокъ; но Катерина Захаровна, съ необыкновенной силою отметнувъ ихъ въ сторону, вырвалась на самую середину.

— Іуды! Разбойники! Пропойцы!—кричала она въ дикомъ изступленіи.—Что вы затѣяли? Какъ только васъ, окаянныхъ, не разразитъ громъ небесный! Какъ вы не подохнете всѣ отъ черной немочи!..

Ошалѣлые мужики молча стояли вокругъ этой отчаянной женщины, которая, со своими сжатыми кулаками, со своимъ пылающимъ и грознымъ взоромъ, казалось, тутъ же готова была умереть, защищая дорогую семью. Но писарь переглянулся съ Терентіемъ Лупоносовымъ и, спокойнымъ тономъ замѣтивъ, что участіе женщинъ на сходѣ не допускается, приказалъ десятскому «убрать» Катерину. Это какъ бы разбудило оцѣпенѣвшую толпу. «Бѣшеная баба» выла, кусалась, царапалась, была за это, разумѣется, крѣпко бита въ свою очередь; но наконецъ ее куда-то оттащили и припрятали.

Однако впечатлѣніе, оставленное на сходкѣ ея проклятіями, было глубокое и очень тягостное... Какъ-то вдругъ притихли самые запальчивые голоса, и присмирѣли самые ярые обвинители Алексѣя Ивановича. Этимъ минутнымъ смущеніемъ толпы очень ловко воспользовался Терентій Лупоносовъ, для того, чтобы заставить себя выслушать съ должнымъ вниманіемъ. Вскочивъ на

высокое крылечко кабака, онъ снялъ шапку и въ поясъ поклонился «міру».

— Православные христіане! Дозвольте сколько-нибудь рѣчь держать,—началъ онъ своимъ обыкновеннымъ елейнымъ тономъ.

Толпа, еще не одолѣвшая смущенія, рада была новому оратору и охотно къ нему повернулась.

— Православные христіане! За что на насъ такая напасть? За что весь сходъ опорочила одна шальная баба? Да еще диви бы кто; а то изъ воровского двора сыскалась намъ уставщица! Ну, я такъ надѣюсь: не пропойцы мы и не каторжники, и не Іуды. Мать-Царица небесная! (Терентій снялъ шапку и медленно съ глубокимъ благоговѣніемъ перекрестился на церковь). Да я, можетъ, тыщу рублевъ взять не согласенъ, если напримѣръ душу за это погубить, али злодѣйство какое ни есть принять на совѣсть. Заступи, Владычица! А кто меня, можно сказать, разобидѣлъ, разорилъ въ корень воровскимъ манеромъ— вдругъ онъ же можетъ и порочить меня самыми низкими словами! Ахъ, Господи!.. Православные христіане! Не берите вы великаго грѣха на душу! Пожалѣйте своихъ дѣтокъ махонькихъ! Не дайте пропасть цѣльному міру изъ-за одного вора непутящаго!

Почти не давъ кончить Терентію Лупоносову, толпа, въ отвѣтъ на его рѣчь, разразилась неистовымъ гамомъ, и притомъ такъ, что ужъ не могло быть ни малѣйшихъ сомнѣній въ смыслѣ окончательнаго рѣшенія сходки. «Строчи, писарь, строчи!» кричали десятки голосовъ. Никто не хотѣлъ и думать о проклятіяхъ Катерины. «Чево тамъ и въ самъ-дѣлѣ!» говорили другъ другу. «Вора помиловать, а самимъ пропадать?

Однако среди общаго, еще не улегшагося волненія на высокое крыльцо кабака вскочилъ новый ораторъ. Это былъ Кузьма Савватѣевъ.

— Ребята! Погоди, дай слово сказать! — воскликнулъ онъ такимъ громовымъ голосомъ, который совершенно выдѣлился изъ общаго шума толпы и заставилъ ее нѣсколько притихнуть, хотя на одно мгновеніе.

— Ребята! Было бы вамъ вѣдомо: Алешка грозился мнѣ все Богодухово сжечь! — выпалилъ Кузьма все тѣмъ же громовымъ своимъ голосомъ, и вся толпа, какъ-то разомъ тихо ахнувши, разомъ всколыхнувшись, вдругъ замолкла, будто одинъ человѣкъ: теперь, кажется, можно было слышать не только каждое слово, но почти каждый вздохъ среди этихъ людей.

— Да, братцы! Коли, говоритъ, по моему воровству супро-

тивъ меня что-нибудь вздумають, такъ вѣдь я — говоритъ — довольно хорошо знаю, какъ мнѣ быть. Сначала, говоритъ, я въ этомъ разѣ хлѣбъ въ скирдахъ сожгу, а послѣ и все село выпалю. Во! Было бы вамъ вѣдомо; а я не потаилъ.

Тогда одинъ изъ немногихъ заступниковъ Щастнева, нѣкто Ермолай Зуйковъ — почтенный съ вида и сѣдой крестьянинъ — медленнымъ, но рѣшительнымъ шагомъ подступилъ къ Кузьмѣ Савватѣеву.

— А не врешь ты, Савватѣичъ? — твердо спросилъ онъ, упорно глядя въ глаза доносителю.

— Отсохни языкъ... Чего мнѣ врать!

— Ой ли? Такъ не врешь?

— Сказано; не вру.

— Мотри, Кузьма! Не хватить бы грѣха...

И старикъ все такъ же упорно продолжалъ глядѣть въ лицо Савватѣевичу, даже не смигнувъ ни разу своими строгими, сѣдо-бровыми глазами.

— Свою душу стереги, старый чортъ! А до моей тебѣ нѣтъ надобности, — разсердился наконецъ Кузьма.

— Такъ не врешь? И все это ты сказалъ вѣрно?

— Тьфу ты!.. Вотъ увязался!

— Потому, братъ, я Алеху Щастнева знаю давно: не станетъ онъ грозиться, не тотъ человѣкъ.

— А я тебѣ говорю, что грозился! — воскликнулъ Кузьма Савватѣевъ, начиная выходить изъ себя.

— При комъ? При тебѣ?

— При мнѣ.

— Грозился? Жечь?

— Грозился...

Кузьма Савватѣевъ начиналъ дрожать отъ сдерживаемаго бѣшенства.

— А ну, побожись? — предложилъ старикъ.

— И побожусь! Ты думаешь, напужалъ? На-жъ вотъ тебѣ!

Кузьма однимъ порывомъ сорвалъ съ головы шапку, и перекрестился на церковь.

— На, вотъ тебѣ хрёстъ на храмъ божій, подавись имъ, старый смутьянъ!

— Кѣмъ это? Хрестомъ-то? Мотри, Савватѣичъ, какъ бы тебѣ самому не пришлось подавиться.

И медленно покачавъ сѣдой головою, Ермолай Зуйковъ отступилъ отъ кабацкаго крыльца.

Клятва Кузьмы крайне смутила даже этого старика, такъ

твердо увѣреннаго въ невинности Щастнева. На остальныхъ же слушателей она произвела рѣшительно подавляющее впечатлѣніе. Крестьяне молча глядѣли другъ на друга. Нѣкоторыя изъ бабъ, собравшихся въ сторонкѣ, завыли въ голосъ.

— Чево-жъ намъ таперь дѣлать?—растерянно и безпомощно спрашивали иные.

Выручилъ опять Терентій Лупоносовъ.

— Старички почтенные! — бодро воскликнулъ онъ своимъ елейнымъ, но пронзительнымъ теноркомъ.—Пиши въ приговорѣ такъ, чтобы Алешку, по ево угрозамъ, до самой отправки судержать въ холодной при волости. Пущай ево тамъ сидитъ. А мы ево таперь въ этакомъ разѣ даже и на село не допустимъ, благо онъ сичасъ ушедши въ Краснополье. Поставимъ караулъ на дорогѣ, сцапаемъ ево—и вся не долга. Пущай потомъ грозится. Авось, Господь помилуетъ, свинья не съѣстъ.

— Вѣрно! Вѣрно! загудѣла толпа.—Ужъ таперь видно одно. Что Господь пошлетъ. Писарь, строчи, да позанозистѣй. Зѣвать видно нечево.

Писарь не счелъ нужнымъ указать сходу на незаконность его послѣдняго постановленія. А волостной старшина, Николай Ѳадѣевичъ Писаревъ, въ виду серьезныхъ обстоятельствъ дѣла, не усомнился «временно» привести въ исполненіе незаконную часть крестьянскаго приговора.

Алексѣй Ивановичъ очутился подъ замкомъ.

XVI.

Вечеромъ двадцать-перваго августа, повидимому въ самый моментъ своего окончательнаго торжества, Алексѣй Ивановичъ, уже возвращаясь отъ «знающаго человѣка», со вводнымъ листомъ и прошеніемъ къ «мировому» въ рукахъ — вдругъ былъ схваченъ на самой околицѣ Богодухова, руки его туго связаны веревками, вводный листъ вмѣстѣ съ прошеніемъ отобраны (и затѣмъ представлены въ волость «для сохранности»), а самъ онъ, на положеніи «рестанта», препровожденъ въ «холодную», при чемъ, конечно, не поскупились объявить ему и о разразившемся надъ нимъ страшномъ приговорѣ родного села.

Когда Алексѣй Ивановичъ, сидя наединѣ съ самимъ собою въ своей тѣсной и грязной каморкѣ, нѣсколько опомнился отъ постигшаго его нежданнаго громового удара, онъ скоро пришелъ къ тому заключенію, что для него теперь все и навсегда кон-

чено: жизнь оказывалась разбитой сразу, безповоротно и безнадежно... Что могъ онъ предпринять, сидя подъ замкомъ, противъ жестокаго приговора сходки? Да и на свободѣ даже, могъ ли онъ измѣнить этотъ приговоръ, могъ ли избѣжать его ужасающихъ послѣдствій? Къ чему послужилъ бы ему теперь вводный листъ, хотя бы находился въ его рукахъ? Но и вводный листъ—такъ дорого стоившій, такъ страстно желанный—попалъ прямо въ волость, то-есть, къ тому же Писарьку, противъ котораго онъ былъ единственнымъ и злѣйшимъ оружіемъ... Можно ли кому-нибудь жаловаться? Можно ли просить защиты? Алексѣй Ивановичъ этого не зналъ. Но на кого же, впрочемъ, жаловаться-то? Не на Лупоносова же, не на Кузьму! Дѣйствовалъ весь «міръ»—такъ и жаловаться надо на весь міръ. Но развѣ это статочное дѣло? Притомъ же, справедливо или несправедливо, однако міръ несомнѣнно поступилъ по данному ему праву: Алексѣй Ивановичъ очень хорошо зналъ нѣсколько случаевъ, когда людей ссылали въ Сибирь безо всякаго суда, единственно на основаніи подобныхъ же мірскихъ приговоровъ. Слѣдовательно эти приговоры — законны! Слѣдовательно всякія жалобы ни къ чему не поведутъ... Да и какъ жаловаться, если сидишь подъ замкомъ, и будешь такъ сидѣть все время, пока не распорядятся «угнать вовсе»!.. Куда угнать?

Алексѣй Ивановичъ то молча, то съ глухими стонами въ сотый и въ тысячный разъ переворачивалъ въ головѣ своей подобныя мысли; но окончательно приходилъ только къ одному заключенію, что «ужъ таперь ждать нечево», что «лучше бы Господь избавилъ отъ этой жисти», потому что «кажной кошкѣ или собакѣ—и тѣмъ много легче».

На бѣду и «рябая Катюха», навѣщавшая мужа въ первые два дня его заключенія, затѣмъ вдругъ исчезла: «отыскивать пошла по начальству», какъ объяснилъ Щастневу его старшій сынъ, явившійся на мѣсто матери. Однако и посѣщеніе этого мальчика не принесло ни малѣйшей радости бѣдному Алексѣю Ивановичу; потому что отъ сына онъ слышалъ только объ окончательномъ и безпощадномъ разореніи своего еще недавно благоустроеннаго двора. Все пошло прахомъ. Работать некому и не на чемъ; полторы десятины озимаго поля до сихъ поръ не засѣяны, да врядъ ли и придется ихъ сѣять-то... Хлѣба набрали всего девять копенъ, потому что большая часть его продана еще на корню, для покрытія расходовъ по купчей. Съ новаго года, значитъ, придется покупать хлѣбъ—а на какія деньги? Въ домѣ ужъ не осталось ни ложки, ни плошки. Всему семейству не-

избѣжно предстоитъ голодъ, холодъ и окончательное обнищаніе. А его, Щастнева — главу и единственнаго работника въ этомъ семействѣ — пожалуй, еще и до новаго года погонять въ чужую, дальнюю сторону, невѣдомо зачѣмъ, невѣдомо за что.

На пятый день заключенія, неожиданно удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ—самъ Николай Ѳадѣевичъ Писаревъ.

На этотъ разъ, впрочемъ, въ лицѣ Николая Ѳадѣевича не было даже слѣдовъ той добродушной веселости и льстиво - ласковой улыбки, которыя были такъ свойственны этому лицу въ обыкновенное время. Николай Ѳадѣевичъ напротивъ былъ строгъ и пасмуренъ; а къ предмету своего посѣщенія приступилъ прямо, безъ всякихъ предисловій и подходовъ.

— Ну!—обратился онъ къ Алексѣю Ивановичу. — Я вѣдь тебѣ говорилъ, что если ты пойдешь противъ меня, такъ и я тебя не помилую... Что? Какъ? Вышло по моему, ай нѣтъ? Довольно съ тебя?

Алексѣй Ивановичъ только смолчалъ на это, слегка опустивъ голову и стараясь глядѣть въ сторону своими заблестѣвшими глазами.

— Теперь слушай меня хорошенько, да въ послѣдній разъ! Что я сдѣлалъ, то могу и передѣлать — понимаешь? Богъ съ тобой; поучилъ тебя, а губить не хочу, чтобъ грѣха не брать на душу... Соглашайся, какъ я тебѣ прежде говорилъ, на счетъ, то-есть, Мокрецовъ; поѣдемъ въ губернію, совершимъ купчую, и Богъ съ тобой: получи все свое до копѣйки, я тебѣ даже денежки не сбавлю съ того, что̀ обѣщалъ. Видно ужъ прощать, такъ прощать... А мужицкій этотъ приговоръ я похерю вовсе, въ томъ будь спокоенъ... Но помни! Это мое послѣднее слово и въ послѣдній разъ. А заартачишься...

Николай Ѳадѣевичъ докончилъ свою фразу весьма выразительнымъ жестомъ, которымъ наглядно изобразилъ, что его противникъ, въ случаѣ упорства, будетъ раздавленъ, какъ надоѣдливое насѣкомое.

— Только мокренько станетъ! — прибавилъ Писаревъ даже на словахъ, для большей ясности.

Неизвѣстно, что̀ именно отвѣтилъ бы Алексѣй Ивановичъ... Скорѣе всего повалился бы въ ноги Николаю Ѳадѣевичу, въ знакъ покорности и согласія. Но подъ единственнымъ окошкомъ холодной, вдругъ раздался громкій, негодующій голосъ Катюхи.

— Иванычъ! Иванычъ! Не слухай его, разбойника, антихриста!

И когда Щастневъ, вздрогнувъ при первомъ же звукѣ этого

голоса, торопливо подскочилъ къ окну—передъ нимъ повалилась земнымъ поклономъ его вѣрная Катерина.

— Иванычъ! А, Иванычъ! Постой ты за своихъ дѣтокъ малыихъ; не дай ты ихъ въ обиду разбойнику - разорителю, не попусти ты вору-грабителю!

Уразумѣвъ, что въ настоящую минуту онъ ужъ ничего не добьется отъ Щастнева, Николай Ѳадѣевичъ поспѣшилъ закончить свою бесѣду.

XVII.

Между тѣмъ, положеніе Николая Ѳадѣевича было далеко не изъ легкихъ, и съ каждымъ днемъ становилось даже все болѣе затруднительнымъ. Катерина Захаровна дѣйствовала съ неутомимымъ упорствомъ и съ самою отчаянной смѣлостью, ни мало не смущаясь ни ласковыми увѣщаніями, ни начальственнымъ окрикомъ тѣхъ лицъ, которымъ она успѣла надоѣсть и своей особой, и своими неотступными мольбами. Благодаря ея назойливости, мѣстное присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ очень скоро командировало своего непремѣннаго члена въ Богодуховку для производства дознанія на мѣстѣ и провѣрки крестьянскаго приговора. Разумѣется, это нисколько не испугало Николая Ѳадѣевича. Приговоръ былъ составленъ вполнѣ правильно законною сходкой, и безъ всякаго явнаго участія или подговоровъ со стороны кого-либо изъ лицъ, не принадлежащихъ къ богодуховскому «міру». Относительно «временного ареста», которому подвергся Алексѣй Ивановичъ, Писарекъ поспѣшилъ заручиться словеснымъ одобреніемъ самого предводителя дворянства. Предводитель, хотя и зналъ очень хорошо незаконность подобной мѣры, но считалъ себя обязаннымъ, на свой страхъ, охранить богодуховцевъ отъ опасной мести ихъ неукротимаго односельца. Такимъ образомъ, въ случаѣ надобности, дѣло Алексѣя Иванова Щастнева можно бы было повернуть очень рѣзко и круто. Но затрудненіе Писарька именно въ томъ и состояло, что онъ вовсе не желалъ подобнаго поворота. И въ самомъ дѣлѣ, для него вопросъ былъ вовсе не въ ссылкѣ — что въ ней толку? — но въ томъ, чтобы вырвать изъ его рукъ легальное владѣніе Мокрецами. А ради этого нужно было имѣть: во-первыхъ, время, а во-вторыхъ, возможность, въ случаѣ надобности, спасти Щастнева отъ послѣдствій сельскаго приговора. И въ такихъ-то обстоятельствахъ «бѣшеная баба» — какъ прозывалъ Писарекъ энергическую Катерину Захаровну — точно на зло, торопила всѣхъ

и каждаго, не давая дѣлу заснуть ни на одинъ денекъ, металась во всѣ стороны, и только все крѣпче да крѣпче затягивала петлю на шеѣ своего несчастнаго мужа.

Въ неугомонныхъ поискахъ за «праведнымъ судомъ», она прежде всего обратилась къ тому «мировому», который нѣкогда такъ ласково принялъ Алексѣя Иванова, и защитилъ его вопреки всѣмъ кознямъ Писарька. Но Щемятевъ, внимательно выслушавъ патетическій разсказъ Катерины Захаровны, только объяснилъ ей, что подобныя дѣла вовсе не вѣдаются мировымъ судомъ, и посовѣтовалъ обратиться къ предводителю дворянства, который предсѣдательствуетъ въ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ. Впрочемъ, Александръ Васильевичъ въ сущности не ограничился однимъ этимъ наставленіемъ. Не по оффиціальной своей обязанности, но по принципу, онъ обыкновенно старался узнать все, что̀ творится въ районѣ его мирового участка, чтобы въ вопросахъ права подать руку помощи всякому, насколько это возможно въ предѣлахъ справедливости; поэтому онъ навелъ нѣкоторыя справки и по дѣлу Алексѣя Иванова Щастнева. Однако, узнавъ о несомнѣнномъ противъ нашего героя озлобленіи крестьянъ и объ угрозахъ его сжечь родное село—судья порѣшилъ воздержаться отъ какого бы то ни было вмѣшательства. Онъ считалъ это тѣмъ болѣе благоразумнымъ, что предводителемъ дворянства въ уѣздѣ былъ господинъ стараго закала, но не глупый, по своему добросовѣстный, и въ самомъ дѣлѣ, искренно расположенный къ добру; а слѣдовательно, и дѣло Щастнева попадало въ благонадежныя руки.

На предводителя убѣжденная рѣчь, горячія мольбы Катерины Захаровны произвели впечатлѣніе. Но, какъ человѣкъ, довольно пожившій на свѣтѣ, убѣленный сѣдиною и очень осторожный, онъ, конечно, не далъ этого замѣтить просительницѣ, а просто пообѣщалъ произвести основательную провѣрку всѣхъ обстоятельствъ дѣла, и затѣмъ—«сдѣлать что можно». Зато непремѣннаго члена, которому предстояло лично побывать въ Богодуховѣ, онъ просилъ обратить особое вниманіе на роль, какую игралъ въ этомъ дѣлѣ мѣстный волостной старшина, т.-е. Писарекъ; потому что, по словамъ Катерины Захаровны, именно Писарекъ выходилъ лютымъ врагомъ ея ни въ чемъ неповиннаго мужа и главнымъ зачинщикомъ всѣхъ оказанныхъ ему несправедливостей.

Разумѣется, богодуховское дознаніе дало результаты, только самые неудовлетворительные для Щастневыхъ. Въ правильности составленія приговора нельзя было и сомнѣваться; а съ особен-

ною яркостью выяснилась полнѣйшая безучастность во всемъ дѣлѣ Писарька—того самаго Писарька, въ котораго такими громами и молніями метала Катерина Захаровна. Внимательно выслушавъ подробный разсказъ непремѣннаго члена, предводитель даже досадливо нахмурилъ брови и про себя подумалъ: «Вѣдь вотъ чортова баба, чего только не наплела. Вѣрь имъ послѣ этого!»

Однако «чортова баба» отнюдь не унялась. Нѣтъ! Она снова и снова являлась къ предводителю, разъ цѣлый день поджидала его за воротами его же собственной усадьбы, и когда наконецъ добилась своего, т.-е. была принята начальствомъ—хотя и крайне сухо—то заговорила въ такомъ тонѣ, съ такими безумными взрывами отчаянія, что рѣшительно еще разъ пошатнула душевное спокойствіе уѣзднаго сановника.

Въ дознаніи непремѣннаго члена оказывались кое-какія неясности, «упущенія», какъ мысленно назвалъ ихъ теперь предводитель дворянства. Напримѣръ, такъ и осталось неизвѣстнымъ, дѣйствительно ли между Писарькомъ и Щастневымъ существуетъ споръ о правѣ владѣнія значительнымъ участкомъ земли. А подобное обстоятельство не могло быть признаваемо безразличнымъ, коль скоро заявлено подозрѣніе въ тайныхъ подстрекательствахъ сходки со стороны Писарька. Впрочемъ, и самая сходка не вполнѣ единодушно отнеслась къ Щастневу: были у него свои защитники, даже довольно упорные (при производствѣ дознанія это послѣднее обстоятельство постарался выставить на видъ самъ же Николай Ѳадѣевичъ—на всякій случай и съ извѣстною намъ цѣлью); слѣдовательно сомнѣнія въ порочности и вредности Щастнева—еще возможны, даже между людьми, близко его знающими. Однако, всего болѣе подѣйствовалъ на предводителя разсказъ Катерины Захаровны о томъ, будто Писарекъ разъ уже взводилъ на ея мужа ложное обвиненіе въ воровствѣ; но у мирового судьи Щемятева дѣло кончилось не только полнымъ оправданіемъ Щастнева, а и посрамленіемъ его обвинителя. Разспросивъ о подробностяхъ этой исторіи, предводитель нѣсколько задумался, объявилъ просительницѣ, что справится у мирового судьи, насколько правдивъ ея разсказъ, и затѣмъ — «посмотритъ, какъ быть дальше».

Дѣйствительно, на слѣдующій же день предводитель отправилъ къ Александру Васильевичу Щемятеву частное письмецо, на которое тотъ отвѣчалъ нѣсколькими строками, очень любезными, да приложеніемъ оффиціальной копіи со своего рѣшенія по дѣлу о кражѣ лошади Писарька, а также и копіи съ пе-

которыхъ свидѣтельскихъ показаній, въ томъ видѣ, какъ они были записаны въ судебномъ протоколѣ. Предводитель внимательно прочиталъ эти документы. Не совсѣмъ-то онъ былъ увѣренъ въ правильности рѣшенія судьи, такъ какъ «Щастневъ все-таки„ что ни говори, былъ застигнутъ съ поличнымъ». Но и нежеланіе Писарька перенести дѣло въ съѣздъ, его собственноручно подписанное «удовольствіе»—не могли не казаться странными...

Долго расхаживалъ предводитель по своему кабинету, покряхтывая съ очень недовольнымъ видомъ: приходилось принять непріятное для себя рѣшеніе. Однако—еще разъ повторяю: онъ былъ человѣкъ благонамѣренный — непріятное рѣшеніе состоялось. Катеринѣ Захаровнѣ, которая являлась чуть не ежедневно, было объявлено, что въ виду нѣкоторыхъ неясностей и неполноты перваго дознанія, самъ предводитель дворянства произведетъ таковое вторично, для чего пріѣдетъ въ Богодухово, но не ранѣе, чѣмъ черезъ три недѣли, потому что по неотложной надобности завтра же выѣзжаетъ въ Петербургъ. Катерина, выслушавъ это, повалилась начальству въ ноги; а вопросъ такимъ образомъ на время остался въ нерѣшенномъ видѣ.

Впрочемъ, и новое дознаніе не спасло Алексѣя Ивановича. Правда, въ отношеніяхъ къ нему Писарька кое-что оказалось неблаговиднымъ для почтеннаго Николая Ѳадѣевича, и вызвало хмурое замѣчаніе начальства. Однако, что есть общаго между жадностью или захватами старшины—и поведеніемъ самого Щастнева? Невозможно вѣдь отрицать, что свои же односельцы обвиняютъ его въ частыхъ воровствахъ, въ угрозахъ поджигательства, и совершенно искренно желаютъ изгнать изъ своей среды столь порочнаго члена. Конечно, всѣ эти розсказни и обвиненія вовсе не имѣютъ силы юридическаго доказательства: явныхъ уликъ не было. Однако, вѣдь и право крестьянъ приговаривать своихъ членовъ къ ссылкѣ установлено закономъ именно на тотъ случай, когда сельская община считаетъ необходимымъ удалить изъ своей среды вреднаго члена, помимо всякихъ юридическихъ уликъ и доказательствъ; потому что завѣдомый воръ или поджигатель бываетъ иной разъ такимъ виртуозомъ своего дѣла, что очень долго или, пожалуй, вовсе не попадаетъ въ цѣпкія руки правосудія.

Предводитель много и часто покачивалъ головой съ очень недовольнымъ видомъ, задумывался; однако, въ концѣ-концовъ рѣшилъ, что онъ по совѣсти не имѣетъ права, въ силу кое-какихъ ничтожныхъ сомнѣній, навязать богодуховцамъ опасность

быть обокраденными или даже подожженными. Пускай дѣлают
какъ хотятъ, они въ своемъ правѣ; лишь бы они пользовалис
этимъ правомъ не по чужому, а по собственному желанію. Н
именно въ послѣднемъ-то обстоятельствѣ и не встрѣчалось, по
видимому, уже никакихъ сомнѣній; слѣдовательно...

Впрочемъ, предводитель, окончивъ дознаніе, объявилъ Кате
ринѣ Захаровнѣ, что обо всемъ узнанномъ онъ сообщитъ при
сутствію по крестьянскимъ дѣламъ, и тамъ ужъ окончатель
рѣшатъ дѣло общимъ совѣтомъ.—Приходи—добавилъ онъ—посл
завтра въ городъ, вечеромъ: узнаешь»...

Но Катерина отлично поняла, что въ глазахъ предвод
теля дѣло ея мужа — проиграно. Постарался на этотъ ра
и Писарекъ, окончательно потерявшій надежду на «сдѣлку
душѣ», обставить показанія крестьянъ такимъ образомъ, что
для Щастнева не могло быть спасенія. Это удалось Никол
Ѳадѣевичу, какъ нельзя лучше. Онъ подумывалъ теперь, что
ссылкою Алексѣя Иванова, можно будетъ попытаться замѣн
легальное пріобрѣтеніе Мокрецовъ простымъ удержаніемъ и
въ своей власти, удержаніемъ на возможно долгое время;
тамъ—«видно будетъ». Катюха, ревностно слѣдившая за вс
перипетіями дознанія, не могла не видѣть, къ какимъ вывод
неминуемо долженъ придти предводитель. Его короткое и су
сообщеніе передъ отъѣздомъ явилось только подтвержденіемъ
чальной догадки. Теперь никакихъ сомнѣній ужъ не оставал
черезъ день Алексѣй Ивановичъ будетъ вычеркнутъ изъ спи
богодуховскихъ крестьянъ, вычеркнутъ безповоротно, навсег
дѣти его сдѣлаются сиротами, сама Катюха—одинокой, бе
мощной вдовой среди въ конецъ разореннаго хозяйства...

Въ своемъ отчаяніи, какъ загнанный звѣрь, не знающій, ку
еще броситься, она побѣжала къ Александру Васильевичу Щ
мятеву. Зачѣмъ? Вѣдь мировой судья прямо и рѣшительно об
явилъ ей, что въ подобныхъ дѣлахъ никакой власти не имѣет
да потомъ тоже самое подтвердили ей и другія лица. Такъ
чѣмъ же? Катерина Захаровна, можетъ быть, и сама не ум
бы отвѣтить на подобный вопросъ. Но вѣдь и идти-то боль
некуда, не къ кому. Все испытано, вездѣ побыто и всѣ пр
шены. Господи! Неужто такъ-таки нѣтъ больше никакой н
дежды? Да гдѣ же правда-то на свѣтѣ!?..

Щемятевъ принялъ Катерину Захаровну ласково, но серьез
Увы! Передъ этимъ добрымъ человѣкомъ, какъ передъ кам
нымъ утесомъ, разбились всѣ ея моленія, всѣ жалобы, всѣ кля
и слезы. Ея безумное горе, повидимому, даже не тронуло

каменнаго спокойствія. Онъ не захотѣлъ и притвориться, пообѣщать хоть для вида. Нѣтъ! Узнавъ, что дознаніе было произведено два раза, прежде непремѣннымъ членомъ, а затѣмъ самимъ предводителемъ дворянства, онъ только съ удивленіемъ вскинулъ глазами на Катерину Захаровну. «Чего же вы отъ меня хотите? —сказалъ онъ серьезно:—Я, пожалуй, еще могъ бы похлопотать о пересмотрѣ дѣла, будь оно неясно; но теперь, когда крестьянскому присутствію хорошо извѣстны всѣ подробности,—что я могу для васъ сдѣлать?» Затѣмъ на новыя горячія объясненія Катерины Захаровны онъ уже отвѣтилъ еще серьезнѣе и даже нѣсколько сурово. «Просить, вопреки всему что открылось на дознаніи,—говорилъ онъ,—то-есть, просить за виноватаго и противъ справедливости — этого я никогда не дѣлалъ и не сдѣлаю».

Такимъ образомъ, Катерина Захаровна, ничего не вымоливъ у Щемятева, побѣжала отъ него въ уѣздный городъ, въ крестьянское присутствіе, гдѣ по словамъ предводителя должна была рѣшиться судьба ея семейства. Однако, сама того не подозрѣвая, она въ одномъ по крайней мѣрѣ отношеніи повліяла на мирового судью. Изъ ея объясненій Александръ Васильевичъ впервые узналъ, что Щастневъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ содержится подъ арестомъ. Такой арестъ былъ совершеннымъ произволомъ со стороны крестьянскихъ властей, и мировой судья, въ силу закона, обязанъ былъ тотчасъ освободить плѣнника собственной властью. Александръ Васильевичъ былъ далеко не формалистъ, и вовсе не ставилъ букву выше смысла. Поэтому и въ настоящемъ случаѣ онъ тотчасъ рѣшилъ не заводить никакой исторіи, непріятной для предводителя, съ согласія котораго, и очевидно не безъ серьезныхъ основаній, состоялся арестъ. Но съ другой стороны мировой судья не считалъ себя въ правѣ уклониться отъ своей прямой обязанности. Дилемму эту онъ рѣшилъ такимъ образомъ: тотчасъ же лично отправился въ Краснополье, приказалъ выпустить арестанта, но дальнѣйшаго хода своему вмѣшательству не далъ, и даже не составилъ никакого протокола, принявъ такое упущеніе на свой личный страхъ и отвѣтственность. Предводителя онъ извѣстилъ о своемъ поступкѣ только коротенькой и дружелюбной запиской. Но это, повидимому, счастливое событіе только повергло Алексѣя Ивановича въ новую пучину бѣдствій матеріальныхъ и мученій нравственныхъ.

Въ Богодуховѣ жены онъ не засталъ дома: она весь день продежурила въ уѣздномъ городѣ, передъ закрытыми дверями крестьянскаго присутствія. Не вернулась она и къ ночи, такъ

что Алексѣй Ивановичъ съ дѣтьми легъ спать въ ея отсутствіе... И вотъ около двухъ часовъ утра его разбудилъ сильный шумъ на улицѣ, да какой-то странный свѣтъ, блестѣвшій въ окна. Вскочивъ съ палатей, Алексѣй Ивановичъ поспѣшно бросился на дворъ. Тогда глазамъ его представилась грозная картина. Въ полуверстѣ отъ Богодухова, горѣлъ Верхній Хуторъ, то-есть усадьба Николая Ѳадѣевича Писарька. Всѣ довольно обширныя постройки пылали какъ-то разомъ, и притомъ съ такой необычайной силой, что, не смотря на очень легкій вѣтеръ, искры съ пожарища доносились къ самому Богодухову. Далеко, далеко разстилался по вѣтру гигантскій и свѣтящійся хвостъ дыма. А на богодуховской улицѣ, вопреки темнѣйшей и безлунной ночи, люди легко узнавали другъ друга издали. Поэтому Алексѣй Ивановичъ былъ не мало удивленъ, вдругъ увидавъ, совсѣмъ возлѣ себя, въ воротахъ двора—свою Катерину Захаровну: она словно изъ-подъ земли выросла, такъ неожиданно было ея появленіе.

— Катюха!—воскликнулъ онъ.—Ты-жъ откуда взялась?

— Изъ уѣзда. Всю ночь шла...

Зубы ея постукивали, голосъ дрожалъ; очевидно бѣдная женщина очень озябла. Не мудрено: начинался ноябрь, по обычаю сырой и холодный.

Къ утру во всемъ Богодуховѣ только и говорили, что о пожарѣ Верхняго Хутора. Оказывался несомнѣнный поджогъ, и притомъ съ трехъ сторонъ разомъ... Писарекъ понесъ очень значительные убытки. Хотя строенія были застрахованы, но сгорѣли не одни постройки, а рѣшительно все: хлѣбъ въ ометахъ, хлѣбъ въ амбарѣ, сѣно, скотъ, мебель, цѣнныя вещи и даже часть денегъ. Жившіе въ домѣ едва успѣли выскочить изъ огня, почти въ однихъ рубашкахъ, и то не безъ затрудненія; потому что обѣ выходныя двери, были, какъ оказалось, приперты кольями снаружи. Къ счастію во-время замѣтилъ это одинъ изъ рабочихъ.

Подозрѣніе въ поджогѣ Николай Ѳадѣевичъ заявилъ тотчасъ же на Щастневыхъ. А судебный слѣдователь нашелъ это заявленіе настолько правдоподобнымъ, что тотчасъ же распорядился обоихъ Щастневыхъ,—и мужа, и жену—подвергнуть предварительному заключенію въ тюрьмѣ.

XVIII.

Судебное слѣдствіе по обвиненію Щастневыхъ въ поджогѣ производилось съ необычайной медленностью; можетъ быть, именно потому, что ни одной прямой улики не оказалось, а пришлось подбирать цѣпь юридическихъ доказательствъ по звенышку, причемъ и звенья-то эти спаивались между собою весьма искусственно и съ видимой натяжкой. Чуть ли не главными доводами обвиненія были: «завѣдомая порочность» Алексѣя Иванова, его враждебное отношеніе къ Писарьку и доказанное ночное отсутствіе Катерины Захаровны, вполнѣ совпавшее съ моментомъ поджога. Однако, доказаннымъ же являлось и то обстоятельство, что весь день, предшествовавшій пожару, до поздняго вечера, обвиняемая провела въ уѣздномъ городѣ. Правда, уходя въ обратный путь около девяти часовъ, она, конечно, имѣла затѣмъ полнѣйшую возможность и поджечь Верхній Хуторъ, и оказаться дома къ двумъ часамъ утра. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Простая возможность еще не есть доказательство. Притомъ кто въ деревнѣ, опредѣляющей время «по солнышку», могъ съ точностью указать часъ возвращенія Катерины Захаровны? А если-бъ и такъ, если-бъ и можно было установить внѣ всякихъ сомнѣній, что она дѣйствительно вернулась домой часомъ или даже двумя позднѣе, чѣмъ слѣдовало ожидать—все-таки это очень мало помогло бы обвиненію. Развѣ не могла она—женщина, измученная нравственно и физически—отдохнуть по дорогѣ? Вѣдь до города-то двадцать-пять верстъ! Развѣ нельзя допустить, и съ большою вѣроятностью, что она шла очень медленно, еле плелась, что называется? А темнѣйшая ноябрьская ночь? Да вѣдь одна подобная непроглядная темень могла самымъ естественнымъ образомъ замедлить возвращеніе Катерины Захаровны на цѣлый часъ или больше. Что же затѣмъ останется отъ мнимаго совпаденія съ моментомъ поджога? Не лучше помогла обвиненію и «завѣдомая порочность» Алексѣя Иванова. Она, конечно,—не доказательство; но все-таки на ней можно было бы построить много громовъ прокурорскаго краснорѣчія передъ присяжными. Однако, случились обстоятельства, которыя вдругъ и очень существенно измѣнили отношеніе богодуховцевъ къ Щастневымъ, такъ что предполагаемый ихъ будущій защитникъ простымъ опросомъ свидѣтелей могъ бы превратить въ ничто всѣ прокурорскіе громы. Во-первыхъ, умеръ Кузьма Савватѣевъ; умеръ скоропостижно, ударомъ, вдругъ лишившись языка, сознанія, и страшно поси-

нѣвъ лицомъ. По этому случаю напуганная жена его, съ воемъ и слезами, «винилась» передъ всей деревней, будто бы такая смерть послѣдовала Савватѣичу за клятву, которою онъ напрасно оговорилъ Щастнева въ угрозахъ поджечь село. «Николи ему Алеха не сугрожалъ,—объясняла печальная Домна,—а совралъ онъ такъ-ту со зла, не въ себѣ бымши. Вотъ Господь-то и того...» Домна принималась плакать; а народъ, все прибывавшій, со страхомъ и волненіемъ въ десятый разъ слушалъ ея исповѣдь. Вторымъ событіемъ, хотя не столь сильно взволновавшимъ село, но еще болѣе полезнымъ для репутаціи Алексѣя Ивановича — была неожиданная встрѣча Терентія Лупоносова съ украденною у него лошадью. Онъ призналъ ее на базарѣ въ губернскомъ городѣ; а затѣмъ полицейскими мѣропріятіями очень скоро разысканъ былъ истинный и на этотъ разъ несомнѣнный виновникъ пропажи: давно извѣстный конокрадъ. Такимъ образомъ, доброе имя Алексѣя Ивановича было возстановлено, и отношеніе къ нему богодуховцевъ круто измѣнилось. Такому рѣзкому повороту помогъ отчасти и самъ Писаревъ. Заручившись крестьянскимъ приговоромъ о ссылкѣ Щастнева и выждавъ утвержденіе этого приговора подлежащимъ начальствомъ, онъ счелъ совершенно излишнимъ дальнѣйшее заигрываніе съ богодуховцами; уступчивость его вдругъ исчезла. Напротивъ, раздраженный крупными убытками отъ пожара и желая поскорѣе наверстать ихъ, сколько возможно, Николай Ѳадѣевичъ такъ притиснулъ своихъ обычныхъ данниковъ, что по всему Богодухову только стонъ пошелъ.

Къ счастію или несчастію для обвиняемыхъ Алексѣя Ивановича и Катерины Захаровны, товарищъ прокурора, которому предстояло громить ихъ передъ присяжными, былъ человѣкъ съ нѣкоторыми особенностями въ характерѣ. Онъ всячески добивался повышенія, карьеры, и потому считалъ личною для себя обидою, или даже явною несправедливостью судьбы, каждое проигранное имъ дѣло. Ему хотѣлось, чтобы всѣ говорили: «Ну, гдѣ Козловскій обвиняетъ, тамъ оправдательнаго приговора нѣтъ и быть не можетъ». Легко поэтому заключить, какимъ непріятнымъ казалось товарищу прокурора дѣло Щастневыхъ: изучивъ его внимательно, Козловскій убѣдился, что выиграть такое дѣло, то-есть раздавить и уничтожить обвиняемыхъ — крайне трудно. Репутація чрезвычайной умѣлости будущаго свѣтила легко могла пострадать. Напрасно приставалъ Козловскій къ судебному слѣдователю, прося его дополнить слѣдствіе то тѣмъ, то другимъ дознаніемъ; напрасно требовалъ новыхъ фактовъ и новыхъ свидѣтелей, подмѣчалъ какія-то «упущенія»... Увы! Упущенія все

поднялись — но ничего изъ этого не выходило. Наконецъ, съ отчаянія, Козловскій попросилъ произвести послѣдній очень извѣстный, но довольно часто удающійся, экспериментъ. Алексѣй Ивановъ приглашенъ былъ къ слѣдователю, и тутъ ему объявлено, чтобы онъ, если хочетъ пощады, долѣе не запирался, а разсказалъ все съ полной откровенностью, потому что жена его все равно повинилась въ поджогѣ.

— Повинилась!—воскликнулъ пораженный Щастневъ.—Повинилась-таки, не выдержала... Ахъ, бѣдная Катюха! Сама надъ собой — и что подѣлала! Чуяло-таки мое сердце, быдто какъ ейныхъ рукъ это дѣло; не миновать, что ейныхъ...

И на глазахъ Алексѣя Ивановича вдругъ выступили слезы.

— Шабашъ таперича!—заключилъ онъ.—А какая работница-то была—золотая, истинно! Опять же разумница, покорливая... Ахъ, Катюха, Катюха! Чего надъ собою сдѣлала!

Щастневъ рыдалъ уже на-взрыдъ.

— А вы почему же догадывались, что это ея рукъ дѣло? —мимоходомъ и какъ бы совсѣмъ не придавая значенія своимъ словамъ, спросилъ слѣдователь.

— Ея! Ея! Прямо сказать, не кому больше. Очень ужъ на на его злобилась въ ту пору, на Писарька-то.

— А вамъ она повинилась?

— Нѣ, заперлась тогда; знала, что не похвалю, — грустно вымолвилъ Алексѣй Ивановичъ, и опять горько заплакалъ.—На кого теперь дѣточки останутся?!

Это не могло быть притворствомъ. Слѣдователь понялъ, что его послѣдняя карта убита. Притомъ же онъ вовсе не имѣлъ интереса топить невинныхъ людей; а потому прямо пришелъ къ заключенію, что дѣло Щастневыхъ необходимо прекратить, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было уликъ виновности.

Прокурорскій товарищъ съ радостью, обѣими руками, подписался подъ такимъ мнѣніемъ, потому что оно спасало его отъ вѣроятной неудачи передъ присяжными.

Двадцать-перваго февраля Щастневы были выпущены изъ тюрьмы на полную свободу. Но утвержденный крестьянскимъ присутствіемъ приговоръ о ссылкѣ все еще висѣлъ надъ головою Алексѣя Ивановича; «мѣста отдаленныя» приближались.

Худо встрѣтилъ Щастневыхъ ихъ родной домъ. Въ нетопленной, невыметенной и грязной избенкѣ, на длинномъ столѣ, лежало мертвое тѣло второго ихъ сына, мальчика десяти лѣтъ, который перебивался кое-какъ подаяніемъ, и въ то же утро найденъ былъ замерзшимъ, въ полуверстѣ отъ усадьбы Александра

Васильевича Щемятева. Младшая сестренка этого мальчика, дѣвочка лѣтъ семи, Наташа, умерла мѣсяцемъ ранѣе его, хотя въ избѣ и, повидимому, отъ болѣзни («очень ужъ кашляла, надрывалась—кашляла!» разсказывали сосѣди), однако вѣрнѣе, что просто съ голоду и съ холоду. Въ живыхъ остался только старшій сынъ, который былъ ужъ настолько великъ, что могъ изъ-за хлѣба наняться въ работники къ какому-то крестьянину.

Александръ Васильевичъ, на землѣ котораго найденъ былъ замерзшій Андрюша, конечно, узналъ объ этомъ одинъ изъ первыхъ. Въ душѣ онъ даже попрекнулъ себя за то, что, извѣстившись о заключеніи Щастневыхъ въ тюрьму, не подумалъ справиться, есть ли у нихъ маленькія дѣти и какъ эти малютки пристроены на зимнее время. Въ ушахъ его еще звенѣлъ отчаянный голосъ Катерины Захаровны, которая съ такою страстностью молила его сжалиться если не надъ ней, не надъ мужемъ, то хоть надъ ея невинными малютками. «Что-жъ имъ, гдѣ ни есть подъ заборомъ помирать, ровно псамъ бродячимъ?» —спрашивала бѣдная мать. Это ея восклицаніе вспомнилось теперь Александру Васильевичу. «Да!» подумалъ онъ съ какимъ-то острымъ уколомъ въ сердце. «Только тамъ, гдѣ его нашли, и забора вовсе нѣтъ: одно чистое поле... А вѣдь у меня тоже дѣти» — и порѣшилъ сейчасъ же справиться о другихъ дѣтяхъ Щастнева, если таковыя окажутся. Ради этого онъ лично поѣхалъ въ Богодухово. Разумѣется, помощь его оказалась излишнею: старшій сынъ не нуждался ни въ теплѣ, ни въ хлѣбѣ, а для маленькой дѣвочки людское милосердіе приспѣло слишкомъ поздно: объ ней ужъ позаботился самъ Господь Богъ.

Зато Александръ Васильевичъ очень радъ былъ полученнымъ извѣстіямъ объ освобожденіи обвиняемыхъ; но онъ вовсе не считалъ дѣло поконченнымъ: надо еще было, во что бы то ни стало, отмѣнить приговоръ о ссылкѣ, утвержденный крестьянскимъ присутствіемъ. Съ этой цѣлью Щемятевъ побывалъ у предводителя дворянства, а затѣмъ и у губернатора, который на первыхъ порахъ принялъ его довольно кисло и слушалъ только въ полъ-уха: этотъ сановникъ огорченъ былъ нѣкоторой независимостью мнѣній Александра Васильевича, и тѣмъ что послѣдній—un homme comme il faut et de bonne famille—не выказывалъ особенной склонности къ личному сближенію съ нимъ, начальникомъ губерніи, и его семействомъ. Тѣмъ не менѣе, когда губернаторъ узналъ, что дѣло идетъ о томъ самомъ крестьянинѣ, которому князь Убромскій лично подарилъ значительный участокъ земли—онъ не замедлилъ прійти въ священный ужасъ.

Какъ! Его сіятельство самъ лично интересуется Щастневымъ, и его — подъ носомъ у губернатора — сплавляютъ въ Сибирь, по какому-то нелѣпому мужицкому приговору! И начальникъ губерніи ничего подобнаго даже не подозрѣваетъ! И этотъ... исправникъ — тоже вѣдь членъ крестьянскаго присутствія! — сидитъ тамъ, и хотя бы единымъ словомъ предупредилъ свое прямое начальство. Неслыханно! Вдругъ его сіятельство спроситъ: «Что же подѣлываетъ мой мужичокъ?» А мужичокъ-то — фью! давно ужъ сплавленъ въ мѣста отдаленныя!

Приговоръ богодуховскихъ крестьянъ былъ кассированъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Алексѣй Ивановъ могъ проживать въ своемъ родномъ селѣ, сколько ему угодно, и даже самъ Писарекъ испыталъ весьма значительныя непріятности по службѣ.

XIX.

Но и такой счастливый поворотъ въ судьбѣ Щастневыхъ самъ по себѣ не могъ упрочить ихъ благополучія. Вѣдь и въ родномъ селѣ Богодуховѣ для жизни требуются нѣкоторыя особливыя условія, въ родѣ, напримѣръ, извѣстнаго количества ежедневной пищи, одежды, топлива, и тому подобнаго. А вся эта роскошь Щастневымъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, была доступна лишь въ самой слабой степени, почти только въ образѣ пріятныхъ мечтаній. Хозяйство ихъ разорено было до такой степени, что самъ Алексѣй Ивановичъ, Катерина Захаравна и сынъ ихъ Дмитрій (теперь единственный) ежедневно брели въ разныя стороны, въ погонѣ за поденной работой, ибо другихъ средствъ къ существованію не оставалось. Горекъ и унизителенъ былъ подобный хлѣбъ для Алексѣя Ивановича, который всю свою жизнь работалъ, какъ волъ, берегъ каждую копѣйку, гордился своей мужицкой исправностью, своимъ дворомъ, своимъ хозяйствомъ, и любилъ ихъ гораздо болѣе собственной особы. Но все это теперь рухнуло. Остались лохмотья на тѣлѣ, да чужой, скудный, чуть не изъ милости данный, кусокъ хлѣба.

При первой возможности Алексѣй Ивановичъ объявился въ волость, требуя свой вводный листъ. Со смѣлостью человѣка отчаяннаго, которому, все равно, терять ужъ нечего, онъ приготовился, въ случаѣ отказа, грозить Писарьку жалобою ко всѣмъ властямъ въ уѣздѣ и губерніи. Но Николай Ѳадѣевичъ, къ изумленію, не выразилъ ни малѣйшаго желанія удержать листъ,

и при первомъ же требованіи выдалъ его Щастневу, хотя и съ довольно злобной улыбкой.

— Посмотримъ, поможетъ ли тебѣ этотъ самый вводъ,— замѣтилъ онъ только, будто бы мимоходомъ.—Денегъ онъ много стоилъ, это точно... Деньги почему-же не взять, хоша бы и г. судейскимъ? Завсегда пригодятся. А вотъ какой съ нимъ будетъ барышъ—это поживемъ, увидимъ. Наобѣщалъ г. судья, должно быть, съ гору. Поглядимъ, какъ онъ супротивъ закона сдѣлаетъ, не... сбрендилъ бы.

Однако Щастневъ твердо помнилъ увѣреніе мирового судьи, что стóитъ только представить вводный листъ, и все дѣло будетъ покончено въ три минуты, въ пользу обладателя листа. Поэтому, не смотря на обычную мнительность, онъ мало значенія придалъ словамъ Писарька и въ тотъ же день побѣжалъ въ Бѣлыя Глины, къ «мировому».

Судья внимательно прочиталъ и вводный листъ, и прошеніе; но, прочитавъ, нахмурился.

— Вы пропустили срокъ на подачу жалобы въ мировой судъ,—объявилъ онъ просителю.—Вводъ во владѣніе совершенъ 21-го августа, а сегодня ужъ четвертое марта; слѣдовательно, прошло болѣе шести мѣсяцевъ.

Алексѣй Ивановичъ во всѣ глаза смотрѣлъ на судью, но ничего не понималъ изъ подобныхъ объясненій; онъ только низко кланялся и просилъ разсудить его по-божески. Зато когда уразумѣлъ, наконецъ, что судья отказывается принять его прошеніе, потому что «ничего не можетъ сдѣлать», а предлагаетъ обратиться «прямо въ окружный судъ»—онъ сначала опалѣлъ, а затѣмъ разразился совершеннымъ отчаяніемъ.

— Ваше высокородіе, помилосердствуйте!—воскликнулъ онъ, падая на колѣни.—Покуль же мнѣ такъ-то мучиться? Да и куда я теперь пойду? Объ томъ судѣ мы довольно наслышаны: тамъ сейчасъ безъ истратковъ никакъ не возможно. А я гдѣ возьму? У меня въ домѣ сущей копѣйки нѣтути, и продать нечего; мы теперь изъ-за хлѣба цѣльные дни ходимъ, кто куда, всѣмъ семействомъ; инó поѣдимъ, а инó и такъ побудешь... мальченка жаль!.. Куды же мнѣ въ такой судъ лѣзть? Опять же и волокита тамъ здоровая; покель рѣшеніе выйдетъ, гляди, и послѣднее дите съ голоду да съ холоду покончится... Ваше высокородіе! Умилитесь! Пошли вамъ Господь на сердце... А то ужъ лутче прикажите насъ съ Катюхой куды ни есть забрать, какъ бы, то-есть чего не вышло... бѣды какой... Эхъ, Митяша, Митяша! Пропалъ, видно и ты, сердяга!

Послѣднее восклицаніе Алексѣя Иванова тронуло мирового судью, онъ не выдержалъ: мрачный и хмурый, онъ почти вырвалъ бумаги изъ рукъ крестьянина.

— Давайте прошеніе! Я сдѣлаю для васъ, что могу... Получите повѣстки. Прощайте.

И съ этими словами онъ торопливо ушелъ въ кабинетъ.

Дѣйствительно черезъ нѣсколько дней дѣло Щастнева съ Писарькомъ разбиралось въ камерѣ мирового судьи второго участка.

Николай Ѳадѣевичъ явился въ засѣданіе со спокойнымъ сердцемъ, и съ самоувѣренной, нѣсколько насмѣшливой, улыбкой на устахъ заговорилъ:

— Я покорнѣйше прошу васъ, г. судья, прежде всего обратить вниманіе на то обстоятельство, что вводный листъ выданъ истцу 21-го августа. Я же какъ до выдачи листа, такъ и послѣ таковой, владѣлъ и продолжалъ владѣть Мокрецами до настоящаго времени. Если нужно, это очень легко доказать свидѣтельскими показаніями; но не думаю, чтобы и самъ истецъ рѣшился отрицать фактъ непрерывности моего владѣнія. Такимъ образомъ шестимѣсячный, со дня нарушенія, срокъ на подачу жалобы пропущенъ; а потому имѣю честь просить самый искъ признать неподсуднымъ мировымъ судебнымъ учрежденіямъ.

Николай Ѳадѣевичъ говорилъ холодно и съ увѣренностью: онъ зналъ, что законъ безусловно на его сторонѣ. Зато онъ чуть не вскрикнулъ и не подскочилъ на мѣстѣ, когда Щемятевъ объявилъ слѣдующее—невозможное рѣшеніе:

«Срокъ на подачу жалобы пропущенъ истцомъ не по его винѣ, какъ это мнѣ, мировому судьѣ, лично извѣстно; поэтому таковой срокъ я возстановилъ частнымъ своимъ опредѣленіемъ, находящимся при дѣлѣ. Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію иска, я нахожу, что онъ вполнѣ доказанъ предъявленнымъ вводнымъ листомъ, а потому, въ силу 29, 81 и 129 статей уст. гражд. судопр., опредѣляю: возстановить владѣніе Алексѣя Иванова Щастнева пустошью Мокрецы, нарушенное Николаемъ Ѳадѣевымъ Писарькомъ, и съ него же, Писарька, взыскать въ пользу Щастнева, за судебныя издержки и веденіе дѣла пятьдесятъ рублей».

— Ваше высокородіе!—не вытерпѣлъ Писарекъ.—Судья имѣетъ право возстановить срокъ на подачу аппеляціи, но никакъ не прошенія.

— Это ужъ мое дѣло,—холодно отвѣтилъ Александръ Васильевичъ.

Писаревъ только пожалъ плечами. Онъ былъ удивленъ, но нисколько не обезпокоенъ. Кто же мѣшаетъ ему перенести дѣло въ съѣздъ мировыхъ судей, гдѣ нелѣпое рѣшеніе Щемятева все-конечно будетъ отмѣнено тотчасъ же?.. Очевидный вздоръ!

Однако, Александръ Васильевичъ принялъ на съѣздѣ свои мѣры, чтобы спасти рѣшеніе въ пользу Щастнева. Передъ началомъ засѣданія онъ обратился къ товарищамъ-судьямъ съ такою рѣчью:

— Господа! Сегодня вамъ предстоитъ разсмотрѣть одно изъ дѣлъ моего участка, именно дѣло по иску Щастнева противъ Писарька о возстановленіи нарушеннаго владѣнія. Вы увидите, что я постановилъ рѣшеніе—вполнѣ незаконное; какъ, впрочемъ, незаконно и то, что я позволяю себѣ теперь же говорить съ вами по этому поводу. Тѣмъ не менѣе я надѣюсь, что нѣкоторая исключительность обстоятельствъ дѣла извинитъ меня въ вашихъ глазахъ.

Затѣмъ Александръ Васильевичъ подробно разсказалъ исторію всѣхъ столкновеній между Писарькомъ и Щастневымъ, но ничто не помогло.

Въ концѣ концовъ, съѣздъ вынесъ по дѣлу Щастнева слѣдующую, вполнѣ законную, резолюцію: «рѣшеніе мирового судьи отмѣнить, а самое дѣло признать мировымъ судебнымъ установленіямъ неподсуднымъ».

Писаревъ, съ обычной своей улыбочкой, подошелъ къ Алексѣю Иванову.

— Ну, что я тебѣ говорилъ? Не на мое ли вышло? Пообѣщать-то можно, очень даже просто—да какъ сдѣлать супротивъ закона! Куда таперь еще пойдешь жалиться? Ой, Алеха, не дури! Въ послѣдній разъ тебѣ говорю: сходись миромъ. Благо мы сейчасъ оба въ городѣ, пойдемъ къ нотарусу—и готово. Вѣдь все могу даромъ взять, да только не хочу, тебя жалѣючи, объ душѣ своей думаю... Ну, идемъ, что ли?

Но прежде, чѣмъ Алексѣй Ивановъ успѣлъ что-нибудь отвѣтить, къ нему быстро подошелъ Щемятевъ.

Не обращая ни малѣйшаго вниманія на Писарька, Александръ Васильевичъ положилъ руку на плечо нашего героя, и сказалъ ему:

— Не печалься, Щастневъ. Дня черезъ три заходи ко мнѣ въ Бѣлыя Глины. Я тебѣ и денегъ достану, и хорошаго человѣка найду, который поведетъ твое дѣло въ окружномъ судѣ. Ужъ за одно будемъ отыскивать сразу и землю, и всѣ убытки,

какіе ты потерпѣлъ отъ самовольнаго захвата. Будь спокоенъ, я за это самъ берусь, не пропадетъ твое добро.

Николай Ѳадѣевичъ отступилъ назадъ, совсѣмъ блѣдный и растревоженный.

— Вотъ еще чортъ навязался, прости Господи!—заворчалъ онъ про себя.—И чего ему надо въ чужомъ дѣлѣ? Бываютъ же такіе аспиды на свѣтѣ!

XX.

Щастневъ явился въ Бѣлыя Глины не черезъ три дня, какъ было условлено, а спустивъ цѣлую недѣлю.

— Ты что-жъ это запоздалъ такъ?—весело спросилъ у него Александръ Васильевичъ.

— Сѣялъ, ваше высокородіе! Слава тебѣ Господи, овсеца посѣялся!

— Вотъ какъ?—нѣсколько удивился Щемятевъ.—По найму у кого-нибудь работалъ?

— Нѣтъ, признаться, свой загончикъ посѣяли. Господь да добрые люди подмогли...

Дѣло въ томъ, что по возвращеніи домой со съѣзда, въ Богодуховѣ Щастнева ожидала пріятная нечаянность. Ермолай Зуйковъ да еще нѣсколько односельцевъ, сложившись между собою, собрали три четверти овса, который рѣшились дать Алексѣю Ивановичу заимообразно, для обсѣмененія ярового загона. А дядя Кукишъ, въ виду будущихъ благъ, одолжилъ зятю свою лошадь, съ тѣмъ, однако, чтобы, пользуясь этой лошадью, зять посѣялъ сначала его, Кукиша, загонъ, а потомъ ужъ и свой собственный.

Такимъ образомъ Алексѣй Ивановичъ почувствовалъ себя опять «хозяиномъ», хотя и въ самыхъ микроскопическихъ размѣрахъ. «Слава тебѣ, Господи!—говорилъ онъ, крестясь.—Все-таки хоть есть теперь мѣсто, куды въ поле пойти, есть на что глянуть. А то вѣдь въ родѣ будто песъ неприкаянный: что влѣво, что вправо, что впередъ, что назадъ — все единственно! Одна тебѣ честь, что есть ты бродяга».

Но нѣкоторое замедленіе Щастнева, разумѣется, нисколько не помѣшало его дѣлу, которое, при помощи Александра Васильевича, устраивалось даже лучше, чѣмъ можно было ожидать. Щемятевъ сначала имѣлъ въ виду предложить его кому-либо изъ мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ, съ тѣмъ, чтобы

взявшійся вести процессъ велъ его на свой страхъ и рискъ, съ производствомъ всѣхъ предварительныхъ расходовъ. Гг. повѣренные, ознакомясь съ дѣломъ, не отказывались, конечно, вести его на предложенныхъ основаніяхъ (вѣдь проиграть-то было невозможно); но со своей стороны предлагали такія условія гонорара, что у Александра Васильевича волосъ становился дыбомъ. Къ счастію, однимъ изъ немногихъ искреннихъ его пріятелей былъ самъ предсѣдатель окружнаго суда. Щемятевъ, въ своемъ затрудненіи, рѣшился обратиться къ нему за совѣтомъ. «За что давать имъ такой крупный гонораръ?—говорилъ предсѣдатель. —Вѣдь все дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ. А для того, чтобъ было кому своевременно являться и стоять передъ судомъ въ видѣ стороны, я тебя увѣдомлю, и ты пришлешь либо самого истца, либо еще лучше какого-нибудь грошоваго адвоката изъ вашихъ деревенскихъ. Вѣдь это все равно. Дѣло я знаю, буду за нимъ слѣдить, да и вообще оно такого рода, что проиграть его просто невозможно, при всемъ усердіи».

Александръ Васильевичъ крѣпко пожалъ руку своего обязательнаго пріятеля, и рѣшилъ послѣдовать его совѣту.

Теперь онъ коротко, но ясно изложилъ положеніе вопроса Щастневу.

— Гдѣ бы намъ найти адвоката?—спрашивалъ онъ.—Изъ самыхъ немудрыхъ, чтобъ рублей за пятьдесятъ все дѣло провелъ. Мы бы ему сейчасъ выдали довѣренность—можно тутъ же у меня въ камерѣ состряпать—внесли бы пошлины, и дѣло пошло бы своимъ порядкомъ.

— А кольки этихъ самыхъ истратковъ требовается?—робко спросилъ Алексѣй Ивановичъ.

— Рублей двѣсти.

— Двѣсти?!.. Ну, гдѣ же теперича, неча и того... затѣвать. У меня теперь весь скарбъ хоть метлой подмети—и на десять цѣлковыхъ не сыщешь... Рази вотъ одно: если избу продать съ задворкомъ? Може рублевъ поболѣ ста набѣжитъ. Изба хорошая! А мнѣ теперь что-жъ, коли дѣло мое въ судѣ не выгоритъ, что съ дворомъ, что безъ двора—все единственно: не жить.

— Зачѣмъ это!—перебилъ Щемятевъ.—Ничего продавать не нужно. Деньги на пошлины я дамъ; а потомъ, когда дѣло выиграется, ты мнѣ вернешь ихъ... Стой, стой, стой! Никогда этого не дѣлай, а то я съ тобой и говорить не стану.

Алексѣй Ивановичъ, по своему обычаю, повалился-было благодѣтелю въ ноги.

— Вставай! Вставай!—нетерпѣливо потребовалъ Щемятевъ.—

Ты мнѣ лучше скажи, не нужно ли тебѣ самому денегъ, чтобы протянуть до рѣшенія? Я тебѣ помогу нѣсколько.

Алексѣй Ивановъ даже замахалъ руками.

— На что мнѣ! Нѣшто я звѣрь безчувственный!

— Ѣсть-то вѣдь и человѣку надо,—улыбнулся Щемятевъ,— не только звѣрю.

— Ну, не большіе мы господа, промаемся какъ да нибудь. Опять же дѣло къ лѣту идетъ...

— Какъ знаешь. Понадобится, приходи.

Александръ Васильевичъ не сталъ очень настаивать, вспомнивъ, что Щастневъ даже посѣялъ свой яровой клинъ.

«Значитъ, успѣлъ извернуться какъ-нибудь,—подумалъ онъ про себя.—И прекрасно!»

— Гдѣ-жъ мы теперь адвоката найдемъ?—спросилъ онъ вслухъ.

— Да вотъ не во гнѣвъ будь сказано вашей милости, можно взять хоть Тимоѳея Лександрыча, который мнѣ прошеніе писалъ къ вашему высокородію.

— Что-жъ, пожалуй. Прошеніе было довольно толковое. Это кто такой, этотъ Тимоѳей Лександрычъ? Изъ какихъ? И гдѣ проживаетъ?

— Проживаетъ у насъ-таки въ Красносельѣ. А былъ онъ прежде того волостнымъ писаремъ; только Миколай Ѳатѣичъ согналъ его съ мѣста, потому какъ не поладили они промежъ себя. Ну, вотъ онъ таперь и болтается...

— Ладно. Приходи же ты съ нимъ ко мнѣ завтра, или послѣ-завтра, какъ будетъ время.

Такимъ образомъ дѣло Щастнева перенесено было въ окружный судъ, и пошло своимъ порядкомъ подъ искуснымъ наблюденіемъ Тимоѳея Лександрыча, который и не преминулъ воспользоваться выгодами своего положенія, то-есть, частенько являлся къ своему кліенту, разсказывалъ ему разныя басни о трудностяхъ дѣла, о достигнутыхъ результатахъ, и успѣвалъ стянуть съ Алексѣя Ивановича то какой-нибудь двугривенный, то шкаликъ водки.

Между тѣмъ, двугривенные очень не легко доставались Щастневу. Годъ былъ тяжелый, хлѣбъ дорогъ, и даже зажиточные крестьяне бѣдствовали. Семейство же Щастневыхъ положительно голодало. Но что дѣлать? Нельзя возстановлять противъ себя собственнаго «аблаката»! Тѣмъ болѣе, что конецъ всѣхъ лишеній и горестей, можетъ быть, ужъ не далекъ... Александръ Васильевичъ Щемятевъ увѣдомилъ, что дѣло его будетъ слу-

шаться въ публичномъ засѣданіи суда 21-го мая—значитъ, только черезъ двѣ-три недѣли!

Алексѣй Ивановичъ съ тѣхъ поръ не разставался съ думами объ этомъ счастливомъ днѣ: съ ними онъ работалъ, съ ними вставалъ и ложился спать. Все было въ этомъ днѣ: или довольство, новая жизнь, душевное удовлетвореніе, или...

Второго мая, послѣ теплыхъ, даже жаркихъ рабочихъ часовъ, наступилъ прелестный вечеръ. Тишина, розовый блескъ заката, первая звѣздочка въ ясномъ небѣ — все это было такъ хорошо, что даже въ оскудѣвшемъ Богодуховѣ какія-то дѣвки затѣяли хороводъ съ пѣснями. Но Алексѣю Ивановичу было не до любованія природой. Полуголодный, онъ очень утомился на поденной работѣ и, вернувшись домой, спѣшилъ лечь спать. Дома на этотъ разъ поужинать было нечѣмъ; Алексѣй Ивановичъ еще въ обѣдахъ съѣлъ свой послѣдній кусокъ хлѣба; но не особенно тужилъ объ этомъ, потому что Катерина съ сыномъ еще три дня тому назадъ ушли въ Краснополье на поденщину, да тамъ и ночевали въ рабочихъ казармахъ. Работа была не трудная, а платили хорошо, и даже давали хозяйскіе харчи. Краснопольскій управитель ничего не жалѣлъ, лишь бы дѣло спорилось, потому что ждали молодыхъ господъ; за три дня надо было вычистить и принарядить всю усадьбу, дворъ и садъ.

Такимъ образомъ ничто, повидимому, не мѣшало Алексѣю Ивановичу поскорѣе исполнить свое намѣреніе, и замѣнить нужный кусокъ хлѣба съ солью—сномъ.

Однако вышло не совсѣмъ такъ. Дверь его хаты вдругъ отворилась, и на порогѣ появился—Тимоѳей Лександрычъ.

— Здравствуй, Алексѣй Ивановъ!—сказалъ онъ мрачно, съ какимъ-то убитымъ видомъ.—А я вотъ все тебя поджидалъ...

— Здравствуйте. Что такъ? Аи, дѣло?

— Да, братъ, дѣло... плохое дѣло!

Щастневъ, еще недавно здоровый и нѣсколько туповатый мужикъ, съ канатами вмѣсто нервовъ—за послѣдній годъ пріобрѣлъ необыкновенную способность чутко отзываться на всякое, даже ничтожное, возбужденіе. Хмурый видъ и немногія слова деревенскаго «аблаката» тотчасъ заставили его сердце заныть самымъ непріятнымъ страхомъ.

— Что-жъ такое, Тимоѳей Лександрычъ?—спросилъ онъ.

— Дѣло твое судили...

— Ой-ли!—вскинулся Щастневъ.—Какъ же Лександра Василичъ сказывалъ, быдто какъ поболѣ двухъ недѣль до суда.

— Перемѣна вышла, ускорили...

Алексѣй Ивановичъ перекрестился.

— Господи!..

Нѣсколько мгновеній оба молчали, «аблакатъ», понуривъ голову съ убитымъ видомъ; Щастневъ—еле переводя дыханіе.

— Ну, что-жъ... какъ Богъ послалъ?—спросилъ онъ наконецъ, едва слышно.

— А вотъ я тебѣ прочту копію съ рѣшенія... Смотри сюда. Видишь? Казенная, съ орломъ.

Тимоѳей Лександрычъ медленно развернулъ какой-то листъ дешевой гербовой бумаги, и медленно же, внятнымъ голосомъ, со внушительными разстановками, прочиталъ ему мнимый указъ «царскаго суда», въ концѣ котораго значилось, что судъ нашелъ купчую Щастнева неправильной (такъ какъ онъ за землю никакихъ денегъ князю не платилъ), а затѣмъ опредѣлилъ: «1) Алексѣю Иванову Щастневу въ искѣ отказать; 2) пустошь Мокрецы признать собственностью Николая Ѳадѣева Писарька на вѣки; 3) купчую и вводный листъ, отобравъ отъ Щастнева, выдать Писарьку въ собственность же; 4) мировому судьѣ Щемятеву объявить строжайшій выговоръ, и чтобы впредь съ мошенниками не якшался; 5) адвокату Тимоѳею Александрову Сигунчикову объяснить, если онъ такими дѣлами еще будетъ безпокоить судъ, то потребуютъ къ отвѣту подъ арестъ».

Алексѣй Ивановичъ началъ слушать чтеніе стоя, но еще не дослушавъ и половины, вынужденъ былъ опуститься на лавку: ноги его не держали.

— Вотъ куда вы меня съ мировымъ-то подвели?—жалобно объяснялся «аблакатъ», окончивъ чтеніе. — Можно сказать, я теперь послѣдняго куска лишился... Хоть бы ты по крайности пятьдесятъ рублевъ мнѣ отдалъ, которые обѣщаны.

Алексѣй Ивановичъ тупо и съ какимъ-то мертвенно-неподвижнымъ лицомъ, но глазами, расширенными отъ ужаса, смотрѣлъ на адвоката; онъ, повидимому, плохо понималъ его рѣчь. Однако, помолчавъ нѣсколько, слабо повелъ рукою кругомъ себя.

— Бери вотъ, что пондравится... Хату тамъ, или задворокъ... Теперь все едино.

И, повѣсивъ голову, онъ уже не отвѣчалъ ни слова на дальнѣйшія приставанья Тимоѳея Лександрыча, который, впрочемъ, и самъ поспѣшилъ убраться: дѣло было сдѣлано.

Разумѣется. судебное рѣшеніе, которое прочелъ адвокатъ Щастневу, никакимъ судомъ и никогда постановлено не было.

Всю продѣлку изобрѣлъ Николай Ѳадѣевичъ. Онъ хотѣлъ на другой же день, пораньше утромъ, явиться къ нему, опять предложить свои условія, увлечь Алексѣя Иванова съ собою въ городъ къ нотаріусу, завертѣть его, отуманить, и покончить все дѣло ранѣе, чѣмъ кто-нибудь успѣетъ опомниться. Адвоката же Николай Ѳадѣевичъ привлекъ на свою сторону обѣщаніемъ сотенной бумажки, да писарскаго мѣста, съ тѣмъ, чтобы онъ подготовилъ ему почву для утренней бесѣды съ жертвою. Но вышло иначе.

XXI.

Надъ Богодуховымъ, надъ Мокрецами, надъ Краснопольемъ и всѣми ихъ окрестностями опять сіялъ прелестный весенній день — какъ разъ годовщина того весенняго дня, съ котораго началась наша деревенская исторія. Опять та же березовая роща, едва прикрытая молодой зеленью, вся гремѣла соловьями, вся благоухала прѣлымъ листомъ, фіалками и смолистою почкой деревьевъ. Опять, какъ и годъ тому назадъ, на ея узкой, колеистой дорожкѣ появился тотъ же великолѣпный шарабанъ заграничной работы, который игралъ такую роль въ судьбѣ Алексѣя Иванова. И опять на этомъ шарабанѣ сидѣла та же Людмила Сергѣевна, но не съ отцомъ: рядомъ съ нею помѣщался молодой господинъ, очень симпатичной наружности и съ нѣсколько мечтательнымъ взглядомъ...

Не даромъ же краснопольскій управляющій нанималъ столько народу и такъ усердно принаряжалъ ко второму мая ввѣренную ему усадьбу: вечеромъ въ этотъ назначенный день и прибыли изъ Петербуга въ Краснополье молодые супруги. Стараго князя Убромскаго ждали позже.

На этотъ разъ юная пара ѣхала не на удачу и не ради безцѣльной прогулки. Людмила Сергѣевна помнила, что именно годъ тому назадъ, того же третьяго мая, и въ этомъ же лѣсу, жизнь ея была спасена инстинктивно-геройскимъ подвигомъ Алексѣя Иванова, и ей захотѣлось увидѣться съ нимъ непремѣнно въ этотъ же день.

Мужъ охотно вызвался поѣхать съ нею въ Богодухово.

— Во-первыхъ, — говорилъ онъ, — я этому человѣку обязанъ всѣмъ моимъ счастьемъ; а во-вторыхъ, мнѣ очень любопытно посмотрѣть, какъ устроился, какъ живетъ человѣкъ простой, неграмотный, въ тѣхъ новыхъ обстоятельствахъ и при той рѣзкой

перемѣнѣ судьбы, которая застигла его такъ неожиданно. Это очень интересно!

Людмила Сергѣевна во всю дорогу болтала безъ умолку, то передавая во всѣхъ подробностяхъ оригинальную сцену своего перваго визита въ Богодухово, то не менѣе оригинальные переговоры своего отца съ Алексѣемъ Ивановымъ по поводу Мокрецовъ. Она, какъ дитя, радовалась ожидаемому ее удовольствію видѣть своего пріятеля-крестьянина съ его Катериной Захаровной и его чумазыми дѣтьми—въ новой, блестящей обстановкѣ. Она надѣялась поразить и обрадовать ихъ своимъ нечаяннымъ пріѣздомъ, да еще именно въ такой день—въ годовщину знаменитаго событія въ лѣсу.

Скоро шарабанъ достигъ цѣли путешествія. Показалось Богодухово съ его березками при въѣздѣ, съ деревянной невзрачной церковью, съ нѣсколько кривой — благодаря оврагу—улицей.

Къ удивленію Людмилы Сергѣевны, передъ знакомымъ ей домомъ Щастнева, и на этотъ разъ стояла цѣлая толпа народа, точь-въ-точь такая же, какую ей пришлось нѣкогда собрать вругъ себя, бесѣдуя съ Катериной.

— Что это значитъ?—воскликнула она, вглядываясь впередъ. —Неужто кто-нибудь провѣдалъ, что мы ѣдемъ сюда?

— Не думаю, — замѣтилъ мужъ, тоже взглядываясь очень пристально. — Скорѣе что-то происходитъ... Видишь, какое въ толпѣ волненіе?

Шарабанъ живо подкатилъ къ невысокому крылечку; крестьяне почтительно разступились передъ нарядньмъ экипажемъ, а нѣкоторые тотчасъ узнали бывшую княжну—и шапки полетѣли со всѣхъ головъ, словно по командѣ.

— Здравствуй, здравствуйте, добрые люди!—кланялась Ровинская.—А что Алексѣй Ивановичъ дома?

Общее смущеніе.

— Дома-то дома...—нѣсколько помедливъ, отвѣтилъ Ермолай Яковъ.—Только вотъ грѣхъ приключился...

— Какой грѣхъ? Что такое?

— Стало-быть еще въ ночи, похоже... Становаго теперь ждемъ... Повѣсился онъ, матушка-барышня.

Ѳ. Ромеръ.

ФРАНЦЪ ЛИСТЪ.

Біографическій очеркъ.

Окончаніе.

IV *).

Послѣ почти десятилѣтнихъ концертныхъ путешествій по Европѣ, Листъ поселился въ Веймарѣ, посвятивъ себя исключительно дѣятельности дирижера и композитора. Еще въ концѣ 1842 г., когда Листъ, концертируя вмѣстѣ съ Рубини, пріѣзжалъ въ Веймаръ, было уже рѣшено пригласить его на службу при веймарскомъ дворѣ. При отъѣздѣ, великій герцогъ пожаловалъ его кавалеромъ ордена Бѣлаго Сокола и черезъ нѣсколько дней въ офиціальной газетѣ было объявлено о назначеніи Листа придворнымъ капельмейстеромъ «im ausserordentlichen Dienst». Это назначеніе, нисколько не стѣсняя свободную дѣятельность Листа, обязывало его только устраивать ежегодно въ Веймарѣ нѣсколько концертовъ. Свою новую дѣятельность Листъ началъ въ декабрѣ 1843 г. и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ дирижировалъ въ восьми симфоническихъ концертахъ.—Объ этихъ первыхъ опытахъ Листа на капельмейстерскомъ поприщѣ лейпцигская «Всеобщая Муз. Газета» (6 марта 1844 г.) отзывалась приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Вступленіе Листа въ веймарскую музыкальную жизнь возбудило самыя радостныя надежды, которыя уже начали осуществляться. Листъ выказалъ глубокое пониманіе тѣхъ произведеній, которыя онъ до сихъ поръ дирижировалъ.

---

*) См. выше: сентябрь, 295 стр.

Бетховеновскія симфоніи онъ провелъ съ чрезвычайной для нихъ пользой, преимущественно въ болѣе медленныхъ темпахъ, чѣмъ мы слышали ихъ прежде. Онъ обладаетъ особенною способностью истинныхъ дирижеровъ—умѣньемъ передать въ полномъ блескѣ духъ и характеръ исполняемаго имъ произведенія. Своими движеніями онъ умѣетъ выразить, понятно для всѣхъ исполнителей, каждый тончайшій оттѣнокъ. Его подвижное лицо отражаетъ всѣ ощущенія, испытываемыя имъ подъ вліяніемъ звуковъ исполняемаго произведенія и его энергическій блестящій взглядъ долженъ воспламенять любой оркестръ. Листъ—воплощенная душа музыки; какъ солнце онъ согрѣваетъ и освѣщаетъ своими животворящими лучами.

Съ этого времени Листъ пріѣзжалъ въ Веймаръ ежегодно на нѣсколько недѣль и въ устраиваемыхъ имъ концертахъ дирижировалъ произведенія, исполнявшіяся рѣдко или даже вовсе еще неизвѣстныя. Съ особымъ рвеніемъ и съ успѣхомъ исполнялъ онъ между прочимъ произведенія Берліоза, тогда еще непризнаваемыя, ужасавшія своею новизною всѣхъ музыкальныхъ педантовъ. Съ первыхъ же концертовъ Листа видно было, что онъ принимаетъ на себя миссію пропагандировать новую музыку. Но первые годы, пріѣзжая въ Веймаръ только на короткое время, онъ, конечно, не могъ вполнѣ систематично и достаточно успѣшно проводить задуманную имъ реформу въ положеніи музыкальнаго дѣла. Эту реформу онъ началъ только въ 1848 г., когда, возвратясь изъ путешествія въ южную Россію и Турцію, почти совсѣмъ отказался отъ дѣятельности виртуоза и, кромѣ дирижированія въ симфоническихъ концертахъ, принялъ также обязанности капельмейстера веймарской оперной сцены.

Въ оперномъ персоналѣ и въ оркестрѣ Листъ нашелъ превосходные элементы. Но веймарская опера не занимала уже прежняго высокаго положенія, на которое ее поставилъ бывшій ея капельмейстеръ Гуммель, умершій еще въ 1837 г.; Листу предстояла задача оживить оперу, поднять ея силы. Въ короткое время онъ успѣлъ достичь такихъ значительныхъ успѣховъ, что въ февралѣ 1849 г. могъ поставить на сценѣ веймарскаго театра «Таннгейзера» Вагнера, оперу, считавшуюся въ то время почти неисполнимой — и притомъ еще поставить ее такъ, что самъ Вагнеръ, услышавъ своего «Таннгейзера» на веймарской сценѣ, призналъ его исполненіе вполнѣ совершеннымъ. Въ слѣдующемъ году Листъ поставилъ другую оперу Вагнера «Лоэнгрина», представлявшую еще бóльшія трудности и до того времени еще нигдѣ не исполнявшуюся. Р. Поль вполнѣ справедливо замѣчаетъ,

что исполненіе «Лоэнгрина», оперы, написанной въ совсѣмъ новомъ стилѣ, можно назвать «самостоятельнымъ творчествомъ, художественнымъ возсозданіемъ» [1]). Продолжая пропаганду новыхъ произведеній, Листъ, въ теченіе своего пребыванія въ Веймарѣ, поставилъ на веймарской сценѣ до двадцати новыхъ еще неисполнявшихся тамъ оперъ [2]). Такую же энергію проявилъ Листъ и въ своей дѣятельности въ качествѣ дирижера концертовъ. Веймарская публика весьма много была обязана Листу за превосходное исполненіе симфоній Бетховена и Шуберта, а главнымъ образомъ за знакомство съ цѣлой массой новѣйшихъ музыкальныхъ произведеній: Берліоза, Шумана, Мендельсона, Раффа, Вагнера, Рубинштейна, Гиллера, Литольфа и многихъ другихъ. Въ этихъ же концертахъ онъ исполнялъ и собственныя сво оркестровыя произведенія, симфонію «Фаустъ», симфоническі поэмы «Тассо», «Мазепа», «Битва Гунновъ», «Festkläng» «Préludes», «Ce qu'on entend sur la montagne» и др., написа ныя имъ въ Веймарѣ и которыя быстро слѣдовали одно за дру гимъ. Замѣтимъ, что Листъ былъ капельмейстеръ не постоянны а «чрезвычайный» капельмейстеръ и не былъ связанъ обязатель ной службой, для которой какъ въ театрѣ, такъ и при веймар скомъ дворѣ были другіе дирижеры; поэтому пользуясь сво бодой, онъ нерѣдко покидалъ Веймаръ на болѣе или мен продолжительное время. Такъ въ 1849—1851 г. онъ ежегод уѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ; въ 1853 г. дирижировалъ концертахъ въ Карльсруэ, въ 1854 г. ѣздилъ въ Готу д постановки новой оперы «Santa Chiara» герцога Эрнста саксен кобургъ-готскаго; въ 1856 г.—въ Вѣну, Гранъ, Пештъ и Пра для исполненія своей «гранской» мессы и т. п. Прибавивъ этимъ отлучкамъ ежегодныя трехъ-мѣсячныя театральныя кан кулы, окажется, что вся дирижерская дѣятельность Листа огр ничивалась временемъ, несравненно болѣе кратчайшимъ, чѣ

---

[1]) Liszt von R. Pohl, стр. 145.

[2]) „Морякъ Скиталецъ“ Вагнера, „Бенвенуто Челлини“ Берліоза, „Король А фредъ“ Раффа, „Геновева“ Шумана, „Альфонсъ и Эстрелла“ Шуберта, „Нибелу Дорна, „Сибирскіе охотники“ Рубинштейна и др. Также при сценической обстан были исполнены въ первый разъ въ Веймарѣ музыка къ байроновскому „Манфре Шумана и музыка къ „Прометею“ Гердера, написанная Листомъ по случаю пра нества въ честь Гердера, состоявшагося 24 августа 1850 г. Одновременно съ эт новыми произведеніями, подъ управленіемъ Листа, были разучены и поставлен Веймарѣ многія уже не новыя оперы, напримѣръ: „Орфей“ и „Ифигенія въ Авли Глюка, „Весталка“ и „Кортецъ“ Спонтини, „Фиделіо“ Бетховена, „Эвріанта“ Вебе „Фаустъ“ Шпора, „Тель“ и „Графъ Ори“ Россини, „Робертъ“ и „Гугеноты“ Мей бера, „Водовозъ“ Керубини и т. д.

его номинальное пребываніе въ Веймарѣ, и потому является еще болѣе энергичной, напряженной, по-истинѣ изумительной. Подобная дѣятельность положительно неоцѣненна, и заслуги Листа, особенно по пропагандѣ новѣйшей музыки, громадны. Припомнимъ, съ какимъ трудомъ въ то время прокладывали себѣ дорогу произведенія Берліоза, — и Листъ пропагандировалъ ихъ съ особой энергіей, исполняя всѣ даже такія большія его произведенія какъ «Ромео и Джульетта», «Damnation de Faust» «L'Enfance du Christ», требующія большихъ оркестровыхъ средствъ и особенно тщательнаго разучиванія. Постановка же на нѣмецкой сценѣ всюду гонимой тогда оперы Берліоза: «Бенвенуто Челлини» представляетъ смѣлый протестъ противъ мнѣнія большинства. То же слѣдуетъ сказать и о постановкѣ оперъ Вагнера, бывшаго въ то время политическимъ изгнанникомъ, и ставить произведенія котораго поэтому не рѣшался, кромѣ Листа, ни одинъ директоръ театра. Не меньшую заслугу представляла также постановка въ высшей степени интересной оперы «Геновева» Шумана, которая, при исполненіи ея въ 1850 г. въ Лейпцигѣ, не имѣла никакого успѣха и съ того времени, до постановки въ Веймарѣ, не появлялась ни на одной сценѣ.

Слава Листа какъ превосходнаго дирижера, а главное какъ интерпретатора произведеній новой школы, быстро распространилась по всей Европѣ. Веймаръ сдѣлался центромъ музыкальнаго міра, привлекающимъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Когда Листу случалось уѣзжать на время изъ Веймара, его отсутствіе сильно ощущалось. «Музыкальный Веймаръ безъ Листа,—что Римъ безъ папы», — говоритъ Поль, — «но и это сравненіе не совсѣмъ вѣрно. Въ Римѣ кардиналы въ каждую данную минуту могутъ сдѣлать новаго папу, но собранные вмѣстѣ всѣ европейскіе дирижеры не могутъ сдѣлать Листа». При появленіи въ музыкѣ чего-нибудь новаго, всѣ ожидали, какъ это будетъ принято въ Веймарѣ и признаетъ ли Листъ новое произведеніе достойнымъ исполненія. Вслѣдствіе этого Листъ былъ осаждаемъ цѣлой массой партитуръ и оперныхъ текстовъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ композиторовъ и поэтовъ, желавшихъ получить отъ него отзывъ объ ихъ произведеніяхъ, его совѣтъ, поддержку, участіе всевозможнаго рода. «Какую онъ проявлялъ здѣсь дѣятельность,—говоритъ Р. Поль [1]), какую массу произведеній онъ подвергалъ своему анализу, какъ онъ удостоивалъ вниманія все лучшее и сколько потрачено на это часовъ и дней его драго-

---

[1]) Liszt von R. Pohl, стр. 151.

цѣннаго времени,—извѣстно только тѣмъ, которые жили вблизи Листа».

Этимъ далеко, однако, не ограничивалась дѣятельность Листа. При всѣхъ своихъ усиленныхъ занятіяхъ, онъ находилъ время и для литературныхъ работъ. Въ 1851—52 г. вышли въ печати слѣдующія его сочиненія: «De la fondation Goethe à Weimar»;—«Lohengrin et Tannhäuser de R. Wagner», и «F. Chopin». Книги эти изданы на французскомъ языкѣ и потомъ уже были переведены на нѣмецкій языкъ. Кромѣ этихъ большихъ литературныхъ работъ, въ то же время въ лейпцигской «Neue Zeitschrift für Musik» былъ помѣщенъ цѣлый рядъ (около 20) музыкально-критическихъ статей Листа, касающихся преимущественно исполненныхъ имъ произведеній. Позднѣе, именно въ 1861 г., появилось еще одно весьма обширное сочиненіе Листа: «Des Bohémiens et de leur musique en Hongrie» переведенное потомъ на венгерскій и на нѣмецкій языки, затѣмъ еще разборъ оперы «Бенвенуто Челлини» Берліоза, статья о Фр. Шубертѣ и др. Литературныя работы Листа обнаруживаютъ безусловно талантливаго писателя. Листъ превосходно владѣетъ перомъ, какъ на французскомъ, такъ и на нѣмецкомъ языкѣ, но вообще предпочитаетъ французскій; къ сожалѣнію онъ пишетъ слишкомъ изысканно, подчасъ даже напыщенно, высокопарно и, что всего хуже, слишкомъ пространно, расплывчато, такъ что нерѣдко цѣлые десятки его страницъ представляютъ довольно безсодержательное разглагольствованіе, хотя и краснорѣчивое, часто не лишенное тонкаго остроумія. Во всякомъ случаѣ критическія статьи Листа — цѣнный вкладъ въ музыкальную литературу, представляя собою критику не только музыканта съ самымъ разностороннимъ развитіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ превосходнаго исполнителя (піанистъ и дирижеръ) и талантливаго композитора, прекрасно понимающаго всѣ тайны художественнаго творчества. Кромѣ того, критическія работы Листа имѣютъ особенныя исключительныя достоинства. Не будучи критикомъ или рецензентомъ по профессіи, онъ не былъ вынужденъ писать по заказу рѣшительно обо всемъ, касающемся его критической области, не былъ вынужденъ изготовлять статьи къ опредѣленному сроку или стѣсняемъ выборомъ предмета, о которомъ хотѣлъ писать; онъ писалъ о томъ, что̀ по той или другой причинѣ обращало его вниманіе, онъ писалъ, когда хотѣлъ выяснить свой взглядъ на то или другое художественное произведеніе, на того или другого композитора. Поэтому во всѣхъ его литературныхъ работахъ онъ является вполнѣ самостоятельнымъ и, главное, искреннимъ. Это послѣднее

качество даетъ ему большое преимущество, напримѣръ, передъ Вагнеромъ. Въ то время, какъ бо̀льшая часть литературныхъ трудовъ этого послѣдняго носитъ отпечатокъ крайней тенденціозности, предвзятой идеи—все, что писалъ Листъ, хотя сильно проникнуто индивидуальностью, но во всемъ видна правдивость, убѣжденность и безупречная честность, неподкупная никакими посторонними искусству вліяніями. Читая Вагнера, часто сомнѣваешься въ томъ, былъ ли авторъ самъ убѣжденъ въ справедливости своихъ выводовъ и доказательствъ; читая Листа, наоборотъ, вѣришь, что онъ писалъ именно такъ, какъ думалъ и чувствовалъ. Во всемъ, что касалось искусства, въ самыхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ, Листъ никогда не погрѣшалъ противъ своихъ принциповъ и вся его художественная дѣятельность отличается безкорыстіемъ, честностью и искренностью.

Упомянемъ еще объ одной сторонѣ дѣятельности Листа, не менѣе другихъ плодотворной, именно, о его преподавательской дѣятельности. Создавъ новую школу фортепіанной виртуозности, онъ хорошо понималъ, что необходимо также создать піанистовъ, которымъ бы онъ могъ передать духъ и смыслъ своей виртуозности, стиль своего исполненія. Поэтому во время самой оживленной дирижерской и творческой дѣятельности и даже въ настоящее время на закатѣ своихъ дней, Листъ не переставалъ и не перестаетъ руководить занятіями учениковъ и ученицъ, массами стекающихся къ нему со всѣхъ странъ свѣта. Онъ образовалъ много прекрасныхъ піанистовъ, въ томъ числѣ такія звѣзды первой величины какъ Таузигъ, Бюловъ, Сгамбати, Софія Ментеръ; далѣе его же учениками были Нейлисовъ, Клиндвортъ, Массонъ, Прукнеръ, Бронсаръ, Бендель, Винтербергеръ, Рейбке, Берманъ, Ратценбергеръ, Фридгеймъ, д'Альберъ, Ингеборгъ-Бронсаръ (урожденная Штаркъ) г-жа Тиманова, г-жа Ранушевичъ и проч. Здѣсь перечислены только имена, которыя пріобрѣли бо̀льшую или меньшую извѣстность; конечно, это только наиболѣе талантливые изъ той громадной массы учениковъ, занимавшихся подъ руководствомъ Листа въ продолженіе всѣхъ многихъ лѣтъ его преподавательской дѣятельности. Замѣчателенъ и тотъ фактъ, что Листъ уже съ давняго времени не беретъ никакой платы за свои уроки; раза два въ недѣлю у него назначены часы, которые онъ съ любовью посвящаетъ своимъ ученикамъ и ученицамъ.

Во время многолѣтнихъ концертныхъ путешествій по Европѣ, Листъ почти не писалъ новыхъ музыкальныхъ произведеній. Тѣмъ не менѣе его творческія способности работали постоянно и въ

его фантазіи создавались планы новыхъ художественныхъ произведеній, далеко превосходящихъ и по замыслу, и по содержанію все, что̀ имъ было написано ранѣе. Свои планы онъ могъ привесть въ исполненіе только послѣ переселенія въ Веймаръ въ 1848 г., и здѣсь онъ горячо принялся за работу, не смотря на то, что устройство концертовъ и оперныя представленія поглощали у него много времени. Но его энергія была поразительна и именно въ веймарскій періодъ, во время наиболѣе оживленной дирижерской дѣятельности, онъ проявилъ и наибольшую творческую дѣятельность. Въ Веймарѣ въ 1848—1861 г. Листъ написалъ почти всѣ свои большія оркестровыя произведенія, не говоря о массѣ фортепіанныхъ пьесъ, романсовъ, хоровъ и проч.; этотъ періодъ самый богатый, изобильный по творчеству во всей его жизни. Когда появлялись быстро одна за другой его симфоніи и симфоническія поэмы, его начали упрекать за слишкомъ спѣшное неразборчивое творчество. Можетъ быть, въ этихъ упрекахъ была доля правды; но во-первыхъ многія его произведенія были задуманы гораздо ранѣе, въ началѣ сороковыхъ годовъ, (напр. симфоніи «Фаустъ» и «Божественная Комедія», симфон. поэма «Тассо», форт. концерты и др.) или даже еще въ тридцатыхъ годахъ (напр. «Ce qu'on entend sur la montagne», «Мазепа») и эти произведенія долгое время зрѣли въ фантазіи композитора, прежде, чѣмъ были написаны; во-вторыхъ, врядъ ли кто изъ композиторовъ болѣе чѣмъ Листъ подвергалъ свои произведенія полнѣйшей переработкѣ по нѣсколько разъ, и это относится не только къ большимъ симфоническимъ произведеніямъ, но также и къ большинству фортепіанныхъ пьесъ [1]).

Не перечисляя всѣхъ фортепіанныхъ пьесъ, написанныхъ Листомъ въ веймарскій періодъ, упомянемъ о наиболѣе выдающихся: соната, концертъ-соло, 15 венгерскихъ рапсодій, 18 этюдовъ, 2 баллады, полонезы, ноктюрны, Scherzo und Marsch и др. Тогда же онъ занялся вокальной музыкой и написалъ рядъ романсовъ, квартетовъ, хоровъ, небольшую мессу для 4-хъ мужскихъ голосовъ съ орга̀номъ и нѣсколько отдѣльныхъ вещей церковной музыки. Большія симфоническія и вокальныя произведенія того

---

[1]) Напримѣръ симфоническая поэма „Ce qu'on entend sur la montagne" (по стихотворенію В. Гюго) задумана была еще въ 1833 г., во время частыхъ сношеній Листа съ Гюго; написана въ 1847 г., инструментована въ 1849 г.; въ 1854 г., послѣ перваго исполненія—передѣлана, затѣмъ вновь передѣлана въ 1856 г. и тогда только, послѣ исполненія въ этомъ послѣднемъ видѣ, напечатана въ 1857 г. Подобной же передѣлкѣ подвергались „Фаустъ", „Тассо", „Hungaria" и др.

періода можно расположить въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ: 1848 г.—два концерта для фортепіано съ оркестромъ, изъ которыхъ второй (A-dur) инструментованъ нѣсколько позднѣе, именно въ 1853 г., и симфоническая поэма «Тассо», написанная по случаю предстоявшаго въ слѣдующемъ году празднованія юбилея Гёте; въ 1849 г. — маршъ и торжественные хоры къ тому же юбилею, «Danse macabre» (концертныя парафразы для фортепіано съ оркестромъ) и двѣ симфоническія поэмы: «Ce qu'on entend sur la montagne» и «Héroïde funèbre»; въ 1850 г. — музыку къ «Прометею» Гердера (увертюра, составляющая также одну изъ симфоническихъ поэмъ и 8 хоровъ съ оркестромъ) и двѣ симфоническія поэмы «Мазепа» (по Гюго) и «Les Préludes» (по Ламартину). Слѣдующіе два года сравнительно бѣднѣе музыкальными произведеніями; тогда Листъ былъ занятъ преимущественно литературными работами и въ эти два года написалъ фугу для органа и кантату «An die Künstler» (Шиллера) для мужского хора и соло, къ которымъ впослѣдствіи приписалъ оркестровый акомпаниментъ. Въ 1853 г.—большая соната для фортепіано (посвященная Шуману), Huldigungs Marsch, и симф. поэмы Fest-Klänge и Hungaria; въ 1854 г.—симфонія «Фаустъ» и симф. поэма «Орфей»; въ 1856 г.—симфонія «Божественная комедія» по Данту и большая месса «Graner Fest-Messe», написанная къ торжеству освященія собора въ Гранѣ и тамъ исполненная въ первый разъ въ августѣ 1856; въ 1857 —симф. поэмы «Битва Гунновъ» по фрескѣ Каульбаха и «Ideale» по Шиллеру; въ 1858 г.—симфон. поэма «Гамлетъ» и начало ораторіи «Св. Елизавета» (1 и 2 картины); въ 1859 г.—месса въ грегоріанскомъ стилѣ, «Два эпизода изъ Фауста» Ленуа (Nächtlicher Zug u. Mephisto-Walzer) и «Die Seligpreisungen», вошедшія впослѣдствіи въ его ораторію «Христосъ». Въ послѣдній годъ пребыванія въ Веймарѣ 1860 г., Листъ написалъ 18-й псаломъ для мужского хора, нѣсколько романсовъ и др. мелкихъ вещей, инструментовалъ шубертовскіе романсы и его же 4 марша.

Вотъ въ общихъ чертахъ дѣятельность въ веймарскій періодъ этого необыкновеннаго энергическаго художника, который успѣвалъ въ одно и то же время писать цѣлыми массами крупнѣйшія и лучшія изъ своихъ симфоническихъ произведеній, дирижировать въ оперѣ и въ концертахъ, давать уроки и заниматься литературными работами. Въ то же время Листъ слѣдилъ за всѣмъ, что̀ являлось новаго въ области музыки, всегда зналъ современное состояніе искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ вполнѣ

свѣтскимъ человѣкомъ, любилъ общество и велъ далеко не затворническую жизнь.

Дѣятельность Листа, въ качествѣ придворнаго капельмейстера въ Веймарѣ, обнимаетъ періодъ времени въ девятнадцать лѣтъ, съ 1842 по 1861 г. Несмотря на свое исключительное положеніе при веймарскомъ дворѣ, Листъ все же не былъ вполнѣ огражденъ отъ непріятныхъ столкновеній съ театральною дирекціею, представлявшею нерѣдко оппозицію его дѣятельности. Въ 1859 г. эта оппозиція выразилась въ наиболѣе рѣзкой формѣ по поводу поставленной Листомъ на веймарской сценѣ оперы «Barbier von Bagdad» Корнеліуса, и Листъ тогда же отказался отъ всякаго участія въ театральныхъ дѣлахъ, и черезъ два года, въ 1861 г., вслѣдствіе какихъ-то новыхъ неудовольствій, совсѣмъ оставилъ Веймаръ и уѣхалъ въ Римъ.

Съ этого времени окончилась общественная артистическая дѣятельность Листа, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ обширныхъ размѣрахъ, въ какихъ она проявлялась прежде. Если впослѣдствіи Листъ иногда и выступалъ въ публичныхъ концертахъ и какъ виртуозъ, и какъ дирижеръ, то лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. До 1870 г. онъ жилъ въ Римѣ, посвящая свое время работѣ надъ двумя большими ораторіями «Die Legende der heiligen Elisabeth» и «Christus» и другими произведеніями почти исключительно церковной музыки. Также и въ Римѣ съѣзжались къ нему массами поклонники, друзья, піанисты, композиторы, ученики и ученицы, чтобы пользоваться его совѣтами, уроками, указаніями, выслушать его приговоръ или найти у него нравственную поддержку. Авторитетъ Листа не переставалъ, и донынѣ не перестаетъ оказывать свое вліяніе въ области музыкальнаго искусства. Композиторы и нотные издатели всей Европы считаютъ своимъ долгомъ посылать Листу всѣ музыкальныя новости, и маститый художникъ, несмотря на свои 73 года, зорко слѣдитъ за всѣмъ, что̀ творится въ музыкальномъ мірѣ, и съ горячимъ сочувствіемъ привѣтствуетъ все то, въ чемъ видитъ прогрессъ, оставаясь все тѣмъ же передовымъ музыкантомъ-художникомъ, какимъ былъ во всю свою долголѣтнюю жизнь.

Въ Римѣ онъ осуществилъ, хотя отчасти, свое желаніе, неоднократно появлявшееся еще въ юношескомъ возрастѣ, посвятить себя духовному званію, и въ 1865 г. принялъ малое постриженіе, былъ назначенъ аббатомъ и въ позднѣйшее время каноникомъ. Со времени постриженія, Листъ поселился въ одномъ изъ монастырей въ окрестностяхъ Рима и прожилъ тамъ цѣлыхъ пять лѣтъ. Въ 1870 г. онъ поѣхалъ въ Веймаръ на музыкаль-

ный праздникъ по случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія Бетховена; при этомъ онъ возстановилъ свои прежнія хорошія отношенія съ веймарскимъ дворомъ и съ того времени, живя зиму преимущественно въ Италіи или дѣлая поѣздки въ Пештъ и въ Вѣну, ежегодно лѣтніе мѣсяцы проводитъ въ Веймарѣ, куда обыкновенно пріѣзжаетъ къ 8 апрѣля—дню рожденія великой герцогини. Въ это время и въ теченіе всего лѣта въ Веймарѣ замѣчается особый наплывъ пріѣзжающихъ—это все поклонники Листа, представители музыкальнаго и вообще художественнаго міра, а также учащаяся молодежь, его ученики и ученицы. Въ Веймарѣ Листъ живетъ въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жилъ 35 лѣтъ назадъ, но уже далеко не при такой роскошной обстановкѣ, какъ бывало прежде [1]). А. П. Бородинъ, бывшій въ Веймарѣ въ 1882 г., въ своихъ воспоминаніяхъ о Листѣ [2]), подробно описываетъ скромныя три комнаты, занимаемыя знаменитымъ художникомъ въ верхнемъ этажѣ небольшого дома, окрашеннаго желтовато-сѣрой краской, съ черепичатой крышей, окруженнаго большимъ тѣнистымъ садомъ.

«Образъ жизни Листа,—пишетъ г. Бородинъ,—довольно правильный. Встаетъ онъ очень рано,—зимой въ 6, а лѣтомъ въ 5 часовъ утра,—въ 7 часовъ идетъ къ обѣднѣ, станетъ куда-нибудь въ уединенный уголокъ, нагнется къ аналою и усердно молится. Чуждый всякаго ханжества, отличающійся поразительно широкою вѣротерпимостью, еще недавно написавшій второй вальсъ Мефистофеля,—Листъ въ то же время человѣкъ не только глубоко религіозный, но и католикъ по убѣжденію. Возвратясь отъ обѣдни, Листъ пьетъ въ 8 часовъ кофе, принимаетъ своего секретаря, органиста Готшалька,—толкуетъ съ нимъ о дѣлахъ, а равно принимаетъ и другіе дѣловые визиты. Покончивъ съ ними, Листъ садится за работу и съ 9 ч. до часу сочиняетъ, пишетъ музыку. Обѣдаетъ Листъ не въ часъ, какъ буржуазія нѣмецкая, а въ 2—какъ и вся веймарская аристократія. Обѣдъ у него всегда очень простой, но хорошій. Несмотря на свой возрастъ, Листъ можетъ ѣсть и пить очень много и совершенно безнаказанно, благодаря своей желѣзной натурѣ. Замѣчу при этомъ, что онъ ведетъ образъ жизни кабинетный, сидячій и никогда не гуляетъ на воздухѣ, несмотря на то, что у него подъ бокомъ прекрасный садъ и гроссгерцогскій паркъ. Послѣ обѣда онъ всегда обязательно спитъ часа два, а затѣмъ прини-

---

1) Liszt, v. R. Pohl, стр. 56—71.

2) См. „Искусство“ за 1883 г. № 11 и 12.

маетъ къ себѣ учениковъ и другихъ посѣтителей, занимается уроками музыки или даже просто болтаетъ о разныхъ разностяхъ. Вечера большею частію проводитъ не дома, а въ кругу близкихъ интимныхъ друзей, въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ баронесса фонъ-Мейендорфъ, урожденная княжна Горчакова, вдова бывшаго посланника русскаго при веймарскомъ дворѣ, а затѣмъ семья князя Витгенштейна. Въ 11 часовъ вечера Листъ ложится спать, если только нѣтъ особенныхъ причинъ просидѣть долѣе».

О внѣшности Листа, г. Бородинъ говоритъ, что у него «высокая массивная фигура»; какъ свѣтскій аббатъ, онъ носитъ все черное,—черный долгополый сюртукъ, черную низенькую, съ широкими полями шляпу, черныя перчатки и черный высокій галстухъ.—Продолжаемъ выписку изъ интересной статьи г. Бородина. «Въ разговорахъ Листъ, гдѣ только можно, предпочитаетъ всегда французскій языкъ; по-нѣмецки или итальянски онъ говоритъ только по необходимости, хотя владѣетъ всѣми тремя языками въ совершенствѣ. Говоритъ вообще очень хорошо: свободно, красиво, образно, съ увлеченіемъ, остроумно и умно... Много проживщій, видавшій, читавшій, хорошо образованный, одаренный умомъ, наблюдательностью и самостоятельнымъ критическимъ отношеніемъ къ тому, о чемъ идетъ рѣчь — Листъ является всегда въ высшей степени интереснымъ собесѣдникомъ». Кстати приведемъ отзывъ г. Бородина объ игрѣ Листа: «Вопреки всему, чтó я часто слышалъ о ней, меня поразила крайняя простота, трезвость, строгость исполненія, полнѣйшее отсутствіе вычурности, аффектаціи и всего бьющаго только на внѣшній эффектъ. Темпы онъ беретъ умѣренные, не гонитъ, не кипятится. Тѣмъ не менѣе силы энергіи, страсти, увлеченія, огня—несмотря на его лѣта—бездна. Тонъ круглый, полный, сильный; ясность, богатство и разнообразіе оттѣнковъ—изумительныя. Играть вообще онъ лѣнивъ. Публично онъ давно уже не игралъ, только въ частныхъ обществахъ и то немногихъ избранныхъ. Теперь даже знаменитыя matinée, у него на дому, прекратились. Чтобы заставить его сѣсть за рояль, нужно прибѣгать къ маленькимъ хитростямъ: попросить, напр., напомнить то или другое мѣсто изъ какой-нибудь пьесы, попросить показать—какъ слѣдуетъ играть какую-либо вещь; заинтересовать какою-нибудь музыкальною новинкою; иногда даже просто дурно исполнить что-либо,—тогда онъ разсердится, скажетъ, что такъ играть нельзя, самъ сядетъ за рояль и покажетъ, какъ нужно играть».

Читая эти строки, становится понятно, почему Листъ, не-

смотря на свои преклонныя лѣта, до сихъ поръ производитъ обаяніе на всѣхъ, кому является случай вступить съ нимъ въ личныя отношенія. Геніальная натура сказывается до сихъ поръ въ этомъ чудесномъ старцѣ, не утратившемъ энергіи таланта, несмотря ни на годы, ни на свою долгую дѣятельность, ни на богатую впечатлѣніями жизнь. Сколько еще въ немъ запаса жизненной силы, указываетъ уже то, что онъ не прекращаетъ творчества: въ послѣднее время онъ занятъ окончаніемъ своей третьей ораторіи «Св. Станиславъ», надъ которой работаетъ уже много лѣтъ; еще недавно напечатаны партитуры его позднѣйшихъ сочиненій—«Второй вальсъ Мефистофеля» и симфоническая поэма «Отъ колыбели до могилы»; не перестаютъ также выходить изъ подъ его пера мелкія фортепіанныя пьесы. Рѣдко кто доживаетъ до такой прекрасной старости.

Рѣдко кто изъ художниковъ достигалъ при жизни такого почета, какъ Листъ. Кенигсбергскій университетъ призналъ его почетнымъ докторомъ философіи; австрійскій императоръ возвелъ его въ дворянское достоинство, пожалованіемъ ему ордена Желѣзной Короны; великій герцогъ веймарскій назначилъ его своимъ камергеромъ; многіе германскіе и австрійскіе города избрали его своимъ почетнымъ гражданиномъ и т. д. Листъ занимаетъ почетныя должности во многихъ музыкальныхъ обществахъ, въ томъ числѣ состоитъ почетнымъ членомъ Русск. Музык. Общества, президентомъ музыкальной академіи въ Пештѣ и почетнымъ президентомъ «Всеобщаго германскаго музыкальнаго общества» (Allgemeiner deutscher Musikverein), и въ этомъ послѣднемъ обществѣ приноситъ существеннѣйшую пользу искусству своимъ авторитетнымъ вліяніемъ. Это общество, основанное въ 1859 г., имѣетъ цѣлью исполнять лучшія новыя, также и ненапечатанныя музыкальныя произведенія, и Листъ, который и въ настоящее время остается такимъ же горячимъ поборникомъ движенія впередъ, какъ и прежде, всегда присутствуетъ на собраніяхъ этого общества, назначаемыхъ ежегодно въ различныхъ городахъ Германіи и руководитъ выборомъ исполняемыхъ произведеній.

V.

Постараемся сдѣлать общій очеркъ композиторской дѣятельности Листа, указать то направленіе, которое выразилось въ его произведеніяхъ, и выяснить, что именно новаго внесено Листомъ въ искусство. Относительно творческихъ способностей

Листа долгое время ходили самыя смутныя понятія. Во время его концертныхъ путешествій по Европѣ, когда его слава піаниста-виртуоза достигла своего апогея, въ публикѣ установилось мнѣніе, что Листъ — не композиторъ, что у него нѣтъ способности къ самостоятельному творчеству, что онъ только талантливый авторъ блестящихъ переложеній чужихъ произведеній,—переложеній, которыя онъ пишетъ исключительно для своего собственнаго виртуознаго исполненія. Тогда изъ его произведеній знали только тѣ, которыя онъ игралъ въ публичныхъ концертахъ; а это были его транскрипціи романсовъ Шуберта и блестящія концертныя фантазіи, написанныя Листомъ на цѣлую массу оперныхъ тэмъ различныхъ композиторовъ. Симфонической музыки Листъ тогда еще не писалъ, да и оригинальныхъ фортепіанныхъ произведеній у него въ то время было мало сравнительно съ громаднымъ количествомъ транскрипцій всякаго рода, и къ тому же въ концертахъ онъ ихъ почти не исполнялъ и они оставались для большинства неизвѣстными. Только немногіе музыканты, какъ, напр., Шуманъ, Берліозъ, въ тогдашнихъ произведеніяхъ Листа видѣли проявленія будущаго выдающагося композитора. «...Я убѣжденъ,— писалъ Шуманъ въ 1839 г. [1]), — что Листъ, при своей высокой музыкальной натурѣ, будетъ также выдающимся композиторомъ, если время, посвящаемое имъ теперь инструменту и другимъ авторамъ, онъ посвятитъ композиціи и самому себѣ. Пока мы только догадываемся, что̀ можно отъ него ожидать». Берліозъ, по поводу листовской фантазіи на тэмы изъ оперы «Жидовка», выразился [2]): «теперь мы можемъ всего ожидать отъ Листа, какъ композитора».

Дѣйствительно, музыкантъ, анализирующій фортепіанныя переложенія Листа, его транскрипціи и особенно его фантазіи на оперныя тэмы, найдетъ въ этихъ произведеніяхъ несомнѣнныя доказательства творческаго духа необыкновенной силы и оригинальности. Это мы видимъ, напримѣръ, въ листовскихъ переложеніяхъ для фортепіано въ двѣ руки бетховеновскихъ симфоній пятой, шестой и седьмой и въ переложеніи бетховеновской девятой симфоніи для двухъ фортепіанъ въ четыре руки. Это геніальныя переложенія; здѣсь не простое переведеніе нотъ оркестровой партитуры на двѣ нотныхъ линейки, приспособленное къ исполненію на фортепіано, съ выпускомъ всего, что

[1]) См. Schumann's Gesam. Schriften. 1875 г., т. II, стр. 119.

[2]) См. Gazette musicale de Paris, 1836.

затрудняло бы играющаго, съ упрощеніемъ непередаваемыхъ трудностей, а полное возсозданіе симфоній на фортепіано, съ передачей всѣхъ намѣреній автора, съ сохраненіемъ всего характера произведенія и почти всѣхъ оркестровыхъ эффектовъ. Листъ называетъ эти переложенія «partitions de piano», и совершенно справедливо: невозможно представить болѣе полную и вѣрную передачу оркестровыхъ партитуръ, не выходя изъ предѣловъ фортепіано, какъ листовскія переложенія. Ничего подобнаго въ этомъ родѣ до Листа не было; уже въ этихъ переложеніяхъ Листъ является реформаторомъ, значительно расширяющимъ область фортепіанной музыки и дѣлающимъ доступнымъ исполненію піаниста геніальныя оркестровыя произведенія Бетховена, почти въ полной ихъ неприкосновенности. Переложенія остальныхъ пяти симфоній Бетховена, кромѣ названныхъ, такъ же, какъ и переложеніе девятой симфоніи для одного фортепіано, сдѣланы Листомъ сравнительно слабѣе, хотя, тѣмъ не менѣе, въ высокой степени талантливо. Упомянемъ еще о переложеніяхъ Листа произведеній Берліоза: двухъ его симфоній — «Гарольдъ» и «Фантастической симфоніи», двухъ увертюръ «Francs Juges» и «Король Лиръ» и танцы сильфовъ изъ «Damnation de Faust». Не перечисляя всѣхъ листовскихъ переложеній оркестровыхъ партитуръ, назовемъ, какъ особенно выдающіяся, увертюры «Таннгейзера» и «Вильгельма Телля» и замѣтимъ также, что Листъ сдѣлалъ фортепіанныя переложенія всѣхъ своихъ собственныхъ оркестровыхъ произведеній. Кромѣ этихъ переложеній оркестровыхъ партитуръ, есть еще у Листа фортепіанныя пьесы, которыя составляютъ среднее между переложеніями и фантазіями, въ которыхъ Листъ, пользуясь партитурами другихъ авторовъ, не оставался вполнѣ имъ вѣренъ, но вводилъ въ нихъ свои собственныя измѣненія; сюда, напримѣръ, относятся транскрипціи многихъ сценъ изъ вагнеровскихъ оперъ, «Bénédiction et Serment» изъ «Бенвенуто Челлини» Берліоза, «Hochzeitsmarsch und Elfenreigen» изъ «Сна въ лѣтнюю ночь» Мендельсона, «Маршъ Черномора» изъ «Руслана» Глинки, полонезъ изъ оперы «Евгеній Онѣгинъ» Чайковскаго и др.

Листъ не ограничивался переложеніями для фортепіано оркестровыхъ произведеній, онъ дѣлалъ также переложенія или транскрипціи съ фортепіанныхъ произведеній другихъ композиторовъ, какъ, напримѣръ, его транскрипціи «Divertissement à la hongroise» и трехъ маршей Шуберта (написанныхъ въ оригиналѣ въ 4 руки), вальсовъ Шуберта, изданныхъ въ листовскомъ переложеніи подъ заглавіемъ «Soirées de Vienne»,

транскрипція «Славянской Тарантеллы» Даргомыжскаго, транскрипціи для одного фортепіано 24-хъ пьесъ Фердинанда-Давида, «Bunte Reihe», написанныхъ для скрипки и фортепіано, и проч. Въ транскрипціяхъ этого рода Листъ вводилъ не мало своего собственнаго творчества, нерѣдко дополняя перелагаемыя имъ произведенія виртуозными пассажами, полными вкуса, изящества и оригинальности и превращая, такимъ образомъ, небольшія скромныя произведенія въ эффектныя блестящія концертныя пьесы. Упомянемъ также о сдѣланныхъ Листомъ фортепіанныхъ переложеніяхъ органныхъ фугъ и прелюдій Себ. Баха. Въ этихъ мастерскихъ переложеніяхъ органныя произведенія нисколько не утратили своего характера; фуги Баха, будучи переведены на фортепіано, сохранились во всей своей точности и неприкосновенности. Ученый музыкантъ-теоретикъ Дэнъ, по поводу этой работы Листа, сдѣлалъ такое замѣчаніе: «Какой прогрессъ въ фортепіанной игрѣ со времени Баха! Здѣсь опять обозначается періодъ въ исторіи фортепіанной игры. И какъ предъидущіе періоды носили имена Баха, Скарлати, Клементи, такъ настоящій періодъ носитъ имя Листа».

Еще болѣе самостоятельнаго творчества обнаруживаетъ Листъ въ транскрипціяхъ романсовъ Шуберта, Бетховена, Мендельсона, Шумана, Вебера, Р. Франца и т. д. Съ особенною любовью аранжировалъ Листъ романсы Шуберта, которыхъ у него переложено для фортепіано болѣе 60-ти, затѣмъ Бетховена 20, Шопена 6 и т. д.; въ общей сложности подобныхъ транскрипцій у Листа до 150-ти различныхъ нумеровъ, въ томъ числѣ, наприм., «Соловей» Алябьева, русско-цыганская пѣсня «Ты не повѣришь, какъ ты мила», нѣмецкія, венгерскія, польскія и украинскія народныя мелодіи и т. п. Большинство этихъ транскрипцій превосходны; превращенныя изъ вокальныхъ произведеній въ фортепіанныя пьесы, онѣ не только сохраняютъ свой прежній характеръ и свою оригинальность, но многія пріобрѣтаютъ особую прелесть и поэтичность. Нерѣдко тѣ измѣненія, которыя Листъ вводитъ въ перелагаемые имъ романсы, иногда самыя незначительныя, какъ перемѣщеніе акомпанимента октавой выше или ниже, измѣненіе въ расположеніи аккордовъ, не говоря уже о выборѣ тональности, или измѣненіе гармонизаціи, невольно вызываетъ вопросъ, почему самъ авторъ не сдѣлалъ точно также. Подобными измѣненіями Листъ достигаетъ необыкновенной выразительности именно того лирическаго настроенія, которымъ проникнуты стихотворенія, служащія основой романсовъ. Кромѣ того, своими варьяціями, виртуозными

украшеніями, фортепіанными пассажами, Листъ такъ превкрасно иллюстрируетъ содержаніе, что, не смотря на отсутствіе пѣнія и, слѣдовательно, текста, общее впечатлѣніе не только не ослабляется, но скорѣе усиливается. Тѣ изъ изданій этихъ транскрипцій, въ которыхъ напечатанъ также и текстъ, могутъ служить доказательствомъ, до какой степени листовскія транскрипціи иллюстрируютъ текстъ, близко слѣдуя за нимъ въ каждомъ тактѣ, такъ сказать, воспроизводя отсутствующее слово.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ написанныя Листомъ для фортепіано фантазіи, парафразы и réminiscences на оперныя тэмы различныхъ композиторовъ: Мейербера, Вагнера, Беллини, Донизетти, Россини, Галеви, Верди, Гуно и т. д. Подобныхъ фантазій у Листа цѣлая масса; этотъ родъ фортепіанной музыки былъ въ большомъ ходу въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, имъ занимались многіе піанисты-виртуозы, но никто изъ нихъ не достигалъ такого совершенства, какъ Листъ. Всѣ его фантазіи и парафразы на оперныя тэмы обнаруживаютъ столько изобрѣтательности, новизны пріемовъ, совершенства техники, самостоятельности, наконецъ, даже вдохновенія, что въ нихъ невозможно не признать дѣйствительнаго художественнаго творчества. Въ этихъ фантазіяхъ Листъ не слѣдовалъ по тому пути, какъ большинство другихъ композиторовъ, цѣль которыхъ заключалась лишь въ томъ, чтобы изъ мелодій популярнѣйшихъ оперъ составить болѣе или менѣе цѣльную, связную салонную или концертную пьесу, уснащенную эффектными фортепіанными пассажами. У Листа мы видимъ другой планъ: выбравъ тэмы изъ какой-нибудь оперы, онъ группируетъ ихъ и развиваетъ такъ, чтобы въ общемъ образовалась драматическая картина, сцена, настроеніе которой вполнѣ соотвѣтствовало бы характеру и содержанію оперы, откуда заимствованы мелодіи, и чтобы явственно ощущалась внутренняя связь между оперой и написанной на ея тэмы фортепіанной фантазіей. Руководствуясь такимъ планомъ, Листъ выбиралъ соотвѣтствующія своимъ цѣлямъ тэмы изъ оперъ, украшалъ эти послѣднія неподдающимися описанію прелестями виртуозной орнаментики и новой гармонизаціи, которыя и не снились авторамъ тѣхъ оперъ; остроумнѣйшими комбинаціями придавалъ замѣчательную цѣльность и законченность своимъ фантазіямъ и создалъ цѣлый рядъ эффектныхъ концертныхъ пьесъ, въ которыхъ высшая виртуозность соединена съ чудеснымъ художественнымъ творчествомъ. Замѣтимъ, что эти фантазіи Листа, по своей фактурѣ, составляютъ какъ бы переходъ отъ фортепіанной музыки къ симфонической;

здѣсь нерѣдко встрѣчаемъ пріемы симфонической разработки тэмъ и, нѣтъ сомнѣнія, что на этихъ фантазіяхъ въ Листѣ вырабатывался будущій симфонистъ. Такимъ образомъ появились фантазіи: «Сонвамбула», «Робертъ», «Донъ-Жуанъ», «Illustrations du Prophète», парафразы «Риголетто», «Эрнани» и проч., которыя могли бы быть поставлены въ ряду лучшихъ фортепіанныхъ произведеній, если бы избитыя, ничтожныя банальныя тэмы многихъ изъ этихъ фантазій не роняли ихъ музыкальнаго достоинства. Правда, въ обработкѣ Листа и самыя плохія мелодіи подвергаются изумительнымъ метаморфозамъ и являются, такъ сказать, облагороженными, опоэтизированными, почему бóльшая часть его фортепіанныхъ фантазій въ художественномъ отношеніи гораздо выше тѣхъ оперъ, изъ которыхъ онъ заимствовалъ тэмы; но никакія варьяціи и новыя гармоніи не могутъ скрыть банальность мелодій такихъ оперъ, какъ, напримѣръ, «Лючія», «Риголетто» и т. п. Если плохія тэмы служили Листу матеріаломъ для интересныхъ во многихъ отношеніяхъ произведеній, то при болѣе удачномъ выборѣ онъ достигалъ удивительныхъ результатовъ, какъ, напримѣръ, его фантазія «Робертъ» или «Illustrations du Prophète» и особенно «Донъ-Жуанъ», представляющая капитальнѣйшее произведеніе Листа въ этомъ родѣ.

Чтобы закончить съ дѣятельностью Листа по обработкѣ чужихъ произведеній, упомянемъ, что онъ не ограничивался въ этомъ отношеніи однимъ фортепіано, но обращался также къ оркестру; такъ онъ инструментовалъ нѣсколько маршей и романсовъ Шуберта [1]) и написалъ оркестровое сопровожденіе къ фортепіанной фантазіи Шуберта и къ полонезу Вебера, сдѣлавъ при этомъ нѣкоторыя измѣненія въ фортепіанныхъ партіяхъ, вслѣдствіе чего эти два произведенія значительно выигрываютъ въ эффектности при исполненіи ихъ въ Листовской обработкѣ.

Творческую изобрѣтательность, которую проявлялъ Листъ въ переложеніяхъ, транскрипціяхъ и фантазіяхъ, онъ, конечно, внесъ также и въ свои оригинальныя произведенія, и если своими работами перваго рода создалъ много новаго, значительно расширивъ предѣлы фортепіанной музыки, то своими оригинальными произведеніями сдѣлалъ въ этомъ отношеніи еще больше. Вообще фортепіанныя произведенія Листа еще не сдѣлались общимъ достояніемъ и нельзя сказать, чтобы имѣли значительное распространеніе. Бóльшая часть изъ нихъ представляетъ пьесы

---

[1]) „Erlkönig“, „Gretchen“, „Doppelgänger“, „Mignon“, „Nonne“, „Abschied“.

значительной трудности, поэтому доступныя исполненію только хорошихъ спеціальныхъ піанистовъ; но многія превосходнѣйшія фортепіанныя пьесы Листа не исполняются даже и этими последними, такъ что въ общемъ далеко нельзя считать, чтобы произведенія имѣли распространеніе, соотвѣтствующее ихъ значенію въ исторіи фортепіанной музыки.

Характерное свойство композиторскаго таланта Листа заключается въ замѣчательномъ разнообразіи. Одни его произведенія проникнуты крайнимъ романтизмомъ, другія полны мистическаго настроенія, третьи отличаются своимъ блескомъ, и эффектностью; иногда въ нихъ бездна лиризма, мечтательности, поэзіи, — другой разъ они поражаютъ веселостью, энергіею, удалью. Идеализмъ составляетъ преобладающій элементъ въ творчествѣ Листа: въ этомъ отношеніи онъ близокъ къ Шопену; но Шопенъ субъективенъ несравненно болѣе Листа, а съ другой стороны у Листа нѣтъ той искренности, задушевности, какія находимъ въ произведеніяхъ Шопена. Вліяніе романтизма отразилось на творчествѣ Листа въ очень сильной степени, поэтому въ выраженіи чувства,—которое у Листа всегда сильно и глубоко,—часто сказывается преувеличенность, изысканность, ходульность. Въ своихъ произведеніяхъ Листъ, по преимуществу, является аффектированнымъ; онъ какъ бы позируетъ, старается быть наиболѣе возвышеннымъ и изящнымъ, и нерѣдко это значительно вредитъ общему впечатлѣнію. Но гдѣ онъ отбрасываетъ аффектацію и стремится къ бо́льшей простотѣ, тамъ поэтичность его музыки удивительна и глубина его лиризма производитъ на слушателя чарующее обаяніе. Разбирая общія музыкальныя свойства произведеній Листа, придется сказать, что въ мелодическомъ отношеніи онѣ не отличаются особенными достоинствами. Нельзя утверждать, чтобы, какъ мелодистъ, Листъ былъ бѣдно одареннымъ талантомъ; его мелодіи разнообразны, бо́льшею частью удачны, выразительны, хорошо соотвѣтствуютъ настроенію и выбранному Листомъ сюжету, но рѣдко въ нихъ проявляется та широта, рельефность, законченность, которую находимъ у лучшихъ мелодистовъ. Иногда мелодіи Листа поражаютъ своею замѣчательною силою выразительности, своею способностью характеризовать настроеніе, чувство, идею, которыя въ програмной музыкѣ Листа являются вполнѣ опредѣленными, и въ силу именно этой своей опредѣленности, изумляютъ необыкновенною вѣрностью, позволяемъ себѣ сказать даже—реальностью выраженія. Но также нерѣдко въ его произведеніяхъ встрѣчаются весьма слабыя мелодіи, почти шаблонныя, въ стилѣ

плохой итальянской музыки, хотя облагороженныя и украшенныя интересными аксессуарами, но въ общемъ значительно понижающія достоинство его произведеній. Въ гармоническомъ отношеніи произведенія Листа очень богаты; подъ вліяніемъ Берліоза и Шопена, а впослѣдствіи Шумана, въ Листѣ выработался гармонистъ, отличающійся прекрасною колоритностью, разнообразіемъ и новизною. Но и здѣсь нерѣдко сказывается аффектація: иногда Листъ прибѣгаетъ къ гармонизаціи и модуляціямъ слишкомъ изысканнымъ, искусственнымъ, подчасъ слишкомъ жесткимъ, не оправдываемымъ требованіями вкуса и изящества; быть можетъ, въ этихъ рѣзкихъ гармоніяхъ нѣсколько сказалась національная индивидуальность Листа и отразились воспоминанія о музыкѣ венгерскихъ цыганъ, привлекавшихъ его вниманіе еще въ дѣтствѣ. Формами музыкальныхъ произведеній Листъ владѣетъ превосходно; но въ этомъ отношеніи онъ себя не стѣсняетъ и свободно изобрѣтаетъ формы, наиболѣе соотвѣтствующія его художественнымъ цѣлямъ и личнымъ требованіямъ, являясь настоящимъ реформаторомъ. Его фортепіанные концерты, симфоніи и симфоническія поэмы служатъ этому доказательствомъ.

Какъ мы уже упоминали выше, Листъ видѣлъ взаимное сродство во всѣхъ родахъ искусства и потому всюду находилъ вдохновеніе для музыкальнаго творчества: въ поэзіи, въ живописи, въ скульптурѣ, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя во время его путешествій производили на него сильное впечатлѣніе. Въ силу этого, многія изъ его фортепіанныхъ произведеній написаны подъ вліяніемъ того или другого внѣшняго впечатлѣнія. Такимъ образомъ произошли, напримѣръ, «Harmonies poétiques et réligieuses»—сборникъ 10-ти фортепіанныхъ пьесъ, написанныхъ подъ вліяніемъ стихотвореній подъ тѣмъ же заглавіемъ, Ламартина; другой сборникъ въ 3-хъ тетрадяхъ «Années de Pélérinages» заключаетъ уже упомянутыя выше «Sposalizio» и «Il Penseroso», вызванныя произведеніями того же названія Рафаэля и М. Анджело; въ этомъ же сборникѣ находимъ три сонета Петрарки: «Fantaisie quasi Sonata après une lecture de Dante», тутъ же путевыя впечатлѣнія, въ родѣ: «Vallée d'Obermann», «La chapelle de G. Tell», «Aux Cyprès de la ville d'Este» и т. п., такъ что вообще эти пьесы можно и должно разсматривать какъ фортепіанныя произведенія программной музыки. Къ этому же роду слѣдуетъ отнести двѣ легенды: «St. François d'Assise» (проповѣдь къ птицамъ) и «St.-François de Paule» (хожденіе по волнамъ) и четыре баллады, написанныя какъ мелодраматическое сопровожденіе декламаціи на тексты: «Der

traurige Mönch» Ленау, «Leonore» Бюргера, «Helda» Страквица и «Слѣпой Пѣвецъ»—русскій текстъ графа А. Толстого. Не разбирая въ подробности всѣхъ мелкихъ фортепіанныхъ пьесъ Листа, упомянемъ объ его сборникахъ: «Apparitions» (3 пьесы), «Consolations» (6 пьесъ), «Nuits d'Eté á Pausilippe (3), «Les Soirées musicales de Rossini» (12), о его этюдахъ: «Grandes Etudes de Paganini», посвященныхъ Кларѣ Шуманъ, трехъ большихъ концертныхъ этюдахъ, особенно выдающихся своими музыкальными достоинствами «Etudes d'exécution transcendante», «Ab Irato», Etude de perfectionnement» — всего около 20-ти этюдовъ; далѣе назовемъ три «Valses-Caprices», «Valse de bravoure», три ноктюрна (Liebesträume), нѣсколько полонезовъ, маршей, элегій, и т. д. Всѣ эти пьесы представляютъ рядъ художественныхъ произведеній, бо́льшаго или меньшаго достоинства, произведеній, которыя значительно обогащаютъ область фортепіанной музыки, внося въ нее много новаго, интереснаго и представляя большой выборъ для піанистовъ.

Въ ряду фортепіанныхъ произведеній Листа, совершенно особенное мѣсто занимаетъ его соната, посвященная Р. Шуману, которая рѣзко отличается отъ традиціонныхъ сонатъ уже по своей формѣ. Въ сонатѣ Листа нѣтъ подраздѣленія на установленныя четыре части, но указанныя въ ней перемѣны темпа и смѣняющіяся настроенія музыки дѣлаютъ ее какъ бы состоящею изъ нѣсколькихъ частей, соединенныхъ въ одно цѣлое. По богатству музыки, а главное по глубокому внутреннему содержанію, соната эта не только есть одно изъ капитальнѣйшихъ произведеній Листа, но и вообще выдающееся произведеніе нашего времени. Къ ея недостаткамъ слѣдуетъ отнести слишкомъ романтическое настроеніе, изобилующее преувеличеніями, сказывающимися въ мелодическихъ оборотахъ, въ черезчуръ изысканной гармонизаціи и въ жесткихъ неожиданныхъ модуляціяхъ; но это находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что соната написана болѣе 30-ти лѣтъ назадъ, именно въ 1853 г., когда вліяніе романтизма было еще довольно сильно и въ искусствѣ преувеличенное выраженіе чувства было обыкновеннымъ явленіемъ. Не смотря на эти недостатки и на свое давнишнее существованіе, соната Листа до сихъ поръ нова и интересна. Упомянемъ еще о двухъ выдающихся фортепіанныхъ произведеніяхъ Листа: это его концертъ-соло «Concert pathétique» (посвященный Гензельту), арранжированный Листомъ также для двухъ фортепіанъ, и «Scherzo und Marsch»— превосходная большая концертная пьеса, которая могла бы слу-

жить украшеніемъ репертуара каждаго хорошаго піаниста и которая, къ сожалѣнію, почти не исполняется.

Особую категорію составляютъ пятнадцать большихъ фортепіанныхъ пьесъ Листа, носящихъ названіе «Венгерскихъ Рапсодій»; онѣ проникнуты національнымъ колоритомъ, благодаря тѣмъ венгерскимъ и цыганскимъ народнымъ мелодіямъ, танцамъ и маршамъ, которые послужили Листу матеріаломъ для этихъ рапсодій. Сочиненіе Листа «Des Bohémiens et de leur musique en Hongrie» показываетъ, съ какимъ увлеченіемъ относился авторъ къ народной музыкѣ венгерскихъ цыганъ и какое большое значеніе онъ придавалъ задачѣ культивировать эту музыку. «Венгерскія рапсодіи» представляютъ результатъ попытокъ Листа выполнить подобную задачу; въ этихъ блестящихъ концертныхъ пьесахъ Листъ проявилъ замѣчательную изобрѣтательность и разнообразіе въ обработкѣ тэмъ, оригинальныхъ по своей структурѣ и ритмамъ, и довелъ здѣсь виртуозную фортепіанную технику до изумительнаго совершенства. Но кромѣ этого, рапсодіи не представляютъ никакого интереса; онѣ слишкомъ ничтожны въ тэматическомъ отношеніи и потому по музыкальному содержанію стоятъ на довольно низкомъ уровнѣ.

Для фортепіано съ оркестромъ Листъ написалъ слѣдующія произведенія: два концерта Es-dur и A-dur, фантазію на мотивы изъ «Аѳинскихъ Развалинъ» Бетховена (передѣланную изъ листовской же фортепіанной пьесы «Capricio alla turca»), «Венгерскую фантазію» (переработана изъ одной изъ рапсодій) и «Danse macabre» (пляска смерти) — парафразы на средневѣковую церковную тэму. Въ своихъ концертахъ Листъ опять является реформаторомъ. Подобно тому какъ онъ сдѣлалъ въ сонатѣ, точно также онъ написалъ концерты въ одной части съ перемѣняющимися темпами и перемѣняющимися настроеніями и характеромъ музыки; при этомъ главную и побочную тэмы, проведенныя черезъ весь концертъ, онъ разработывалъ въ разнообразнѣйшихъ видахъ, подвергая ихъ самымъ неожиданнымъ превращеніямъ, и достигалъ такимъ образомъ чудеснаго разнообразія въ эпизодахъ, при замѣчательной цѣльности концерта. Инструментованы оба концерта безподобно; кромѣ богатства оркестровыхъ красокъ, инструментовка замѣчательна еще тѣмъ, что фортепіано не смотря на преобладающее значеніе, составляетъ одно цѣлое со всею массою оркестра; Листъ съ истинною геніальностью комбинируетъ звуки фортепіано съ звуками струнныхъ и духовыхъ инструментовъ и достигаетъ въ общемъ изумительныхъ эффектовъ, какихъ не встрѣчаемъ ни у одного композитора до

Листа. Въ фортепіанныхъ концертахъ позднѣйшаго времени, въ концертахъ Сенъ-Санса, Грига, Чайковскаго, Римскаго-Корсакова и др. находимъ подобное же совершенство инструментовки, но Листъ былъ первый, съ такимъ искусствомъ употреблявшій фортепіано въ оркестрѣ и указавшій путь другимъ. Оба концерта написаны Листомъ еще въ 1848 г.; но, не смотря на свое 36-лѣтнее существованіе, они до сихъ поръ не находятъ себѣ соперниковъ, особенно первый концертъ Es-dur, который по совершенству виртуозной техники, по красотѣ музыки и по эффектности, есть безусловно лучшій изъ всѣхъ существующихъ фортепіанныхъ концертовъ. Но концертъ этотъ уступаетъ другому произведенію Листа для фортепіано съ оркестромъ, именно его «Danse macabre», которое по глубинѣ замысла, по совершенству выполненія и художественнымъ красотамъ, вполнѣ заслуживаетъ названія геніальнаго. Идея этого произведенія внушена была Листу извѣстными картинами Гольбейна «Todtentanz» (Пляска смерти); живописецъ изобразилъ здѣсь, какъ смерть, вторгаясь въ среду людей, увлекаетъ ихъ въ пляску за собою и затѣмъ своею ужасною косою прерываетъ нить жизни, не давая никому пощады. Для музыкальной иллюстраціи этихъ рисунковъ, Листъ выбралъ старинную церковную тэму «Dies irae»—cantus firmus VI столѣтія, и въ парафразахъ, въ варіаціяхъ этой мрачной величественной тэмы, далъ рядъ музыкальныхъ картинъ подавляющаго впечатлѣнія. Каждая варіація имѣетъ свой особенный характеръ и въ воображеніи слушателя создаются образы лицъ, застигаемыхъ смертью въ различные моменты ихъ жизни [1]).

Въ симфонической музыкѣ Листа точно также находимъ много самостоятельности и оригинальности какъ въ выборѣ сюжетовъ или программъ для этихъ произведеній, такъ и въ выполненіи, т. е. въ самыхъ музыкальныхъ пріемахъ композиціи. Въ ряду симфоническихъ произведеній Листа, на первомъ планѣ стоятъ двѣ большія симфоніи: «Фаустъ» по Гёте и «Божественная Комедія» по Данту.—Симфонія «Фаустъ», посвященная Берліозу, состоитъ изъ четырехъ частей, изъ которыхъ три оркестровыя и одна—сравнительно небольшой заключительный хоръ. Первыя три части представляютъ музыкальныя характеристики Фауста, Гретхенъ и Мефистофеля; изъ этихъ трехъ частей, каждая сама по себѣ совершенно самостоятельна и независима, но вмѣстѣ съ

[1]) Р. Поль поясняетъ, что Листъ въ варіаціяхъ „Danse macabre" изобразилъ слѣдующіе эпизоды смерти: серьезнаго человѣка, легкомысленнаго юноши, насмѣхающагося скептика, молящагося монаха, отважнаго монаха, молодой женщины, играющаго ребенка. (См. Liszt von R. Pohl, стр. 402).

тѣмъ онѣ такъ тѣсно соединены между собою, что двѣ послѣд-нія и особенно третья не могутъ быть вполнѣ поняты безъ пер-вой. Четвертая вокальная часть точно также находится въ тѣс-ной связи съ предъидущими; по музыкальному содержанію он истекаетъ изъ второй и можетъ быть названа эпилогомъ. Содер-жаніе этой послѣдней части составляетъ «мистическій хоръ» на слова изъ второй части гётевскаго Фауста.

„Alles Vergängliche
„Ist nur ein Gleichniss, и т. д.

Въ композиціи этой симфоніи Листъ не послѣдовалъ трав ціоннымъ формамъ и пріемамъ, а употреблялъ тѣ, какіе ем были необходимы для его художественныхъ намѣреній; такъ первой части находимъ четыре главныя тэмы, одну побочную два эпизодическихъ мотива, тогда какъ во второй части—двѣ са мостоятельныя главныя тэмы и одну побочную, а въ третьей— ни одной главной тэмы, а только эпизоды. Р. Поль въ своем прекрасномъ обстоятельномъ разборѣ симфоніи «Фаустъ» [1]) слѣ дующимъ образомъ объясняетъ тэмы 1-й части симфоніи: пер вая главная тэма характеризуетъ основныя черты настроен Фауста—сомнѣніе, тоска, уныніе, презрѣніе къ жизни, къ наук къ своимъ собственнымъ стремленіямъ. Вторая тэма—страст влеченіе къ высшему знанію, къ возвышеннымъ дѣяніямъ, утомимое стремленіе впередъ, безъ внутренняго удовлетворен борьба за свободу. Третья тэма—горячая жажда неизвѣданн счастья; четвертая—любовь, какъ вообще любовь къ Богу и ч ловѣчеству, и наконецъ пятая—гордость сознанія собственн силъ. Подтверждая свое мнѣніе примѣрами изъ партитуры Ли и выписками изъ драмы Гёте, Р. Поль дѣйствительно вес удачно объясняетъ листовскую музыкальную характеристи Фауста; насколько это вѣрно, конечно, могъ-бы удостовѣрить тол самъ авторъ, но во всякомъ случаѣ объясненіе Р. Поля засл живаетъ вниманія.

Во второй части находимъ музыкальную характеристику Гр хенъ. Начало отличается простотой, спокойствіемъ и все прон нуто чисто нѣмецкимъ духомъ, какъ будто оно написано какимъ будь архи-нѣмецкимъ композиторомъ. Затѣмъ очень удачно оч ченъ эпизодъ, когда Гретхенъ, обрывая лепестки цвѣтка, шепче «любитъ, не любитъ, ...любитъ»; далѣе настроеніе станов все оживленнѣе и оживленнѣе и переходитъ въ страстную

[1]) Стр. 247—320.

бовную сцену, въ которую прекрасно введены тэмы изъ 1-й части симфоніи и которая мѣстами достигаетъ замѣчательной выразительности и красоты. Нѣкоторыя длинноты и повторенія ослабляютъ общее впечатлѣніе, тѣмъ не менѣе эта часть, не будучи лучшей въ симфоніи, обладаетъ многими музыкальными достоинствами.—Лучшая и самая оригинальная—третья часть, «Мефистофель». Р. Поль справедливо замѣчаетъ, что Мефистофель не есть характеръ, а только принципъ послѣдовательный и логичный, сущность котораго заключается въ абсолютномъ отрицаніи. Поэтому Листъ для музыкальнаго изображенія Мефистофеля не взялъ ни одного характернаго мотива, ни одной самостоятельной тэмы, а всю эту часть симфоніи развилъ на тэмахъ первыхъ двухъ частей. Но всѣ эти тэмы являются здѣсь превращенными, искаженными (за исключеніемъ тэмы Гретхенъ), вслѣдствіе чего онѣ пріобрѣтаютъ совершенно другой характеръ какъ-бы подъ вліяніемъ саркастическаго хохота Мефистофеля, осмѣивающаго всѣ лучшія стремленія Фауста. Не смотря на всю трудность подобной задачи въ техническо-композиторскомъ отношеніи, Листъ выполнилъ ее прекрасно, выказавъ большое мастерство и удивительную изобрѣтательность въ тэматической разработкѣ, поражающей своимъ разнообразіемъ, и вмѣстѣ строго выдержавъ задуманный характеръ музыки, общее настроеніе.—Третья часть симфоніи непосредственно связана съ упомянутымъ выше торжественнымъ, мистическимъ заключительнымъ хоромъ, который, хорошо контрастируя съ предъидущимъ, строго говоря, по достоинству музыки значительно уступаетъ остальнымъ частямъ симфоніи.

Симфонію «Фаустъ» Листъ писалъ долго и подвергалъ ее значительной переработкѣ; она была задумана и набросана въ общихъ главныхъ чертахъ еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, написана-же и инструментована, въ первой обработкѣ, въ 1854 г. Первое исполненіе симфоніи состоялось въ 1858 г. при открытіи памятника Гёте-Шиллера, а партитура была напечатана только въ 1861 г., послѣ новыхъ значительныхъ передѣлокъ.

Въ томъ-же 1861 г. была напечатана другая партитура Листа, также на сюжетъ Фауста, но впрочемъ ничего общаго съ симфоніей не имѣющая. Мы говоримъ о «Двухъ эпизодахъ изъ Фауста Ленау»; это музыкальныя иллюстраціи, въ симфоническомъ стилѣ, двухъ стихотвореній Ленау: «Der nächtliche Zug» (Ночное шествіе) и «Tanz in der Dorfschenke» (названное Листомъ «Мефисто-Вальсъ»),—два чудесныхъ оркестровыхъ произведенія, принадлежащія безусловно къ лучшимъ произведеніямъ Листа. Обѣ эти музыкальныя картины производятъ чарующее

впечатлѣніе: «Ночное шествіе» — фантастическою прелестью и красотою музыки, «Мефисто-Вальсъ» — страстностью, демоническою энергіею. Года два назадъ Листъ написалъ «2-й Мефисто-Вальсъ», — партитура, также имѣющая многія достоинства, но во многомъ уступающая первымъ «Двумъ эпизодамъ».

Другая большая симфонія Листа «Divina Commedia», посвященная Р. Вагнеру, состоитъ изъ двухъ большихъ частей «Inferno» и «Purgatorio»; но во второй части отчетливо выдѣляется заключительный хоръ «Magnificat», такъ что въ общемъ подраздѣленіе симфоніи вполнѣ соотвѣтствуетъ тремъ частямъ Дантовой «Божественной Комедіи». Въ началѣ симфоніи Листъ приводитъ слушателя ко входу въ адъ; съ перваго же такта речитативъ тромбоновъ зловѣщими звуками провозглашаетъ извѣстную надпись на дверяхъ ада, изъ 3-й пѣсни поэмы Данта:

„Perme si va nella città dolente:
Per me si va nell' eterno dolore:
Per me si va fra la perdutta gente!“ [1])

Вслѣдъ затѣмъ въ трубахъ и волторнахъ гремитъ ужасн угроза:

„Lasciate ogni speranza voi ch' entrate!“ [2])

Эта послѣдняя фраза много разъ повторяется въ продол ніе 1-й части симфоніи и составляетъ главную ея тэму. — За д рями ада открываются картины страшныхъ страданій; вопли, з лобы, проклятія носятся въ пространствѣ [3]).

Такія грозныя картины стремился Листъ изобразить въ Al legro frenetico своей симфоніи, и это ему до нѣкоторой степе удалось; хотя здѣсь музыка нѣсколько декоративна, но въ н много энергіи, огня, увлеченія и, при хорошемъ исполненіи, музыкальное изображеніе адскихъ мученій производитъ силь впечатлѣніе. — Буря въ оркестрѣ стихаетъ и изъ грозной безд выдѣляются два страдальческихъ образа, жертвы несчастной люб Паоло и Франческа ди-Римини. Знаменитыя слова Данта

---

[1]) „Чрезъ меня идетъ путь въ городъ печали: чрезъ меня идетъ путь въ вѣ страданье: чрезъ меня идетъ путь къ осужденнымъ!“

[2]) „Оставьте всякую надежду, вы, сюда входящіе“.

[3]) „Смѣсь языковъ, страшныя рѣчи, слова страданія, восклицанія гнѣва, гро охриплые голоса, и съ ними звонъ кулаковъ, все вмѣстѣ гудѣло, не останавлива никогда въ этомъ воздухѣ, не знающемъ времени, какъ песокъ, гонимый вихрем

[4]) „Нѣтъ мучительнѣе страданія, какъ вспоминать о счастливомъ времени ср несчастія“..

слышатся въ глубоко прочувствованной, трогательной мелодіи англійскаго рожка, аккомпанируемаго арфой. За тѣмъ слѣдуетъ Andante amoroso (въ 7/4), поэтическій любовный дуэтъ, очень красивый по музыкѣ, хотя нѣсколько въ приторно-итальянскомъ стилѣ: Паоло и Франческа, забывъ свои вѣчныя загробныя страданія, вспоминаютъ о былыхъ земныхъ радостяхъ. Эпизодъ этотъ прерывается зловѣщей фразой: Lasciate ogni speranza—поэтическіе образы влюбленныхъ исчезаютъ и снова раздаются страшные вопли муки, отчаянія и проклятій.

Во второй части симфоніи «Purgatorio» (Чистилище) изображены картины другого характера; въ воображеніи слушателя рисуется тихая, безмолвная, звѣздная ночь, вдали слышно колебаніе волнъ,—группы кающихся ожидаютъ спасенія. Музыка этой части проникнута миромъ, тишиной, безграничнымъ спокойствіемъ, скоро однако нарушеннымъ пробуждающимся въ душахъ кающихся горячимъ стремленіемъ къ Божеству, страхомъ за невѣдомое будущее, безотчетнымъ томленіемъ. Смѣшеніе всѣхъ этихъ ощущеній прекрасно выражено посредствомъ фуги, съ чрезвычайно удачно-выбранной тэмой, вполнѣ соотвѣтствующей настроенію. Мало по малу муки сомнѣнія и самоосужденія разсѣиваются и слышенъ скрытый женскій хоръ, поющій гимнъ Творцу (католическая церковная тэма):

Magnificat anima meo Dominum,
Et exultavit spiritus meus
In Deo salutari meo [1]).

Картина небеснаго блаженства и ликованія заключается торжественною пѣснью: «Осанна, аллилуія!»

Всю вторую часть симфоніи можно отнести къ наиболѣе удачнымъ страницамъ творчества Листа; эта часть по музыкальнымъ достоинствамъ гораздо цѣльнѣе и вообще лучше первой части, въ которой много излишнихъ длиннотъ и декоративной музыки, не отличающейся особою глубиною содержанія. Но уже самая идея музыкальнаго произведенія на такой прекрасный сюжетъ, какъ «Божественная Комедія» Данта, даетъ право этой симфоніи занять видное мѣсто въ исторіи музыки. Многіе живописцы, какъ напримѣръ Ари Шефферъ, Делакруа, Генелли, Флаксманъ и др. въ безсмертномъ твореніи Данта черпали вдохновеніе для своихъ художественныхъ произведеній; Листъ былъ первый изъ композиторовъ, рѣшившійся искать въ звукахъ музыкальное изображеніе потрясающихъ картинъ, со-

---

[1]) Величитъ душа моя Господа, и возрадовахся духъ мой о Бозѣ спасѣ моемъ.

зданныхъ великимъ флорентинскимъ поэтомъ, и разрѣшилъ эту трудную задачу, если не съ полнымъ совершенствомъ, то, во всякомъ случаѣ, съ большою талантливостью, оригинальностью, заслуживающею вниманія и уваженія. Симфонія эта задумана Листомъ еще въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ, партитура написана лѣтомъ 1856 г.; первое исполненіе состоялось въ Дрезденѣ въ 1857 г. и послѣ вторичнаго исполненія въ слѣдующемъ году въ Прагѣ тогда же появилась въ печати.

Если въ двухъ разобранныхъ большихъ симфоніяхъ мы встрѣтили значительныя отступленія отъ традиціонныхъ формъ симфонической музыки, то еще бо̀льшую оригинальность находимъ въ рядѣ оркестровыхъ произведеній, которыя Листъ называетъ «Симфоническими поэмами» (Symphonische Dichtungen). Для этого рода симфонической музыки Листъ создалъ совершенно нову самостоятельную форму. Все музыкальное содержаніе симфонической поэмы развивается изъ немногихъ основныхъ тэмъ; ра нообразнѣйшей тэматической разработкой, мѣняя темпъ, ритм тактъ, гармонизацію, инструментовку, Листъ достигаетъ разн образнѣйшихъ музыкальныхъ ситуацій и, благодаря этому, е симфоническія поэмы, сохраняя цѣльность, единство, заключаю въ себѣ бо̀льшею частью весьма обширное какъ поэтическ такъ и музыкальное содержаніе. Почти всѣ его симфоничес поэмы имѣютъ опредѣленную программу, но и въ тѣхъ, кот рыя не снабжены программой, самое уже заглавіе характер зуетъ ихъ содержаніе. Вотъ перечень этихъ симфоническ поэмъ: «Ce qu'on entend sur la montange» (по стихотворе В. Гюго); «Tasso» (Lamenta e Trionfo); «Le Triomphe funèb du Tasse»; «Les Préludes» (по стихотв. Ламартина); «Орфе «Прометей», «Мазепа» (по стихотв. В. Гюго), «Fest-Kläng «Héroïde funèbre», «Hungaria», «Гамлетъ», «Битва Гунно (по картинѣ Каульбаха), «Die Ideale» (по стихотв. Шиллера) «Отъ колыбели до гроба» (по картинѣ Зичи). Этотъ перече заглавій показываетъ, что Листъ въ выборѣ сюжетовъ для с ихъ симфоническихъ поэмъ (такъ же какъ и для двухъ больши симфоній), останавливался по преимуществу на возвышенны идеалахъ съ глубокимъ поэтическимъ и философскимъ содер ніемъ. Быть можетъ, иногда онъ брался за непосильную задачу за сюжеты, невыполнимые средствами музыки, могущественн въ выраженіи чувства и немощной въ вопросахъ философіи; н если творчество Листа находило вдохновеніе въ подобныхъ во вышенныхъ глубокихъ образцахъ человѣческаго генія, а не въ какихъ-нибудь легонькихъ ничтожныхъ сюжетцахъ, то это толь

служитъ доказательствомъ его возвышенной и глубоко-поэтической натуры художника-мыслителя, стремящагося выйти изъ ограниченной сферы традиціоннаго искусства. Уже самое это стремленіе къ новому, неизвѣданному, заслуживаетъ полнаго сочувствія и уваженія; поэтому симфоническія поэмы Листа, если по своему замыслу нерѣдко выступаютъ за предѣлы области музыки и иногда по абсолютному достоинству своей музыки не стоятъ на достаточно высокомъ уровнѣ,—во всякомъ случаѣ представляютъ выдающееся явленіе въ искусствѣ. Въ нихъ мы имѣемъ рядъ капитальныхъ симфоническихъ произведеній, открывшихъ музыкѣ новые пути, новое направленіе и послужившихъ образцомъ для ея дальнѣйшаго развитія, совершенствованія. Кромѣ новизны формы и содержанія, въ симфоническихъ поэмахъ (какъ впрочемъ во всѣхъ Листовскихъ произведеніяхъ) чрезвычайно интересна и инструментовка. Въ этомъ отношеніи Листъ сдѣлалъ также много изобрѣтеній и усовершенствованій; его оркестръ по богатству колорита, по силѣ звука, по разнообразію эффектовъ представляетъ громадный прогрессъ въ сравненіи съ оркестромъ величайшаго симфониста Бетховена. На этомъ пути Листъ имѣлъ предшественника, необыкновенно изобрѣтательнаго инструментатора Берліоза; оба они, какъ Берліозъ такъ и Листъ, очень много содѣйствовали усовершенствованію инструментовки.

Лучшая изъ всѣхъ симфоническихъ поэмъ Листа—это «Hunnenschlacht» (Битва Гунновъ), написанная подъ впечатлѣніемъ извѣстнаго фреска Вильгельма Каульбаха. Талантливый живописецъ въ своей картинѣ стремился изобразить сказаніе о битвѣ христіанъ съ варварскими полчищами гунновъ, битвѣ, въ которой павшіе въ сраженіи поднимались въ видѣ призраковъ къ облакамъ и тамъ продолжали борьбу. Этотъ грандіозный сюжетъ вдохновилъ Листа на одно изъ замѣчательныхъ произведеній, въ которомъ онъ мощными звуками рисуетъ ужасную битву. Невозможно объяснить словами то крайне суровое настроеніе, съ какимъ-то демоническимъ призрачнымъ характеромъ, которымъ проникнута вся эта поэма. Глухіе дрожащіе звуки струнныхъ инструментовъ подъ сурдинками изображаютъ какъ бы страшные призраки, поднимающіеся съ поля сраженія въ облака, чтобы тамъ продолжать еще болѣе ожесточенное сраженіе, и составляютъ мрачный фонъ музыкальной картины. Слышенъ въ рогахъ боевой кличъ гунновъ, которому отвѣчаютъ трубные сигналы римлянъ. Съ дикими криками бросаются въ бой язычники; церковный хоралъ сопровождаетъ сражающихся христіанъ. Борьба становится все упорнѣе,—призраки наступаютъ другъ на друга

все ожесточеннѣе, но внезапно свѣтъ, исходящій изъ побѣдна
креста, проникаетъ чрезъ темныя облака. Мощные фанфары во
вѣщаютъ торжество христіанства; оркестръ замолкаетъ и слыше
только оргáнъ, исполняющій древній хоралъ:

Crux fidelis, inter omnes
Arbor una nobilis,
Nulla silva talem profert
Fronde, flore, germine,
Dulce lignum, dulce clavos,
Dulce pondus sustinet.

Спокойнымъ свѣтлымъ настроеніемъ проникнуто оконч
этой чудесной поэмы; здѣсь еще слышатся по временамъ ф
боевыхъ сигналовъ въ рогахъ и трубахъ, но онѣ не имѣ
болѣе того мрачнаго зловѣщаго характера, какъ въ началѣ,
скорѣе придаютъ настроенію торжественный величествен
характеръ.

Чтобы закончить обзоръ оркестровыхъ произведеній Л
назовемъ еще слѣдующія небольшія произведенія: Künstler-F
zug (написанный въ 1859 г. по случаю празднества въ ч
Шиллера), «Festmarsch», «Festvorspiel» и «Von Fels
Meer».

Вокальныя произведенія Листа такъ же многочисленны,
и инструментальныя; и въ этомъ родѣ музыки Листъ та
проявилъ много самостоятельности, оригинальности и здѣсь та
открылъ искусству новые пути. Онъ написалъ до 60-ти ро
совъ для пѣнія соло съ фортепіано, на слова Гёте, Шилл
Гейне, Рюкерта, Ленау, Гюго и другихъ поэтовъ; большинс
его романсовъ отличаются красотою и поэтичностью муз
колоритностью, вѣрною передачею настроенія, разнообразіе
акомпаниментовъ. Какъ наиболѣе выдающіеся изъ его ро
совъ назовемъ: «Es war ein König im Thule» (слова Гё
«Der Fischerknabe» (сл. Шиллера), «Du bist wie eine Blu
(Гейне), «Es muss ein Wunderbares sein» (Редвица) и пр.
которые изъ его романсовъ также имъ инструментованы,
напр. «Лорелея», «Миньона», «Fischerknabe», «Die drei Zig
ner» и др. и изданы въ оркестровыхъ партитурахъ. Затѣмъ
Листа написано шесть кантатъ для соло, хора и оркестра: «
die Künstler» (поэма Шиллера), «Св. Цецилія», «Колок
Страсбургскаго собора» и торжественныя кантаты въ честь Б
ховена (двѣ), Гёте и Гердера; также студенческая пѣсня «G
deamus igitur» (для оркестра, хора и соло), нѣсколько тетра
четырехъ-голосныхъ мужскихъ хоровъ съ акомпаниментомъ и

capella, и восемь хоровъ къ драматическимъ сценамъ «Прометей» Гердера.

Много написалъ Листъ также и церковной музыки: двѣ органныя мессы (C-moll, A-moll), четыре псалма (13, 18, 23 и 137), реквіемъ для мужскихъ голосовъ съ органомъ и нѣсколько мелкихъ вещей, какъ-то: Pater noster, Ave Maria, Ave maris stella, Ave verum, Tantum ergo и др. Главныя же его произведенія—двѣ большія мессы съ оркестромъ: «Graner Festmesse» и «Ungarische Krönungsmesse». Первая, «Гранская месса» написана весной 1856 г. и исполнена въ 1-й разъ въ августѣ того же года при торжественномъ освященіи собора въ Гранѣ, спеціально для чего и была написана. Месса эта, носящая также названіе «Missa Solemnis» задумана по широкому грандіозному плану и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней много цѣльности, единства, благодаря тому, что вся она основана на немногихъ тэмахъ, въ различныхъ варіантахъ, проходящихъ черезъ все произведеніе. Въ ней много религіознаго чувства, но это чувство проникнуто нервностью, страстью, въ немъ нѣтъ того спокойнаго созерцательнаго настроенія, какое мы, напримѣръ, видимъ въ церковной музыкѣ Палестрины, Баха и др. старыхъ композиторовъ; месса Листа какъ бы проникнута современностью со всѣми ея волненіями и страстными порывами. Вторая листовская месса «Венгерская Коронаціонная» написана въ 1867 г., по случаю коронованія въ Офенѣ австрійскаго императора Франца-Іосифа венгерскою короною; соотвѣтственно торжеству, для котораго предназначалась эта месса, въ ней преобладаетъ свѣтлое, торжественное, ликующее настроеніе. Главный ея интересъ заключается въ томъ, что она вся написана въ характерѣ національныхъ венгерскихъ мотивовъ, придающихъ всему произведенію большую оригинальность. Эта смѣлая идея выполнена Листомъ съ большою талантливостью, и венгерскіе мотивы, которые съ перваго взгляда кажутся столь несоотвѣтственными стилю церковной музыки, разработаны имъ такъ чудесно, такъ мастерски, что въ его мессѣ два эти разнообразные элемента гармонируютъ между собою какъ нельзя лучше. Но, не смотря на всю большую талантливость, на оригинальность церковной музыки Листа, его мессы не могутъ занять въ исторіи музыки мѣста наравнѣ съ мессами Баха, Бетховена, реквіемомъ Моцарта и другими геніальными произведеніями этого рода. Въ листовскихъ мессахъ, какъ и вообще во всей его церковной музыкѣ, нѣтъ той строгой выдержанности стиля, нѣтъ тѣхъ музыкальныхъ достоинствъ и красотъ, которыя бы равняли его произведенія съ только-что помянутыми

и дали имъ значеніе въ будущемъ или послужили образцомъ для дальнѣйшаго развитія. Въ этомъ отношеніи гораздо бо́льшее значеніе имѣютъ ораторіи Листа, въ которыхъ онъ пошелъ гораздо далѣе своихъ предшественниковъ и далъ положительно образцовыя произведенія, достойныя изученія и подражанія.

Ораторій у Листа написано двѣ: «Св. Елизавета» («Die Legende von der heiligen Elisabeth») и «Христосъ» («Christus»), обѣ напечатанныя; окончаніемъ третьей ораторіи «Св. Станиславъ» Листъ занятъ въ настоящее время. Ораторіей Св. Елизавета, можно сказать, начался третій періодъ реформаторской творческой дѣятельности Листа. Первый періодъ обнимаетъ фортепіанныя произведенія, создавшія новую школу, въ реформаторскомъ значеніи которой не сомнѣваются болѣе и противники Листа; нѣтъ ни одного болѣе или менѣе выдающагося піаниста, въ репертуарѣ котораго не было бы Листовскихъ пьесъ и врядъ ли кто изъ позднѣйшихъ композиторовъ фортепіанной музыки будетъ игнорировать пріемы фортепіанной техники, разработанной Листомъ. Второй періодъ его композиторской дѣятельности относится къ его симфоніямъ и особенно симфоническимъ поэмамъ (въ пятидесятыхъ годахъ), которыми Листъ возбудилъ вопросъ о новыхъ музыкальныхъ формахъ и новомъ содержаніи сюжетовъ для оркестровыхъ произведеній,—смѣлое нововведеніе, вызвавшее горячую оппозицію, препятствовавшую быстрому и успѣшному распространенію листовскихъ симфоническихъ произведеній. Наконецъ начало третьяго періода составляетъ ораторія «Св. Елизавета», исполнявшаяся въ 1-й разъ въ Пештѣ въ 1865 г. и доказавшая, что въ этой области Листъ сдѣлалъ реформы не меньшія, чѣмъ въ симфонической музыкѣ.—«Св. Елизавета» и по замыслу и по выполненію совершенно отличается отъ ораторій прежняго стиля; это въ сущности не ораторія, какъ ее понимали прежде, а скорѣе легенда въ эпической формѣ, въ которой въ отдѣльныхъ эпизодахъ преобладаетъ драматическій характеръ. Легенда эта (текстъ написалъ Отто Рокеттъ) состоитъ изъ двухъ частей: въ первой части находимъ прибытіе ребенка Елизаветы, дочери венгерскаго короля, въ Вартбургъ, сцены изъ ея жизни съ мужемъ, ландграфомъ Людвигомъ, и отъѣздъ послѣдняго съ крестоносцами ко гробу Господню; вторая часть изображаетъ страданія и смерть Елизаветы, изгнаніе ея послѣ смерти мужа изъ Вартбурга, дѣла милосердія Елизаветы, ея смерть въ нуждѣ и бѣдности и, въ заключеніе, торжественное погребеніе тѣла св. Елизаветы. Если сравнить эту партитуру съ прежними ораторіями, то найдемъ въ главныхъ чертахъ слѣ-

дующее отличіе. Объ аріяхъ въ старой формѣ, съ обычнымъ повтореніемъ фразъ и словъ, съ колоратурами или безъ нихъ, въ «Св. Елизаветѣ» нѣтъ и помину; всѣ вокальныя партіи написаны въ формѣ декламаціоннаго аріозо, въ которомъ музыка тѣсно связана съ текстомъ. Сверхъ того всюду введенъ драматическій элементъ, вслѣдствіе чего всѣ значащіяся въ легендѣ личности являются не разсказчиками, какъ въ прежнихъ ораторіяхъ, а настоящими дѣйствующими лицами, и потому слушатель выноситъ непосредственное впечатлѣніе, а не рефлексъ изъ разсказовъ и разсужденій, передающихъ содержаніе ораторіи. Точно также дѣятельная роль предоставлена и хорамъ, которые, принимая самостоятельное участіе въ дѣйствіи, не имѣютъ характера только отвлеченныхъ звуковыхъ массъ, а выполняютъ опредѣленныя функціи согласно содержанію текста (напримѣръ, народъ, встрѣчающій прибытіе Елизаветы, хоръ крестоносцевъ, хоръ нищихъ). Оркестръ въ этой партитурѣ представляетъ такое же богатство колорита, роскошь красокъ, какъ и во всѣхъ симфоническихъ произведеніяхъ Листа; не ограничиваясь однимъ оркестровымъ акомпаниментомъ, композиторъ предоставляетъ оркестру также вполнѣ самостоятельную роль и въ его ораторіи находимъ четыре нумера инструментальной музыки: вступленіе, маршъ крестоносцевъ въ концѣ первой части, буря въ первой сценѣ второй части, и наконецъ оркестровое Interludium, которымъ начинается заключительная сцена погребенія св. Елизаветы. Всѣ эти четыре инструментальные нумера съ успѣхомъ могутъ быть исполняемы и исполняются въ концертахъ. Какъ на лучшія мѣста въ ораторіи укажемъ, во 1-хъ, оркестровое вступленіе, представляющее музыкальную характеристику св. Елизаветы, проникнутое необыкновенною женственностью, святостью; во 2-хъ, всю большую сцену страданій и смерти Елизаветы, ея молитву и воспоминанія, хоръ нищихъ и заключительный хоръ ангеловъ,—сцену, которая по красотѣ музыки, по своему глубокому драматизму, по силѣ производимаго впечатлѣнія, едва ли не лучшее изъ всего, что̀ написано Листомъ. Кромѣ того назовемъ еще эффектные маршъ и хоръ крестоносцевъ, очень удачное оркестровое изображеніе бури и упомянутое оркестровое же Interludium, проникнутое такимъ печальнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнымъ настроеніемъ. Къ недостаткамъ ораторіи слѣдуетъ отнести встрѣчающееся однообразіе и длинноты въ нѣкоторыхъ сценахъ, какъ напримѣръ, въ заключительной сценѣ, недостатки, значительно ощущаемые при общемъ цѣломъ испол-

неніи всего этого большого произведенія, но выкупаемые ино-
гими достоинствами музыки.

Вторая ораторія Листа «Христосъ» (по текстамъ священ-
наго писанія и католической литургіи) была окончена прибли-
зительно въ 1871 г.; первое же ея исполненіе состоялось только
въ 1873 г. въ Веймарѣ. Надъ этой партитурой Листъ работалъ
почти десять лѣтъ, начавъ ее еще въ 1862 г. въ Римѣ [1].
Ораторія «Христосъ» состоитъ изъ трехъ частей: «Weihnachts-
oratorium» (Рождественская ораторія), заключающая въ себѣ
оркестровое вступленіе, пастораль и ангельское благовѣстіе о
Рождествѣ Христовѣ, гимнъ «Stabat mater speciosa», пастуше-
скую пѣснь (поклоненіе пастуховъ) и поклоненіе волхвовъ. Во
второй части, носящей общее заглавіе «Nach Epiphania» (После
Богоявленія), заключаются слѣдующіе нумера: заповѣди блажен-
ства, молитва Господня (Отче нашъ), основаніе церкви (Ты еси
Петръ, и на семъ камнѣ созижду церковь мою), чудо (укроще-
ніе бури) и входъ въ Іерусалимъ. Въ третьей части—«Страсти
и Воскресеніе Господне», находимъ: Іисусъ въ Гефсиманскомъ
саду и гимны «Stabat mater dolorosa, O filii et filiae и Re-
surrexit.—Въ ораторіи этой тѣ же хорошія достоинства и тѣ же
недостатки, какъ и въ «св. Елизаветѣ». Длиннотъ монотонныхъ,
утомительныхъ при концертныхъ исполненіяхъ здѣсь больше,
чѣмъ въ первой ораторіи; причина этихъ длиннотъ заключается
главнымъ образомъ въ текстѣ, какъ, напримѣръ, въ такихъ боль-
шихъ гимнахъ, какъ «Stabat mater speciosa» и «Stabat mater
dolorosa», которые, при сохраненіи полности всего текста, не-
смотря на всѣ свои музыкальныя достоинства слишкомъ длинны
и утомительны. Превосходно оркестровое вступленіе, отличаю-
щееся спокойствіемъ, такъ-сказать, безстрастіемъ музыки, столь
рѣдкимъ у Листа; но что болѣе всего удалось композитору въ
ораторіи «Христосъ»,—это тѣ эпизоды, гдѣ былъ бóльшій про-
сторъ его фантазіи и гдѣ онъ могъ примѣнить всѣ средства къ
наиболѣе колоритнымъ, эффектнымъ музыкальнымъ картинамъ.
Такъ, напримѣръ, прекрасно торжественное шествіе волхвовъ, и
явленіе путеводящей звѣзды, принесеніе даровъ и поклоненіе;
по своей выразительности, по благородству настроенія и по кра-
сотѣ звука, эта музыкальная картина немного найдетъ себѣ по-
добныхъ. Нисколько не слабѣе ея и едва ли еще не лучше
«Укрощеніе бури» также для оркестра, съ коротенькимъ бари-
тоннымъ речитативомъ и небольшими фразами хора. Но лучше

[1] Liszt von R. Pohl, стр. 228.

во всей ораторіи—это большая сцена «Входъ въ Іерусалимъ» для хора и оркестра; здѣсь прекрасно выражена въ оркестрѣ картина сбѣгающагося со всѣхъ сторонъ народа, ликующіе клики «осанна», переплетающіеся въ срединѣ въ превосходномъ фугато: сколько чудесныхъ, благородныхъ эффектовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ простоты, какимъ прекраснымъ настроеніемъ проникнута вся эта сцена, которую слѣдуетъ причислить къ лучшимъ произведеніямъ современнаго искусства.

Обратимъ вниманіе на знаменательный и весьма характеристичный фактъ. Обѣ ораторіи Листа, представляющія его позднѣйшія произведенія, отличаются значительной простотой фактуры, сравнительно съ болѣе ранними его произведеніями, напримѣръ, его симфоніями и симфоническими поэмами; вмѣстѣ съ тѣмъ въ ораторіяхъ встрѣчаемъ менѣе рѣзкостей гармоническихъ и модуляціонныхъ, менѣе аффектаціи, преувеличенности въ выраженіи чувства. Обѣ ораторіи доказываютъ, что композиторъ сдѣлался строже и осторожнѣе въ выборѣ средствъ; но, несмотря на это, его музыка, пріобрѣтая многое въ изяществѣ, въ искренности, нисколько не утрачиваетъ силы своей выразительности и, какъ мы упоминали, многое изъ его ораторій относится къ лучшимъ произведеніямъ его творчества.

Третья ораторія Листа «Св. Станиславъ», какъ уже упомянуто, еще неокончена; одинъ отрывокъ ея, именно вступленіе «Salve Polonia» былъ исполненъ въ маѣ нынѣшняго года въ Веймарѣ въ собраніи «Всеобщаго германскаго музыкальнаго общества», подъ управленіемъ самого композитора.

Такова обширная и разнообразная творческая дѣятельность этого замѣчательнаго композитора XIX-го вѣка, дѣятельность, обогатившая искусство художественными музыкальными произведеніями новыми и по своей формѣ и по своему содержанію. Въ этой дѣятельности Листъ проявилъ столько чисто реформаторской инниціативы, столько смѣлости въ изобрѣтеніи новыхъ средствъ, новыхъ пріемовъ музыкальной композиціи и при этомъ такъ расширилъ предѣлы музыки, указавъ ей новыя задачи, открывъ для нея новые пути,—что его нельзя не признать однимъ изъ крупнѣйшихъ новаторовъ въ области музыки, однимъ изъ тѣхъ немногихъ богато одаренныхъ художниковъ, творческою дѣятельностью которыхъ обусловливается прогрессъ искусства. Все, что сдѣлано Листомъ въ теченіе всей его многолѣтней жизни въ качествѣ піаниста-виртуоза, дирижера, преподавателя музыки, композитора и писателя, все это, взятое въ общей совокупности, въ высшей степени плодотворно и вмѣстѣ такъ обширно, велико, что смѣло можно утверждать, что ни одинъ

художникъ на своемъ вѣку не сдѣлалъ для искусства того, чтб сдѣлано Листомъ. Только громадная талантливость, необыкно-венная энергія и сила воли и наконецъ горячая любовь къ дѣлу, могли дать возможность выполнить всѣ тѣ задачи, которыя вы-полнены Листомъ и которыя, повторяемъ, такъ велики, что бе-спорно предоставятъ Листу въ исторіи музыки одно изъ самыхъ почетнѣйшихъ мѣстъ, на ряду съ наиболѣе выдающимися гені-альными композиторами,

Слава Листа, какъ необычайнаго піаниста-виртуоза, давно уже живетъ только въ преданіи; его блестящая капельмейстер-ская дѣятельность въ веймарскій періодъ, въ пятидесятыхъ го-дахъ, какъ ни была она плодотворна и полезна по распростра-ненію новыхъ произведеній, тоже оставила только одни воспо-минанія; но многое изъ того, чтб имъ написано, лучшіе плоды его музыкальнаго творчества, переживутъ еще многія поколѣ-нія и окажутъ значительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе музыки. Вліяніе Листа на произведенія позднѣйшихъ композиторовъ ска-зывается уже въ настоящее время. Замѣчательно то обстоятел-ство, что въ Германіи, которая считаетъ Листа своимъ компо-торомъ и гдѣ онъ пользуется такимъ почетомъ и считается гро-маднымъ авторитетомъ,—вліяніе Листа отразилось менѣе всего; нѣмецкіе композиторы слишкомъ консервативны, чтобы та-скоро воспринимать какія-нибудь нововведенія. Но компо-торы другихъ націй, оказываются болѣе воспріимчивыми къ Ли-стовой реформѣ. Въ произведеніяхъ Мошковскаго (родомъ по-лякъ), Ганса Губера (швейцарецъ) вліяніе Листа весьма знач-тельно, такъ же какъ и въ произведеніяхъ новѣйшихъ франц-скихъ композиторовъ, особенно наиболѣе талантливаго изъ нихъ Сенъ-Санса. Вліяніе Листа до извѣстной степени отражается на творчествѣ современныхъ русскихъ композиторовъ, въ прои-веденіяхъ которыхъ, несмотря на всю ихъ самостоятельнос-какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ можно найти родстве-ную связь съ произведеніями Листа. Авторъ «Битвы Гунновъ» и «Пляски смерти» былъ, такъ сказать, однимъ изъ ингреді-товъ, изъ которыхъ создалась новая русская школа; поэто-среди музыкантовъ этой школы произведенія Листа пользую-большимъ уваженіемъ и именно представителямъ ихъ (Гг. Б-лакиреву и Римскому-Корсакову) мы обязаны за первое з-комство съ лучшими Листовскими произведеніями [1]) и за ихъ нась распространеніе.

---

[1]) Почти всѣ произведенія Листа, исполнявшіяся въ Петербургѣ, въ первый р-появлялись въ концертахъ „Безплатной музыкальной школы".

Съ своей стороны Листъ выказываетъ полнѣйшую симпатію къ новѣйшей русской музыкѣ и съ большимъ интересомъ слѣдитъ за ея быстрымъ развитіемъ. «Симпатіи его,—пишетъ г. Бородинъ [1]),—на сторонѣ новой французской и въ особенности новой русской школы, произведенія которой онъ цѣнитъ высоко, изучаетъ и знаетъ основательно. Они не сходятъ у него съ рояля; онъ играетъ ихъ самъ, играютъ и его ученики. Четырехъ-ручныя вещи, которыми онъ увлекается или интересуется, онъ любитъ проигрывать чуть не съ каждымъ ученикомъ или піанистомъ, подвернувшимся подъ руку. При этомъ онъ разбираетъ музыку по косточкамъ и отмѣчаетъ все выдающееся и оригинальное». Объ этомъ уже много разъ писали, и всѣ подобныя сообщенія вызывали цѣлую бурю въ оппозиціонномъ лагерѣ. Пишущему эти строки приходилось слышать отъ многихъ лицъ, имѣвшихъ случай бесѣдовать съ Листомъ, разсказы о томъ, съ какимъ вниманіемъ этотъ маститый музыкантъ слѣдитъ за всѣмъ, что̀ выходитъ новаго въ Россіи по части музыки, съ какимъ горячимъ увлеченіемъ отзывается онъ о нашихъ композиторахъ, о гг. Балакиревѣ, Римскомъ-Корсаковѣ, Кюи, Бородинѣ, и не упускаетъ случая послать имъ свое привѣтствіе и поклонъ, не смотря на то, что съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ никогда лично не встрѣчался и знаетъ ихъ только по ихъ произведеніямъ. Всѣ эти устныя сообщенія,—которыя никоимъ образомъ нельзя заподозрить въ пристрастности или тенденціозности, такъ какъ они исходятъ отъ музыкантовъ самыхъ несходныхъ направленій, принадлежащихъ къ различнымъ музыкальнымъ кружкамъ,—еще болѣе ярко, чѣмъ появлявшіяся въ нашей печати статьи и замѣтки, характеризуютъ хорошія отношенія Листа къ представителямъ новой русской школы.

Начало симпатіи Листа къ русской музыкѣ и къ русскимъ композиторамъ относится къ довольно отдаленному прошлому, именно къ 1842 г., когда Листъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, познакомился съ авторомъ «Жизни за Царя» и «Руслана». Въ то время Глинка, непонятый, непризнанный въ своемъ геніальнѣйшемъ произведеніи, жилъ въ отчужденіи отъ свѣтскаго общества, въ которомъ когда-то вращался. Листъ, окруженный всеобщимъ поклоненіемъ, былъ удивленъ подобнымъ невниманіемъ нашей аристократіи къ русскому композитору, и всѣми мѣрами старался измѣнить эти ненормальныя отношенія; онъ буквально выводилъ Глинку въ большой свѣтъ и игралъ его произведенія,

[1]) См. „Искусство“ 1883 № 12.

пропагандируя ихъ среди петербуржцевъ.—Позднѣйшіе успѣхи въ развитіи музыки въ Россіи еще болѣе обратили на себя его вниманіе; оставаясь по прежнему ревностнымъ поборникомъ движенія искусства впередъ, Листъ привѣтствуетъ новую ступень развитія музыки въ произведеніяхъ новой русской школы, находя въ нихъ столько новизны, оригинальности, самобытности и чувствуя въ нихъ нѣкоторую органическую связь съ своими собственными произведеніями. Онъ слишкомъ еще живой человѣкъ и слишкомъ большой музыкантъ для того, чтобы могъ оставаться безучастнымъ къ современному нашему музыкальному движенію, чтобы могъ проглядѣть выдающіяся произведенія въ той области искусства, которой съ такимъ самоотверженіемъ онъ посвятилъ свою жизнь. При своей чуткой художественной натурѣ, Листъ хорошо понимаетъ значеніе русской музыки и если высказываетъ къ ней столько вниманія и сочувствія, то дѣлаетъ это вполнѣ искренно и сознательно, за что порукой вся его многолѣтняя дѣятельность и его громадная музыкальная эрудиція и опытность. Это сочувствіе къ русской музыкѣ онъ выражаетъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ; играя самъ произведенія русскихъ композиторовъ, заставляя играть ихъ своихъ учениковъ и пріѣзжающихъ къ нему музыкантовъ, онъ много содѣйствуетъ къ ихъ распространенію за границей. Кромѣ того, конечно, вліянію Листа слѣдуетъ приписать то, что напр. «Жизнь за Царя» была поставлена въ 1878 г. на сценѣ королевскаго театра въ Ганноверѣ, что симфоніи нашихъ композиторовъ исполнялись на большихъ музыкальныхъ фестиваляхъ «Всеобщаго германскаго музыкальнаго общества» въ Магдебургѣ, Баденъ-Баденѣ, Веймарѣ, имѣли тамъ большой успѣхъ и встрѣтили въ высшей степени сочувственное отношеніе нѣмецкой печати. Поэтому намъ, русскимъ, Листъ особенно дорогъ; въ немъ мы видимъ искренняго надежнаго друга русской музыки, а въ Западной Европѣ у насъ слишкомъ мало друзей, чтобы не дорожить тѣми немногими, которые выражаютъ намъ свое сочувствіе и внимательно относятся къ успѣхамъ нашего искусства.

П. Трифоновъ.

У ХРАМА ИСКУССТВЪ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Въ концѣ пятидесятыхъ, или началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ одинъ зимній день, часа въ три или въ половинѣ четвертаго, два ученика академіи художествъ переходили Неву наискось отъ академіи къ сенатской пристани. День былъ туманный и сырой, настоящій петербургскій. Однотонныя сырыя облака повисли надъ городомъ густой сплошной массой и только кое-гдѣ на западной сторонѣ неба пораворвались и зарумянились блѣдно-розовымъ цвѣтомъ заката. Ученики громко разговаривали. Говорилъ, главнымъ образомъ, одинъ, нѣкто Мельниковъ, а другой, Ипатовъ, больше слушалъ и только по временамъ произносилъ короткія фразы, чаще въ формѣ отвѣтовъ. Онъ былъ маленькаго роста, тщедушный и блѣдный съ свѣтло-русыми, почти цвѣта льна волосами; Мельниковъ былъ широкоплечій, коренастый брюнетъ, съ крупными чертами лица. Мельниковъ шелъ твердымъ большимъ шагомъ, а Ипатовъ, дѣлая мелкіе и торопливые шаги, едва успѣвалъ за нимъ.

— Ахъ, чортъ возьми! красокъ нѣтъ! — ворчалъ Мельниковъ, не сводя глазъ съ облаковъ, — набросать бы... Вотъ мотивчикъ-то, ей-Богу! Слышь, Ипатовъ?.. Мотивчикъ, ей-Богу, первый сортъ! Какъ только приду, сейчасъ же набросаю, а потомъ можно будетъ послѣ пройти съ натуры. Чудесная штука! Ипатовъ, слышишь, тебѣ я говорю, глухарь! Каковъ тонъ-то?

— Да, пожалуй, ничего себѣ...

— Ничего себѣ!—передразнилъ Мельниковъ,—ну какой ты чортъ художникъ, если этого не чувствуешь!

— Вѣдь я, Демьянъ Иванычъ, что же... я, знаете, не по пейзажу... я вѣдь...

— По жанру, скажешь небойсь...

— Не то, чтобы непремѣнно по жанру, куда ужъ мнѣ! Я хоть бы иконописи какъ слѣдуетъ...

— Ну и въ иконописи безъ художественнаго чувства тоже, братъ, не далеко уѣдешь. Нельзя же мазать такъ, что ежели годится—такъ Богу молиться, а не годится—такъ бабамъ горшки закрывать. И тамъ, братъ, тоже нужно кое-что побольше того, что̀ сказано въ руководствѣ для иконописцевъ. «Исподъ багрянъ, риза прозелень»... Гляди-ка, гляди, каковъ эффектъ въ облаках-то! Какая розоватость-то нѣжная... чуть-чуть только тронуто кармницемъ, а тамъ-то, смотри, ишь какъ закрутилъ, тучи темныя надвигаются... а тутъ, видишь, какъ прорвалъ, какое пятно! Тутъ, братъ, сила. Тутъ кремсервейсомъ хвачено во всю кисть. Чудесно. Вотъ сюжетъ-то! А ежели еще кусочекъ домовъ взять— гармонія! Смотри, какъ славно по трубѣ-то свѣтикъ скользитъ, лего-онечко такъ, едва едва тронуть... А тамъ дальше — мгла, мракъ, что-то грозное, канунъ страшнаго суда! Ипатовъ, а, видишь?..

Но Ипатовъ, вмѣсто того, чтобы отозваться на восторги товарища, только глубоко вздохнулъ и еще учащеннѣе зашагалъ, стараясь не отставать отъ него. Дорога или, вѣрнѣе, широкая тропа, обсаженная съ обѣихъ сторонъ вѣхами изъ елей, была плохо утоптана послѣ недавняго снѣга, и Ипатовъ, уставшій отъ быстрой ходьбы, наконецъ сталъ отставать.

— Ты что же это?—изумился товарищъ.

— Я, Демьянъ Иванычъ, видите ли... Вы очень ужъ того... скорымъ шагомъ...

— Эхъ ты, ужъ размякъ! Ну, пойдемъ, когда такъ, потише.

Имъ встрѣчались прохожіе, возвращавшіеся изъ «города», какъ привыкли называть обитатели Васильевскаго Острова заневскія части Петербурга. И о рѣдкомъ изъ встрѣчныхъ спутникъ Ипатова не дѣлалъ какого-либо замѣчанія. Проплелась старушка въ поношенномъ салопишкѣ, низенькая, сгорбленная, съ потускнѣвшими слезящимися глазами; онъ при встрѣчѣ съ ней ткнулъ Ипатова локтемъ, и подмигивая на нее, зашепталъ:

— Ипатовъ, чувствуй!

— Что такое?—вздрогнувъ, спросилъ тотъ.

— Проснись, чего спишь! Эхъ, драть тебя надо, братъ...

Такъ драть, такъ драть, чтобы до новыхъ вѣниковъ не забылъ. Вѣдь рембрантовская фигура... Будь я на твоемъ мѣстѣ, я бы въ догонку за ней бросился. Присталъ бы къ ней,—позвольте, молъ, сударыня, осчастливьте, всего на одинъ часъ времени, вѣчный вамъ слуга буду. И ужъ какъ никакъ, а добился бы этюдика. А ты мямлишь только, мимо рта куски летятъ... А это, это, гляди,—зашепталъ онъ опять, мигая на проходившаго мимо ихъ оборванца въ засаленной и отцвѣтшей форменной фуражкѣ блиномъ.—Вѣдь это что же? Вѣдь это представитель канцелярщины, приказная строка, чинодралъ. Ну какъ этакого не изобразить? Не запечатлѣть на полотнѣ въ поученіе потомству? Вернись за нимъ, выслѣди его берлогу—и вотъ тебѣ картина! Да что говорить, картины на каждомъ шагу, можно захлебнуться въ сюжетахъ, такъ ихъ много, была бы лишь сила... «Только-бъ сила подоспѣла, крѣпость тѣла и души»—вдругъ запѣлъ онъ и театрально развелъ руками.—Ипатовъ, такъ вѣдь?—обратился онъ къ товарищу, и не ожидая его отвѣта, даже видимо не заботясь о немъ, продолжалъ:—вотъ присмотрись, напримѣръ, какой по этой дорожкѣ людъ претъ особенный. Это вѣдь все сюжеты, наводящіе на размышленіе. Это все, такъ сказать, чающіе движенія воды... Болтались тамъ въ городѣ по департаментамъ за пособіями, либо по квартирамъ благодѣтелей за подачками, а теперь на ночь на покой, въ уголъ какой-нибудь, въ девятнадцатой или двадцатой линіи, либо въ Галерную Гавань. Можетъ, въ свое время сами были въ почетѣ, а теперь, вишь, какъ ихъ скрючило. Вотъ она жизнь-то, Ипатовъ,—колесо!

— Да, Демьянъ Иванычъ,—вдругъ оживляясь, подсказалъ Ипатовъ, и даже обрадовался, что товарищъ напалъ наконецъ на близкій его сердцу предметъ разговора.—Да-съ, жизнь бѣдовое дѣло. Оно, конечно, вамъ, Демьянъ Иванычъ, что! Вотъ кончите академію, получите большую золотую, за границу махнете—деньги вамъ посыплются пригоршнями—знай загребай.

— Да, какъ же, загребай! Вишь что у тебя на умѣ. Сластёна! А ты думай такъ: чортъ съ ними и съ деньгами, живы будемъ, сыты будемъ, лишь бы душа была здорова.

II.

Нѣсколько времени они шли молча.

— Видите ли, Демьянъ Иванычъ,—робко, почти пугливо заговорилъ Ипатовъ,—все-таки, значитъ, если я, напримѣръ, че-

ловѣкъ бѣдный и при томъ очень, какъ вы сами знаете, робкій... и если я вдругъ разбогатѣю, все же мнѣ съ деньгами будетъ лучше.

Онъ говорилъ такъ нерѣшительно и съ такими перерывами, что Мельниковъ вопросительно взглянулъ ему прямо въ глаза.

— Да какъ ты разбогатѣешь?—спросилъ онъ.

— Есть такой мнѣ случай...

— Кладъ что-ли надѣешься найти?

— Я нѣтъ... я только такъ къ слову. У меня дѣйствительно есть кой-какіе виды.

— Вотъ что, братъ,—рѣшительно перебилъ его товарищъ,— ты или говори прямо, или молчи, а обиняковъ я терпѣть не могу.

— Я, Демьянъ Иванычъ, скажу вамъ—я, разумѣется, скажу, и потому главнымъ образомъ, что мнѣ именно съ вами нужно посовѣтоваться.

— О какомъ тебѣ, прости Господи, чортѣ совѣтоваться?

— Да вотъ жить трудно...

— Тебѣ-то? Одинъ, какъ перстъ, легъ—свернулся, всталъ— встряхнулся. Знай себѣ работай, вези во всю силу—вывезешь...

— Нѣтъ, видно не вывезу... Сколько лѣтъ маюсь въ академіи—ни взадъ, ни впередъ.

— Самъ виноватъ. Я тебѣ сто разъ объ этомъ говорилъ.

— Да чѣмъ же я виноватъ?

— А тѣмъ и виноватъ, что все какъ-нибудь, да какъ-нибудь. По моему лучше бросить, чѣмъ по пустому воду толочь.

— Хорошо вамъ говорить-то—у васъ талантъ!

— А у тебя его нѣтъ?

— Кто его знаетъ, можетъ, и есть, да такъ, надо быть, крошечный, завалящій какой-нибудь.

— А ты умѣй его развить,—возразилъ Мельниковъ,—иди прямо, не высматривай проселковъ...

— Да что вы, Демьянъ Иванычъ, какъ на меня напустились? Точно я въ самомъ дѣлѣ чѣмъ провинился. Ей Богу это даже удивительно.

Мельниковъ такъ громко захохоталъ и такъ взмахнулъ руками, что шедшій на-встрѣчу лавочный мальчишка, съ корзинкой провизіи на головѣ, шарахнулся отъ него въ сторону.

— А ты, не бойсь, не провинился, ха, ха! — весело продолжалъ Мельниковъ,—да ты кругомъ виноватъ! Чего ухмыляешься? Развѣ ты не высматриваешь проселковъ? Здѣсь, молъ, поближе, пойду-ка я сюда, авось пожирнѣе кусокъ схвачу. Вѣдь ты если встрѣтишься съ ректоромъ — каменной статуей передъ

нимъ вытягиваешься... А изъ-за чего? Все на милости надѣешься. Что замигалъ? Видно, правда глаза колетъ. Теперь о богатствѣ заговорилъ — опять какой-нибудь проселокъ высмотрѣлъ. Не къ добру, братъ, это. Ужь если проселки высматривать, такъ искусство надо бросить. Ты не ему хочешь служить, ты хочешь заставить его себѣ служить, да еще на даровщинку, какъ бы поскорѣе да повыгоднѣе. Нѣтъ, шалишь! Не та матерія. Ты вотъ говоришь: у меня талантъ, и думаешь, что такъ мнѣ съ талантомъ-то и двери вездѣ открыты. Да, какъ-же! Держи карманъ шире. Нѣтъ, милый, заблуждаешься. Съ однимъ талантомъ безъ труда недалеко уѣдешь. Нѣтъ, ты погни спину, надъ каждымъ рисункомъ поломай ее, да не изъ-за денегъ, а изъ-за одного только сознанія, что надо сдѣлать чисто, безъ сучка, безъ задоринки. Ты сначала наплачься досыта за призваніе-то, сто разъ за волосы-то схватись, проклиная свой талантъ за то, что не поддается техникѣ, сто разъ брось рисунокъ-то, и вѣру въ свои силы теряй, и опять ее ищи, и опять хватайся за рисунокъ: овладѣю же, молъ, я тобою, либо издохну тутъ какъ собака, потому что мнѣ другой дороги нѣтъ! Вотъ тогда, значитъ, есть у тебя призваніе, тогда къ тебѣ и академическіе дипломы сами придутъ. А ежели хвататься, какъ бы только по скорѣе да полегче, такъ вѣдь это все равно — съ пылу съ жару, пятачекъ за пару, и ничего изъ этого путнаго не выйдетъ.

— Я и не думалъ хватать съ пылу-жару,— робко возразилъ Ипатовъ,— совсѣмъ даже напротивъ. И если я дѣйствительно... иной разъ не съ такою горячностью, какъ вы... такъ вѣдь это отъ характера. Я, можетъ быть, и горы бы сталъ ворочать, если бы сила.

— То-то вотъ и есть! Все на умѣ-то горы, а дѣла подъ носомъ у себя не видишь.

— Ахъ, Господи!—заволновался вдругъ Ипатовъ,—я же вамъ говорю, что околѣвать приходится. Дороги дальше нѣтъ... Стѣна!

— Ну вотъ вздоръ какой! Ты первый что-ли такъ перебиваешься... Слава Богу, сотни такихъ. Какъ - нибудь вытягивай. Вытянешь—молодецъ будешь, не вытянешь—чортъ съ тобой.

— То-есть какъ же? За что же такъ-то?

— А за то же. Помнишь, какъ армянинъ ласкаетъ на рукахъ ребенка и говоритъ:—Ты кто будешь? Умный будешь—маклеръ будешь, дуракъ будешь—чиновникъ будешь!—Ну вотъ такъ и ты... Можетъ, паразитомъ будешь—и этому удивляться нечего; мало ли ихъ: до Москвы не перевѣшаешь.

Они поднялись уже на берегъ Невы, противоположный острову.

— Вотъ именно по этому, Демьянъ Иванычъ, и хотѣлось съ вами...

Голосъ его дрогнулъ и упалъ на низкія ноты. Мельниковъ даже не слышалъ, о чемъ онъ говоритъ.

— Тебѣ куда?—вдругъ спросилъ онъ, остановившись.

Ипатовъ смутился.

— Да ты что—осовѣлъ...

— Нѣтъ, я такъ... Я послѣ,—едва проговорилъ онъ, ежась и кутаясь въ пледъ, — я, Демьянъ Иванычъ, сюда... Мнѣ на Морскую...

— Ну въ такомъ случаѣ прощай, братъ: мнѣ не по дорогѣ.

III.

На Морской и на Невскомъ было много гуляющихъ. Франты съ закрученными усиками, въ дорогихъ бобрахъ и блестящихъ цилиндрахъ, барыни съ раскрашенными физіономіями и вызывающими взглядами, тучные дѣльцы, вышедшіе на прогулку с благородной цѣлію возбудить аппетитъ и усилить питаніе и безъ того уже въ избыткѣ упитанныхъ тѣлесъ. Городовые, стоя на перекресткахъ улицъ, угрюмо косились на проѣзжавшіе мимо нихъ экипажи съ расфранченными барынями и самодовольными кавалерами, и на тучныхъ бородатыхъ кучеровъ ихъ, правившихъ лошадями съ такимъ гордымъ величіемъ, точно въ рукахъ ихъ были не возжи, а бразды самой судьбы. По временамъ городовые вдругъ и съ необыкновенной быстротой принимали бравый видъ, точно готовы были гаркнуть на всю улицу: «рады стараться». Но проходило два-три мгновенія, и слѣды этой классической фразы Богъ вѣсть куда исчезали съ бравыхъ лицъ блюстителей общественнаго порядка, и только одни глаза ихъ косились еще нѣкоторое время въ даль улицы, куда уносился экипажъ съ развѣвающимся въ немъ султаномъ.

Въ это время въ департаментскихъ канцеляріяхъ, пропитанныхъ начальническою важностію и душнымъ запахомъ архивной пыли, тоже оканчивался день. Мелкотравчатые чиновники и писаря, вѣчно задавленные нуждой, уже оставили канцелярскіе столы съ ихъ «входящими и исходящими», и брели, подобно Ипатову, къ отдаленнымъ окраинамъ города, гдѣ квартиры хуже и грязнѣе и гдѣ тяжкое бремя жизни и ея страданія можно

испытывать значительно дольше, благодаря дешевизнѣ квартиръ. Ипатовъ, переходя Исакіевскую площадь, замѣтилъ двѣ-три такихъ фигуры; но ни на одно мгновеніе не задумался, подобно недавнему своему спутнику, о ихъ типичности, о ихъ вѣчно зависимомъ приниженномъ положеніи. Напротивъ, онъ даже позавидовалъ имъ, что вотъ, молъ, они жалованье получаютъ каждый мѣсяцъ, ну хоть и небольшое, можетъ быть, а все же получаютъ и сыты; а я вотъ бьюсь какъ рыба объ ледъ, ни откуда просвѣту не видно.

Онъ усталъ, идя съ Васильевскаго; но его шаги оказывались все-таки скорыми по сравненію съ тѣмъ, какъ плелись нога за ногу гуляющіе. Занятый своими думами, онъ никакъ не могъ догадаться, что ему давно бы слѣдовало перейти на противоположную сторону улицы, чѣмъ пробираться въ толпѣ и возбуждать противъ себя ропотъ. Удивительно было даже то, какъ онъ догадался повернуть направо по Невскому и не прошелъ прямо подъ арку Морской, чтобы очутиться потомъ безъ всякой надобности на Дворцовой площади. Положеніе его было дѣйствительно таково, что вмѣсто пути по Невскому и далѣе, куда онъ направлялся, можно было не только на Дворцовую площадь попасть, но даже и въ какую-нибудь рѣшетку уткнуться. Онъ съ нѣкотораго времени переживалъ тяжелую душевную борьбу.

Товарищи, жившіе съ нимъ въ одной комнатѣ, сначала отнесли-было его душевное безпокойство къ морозу, такъ какъ имъ приходилось по ночамъ дрогнуть отъ холода въ сырой и дурно протапливаемой комнатѣ, поднимать войну съ квартирными хозяевами изъ-за дровъ и иной разъ добывать ихъ только послѣ болѣе или менѣе ожесточенной схватки. Но такое заключеніе по отношенію къ Ипатову имѣло лишь юмористическую основу и притомъ оказалось даже несправедливымъ, такъ какъ и съ наступленіемъ оттепели, когда температура обитаемой имъ комнаты поднялась до 12 градусовъ, душевное настроеніе Ипатова оставалось прежнее.—«Нѣтъ,—шутили товарищи,—надо его хорошенько проморозить, отобрать отъ него брюки, чтобы онъ не напяливалъ на себя ночью обѣ пары сразу». Они сами были такіе же какъ и онъ бѣдняки, перебивались съ куска на кусокъ и по ночамъ тоже надѣвали на себя все имѣющееся въ наличности бѣлье и платьишко; но они не унывали и тянули свою лямку день за день, въ надеждѣ что «авось какъ-нибудь да когда-нибудь», а Ипатовъ съ каждымъ днемъ становился задумчивѣе.

Нельзя было отнести этой задумчивости и къ тому, что для него съ нѣкотораго времени закрылся источникъ средствъ — именно ученическая касса при академіи, изъ которой онъ раза два получалъ небольшія ссуды подъ свои копіи. Нельзя было потому, что со времени отказа комитета кассы въ выдачѣ ссуды, прошло уже мѣсяца три, а онъ сталъ обращать на себя вниманіе всего лишь недѣли двѣ. Да и то нужно сказать, что ученическая касса не могла произвести своимъ отказомъ ни на Ипатова, ни на товарищей его слишкомъ тяжелаго впечатлѣнія: всего-то ея капитала и основного, и запаснаго, и оборотнаго достало бы только на мѣсячное жалованье лишь одному какому-нибудь чиновному тузу...

Имѣлъ Ипатовъ кромѣ матеріальныхъ нуждъ другія заботы и скорби, такъ рѣзко послѣднее время отразившіяся на его душевномъ состояніи; но никто изъ товарищей не зналъ, въ чемъ онѣ именно заключались и откуда вели свое начало.

IV.

«Да, хорошо Мельникову толковать, — досадливо думалъ онъ,—краснобай тоже порядочный. Съ такимъ-то характеромъ и чортъ не братъ; одинъ голосище чего стоитъ? Заоретъ, такъ и профессора попятятся. Попробуй-ка они дать ему за рисунокъ какой-нибудь изъ дальнихъ нумеровъ, да онъ уголъ у академической стѣны выворотитъ, все зданіе на бокъ свалитъ. Такимъ, разумѣется, всегда все удается. А вотъ каково мнѣ-то? Хотѣлъ было посовѣтоваться съ нимъ... Чортъ его знаетъ, пожалуй еще просмѣетъ, да еще и разболтаетъ всѣмъ... Отъ него станется... Какъ же быть?»

Посовѣтоваться ему необходимо нужно было и непремѣнно съ кѣмъ-нибудь изъ такихъ искреннихъ и прямодушныхъ людей, на совѣтъ которыхъ можно было бы положиться. Но такихъ знакомыхъ, кромѣ Мельникова, онъ среди своихъ товарищей не имѣлъ, а Мельникову сказать боялся.

Былъ у него въ виду еще одинъ совѣтникъ; но этого послѣдняго онъ боялся болѣе чѣмъ Мельникова. Онъ чувствовалъ, что не кто иной, а именно этотъ самый совѣтникъ поставилъ его, такъ сказать, на краю пропасти и говоритъ: «прыгай! все равно, молъ, либо перепрыгнешь, либо шею свернешь». Какъ-же было не бояться такого совѣтника; помилуйте! Человѣкъ вдругъ пред-

лагаетъ вѣрнѣйшее средство избавиться отъ всякихъ нуждъ и заботъ о насущномъ хлѣбѣ—жениться на богатой невѣстѣ.

Нужно сказать, этотъ совѣтникъ былъ ему родственникъ, хотя и дальный, а все же родственникъ, свободный художникъ Павелъ Петровичъ Подрамниковъ. Онъ имѣлъ иконописную мастерскую гдѣ-то на окраинѣ города за Николаевской улицей, бралъ подряды по заготовкѣ иконостасовъ, сдавалъ ихъ столярныя и позолотныя работы другимъ, а живописныя выполнялъ при посредствѣ наемныхъ мастеровъ и учениковъ. Короче говоря—былъ богомазъ и содержалъ нѣчто въ родѣ заведенія «распивочно и навыносъ». Онъ отыскалъ для Ипатова невѣсту. Сама ли она подвернулась въ добрый часъ ему на глаза или онъ гдѣ нибудь откопалъ ее и намѣренно натолкнулъ на Ипатова—кто его знаетъ: человѣкъ онъ былъ себѣ на умѣ и гдѣ нужно помалчивалъ.

Идя теперь къ нему чуть ли уже не въ десятый разъ со времени возникшаго разговора о женитьбѣ, Ипатовъ и самъ не зналъ, дойдетъ ли до его квартиры или вернется назадъ. Скорѣе онъ склоненъ былъ къ послѣднему и сожалѣлъ, что не открылъ своей тайны Мельникову.

— «А можетъ быть, все вздоръ и никакого богатства у невѣсты нѣтъ,—думалъ онъ,—опутаютъ меня и бросятъ... Можетъ быть, и что-нибудь другое—невѣста злющая или уродъ или одержимая падучей болѣзнію и т. д. и т. д. Мало ли что можетъ быть?.. Отчего въ самомъ дѣлѣ не посовѣтоваться?.. Ну, я могу разсказать ему и безъ подробностей, могу просто сказать вотъ, молъ, слушай, голубчикъ Демьянъ Иванычъ, всякую вѣру я въ свои силы потерялъ, жить нечѣмъ, впереди никакого просвѣту нѣтъ, хочу жениться, благо предлагаютъ богатую невѣсту... А дальше кромѣ этого ничего говорить ему не надо, и я, разумѣется, ничего больше не скажу, молодая, молъ, богатая, я ей пришелся по душѣ—чего жъ, молъ, тутъ смѣшного?.. Но зачѣмъ же искать откровеннаго совѣта, если скрывать правду? Лучше ужъ, если такъ, молчать и дѣйствовать своимъ умомъ, просто не думая, перекреститься да и ухнуть прямо въ родѣ того, напримѣръ, какъ съ Николаевскаго моста ухаютъ внизъ головой. Все равно, вѣдь выбору нѣтъ, либо съ голоду дохнуть, либо жениться... Ну а что въ самомъ дѣлѣ, если сказать Демьяну Иванычу, что вотъ, молъ, какая исторія-то, вѣдь она горбунья... Что на это онъ скажетъ? Разумѣется, облаетъ всячески, насмѣется... И нельзя не смѣяться, ей-Богу... Однако къ Павлу

Петровичу все-таки зайти нужно: обѣщалъ дать образокъ, авось можетъ рубликовъ на пятокъ и клюнетъ...»

Зимнія сумерки все болѣе и болѣе сгущались надъ городомъ. По панелямъ уже шмыгали какія-то темныя личности съ лѣстницами и торопливо зажигали фонари, не обращая вниманія ни на что окружающее. Но чѣмъ короче дѣлалось разстояніе, отдѣлявшее Ипатова отъ квартиры Подрамникова, тѣмъ тише онъ шелъ и тѣмъ задумчивѣе смотрѣлъ себѣ подъ ноги. Дойдя наконецъ до поворота въ ту улицу, гдѣ жилъ Подрамниковъ, онъ почти съ испугомъ взглянулъ на высокую колокольню церкви, около которой находился домъ съ вывѣской «Студія живописи художника Подрамникова», и остановился, видимо колеблясь, идти ли впередъ или повернуть назадъ.

— Такъ зачѣмъ же въ такомъ случаѣ и заходить къ нему? продолжалъ онъ свои думы: — если ужь я рѣшаюсь отказаться отъ этой безобразной невѣсты, такъ лучше повернуть назадъ и никогда не заглядывать больше не только къ нему, но даже и улицу-то эту навсегда забыть...

Такъ размышляя, онъ не замѣчалъ, что на него давно уже посматриваетъ изъ мелочной лавочки бородатый и краснолицый мужикъ въ бѣломъ фартукѣ. Потягивая изъ грязнаго стакана мутную янтарнаго цвѣта жидкость, мужикъ этотъ, послѣ каждаго прикусыванья сахару, отряхивалъ его кусочекъ надъ стаканомъ и косился на дверь, противъ которой стоялъ Ипатовъ. Помощникъ его, грязно одѣтый и нечесанный мальчикъ лѣтъ четырнадцати, расторопный живой, съ бойкими карими глазенками, тоже не безъ любопытства посматривалъ на Ипатова и вопросительно взглянулъ потомъ на своего хозяина, ожидая, не послѣдуетъ ли отъ него на этотъ счетъ какихъ приказаній. Хозяинъ однакоже никакого приказанія не далъ и только отрицательно покачалъ головой, — дескать не мѣшайся не въ свое дѣло. Но подождавъ еще съ минуту, онъ бережно поставилъ стаканъ на прилавокъ и самъ пошелъ къ дверямъ.

— Господинъ! позвольте васъ покорнѣйше... Что вамъ, къ примѣру, желательно? Ежели вамъ въ лавочку — такъ пожалуйте въ лавочку, а въ дверяхъ, напримѣръ, стоять — этого ни въ какомъ разѣ не полагается!

Ипатовъ, можетъ быть, и понялъ, что гнѣвная рѣчь обращена къ нему, а можетъ быть, даже и этого не понялъ, потому что сильно былъ углубленъ въ свои думы. Не сказавъ ни слова лавочнику, онъ поправилъ на плечахъ свой старенькій шерстя-

ной платокъ, служившій ему вмѣсто пледа, и зашагалъ обратно, уже не останавливаясь.

Лавочникъ задумчиво посмотрѣлъ ему вслѣдъ, и почесалъ въ затылкѣ.

— Такъ надо полагать, что пьянъ!—рѣшилъ онъ,—и языкомъ не владѣетъ отъ этого отъ самого, а вѣдь на ногахъ крѣпокъ. Вотъ поди-жь ты, разбери дѣла!

И только-что онъ вернулся въ лавочку, какъ вдругъ озабоченно крикнулъ, обращаясь къ мальчику:

— Мишутка, слышь, бѣги туда, къ той... къ куфаркѣ... за бутылкой-то. Давеча взяла кислыхъ щей, божилась, что послѣ обѣда сейчасъ же доставитъ, а за-мѣсто того нѣтъ ея. Ишь подлая!

Сырой туманъ разстилался по улицѣ густой бѣлесоватой массой и окутывалъ собою дома, крыши, окна. Газовые огоньки уличныхъ фонарей едва мерцали. Съ колокольни сосѣдней церкви раздался звонъ церковнаго благовѣста. Лавочникъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, и самъ того не замѣчая, вмѣсто молитвы ворчалъ.

— Ну торговля! грошъ на рыбу, да грошъ за рыбу! Тьфу!..

V.

Не смотря на свое недовѣріе къ Мельникову, Ипатовъ все-таки на слѣдующій день вечеромъ рѣшился зайти къ нему и откровенно высказаться. Онъ былъ несказанно радъ, что Мельниковъ не обрушился на него съ первыхъ же словъ съ хохотомъ и бранью. Его смѣха онъ еще болѣе боялся, чѣмъ брани, такъ какъ давно зналъ о его склонности осмѣять и представить въ комическомъ видѣ любого товарища, и любого профессора, и зачастую такъ не ловко, рѣзко, что изъ простой, повидимому, шутки получалось обидное и дерзкое оскорбленіе. Зная объ этомъ, Ипатовъ въ то же время никакъ не могъ предполагать, чтобы Мельниковъ нашелъ поводъ къ насмѣшкамъ и злорадству въ его искренней и даже можно сказать благородной рѣшимости отвергнуть предложеніе богатой невѣсты горбуньи.

Мельниковъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и выслушалъ Ипатова по-товарищески, даже похвалилъ его за рѣшимость идти прямо и твердо по тернистой дорогѣ искусства.

— Это вотъ дѣло! Этого нельзя не одобрить,—похваливалъ онъ.—Да ты, братъ, Павлуха, сила. Извини, я тебя до сихъ поръ не понималъ. Сейчасъ умереть, не понималъ.

— Ахъ, Демьянъ Иванычъ, не говорите такъ,—попросилъ Ипатовъ, смущенно смотря въ полъ.

Но Мельниковъ уже воодушевился и уже придалъ въ своемъ воображенiи характеру Ипатова героическiя черты.

— Ты не заглохнешь!—восторгался онъ.—Вѣрь мнѣ, не заглохнешь! Ужъ если въ тебѣ такая сила объявилась, значитъ, ты выбьешся. Только не лѣнись!

— Ахъ... Мнѣ совѣстно... Вы такъ меня возвеличиваете. Я не достоинъ.

Но Демьянъ Иванычъ не унимался и продолжалъ его нахваливать.

— Павлуха, слушай!—кричалъ онъ, размахивая руками,—ты вникни, понимаешь! Вѣдь это что... вѣдь это подвигъ! Самый настоящiй подвигъ восемьдесятъ четвертой пробы... Въ такомъ маленькомъ тщедушномъ тѣлѣ и вдругъ такая душа! Да ты гигантъ! Вотъ провалиться мнѣ на семъ мѣстѣ.

Но чѣмъ воодушевленнѣе дѣлалась рѣчь Демьяна Иваныча, тѣмъ больше ежился Ипатовъ, чуть ли уже не раскаявшiйся въ томъ, что избралъ себѣ въ совѣтники такого восторженнаго человѣка.

— Ты думаешь что? Ты думаешь—нѣтъ товарищества?—кричалъ Мельниковъ минуту спустя.

— Нѣтъ, отчего же, Демьянъ Иванычъ!..—робко отвѣчалъ Ипатовъ,—я всегда утѣшалъ себя именно такого рода мыслями...

— Да! Разумѣется! Именно! И чортъ ихъ побери всѣхъ тѣхъ подлецовъ, которые сомнѣваются въ силѣ товарищества? Товарищество есть, оно живетъ и вѣчно будетъ жить. Не я, другой, не другой—третiй, десятый, сотый наконецъ, чортъ возьми, всегда найдется,—и поможетъ, выручитъ. Павлуха! Дубъ ты вѣковой! Слушай! Ежели что, то есть, напримѣръ, если туго будетъ—валяй ко мнѣ прямо, въ ночь, въ заполночь... Авось какъ-нибудь и что-нибудь выкроимъ, ей Богу!

— Я, Демьянъ Иванычъ... Разумѣется... всегда съ чувствомъ глубочайшей къ вамъ благодарности.

— Ну, ну молчи, чортъ съ ней—и наплевать; не въ этомъ дѣло...

Долго еще онъ кричалъ и размахивалъ руками, высказывая въ порывѣ охватившаго его восторга похвалы Ипатову, такъ что Ипатовъ по временамъ не зналъ, куда дѣвать глаза, и подолгу смотрѣлъ въ полъ, не смѣя поднять ихъ на Мельникова. Онъ сознавалъ, что товарищъ «хватаетъ черезъ край» и захваливаетъ его свыше мѣры; но не могъ въ то же время не чувствовать нѣ-

которой пріятной теплоты на сердцѣ отъ его похвалъ. Нужно замѣтить, что онъ ни на одну минуту не могъ забыть, что между нимъ и Мельниковымъ была огромная разница. Онъ зналъ, что Мельниковъ не только какъ человѣкъ, но и какъ художникъ отличался необыкновенной страстностію и неутомимостію въ работѣ. Всѣ стѣны его комнаты были увѣшаны этюдами, столы завалены рисунками, и зналъ Ипатовъ, что художественныя достоинства ихъ давно уже и для всей академіи были внѣ всякаго сомнѣнія.

Кромѣ того, Мельниковъ и въ общественномъ положеніи занималъ по сравненію съ Ипатовымъ неизмѣримо высшее мѣсто: Ипатовъ былъ безпомощный человѣкъ, дьячковскій сынъ, круглый сирота, а Мельниковъ принадлежалъ къ дворянскому роду, хотя и значительно уже обѣднѣвшему въ послѣднее время, но все же еще не лишившемуся собственной усадьбы. Въ глазахъ Мельникова усадьба эта, какъ давно заложенная и перезаложенная, была петлей на шеѣ, а мать и малолѣтнія сестренки—бременемъ тяжелымъ, давившимъ ему плечи; но для Ипатова мать, сестры, свой уголъ, хотя бы самый тѣсный — казались чѣмъ-то недосягаемымъ, предѣломъ человѣческаго счастія въ этомъ мірѣ скорбей и одиночества. Похвалы такого человѣка, какъ Мельниковъ, не могли, разумѣется, не оказать на него, хотя на нѣкоторое время, чарующаго вліянія. Онъ почувствовалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ героемъ, обновленнымъ человѣкомъ, возродившимся, такъ сказать, въ новое бытіе.

Но лишь только затворилась за нимъ дверь, какъ восторженное состояніе Мельникова стало охладѣвать съ необыкновенной быстротой. Не успѣлъ еще Ипатовъ спуститься съ пятаго этажа на улицу, оно уже совсѣмъ исчезло и уступило мѣсто другому чувству.

— Какой, однако, онъ, чортъ его побери, плаксивый, и голосокъ такой тоненькій, и плечики узенькіе. А глазенки... Монашенка смиренная: «на построеніе храма преподобной матери нашей»...

Въ его воображеніи рисовалась фигура Ипатова и вовсе уже не въ видѣ гиганта, а именно въ той забитости и скромности, которыя составляли существенныя ея черты. Стоя посреди комнаты, онъ вдругъ прыснулъ отъ смѣха, представивъ Ипатова женихомъ горбуньи. И потомъ въ продолженіе цѣлаго вечера квартирная хозяйка, остроносая старуха чиновница, не разъ прислушивалась къ странному фырканью, доносившемуся изъ его комнаты къ ней въ кухню. Она тревожно

оглядывалась, поправляла очки и вздыхала, не понимая, что такое творится въ комнатѣ жильца. Творилось тамъ то, чему Мельниковъ и самъ былъ не радъ: ему хотѣлось работать, а смѣхъ душилъ его и по временамъ до того сильно, что не только приходилось оставлять работу, но даже сваливаться на диванъ и схватываться обѣими руками за бока. Ему, какъ художнику, главнымъ образомъ, было смѣшно сопоставленіе маленькаго щедушнаго Ипатова съ жирной и комически безобразной горбуньей, каковою онъ уже успѣлъ ее себѣ представить.

Старуха, наконецъ, не выдержала своего безпокойнаго сомнѣнія и, пріотворивъ дверь его комнаты, проговорила:

— Что это съ вами? Я слушаю, слушаю, гость, думаю, пришелъ и не могу понять, какъ онъ могъ пройти...

Мельниковъ, вмѣсто того, чтобы успокоиться при видѣ старухи, залился такимъ раскатистымъ смѣхомъ, что у ней отъ изумленія очки сползли съ носа.

— Нѣтъ, вы только представьте,—съ хохотомъ заговорилъ онъ,—товарищъ мой, ха, ха, ха! вотъ что сейчасъ былъ, маленькій такой клопъ, видѣли...

— Какъ-же-съ, сама и дверь за нимъ заперла, такой деликатный, еще извиненія попросилъ, что безпокоитъ...

— Ну вотъ онъ, онъ самый! Пигмейчикъ, смиреннѣйшая сестра милосердія... Онъ, ха, ха, ха... получилъ предложеніе жениться на богатой горбуньѣ... Р-рожа, говоритъ, у ней богопротивнѣйшая, самая что ни на есть, понимаете, тыква! И, представьте, какова парочка, ха, ха!

Долго потомъ ночью, сидя за рисункомъ у стола, ярко освѣщеннаго лампой съ глубокимъ абажуромъ онъ оставлялъ работу при мысли о невѣстѣ Ипатова и фыркалъ отъ смѣха.

Утромъ, на пути въ академію, какъ только встрѣтился съ нимъ первый товарищъ, онъ уже забылъ свое слово, данное Ипатову, и съ хохотомъ разсказывалъ.

— Ипатовъ-то, а, шутъ гороховый, ха, ха! слышалъ?— На невѣсту наткнулся! Пришелъ ко мнѣ, чуть не плачетъ, жить, говоритъ, тяжело, а жениться противно: невѣста уродъ, горбунья...

— Богатая что-ли?

— Кто-жъ ее знаетъ, я къ ней въ карманъ не лазилъ. Говорятъ, богатая.

— Такъ неужели онъ продастъ себя?

— Всяко бываетъ. Виситъ надъ обрывомъ, можетъ, и ухнетъ туда, ха, ха... Нѣтъ, ты представь, вѣдьма какая. Толстая, говоритъ, губы отвислыя, щеки фіолетовыя—ну, чортъ чортомъ!

И Мельниковъ, увлеченный собственнымъ воображеніемъ, распустилъ губы, сгорбился, съежился, стараясь изобразить въ натурѣ предполагаемую невѣсту Ипатова. Товарищъ смѣялся, другіе встрѣтившіеся товарищи—тоже. И понеслась смѣшная исторія объ Ипатовѣ по всѣмъ заламъ и корридорамъ академіи, и притомъ въ самомъ извращенномъ и комическомъ видѣ.

VI.

Ипатовъ ничего объ этомъ не зналъ. Онъ даже и тѣни подозрѣнія не имѣлъ на счетъ того, чтобы Мельниковъ могъ смѣяться надъ нимъ.

Сидя въ классѣ за работой, онъ не замѣчалъ, что товарищи давно уже на него поглядываютъ, перешептываются и хихикаютъ. Голый натурщикъ, стоявшій на возвышенномъ мѣстѣ въ застывшей позѣ гладіатора, не безъ удивленія поводилъ глазами во всѣ стороны, не понимая, что̀ именно такое смѣшитъ учениковъ. Сѣдовласый профессоръ тоже не безъ недоумѣнія оглянулся разъ другой, заслышавъ сдержанное хихиканье учениковъ, и потомъ переходя отъ работы одного къ работѣ другого, наставительнымъ тономъ замѣтилъ:

— Вотъ вы всѣ, изволите видѣть, работаете слабо, безъ надлежащаго, изволите видѣть, изученія предмета, а хихикать первые мастера. Вотъ, напримѣръ, изволите видѣть,—продолжалъ онъ, обращаясь къ ученику, около работы котораго стоялъ,— вотъ мы съ вами здѣсь, вотъ тутъ, въ изгибѣ руки, тѣнь положили, а слѣдовало свѣтикъ. У насъ по этому случаю вышло, изволите видѣть, чортъ знаетъ что!.. И вотъ нѣчто въ этомъ же родѣ и у васъ,—обратился онъ къ другому ученику.

Этотъ другой привскочилъ съ своего мѣста и не безъ волненія сталъ оправдываться, болтая слова и размахивая руками.

— Я... я долженъ вамъ... замѣтить... то есть, извините, не замѣтить, а то, что я долженъ вамъ сказать... Такъ, напримѣръ, если я тѣнь здѣсь кладу, то если вы, напримѣръ, не соглашаетесь, то, значитъ, я...

— Значитъ, вы, изволите видѣть, волнуетесь и торопитесь,— спокойно возразилъ профессоръ,—и не замѣчаете, что изъ такого объясненія ничего понять нельзя...

— Но я долженъ вамъ замѣтить, то-есть извините, виноватъ... не замѣтить,—продолжалъ ученикъ, встряхивая густыми волосами, еще болѣе всклокочившимися и нависшими на его

потный лобъ,—если, напримѣръ, я... то-есть, напримѣръ, если вы... находите...

— Нахожу, изволите видѣть,—прервалъ профессоръ,—что вы не такъ передаете натуру, какова она есть. Вотъ, изволите видѣть,—продолжалъ онъ, показывая старческой дрожащей рукой на натурщика и нѣсколько возвысивъ голосъ,—вотъ живое тѣло, вотъ яркое свѣтовое пятно на правой сторонѣ грудного ящика, главный, изволите видѣть, центръ свѣта... Видите, какая разница въ силѣ свѣта на ребрахъ и между ребрами, и какая затѣмъ постепенность перехода свѣта въ тѣнь на другую сторону груди. А у васъ что? Развѣ это выражено?.. У васъ, изволите видѣть, пятна одни, грубо и рѣзко, и одобрить этого ни въ какомъ случаѣ невозможно.

Останавливаясь далѣе надъ работами другихъ учениковъ, профессоръ продолжалъ все въ томъ же родѣ объясненія и потомъ не утерпѣлъ, взялъ изъ рукъ ученика палитру съ кистями и сѣлъ къ его этюду.

— Битюмъ есть?—спросилъ онъ, не сводя глазъ съ натурщика.

— Есть.

— Дайте битюму... Ну вотъ, вотъ! Эта красочка, я вамъ скажу, прелестная... Я, изволите видѣть, только покажу, я сейчасъ. И вотъ-съ, изволите видѣть,—продолжалъ онъ, медленно разставляя слова и взявшись уже за кисти,—вотъ здѣсь слѣдуетъ смягчить нѣсколько. Вотъ, напримѣръ, если такъ тронуть... И вотъ, из-во-лите... я сейчасъ, сейчасъ...

И замолчалъ. Забылъ онъ про то, что сѣлъ только на минутку, только показать что-то въ манерѣ письма, забылъ и про ученика, и про классъ и отдался весь задачѣ—представить на полотнѣ живую натуру въ живомъ изображеніи.

— Охъ, спина!—спохватился онъ, наконецъ, вставая со стула и взявшись ладонями обѣихъ рукъ за поясницу,—старость подходитъ. Да-съ! Я, изволите видѣть,—продолжалъ онъ пытливо смотря то на этюдъ, то на натурщика,—бывало въ Римѣ по восьми часовъ, не сходя съ мѣста, работалъ. Однажды, изволите видѣть, встрѣтилъ я удивительную натуру. Представьте, вечеръ... жаркое южное солнце...

Онъ сжалъ кулакъ и потрясъ имъ въ воздухѣ, стараясь изобразить этимъ движеніемъ степень жара южнаго солнца. И вдругъ, перемѣняя тонъ, добавилъ, всматриваясь въ свою работу:

— Дайте-ка, дайте-ка палитру. Тутъ вотъ надо, знаете, вотъ такъ...

И опять на полчаса увлекся работой.

Ничего этого Ипатовъ не видѣлъ. Ни внушительныхъ словъ профессора, съ увлеченіемъ разсказывавшаго о томъ, какую онъ встрѣтилъ когда-то натуру въ Римѣ при вечернемъ освѣщеніи, ни молчанія всего класса, съ нѣмымъ любопытствомъ слѣдившаго за его работой, онъ не замѣчалъ. Послѣ откровеннаго разговора съ Мельниковымъ, онъ рѣшился заглушить въ себѣ помыслы о женитьбѣ и принялся за работу «во всю силу». Его охватило такое сильное желаніе художественныхъ успѣховъ, что онъ готовъ былъ не сходить съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не напишетъ картины, если уже не прямо на профессорское званіе, то по крайней мѣрѣ на первую золотую медаль. Работалъ онъ теперь съ особенною нервностію, голова склонялась то вправо, то влѣво, весь корпусъ откидывался назадъ и глаза, устремленные на этюдъ, закрывались вѣками до того плотно, что можно было только удивляться, какъ при такомъ ихъ положеніи онъ могъ что-либо видѣть въ своей работѣ.

Начинало смеркаться. Старикъ профессоръ, повторивъ безчисленное количество разъ свое любимое «изволите видѣть», ушелъ изъ класса. Натурщикъ спустился съ возвышеннаго мѣста и не торопясь сталъ одѣваться. Ипатовъ все еще сидѣлъ за работой, не обращая вниманія на говоръ и шумъ товарищей.

Классная комната почти опустѣла. Осталось въ ней всего пять-шесть человѣкъ, замедлившихъ убрать работу. Они складывали краски и чистили палитры, чтобы непосредственно затѣмъ отправиться обѣдать на окраины Васильевскаго острова, или всего чаще къ какому-нибудь солдату изъ академическихъ сторожей, обитающему гдѣ-нибудь глубоко и далеко въ непроглядной темнотѣ подпольныхъ академическихъ корридоровъ.

Тѣ изъ учениковъ, которые раньше оставляли свои занятія въ классахъ, къ концу дня по обыкновенію расползались по всей академіи: кто шелъ посмотрѣть барыню или барышню, копирующую что-нибудь въ «Кушелевкѣ», кто направлялся къ товарищу, сидящему тоже гдѣ-нибудь за копіей «въ циркулѣ» или другихъ академическихъ залахъ. Другіе шли въ отдѣленіе скульптуры взглянуть въ сотый разъ на работы Пименова, Клодта и другихъ. Иногда по нѣскольку учениковъ, чаще всего молодыхъ блузниковъ, щеголяющихъ своей неряшливостью и охотничьими сапогами, группами двигались по заламъ, переходя отъ одной картины къ другой и критикуя ихъ недостатки съ непогрѣшимою смѣлостію ученика, только-что начинающаго рисовать съ бюстовъ. По временамъ слышался ихъ смѣхъ, вызванный какими-

нибудь всѣмъ извѣстными въ академіи замѣчаніями о той или другой картинѣ, въ родѣ, напримѣръ, отзыва о Кромвелѣ Поля дела-Роша, о которой профессоръ Ч., любуясь кожей на ботфортахъ Кромвеля, сказалъ: «Ужъ очень чемоданисто написано». Большая часть учениковъ бродили по заламъ безцѣльно, куда бы ни идти, лишь бы проболтаться лишній часъ времени, пока не раздастся звонокъ, приглашающій всѣхъ къ выходу. Курильщики прежде всего, конечно, направлялись послѣ классовъ въ курильную. На этотъ разъ большая часть праздныхъ учениковъ шли туда не столько для того, чтобы «затянуться», сколько изъ желанія посмотрѣть на Ипатова, которому, по дошедшимъ до нихъ слухамъ, подготовлялась тамъ какая-то комическая встрѣча. Два-три товарища, остававшіеся въ натурномъ классѣ, для того главнымъ образомъ, и ждали Ипатова, чтобы непремѣнно затащить его въ курильную.

VII.

Въ курильной стоялъ, какъ говорится, дымъ столбомъ. Громкій говоръ и смѣхъ слышались оттуда. Еще издали Ипатовъ былъ непріятно изумленъ ими, точно предчувствовалъ, что этотъ смѣхъ и говоръ имѣютъ непосредственное отношеніе къ его личности. Онъ готовъ былъ, пожалуй, вернуться назадъ, но сопровождавшіе его товарищи нарочно уговаривали его зайти на одну папиросу. Они уже заранѣе предвкушали удовольствіе отъ его прихода туда. Тамъ дѣйствительно было общее оживленіе. Десятка два учениковъ, между которыми были и старые, и молодые, и блузники въ охотничьихъ сапогахъ и ученики архитектурнаго класса, всегда франты, щеголяющіе прическами и бѣлизной крахмаленныхъ воротничковъ — всѣ съ одинаковымъ увлеченіемъ любовались рисунками, сдѣланными углемъ кѣмъ-то изъ учениковъ на стѣнѣ курильной комнаты и хохотали. Рисунки представляли цѣлую исторію Ипатова и горбуньи въ различныхъ комическихъ положеніяхъ. На всѣхъ ихъ Ипатовъ былъ изображенъ маленькимъ и тощимъ, а горбунья безобразною и толстою съ мѣшками денегъ въ мясистыхъ рукахъ. Далѣе рисунки представляли Ипатова подъ вѣнцомъ, Ипатова въ спальнѣ, Ипатова на прогулкѣ съ женой и, наконецъ, Ипатова, уличеннаго въ ухаживаньѣ за горничной и схваченнаго горбуньей за ухо. При этомъ, какъ и на всѣхъ рисункахъ, она была изображена съ неизмѣнными мѣшками, а онъ съежившимся отъ боли и приподнимающимся на кончики мизинцевъ.

Какъ только онъ вошелъ въ курильную и увидѣлъ себя въ этихъ изображеніяхъ, вспыхнулъ до ушей и схватился обѣими руками за голову, заволновался, заохалъ, кинулся-было къ стѣнѣ, чтобы поскорѣе смарать нарисованное, но при маломъ ростѣ не могъ этого сдѣлать и заметался по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Онъ искалъ глазами такой предметъ, при помощи котораго было можно счистить ненавистные рисунки. Подходящаго предмета, однакожъ, не оказалось, и онъ, кинувшись опять къ стѣнѣ, сталъ припрыгивать, силясь достать своей крошечной рукой до рисунковъ.

— Господа! Что-жъ это такое?.. Подумайте! — волнуясь и припрыгивая говорилъ онъ,—вѣдь все это вздоръ... Мельниковъ выдумалъ... Это онъ нарочно.

И чѣмъ больше онъ припрыгивалъ и просилъ стереть рисунки, тѣмъ больше хохотали товарищи.

Мельниковъ, уже успѣвшій забыть, что выбросилъ тайну скромнѣйшаго человѣка чуть не на улицу, шелъ въ это время по корридору мимо курильни съ кѣмъ-то изъ товарищей и съ увлеченіемъ разсказывалъ о какомъ-то необыкновенно этюдномъ мѣстѣ около Смоленскаго кладбища.

— Чортъ его знаетъ, какая забористая штука! Ежели вечеркомъ, въ сумеречки, когда солнце закатывается—красота. Озерко тутъ есть, или такъ что-то въ родѣ заливчика, тишь такая и гладь зеркальная, а около ивы, корявыя такія. Верхъ-то еще въ свѣту, а стволы-то уже потемнѣли и въ водѣ, въ этой, понимаешь, темной-то зеркальности, они отражаются. Благодать Господня, просто! По веснѣ непремѣнно пойду и набросаю.

Въ это время изъ курильни раздался взрывъ хохота.

— Что тамъ такое?—встрепенулся Мельниковъ,—зайдемъ!

Въ курильной все еще продолжалась та болѣе грустная, чѣмъ смѣшная шутка, въ которой дѣйствующимъ лицомъ былъ Ипатовъ. Когда Мельниковъ только-что переступилъ порогъ курильной, Ипатовъ кинулся къ нему.

— Демьянъ Иванычъ!—плаксиво воскликнулъ онъ, — какъ же вамъ не грѣхъ, вѣдь вы дали слово.

Мельниковъ изумленно отступилъ, не понимая, что̀ кругомъ него происходитъ.

— Нѣтъ, ты посмотри, ха, ха, ха, на стѣну посмотри!— кричали товарищи.

— Что такое? Павлуха, что съ тобой? Что ты тутъ прыгаешь козленкомъ?—участливо спросилъ Мельниковъ.

— Помилуйте, Демьянъ Иванычъ, — жалобно продолжалъ

Ипатовъ,—вѣдь это, сдѣлайте одолженіе... Я-же вамъ тогда, подъ
великимъ секретомъ... и вдругъ...

Въ голосѣ его слышались слезы.

— Этого отъ васъ, Демьянъ Иванычъ, я не ожидалъ. Это,
знаете, если правду сказать, даже и самый послѣдній человѣкъ
не сдѣлаетъ... Я считалъ васъ, Демьянъ Иванычъ, до сихъ поръ...

— Погоди, погоди, Павлуха, — возразилъ Мельниковъ, н
замѣчая, что Ипатовъ напираетъ на него всей грудью и от
волненія едва можетъ говорить,—ха, ха! талантливо! Сейчас
умереть, талантливо... Только вотъ-что, ребята, вотъ здѣсь над
посильнѣе. Дайте-ка уголь... Эй, кто тамъ, кто писалъ, у ко
уголь?..

Ему подали уголь и онъ кое-гдѣ усилилъ черты рисун
вызывая этимъ новые взрывы хохота.

— Демьянъ Иванычъ, это не честно съ вашей стороны,—тр
гически возразилъ Ипатовъ. Но при общемъ веселомъ настро
ніи, на его возраженія никто не обращалъ вниманія.

— А вотъ здѣсь,—оживленно продолжалъ Мельниковъ,—над
немножко продрать, вотъ такъ. Это интереснѣе. А вотъ ту
у Павлухи животъ немного увеличить... Ха, ха! Если онъ у
женатый и на прогулкѣ, значитъ уже и брюшко отростилъ...

И двѣ три черты придали фигурѣ Ипатова еще болѣе
мизма и вызвали опять хохотъ товарищей.

— Павлуха, ха, ха! Извини! смѣялся Мельниковъ, оставив
наконецъ рисунки и ища глазами Ипатова.

Ипатова уже не было въ курильной. Онъ кинулся изъ
вонъ съ такимъ порывомъ, точно кто-нибудь зарядилъ имъ пуш
и выпалилъ.

VIII.

На другой день послѣ сцены въ курильной, Ипатовъ въ ак
демію не пришелъ, на третій день тоже, на четвертый тоже
такъ далѣе. Мельниковъ за все это время ни съ кѣмъ изъ то
рищей ни разу не сказалъ о немъ ни слова, точно Ипатова
свѣтѣ не существовало. По правдѣ сказать, ему было досад
что по его болтливости скромнѣйшій Ипатовъ такъ глупо пр
валился съ своимъ благородствомъ и не ловко было начинать
немъ разговоръ.

Будучи по этому случаю не въ духѣ, онъ даже разругал
съ кѣмъ-то изъ мелкихъ академическихъ чиновниковъ, обвин
въ лицѣ его все начальство за то, что позволяетъ марать

стѣнахъ въ курильной «всякую мерзость». Чиновникъ, въ отцвѣтшемъ синемъ мундирѣ съ орденкомъ въ петличкѣ, не безъ сознанія собственнаго достоинства возразилъ.

— Какая же тамъ можетъ быть мерзость?

— А такая-же! Пойдите и посмотрите!..

— Вы однакоже будьте поосторожнѣе въ выраженіяхъ,— обиженно замѣтилъ чиновникъ.

Но Мельниковъ такъ «осторожно» началъ сыпать на всю академію упреки, что чиновная сановитость возразившаго мгновенно утратилась, и онъ отчаянно замахалъ руками, умоляя его замолчать.

— Вотъ еще! съ чего я буду молчать?—не унимался Мельниковъ,—жалованье что ли я получаю, квартиру даровую имѣю, работишки хочу добиться на казенный счетъ, или картинку свою намѣреваюсь втереть въ академію тысченокъ за десятокъ? Эхъ вы! У васъ у всѣхъ здѣсь только одна забота, какъ бы поживиться на счетъ академіи...

— Умоляю васъ, не вредите себѣ. Вы наканунѣ полученія первой золотой...—слезливо возразилъ чиновникъ.

— Да что мнѣ медаль?—перебилъ Мельниковъ, еще сильнѣе возвысивъ голосъ,—развѣ медаль за благонравіе выдаютъ?.. А если такъ, то я знать не хочу вашихъ медалей!

Чиновникъ счелъ за лучшее удалиться во «внутренніе апартаменты», однакоже доложилъ по начальству, что вотъ, молъ, такъ и такъ «шумитъ и отзывы его неблагонамѣренны». Начальство переспросило когда, гдѣ, въ какомъ смыслѣ, но къ немалому удивленію докладчика, съ кислой гримасой возразило:

— Хочется вамъ со всякими пустяками безпокоить! Кажется, знаете... громадный талантъ... Слава академіи...

Мельниковъ зналъ, что о немъ «доведено до свѣденія начальства» и не безъ злорадства ждалъ, что изъ этого произойдетъ. Онъ нарочно въ эти дни обходилъ академическіе залы, заглядывалъ въ курильную и въ библіотеку, надѣясь или Ипатова встрѣтить, или по крайней мѣрѣ съ начальствомъ поговорить въ «открытую». Только потомъ, послѣ такого обхода онъ направлялся уже въ самый верхній этажъ академіи, гдѣ помѣщались мастерскія программистовъ, то-есть учениковъ, пишущихъ картины на полученіе званій и золотыхъ медалей. Онъ уединялся тамъ въ отведенной ему мастерской до сумерекъ, будучи занятъ окончаніемъ картины на первую золотую медаль. Нельзя сказать, чтобы онъ томился раскаяніемъ о томъ, что выдалъ Ипатова на общее посмѣшище, но однакожъ все-таки мысль о немъ

по временамъ его безпокоила. «Есть же, молъ, на свѣтѣ такія свиньи, что и пошутить надъ ними нельзя! Живъ ли, чортъ его возьми? Глазъ въ академію не кажетъ».

Сидя какъ-то въ одинъ сумрачный день въ своей мастерской около картины и проклиная отъ всего сердца петербургское небо, какъ личнаго непримиримаго врага, не дающаго возможности продолжать работы, онъ опять вспомнилъ объ Ипатовѣ, обозвалъ его браннымъ словомъ и съ порывомъ досады отошелъ отъ картины. Сложивъ затѣмъ кисти и краски, и взглянувъ еще раза два въ окно съ выраженіемъ неудовольствія на сумрачное сѣрое небо, онъ заперъ на ключъ мастерскую и пошелъ въ ту отдаленную часть Васильевскаго острова, гдѣ вмѣсто пятиэтажныхъ каменныхъ зданій, деревянные домишки, архитектуры уѣздныхъ городовъ, грязные дворы, унылое царство нищеты и убожества и тихая безлюдность улицъ.

Сначала онъ шелъ крупнымъ и быстрымъ шагомъ, какъ человѣкъ идущій «по дѣлу», но потомъ, удаляясь все дальше и дальше въ глухія улицы Острова, сталъ по немногу замедлять шаги, останавливаться, оглядываться по сторонамъ и ощупывать даже карманы своего пальто, удостовѣряясь, съ нимъ ли альбомъ и карандаши—на случай, молъ, пожалуй пригодятся. Потомъ, когда забрался, наконецъ, въ самую глубь Острова, гдѣ заштатные чиновники, по большей части отставные титулярные совѣтники, расхаживаютъ по улицамъ въ халатахъ, онъ забылъ на время объ Ипатовѣ.

— Вотъ гдѣ злачныя-то мѣста! Вотъ этюды-то одинъ другого лучше!—восторгался онъ, любуясь то типичной фигурой мастерового, босикомъ безъ шапки попрыгивавшаго по холоднымъ камнямъ мостовой, наискось черезъ улицу къ заманчивой вывѣскѣ «заведенія», то на чиновника въ блинообразной фуражкѣ, въ отцвѣтшемъ ватномъ халатѣ изъ термаламы, подбирающаго на улицѣ щепочки для отопленія своей квартиры, то фасадомъ какого-нибудь покосившагося домика съ неизмѣннымъ мезониномъ и грязными, заклеенными бумагой, стеклами оконъ. Приткнувшись гдѣ - то около забора, онъ не утерпѣлъ и зачертилъ въ карманный альбомъ уголъ церкви, старую березу съ живописно поникшими на церковную ограду обнаженными вѣтвями; зачертилъ бы пожалуй кое-что и еще, да уличные мальчишки помѣшали. Они давно уже издали къ нему присматривались и робко одинъ за однимъ подбирались къ забору. Когда они очутились около его локтей и, стоя на кончикахъ пальцевъ, стали вытягивать шеи, заглядывая къ нему въ

альбомъ, перешептываясь и толкая другъ друга, онъ наконецъ крикнулъ.

— Вы что. тутъ не видали! Вотъ я васъ! И спугнулъ ихъ этимъ окрикомъ такъ, что они кинулись отъ него со всѣхъ ногъ въ разсыпную. Долго потомъ они издали за нимъ присматривали, предполагая, что можетъ быть онъ гдѣ-нибудь еще остановится съ своими «рисуночками»; но на этотъ разъ онъ, уже не останавливаясь, шелъ до того дома, въ которомъ жилъ Ипатовъ.

IX.

Ипатовъ жилъ въ обществѣ пяти человѣкъ въ довольно тѣсномъ помѣщеніи, состоявшемъ изъ одной комнаты, раздѣленной на двѣ половины занавѣской. Эта вторая половина была почти темная. Тамъ стояли двѣ кровати, а около нихъ на полу лежала груда грязныхъ подушекъ и какого-то тряпья, вѣроятно, служившаго остальнымъ товарищамъ постелями, разстилаемыми на полу. Мельниковъ, войдя въ комнату, заинтересовался главнымъ образомъ тѣмъ, что замѣтилъ на одной изъ кроватей за занавѣской нѣчто въ родѣ маленькаго мольберта, уставленнаго около подушекъ, и на немъ холстъ въ подрамникѣ, а около него какого-то оборванца съ палитрою въ рукахъ и съ кистями. Очевидно было, что этотъ оборванецъ, сидя тамъ за занавѣской, въ полутьмѣ, писалъ красками. Писали что-то, и тоже красками, и въ первой, свѣтлой половинѣ комнаты, и писали на одномъ полотнѣ двое, сидя рядомъ; но ихъ писаніе не удивило Мельникова, какъ дѣло знакомое. Мало-ли что́ къ спѣху пишутъ художники! Одинъ валяетъ дерево, другой стоитъ рядомъ съ нимъ, пишетъ на той же картинѣ травку, и бываетъ такъ, что третій, прикурнувъ между ними на колѣнкахъ, пишетъ тутъ же какую-нибудь фигурку — собачку, зайца, медвѣдя, благо мѣсто имъ подходящее нашлось какъ-разъ посреди картины. Съ такой манерой писанія Мельниковъ давно уже былъ знакомъ. Но какъ пишутъ въ темнотѣ за занавѣской, довольствуясь лишь тою частію свѣта, какая проникаетъ туда изъ другой половины комнаты, этого онъ еще не видывалъ.

— Что́ это вы тамъ дѣлаете? — спросилъ онъ, заглядывая за занавѣску?

— Развѣ вы не видите?—дрожащимъ и хриплымъ голосомъ отвѣтилъ писавшій.—Картину пишу.

— Но какъ же, безъ свѣту?

— Что-жъ дѣлать, и радъ бы, да негдѣ взять его... Надо, какъ-никакъ, выколачиваться. И за это спасибо — товарищи дозволяютъ. Отъ другихъ и этого не дождешься—народецъ тоже, чтобы имъ ни дна, ни покрышки...

Въ тонѣ его голоса слышалась досада.

— А вы кто такой?—спросилъ онъ, изподлобья вглядываясь въ Мельникова,—тоже небось художникъ? То-то! Одежа-то, я гляжу, на васъ хорошая, а я, какъ видите, весь тутъ. Вотъ она статья-то! Тутъ и умудряйся, шевели мозгами-то... Видите, до чего нашего брата-художника судьба доводитъ, да-съ!

Онъ бережно положилъ кисти на бумажку, лежавшую около него на кровати, и, протирая кулаками глаза, видимо, утомленные долгимъ напряженіемъ, продолжалъ:

— Я тоже художникъ... Вы думаете, какой? Вы думаете, я послѣдняя спица въ колесницѣ, маляришка какой-нибудь, мазилка, вывѣски пишу? Нѣтъ, поднимай повыше! Тѣ, что вывѣски-то пишутъ, мизинца моего не стоятъ, хотя, можетъ быть, которые и въ каретахъ разъѣзжаютъ. Я извѣстный художникъ, мои-то картины въ тысячахъ копій по всей Россіи разошлись...

На этихъ словахъ тонъ его голоса вдругъ измѣнился и упалъ на самыя низкія ноты.

— Самъ-то я теперь... гдѣ день, гдѣ ночь. Вотъ она оборотная сторона медали! Моя фамилія Латкинъ. Да-съ! Слыхали, небось! То-то! Вотъ теперь и судите, каково это все мнѣ при моемъ талантѣ переносить...

Оказалось, что это былъ дѣйствительно тотъ самый Латкинъ, который обратилъ на себя всеобщее вниманіе талантливой картиной изъ провинціальнаго быта. Онъ давно уже влачилъ печальное существованіе бездомнаго бродяги, но и въ такомъ положеніи написалъ не мало картинъ, отличавшихся, не смотря на свои недостатки, проблесками истиннаго художественнаго дарованія.

Мельниковъ, по слухамъ, зналъ его уже давно, но не имѣлъ еще ни разу случая встрѣтиться съ нимъ лично. Не только онъ, стоявшій по своему положенію въ академіи нѣсколько уже въ сторонѣ отъ мелкоты, конечной цѣлью которой было полученіе званія классного художника, но и самая эта мелкота теряла иногда Латкина изъ виду по полугоду, точно онъ исчезалъ куда-то за тридевять земель въ тридесятое царство. Обыкновенно случалось такъ, что когда воспоминанія о немъ и о его бродяжнической, многотревожной жизни начинали уже тускнуть и блѣднѣть, и самъ онъ превращался уже въ сказочнаго героя,

существованіе котораго для лицъ, не имѣвшихъ случая встрѣчать его во плоти, въ живомъ человѣческомъ образѣ, признавалось миѳомъ, онъ вдругъ нежданно, негаданно появлялся предъ ними, точно изъ земли выросталъ, и просилъ пріюта «на денекъ».

— Я Латкинъ,—рекомендовался онъ,—тотъ самый, помните, картину...

— Вы? Неужели? Господи, въ какомъ видѣ...

— Что дѣлать, судьба!

Изъ разспросовъ оказывалось, что онъ разъ двадцать за послѣдніе полгода умиралъ, мерзнулъ, голодалъ, жилъ гдѣ-то въ деревнѣ въ невообразимой нищетѣ, лежалъ въ больницѣ какого-то полка, писалъ образа въ какой-то женской обители, и будучи изгнанъ оттуда, пѣшкомъ пробрался до Москвы, питаясь чуть не Христовымъ именемъ, въ Москвѣ опять лежалъ въ больницѣ, а какъ потомъ попалъ въ Петербургъ—самъ себѣ объяснить не можетъ, даже склоненъ видѣть въ этомъ нѣчто чудесное.

Разсказывалъ онъ о своихъ скитаніяхъ всегда неохотно, больше въ смыслѣ жалобъ на людскую неправду, зависть, злобу, главныхъ, какъ онъ говорилъ, виновниковъ его несчастій. Встрѣтившись теперь съ Мельниковымъ, онъ сначала съ нескрываемымъ недовѣріемъ косился на него, бормоталъ что-то себѣ подъ носъ вмѣсто отвѣта, внимательно прислушивался къ его разговору съ другими, сидѣвшими въ свѣтлой половинѣ комнаты, и только тогда заговорилъ съ нимъ дружелюбнымъ, нѣсколько даже покровительственнымъ тономъ, когда замѣтилъ, что всѣ другіе относятся къ нему съ видимымъ вниманіемъ.

— Вы—Мельниковъ, да? Тотъ самый, что на первую золотую... Отлично! Вотъ, это первый сортъ. Одобряю... И получите!.. По разговору видно, по глазамъ... О, я понимаю, я насквозь вижу... Это, что они про васъ говорятъ,—продолжалъ онъ, кивнувъ головой на товарищей,—это мнѣ наплевать, я самъ въ тысячу разъ больше ихъ могу понимать и судить... Чудесно, превосходно!..

Онъ произнесъ еще нѣсколько одобрительныхъ восклицаній и вдругъ замолчалъ, глубоко вздохнулъ и опять покосился на Мельникова. Ясно было изъ этого недовольнаго взгляда, что червь зависти проснулся въ немъ и схватилъ за сердце.

— Ну что-жъ, кому судьба мать, кому мачиха!—заговорилъ онъ,—и я бы, можетъ быть, тоже... можетъ быть, взвился бы за облака...

— Ну такъ что-жъ мѣшаетъ? Валяй во всю,—подсказалъ

Мельниковъ,—къ чорту чарочку-то! Если огонь не потухъ, раздувай сильнѣе—разгорится...

— Крылья обрѣзаны, ходу нѣтъ... Обидно. И меня же всѣ винятъ, говорятъ—чарочка! А отчего чарочка? Отъ того самого, что обижаютъ. Вотъ что! Душа болитъ. Пойми—ноетъ... Интриги все... И враги. Враговъ вездѣ много.

Онъ подошелъ поближе къ Мельникову и положилъ свою дрожащую правую руку на его плечо.

— Вотъ что! Если человѣкъ чуть-чуть ослабѣетъ, поскользнется—враги ужъ тутъ и сейчасъ его стараются опутать. Вѣрно! Правду говорю! Чуть ежели человѣкъ мало - мало пошатнулся, они тутъ какъ есть, въ мгновеніе ока—и готово дѣло! Вотъ,—продолжалъ онъ,—спасибо господамъ художникамъ хоть днемъ даютъ мѣсто, иной разъ и красочекъ, хоть немного, а все даютъ... Дороги краски нынче.

— Но гдѣ же ночью?

— А какъ случится. У знакомыхъ когда, а то и въ ночлежномъ, если есть чѣмъ заплатить... Подлое мѣсто!.. Просто даже невозможное мѣсто, нельзя въ порядочномъ платьѣ придти —обдерутъ. Я раза три было поправлялся, и пить переставалъ и одѣнусь, бывало, какъ слѣдуетъ, и пальтишко, и все... что необходимо... А какъ только попадешь туда—ну и пиши пропало: утромъ проснешься, либо сапогъ, либо фуражки нѣтъ... А то пожалуй... случалось... и безъ исподнихъ... Негдѣ искать, не на кого жаловаться... Да-съ! Пойдешь, знаете, съ горя выпить, выпьешь одну, думаешь полегчаетъ на сердцѣ, ужъ очень обидно и больно, а замѣсто того хуже... Ну, другую выпьешь, и запьешь пуще прежняго... Линія!

— Да, бываетъ!.. Для кого картиночка-то?—спросилъ Мельниковъ, круто перемѣняя разговоръ.

— Да такъ... На произволящаго... на вольную продажу...

— И удачно? Есть охотники?

— У меня-то не купятъ? Съ руками готовы оторвать. Вотъ что! Да еслибы я только могъ какъ слѣдуетъ поправиться, да я бы всѣмъ этимъ нашимъ «извѣстнымъ художникамъ», я бы имъ довольно хорошо носъ утеръ.

— Ну тоже... Эта штука не легкая—надо попотѣть...

— Вотъ и бѣда, что ходу нѣтъ.

— А кто покупаетъ?.. Любители?

— Нѣ-ѣтъ! Прохвосты, торгаши. Тѣ же жиды, только крещеные. Мнѣ-то дастъ рубликовъ пять, шесть всего, а самъ за пятнадцать, а то и за двадцать-пять продаетъ.

Мельниковъ зашелъ за занавѣску и хотѣлъ взять оттуда картину Латкина, чтобы посмотрѣть ее къ свѣту, но онъ не далъ.

— Этого нельзя, милая душа!—возразилъ онъ, — время не пришло. Товаръ надо лицомъ показывать, когда есть чистота въ отдѣлкѣ, а теперь пока нельзя... Дай двугривенничекъ!—вдругъ неожиданно добавилъ онъ почти шопотомъ и опять положилъ на плечо Мельникова руку.—Знаешь что, ей Богу все нутро горитъ... Недѣли три какъ собака издыхаю...

— Не давайте!—посовѣтовалъ кто-то изъ сидѣвшихъ въ свѣтлой половинѣ комнаты,—пропьетъ и работу забpоситъ.

— Ну, ну, ну! Выдумаютъ тоже! — хмуро возразилъ Латкинъ; — Да развѣ я не видывалъ двугривенныхъ-то, ахъ вы, голь вислоухая! А еще художники называетесь. Какіе вы художники—вы маляры.

— Латкинъ! Не лайся!—замѣтилъ кто-то, очевидно, изъ обитателей комнаты,—ты не у себя дома. Ежели что, можно вѣдь и по шеѣ.

— По шеѣ?—закричалъ Латкинъ, — сдѣлай одолженіе попробуй-ка, коснись! Да я самъ такъ угощу, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь!..

Онъ заволновался, кидаясь то за занавѣску къ картинѣ, то въ свѣтлую половину комнаты.

— Ахъ вы, мазилки бездарные! Вы думаете, что если я въ такомъ положеніи, такъ со мной можно всячески? Нѣтъ! ошибаетесь! Послѣ этого я самъ васъ знать не хочу!

Онъ нервно запахнулъ свое ободранное, висѣвшее клочьями пальтишко и за неимѣніемъ на немъ пуговицъ, опоясался какой-то тряпкой, надвинулъ до бровей рваную шапченку, и торопливо сунувъ за пазуху кисти, схватилъ съ кровати свою неоконченную картинку, намѣреваясь куда-то уйти.

— Ну, это еще что... Латкинъ, перестань, есть на что обижаться... Ну, помиримся,—уговаривали товарищи,—мало ли что иной разъ скажется! Распоясывайся, что ли! Вотъ скоро и мы будемъ готовы, вотъ немного ужъ осталось. Кончимъ работу, деньги будутъ и пойдемъ всѣ вмѣстѣ...

Слушая эти увѣщанія, Латкинъ подозрительно косился на всѣхъ и, держа въ рукахъ свою картину, еще не достигшую, по его словамъ, «чистоты въ отдѣлкѣ», колебался—остаться или уйти. Рваная шапка, надвинутая на уши, истасканныя резиновыя калоши вмѣсто сапогъ, тряпка вмѣсто опояски, испитое дряблое лицо и лихорадочный блескъ впалыхъ глазъ — все это давало

прекрасный матеріалъ для типичной фигуры въ его же собственную картину.

Въ свѣтлой половинѣ комнаты товарищи Латкина работали картину тоже на вольную продажу, причемъ не только двое участвовавшихъ въ ея созданіи были заинтересованы ею, но и другіе, мирно слѣдившіе за ихъ работой, относились къ ней не безъ интереса, и даже и не безъ нѣкоторой радости. Радость уже предвкушалась, и именно потому, что работа художников близилась къ концу, а слѣдовательно было близко то время, всего какихъ-нибудь полчаса осталось, когда только-что оконченная и еще совсѣмъ сырая картина должна была поступить въ продажу и дать всей компаніи, присутствовавшей въ комнатѣ, возможность провести пріятный вечеръ въ трактирѣ «Лондонъ».

Никто изъ всей компаніи не заботился о томъ, что картина писалась чужими красками и на чужомъ полотнѣ, и что стоитъ только товарищамъ, собственникамъ полотна и красокъ, нагрянуть въ это время домой, какъ, пожалуй, съ приходомъ ихъ всѣ пріятныя мечты компаніи могутъ разсѣяться, какъ дымъ. Собственникомъ холста былъ Ипатовъ, а краски принадлежали его товарищу, такому же, какъ и онъ, трезвому человѣку. Компанія ни мало о нихъ не думала; напротивъ, была очень оживлена, въ особенности со времени прихода Мельникова.

X.

Латкинъ наконецъ внялъ общимъ мольбамъ и снова водворился со своей картиной на кровати за перегородкой; но продолжать работы уже не могъ, такъ какъ былъ, по его словамъ, «въ нервозномъ разстройствѣ». Оставаясь подпоясаннымъ и не снимая шапки, онъ сталъ сосредоточенно слѣдить за работой художниковъ и по временамъ ворчалъ что-то себѣ подъ носъ. Картина, при всей неряшливости ея выполненія, представляла нѣчто не безъинтересное по замыслу: песчаная отмель рѣчного берега, старая ива, уныло доживающая послѣдніе годы, съ обожженнымъ и закоптѣлымъ стволомъ, темносѣрая туча и на рѣкѣ лодка съ парусомъ, освѣщеннымъ закатомъ солнца.

Мельниковъ хотѣлъ уходить, но заглянувъ на картину, сталъ тоже ждать ея окончанія.

— Вещь могла бы выйдти, — замѣтилъ онъ. — Не дурно и по замыслу, и по впечатлѣнію. Пятно хорошее могло бы быть...

— Эва! На томъ стоимъ! Пятно надо такъ дѣлать, чтобы

въ носъ бросало, безъ пятна какой чортъ ее купитъ? — возразилъ одинъ изъ писавшихъ.

— Но вѣдь это все-таки развратъ!—сказалъ Мельниковъ,— самоубійство, такъ сказать.

— Ну вотъ еще разговаривать надо. Какой тамъ развратъ и самоубійство, когда денегъ нѣтъ... За красненькую сойдетъ.

— Однако, вотъ что, — замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ,—не лучше ли намъ вмѣсто Лондона-то устроить праздцество здѣсь?

— Какъ можно! Въ трактирѣ въ сто разъ лучше: тамъ и органъ...

И начались споры о томъ, какъ слѣдуетъ распорядиться съ тѣми деньгами, которыя получатся за картину. Одни стояли за трактиръ, другіе за домашнюю пирушку, и сошлись на томъ, что нужно заложить фундаментъ дома, купить на шестерыхъ двѣ дюжины пива, три бутылки водки, соотвѣтственное количество колбасы, хлѣба, капусты и потомъ уже идти въ «Лондонъ».

— Да что ты тутъ ёрзаешь сто разъ по одному мѣсту! — громко и сердито сказалъ Мельниковъ, не сводя глазъ съ картины и не слушая разговора о предполагаемой выпивкѣ,—тронь потверже карминомъ, вотъ и загоритъ заря.

— Не выходитъ, волкъ ее задави! А хорошо бы зорьку... Эффектъ!—отвѣтилъ писавшій.

Товарищъ его, сгладившій послѣдніе рѣзкіе мазки на темной тучѣ картины, уже отошелъ отъ нея въ сторону и расправлялъ руки, поднявъ ихъ высоко надъ головой.

— Уфъ, уфъ!—отпыхивался онъ,—какъ мы долго съ этой гадостью провозились! Глядите, чуть не сумерки на дворѣ.

Мельниковъ продолжалъ волноваться, не отходя отъ картины.

— Не такъ!—говорилъ онъ,—возьми кисть пошире, тверже и ровнѣе полоску сдѣлай... Эхъ! дай-ка сюда!

Не садясь къ картинѣ, онъ провелъ только кистью на горизонтѣ рѣки два-три раза, ткнулъ мазокъ на парусѣ, на стволѣ ивы и оживилъ весь пейзажъ вечерней зарей. Латкинъ отъ восторга всплеснулъ обѣими руками и хриплымъ голосомъ закричалъ:

— Слава тебѣ, преподобный!.. Такихъ вотъ я люблю! Я самъ такой. Я понимаю, я чувствую природу...

— Нѣтъ вотъ что, ребята,—громко заявилъ кто-то,—«баварію» не брать, терпѣть не могу, непремѣнно «калинкинскаго» и бутылку «померанцевой».

— Стой! Погоди! Не въ томъ дѣло! — возразилъ другой, махая на него руками,—кто идетъ продавать картину? Сашка, ты?

— Ну, пожалуй, хоть я...

— Резонтъ! Иди ты!.. Ну, а если Павлова дома нѣтъ, тогда къ кому картину нести?

— Вали къ Миронову. Онъ всегда дома.

— Мироновъ больше пяти не дастъ; а Павловъ красненькую смѣло!

— Значитъ, сначала къ Павлову, а тамъ уже волей-неволей къ Миронову... Захвати четвертушку табаку...

Мельниковъ собрался уходить, вызвавъ возгласы неудовольствія за то, что чуждается товарищей.

— Ты не ломайся, слушай... Ты понимаешь, я самъ талантъ... —приставалъ Латкинъ.—Я еще, погоди, я такую напишу вещь —всѣ будутъ ахать.

— Ну, и пусть ахаютъ, а я все-таки пойду домой, чѣмъ по пусту здѣсь бобы разводить.

— Да ты, братъ, вотъ что, — продолжалъ Латкинъ, — ты должно быть ученый человѣкъ... Ты медалистъ, да?.. Стой!.. Я тебѣ внушеніе сдѣлаю...

— Довольно. Не мели вздору...

Но Латкинъ, не внимая его словамъ, продолжалъ говорить и по привычкѣ хотѣлъ опять положить ему на плечо руку. Мельниковъ отвелъ его въ сторону и съ нескрываемой досадой сказалъ:

— Довольно, говорю! Отстань... Какой ты липкій...

Латкинъ порывисто отшатнулся отъ него, скрестилъ на груди руки, представивъ собою фигуру Наполеона I, и мрачно нахмуривъ брови, проговорилъ.

— Какая ты, братецъ мой, смотрю на тебя... птица!

— Мельниковъ! подожди, ну что въ самомъ дѣлѣ!—упрашивали и авторы картины.—Сашка! бери картину, бѣги скорѣе. Да осторожнѣе неси, не задѣнь. Помни—сырая. Демьянъ Иванычъ! вѣдь онъ мигомъ вернется. Ты хотя за труды, за свою вечернюю зорьку, рюмочку хвати.

— Да что вы пристали!—громко возразилъ Мельниковъ,— говорю—некогда... Скажите Ипатову, чтобы непремѣнно зашелъ. Ну, пьянствуйте, шутъ васъ дери!

Не подавая никому руки, онъ пошелъ къ выходу. Латкинъ, впавшій въ мрачное настроеніе духа и остававшійся со времени досадливаго замѣчанія Мельникова въ той же позѣ Наполеона I, хмуро косился на него, бормоча что-то себѣ подъ носъ.

— Ахъ ты, ариөметчикъ-граматчикъ! — крикнулъ онъ ему вслѣдъ.

Но не успѣлъ еще Мельниковъ выйти въ холодную прихожую квартиры и затворить за собою выходную дверь комнаты, температура которой не имѣла почти никакой разницы съ температурой передней, какъ столкнулся грудь съ грудью съ Ипатовымъ и его спутникомъ. Ипатовъ былъ мраченъ и молча отшатнулся отъ Мельникова, какъ отъ лица, съ которымъ находился во враждебныхъ отношеніяхъ. Спутникъ его, огромный верзила, широкоплечій, рыжій, съ усыпаннымъ веснушками лицомъ, былъ тоже не въ духѣ, и какъ только ввалился въ комнату, такъ тотчасъ же и заворчалъ:

— Эка васъ тутъ набралось!

И вдругъ, кинувъ взглядъ на картину, вспыхнулъ до ушей.

— Это что такое?—закричалъ онъ,—кто смѣлъ на чужомъ холстѣ писать?

— Не важничай! Не твой холстъ! — возразилъ кто-то изъ компаніи.

Въ его лицѣ, такъ же какъ и въ лицахъ остальныхъ, замѣтно было выраженіе смущенія и нѣкоторая робость.

— Холстъ не твой! — поддержалъ другой, — онъ Ипатова... Павелъ Егорычъ! извини, мы твой холстъ взяли... Завтра, а хочешь, даже и сегодня, вотъ сейчасъ, какъ только картину продадимъ, заплатимъ.

Ипатовъ, задержанный Мельниковымъ около дверей, стоялъ понурившись, смотря въ полъ и не вѣря въ искренность его объясненій.

— А краски чьи?—кричалъ Рыжій,—краски мои. Какъ вы смѣли распоряжаться чужой собственностью? Это безобразіе, ничего оставить нельзя!..

— Ты подожди, не кричи, послушай! Мы тебѣ отдадимъ за краски, и Ипатову отдадимъ... Ты сообрази, вѣдь нашъ трудъ дороже стоитъ...

Но картина была уже въ рукахъ Рыжаго. Схвативъ лежавшую на окошкѣ около палитры тряпку, онъ съ явнымъ злорадствомъ сталъ стирать съ холста краски.

— Вотъ вашъ трудъ! Вотъ! Вотъ онъ! На!

Потрясая въ воздухѣ грязной тряпкой, Рыжій продолжалъ повторять: «Вотъ вашъ трудъ!» Но моментъ общаго смущенія, вызванный его рѣшительнымъ образомъ дѣйствій, уже миновалъ. Авторы картины, оба разомъ, набросились на него и началась настоящая свалка. Рыжій крошилъ направо и налѣво, пока не оказался самъ на полу. Мельниковъ хотѣлъ удержать Ипатова, чтобы сохранить его цѣлымъ и невредимымъ въ сторонѣ отъ

поля битвы, но Ипатовъ, видя, что его холстъ съ подрамникомъ уже пущенъ въ дѣло и можетъ быть прорванъ о чью-нибудь голову, вырвался изъ рукъ Мельникова и мгновенно вслѣдъ за тѣмъ самъ оказался на полу. Латкинъ стоялъ въ переднемъ углу и, поднявъ руки кверху, кричалъ:

— Горе побѣжденнымъ! Побѣдителей не судятъ! Ур-ра!.. пропали денежки!..

XI.

Поздно ночью, когда мѣсто недавней ожесточенной свалки опустѣло, и бойцы, заключившіе между собою мирный договоръ, скрѣпленный нѣсколькими бутылками пива, уже спали въ повалку на полу за перегородкой и похрапывали, вторя одинъ другому, Ипатовъ не спалъ, ворочаясь съ боку на бокъ и не имѣя силы успокоиться отъ своихъ думъ. Дружный храпъ товарищей то затихалъ, то дѣлался громче; по временамъ раздавалось чье-то безсвязное бормотанье и потомъ на нѣкоторое время возстановлялась полнѣйшая тишина. Въ тусклое окно комнаты едва проникалъ слабый отблескъ свѣта съ улицы отъ фонарной лампочки и, отражаясь на потолкѣ темной комнаты едва замѣтнымъ пятномъ, по временамъ мигалъ и точно вздрагивалъ. Ипатову, при его безсонницѣ, казалось, что этотъ слабый отблескъ свѣта колеблется въ отвѣтъ на его думы, какъ будто хочетъ ободрить его, развить въ немъ твердость духа.

«И къ чему еще колебаться, — думалъ онъ, — развѣ я не вижу, что изъ такого положенія нѣтъ выхода. Зачѣмъ мнѣ брать ихъ въ примѣръ: у нихъ ни печали, ни воздыханія, день и ночь, сутки прочь—и слава Богу. Давеча мой холстъ разорвали, послѣдніе шесть гривенъ за него отдалъ—и сами же надо мной смѣются. Вонъ у несчастнаго Латкина два синяка на лбу, чуть не полчаса кровь носомъ шла—и спитъ безмятежно, точно дитя въ люлькѣ, благо не вышвырнули на улицу... И на улицу бы пошелъ, приткнулся бы гдѣ-нибудь подъ заборомъ и замерзъ бы, можетъ быть. Не все ли ему равно, въ самомъ дѣлѣ, днемъ позже или днемъ раньше умереть. Да вѣдь и всѣ остальные въ лучшемъ положеніи тоже, только теперь пока этого еще не замѣтно, лѣпятся кой-какъ при академіи и перебиваются, кто стипендіей, кто чѣмъ... А много ли такихъ, которые выбьются на самостоятельную дорогу? Мельниковъ, да еще два-три, остальные куда дѣнутся? Одна дорога всѣмъ—образа писать. Но вѣдь эта дорога тоже, ой-ой, не легкая! На ней давнымъ-давно стоитъ

ловкіе люди впереди нашего брата, они знаютъ всѣ ходы и выходы вездѣ и прежде насъ рвутъ въ свои алчныя руки всякую работу, львиную часть заработка берутъ себѣ, а намъ только крохи однѣ бросаютъ...

Онъ вспомнилъ своего родственника Подрамникова, содержавшаго иконописную мастерскую, и тяжело вздохнулъ, представивъ себѣ то безвыходное и зависимое положеніе, въ которомъ находились у него десятки несчастныхъ, забитыхъ нуждою иконописцевъ.

— Нѣтъ, пусть бы Мельниковъ сначала посмотрѣлъ на эту жизнь, да потомъ бы ужъ и смѣялся надо мной. Пусть бы показалъ глупымъ товарищамъ своимъ—вотъ, молъ, посмотрите-ка, полюбуйтесь, какъ грѣшники въ котлѣ кипятъ, и не судите Ипатова за то, что онъ видитъ дальше насъ... Да и я-то хорошъ: чуть было и въ самомъ дѣлѣ не увлекся розсказнями Мельникова; ладно, что во время очнулся... А вѣдь какъ напустились, закаркали всѣ: горбунья да горбунья, точно Богъ вѣсть какой поворъ жениться на горбуньѣ. Да горбунья-то можетъ быть въ тысячу разъ лучше другихъ... Можетъ быть, они даже изъ зависти, и любой бы изъ нихъ женился на козѣ, если богатая...

Но однакожъ, не смотря на свое, повидимому, твердое намѣреніе оборвать всѣ связи съ товарищами и сдѣлать послѣдній рѣшительный шагъ, онъ все-таки чувствовалъ, что стоитъ на краю того обрыва, къ которому подвелъ его Подрамниковъ, и никакъ не можетъ чрезъ него перескочить. Едва ли даже въ этомъ случаѣ онъ не потому и колебался такъ долго, что о женитьбѣ его хлопоталъ не кто другой, а именно Павелъ Петровичъ Подрамниковъ, человѣкъ, давно ему извѣстный съ непохвальной стороны...

Павелъ Петровичъ Подрамниковъ дѣйствительно представлялъ собою нѣчто особенное, выдающееся изъ ряда вонъ. Но, позвольте, о Павлѣ Петровичѣ нельзя говорить какъ-нибудь, только мимоходомъ. Павелъ Петровичъ лицо крупное и имѣетъ полное право на вниманіе читателя.

XII.

Мастерская Павла Петровича Подрамникова находилась, какъ сказано выше, гдѣ-то далеко за Николаевской улицей, гдѣ еще при поворотѣ въ какой-то глухой переулокъ есть на угловомъ дому вывѣска «Трактиръ три озера купающихся лебедей», на

вывѣскѣ изображены три лебедя, подъ каждымъ озерко, лебеди большіе, а озерки маленькія, до того маленькія, что въ нихъ свободно могутъ помѣщаться только однѣ лебединыя лапки. Если вы видали эту вывѣску, то несомнѣнно задумывались надъ вопросомъ о томъ, что хотя въ дѣйствительности и нельзя встрѣтить нигдѣ такихъ озеръ и лебедей, но зато всюду на Руси можно натолкнуться на своеобразныхъ художниковъ.

Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что вывѣска съ лебедями написана въ мастерской Подрамникова, хотя онъ самъ лично, еслибы высказать ему такое предположеніе, несомнѣнно отвергнулъ бы его не безъ гордости и не безъ сознанія собственнаго достоинства, какъ обидное и оскорбительное «для его фирмы». Но однакоже такое предположеніе существовало, такъ какъ Павелъ Петровичъ Подрамниковъ, свободный художникъ давнишнихъ временъ, готовъ былъ «за приличное вознагражденіе» принять заказъ не только на трактирную вывѣску, но даже на смазку дегтемъ или ждановской жидкостью стѣнъ и половъ, если потребуется.

Отъ того углового дома, на которомъ красовалась вывѣска съ лебедями, нужно было миновать еще два переулка, чтобы увидѣть наконецъ на деревянномъ двухъ-этажномъ домѣ надпись огромными бѣлыми буквами по черному фону: «Студія живописи художника Подрамникова». Домъ этотъ былъ старый, замѣтно уже покосившійся; желѣзная крыша его, когда-то окрашенная свѣтло-зеленой краской, давно уже порыжѣла. Входныя двери съ улицы, хотя и были заново окрашены желтой краской подъ дубъ, но весьма подозрительно держались на ржавыхъ петляхъ и напоминали собою стараго инвалида, который едва ковыляетъ на слабыхъ ногахъ и того и гляди вотъ-вотъ свалится. Ворота, чрезъ которыя можно было проникнуть внутрь двора, никогда не растворялись, такъ какъ по совершенной своей ветхости были забиты гвоздями на-глухо, и только одна калитка, видимо недавно сдѣланная изъ свѣжаго некрашеннаго лѣса, давала путь во дворъ и напоминала собою яркую заплату на изношенной одеждѣ. Внутри двора не было никакихъ построекъ, ни кладовыхъ, ни амбаровъ, ни погребовъ — все подобное когда-то могло и быть, да отжило свой вѣкъ, либо сгорѣло, либо развалилось и за негодностью уничтожено. Высокія стѣны сосѣднихъ каменныхъ зданій давили и жали дворъ съ трехъ сторонъ, съ безмолвнымъ видомъ того пренебреженія и высокомѣрія, съ какимъ надутый денежный мѣшокъ смотритъ на голую бѣдность.

Павелъ Петровичъ жилъ въ этомъ ветхомъ домѣ уже давно

и другой болѣе дешевой квартиры такого размѣра не могъ бы найти во всемъ Петербургѣ.

Съ домохозяиномъ были у него какіе-то свои счеты, которые они всегда сводили почему-то съ глазу на глазъ и при закрытыхъ дверяхъ. Домохозяинъ занималъ въ нижнемъ этажѣ всего двѣ комнатки. Онъ былъ человѣкъ тихій, молчаливый, велъ жизнь уединенную и заявлялся къ Павлу Петровичу лишь для того, чтобы поговорить съ нимъ о чемъ-то по секрету. Каждый разъ послѣ такого секретнаго разговора, онъ пропадалъ изъ дому на нѣсколько дней, возвращался мрачный, съ опухшимъ лицомъ, и затворялся у себя въ комнатахъ до новаго секретнаго разговора съ Павломъ Петровичемъ. Павелъ Петровичъ, кажется, потому всего болѣе и дорожилъ квартирой въ этомъ домѣ, что ужъ очень по душѣ пришелся ему домохозяинъ.

Правда, онъ не безъ смущенія иногда посматривалъ на покосившіеся полы, дверные косяки и оконные переплеты, и вздыхалъ при мысли о томъ, что домохозяинъ совсѣмъ «отъ рукъ отбился»; но послѣ такихъ вздоховъ, самъ же потомъ не безъ пріятности потиралъ руки, представляя домохозяина у себя въ кабинетѣ и секретный разговоръ съ нимъ. Какая пріятность была для него въ этихъ секретныхъ разговорахъ—никто не зналъ; догадывались только сообразительные люди, что Павелъ Петровичъ весьма ревниво охраняетъ домохозяина отъ капитальнаго ремонта дома и поддерживаетъ въ немъ слабость къ выпивкѣ. Замѣчали, напримѣръ, что какъ только домохозяинъ заявляется къ нему для секретныхъ разговоровъ, такъ Павелъ Петровичъ немедленно же распоряжается на счетъ закуски, дѣлается необыкновенно радушнымъ, упрашиваетъ домохозяина выпить хотя одну рюмочку и выдаетъ ему большую или меньшую часть просимой суммы только тогда, когда уже накатитъ его водкою до опьянѣнія.

Лица, недостаточно знакомыя съ разнообразными талантами, житейскимъ опытомъ и необыкновенною сообразительностью Павла Петровича, даже осуждали его за то, что онъ не уговариваетъ хозяина на производство капитальнаго ремонта въ домѣ; но Павелъ Петровичъ былъ себѣ на умѣ. Тамъ, молъ, что вы ни говорите, а я свое дѣло знаю—и пока домъ будетъ въ такомъ видѣ, никто меня изъ него не вытѣснитъ; а если его какъ слѣдуетъ поправить, то, пожалуй, не только новые жильцы найдутся, но и самъ хозяинъ задеретъ голову къ верху.

Павелъ Петровичъ не очень заботился о томъ, что унылый видъ его жилища можетъ, пожалуй, возбудить въ иномъ заказ-

чикѣ подозрительныя мысли на счетъ положенія его денежныхъ дѣлъ. Такія заботы тревожатъ обыкновенно тѣхъ, у кого дѣла дѣйствительно плоховаты, о дѣлахъ же Павла Петровича этого сказать было нельзя. Кромѣ того, нужно замѣтить, что на случайнаго заказчика съ улицы Павелъ Петровичъ хотя и не оче свысока смотрѣлъ, памятуя, что пятьдесятъ и даже двадцат пять рублей за портретъ все-таки деньги и даромъ ихъ ни не дастъ; но не этотъ случайный заказчикъ былъ источнико его дохода и не о немъ были его всегдашнія, каждодневн попеченія.

Главнымъ источникомъ его доходовъ были подряды на п ставку иконостасовъ, и именно въ полученія этихъ подряд онъ являлся великимъ практикомъ и знатокомъ своего дѣ Имѣя по этому случаю сношенія съ людьми всякаго чина званія, Павелъ Петровичъ до того набилъ руку, что ему, въ ос бенности въ послѣднее время, уже не представлялось почти н какого труда, для того, чтобъ умѣть въ тонъ говорить съ к угодно. Будь то свѣтскіе люди или духовные, будь то чины вое наго вѣдомства или гражданскаго,—смотря по надобности, П велъ Петровичъ подвергалъ свой духовный образъ всевозмо нымъ превращеніямъ. Въ разговорѣ съ одними онъ при малъ видъ благочестивѣйшаго христіанина, голову держалъ скл ненною и смотрѣлъ большею частію въ полъ, не касаясь да и края рюмочки хмѣльного. Съ другими онъ былъ развяз смѣшилъ анекдотами самаго забористаго свойства, пилъ ста нами водку, щедро угощалъ при этомъ кого нужно въ трак рахъ и ресторанахъ всякими яствами и питіями, являлся, та сказать, представителемъ широкой русской натуры. Когда для достиженія цѣли требовалась угодливость и приниженнос онъ ежился, горбилъ спину, корчилъ умильныя улыбки и бо комъ пролѣзалъ въ пріемную какого-нибудь сановитаго бари отъ котораго зависѣло рѣшеніе дѣла по отдачѣ подряда. Быва даже случаи, что подбираясь къ полученію подряда на ико стасы въ монастырскихъ церквахъ, Павелъ Петровичъ, согла склонностямъ игуменовъ и настоятелей, то разыгрывалъ ро страдальца, утомленнаго жизнью и желающаго покончить д свои въ тихой обители, то утѣшалъ ихъ преподобія пріятны соображеніями о томъ, какъ можно будетъ въ церковныхъ кн гахъ показать стоимость подряда въ той или другой желае имъ суммѣ. Словомъ, въ дѣлѣ своей спеціальности Павелъ П тровичъ былъ великій мастеръ и ходокъ, и равныхъ ему умѣнью обработывать такого рода дѣла, найти было не легко

XIII.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы онъ уже совсѣмъ, какъ говорится, махнулъ рукой на обстановку своего жилища. Напротивъ. Онъ иногда весьма даже ревностно о немъ заботился, но только въ предѣлахъ возможнаго, то-есть, чтобы заботы ограничивались лишь трудами его учениковъ и мастеровъ и не требовали съ его стороны никакихъ денежныхъ затратъ. Такъ, напримѣръ, въ свободное время, въ особенности въ праздничные дни, онъ какъ бы мимоходомъ, небрежно замѣчалъ кому-нибудь изъ мастеровъ: — «Ну ко-ся, братъ, тронь-ка вотъ тутъ красочкой, да пошире возьми кисть-то.

Оказывалось, что тронуть нужно было не болѣе какъ цѣлое окно съ косякомъ, рамой и подоконникомъ.

— Такая работа, Павелъ Петровичъ, цѣлыхъ полдня возьметъ, — возражаетъ мастеръ.

— Ну вотъ, какъ можно! Ты только такъ легонечко, чуть чуть...

— Но, Павелъ Петровичъ, послушайте, вѣдь дѣло не хитрое, каждый мальченка можетъ...

— Эва! мальченка! Какъ можно мальченка! Ему и недостать до косяка.

— Можно на табуреткѣ.

— Да ты что ломаешься-то, паренекъ? Не хочешь — и не надо...

Павелъ Петровичъ торопливо третъ свои морщинистыя руки одна о другую и, уставивъ на мастера неподвижный взглядъ тусклыхъ свинцовыхъ глазъ, понижаетъ тонъ рѣчи до шопота.

— Ежели ты, паренекъ, не хочешь, обойдемся безъ тебя... Ты, извѣстно, работаешь поштучно и поэтому думаешь, что тебѣ, паренекъ, и чортъ не братъ, не хочу, молъ, никого знать. Ну, и ладно, когда такъ. Сказано: неволить грѣхъ... Только если я тебѣ не нуженъ, въ такомъ разѣ и ты мнѣ тоже.

Мастеръ видитъ, что изъ-за пустяковъ можно лишиться работы и пожалуй остаться безъ куска хлѣба на неопредѣленное время, и съ разу сдается на уступки.

— Да за что же вы обижаетесь, Павелъ Петровичъ? — смущенно говоритъ онъ, — что я такое сказалъ вамъ непріятное? Я вѣдь только напомнилъ, что и мальченка бы сдѣлалъ, а то, если угодно, и я могу... Пустое дѣло, долго ли!..

— Ну вотъ и отлично... Я вижу, ты парень умный... Стоитъ ли изъ-за такой мелочи намъ расходиться!

Павелъ Петровичъ дружески треплетъ его по плечу и не безъ удовольствія шепчетъ почти надъ самымъ его ухомъ:

— Наклевывается иконостасикъ. Штучка недурненькая, можно кой-что выудить. Отмѣнно порядочная. Три придѣла и стѣнной живописи достаточное количество.

— Гдѣ Павелъ Петровичъ?—не безъ оживленія спрашивалъ мастеръ.

— Хе, хе! ловокъ ты! Дѣло еще на ходу... На самомъ концѣ. Вотъ какъ обработаю, тогда изволь, откроюсь вполнѣ.

Онъ лукаво подмигиваетъ ему свинцовымъ глазомъ и киваетъ головой на двери сосѣдней комнаты: храни, молъ, тайну до поры до времени, и уходитъ въ свой уголъ, въ одну изъ отдѣленныхъ комнатъ квартиры, гдѣ по необычайной ея тѣсноты не производилось уже никакихъ иконописныхъ работъ. Онъ очень доволенъ, что ловко сократилъ мастера и удачно обнадежилъ его на счетъ будущихъ благъ.

О той работѣ, которая по его словамъ уже наклевывалась, онъ иногда безцеремонно вралъ, для того собственно, какъ самъ выражался, чтобы «смазать разговоръ». Само собою разумѣется, что и безъ указанія мастера ему было очень хорошо извѣстно, что любой изъ мальчиковъ учениковъ могъ бы выкрасить и раму и дверь; но въ томъ-то именно и вся задача состояла, что бы двери выкрасить безплатно, не отрывая мальчиковъ отъ дѣла. Мальчики и въ будни, и въ праздники одинаково были заняты съ утра до вечера, если не образной живописью, то какимъ-нибудь другимъ болѣе или менѣе соприкасавшимся съ нею дѣломъ: кто картофель чистилъ на кухнѣ, кто бѣжалъ куда-нибудь по порученію самого Павла Петровича, кто дрова рубилъ и т. под., словомъ, всѣ мальчики, какъ взятые въ ученики по иконописной живописи, находились всегда при исполненіи своихъ обязанностей.

А то бывали по ремонту квартиры и такіе случаи. Смотритъ, напримѣръ, Павелъ Петровичъ на входную лѣстницу, ведущую съ улицы, покашливаетъ, поглаживаетъ ея перильцы рукой, хмурится и вздыхаетъ, соображая что-то видимо сложное, и потомъ пойдетъ по всѣмъ комнатамъ и начнетъ хвалить одного за другимъ мастеровъ, осматривая ихъ работы,

— Молодцы, пареньки, ей-ей молодцы! Ловко работаете! И какъ это у васъ дѣло кипитъ, даже удивительно, надо будетъ

должно полагать, сходить съ вами въ трактирчикъ, водченкой побаловаться.

Пареньки видятъ, что Павелъ Петровичъ въ духѣ—сейчасъ къ нему съ просьбами о деньгахъ, кто проситъ рубль, кто полтинникъ, а иной «сколько дадите».

— На селедку, значитъ?—переспрашиваетъ Павелъ Петровичъ этого послѣдняго, какъ самаго скромнаго просителя и подмигиваетъ на него товарищамъ: —смотрите-ка, молъ, у него на умѣ выпивка.

— Хорошо, господа художники!—говоритъ онъ.—Очень превосходно! Сегодня всѣмъ дамъ. Сегодня я раздобылся деньженками—извольте, отъ полноты души говорю.

Господа художники ждутъ, думая въ простотѣ души, что въ самомъ дѣлѣ Павелъ Петровичъ такъ вотъ сейчасъ и выложитъ «отъ полноты души». Оказывается, у него на умѣ есть нѣчто другое.

— Вотъ, что, пареньки, — говоритъ онъ, — дѣло-то пустое, плевое, а все же безпокоитъ. Лѣстница у насъ плоха. Не прилично: народъ къ намъ ходитъ чистый, хорошо бы перильца на ней подмазать.

— Да вѣдь трудно, Павелъ Петровичъ,—отвѣчаютъ пареньки, — замазать недолго, только перильцы едва держатся, пожалуй повыпадаютъ...

— Ну вотъ выдумки, ей-ей выдумки. Перильца въ порядкѣ. Можетъ, одна какая-нибудь или двѣ порасшаталась... Можно легонечко, поосторожнѣй... Вотъ какъ зашабашите и покрасьте...

— А какъ же, Павелъ Петровичъ, на счетъ денегъ-то, вы обѣщались?..

— Денегъ дамъ. Всѣмъ дамъ, ей-ей! И водченкой угощу. Вотъ какъ покрасите, такъ всѣ вмѣстѣ въ трактиръ пойдемъ.

Перильца оказываются дѣйствительно расшатанными. Красить ихъ «пареньки» не рѣшаются, и когда заявляютъ объ этомъ Павлу Петровичу, онъ покачиваетъ головой съ улыбкой снисхожденія къ ихъ недогадливости.

— Щепочками, пареньки, щепочками... Во дворѣ около дровъ всегда есть щепочки. Можно, гдѣ клинышекъ, а гдѣ и гвоздичекъ.

Такъ понемногу кой-что поправлялось въ заброшенномъ домѣ и принимало болѣе или менѣе благообразный видъ. Къ удовольствію Павла Петровича случалось нерѣдко такъ, что и выданныя предъ уходомъ въ трактиръ паренькамъ деньги въ его же карманъ полностію возвращались въ трактирѣ: онъ ихъ выигрывалъ на бильярдѣ, играть на которомъ былъ великій мастеръ.

Вообще съ деньгами онъ умѣлъ обращаться, и по отношенію къ мастерамъ держался такого же правила, при выдачѣ ихъ, какъ и по отношенію къ хозяину. Правило это было таково: «Бери больше, пропивай, мотай и будь у меня въ постоянной зависимости: тогда съ тобой удобнѣе разговаривать, тогда я какую захочу за твою работу цѣну назначить, такую ты и возьмешь. Но чуть только я замѣчу, что ты деньженки припрятываешь и хочешь на свои ноги встать—шалишь! Осади назадъ».

Точно также по отношенію къ поправкамъ и покраскамъ, производимымъ въ домѣ, онъ былъ не менѣе предусмотрителенъ и разсчетливъ. Ограничиваясь въ этомъ случаѣ только даровыми работами своихъ мастеровъ, онъ съ домохозяиномъ (когда тотъ появлялся у него въ кабинетѣ) велъ о нихъ вкрадчивый разговоръ.

— Тутъ вотъ-съ кое-что поправлено-съ... Согласно, впрочемъ, вашему разрѣшенію.

— Что такое?—тревожно спрашивалъ домохозяинъ.

— Да такъ немного, сущіе пустяки... Вотъ посмотрите.

Домохозяинъ, пасмурный и хмурый, подозрительно косится на подсунутый ему «счетикъ», видитъ къ удивленію своему, что «сущіе пустяки» заключаются въ цѣлой страницѣ строкъ и цифръ, и отъ смущенія не знаетъ, что̀ говорить.

— Нельзя было оставить, ей-ей!—таинственнымъ шопотомъ поясняетъ Павелъ Петровичъ, подсаживаясь къ нему поближе,—я хотѣлъ-было какъ-нибудь замазать красочкой — невозможно. Окончательно невозможно. Пришлось заново сдѣлать, и подоконникъ, и двери... Спасибо еще, столяръ недорого взялъ.

— Но позвольте... Какъ же это? Я, кажется, согласія не давалъ... По крайней мѣрѣ не помню, когда...

— А вотъ ваша собственноручная подпись въ книгѣ. Вотъ извольте прочесть,—предлагаетъ Павелъ Петровичъ, и водя пальцемъ по строкамъ книги читаетъ: «получилъ впередъ квартирной платы сто рублей и разрѣшаю произвести въ домѣ поправки на мой счетъ, какія потребуются».

— Но по крайней мѣрѣ... Старыя двери... и вообще... на дрова бы мнѣ... смущенно говоритъ хозяинъ.

— А это уже въ пользу столяра,—поспѣшно объясняетъ Павелъ Петровичъ,—такъ и условіе было. И вотъ въ счетѣ обозначено. Если угодно, можно пригласить его,—удостовѣрьтесь сами...

— Помилуйте, къ чему же, я вѣрю, — глухо говоритъ хозяинъ.

Онъ впадаетъ въ еще болѣе мрачное расположеніе духа, и только тогда оживаетъ, когда Павелъ Петровичъ, угостивъ его

въ достаточной степени виномъ и водкой, снабжаетъ при этомъ и нѣкоторою суммою денегъ, съ неизбѣжной, однако же, распиской въ полученіи ихъ въ книгѣ.

XIV.

Иногда, послѣ того или другого удачнаго дѣла, Павелъ Петровичъ не безъ удовольствія уединялся въ своемъ углу, вспомнивъ, что среди заботъ и хлопотъ давно не имѣлъ времени побриться. Потирая морщинистой рукой щеки и всматриваясь въ сѣдыя щетины, обильно вылѣзшія на нихъ, онъ съ видимымъ порицаніемъ и упрекомъ самому себѣ покачивалъ головой и спѣшилъ «произвести сѣнокосъ», чтобы какъ возможно скорѣе дать лицу должное благообразіе и уничтожить на немъ всякіе слѣды того сходства съ старой крысой, которая, всегда крайне ему противная, невольно въ это время припоминалась и непрошенная лѣзла на сравненіе.

Отполировавъ бритвою свою землистаго цвѣта физіономію и тщательно пригладивъ височки жиденькихъ сѣроватыхъ волосъ, онъ не безъ самодовольствія расхаживалъ по огромной квартирѣ съ нижняго этажа въ верхній и обратно, осматривая производившіяся въ каждой комнатѣ работы.

Работъ было много и работавшіе тѣснились по двое и по трое около каждаго окна. Но грязи было еще больше—грязь была вездѣ, и на полу, и на стѣнахъ, и на всѣхъ работающихъ. По угламъ висѣла паутина плотными массами, точно тюль свернутый въ нѣсколько рядовъ. На дверныхъ карнизахъ пыль лежала густыми слоями, потолки имѣли темносѣрый цвѣтъ отъ ламповой копоти и табачнаго дыма. Нѣкоторые изъ мастеровъ работали сидя, помѣщаясь кто на табуретѣ, кто на стулѣ; нѣкоторые, за неимѣніемъ мебели, сидѣли на полѣньяхъ дровъ. Мальчики въ истасканныхъ холщевыхъ халатахъ, блѣдные, большеглазые, тощіе съ обострившимися носами, растирали на камняхъ краски, и нѣкоторые изъ нихъ тоже что-то мазали, держа доски, предназначенныя для иконъ на колѣняхъ. Вездѣ было сыро и холодно, по временамъ слышалось унылое мычанье кого-нибудь изъ мастеровъ, затянувшаго подъ носъ пѣсню, по временамъ односложное замѣчаніе, брань, смѣхъ и шутки надъ своимъ собственнымъ положеніемъ, иногда слышались шутки надъ «проклятымъ» словомъ студія, потому, будто бы, и помѣщеннаго на вывѣскѣ

Подрамникова, чтобы всѣмъ было извѣстно, что въ его мастерской стужа.

Всѣ они, эти безвѣстные труженики, въ большинствѣ были, разумѣется, неудачники, недоучившіеся въ академіи или прекратившіе ученье по неимѣнію денежныхъ средствъ. Каждый изъ нихъ въ свое время имѣлъ, конечно, мечты о независимой жизни, о служеніи искусству, о трудѣ по призванію, и всѣ эти мечты разсѣялись какъ дымъ. Иной даже и курсъ въ академіи кончилъ, и званіе получилъ художника первой степени и думалъ служить «свободнымъ художествамъ», а попалъ въ кабалу къ Подрамникову, у котораго числится на одномъ счету съ богомазомъ-самоучкой, такъ какъ, по словамъ Павла Петровича, ему большихъ мастеровъ «дѣвать некуда». Тянули они день за день печальное существованіе и чахли отъ скверныхъ условій жизни и пьянства, вызываемаго душевнымъ разладомъ. Иной съ похмѣлья, провалявшись до полденъ гдѣ-нибудь за мольбертомъ, не могъ себѣ ясно опредѣлить, гдѣ онъ находится, и несказанно изумлялся, когда на свой вопросъ о времени слышалъ отвѣтъ:

— Уже поздно. Шестнадцатый часъ.

— Что это, Господи!...Неужели шестнадцатый?—бормоталъ онъ, не открывая глазъ.

Другой, свернувшись комочкомъ въ углу, лежалъ недвижимъ, не имѣя силы подняться съ полу и даже сомнѣваясь, продолжаетъ ли онъ еще жить на свѣтѣ или уже вступилъ въ область другого бытія. Товарищи, предвидя скорый приходъ Павла Петровича, старались пробудить въ немъ сознаніе и тоже совѣтовали поскорѣе встать во избѣжаніе непріятнаго столкновенія съ нимъ.

— Слышишь, вставай! Онъ скоро придетъ... будетъ браниться...

— Я умеръ,—слышно изъ угла.

— Вспомни, вѣдь онъ давно грозится на тебя, хочетъ прогнать.

— Умеръ и въ землю зарытъ.

— Фу, чортъ какой, бить тебя что-ли, дурака?

— Ну, что-жъ, бей, если хочешь. Велика важность. Вѣдь душу мою не убьешь...

Порой изъ той или другой комнаты слышалось унылое пѣніе. Кто-то тянулъ дрожащимъ фальцетомъ.

Болитъ, болитъ головбнька
Съ великаго поста.
Проболѣла головбнька
До самаго мозга...

Мальчики, сидя сгорбившись за работой, по временамъ пугливо взглядывали на двери, ожидая скораго прихода хозяина. Иногда среди неожиданно возстановившейся тишины кто-нибудь изъ нихъ пискливымъ голоскомъ произносилъ, обращаясь къ старшимъ:

— Дяденька, а дяденька?

— Что тебѣ?

— Да какъ облачка-то писать: колобочкомъ, каравашкомъ, али яблочкомъ?

— Да ты что пишешь?

— Да я у Николы подъ Спасомъ.

— Что такое у Николы подъ Спасомъ?

Спросившій оставлялъ свою работу и шелъ къ работѣ мальчика. Оказывалось, что онъ на образѣ Николая Чудотворца писалъ съ обѣихъ сторонъ облака подъ маленькими изображеніями Спасителя и Божіей Матери.

Павелъ Петровичъ, обходя свои владѣнія, зоркимъ окомъ видѣлъ все, чтó ему нужно было видѣть.

— Ты что же это, любезный другъ,—ворчалъ онъ, косясь на работу какого-нибудь окончательно уже спившагося мастера, —ты только два дня въ недѣлю работаешь... Зачѣмъ же, когда такъ, каждый день ѣшь?

— Я ра-бо-таю постоян...—глухо отвѣчаетъ, съ трудомъ выговаривая слова, оборванный грязный, съ опухшимъ лицомъ мастеръ.

— То то!.. Смотри, какъ бы на улицѣ не оказаться... Босикомъ да и въ тряпочкахъ оно тово... Зимой-то, очень превосходно.

Павелъ Петровичъ, хотя и грозилъ ему улицей, но пока находилъ еще не безвыгоднымъ держать его: съѣстъ-то, молъ, онъ при его пьянствѣ на грошъ, а все-таки работаетъ, гдѣ загрунтуетъ холстъ, гдѣ фонъ промажетъ, иной разъ и фигурку напишетъ. Другому за это надо худо-худо двѣ красненькихъ въ мѣсяцъ, а онъ изъ хлѣба...

Мальчиковъ онъ безцеремонно крутилъ за вихры и угощалъ такими тычками, что иной бѣдняга летѣлъ отъ него чрезъ всю комнату и растворялъ лбомъ двери сосѣдней комнаты.

— Не болтайся, свиная голова, праздно, — говорилъ при этомъ Павелъ Петровичъ,—не ѣшь даромъ хлѣба... И въ писаніи, дуракъ ты этакой, сказано о тебѣ: «лѣнивый рабъ біенъ будетъ много».

Иногда онъ, недовольный своими малолѣтками, схватывалъ

обѣими руками по экземпляру въ каждую и училъ ихъ такъ сказать, «попарно». Сколько пролито такими учениками горькихъ слезъ, сколько скорби и жалобъ на несчастную судьбу свою высказано и высказывается ими—объ этомъ знаютъ только темныя ночи, да безмолвныя стѣны грязныхъ угловъ мастерскихъ всякаго рода.

Поучая своихъ малолѣтковъ, Павелъ Петровичъ до того иной разъ разсердится, что губы его дрожатъ и кривятся на сторону, свинцовые глаза лѣзутъ вонъ изъ орбитъ. Сжавъ кулаки и топая ногами, онъ шипитъ какъ змѣя.

— Я васъ всѣхъ мошенниковъ голодомъ заморю! Безъ воды утоплю...

Но стоитъ только раздаться на парадной лѣстницѣ звонку, какъ онъ мгновенно утихаетъ и спѣшитъ придать себѣ благообразный видъ.

— «Можетъ быть, заказъ!—мелькаетъ у него въ головѣ, и его бритыя губы, за минуту предъ тѣмъ кривившіяся отъ злобы, вдругъ складываются въ пріятную улыбку.

Ди. Стахѣевъ.

ДЕНИ ДИДРО

1713—1784.

Опытъ характеристики.

Открытое, честное лицо, лихорадочно блестящіе глаза, устремленные вдаль, улыбка, то и дѣло мелькающая на устахъ, отражая быстрые скачки мысли, оживленные жесты, льющіяся рѣкой рѣчи, внутренній огонь, проникшій это хрупкое существо и согрѣвающій все, до чего онъ ни коснется, — вотъ Дидро [1]. Не ищите у него академическихъ позъ, умышленности, эффекта въ словахъ и дѣйствіяхъ,—этихъ слабостей, которымъ такъ часто подпадаютъ люди замѣчательные, но слишкомъ увѣровавшіе въ свое величіе. Это—натура безконечно откровенная, на распашку; что есть за душой, что глубоко продумала или что освѣтила неожиданнымъ блескомъ эта удивительно-прозорливая голова,—все это щедро разсыпается на жизненномъ пути, лишь бы кому-нибудь пригодилось. Коли есть за собой слабости, вонъ ихъ на показъ всѣмъ, чтобы можно было посмѣяться вмѣстѣ. Никакого различія въ отношеніяхъ къ людямъ; привѣтливое или смѣло-правдивое слово его безъ разбору обращено то къ правителямъ, то къ свѣтскимъ знакомымъ, то къ простымъ мастеровымъ; онъ вѣчно наблюдаетъ, всѣмъ интересуется въ обыденнѣйшей жизни. Въ научной области тѣмъ шире и непрогляднѣе его круговоръ. То онъ углубляется въ изученіе коренныхъ на-

---

[1] Въ эрмитажѣ есть прекрасный бюстъ Дидро, работы ученицы Фальконета, mademoiselle Calloti, славившейся въ свое время замѣчательнымъ умѣньемъ схватывать сходство.

учныхъ задачъ и тѣшится смѣлыми обобщеніями,—и рядомъ съ этимъ усвоиваетъ себѣ до мелочей технику различныхъ ремеслъ. Философія, естествознаніе, соціальныя нужды,—и интересы литературные, сценическіе, художественные, все вмѣщается въ этомъ всеобъемлющемъ умѣ. Недаромъ Вольтеръ прозвалъ его «пантофиломъ», вселюбящимъ, недаромъ его поколѣніе иначе не называло его какъ «философомъ» по преимуществу, le philosophe. Пусть считаютъ это свойство неразсчетливой привычкой разбрасываться, расточать умственныя сокровища,—измѣнить его было не въ силахъ Дидро. Если, по его словамъ, у него была въ одинъ и тотъ же день не одна, а сто физіономій, если и къ потомству онъ долженъ былъ перейти съ такою же многообразностью Протея, которая помѣшала ему выполнить все, на что была способна его богатая натура,—не знаешь, жалѣть ли объ этомъ: такая вѣчно кипучая, отзывчивая личность образуетъ необходимый противовѣсъ величавымъ очертаніямъ тѣхъ избранныхъ натуръ, которыя точно изваяны изъ одного куска, уравновѣшены и часто окутаны сумракомъ олимпійскаго величія. Толпа инстинктивно предпочитаетъ послѣдній оттѣнокъ, не замѣчая, что люди, подобные Дидро, вышедшіе изъ ея же среды, готовые служить ей всѣми силами, безконечно ближе къ ней. Но жажда славы вовсе и не мучитъ этого неисправимаго плебея; онъ доволенъ немногимъ, примиряется съ мыслью, что его поймутъ будущія поколѣнія, и отдается своей неутомимой работѣ, жжетъ свѣчу съ обоихъ концовъ. Кругомъ его щедро раздаются титулы генія. Ужъ не геній ли и онъ? «Нѣтъ,—скромно отвѣчаетъ онъ, —во мнѣ слишкомъ много чувствительности, и я всегда буду лишь на половину талантомъ». Бѣдный Дидро!

Но гдѣ граница между этими степенями умственнаго превосходства, та тонкая линія, которую такъ часто проводили и столь же часто нарушали подъ обаяніемъ перваго, сколько-нибудь сильнаго эффекта? Если вѣковѣчныя, общечеловѣческія заслуги даютъ право на высшее значеніе, — въ лѣтописяхъ всеобщей культуры никогда не изгладится память о томъ освобождающемъ благовѣстіи, которое трудами этого человѣка и его сподвижниковъ прозвучало среди тьмы и унынія, въ великую, странную, порою страшную пору, когда побѣдные клики во славу гуманности и знанія смѣнялись сценами пытокъ и колесованія, или трескомъ костровъ, истреблявшихъ и книги, и людей. Далеко разносилось тогда это слово, проникало во всѣ концы образованнаго міра, точно призывный колоколъ, возвѣщавшій обновленіе, и цѣлыя поколѣнія обязаны были ему хоть когот-

кимъ промежуткомъ идеальныхъ порывовъ. Или, быть можетъ, нужно видѣть печать геніальности въ той молніеносной проницательности, легкости созиданія, непринужденной творческой способности, которая такъ бѣсила пушкинскаго Сальери въ безпечномъ Моцартѣ? Дидро именно изъ такихъ быстро творящихъ, мѣткихъ отгадчиковъ, которые точно шутя подходятъ къ истинной разгадкѣ тайны, заглядываютъ далеко впередъ, пробиваютъ новые пути. Многое онъ не докончилъ, не доразвилъ, увлеченный новою идеей, за которой устремился, но вездѣ бросилъ онъ глубокій намекъ, остроумную догадку, или установилъ точку зрѣнія, которая всецѣло подтверждается позднѣйшею наукой. Онъ знаетъ за собой эту способность увлекаться; его мысли несутся точно въ безумномъ вихрѣ, все, что его окружаетъ, происшествіе на улицѣ, мѣсто изъ прочитанной книги, горячій споръ, бесѣда съ умной женщиной, все даетъ толчокъ его думамъ, ассоціація идей дѣлаетъ свое, и сотни плановъ статей, комедій или разсказовъ, научныхъ опытовъ пронесется въ его головѣ; онъ отдается этому опьяняющему разгулу своихъ мыслей, которыя часто называетъ своими вакханками. Въ спокойныя минуты онъ пожалѣетъ объ этомъ, старается передѣлать себя; смѣясь, онъ выскажетъ тогда предположеніе, что въ этомъ, должно быть, сказалось вліяніе его родины,—вѣдь всѣ уроженцы Лангра, слѣдомъ за своимъ климатомъ, отличаются непостоянствомъ и измѣнчивостью флюгера! Но въ спокойныя минуты его почти и не слѣдуетъ изучать. Лафатеръ находилъ въ его чертахъ даже слѣды робкаго и мало предпріимчиваго характера; близкіе къ нему люди видѣли у него въ обыденныя, холодныя минуты странную неловкость, стѣсненность, даже аффектацію; по выраженію Мейстера [1]), «онъ дѣйствительно становился Дидро лишь тогда, когда мысль увлекала его за предѣлы существа»; въ этомъ энтузіазмѣ черты его преображались, и въ нихъ «проявлялось много благородства, энергіи и достоинства». И такой-то человѣкъ, постоянно нуждавшійся во внѣшнемъ импульсѣ, былъ въ то же время въ состояніи, съ желѣзной послѣдовательностью ведя десятками лѣтъ изданіе Энциклопедіи, одолѣвать не только внѣшнія препятствія, но и свою натуру! Наконецъ, подъ старость, увлекшись успѣхами естествознанія, онъ уже вырабатывалъ изъ себя типъ настоящаго ученаго натуралиста, хотя для этого новаго возрожденія было слишкомъ поздно.

---

[1]) Aux mânes de Diderot, p. Meister, сначала напеч. въ Corresp. littér. 1786, ноябрь.

Подходитъ ли послѣ этого къ нему то или другое отличи-тельное названіе изъ обычной табели о литературныхъ и науч-ныхъ рангахъ, пусть рѣшаютъ другіе. Эта блестящая личнос-все-таки останется выходящею изъ ряду вонъ, ни съ чѣмъ н-соразмѣримою, даже во французскомъ народѣ, чьи особеннос-въ ней такъ ярко сказались. Хорошо изучившій его Гриммъ го-варивалъ г-жѣ Неккеръ [1]), «что Дидро—человѣкъ потерянный, если только начнешь судить объ его пріемахъ, опираясь на обще-принятыя правила» (je vous l'ai dit: c'est un homme perdu s-on veut juger son allure suivant les principes reçus). Но не наряжать же намъ, во что бы то ни стало, великихъ люд-въ классическія тоги, драпируя ихъ льющимися складками! Ка-неловко въ такой одеждѣ безпечному, вѣчно подвижному фи-софу, особенно, когда онъ заспорилъ, горячится, трясетъ со-сѣдника за руку или несется въ пылу страстнаго монолога! ... человѣкѣ нужно судить по тѣмъ законамъ, которые онъ се-поставилъ, сказалъ однажды онъ самъ, и Гёте, быть може-лучше всѣхъ понявшій его характеръ, формулировалъ свой взгл-на него въ слѣдующихъ мѣткихъ словахъ: «Дидро есть Дид-человѣкъ единственный въ своемъ родѣ. Кто придирчиво отн-сится къ нему или къ его твореніямъ, тотъ самъ педантъ,—... такихъ людей легіоны. Вѣдь человѣчество не умѣетъ ни от-Бога, ни отъ природы, ни отъ себя подобныхъ принимать с-благодарностью сокровища не оцѣнимыя» [2]).

I.

Біографу всегда очень кстати, когда онъ можетъ назв-своего героя сыномъ народа и показать, какъ свѣжая народн-среда выставила въ немъ типическаго представителя, надѣли-его бодростью и энергіею, невѣдомою баричамъ. Это точно-оживляетъ жизнеописаніе, подчасъ даетъ матеріалъ для прикр-и благонамѣренной риторики,—зрѣлище самодѣятельности все-завлекательно. Относительно Дидро безполезны подобныя ук-ренія. Его «народность» выступаетъ достаточно ярко и симп-тично, и гдѣ бы мы его ни видали, въ эрмитажѣ ли у Ека-рины, въ салонѣ Гольбаха, или въ его скромной квартиркѣ ... то на пятомъ этажѣ стараго парижскаго дома, вездѣ онъ оста-

---

[1]) Haussonville, Le salon de madame Necker, 1882, I, 156.

[2]) Въ письмѣ къ Цельтеру, отъ 9-го марта 1831.

вѣренъ себѣ; въ этомъ демократически-просто одѣтомъ собесѣдникѣ, постоянно нарушавшемъ чѣмъ-нибудь салонный этикетъ, всегда сквозилъ сынъ мастерового, выходецъ изъ уѣздной глуши, закаленный въ Парижѣ нуждою и борьбой за существованіе. Не сельская обстановка выставила его, онъ не изъ крестьянъ. Иной, пожалуй, и его зачтетъ въ ряды возникавшаго тогда третьяго зажиточнаго сословія, чье вырожденіе въ наши дни заставляетъ иногда забывать несомнѣнныя старыя его заслуги. Но для Дидро какъ будто не существуетъ сословныхъ перегородокъ, тѣмъ болѣе между мѣщанствомъ и деревенской массой; въ его мечтахъ объ общественномъ переустройствѣ народъ играетъ первую роль, труду отведено почетное мѣсто, и въ наукѣ его привлекаетъ прежде всего возможность отзываться на практическіе запросы. Иначе и быть не могло. Морлей [1]) остроумно указываетъ, что Дидро въ своемъ родѣ тоже могъ гордиться аристократическимъ происхожденіемъ, — въ его семьѣ цѣлыхъ двѣсти лѣтъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, передавалось ножевыхъ дѣлъ мастерство. Извѣстный достатокъ, которымъ пользовалась семья, былъ добытъ постояннымъ и честнымъ трудомъ. Старикъ-отецъ философа могъ бы быть однимъ изъ лучшихъ украшеній той галереи прямодушныхъ и глубоко-нравственныхъ старческихъ характеровъ, которыми такъ богатъ восемнадцатый вѣкъ, особенно въ демократическихъ слояхъ, отстаивавшихъ свою чистоту отъ общаго растлѣнія. Таковъ былъ отецъ Бэрнса, старикъ Фонвизинъ, оригиналъ Стародума, отецъ Руссо. Симпатичный образъ стараго ножевщика никогда не покидалъ сына, который съ глубокой любовью вспоминалъ о немъ, цѣня и суровость его, забывая размолвки, въ которыхъ самъ же бывалъ виноватъ. Видя вокругъ себя деморализацію и негодуя на скептицизмъ писателей въ родѣ Гельвеція, который все у людей сводилъ къ личной выгодѣ, Дидро, вспоминая, вѣроятно, объ отцѣ, утѣшалъ себя мыслью, что еще есть безкорыстные честные люди, «которые живутъ и умираютъ вѣрные своимъ принципамъ, не смотря на общую безнравственность и низость, и на безполезность добродѣтели, — хотя, нужно признаться, такіе люди очень рѣдки» [2]).

Въ небольшомъ автобіографическомъ діалогѣ [3]) онъ переносится мыслью въ старые дни, и вводитъ насъ въ семейную обстановку; всѣ домашніе собрались вокругъ кресла, гдѣ уже боль-

[1]) Diderot and the encyclopedists, 1878, глава II; русск. перев. В. Н. Невѣдомскаго, 1882.
[2]) Réfutation de l'ouvrage de mr. Helvétius intitulé „L'Homme".
[3]) Entretien d'un père avec ses enfants.

ной и дряхлѣющій отецъ отдыхаетъ отъ своей трудовой жизни. «Мнѣ кажется, я его и теперь вижу въ его креслѣ, съ его спокойной осанкой и яснымъ челомъ. Какъ будто слышится и его голосъ. Зимній вечеръ. Передъ зажженнымъ каминомъ, вокругъ отца, сидимъ всѣ мы, мой братъ-аббатъ, сестра и я. Рѣчь у насъ идетъ о неудобствахъ знаменитости. Сынъ мой, говоритъ онъ, мы оба съ тобой надѣлали много шуму на своемъ вѣку,— разница между нами лишь та, что шумъ, который ты подымалъ съ своимъ инструментомъ, лишалъ тебя покоя, а я своимъ стукомъ отнималъ покой у другихъ,—и, послѣ этой шутки стараго кузнеца, онъ задумался, вглядываясь по временамъ пристально то въ того, то въ другого изъ насъ». И дальше идетъ очевидно точная картинка одного изъ такихъ дружескихъ зимнихъ вечеровъ; отецъ вспомнилъ о трудныхъ минутахъ въ прошломъ, объ искушеніяхъ, которыя выносила его совѣсть; дѣти говорятъ ему свое мнѣніе, вѣчно горячій Дени заспорилъ,—но надъ всѣмъ царитъ спокойное благодушіе отца, который и пошутитъ, и пожуритъ, и обмолвится ласковымъ словцомъ. Такъ нарисуетъ потомъ Бэрнсъ въ прелестномъ стихотвореніи идиллическую картину субботняго вечера въ родительскомъ домѣ, такъ Руссо будетъ вспоминать, какъ они съ отцомъ читали Плутарха.

Старика Дидро всѣ уважали; къ нему приходили даже совсѣмъ чужіе люди, избирая его посредникомъ въ своихъ несогласіяхъ, душеприкащикомъ послѣ своей смерти. Онъ былъ глубоко набоженъ и простъ въ своихъ вкусахъ; онъ не сталъ бы, въ родѣ отца Бомарше, тоже по своему очень чадолюбиваго, состязаться съ сыномъ въ кропаніи мадригаловъ или выспрашивать у юноши о его любовныхъ похожденіяхъ. Но въ то же время онъ не страдалъ всепримиряющей елейностью; напротивъ, онъ рѣзалъ правду всѣмъ въ глаза,—и эта черта всецѣло передалась сыну, многое испортивъ ему въ жизни. «Я точно созданъ, чтобы говорить правду моимъ друзьямъ, подчасъ и постороннимъ,— пишетъ онъ Вольтеру,—это свойство болѣе почетное, чѣмъ мудрое» [1]); оглядываясь въ концѣ жизни на пройденное поприще, онъ сознавался самому себѣ, что могъ заблуждаться, но не кривилъ душой,—въ томъ порукой его строгій судья, не молчно бьющійся въ груди. «Всю жизнь жалѣлъ я,—пишетъ онъ въ другой разъ одному совѣтнику парламента,—что не выбралъ себѣ профессіи адвоката; быть можетъ, я не выказалъ бы въ палатѣ таланта замѣчательнаго оратора, но, конечно, я обнаружилъ бы

[1]) Письмо отъ 19-го февраля 1766.

тамъ свойство полной правдивости» [1]). Этотъ культъ прямодушія, очевидно, охватилъ его съ дѣтства, и ветхозавѣтный образъ отца наряду съ любимой женщиной и немногими друзьями заставлялъ его вѣрить въ человѣчество. Суровый старикъ сначала не одобрялъ поведеніе сына въ Парижѣ, слишкомъ безпорядочное, безъ опредѣленнаго занятія, и еще болѣе очерненное сплетнями,—но стоило Дидро примчаться въ Лангръ и прямо пожелать объясненія, и вскорѣ размолвки какъ не бывало, и ласковыя отношенія между ними не прерывались болѣе.

Ровныя впечатлѣнія родного дома, гдѣ все манило къ тихой, искони трудовой жизни, не могли удовлетворять молодую натуру, жаждавшую новизны и оживленія и рвавшуюся на волю. Опредѣленныхъ идеаловъ у него еще не было, профессіи онъ никакъ не могъ выбрать, готовясь быть то медикомъ, то судейскимъ, то бросая іезуитскую школу, чтобъ стать за верстакомъ и помогать отцу въ работѣ. Ученіе идетъ успѣшно, но неровно; изъ школы онъ иногда убѣгаетъ въ поля за городъ, на охоту, или сидитъ за веселой пирушкой съ товарищами. Сладить съ нимъ трудно, и отецъ часто задумывается надъ его судьбою. Наконецъ вѣтреникъ все бросилъ для Парижа, прелесть котораго извѣдалъ, оканчивая тамъ воспитаніе, для возможности жить независимо, отдаваясь своимъ влеченіямъ; не послушался онъ послѣдняго напоминанія отца, не побоялся угрозы лишить его скуднаго содержанія, и промѣнялъ уѣздное затишье на шумъ и суету столицы.

Ходъ вещей, обычный въ большинствѣ біографій замѣчательныхъ людей: неумѣнье родителей понять настоящее призваніе молодого человѣка, семейный разладъ, рядъ ошибокъ и колебаній. Иной разъ можетъ даже показаться, что эти помѣхи разставлены умышленно судьбой, что безъ нихъ люди не доходили бы до цѣли, и что человѣкъ, котораго съ малолѣтства ведутъ систематическимъ воспитательнымъ путемъ, обставляя его всевозможными вспомогательными средствами, разравнивая все въ жизни, при нашемъ строѣ быта не добудетъ себѣ той энергіи и свѣжести взгляда, которая вырабатывается у такого «блуднаго сына». Легко ли дается такая школа опыта, другой вопросъ. Но не у всѣхъ пора искуса такъ продолжительна и безотрадна, какъ у Дидро. Кто не знаетъ, сквозь какія униженія и несчастія прошелъ другъ его молодости, Руссо, который самъ позаботился драматически пересказать ихъ въ своей исповѣди. Біографы Дидро

---

[1]) Переписка, томъ 20-й, 5, Oeuvres complètes, издан. Ассеза и Мориса Турнэ. Всѣ цитаты приводятся нами по этому лучшему изданію.

не разъ жалѣли [1]), что онъ пренебрегъ этимъ благодарнымъ средствомъ заинтересовать массу въ свою пользу,—и еслибъ не случайныя обмолвки въ его письмахъ и литературныхъ произведеніяхъ, да три, четыре анекдота, пересказанные съ его словъ въ мемуарахъ его дочери [2]), мы очень мало знали бы о первой порѣ его голодной и безпріютной жизни въ Парижѣ, которую придирчивые судьи, въ родѣ Карлейля [3]), тѣмъ не менѣе обзываютъ прямо «бездѣльничаньемъ». Онъ естественно попалъ въ кругъ писательской и педагогической богемы, работая по заказу, давая грошовые уроки, особенно по математикѣ, къ которой пристрастился еще въ школѣ. Но правильная жизнь и тутъ для него тягостна; нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ въ зажиточной семьѣ въ качествѣ воспитателя, кажутся ему подъ конецъ пыткой; онъ боится втянуться въ этотъ мѣщанскій складъ. Съ непонятливымъ ученикомъ его не заставитъ заниматься даже мысль о кускѣ хлѣба. Живетъ онъ на чердакѣ, зато независимъ, читаетъ много, и только то, чтб захочетъ, о чемъ не говорилъ ему никто ни въ провинціальной глуши, ни въ парижскомъ коллежѣ. Немного нужно было ему пробыть въ столицѣ, чтобъ замѣтить, какъ скудно было его образованіе; живое движеніе начиналось тогда въ наукѣ, обновлявшейся подъ вліяніемъ англійской философіи и опытнаго знанія. Приходилось переучиваться, и по мѣрѣ того, какъ выяснялись передъ нимъ основныя положенія новой школы, небывалый энтузіазмъ овладѣвалъ юношей; теперь ему стоило жить. Что за бѣда, что онъ часто голодаетъ, что кошелекъ его пустъ; онъ этого не замѣчаетъ. Преданная служанка принесла-было ему присланныя тайкомъ матерью деньги, и нарочно пѣшкомъ пришла изъ Лангра, чтобъ и свои сбереженія отдать юношѣ,—и тѣхъ денегъ ужъ нѣтъ. Голодный бродитъ онъ по Парижу, въ обморокѣ падаетъ у двери своей квартиры, и, приведенный въ чувство сердобольной хозяйкой, которая поспѣшила накормить его, онъ даетъ себѣ, по своему обыкновенію, патетически-торжественную клятву отнынѣ не отказывать въ помощи ни одному бѣдняку, который бы постучался къ нему.

Въ ту пору, такою же жизнью, тоже лѣпясь на чердакахъ,

---

[1]) Розенкранцъ, Морлей, недавно также авторъ біографич. введенія къ Oeuvres choisies de D., édition du centenaire.

[2]) Mémoires pour servir à l'histoire de la vie et des oeuvres de m-r Diderot par Madame de Vandeul, sa fille. Ея показанія, однако, должно принимать съ такою же осторожностью, какъ біографическія свѣденія поклонника Дидро, Нэжона.

[3]) Critical and historical Essays; русскій переводъ „Историч. и критич. опыты", М. 1878.

обѣдая чѣмъ Богъ послалъ, работая за гроши и наслаждаясь возможностью отдаваться умственной дѣятельности, жило въ Парижѣ нѣсколько такихъ же талантливыхъ бѣдняковъ. Если Дидро училъ математикѣ, а иной разъ, потѣшаясь внутренно надъ курьезностью предложенія, писалъ за нѣсколько су проповѣдь для безграмотнаго аббата, Руссо до утомленія переписывалъ ноты, Кондильякъ бѣгалъ по урокамъ, а Даламберъ, сынъ знатной салонной дамы, которая подкинула его на церковную паперть, могъ существовать только благодаря материнскимъ попеченіямъ бѣдной прачки, которая пригрѣла его, воспитала и сильно любила, горюя только о томъ, что онъ тоже выбираетъ себѣ неблагодарнѣйшую профессію «философа». Мало-по-малу вся эта даровитая молодежь перезнакомилась между собой, сошлась, въ хорошіе дни обѣдала въ студенческихъ кабачкахъ, обмѣнивалась планами и широкими взглядами; все это было бѣдно и восторженно. Странный собесѣдникъ Дидро въ извѣстномъ его діалогѣ «Племянникъ Рамо» напомнитъ ему это время, — очевидно они съ нимъ давно знакомы. «Помнитъ ли онъ, какъ лѣтомъ приходилъ, бывало, въ Люксембургскій садъ въ сѣромъ плюшевомъ кафтанѣ, проношенномъ сбоку, въ черныхъ шерстяныхъ чулкахъ, заштопанныхъ сзади бѣлыми нитками,—какъ уныло бродилъ онъ по Аллеѣ Вздоховъ, а потомъ по улицамъ,—какъ училъ математикѣ, и самъ обучался во время уроковъ»?..

Такъ проходилъ годъ за годомъ, и только молодость и неистощимый запасъ доброй воли и веселости помогали переживать эту сѣрую, неприглядную пору. Дружескій кружокъ разростался; въ него вошли начитанный и искусно владѣвшій перомъ адвокатъ при парламентѣ Туссенъ, и аббатъ Де-Прадъ, — которымъ вскорѣ предстояло пострадать за свободныя убѣжденія. Дидро— преданный другъ, способный усвоить себѣ всѣ интересы близкаго человѣка, вліять на него и въ свою очередь подчиняться его руководству; иной разъ онъ слишкомъ склоненъ анализировать поступокъ пріятеля и можетъ показаться требовательнымъ и докучнымъ, но въ немъ говоритъ въ эти минуты не тираническая замашка [1]), а все то же идеализованное представленіе о дружбѣ, которую онъ разорветъ, какъ только замѣтитъ измѣну убѣжденіямъ или нравственную дряблость [2]). Но одна дружба не могла

[1]) Въ этомъ смыслѣ стараются объяснять его дѣйствія пристрастные сторонники Руссо, взводящіе на одного Дидро вину ихъ размолвки. См. напр. введеніе Жюля Леваллуа къ изданію переписки Руссо (J. J. Rousseau, ses amis et ses ennemis, pub. p. Streckeisen-Moultou, P. 1865).

[2]) Такъ разошелся онъ съ Де-Прадомъ, который послѣ гоненій на книгу свою от-

удовлетворить его привязчиваго сердца; онъ еще быстрѣе увле-
кался женщинами, и у него уже длинный списокъ мимолетныхъ,
быстро вспыхивающихъ увлеченій. Но кого встрѣчаетъ онъ, и
изъ какихъ опытовъ складываются его ранніе взгляды на жен-
щину, теорія любви и брака! Его подруги народъ незамысловатый, но съ ними весело, можно проказничать на пропалую! Дидро пока бо́льшаго и не требуетъ, и пускается въ забавнѣйшія похожденія, совсѣмъ во вкусѣ старыхъ фабльо. Наступали, однако, минуты раздумья и усталости. Тупая случайность житья въ hôtel garni свела Руссо съ его Терезой; въ припадкѣ утомленія скитальческой жизнью и случайными сближеніями и Дидро заглядѣлся на хорошенькое личико сосѣдки, дочери обѣднѣвшаго фабриканта, m-lle Champion; оно поманило его къ покою, къ семьѣ. Заботливость, съ которой дѣвушка ходила за нимъ во время его болѣзни, не посмотрѣвъ на людское мнѣніе, окончательно убѣдили его, и онъ, точно въ чаду, сгоряча женился, разсердивъ отца,— и скоро понялъ, что сдѣлалъ тяжкую ошибку.

Потребность въ глубокой привязанности къ женщинѣ умной и развитой сложилась у него не сразу, но сходясь на время съ совершенно иными женскими характерами, онъ смутно предчувствовалъ что-то лучшее, и когда встрѣтилъ наконецъ, хоть и слишкомъ поздно, достойную его подругу, отдался этому чувству навсегда; врядъ ли и онъ по своей природѣ не былъ тоже «однолюбомъ». Отголоски прежнихъ привычекъ, непринужденной холостой жизни и связей въ полу-свѣтѣ, гдѣ онъ искалъ утѣшенія отъ домашней обстановки, сказываются у него часто и впослѣдствіи въ чисто-боккачьевскихъ эпизодахъ, вставленныхъ въ его повѣсти и діалоги,—даже въ иныя письма къ любимой женщинѣ! Но чѣмъ позже возьмемъ мы ихъ, тѣмъ они становятся рѣже, и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ. Судя по нимъ, ошибочно было бы считать Дидро послѣдовательнымъ и убѣжденнымъ циникомъ, который находитъ особое удовольствіе, уснащивая свой разсказъ пряными подробностями. Эти сценки, иногда очень за-

рекся отъ нея. Сначала онъ былъ высокаго мнѣнія о Тома, но когда тотъ написалъ переполненное любезностями похвальное слово дофину, онъ назвалъ его поступокъ по имени. „Никогда еще искусство слова не было такъ обезчещено. Вы перебрали всѣхъ великихъ людей настоящаго, прошедшаго и будущаго и унизили ихъ передъ ребенкомъ, который ничего особеннаго ни сказалъ, ни сдѣлалъ. Ужъ не считаете ли вы, что вашъ принцъ достойнѣе Траяна? Такъ знайте же, что Плиній своимъ „Похвальнымъ словомъ Траяну“ покрылъ себя позоромъ. Вамъ слѣдовало поддержать репутацію правдивости и честности, но вы готовитесь потерять ее. Если когда-нибудь новый Тацитъ напишетъ исторію нашего времени, ваше имя будетъ тамъ отмѣчено позорнымъ пятномъ“.

бавныя, какъ-то срываются у него съ языка, и строгіе отзывы о нихъ, встрѣчаемые часто и теперь (наприм., даже у Морлея), слишкомъ ужъ чопорны. Тотъ же Дидро постоянно является горячимъ заступникомъ за женщину, ея права, ея образованіе,— и въ письмѣ къ умной и строгой нравами г-жѣ Неккеръ, которую очень уважалъ, чрезвычайно жалѣетъ, что не встрѣтилъ ее раньше: «вы бы, конечно, внушили мнѣ,—говорилъ онъ ей,—любовь къ душевной чистотѣ и тонкости чувства, которая перешла бы изъ души моей и въ мои произведенія».

Жена Дидро не подходила подъ такія сложныя требованія, оставаясь на уровнѣ самыхъ элементарныхъ условій семейнаго счастья; она была бережлива, молча переносила лишенія первыхъ лѣтъ, по своему даже баловала мужа, но плохо понимала значеніе и пользу его занятій; вдаваясь все болѣе въ набожность, не могла сочувствовать свободомыслію Дидро; только съ годами научилась она не посягать на его духовный міръ, останавливаясь съ уваженіемъ у его порога, — да и то, кажется, ее всего болѣе навелъ на умъ тотъ почетъ, которымъ постепенно окружала вся мыслящая Европа ея мужа-вольнодумца. Наконецъ характеръ ея былъ неровенъ, капризенъ, и ея дочь въ своихъ мемуарахъ не могла не признаться, что домашняя обстановка отца иногда напоминала адъ. Неудивительно послѣ того, что вопросъ о бракѣ и разводѣ такъ часто выступаетъ въ его произведеніяхъ, что въ наиболѣе откровенныхъ его письмахъ срываются горькія слова сожалѣнія о необдуманномъ поступкѣ, совершенномъ въ ранней молодости и тяготѣющемъ надъ нимъ всю жизнь. Въ грёзахъ о возвратѣ къ первобытной простотѣ, порожденныхъ у него чтеніемъ до-нельзя прикрашеннаго описанія чистоты нравовъ на Отаити, [1]) ему представляются искреннія, свободныя отношенія любящихся, и онъ влагаетъ въ уста дикаря Ору недоумѣвающія возраженія при видѣ взаимнаго обмана и терзаній, которыя у бѣлыхъ испытываютъ охладѣвшіе другъ къ другу супруги, лишь бы хоть съ виду поддержать нерасторжимость брака. Но къ отдѣльнымъ случаямъ дружныхъ брачныхъ союзовъ Дидро всегда относился съ особеннымъ сочувствіемъ; онъ и для себя пожелалъ бы того же, еслибъ могъ соединить свою судьбу съ любимой женщиной,—но и ея семья пошла противъ

---

[1]) Supplément au Voyage de Bougainville. Это почти единственная дань, которую Дидро заплатилъ модному увлеченію своего времени первобытной нравственной чистотой племенъ некультурныхъ; то было какъ бы косвенное вліяніе пропаганды Руссо, противъ которой онъ потомъ принципіально возставалъ.

этого, и домашній очагъ и долгая привычка напоминали о себѣ, и онъ остался навсегда прикованнымъ къ своей цѣпи.

Одно только существо скрашивало ему домъ,—его дочь. Ее онъ полюбилъ сильно; je suis fou à lier de ma fille, говаривалъ онъ, и мысль о ней, о ея будущности, приданомъ, не разъ заставляла его призадумываться и вкладывала перо въ его руки. Да и вообще для поддержанія семьи нужно было работать,—и первые печатные труды Дидро вызваны были этими чисто-экономическими соображеніями. Сначала онъ выступаетъ въ качествѣ переводчика съ англійскаго языка, который уже зналъ основательно; съ нимъ вмѣстѣ работаютъ и пріятели, особенно Туссенъ, переводятъ по заказу что́ попало, исторію Греціи Станьяна, медицинскій словарь; только въ одной изъ этихъ книгъ, въ переводѣ «Опыта о достоинствахъ душевныхъ и добродѣтели» Шефтсбёри, послышался впервые голосъ молодого переводчика, который отважился отнестись къ своей работѣ свободно, дополняя и объясняя ее своими доводами. Можно догадываться, что на этотъ разъ и выборъ книги принадлежалъ ему, и что онъ занялся ею съ любовью. Взгляды утонченно-развитого, остроумнаго и изящнаго философа-джентльмена должны были привлекательно подѣйствовать на молодую и уже нѣсколько экзальтированную голову. Высокое представленіе о добродѣтели, вѣра, что одна только нравственная сила приноситъ человѣку счастье, что развитіе эстетическаго начала содѣйствуетъ добродѣтели, требованіе свободы всѣмъ свѣтлымъ свойствамъ человѣческой натуры, и презрѣніе къ фанатизму и варварству во всѣхъ его проявленіяхъ, къ изувѣрству, предразсудкамъ,—таковы главныя черты ученія, которое усвоилъ себѣ и переводчикъ, уже настолько начитанный, что могъ обставить переводимую книгу нѣкоторымъ научнымъ аппаратомъ. Его мысль, однако, быстро работаетъ, и вскорѣ далеко обгонитъ онъ своего учителя; но Шефтсбёри иными своими сторонами будетъ привлекать его и впослѣдствіи,—онъ всегда будетъ высоко ставить вліяніе искусства на жизнь, а въ умѣньѣ осмѣять слабости противника онъ, вмѣстѣ съ Вольтеромъ,—прямой послѣдователь Шефтсбёри, который видѣлъ въ смѣхѣ одно изъ могущественныхъ орудій въ борьбѣ съ врагами знанія.

«Философскія мысли» (Pensées philosophiques) уже всецѣло принадлежатъ Дидро, составляя естественное дополненіе предшествующей книги. Очевидно, мысли, зароненныя въ его умъ англійскимъ философомъ, попали на благопріятную почву, слились съ собственнымъ наблюденіемъ и житейскимъ опытомъ. Коренной врагъ того «энтузіазма», который порождаетъ изступленныя

аскетическія выходки, переноситъ человѣка въ міръ галлюцинацій, ведетъ къ жаждѣ чудесныхъ явленій и мученичества, Шефтсбёри какъ бы указывалъ своему почитателю на такія же уродства и во французскомъ обществѣ, на опасности клерикализма, на силу суевѣрій, еще царящихъ надъ умами. Въ собственной семьѣ Дидро могъ видѣть живой примѣръ изуродованія способной натуры подъ вліяніемъ затхлыхъ идей піэтизма; его братъ, ставъ аббатомъ, вдавался съ каждымъ годомъ въ крайнюю нетерпимость, считалъ Дидро погибшимъ, разсорился съ нимъ, и вражду свою не позабылъ и послѣ его смерти. Не безъ умысла поэтому переводъ «Опыта» Шефтсбёри былъ посвященъ этому брату, не встрѣтивъ въ немъ, конечно, никакого сочувствія. Борьба противъ усиливавшихся притязаній суевѣрнаго духовенства, которое вступало въ заговоръ съ могущественною свѣтскою властью, уже закипала. На сценѣ снова, какъ въ дни Корнеля, подъ видомъ жрецовъ бичевались служители папы, выставляемые шайкой корыстныхъ обманщиковъ. Вольтеръ сорвалъ съ нихъ маску и въ «Эдипѣ» заявивъ, что сила ихъ основана лишь на нашемъ легковѣріи, и въ «Генріадѣ», гдѣ наряду съ ужасами Варѳоломеевской ночи выставилъ идеалъ широкой вѣротерпимости, и въ «Англійскихъ письмахъ», гдѣ нарисовалъ въ привлекательныхъ краскахъ свободу совѣсти и слова въ сосѣдней странѣ. Дидро пошелъ по тому же пути, и въ «Философскихъ мысляхъ» высказалъ печатно то, что́ уже проповѣдывалъ въ кругу друзей, что́ являлось, быть можетъ, даже результатомъ обмѣна мыслей между ними. Туссенъ, повидимому, тогда уже готовилъ ту книгу, которая доставила ему временную, но обширную извѣстность, почетную роль въ передовомъ кружкѣ, приглашеніе къ Фридриху,—и гдѣ подъ нѣсколько неопредѣленнымъ заглавіемъ «Les moeurs» онъ пытался противопоставить условной клерикальной морали иную, проникнутую терпимостью, возставалъ противъ хитросплетеній догматики и, опять слѣдомъ за англичанами, устанавливалъ основы той «естественной религіи», въ которой въ ту пору многіе изъ сомнѣвавшихся и протестовавшихъ начинали искать себѣ прибѣжища. Успѣхъ этой книги показалъ, до какой степени она отвѣчала запросамъ минуты. Ее сожгли по распоряженію парламента (1748), но уцѣлѣвшіе экземпляры ходили вездѣ по рукамъ. Читали-ли вы «Les moeurs?»—таковъ былъ, говорятъ, первый вопросъ, который предлагали тогда другъ другу при встрѣчѣ всѣ сколько-нибудь образованные люди [1]).

---

[1]) Felix Rocquain, L'Esprit revolutionnaire avant la Revolution, 1878, p. 125.

Вѣроятно, съ такимъ же увлеченіемъ читались въ свое время и «Философскія мысли», предварившія книгу Туссена на два года; точно также сожженныя, онѣ тотчасъ были перепечатаны тайкомъ, и дальнѣйшія изданія, съ фиктивными указаніями мѣста выпуска, быстро шли одно за другимъ. Мало кому извѣстный до той поры авторъ становился лицомъ замѣтнымъ и опаснымъ. Смѣло и сознательно шелъ онъ на встрѣчу гоненіямъ и съ гордостью становился въ ряды еще болѣе глубокихъ скептиковъ, пострадавшихъ до него. «Я знаю, — говорилъ онъ, — что люди набожные поспѣшатъ ударить въ набатъ, и готовлюсь къ тѣмъ клеветамъ, которыя они взводили на людей гораздо достойнѣе меня. Если я прослыву только деистомъ и чудовищемъ, я дешево отдѣлаюсь. Они прокляли Декарта, Монтэня, Бэйля, Локка, и, надѣюсь, проклянутъ еще многихъ другихъ». Написать эту книгу было, очевидно, для Дидро настоящею потребностью; пробудившаяся критическая мысль рвалась на просторъ, чтобъ гласно заявить свои сомнѣнія и недовольство. «Я заблудился ночью среди необъятнаго лѣса; одинъ только слабо мерцающій огонекъ еще указываетъ мнѣ путь. Но тутъ подходитъ ко мнѣ неизвѣстный и говоритъ: другъ мой, загаси свою свѣчу, ты лучше найдешь тогда дорогу... Этотъ неизвѣстный—богословъ». И наперекоръ подобнымъ взглядамъ путникъ отважно идетъ впередъ; способность допытываться, провѣрять разумомъ для него дорога; быть можетъ, онъ не найдетъ истины, но будетъ, во что бы то ни стало, искать ее,—и обычныя тэмы богословскихъ споровъ, чудеса и знаменія, вѣчныя мученія, первородный грѣхъ, степень правовѣрія различныхъ религій подвергаются разсмотрѣнію въ его книгѣ. Въ тѣ минуты, когда она складывалась изъ летучихъ набросковъ и афоризмовъ, стоило иной разъ только взглянуть въ окно, чтобь понять, насколько умѣстенъ былъ такой пересмотръ ходячихъ понятій. По парижскимъ улицамъ толпа фанатиковъ отправлялась въ процессіи къ могилѣ ложнаго святого, діакона Париса, еще незадолго передъ тѣмъ изумлявшаго столицу своимъ кликушествомъ и юродствомъ,—и тѣло его совершало чудеса. Отовсюду слышались толки о новыхъ святошахъ и юродивыхъ, находившіе сочувственный отголосокъ и въ толпѣ, и въ высшихъ церковныхъ слояхъ. Въ Сорбоннѣ шли еще богословскіе диспуты, переносившіе слушателя въ средніе вѣка; духовенство занято было почти исключительно внутренними распрями изъ-за римскихъ попытокъ совсѣмъ подчинить французскую церковь, и о злосчастной буллѣ Unigenitus, возбудившей эти раздоры, было гораздо больше рѣчи, чѣмъ о нуждахъ массы, грубѣвшей

въ своихъ суевѣріяхъ. Среди этого усиливавшагося застоя виднѣлась лишь горсть пробудившихся, образованныхъ людей, привыкшихъ жить своимъ разумомъ, освоившихся съ новой наукой и скорбѣвшихъ о духовномъ плѣненіи массы. «Философскія мысли» были однимъ изъ первыхъ проявленій протеста новыхъ людей,—и въ этомъ ихъ главное значеніе. Ревностный послѣдователь англійской науки, только-что внесенной тогда во Францію благодаря Мопертюи и Вольтеру [1]), Дидро не могъ остановиться на своихъ отрывочныхъ «Мысляхъ»; при всемъ остроуміи онѣ еще отмѣчены нѣкоторымъ дилеттантизмомъ, бойкой находчивостью въ возраженіяхъ, которую можно встрѣтить у любого искуснаго діалектика. Отъ критическихъ нападокъ онъ попытается перейти къ построенію, и на изслѣдованіи частнаго факта примѣнить свою склонность къ анализу. Въ созерцательную область уходитъ онъ все съ большимъ наслажденіемъ; эти занятія служатъ для него поправкой жизни, которая опять отклонилась отъ цѣли, подъ вліяніемъ новаго, столь же неудачнаго увлеченія. Только минутой сердечной тоски и временной праздности можно объяснить связь Дидро съ пожившей уже кокеткой, жадной до денегъ, вѣтренной и въ то же время занятой своею грошовой литературной извѣстностью. Г-жа де-Пюизьё подъ конецъ высказала себя въ настоящемъ свѣтѣ, и Дидро съ негодованіемъ отвернулся отъ нея,—но она уже успѣла истомить его вѣчными требованіями денегъ, эксплоатаціею, которую только онъ въ состояніи былъ не замѣчать, и ради нея онъ еще усиленнѣе сталъ работать, продавая свое вдохновеніе торгашамъ. Такъ изданы были «Философскія мысли»,—и рядомъ съ ними набросаны первыя повѣсти Дидро, непринужденный наборъ веселыхъ, занимательныхъ, фантастическихъ, то совсѣмъ безхитростныхъ, то глубоко задуманныхъ сценъ, съ сильнымъ оттѣнкомъ гривуазности, въ то время такъ нравившимся публикѣ, воспитанной на романахъ младшаго Кребильона.

Свойства Дидро, какъ разсказчика, обозначились уже тутъ вполнѣ опредѣленно, хотя писалъ онъ эти бездѣлки, не слишкомъ задумываясь о выдержанности плана или вѣрности характеровъ; онъ просто призывалъ свою неистощимую фантазію на

[1]) Какъ ни странно видѣть защитниками и пропагандистами одного и того же ученія такихъ враговъ, какъ Мопертюи и Вольтеръ, обезсмертившій своего противника въ образѣ „доктора Акакія", несомнѣнно, что Мопертюи первоначально много потрудился надъ распространеніемъ и популяризаціей англійской науки во Франціи. Самъ Дидро, ссылаясь въ своихъ работахъ на брошюры нѣкоего доктора Баумана, быть можетъ, еще не зналъ, что подъ этимъ псевдонимомъ скрывался Мопертюи.

помощь, чтобъ выйти изъ труднаго житейскаго положенія. Такія натуры имѣютъ мало склонности къ обширнымъ художественнымъ созданіямъ; ихъ настоящій удѣлъ — миніатюрныя, законченныя, полныя жизни и вымысла сцены, эскизы. И Дидро, въ которомъ, казалось, было столько задатковъ, обѣщавшихъ замѣчательнаго романиста, не оставилъ намъ ни одной обширной повѣсти, и самыя лучшія его произведенія въ этомъ родѣ остаются блестящею цѣпью разнообразныхъ и остроумно переданныхъ новеллъ. Такова и самая ранняя повѣствовательная его попытка, «Les bijoux indiscrets», гдѣ авторъ, во вкусѣ фривольныхъ разсказчиковъ своего времени, проводитъ читателя сквозь вереницу любовныхъ похожденій, которыя должны показать, до какой степени постоянство рѣдко между женщинами; женскіе характеры быстро смѣняются передъ нами,—и куда ни проникнетъ невидимкой султанъ Монгогулъ съ своимъ волшебнымъ талисманомъ, вездѣ будуарныя тайны раскрываются въ самой неожиданной, капризной, часто противо-естественной обстановкѣ. Современные нравы давали богатую пищу для подобныхъ наблюденій, и Дидро не приходилось брать на себя излишній трудъ вымышлять особенно пикантныя подробности, какъ сдѣлалъ бы разсказчикъ, опытный въ изготовленіи развращающаго чтенія. Нравы вокругъ были таковы, что изобрѣтать ничего не приходилось, и вымыселъ, самый рискованный, остался бы значительно ниже дѣйствительности, какою сохранила ее намъ скандальная хроника того времени, мемуары, сатирическія пѣсни. Писано это было на скорую руку, и если иныя страницы носятъ печать сильнаго таланта, то вполнѣ случайно, какъ бы вопреки обстоятельствамъ. Пестрые волшебные узоры, обязательные въ такой полу-восточной аллегоріи, превращаются иногда въ роскошную картину съ живыми красками и нѣгой, и среди фантасмагорій, особенно когда онѣ переносятъ насъ въ міръ сновидѣній, выступаютъ завѣтныя грезы не боккачьевскаго ученика, а страстнаго поклонника научнаго прогресса и убѣжденнаго врага метафизическихъ умозрѣній.

На крыльяхъ сна уносится онъ въ какое-то таинственное пространство. Тамъ, точно поддерживаемое волшебствомъ, паритъ странное зданіе. Онъ подошелъ къ подножію трибуны, надъ которой тонкимъ балдахиномъ висѣла паутина. Подъ нею на возвышеніи возсѣдалъ старецъ съ длинной бородой, какъ будто не сознавая опасности своего положенія. Онъ по временамъ опускалъ тростникъ въ сосудъ, наполненный неуловимо-тонкой жидкостью, и пускалъ воздушные пузыри, а толпа восхищенныхъ зрителей

спѣшила возносить ихъ до небесъ. Но въ отдаленіи вдругъ показался ребенокъ, подвигавшійся медленно, увѣренною поступью. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался, его члены уплотнялись, становились все длиннѣе; онъ принималъ множество óбразовъ, то направляя къ небу телескопъ, то измѣряя давленіе воздуха, разлагая лучи свѣта. Наконецъ онъ сталъ великаномъ; голова его уходила въ небесную глубину; ноги скрывались въ безднѣ; въ рукѣ онъ держалъ факелъ. «Что это за исполинское существо идетъ на насъ?—спросилъ я Платона.—Узнай же, это *Опытъ*; бѣжимъ, бѣжимъ скорѣе; это зданіе распадется въ одинъ мигъ».

Если даже въ нѣсколько странной рамкѣ сборника легкихъ новеллъ неожиданно могла прозвучать такая хвалебная пѣснь знанію, очевидно, что никакія отклоненія и ошибки не смогутъ уже болѣе остановить начавшагося прозрѣнія. Связь съ вѣтренной и нестоившей его женщиной порвется вскорѣ, прибавивъ еще одно разочарованіе въ любви; тѣмъ сильнѣе привяжется онъ къ предмету своей новой страсти, наукѣ. Въ «Письмѣ о слѣпыхъ, предназначенномъ для зрячихъ», онъ съ увлеченіемъ пошелъ слѣдомъ за побѣдоносным Опытомъ. Его заинтересовалъ частный вопросъ,—въ какомъ видѣ рисуется слѣпорожденному окружающій его міръ и человѣческія отношенія, свободно ли зарождаются въ немъ нравственныя, эстетическія, религіозныя представленія, и какъ объяснитъ онъ себѣ дѣйствительность, если удачная операція излечитъ его отъ слѣпоты;—на этомъ примѣрѣ онъ захотѣлъ подтвердить вліяніе чувственнаго опыта на образованіе идей. Ему помѣшали присутствовать при снятіи катаракта у такого больного, съ перваго же мгновенія уловить вырывающіяся у него послѣ прозрѣнія впечатлѣнія и сужденія. Да онъ и самъ сознаетъ, что чрезвычайно трудно было бы подготовить паціента къ ожидающимъ его философскимъ запросамъ. Но онъ не смутится отказомъ Реомюра, отыщетъ подходящихъ субъектовъ въ другихъ мѣстахъ, перечитаетъ все, чтó можетъ дать ему скудная медицинская литература,—и на основаніи этого матеріала, идя по слѣдамъ Локка и предшествуя теоріи своего друга Кондильяка [1]), строитъ свои соображенія, ломая по пути общепринятыя богословскія и этическія воззрѣнія, ставя на смѣну врожденныхъ идей результаты нашихъ наблюденій; отъ частной тэмы его влечетъ къ широкимъ обобщеніямъ. Вопросъ о постепенномъ изощреніи óргановъ нашихъ чувствъ, которое обусловило расширеніе мыслительной сферы, приводитъ его къ пред-

[1]) Traité des sensations Кондильяка появился лишь въ 1754 году.

ставленію о безконечномъ процессѣ развитія всѣхъ организмовъ, борьбѣ за существованіе, и вымираніи особей съ слабыми жизненными задатками. Въ этомъ раннемъ произведеніи (1748) уже видѣнъ первый проблескъ тѣхъ научно-философскихъ воззрѣній, которыя къ концу жизни Дидро возьмутъ верхъ надъ всѣми остальными его симпатіями и сдѣлаютъ его провозвѣстникомъ современной намъ науки.

«Письмо о слѣпыхъ» заключало въ себѣ, конечно, достаточно еретическихъ мнѣній, чтобъ вызвать гоненіе на его автора. Клерикалы могли возстать противъ доказательства слабаго развитія религіозности у слѣпорожденнаго, если онъ предоставленъ себѣ; люди нравственные съ негодованіемъ читали тѣ строки, гдѣ приводились факты, свидѣтельствующіе, что такому слѣпцу неизвѣстно чувство стыдливости, которому его приходится научать; наконецъ весь духъ этой книги, проникнутой полемическимъ воодушевленіемъ и громившей различные «предразсудки», долженъ былъ показаться опаснымъ въ то время, столь враждебное малѣйшей свободѣ изслѣдованія. Но исторія гоненій, которымъ такъ часто подвергались оппозиціонные мыслители прошлаго вѣка, показываетъ, что повода къ суровымъ мѣрамъ приходится искать иногда вовсе не въ высказанныхъ ими взглядахъ, а въ мелкихъ интригахъ зависти или злобѣ вліятельныхъ лицъ,— словомъ, въ личныхъ счетахъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ литературой. Такъ Вольтеръ былъ брошенъ въ тюрьму, а потомъ высланъ въ Англію не за свои стихотворенія или трагедіи, но за то, что наемные негодяи, подосланные знатнымъ его врагомъ, подвергли поэта тяжкому истязанію, а онъ не смолчалъ и громко требовалъ удовлетворенія. Такъ Бомарше очутился однажды въ тюрьмѣ потому, что былъ счастливымъ соперникомъ въ любви вліятельнаго и бѣшенаго нравомъ аристократа. И Дидро пострадалъ не столько за взгляды, высказанные въ «Письмѣ о слѣпыхъ», сколько за то, что попрекнулъ въ немъ Реомюра отказомъ допустить его на операцію, которую знаменитый докторъ показалъ же одной знатной, но совершенно невѣжественной красавицѣ. Жалоба этой дамы, близкой къ начальнику полиціи, рѣшила дѣло, и Дидро, за которымъ уже давно слѣдили, искусно вводя соглядатаевъ даже къ нему въ домъ, очутился въ Венсенской тюрьмѣ. Черта весьма обычная, характеризующая «старый порядокъ», лишняя убѣдительная страница изъ своеобразной «Исторіи тюремнаго заключенія философовъ и литераторовъ въ Бастиліи и Венсеннѣ», которая нашла со временемъ своего лѣтописца въ Делорѣ (Delort).—Но какъ же мало достигали своей

обуздывающей цѣли эти безцеремонныя расправы, какъ приводили онѣ къ совершенно противоположнымъ результатамъ! Вольтеръ вернулся изъ ссылки съ своими «Англійскими письмами», составившими эпоху въ пропагандѣ свободной мысли; Бомарше вышелъ изъ тюрьмы съ готовымъ «Севильскимъ цирюльникомъ», этимъ бичемъ барства; Дидро, сидя въ своемъ казематѣ, обдумалъ и на краяхъ страницъ случайно оставшагося у него Мильтонова Рая написалъ самодѣльными чернилами изъ вина и аспиднаго порошка, планъ изданія Энциклопедіи, и, выйдя изъ тюрьмы, началъ свой походъ противъ стараго порядка въ католической церкви, наукѣ и государствѣ.

II.

Въ эту пору Дидро былъ уже въ Парижѣ лицомъ замѣтнымъ; кружокъ его, сначала тѣсный и дружескій, быстро расширялся; способности остроумнаго собесѣдника, превращавшагося иногда въ пламеннаго оратора, открыли передъ нимъ двери руководящихъ парижскихъ салоновъ, свели его съ кружкомъ г-жи д'Эпинэ, сдѣлали однимъ изъ украшеній оживленныхъ и всегда интеллигентныхъ сходбищъ у радушнаго Гольбаха [1]), этого «метръ-д'отеля философіи». Завязались прямыя сношенія и съ Вольтеромъ, которому онъ послалъ «Письмо о слѣпыхъ». Хотя и издали, Вольтеръ оставался вождемъ и руководителемъ передовой партіи. Но это главенство было скорѣе почетнымъ преимуществомъ; нужна была его неугасимая энергія, чтобъ, несмотря на разстояніе, медленность и ненадежность сообщеній, поддерживать живыя сношенія съ приверженцами, ободрять ихъ, указывать задачи и въ подходящую минуту поднимать призывный кличъ. Въ Парижѣ у него былъ зато превосходный намѣстникъ, къ которому постепенно сошлись всѣ нити движенія, безъ чьего участія и поддержки не обошлось ни одно крупное явленіе въ тогдашней умственной жизни. Этимъ живымъ центромъ былъ Дидро. У него не было ни средствъ, ни охоты собирать народъ у себя, чуть не на чердакѣ,—иначе слава его *салона* затмила бы всѣ репутаціи этого рода. Дома онъ отдавался работѣ, углублялся по цѣлымъ днямъ въ книги. Необыкновенно искренно звучитъ его «Прощаніе съ старымъ халатомъ» (Regret sur ma vieille robe

---

[1]) О его связяхъ съ кружкомъ Гольбаха: Avezac-Lavigne, Diderot et la société du baron d'Holbach, 1875. Новыя данныя объ отношеніяхъ къ г-жѣ д'Эпинэ и ея друзьямъ въ сборникѣ матеріаловъ „La jeunesse de Madame d'Epinay", Л. Моргà.

de chambre), вызванное непрошеннымъ вмѣшательствомъ друзей, замѣнившихъ въ его отсутствіе утварь его кабинета новою и украсивъ убранство щегольскимъ краснымъ шлафрокомъ. Зачѣмъ сдѣлали они это, зачѣмъ разлучили его съ неизмѣннымъ его нарядомъ, свидѣтелемъ и памятникомъ всѣхъ его трудовъ и тревогъ! Онъ зналъ на немъ каждое мѣстечко и щедро пользовался помощью стараго друга; проливались ли чернила, или слишкомъ пылились книги, пола халата являлась поправить бѣду,—и вотъ онъ покрылся длинными черными полосами. А теперь какъ неловко, точно стыдно видѣть себя въ кардинальскомъ одѣяніи! Какъ хорошо еще, что забыли подмѣнить его старый, истрепанный коврикъ! Съ нимъ ужъ онъ не разстанется; какъ бы ни стала потомъ баловать его судьба, взгляда на эту драгоцѣнность, свидѣтельницу его нужды, достаточно будетъ, чтобъ отнять у него всякую гордость. «Такъ разбогатѣвшій крестьянинъ бережно хранитъ свои деревянные башмаки»...

Но на эту вышку, гдѣ, обложенный книгами, въ любимомъ халатѣ, превратившемся почти въ географическую карту, лѣпился нашъ энтузіастъ, то и дѣло увлекавшійся построеніемъ смѣлыхъ догадокъ и теорій, находили дорогу его сверстники по занятіямъ, друзья молодости, новые знакомые, и ни одинъ изъ нихъ не уходилъ съ пустыми руками. Вѣчно полная замысловъ, голова его съ удивительной эластичностью приходила на помощь всякому; быть можетъ, составился бы объемистый томъ изъ тѣхъ страницъ, которыми Дидро оживлялъ и улучшалъ приносимыя ему на просмотръ работы, забывая потомъ объ этомъ и передавая свои мысли въ полную собственность другихъ лицъ. Несомнѣнно, что такую поддержку оказывалъ онъ сначала даже Руссо, который благодаря ему рѣшился отвѣчать на запросъ Дижонской академіи о вредѣ наукъ и уступилъ ему нѣсколько страницъ въ своемъ разсужденіи о причинахъ неравенства между людьми; его участіе въ книгахъ Туссена и де-Прада точно также не подлежитъ сомнѣнію; въ объемистой работѣ его позднѣйшаго знакомаго, аббата Рейналя, въ «Философской исторіи торговли въ обѣихъ Индіяхъ» съ ея протестомъ противъ рабовладѣнія Дидро приписывали въ свое время даже треть всего сочиненія; Гольбахова «Système de la nature» создалась подъ его вліяніемъ. Быстро вживаясь въ изложенную ему связь идей, онъ уже выводилъ послѣдствія ея, указывалъ лучшіе способы воспользоваться ими, и подъ его руками выростала невзначай страница философскаго разсужденія, романа, сцена изъ комедіи. Готовность свою и умѣнье помогать, которыя часто подвергались

эксплоатаціи, онъ самъ добродушно осмѣивалъ. Въ двухъ набросках пьесъ: «Est-il bon, est-il méchant?» и въ особенности въ сценахъ, озаглавленныхъ «La pièce et le prologue» (1771), написанныхъ, кстати, въ одинъ день, онъ вывелъ себя въ лицѣ нѣкоего monsieur Hardouin, котораго всѣ тиранятъ, ожидая, что одному онъ придумаетъ дивертиссментъ, другому комедію, третьему пособитъ выйти изъ непріятнаго положенія. Онъ падаетъ отъ усталости, возражаетъ, что его голова не изъ тѣхъ, которымъ можно приказывать, — и все-таки принимается за дѣло, среди шума, несогласій, помѣхъ, комически вздыхая по временамъ: Et faites une pièce au milieu de tout cela! Одинъ изъ его собесѣдниковъ, грубоватый дѣлецъ, ставитъ ему въ укоръ эту вѣчную изобрѣтательность; вѣдь онъ самъ никогда не знаетъ, что̀ будетъ дѣлать, навѣрно, и вся жизнь его пройдетъ безпорядочно, и смерть застигнетъ его въ какомъ - нибудь необыкновенномъ мѣстѣ, куда увлечетъ его злой геній,—зачѣмъ же вѣчно строить проекты?—Боже мой, отвѣчаетъ Дидро, я столько ихъ придумывалъ, и они не исполнялись; быть можетъ, лучше бы и перестать,—но вѣдь строишь планы совсѣмъ такъ, какъ ворочаешься на стулѣ, когда плохо сидишь» [1]).

Эта способность привлекать къ себѣ людей, расточая имъ излишекъ своей энергіи, и часто изъ ничтожныхъ съ виду данныхъ извлекать оригинальныя соображенія, сама по себѣ уже объясняетъ, почему такой человѣкъ дѣйствительно долженъ былъ сгруппировать около себя большой кружокъ, стать его вдохновителемъ и вождемъ. Столько же вліяло и личное воодушевленіе, служившее для другихъ побудительнымъ примѣромъ. Возражая Гельвецію, сводившему и научную, и творческую славу къ утилитарнымъ побужденіямъ, Дидро не скрываетъ оскорбленнаго чувства. Если это такъ, говоритъ онъ, войдите же въ рабочій кабинетъ ученаго съ пистолетомъ въ одной рукѣ и мѣшкомъ золота въ другой, и мы посмотримъ, промѣняетъ ли онъ на это золото физическую теорію, надъ которой онъ работаетъ; предложите ему постъ перваго министра, и онъ все-таки останется за своими книгами и инструментами. Довольный немногимъ, чуждый исканій выгоды и всему предпочитавшій независимость, Дидро вполнѣ подходилъ самъ подъ такую характеристику настоящаго ученаго.

Послѣ этого понятно, почему изъ всѣхъ наличныхъ тогда

---

[1]) Oeuvres complètes (Assézat-Tourneux), vol. VIII.

передовыхъ писателей именно онъ могъ и долженъ былъ стать во главѣ Энциклопедіи, почему такой отважный въ ту пору замыселъ обязанъ ему всего болѣе своимъ осуществленіемъ. Ему стоило созвать подходящихъ людей, раздать работу по рукамъ, и дѣло уже спорилось. Но этихъ людей иногда нужно было просто создавать,—не жалкая же тогдашняя журналистика, съ ея «Mercure de France» или яростно консервативнымъ «Journal de Trévoux» могла дать ему сотрудниковъ, способныхъ сказать толковое слово о разнообразныхъ техническихъ, научныхъ, художественныхъ спеціальностяхъ! Кто же могъ точно чудомъ отыскивать такихъ людей въ самыхъ неожиданныхъ общественныхъ закоулкахъ, какъ не вѣчный отгадчикъ Дидро? Свободомыслящіе аббаты, молодые военные, моряки, инженеры, наконецъ мелкіе чиновники, близко знакомые съ настоящимъ положеніемъ дѣла и съ темными сторонами законодательства, приносили свой вкладъ наравнѣ съ избранными учеными. Наконецъ, если обнаруживалось, что такихъ спеціалистовъ еще нѣтъ по какой-нибудь важной отрасли, кто замѣнитъ ихъ всѣхъ самъ, бросаясь скорѣе учиться этому дѣлу, разспрашивать, лишь бы никакого пробѣла не оставалось въ задуманной картинѣ современнаго знанія? Въ своемъ главномъ помощникѣ и соредакторѣ Дидро нашелъ великую поддержку; въ лицѣ Даламбера около него стоялъ истинный ученый, съ авторитетнымъ именемъ, прославленнымъ нѣсколькими открытіями, съ философскимъ взглядомъ на связь и систему наукъ. Но рядомъ съ ровнымъ, сдержаннымъ и мало общительнымъ Даламберомъ, натурой глубоко честной, но скорѣе спокойной, которая негодовала сильно, но про себя, и избѣгалъ лишнихъ рѣзкостей и столкновеній, и за то раньше утомился, необходимъ былъ противовѣсъ въ бурливомъ, неугомонномъ характерѣ Дидро, котораго препятствія только раздражали, вызывая на отпоръ. И если Энциклопедія эффектно открывается обширнымъ и умно написаннымъ манифестомъ новой школы, принадлежащимъ почти исключительно перу Даламбера, если первые семь, восемь томовъ отмѣчены ревностнымъ его сотрудничествомъ, то все же, взвѣшивая степень жертвъ, принесенныхъ обоими друзьями ихъ общему предпріятію, придемъ къ выводу, что дѣло Энциклопедіи въ сущности отождествляется съ заслугой Дидро, и что каждый разъ, когда идетъ рѣчь о вліяніи «энциклопедическихъ идей», вспоминается о трудѣ человѣка, который когда-то изъ своей скромной конурки руководилъ европейскимъ движеніемъ.

Нерѣдко въ наши дни можно встрѣтить холодные или сла-

сходительные отзывы объ этомъ вліяніи [1]); жрецы благонамѣренности, распространяющіе нетерпимость заднимъ числомъ и на то, что̀ въ давно отжившую пору считалось источникомъ прогресса, пренебрежительно изображаютъ энциклопедизмъ безсодержательнымъ, лживымъ и вреднымъ ученіемъ, — въ глазахъ сторонниковъ новой науки, избалованныхъ ея быстрыми успѣхами и широкими горизонтами, оно является младенческимъ лепетомъ, наивными усиліями побороть почти одними только раціоналистическими пріемами твердыню вѣковыхъ воззрѣній, которую могутъ пробить лишь положительные, научные законы, добытые опытомъ. И въ издѣвательствѣ противниковъ, и въ нѣсколько самодовольномъ взглядѣ сверху внизъ на кропотливыя старанія людей, блуждавшихъ ощупью, поражаетъ почти одинаковое отсутствіе историческаго чутья и привычка безусловно прилагать къ оцѣнкѣ минувшихъ явленій мѣрило нашего времени. Всему своя пора, и будущія поколѣнія, располагая еще болѣе развитой наукой, будутъ, пожалуй, снисходительно вспоминать о самыхъ смѣлыхъ научныхъ гипотезахъ нашей эпохи. Въ цѣли обоихъ редакторовъ Энциклопедіи вовсе и не входило представить современникамъ готовую и разработанную во всѣхъ подробностяхъ философскую систему; сознаніе недостаточности средствъ для этого часто сквозитъ въ ихъ личныхъ признаніяхъ; пробѣлы все-таки были; многое мѣшалъ сказать неотвязный призракъ гоненій, постоянно ихъ постигавшихъ со стороны свѣтской власти, церкви, парламента,—и Даламберу, наприм., часто приходилось, потупившись и стыдясь, отвѣчать на справедливыя нападки Вольтера, осуждавшаго излишнюю сдержанность и недоговоренность иныхъ статей, и разъяснять, что̀ они дѣлаютъ, что̀ могутъ при постоянныхъ помѣхахъ. Наконецъ вѣрности ихъ обобщеній вредила и неразвитость отдѣльныхъ научныхъ отраслей въ ту пору; въ естественныхъ наукахъ только-что намѣченъ былъ существенный прогрессъ, который опредѣлился лишь къ концу XVIII-го вѣка; въ ботаникѣ не было авторитета выше Линнея, Бюффонъ едва выступалъ на свое поприще и тотчасъ былъ привлеченъ къ участію въ Энциклопедіи; въ физіологіи не было имени знаменитѣе Галлера; геологіи еще не существовало, и Дидро пришлось предугадать ея первые шаги [1]); химія также располагала лишь сла-

[1]) Изъ современныхъ Дидро нападковъ на Энциклопедію можно бы составить цѣлую литературу, во всѣхъ родахъ,—въ стихахъ и прозѣ, въ комедіяхъ и памфлетахъ.

[1]) Въ своемъ Vogage à Bourbonne et à Langre онъ раньше Бюффона говоритъ уже о геологическихъ переворотахъ.

быми данными и стала истинной наукой лишь въ рукахъ Лавуазье. Но близость всеобщаго оживленія естествознанія наполняла бодростью и энтузіазмомъ обоихъ основателей Энциклопедіи; богатырь-младенецъ Опытъ дѣйствительно наступалъ, грозно разростаясь,—и иной разъ трудно было удержаться отъ попытокъ заглянуть вдаль и предугадать результаты этого поступательнаго движенія. Дидро не разъ подпадалъ этой слабости, — но не странно ли, что въ этихъ гаданіяхъ и предчувствіяхъ, рядъ которыхъ открывается письмомъ о слѣпыхъ, въ пору изданія Энциклопедіи можетъ выставить замѣчательную по методологической ясности Interprétation de la nature (1754) и замыкается усиленными физіологическими разысканіями послѣднихъ лѣтъ жизни Дидро, онъ оказывается гораздо ближе къ научной работѣ нашего времени, и, какъ увидимъ далѣе, высказываетъ уже нѣкоторыя изъ основныхъ положеній дарвинизма!

Быть можетъ, предпринятое энциклопедистами сведеніе научныхъ итоговъ было нѣсколько преждевременно, — но жизнь не ждала, потребность въ новыхъ идеалахъ томила пробуждавшееся общество, сберегшее въ своемъ быту и воззрѣніяхъ столько тяжелыхъ отголосковъ суровой и невѣжественной поры и устыдившееся своего умственнаго порабощенія. Становилось необходимостью собрать все, хотя бы не многое и не вполнѣ удовлетворительное, чтó успѣла до той поры добыть наука, и этимъ освѣжить и осмыслить дальнѣйшее движеніе. Возрождавшееся въ то же время политическое сознаніе, большое знакомство съ свободными учрежденіями Англіи, объясненными зауряднѣйшему читателю въ трудахъ Вольтера, Монтескье, а за ними и нѣкоторыхъ французскихъ юристовъ, научное изученіе соціальныхъ вопросовъ, которое должно было отразиться на зарожденіи экономической науки, требовало такого же объединенія силъ и обозрѣнія результатовъ и въ сложной области гражданской жизни. Задача издателей раздвоилась: точныя знанія должны были дать имъ орудіе противъ омраченія умовъ схоластикой, общественныя же науки—вооружить ихъ противъ стараго порядка въ государствѣ. Каждый новый томъ ихъ сборника наносилъ мѣткій ударъ то той, то другой опорѣ этого двоевластія. На дѣлѣ обнаруживалось, какъ важно объединеніе въ подобныхъ вопросахъ; не было недостатка въ независимыхъ мыслителяхъ и раньше этой поры; одинъ шестнадцатый вѣкъ во Франціи выставилъ блестящій рядъ ихъ; и въ политикѣ, и въ религіи, движеніе это никогда не прекращалось. Но всѣ эти люди дѣйствовали порознь, одинъ за другимъ падали подъ бременемъ гоненій или

искали пріюта вдали отъ родины; Декартъ кочевалъ по Германіи и умеръ въ Швеціи, Бэйль нашелъ убѣжище въ Голландіи. Здѣсь же впервые выступала стройно, нога въ ногу, точно чудомъ составившаяся армія защитниковъ просвѣщенія,—и при видѣ ея невольно сторонились и смущались тѣ, кто прежде безъ труда расправился бы съ каждою отдѣльною личностью. Этому впечатлѣнію содѣйствовалъ и тонъ статей; по преимуществу трезвый и положительный, лишь по временамъ прикрашенный любимою тогда чувствительной декламаціею, и уступавшій мѣсто насмѣшливой полемикѣ и комическимъ выходкамъ лишь въ статьяхъ богословскихъ и церковно-историческихъ, быть можетъ, наиболѣе слабыхъ изъ всего, — что вполнѣ понятно въ эпоху, не вѣдавшую еще научной критики текстовъ, не мечтавшую даже о возможности «исторіи религій», и склонную видѣть въ каждомъ культѣ прежде всего ткань миѳовъ, корыстно придуманныхъ жрецами.

Въ наше время изданіе энциклопедическихъ словарей стало такимъ обыденнымъ, почти рыночнымъ дѣломъ, общіе словари выдѣлили изъ себя такое множество справочныхъ лексиконовъ по спеціальностямъ, что трудно уже себѣ представить отличительную особенность родоначальницы всѣхъ энциклопедій. Для этого можно посовѣтовать сличить ее съ одной стороны съ предшествовавшимъ ей, чрезвычайно несовершеннымъ словаремъ Эфраима Чэмберса и съ любымъ изъ популярныхъ сборниковъ нашего времени. Чэмберсъ съ методичностью начитаннаго квакера далъ для своей поры очень пригодную компиляцію техническихъ свѣденій, не задумываясь о какой-нибудь связи между научными открытіями. Съ другой стороны Брокгаузы, Эрши и Груберы, издатели Британской Энциклопедіи, имѣютъ возможность привлечь къ участію въ своихъ сборникахъ лучшихъ спеціалистовъ, чьи статьи, исчерпывающія предметъ, стоютъ иногда обширныхъ изслѣдованій. Но ни простоватый Чэмберсъ, ни новѣйшіе энциклопедисты, издатели-магнаты, не въ силахъ придать своему дѣлу того свойства, которое высоко ставитъ надъ нимъ многолѣтнюю работу Дидро и Даламбера. Она проникнута однимъ духомъ, въ ней чувствуется горячо бьющійся пульсъ, точно это—созданіе одного только человѣка, донесшаго на гигантскихъ плечахъ этотъ трудъ до конца; сотрудниковъ и тогда было много, но они не ограничивались добросовѣстной поставкой заказаннаго имъ матеріала, а сами увлечены были дѣломъ, порою чуть не соперничая въ этомъ между собой. Чувствуется правильное раздѣленіе труда и сильное руководство. Понятно, почему Дидро не могъ удоволь-

ствоваться предложеннымъ ему сначала планомъ просто пере-
издать по-французски книгу Чэмберса съ небольшими дополне-
ніями; онъ употребилъ всю свою энергію и убѣдительность,
чтобъ склонить издателя замѣнить эту книгопродавческую спе-
куляцію широкимъ замысломъ многотомнаго и самостоятельна
словаря, который совмѣстилъ бы не только свѣденія по техни
и ремесламъ, но далъ бы полную картину развитія человѣче-
ства. Знаменитый Discours préliminaire, пытаясь осуществить
чтó грезилось еще Бэкону, въ стройной системѣ опредѣлялъ
отношеніе отдѣльныхъ наукъ, искусствъ, литературы, филосо
эта, всегда остроумно мотивированная классификація знаній, ст
мившаяся уловить естественные переходы мысли отъ одной обл
въ другой и признававшая въ каждой наукѣ, наравнѣ съ осн
нымъ ея матеріаломъ, и *исторію постепеннаго ея разви*
сама по себѣ придавала начатому труду высокое значеніе
своего времени; точно призывное знамя, развѣваясь при сам
вступленіи въ бой, она привлекала единомышленниковъ ст
виться въ ряды. Съ этой классификаціею можно не согла
находить ее неполною (впрочемъ, улучшенная, она отчасти
служила въ нашемъ столѣтіи для классификаціи наукъ Ко
но она всегда останется оригинальнымъ усиліемъ придать
витію мысли единство и гармонію.

Но еще яснѣе становится значеніе Энциклопедіи, когда
чаешь разработку отдѣльныхъ областей знанія или сторонъ б
Съ обычнымъ спокойствіемъ и догматической ясностью
лись тутъ подъ соотвѣтствующими рубриками политическіе пр
ципы, прямо противоположные всему духу тогдашней прави
ственной системы, проникнутые гуманностью, уваженіемъ
личности и обществу. Въ то время, какъ неспособность, без
ство и алчность соединялись, чтобъ довести Францію до пол
истощенія, и отучали народное мнѣніе отъ всякой самосто
ности,—среди продажности, все охватившей, и судъ, и ад
страцію, и церковь, поднимавшейся къ самому престолу,—
царство г-жи Помпадуръ и потомъ madame Du Barry, еще б
враждебной порывамъ къ свободѣ,—въ странѣ, гдѣ проц
самые грубые виды барщины, а открытые листы давали
дому негодяю изъ чьихъ-нибудь фаворитовъ право самовол
нарушенія закона,—Энциклопедія рисовала передъ своимъ
телемъ картину совсѣмъ иной государственной жизни. Т
обезпечена свобода мысли, тамъ заботятся о развитіи всѣхъ
родныхъ силъ и объ ихъ участіи въ дѣлахъ (статья Représenta
уважается законъ. Ставился вопросъ о томъ, что такое

(Autorité), какъ она зародилась и чѣмъ держится; въ статьѣ о гоненіяхъ (Persécution) подробно объяснялись всѣ оттѣнки, которые можетъ принимать нетерпимость. Каждый разъ, когда составитель статьи, какъ бы впадая въ наставительный тонъ справочной книги, которая обязана истолковывать даже общеизвѣстныя вещи, принимался объяснять, что такое привилегія, барщина, налогъ на соль, около его объясненія незамѣтно выростала яркая бытовая картина. Читатель видѣлъ, какое множество уродливыхъ привилегій удерживало дворянство; инженеръ, спеціалистъ по проведенію дорогъ, разсказывалъ ему чуть не въ лицахъ, какъ сгоняютъ для этого цѣлыя тысячи голоднаго народа, и дорожная повинность (Corvée) выступала со всѣми своими ужасами, истязаніями, повальными болѣзнями; тяжесть и неравномѣрность налоговъ сознавалась съ особой силой послѣ прочтенія такой статьи, какъ описаніе налога на соль, порождавшаго столько ропота и возстаній. Земледѣльческій бытъ освѣщенъ рядомъ статей, которыя, если и окрашены нѣкоторою сантиментальностью, внушали уваженіе къ народу и его труду, рѣдкое въ то время, и любовь къ природѣ и простотѣ. Современная Дидро экономическая школа, вдаваясь въ односторонность, во всякомъ случаѣ симпатичную, пыталась свести сущность государственнаго хозяйства къ труду земледѣльца,—Энциклопедія предпочитала вести читателя въ избу, на поле, и показать, *какъ* живетъ этотъ земледѣлецъ и въ какой степени обезпеченъ его трудъ,—а для контраста могла служить такая статья, какъ «Insolent», гдѣ достойнѣйшимъ носителемъ этого эпитета названъ тотъ, кто, обладая роскошной обстановкой и сотней тысячъ экю годового дохода, считаетъ, что его отдѣляетъ отъ неимущей массы безмѣрное разстояніе.

Эти демократическія сочувствія вполнѣ естественны у Дидро, вышедшаго изъ трудовой семьи; ему и принадлежатъ многія изъ бытовыхъ объясненій и политическихъ статей. Вездѣ на первомъ планѣ стоитъ общественное благо, улучшенія, отъ которыхъ станетъ вольнѣе всей массѣ. Склонный, какъ мы видѣли, увлекаться общими идеями, онъ въ то же время усиленно началъ изучать практическія нужды жизни; и въ Энциклопедіи, и въ позднѣйшихъ русскихъ проектахъ часто поражаетъ обстоятельность этого изученія, выработаннаго доброй волей. Оба эти свойства, и демократическія симпатіи, и гибкость энергіи не менѣе сильно сказались въ томъ отдѣлѣ словаря, который обыкновенно мало цѣнится, но чрезвычайно характеризуетъ Дидро. Если происхожденіе вообще располагало его сочувствовать народной массѣ, то

въ частности онъ все-таки былъ прежде всего сынъ мастероваго; ремесленный трудъ, его развитіе и успѣхи были ему еще ближе и знакомѣе, чѣмъ сельскій бытъ и его нужды. Возбуждать интересъ къ деревнѣ было, пожалуй, еще легче; горожанина и безъ того манила къ этому быту давнишняя привычка поэтовъ и живописцевъ идеализировать сельское затишье. Но кому было дѣло до душныхъ мастерскихъ, съ ихъ шумомъ и грязью, и кого изъ читателей, воспитанныхъ на идиллическихъ пастушкахъ, могли интересовать закоптѣлыя лица и мозолистыя руки чернорабочихъ? Въ ту пору этотъ видъ труда считался, быть можетъ, еще презрѣннѣе землепашества, а между тѣмъ, его издѣлія уже начинали доставлять французской торговлѣ міровую извѣстность. Дидро рѣшилъ заступиться за эту профессію, потребовать ей уваженія общественнаго, вырвать и самихъ мастеровыхъ изъ жалкой роли малограмотной, технически невѣжественной рабочей силы, чуждой прогресса и преданной на произволъ хозяевъ. И этой цѣли должна была послужить Энциклопедія; мало того, Дидро самъ взялъ на себя, вѣроятно къ удивленію для многихъ, составленіе техническаго отдѣла. Онъ собиралъ и читалъ, что можно было найти хорошаго по ремесламъ во всѣхъ литературахъ; начались постоянныя странствія его по фабрикамъ и мелкимъ мастерскимъ, гдѣ онъ самъ учился производствамъ, распрашивалъ рабочихъ, составлялъ чертежи и записывалъ цифры. Такъ составилось нѣсколько сотъ техническихъ статей его, снабженныхъ приложеніями и рисунками; онѣ, конечно, не входятъ въ полныя собранія его сочиненій, какъ работы компилятивныя, — но кто не скажетъ, что, взятыя всѣ вмѣстѣ, онѣ составляютъ такой вкладъ въ его писательскую дѣятельность, который перевѣситъ иныя изъ извѣстнѣйшихъ его произведеній.

Въ вопросахъ литературы и искусства, гдѣ главное руководство опять принадлежало Дидро, Энциклопедія ратовала за возможно большую естественность и близость къ жизни, строго разцѣнивала старыя и наличныя репутаціи и признавала, что наступившій вѣкъ неблагопріятенъ развитію художественнаго творчества, отдавая лучшія силы освобожденію умовъ; немногія почетныя имена уцѣлѣли отъ этого пересмотра, зато окружены они (наприм., Вольтеръ) глубокимъ почетомъ. И въ этой области чувствуется переломъ; необходимы новыя формы и для поэзіи, которая не можетъ отстать отъ общаго движенія. Дидро, способный спускаться изъ заоблачныхъ размышленій, чтобы идти учиться въ мастерскія, выдерживать своего читателя на изображеніи деревенскаго быта, вскорѣ дастъ образецъ «мѣщанской

драмы» съ ея будничными страстями, отъ живописи потребуетъ бытового направленія, актеру укажетъ цѣлью его искусства правдивое воспроизведеніе жизни.

Въ «Interprétation de la nature» онъ презрительно отзывался о свойствѣ людей науки, названномъ у него «аффектаціею великихъ наставниковъ» или «пеленою, которою они любятъ скрывать природу отъ глазъ народа». Онъ упрекаетъ даже Ньютона въ недостаточной ясности изложенія его теорій; «поспѣшимъ сдѣлать философію популярною,—говорилъ онъ.—Если мы хотимъ, чтобъ философы подвигались впередъ, приблизимъ массу къ той точкѣ, на которой теперь они стоятъ». И въ статьяхъ Энциклопедіи по точнымъ наукамъ и философіи сказалось то же стремленіе подѣлиться съ массой своимъ знаніемъ, сгладить слѣды розни и поднять самостоятельность. Розенкранцъ [1]) считаетъ одною изъ заслугъ Энциклопедіи, что на смѣну отвлеченнаго теологическаго принципа она всюду выставляла принципъ антропологическій, научая разгонять туманъ, которымъ были окутаны основы стараго быта, и давая каждой мыслящей личности право провѣрки и запроса. Всего яснѣе высказалъ это Дидро въ статьѣ «Liberté», гдѣ отстаивалъ въ особенности свободу изслѣдованія, и весь кругъ его ученыхъ сотрудниковъ примѣнялъ ее на дѣлѣ, популяризируя главные результаты англійскаго эмпиризма, считавшагося тогда передовою школой. Такимъ образомъ и для политическихъ и общественныхъ интересовъ, для спеціальныхъ вопросовъ техники, для литературной и художественной теоріи и для изученія новаго научнаго движенія, Энциклопедія являлась въ свое время лучшимъ источникомъ, на чью помощь могли всегда опереться приверженцы прогресса; проникая же постепенно въ края, только-что примкнувшіе къ движенію, она казалась еще болѣе привлекательною, ей они почти всегда были обязаны своимъ возрожденіемъ.

Когда появились первые два тома Энциклопедіи (1751—2) и послышались эти новыя, убѣжденныя рѣчи, легко представить себѣ, какое впечатлѣніе должны были онѣ произвести; никто, казалось, и не подозрѣвалъ существованія этой новой силы, которая все росла годъ отъ году, привлекая своимъ успѣхомъ свѣжія дарованія, располагая вскорѣ избраннѣйшими сотрудниками, компетентнѣе которыхъ не было въ тогдашней Франціи. Можно ли было отказать въ значеніи изданію, гдѣ однѣ статьи принадлежали Вольтеру, другія Монтескьё, гдѣ Тюрго писалъ

[1]) Diderot's Leben und Werke, 1866, I, 154.

о финансахъ, Даламберъ о математикѣ, Бюффонъ объ естествен-ной исторіи! Первое впечатлѣніе было, правда, ненадолго омра-чено неожиданно раздавшеюся фальшивой нотой,—диссертаціей Руссо о вредѣ наукъ,—этимъ парадоксомъ, къ которому Дидро необдуманно подвинулъ своего друга, не предчувствуя крайности его выводовъ. И въ Discours préliminaire сквозитъ искренн сожалѣніе объ этомъ шагѣ, безтактномъ въ данную минуту и не выдерживавшемъ строгой критики. Утратить такого единомыш-ленника было бы слишкомъ больно, и издателей успокоивал только мысль, что Руссо все-таки сочувствуетъ Энциклопедіи, въ которой продолжаетъ дѣятельно сотрудничать (правда, только в музыкѣ). На избытокъ знаній не могла, конечно, пожаловаться тогдашняя французская жизнь; напротивъ, истинную науку, сво-бодную отъ схоластики, еще незадолго передъ этимъ скрывал отъ массы за семью печатями, и только усиліямъ такого геніаль-наго популяризатора, какъ Вольтеръ, удавалось прививать ее родной почвѣ. Пусть искусство и литература въ прежній період слишкомъ подчинились силѣ и блеску власти, и Руссо бы правъ, называя ихъ развитіе гирляндою цвѣтовъ, обвивающ оковы,—но развѣ нельзя было указать имъ иные идеалы, развѣ не могли они напротивъ выводить умы и волю изъ пл ненія?.. Съ этой минуты уже обозначился разладъ между Ди и его другомъ; Дидро навсегда останется защитникомъ прос тительнаго вліянія, будетъ ратовать за движеніе впередъ, и угрюмомъ отшельничествѣ, которое съ этой поры усвоиваетъ с Руссо, ему начинаетъ чудиться аффектація.

Недолго смущаясь отпаденіемъ одного изъ близкихъ, из тели напряженно вели свою работу, вызывая тревогу въ пр тивномъ лагерѣ. Враги готовились къ отпору, и вскорѣ бор закипѣла на всей линіи. Посыпались доносы, клеветы; генерал ный адвокатъ Омеръ Жоли де-Флёри составилъ себѣ извѣстно краснорѣчиваго оратора, бича философовъ, которыхъ онъ б наказанно громилъ въ своихъ рѣчахъ, выдергивая изъ Энцик педіи разнородныя мѣста и освѣщая ихъ по своему; явил увѣщательныя епископскія посланія; заскрипѣли перья паск лянтовъ, обрызгивавшихъ грязью самыя честныя имена; даже комическую сцену проникла эта язва, и продажный до мо костей Палиссо по заказу выводилъ на подмосткахъ главн энциклопедистовъ, а кстати и Руссо, который въ его коме ползалъ по сценѣ, доказывая, что это приближаетъ человѣка его естественному состоянію. Начался безпримѣрный въ литерату ныхъ лѣтописяхъ слишкомъ двадцатилѣтній мартирологъ, съ пр

ливами и отливами строгости, съ катастрофами и неожиданными возрожденіями. Сначала отдѣльные томы только запрещались, потомъ ихъ стали сжигать, наконецъ, довели самоуправство до того, что захватили всѣ матеріалы для будущихъ томовъ и передали для продолженія изданія—*іезуитамъ*, чтобъ потомъ, убѣдившись въ неспособности ихъ писателей сладить съ этимъ дѣломъ, опять возвратить рукописи Дидро. Противъ него было все, и князья церкви, и янсенистскій парламентъ, не умѣвшій разобраться въ своей оппозиціи королю, и самъ Людовикъ XV, особенно, когда его стала возбуждать Дю-Барри, которая нарочно заказала портретъ Карла I англійскаго, и въ минуты нерѣшительности Людовика подводила его къ этому портрету, предрекая ему одинаковую участь; враждовала и та, естественно поднявшая и кипѣвшая отъ злобы шайка всякихъ прихлебателей, льстецовъ, плохихъ писателей-авантюристовъ, которые завидовали восходящему блеску философовъ или *геніевъ*, какъ они ихъ презрительно честили, и всячески старались очернить ихъ,—та шайка, которую Дидро такъ живо вывелъ потомъ въ своемъ «Племянникѣ Рамо». За него было нѣсколько передовыхъ кружковъ, руководимыхъ салонами, два, три вліятельныхъ лица, въ тайнѣ сочувствовавшихъ ему, д'Агессó и особенно Мальзербъ, прятавшій у себя редакціонныя бумаги, которыя онъ, какъ директоръ печати, долженъ былъ арестовать,—и наконецъ, онъ опирался на особенно цѣнное сочувствіе возраставшей массы безвѣстныхъ читателей и подписчиковъ, число которыхъ послѣ четвертаго тома почти достигало пяти тысячъ человѣкъ. Къ мнѣніямъ Энциклопедіи уже начинала прислушиваться вся Европа, отовсюду приходили выраженія сочувствія, и, насколько оффиціальныя французскія сферы вдавались въ безтолково-придирчивое гоненіе, издали манили къ себѣ, заискивали и расточали обѣщанія люди, жаждавшіе ореола свободомыслія. Фридриху было бы лестно имѣть у себя, въ своихъ «прусскихъ Аѳинахъ», безъ того уже сильно офранцуженныхъ, не только главную квартиру лучшей арміи, наводившей тогда ужасъ своимъ богатырствомъ, но и вліятельный центръ умственной дѣятельности. Екатерина также не разъ поднимала вопросъ о перенесеніи Энциклопедіи въ Россію, гдѣ ее почему-то предполагали одно время печатать въ Ригѣ [1]). Правда, ни одинъ изъ этихъ замысловъ не былъ особенно серьезенъ. Екатерина очевидно думала не столько о полномъ воспроиз-

---

[1]) „Екатерина II и Даламберъ". Историч. Вѣстн. 1884, апрѣль—май, гдѣ напечатаны интересныя письма Даламбера по поводу его приглашенія въ Россію.

веденіи труда энциклопедистовъ, сколько о переизданіи словаря спеціально для Россіи съ пропускомъ статей, неудобныхъ по русскимъ условіямъ. Кромѣ того она сдала это на руки Бецкому, въ рѣшительную минуту спряталась за его непроницаемость,— какъ будто онъ могъ оставаться для Дидро сфинксомъ (le sphinx) [1], еслибъ она захотѣла настоять на открытомъ образѣ дѣйствій! И щедрое обѣщаніе необходимой суммы денегъ [2]) не вышло изъ области благожелательныхъ фразъ. Да и самъ Дидро, повидимому, никогда особенно не вѣрилъ въ серьезность этого предложенія и во время переговоровъ постоянно переходилъ отъ выраженія удовольствія къ разочарованіямъ.

Всѣ эти зазывы были несостоятельны въ самой сущности. Для обоихъ издателей недостаточно было бы только перевезти свои бумаги и корректуры въ другой городъ; вездѣ имъ недоставало бы той нравственной атмосферы, которую давалъ имъ Парижъ, дружескій кружокъ, полный единомыслія, общеніе съ живою, интеллигентною частью родного общества, традиціи научной свободы и независимаго литературнаго развитія, не порывавшіяся никогда, даже въ разгаръ деспотизма Людовика XIV. Это на дѣлѣ долженъ былъ испытать Дидро въ Петербургѣ, гдѣ человѣкъ пять, шесть искренно къ нему расположенныхъ едва могли отвлечь его вниманіе отъ злобной подозрительности остального свѣтскаго общества [3]). Переселиться куда-нибудь цѣлымъ кружкомъ было слишкомъ неисполнимо. Такая мысль пришла однажды Вольтеру, но при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, которыя одни только и могутъ объяснить ее. Незадолго передъ тѣмъ разыгрался аббевильскій процессъ шевалье Де-ла-Барра, котораго сожгли за *предполагаемое* оскорбленіе имъ святыни и у котораго нашли много вольтеровскихъ и иныхъ вольнодумныхъ сочиненій. Казнь была такъ жестока и несправедлива, вызывала такую жажду жертвъ, что Вольтеромъ овладѣла одна изъ рѣдкихъ у него минутъ панической боязни, когда онъ самъ начиналъ себя считать психически-больнымъ. Ему показалось небезопаснымъ его убѣжище въ Фернэ, и онъ сталъ убѣждать друзей выселиться разомъ въ какой-нибудь укромный

---

[1]) Quelle apparence que votre sphinx et moi, n'ayant pu nous arranger en cinq mois de temps, l'un à côté de l'autre, nous nous arrangions mieux à la distance de huit cents lieues? „Сборн. Рус. Историч. Общ.", XXXIII.

[2]) Бюджетъ Энциклопедіи былъ разсчитанъ на 40,000 руб. Oeuvres, XX, 51—.

[3]) Шведскій посланникъ въ Петербургѣ, баронъ Нолькенъ, прямо говоритъ о „la jalousie, la plus envenimée". La politique de Diderot, статья М. Турнэ, Nouv. Revue, 1883, 15 sept.

уголокъ, наприм., въ городокъ Клеве, гдѣ его обѣщали укрыть, и только краснорѣчивое письмо Даламбера могло разсѣять его опасенія и доказать необходимость остаться на своемъ посту.

Но и Даламберъ не выдержалъ постояннаго напряженія борьбы, не смотря на строгую послѣдовательность его характера и сильно развитое чувство собственнаго достоинства, которое такъ рельефно отражается, наприм., въ каждой строкѣ недавно открытыхъ его писемъ. Академическія отношенія, смутная потребность въ покоѣ и мирномъ воздѣлываніи науки, прерываемомъ изрѣдка произнесеніемъ изящно написанной похвальной рѣчи (éloge), взяли верхъ надъ воинствующимъ жаромъ. Это разочарованіе было для Дидро ударомъ несравненно мучительнѣе неожиданнаго отщепенства Руссо въ самомъ началѣ изданія. Вся судьба дѣла была поставлена на карту; завоевавъ столько, приходилось сложить оружіе. Но и тутъ не упала его энергія, напротивъ, она точно удесятерилась отъ этого новаго несчастія; онъ не послушалъ совѣтовъ Даламбера остановить изданіе, предложеній Вольтера помочь ему перенести печатанье въ другую страну. «Покинуть дѣло,—писалъ онъ раньше, тоже въ критическую минуту,—значило бы отступить въ виду пробитой бреши, и исполнить то, чего желаютъ негодяи, преслѣдующіе насъ». «Я знаю,—писалъ онъ Вольтеру теперь,—я знаю, что этому хищному звѣрю нечѣмъ питаться; не имѣя подъ рукой іезуитовъ, которыхъ онъ могъ бы пожирать, онъ бросится на философовъ. Онъ обратилъ на меня свой взглядъ, и я буду истребленъ, быть можетъ, прежде другихъ»,—и все-таки онъ остался у своего дѣла, досадуя иной разъ на себя за излишнюю вѣру въ возможность лучшихъ дней.—И черезъ семь лѣтъ одиночной издательской работы, отдавъ почти треть жизни на этотъ трудъ, онъ былъ, наконецъ, у пристани и могъ съ гордостью оглянуться на величественное многотомное изданіе, остающееся однимъ изъ удивительныхъ памятниковъ человѣческой энергіи и воодушевленія. Многое измѣнилось съ той поры и въ соціальной жизни Европы, и въ наукѣ; старые боги, какъ всегда, скрылись въ таинственный сумракъ; мало кто возьметъ теперь въ руки старомодные съ виду, запыленные томы, откуда нѣкогда разносилось повсюду свѣжее дыханіе весны. Но вдумчивый человѣкъ не отложитъ равнодушно въ сторону этой книги, гдѣ запечатлѣлись горячія стремленія давно минувшаго поколѣнія къ цѣлямъ, которыя всегда останутся дорогими для человѣчества. «Здѣсь,—какъ выразился Морлей,—передъ нами не надгробный памятникъ египетскаго царя Озимандья, поражающій взоры своими уродливыми разва-

линами, вызывая въ насъ безплодныя воспоминанія; *эти* развалины скорѣе похожи на мрачные обломки стѣнъ старой крѣпости, которая была сооружена мощными руками людей, вѣровавшихъ въ свое дѣло, и изъ которой отрядъ бойцовъ однажды выступилъ на-встрѣчу шайки варваровъ для борьбы за человѣчество и за правду».

III.

Дидро въ рабочей комнатѣ за статьей для Энциклопедіи,— и тотъ же Дидро въ простомъ черномъ нарядѣ за столомъ въ дружескомъ салонѣ, гдѣ вокругъ него нѣсколько остроумныхъ и красивыхъ женщинъ и кучка такихъ же, какъ онъ, находчивыхъ и интеллигентныхъ собесѣдниковъ,—какъ будто два различныхъ лица. Между тѣмъ, онъ вездѣ остается вѣренъ себѣ, вездѣ безъ раздумья растрачиваетъ свои умственныя богатства, и на пользу науки, и для надобностей салонной, веселой перестрѣлки. На него возбуждающимъ образомъ дѣйствовали обычные члены его кружка, и творческая способность разгаралась на удивленіе всѣмъ. Современники въ одинъ голосъ называютъ его неподражаемымъ въ искусствѣ вести бесѣду, затрогивать въ ней разнообразныя тэмы, смѣшивая патетическое съ смѣшнымъ, философскій споръ съ остроумнымъ анекдотомъ; молва о Дидро, какъ разсказчикѣ, не давала покою Екатеринѣ, и въ ея желаніи видѣть его у себя, вѣроятно, не малую роль играла надежда услышать эту удивительную импровизацію.

Можно ли было остаться хладнокровнымъ слушателемъ, когда забавнѣйшій оригиналъ, крохотный итальянскій аббатикъ Галіани то и дѣло изумлялъ общество фейерверкомъ неожиданныхъ выходокъ, острыхъ словъ, мѣткихъ критическихъ оцѣнокъ, являясь то прозорливымъ политикомъ, то знатокомъ искусства,—а потомъ вдругъ принимавшимся доказывать, съ таинственнымъ видомъ, что глубоко вѣритъ въ переселеніе душъ, убѣдившись, что въ его любимой обезьянкѣ скрыта душа государственнаго мужа древности! Рядомъ съ нимъ гремѣлъ противъ суевѣрій и ханжества либеральный аббатъ Мореллэ, столь же страстный любитель парадоксовъ, раскрывавшій, напримѣръ, основы «новой кометологіи», доказывая, что «заблужденія человѣчества возвращаются періодически, точно кометы, и что поэтому со временемъ можно будетъ легко вычислять эпоху ихъ возвращенія» [1]). Нерѣдка вставлялъ

---

[1]) Morellet, Oeuvres. Essai d'une nouvelle cométologie, Mélanges, tome IV; также его Mémoires sur le 18 siècle et la révolution, 1821, I.

свое бойкое словцо Гриммъ, этотъ междуварoдный commis-voyageur новой философіи, человѣкъ безъ глубокихъ убѣжденій, но находчивый, быстро схватывавшій все на лету, всего знавшій понемногу, дѣловой и юркій какъ Фигаро, и благодаря этой юркости, бойкому критическому чутью и неутомимому жужжанью завоевавшій себѣ имя—даже въ литературной исторіи того времени. А изъ-за него виднѣлась изящная голова Гельвеція, и слышалась его неторопливая, точно отточеная рѣчь; Рейналь, полный воспоминаніями о тираннія плантаторовъ, приносилъ свои декламаціи о народныхъ правахъ и всеобщемъ братствѣ,—а въ первые годы лились огненнымъ потокомъ рѣчи Руссо, еще не порывавшаго тогда съ кружкомъ.

Подъ этими сложными впечатлѣніями не могла замереть ни на минуту умственная энергія Дидро, и въ этомъ можно часто видѣть источникъ различныхъ его начинаній. Какъ и въ молодости, онъ искалъ дружескихъ связей съ этими людьми, но часто и горько ошибался въ своемъ выборѣ. Задушевная близость съ Руссо превратилась со временемъ въ непримиримую вражду,—быть можетъ, единственную тяжкую размолвку во всей жизни нашего философа. Кропотливые біографы входятъ въ подробное изученіе этого разногласія, открывая причины его иногда въ ничтожныхъ дрязгахъ; сторонники того или другого изъ разошедшихся друзей усиливаются сложить вину непремѣнно на одну только сторону. Такія психологическія загадки не рѣшаются сплеча, заставляя всегда предполагать вліяніе тонкихъ и сложныхъ условій, ускользающихъ отъ потомства. Знаемъ только, что Дидро горячо привязался къ товарищу, мывавшему вмѣстѣ съ нимъ первые годы нужды, и старался вліять на него, останавливая отъ ошибокъ. Потомъ прошла метеоромъ странная исторія первыхъ диссертацій Руссо, сложилась роль его, какъ отшельника, нелюдима, судьи нравовъ; послышался учительный тонъ, самомнѣніе, болѣзненная подозрительность; несчастная мысль уединиться въ эрмитажѣ, гдѣ, по мѣткому выраженію Дидро, онъ заперся вмѣстѣ съ несправедливостью, этою печальною подругой [1]), дала ему время передумать въ одиночествѣ по множеству разъ свои мрачныя подозрѣнія. Дидро не стерпѣлъ, высказался слишкомъ горячо, отмѣчалъ всякую непослѣдовательность друга, и размолвка усилилась. Но онъ же нѣсколько разъ протягивалъ

---

[1]) Письмо отъ января 1757 года: „Oh! Rousseau! Vous devenez méchant, injuste, cruel, féroce, et j'en pleure de douleur... Mon ami, croyez moi, n'enfermez point avec vous l'injustice dans votre asile. C'est une fâcheuse compagne".

руку, и сначала успѣшно,—онъ искренно жалѣлъ о прежнихъ дняхъ, и искалъ посредничества, но разладъ былъ непоправимъ, растравляемый ложными друзьями и преувеличенный маніею Руссо вездѣ предполагать преслѣдованія и подкопы. Дидро, быть можетъ, долженъ былъ опредѣленнѣе стать на эту точку зрѣнія и скорѣе пожалѣть о несчастномъ больномъ, чѣмъ желчно порицать его. Но этотъ взглядъ на характеръ Руссо сталъ доступенъ лишь нашему поколѣнію, заручившемуся разнообразными и интимнѣйшими данными для пониманія внутренней его жизни, —но какъ же трудно было увѣровать въ ненормальность его душевнаго состоянія Дидро, когда изъ-подъ того же пера, которое изливало на него такъ мало заслуженныя проклятія, выходили прекраснѣйшія произведенія, дышавшія талантомъ и которыхъ Дидро не могъ не оцѣнить! Тяжело читать нѣкоторыя страницы почти предсмертной работы его «Опыта о жизни и произведеніяхъ Сенеки», гдѣ онъ воспользовался чисто внѣшнимъ поводомъ, чтобы нарисовать отталкивающій образъ Руссо, правда, не называя его по имени,—но многое въ этомъ раздраженіи объясняется ни на чемъ серьезномъ не основанною ненавистью къ нему Руссо, который сначала считалъ его «своимъ Аристархомъ» и подчинялся его совѣтамъ, а потомъ приписывалъ ему самые низкіе замыслы, черня его даже въ наиболѣе тяжкія минуты жизни философа. «Вы не можете не знать о преслѣдованіяхъ, которымъ онъ подвергается,—писалъ ему съ негодованіемъ Сенъ-Ламберъ, пытавшійся ихъ примирить,—и вы хотите слить голосъ стариннаго друга съ криками завистниковъ! Не могу скрыть отъ васъ, до какой степени эта злоба меня возмущаетъ!» [1]

Вмѣсто Руссо довольствоваться людьми въ родѣ Гримма, прежнюю дружбу великаго несчастливца замѣнить пріятельскою эксплоатаціей со стороны ловкаго карьериста,—злая шутка судьбы! Гриммъ неотвязно слѣдуетъ за нимъ всюду, даже въ Россію, по своему высоко цѣнитъ его, живетъ въ значительной степени его умомъ, украшаетъ его сотрудничествомъ свои литературныя предпріятія и пробирается къ цѣли, извиваясь во всѣ стороны и вырабатывая своею непринужденною и остроумною болтовней, цѣнившеюся на вѣсъ золота, почти геніальныя способности всеевропейскаго сплетника. Довѣрчивый Дидро многаго не замѣчаетъ въ дѣйствіяхъ и пріемахъ этого друга, цѣпкаго, точно чужеядное растеніе,—только иногда попрекнетъ его непомѣрною дипломатичностью и умѣньемъ тонировать. Близко со-

[1] Письмо отъ 10 октября 1758 (Streckeisen-Moulton, Rousseau, ses amis etc.).

тясь они не могли, и Гриммъ скорѣе имѣлъ для него привлекательность вѣчно оживленнаго и находчиваго пріятеля на всѣ руки, способнаго отогнать невеселыя мысли и выручить изъ любого затрудненія. Съ Даламберомъ ихъ соединяли болѣе искреннія связи, но со временемъ пришлось убѣдиться, что и его единомыслію есть предѣлы. Близость съ Фальконетомъ, въ которомъ ему нравилось восторженное отношеніе къ искусству и философскій складъ ума, порвалась съ отъѣздомъ художника въ Россію, а когда они свидѣлись тамъ, совсѣмъ остыла передъ непостижимой холодностью Фальконета. Вольтеръ еще сильнѣе привлекалъ Дидро, и постоянное общеніе ихъ могло бы съ великой пользой отразиться на обоюдной ихъ дѣятельности; но Вольтеръ былъ далеко, на немъ долго тяготѣло вліяніе его воспитанія, первоначальной среды и придворныхъ отношеній, сказывавшееся иногда въ поступкахъ, которые не могъ одобрить демократъ Дидро [1]), и только когда на склонѣ лѣтъ прояснилась окончательно величавая личность Вольтера съ его любовью къ людямъ, горячимъ заступничествомъ за гонимыхъ и борьбой съ невѣжествомъ, симпатіи Дидро всецѣло закрѣпились за нимъ.

Не побалованъ его удачей въ дружбѣ, судьба поставила, наконецъ, на его пути любящую и развитую женщину, способную его понять. Мы мало знаемъ Софи Воланъ, не имѣемъ ни обрывка ея переписки съ Дидро, и самые проницательные искатели любовныхъ увлеченій великихъ людей не въ состояніи передать намъ, какъ завязывались эти отношенія, бывали ли минуты полнаго обладанія, или же вся эта любовь была только прекрасною мечтой уже утомленнаго жизнью старика, которому рѣдко приходилось бывать подолгу вмѣстѣ съ любимой дѣвушкой, и оставалось бесѣдовать съ нею въ длинныхъ и искреннихъ письмахъ, гдѣ отражались всѣ тревоги дня [2]). Но чувствуется, что появленіе этого умнаго существа многое освѣтило въ его жизни и поддержало интересъ къ дѣятельности. Такія женщины, какъ Софи Воланъ или mademoiselle de l'Espinasse, извѣстная подруга Да-

---

[1]) Въ примѣчательномъ письмѣ къ Нэжону, называвшему Вольтера неблагодарнымъ, завистливымъ, безумнымъ и ставившаго ему въ вину любезность съ Мопу, Дидро вспоминаетъ съ уваженіемъ, что́ сдѣлалъ этотъ человѣкъ, несвободный отъ слабостей, для человѣчества; „придетъ время, когда онъ станетъ великъ, а его противники покажутся ничтожны. Что касается меня, еслибы у меня была губка, чтобы омыть его, я протянулъ бы ему руку, помогъ бы выйти изъ грязи и очистилъ его, какъ дѣлаетъ антикварій съ старинной, но потускнѣйшей бронзой“.

[2]) Къ такому взгляду склонялся Сентъ-Бёвъ, которому принадлежатъ одни изъ лучшихъ этюдовъ о Дидро (Portraits littéraires и Causeries du lundi).

ламбера, игравшая такую же роль въ его жизни, и изъ скром-
ной компаньонки въ аристократическомъ домѣ ставшая одною
изъ руководительницъ общественнаго мнѣнія, — такія женщины
были предвѣстницами типическихъ женскихъ характеровъ конца
столѣтія, г-жа Роланъ или г-жи Сталь; подруги обоихъ фи-
лософовъ не выработали еще въ себѣ способности активно при-
нимать участіе въ политической или общественной дѣятельности,
но имѣли задатки большихъ способностей, научной подготовки и
тонкаго вкуса,—и Дидро безъ всякой натяжки могъ вывести по-
другу Даламбера дѣйствующимъ лицомъ въ двухъ своихъ діало-
гахъ (особенно въ «Снѣ Даламбера»), гдѣ онъ поднималъ важ-
нѣйшіе вопросы философіи и естествознанія.

Письма къ Софи Воланъ занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ
въ кругу произведеній Дидро, который высказываетъ въ этой не-
принужденной рамкѣ всѣ свои дарованія мѣткаго наблюдателя
и критика, и образцоваго прозаика. Но тотъ, кто возьметъ въ
руки эти письма въ надеждѣ найти тутъ сладкорѣчивыя изліяя-
нія старческой любви, жестоко ошибется. Видно, что Дидро,
принимаясь писать, сознаетъ, что ни съ кѣмъ такъ откровенно
не можетъ говорить о своихъ помыслахъ и планахъ, что никто
такъ близко не приметъ ихъ къ сердцу. Раза два, три послы-
шится въ его письмахъ голосъ чувства, но съ какою простотою:
«Дорогая моя, какъ я васъ люблю, какъ я васъ уважаю! В
десяти мѣстахъ письмо ваше наполнило меня радостью»,—во
все, чтó онъ позволитъ себѣ сказать. Часто принимались о
мечтать, какъ соединятся, наконецъ, купятъ себѣ маленькую д
(un petit château) и скромно будутъ жить въ ней. Мечты
такъ и не осуществились никогда. Семья Софи сначала не
смотрѣла на сближеніе ея съ человѣкомъ женатымъ, отцомъ с
мейства, старикомъ, къ тому же ославленнымъ вольнодумцемъ,
и всѣми силами старалась разлучить ихъ. Но онъ одержалъ
верхъ и надъ этимъ нерасположеніемъ, заставилъ себя полюбить
родныхъ своей подруги, поддерживалъ и съ ними оживленную
переписку. До разрыва съ прошлымъ не хватало силъ: дома
больная жена, подроставшая дочка-умница и баловница он
напоминали о связяхъ съ старымъ очагомъ,—и онъ разрывался
между чувствомъ долга и новою сильною привязанностью. Д
чего она была сильна, показываетъ настойчивость, съ котор
онъ отказывался покинуть Парижъ, не смотря на всѣ пригла-
нія Екатерины. «Я въ состояніи видѣть мой домъ превраще-
нымъ въ пепелъ, и не встревожиться,—писалъ онъ Фальконе,
—видѣть мою свободу въ опасности, мою жизнь испорченною,

всевозможныя бѣдствія надвигающимися на меня, лишь бы *она* была со мной». «Я знаю,—говорилъ онъ далѣе,—отвѣчая на совѣты отплатить любезностью русской государынѣ, сдѣлавшей ему столько добра,—я знаю, что у меня теперь двѣ повелительницы, но моя подруга—первая изъ нихъ и по старшинству важнѣйшая». Онъ, наконецъ, рѣшился оторваться хоть на время отъ этихъ узъ, и десять мѣсяцевъ провелъ безъ нея. Даламберъ былъ послѣдовательнѣе, и предпочелъ разнымъ льготамъ въ Россіи свой уголъ и «общество друзей». Зато, когда Софи умерла раньше его (1783), Дидро видимо сталъ гаснуть и болѣе уже не оправился.

Постепенно приближаясь къ концу Энциклопедіи и пріобрѣтая болѣе досуга, Дидро перенесъ свою энергію на осуществленіе новыхъ работъ. Онъ не понималъ холоднаго, размѣреннаго труда и самъ разсказалъ Екатеринѣ въ недавно найденномъ наброскѣ «Sur ma manière de travailler», какъ онъ обыкновенно принимался за дѣло. Сначала справлялся онъ, не выполнено ли оно кѣмъ-нибудь лучше его; затѣмъ начиналъ обдумывать вопросъ, и «думалъ о немъ вездѣ, днемъ, ночью, въ обществѣ, на улицѣ, и эти мысли преслѣдовали его». Онъ ихъ набрасывалъ на большомъ листѣ бумаги, по мѣрѣ того какъ онѣ возникали, потомъ приводилъ въ порядокъ, почти никогда не переписывая; только тогда прочитывалъ онъ, что̀ другіе написали о томъ же предметѣ, и иной разъ разрывалъ свою работу; возраженія и разногласія его не тревожили,—«горе тому произведенію, которое не вызываетъ раскола въ мнѣніяхъ (malheur à l'ouvrage qui n'excite point de schisme)», говорилъ онъ [1]. Отъ несправедливаго часто суда современниковъ взывалъ онъ къ болѣе прозорливому суду потомства; онъ не могъ никогда сойтись во мнѣніи съ Фальконетомъ о назначеніи творчества, не могъ удовлетвориться самоуслажденіемъ художника, довольнаго своей работой, или слишкомъ дорожить сужденіями своей поры, такъ мало склонной терпѣть свободное слово. Онъ не понимаетъ ироническихъ усмѣшекъ своего возражателя, который удивлялся, что можно заботиться о славѣ, настающей, когда человѣка уже нѣтъ въ живыхъ [2]). Ему вѣрится, что его вполнѣ поймутъ лишь впослѣдствіи, когда замолкнутъ его страстныя рѣчи, и новое поколѣніе, свободное отъ дѣдовскихъ предразсудковъ, вспомнитъ

[1]) Nouvelle Revue, 1883, 15 septembre.

[2]) Переписка Дидро съ Фальконетомъ объ этомъ предметѣ, служившая продолженіемъ ихъ постоянныхъ споровъ въ Парижѣ, предназначена была самимъ Дидро къ выпуску отдѣльной книгой, но изданіе не состоялось.

о своемъ далекомъ предшественникѣ. «Что такое въ сущнос создание поэта, оратора, философа, художника? Разсказъ о н сколькихъ счастливыхъ минутахъ его жизни, которыя онъ ре ниво пытается отстоять отъ забвенія»,—и въ этой вѣрѣ въ во можность завѣщать лучшіе свои помыслы отдаленнѣйшимъ п колѣніямъ сказалось любимое представленіе Дидро о безсмерт человѣческой мысли, единственномъ видѣ безсмертія, которое о принималъ. Оттого-то такъ много вполнѣ законченныхъ и з лыхъ его произведеній были сознательно оставлены имъ въ е бумагахъ и увидѣли свѣтъ лишь въ нашемъ столѣтіи.

Но у него не было самомнѣнія, столь обычнаго у так дальнозоркихъ мыслителей; онъ не выдавалъ себя за рѣшите всѣхъ основныхъ вопросовъ. Его «Разговоръ одного философа с женою маршала ***», повидимому автобіографически-точно во производящій бесѣду его съ умной герцогиней де-Броль, служи въ томъ порукой. Съ недовѣріемъ подходитъ его собесѣдни къ спору съ «безбожникомъ» и постепенно смягчается, видя п редъ собой не фанатика, вѣрящаго исключительно въ свою иде но человѣка, который хочетъ лишь отстоять себѣ право про своимъ путемъ. Онъ признается, что «вовсе не ищетъ прозел товъ и оставляетъ каждаго вѣрить по своему»; онъ не выставля себя образцомъ нравственности, но думаетъ, что его образъ д ствій и отношенія къ людямъ не хуже поведенія искренно н божнаго человѣка. Быть можетъ, онъ заблуждается, но врядъ заслуживаетъ порицанія,—и тутъ, во вкусѣ того времени, п дитъ онъ опять аллегорическую картинку, разсказывая о суд молодого мексиканца, который не вѣрилъ розсказнямъ старико будто за моремъ есть опять земля, гдѣ властвуетъ строгій, бе щадный правитель; морскимъ теченіемъ уноситъ юношу вда въ то время, какъ онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ на доскѣ, л жавшей на берегу. Передъ нимъ волшебная сторона, «тотъ б регъ»; въ трепетѣ видитъ онъ осуществленіе того, чтò отверга разумомъ; встрѣтивъ на берегу самого царя, сѣдовласаго, почт наго старца, онъ заранѣе готовится погибнуть. Но тотъ види насквозь всѣ его помышленія, видитъ его искренность и н отталкиваетъ его. «Поставьте себя на мѣсто этого старика,—г воритъ нашъ философъ своей собесѣдницѣ,—чтò бы вы сдѣла еслибъ кто-нибудь изъ вашихъ прелестныхъ шести дѣтей о жился уйти изъ дому и, надѣлавъ много глупостей, съ сокр шеннымъ сердцемъ захотѣлъ бы возвратиться?—Я побѣжала б ему на-встрѣчу, прижала бы къ груди, обливая его слезами». И, понемногу сдаваясь на его доводы, герцогиня почти въ ел

слово съ Дидро приходитъ къ убѣжденію, что жить нужно, какъ будто этотъ прозорливый и всепрощающій «старецъ существовалъ» (le plus court est de se conduire comme si le vieillard existait).

Не разъ слышалъ онъ даже отъ людей расположенныхъ къ нему упреки въ недостаточной практичности его взглядовъ, способныхъ осуществиться лишь въ отдаленномъ будущемъ; таковы многіе отзывы Екатерины; его указанія реформъ и задачъ законодательства казались ей по большей части радужными химерами, и высоко ставила она надъ ними умѣнье понимать требованія минуты. Но Дидро (и этого почти никто не хочетъ замѣтить) самъ очень скромно, хотя съ полнымъ достоинствомъ, принимаетъ эту точку зрѣнія,—онъ непрактиченъ, но все-таки долженъ высказать свое мнѣніе. «Для нея,—говоритъ онъ объ Екатеринѣ,—должно являться чѣмъ-то въ родѣ забавы, если она примется опредѣлять разстояніе, которое отдѣляетъ философа-систематика, устраивающаго счастье общества, покоясь на своемъ изголовьѣ, отъ великой правительницы, которая съ утра до вечера встрѣчаетъ помѣхи малѣйшему задуманному ей добру»... «Понимать, каковъ *долженъ бы быть* порядокъ вещей—дѣло человѣка разсудительнаго; знать, каковъ этотъ порядокъ въ дѣйствительности—удѣлъ человѣка опытнаго; указать, какъ измѣнить его наилучшимъ образомъ — задача человѣка геніальнаго». Исполнятъ ли его совѣты, онъ не знаетъ и плохо надѣется на то. «Философу,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—приходится ожидать, что развѣ одинъ изъ пятидесяти королей захочетъ воспользоваться его работами, а пока онъ долженъ разъяснять людямъ ихъ неотъемлемыя права»,—и въ своей «Morale des rois» составляетъ сатирическій кодексъ правилъ, которыми обыкновенно руководится высшая политика.

Въ ряду работъ, сначала смежныхъ съ Энциклопедіей, потомъ выступившихъ на первый планъ, изученію политическихъ и соціальныхъ вопросовъ предшествовала, однако, полоса чисто литературныхъ и художественныхъ работъ,—Дидро попытается и здѣсь явиться освободителемъ отъ рутины.

Въ старину, когда на дѣло критики смотрѣли иными глазами, видѣли въ ней скорѣе мелкіе, хоть и вѣрные, придирки и уколы простого здраваго смысла или притязанія педантизма, роль творчества казалась такою недосягаемою, что безсчетное число разъ твердили, что критикомъ быть легче, чѣмъ творцомъ. Если эту избитую сентенцію измѣнить въ томъ смыслѣ, что критическая и творческая способность почти никогда съ одинаковой силой не совмѣщаются въ одномъ и томъ же лицѣ,—Дидро,

какъ драматургъ и сценическій критикъ, явится убѣдительнымъ тому примѣромъ. Исторія драмы всегда будетъ съ признательностью отмѣчать переворотъ, произведенный имъ въ теоретическихъ основахъ и задачахъ сценической поэзіи, но пройдетъ вѣжливымъ молчаніемъ его собственныя пьесы, которыми онъ поддерживалъ свои теоріи. Такъ Бѣлинскій высказалъ много тонкихъ замѣчаній о лучшихъ русскихъ комедіяхъ,—его же единственную комедію врядъ ли кто станетъ читать. Если гдѣ-нибудь избытокъ чувствительности губилъ Дидро, такъ именно въ его трогательныхъ драмахъ; сколько ни влагалъ онъ въ нихъ души, какъ ни старался иногда сдѣлать ихъ отраженіемъ пережитыхъ имъ самимъ минутъ [1]), настоящей драматической жизни въ нихъ нѣтъ. Не такъ смотрѣли, однако, на нихъ его современники; въ его репутаціи немалое мѣсто занимала слава его, какъ драматурга; пьесы его обошли всю Европу, въ Германіи поддержали реформаторскую дѣятельность Лессинга [2]), въ Россіи были переведены по нѣскольку разъ [3]). Но, какъ только перейдемъ отъ этихъ самостоятельныхъ попытокъ къ его теоретическимъ работамъ (предисловія къ пьесамъ, Парадоксъ) и обнаружимъ побужденія, увлекшія его на поприще драматурга, та же освѣжающая струя охватитъ насъ и здѣсь. Дидро и въ этой области—выразитель требованій новаго времени, заступникъ за низшіе общественные слои, выдвигавшіеся впередъ самою жизнью. По воспоминаніямъ молодости, онъ еще любитъ старика Корнеля, звучные стихи Расина тѣшатъ его, но онъ все-таки требуетъ мѣста и на сценѣ обыденнымъ плебейскимъ страстямъ и людямъ, передъ которыми вскорѣ стала дѣйствительно отступать сановитая толпа королей и героевъ, такъ долго властвовавшая въ трагедіи. Реформа, давно уже назрѣвавшая, проведена была имъ твердою рукою; трудами Дидро и вѣрныхъ его послѣдователей, Бомарше и Лессинга, новый родъ сценической поэзіи, *драма*, получилъ право гражданства. Театральная публика нашего времени, не понимающая болѣе драматическаго произведенія безъ вѣрнаго отраженія дѣйствительности, не сознаетъ, конечно, какъ много она обязана этимъ сближеніемъ

---

[1]) Въ *Отцѣ семейства*, актъ I, сц. 7, разсказана имъ вся исторія первой встрѣчи и сближенья съ женой.

[2]) Съ своей стороны Дидро цѣнилъ высоко заслуги Лессинга и предполагалъ въ послѣдніе годы жизни выпустить отдѣльнымъ сборникомъ нѣсколько переводныхъ пьесъ, подтверждающихъ его теорію,—въ томъ числѣ и „Миссъ Сару Сампсонъ".

[3]) *Побочный сынъ* выдержалъ въ русскомъ переводѣ три изданія, 1765—88. *Отецъ семейства* былъ переведенъ два раза.

драмы съ жизнью пропагандѣ Дидро,—точно такъ же какъ въ нашихъ требованіяхъ правдивой, реальной игры и усиливающейся нелюбви къ ходульности одною изъ исходныхъ точекъ былъ «Парадоксъ объ актерѣ», до сихъ поръ одно изъ лучшихъ руководствъ къ сценической техникѣ. Дидро одинаково остерегаетъ актера и отъ напыщенной декламаціи, и отъ привычки «играть душою» (jouer d'âme) или *нервами*, какъ мы говоримъ. Онъ думалъ, что насъ «никогда не могутъ совсѣмъ захватить поступки или игра человѣка съ бурными страстями, котораго мы видимъ въ возбужденномъ состояніи, и что это преимущество дано лишь тѣмъ, кто умѣетъ владѣть собой». На своемъ опытѣ онъ извѣдалъ необходимость одолѣть слишкомъ легко воспламеняющуюся чувствительность, и хотѣлъ подѣлиться этимъ опытомъ съ актеромъ, призваннымъ художественно воспроизводить жизнь. Но зато онъ потребуетъ отъ него пристальнаго изученія человѣческой природы и общественнаго быта, со всѣми его развѣтвленіями; спокойно взвѣшивающая и организующая мысль должна потомъ примѣнять эти наблюденія къ передачѣ каждаго отдѣльнаго характера.

Строго говоря, Дидро былъ и въ живописи такимъ же дилеттантомъ, какъ въ драматическомъ искусствѣ; онъ не умѣлъ и не желалъ щеголять знаніемъ разныхъ мелкихъ техническихъ уловокъ. Но, одаренный тонкимъ вкусомъ, разгадавъ и тутъ потребность въ обновленіи, располагая большими свѣдѣніями по исторіи искусства и всегда вводя его явленія въ общій кругъ человѣческаго развитія, онъ объяснялъ въ своихъ небольшихъ художественныхъ отчетахъ прошлое и современное направленіе живописи, ея будущія задачи, какъ никто не умѣлъ этого дѣлать до него,—да и впослѣдствіи немногіе изъ художественныхъ критиковъ могли подняться до его уровня. Его иногда называютъ творцомъ драматическаго и художественнаго фельетона [1]), и съ этимъ можно, пожалуй, согласиться, если принять понятіе о такомъ фельетонѣ въ самомъ лучшемъ его смыслѣ, какъ изящную, непринужденную бесѣду умнаго и знающаго человѣка, который хочетъ поднять вкусъ средняго читателя и въ легкой формѣ раскрываетъ передъ нимъ основы предмета. Но этого опредѣленія недостаточно. Къ умѣнью критически освѣщать явленія и теоріи у Дидро присоединялась прелесть слога, то трезваго, то насмѣшливаго, то поэтическаго и восторженнаго; неожиданно развертывалась тутъ картина какого-нибудь историческаго момента,

[1]) Edmond Scherer. Diderot, étude. 1880.

характеристика художника, остроумная страничка изъ парижской жизни; выступала порою личность самого критика, его друзей, ихъ разговоры, остроты. По выраженію самого Дидро, это была иногда легкая бесѣда, которая какъ будто ведется вокругъ камина, то изслѣдованіе о серьезныхъ вопросахъ, захватывающихъ всего человѣка. Розенкранцъ мѣтко сравниваетъ его въ этомъ отношеніи съ Генрихомъ Гейне, и въ «Салонахъ» и въ произведеніяхъ всего послѣдующаго періода находитъ черты, рисующія Дидро какъ бы современнымъ намъ писателемъ. Но подумать только, какая это была безпечная затрата остроумія и вкуса! Такому «фельетонисту» нужно было бы въ наше время стоять во главѣ большого и вліятельнаго органа, располагая огромной арміею читателей, а Дидро приходилось писать свои отчеты о художественныхъ выставкахъ или «Салонахъ» для пресловутой *Литературной корреспонденціи* Гримма, предназначенной лишь для восьми государей Европы и небольшого числа богачей, которые могли доставить себѣ дорогую по тому времени роскошь прямыхъ сообщеній изъ парижскаго интеллигентнаго центра; лишь позднѣйшее потомство могло вполнѣ ознакомиться съ этими работами, писанными для привилегированной публики.

Работалъ онъ надъ своими «Салонами» съ юношескимъ увлеченіемъ,—точно тридцати тяжелыхъ лѣтъ передъ тѣмъ и не бывало. Четырнадцать дней подъ рядъ писалъ онъ, напримѣръ, «Салонъ» 1765 года, днемъ и ночью. Гриммъ стоялъ за нимъ, то понукая къ работѣ, то безжалостно урѣзая лучшія и слишкомъ свободныя страницы, замѣняя ихъ общими мѣстами. Но и постоянное вмѣшательство Гримма не ослабляло увлеченія Дидро этимъ дѣломъ, и съ 1759 до 1781 года, т.-е. почти до смерти, не прекращалъ онъ своихъ критическихъ этюдовъ. И здѣсь тотъ же походъ, направленный теперь противъ застарѣлой манерности живописи и скульптуры, которыя не могли высвободиться изъ-подъ гнета античныхъ героическихъ сюжетовъ и задыхались въ академическихъ позахъ и ситуаціяхъ, или же льстили придворной утонченности, покрывая стѣны раззолоченыхъ гостиныхъ вычурными произведеніями, съ подкрашенной природой и жеманными лицами. Дидро старается увлечь современныхъ художниковъ на просторъ: вмѣсто изображенія подстриженныхъ парковъ онъ потребуетъ широкой разработки пейзажа, поведетъ ихъ въ деревню, въ поля, въ глушь и дичь, даже въ развалины; ложные пасторальные сюжеты должны уступить мѣсто изображенію быта и лицъ самыхъ низменныхъ, простыхъ людей; жанръ является вполнѣ законнымъ направленіемъ. За такую картину, какъ «Де-

ревенскій сговоръ» (L'accordée du village) Грёза онъ готовъ отдать всѣ розовые и небесноголубые плафоны Ватто и его школы, всѣ задрапированные на римскій ладъ портреты и статуи; Верне воспроизводитъ ему настоящій французскій ландшафтъ, не отступая передъ рѣзкими тонами и угловатыми чертами, и онъ окружаетъ его рѣдкою любовью; Лепрэнсъ выставляетъ бытовые рисунки изъ русской жизни, и Дидро чрезвычайно заинтересованъ изображеніемъ страны, которую вскорѣ долженъ былъ увидать. Не отказывая и другимъ видамъ живописи въ значеніи, онъ находитъ для нея наиболѣе настоятельнымъ въ данную минуту изученіе быта, которое проникало тогда во всѣ отрасли умственной дѣятельности. Его радовала связь ихъ усилій, и любимаго своего комическаго писателя Седэна, одного изъ «реалистовъ» прошлаго вѣка, онъ мѣтко называлъ «Грёзомъ комедіи». Но его пора была не богата сильными талантами; онъ старался поэтому ободрить малѣйшій проблескъ дарованія, объяснялъ художнику его задачу и безпощадно громилъ промахи. Его страшила также возрастающая практичность вѣка, которая могла, казалось ему, убить воодушевленіе, стремленіе къ идеалу. «Салоны» проникнуты двойственнымъ желаніемъ—научить искусство слѣдовать жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ сберечь ему идеальное содержаніе. Эта двойственность постепенно охватывала всю дѣятельность Дидро.

Но научныя работы и отклоненія въ міръ искусства бывали для него часто отравлены тягостными житейскими впечатлѣніями; по временамъ, когда усиливалась реакція, онъ видѣлъ, какъ противъ него и его друзей ополчалось въ обществѣ все, питавшееся старымъ порядкомъ и теперь встревоженное опасностью потерять свое значеніе. Въ минуту раздраженія противъ этихъ вѣчныхъ интригъ и шипѣнья клеветы задуманъ былъ «Племянникъ Рамо», вполнѣ оконченный, какъ полагаютъ теперь, лишь во время поѣздки Дидро въ Россію и Голландію. И на этотъ разъ авторъ не разсчитывалъ на гласность и не позаботился о напечатаніи этого діалога. Еслибъ случай не указалъ на него одному родственнику Шиллера, служившему въ Петербургѣ, гдѣ хранилась и эта рукопись вмѣстѣ съ другими бумагами философа, еслибы этимъ произведеніемъ не увлеклись оба великихъ нѣмецкихъ поэта, и Гёте не обнародовалъ его въ мастерскомъ нѣмецкомъ переводѣ, потомство долго не узнало бы объ одномъ изъ оригинальнѣйшихъ созданій Дидро, которое такъ живо возсоздаетъ и его личность, и среду, гдѣ прошла его дѣятельность, что въ немъ какъ будто замеръ въ неизмѣненномъ видѣ день изъ его жизни,

какъ застываютъ въ потокѣ лавы обломки давноминувшаго быта. Мы видимъ Дидро на обычной одинокой прогулкѣ по Парижу; онъ задумался, витаетъ Богъ вѣсть гдѣ, «гоняясь за какою-нибудь мыслью, преслѣдуя ее, какъ молодые вертопрахи преслѣдуютъ приглянувшуюся имъ уличную красотку». Онъ садится на любимую свою скамью въ Пале-Роялѣ, входитъ въ Café de la Régence и смотритъ тамъ на ходы шахматныхъ игроковъ, не всегда отдавая себѣ отчета въ томъ, что̀ дѣлаетъ. Поднявъ глаза, онъ видитъ передъ собой давно знакомую ему фигуру кочующаго искателя приключеній и незамѣтно увлекается разговоромъ съ этою жалкою личностью. Слѣдомъ за нимъ читатель все глубже вдается въ ихъ отношенія, слѣдитъ за споромъ, видитъ ихъ жесты и выраженіе лица, принимаетъ къ сердцу каждое колебаніе полемики. Дидро безсознательно приблизился къ высшему совершенству драматическаго творчества въ этомъ діалогѣ, написанномъ лишь для себя или для немногихъ близкихъ, тогда какъ остался далеко позади тѣхъ же требованій въ своихъ драмахъ, заботливо построенныхъ и обращенныхъ къ большой публикѣ. Его діалогъ свободенъ отъ обычнаго недостатка такихъ произведеній,—оба собесѣдника не тѣни, а живые люди, съ яркими особенностями характера; интересъ не сосредоточенъ на одной лишь сторонѣ; жалкій знакомый философа вовсе не изъ числа автоматовъ, выводимыхъ, чтобы говорить несообразности, разбиваемыя потомъ самимъ мудрецомъ. Онъ отталкиваетъ васъ, и въ то же время, какъ замѣтилъ еще Гёте, заинтересовываетъ своей нравственной низостью. Разговоръ идетъ впередъ живо, бойко, пересыпанный остротами, мѣткими возраженіями, эпизодическими разсказами; Дидро всегда высоко ставилъ искусство выразительной пантомимы,—и герой діалога выступаетъ не только во всеоружіи безстыдной діалектики, но и со всѣми изгибами мастерской мимики, которая отражаетъ всѣ его ощущенія и превращается подчасъ въ краснорѣчивую поэму безъ словъ.

Противники французской литературы прошлаго вѣка (напр. Тэнъ въ своихъ «Origines de la France contemporaine») упрекали ее иногда малочисленностью созданныхъ ею цѣльныхъ и живучихъ типовъ. «Племянникъ Рамо»—одно изъ блестящихъ возраженій на эти упреки. Изобразивъ въ главной личности оттѣнокъ характера, подмѣченный имъ въ современномъ обществѣ, Дидро съумѣлъ разгадать въ немъ общечеловѣческія черты, всегда и вездѣ приложимыя. Пусть частица этого характера заимствована у дѣйствительно существовавшей личности племянника извѣстнаго композитора Рамо,—который на дѣлѣ былъ

скорѣе довольно добродушнымъ юродивымъ; пусть прямымъ поводомъ къ созданію діалога выставляютъ недостойныя нападки на лучшихъ людей со стороны продажнаго писаки Палиссо,—все это еще не опредѣляетъ настоящей заслуги Дидро. Онъ не только вжился въ глубоко антипатичную ему личность клеветника и паразита, и съумѣлъ представить его себѣ въ различныхъ случайностяхъ жизни, но выдвинулъ основныя черты всѣхъ подобныхъ характеровъ. Его паразитъ—не жадный и лѣнивый приживальщикъ, какого рисовали еще римскіе комики и сатирики; изъ забавной личности онъ сталъ почти трагическимъ характеромъ, не смотря на напускную шутливость. У него есть кое-какіе задатки и стремленія, но онъ чувствуетъ, что никогда не поднимется надъ уровнемъ посредственности, и это сознаніе гложетъ его; общественный строй отвелъ ему самое жалкое мѣсто, принуждая быть лизоблюдомъ у богачей, которые гораздо тупѣе его, жить плутовскими продѣлками, морочить легковѣрныхъ, льстить, смѣшить и кривляться, въ то время, какъ внутри его кипитъ зависть и злоба на всѣхъ, кому жить хорошо. По себѣ онъ измѣряетъ ощущенія и нравственное достоинство другихъ людей, не вѣритъ ни въ одно порядочное чувство, подозрѣвая вездѣ эгоистическій разсчетъ, стараніе выгоднѣе продать и купить,—онъ даже охотно будетъ въ этомъ посредникомъ. Сына своего, еще ребенка, воспитываетъ онъ въ поклоненіи *червонцу*, дразня разгарающуюся у того жажду денегъ плохо положеннымъ луидоромъ; жену онъ усиленно научалъ пользоваться молодостью и красотой, и если жалѣетъ, что ея нѣтъ болѣе, то, конечно, потому, что эти уроки не принесли всей желаемой пользы.

У него свои счеты съ обществомъ и своя борьба за существованіе, для которой онъ нашелъ философское оправданіе,—«въ природѣ всѣ породы животныхъ пожираютъ одна другую, а обществѣ истребляютъ другъ друга всѣ сословія». Онъ не можетъ помириться съ мыслью, что въ то время, какъ онъ голодаетъ, «въ Парижѣ накрыты десять тысячъ прекрасно сервированныхъ обѣденныхъ столовъ, каждый на пятнадцать или двадцать человѣкъ,—и ни одного куверта не поставлено для него; что есть кошельки полные золота, льющагося направо и налѣво, а ему не достается изъ нихъ ни одного червонца; что тысячи говоруновъ, безталанныхъ и ничтожныхъ, презрѣнныхъ интригановъ хорошо одѣты, а онъ долженъ ходить въ лохмотьяхъ!..» Но въ его мечтахъ о лучшемъ порядкѣ вещей нѣтъ мѣста равенству. Подобно гоголевскому городничему, которому

послѣ жизни въ черномъ тѣлѣ грезится, какъ идеалъ, возможность когда-нибудь самому помыкать другими, важничать и держать людей въ трепетѣ, Рамо сладострастно рисуетъ себѣ блаженную минуту, когда онъ будетъ богатъ и станетъ по своему извлекать пользу изъ богатства. «Тогда-то я припомню все, чтó я отъ *нихъ* выносилъ, и возвращу имъ съ придачей то, чтó они для меня сдѣлали. Я люблю повелѣвать, и буду повелѣвать; я люблю, чтобъ меня хвалили, и меня станутъ хвалить. У меня будетъ на жалованьѣ толпа льстецовъ, шутовъ и паразитовъ. Я буду имъ говорить то же, чтó мнѣ говорили: «ну, негодяи, потѣшайте меня»,—и меня станутъ потѣшать; «разорвите мнѣ на клочки честныхъ людей», и ихъ разорвутъ, если только найдутъ такихъ людей». И въ превосходно переданной пантомимѣ онъ уже видитъ себя богачемъ; у него полный домъ, тонкія вина, мягкая постель, прекрасный экипажъ, хорошенькія женщины, сотня льстецовъ, которые доказываютъ ему, что онъ великій человѣкъ. Онъ жмурится отъ удовольствія, важничаетъ передъ своими клевретами, то выгоняя ихъ отъ себя, то снова милостиво принимая, потомъ опускается на свое мягкое ложе и засыпаетъ сладкимъ сномъ, обнаруживая даже своимъ безцеремоннымъ храпѣньемъ, что ему все позволительно,—и только пробужденіе изъ этихъ грезъ голоднаго человѣка показываетъ ему снова его жалкую участь, и тщетно озирается онъ, ища воображаемыхъ поклонниковъ, которые какъ будто за минуту передъ тѣмъ пресмыкались у его ногъ.

Такой человѣкъ долженъ вдвойнѣ ненавидѣть тѣхъ докучныхъ моралистовъ, философовъ и публицистовъ, которые осмѣливаются все еще напоминать обществу о другихъ идеалахъ, бросая этимъ тѣнь на происки шайки, работающей надъ общественной деморализаціей. И Рамо съ друзьями ненавидитъ геніевъ, не только какъ мыслителей, чья высокая даровитость уже раздражаетъ ихъ, но и какъ честныхъ людей, наставниковъ толпы. Стóитъ посмотрѣть, какъ потѣшается вся его компанія, когда она въ сборѣ, накормлена кѣмъ-нибудь изъ милостивцевъ и въ хищномъ расположеніи духа; для нихъ тогда нѣтъ лучше занятія, какъ ругать и чернить всѣ порядочныя репутаціи, доказывать, что судъ толпы несправедливъ, «что у Вольтера нѣтъ генія, что Бюффонъ просто болтунъ, что у Катоновъ въ миніатюрѣ въ родѣ Дидро сдержанность и скромность скрываютъ зависть и гордость». «Мы наѣдаемся, точно волки, послѣ того, какъ земля долго пробыла подъ снѣгомъ, и какъ тигры рвемъ въ клочки все, что имѣетъ успѣхъ»,—говоритъ Рамо. Оттѣснен-

ная на время преобладаніемъ высшихъ культурныхъ интересовъ, эта нищая братія заскучала въ своемъ ничтожествѣ и точитъ зубы не только на сытные обѣды, но и на вліятельную роль въ обществѣ. Вѣдь эти люди убѣждены, что «все зло на землѣ всегда исходило отъ геніальныхъ людей», что ребенка, который при рожденіи могъ бы чѣмъ-нибудь предвѣщать слишкомъ сильное развитіе ума, слѣдовало бы скорѣе умертвить; они издѣваются надъ фанфаронствомъ Сократа, не вѣрятъ ничьему благородству, и сами ни передъ чѣмъ не остановятся,—и Рамо, передавъ назидательный анекдотъ о ловкомъ плутѣ, съумѣвшемъ обобрать довѣрчиваго человѣка и во-время донести на него инквизиціи, на этомъ примѣрѣ показываетъ, до чего самъ могъ бы дойти при случаѣ.

Отвращеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ жалость вызываетъ въ философѣ эта нахальная исповѣдь. Самъ онъ не раздражается нападками такихъ личностей. «Я считалъ бы себя оскорбленнымъ, —говоритъ онъ Рамо,—еслибъ меня стали хвалить тѣ, которые позорятъ столькихъ талантливыхъ и честныхъ людей». Но ему тяжело чувствовать и себя, и свое дѣло окруженнымъ такими подкопами. Этотъ разговоръ напомнилъ ему, *гдѣ* назрѣвали клеветы и гоненія, отъ которыхъ онъ искалъ наконецъ отдохновенія въ далекой поѣздкѣ въ Россію. Но чувствительность взяла-было и тутъ верхъ надъ гадливостью. Ему хотѣлось бы удержать этого неглупаго малаго отъ окончательнаго паденія. Не тяготится ли онъ такою жизнью? Ничуть не бывало; онъ «гордится тѣмъ, что и теперь все тотъ же, какимъ былъ прежде»; и молитъ небо, чтобъ «это несчастіе продолжалось еще лѣтъ сорокъ. Rira bien qui rira le dernier!» Очевидно, онъ твердо увѣренъ, что настанетъ наконецъ и на ихъ улицѣ праздникъ, и что тогда вся свора паразитовъ возьметъ свое.

Алексѣй Веселовскій.

РАЗСКАЗЫ БРЕТЪ-ГАРТА

Съ англійскаго.

I. ОТВЕРЖЕННЫЙ.

I.

Нельзя было долѣе сомнѣваться, что лонстарскій пріискъ нечто иное какъ пуфъ. И не то, чтобы онъ былъ истощенъ, расхищенъ... нѣтъ, онъ просто-на-просто былъ пуфомъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ его восторженные владѣльцы прошли черезъ всѣ стадіи пріисковой горячки. Они печатали широковѣщательныя объявленія и производили развѣдки, промывали песокъ и сомнѣвались. Они занимали деньги направо и налѣво съ беззастѣнчивой откровенностью; кредитовались съ самоотверженнымъ отрицаніемъ всякой отвѣтственности, и переносили разочарованіе своихъ кредиторовъ съ безмятежной покорностью, которая возможна только тогда, когда человѣкъ несомнѣнно расчитываетъ на будущія блага. Но какъ бы то ни было, а, помимо всего прочаго, неудовольствія, возникшія со стороны торговцевъ и выразившіяся отказомъ во всякомъ дальнѣйшемъ кредитѣ, поколебали, наконецъ, кроткій стоицизмъ самихъ владѣльцевъ. Юношескій энтузіазмъ, съ какимъ было начато это дѣло, съ какимъ производился этотъ безполезнѣйшій опытъ, истощился, оставивъ по себѣ одни только прозаическіе, скучные слѣды въ видѣ недоконченныхъ колодцевъ, безполезныхъ шахтъ, покинутыхъ орудій труда, безцѣльно взбудораженной почвы на лонстарскомъ пріискѣ и пустыхъ мѣшковъ изъ-подъ муки и пустыхъ бочекъ изъ-подъ свинины въ лонстарской избѣ.

Они переносили свою бѣдность—если только можно такъ назвать отреченіе отъ всякихъ излишествъ въ пищѣ, одеждѣ и комфортѣ жизни, въ связи съ вышеупомянутыми проруxами—съ непритворной ясностью духа. Мало того, такъ какъ они отдѣлились отъ своихъ собратій рудокоповъ Редъ-Гоха и вступили во владѣніе небольшой долины въ пять миль окружностью, то неуспѣхъ ихъ предпріятія получилъ въ ихъ глазахъ смутное значеніе упадка и погибели крупнаго общаго дѣла, и въ этомъ смыслѣ освобождалъ ихъ отъ личной отвѣтственности. Для нихъ легче было допустить, что лонстарскій пріискъ оказался пуфомъ, нежели сознаться въ собственномъ банкротствѣ. Кромѣ того, они все еще сохраняли за собой священное право критиковать правительство и быть очень высокаго мнѣнія о своей собственной коллективной мудрости. Каждый изъ нихъ съ чувствомъ благодарности къ провидѣнію сваливалъ на своихъ компаньоновъ отвѣтственность за судьбу предпріятія.

Декабря 24, 1863, теплый дождь поливалъ вдоль и поперекъ лонстарскій пріискъ. Дождь шелъ уже нѣсколько дней и уже успѣлъ сообщить весенній оттѣнокъ суровому пейзажу, исправить нѣжными штрихами опустошенія, произведенныя владѣльцами, и сострадательно замазать ихъ промахи. Ямы въ оврагахъ и ложбинахъ утратили свои рѣзкія очертанія и зеленый покровъ одѣлъ взрытые и перекопанные бока холмовъ. Еще нѣсколько недѣль, и покрывало забвенія набросится на жалкую неудачу лонстарскаго пріиска. Что касается самихъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, то, прислушиваясь къ каплямъ дождя, ударявшимъ въ крышу ихъ избушки, они философски поглядывали въ открытую дверь и, кажется, усматривали въ ней нравственное освобожденіе отъ своихъ обязательствъ. Четверо изъ компаньоновъ было на лицо: «Правая» и «Лѣвая» Сторона, «Союзная Мельница» и «Судья».

Врядъ ли нужно объяснять, что ни одно изъ этихъ прозвищъ не было настоящимъ именемъ его владѣльца. Правая и Лѣвая Сторона были братья и назывались такъ въ силу положенія, занимаемаго ими въ лагерѣ. То обстоятельство, что «Союзная Мельница» наложилъ какъ-то на свои разорванные штаны заплатку отъ стараго мучного мѣшка, а на ней какъ разъ стояло это фабричное клеймо, было слишкомъ соблазнительнымъ поводомъ для новой клички, и товарищи не могли не воспользоваться имъ. «Судья», необыкновенно пристрастный уроженецъ штата Миссури, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о законѣ, назывался такъ изъ ироніи.

Союзная Мельница, нѣкоторое время мирно сидѣвшій на порогѣ избушки, выставивъ одну ногу подъ дождь отъ одной только лѣни подвинуться, нашелъ наконецъ нужнымъ спасти отъ дождя свою ногу и всталъ съ мѣста. Этимъ движеніемъ онъ болѣе или менѣе обезпокоилъ всѣхъ другихъ компаньоновъ, чтó было встрѣчено съ циническимъ неодобреніемъ. Замѣчательно, что не смотря на цвѣтущій юношескій видъ и очевидное физическое здоровье, всѣ они какъ одинъ человѣкъ прикидывались дряхлыми и больными стариками и, привставъ на минуту, снова улеглись и усѣлись въ прежнихъ усталыхъ позахъ. Лѣвая Сторона лѣниво поправилъ бандажъ, который онъ уже нѣсколько недѣль носилъ вокругъ щиколки безъ всякой видимой необходимости, а Судья съ нѣжной заботливостью осмотрѣлъ едва замѣтный рубецъ отъ небольшой царапины на рукѣ. Пассивная ипохондрія, результатъ ихъ изолированнаго положенія, сообщала послѣднему особый патетическій оттѣнокъ.

Ближайшая причина всего этого волненія нашелъ нужнымъ извиниться.

— Вы могли бы прекрасно продержать наружи свою глупую ногу, вмѣсто того, чтобы врываться такимъ нахальнымъ образомъ въ частную жизнь,—отпарировалъ Правая Сторона.—Отъ такихъ утомительныхъ трудовъ боченокъ изъ-подъ свинины не пополнится мясомъ. Торговецъ бакалеей въ Дольтонѣ... что бишь онъ сказалъ?—лѣниво обратился онъ къ Судьѣ.

— Сказалъ, что считаетъ лонстарскій пріискъ пуфомъ и не желаетъ больше тратить на него свои денежки... благодарствуйте! —повторилъ Судья слова бакалейщика, механически и съ полнымъ отсутствіемъ всякаго личнаго къ нимъ интереса.

— Мнѣ этотъ человѣкъ сталъ подозрителенъ послѣ того какъ Гримшо повелъ съ нимъ дѣло,—проговорилъ Лѣвая Сторона.—Они такъ низки, что могутъ соединиться противъ насъ.

«Idée fixe» лонстарскихъ компаньоновъ было то, что всѣ ихъ преслѣдуютъ изъ личной непріязни.

— Весьма вѣроятно, что новые пришельцы уплатили ему деньгами за товаръ и онъ отъ этого возгордился,—вмѣшался Союзная Мельница, пытаясь обсушить ногу попеременно то хлопая по ней, то потирая ее объ стѣну.

— Стоитъ только неостеречься и всѣ сейчасъ пойдутъ противъ васъ.

Это неопредѣленное замѣчаніе встрѣчено было мертвымъ молчаніемъ, всѣ присутствующіе спеціально заинтересовались

оригинальнымъ способомъ оратора обсушить свою ногу. Нѣкоторые критиковали его, но никто не предлагалъ помочь.

— Кто говоритъ, что бакалейщикъ это сказалъ?—спросилъ Правая Сторона, возвращаясь къ прежнему сюжету.

— Старикъ,—отвѣчалъ Судья.

— Ну, разумѣется,—саркастически промолвилъ Правая Сторона.

— Ну, разумѣется,—откликнулись какъ эхо остальные компаньоны.—Это на него похоже. Весь старикъ въ этихъ словахъ!

Изъ этого никакъ нельзя было понять, чтó за человѣкъ старикъ и почему эти слова его характеризуютъ, но очевидно было, что онъ одинъ виноватъ въ измѣнѣ бакалейщика. Союзная Мельница высказалъ это опредѣленнѣе:

— Вотъ что вышло отъ того, что мы его къ нему послали. Онъ способенъ подорвать кредитъ Ротшильда.

— Вѣрно!—подтвердилъ Судья.—И какъ онъ себя ведетъ, замѣтьте. На прошлой недѣлѣ онъ цѣлыхъ двѣ ночи напролетъ прошлялся неизвѣстно гдѣ и зачѣмъ.

— Довольно того,—вмѣшался Лѣвая Сторона,—что онъ, помните, предложилъ намъ, бѣлымъ людямъ, наняться за жалованье въ рудокопы, точно какимъ-нибудь китайцамъ. Это показываетъ, какого онъ мнѣнія о лонстарскомъ пріискѣ.

— Ну вотъ, до сихъ поръ я молчалъ,—прибавилъ Союзная Мельница,—но когда одинъ изъ Маттисоновскихъ молодцовъ явился сюда, чтобы осмотрѣть пріискъ, съ мыслью купить его, старикъ отговорилъ его отъ этого. Онъ почти сознался ему, что много труда придется положить, прежде нежели получится хоть какая-нибудь прибыль. Онъ даже не пригласилъ его сюда къ намъ на общій совѣтъ, а заграбасталъ его, такъ сказать, въ свои руки. Мудренаго нѣтъ, что Маттисонъ отступился.

Послѣдовало молчаніе, прерываемое только стукомъ дождя о кровлю и случайными брызгами, врывавшимися черезъ трубу камина, производя трескъ и вспышки въ догорающихъ головешкахъ. Правая Сторона съ внезапнымъ приливомъ энергіи придвинулъ къ себѣ пустой боченокъ и, вынувъ изъ кармана колоду истрепанныхъ картъ, принялся раскладывать пасьянсъ. Другіе уставились на него съ вялымъ любопытствомъ.

— Загадалъ что-нибудь?—спросилъ Мельница.

Правая Сторона утвердительно кивнулъ головой.

Судья и Лѣвая Сторона, возлежавшіе на лавкахъ, чуть-чуть приподнялись, чтобы лучше слѣдить за пасьянсомъ. Союзная Мельница медленно отдѣлился отъ стѣны и наклонился надъ

раскладывавшимъ пасьянсъ. Правая Сторона бросилъ послѣднюю карту среди напряженнаго ожиданія и смѣшалъ колоду съ многозначительнымъ видомъ.

— Вышло!—проговорилъ Судья тономъ набожнаго благоговѣнія.—Что ты загадалъ?—почти шопотомъ спросилъ онъ.

— Слѣдуетъ ли намъ поступить, какъ было говорено, и навострить отсюда лыжи. *Пятый* разъ выходитъ, — продолжалъ Правая Сторона тономъ мрачнаго предостереженія.—И при неблагопріятныхъ картахъ, замѣтьте.

— Я не суевѣренъ, — объявилъ Судья, выражая каждой чертой своего лица испугъ и хвастовство, — но это значило бы идти противъ Бога, еслибы не обращать вниманіе на такіе признаки.

— Загадай еще, долженъ ли идти съ нами и старикъ,— предложилъ Лѣвая Сторона.

Предложеніе было встрѣчено съ одобреніемъ, и трое мужчинъ съ волненіемъ столпились вокругъ раскидывавшаго пасьянсъ. Снова зловѣщія карты были рѣшительно раскинуты по столу и сложились въ извѣстныхъ таинственныхъ комбинаціяхъ съ тѣмъ же роковымъ результатомъ. И всѣ какъ будто вздохнули свободнѣе, точно съ нихъ сняли тяжелое бремя отвѣтственности, а Судья съ покорнымъ сознаніемъ своей правоты принялъ, очевидно, проявленіе воли Провидѣнія.

— Да, джентльмены,—продолжалъ Лѣвая Сторона спокойно, точно сообщалъ какое-нибудь судебное рѣшеніе,—мы не должны руководиться разными сантиментальностями, но должны дѣйствовать, какъ прилично дѣловымъ людямъ. Единственнымъ разумнымъ дѣломъ будетъ встать и уйти изъ лагеря.

— А Старикъ?—спросилъ Судья.

— Старикъ? да вотъ и онъ самъ.

Въ двери появилась чья-то стройная тѣнь. То былъ отсутствующій компаньонъ, извѣстный подъ названіемъ «Старика». Нужно ли объяснять, что это былъ молодой, девятнадцатилѣтній мальчикъ, съ едва пробивающимся пушкомъ на верхней губѣ.

— Перекрестокъ совсѣмъ залило водой и мнѣ пришлось перебираться черезъ него вплавь,—сказалъ онъ съ веселымъ, открытымъ смѣхомъ,—но тѣмъ не менѣе, ребята, черезъ часъ съ небольшимъ погода прояснится, готовъ объ закладъ побиться. Надъ Лысой горой расходятся тучи и на снѣгѣ Лонскаго Пика уже виднѣется солнечное пятнышко. Вонъ, поглядите! даже отсюда видно. Для всего свѣта это точно голубка, выпущенная изъ Ноева ковчега. Хорошій признакъ.

Въ силу привычки всѣ присутствующіе мгновенно повеселѣли при появленіи старика. Но безстыдное проявленіе унизительнаго суевѣрія, выразившееся въ послѣднихъ его словахъ, снова пробудило въ нихъ недовольство. Они многозначительно переглянулись между собой. Союзная Мельница пробормоталъ:

— У него всегда такіе признаки.

Слишкомъ занятый своими мыслями, чтобы замѣтить такой зловѣщій пріемъ, Старикъ продолжалъ:

— Мнѣ обѣщанъ кредитъ у новаго бакалейщика въ Кроссингѣ. Онъ говоритъ, что отпуститъ въ долгъ Судьѣ пару сапогъ, но не можетъ прислать ихъ сюда и принимая во вниманіе, что Судьѣ необходимо такъ или иначе ихъ примѣрить, считаетъ, что для него не будетъ слишкомъ обременительно придти за ними самому. Онъ говоритъ также, что отпуститъ намъ бочку свинины и мѣшокъ муки, если мы уступимъ ему право пользованія нашимъ карріеромъ и расчистимъ нижній конецъ его.

— Это работа приличная для китайца и займетъ добрыхъ четверо сутокъ,—разразился Лѣвая Сторона.

— Бѣлому человѣку не понадобилось болѣе двухъ часовъ, чтобы расчистить треть этого мѣста,—возразилъ съ тріумфомъ Старикъ,—*я* самъ сдѣлалъ это лопатой, которою онъ ссудилъ меня въ долгъ, и произвелъ эту работу сегодня утромъ, и сказалъ ему, что остальное додѣлаете вы, братцы, сегодня послѣ обѣда.

Легкій жестъ Правой Стороны удержалъ гнѣвное восклицаніе Лѣвой. Старикъ не замѣтилъ ни того, ни другого, но нахмуривъ свой юный, гладкій лобъ съ привычнымъ отеческимъ видомъ, продолжалъ:

— Ты получишь пару новыхъ штановъ, Мельница, но такъ какъ у него нѣтъ готоваго платья, то мы возьмемъ сукна и скроимъ изъ него тебѣ пару. Я промѣнялъ въ другой лавкѣ бобы, которые онъ мнѣ далъ, на табакъ для Правой стороны, и заставилъ ихъ дать въ придачу новую колоду картъ. Прежняя совсѣмъ уже истрепалась. Затѣмъ намъ нуженъ хворостъ для топлива; вонъ тамъ въ ложбинѣ цѣлая куча его. Кто за нимъ сходить? Сегодня, кажется, очередь Судьи? Но что такое со всѣми вами приключилось?

Смущеніе и сдержанность его товарищей были наконецъ имъ замѣчены. Онъ обвелъ ихъ открытымъ взглядомъ своихъ молодыхъ очей; а они безпомощно поглядывали другъ на друга. И со всѣмъ тѣмъ первая его мысль была о нихъ, первымъ его движеніемъ была отеческая и покровительственная заботливость о товарищахъ. Онъ внимательно оглядывалъ ихъ съ головы до

ногъ: всѣ они были на лицо и очевидно въ обычномъ своемъ видѣ.

— Что-нибудь неладно на прiискѣ?—спросилъ онъ.

Не глядя на него, Правая Сторона всталъ, прислонился къ открытой двери и, заложивъ руки за спину, сказалъ какъ бы всматриваясь въ даль:

— Прiискъ оказался пуфомъ, наша ассоцiацiя тоже пуфъ и чѣмъ скорѣе мы разойдемся, тѣмъ лучше. Если вы,—обратился онъ къ Старику,—желаете оставаться, если вы желаете дѣлать работу китайца за жалованье китайца, если вы желаете пользоваться милостыней отъ торговцевъ въ Кроссингѣ, то оставайтесь здѣсь одинъ и радуйтесь сколько вамъ угодно надеждамъ, подаваемымъ Ноевой голубкой. Мы же разсчитываемъ удалиться отсюда.

— Но я вовсе не говорилъ, что хочу быть одинъ,—протестовалъ Старикъ съ жестомъ удивленiя.

— Если таковы ваши идеи объ ассоцiацiи,—продолжалъ Правая Сторона,—то наши не таковы и мы можемъ доказать это только положивъ конецъ здѣшнему безправiю. Мы желаемъ разрушить ассоцiацiю и поискать счастiя для себя въ другомъ мѣстѣ. Вы больше за насъ не отвѣтственны, а мы за васъ. Мы считаемъ правильнымъ предоставить въ ваше распоряженiе прiискъ и избу, со всѣмъ, что̀ въ ней имѣется. Чтобы не вышло какихъ затрудненiй съ торговцами, мы оставляемъ вотъ этотъ документъ...

— И пятьдесятъ тысячъ долларовъ съ брата, въ подарокъ моимъ дѣтямъ,—перебилъ Старикъ съ дѣланнымъ смѣхомъ.—Прекрасно. Но...—тутъ онъ вдругъ умолкъ, краска сбѣжала съ его лица и онъ снова обвелъ быстрымъ взглядомъ всю группу.

— Мнѣ кажется... я не совсѣмъ хорошо васъ понялъ, братцы,—прибавилъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ и губами.—Если это загадка, помогите разгадать ее.

Всякiя сомнѣнiя, какiя еще могли у него оставаться, были разсѣяны Судьей.

— Это самое выгодное дѣло для тебя, Старикъ,—конфиденцiально проговорилъ онъ,—если бы я не обѣщалъ товарищамъ идти съ ними и еслибы мнѣ не нужно было посовѣтоваться съ докторомъ въ Сакраменто на счетъ своихъ легкихъ, то я съ радостью остался бы съ тобой.

— У тебя теперь развязаны руки, Старикъ, и подумай только, какъ лестно для такого молодого малаго, какъ ты, предпринять дѣло на свой собственный капиталъ, который имѣется не у вся-

каго калифорнскаго молодца,—замѣтилъ покровительственно Союзная Мельница.

— Конечно, намъ не совсѣмъ-то выгодно отказаться отъ всего нашего имущества въ твою пользу, но мы хотимъ тебѣ добра и, какъ видишь, ничего для тебя не пожалѣли, не такъ-ли, братцы? —произнесъ Лѣвая Сторона.

Лицо Старика снова покраснѣло и сильнѣе обыкновеннаго. Онъ поднялъ шляпу, которую было сбросилъ, старательно надѣлъ ее на свои темные кудры и засунулъ руки въ карманы.

— Прекрасно,—сказалъ онъ слегка измѣнившимся голосомъ. —Когда вы уходите?

— Сегодня,—отвѣчалъ Лѣвая Сторона.—Мы разсчитывали на лунную ночь и хотимъ захватить почтовую карету, которая приходитъ около полуночи. Какъ видишь, времени у насъ еще много,— прибавилъ онъ съ легкимъ смѣхомъ:—теперь всего еще три часа.

Наступила мертвая тишина. Даже дождь пересталъ барабанить въ крышу. Впервые Лѣвая Сторона проявилъ нѣкоторое смущеніе.

— Погода насъ точно дразнитъ,—сказалъ онъ, высовываясь изъ двери и какъ бы съ глубокимъ вниманіемъ осматривая небо:— обойдемте-ка, братцы, пріискъ, чтобы видѣть, не позабыли ли мы чего-нибудь. Мы, конечно, вернемся сюда,—прибавилъ онъ поспѣшно, не глядя на Старика,—прежде нежели совсѣмъ уйти.

Всѣ остальные принялись искать шляпы, но такъ разсѣянно и невнимательно, что не съ разу замѣтили, что шляпа Судьи уже у него на головѣ. Это возбудило смѣхъ, равно какъ и неуклюжая походка Союзной Мельницы, который споткнулся о боченокъ изъ-подъ свинины и, чтобы скрыть свое смущеніе, поплелся за Правой Стороной, преувеличенно хромая. Судья сталъ что-то насвистывать. Лѣвая Сторона, желая покуражиться передъ уходомъ, остановился на порогѣ и сказалъ какъ бы конфиденціально своимъ товарищамъ:

— Чортъ меня побери, если Старикъ не выросъ на два вершка съ тѣхъ поръ, какъ сталъ собственникомъ,—покровительственно засмѣялся и исчезъ.

Если новый собственникъ и выросъ, то не перемѣнилъ своей позы. Онъ оставался неподвижнымъ до тѣхъ поръ, пока послѣдняя фигура не скрылась за рощей, скрывавшей большую дорогу. Послѣ того онъ медленно подошелъ къ камину и затопталъ ногой тлѣющіе уголья. Что-то капнуло въ горячую золу и затрещало. Очевидно дождь еще не пересталъ!

Краска снова сбѣжала съ его лица и остались только два

красныхъ пятнышка на скулахъ, отъ чего глаза казались блестящѣе. Онъ оглядѣлъ избу. Она была какъ и всегда и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней было что-то необычное. Быть можетъ, она даже и казалась необычной отъ того, что все еще въ ней оставалось попрежнему, а потому не гармонировало съ новой атмосферой, воцарившейся въ ней, не гармонировало съ отголосками ихъ послѣдняго свиданія и непріятно подчеркивало происшедшую перемѣну. Въ ней все еще стояли четыре кровати его товарищей и каждая еще носила отпечатокъ личности своего бывшаго владѣльца съ безмолвнымъ постоянствомъ, отъ котораго ихъ измѣна казалась еще ужаснѣе. Въ потухшей золѣ изъ трубки Судьи, разсыпанной на его изголовьи, все еще какъ бы хранился ея прежній огонь. Изсѣченные и изрѣзанные углы кровати Лѣвой Стороны гласили о протекшихъ въ сладкой лѣни дняхъ; а дырки, пробитыя пулями вокругъ вѣнца одного изъ стропилъ, повѣствовали объ искусствѣ и любимомъ времяпрепровожденіи Правой Стороны. Гравюры, съ изображеніемъ женскихъ головъ, висѣвшія надъ каждой кроватью, напоминали объ ихъ прошедшихъ привязанностяхъ и всѣ служили нѣмымъ протестомъ противъ происшедшей перемѣны.

Онъ припомнилъ, какъ, оставшись сиротой, безъ отца и матери, и еще не выйдя изъ отроческихъ лѣтъ, онъ присоединился къ ихъ бродяжнической, кочующей жизни и сталъ однимъ изъ членовъ этой цыганской семьи; какъ въ его дѣтской фантазіи она стала на мѣсто родныхъ и близкихъ; какъ затѣмъ изъ ихъ баловня и «protegé», онъ постепенно и безсознательно выросъ въ человѣка, и принялъ на свои юношескія плечи все бремя и всю отвѣтственность этой жизни, которая сначала поразила его только своей поэтической стороной. Онъ искренно и всей душой увѣровалъ, что онъ—неофитъ въ ихъ прелестномъ и лѣнивомъ вѣроисповѣданіи и они поощряли его въ этихъ мысляхъ; а теперь ихъ отреченіе отъ этой религіи могло послужить только извиненіемъ и для его отреченія. Но онъ слишкомъ сжился съ поэзіей, которая цѣлыхъ два года окутывала для него матеріальныя и даже подчасъ низкія подробности ихъ существованія, чтобы легко разстаться съ ней. Урокъ, данный этими нечаянными моралистами, пропалъ даромъ, какъ всѣ подобные уроки. Ихъ суровость раздражаетъ, а не покоряетъ. Негодованіе, возбужденное чувствомъ обиды, горѣло на его щекахъ и въ глазахъ. Отъ того, что оно въ немъ пробудилось не сразу и онъ былъ сначала какъ бы парализированъ стыдомъ и гордостью—теперь оно забушевало только сильнѣе.

Я надѣюсь, что не поврежу моему герою во мнѣніи читателей, если, по обязанности хроникера, отмѣчу, что второй твердой мыслью этого кроткаго поэта было сжечь избу со всѣмъ, что въ ней находилось. Это смѣнилось не менѣе кроткимъ желаніемъ дождаться возвращенія партіи, вызвать на дуэль Правую Сторону, на смертную дуэль, и, быть можетъ, стать ея жертвой, и поразить противника словами, сказанными «in extremis»: «кажется, что намъ двоимъ тѣсно на свѣтѣ; какъ бы то ни было, теперь дѣло улажено. Прощайте!»

Но смутно припоминая, что нѣчто въ этомъ родѣ было въ послѣднемъ прочитанномъ ими вмѣстѣ романѣ, и опасаясь, что его противникъ узнаетъ эту цитату, или, хуже того, самъ къ ней прибѣгнетъ, онъ отбросилъ и эту идею. Кромѣ того, случай для апоѳеоза самопожертвованія уже былъ упущенъ. Теперь оставалось только отказаться отъ пріиска и избы, которыми его хотѣли подкупить, и письмомъ конечно, такъ какъ ему не слѣдуетъ дожидаться ихъ возвращенія. Онъ оторвалъ листокъ отъ грязнаго дневника, давно заброшеннаго, и попробовалъ писать. Листокъ за листкомъ разрывался, пока его бѣшенство не улеглось. Но слова: «М-ръ Джонъ Фордъ проситъ своихъ компаньоновъ извинить его за отказъ принять отъ нихъ въ подарокъ домъ съ мебелью»,— показались ему слишкомъ неподходящими къ боченку изъ-подъ свинины, на которомъ онъ написалъ ихъ. Болѣе краснорѣчиво выраженный отказъ отъ ихъ подарка показался нелѣпымъ и глупымъ, благодаря каррикатурѣ, нарисованной Союзной Мельницей какъ разъ на оборотѣ того листа, на которомъ онъ писалъ, а спокойное изложеніе мыслей и чувствъ, оказалось немыслимымъ при взглядѣ на припѣвъ народной пѣсенки, подписанной подъ каррикатурой и гласившей:—О! развѣ ты не радъ, что выбрался изъ пустыни.—Зачеркнуть эти слова нельзя было, а они казались ироническимъ постскриптумомъ къ его настоящему объясненію. Онъ отбросилъ перо и швырнулъ въ потухшую золу очага листокъ, напоминавшій о прошлыхъ шалостяхъ.

Какъ все было спокойно вокругъ! Вмѣстѣ съ дождемъ прекратился и вѣтеръ и въ открытую дверь не доносилось ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка. Онъ вышелъ на порогъ и сталъ глядѣть въ пространство. Въ то время, какъ онъ такъ стоялъ, до него донесся какой-то отдаленный и едва слышный гулъ, быть можетъ, отголосокъ взрыва въ дальнихъ горахъ, послѣ котораго окружающая тишина стала ощутительнѣе и тоскливѣе. Когда онъ вернулся въ избу, въ ней какъ будто произошла какая-то перемѣна. Она показалась ему ветхой и полуразрушившейся. Какъ

будто цѣлые годы одиночества и тоски пронеслись надъ нею. Отъ ея стѣнъ и стропилъ вѣяло сыростью могилы. Его расходившейся фантазіи представилось, что та немногая утварь и кое-какое платье, какія въ ней еще оставались, распадаются въ прахъ. Хламъ, наваленный на одной изъ постелей, принялъ въ его глазахъ безобразное сходство съ высохшей муміей. Такою могла показаться избушка какому-нибудь захожему человѣку, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ! Но его и теперь охватилъ страхъ одиночества въ этой пустынѣ, страхъ грядущаго ряда дней, когда монотонные лучи солнца будутъ озарять эти голыя стѣны, а долгіе, долгіе дни съ вѣчно голубымъ и безоблачнымъ небомъ, раскинутымъ надъ головой, лѣтніе, скучные, томительные дни будутъ неизмѣнно чередоваться одинъ за другимъ. Онъ поспѣшно собралъ немногія вещи, принадлежавшія лично ему, а не артели, случайно или отъ того, что послѣдней онѣ не были нужны, а потому и были предоставлены въ его полное распоряженіе. Съ минуту онъ колебался: брать ли ему свое ружье; но щекотливое чувство оскорбленной гордости заставило его отвернуться и оставить стараго друга, который такъ часто во время безденежья доставлялъ обѣдъ или завтракъ маленькой компаніи. Истина обязываетъ меня сказать, что экипировка его была не сложна и не особенно практична. Скудный багажъ былъ слишкомъ легокъ даже для его юныхъ плечъ, но мнѣ кажется, что онъ гораздо болѣе заботился о томъ, чтобы уйти отъ прошлаго, нежели обезпечить будущее.

Съ этимъ неопредѣленнымъ и единственнымъ намѣреніемъ вышелъ онъ изъ избы и почти машинально направился на перекрестокъ, черезъ который проходилъ сегодня поутру. Онъ зналъ, что въ этомъ мѣстѣ не рискуетъ встрѣтиться съ товарищами. Дорога тамъ неровная и трудная и кромѣ хорошаго моціона, въ которомъ онъ нуждался, чтобы унять свое волненіе, онъ успѣетъ обдумать свое положеніе. Онъ рѣшилъ, что оставитъ пріискъ, но когда—самъ еще не зналъ. Онъ дошелъ до перекрестка, на которомъ стоялъ два часа тому назадъ; ему казалось теперь, что съ тѣхъ поръ прошло два года. Онъ съ любопытствомъ поглядѣлъ на свое изображеніе, отражавшееся въ одной изъ большихъ лужъ, стоявшихъ на перекресткѣ и ему показалось, что онъ постарѣлъ. Онъ остановился и сталъ слѣдить за пѣнистыми волнами безпокойной рѣчки, спѣшившей впередъ, чтобы потеряться въ желтыхъ водахъ Сакраменто. Не смотря на свою озабоченность, онъ все-таки былъ пораженъ сходствомъ между

собой и своими товарищами и этой рѣченкой, выступившей изъ своихъ мирныхъ береговъ.

Странный гулъ, который онъ слышалъ передъ тѣмъ, явственнѣе доносился до него на открытомъ воздухѣ. Два-три облака, лѣниво плывшія на западъ, отправлялись вмѣстѣ съ солнцемъ на покой. Вдоль всего горизонта сверкала золотистая полоса воды, омывавшей холодныя снѣжныя вершины и какъ бы силившейся потопить восходящій мѣсяцъ. Но по какой-то особенности въ условіяхъ атмосферы, Лонстарская гора всего ярче горѣла въ лучахъ великолѣпнаго солнечнаго заката. Этотъ изолированный пикъ—межевая граница ихъ пріиска, угрюмый свидѣтель ихъ безумія, преображенный въ вечернемъ сіяніи, ярко свѣтился, долго спустя послѣ того какъ все небо кругомъ уже потухло, и когда, наконецъ, медленно взошедшая луна задула солнечные огни въ извилистыхъ долинахъ и равнинахъ, и посеребрила лѣсистые бока оврага,—на Лонстарской горѣ солнце какъ бы забыло свою корону.

Глаза молодого человѣка были устремлены на гору не ради одной только ея живописности. Она была любимой почвой его изслѣдованій; ея наиболѣе покатая сторона была изрыта въ былые дни восторженныхъ надеждъ гидравлической машиной и пробита шахтами. Ея центральное положеніе въ пріискѣ и высота позволяли видѣть всю окрестность, и это-то обстоятельство занимало его въ настоящую минуту. Онъ зналъ, что съ ея вершины ему можно будетъ увидѣть фигуры своихъ товарищей, когда они будутъ переходить черезъ долину при лунномъ освѣщеніи. Такимъ образомъ онъ могъ избѣжать встрѣчи съ ними и вмѣстѣ съ тѣмъ взглянуть на нихъ въ послѣдній разъ. Какъ ни былъ онъ сердитъ на нихъ, а ему хотѣлось этого.

Подъемъ на гору былъ труденъ, но привыченъ. Вдоль всего пути его провожали воспоминанія былого и какъ будто заглушали своимъ ароматомъ запахъ пряныхъ листьевъ и травъ, смоченныхъ дождемъ и раздавливаемыхъ его ногами. Вотъ рощица, гдѣ они часто завтракали въ полдень; вотъ скала, возлѣ ихъ дѣвственной шахты, гдѣ они весело пировали въ дѣтской надеждѣ на успѣхъ, а вотъ и первый флагъ, для котораго великодушно пожертвовали красной рубашкой, и водрузили его на высотѣ, чтобы имъ можно было любоваться снизу. Когда онъ достигъ наконецъ вершины, таинственный гулъ все еще стоялъ въ воздухѣ, словно выражалъ симпатію или поощреніе его экспедиціи. На западѣ долина была еще освѣщена закатомъ, но онъ не увидѣлъ движущихся фигуръ. Онъ повернулся въ сторону луны и

медленно пошелъ къ восточной окраинѣ горы. Но вдругъ онъ остановился. Еще шагъ и онъ погибъ бы! Онъ очутился внезапно на краю пропасти. На восточной сторонѣ горы произошелъ обвалъ и худыя ребра и обнаженныя кости Лонстарской горы обозначались явственно при лунномъ свѣтѣ. Онъ понялъ теперь, что означалъ странный гулъ, слышанный имъ!

Хотя онъ при первомъ же взглядѣ удостовѣрился, что обвалъ произошелъ на мало посѣщаемой сторонѣ горы, надъ неприступной балкой, а размышленія говорили ему, что товарищи не могли дойти до того мѣста, гдѣ онъ произошелъ, однако какое-то лихорадочное побужденіе заставило его спуститься на нѣсколько шаговъ по пути обвала. Частые выпуклости и уступы сдѣлали это сравнительно легкимъ. Онъ сталъ громко кликать ихъ. Но слабое эхо его собственнаго голоса одно отвѣтило ему и показалось глупой и дерзкой попыткой нарушить торжественную и многозначительную тишину, царившую кругомъ. Онъ опять сталъ взбираться вверхъ по горѣ. Истресканный бокъ ея лежалъ передъ нимъ, ярко освѣщенный луной. Его расходившейся фантазіи представилось, что изъ скалистыхъ трещинъ сверкаютъ десятки яркихъ звѣздочекъ. Охвативъ рукой уступъ надъ своей головой, онъ искалъ точки опоры въ томъ, что ему казалось твердой скалой. Скала слегка подалась. Когда онъ добрался до ея уровня, сердце въ немъ упало. Это былъ просто-на-просто обломокъ, лежавшій на краю ската и державшійся только собственной тяжестью. Онъ ощупалъ его дрожащими пальцами; приставшая земля обвалилась съ его боковъ и гладкая поверхность засверкала при лунномъ свѣтѣ.

То былъ самородокъ золота! Припоминая впослѣдствіи этотъ моментъ, онъ ясно помнилъ, что не былъ ни пораженъ, ни удивленъ. Онъ не видѣлъ въ этомъ открытія, или случайности, удачи, или каприза фортуны. Онъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло. Природа пришла на помощь жалкимъ усиліямъ компаніи. То, чего не смогли ихъ слабыя орудія въ борьбѣ съ почвой, скрывавшей сокровище, то стихіи произвели болѣе могучими, но и болѣе терпѣливыми силами. Медленное подтачиваніе зимнихъ дождей отдѣлило землю отъ золотоносной руды какъ разъ въ то время, какъ вздувшаяся рѣка уносила ихъ безсильныя и сломанныя машины въ море. Что за дѣло, что простыми руками ему не унести найденнаго имъ клада! не бѣда, если для того, чтобы овладѣть этими блестящими звѣздами, потребуется все-таки искусство и терпѣніе! Дѣло сдѣлано; цѣль достигнута! Даже его дѣтское нетерпѣніе могло удовлетвориться тѣмъ, что̀ онъ видѣлъ.

Онъ медленно всталъ на ноги, снялъ заступъ со спины и воткнулъ его въ разщелину и потихоньку добрался до вершины.

Все это было его! Оно принадлежало ему по праву открытія, по законамъ страны, а не по ихъ милости. Онъ припомнилъ даже тотъ фактъ, что *онъ* первый, осмотрѣвъ гору, предположилъ существованіе въ ней золотоносной руды и предложилъ примѣнить гидравлическую машину. *Онъ* никогда не отказывался отъ этого мнѣнія, не смотря на всѣ сомнѣнія остальныхъ. Онъ съ торжествомъ остановился на этой мысли и почти невольно съ тріумфомъ поглядѣлъ на долину, разстилавшуюся подъ его ногами. Но долина мирно спала, озаренная луннымъ сіяніемъ и въ ней не замѣтно было ни жизни, ни движенія. Онъ поглядѣлъ на звѣзды: до полуночи было еще далеко. Его товарищи, вѣроятно, давнымъ давно вернулись назадъ въ избу, чтобы приготовиться къ отъѣзду; быть можетъ, они говорятъ о немъ, смѣются надъ нимъ или, хуже того, сожалѣютъ о немъ и его судьбѣ. А между тѣмъ, вотъ она, его судьба! Смѣхъ, вырвавшійся у него, поразилъ его самого, до того онъ звучалъ жестко и непріятно, совсѣмъ въ разрѣзъ, какъ ему показалось, съ тѣмъ, что онъ *думалъ* въ дѣйствительности. Но *что же такое* онъ думалъ?

Ничего низкаго или мстительнаго. Нѣтъ, *этого* они никогда не скажутъ. Когда онъ добудетъ все золото, лежащее на поверхности, и устроитъ правильное добываніе золотоносной руды, онъ пошлетъ каждому изъ нихъ по тысячѣ долларовъ. Само собой разумѣется, если они будутъ больны или бѣдны, онъ дастъ имъ больше. Первымъ его дѣломъ будетъ послать имъ всѣмъ по прекрасному ружью и попросить взамѣнъ прежнее, старое. Припоминая впослѣдствіи этотъ моментъ, онъ дивился, что за этимъ исключеніемъ, не дѣлалъ никакихъ плановъ на счетъ своего будущаго или того, какъ онъ распорядится новопріобрѣтеннымъ богатствомъ. Это было тѣмъ болѣе странно, что у пятерыхъ компаньоновъ было въ обычаѣ, по ночамъ, во время безсонницы, вслухъ разсуждать о томъ, что каждый изъ нихъ сдѣлаетъ, когда они разбогатѣютъ. Онъ вспомнилъ, какъ они, подобно Альнаскару, разъ чуть было не поссорились изъ-за того, какъ слѣдуетъ употребить сто тысячъ долларовъ, которыхъ у нихъ не было, да и въ будущемъ не предвидѣлось. Онъ припомнилъ, что Союзная Мельница всегда начиналъ свою карьеру миссіонера «знатнымъ обѣдомъ» у Дельмонико [1]); что Правая Сторона объявилъ, что первымъ его дѣломъ будетъ отправиться на родину

[1]) Лучшій ресторанъ въ Нью-Іоркѣ.

«повидаться съ матерью»; что Лѣвая Сторона собирался озолотить родителей своей возлюбленной (замѣтимъ, кстати, что родители и возлюбленная были такая же гипотеза, какъ и богатство!), а Судья намѣревался открыть свои дѣйствія, какъ капиталиста, взорвавъ карточный банкъ въ Сакраменто. Онъ самъ былъ не менѣе краснорѣчивъ въ безумныхъ бредняхъ въ дни безденежья, онъ, который теперь холодно и безстрастно смотрѣлъ на самую безумную дѣйствительность.

Какъ все могло бы быть иначе! Еслибы только они подождали одинъ лишній день! Если бы только они по дружески сообщили ему о своемъ намѣреніи, и разстались съ нимъ какъ пріятели. Какъ давно онъ понесся бы уже имъ на встрѣчу съ радостной вѣстью! Какъ бы они на радостяхъ заплясали, запѣли, посмѣялись надъ своими врагами и съ тріумфомъ водрузили флагъ на вершинѣ Лонстарской горы! Какъ бы они увѣнчали его, Старика, героя лагеря! Какъ бы онъ разсказалъ имъ всю исторію: какъ какой-то странный инстинктъ помѣшалъ ему подняться на вершину и какъ еслибы онъ поднялся, то полетѣлъ бы въ оврагъ! И какъ... но что если кто-нибудь другой—Союзная Мельница или Судья—раньше его открыли сокровище? Вѣдь они способны утаить это отъ него и эгоистически забрать все себѣ... А ты самъ что дѣлаешь?

Горячая кровь хлынула къ его щекамъ, точно чей-то чужой голосъ проговорилъ эти слова надъ его ухомъ. Нѣсколько секундъ ему не вѣрилось, что его собственныя блѣдныя губы выговарили ихъ. Онъ всталъ на ноги, весь дрожа отъ стыда, и поспѣшно принялся спускаться съ горы.

Онъ пойдетъ къ нимъ, разскажетъ имъ о своей находкѣ и, получивъ отъ нихъ свою долю, разстанется съ ними навсегда. Это единственная вещь, которую онъ можетъ сдѣлать... какъ странно, что онъ сразу объ этомъ не подумалъ. Да, тяжело было, очень тяжело и непріятно, что онъ вынужденъ снова встрѣтиться съ ними. Чѣмъ онъ заслужилъ такое униженіе? На минуту онъ просто возненавидѣлъ этотъ подлый кладъ, который навѣки заслонилъ собой и связанной съ нимъ крупной отвѣтственностью веселое, безпечное прошедшее и въ конецъ убилъ поэзію ихъ прежней лѣнивой и счастливой жизни.

Онъ былъ увѣренъ, что найдетъ ихъ на перекресткѣ, дожидающимися проѣзда почтовой кареты. Разстоянія до того мѣста около трехъ миль и онъ поспѣетъ во-время, если поторопится.

Быть можетъ, они подумаютъ въ первую минуту, что онъ оказался настолько малодушнымъ, что рѣшилъ послѣдовать за

ними. Нужды нѣтъ! Онъ крѣпко закусилъ губы, чтобы удержать слезы, глупо навертывавшіяся на глаза, но продолжалъ торопливо идти впередъ.

Онъ не видѣлъ великолѣпной ночи, распростершейся надъ темными холмами и закутавшейся въ серебристый туманъ, какъ бы стыдясь собственной красоты! Тамъ и сямъ мѣсяцъ заглядывалъ своимъ спокойнымъ лицомъ въ озера и пруды и цѣловалъ ихъ на прощанье. Вся равнина казалась объята непробуднымъ сномъ. Мало-по-малу онъ самъ какъ бы сливался съ этой таинственной ночью. Онъ становился такимъ же безмятежнымъ, спокойнымъ, безстрастнымъ, какъ и она сама.

Но что это такое? выстрѣлъ со стороны избы! но такой слабый, такой невнятный среди царствовавшаго кругомъ необъятнаго безмолвія, что онъ подумалъ бы, что ему только почудилось, еслибы не странное, инстинктивное потрясеніе его разстроенныхъ нервовъ! Что это случай или намѣренный сигналъ ему? Онъ остановился; но выстрѣлъ не повторился. Мертвая тишина продолжала царить, но теперь въ ней было что-то грозное. Внезапная и страшная мысль загорѣлась въ его умѣ. Онъ бросилъ свой багажъ и все, что могло стѣснять его, и какъ стрѣла понесся въ направленіи выстрѣла.

II.

Сборы въ путь разстроившейся компаніи Лонстарскаго пріиска были не изъ числа внушительныхъ. Въ первыя пять минутъ по выходѣ изъ избы, компаньоны были какіе-то растерянные и смущенные. Нѣкоторые усиленно хромали, другіе пытались что-то напѣвать. Союзная Мельница ковылялъ и насвистывалъ съ притворной разсѣянностью. Судья свисталъ и прихрамывалъ съ напускной серьезностью. Правая Сторона велъ партію, точно у него былъ какой-то опредѣленный маршрутъ, Лѣвая Сторона слѣдовалъ за нимъ, засунувъ руки въ карманы. Обѣ слабѣйшія натуры, въ безотчетной симпатіи, тѣснились другъ къ другу, смутно ожидая поддержки другъ отъ друга.

— Видите ли, что я вамъ скажу, — внезапно проговорилъ Судья, точно завершая торжествующимъ аргументомъ предшествовавшій споръ,—для молодого человѣка нѣтъ лучшей школы, какъ независимость. Природа, такъ сказать, указываетъ ему пути. Посмотрите на животныхъ.

— Здѣсь неподалеку есть скунксъ,—сказалъ Союзная Мель-

ница, который претендовалъ на аристократически тонкое обоняніе.—Ужъ такое мнѣ счастіе, вѣчно нападать на ихъ слѣдъ. Я право не вижу, какая нужда шляться по пріиску, когда мы разсчитываемъ оставить его нынѣшней ночью.

Союзная Мельница и Судья подождали, какое мнѣніе выскажутъ на этотъ счетъ Правая и Лѣвая Стороны, но такъ какъ тѣ ничего не сказали, то Судья постыдно отрекся отъ своего товарища.

— Нельзя же намъ было торчать на глазахъ у Старика; слѣдовало же предоставить ему освоиться съ этой мыслью наединѣ съ самимъ собой! Я видѣлъ, что онъ вникаетъ въ нее... вникаетъ медленно, но постепенно и охотно... а потому и счелъ за лучшее для насъ уйти и дать ему поразмыслить на досугѣ.

Судья слегка возвысилъ голосъ, чтобы его могли слышать шедшіе впереди.

— Не говорилъ ли онъ,—замѣтилъ Правая Сторона, внезапно останавливаясь и оборотившись къ остальнымъ,—не говорилъ ли онъ, что новый торговецъ обѣщалъ снабдить его провіантомъ.

Союзная Мельница обратился къ Судьѣ, такъ, что этотъ джентльменъ вынужденъ былъ отвѣчать.

— Да, я отчетливо помню, что онъ это говорилъ. Это самое обстоятельство всего болѣе заинтересовало меня въ его разсказѣ,—продолжалъ Судья съ такимъ видомъ, какъ будто бы самъ устроилъ соглашеніе съ новымъ торговцемъ.—Я помню, что послѣ этого совсѣмъ успокоился на его счетъ.

— Но не говорилъ ли онъ также,—спросилъ въ свою очередь Лѣвая Сторона, также останавливаясь,—что за это требуется, чтобы мы выполнили какую-то работу въ Карріерѣ?

Судья обратился за поддержкой къ Союзной Мельницѣ, но тотъ, подъ мнимымъ предлогомъ, что предстоитъ длинная конференція, разсѣлся на пнѣ. Судья тоже сѣлъ и заикаясь отвѣчалъ:

— Да, конечно! Мы или онъ.

— Мы или онъ,—повторилъ Правая Сторона съ мрачной ироніей.—А ты, кажется воображаешь, что мы уже сдѣлали эту работу? Ты положительно убиваешь себя такой непрерывной, утомительной и непокладной работой, скажу я тебѣ.

— Мнѣ кажется, я слышалъ также, будто кто-то говорилъ, что съ такой работой китаецъ шутя справится въ три дня,—вмѣшался Лѣвая Сторона съ неменьшей ироніей.

— Она послужитъ развлеченіемъ для Старика,—замѣтилъ

вяло Союзная Мельница:—ему легче будетъ привыкнуть къ одиночеству.

Никто не отвѣтилъ на послѣднее замѣчаніе, и Союзная Мельница комфортабельнѣе протянулъ свои ноги и вынулъ изъ кармана трубку. Не успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ Правая Сторона, внезапно засвиставъ, направился къ перекрестку. Лѣвая Сторона, немного подождавъ, послѣдовалъ за нимъ ни слова не говоря. Судья благоразумно рѣшилъ, что лучше присоединиться къ сильнѣйшей партіи, вяло пошелъ за ними, предоставивъ Союзной Мельницѣ лѣниво ковылять въ арьергардѣ.

Эта перемѣна въ маршрутѣ удалила ихъ отъ Лонстарской горы и привела къ рѣчкѣ—базису ихъ прежнихъ, безплодныхъ операцій. Здѣсь начинался тотъ знаменитый Карріеръ, который одной стороной примыкалъ къ пріиску новаго торговца, а другою уходилъ въ болотистую трясину. Онъ былъ заваленъ обломками; тоненькій, желтый ручеекъ, протекавшій здѣсь тоже, повидимому, собирался вмѣстѣ съ ними прекратить работу и совершить болотистую ликвидацію.

Компаньоны почти не разговаривали во время своего кратковременнаго путешествія и не получили никакихъ объясненій отъ Правой Стороны, который велъ ихъ, и только молча слѣдовали за нимъ. Дойдя до Карріера онъ, ни слова не говоря, принялся расчищать его отъ всякаго мусора. Воодушевленные зрѣлищемъ, которое можно было принять за новую и вполнѣ безполезную забаву, компаньоны весело послѣдовали его примѣру. Судья позабылъ про свою хромоту и перепрыгнулъ черезъ сломанный шлюзъ; Союзная Мельница принялся напѣвать пѣсенку китайскаго кули. Однако, минутъ черезъ десять такого упражненія, оно имъ уже надоѣло, и Союзная Мельница уже началъ потирать свою ногу, какъ вдругъ отдаленный взрывъ поколебалъ почву. Компаньоны переглянулись; диверсія была полная. Послѣдовалъ вялый споръ о томъ: было ли то землетрясеніе или пороховой взрывъ, среди котораго Правая Сторона, работавшій нѣсколько впереди другихъ, испустилъ крикъ тревоги и выскочилъ изъ Карріера. Не успѣли компаніоны послѣдовать его примѣру, какъ внезапный и необъяснимый напоръ воды въ рѣчкѣ произвелъ разливъ въ самомъ Карріерѣ. Въ одно мгновеніе засоренный Карріеръ былъ расчищенъ и всякіе обломки и весь мусоръ унесенъ былъ рѣчкой, снова вступившей въ свои прежніе берега. Быстро сообразивъ всю выгоду такого феномена, облегчившаго ихъ трудъ, Лонстарскіе компаньоны поскакали въ воду и толкая и высвобождая разные обломки, довершили его дѣло.

— Какъ жаль, что теперь нѣтъ здѣсь съ нами Старика,— сказалъ Лѣвая Сторона: —вотъ какъ разъ одно изъ тѣхъ проявленій поэтической справедливости, съ которой онъ такъ всегда носится. Легко понять, что̀ случилось. Кто-нибудь изъ мелкихъ владѣльцевъ Эксельсіорскаго пріиска произвелъ пороховой взрывъ на берегахъ рѣчки. Онъ ее завалилъ повыше насъ и она хлынула обратно, разлилась по нашему Карріеру и очистила его. Вотъ что я называю поэтической наградой за трудъ.

— А кто совѣтовалъ намъ запрудить рѣчку повыше Карріера и заставить ее сдѣлать какъ разъ это самое?—спросилъ Правая Сторона угрюмо.

— Это, кажется мнѣ, была одна изъ идей Старика,—съ сомнѣніемъ отвѣчалъ Лѣвая Сторона.

— А вы помните,—съ оживленіемъ вмѣшался Судья,—что я всегда говорилъ:—не спѣши, не спѣши, только потерпи и само сдѣлается. И вотъ,—прибавилъ онъ съ тріумфомъ,—оно само и сдѣлалось. Я не для похвальбы это говорю, но я разсчитывалъ, что Эксельсіорскіе молодцы настолько глупы, чтобы сдѣлать этотъ трудъ за насъ.

— А что̀ если мнѣ извѣстно, что Эксельсіорскіе молодцы не взрывали пороха сегодня? —спросилъ Правая Сторона саркастически.

Такъ какъ Судья очевидно основалъ свою гипотезу на предполагаемомъ фактѣ порохового взрыва, то хитро обошелъ этотъ пунктъ.

— Я не говорю,—замѣтилъ онъ,—чтобы Старикъ вовсе ничего не смыслилъ. Совсѣмъ нѣтъ; ему недостаетъ только житейскаго опыта. Онъ очень развился за послѣднее время, но только у него есть эта манера фантазировать, такъ что иной разъ не поймешь: шутитъ онъ или говоритъ серьезно. Развѣ неправда?— воззвалъ онъ къ Союзной Мельницѣ.

Но этотъ джентльменъ, наблюдавшій мрачное лицо Правой Стороны, предпочелъ попасть, какъ ему казалось, въ тонъ этого послѣдняго.

— Не въ томъ дѣло,—добродѣтельно заявилъ онъ:—мы вовсе не намѣрены попрекать его этимъ. Мы не затѣмъ взялись сегодня за трудъ китайца. Нѣтъ, сэръ! Мы хотимъ показать ему, какъ ему слѣдуетъ управлять своимъ кораблемъ.

Не встрѣтивъ симпатическаго отвѣта, котораго онъ искалъ въ лицѣ Правой Стороны, онъ обратился къ Лѣвой.

— Мнѣ кажется, что мы показали ему, что въ нашемъ

кораблѣ для него слишкомъ тѣсно,—былъ неожиданный отвѣтъ Лѣвой Стороны.

Правая быстро и исподлобья взглянулъ на своего брата. Послѣдній, засунувъ руки въ карманы, разсѣянно глядѣлъ на бѣгущую воду и затѣмъ спокойно пошелъ прочь. Правая Сторона послѣдовалъ за нимъ.

— Ты хочешь, кажется, отстать отъ насъ?

— А ты?—спросилъ тотъ.

— Нѣтъ!

— Ну такъ и я нѣтъ, — отвѣчалъ спокойно Лѣвая Сторона.

Старшій братъ колебался и былъ не то смущенъ, не то раздосадованъ.

— Что же въ такомъ случаѣ ты хотѣлъ сказать своимъ замѣчаніемъ о кораблѣ?

— Развѣ я сказалъ неправду?—возразилъ тотъ равнодушно.

Сраженный такимъ практическимъ выраженіемъ его собственыхъ невысказанныхъ добрыхъ намѣреній, Правая Сторона умолкъ.

— Что касается Старика,—началъ опять Судья съ характеристичной бестактностью,—то я полагаю, что ему будетъ скучно безъ насъ. Мы всѣ баловали и забавляли его послѣ работы и ему трудно будетъ отвыкать отъ такого баловства. Помните, братцы, тотъ вечеръ, какъ мы поднесли ему маленькій самородокъ, купленный нами, и увѣрили, что нашли его на берегу рѣчки, какъ онъ вдругъ сразу такъ зазнался, что хотѣлъ сейчасъ же бѣжать платить всѣ наши долги?

— А въ тотъ-то разъ, когда я притащилъ въ избу цѣлую корзину желѣзнаго колчедана и чернаго песку,—вмѣшался Союзная Мельница, продолжая воспоминанія прошлаго, — я думалъ, что его большіе сѣрые буркалы такъ и выпрыгнутъ вонъ. Ну, чтожъ, пріятно теперь думать, что мы были внимательны къ этому мальчику даже въ мелочахъ.

Онъ обратился-было за подтвержденіемъ такого ихъ всеобщаго безкорыстія къ Правой Сторонѣ, но тотъ пустился впередъ съ непріятнымъ сознаніемъ, что за нимъ по пятамъ, подобно нечистой совѣсти, хотя и лѣниво, гонится Лѣвая Сторона. Благодаря этой эволюціи Союзная Мельница и Судья снова очутились въ аріергардѣ въ то время какъ вся процессія медленно направилась къ дому.

Ночь наступила. Ихъ путь лежалъ вдоль тѣни, бросаемой Лонстарской Горой, которая тамъ и сямъ усиливалась неболь-

шими рощицами, высившимися у ея подошвы. Тѣнь стала еще сгущаться, по мѣрѣ того, какъ мѣсяцъ поднимался въ небѣ, озаряя остальную часть долины, какъ вдругъ Правая Сторона остановился у одной изъ рощъ. Лѣвая добрелъ до него и тоже остановился. Затѣмъ подошли и остальные и группа оказалась въ полной наличности.

— Въ избѣ не видно свѣта,—сказалъ Правая Сторона тихимъ голосомъ, не то самому себѣ, не то въ отвѣтъ на ихъ вопросительныя позы. Взгляды всѣхъ обратились въ ту сторону, куда онъ показывалъ пальцемъ. Въ дали темныя очертанія Лонстарской хижины ясно виднѣлись на освѣщенномъ луной пространствѣ. Оба окна ея свѣтились внѣшнимъ, безжизненнымъ луннымъ сіяніемъ и какъ будто отражали ея внутреннюю пустоту, —пустоту, лишенную свѣта, тепла и движенія.

— Это странно,—произнесъ Судья испуганнымъ шопотомъ.

Лѣвая сторона простой перемѣной въ положеніи своихъ рукъ, засунутыхъ въ карманы штановъ, ухитрился выразить, что отлично знаетъ смыслъ всего этого, всегда его зналъ, но, что предоставивъ все, такъ сказать, на волю Провидѣнія, онъ теперь умываетъ во всемъ руки. Вотъ что по крайней мѣрѣ прочиталъ въ его позѣ старшій братъ. Но тревога брала въ настоящую минуту верхъ надо всѣмъ у Правой Стороны, равно какъ нѣкоторое суевѣрное угрызеніе совѣсти у двухъ остальныхъ, и не обращая вниманія на циническое поведеніе Лѣвой Стороны, всѣ трое поспѣшно направились къ избѣ.

Они молча дошли до нея, въ то время какъ мѣсяцъ, теперь уже высоко стоявшій въ небѣ, казалось, облекалъ ее нѣжной граціей и тихимъ покоемъ могилы. Съ такимъ, по крайней мѣрѣ, чувствомъ Правая Сторона тихонько отворилъ дверь, и съ такимъ же чувствомъ страха остальные двое остановились на порогѣ, пока Правая Сторона, тщетно попытавшись оживить потухшій огонь въ очагѣ, зажегъ наконецъ спичку и засвѣтилъ ихъ единственную свѣчу. Ея колеблющееся пламя озарило знакомую обстановку избы, въ которой была только одна перемѣна. Кровать, которую занималъ Старикъ, была обнажена; простыни и одѣяло были сняты; немногія дешевыя фотографіи, красовавшіяся надъ ней, тоже исчезли. Маленькій ранецъ, чашка и кофейникъ, висѣвшій у кровати, тоже исчезли. Самый негодующій протестъ, самое патетическое изъ писемъ, сочиненныхъ и забракованныхъ имъ и разорванные клочки которыхъ все еще покрывали полъ, не могли бы быть краснорѣчивѣе этого пустого пространства! Компаньоны не сказали ни слова другъ другу; безлюдіе избы

вмѣсто того, чтобы тѣснѣе ихъ сблизить, какъ будто бы разъобщало ихъ въ себялюбивомъ недовѣріи другъ къ другу. Даже легкомысленная болтливость Союзной Мельницы и Судьи была подавлена. Минуту спустя, когда Лѣвая Сторона вошелъ въ избу, его присутствіе почти не было замѣчено.

Молчаніе было прервано радостнымъ восклицаніемъ Судьи. Онъ открылъ въ углу ружье Старика, гдѣ остальные его не замѣтили.

— Джентльмены! онъ не совсѣмъ ушелъ, вотъ его ружье,— заговорилъ онъ съ лихорадочнымъ оживленіемъ и самымъ высокимъ фальцетомъ.—Онъ бы не оставилъ своего ружья. О! нѣтъ! Я сразу это понялъ. Онъ вышелъ за чѣмъ-нибудь, принести дровъ или воды. Нѣтъ, сэръ! Когда я шелъ сюда, я говорилъ это Союзной Мельницѣ, не правда ли? Бьюсь объ закладъ, что Старикъ не далеко, если даже его нѣтъ въ избѣ. И въ тотъ самый моментъ, какъ я занесъ ногу на порогъ...

— А я говорилъ, идя сюда,—перебилъ Союзная Мельница, къ которому тоже вернулась прежняя болтливость,— увидишь, если онъ не бродитъ тутъ гдѣ-нибудь по близости, чтобы сдѣлать намъ сюрпризъ. Такъ-то!

— Онъ совсѣмъ ушелъ и нарочно оставилъ ружье здѣсь,— сказалъ Лѣвая Сторона, беря чуть не съ нѣжностью ружье въ руки.

— Оставь ружье!

Голосъ былъ его брата, но измѣненный гнѣвомъ. Оба другихъ компаньона инстинктивно отступили въ страхѣ.

— Я не оставлю его, чтобы имъ завладѣлъ первый встрѣчный,—спокойно отвѣчалъ Лѣвая Сторона,—это не резонъ, хотя мы и глупо вели себя, да и онъ тоже. Это ружье слишкомъ хорошо, чтобы его бросать.

— Оставь его, говорю тебѣ! — закричалъ Правая Сторона, съ дикимъ прыжкомъ въ его сторону.

Младшій братъ взвелъ курокъ съ помертвѣвшимъ лицомъ, но рѣшительнымъ взглядомъ.

— Стой!—сдержанно произнесъ онъ.—Не привязывайся ко *мнѣ* изъ-за того, что у тебя не хватаетъ ни ума, чтобы держаться своихъ мыслей, ни мужества, чтобы сознаться, что онѣ вздорны. Мы послушались тебя, ну и вотъ что изъ этого вышло. Артель разстроилась... Старикъ ушелъ... и мы пойдемъ, куда глаза глядятъ. Что же касается этого проклятаго ружья...

— Оставь его, слышишь!—загремѣлъ Правая Сторона, цѣп-

ляясь за эту одну идею съ слѣпымъ упрямствомъ бѣшенства и проиграннаго дѣла.—Оставь его!

Лѣвая Сторона отступилъ назадъ, но его братъ схватился за дуло обѣими руками. Произошла борьба, затѣмъ грянулъ выстрѣлъ. Оба брата отскочили другъ отъ друга, а ружье упало между ними на полъ.

Все это произошло такъ быстро, что остальные два компаньона не успѣли даже разнять ихъ и теперь рѣшительно не могли даже уразумѣть, что̀ такое случилось. Все это произошло такъ быстро, что даже сами дѣйствующія лица отправились на свои обычныя мѣста, не понимая хорошенько, что̀ такое съ ними было.

Наступило мертвое молчаніе. Судья и Союзная Мельница глядѣли другъ на друга въ тупомъ недоумѣніи, а затѣмъ нервически взялись за обычныя занятія, съ свойственнымъ подобнымъ натурамъ притворствомъ, будто они совсѣмъ и не замѣтили только что бывшей тяжелой сцены. Судья придвинулъ къ себѣ боченокъ, вынулъ карты и началъ машинально раскладывать пасьянсъ, за которымъ Союзная Мельница слѣдилъ съ напускнымъ интересомъ, но украдкой поглядывая на суровую фигуру Правой Стороны у камина и на разсѣянное лицо Лѣвой Стороны у двери. Десять минутъ прошли такимъ образомъ, Судья и Союзная Мельница болтали шопотомъ, какъ дѣти, безсмысленно, но неизбѣжно присутствующіе при домашней ссорѣ, какъ вдругъ послышался трескъ валежника на дворѣ и веселое, запыхавшееся лицо Старика появилось на порогѣ. Раздался взрывъ радостныхъ восклицаній; черезъ секунду онъ уже лежалъ на груди Правой Стороны, а Судья, перевернувъ боченокъ, тащилъ его въ свои объятія, а Лѣвая Сторона и Союзная Мельница, въ свою очередь, силились притянуть его къ себѣ.

Въ счастливомъ невѣдѣніи предварительнаго возбужденнаго состоянія, вызвавшаго такую единодушную ликующую встрѣчу, Старикъ, тоже обрадованный, сразу принялся лихорадочно возвѣщать о своей находкѣ. Онъ описалъ всѣ подробности ея слегка, боясь прикрасить ихъ, отчасти отъ того, что самъ былъ возбужденъ, отчасти, отъ того, что видѣлъ, какъ они возбуждены. Но его тутъ же поразилъ тотъ фактъ, что эти обанкрутившіеся люди обрадовались не столько личной выгодѣ, связанной съ такой неожиданной удачей, сколько его собственному успѣху.

— Я вѣдь говорилъ вамъ, что онъ малый не промахъ,— восклицалъ Судья съ самымъ безсовѣстнымъ искаженіемъ истины, на что всѣ остальные восторженно орали:

— Да! да! вотъ онъ каковъ, пострѣлъ эдакій!

— Какъ же, какъ же, вѣдь онъ у насъ совсѣмъ дурачекъ?— иронически вторилъ Союзная Мельница, между тѣмъ какъ Правая и Лѣвая Сторона, завладѣвъ каждый одной изъ его рукъ, молча, но страстно пожимали ихъ, и такое привѣтствіе было для него совсѣмъ ново, но восхитительно. Не безъ труда уговорилъ онъ ихъ идти съ нимъ немедленно на мѣсто находки и едва-едва отдѣлался отъ ихъ предложенія донести его туда на своихъ плечахъ подъ предлогомъ, что онъ и безъ того много ходилъ и, должно быть, усталъ.

Была только одна минута замѣшательства, когда онъ съ благодарностью въ голосѣ спросилъ:

— Значитъ, вы выстрѣлили для того, чтобы вызвать меня?

Во время неловкаго молчанія, наступившаго вслѣдъ за этимъ вопросомъ, руки обоихъ братьевъ съ раскаяніемъ встрѣтились.

— Да,—вмѣшался Судья съ деликатнымъ тактомъ,—видишь ли, Правая и Лѣвая Сторона чуть не поссорились изъ-за того, кто первый выстрѣлитъ, чтобы подать тебѣ сигналъ. Я не помню, кто изъ нихъ стрѣлялъ.

— Я вовсе не трогалъ курка,—поспѣшно замѣтилъ Лѣвая Сторона.

Съ внезапной находчивостью Судья замѣтилъ:

— Ружье само выстрѣлило.

Разница въ настроеніи процессіи, которая снова выступила изъ Лонстарской избы, не преминула выразиться въ каждомъ изъ компаньоновъ согласно его темпераменту. Ухищренная вѣжливость, съ какой Союзная Мельница, обращаясь къ счастливому своему компаньону, называлъ его, какъ бы невзначай, «м-ръ Фордъ», сначала расхолаживала всѣхъ, но и это все было забыто въ невыразимомъ волненіи, съ какимъ они подошли къ подошвѣ горы. Когда они перешли черезъ рѣчку, Правая Сторона внезапно остановился.

— Ты говоришь, что слышалъ гулъ отъ обвала передъ тѣмъ какъ уходилъ изъ избы?—спросилъ онъ, поворачиваясь къ Старику.

— Да; но я тогда не зналъ, что это такое. Это было спустя полтора часа послѣ того, какъ вы ушли.

— Ну такъ поглядите, ребята,—продолжалъ Правая Сторона съ суевѣрнымъ восторгомъ,—этотъ самый обвалъ упалъ въ рѣчку, переполнилъ ее и помогъ намъ расчистить Карріеръ.

Было до такой степени ясно, что Провидѣніе непосредственно покровительствовало компаньонамъ, что они всходили на гору съ

видомъ побѣдителей. Они остановились только на вершинѣ и пропустили впередъ Старика, который долженъ былъ вести ихъ къ своему кладу. Онъ осторожно двигался по краю скользкаго утеса, наконецъ остановился, удивился, повидимому, опять продвинулся впередъ и затѣмъ помертвѣлъ и окаменѣлъ на мѣстѣ. Въ одно мгновеніе Правая Сторона очутился около него.

— Что случилось?—Ради Бога, не гляди... не гляди такъ, Старикъ.

Старикъ указалъ на гладкій темный бокъ горы, на которой не видно было больше ни трещины ни выпуклости, и проговорилъ помертвѣлыми губами:

— Исчезъ!

. . . .

И самородокъ дѣйствительно исчезъ! Произошелъ вторичный обвалъ, расчистившій бокъ горы и схоронившій кладъ и лопату, долженствовавшую указывать то мѣсто, гдѣ онъ находился, подъ цѣлымъ хаосомъ камней и обломковъ у подошвы горы.

— Слава Богу!

Растерянныя лица компаньоновъ поспѣшно обернулись къ Правой Сторонѣ.

— Слава Богу!—повторилъ онъ, обвивъ рукой шею Старика. — Если бы онъ оставался долѣе на этомъ мѣстѣ, то былъ бы тоже подъ обломками.

Онъ помолчалъ и, торжественно показывая пальцемъ внизъ, прибавилъ:

— И слава Богу за то, что онъ показалъ намъ мѣсто, гдѣ мы можемъ работать съ терпѣніемъ и надеждой какъ честные люди.

Компаньоны молча наклонили головы и медленно сошли съ горы. Но когда они уже достигли равнины, одинъ изъ нихъ указалъ другимъ на яркую звѣзду, которая точно катилась къ нимъ по тихой и сонной долинѣ.

— Это почтовая карета, братцы,—проговорилъ Лѣвая Сторона, улыбаясь,—та самая, которая должна была увезти насъ.

Въ тихомъ умиленіи отъ своей вновь закрѣпленной дружбы, они рѣшили подождать карету и поглядѣть, какъ она проѣдетъ. Въ ту минуту какъ она проносилась мимо, сверкая фонарями, стуча колесами и гремя бубенчиками, и будя сонную окрестность, кучеръ закричалъ какое-то привѣтствіе компаньонамъ, которое могъ разслышать только Судья, стоявшій ближе всѣхъ къ каретѣ.

— Слышали ли, слышали ли вы, братцы, что онъ сказалъ?—

завопилъ онъ, поворачиваясь къ своимъ компаньонамъ.—Нѣтъ! скорѣй пожмемъ другъ другу руки, братцы. Поздравляю васъ, братцы! Подумать, мы совсѣмъ объ этомъ позабыли!

— О чемъ объ этомъ?

— Да о томъ, что Рождество на дворѣ!

II. ВЪ ПОГОНѢ ЗА МУЖЕМЪ.

Разсказъ стараго холостяка.

Почти каждый человѣкъ, думается мнѣ, склоненъ порою сомнѣваться въ томъ: хорошо ли онъ распорядился своей жизнью? А если онъ къ тому же холостякъ, какъ, напримѣръ, вашъ покорнѣйшій слуга, то я даже не вижу возможности для него уйти отъ подобныхъ непріятныхъ сомнѣній. Какой-нибудь предметъ, звукъ, запахъ переносятъ васъ внезапно назадъ къ полузабытымъ днямъ, когда вы были молоды, и вы припоминаете то, что́ было, соображаете, что́ могло бы быть, не случись вотъ это или вотъ то-то и, наконецъ, бормочете сквозь зубы:—Ахъ! Боже мой, Боже мой! какой же я былъ дуракъ!

Мнѣ право кажется, что только оживленные звуки бальнаго оркестра помѣшали этимъ самымъ словамъ сорваться съ моихъ устъ, когда я стоялъ въ дверяхъ лондонской бальной залы и смотрѣлъ на танцующую Алису Уайнъ, помолвка которой съ ея кавалеромъ, молодымъ Чарльсомъ Степльтономъ, была объявлена за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Какъ нарочно я самъ часто танцовалъ въ этомъ самомъ домѣ,—вамъ нѣтъ нужды знать, сколько лѣтъ тому назадъ, — когда его теперешніе владѣльцы были еще малыми дѣтьми, а лысыя и сѣдыя въ настоящее время головы были такъ же кудрявы, какъ и голова Чарльза Степльтона и когда цѣлое полчище покойниковъ было еще живо и весело.

И вотъ, стоя въ дверяхъ, позабытый всѣми, какъ и подобаетъ отжившему свой вѣкъ человѣку, я на минуту или на двѣ потерялъ изъ виду современныхъ молодыхъ людей и женщинъ, кружившихся передо мной и большая зала наполнилась въ моихъ глазахъ привидѣніями и между ними одно въ особенности было для меня интересно. Я утверждаю, что человѣкъ не можетъ уйти отъ такихъ воспоминаній и сожалѣній. Они налетаютъ тогда,

когда ихъ всего менѣе ожидаешь, и нагоняютъ, чортъ ихъ знаетъ, какую грусть и тоску.

Говоря вообще, я не могу пожаловаться на свою судьбу, но для старика и притомъ богатаго какъ-то обидно видѣть разныхъ Томовъ и Диковъ, да Гарри, въ кругу сыновей и дочерей, и всякихъ домочадцевъ, занятыхъ интересами, не касающимися ихъ лично; и порою при такихъ обстоятельствахъ, холостая жизнь невольно представляется какимъ-то нарушеніемъ божескихъ и человѣческихъ законовъ.

Почему я не женился — это вопросъ, до котораго никому нѣтъ дѣла, кромѣ меня самого; но сознаюсь, что порою мнѣ приходилось сомнѣваться: правильно ли я поступилъ, не женясь, и что не лучше ли было бы жениться во что бы то ни стало, хотя бы на первой попавшейся женщинѣ.

Докторъ Джонсонъ полагалъ, что еслибы всѣ браки устраивались лордомъ-канцлеромъ, то результатъ былъ бы такъ же удовлетворителенъ, какъ и при существующей англійской методѣ, и я вовсе не увѣренъ въ томъ, что этотъ прозаическій философъ говорилъ вздоръ. Нельзя отрицать, что браки по любви часто бываютъ несчастливы, тогда какъ браки по разсудку очень часто приводятъ къ благополучію. Въ здѣшнемъ мірѣ всего разомъ не дается, и встрѣтить молодую парочку, несомнѣнно влюбленную другъ въ друга и между тѣмъ сосватанную старшими по причинамъ чисто практическимъ—зрѣлище столь же рѣдкое, какъ и пріятное.

Такъ стоялъ я въ дверяхъ и думалъ думу, въ которой Степльтонъ и миссъ Уайнъ играли роль второстепенную, какъ вдругъ чей-то оживленный голосъ прокричалъ у самаго моего локтя:

— Подѣлитесь своими мыслями, генералъ Риверсъ! Знаете ли, что у васъ совсѣмъ романическій видъ.

— Я глядѣлъ на вашу дочь и на лорда Чарльса, миссисъ Уайнъ,—отвѣчалъ я, такъ какъ со мной заговорила мать невѣсты.

— Милое дитя!—вздохнула она,—для меня такое большое счастіе видѣть ее счастливой, и я знаю, что вы радуетесь вмѣстѣ съ нами. Но, знаете ли, вѣдь это насъ ужасно старитъ?

— Да вѣдь мы съ вами стары, грѣха таить нечего,—необдуманно отвѣчалъ я и ей, кажется, это не понравилось.

Дѣло въ томъ, что миссисъ Уайнъ—моя современница или около того; но я долженъ сознаться, что на видъ она лѣтъ на двадцать моложе меня. Я взглянулъ на нее послѣ своего невѣжливаго замѣчанія и не могъ не восхититься искусной поддѣлкой ея персоны. Лицо ея было разрисовано, равно какъ и

брови, но живопись была артистическая. Темные волосы всѣ въ завиткахъ, низко спускавшіеся ей на лобъ, были, по всей вѣроятности, не свои, а чужіе, но это трудно было отличить. Но всего удивительнѣе были плечи и руки! Какъ это, чортъ ее побери, ухитрилась она устроить себѣ такіе молодые плечи и руки? Она была декольте—и сильно декольте, сказать правду—но долженъ сознаться, что выставленныя ею на показъ прелести могли быть впору двадцати-пятилѣтней женщинѣ. Я былъ награжденъ улыбкой, обнаружившей рядъ бѣлыхъ и ровныхъ зубовъ (фальшивыхъ, должно быть), причемъ она прошептала:

— Но не слишкомъ стары, генералъ, чтобы подчасъ не предаваться сантиментальности, не правда ли?

— О! я думаю, что у меня будутъ припадки сантиментальности до гробовой доски. Это происходитъ отъ погоды, или отъ подагры, и ровно ничего не значитъ,—поспѣшно отвѣтилъ я.

Что-то во взглядѣ и манерахъ этой женщины возбудило во мнѣ смутныя опасенія.

Но она возразила:

— Ахъ! не будемъ стыдиться того, что у насъ есть сердце и память. Жизнь ожесточаетъ невольно, но къ чему хвалиться этимъ! Присядемъ-те-ка вотъ тутъ рядомъ въ комнатѣ, генералъ Риверсъ, и посантиментальничаемъ вдвоемъ съ четверть часика.

Я не видѣлъ причины, почему бы не согласиться. Мы удалились въ маленькій, слабо освѣщенный будуаръ, прилегавшій къ бальной залѣ, и гораздо долѣе положенной четверти часа очень пріятно проболтали о прошлыхъ дняхъ. Она притворялась, что гораздо моложе меня; прикидывалась не помнящей такихъ событій, какихъ она не могла позабыть, и такихъ людей, съ которыми я самъ видѣлъ, какъ она кокетничала. Но, повидимому, интересовалась тѣмъ, что̀ я говорилъ, и выказала больше симпатіи къ моему меланхолическому настроенію, нежели я считалъ ее способной. Я всегда допускалъ, что миссисъ Уайнъ можетъ быть очень пріятной женщиной, когда захочетъ. Но хуже всего то, что меня такъ легко обмануть. Конечно, я зналъ, что эта старая, раскрашенная хрычевка, по всей вѣроятности, такъ же поддѣлываетъ свои чувства, какъ и наружность. И однако, когда она любовно говорила о дочери, съ которой ей приходилось разставаться, и голосъ ея дрожалъ... когда она просила меня сказать ей, какъ ей теперь жить, когда она лишилась главнаго интереса въ жизни... когда она со вздохомъ намекала на испытанія и огорченія, выпадавшія ей на долю—я былъ тронутъ. Я говорилъ

себѣ, что суетность не такой уже большой грѣхъ. Къ тому же, если на то пошло, то развѣ самъ я не суетенъ? Мнѣ казались понятными и естественными опасенія бѣдной миссисъ Уайнъ передъ ожидающимъ ее одиночествомъ. И я почти устыдился глупаго опасенія, на минуту промелькнувшаго въ моемъ умѣ, что она имѣетъ виды на меня.

Конечно, не было бы ничего невозможнаго, еслибы она их и имѣла, принимая во вниманіе, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ она вышла замужъ за человѣка гораздо старѣе меня. То была ея вторая матримоніальная попытка, такъ какъ первый ея супругъ, блестящій молодой гусаръ, сломалъ себѣ шею на скачкахъ съ препятствіями, ужъ не помню хорошенько, гдѣ именно. Старикъ Уайнъ умеръ вскорѣ послѣ рожденія его маленькой дочери, и это было большимъ несчастіемъ для кой-кого. Его помѣстья перешли къ племяннику, на зло которому онъ и женился, а вдовѣ его досталось немного. Я думаю, что ей трудненько приходилось, но она все-таки не сдавалась и продолжала вести свѣтскую жизнь. Когда Алиса выросла, обѣ лэди появились вмѣстѣ въ лучшихъ гостиныхъ сезона, и тогда-то, помнится мнѣ, миссисъ Уайнъ вдругъ такъ помолодѣла, что на нѣкоторомъ разстояніи казалась младшей сестрой своей дочери.

Нѣтъ сомнѣнія, что ей пришлось проглотить не мало щелчковъ, какъ обѣднѣвшей женщинѣ, тянувшейся за богатыми, чтобы ее не выбросили изъ общества. А мы всѣ знаемъ, как немилостивъ свѣтъ къ людямъ, намѣренно попавшимъ въ фальшивое положеніе. Тѣмъ не менѣе она не падала духомъ и теперь пожинала плоды своихъ усилій... Она нашла для своей дочери мужа, который былъ не только младшій сынъ герцога, но еще и гораздо богаче, чѣмъ обыкновенно бываютъ младшіе сыновья, такъ какъ кто-то изъ его родственниковъ оставилъ ему хорошее состояніе.

Я искренно радовался ея удачѣ, потому что пріятно видѣть всякіе труды увѣнчанными. И кромѣ того, я всю жизнь былъ знакомъ съ миссисъ Уайнъ, хотя и не могу сказать, чтобы мы были дружны. Но послѣ той бесѣды на балѣ, она по крайней мѣрѣ стала обращаться со мной какъ съ короткимъ знакомымъ. Гдѣ бы мы съ ней ни встрѣтились, ужъ она непремѣнно затащитъ меня въ уголокъ, и конфиденціально сообщитъ что-нибудь о приближающейся свадьбѣ Алисы или посовѣтуется на счетъ какихъ-нибудь пунктовъ свадебнаго контракта, хотя, казалось бы, что эти совѣты она могла бы получить отъ своего повѣреннаго. Кромѣ того, она взяла манеру безпрестанно писать мнѣ

совсѣмъ безполезныя записки, такъ что я, наконецъ, возненавидѣлъ самый видъ коричневыхъ конвертовъ, которые она обыкновенно употребляла и которые Вильсонъ, мой слуга, подавалъ мнѣ, хитро улыбаясь. Между тѣмъ, если я ненавижу что на свѣтѣ, такъ это — чтобы Вильсонъ надо мной потѣшался. Но хуже всего то, что всѣ мои клубные пріятели стали меня поддразнивать, а пуще всѣхъ мой старинный знакомый Конингтонъ, допрашивавшій: намѣрены ли мы вѣнчаться въ одинъ день съ Алисой и прочее въ этомъ родѣ. Я вынужденъ былъ, наконецъ, замѣтить ему, что этого рода шутки не только глупы, но и крайне для меня оскорбительны, на что онъ замѣтилъ, что поступаетъ такъ изъ дружбы ко мнѣ.

— Любезный мой,—говорилъ онъ,—ты самъ себя ни за что не убережешь и если кто-нибудь изъ насъ не удержитъ тебя за фалды, то ты будешь пойманъ на крючекъ прежде нежели успѣешь ахнуть. Наша милая миссисъ Уайнъ умнѣе тебя вдвое, знаешь ли ты это?

— По всей вѣроятности. Я этого не отрицаю,—отвѣчалъ я.

— И обворожительная при томъ женщина, замѣть, въ своемъ родѣ.

— Я этого не нахожу,—сказалъ я,—но ты, кажется, находишь, такъ какъ вѣчно съ нею лясы точишь. Можетъ быть, ты самъ хочешь на ней жениться? Такъ пожалуйста не считай меня соперникомъ.

Конингтонъ покачалъ головой и хитро улыбнулся.

— Я старый воробей, — отвѣчалъ онъ,—и она это знаетъ. Меня на мякинѣ не поймаешь и она не станетъ попусту тратить время. Она знаетъ, что я помню ее сто лѣтъ тому назадъ старухой съ сѣдыми волосами и фальшивыми зубами, торчавшими изъ рта, когда она говорила. Она разыгрываетъ теперь изъ себя какую-то Нинону де-Ланкло, но меня на этой штукѣ не проведешь.

Но вѣдь и меня также, полагаю. И хотя я не помнилъ миссисъ Уайнъ въ такомъ видѣ, какъ онъ расписывалъ, но былъ увѣренъ въ томъ, что каковы бы ни были ея виды на меня, я ни за что не стану жертвой ея поддѣльныхъ прелестей. Однако, чувствовалъ, что успокоюсь только тогда, когда свадьба наконецъ совершится и такимъ образомъ устранится предлогъ для всѣхъ этихъ разговоровъ и записочекъ. Къ довершенію бѣды всѣ знакомыя дамы точно сговорились предостерегать меня, а за недѣлю до брачной церемоніи произошла очень скучная сцена.

— Дорогой генералъ, — объявила въ одно прекрасное утро

миссисъ Уайнъ, ласково беря меня за руку (она взяла эту манеру въ послѣднее время),—я жду отъ васъ большой услуги. Я желаю, чтобы вы были посаженнымъ отцомъ Алисы.

— Я?... посаженнымъ отцомъ вашей дочери,—воскликнулъ я, растерявшись.—Право же, мнѣ кажется, это будетъ совсѣмъ некстати...

— Ахъ! не откажите мнѣ въ этомъ!—завопила она.—Я увѣрена, что вы не откажете! Вы вѣдь знаете, что у бѣдной дѣвочки нѣтъ никого изъ близкихъ родственниковъ, а Джемсъ Уайнъ, который долженъ представлять главу семьи, заболѣлъ вѣтреной оспой и не можетъ быть на свадьбѣ. Если вы не выручите меня, то ужъ я и ума не приберу, къ кому обратиться.

— Нельзя ли отложить свадьбу до выздоровленія Джемса? —посовѣтовалъ я.

— О, никакъ нельзя! Болѣзнь можетъ затянуться. У иныхъ корь длится очень долго и тогда...

— Вы только-что сказали, что у него вѣтреная оспа,—подозрительно перебилъ я.

— О! не все ли это равно,—возразила она.—Вѣдь не можетъ же онъ пріѣхать въ церковь весь въ сыпи и рисковать заразить собою добрыхъ людей, какъ вы думаете?

— Конечно,—согласился я.

Разумѣется, такая просьба была довольно нахальна, и нѣтъ сомнѣнія, что Конингтонъ или иной рѣшительный человѣкъ наотрѣзъ отказалъ бы. Но я никакъ не могу быть рѣзокъ съ людьми, если только меня не доведутъ до изступленія. Кончилось тѣмъ, что я нехотя согласился.

Я исполнилъ обязанность, которую на меня возложили въ день свадьбы, но чувствовалъ себя все время несчастнымъ и не смѣлъ ни на кого глядѣть. Когда церемонія окончилась и мы собрались вокругъ обѣденнаго стола, я увидѣлъ Джемса Уайна въ числѣ присутствующихъ. Онъ былъ на видъ такъ же крѣпокъ и здоровъ, какимъ я его зналъ всю жизнь. Это было черезъ-чуръ. Я удралъ такъ поспѣшно, какъ только могъ, бросивъ укоризненный взглядъ на эту коварную женщину, и на слѣдующій же день рано поутру уѣхалъ въ Дорсетширъ къ кузинѣ, которая приглашала меня погостить у ней.

Я считалъ себя тамъ въ безопасности, но не тутъ-то было. Не успѣлъ прогостить я и двухъ дней у кузины, какъ объявилась миссисъ Уайнъ, болѣе моложавая и цвѣтущая, чѣмъ когда-либо. И я узналъ впослѣдствіи, что она сама назвалась въ гости, а моя бѣдная кузина, не подозрѣвавшая о томъ, что происхо-

дило въ Лондонѣ, встрѣтила ее очень радушно. Ахъ! какъ иначе отнеслась бы она къ неожиданной посѣтительницѣ, еслибы подозрѣвала объ ея коварныхъ замыслахъ насчетъ тѣхъ самыхъ земныхъ благъ, частицы которыхъ могли со временемъ перепасть и моей кузинѣ!

Миссисъ Уайнъ не могла, конечно, краснѣть, такъ какъ ея природная кожа была навѣки скрыта отъ глазъ смертныхъ; а въ нравственномъ отношеніи она была непроницаемѣе носорога. Она нисколько, повидимому, не конфузилась того, что скомпрометировала меня въ глазахъ моихъ знакомыхъ своей непростительной уловкой, и я сознавалъ, что стыдить ее, значило бы бросать горохъ объ стѣну. Поэтому я обращался съ ней съ холодной сдержанностью и старался только не оставаться съ ней наединѣ. Но нечего и говорить, что она съумѣла обойти меня и тутъ, какъ только нашла это нужнымъ. Она изловила меня на лѣстницѣ, когда я шелъ въ курительную комнату во второй вечеръ послѣ своего пріѣзда и, нѣжно взявъ меня за руку, сказала тономъ кроткаго упрека:

— Вы на меня сердитесь? Чѣмъ я васъ прогнѣвала?

— Я не гнѣваюсь, миссисъ Уайнъ,—отвѣчалъ я,—но такъ какъ вы завели объ этомъ рѣчь, то сознаюсь вамъ, что мнѣ было непріятно ваше... какъ бы помягче выразиться... сообщеніе о Джемсѣ Уайнѣ.

— Но я право же не солгала вамъ, — захохотала она. — Онъ право же былъ боленъ. Оказалась простая простуда, но вѣдь она могла помѣшать ему пріѣхать. И я совсѣмъ не жалѣю, что ошиблась. Я не люблю Джемса... мы съ нимъ никогда не ладили. Для меня было гораздо пріятнѣе видѣть васъ на его мѣстѣ. Вы должны были бы чувствовать себя польщеннымъ,— прибавила она съ убійственной улыбкой.

— Но я *не* чувствую себя польщеннымъ, — мрачно отрѣзалъ я, считая за лучшее быть откровеннымъ.—Я не люблю, когда меня водятъ за носъ.

— О! какой вы невѣжа!— вскричала она, смѣясь и хлопая меня по рукамъ своимъ вѣеромъ.—Я не буду съ вами разговаривать до тѣхъ поръ, пока вы не станете любезнѣе.

И отвернувшись отъ меня, побѣжала по лѣстницѣ съ безпечной граціей молоденькой дѣвушки.

Все это прекрасно. Но еслибы своей невѣжливостью я могъ заставить ее выполнить угрозу и не разговаривать со мною, то я согласился бы быть невѣжливымъ съ нею до скончанія вѣка. Но, увы! она не сдержала своей угрозы. Напротивъ! Она

постоянно заговаривала со мной и высказывала такія поразительныя вещи, что моя кузина, сначала потѣшавшаяся надъ ней, начинала приходить въ негодованіе. Послушать ее, выходило такъ, что я и дневалъ, и ночевалъ въ ея лондонскомъ домѣ, маленькомъ домикѣ на Майферѣ, который она нанимала нѣсколько лѣтъ сряду, а теперь собиралась сдать, по моему, какъ она утверждала, совѣту.

— Конечно, мнѣ было бы тяжело оставаться одной въ домѣ, гдѣ я была такъ счастлива съ моей бѣдной дѣвочкой,—жеманилась она:—конечно лучше мнѣ перемѣнить обстановку. Куда я дѣнусь и что буду дѣлать—рѣшительно не знаю, но мой дорогой и добрый другъ (такъ ей угодно было величать вашего покорнаго слугу, читатель) обѣщалъ пріискать для меня жилище.

Теперь справедливо, что въ бытность свою въ Лондонѣ она говорила мнѣ, что намѣревается перемѣнить квартиру и просила сообщить ей, если я услышу о чемъ-нибудь для нея подходящемъ; но впечатлѣніе отъ ея словъ получалось совсѣмъ не такое, и моя кузина естественно должна была заключить, что, или я намѣреваюсь жениться на миссисъ Уайнъ, или же насмѣялся надъ привязанностью. Изъ этихъ двухъ вещей, послѣдняя была бы, безъ сомнѣнія, для нея пріятнѣе; но въ обоихъ случаяхъ она имѣла право посматривать на меня съ состраданіемъ, чуждымъ всякаго уваженія, и она не преминула мнѣ дать это замѣтить.

При такомъ положеніи дѣлъ мнѣ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ бѣжать, бѣжать какъ можно скорѣе и—какъ можно дальше. Моя яхта дожидалась меня въ Портсмутѣ. Я рѣшилъ немедленно отплыть въ Норвегію. Я прежде не собирался туда, я не любитель уженья и, кромѣ того, въ Норвегіи въ наши дни простой смертный врядъ ли выудитъ много форелей. Наконецъ, я достигъ уже тѣхъ лѣтъ, когда человѣкъ любитъ дѣлать изъ году въ годъ одно и то же. Мнѣ какъ-то неловко и какъ будто чего-то недостаетъ, если я не присутствую въ свое время на манёврахъ въ Веймутѣ, Дартмутѣ, а затѣмъ не обрѣтаюсь въ Шотландіи въ началѣ сентября. Но въ настоящемъ случаѣ выбора для меня не было. Я телеграфировалъ двумъ или тремъ пріятелямъ, приглашая ихъ присоединиться ко мнѣ, и поспѣшно распрощался съ кузиной, чувствуя, что только за моремъ могу спастись отъ миссисъ Уайнъ.

Дѣло въ томъ, что эта безстыдная и безсовѣстная женщина отлично поняла мой характеръ и разгадала его слабыя стороны. Она знала,—такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется,—что никакимъ ухаживаніемъ меня не возьмешь, но безъ сомнѣнія, знала

также и то, что я Богъ знаетъ чего только не сдѣлаю, чтобы избавиться отъ безпокойства. Ея тактика была очевидна. Она намѣревалась скомпрометировать меня и себя передъ свидѣтелями и затѣмъ обратиться къ моему великодушію или моей слабости, называйте какъ хотите. И если бы я только во-время не спохватился объ угрожающей мнѣ опасности, нѣтъ сомнѣнія, что ея планъ могъ бы удасться. Какъ бы то ни было, я съѣхался съ тремя пріятелями и отплылъ съ ними въ Норвегію до окончанія недѣли.

Поставивъ бурныя волны сѣвернаго моря между собой и моей страшной старухой, я сталъ дышать свободнѣе, и мой характеръ, пострадавшій отъ всѣхъ этихъ передрягъ, сталъ опять ровный. Я чувствовалъ, что избавился отъ большой и неизбѣжной опасности. Люди, которые смѣются надъ такого рода страхами и утверждаютъ, что женщина не можетъ женить на себѣ человѣка противъ его воли—сами не знаютъ, что̀ говорятъ. Я утверждаю, что бываютъ такіе случаи, когда храбрѣйшій изъ мужчинъ вынужденъ бѣжать безъ оглядки.

Мы провели очень пріятныхъ три недѣли, плавая вдоль западнаго берега Норвегіи. Время было уже позднее, но погода стояла великолѣпная и чудные норвежскіе заливы или фіорды, которые такъ часто бываютъ окутаны туманомъ и дождемъ, представлялись намъ во всей своей величественной красѣ. Пріятели мои были ко мнѣ снисходительны. Я не могъ доставить имъ никакого спорта, но они утверждали, что солнце и чудесные виды замѣняютъ все остальное, и довольствовались случайными высадками на землю и осмотромъ неизвѣстныхъ долинъ и ледниковъ.

Однажды вечеромъ, когда всѣ мы сошли на берегъ и гуляли, любуясь на солнечный закатъ, вдали показалась цѣлая вереница телѣжекъ и въ передней сидѣла лэди, которую мои спутники признали сразу за англичанку. Къ этому они прибавили, что она, кажется, очень хорошо сложена.

Что касается меня, то я молчалъ, но душа у меня ушла въ пятки. Увы, мнѣ! эта стянутая фигура, это бутылочнаго цвѣта суконное платье, эта шляпа à la Жюдикъ и маленькія, хорошенькія ботинки, упиравшіяся въ передокъ телѣжки... какъ могъ я не узнать ихъ даже издали! О! предчувствіе не обмануло меня! То была моя старуха!

Она забрала мою руку, прежде нежели я успѣлъ опомниться. Кто могъ ожидать встрѣтить *меня* въ Норвегіи? Какое счастіе! Ее такъ упрашивали ѣхать съ собой ея хорошіе знако-

мые... (имени не разобралъ, должно быть, иностранцы), что она, наконецъ, согласилась. Она прибавила съ тѣмъ выразительнымъ пожатіемъ пальцевъ, отъ которыхъ меня бросаетъ въ жаръ и холодъ:

— Какъ ужасно съ вашей стороны скрыться такимъ образомъ! и даже не сказать мнѣ, куда вы ѣдете?

— Это не помѣшало вамъ найти меня,—отрѣзалъ я, разстроенный до такой степени, что ужъ мнѣ было не до приличій, соблюдаемыхъ вѣжливыми людьми.

Она поглядѣла на меня съ невиннымъ удивленіемъ въ своихъ искусно подведенныхъ глазахъ:

— Ну, да, конечно, я нашла васъ, но вѣдь вы тутъ не причемъ. Я надѣюсь, что вы довольны, что я васъ нашла. Мы можемъ вмѣстѣ предпринять веселыя экскурсіи. Мнѣ говорили, что тутъ много живописнаго въ окрестностяхъ?

— О! да, безъ сомнѣнія, мы предпримемъ веселыя экскурсіи по окрестностямъ,—мрачно вторилъ я.—А что, скажите, вонъ та яхта-шкуна, которая стоитъ передъ нами, принадлежитъ вашимъ друзьямъ?

Она отвѣчала мнѣ утвердительно, и я вспомнилъ, что уже раньше замѣтилъ это судно и то, что у него не было запасныхъ паровъ. Сильный вѣтеръ какъ разъ дулъ по направленію къ фіорду и похоже было на то, что онъ продержится нѣкоторое время. Ну, вотъ, и ладно! Фортуна, видно, еще не совсѣмъ отвернулась отъ меня!

Какъ бы то ни было, а я вынужденъ былъ пригласить миссисъ Уайнъ обѣдать къ себѣ на яхту. Я не могъ поступить иначе. Одинъ изъ моихъ спутниковъ уже былъ знакомъ съ нею, а съ другими она была крайне любезна. Короче сказать, если бы я не пригласилъ ее, она сама себя пригласила бы, такъ что спасенія все равно не было.

Я былъ увѣренъ, что проведу отвратительный вечеръ, и не ошибся. Поведеніе этой женщины было просто нестерпимо. Она не только выказывала любовное вниманіе ко всякому моему поступку; не только предостерегала меня, тономъ нѣжнаго упрека, точно жена, чтобы я не ѣлъ того-то и не пилъ этого-то, изъ опасенія подагры,—но упорно представляла нашу встрѣчу событіемъ предумышленнымъ, на счетъ котораго мы сговорились заранѣе. Всѣ, кто ее видѣлъ и слышалъ, очевидно должны были предположить, что имѣютъ дѣло съ будущей миссисъ Риверсъ. И, дѣйствительно, она такъ прозрачно, какъ только можно, намекала на это событіе. Послѣ обѣда я сдѣлалъ слабую по-

пытку выразить ей мое непреклонное рѣшеніе: жить и умереть холостякомъ; но она только посмѣялась надо мной и притворилась, что не поняла. Еслибы, къ счастію для меня, въ моемъ распоряженіи не было пáра, то я вѣроятно вынужденъ былъ бы обратиться къ ея состраданію и умолять ее оставить меня. Она разсталась со мной не прежде, какъ совсѣмъ стемнѣло, и въ тотъ же моментъ, какъ она скрылась изъ виду, я приказалъ моему капитану немедленно развести пары и уплыть въ море.

«Некому сообщить ей, куда я отправился,—думалъ я,—и не можетъ же она гоняться за мной по морю».

Боюсь, что спутникамъ моимъ не понравилось, когда, проснувшись по утру, они увидѣли себя въ открытомъ морѣ и имъ было объявлено, что мы отправляемся въ Кирквалъ. Но дѣлать было нечего. Человѣкъ властенъ распоряжаться на своей яхтѣ, и хотя плаваніе наше было безпокойное и у многихъ изъ насъ сдѣлалась морская болѣзнь, но жаловаться было бы безполезно. Когда мы добрались благополучно до другого берега, я объяснилъ, что въ эту пору года нельзя разсчитывать на погоду и что было бы въ высшей степени непріятно, еслибы она заперла насъ въ Бергенѣ или Тронтгеймѣ на три недѣли. Мы доканчивали наше плаваніе среди Гебридскихъ и другихъ острововъ западнаго шотландскаго берега и я радостно размышлялъ, что миссисъ Уайнъ никакъ не можетъ знать, куда я на этотъ разъ дѣвался.

Въ концѣ сентября мои пріятели разстались со мной. Становилось холодно и мнѣ надоѣло плавать на яхтѣ, но я чувствовалъ, что могу считать себя безопаснымъ только въ морѣ. Я обѣщалъ многимъ знакомымъ погостить у нихъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, но боялся встрѣтиться у нихъ съ миссисъ Уайнъ, а потому написалъ всѣмъ извинительныя записки и рѣшилъ плыть въ Портсмутъ.

Насъ задержала въ Обанѣ дурная погода въ продолженіе нѣсколькихъ дней, но наконецъ однимъ холоднымъ, но яснымъ утромъ мы рѣшили сняться съ якоря. Сидя на палубѣ, я наблюдалъ за маневрами матросовъ и съ грустью размышлялъ о недугахъ, дающихъ себя знать съ приближеніемъ старости, и о другихъ бѣдахъ, неразлучныхъ съ существованіемъ. Ничто такъ не вредно для моей печени, какъ восточный вѣтеръ. Я зналъ, что мнѣ слѣдовало сидѣть у камелька, вмѣсто того, чтобы торчать на сырой палубѣ, и находилъ жестокимъ, что долженъ подвергаться суровости погоды изъ-за полоумной старухи, забравшей въ голову жить на мой счетъ. Въ то время, какъ я такъ раз-

мышлялъ, мнѣ показалось, что насъ окликнули; но не двинулся съ мѣста, зная, что въ этой мѣстности у меня не было знакомыхъ и некому было посѣтить меня. Но вотъ я увидѣлъ, какъ мой шкиперъ, Джаксонъ, направился къ борту, затѣмъ почтительно снялъ шляпу и — о, ужасъ! — голова и плечи миссисъ Уайнъ показались изъ-за борта. Остальная часть ея персоны быстро послѣдовала за ними; затѣмъ появились саквояжъ, дорожный сундукъ, свертокъ съ плэдами и несессеръ. Святые угодники! что все это означало?

Я не долго пребывалъ въ неизвѣстности. Миссисъ Уайнъ на ципочкахъ подбѣжала ко мнѣ, протягивая руки и улыбаясь во весь ротъ своимъ раскрашеннымъ лицомъ.

— Мой милый генералъ, дорогой другъ мой, что́ вы обо мнѣ подумаете?

— Не знаю,—заворчалъ я,—не знаю, что́ и думать. Можетъ быть, вы мнѣ объясните.

— Я боялась, что вы сначала очень удивитесь, но затѣмъ подумала, что, разумѣется, могу позволить себѣ маленькую вольность *съ вами*, такъ какъ увѣрена, что вы не откажете мнѣ въ любезной бездѣлицѣ прокатить меня вмѣстѣ съ вами по Клейду. Я знаю, что́ вы направляетесь къ югу и что это вамъ по пути.

— Великій Боже! — вскричалъ я, но она съ умоляющимъ видомъ вытянула руку.

— Дайте мнѣ кончить. Я только - что собиралась сказать вамъ, какимъ образомъ случилось, что я очутилась здѣсь совсѣмъ одна. Тѣ господа, съ которыми я каталась въ Норвегіи, должны были заѣхать сюда за мною и отвезти меня въ Гласго, куда я необходимо должна попасть завтра вечеромъ, чтобы захватить курьерскій поѣздъ. Но сегодня утромъ я получила отъ нихъ телеграмму, сообщающую, что погода задерживаетъ ихъ на сѣверѣ и они не могутъ прибыть сюда раньше нѣсколькихъ дней. Ну не досадно ли это? Я всегда такъ бываю разстроена, когда мнѣ придется путешествовать одной, а со мной нѣтъ даже теперь моей горничной. Я была въ совершенномъ отчаяніи, когда вдругъ увидала вашу яхту и услышала, что вы готовитесь отплыть на югъ. Само Провидѣніе какъ будто послало мнѣ васъ.

Я не могъ повѣрить, чтобы Провидѣніе такъ неблагодарно поступило со мной, но безполезно было спорить. Очевидно, что только величайшая твердость и присутствіе духа могли спасти меня.

— Миссисъ Уайнъ,—серьезно сказалъ я,—то, о чемъ вы

меня просите—невозможно, увѣряю васъ. Вы, вѣроятно, не знали, что я одинъ на яхтѣ.

— О, неужели?—отвѣтила она, ни мало не смущаясь,—я очень этому рада. Намъ удобнѣе будетъ болтать, а мнѣ нужно посовѣтоваться съ вами о многомъ.

— Но, моя милая лэди, — съ нетерпѣніемъ вскричалъ я, — мы не можемъ оставаться цѣлыя сутки въ морѣ en tête-à-tête. Это совершенно невозможно. Вѣдь это неприлично, какъ вамъ извѣстно.

— Ахъ! что за дѣло! — закричала она. — Мы такіе старые друзья.

— О! да, мы во всѣхъ отношеніяхъ достаточно стары, — согласился я,—и должны быть научены опытомъ. Вамъ извѣстно, что никакіе годы не спасаютъ отъ сплетенъ и что люди навѣрное будутъ говорить...

— Мнѣ рѣшительно все равно, что они будутъ говорить,— отважно перебила она.

— Можетъ быть; но между нами та разница, что мнѣ не все-равно,—замѣтилъ я.

Послѣ этого наступила пауза.

Во время этихъ переговоровъ Джаксонъ вертѣлся около насъ съ лицомъ, выражавшимъ глубочайшее удивленіе, и я подумалъ, что лучше сойти внизъ въ каюту для предстоящаго объясненія, очевидно неизбѣжнаго.

— Не угодно ли вамъ сойти въ мою каюту? - предложилъ я миссисъ Уайнъ.

Затѣмъ объявилъ Джаксону, чтобы онъ подождалъ сниматься съ якоря, и послѣдовалъ за синимъ платьемъ моей гонительницы.

Она стала бѣгать по каютѣ и все разсматривать.

— Какая хорошенькая каюта! Вы настоящій сибаритъ. Кто ходитъ за вашими цвѣтами? А гдѣ будетъ моя койка?

Теперь или никогда слѣдовало показать ей, что со мной нельзя шутить.

— Миссисъ Уайнъ,—отвѣчалъ я мягко, но рѣшительно,— вы не займете никакой койки на этомъ суднѣ, объявляю вамъ это съ сожалѣніемъ. Мнѣ тяжело быть вынужденнымъ отказать вамъ въ гостепріимствѣ, но я убѣжденъ, что когда вы спокойно обдумаете это дѣло, то согласитесь, что я не могъ поступить иначе. На мнѣ лежитъ долгъ и я его выполню неуклонно.

— Что вы намѣрены дѣлать? — спросила она, и мнѣ было пріятно услышать, что въ голосѣ ея звучала тревога.

— Я намѣренъ немедленно отвезти васъ на берегъ. Я намѣренъ проводить васъ въ контору пароходовъ или на желѣзнодорожную станцію, какъ вамъ будетъ угодно, и взять для васъ билетъ на проѣздъ въ Гласго.

— Какъ вы нелюбезны,—закричала она,—и какъ нелѣпо чопорны! Что такого худого дѣлаемъ мы, чтобы миссисъ Грюнди [1]) могла насъ осудить? Да и кто объ этомъ узнаетъ? кто скажетъ объ этомъ?

Я хорошо зналъ, *кто* скажетъ, но не нашелъ нужнымъ сообщить. Я только мягко отвѣчалъ, что очень сожалѣю, но что помочь горю нельзя. Она должна уѣхать.

— Я не уѣду,—внезапно отрѣзала она.—Я не хочу обратиться въ посмѣшище изъ-за вашихъ смѣшныхъ предразсудковъ. Еслибы я подозрѣвала, что вы можете быть такъ непріятны, я бы никогда не пріѣхала на вашу яхту; но теперь, когда я попала на нее, я на ней и останусь. И мнѣ кажется, вы должны были бы быть ко мнѣ внимательнѣе. Я не привыкла путешествовать одна и во всѣхъ этихъ поѣздахъ и пароходахъ попадаются такіе ужасные туристы и пассажиры. Рискуешь быть ограбленной, или наткнуться на оскорбленія или... мало ли что еще!

— Я защищаю васъ отъ васъ самой,—сентенціозно проговорилъ я:—я больше дорожу вашей репутаціей, нежели вашимъ комфортомъ.

— Плевать на мою репутацію! — объявила миссисъ Уайтъ съ устрашающей безпечностью.—Да и что, на худой конецъ, могутъ сказать о насъ люди?

— А то, что... мы собираемся жениться.

— Неужели же это такая большая бѣда?

Кровь закипѣла у меня въ жилахъ, когда миссисъ Уайтъ задѣла этотъ вопросъ съ самыми кокетливыми ужимками, сопровождая ихъ многозначительнымъ взглядомъ. Я зналъ, что она не поцеремонится, но не ожидалъ, что такъ-таки прямо предложитъ мнѣ на ней жениться. Сознаюсь, что въ эту минуту я потерялъ голову и самъ не зналъ, что̀ говорю.

— Да, большая бѣда! — завопилъ я. — Женщина, которая вышла бы за меня замужъ, была бы несчастнѣйшимъ существомъ. Вся жизнь ея, такъ сказать, была бы отравлена. У меня ужасный характеръ; вы, можетъ быть, этого не знали, но это такъ. Я страдаю хроническими недугами, которые унесутъ меня въ

---

[1]) Англичане подъ именемъ м-съ Грюнди подразумѣваютъ свѣтскіе предразсудки.

могилу черезъ годъ, много два, а когда я умру, всѣ мои помѣстья отойдутъ къ двоюродной сестрѣ. Что касается моихъ денежныхъ капиталовъ, то я помѣстилъ ихъ въ турецкія и южно-американскія бумаги и что изъ этого выйдетъ — одинъ Богъ вѣдаетъ. И кромѣ того я безусловно и безвозвратно рѣшилъ никогда не жениться. Я жилъ и умру холостякомъ.

Миссисъ Уайнъ глядѣла на меня такъ, какъ будто бы думала, что я съума сошелъ. И право я былъ близокъ къ тому. Затѣмъ слегка засмѣялась и сказала:

— Право, любезный генералъ, можно подумать, что я прошу васъ жениться на мнѣ, а не довезти до устьевъ Клейда.

— Это все равно, — отвѣчалъ я, немного устыдясь своей запальчивости.

Но не успѣлъ я сказать этого, какъ увидѣлъ по огоньку въ ея глазахъ, какое это опасное предположеніе, и поспѣшилъ замазать дѣло.

— По крайней мѣрѣ,—торопливо прибавилъ я,—такъ было бы въ глазахъ свѣта. Я бы конечно все-таки не женился на васъ, но всякій имѣлъ бы право говорить, что вы хотѣли женить меня на себѣ.

Она встала и съ взволнованнымъ видомъ прошлась нѣсколько разъ взадъ и впередъ по каютѣ. Вдругъ она воскликнула:

— Какъ можете вы говорить такія жестокія вещи!—и упавъ въ кресло, залилась слезами.

Вообще говоря, я мягокъ какъ воскъ въ рукахъ тѣхъ, кто при мнѣ плачетъ. Но полагаю, что въ натурѣ моей есть извѣстная грубость, выплывающая наверхъ, когда меня доведутъ до отчаянія. Я самъ удивился каменной безчувственности, съ какой проговорилъ:

— На вашемъ мѣстѣ, я бы не сталъ плакать. Слезы могутъ оставить слѣды на вашихъ щекахъ, а вѣдь здѣсь у насъ нѣтъ подъ руками всѣхъ рессурсовъ цивилизаціи.

Я думалъ, что это разсердитъ ее, и не ошибся.

— Ахъ! вы негодяй!—закричала она.—Я не раскрашиваю щекъ. Завистливыя женщины говорятъ, что я крашусь, но онѣ говорятъ это про всякаго, у кого сильный цвѣтъ лица. Но это ложь. Я могу доказать вамъ это, если хотите. Хотите я при васъ вымою свое лицо.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я, нисколько не трогаясь,—не хочу. Этотъ вопросъ меня не касается и нисколько не интересуетъ. Мнѣ все-равно, еслибы вы даже никогда не мылись.

— Вы оскорбляете меня!—воскликнула она.

— Я это знаю, — отвѣчалъ я. — Я грубо оскорбилъ васъ и если у васъ есть хоть капля чувства собственнаго достоинства, вы не останетесь ни минуты долѣе на моей яхтѣ. Я пойду на палубу, чтобы дать вамъ время оправиться, и затѣмъ мы отправимся на берегъ.

Сознаюсь, что когда я оставилъ миссисъ Уайнъ, то поведеніе мое представилось мнѣ чудовищнымъ, но вѣдь я былъ выведенъ изъ терпѣнія и угрызенія совѣсти смягчались во мнѣ гордостью побѣды.

Весь вопросъ былъ въ томъ только: побѣдилъ ли я? Если предположить, что она откажется ѣхать на берегъ, что мнѣ тогда дѣлать? Не могъ же я насильно увезти ее. Быть можетъ, благоразумнѣе было дѣйствовать хитростью, нежели открыто бороться съ особой, у которой нѣтъ ни совѣсти, ни чести.

Пока я разсуждалъ такъ съ самимъ собою, я разсѣянно глядѣлъ на яхту, показавшуюся въ виду, когда я былъ въ каютѣ, и быстро приближавшуюся къ намъ. Мнѣ она показалась знакома, и вскорѣ я убѣдился, что это—«Широкко», яхта Конингтона, а самъ онъ стоитъ на палубѣ и дружески машетъ мнѣ рукой.

Предусмотрительная природа устроила такъ, что въ моменты величайшей опасности насъ озаряютъ самыя блестящія мысли. Я не знаю, почему мнѣ вдругъ припомнился человѣкъ, которому положили на руки младенца въ то время какъ онъ пробирался сквозь толпу, а онъ съ удивительнымъ присутствіемъ духа положилъ младенца въ проѣзжавшую мимо карету и убѣжалъ.

Почему,—спросилъ я себя, причемъ сердце мое сильно забилось,—почему мнѣ не примѣнить этого прецедента къ моей старухѣ? Мысль была соблазнительная. Съ быстротой, которой самъ не подозрѣвалъ за собой, я составилъ этотъ смѣлый планъ во всѣхъ подробностяхъ и, ни минуты не колеблясь, побѣжалъ внизъ, чтобы привести его въ исполненіе.

Миссисъ Уайнъ сидѣла на томъ самомъ мѣстѣ, на какомъ я ее оставилъ. Но глаза ея были сухи. Она была похожа—если мнѣ позволено будетъ такое невѣжливое сравненіе—на осла, который крѣпко сталъ на мѣстѣ, откинулъ назадъ уши и продѣлъ хвостъ между ногами.

— «Не сдамся!»—выражалось во всей ея позѣ.

Она, должно быть, очень удивилась, когда я любезно подошелъ къ ней и сказалъ мягкимъ, примирительнымъ тономъ:

— Миссисъ Уайнъ, я пришелъ извиниться передъ вами. Я чувствую, что былъ грубъ и невѣжливъ. Забудемъ объ этой ти-

желой сценѣ и отправимся въ Клейдъ, какъ будто бы ничего не случилось. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати старику заботиться о томъ, что̀ скажетъ свѣтъ.

Она вскочила съ мѣста съ радостнымъ восклицаніемъ, и въ первую минуту я боялся, что она меня поцѣлуетъ. Я однако успѣлъ счастливо отретироваться за стулъ, чтобы избавить себя отъ подобныхъ сюрпризовъ, послѣ чего продолжалъ выполненіе своего бездушнаго обмана. Помнится мнѣ, что я самъ дивился своему коварству, но на то время я какъ-то потерялъ способность стыдиться. Я сказалъ:

— Пойдемте на свѣжій воздухъ,—и она охотно согласилась на это предложеніе.

Какъ скоро мы очутились на палубѣ, я притворился удивленнымъ при видѣ «Широкко».

— Боже мой!—вскричалъ я,—вотъ яхта Конингтона, а это самъ Конингтонъ раскланивается съ нами. Хотите навѣстить его?

Я былъ наружно спокоенъ, но внутри дрожалъ отъ подавленнаго безпокойства. Согласится ли она? попадетъ ли въ разставленную западню?

Къ моему величайшему успокоенію, она согласилась. И по готовности, съ какой она согласилась, и по худо скрываемому выраженію тріумфа на ея лицѣ, я увидѣлъ, что она не только не подозрѣвала, но еще радовалась случаю похвастаться своимъ мнимымъ плѣнникомъ въ присутствіи свидѣтелей. Это убило во мнѣ окончательно всякое чувство совѣсти, какое еще могло оставаться. Я уже и прежде былъ рѣшителенъ, теперь же сталъ непоколебимъ, какъ скала. Я приказалъ спустить лодку, и черезъ пять минутъ мы стояли на палубѣ «Широкко» и Конингтонъ встрѣтилъ насъ съ сардонической улыбкой, которая, впрочемъ, меня ни мало не задѣла. Я съ сознаніемъ своей полной безопасности относился къ насмѣшливымъ и исполненнымъ состраданія знакамъ, которые онъ дѣлалъ мнѣ за спиной у миссисъ Уайнъ. «Подожди мой милый,—думалъ я.—Rira bien qui rira le dernier».

— Скажите, вы это давно крейсируете вдвоемъ?—освѣдомился Конингтонъ, не давая себѣ труда скрывать свою оскорбительную усмѣшку.

Миссисъ Уайнъ постаралась изо всѣхъ силъ сконфузиться.

— Ахъ! какой же вы, лордъ Конингтонъ!—И прибавила: —Надѣюсь, что вы не будете такъ злы, чтобы разсказать кому-нибудь, что насъ видѣли. Мы встрѣтились благодаря непредвидѣнному случаю. Я разъѣхалась съ знакомыми, которые должны были встрѣтить меня здѣсь, и генералъ Риверсъ изъ жалости взялъ

меня къ себѣ на яхту и предложилъ доставить къ мѣсту моего назначенія. Быть можетъ, мнѣ не слѣдовало принимать его предложенія, но я такъ боюсь пароходовъ, биткомъ набитыхъ публикой, и пассажирскихъ поѣздовъ.

— О! скажите, какъ все это просто!—замѣтилъ Конингтонъ, усмѣхаясь еще ядовитѣе.—Ну, чтожъ, вы можете положиться на мою скромность, я не сплетничаю. Хотите осмотрѣть мою яхту? Я сдѣлалъ въ ней этотъ годъ нѣкоторыя реформы, которыя, полагаю, довольно удачны.

Я этого-то и дожидался. У Конингтона манія снимать плохія фотографіи, которыми онъ необыкновенно гордится, и я зналъ, что если мнѣ удастся заставить его показывать образцы своего искусства, которые всегда при немъ на яхтѣ (и въ безчисленномъ количествѣ), то никакая жертва, какъ бы она ни была нетерпѣлива, не отдѣлается отъ него раньше часа. Поэтому полюбовавшись вдоволь его новой ванной и курительной каютой, я сказалъ:

— Надѣюсь, что вы занимались фотографіей нынѣшнимъ лѣтомъ?

— О! да,—отвѣчалъ онъ,—и мнѣ нѣкоторыя очень удались, но только онѣ еще не отпечатаны. Но, можетъ быть, миссисъ Уайнъ пожелаетъ посмотрѣть нѣкоторые снимки изъ прошлыхъ экскурсій.

Побѣда! Хорошо знакомые альбомы сняты съ полокъ. Миссисъ Уайнъ затиснута между столомъ и диваномъ, и передъ ней открыты альбомы; Конингтонъ, позабывъ обо всемъ на свѣтѣ кромѣ своихъ фотографій, наклоняется надъ нею, объясняя ихъ значеніе.

— Вотъ Венеція, съ моря. Гондолы на переднемъ планѣ вышли немного туманно, но вся картина хороша. Вотъ Ніагарскій водопадъ... ахъ! нѣтъ! это «Mer de Glace», снятый изъ Монтанвера. Это пятно въ небѣ произошло отъ небольшого недостатка въ пластинкѣ. Похоже на мѣсяцъ, не правда ли? Я подумалъ, что не стоитъ переснимать, и т. д.

Я, засунувъ руки въ карманы и безпечно насвистывая, отошелъ отъ нихъ, затѣмъ поднялся на нѣсколько ступенекъ, чтобы поглядѣть на барометръ и потереть его рукавомъ. Еще нѣсколько ступенекъ, и я очутился на палубѣ, гдѣ манеры мои быстро измѣнились. Въ одно мгновеніе ока я слетѣлъ съ палубы и очутился въ своей лодкѣ.

— Отчаливай!—шепнулъ я, и черезъ нѣсколько минутъ уже находился на своей собственной яхтѣ.

Одинъ извѣстный охотникъ, котораго увѣряли, что охота на лисицъ — жестокое времяпрепровожденіе, отвѣчалъ, что онъ не видитъ, въ чемъ тутъ жестокость. Собаки любятъ эту охоту, лошади тоже, и онъ твердо убѣжденъ, что и лисицѣ она нравится. Можетъ быть. Что до меня касается, я всегда предпочитаю преслѣдовать, нежели быть преслѣдуемымъ. Не смотря на то рекомендую всѣмъ, кто желаетъ испытать новое и очень сильное ощущеніе — попробовать обратиться въ бѣгство. Я всегда буду помнить короткій періодъ времени, протекшій съ той минуты, какъ я оставилъ палубу «Широкко» и какъ мы обогнули островъ Керреро. Я никогда такъ въ жизни не волновался. Какъ я благословлялъ растрепанные холмы, скрывшіе отъ насъ Обанъ и насъ отъ Обана! Теперь я былъ въ безопасности. Ни видѣть, ни поймать меня не было возможности. Я готовъ былъ отплыть на другое полушаріе, лишь бы уйти изъ лапъ миссисъ Уайнъ. Я увѣренъ, что ни она, ни Конингтонъ не замѣтили моего отсутствія прежде, чѣмъ я уже находился далеко далеко, отъ нихъ, уносимый попутнымъ вѣтромъ.

Когда я представлялъ себѣ, каковы будутъ у нихъ лица, когда они спохватятся, что я и моя яхта скрылись, какъ бы по волшебству, я не могъ не хохотать. Джаксонъ, повидимому догадавшійся, въ чемъ дѣло, тоже молчаливо улыбался во весь ротъ. Да и матросы также, собравшіеся на носу, тоже по временамъ хихикали. Бѣдняги, отчего же имъ и не посмѣяться? Я не каждый день угощаю свой экипажъ такой забавной и по-истинѣ мастерской штукой. Я не сердился на ихъ смѣхъ; я кажется, ни на кого и ни за что не могъ бы разсердиться въ эту минуту. Я былъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, что не могъ даже со злостью вспомнить о миссисъ Уайнъ, я больше на нее не сердился. Я такъ хорошо отплатилъ ей, что могъ позволить себѣ ее простить, а послѣ такого урока врядъ ли она станетъ преслѣдовать меня вновь.

День прошелъ весело и мирно; и не прежде, нежели мы понеслись по бурнымъ волнамъ Атлантическаго океана, вспомнилъ я, что багажъ бѣдной женщины остался у меня на яхтѣ. Это воспоминаніе значительно умѣрило мою веселость. Я вовсе не желалъ поставить ее въ такое непріятное положеніе, въ какомъ она теперь очутилась, и чѣмъ болѣе я размышлялъ объ этомъ обстоятельствѣ, тѣмъ менѣе оно мнѣ нравилось. Очевидно, я обязанъ былъ возвратить миссисъ Уайнъ ея имущество какъ можно скорѣе; но куда мнѣ отослать его? Я не зналъ ея адреса въ Обонѣ, если даже предположить, — что было весьма невѣроятно, — что

она осталась тамъ еще на день или на два; она мнѣ ничего не сообщила на счетъ своего маршрута, кромѣ того, что желала попасть на желѣзную дорогу Гласго.

Взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, я порѣшилъ, что всего вѣроятнѣе, что она была на пути въ помѣстье дочери, и потому всего лучше отправить ея багажъ въ Кумберландъ, гдѣ находилось это помѣстье.

Я такъ и сдѣлалъ на другой же день и въ то же самое время послалъ такого рода телеграмму Степльтону: «Отправилъ вамъ четыре багажныхъ мѣста съ курьерскимъ поѣздомъ. Это—имущество м-съ Уайнъ, по случайному недоразумѣнію оставленное на моей яхтѣ. Не знаю, гдѣ она находится, а потому вынужденъ адресовать его къ вамъ. Надѣюсь, что все благополучно. Я отплываю сегодня въ Портсмутъ».

Сдѣлавъ это, я продолжалъ свое путешествіе въ менѣе веселомъ настроеніи духа. Эпизодъ съ багажемъ, я чувствовалъ, могъ привести и къ непріятнымъ усложненіямъ и для меня было бы затруднительно объяснить, какъ онъ попалъ ко мнѣ на яхту. Какъ бы то ни было, а за разными дѣлами и дѣлишками я проваландался цѣлыхъ двѣ недѣли, пока попалъ въ Портсмутъ, гдѣ нашелъ слѣдующее письмо отъ Чарльза Степльтона:

«Дорогой генералъ Риверсъ, сундуки, которые вы были такъ добры выслать, благополучно прибыли къ намъ за день или за два до пріѣзда миссисъ Уайнъ. Конечно, она была рада, найдя ихъ здѣсь, но ей пришлось за-ново обмундироваться въ Гласго, что ей было очень непріятно. Очевидно, какъ вы говорите, произошло какое-то недоразумѣніе. Я не желаю вмѣшиваться въ ваши отношенія съ моей тещей, но долженъ сказать вамъ, что она очень оскорблена тѣмъ, что она называетъ вашимъ необъяснимымъ поведеніемъ. Она говоритъ, что вы ее оставили въ Обанѣ безъ всякаго повода и предупрежденія, хотя между вами было уговорено, что вы проплывете съ ней по Клейду, и что еслибы не любезность лорда Конингтона, который предоставилъ свою яхту въ ея распоряженіе, то она не знала бы, что̀ ей дѣлать. Она убѣждена, что вы поступили такъ съ досады, потому что вамъ не понравилось, что она слишкомъ долго занялась со старикомъ Конингтономъ какими-то фотографіями или альбомами. Долженъ сознаться, что мнѣ трудно вѣрится такому необыкновенному заявленію, но я счелъ за лучшее сообщить вамъ то, что она говоритъ.

«Алиса увѣрена, что все объяснилось бы и уладилось само собой, еслибы вы съѣхались съ ея матерью, и проситъ меня пере-

дать вамъ вмѣстѣ съ ея поклономъ, что она надѣется, что вы пріѣдете погостить къ намъ на нѣсколько дней. Мнѣ нечего прибавлять, какъ я буду вамъ радъ. Миссисъ Уайнъ пробудетъ у насъ два мѣсяца, но чѣмъ скорѣе вы пріѣдете, тѣмъ лучше, потому что она будетъ всѣмъ разсказывать эту исторію, а всегда непріятно примѣшивать постороннихъ къ семейнымъ дѣламъ.

«Искренно вамъ преданный
Чарльзъ Степльтонъ».

Это письмо очень разстроило меня. Мнѣ не хотѣлось лишиться дружбы и уваженія Степльтоновъ, но я видѣлъ, что мнѣ нѣтъ другого выхода. Что касается того, чтобы встрѣтиться съ миссисъ Уайнъ, то я охотнѣе полѣзъ бы въ клѣтки дикихъ звѣрей въ звѣринцѣ. Я даже не отвѣчалъ на письмо Чарльза письмомъ, а послалъ другую телеграмму такого содержанія: «Очень жалѣю, что не могу пріѣхать. Отправляюсь въ Средиземное море на зиму. Никакихъ объясненій не требуется и не желательно».

Если у него есть хоть капля здраваго смысла въ головѣ, думалъ я, онъ пойметъ меня. Я сдержалъ свое слово и какъ только устроился съ дѣлами, отплылъ въ Средиземное море, гдѣ и нахожусь по сіе время. На дняхъ взявъ въ руки одну изъ еженедѣльныхъ газетъ, задача которыхъ вести хронику общественныхъ событій, я напалъ на слѣдующій удивительный параграфъ:

«Возвѣщаютъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени совершится бракосочетаніе виконта Конингтона съ миссисъ Уайнъ, дочь которой, лэди Чарльзъ Степльтонъ, считалась одной изъ первыхъ красавицъ прошлаго сезона и которая сама, по мнѣнію многихъ, «filiâ pulchrior»,—то-есть: красивѣе своей дочери.

Чтожъ! хотя мнѣ и жаль бѣднаго Конингтона, но теперь мнѣ можно, я думаю, вернуться домой.

А. Э.

ЗАДАЧИ ЭТИКИ

Кто хоть сколько-нибудь слѣдилъ за движеніемъ умовъ въ послѣднюю половину нынѣшняго столѣтія, того не могли не поразить странныя судьбы этики въ наши дни,—внезапные, крутые повороты и скачки во взглядахъ на ученіе о нравственности и на роль нравственной личности въ устроеніи человѣческихъ дѣлъ. Лѣтъ двадцать-тридцать тому назадъ объ этикѣ и нравственной личности, казалось, совсѣмъ забыли; теперь интересъ къ нимъ недуманно-негаданно вдругъ возникъ снова, точно выросъ изъ подъ земли. Подкрался онъ въ душу такъ тихо, что мы его только тогда замѣтили, когда онъ уже успѣлъ окрѣпнуть, сталъ силой и началъ обращать на себя общее вниманіе. Захваченные въ расплохъ, мы не успѣли еще отдать себѣ отчета, какъ и почему это случилось, да и что̀ такое собственно нравственность, чего мы въ ней ищемъ и на что она намъ вдругъ такъ понадобилась? Оттого—поразительная разноголосица въ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ; двухъ людей не встрѣтишь, которые бы думали о немъ одинаково: каждый судитъ и рядитъ по своему. Въ пестрой сумятицѣ мнѣній слышатся взгляды, давно и безповоротно осужденные, рядомъ съ выраженіями глубокаго страданія, порожденнаго душевною неудовлетворенностью и пустотою. Запросы, требованія, системы и теоріи перемѣшались и перепутались до того, что невозможно различить лагерей, и въ общей свалкѣ борющіеся за-частую бьютъ своихъ, принимая ихъ за враговъ. Но рядомъ съ этимъ безсмысленнымъ хаосомъ, замѣчается другое, еще болѣе горестное явленіе. Огромное большинство людей, скучая безплодной и безтолковой борьбой и не находя въ ней отвѣта на свои сомнѣнія и вопросы, отворачивается отъ нея, изнемогаетъ, теряетъ силу и бодрость, впадаетъ въ уны-

ніе и напослѣдокъ становится совсѣмъ равнодушнымъ ко всякимъ вообще вопросамъ, пробавляясь изо-дня въ день непосредственными ближайшими интересами и удовлетвореніемъ житейскихъ матеріальныхъ потребностей. Съ разныхъ сторонъ указываютъ на это явленіе, какъ на признакъ разложенія и тлѣнія. Глубокій развратъ и великая скорбь, быстро овладѣвающіе міромъ, невольно напоминаютъ состояніе рода человѣческаго за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, точно будто снова мракъ начинаетъ падать на землю и людей.

Поборники преданій и добрыхъ старыхъ нравовъ, кто съ злораднымъ торжествомъ, а кто съ сердечною горестью, указываютъ на растлѣніе современнаго общества и ничтожество, безсиліе современныхъ людей, какъ на неизбѣжное, роковое послѣдствіе отступничества отъ вѣры и преданій отцовъ и дѣдовъ,—послѣдствіе, которое они предвидѣли и предсказывали заранѣе. Люди, ратующіе подъ знаменемъ науки, убѣжденные въ непреложности ея метода и непогрѣшимости ея выводовъ, твердо вѣрующіе въ ея всемогущество, смущены явленіями дѣйствительности, такъ мало отвѣчающими ихъ, казалось бы, несомнѣннымъ соображеніямъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто же изъ поборниковъ науки не былъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, непоколебимо убѣжденъ, что знаніе, просвѣщеніе, хорошіе общественные порядки сами собою воспитаютъ нравственность и добродѣтель въ сознаніи и сердцахъ людей? Кому изъ нихъ не думалось, что культура, основанная на знаніи, должна навсегда упразднить и преданія и этику, дѣлая ихъ ненужными? Въ сознаніи торжествующей силы европейской цивилизаціи, которая захватываетъ все большій и большій кругъ людей и распространяется чуть ли не на весь міръ, мы привыкли смотрѣть на ученіе о нравственности какъ на росказни старыхъ, нянекъ, удѣлъ дѣтскаго возраста и невѣжественнаго простонародья. Теперь приходится убѣждаться, что цивилизація и культура только дрессируютъ и полируютъ людей снаружи, въ ихъ сношеніяхъ съ другими людьми и обществомъ; что внѣ этихъ отношеній и бокъ-о-бокъ съ культурой и цивилизаціей могутъ уживаться самыя чудовищныя страсти, самые гнусные и отвратительные пороки, самые звѣрскіе инстинкты, которые, нѣтъ-нѣтъ, да и прорываются въ неслыханныхъ злодѣйствахъ, останавливающихъ кровь въ жилахъ. Гдѣ же, послѣ того, всемогущество культуры и цивилизаціи? Какое разочарованіе! Оно не могло не поколебать вѣры въ науку, не разстроить густыхъ рядовъ ея безусловныхъ приверженцевъ, бодро шедшихъ впередъ подъ ея развернутымъ знаменемъ. Пришлось съ грустью

сознаться, что въ наукѣ и ея выводахъ есть какой-то пробѣлъ, что-то недоговоренное, недосказанное,—нѣчто такое, что путаетъ наши соображенія и мѣшаетъ идти впередъ съ прежнею увѣренностью и твердостью.

Посреди такихъ колебаній и раздумья, многими лучшими умами овладѣло тяжкое сомнѣніе: да въ самомъ ли дѣлѣ людямъ на роду написано когда-нибудь достигнуть обѣтованной земли правды и душевнаго удовлетворенія? Сколько разъ въ исторіи они, казалось, достигали этой завѣтной цѣли исканій и открывали къ ней двери настежъ; а вслѣдъ за тѣмъ, каждый разъ оказывалось, что они были такъ же отъ нея далеки, какъ прежде. Пора убѣдиться, что попытки добраться до правды и удовлетворенія—одна погоня за иллюзіями и мечтами! Обѣтованная земля, гдѣ онѣ живутъ, существуетъ только въ нашемъ воображеніи, а въ дѣйствительности вѣчно совершается одинъ и тотъ же круговоротъ, который начинается и оканчивается, чтобъ затѣмъ начаться снова и снова такъ же окончиться и такъ до безконечности, пока міръ стоитъ. Это еще сказалъ великій историкъ-философъ Вико, триста лѣтъ тому назадъ и онъ былъ правъ; съ тѣхъ поръ его мысль подтвердилась тысячами новыхъ фактовъ и наблюденій. Какъ свѣтила небесныя однообразно вертятся вокругъ своего солнца, какъ однообразно смѣняются времена года, какъ организмы рождаются, живутъ и умираютъ, уступая мѣсто другимъ, такъ же однообразно совершается и смѣна періодовъ исторіи, возобновляясь безпрерывно. Люди не болѣе какъ пѣшки въ этой однообразной игрѣ, совершающейся по законамъ механики, съ правильностью хронометра. Человѣкъ, какъ бѣлка въ колесѣ, воображаетъ, что движется впередъ, оставаясь на одномъ мѣстѣ. Задаваться далекими цѣлями, стремиться къ идеаламъ есть самообольщеніе; надо жить какъ живется и пока живется: вотъ послѣднее, настоящее слово человѣческой мудрости.

Который же изъ этихъ различныхъ взглядовъ правиленъ? Чему вѣрить, на что опереться? Слѣдуетъ ли, въ простотѣ сердца, покаяться въ самонадѣянномъ отступничествѣ отъ добрыхъ нравовъ и преданія и изъ безчисленныхъ и тщетныхъ блужданій возвратиться съ дѣтской вѣрой къ тому, что многимъ поколѣніямъ давало душевный миръ и утѣшеніе? Или надо продолжать искать, изслѣдовать, думать, бодро идя до конца по трудному, многострадальному пути науки и знанія, пока не будетъ найденъ ключъ къ истинѣ и она откроется? Или, наконецъ, всего благоразумнѣе разстаться разъ навсегда съ идеалами и далекими цѣлями, какъ съ опасными миражами, и довольствоваться однимъ

ближайшимъ, практически достижимымъ, искусно лавируя между житейскими шхерами и не рискуя пускаться въ открытое, неизвѣстное и неизслѣдимое море идеологіи?

На такомъ распутіи стоитъ современный мыслящій человѣкъ, въ нерѣшимости, куда идти. Всѣ разбрелись по разнымъ дорогамъ и ни откуда пока не раздалось голоса, встрѣченнаго отовсюду радостными кликами, что настоящій путь и давно желанное разрѣшеніе бесчисленныхъ сомнѣній и душевныхъ страданій найдено. Каждый изловчается по своему, какъ умѣетъ и можетъ, утишать свои внутреннія муки.

Въ такой-то средѣ и условіяхъ снова возродился въ наши дни интересъ къ этикѣ. Къ ней, заброшенной и покрытой архивной паутиной, обратились опять, чтобъ поискать, не найдется ли здѣсь того, чего такъ долго, мучительно и безуспѣшно домогаются люди.

Возрастающій интересъ къ этикѣ замѣчается въ послѣднее время не только въ Европѣ, но и у насъ, и притомъ съ оттѣнкомъ, который показываетъ, что наклонность въ сторону этическихъ вопросовъ не есть только дѣло моды, подражанія или мимолетнаго увлеченія, а выраженіе дѣйствительной потребности. Въ европейской литературѣ вопросъ о нравственности снова поднятъ, поставленъ на очередь и тщательно разрабатывается, какъ предметъ теоретическаго изслѣдованія и научнаго интереса; у насъ же онъ вызванъ практическими соображеніями, злобою дня и, можно сказать безъ преувеличенія, живо затрогиваетъ всѣхъ и каждаго, отъ палатъ до крестьянской избы, отъ безбородыхъ юношей до старцевъ,—всякаго разумѣется по своему, съ свойственной ему точки зрѣнія и въ границахъ его знаній и пониманія. Отчего такая разница—объяснить не трудно. Въ Европѣ условія общественной и политической жизни — мы не говоримъ, хороша она или дурна—выработаны и опредѣлены до малѣйшихъ подробностей и самымъ точнымъ образомъ очерчиваютъ кругъ дѣятельности каждаго; никто не можетъ безнаказанно изъ него выступать. Твердый, ясный и строгій законъ, поддержанный превосходной администраціей, судами, сословіемъ ученыхъ юристовъ и вполнѣ сложившимися нравами общества, ставитъ точныя границы дѣятельности всѣхъ и каждаго, стягиваетъ все общество, если можно такъ выразиться, желѣзнымъ обручемъ, который всякому даетъ надежную точку опоры и обращаетъ сожительство людей въ единый, сочлененный и стройный механизмъ, дѣйствующій съ точностью заведенныхъ часовъ. Въ средѣ, организованной такимъ образомъ, между людьми, выдрессиро-

ванными подобными образцовыми общественными порядками, практическая потребность въ личной нравственности естественно должна чувствоваться слабѣе, и вопросы этики могутъ интересовать только какъ предметъ любознательности, или научнаго знанія и теоріи. Въ случаѣ разстройства общественной и политической организаціи въ Европѣ, никому не приходитъ въ голову искать причины въ ослабленіи или отсутствіи нравственнаго чувства или этическихъ идеаловъ; всякій приписываетъ ее порчѣ механизма, управляющаго общественною и политическою жизнью, и убѣжденъ, что стоитъ только исправить, обновить или улучшить слабыя его части, и машина будетъ продолжать дѣйствовать такъ же исправно, какъ прежде. Иначе стоитъ дѣло у насъ. Выработкой и совершенствомъ общественныхъ формъ мы не можемъ похвалиться. Люди, не находя прочнаго устоя въ объективныхъ условіяхъ общественнаго быта, естественно ищутъ его въ индивидуальныхъ нравственныхъ качествахъ. Чѣмъ болѣе у насъ развивается индивидуализмъ, тѣмъ, при нашей обстановкѣ, потребность въ нравственныхъ идеалахъ должна чувствоваться сильнѣе; она дѣйствительно растетъ и высказывается во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Многіе, проводя это сравненіе далѣе, думаютъ, что у насъ, какъ было въ Европѣ, съ усовершенствованіемъ общественнаго и политическаго быта, потребность въ этическихъ идеалахъ и интересъ къ вопросамъ этики должны ослабнуть. Не мы, конечно, станемъ отрицать необходимость законодательныхъ и административныхъ реформъ въ Россіи; но ожидать отъ нихъ однихъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, поставленныхъ ходомъ всемірной исторіи, значитъ крайне съуживать смыслъ того движенія умовъ, которое происходитъ теперь всюду, въ старомъ и новомъ свѣтѣ и у насъ. Въ Европѣ оно только заслонено выработанностью и совершенствомъ общественныхъ и политическихъ формъ и потому потребность въ нравственномъ обновленіи выражается болѣе теоретически, не такъ непосредственно и ярко, какъ у насъ. Но и тамъ, и здѣсь потребность эта одинаково существуетъ, вызывается одними и тѣми же, весьма глубокими причинами и не можетъ быть удовлетворена испытанными до сихъ поръ средствами и способами. Обращеніе къ этикѣ и этическимъ вопросамъ въ наше время не есть одно изъ временныхъ колебаній человѣческой мысли на торномъ и ясномъ пути развитія и совершенствованія, а означаетъ въ ней переходъ съ прежняго пути на новый—переходъ, подготовленный вѣками наблюденій, изслѣдованій и опытовъ.

Объяснить это и есть задача настоящаго этюда.

I.

Что такое нравственность, нравственное чувство, нравственная личность? Прислушаемся къ разговорамъ, взглянемъ въ книги и журнальныя статьи, заведемъ рѣчь объ этихъ предметахъ—и мы тотчасъ же убѣдимся, что каждый понимаетъ нравственность, нравственную личность по своему, что съ этими названіями соединяются совсѣмъ различныя представленія. На повѣрку выходитъ, что нравственность есть нѣчто крайне неопредѣленное и туманное. Поэтому надо, прежде всего, точно и ясно условиться и установить о чемъ собственно мы намѣрены говорить.

Безнравственнымъ мы называемъ, сплошь и рядомъ, человѣка, который своими внѣшними поступками нарушаетъ принятыя въ обществѣ правила приличія, и благопристойности, обнаруживаетъ порочныя наклонности или нагло и дерзко попираетъ божескіе и человѣческіе законы. Въ томъ же смыслѣ мы говоримъ и объ общественной нравственности, означая этимъ способъ и характеръ внѣшнихъ дѣйствій, если не всѣхъ, то значительнаго большинства людей въ данномъ обществѣ. Въ этихъ и подобныхъ имъ выраженіяхъ внѣшняя, объективная сторона поступковъ, — та, которою человѣкъ соприкасается съ другими людьми или вступаетъ въ отношенія съ обществомъ и представителями общественной или государственной власти,—ставится на одну доску съ внутренней, душевной, и подразумѣвается, что понятіе о нравственности слагается изъ обѣихъ сторонъ вмѣстѣ. Но правиленъ ли такой взглядъ? Мы думаемъ, что нѣтъ. Въ нашемъ понятіи поступкомъ, дѣйствіемъ можетъ быть результатъ душевной дѣятельности, ничѣмъ не заявившій себя во внѣшнемъ мірѣ, точно такъ же, какъ есть множество внѣшнихъ дѣйствій, вовсе не вмѣняемыхъ съ нравственной точки зрѣнія. Кто задумалъ дурное дѣло, но и не покушался его выполнить по независящимъ отъ него обстоятельствамъ или препятствіямъ, тотъ совершилъ безнравственный поступокъ; съ другой стороны совершившій преступное внѣшнее дѣйствіе или покусившійся на преступный внѣшній поступокъ, но безъ всякаго умысла и неосторожности, совершенно случайно и безсознательно, не признается преступникомъ даже по законамъ уголовнымъ. Стало быть, есть поступки внутренніе и внѣшніе; тѣ и другіе могутъ совпадать, но могутъ быть совершаемы и отдѣльно, независимо одинъ отъ другого. Внутренніе, душевные поступки суть явленія или событія въ психической жизни отдѣльнаго лица, а внѣшніе, объективные

поступки производятъ перемѣны въ мірѣ внѣшнихъ явленій, представляютъ факты объективнаго характера или свойства. Внутренніе поступки обществомъ и государствомъ не преслѣдуются, точно такъ же, какъ не преслѣдуются и внѣшніе поступки, когда они не совпадаютъ съ внутренними, душевными; преслѣдованію со стороны общества и государства подвергаются только извѣстнаго рода поступки, въ которыхъ внутреннее и внѣшнее дѣйствіе совпадаютъ. Очевидно, что характеризовать такія совпаденія двухъ порядковъ дѣйствій названіемъ, принадлежащимъ одному изъ нихъ, нельзя, не спутывая понятій и не затемняя ихъ; а мы это дѣлаемъ на каждомъ шагу. Къ выраженіямъ: нравственное, безнравственное поведеніе, общественная нравственность или совѣсть мы такъ же привыкли, какъ къ столько же ошибочнымъ выраженіямъ: законопротивный замыселъ, преступная воля.

Просимъ читателей не заподозрить насъ въ желаніи провести свою мысль помощью діалектическихъ тонкостей; ихъ тщету и безплодность мы знаемъ и понимаемъ. Неточность выраженія, сама по себѣ, ничего не значитъ и ничего не доказываетъ; но она знаменательна и крайне важна, когда обнаруживаетъ ошибочный складъ мыслей и поддерживаетъ смѣшеніе понятій. Перенесеніе характеристическихъ признаковъ съ одного ряда явленій на другой, присвоеніе названія, свойственнаго одному ряду явленій, сложному факту, въ которомъ этотъ рядъ участвуетъ только какъ одна изъ составныхъ частей, допускается въ данномъ случаѣ только потому, что современная мысль склонилась больше чѣмъ бы слѣдовало къ односторонне-объективному взгляду и утратила чутье къ внутренней, духовной жизни людей. Благодаря этому, границы нравственности и права сливаются, и тамъ, гдѣ они соприкасаются, мы не умѣемъ точнымъ образомъ ихъ расчленить. При такихъ условіяхъ невозможно и ученіе о нравственности.

Какъ нравственныя явленія перепутаны въ нашихъ понятіяхъ съ правовыми, такъ и наоборотъ, правовыя съ нравственными. Подъ неопредѣленнымъ и туманнымъ выраженіемъ: общественная нравственность, мы разумѣемъ собственно сложившіеся въ обществѣ нравы, обычаи, привычки; но они, очевидно, относятся не къ внутреннимъ душевнымъ движеніямъ, а къ ихъ внѣшнимъ проявленіямъ, и потому, какъ объективныя нормы внѣшнихъ поступковъ, имѣютъ правовой характеръ; мѣрило нравственности къ нимъ непримѣнимо, и называть ихъ нравственными или безнравственными нельзя. Нравы, обычаи, привычки обусловлены сожительствомъ людей въ обществѣ и государствѣ, имѣютъ своимъ источни-

комъ потребности организованнаго быта людей и слѣдовательно относятся къ области права, отъ котораго отличаются только случайными признаками, больше по недоразумѣнію, чѣмъ по существу дѣла. Подъ правомъ мы привыкли понимать лишь нормы, юридически обязательныя для всѣхъ и каждаго и установленныя общественною или государственною властью подъ страхомъ судебныхъ или административныхъ взысканій и наказаній за ихъ нарушеніе. Очевидно, что и въ этомъ случаѣ видовое понятіе неправильно возведено въ родовое; ибо что же такое общественные нравы, обычаи, привычки, какъ не нормы, обязательныя для внѣшнихъ поступковъ, отступленіе отъ которыхъ влечетъ за собою невыгодныя или, по крайней мѣрѣ, непріятныя послѣдствія,—нормы, созданныя и охраняемыя отъ нарушеній не публичною властью, а мнѣніемъ извѣстной группы людей?

Такое же перенесеніе правовыхъ понятій въ сферу нравственныхъ явленій не трудно подмѣтить и въ попыткахъ схватить нравственныя движенія въ точно опредѣленныя формулы внѣшнихъ дѣйствій, пріурочить ихъ къ извѣстнаго рода внѣшнимъ поступкамъ. Много потрачено силъ и труда на опредѣленіе, какія внѣшнія дѣйствія слѣдуетъ признать нравственными, какія безнравственными — и все понапрасну! Мѣрка для внѣшнихъ поступковъ одна, для нравственныхъ, душевныхъ, внутреннихъ — другая. Какъ же мѣрить тѣ и другія на одинъ аршинъ? Внѣшнее дѣйствіе взвѣшивается и оцѣняется по тому значенію, какое оно имѣетъ для общества, государства, или для другихъ людей; душевныя движенія, помыслы, намѣренія—по ихъ отношенію къ сознанію, пониманію и внутреннему убѣжденію того, въ комъ они зрѣютъ и совершаются. Отсюда—различный характеръ правилъ для нравственныхъ поступковъ и для внѣшнихъ дѣйствій. Не различая тѣхъ и другихъ, мы впадаемъ безпрестанно въ грубыя ошибки. Наше внутреннее побужденіе къ внѣшнему дѣйствію можетъ быть нравственно, а вызванное имъ внѣшнее дѣйствіе — преступно, и наоборотъ: внѣшній поступокъ, по объективнымъ признакамъ безразличный, даже похвальный, по своимъ психическимъ мотивамъ можетъ быть безнравственнымъ.

Намъ возразятъ, что расчленяя и размежевывая точными границами нравственность и право, субъективные и объективные поступки, мы разъединяемъ то, что̀ въ дѣйствительности слито, и придумывая для нравственности правила, отличныя отъ правовыхъ, мы вносимъ противурѣчіе и разладъ между нравственными стремленіями и требованіями положительнаго закона. Совсѣмъ напротивъ! Раздѣляя право и нравственность, мы ихъ сближаемъ и,

отводя нравственному и юридическому элементу то мѣсто, какое каждому изъ нихъ принадлежитъ, мы доказываемъ возможность ихъ мирнаго сосуществованія, безъ столкновеній и борьбы.

Замѣчаніе, что нельзя расчленять того, что въ жизни слито, несерьезно. Умъ шагу ступить не можетъ, не разлагая явленія, которое изучаетъ. Чѣмъ такое разъятіе составныхъ элементовъ полнѣе и точнѣе, тѣмъ глубже, совершеннѣе знаніе. Недостатку точнаго анализа должно, между прочимъ, приписать и теперешнюю путаницу понятій, благодаря которой нравственный элементъ дѣйствій подавленъ преобладающимъ интересомъ къ ихъ объективной сторонѣ.

Недоумѣніе передъ строгимъ и точнымъ различеніемъ права и нравственности кажется серьезнѣе, но только на первый взглядъ. Къ чему оно приводитъ? Изъ него слѣдуетъ, что нельзя оправдывать преступныхъ внѣшнихъ дѣйствій чистотою и возвышенностью намѣреній и цѣлей, точно такъ же, какъ нельзя и не должно осуждать и карать никого за одни предполагаемыя злыя намѣренія и дурныя цѣли, пока они не выразились во внѣшнемъ поступкѣ. То и другое — безспорныя истины, и люди отъ нихъ отступали и отступаютъ только потому, что не уяснили себѣ различія между нравственнымъ и правовымъ порядкомъ. Наша внутренняя, душевная дѣятельность есть наше личное дѣло, въ которое никто вступаться не можетъ и не долженъ; напротивъ, наши внѣшніе поступки, касаясь другихъ, подпадаютъ подъ объективное мѣрило, которое совершенно не зависитъ отъ нашего личнаго убѣжденія и совѣсти. На чемъ вертятся безчисленныя трагическія столкновенія между горячими, искренними убѣжденіями людей и требованіями существующаго правового порядка? Только на смѣшеніи сферы нравственности и права, на недостаткѣ строгаго разграниченія личной, субъективной, отъ коллективной, объективной жизни и дѣятельности. Кто судья тому, что я въ самомъ дѣлѣ злоумышленникъ, если мой злой умыселъ ни въ чемъ не обнаружился? Кромѣ меня самого никто изъ людей! Точно также, не я самъ и никто изъ думающихъ одинаково со мною, не судьи тому, что порядокъ дѣлъ, который я ношу въ своемъ умѣ и сердцѣ, въ самомъ дѣлѣ лучше того, который существуетъ. Объ этомъ судить не мнѣ, а другимъ. Если они и ошибаются, то все же ихъ дѣло исправить свою ошибку и не мнѣ принадлежитъ власть ихъ къ тому принудить.

Итакъ, нравственнымъ или безнравственнымъ можетъ быть названъ поступокъ — все равно, будетъ ли онъ только внутренній, или и внутренній и вмѣстѣ внѣшній — лишь по отношенію къ

лицу, которое его совершило. Этика имѣетъ предметомъ одни отношенія поступка къ дѣйствующему лицу, къ его душевному строю,—ощущеніямъ, убѣжденіямъ и помысламъ. Она изслѣдуетъ условія, при которыхъ дѣйствіе зарождается въ душѣ и законы душевной дѣятельности, опредѣляетъ ея нормы и указываетъ способы, помощью которыхъ душевная дѣятельность можетъ стать нормальной. По этому своему содержанію, этика имѣетъ ближайшую связь съ психологіей. Она, вмѣстѣ съ послѣдней, изъ всѣхъ наукъ всего глубже проникаетъ въ тайны психической жизни и дѣятельности человѣка и всего ближе подходитъ къ источникамъ, гдѣ послѣдняя непосредственно зарождается. Крайняя трудность анализа явленій, которыми психологія и этика занимаются, объясняетъ, почему обѣ такъ медленно развиваются и позднѣе всѣхъ другихъ вырабатываются въ особыя отрасли научнаго знанія. Но именно близость психологіи и этики къ непосредственнымъ источникамъ психической жизни и дѣятельности людей дѣлаетъ обѣ эти науки вѣнцемъ и послѣднимъ заключительнымъ словомъ всего знанія. Это, конечно, вовсе не значитъ, что съ разрѣшеніемъ вопросовъ этики всѣ другія науки, какъ безполезныя и ненужныя, должны быть упразднены, или что съ выясненіемъ законовъ психической дѣятельности, установленіемъ ея направленія и нормъ должны упраздниться самые источники, изъ которыхъ психическая дѣятельность вытекаетъ, элементы, изъ которыхъ она слагается, условія и вліянія, которыми эта дѣятельность безпрестанно направляется въ разныя стороны. Такіе выводы были бы фантастичны или наивны и возможны только при дѣтскомъ непониманіи задачъ и значенія научнаго знанія. Оно ничего не упраздняетъ и ничего не создаетъ, а только объясняетъ человѣку, въ свойственныхъ его уму формахъ, условія и законы существующаго. На основаніи достигнутаго знанія онъ затѣмъ придумываетъ способы примѣненія знанія къ своимъ потребностямъ, нуждамъ и желаніямъ. Наука ничего не перемѣняетъ въ дѣйствительномъ мірѣ; она только даетъ человѣку средства приспособить этотъ міръ къ своимъ цѣлямъ и себя приладить къ нему, для достиженія тѣхъ же своихъ цѣлей. На этомъ назначеніе и роль знанія, науки и оканчивается. То, чтó ей больше того приписывается, должно быть отнесено къ области вымысловъ и фантазіи.

II.

Мы сказали, что этика разсматриваетъ и опредѣляетъ отношенія психической дѣятельности къ душевному строю самого дѣйствующаго лица. Чтобъ понять, въ чемъ состоятъ эти отношенія, читателю необходимо напередъ ознакомиться съ тѣмъ, что должно разумѣть подъ душевнымъ строемъ и психическою дѣятельностью человѣка. То и другое составляетъ предметъ психологіи, ученія которой далеко еще не установились. Поэтому мы изложимъ здѣсь, въ главныхъ чертахъ, нашъ взглядъ на эти предметы.

Все, что существуетъ на свѣтѣ, начиная съ песчинки и оканчивая человѣкомъ, живетъ своею жизнью и имѣетъ своего рода дѣятельность; только формы жизни и дѣятельности весьма различны. Жизнь и дѣятельность предметовъ неорганизованной природы обнаруживаются почти исключительно при дѣйствіи на нихъ другихъ предметовъ и потому суть пассивныя, страдательныя. Слѣды собственнаго почина или активной жизни въ этихъ предметахъ чрезвычайно слабы (напримѣръ, процессы кристаллизаціи).

Ясные признаки самодѣятельности начинаютъ показываться въ существахъ организованныхъ. Чѣмъ организмъ выше, развитѣе, совершеннѣе, тѣмъ выше, больше, сильнѣе его самодѣятельность, его собственная иниціатива; наоборотъ, чѣмъ ниже организмъ стоитъ въ восходящемъ ряду организмовъ, тѣмъ самодѣятельность заявляетъ себя слабѣе, формы ея неопредѣленнѣе, проще, бѣднѣе и однообразнѣе. Неразлучными спутниками самодѣятельности, раздѣляющими его судьбу и проходящими одні съ нею ступени развитія, является способность принимать впечатлѣнія, въ которой заключаются уже всѣ задатки умственной дѣятельности, способность ощущать и тѣсно съ нею связанное самочувствіе. Въ организмахъ низшаго порядка они заявляютъ себя весьма слабо и напротивъ выказываются все сильнѣе и ярче, по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ къ организмамъ высшаго порядка.

Эти наблюденія показываютъ, что всѣ проявленія организованной жизни имѣютъ между собою тѣснѣйшую связь. При нѣкоторой внимательности нетрудно понять, въ чемъ она заключается. Въ организованныхъ существахъ жизнь и дѣятельность, разлитыя во всей природѣ, индивидуализируются, являются въ видѣ особей, выдѣляются въ единицы. Въ восходящемъ рядѣ этихъ единицъ индивидуализація жизни выражается все больше

и сильнѣе. Чѣмъ организмъ выше, тѣмъ онъ сосредоточеннѣе, тѣмъ болѣе выдѣляется изъ окружающей его среды, тѣмъ болѣе замѣтно въ немъ стремленіе стать отъ нея независимымъ, сдѣлаться по возможности самостоятельнымъ. Съ этимъ совпадаетъ переходъ жизни и дѣятельности изъ страдательной, пассивной въ активную, дѣятельную, развитіе и усиленіе впечатлительности, способности чувствовать себя и отзываться ощущеніемъ на вліянія и дѣйствія, приходящія извнѣ. Умъ изъ способности принимать впечатлѣнія преобразуется въ могущественное средство и орудіе для огражденія организма и поддержанія его существованія въ окружающей средѣ.

Обойдемъ здѣсь весьма запутанный, безконечный и для нашей задачи посторонній споръ о томъ, была ли индивидуальная самостоятельность организмовъ естественнымъ слѣдствіемъ того, что, въ силу данныхъ условій, должна была появиться организованная жизнь съ различными ея свойствами и принадлежностями, или же стремленіе къ самостоятельности породило организованную жизнь, снабдило организмы для этой цѣли самочувствіемъ, способностью вырабатывать впечатлѣнія, мыслить и ощущать. Остановимся на однихъ явленіяхъ, удостовѣренныхъ изслѣдованіями и пойдемъ далѣе.

Вѣнецъ природы, самый развитый и совершенный изъ всѣхъ организмовъ, есть человѣкъ. Всѣ принадлежности организованной жизни являются въ немъ, сравнительно съ другими, извѣстными намъ природными организмами, въ самомъ совершенномъ видѣ и онъ ихъ самъ развиваетъ все болѣе и болѣе. Сверхъ того, въ религіи, художественномъ творчествѣ и наукѣ онъ проявляетъ свойства и способности, которыхъ и слѣда мы не открываемъ въ жизни и дѣятельности прочихъ организмовъ.

Какою ближайшею, непосредственною причиною объяснить это превосходство человѣка надъ всѣми другими организмами въ природѣ? Гдѣ источникъ тѣхъ его способностей и совершенствъ, которыя долго заслоняли отъ глазъ непосредственныя, тѣснѣйшія его связи съ остальнымъ міромъ?

Мы думаемъ, что этой причины слѣдуетъ искать въ особой прирожденной способности, которая если и не есть исключительная принадлежность человѣческаго рода, то во всякомъ случаѣ выдается въ немъ съ особенною силою, рельефностью и яркостью, и по одному изъ своихъ признаковъ, наиболѣе бросающихся въ глаза, называется сознаніемъ. Этою способностью объясняются всѣ характеристическія особенности и отличія людей. Она еще очень мало изслѣдована, хотя давно подмѣчена, подробно описана гер-

манскими учеными и даже подведена ими подъ логическую схему, которая и послужила для Шеллинга и Гегеля исходною точкой ихъ философскихъ системъ. Сознаніемъ мы называемъ особый видъ знанія, различный отъ непосредственнаго, и который составляетъ, сравнительно съ послѣднимъ, его, если можно такъ выразиться, вторую, высшую ступень. Животныя несомнѣнно знаютъ, но непосредственно, съ незначительными и рѣдкими проблесками сознательности. Благодаря ей, человѣкъ не только способенъ обратить то, чтò онъ уже знаетъ, въ предметъ познаванія, но онъ, въ то же время, способенъ понимать, что знаетъ или вновь познаетъ предметъ. Такимъ образомъ сознательность даетъ человѣку какъ бы двойное знаніе одного и того же предмета; кромѣ того, вслѣдствіе сознательности, человѣкъ не только можетъ вдвойнѣ обнимать предметъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и давать себѣ въ этомъ отчетъ.

Психическая способность такой громадной важности и значенія, далеко еще не оцѣненная по достоинству и въ Германіи, совершенно опущена изъ виду англійскими и французскими психологами. Нѣмецкіе ученые замѣтили ея участіе въ операціяхъ и процессахъ одного лишь мышленія, да и въ нихъ не прослѣдили ея вліянія до конца; но она замѣшана не въ одной умственной дѣятельности человѣка, а и во всѣхъ другихъ его психическихъ отправленіяхъ и проникаетъ всю его психическую жизнь. Присутствіе этого фактора во всемъ, чтò думаетъ, ощущаетъ и творитъ человѣкъ, и даетъ основательный поводъ предполагать, что такая способность есть въ немъ прирожденная, т.-е. унаслѣдованная и, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣетъ въ его физіологической организаціи свой субстратъ, хотя мы объ немъ пока ничего не знаемъ. Наблюденія показываютъ только, что она развивается отдѣльно отъ способности непосредственнаго знанія, и въ самомъ яркомъ своемъ видѣ, именно какъ сознаніе, обнаруживается сравнительно позднѣе. Это видно на дѣтяхъ и малоразвитыхъ людяхъ. Сознаніе можетъ быть и пассивнымъ и дѣятельнымъ. Оно является пассивнымъ въ созерцаніи и въ самосознаніи; дѣятельнымъ,—когда контролируетъ, повѣряетъ и направляетъ умственныя операціи, движенія чувствъ, внѣшніе поступки.

Итакъ, всѣ разнообразныя проявленія способности, о которой мы говоримъ, указываютъ на то, что психическая жизнь распредѣлена между двумя центрами. Центръ высшей психической жизни и дѣятельности, если и есть въ животныхъ, то въ зачаточномъ видѣ; въ человѣкѣ же онъ сильно развитъ и производитъ двойственность, которая замѣчается во всемъ, что онъ

думаетъ, чувствуетъ и дѣлаетъ. Раздвоенность нашей психической организаціи покоится не на двойственности психической природы человѣка, а происходитъ, вѣроятно, вслѣдствіе дифференціаціи органа, въ которомъ сосредоточивается психическая жизнь. Это видно изъ того, что знаніе и сознаніе имѣютъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ, только въ различныхъ его видахъ и что законы дѣятельности обоихъ одни и тѣ же; вся разница между ними ограничивается лишь тѣмъ, что сознаніе не имѣетъ непосредственно дѣла съ непосредственною дѣйствительностью, а исключительно только съ тѣмъ, что изъ нея выработано непосредственнымъ знаніемъ. Аналогическіе тому факты замѣчаются и въ физіологическихъ процессахъ. Многими неорганизованными веществами человѣкъ пользуется не прямо, а въ томъ видѣ, въ какомъ они являются, пройдя черезъ переработку въ растеніяхъ; точно также вещества идутъ на пополненіе и обновленіе нашего организма по предварительной переработкѣ ихъ въ желудкѣ. Дифференцированная умственная дѣятельность не создаетъ ничего новаго, а только приводитъ данное, существующее, въ новыя сочетанія, по извѣстнымъ и, притомъ, однимъ и тѣмъ же законамъ. Съ общей, отвлеченной точки зрѣнія, сознаніе не производитъ ни въ чемъ никакой перемѣны; въ дѣйствительности же оно создаетъ множество новыхъ, разнообразныхъ комбинацій, недоступныхъ непосредственному знанію, которое можетъ натолкнуться на нихъ лишь случайно и не въ состояніи ими воспользоваться для произведенія дальнѣйшихъ, болѣе сложныхъ и тонкихъ сочетаній. Такимъ образомъ, сознаніе является лишь дальнѣйшимъ, послѣднимъ осложненіемъ психической жизни, свойственнымъ человѣку, и въ томъ развитомъ видѣ, въ какомъ онъ ею обладаетъ, не встрѣчается ни въ какомъ другомъ изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ организмовъ.

При такомъ взглядѣ на психическую жизнь и дѣятельность вообще и человѣка въ особенности, многое въ ней непонятное можетъ быть разъяснено и многіе вопросы, кажущіеся, при теперешней ихъ постановкѣ, неразрѣшимыми, могутъ поддаться рѣшенію, или отпадаютъ.

Камнемъ преткновенія для научной психологіи является загадочное, таинственное *я*—выраженіе и единичности, индивидуальности и вмѣстѣ единства каждаго человѣка. Съ нашей точки зрѣнія открываются виды на рѣшеніе этого вопроса, по крайней мѣрѣ, представляются пути, чтобы подойти къ нему съ неизслѣдованной еще стороны. Сравненіе различныхъ организмовъ показываетъ, что чѣмъ они развитѣе и совершеннѣе, тѣмъ со-

средоточеннѣе, т.-е. тѣмъ болѣе составныя ихъ части смыкаются въ единое органическое цѣлое. Это какъ нельзя болѣе подтверждается и непосредственнымъ наблюденіемъ, и изслѣдованіемъ нервной и мозговой системъ у животныхъ и человѣка. Въ послѣднемъ, какъ самомъ совершенномъ изъ всѣхъ организмовъ, сосредоточеніе всѣхъ элементовъ и всѣхъ отправленій достигаетъ высшей точки. Въ восходящемъ рядѣ организмовъ мы замѣчаемъ постепенное усиленіе самочувствія. Ставъ въ человѣкѣ предметомъ сознанія, оно выражается словомъ — *я*, обозначающимъ сознаніе собственнаго органическаго единства. Заключается ли затѣмъ органическое единство всѣхъ нашихъ психическихъ отправленій въ единой живой душѣ, или она есть равнодѣйствующая всѣхъ психическихъ отправленій—это вопросъ, который, для нашей цѣли, не представляетъ никакого интереса и не имѣетъ для нея никакого значенія.

Далѣе. Съ нашей точки зрѣнія легче, чѣмъ со всякой другой, установить точныя границы психологіи и этики, выдѣлить ихъ изъ числа другихъ смежныхъ отраслей науки. Явленія непосредственной жизни и дѣятельности составляютъ предметъ такъ-называемаго положительнаго изслѣдованія и знанія. Только явленія, представляющія результатъ отправленій второй или высшей дѣятельности, которая называется сознательною, входятъ въ область психологіи и этики. Ставя эту границу, мы, разумѣется, и не помышляемъ отдѣлять обѣ эти науки китайской стѣной отъ остальныхъ и не думаемъ разрывать ихъ связи съ естественными и другими науками. Предметами высшей способности души становятся факты подготовленные и выработанные низшею психическою жизнью и дѣятельностью; этика имѣетъ задачею регулировать послѣдніе, подчинить ихъ извѣстнымъ нормамъ. Этимъ установляется такая же тѣснѣйшая взаимная связь между науками, какая существуетъ въ дѣйствительности между явленіями. Мы особенно дорожимъ точнымъ разграниченіемъ разныхъ отраслей знанія только потому, что съ ихъ смѣшеніемъ рождаются и плодятся ошибочныя, превратныя понятія о факторахъ дѣйствительной жизни. Такая путаница немало содѣйствовала ложному направленію психологіи и упраздненію этики какъ науки.

Тотъ же взглядъ проливаетъ яркій свѣтъ на происхожденіе и значеніе идеальныхъ стремленій людей. Отрицать ихъ нельзя; вычеркнуть ихъ изъ человѣческой природы невозможно. Многіе приходятъ въ раздраженіе и негодованіе при одной мысли, что есть безумцы, которые осмѣливаются легкомысленно и нечестиво посягать на идеалы и идеальныя стремленія. Но нападки такихъ

безумцевъ только смѣшны, и не заслуживаютъ вниманія. Тѣ, которые отрицаютъ и защищаютъ идеалы и идеальныя стремленія одинаково забываютъ, что на свѣтѣ есть люди съ хорошими, добродѣтельными и съ дурными, порочными стремленіями, но и въ людскихъ добродѣтеляхъ и въ людскихъ порокахъ идеализмъ одинаково замѣшанъ. Недаромъ же давно замѣчено, что ни одно животное не можетъ сравниться съ человѣкомъ въ высотѣ его стремленій и не въ состояніи пасть такъ глубоко какъ человѣкъ. Отъ идеализма люди никакъ не могутъ отдѣлаться, потому что онъ лежитъ въ ихъ природѣ. Надо эту способность понять и извлечь изъ нея для человѣчества возможную пользу, направляя ее и парализуя приносимый ею вредъ.

Источникъ и причина идеальныхъ стремленій человѣка есть та же высшая способность, которая, повторяемъ, участвуетъ не въ однихъ операціяхъ мышленія, но и во всѣхъ другихъ его психическихъ отправленіяхъ. Эта способность есть источникъ и причина идеализма уже потому, что имѣетъ дѣло не съ реальными фактами и явленіями непосредственно, а съ нашими внутренними, психическими состояніями, безразлично, чѣмъ бы они ни были произведены—внѣшними ли впечатлѣніями, или органическими потребностями человѣческой природы. Ощущенія, сдѣлавшись предметами сознанія, превращаются въ идеальные предметы, непохожіе на реальныя явленія и факты, какими они были до того. Кромѣ того, благодаря той же высшей способности, эти факты подвергаются переработкѣ по законамъ мышленія: сопоставляются, сравниваются, разлагаются на составныя части, которыя потомъ группируются и обобщаются отдѣльно отъ самихъ предметовъ. Такъ, предметы преобразуются и становятся совсѣмъ непохожими на свой первоначальный видъ; образуется идеальный міръ, отрѣшенный отъ той дѣйствительности, изъ которой онъ выработанъ прирожденною и присущею человѣку способностью особаго рода. Въ идеальности его уже заключается и условіе его совершенства сравнительно съ дѣйствительностью. Разрозненное въ послѣдней—въ немъ сгруппировано вмѣстѣ и обобщено; измѣнчивое, колеблющееся, преходящее въ дѣйствительности въ немъ представляется постояннымъ, прочнымъ и неизмѣннымъ. Идеальный міръ выводитъ такимъ образомъ индивидуальнаго человѣка изъ тѣснаго круга его личнаго существованія, подымаетъ его до всеобщаго, тянетъ неудержимо къ совершенствованію, которое состоитъ въ стремленіи къ идеалу, въ усиліяхъ осуществить его въ дѣйствительности.

Итакъ, корень идеализма и идеаловъ совершенства лежитъ

въ высшей способности. Мы не можемъ отъ нихъ отдѣлаться какъ отъ своей тѣни, какимъ бы путемъ ни шли, куда бы ни обратились, потому что прирожденное человѣку свойство дѣйствуетъ и тогда, когда мы не замѣчаемъ этого дѣйствія и наша личная воля въ немъ вовсе не участвуетъ. Мы привыкли называть это свойство или способность души сознаніемъ, хотя такое названіе весьма неточно и неправильно передаетъ характеръ того факта, который имъ означается. Въ томъ смыслѣ, какой мы ему обыкновенно придаемъ, сознаніе есть только актъ мышленія; мы же имѣемъ въ виду ту психическую способность, вслѣдствіе которой душевная жизнь и дѣятельность удвояется и является усугубленной, совершается какъ бы въ двухъ ярусахъ. Правильнѣе было бы различать отправленіе той и другой не названіями: сознательныя и безсознательныя, а названіями: непосредственныя и вторичныя, такъ какъ и послѣднія могутъ быть безсознательными подобно первымъ.

Изложеннымъ выше взглядомъ на психическую организацію вообще и человѣка въ особенности проливается яркій свѣтъ на свойства нравственной дѣятельности и на такъ называемую свободу воли. Та и другая, какъ извѣстно, представляютъ рядъ загадочныхъ явленій, ставящихъ въ тупикъ психологовъ и остающихся до сихъ поръ необъясненными, не смотря на всѣ усилія.

Что такое нравственная дѣятельность? Вопросъ этотъ разрабатывался долго и много—богословами, моралистами и юристами. Преслѣдуя преимущественно практическія цѣли, они собрали массу наблюденій, представляющихъ богатый матеріалъ для критическихъ научныхъ изслѣдованій, но онъ разработанъ пока очень мало и недостаточно, вслѣдствіе того, что психологія до сихъ поръ еще не успѣла освободиться отъ одностороннихъ, враждебныхъ другъ другу направленій, которыя рвутъ ее въ разныя стороны и мѣшаютъ ей стать на строго-научную почву. Теологи, моралисты и юристы одинаково признаютъ условіями нравственной дѣятельности нормальное состояніе и зрѣлость ума и свободу воли. Поступокъ подлежитъ нравственному вмѣненію, если совершенъ умышленно, или только необдуманно. Дѣйствіе, совершенное безъ участія сознанія, или подъ давленіемъ непреодолимой силы, устраняющей участіе свободной воли, не признается нравственно вмѣняемымъ. Эти основныя ученія имѣютъ у богослововъ и юристовъ свои отличія и примѣненія, въ которыхъ оттѣняются различныя точки зрѣнія тѣхъ и другихъ. Теологи больше обращаютъ вниманія на внутреннюю, юристы—на внѣшнюю сторону поступковъ.

Но уже весьма давно свобода воли встрѣтилась лицомъ къ лицу съ необходимостью, опредѣляемою различно въ различныя эпохи, и согласить ихъ, привести ихъ къ мирному сосуществованію, оказалось, не смотря на всѣ усилія, невозможнымъ: онѣ исключаютъ другъ друга. Въ послѣднее время, къ этой трудности присоединилось много другихъ, не менѣе серьезныхъ. Психопатія открыла такое множество оттѣнковъ ненормальнаго умственнаго состоянія, какихъ прежде и не подозрѣвали. Уголовная практика указала на массу случаевъ, доказывающихъ, что различіе умышленности и неумышленности далеко не такъ просто, и вообще участіе и безучастіе воли въ поступкѣ до того близко соприкасаются въ дѣйствительности, что довѣріе къ непогрѣшимости основныхъ ученій нравственнаго вмѣненія стало колебаться. Въ то же время, возникло, вслѣдствіе точныхъ научныхъ изслѣдованій и критики, сомнѣніе, да существуетъ ли воля вообще, какъ особая, самостоятельная сила или органъ психической дѣятельности? Что касается въ особенности до свободной воли, какъ она понималась прежде, то ея невозможность доказана длиннымъ рядомъ блистательныхъ, неопровержимыхъ доводовъ. Когда такимъ образомъ пошатнулись самые устои прежняго ученія о нравственной вмѣняемости, сталъ мало-по-малу существенно измѣняться и прежній взглядъ на наказаніе какъ на справедливое возмездіе преступнику за совершенное имъ преступленіе, и кары начали, въ глазахъ мыслителей, превращаться въ мѣры исправленія или огражденія общества и государства отъ преступленій и преступниковъ. Такимъ образомъ и въ развитіи вопроса о нравственной дѣятельности выразилось господствующее теперь во всемъ направленіе: интересъ къ личной, индивидуальной жизни и дѣятельности постепенно ослабѣваетъ и падаетъ, мѣсто его заступаетъ интересъ къ объективному значенію и роли дѣйствій и поступковъ въ обществѣ и государствѣ.

Но истребить въ людяхъ убѣжденіе, что свобода помысловъ и поступковъ есть органическая принадлежность человѣческой природы такъ же невозможно, какъ нельзя ихъ убѣдить въ томъ, что случайность не играетъ никакой роли въ ихъ личной жизни и все совершается исключительно по закону необходимости. Если даже допустить, что послѣднее справедливо, то наука во всякомъ случаѣ обязана объяснить, почему человѣкъ считаетъ свою волю свободной, многія событія въ своей жизни случайными; ибо только тогда явленіе можетъ считаться окончательно объясненнымъ, когда не только условія и законы его найдены и опре-

дѣлены, но и показано, откуда произошли иллюзіи, представлявшія его въ ложномъ свѣтѣ, съ ошибочной точки зрѣнія. Относительно свободной воли этого до сихъ поръ не сдѣлано и всѣ попытки объяснить, почему человѣкъ считаетъ себя одареннымъ свободной волей, когда онъ на самомъ дѣлѣ неключимый рабъ необходимости, не удовлетворили до сихъ поръ никого.

Съ нашей точки зрѣнія, свобода воли не есть иллюзія, а дѣйствительное явленіе; только наука до сихъ поръ смотрѣла на него не такъ какъ слѣдуетъ и потому не могла его объяснить.

Все, чтó существуетъ и происходитъ въ мірѣ, есть необходимый результатъ извѣстныхъ условій. Еще нигдѣ и никогда не открыто факта, который бы существовалъ безъ сочетанія условій, при которыхъ онъ можетъ появиться и быть. Человѣкъ — органическая часть природы. Какъ же можетъ въ немъ существовать сила, создающая явленія помимо всякихъ условій, или хотя бы только сдѣлать выборъ между различными предметами самопроизвольно, помимо всякихъ условій? Это невозможно и немыслимо. А между тѣмъ, всѣ и каждый непосредственно убѣждены въ томъ, что, при извѣстной обстановкѣ, люди самопроизвольно и свободно распоряжаются своими внутренними движеніями и внѣшними поступками. Такое убѣжденіе не есть самообольщеніе, а подтверждается данными психической жизни. Многочисленныя наблюденія давно установили различіе между дѣйствіями вполнѣ добровольными и такими, которыя вынуждены напоромъ непобѣдимыхъ психическихъ движеній — волненія страстей, боязни и т. п. Откуда бы могло взяться такое различіе, которое каждый дѣлаетъ, разбирая свои поступки и душевныя состоянія, еслибъ въ основаніи его не лежали психическіе факты? Точно также всякій можетъ, по своему усмотрѣнію, переходить, болѣе или менѣе быстро, отъ однихъ мыслей, желаній и рѣшеній къ другимъ, неимѣющимъ съ прежними никакихъ отношеній, никакой даже внѣшней и случайной связи. Какъ объяснить это явлéніе, отвергая всякую самопроизвольность? Если свободы дѣйствій совсѣмъ нѣтъ, то нѣтъ и не можетъ быть вмѣняемости, а ее признаетъ однако родъ человѣческій съ тѣхъ поръ, что себя помнитъ. Наконецъ, сравнительная физіологія и психологія показываютъ, что самопроизвольность не есть даже исключительная принадлежность людей, а появляется вмѣстѣ съ организованною жизнью, болѣе и болѣе развивается по мѣрѣ возвышенія ея до человѣка, и въ немъ, представляющемъ высшую ступень извѣстной намъ природы, достигаетъ высшей извѣстной намъ степени развитія. Итакъ, самопроизвольность, свобода

воли есть несомнѣнный, дѣйствительный психическій фактъ. Какъ же согласить его съ другимъ, такимъ же несомнѣннымъ фактомъ, что всѣ явленія на земномъ шарѣ, безъ малѣйшаго исключенія, зарождаются, совершаются и исчезаютъ не иначе, какъ съ строгою необходимостью, которой одинаково подчинено все существующее? Другого выхода изъ этого противорѣчія нѣтъ, какъ обратиться къ самой постановкѣ дилеммы и провѣрить, нѣтъ ли въ ходѣ нашихъ выводовъ и заключеній, или въ ихъ предпосылкахъ, какой-нибудь ошибки, которая и привела къ неразрѣшимому противорѣчію? Внимательная провѣрка предпосылокъ, на которыхъ построена аргументація за и противъ свободной воли, показываетъ, что такая ошибка дѣйствительно была сдѣлана. Споръ ведется на основаніи неправильнаго понятія о необходимости и свободѣ воли, которое установилось по правиламъ устарѣлой отвлеченной логики, не умѣвшей обращаться съ живыми явленіями. Въ дѣйствительной жизни нѣтъ ни безусловной необходимости, ни безусловной самопроизвольности: и та и другая на самомъ дѣлѣ всегда условны и относительны и измѣняютъ этотъ свой характеръ только въ области отвлеченнаго мышленія. Въ природѣ и въ соціальной жизни явленія совершаются съ роковою неизбѣжностью только при дѣйствіи извѣстныхъ условій; нѣтъ ихъ на лицо, или они измѣнились —и нѣтъ явленія; мѣсто его заступаетъ другое. Значитъ, и въ природѣ и въ общественной жизни условія опредѣляютъ необходимость, а не необходимость создаетъ условія. Съ условіями, производящими явленіе, часто смѣшиваются поводы, но и это тоже грубая логическая ошибка. Поводъ есть только обстоятельство, благопріятствующее явленію, а не условіе его необходимости. Простуда, сырой воздухъ благопріятствуютъ чахоткѣ, сильное душевное потрясеніе—разрыву сердца; но не они, съ роковою необходимостью, производятъ расположеніе къ органическимъ поврежденіямъ, которыя оканчиваются смертью.

Чтó мы сказали о необходимости, то вполнѣ примѣняется и къ свободѣ воли. Она точно также не есть нѣчто само по себѣ безусловное и безотносительное, а есть явленіе возможное и необходимое только при извѣстныхъ условіяхъ. Нѣтъ ихъ на лицо — нѣтъ и свободной воли. Такъ, человѣкъ, напившійся до безчувственности, психически больной, младенецъ не имѣютъ свободной воли, потому что она возможна только при зрѣлыхъ и нормально дѣйствующихъ умственныхъ способностяхъ. Мало того: не только воля и ея дѣятельность, но и вся вообще психическая жизнь совершается на матеріальной подкладкѣ, кото-

рая дѣйствуетъ и вліяетъ на нее и ея отправленія безчисленными путями и способами, изъ которыхъ только очень немногіе, и то только въ недавнее время, сдѣлались предметами точныхъ научныхъ изслѣдованій.

Отвлеченности и логическія надъ ними операціи заслонили отъ насъ также и многія характеристическія черты и особенности свободной воли, которыя, будь онѣ ранѣе подмѣчены, устранили бы множество пустыхъ, ни къ чему не ведущихъ споровъ о ея сущности. Во-первыхъ, свободная воля всегда, непремѣнно дѣйствуетъ по какимъ-нибудь мотивамъ, никогда безъ мотивовъ. Это одно уже показываетъ, что она совсѣмъ не безусловна; во-вторыхъ, свободная воля всегда, непремѣнно имѣетъ дѣло съ данными явленіями и фактами, психическими или внѣшними и оперируетъ надъ ними, слѣдовательно, опять-таки не есть какая-то на воздухѣ висящая сила, орудующая въ пустомъ пространствѣ, какою она является въ видѣ отвлеченнаго принципа; въ третьихъ, свободная воля ничего не создаетъ изъ ничего, а только приводитъ въ тѣ или другія сочетанія готовый, имѣющійся на лицо матерьялъ, комбинируетъ его въ новыя формы, которыхъ онъ передъ тѣмъ не имѣлъ и этимъ производитъ новыя явленія. Только въ этомъ, а не въ другомъ какомъ-либо смыслѣ, свободная воля можетъ быть названа творческою дѣятельностью. Но не она одна такъ дѣйствуетъ. Вся жизнь не только организованной, но и неорганизованной природы есть непрерывный и сплошной рядъ смѣнъ однихъ комбинацій матеріала, данныхъ фактовъ, другими и созиданія такимъ путемъ новыхъ явленій; наконецъ, въ четвертыхъ, дѣятельность свободной воли не можетъ измѣнить общихъ условій и законовъ существованія; какова бы эта дѣятельность ни была и какъ бы ни казались различны ея послѣдствія, они, во всякомъ случаѣ и всегда, будутъ вращаться въ границахъ условій и законовъ, по которымъ совершается дѣйствительная жизнь и никакъ не могутъ изъ нихъ выйти, слѣдовательно, въ отвлеченномъ, общемъ смыслѣ неуловимы и не имѣютъ никакого значенія. Отвлеченная логика, противупоставляя необходимость свободѣ воли, впадаетъ въ очевидную ошибку: оба эти понятія не могутъ быть поставлены на одну доску и противуполагаемы, потому что несоизмѣримы. Въ дѣйствительной жизни совсѣмъ не одно и тоже, будутъ ли мои мысли и поступки нравственны или безнравственны, точно такъ же какъ въ ней далеко не безразлично, явится или не явится въ Россіи Петръ первый, въ Пруссіи—Фридрихъ второй или Бисмаркъ, въ Сѣверо-американскихъ штатахъ—Франклинъ или Вашингтонъ;

съ отвлеченной точки зрѣнія, все это одинаково подойдетъ подъ категорію необходимости, такъ какъ все возникаетъ и совершается въ условіяхъ и по законамъ необходимыхъ событій.

Устранивъ спекуляціи отвлеченной логики, попытаемся установить свободу воли, какъ живое дѣйствительное явленіе, въ тѣхъ условіяхъ и обстановкѣ, въ какихъ оно проявляется на самомъ дѣлѣ въ доступныхъ научному изслѣдованію фактахъ.

Прежде всего замѣтимъ, что актомъ свободной воли признается результатъ, послѣдствіе особаго рода дѣятельности, имѣющей свои особые характеристическіе признаки, на основаніи которыхъ мы и отличаемъ ее отъ всѣхъ другихъ родовъ дѣятельности названіемъ свободной. Итакъ, приступая къ изслѣдованію свободной воли надо начать съ устраненія ошибочнаго представленія, которое невольно зарождается въ умѣ вслѣдствіе смѣшенія явленій съ словами, которыми они обозначаются. Свободная воля не есть особая сила, или особый самостоятельный факторъ; она только особаго рода отправленіе или функція одного и того же дѣятеля, которую мы выдѣляемъ изъ другихъ и обозначаемъ особымъ названіемъ, чтобъ опредѣлить, что̀ именно разумѣемъ и о чемъ говоримъ. Въ томъ же самомъ значеніи мы говоримъ о ростѣ, возрастѣ, цвѣтѣ, плотности, глубинѣ, быстротѣ и т. п., не соединяя съ этими словами понятія о самостоятельныхъ предметахъ. Оговорка эта особенно необходима въ примѣненіи къ свободной волѣ, вслѣдствіе сильно вкоренившейся въ насъ привычки къ пріемамъ отвлеченной логики, которая вытѣснена совсѣмъ только изъ области такъ-называемыхъ точныхъ наукъ, но продолжаетъ и до сихъ поръ сильно тормазить успѣхи психологическихъ изслѣдованій.

Другое замѣчаніе, особенно важное для характеристики свободной дѣятельности, состоитъ въ томъ, что она находится въ неразрывной, непосредственной, тѣснѣйшей связи съ сознаніемъ. Эта особенность до того поразительна и бросается при первомъ же взглядѣ въ глаза, что нѣкоторые изслѣдователи, отрицающіе свободную волю, объясняли происхожденіе такого ошибочнаго, по ихъ мнѣнію, представленія одною сознательностью извѣстныхъ поступковъ, въ противуположность другимъ, неосвѣщеннымъ сознаніемъ. Проводя свой взглядъ послѣдовательно до конца, они пришли къ выводу, что сознаніе не играетъ въ человѣческой дѣятельности никакой роли, что оно только, какъ зеркало, отражаетъ въ себѣ то, что совершается непроизвольно, вслѣдствіе однихъ внѣшнихъ вліяній и возбужденій. Такое объясненіе не удовлетворило, да и не могло удовлетворить никого. Мы видѣли

выше, что то, что̀ называется сознаніемъ, вовсе не есть въ на
психической организаціи простой отражательный аппаратъ,
особая душевная функція, воспринимающая психическія явле
Тѣснѣйшая связь свободной воли съ сознаніемъ наводитъ
мысль, что объясненія самопроизвольности должно искать въ э
психической функціи. Многія данныя подтверждаютъ эту догад
Извѣстно, что всякая психическая дѣятельность, какова бы
ни была, вызывается какимъ-нибудь возбужденіемъ. На низш
ступеняхъ психической жизни, возбужденіе является въ в
матеріальнаго толчка, который сообщается центральному орга
и изъ него прямо и непосредственно выходитъ уже въ в
непроизвольнаго рефлективнаго движенія. Затѣмъ, на болѣе вы
шихъ ступеняхъ психическая дѣятельность является уже бо
сложной, вслѣдствіе большей развитости центральнаго орган
происходящей отсюда болѣе дѣятельной его роли въ псих
скихъ явленіяхъ. Тутъ возбужденіе является уже не въ в
непосредственнаго, матеріальнаго толчка, а въ видѣ впечатлѣ
получаемаго органами чувствъ,—впечатлѣнія, которое уже, с
по себѣ, есть весьма сложный психическій актъ. Централь
органъ уже не ограничивается непосредственною, простою пе
дачею полученнаго впечатлѣнія органамъ движенія, а высыл
его изъ себя, въ видѣ движенія, въ передѣланномъ, перер
танномъ и измѣненномъ видѣ, и притомъ такъ значительно,
вызванное впечатлѣніемъ движеніе не имѣетъ съ нимъ, по
мому, ничего общаго. Мало того: вмѣстѣ съ большею выр
танностью центральнаго органа, не только вліяніе его на
принятіе возбужденія и опредѣленіе движенія усиливается,
въ этомъ органѣ сосредоточивается психическая жизнь, а
бужденіе и движеніе получаютъ второстепенное значеніе и с
новятся къ центральному органу въ зависимое, служебное о
шеніе. Мимоза сензитива при прикосновеніи тотчасъ же с
вается; а левъ, только когда голоденъ, отыскиваетъ добычу
завидя или почуявъ ее, принимаетъ мѣры, чтобъ она отъ
не ускользнула и потомъ овладѣваетъ ею и обращаетъ себѣ
пищу, или относитъ къ дѣтямъ. Въ человѣкѣ и возбужден
роль центральнаго органа, и движеніе или дѣятельность с
вятся еще на высшую ступень, подвергаются еще больш
существеннѣйшимъ превращеніямъ. То, въ чемъ мы призн
отличительныя характеристическія черты человѣческой прир
сводится къ слѣдующимъ особенностямъ: во-первыхъ, слитое,
посредственное различено, дифференцировано, по крайней м
есть постоянное стремленіе разложить то, что̀ остается непоср

ственнымъ, неразличеннымъ; во-вторыхъ, внѣшнія возбужденія и впечатлѣнія замѣняются мотивами, идущими отъ центральнаго органа. Дифференціація психической дѣятельности переноситъ ее внутрь человѣка и порываетъ непосредственную связь между внѣшнимъ возбужденіемъ и дѣятельностью. Въ третьихъ, дѣятельность является результатомъ не внѣшняго толчка или возбужденія, а внутренняго побужденія или мотива, который оказался сильнѣе другихъ. Такимъ образомъ, на высшей ступени психическая жизнь достигаетъ высшей степени сосредоточенности и относительной независимости отъ окружающей среды. Вотъ эта-то относительная самостоятельность психическихъ движеній, ея относительная независимость, по крайней мѣрѣ отсутствіе непосредственной ея зависимости отъ внѣшнихъ возбужденій, и рождаетъ понятіе о свободной волѣ. Отвлеченная логика создала изъ нея безусловный принципъ и тѣмъ исказила дѣйствительный фактъ, обозначаемый этимъ названіемъ, до неузнаваемости. Въ отвлеченномъ, безусловномъ смыслѣ, свободной воли нѣтъ, какъ вообще нѣтъ ничего безусловнаго и безотносительнаго въ живой дѣйствительности. Подъ свободною волею разумѣется дѣятельность, вызываемая и направляемая внутренними побужденіями, мотивами, въ противуположность дѣятельности чисто рефлективной, а также дѣятельности, вызываемой непосредственно внѣшними возбужденіями или впечатлѣніями. Свободная воля, въ этомъ смыслѣ, подлежитъ опредѣленнымъ условіямъ, какъ и всякая вообще дѣятельность, совершается по извѣстнымъ законамъ, опредѣляемымъ дифференцированною психическою жизнью, отъ которой непосредственно зависитъ, почему нѣкоторыми и считается тождественною съ сознаніемъ. Недостаточное различеніе разныхъ ступеней психической дѣятельности, которыя въ дѣйствительности смѣшиваются, переплетаются и перекрещиваются въ безчисленныхъ направленіяхъ, и есть главная причина путаницы въ головахъ по вопросу о свободной волѣ. Способность дѣйствовать по мотивамъ или внутреннимъ побужденіямъ, а не по однимъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ или непосредственнымъ внѣшнимъ толчкамъ, точно также развивается, укрѣпляется, совершенствуется упражненіемъ и привычкой, навыкомъ, какъ и всѣ другія способности. Свободная или сознательная дѣятельность, подобно всякой другой, не создаетъ ничего новаго, а только приводитъ то, что есть, въ иныя сочетанія; ее нельзя признать и безпричинной, потому что она тоже возбуждается или вызывается побужденіями, хотя и различными отъ тѣхъ, которыми она возбуждается въ другихъ видахъ психической дѣятельности. Всѣ эти черты такъ называемой сво-

бодной воли отнимають у нея значеніе безусловнаго принципа, выводящаго ее изъ ряда другихъ явленій и противурѣчащаго общимъ законамъ всего существующаго.

Но дѣятельность сознательная, по мотивамъ, есть только од сторона свободной воли. Чтобъ вполнѣ ее выяснить, необходи знать, какъ образуются самые мотивы, какъ они между собо относятся и что даетъ имъ силу вызывать дѣятельность. Въ э темной области мы можемъ основываться только на результа психическихъ наблюденій; физіологическія изслѣдованія нер и мозговой жизни и отправленій недостаточно еще подвинул впередъ, чтобъ служить пособіемъ и руководствомъ при раз шеніи поставленныхъ трудныхъ вопросовъ.

Начнемъ съ того, что предметами вторичной или такъ на ваемой сознательной психической дѣятельности становятся са разнообразные психическія явленія и факты, не имѣющіе ме собою ничего общаго, или находящіеся другъ къ другу въ вес далекомъ отношеніи и сродствѣ. Мы одинаково сознаемъ и яв нія окружающаго насъ міра—природы и соціальной жизни— явленія нашей собственной, личной жизни, матеріальной и п хической. Они и въ сознаніи остаются различенными ме собою, но получаютъ одно общее всѣмъ имъ свойство, име способность быть предметами психической переработки и созна Одно это уже показываетъ, что сознаніе не есть только зерк пассивно отражающее впечатлѣнія, а что ему соотвѣтству органическая дѣятельность, претворяющая, перерабатывающа себѣ то, что въ нее поступаетъ, дѣлающае его способнымъ с предметомъ сознанія,—подобно тому какъ составныя части по должны быть извѣстнымъ образомъ подготовлены, чтобы пи растенія, или пища, которую мы принимаемъ, должна пр извѣстный процессъ, чтобы идти на пополненіе недостающ или убывающихъ составныхъ частицъ живого организма. психическая дѣятельность, которую мы называемъ сознатель дѣйствительно имѣетъ это свойство, доказывается сравнен впечатлѣній и производимыхъ ими ощущеній, съ тѣмъ вид какой они получаютъ въ сознаніи. Чтó бы сознаніе въ себ приняло изъ внѣшняго міра и внутренней психической жи —все получаетъ въ немъ свой, если можно такъ выраз особый значокъ, и сохраняется, остается въ немъ, когда явле достигнувшее сознанія, уже исчезло и перестало произво впечатлѣніе или ощущеніе. Чтó общаго между мыслью, выч ною вчера въ книгѣ, ненавистью или любовью къ тому другому лицу, ощущеніемъ голода или боли и образомъ

вѣка, котораго я вчера видѣлъ въ первый разъ? Однако, всѣ эти разнородные предметы поступаютъ въ сознаніе подъ своимъ особымъ значкомъ. Они претворились въ немъ и въ этомъ претворенномъ видѣ стали ему доступными, несмотря на свое различіе.

Сдѣлавшись предметомъ сознанія, обратившись въ немъ въ значокъ, явленіе теряетъ, въ этомъ новомъ своемъ видѣ, непосредственную силу и принудительность внѣшняго толчка, возбужденія или впечатлѣнія. Не они, а уже нѣчто другое, становится внутреннимъ побужденіемъ для дѣятельности, которое мы выше назвали мотивомъ. Какъ сознательность представляетъ высшую степень сосредоточенія психической жизни, такъ и мотивъ, неразрывно связанный съ сознательностью, можетъ зарождаться только въ стремленіяхъ и наклонностяхъ личной, индивидуальной природы и жизни человѣка. Не различая безсознательной, полусознательной и вполнѣ сознательной дѣятельности, мы нерѣдко смѣшиваемъ мотивъ съ впечатлѣніемъ или внѣшнимъ толчкомъ; но это большая ошибка. Мотивъ зарождается внутри насъ, вытекаетъ изъ нашей индивидуальной природы и принимаетъ въ сознаніи опредѣленный, формулированный образъ, матеріаломъ для котораго служитъ то, что поступило въ сознаніе, стало для него доступнымъ. Въ сознаніи, стремленія и наклонности человѣка преобразуются въ намѣренія и цѣли, подбирая изъ накопленныхъ въ сознаніи данныхъ тѣ, которыя всего ближе къ нимъ подходятъ, болѣе всего имъ соотвѣтствуютъ. Смотря по наклонностямъ и стремленіямъ, различны будутъ цѣли и намѣренія. Голодъ и холодъ, любовь и ненависть къ лицу, предрасположеніе къ общему, идеальному выберутъ и сгруппируютъ соотвѣтствующія имъ данныя изъ накопленнаго въ сознаніи богатаго матеріала и придадутъ имъ форму цѣли. Затѣмъ уже цѣль осуществляется. Сходный съ этимъ процессъ преобразованія стремленій и наклонностей въ цѣли мы замѣчаемъ и въ наиболѣе развитыхъ животныхъ организмахъ, съ тою только разницею, что въ нихъ идеальныя стремленія несравненно слабѣе, на нихъ есть лишь намеки, и сознательное, преднамѣренное, обдуманное отношеніе къ цѣлямъ замѣняется операціями безсознательнаго мышленія.

Одновременное существованіе въ человѣкѣ самыхъ разнообразныхъ предрасположеній, наклонностей и стремленій, преобразующихся въ сознаніи въ цѣли и формулированныя задачи, предполагаетъ, съ одной стороны, общую всѣмъ имъ среду, въ которой они, несмотря на все ихъ разнообразіе, приводятся, такъ

сказать, къ одному знаменателю, какъ разнообразная пища въ желудкѣ; а съ другой — возможность сопоставленія различныхъ стремленій и наклонностей, и слѣд. ихъ взаимныя столкновенія и борьбу. Общая всѣмъ имъ среда есть, какъ мы видѣли, такъ называемая сознательная дѣятельность, которая нейтрализируетъ внѣшнія возбужденія и впечатлѣнія и въ то же время превращаетъ предрасположенія и наклонности человѣка въ опредѣленныя формулированныя цѣли. Что касается столкновенія и борьбы мотивовъ, то это фактъ безспорный, общедоступный, едва ли кѣмъ неизвѣданный по собственному опыту. Борьба эта рѣшается по законамъ механики: который мотивъ сильнѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ надъ другими и формулируется въ цѣль и задачу, которая разрѣшается дѣйствіемъ или поступкомъ. Въ такомъ преобладаніи болѣе сильныхъ мотивовъ надъ слабыми есть нѣчто роковое, неотразимое. Моралисты не могутъ примириться съ такимъ неизбѣжнымъ исходомъ столкновенія мотивовъ, и указываютъ на разныя средства, которыя будто бы имѣютъ силу и власть отвратить его. Тщетныя усилія! Противъ него нѣтъ ни заклинаній, ни чаръ. Единственное средство отклонить нежелаемыя фатальныя послѣдствія борьбы мотивовъ,—это измѣнить взаимныя отношенія самихъ мотивовъ, усилить одни, ослабить другіе, словомъ измѣнить условія ихъ борьбы. Такимъ образомъ, въ мірѣ психической дѣятельности мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ тѣмъ же закономъ, съ которымъ давно свыклись и освоились въ практической, внѣшней объективной дѣятельности. Стремясь подчинить себѣ окружающій міръ и приспособить его къ нашимъ потребностямъ, мы не задаемся мечтой измѣнить законы природы, а располагаемъ условія, при которыхъ она дѣйствуетъ такъ, чтобъ она производила то, что̀ намъ нужно и желательно.

К. Кавелинъ.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ СКЛАДѢ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

Историко-критическія замѣтки.

V [1]).

Очень давно замѣчено было вліяніе климата и природы на характеръ и судьбу народовъ. Въ новѣйшее время это наблюденіе стало цѣлой научной теоріей: въ ученіи знаменитаго Риттера географія получила такое значеніе, какъ никогда прежде, —географическія условія какъ бы предрѣшали историческую судьбу племенъ. Въ нашей литературѣ, Соловьевъ, въ началѣ своей «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», въ первый разъ посвятилъ внимательное изученіе географическому характеру русской страны, въ смыслѣ Риттера; въ послѣдніе годы подобное объясненіе природныхъ условій русской земли сдѣлано было въ «Исторіи русской жизни» г. Забѣлина. По поводу книги Соловьева уже замѣчали справедливо, что вліяніе географическихъ условій не ограничивается одной начальной исторіей, а идетъ во все ея теченіе, но при этомъ видоизмѣняясь, однако, по новымъ обстоятельствамъ историческимъ, и по тѣмъ перемѣнамъ, какія самъ человѣкъ совершаетъ въ природѣ. «Равнинность», отличающая русскую территорію, громадность этой территоріи и рѣдкое населеніе и понынѣ оказываютъ (то или другое) вліяніе на

[1]) См. выше: сентябрь, 207 стр.

складъ общественности и на самый характеръ русскаго политическаго устройства. Но не слѣдуетъ думать, чтобы всѣ эти условія дѣйствовали фатально, или могли дѣйствовать только въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно извлекался изъ нихъ историческими комментаторами. «Равнинность» способствуетъ племенному объединенію и ассимиляціи; она способствуетъ строгому объединенію политическому,—но въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія русской исторіи племенное объединеніе не совершилось даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ національнаго центра; въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, до усиленія Москвы, политическая жизнь русскаго народа совершалась въ формѣ племенной федераціи, доходившей до полной обособленности отдѣльныхъ земель,—цѣлый русскій югъ присоединился къ государству только во второй половинѣ XVII вѣка, а западъ въ концѣ XVIII столѣтія. «Равнинность», какъ отсутствіе физическихъ преградъ, способствовала соединенію племенъ; но въ то же время оставляла народныя границы открытыми для иноплеменныхъ вторженій и этнологическаго вліянія чужихъ расъ; съ теченіемъ времени много такихъ чужихъ племенъ вошло въ составъ русскаго государства и частію объединилось въ русской націи, но при этомъ само русское племя болѣе или менѣе подчинялось ихъ воздѣйствію и русскій національный типъ подвергался различнымъ видоизмѣненіямъ. Чрезвычайная обширность территоріи въ прежнія времена помогала федеративному раздѣленію; впослѣдствіи, при особенномъ усиленіи одной части федераціи, будущаго политическаго центра, эта обширность страны не давала сплотиться другимъ частямъ для отпора возникавшему центру, который (какъ обыкновенно бывало въ исторіи въ подобныхъ отношеніяхъ) дѣйствовалъ насильственными средствами и грозилъ ихъ мѣстной автономіи;—но съ другой стороны, обширность территоріи соединялась съ значительнымъ различіемъ мѣстныхъ условій, затрудняла широкія сношенія окраинъ и способствовала напротивъ разъединенію племени, такъ что не только старыя этнографическія отличія сохранялись, но впослѣдствіи возникали новыя варіяціи племени.

Съ другой стороны, физическій характеръ страны измѣняется подъ вліяніемъ исторической дѣятельности народа. Въ началѣ нашей исторіи, русская земля, какъ надо полагать, преисполнена была непроходимыми дебрями; по мѣрѣ увеличенія населенія, лѣса исчезали; старинное земледѣльческое хозяйство просто выжигало лѣса подъ пашню; путемъ истребленія лѣсовъ, подвигалось населеніе, прокладывались новые пути для торга и для агентовъ власти. Но истребленіе лѣсовъ мало-по-малу оказывало

вліяніе на самый климатъ: рѣки, нѣкогда судоходныя, теряли воду, хищническое хозяйство дѣлало почву безплодною, требовались все новыя и новыя земли, земледѣліе становилось какъ бы кочевымъ, и въ концѣ концовъ потребовалось прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Въ наше время, новые пути сообщенія сокращаютъ пространства и заставляютъ ожидать новыхъ вліяній общественныхъ и культурныхъ.

Отличительной чертой древняго періода и особенной заслугой стараго русскаго народа, какъ мы видѣли, ставится колонизація. Мы приводили выше слова Ешевскаго. Это постепенное занятіе новыхъ земель и обрусѣніе инородческихъ племенъ опять составляетъ явленіе, принадлежащее вовсе не одному старому періоду: оно продолжается во все теченіе нашей исторіи и совершается даже до нашихъ дней,—отчасти продолжая дѣло, начатое въ давніе вѣка (какъ обрусѣніе инородцевъ внутри европейской Россіи), отчасти распространяя его объемъ и вводя новыя инородческія племена въ процессъ ассимиляціи (Кавказъ, Средняя Азія, Амурскій край). Вмѣстѣ съ тѣмъ должно, конечно, совершаться и другое явленіе, параллельное колонизаціи—антропологическое видоизмѣненіе русской народности вслѣдствіе поглощенія ею новыхъ племенныхъ элементовъ, которое не можетъ обойтись безъ обратнаго ихъ воздѣйствія на поглощающую среду (степень этого воздѣйствія почти и не пыталась еще опредѣлять наша наука). Громадное расширеніе нашей политической границы въ одно прошлое царствованіе ставитъ нашу народность въ положеніе, не лишенное аналогіи съ ея положеніемъ въ первые вѣка русской исторіи: ей должна предстать трудная задача ассимилировать громадную массу инородческой стихіи, которая вступаетъ въ область русскаго гражданства съ весьма первобытной степенью цивилизаціи. Въ нашей литературѣ уже не разъ ставился вопросъ о томъ, полезно ли и желательно ли такое широкое распространеніе нашей государственной территоріи на азіатскій востокъ, которое не можетъ не отвлекать жизненныхъ силъ отъ центра, а тѣмъ самымъ должно ослаблять теченіе его собственной внутренней жизни [1]. И этотъ вопросъ дѣйствительно можетъ имѣть серьезное значеніе. Въ эпоху ослабленія татарскихъ царствъ и потомъ, послѣ ихъ окончательнаго покоренія наша жизнь испытала сильный притокъ восточныхъ элементовъ, которые, безъ сомнѣнія, не остались безъ вліянія какъ на антропологическій

---

[1]) Недавно подобный вопросъ возобновленъ былъ въ „Руси“ г. Е. Марковымъ, за что онъ тутъ же получилъ строгое внушеніе отъ г. Аксакова.

типъ, такъ и на складъ нравовъ и быта: нѣчто подобное можетъ совершаться и теперь тѣмъ стихійнымъ путемъ, котораго нельзя отвергать въ исторіи обществъ и противъ котораго сами общества могутъ быть безсильны...

Въ приведенныхъ выше словахъ Ешевскаго, не однажды повторенныхъ другими изслѣдователями, выставлена мысль о мирномъ характерѣ нашей колонизаціи и о дружелюбномъ сожительствѣ русскаго народа съ покоренными инородцами, какъ объ особенной чертѣ колонизаціонной дѣятельности русскаго народа и вообще его народнаго характера. Это положеніе не лишено доказательствъ, но не можетъ быть признано и вполнѣ вѣрнымъ. О томъ, какъ происходили первыя встрѣчи русскаго племени съ туземными финнами, мы просто не имѣемъ свѣденій; но съ тѣхъ поръ, какъ начинается документальная исторія, мы напротивъ видимъ цѣлый рядъ фактовъ, указывающихъ на отношенія не очень мирныя. Первые князья были вообще весьма воинственны: они воевали направо и налѣво, и съ своими русскими, и чужими племенами, съ ятвягами на западѣ, финнами, болгарами, хозарами на сѣверѣ и востокѣ, тюркскими кочевниками на югѣ. Позднѣе, во время основанія сѣверо-восточныхъ русскихъ княжествъ шла опять военная борьба съ финскими туземцами —сѣверной чудью разнаго рода, восточной мордвой, черемисами, мещерой; новгородскіе «молодые люди» занимались ушкуйничествомъ на Волгѣ, т.-е. грабили тамошнихъ инородцевъ и пріучали бояться русскихъ. Потомъ, съ паденіемъ татарскаго ига, началось наступательное движеніе русскихъ на татарскія царства и занятіе всей средней и нижней Волги было дѣломъ прямого завоеванія и т. д. Въ виду этихъ фактовъ довольно трудно говорить о «мирной» колонизаціи: была, конечно, и она, были блужданія русскаго крестьянства, искавшаго новыхъ земель въ инородческихъ областяхъ; была извѣстная колонизація монастырская, за которой шло земледѣльческое населеніе, привлекаемое льготами, но имъ прямо предшествовала или война, или равнозначительный съ этимъ страхъ передъ русскими по прежнимъ опытамъ. Мордва и черемиса долго были упорными врагами русскихъ; другія, болѣе слабыя, племена, вѣроятно, издавна предпочитали уступать и скрываться отъ русскихъ. По разсказамъ современныхъ очевидцевъ-наблюдателей мы знаемъ, какъ совершаются встрѣчи русскаго населенія съ туземцами сѣверо-востока Россіи (вотяками, пермяками и т. п.), или сѣвера Сибири: инородцы отступаютъ передъ русскими поселеніями, скрываются въ непроходимыя для русскихъ дебри и захолустья: русскіе

являются къ нимъ не только мирными колонистами земледѣльцами, но и ловкими промышленниками и торгашами, нерѣдко безжалостными эксплуататорами. Настоящей «войны» вовсе нѣтъ; но захватъ земель (не безъ прямого насилія), торговый обманъ, которому не умѣетъ сопротивляться наивный дикарь, спаиванье водкой и т. п. дѣлаютъ весьма сомнительнымъ «мирный» характеръ колонизаціи. Результатомъ является—сокращеніе инородческихъ земель, паденіе промысловъ, обѣднѣніе, наконецъ, съ потерей чувства своей самостоятельной особности — обрусѣніе или же вымираніе... Едва ли сомнительно, что не иначе было и прежде: могло и не быть войны, но за первыми промышленниками шли слѣдомъ казенные сборщики ясака, и это равнялось военному покоренію.

Въ теченіе всей документальной исторіи совершалось также вліяніе государственности. Какъ извѣстно, созданіе русскаго государства давно уже побуждало нашихъ историковъ говорить объ особыхъ государственныхъ способностяхъ русскаго народа, который одинъ изъ всѣхъ славянскихъ племенъ умѣлъ создать единое и могущественное политическое цѣлое. Карамзинъ начинаетъ исторію русскаго государства съ самого Рюрика, считая «государство» его времени тѣмъ самымъ, въ какомъ жила Россія въ XIX столѣтіи. Дальнѣйшіе историки разъяснили эту иллюзію, и истинное начало русской государственности въ смыслѣ строгаго единства искали уже только въ эпохѣ послѣ-татарской, въ московскомъ объединеніи. Такимъ образомъ русская государственность носитъ въ разные вѣка различный историческій характеръ, и въ прежнія времена складывалась иначе чѣмъ впослѣдствіи, подъ условіями многоразличныхъ историческихъ обстоятельствъ и иныхъ настроеній народнаго права. Вмѣстѣ съ тѣмъ государственность оказывала сильное обратное дѣйствіе на народную жизнь, которая была ея первымъ источникомъ.

Сами противники норманнства, т.-е. скандинавскаго происхожденія варяговъ, признаютъ (какъ мы указывали раньше на примѣрахъ изъ книги г. Забѣлина), что этотъ варяжскій элементъ былъ все-таки чужой, и что онъ вносилъ извѣстное дѣятельное возбужденіе.—Славянство во всей своей старой исторіи составило себѣ репутацію племени, весьма неустойчиваго въ политическомъ отношеніи. Оно основывало государства, которыя бывали иногда очень сильныя, но обыкновенно эти государства не удерживались и падали—частью отъ обстоятельствъ, дѣйствительно чрезвычайно тяжелыхъ (паденіе Болгаріи и Сербіи подъ турецкимъ нашествіемъ), но частію, и едвали не больше, отъ

неумѣнія связать и организовать народныя силы; Польша «стояла неурядицей» и наконецъ также пала. Славяне вообще отличались тѣмъ, что были привержены къ тѣсной автономіи и мало способны были къ общему дѣлу—черта, очень знакомая и другимъ европейскимъ племенамъ, но раньше ими пережитая и раньше переработанная и скрытая исторіей. Такимъ образомъ въ славяно-русской средѣ государственному элементу было очень много дѣла.

Въ какихъ формахъ существовала власть у русскихъ племенъ до призыва варяговъ, объ этомъ дѣлаются только догадки. Но едва ли сомнительно, что существовала княжеская власть надъ отдѣльными племенными единицами; на это указываютъ и памятники документальной исторіи. Этотъ первобытный властитель, вѣроятно, носилъ тоже имя «князя» — слово, которому издавна пріискивали и иноземное, и русское происхожденіе, и которому въ концѣ-концовъ необходимо, кажется, приписать происхожденіе германское (старо-верхне-нѣмецкое: kuning), какое принимаютъ наиболѣе компетентные филологи [1]). Какъ связывается это чужое происхожденіе слова съ историческими фактами быта, т.-е. когда и какъ появились первые славяно-русскіе князья подъ этимъ германскимъ названіемъ, еще трудно сказать при настоящемъ состояніи археологіи; но такъ какъ рядомъ съ этимъ стоятъ и другія заимствованія культурныхъ словъ изъ германскаго источника, то надо предполагать, что была нѣкогда эпоха близкаго общенія литовско-славянскаго племени съ выдѣлившимся германскимъ: слово «князь» существуетъ въ разныхъ значеніяхъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и въ языкѣ литовскомъ.

Первые князья объединяли русскія племена въ одномъ княжескомъ *родѣ*; но старая автономія племенъ оставалась. Князь былъ единый предводитель на войнѣ, главный судья, но правленіе онъ раздѣлялъ съ вѣчемъ. Удѣльная система, по новѣйшему объясненію, была федераціей земель, и удѣльныя «княженія» складывались не случайно, не по произвольному раздѣлу князей, а именно по земельной, т.-е. племенной особенности. Вѣчевой порядокъ былъ сначала всеобщій и существовалъ, напримѣръ, даже на сѣверо-востокѣ, гдѣ всего раньше стало развиваться княжеское полновластіе. Любопытно, что всего дольше и сильнѣе вѣчевой порядокъ господствовалъ именно въ томъ Новгородѣ,

---

[1]) Послѣ Шлейхера также Миклошичъ: Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen, 1867 (Denkschriften вѣнской академіи, XV, стр. 98—99). Ср. Забѣлинъ, Ист. рус. жизни II, стр. 18.

который главнымъ образомъ заботился о введеніи княжескаго правленія и долженъ былъ представлять наибольшую политическую зрѣлость; любопытно также, что призывало князей главнымъ образомъ то племя, которое было въ ту пору наиболѣе культурнымъ и вело наиболѣе дѣятельныя связи съ иноземцами.

Призванные князья обнаружили чрезвычайную дѣятельность, которая видимо была новостью для народной жизни. Ново было это соединеніе земель подъ одною властью для однихъ цѣлей; новою была необходимо возникавшая мысль, что близкія племена, имѣвшія одинъ языкъ, жившія сходными обычаями, должны идти вмѣстѣ и имѣть одно общее дѣло; новою была и мысль о необходимомъ политическомъ единствѣ или союзѣ, который обезпечивалъ бы племенамъ ихъ народную жизнь и охранялъ отъ иноземныхъ нашествій и насилій. Эта мысль объ единствѣ, какъ извѣстно, была еще сильнѣе укрѣплена вліяніемъ церкви, о которомъ будемъ говорить далѣе.

Такимъ образомъ княжеская власть вносила въ жизнь народности новый, прежде почти неизвѣстный, элементъ. Эта первая широкая и прочная власть, начинавшаяся съ варягами, сама создана была собственно только однимъ сѣвернымъ отдѣломъ племени, въ ближайшемъ союзѣ съ сосѣдними финскими инородцами; первые, призвавшіе князей, безъ сомнѣнія, думали только о своемъ непосредственномъ интересѣ, но сила вещей, установленіе принципа возъимѣли свои результаты. Политическій авторитетъ распространился и на всѣ другія племена, какія былъ въ состояніи охватить (какъ увидимъ, онъ охватывалъ ихъ не всѣ); для этихъ послѣднихъ онъ являлся принудительнымъ нововведеніемъ, культурнымъ толчкомъ. — Политическій авторитетъ вносилъ начало организаціи, которое не однажды было разъясняемо нашими историками; но не слѣдуетъ, однако, преувеличивать его значеніе. Удѣльныя смуты показывали уже, что въ самомъ княжескомъ родѣ отношенія далеко не были выработаны; многое совершалось по давленію ближайшихъ обстоятельствъ, по произволу отдѣльныхъ личностей, подъ вліяніемъ личной энергіи однихъ и слабости другихъ. Теченіе исторіи шло неравномѣрно, и народная жизнь установлялась не именно только подъ вліяніемъ организующей княжеской власти, но вмѣстѣ подъ вліяніемъ общихъ условій территоріи, быта, сосѣдства, дѣйствовавшихъ и на характеръ самой власти.

Два первые основные центра народной жизни сложились на сѣверѣ и на югѣ, на двухъ крайнихъ русскихъ пунктахъ пути «изъ варягъ въ греки»—въ Новгородѣ и Кіевѣ. Затѣмъ возни-

вали второстепенные земельные и народные центры, къ которымъ временами и наконецъ окончательно переходило политическое значеніе и первенство: Черниговъ, Галичъ, Суздаль, Владиміръ, Тверь, Москва. «Русская земля», какъ политическое цѣлое, начинала являться въ сознаніи—не только у «великихъ князей», которые уже издавна стремятся пріобрѣсти хотя бы нравственный авторитетъ старшинства надъ всей федераціей, не только у церковной іерархіи, которая являлась союзникомъ этого стремленія въ смыслѣ византійскихъ понятій о власти и въ смыслѣ единства православныхъ противъ поганыхъ иноплеменниковъ,—но и у самого народа. Должно приписать неумѣлости князей отсутствіе политическаго единства племенъ хотя бы въ той мѣрѣ, чтобы соединяться вмѣстѣ противъ внѣшняго врага. Эту неумѣлость и оплакиваетъ авторъ «Слова о Полку Игоревѣ» въ концѣ XII-го столѣтія.

Начинавшееся объединеніе русскихъ земель въ рукахъ одного княжескаго *рода*, какъ мы замѣтили, не обнимало всѣхъ русскихъ земель, сколько ихъ существовало въ первые вѣка нашей документальной исторіи. Оно простиралось лишь туда, куда доходили завоеванія князей, хотя и здѣсь врожденный духъ раздѣльности и различіе мѣстныхъ условій, вмѣстѣ съ начинавшимися династическими стремленіями отдѣльныхъ княжескихъ семействъ, приводили къ обособленію земель или княженій. Такъ все болѣе выдѣлялась земля полоцкая и княжество галицкое, на сѣверѣ княженіе новгородское все болѣе слагалось въ независимое народоправство. Съ другой стороны были земли, на которыя очень мало простиралась власть княжескаго рода и за которыми (безъ сомнѣнія, въ связи съ этимъ) мало слѣдила сама древняя лѣтопись: такова была въ юго-западномъ углу русской земли область уличей и тиверцевъ, нѣкогда имѣвшихъ многочисленные города и оставшихся въ сторонѣ отъ общаго русскаго движенія; такова была венгерская Русь, совсѣмъ отбившаяся отъ русскаго цѣлаго; таковы были поселенія русскихъ въ Тмутаракани, имѣвшія своихъ князей и также затерявшіяся вдалекѣ отъ племенныхъ центровъ.

Къ концу древняго періода дѣло объединенія стало получать новый оборотъ. Новыя отношенія княжеской власти и народной жизни возникаютъ на сѣверо-востокѣ: Ростовъ, Суздаль, Владиміръ являются съ новыми оттѣнками народнаго быта и княжеской власти. Здѣсь еще задолго до татаръ, со второй половины XII-го вѣка, династическія стремленія представляютъ зародышъ того принципа, который, постепенно развиваясь и пере-

мѣщаясь, послужилъ первымъ источникомъ московскаго единодержавія.

Наши историки не разъ задавали себѣ вопросъ о томъ, какія причины произвели это различіе въ складѣ жизни на сѣверо-востокѣ въ противоположность Кіеву и Новгороду. Повидимому, эти причины сводятся къ особому характеру образованія сѣверо-западныхъ княженій. Князья приходили здѣсь не на старое насиженное мѣсто автономнаго народнаго быта, а въ новыя земли, едва отнимаемыя отъ инородческой территоріи и гдѣ само русское племя являлось въ болѣе новой формаціи, съ меньшей крѣпостью стараго обычая и съ большей податливостью предъ захватами княжеской власти. Когда образовались эти новые оттѣнки, сказать трудно, но вообще едва ли сомнительно, что сѣверо-восточная отрасль русскаго племени была сравнительно новѣе и примѣсь въ ней инородческой стихіи больше.

Какъ бы то ни было, здѣсь развился мало-по-малу новый складъ политической жизни, завершенный, какъ мы сказали, московскимъ единодержавіемъ. Полное развитіе этого явленія принадлежитъ уже дальнѣйшему историческому періоду; здѣсь мы замѣтимъ только, что это начинавшееся измѣненіе политическаго порядка вещей не могло не отражаться на народномъ характерѣ. Въ народную жизнь вступало нѣчто новое, когда стали исчезать старые обычаи народоправства; новыя поколѣнія воспитывались уже подъ иными впечатлѣніями: власть князя являлась въ глазахъ населенія въ новомъ видѣ—безъ всякаго ограниченія его полномочій; дѣло, которое прежде было общимъ, больше и больше становилось личнымъ дѣломъ князя; народъ терялъ союзность, самодѣятельность, и долженъ былъ только покоряться. Старые идеалы общественнаго строя падали, и на совершавшихся фактахъ строились новые...

Медленно и постоянно было, наконецъ, дѣйствіе христіанства на складъ народной жизни и характера.

Историки церкви давно уже выяснили фактъ, что принятіе христіанства Владиміромъ было только послѣднимъ завершеніемъ движенія, начавшагося задолго раньше. Но, не смотря на это давнее начало, распространеніе христіанства шло весьма не ровно: когда въ Кіевѣ и Новгородѣ уже воздвигались великолѣпные храмы, основывались обители, возникало церковное просвѣщеніе, являлись писатели, и уже создавались христіанскія легенды, въ другихъ мѣстахъ еще цѣло было формальное язычество, противъ котораго иногда надо было дѣйствовать силою. И долго спустя, когда

христіанство уже господствовало повсюду, ему приходилось бороться съ народнымъ двоевѣріемъ, суровыя осужденія котораго продолжаются до самаго начала XVIII-го вѣка... Съ другой стороны, церковь уже вскорѣ послѣ утвержденія своего на русской землѣ стала не только представительницей новаго религіознаго порядка, но и сильнымъ политическимъ факторомъ: она вмѣшивалась не только въ духовную жизнь своихъ чадъ, но и въ политическія дѣла страны и именно весьма сильно содѣйствовала установленію новаго характера княжеской власти. Далѣе, въ рукахъ церкви были средства образованія, которыя на цѣлые вѣка и оставались почти единственными. Наконецъ, церковь съ своей стороны приняла участіе въ дѣлѣ колонизаціи: проповѣдь христіанства среди инородцевъ, распространеніе монастырей, въ особенности по сѣверному краю, бывали вмѣстѣ новыми завоеваніями русской народности... Таковы были разнообразныя отношенія, которыми христіанство связывалось съ народной жизнью: это была совершенно новая стихія, стремившаяся охватить всю нравственную жизнь народа, и дѣйствительно церковь не только овладѣвала народнымъ міровоззрѣніемъ, но вмѣшивалась въ самый политическій и матеріальный бытъ народа. Съ теченіемъ вѣковъ вліяніе церкви видоизмѣнялось по условіямъ времени, но вообще имъ создано было совершенно новое настроеніе народной мысли. Словомъ, церковь стремилась радикально измѣнить первобытную народность, т.-е. внутреннія основанія и внѣшнія формы быта, складъ народныхъ мыслей и нрава,—въ чемъ въ большой степени и успѣла, вызвавши при этомъ и въ самомъ народѣ извѣстную самодѣятельную и самодѣльную церковность.

Таковы были основныя историческія явленія, которыя съ начала документальной исторіи дѣйствовали на первобытную почву русской народности и мало-по-малу существенно измѣняли ея свойства. Обратимся къ нѣкоторымъ подробностямъ.

VI.

Что происходило среди этихъ условій въ самомъ племени?

Съ тѣхъ поръ какъ въ нашу исторіографію стали проникать новые вопросы историческаго знанія о путяхъ внутренняго развитія народа и бытѣ до-историческомъ, какъ исходномъ пунктѣ быта историческаго, происхожденіе племени и его оттѣнковъ снова стали предметомъ усиленнаго вниманія. Исторія не могла начаться съ IX-го вѣка, и если древность скрыта отъ насъ окут-

ствіемъ прямыхъ свидѣтельствъ, то—дѣло науки возстановить ее внимательнымъ изслѣдованіемъ наличныхъ данныхъ и тѣхъ косвенныхъ указаній, какія даются археологіей, языкомъ и—аналогіями. Къ сожалѣнію, прямыя свидѣтельства въ нашемъ вопросѣ такъ скудны, что изъ нихъ трудно извлечь какіе-нибудь положительные выводы, и тотъ, кто непремѣнно ихъ ищетъ, слишкомъ часто рискуетъ произволомъ и бездоказательностью. «Въ самомъ дѣлѣ,—замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей этихъ первобытныхъ временъ нашей исторіи,—какъ скуденъ лѣтописный матеріалъ для перваго тысячелѣтія исторической жизни славянъ! Три страницы у Иродота, одна у Плинія, полъ у Тацита, двѣ съ половиною у Птолемея, одна у Маркіана Иракліотскаго, двѣ надписи на монетахъ, нѣсколько словъ въ римскихъ итинераріяхъ—въ совокупности менѣе 10 страницъ: вотъ непосредственный лѣтописный матеріалъ перваго періода славянскихъ древностей! Если вспомнить затѣмъ, что эти 10 страницъ далеко не исключительно посвящены свѣденіямъ о славянствѣ, и что ни одинъ изъ названныхъ писателей не обладалъ непосредственнымъ и сколько-нибудь обстоятельнымъ знакомствомъ со славянскимъ языкомъ и народностію, то еще яснѣе представится крайняя скудость этого источника нашихъ древностей» [1]). Къ этимъ источникамъ прибавляются въ послѣднее время изысканія археологическія; но кромѣ того, что памятники до-исторической старины у насъ далеко еще не собраны и отдѣляются другъ отъ друга огромными пробѣлами, даже тѣ, которые ближе извѣстны, остаются пока лишь туманными намеками: наука еще не собрала этихъ фактовъ и намековъ въ одно цѣлое, не классифицировала, не опредѣлила ихъ хронологической и племенной принадлежности. Данныя языка собраны уже въ значительномъ изобиліи, но и здѣсь разработка ихъ представляетъ такіе пробѣлы, что для исторической критики недостаетъ еще многихъ элементарныхъ, необходимѣйшихъ орудій. Мы имѣемъ начатки разнородныхъ изслѣдованій,—но у насъ нѣтъ, напримѣръ, до сихъ поръ такого въ высокой степени важнаго матеріала, какимъ долженъ бы быть историческій словарь русскаго языка; нѣтъ словаря малорусскаго; нѣтъ сколько-нибудь точнаго опредѣленія нарѣчій; нѣтъ цѣльнаго опыта опредѣленія иноземныхъ элементовъ русскаго языка. Въ области этнографіи, которая также могла бы доставить драгоцѣннѣйшія указанія о судьбахъ народнаго быта и обычая,—у насъ есть масса частныхъ сборниковъ, матеріаловъ, отдѣльныхъ

---

[1]) Будиловичъ, Первобытные Славяне, стр. 268.

комментаріевъ, но (но кромѣ книги Аѳанасьева, все-таки слишкомъ искусственной) нѣтъ цѣльнаго труда, который бы вносилъ систему въ этотъ матеріалъ, намѣтилъ его историческія грани, его общія явленія и частныя развитія. Далѣе, опять кромѣ отдѣльныхъ эпизодическихъ изслѣдованій, мы не имѣемъ археологической исторіи быта, древняго искусства и т. д.

Очевидно, слѣдовательно, что сколько-нибудь точные выводы о судьбѣ древней народности въ настоящее время очень затруднительны, даже невозможны. Мы ограничены пока немногими заключеніями и предположеніями, на какія даютъ право до сихъ поръ извѣстные факты.

Однимъ изъ самыхъ давнихъ вопросовъ по исторіи русской народности, былъ вопросъ о томъ, когда совершилось ея дѣленіе на тѣ двѣ основныя группы, въ какихъ мы видимъ ее теперь: когда возникли племена великорусское и малорусское, въ какихъ они стоятъ отношеніяхъ, какое изъ нихъ болѣе первобытно или болѣе ново, принадлежала ли начальная кіевская исторія одному изъ нихъ или обоимъ вмѣстѣ? Намъ не однажды случалось останавливаться на этомъ вопросѣ по другимъ поводамъ, и не повторяя того, что́ мы говорили о немъ въ тѣсномъ историческомъ смыслѣ и въ примѣненіи къ современному спору о литературно-этнографической правоспособности малорусскаго племени, приведемъ нѣсколько замѣчаній объ общемъ историческомъ характерѣ этого вопроса.

Какъ мы сейчасъ говорили, и по этому предмету наша историко-филологическая наука не имѣетъ въ рукахъ всѣхъ необходимыхъ средствъ; но мало-по-малу эти средства все-таки возрастаютъ и съ общимъ развитіемъ науки выясняется самая постановка вопроса. Прежде полагали, напримѣръ, приблизительно такъ, что нѣкогда существовалъ одинъ чистый, нераздѣльный русскій языкъ, и что впослѣдствіи этотъ языкъ раздвоился (на великорусскій и малорусскій) или раздѣлился на три части (прибавляя еще бѣлорусскій); этому дѣленію считали возможнымъ положить хронологическое начало и полагали его именно въ XIII—XIV столѣтіи. Но скорѣе надо предполагать, что ходъ дѣла былъ совсѣмъ иной,—что единаго первобытнаго русскаго языка не было, а какъ само руссское племя, по первымъ извѣстіямъ лѣтописи, представляется раздѣленнымъ на нѣсколько, даже много частей, «жившихъ особѣ», т.-е. дѣйствительно не имѣвшихъ общенія между собой, такъ и языкъ племени разбивался на такое же количество мѣстныхъ оттѣнковъ, гдѣ общая его тема сохр

валась уже въ различныхъ частныхъ варіаціяхъ [1]). Изъ этихъ мѣстныхъ оттѣнковъ мы знаемъ только тѣ, какіе проникли въ письменные памятники, а такъ какъ первая литература явилась у насъ на чужомъ, хотя и родственномъ нарѣчіи, чѣмъ уже стѣснены были проявленія собственнаго народнаго языка, и кромѣ того, старые книжные памятники, особливо на югѣ, подверглись страшному истребленію, то мы имѣемъ только ограниченныя свѣденія о подробностяхъ стараго языка.

По всѣмъ вѣроятіямъ, въ IX—X вѣкѣ была именно значительная разница въ говорахъ не только сѣвернаго Новгорода и южнаго Кіева, но и въ говорахъ древлянъ, полочанъ, радимичей, тиверцевъ и проч., т.-е., другими словами, были уже готовые ясные зародыши того дѣленія, какое прежніе филологи относили только въ XIII—XIV вѣкъ. Съ теченіемъ времени мѣстныя варіаціи подвергались многоразличнымъ случайностямъ исторіи; съ одной стороны начиналось сближеніе племенъ въ политическомъ объединеніи, въ христіанствѣ, грамотѣ, и прежняя раздѣльность должна была стушовываться въ общихъ интересахъ, понятіяхъ и рѣчи; съ другой, раскиданныя на громадныхъ пространствахъ племена по прежнему стояли въ своихъ особыхъ условіяхъ, въ особомъ старомъ сосѣдствѣ или получали различное сосѣдство новое, и исключительность быта способствовала усиленію старой этнографической варіаціи. По мѣрѣ того, какъ возвышалось политическое значеніе той или другой земли, получало шансы развитія и господства и нарѣчіе племени; по мѣрѣ распространенія книжности возрастала возможность болѣе широкихъ проявленій мѣстнаго языка въ произведеніяхъ не только церковныхъ, но и свѣтскихъ, въ памятникахъ юридическихъ, народно-легендарныхъ и т. п. При политическомъ преобладаніи извѣстнаго племени, его нарѣчіе получаетъ возможность преобладанія надъ другими и можетъ наконецъ стать господствующимъ «языкомъ», можетъ возобладать въ книгѣ, какъ возобладало въ оффиціальномъ бытѣ и управленіи; но это вовсе не означаетъ, чтобы именно этотъ языкъ былъ старый и коренной,—напротивъ, первоначально онъ могъ быть только второстепеннымъ нарѣчіемъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о началѣ и относительной древности великорусскаго и малорусскаго нарѣчія можетъ быть поставленъ совсѣмъ иначе: ихъ предшественники въ прежнихъ вѣ-

---

[1]) Теперь установленъ фактъ, что племена мало развитыя, живущія безъ культурныхъ связей, обыкновенно представляютъ чрезвычайно разбитое состояніе языка, который распадается на массу мелкихъ нарѣчій, такъ что небольшія племена имѣютъ каждое свой говоръ и не понимаютъ ближайшихъ сосѣдей.

кахъ могли имѣть совсѣмъ иной обликъ, чѣмъ тотъ, какой мы вздумали бы возстановлять, исходя изъ ихъ позднѣйшаго характера. Источникъ того и другого—въ томъ сложномъ броженіи элементовъ языка, какимъ, безъ сомнѣнія, сопровождалась первобытная жизнь разсѣянныхъ племенъ, ограниченныхъ самими собой, и имѣвшихъ мало точекъ соприкосновенія.

Если мы обратимся къ исторической литературѣ послѣднихъ годовъ, мы встрѣтимъ по вопросу объ этомъ раздѣленіи племенъ странно расходящіяся мнѣнія. Авторъ «Исторіи русской жизни», разбирая разсказъ Геродота о Скиѳіи, въ «скиѳахъ-пахаряхъ» находитъ прямо древнихъ полянъ нашей лѣтописи, и въ сказаніи о переселеніи ихъ сосѣдей невровъ на восточную сторону Днѣпра видитъ источникъ преданія о переходѣ радимичей и вятичей, занесеннаго въ нашу старую лѣтопись—черезъ полторы тысячи лѣтъ: въ этомъ переселеніи невровъ авторъ видитъ первое колонизаціонное движеніе славянскаго племени на востокъ и зародышъ нашего великорусскаго племени. Еще далѣе отодвигаютъ древность великорусскаго племени другіе ученые, геологи и антропологи: изслѣдуя геологическую древность береговъ Ладожскаго озера, они нашли на извѣстной глубинѣ остатки человѣка каменнаго періода, остатки, по ихъ предположенію, отдѣленные отъ насъ цѣлымъ рядомъ тысячелѣтій, и по формаціи черепа они не усумнились признать въ нихъ предковъ не только вообще русскаго, но именно великорусскаго племени, т.-е. за цѣлыя тысячелѣтія до самого Геродота! [1]) Напротивъ историкъ, не задававшійся вопросами о первобытныхъ временахъ и разсуждавшій по ближайшимъ даннымъ исторіи, считалъ начало великорусскаго племени всего въ XI—XII столѣтіи по Р. Х. [2]). Эти маленькія хронологическія разногласія достаточно показываютъ, насколько ясенъ этотъ предметъ въ представленіяхъ лучшихъ силъ нашей литературы.

На дѣлѣ, начало раздѣленія русскаго племени и языка на двѣ главныя группы совершилось вѣроятно не такъ давно, какъ времена за тысячи лѣтъ до Геродота, но и не такъ поздно, какъ XI—XII вѣкъ. Въ сущности та эпоха, гдѣ раздѣленіе становится замѣтно даже по памятникамъ языка, была только послѣднимъ звѣномъ давно начавшагося развитія; но самое развитіе совершалось гораздо ранѣе путемъ неуловимаго броженія племенныхъ элементовъ, безъ сомнѣнія, не однажды видоизмѣнявшагося въ

---

[1]) Изслѣдованія гг. Иностранцева и Богданова.

[2]) Кавелинъ, Мысли и замѣтки о русской исторіи, 1867.

историческимъ обстоятельствамъ. Очень возможно, какъ мы сказали, что уже при первомъ выдѣленіи изъ обще-славянской группы русскій языкъ не былъ единымъ языкомъ, что напротивъ выдѣлился изъ этой группы не одинъ русскій языкъ, а группа русскихъ нарѣчій, что́ было бы и весьма естественно при родовой разбросанности, издавна отличавшей славянскій бытъ. Такимъ образомъ въ основѣ различія могло лежать исконное различіе двухъ (или болѣе) племенъ, недоступное для историческаго опредѣленія. Но возможна также и другая гипотеза. Отличія языка въ началѣ могли быть совершенно незначительны, какъ мелкіе говоры одного нарѣчія, но съ теченіемъ времени эти говоры стали болѣе и болѣе обособляться подъ вліяніемъ различія мѣстныхъ условій—природы, климата, формы труда, и подъ вліяніемъ различнаго сосѣдства и племенныхъ смѣшеній. По всей вѣроятности было и то, и другое. На раздѣльность племенъ указываетъ древняя лѣтопись; вмѣстѣ съ тѣмъ на глазахъ исторіи происходитъ передвиженіе племенъ съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ, въ видѣ походовъ дружинъ и переходовъ самого населенія, которые, однако, не устранили основныхъ различій сѣвера и юга. На сохраненіе и развитіе первоначальнаго дѣленія продолжали дѣйствовать съ одной стороны природныя условія, съ другой—сосѣдство. Что природа оказываетъ вліяніе на характеръ языка, физіологически передѣлывая человѣческую гортань, это не подлежитъ сомнѣнію,—хотя въ данномъ случаѣ не было сдѣлано объ этомъ еще никакихъ изслѣдованій. Легче представить себѣ другую сторону этнологическаго развитія—вліяніе племенныхъ связей.

Этнографическое сосѣдство древней Руси извѣстно. Западная граница уже очень рано опредѣлилась политической чертой сосѣднихъ чужихъ племенъ и государствъ; на сѣверѣ, востокѣ и югѣ границы не было. На сѣверѣ раскидывалось множество отдѣльныхъ финскихъ племенъ,—нѣкогда они какъ будто имѣли свой богатый и сильный центръ въ полумиѳической Біарміи, но въ историческое время являются уже не имѣвшими понятія о государственной формѣ, раздѣленными и потому слабыми; на востокѣ тѣ же финскія и частію тюркскія племена, у которыхъ были даже государства, какъ напр. волжская и камская Болгарія, и которыя вообще представляли большую силу сопротивленія; на югѣ, съ началомъ писанной исторіи, цѣлый рядъ тюркскихъ и кочевыхъ племенъ, смѣнявшихъ другъ друга. Выше мы говорили о томъ, какими средствами стала совершаться русская колонизація на сѣверѣ—войной и грабежомъ, промышленными экспедиціями,

расширеніемъ земледѣлія, распространеніемъ монастырей. Финскія племена легко уступали передъ наплывомъ русскихъ; апатическій, сосредоточенный, лѣнивый народный характеръ и вмѣстѣ бѣдная культура не выдерживали спора съ трудолюбивой подвижностью русскихъ пришельцевъ, которые притомъ, вѣроятно, не очень стѣснялись въ своихъ способахъ дѣйствій. Въ результатѣ финскія племена начинають исчезать—отчасти, быть можетъ, истребляемыя пришельцами, отчасти принимая ихъ народность, т.-е. языкъ, обычаи и культуру. Какъ далеко простирались на югъ финскія племена, опредѣлить довольно трудно, но исторически извѣстно, что не только Ростовъ, одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ городовъ, стоялъ на финской почвѣ, но самое средоточіе позднѣйшаго великорусскаго племени, Москва, стала на такой же финской почвѣ; финскія племена лежали дальше не только на юго-востокъ, но и прямо на югъ отъ Москвы. Нѣтъ сомнѣнія, что не только территорія переходила къ русскимъ, но становилось русскимъ и прежнее туземное населеніе. Современные наблюдатели безъ труда угадываютъ финскія черты въ русскомъ населеніи крайняго сѣвера, но въ московскомъ и окрестномъ краѣ, гдѣ совершалось такое живое историческое движеніе и обширное взаимодѣйствіе этнологическихъ элементовъ, выработался оригинальный типъ, который считается теперь самымъ чистымъ русскимъ типомъ.—Финскими элементами была переполнена область новгородская, весь сѣверъ, княжества тверское, московское, нижегородское, рязанское, область ростовская, владимірская и т.-д. Слѣдъ финскаго прошлаго остался во множествѣ мѣстныхъ названій, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ; раскопка кургановъ въ послѣдніе годы открываетъ финскія могилы и древности; живой слѣдъ остался, безъ сомнѣнія, въ этнологическомъ характерѣ населенія всѣхъ этихъ мѣстностей. Наконецъ, не обрусѣвшія финскія племена до сихъ поръ сохранились даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ Москвы, какъ, напр., въ тверской Кореліи.

Повидимому, гораздо упорнѣе были инородческія племена на востокѣ, въ бассейнахъ Оки и Волги. Мордва упорно защищала свою независимость; Ивану Грозному въ походѣ на Казань приходилось еще воевать съ черемисой. Но русскія поселенія, вѣроятно, отдѣльными островами, давно проникаютъ на востокъ, и русскіе жители упоминаются въ предѣлахъ болгарскаго царства. На востокѣ русская колонизація шла медленнѣе и труднѣе, и существенные успѣхи сдѣлала уже только въ средніе, московскіе вѣка нашей исторіи. Но когда дѣло разъ было начато, оно по-

степенно двигалось впередъ; инородцы все болѣе и болѣе отступали передъ наплывомъ русскихъ, отчасти, вѣроятно, вымирая, отчасти обращаясь въ русскихъ, конечно, подъ вліяніемъ того типа, съ какимъ приходилось имъ имѣть дѣло. Этимъ путемъ размножался именно сѣверо-восточный оттѣнокъ русскаго племени [1]).

Иныя между-племенныя связи были на югѣ. На западѣ южнаго края лежала опредѣленная польская граница, къ Черному и Азовскому морю лежала степь, занятая кочевниками. Исторія этого края съ начала нашей писанной исторіи чрезвычайно темна и запутана. Древніе историки, сообщавшіе объ этомъ краѣ со временъ Геродота, говорили о немъ только по слухамъ; самъ Геродотъ видѣлъ только часть Скиѳіи, но при всей его основательности (которая такъ замѣчательно подтверждается новѣйшими раскопками скиѳскихъ могилъ на югѣ Россіи), былъ слишкомъ довѣрчивъ къ тѣмъ баснямъ, какія ему приводилось слышать о далекихъ странахъ; послѣдующіе греческіе писатели и совсѣмъ не видѣли этихъ земель и съ обычнымъ греческимъ презрѣніемъ къ варварамъ не заботились объ особенно точной передачѣ фактовъ и собственныхъ именъ народовъ и мѣстностей; тоже высокомѣрное отношеніе къ сѣвернымъ варварамъ унаслѣдовали византійцы и напр., избѣгая употреблять дѣйствительныя имена народовъ, продолжаютъ въ IX, X, XI вѣкѣ говорить о скиѳахъ, гуннахъ, савроматахъ и т.-д., какихъ тогда въ дѣйствительности совсѣмъ не существовало; русскіе называются «тавроскиѳами», даже «мирмидонами» и т. п. Подобнымъ образомъ по неяснымъ слухамъ говорили объ этихъ земляхъ и совершавшихся тамъ событіяхъ историки латинскіе, а позднѣе восточные писатели—съ новымъ смѣшеніемъ дѣйствительности и фантазіи, къ которому ключъ еще не вполнѣ отысканъ. Новѣйшіе изслѣдователи, особливо начиная съ Шафарика и Цойса [2]), положили множество

[1]) Изслѣдованія о финскомъ племени и языкѣ начаты еще съ XVII вѣка. Въ новѣйшее время много сдѣлано было въ трудахъ Шёгрена, Кастрена, Видемана, Альквиста (Die Culturwörter der westfinnischen Sprachen, 1875; резюмировано и частію дополнено въ книжкѣ Л. Майкова: О древней культурѣ финновъ и пр. по сочиненію Альквиста. Спб. 1877), въ изслѣдованіяхъ г. Европеуса, въ раскопкахъ финскихъ кургановъ П. С. Савельева, гр. Уварова, г. Ивановскаго; въ изслѣдованіяхъ по финскимъ нарѣчіямъ Шёгрена, Кастрена, Саввантова, Рогова, Золотницкаго, и проч. Отношеніе финскаго племени и языка къ русской народности давно привлекало вниманіе нашихъ ученыхъ; таковы труды Буткова: „О финскихъ словахъ въ русскомъ языкѣ“, Спб. 1842, Грота: „Областныя великор. слова финскаго происхожденія“ (въ Извѣст. II Отд. Акад., т. II) и др.; но этнологическое отношеніе финновъ къ русскому племени все еще далеко не выяснено.

[2]) „Слав. Древности “1836—37; „Die Deutschen und die Nachbarstämme“, 1837.

труда, чтобы разрѣшить путаницу именъ и событій въ историческихъ преданіяхъ первыхъ вѣковъ нашей эры, между прочимъ и относительно нашего южнаго края.

Мы упоминали выше о взглядѣ нѣкоторыхъ историковъ, полагающихъ, что въ русской землѣ и за многіе вѣка до начала письменной исторіи, даже со временъ Геродота, жили тѣ же русскіе. Между тѣмъ несомнѣнно, что область южной Россіи была поприщемъ исторической жизни, столкновеній и переселеній для цѣлаго ряда разнородныхъ племенъ, начиная отъ скиѳовъ (главная доля которыхъ были, вѣроятно, иранцы) до германскихъ готовъ, потомъ гунновъ, болгаръ, хозаръ, венгровъ и т. д. Раньше мы указывали, что если намъ недостаетъ положительныхъ историческихъ свѣденій о судьбахъ древняго славянства (и русскаго племени въ его средѣ), то исторія языка сохранила доказательства его культурныхъ связей и съ югомъ Европы и съ иранскими, а также тюркскими племенами Азіи, связей, происходившихъ въ тѣ времена, о которыхъ ничего не говоритъ намъ положительная исторія. Надо предполагать, что южныя части русскаго племени были въ особенности посредниками этихъ связей [1]).

Въ историческія времена мы имѣемъ болѣе возможности слѣдить этнологическія отношенія южной Руси. Русское племя распространялось здѣсь, какъ полагаютъ справедливо, дальше границъ русскихъ княженій; мы упоминали выше объ уличахъ и тиверцахъ, занимавшихъ юговосточный край русской земли, о русскихъ въ Тмутаракани, о Руси угорской. Судьба этихъ послѣднихъ племенъ вообще весьма темно передается древней лѣтописью, но едва ли сомнительно, что сосѣдство этихъ племенъ съ Тавридой, съ греками, болгарами и потомками рим-

---

[1]) Этнологическое движеніе народовъ въ южной Россіи имѣетъ очень обширную ученую литературу, начиная съ изысканій о Скиѳіи и до изслѣдованій о новѣйшемъ казачествѣ. Относительно черноморскихъ тюркскихъ народовъ отъ Атиллы до Чингисхана, прежняя литература была указана г. Куникомъ, въ „Ученыхъ Зап. Ак. Наукъ по I и III Отд.“, Спб. 1855, III, стр. 714—741. Далѣе, кромѣ общихъ историческихъ трудовъ укажемъ за послѣдніе годы для занимающаго насъ періода времени: D-r J. Vlach, Die ethnographischen Verhältnisse Südrusslands in ihren Hauptepochen von den ältesten Zeiten bis auf das erste Erscheinen der Slaven (Mittheilungen der Geogr. Gesellschaft in Wien, 1879, XXII Bd.,—гдѣ авторъ пользуется и „Исторіей рус. жизни“, г. Забѣлина); „Смѣна народностей въ южной Россіи, историко-этнографическія замѣтки“, Ир. Житецкаго, въ „Кіевской Старинѣ“, 1883, май, іюль; 1884, августъ, сентябрь; — „Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX — XIII вв.“ Монографія П. Голубовскаго (съ указаніями о новѣйшей литературѣ предмета). Кіевъ, 1884.

скихъ колонистовъ на Дунаѣ не осталось безъ вліянія какъ на характеръ племени, такъ и на культуру. Историковъ нашихъ не разъ приводили въ недоумѣніе слова Святослава, которому «не любо было въ Кіевѣ» и который находилъ «среду своей земли» на Дунаѣ. Г. Забѣлинъ объясняетъ, что мысль Святослава отыскивать на Дунаѣ среду своей земли была мысль самого народа, той предпріимчивой его доли, которая искала путей для русскаго промысла и торга, и въ устьяхъ Дуная видѣла дѣйствительно важный пунктъ для сношеній съ средоточіемъ тогдашней торговли, Византіей [1]). Не будемъ вдаваться въ споръ о томъ, насколько Святославъ могъ быть сознательнымъ носителемъ этой идеи или насколько онъ былъ просто «завоевателемъ», продолжателемъ той же варяжской воинственной предпріимчивости, какая несомнѣнно отличала всѣхъ первыхъ князей, вообще стремившихся къ расширенію своей политической власти не только въ областяхъ, уже занятыхъ русскими племенами, но и въ земляхъ инородцевъ; но здѣсь возможно еще одно обстоятельство. Край, куда стремился Святославъ, не былъ совершенно чуждъ русскому племени: въ ближайшее сосѣдство Дуная достигали поселенія упомянутыхъ югозападныхъ племенъ. Одинъ изъ новѣйшихъ нашихъ историковъ справедливо замѣтилъ, что эти крайнія русскія поселенія, эти уличи и тиверцы могли бы составить предметъ любопытнаго археологическаго изслѣдованія, и дѣйствительно, это—одинъ изъ тѣхъ забытыхъ пунктовъ нашей исторіи, гдѣ могутъ быть отысканы интересныя объясненія для нашей этнологіи и культурной исторіи. Съ упоминаніемъ Нестора о многочисленности уличей и тиверцевъ, города которыхъ стоятъ «до сего дня», т. е. до XII столѣтія, любопытно сопоставить извѣстія византійцевъ и другія свидѣтельства самой русской лѣтописи, указывающія на дѣйствительное существованіе русскихъ подунайскихъ городовъ (въ числѣ которыхъ былъ Малый Галичъ—нынѣшній Галацъ на Дунаѣ) и слѣдовательно постояннаго русскаго населенія. Повидимому, здѣсь была особая русская область, называемая иногда берладскимъ княжествомъ, имѣвшая нѣкоторыя связи съ центральной русской землей или съ Галичемъ, но вообще жившая отдѣльно и уже тогда пріобрѣвшая оригинальныя особенности. Греческіе писатели (напр. Анна Комнена) упоминаютъ здѣсь о «скиѳскомъ народѣ», занимавшемся земледѣліемъ; но кромѣ того, этотъ народъ, кажется, отличался и воинственной предпріимчивостью. Во второй

---

1) Исторія рус. жизни, II, стр. 244—246.

половинѣ XII вѣка область этихъ «берладниковъ» считается уже чѣмъ-то оторваннымъ отъ Руси. Новѣйшіе изслѣдователи полагаютъ, что подунайскіе берладники, какъ жившіе у Дона и Азовскаго моря «бродники», составляли самостоятельныя общины, организовавшіяся въ военныя братства; что они должны были находиться въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ наполнявшими южно-русскія степи тюркскими кочевниками, причемъ должны были усвоить нѣчто изъ ихъ бытовыхъ понятій и обычаевъ и заимствовать много словъ, особенно по военной техникѣ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняли родственныя отношенія къ Руси, съ которой имѣли одинъ языкъ, вѣру и обычаи [1]),

Въ первые вѣка нашей исторіи въ южно-русскихъ степяхъ кочевало попеременно нѣсколько тюркскихъ народовъ: печенѣги, торки, половцы (они же—узы, куманы и пр.); безъ особыхъ столкновеній съ русскими прошли венгры. Съ упомянутыми кочевниками боролись еще первые князья; Святославъ былъ убитъ въ битвѣ съ печенѣгами. Половцы, послѣдніе въ этомъ ряду, исчезли изъ русской земли съ нашествіемъ татаръ: они первые встрѣтили ударъ татарскаго нашествія и бились противъ татаръ вмѣстѣ съ русскими; остатокъ разбитыхъ татарами половцевъ укрылся въ Венгрію, куда первыя толпы ихъ проникли еще въ XI столѣтіи. Этнологическій характеръ и происхожденіе всѣхъ этихъ кочевниковъ еще не опредѣлены съ точностію, но очень вѣроятно мнѣніе, что всѣ эти кочевники вышли изъ одного тюркскаго рода, къ которому принадлежали и другіе ихъ родичи, двинувшіеся инымъ путемъ въ Малую Азію—турки-сельджуки и турки-османы. Исторія южно-русскихъ княженій того времени переполнена фактами борьбы съ кочевниками, которые держали въ страхѣ сосѣднія русскія поселенія и вызывали, наконецъ, болѣе или менѣе успѣшный отпоръ со стороны русскихъ князей. Но мало-по-малу обѣ стороны освоивались другъ съ другомъ: или тѣ и другіе находили себѣ общее дѣло, напр. въ походахъ на Балканскій полуостровъ, гдѣ русскіе князья съ половцами бывали у самого Константинополя; или князья въ удѣльныхъ раздорахъ призывали кочевниковъ на помощь противъ другихъ князей, своихъ соперниковъ; или, наконецъ, сближались съ ними, вступали въ родственныя связи съ половецкими ханами,—даже крупные князья, какъ Даніилъ галицкій, женились на ханскихъ дочеряхъ. Въ теченіе долгихъ лѣтъ сосѣдства ко-

---

[1]) Голубовскій, стр. 183—любопытная глава о судьбахъ окраиннаго славянскаго населенія; см. особенно стр. 199—200, 207—209.

чевники привыкли или искать военной и разбойничей добычи въ русской землѣ или извлекать себѣ другую пользу въ княжескихъ междоусобіяхъ въ качествѣ союзниковъ; отдѣльныя племена, вѣроятно, чувствовавшія себя не безопасными отъ собственныхъ родичей, селились наконецъ на русскихъ земляхъ подъ властью князей, и лѣтопись упоминаетъ даже цѣлый рядъ городовъ, населенныхъ бывшими кочевниками (одинъ изъ нихъ, Торческъ, самымъ названіемъ указываетъ на своихъ жителей, торковъ). Эти жившіе на руской землѣ кочевники были естественными союзниками князей даже противъ своихъ сродниковъ половцевъ; лѣтопись называетъ имена этихъ небольшихъ племенъ—берендѣи, каепичи, турпѣи, коуи, боуты, черные клобуки и пр. Одно изъ этихъ племенъ, коуи или ковуи, является союзникомъ Игоря въ знаменитомъ несчастномъ походѣ противъ половцевъ. Кочевники не оставались недоступны культурнымъ вліяніямъ: одни изъ нихъ принимали іудейство, другіе обращались въ христіанство; многіе изъ половцевъ носятъ уже христіанскія имена и называются въ лѣтописи по отчеству, какъ требуетъ русскій обычай; близость съ русскими повидимому не обошлась и безъ иныхъ культурныхъ вліяній,—какъ безъ сомнѣнія и сами русскіе не остались безъ вліянія со стороны кочевниковъ.

Понятно, что это безпокойное положеніе южной русской границы не способствовало установленію прочнаго политическаго порядка; это было постоянное воинственное броженіе, смѣна счастья и неудачъ, неудобная для правильнаго быта, но развивавшая удальство и закалявшая характеры. Отдѣльныя части племени совсѣмъ отрывались отъ цѣлаго и, вступая на путь приключеній, устраивались въ воинственныя общины въ родѣ «бродниковъ» и жителей Берлади. Новые изслѣдователи думаютъ, что именно къ этому явленію древне-русской жизни на югѣ должно быть отнесено исторически начало казачества. И въ самомъ дѣлѣ, въ первый разъ о казакахъ говорится въ 1499 году—уже какъ о готовомъ сословіи. Очевидно, нужно было время для того, чтобы образовался особый разрядъ населенія, выдѣлявшійся изъ общей массы народа своимъ бытомъ и даже носившій чуженародное названіе,—потому-что слово «казакъ» явно не русское. Раньше казаковъ 1499 года должны были существовать независимыя воинственныя общины, отъ которыхъ формы казацкаго быта могли придти и къ осѣдлымъ населеніямъ. Образованіе подобныхъ общинъ требовало, конечно, продолжительнаго времени и отъ XV вѣка нѣтъ ничего невѣроятнаго возводить начало явленія къ XIV и XIII столѣтію, а послѣднее историческое извѣстіе

о «бродникахъ» относится къ 1254 году (въ письмѣ венгерскаго короля Белы IV къ папѣ Иннокентію они упоминаются рядомъ съ русскими, какъ племя, платившее дань татарамъ). Если послѣ этого нѣтъ извѣстій о бродникахъ и имъ подобныхъ общинахъ, то это легко объясняется тѣмъ хаосомъ, который наступилъ вообще въ южной Руси послѣ татарскаго нашествія: за это время, XIII—XIV вѣкъ, мы очень мало знаемъ о судьбѣ самаго Кіева и всей южной Руси,—даже серьезнымъ историкамъ казалось, что населеніе южной Руси было тогда поголовно истреблено или разбѣжалось, и южная Русь была заново населена пришельцами изъ-за Карпатъ. Когда съ татарскимъ нашествіемъ исчезли кочевые половцы (остатки которыхъ, какъ выше упомянуто, бѣжали въ Венгрію), русскія осѣдлыя общины остались на мѣстѣ, «платили дань» татарамъ, но въ концѣ-концовъ не покорились имъ и въ качествѣ православныхъ и привычныхъ бойцовъ стали передовыми защитниками православнаго христіанства противъ татаръ. Соприкосновеніе съ тюркскими народами еще ранѣе сообщило имъ извѣстную тюркскую примѣсь въ быту и этнологическомъ характерѣ: не мудрено, что они усвоили и нѣкоторыя тюркскія слова какъ самое слово «казакъ». «Не зачѣмъ искать этого слова въ татарскомъ языкѣ,—замѣчаетъ г. Голубовскій,—когда это слово чисто половецкое, когда изъ среды русскихъ славянъ были еще въ XI вѣкѣ люди, постоянно жившіе среди тюрковъ: это слово значитъ стражъ, передовой, ночной и дневной».

«Такимъ образомъ,—говоритъ тотъ же авторъ,—могла уже въ XIV, XV вѣкѣ вполнѣ организоваться община людей, посвятившихъ себя исключительно борьбѣ съ невѣрными. Она не прочь была поживиться и на счетъ христіанъ, но это не были ея главными цѣлями. Интересно, что въ запорожскую общину принимались люди всѣхъ національностей, лишь бы явившійся объявился христіаниномъ... Эта національная терпимость, оказываемая запорожцами и донцами, есть традиція глубокой древности. Никто изъ нихъ не сказалъ бы, почему онъ такъ смотритъ на другихъ людей не одной съ нимъ націи, потому что эта оригинальная черта срослась съ нимъ и, намъ кажется, ведетъ свое начало съ того времени, когда дѣйствовали предшественники запорожцевъ и донцовъ, ихъ отцы по духу, первые организаторы казачества, бродники и берладники, въ общину которыхъ входили и тюркскіе и, вѣроятно, всякіе другіе элементы» [1]).

---

[1]) Голубовскій, Печенѣги и пр., стр. 209—211. Такъ думали и раньше нѣкоторые ученые, напр. Самчевскій, Кукинъ (тамъ же Уч. Зап., стр. 723) и друг.

Эта близость южной Руси съ тюркскими кочевниками отразилась въ литературѣ и народныхъ сказаніяхъ. Разсказы о борьбѣ русскихъ съ печенѣгами и половцами въ лѣтописи носятъ нерѣдко эпическій характеръ; монастырская легенда разсказываетъ о чудесахъ, гдѣ русская святыня торжествовала надъ половцами; эпическія повѣствованія лѣтописи касаются иногда событій, совершавшихся въ самой половецкой средѣ. Дальше мы будемъ имѣть случай говорить объ этомъ.

Итакъ, на сѣверѣ и въ центрѣ русская народность встрѣчалась по преимуществу съ финнами, на югѣ съ тюрками. Встрѣчи были различнаго характера: финны скорѣе пассивно подчинялись русскому господству, на югѣ племена сближались борьбой; финны скорѣе заимствовались у русскихъ культурными знаніями и нравами, и русскіе обращались къ Чуди только за добычей и развѣ еще за колдовствомъ (чудскіе люди считались большими знатоками въ этомъ дѣлѣ), — сношенія съ тюрками приводили къ заимствованіямъ въ бытѣ и языкѣ. Тамъ и здѣсь совершались несомнѣнно и этнологическія смѣшенія: на сѣверѣ въ русскую народность вступали стихіи финской природы — апатической и выносливой, на югѣ—стихіи природы тюркской, воинственно дикой, энергической, но и способной къ культурѣ. Иной былъ и складъ жизни: на сѣверѣ постепенный захватъ чужой территоріи для промысла и земледѣлія, не безъ насилій надъ терпѣливымъ туземцемъ; на югѣ защита своей земли отъ буйныхъ сосѣдей, борьба за самое существованіе. Трудно разсчитывать, въ какой мѣрѣ и въ какомъ тонѣ происходило броженіе этнологическихъ стихій, какъ складывались его результаты; но едва ли сомнительно, что условія и проявленія народной жизни были весьма различны на сѣверѣ и югѣ, и что они не могли не приводить къ различнымъ результатамъ, которые впослѣдствіи сказались рѣзкимъ обособленіемъ двухъ племенныхъ оттѣнковъ, ставшихъ особыми типами. Если прибавить къ этому, что условія, наблюдаемыя въ эти первые вѣка, несомнѣнно шли и дальше въ глубь исторіи и цѣлыми вѣками предшествовали началу государства, то въ эту первобытную эпоху надо отнести и первые зародыши двухъ главныхъ русскихъ народностей.

Мы не говорили здѣсь о другихъ оттѣнкахъ русскаго племени. Ихъ варіаціи также имѣли свои основанія въ первоначальной особенности племенныхъ общинъ, служившихъ ихъ родоначальниками, и въ различіи охватывавшей ихъ исторической обстановки.

VII.

«Величайшій, ни съ чѣмъ другимъ несравнимый переворотъ въ мысли и чувствѣ, также какъ и въ устройствѣ внѣшней жизни произведенъ былъ у народовъ нашей части свѣта принятіемъ христіанства»,—замѣчаетъ знаменитый славистъ Миклошичъ, начиная свое изслѣдованіе о христіанской терминологіи славянскихъ народовъ. И дѣйствительно принятіе христіанства у всѣхъ племенъ бывало началомъ совершенно новаго періода народной жизни, когда старое содержаніе ея рѣшительно отступало въ прошедшее и начиналось господство новыхъ идей и новыхъ формъ быта. Правда, въ развитіи отдѣльнаго человѣка и особливо цѣлаго общества невозможны такіе переломы, гдѣ старыя свойства ихъ природы не продолжали бы такъ или иначе, въ большей или меньшей мѣрѣ, отзываться и въ новомъ періодѣ; но тѣмъ не менѣе великая перемѣна совершалась и существенно было то, что старое было отвергаемо въ самомъ принципѣ, предаваемо было строгому сознательному осужденію и невольные отголоски прошедшаго не находили оправданія.

Новое начало передѣлывало старую жизнь въ самыхъ существенныхъ основаніяхъ: оно давало народу новую религію, и всѣ первобытные инстинкты дикаго быта (какъ у народовъ сѣверно-европейскихъ) или выработанныя языческой философіей утонченныя понятія (какъ у народовъ классическихъ европейскаго юга) подчиняло новой строгой дисциплинѣ, не дѣлая имъ никакой уступки, осуждая и проклиная ихъ, какъ дѣло погибели. Словомъ, христіанство являлось, какъ нѣчто абсолютно новое.

Такимъ новымъ оно явилось, конечно, и въ жизни славянскихъ народовъ. И если, какъ мы видѣли, еще въ первобытныя времена жизнь племенъ окружена была множествомъ внѣшнихъ вліяній, дѣйствовавшихъ на весь складъ бытовыхъ понятій, знаній и обычаевъ и измѣнявшихъ самый антропологическій типъ, то еще болѣе глубокое и обширное вліяніе было создано христіанствомъ. Еслибы мы не знали никакихъ другихъ фактовъ нашей древней племенной исторіи, то одинъ этотъ фактъ могъ бы указать, что немыслимо исторически говорить о какомъ-либо независимомъ развитіи племени изъ самого себя, о какомъ-либо его врожденномъ исключительномъ содержаніи. Съ христіанствомъ вступала въ племенную исторію новая сила, до тѣхъ поръ народу невѣдомая, не хотѣвшая знать его прошедшаго, внушавшая

ему совершенно новыя понятія о божествѣ, о всей міровой и личной жизни, налагавшая на него новыя нравственныя обязанности и общественныя формы. Совершался настоящій переворотъ: инерція жизни долго хранитъ остатки старины, — археологъ и этнографъ съ интересомъ отыскиваютъ ихъ даже въ современномъ обычаѣ, — но множество этой старины погибло безвозвратно, и новая мысль народа, какъ въ здравыхъ, такъ и въ превратныхъ своихъ стремленіяхъ, сколько ни подпадаетъ вліяніямъ прошедшаго, ищетъ однако быть вѣрной христіанству и исполнять его ученія и требованія. Въ нашей племенной исторіи старина забылась такъ основательно, что мы теперь съ трудомъ возстановляемъ древнее міровоззрѣніе, а народъ никогда и не пытался противопоставить христіанству какую-либо ясную мысль и бытовую форму стараго язычества.

Историческое христіанство являлось могущественнымъ культурнымъ дѣятелемъ въ разныхъ отношеніяхъ. Его внѣшнимъ представителемъ являлась церковь, какъ нравственное начало и какъ бытовое учрежденіе. Церковь внушала народу неизвѣстную ему прежде мысль о братствѣ вѣрующихъ, и распространеніе христіанства являлось могущественнымъ скрѣпленіемъ племенныхъ массъ въ понятіи единовѣрія, которое уже вскорѣ слилось съ инстинктомъ единоплеменности и усилило этотъ инстинктъ нравственно-религіознымъ началомъ. Церковь, какъ учрежденіе, представила собой новый нравственно-общественный авторитетъ, тѣмъ болѣе важный въ древне-русской жизни, что въ русскомъ язычествѣ, сколько извѣстно, не было никакого правильно устроеннаго жреческаго сословія, и потому этотъ авторитетъ имѣлъ тѣмъ болѣе открытое поприще дѣйствія. Область его вліянія была чрезвычайно обширна: въ жизни личной церковь внушала христіанское чувство любви и сообщала христіанское вѣроученіе; въ жизни общественной становилась властью, рѣшавшей множество отношеній, предоставленныхъ прежде языческому обычаю; вскорѣ уже она пріобрѣла большое значеніе политическое. — Какъ учрежденіе, русская церковь возникла съ тѣми формами и аттрибутами, какіе имѣлъ ея первообразъ. Этотъ первообразъ былъ византійскій, а отсюда является сильное вліяніе элементовъ византійскихъ.

У насъ велось, и донынѣ ведется, много споровъ объ этомъ византійскомъ вліяніи. Факты его дѣйствительно еще не были до сихъ поръ собраны въ связное цѣлое, и несмотря на ихъ обиліе вопросъ остается не выясненнымъ; но въ большой силѣ его въ

хорошую и худую сторону нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія [1]). Споръ усложняется и затемняется обыкновенно тѣмъ, что въ него вводятся и самые общіе принципы христіанскаго вѣроученія, и частности церковно-политической дѣйствительности: для однихъ достаточно того, что Византія передала намъ православіе какъ чистѣйшую форму христіанства и этимъ покрывается весь вопросъ; другіе сосредоточиваютъ вниманіе на частныхъ явленіяхъ церковнаго и политическаго быта, и находятъ въ нихъ не мало неблагопріятнаго. Но исторически должно отличать чистое христіанское начало и внѣшнюю жизнь общества и церкви: первое такъ глубоко и обширно, что его не вмѣщаетъ человѣческая ограниченность и оно господствуетъ надъ умами на всевозможныхъ ступеняхъ развитія и во всякихъ общественно-политическихъ формахъ; вторая неразрывно связана съ характеромъ данной эпохи и общества, и когда въ первые вѣка христіанство сложилось въ догматическую и каноническую форму, это произошло подъ вліяніемъ тогдашняго греко-римскаго просвѣщенія и тогдашняго политическаго положенія руководящихъ христіанскихъ народовъ. Отвлеченное нравственное начало приняло оболочку, связанную съ условіями данной эпохи и данныхъ національностей. Центры христіанства совпали въ IV в. съ центрами политической силы, и это положило на нихъ глубокій отпечатокъ, но авторитетъ церквей выросъ такъ, что онѣ пережили и самое паденіе государствъ: римской имперіи уже не было, но римскій престолъ папы остался; греческая имперія была разрушена, но восточные патріархи остались высшей властью восточно-христіанскаго міра. Параллельно съ раздѣленіемъ римской имперіи на восточную и западную, издавна стала дѣлиться, сначала небольшими оттѣнками, восточная и западная церковь, къ IX и X вѣку дѣленіе такъ обострилось, что результатомъ его явились двѣ враждебныя церкви, считавшія другъ друга еретическими, — онѣ сохранили эту вражду неприкосновенно и до нашихъ дней.

У новыхъ христіанскихъ народовъ характеръ церковной жизни опредѣлялся тѣмъ источникомъ, откуда они получали христіанство, — слѣдовательно одни получали церковь съ чертами византійскаго быта, другіе въ западной римской окраскѣ. Эти черты заключали въ себѣ много чисто мѣстныхъ особенностей національнаго быта и характера, византійскаго или римскаго. Эти мѣст-

---

[1]) Множество фактовъ собрано въ извѣстной книгѣ г. Иконникова: „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи". Кіевъ 1869. — къ сожалѣнію въ книгѣ мало системы.

ныя особенности и были источникомъ спеціально византійскаго или римскаго вліянія.

Къ намъ христіанство пришло изъ Византіи черезъ южнославянское посредство. Переводъ священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ мы получили готовымъ; вмѣстѣ съ ними пришли уже многія произведенія церковной и исторической литературы; первая іерархія была также греческая; съ греческимъ духовенствомъ приходили греческіе художники, архитекторы и живописцы, строившіе и украшавшіе первые храмы. Такимъ образомъ византійская стихія являлась въ живыхъ представителяхъ. Съ ними приходили всѣ церковныя учрежденія—богослуженіе, монашество, церковная дисциплина и церковный судъ въ дѣлахъ семейнаго и нравственнаго характера. Съ духовенствомъ возникала первая литература, вполнѣ слѣдовавшая византійскимъ образцамъ; въ дѣлахъ политическихъ іерархія стремилась примѣнять тѣ взгляды, которые были выработаны византійской исторіей и нравами; въ законодательствѣ и управленіи начались вмѣшательства каноническаго права.

Одну изъ первыхъ любопытныхъ подробностей происшедшаго теперь столкновенія двухъ различныхъ порядковъ жизни представляетъ вопросъ о тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ впервые пришло къ намъ христіанское ученіе—вопросъ о переводѣ священнаго писанія.

Новѣйшихъ филологовъ давно занялъ вопросъ о свойствахъ языка, на которомъ явилось въ славянскомъ мірѣ священное писаніе. Содержаніе ученія было совершенно ново; славянскій міръ не зналъ самыхъ понятій новаго ученія, не имѣлъ никакого представленія о внѣшнихъ формахъ новаго богопочитанія—гдѣ же славянскій языкъ нашелъ средства для передачи возвышенныхъ идей христіанства и для техническихъ подробностей обряда; какъ онъ назвалъ и передалъ ихъ въ первый разъ? Всѣ критики древняго славянскаго перевода св. писанія, православные и иновѣрные, славянскіе и иноземные, отдавали справедливость замѣчательному исполненію великаго труда. Дѣйствительно, нужно было прекрасное знаніе языка и высокій талантъ, чтобы передать священныя книги на языкѣ, до тѣхъ поръ не имѣвшемъ ни литературы, ни даже настоящаго письма [1]). Это была великая заслуга славянскихъ апостоловъ, грековъ родомъ, и ихъ пер-

---

[1]) До изобрѣтенія азбуки, явившагося вмѣстѣ съ христіанствомъ, славяне — по извѣстному древнему свидѣтельству — пользовались для письма „чертами и рѣзами, греческими и римскими буквами“.

выхъ учениковъ. Сравнивая славянскій переводъ библіи съ готскимъ переводомъ Ульфилы, IV вѣка, критики находили, что славянскій переводъ имѣетъ преимущество въ томъ, что для передачи понятій христіанскихъ гораздо меньше пользуется словами, имѣвшими языческую основу или оттѣнокъ смысла, и счастливо примѣняетъ средства славянскаго языка, чтобы съ точностію выразить мысль подлинника. При этомъ давно также было замѣчено, что для перевода нѣкоторыхъ словъ спеціально христіанскаго характера въ славянскомъ текстѣ нерѣдко употреблены слова *чужія*, не только греческія, присутствіе которыхъ было совершенно естественно въ переводѣ съ греческаго, совершаемомъ греками, но также слова латинскія и, наконецъ, слова, представляющія близкое сходство съ древне-нѣмецкими. Это послѣднее обстоятельство было замѣчено еще Гриммомъ и славянскимъ ученымъ Копитаромъ: первый считалъ возможнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, что сходство славянскихъ терминовъ съ нѣмецкими могло произойти отъ заимствованія нѣмцами у славянъ; Копитаръ предполагалъ обратное. Вопросъ былъ очень любопытенъ, потому что характеръ языка въ первомъ переводѣ писанія долженъ былъ указывать на предварительную судьбу славянскаго христіанства до утвержденія его переводомъ писанія и оффиціальнымъ его введеніемъ. Для исторіи славянской культуры большой интересъ представляетъ вопросъ, какимъ путемъ христіанскія понятія получили свое славянское выраженіе.

Въ первый разъ въ нашей литературѣ этотъ вопросъ былъ подробно разсматриваемъ г. Буслаевымъ [1]). Онъ остановился на филологическомъ объясненіи выраженій древняго перевода, относившихся къ понятіямъ христіанскимъ и нравственно-бытовымъ, и привлекая къ сравненію готскій переводъ IV вѣка, приходилъ къ слѣдующему выводу. Общее значеніе перевода священнаго писанія въ развитіи народныхъ понятій было таково:

«Слово Божіе, оглашаясь на языкѣ необразованномъ, выводитъ его изъ предѣловъ домашняго, одностороннягo воззрѣнія на общечеловѣческое поприще отвлеченной, нравственной мысли. Живость начальнаго впечатлѣнія уступаетъ величію влагаемой въ слово идеи, и христіанство сглаживаетъ съ языка его изобразительность, воспитанную язычествомъ, точно такъ же, какъ ниспровергаетъ мраморныя изображенія видимыхъ божествъ. Слѣдовательно возведеніе слова отъ нагляднаго представленія до об-

---

[1]) О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Опытъ исторіи языка по Остромирову Евангелію. Москва, 1848.

щаго понятія, совершающееся въ языкѣ по мѣрѣ умственнаго развитія народа, получаетъ первое и рѣшительное направленіе отъ перевода св. писанія... Существенный вопросъ въ исторіи языка во время перевода св. писанія состоитъ въ томъ, чтобы показать, какъ языкъ отъ первоначальныхъ своихъ воззрѣній, глубоко проникнувшихъ и въ жизнь, и въ вѣрованія, и въ преданія народныя, мало-по-малу переходитъ къ ясному выраженію христіанскихъ понятій» (стр. 89—90). Готскій переводъ Ульфилы, по словамъ автора, при первомъ взглядѣ поражаетъ яркостію языческой дѣйствительности, безпрестанно выступающей разнообразными намеками сквозь идеи христіанскія. Отвлеченность христіанскаго ученія передается осязательными образами, взятыми изъ языческаго быта, выраженіями, взятыми изъ устъ язычника и омрачающими чистоту христіанскихъ идей. Въ славянскомъ переводѣ, напротивъ, мы видимъ, что переводчики старались передать христіанскія понятія во всевозможной чистотѣ: все, что̀ напоминало обрядъ или обычай языческій и противный христіанству, они считали недостойнымъ евангельской чистоты. Переводчики писанія, греки родомъ, основательно знали славянскій языкъ: они замѣчательно умѣли воспользоваться матеріаломъ славянскаго языка для выраженія христіанскаго настроенія и, кромѣ того, передавали христіанскія идеи «готовыми словами христіанскаго значенія, задолго до перевода уже утвердившимися въ славянскомъ языкѣ»: эти христіанскія слова («крестъ», «алтарь», «церковь»)—«вошли въ переводъ св. писанія, какъ бы по преданію уже христіанскому... онѣ были уже всѣмъ понятны, совершенно ославянились, ходили въ устахъ народа, задолго до перевода св. писанія, вытѣснивъ собою языческія понятія, имъ соотвѣтствующія» (стр. 105). Это были слова латинскія и германскія. Какимъ образомъ они проникли въ славянскій языкъ? Шафарикъ въ своихъ «Древностяхъ» объяснялъ возможность внесенія латинскаго элемента въ славянскій языкъ указаніемъ, что болгары, поселившись на Дунаѣ, нашли тамъ племена, говорившія болѣе по-латыни, чѣмъ по-гречески (потомки старыхъ римскихъ колонистовъ), а въ Дакіи и Мезіи славяне могли испытать вліяніе готское; затѣмъ въ началѣ IX вѣка, славяне сосѣдили съ франками, имѣли сношенія съ нѣмцами и отовсюду могли что-либо удержать. Г. Буслаевъ прибавляетъ къ этому тѣ историческіе факты, что болгары, завоевавъ Мезію, нашли тамъ еще въ V вѣкѣ славянъ-христіанъ, у которыхъ были цареградскіе священники; въ VI вѣкѣ въ Царьградѣ значительныя духовныя и свѣтскія должности занимали уже лица славянскаго происхож-

денія (Доброгость, Всегордъ, Тетимиръ, Оногость); славяниномъ былъ самъ императоръ Юстиніанъ. Далѣе, г. Буслаевъ указываетъ въ славянскомъ языкѣ до-историческія заимствованія изъ готскаго и вообще броженіе народностей въ средніе вѣка, въ которомъ особенно возможны были взаимодѣйствія языка (стр. 91 и слѣд.). Такимъ образомъ онъ объясняетъ происхожденіе латинскихъ и германскихъ словъ: крестъ, алтарь, церковь, царь, оцетъ, рака, папежь (стр. 107 и слѣд.). Наконецъ онъ обращаетъ вниманіе на то, что самыя названія греческаго и латинскаго язы въ переводѣ писанія указываютъ ясно на то, откуда и какъ о могли перейти къ славянамъ: изъ перевода греческаго текста Евангелія Іоанна у Остромира [1]) видно, что славянамъ—такъ какъ и готамъ—эллины извѣстны были подъ латинскимъ званіемъ (graecus, грекъ), и слово «латинскій» указываетъ так какъ-будто здѣсь передавался латинскій текстъ. Въ другомъ мѣст Остромира (Луки гл. 23, ст. 38) употреблены по греческ подлиннику слова «еллински» и «римски»; но самое слово «ри скій» не передаетъ греческаго и латинскаго «Roma», но сам стоятельно произведено отъ «Римъ»,—какъ это имя одинак употребляется у славянъ западныхъ и восточныхъ. Измѣненіе въ *и* указываетъ на произношеніе какого-то древняго сла скаго племени, которое прежде другихъ познакомилось съ Р момъ (стр. 117—118). Когда это произошло и какое было племя, остается не выяснено и до сихъ поръ.

Въ недавнее время этому предмету посвятилъ новое изслѣдованіе Миклошичъ [2]). На мѣсто общихъ, нѣсколько неопредѣленныхъ предположеній о тѣхъ древнихъ отношеніяхъ, к дѣлали возможнымъ заимствованіе славянами латинскихъ и г манскихъ словъ для обозначенія христіанскихъ предметовъ, выставляетъ положительную историческую теорію. Понятія х стіанскаго вѣроученія у славянъ, какъ и у всѣхъ европейск племенъ, не были, конечно, прирожденнымъ достояніемъ нар напротивъ, это было опредѣленное, исходившее отъ еврейск народа ученіе и являлось къ нимъ извнѣ, какъ нѣчто до т поръ совсѣмъ неизвѣстное: слѣдовательно слова, которыми ученіе впервые передавалось у славянъ, были или прямо чу или, если свои, то получившія новый смыслъ. Такъ, слово «к

[1]) Глава 19, ст. 20: „и бѣ написано еврейскы, грьчьскы, латинскы". По гр скому подлиннику слѣдовало бы ожидать словъ: „еллински" и „римски",—как другомъ случаѣ и поставлено въ Остромировомъ евангеліи.

[2]) Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen. Eine sprachgeschich liche Untersuchung. Wien, 1875.

кати», употребляемое въ старо-славянскомъ языкѣ, взято прямо изъ латинскаго communicare; слово «святъ» было свое славянское, но христіанство отвлекло его отъ первоначальнаго языческаго его смысла (оно значило, можетъ быть, «сильный» или что-нибудь въ этомъ родѣ, какъ видно изъ до-христіанскихъ собственныхъ именъ, какъ напр. Святославъ, Святополкъ и т. п.). Въ древнемъ славянскомъ переводѣ священнаго писанія отразились три образца, съ которыхъ брались славянскіе переводы христіанскихъ терминовъ: греческій, латинскій и германскій. Присутствіе греческаго элемента понятно: Кириллъ и Меѳодій были ученые греки и оригиналъ ихъ перевода былъ греческій [1]). Что касается словъ латинскихъ и германскихъ, они имѣютъ ясное историческое начало въ той эпохѣ, когда Кириллъ и Меѳодій дѣйствовали въ Моравіи и Панноніи. Кириллъ и Меѳодій совершали здѣсь свой переводъ писанія и богослужебныхъ книгъ для моравскихъ и паннонскихъ славянъ, уже ранѣе обращенныхъ въ христіанство усиліями баварскихъ епископовъ; въ трудѣ перевода имъ помогали туземные ученики, уже ранѣе бывшіе христіанами и примкнувшіе къ нимъ по ихъ прибытіи. Памятникомъ этого болѣе ранняго христіанства у западныхъ славянъ остались знаменитые «Фрейзингенскіе отрывки» [2])—отрывки церковнаго содержанія, писанные латинскими буквами съ признаками большой древности языка и имѣющіе замѣчательныя параллели въ древнѣйшихъ старо-славянскихъ памятникахъ обычнаго кирилловскаго письма [3]). Такимъ образомъ греческое вліяніе приводилось самымъ личнымъ характеромъ Кирилла и Меѳодія и греческимъ оригиналомъ перевода; вліяніе латинское и нѣмецкое внесено ихъ учениками и сотрудниками, которые обращены были въ христіанство нѣмцами и обучались новой вѣрѣ на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ [4]).

---

[1]) Такъ напр. были взяты греческія слова: ипостась, ангелъ, діаволъ, пасха, литургія, епископъ, іерей, діаконъ, монастырь, и множество другихъ словъ, или прямо взятыхъ, или буквально переведенныхъ съ греческаго; въ древнихъ текстахъ взяты цѣликомъ съ греческаго даже отвлеченные термины, напр. „усія" (существо), „омусія" (единосущный) и т. п.

[2]) Въ рукописи IX—X вѣка.

[3]) На основаніи этихъ отрывковъ и извѣстныхъ особенностей въ древнѣйшихъ памятникахъ старо-славянскаго языка, Миклошичъ, какъ прежде его Копитаръ, самую родину этого языка опредѣляетъ не въ Болгаріи, какъ обыкновенно думаютъ, а въ странѣ паннонскихъ словенъ.

[4]) Католическая церковь не допускала обыкновенно перевода писанія и литургіи, но обученіе религіи и проповѣдь на языкахъ обращаемыхъ народовъ всегда по необходимости допускались и дѣйствительно существовали.

Переводъ священнаго писанія,—дѣло всегда трудное на новомъ языкѣ, и еще несравненно болѣе трудное у славянъ въ тѣ отдаленные вѣка, когда этотъ переводъ былъ первымъ литературнымъ произведеніемъ на языкѣ, не имѣвшемъ до тѣхъ поръ даже и азбуки,—исполненъ былъ съ замѣчательнымъ совершенствомъ. Къ славянскимъ народамъ внесенъ былъ цѣлый міръ новыхъ понятій, съ которыхъ должна была начаться для нихъ новая цивилизація. Объясненію тѣхъ словъ, которыми передавались у славянъ эти новыя понятія, причемъ въ большой мѣрѣ употреблены были и средства чужихъ языковъ, посвящено изслѣдованіе Миклошича. Такъ какъ, сколько помнимъ, это изслѣдованіе не было изложено на русскомъ языкѣ (а иногда остаюсь неизвѣстно и спеціалистамъ), то считаемъ не излишнимъ привести его главнѣйшія указанія, гдѣ къ фактамъ, прежде извѣстнымъ, прибавлено много новыхъ объясненій. Изъ обширнаго списка словъ славянской христіанской терминологіи приводимъ здѣсь только слова, представляющія результатъ латинскаго и германскаго вліянія въ старо-славянскомъ языкѣ. Замѣтимъ прежде всего вообще, что по мысли Миклошича, если извѣстное латинское или германское слово присутствуетъ въ старо-славянскомъ языкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ въ нарѣчіяхъ нынѣшнихъ западныхъ славянъ, издавна окончательно отошедшихъ въ католическую церковь съ латинскимъ богослуженіемъ и библіей, то это обстоятельство служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что данное слово въ первый разъ принято было именно въ Панноніи и оттуда распространилось къ славянамъ западнымъ, южнымъ и восточнымъ,—потому что иначе это всеобщее распространеніе слова было бы совершенно необъяснимо (напр., еслибы предположилось, что слово латинское было принято въ Болгаріи отъ бывшихъ тамъ латинскихъ проповѣдниковъ, или слово германское было заимствовано у готовъ, а не именно изъ старо-верхне-нѣмецкаго языка проповѣдниковъ баварскихъ).

Эти заимствованныя слова были слѣдующія:

— Для обозначенія язычниковъ въ старо-славянскомъ языкѣ, между прочимъ, употребляется слово *поганинъ*, *погане*: это есть латинское paganus, принятое въ Панноніи и нынѣ существующее во всѣхъ славянскихъ языкахъ.

— *папежь*, форма болѣе древняя, чѣмъ «папа»; кромѣ памятниковъ западно-славянскихъ она встрѣчается и въ русскомъ Евангеліи Остромира, и объясняется старо-верхне-нѣмецкимъ bâbes; въ этой формѣ слово могло быть принято только въ Панноніи.

— *попъ*, объясняется старо-верхне-нѣмецкимъ phapho, pfaffo

производство отъ греческаго papas Миклошичъ считаетъ невозможнымъ (несмотря на сходное съ греческимъ «попадья»), потому что прямо съ греческаго это слово вышло бы «папасъ», какъ оно и встрѣчается въ нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ. Паннонское происхожденіе слова подтверждается также тѣмъ, что оно существуетъ въ западныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, чешскомъ и польскомъ.

— *мнихъ*, изъ старо-германскаго munih; производство отъ греческаго слова monachos невозможно и изъ него впослѣдствіи вышло прямо «монахъ». Въ чешскомъ и польскомъ также какъ въ старо-славянскомъ—«мнихъ»; слѣд. слово—паннонское.

— *церковь* (ст.-славянскомъ языкѣ: цръкы). По замѣчанію Миклошича, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ о томъ, чтобы первые проповѣдники христіанства нашли у славянъ особыя зданія, посвященныя богослуженію; слѣд. для обозначенія христіанскихъ храмовъ нужно было новое слово, и не мудрено, что взято было слово чужое: оно производится обыкновенно отъ ст.-нѣмецкаго chiricha, и заимствованіе сдѣлано было въ Паннонія [1]).

— *алтарь*, отъ старо-германскаго altari: слово было заимствовано въ Паннонія, хотя до нѣкоторой степени возможно появленіе его и изъ латинскаго источника въ Болгаріи.

— *мьша* (обѣдня), изъ латинскаго missa или ст.-нѣмецкаго mêssa.

— *комъкати, комъканіе* (причащеніе; въ старо-славянскихъ и старо-русскихъ памятникахъ), изъ латинскаго communicare.

— *крижь*, крестъ, изъ латинскаго crux, вѣроятно черезъ посредство старо-нѣмецкаго chriuze. Впослѣдствіи это слово употреблялось по-русски для обозначенія креста латинскаго.

— *постъ* взято не съ готскаго, какъ думали прежде, а изъ старо-нѣмецкаго fasta, и перешло изъ Паннонія на югъ и востокъ (слово извѣстно у всѣхъ славянъ).

— *къмотръ* (откуда испорченное «кумъ»), съ латинскаго compater. Въ этой формѣ слово донынѣ существуетъ у чеховъ, словаковъ, моравянъ и поляковъ, и уже Шафарикъ считалъ его поэтому паннонскимъ. Есть данныя, указывающія, что была сначала и форма, совершенно близкая къ латинскому: купетръ.

---

[1]) Для позднѣйшаго времени г. Буслаевъ указывалъ въ русскихъ памятникахъ слово „божница" въ смыслѣ церкви. Древнее „храмъ" означало вообще зданіе (хрaмина, хоромы); чешское и польское „костелъ" производятъ отъ латинскаго castellum, такъ какъ первыя церкви могли казаться похожими на замки. Позднѣе, снова взято было нами нѣмецкое „кирка" (kirche), но уже въ спеціальномъ значеніи иновѣрческаго храма.

Кромѣ этого прямого заимствованія иноземныхъ словъ, по объясненіямъ Миклошича вліяніе паннонской дѣятельности славянскихъ апостоловъ и ихъ туземныхъ учениковъ оказалось и въ примѣненіи собственно славянскихъ словъ для передачи христіанскихъ понятій.

— Слово «апостолъ», употребляемое вообще въ греческолатинскомъ оригиналѣ, переводится иногда словомъ *солъ*, которое встрѣчается и въ фрейзингенскихъ отрывкахъ.

— *мученикъ*, употребленное также въ этихъ отрывкахъ, въ его христіанскомъ смыслѣ, по Миклошичу, можетъ быть объяснено только изъ латинскаго martyr, черезъ ст.-нѣмецкое martaron, и явилось въ Панноніи (извѣстно у всѣхъ славянскихъ народовъ).

— *мощи*, извѣстное по фрейзингенской рукописи, паннонское.

— *праздникъ*, отъ «праздьнъ», свободный, день отдыха, сравнивается съ нѣмецкимъ Feiertag. — Другое слово: «торжество», отъ «торгъ», сходно съ греческимъ panegyris — торгъ, ярмарка.

— *благословити*, переведено въ первый разъ или съ латинскаго benedicere или съ греческаго eulogein; по Миклошичу, первое вѣроятнѣе.

— *сътворити*, слово извѣстное всѣмъ славянамъ, распространилось изъ Панноніи.

— *спасти*, *спасеніе*—извѣстное у восточныхъ славянъ и у чеховъ, паннонское.

— *міръ*, въ смыслѣ kosmos, по Миклошичу, примѣнено въ этомъ значеніи въ Панноніи. Этого примѣненія нельзя считать мѣстнымъ ни для одного изъ славянскихъ нарѣчій; въ русскомъ языкѣ это слово въ такомъ значеніи взято изъ старо-славянскаго.

— *непріязнь*, въ старо-славянскихъ памятникахъ и въ фрейзингенской рукописи, въ смыслѣ діавола, лукаваго, переведено съ ст.-нѣмецкаго unholda; впослѣдствіи исчезаетъ.

— *исповѣдѣти*, *исповѣдь*, сходно у всѣхъ славянъ, и такъ какъ принятіе одного выраженія для вновь приходившаго понятія не могло произойти у всѣхъ славянъ независимо, то надо предположить опять общій источникъ—въ Панноніи.

По поводу недѣли, Миклошичъ дѣлаетъ слѣдующія заключенія. Семидневная недѣля имѣетъ семитическое происхожденіе. Заимствованная греками и римлянами отъ александрійцевъ, она въ IV—V вѣкѣ по Р. Хр. перешла къ германцамъ. У славянъ она явилась только съ христіанствомъ, и была именно заимство-

вана отъ нѣмцевъ, въ Паннонiи. Правда, у славянъ было другое обозначенie дней недѣли, чѣмъ у нѣмцевъ, и именно названie дней по числамъ, но и римская церковь признаетъ только счетъ дней (feria secunda, tertia и пр.), и первые проповѣдники должны были избѣгать всякихъ напоминанiй о язычествѣ (какое было, напр., въ нѣмецкихъ названiяхъ),—да и боговъ языческихъ у славянъ было немного [1]). Славянскiй счетъ дней недѣли не отвѣчаетъ ни греческому, ни латинскому, потому что первымъ днемъ считаетъ не воскресенье, а понедѣльникъ, за которымъ слѣдуетъ второй день (вторникъ) и т. д.; но названie «среды» указываетъ на нѣмецкое происхожденie недѣли (Mittwoch). Названie субботы взято также не съ греческаго sabbaton, а съ старо-нѣмецкаго sambaz,—какъ на это указываетъ носовой звукъ въ старо-славянской формѣ, а въ концѣ слова *m* примѣнилось къ латинской формѣ.

Паннонское происхожденie Миклошичъ приписываетъ и извѣстнымъ, болѣе или менѣе, всему славянскому мiру названiямъ народныхъ празднествъ: «коляда» и «русалья». Коляда, извѣстный народный праздникъ, совпадающiй съ Рождествомъ и Новымъ годомъ и упоминаемый въ очень старыхъ памятникахъ, получилъ свое имя несомнѣнно отъ греческаго kalandai и латинскаго calendae. Чрезвычайное распространенie и старина праздника коляды, существованie особаго цикла колядскихъ пѣсенъ, нѣкоторыя подробности въ содержанiи этихъ пѣсенъ (напр., эпизодическiя сказанiя о сотворенiи мiра) побуждали видѣть въ колядѣ древнѣйшее языческое преданie; а прежде предполагалось даже прямо существованie языческаго божества съ этимъ именемъ. Такого божества на дѣлѣ вовсе не существовало и теперь никто не сомнѣвается въ греко-латинскомъ происхожденiи этого слова. «Январьскiя календы» во времена языческiя праздновались въ концѣ года; потомъ продолжалось такъ и во времена христiанскiя, и праздникъ былъ прiуроченъ къ Рождеству; въ нѣкоторыхъ странахъ съ этого дня считался и новый годъ. Миклошичъ полагаетъ, что это слово принято было тоже въ Паннонiи, такъ какъ оно распространено у всѣхъ славянскихъ народовъ.

«Русалья», русальная недѣля (Троица и недѣля передъ Троицей) — другое греко-римское языческое празднество, совпадавшее съ христiанскимъ праздникомъ. Здѣсь опять чужой обычай

---

[1]) У славянъ полабскихъ былъ „день Перуновъ", peren dan, но онъ образовался по нѣмецкому Donnerstag.

совпадалъ по времени съ языческимъ праздникомъ славяно-русскимъ, и послѣдній получилъ христіанское популярное обозначеніе и вмѣстѣ нѣкоторыя христіанскія подробности. Русалья упоминается еще въ старой нашей лѣтописи (подъ 1174, 1175, 1195 годами); очень древнія церковныя постановленія запрещали уже «колядовати и русальи играти». Эта древность обычая, носившаго несомнѣнныя народныя черты, опять давала поводъ видѣть во всей его формѣ самобытное произведеніе славянскаго или русскаго язычества, и наши миѳологи до недавняго времени самое названіе считали подлинно народнымъ, ставили его въ связь съ русалками и видѣли въ немъ отголосокъ далекой языческой старины и древнѣйшихъ періодовъ языка. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что названіе этого праздника есть греческое rousalia, тождественное съ латинскимъ rosalia. Латинское rosalia, или pascha rosata, pascha rosarum, означало Троицу; греческое названіе не обозначаетъ самаго церковнаго праздника, но относится къ народнымъ увеселеніямъ, совершавшимся въ это время: церковь избѣгала, вѣроятно, народнаго названія, соединеннаго съ языческими обычаями, но это не помѣшало популярному распространенію слова. Что названіе «русальи» перешло къ южнымъ и восточнымъ славянамъ изъ Паннoніи, доказывается у Миклошича тѣмъ, что оно въ то же время существуетъ также у словаковъ и венгерскихъ славянъ, чтó было бы необъяснимо, еслибы слово было принято и пущено въ ходъ въ Болгаріи [1]).

Итакъ, въ названіяхъ коляды и русальи нѣтъ ничего первобытно-языческаго. Названія пришли изъ церковнаго источника и примѣнены были къ туземному празднику, существовавшему ранѣе. При первомъ появленіи христіанства эти праздники имѣли конечно еще чисто языческій характеръ, почему церковь и вооружалась противъ нихъ по примѣру греческихъ постановленій. Но въ христіанскіе вѣка, видимо, измѣнился и самый характеръ обычая: въ существующей теперь формѣ коляды и въ извѣстныхъ теперь колядскихъ пѣсняхъ новые изслѣдователи находятъ несомнѣнное присутствіе христіанскихъ мотивовъ и новаго обычая [2]).

Наконецъ остановимся еще на словахъ, означающихъ *Христа*, *крестъ* и *христіанство*. Относительно слова «крестъ» г. Буслаевъ замѣчалъ (стр. 107 — 109), что въ древнемъ текстѣ нашего

---

[1]) Миклошичъ давно уже далъ это объясненіе слову „русалья"; см. его брошюру: Die Rusalien, ein Beitrag zur slavischen Mythologie. Wien, 1864.

[2]) См. изслѣдованія о колядскихъ пѣсняхъ у Веселовскаго, „Разысканія въ области духовныхъ стиховъ", VI—X. Спб. 1883 стр. 97 и далѣе.

Остромира это слово употребляется и въ значеніи орудія казни (въ готскомъ переводѣ Ульфилы: galga, т.-е. висѣлица) и какъ символъ христіанства; объ его происхожденіи думалъ, что по лингвистическимъ свидѣтельствамъ оно было нѣкогда общимъ между племенами европейскими: въ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ употреблялось, въ значеніи креста, слово kors, откуда korsa—знаменовать крестомъ, крестить; въ древнихъ рунахъ встрѣчается krus, оставшееся въ скандинавскомъ kross и т. д. Въ нашемъ древнемъ языкѣ уже есть производное «окрестъ» и «окрестный»; въ припискѣ переписчика Остром. Ев. употреблено уже «крестьянскій» въ смыслѣ «христіанскій», и подобная двойственная форма есть уже и въ рукописи фрейзингенской.

Миклошичъ ставитъ дѣло совсѣмъ иначе. На основаніи того, что въ древнѣйшихъ старо-славянскихъ памятникахъ и имя Христа, и названіе креста являются одинаково въ формѣ «хръстъ», «кръстъ», онъ утверждаетъ [1]), что оба слова (Христосъ и крестъ) въ ихъ первоначальной старо-славянской формѣ совершенно тождественны съ греч. Christos и лат. Christus, и что значеніе «крестъ» развилось изъ имени Христа-распятаго (Christus, crucifixus), какъ въ новѣйшемъ языкѣ «распятіе» означаетъ и распятаго, и крестъ. Недоумѣніе возбуждаетъ въ немъ только производный глаголъ «крестить» [2]), т.-е. погружать, — для чего въ другихъ языкахъ берутся обыкновенно другія слова: baptizare, taufen (погружать). Если «крестить» произошло отъ «кръстъ» въ значеніи креста, оно означало бы—осѣнять крестомъ, а не совершать крещеніе, т.-е. погруженіе; если оно произошло отъ «кръстъ» въ значеніи Христа, оно грамматически значило бы—не дѣлать «христіаниномъ», а дѣлать «христомъ»: остается думать, по мнѣнію Миклошича, что актъ крещенія (baptisma) понимался первоначально, въ старо-славянскую пору, какъ осѣненіе крестомъ [3]).

Изслѣдованія о первоначальномъ христіанствѣ славянскихъ народовъ и о первомъ возникновеніи славянскаго выраженія христіанскихъ понятій, разумѣется, еще далеко не закончены; въ приведенныхъ нами объясненіяхъ не все остается безспорно или вполнѣ ясно, но вопросъ уже теперь стоитъ иначе, чѣмъ онъ стоялъ еще недавно. Теперь не можетъ быть рѣчи не только о существованіи божества коляды или миѳическомъ происхожде-

---

[1]) Въ „Fremdwörter“, 1867, подъ словомъ „кръстъ“, и въ „Christliche Terminologie“, 1875, стр. 10—11, 29—30, 38—39.

[2]) Въ старо-славянской формѣ: кръстити, хръстити, христити.

[3]) Нѣкоторыя параллели къ этому онъ находитъ въ памятникахъ старо-нѣмецкаго языка.

ніи русальи, но и объ исключительно древнемъ и языческомъ содержаніи колядскихъ пѣсенъ и обрядовъ, въ которыхъ несомнѣнно присутствіе содержанія христіанскаго, притомъ связаннаго съ такими же преданіями другихъ европейскихъ народовъ. Новая наука предполагала уже обширное до-христіанское общеніе разноплеменныхъ народовъ [1]); теперь эти неопредѣленныя ожиданія выясняются болѣе точными фактами, хотя все еще требующими ближайшаго опредѣленія. Паннонская теорія Миклошича остается до сихъ поръ наилучше вооруженной въ критическомъ отношеніи; но, повидимому, она должна быть дополнена разысканіемъ до-христіанскихъ отношеній въ балканскомъ славянствѣ, гдѣ христіанство бросало корни гораздо ранѣе его оффиціальнаго введенія, и откуда въ то же время первые проблески христіанства могли достигать и на русскій югъ. Весьма вѣроятнымъ представляется вообще, кромѣ оффиціальнаго, и популярное распространеніе христіанства: какъ задолго до того, когда оно было утверждено княжеской властью, такъ и послѣ, при существованіи церкви, шло броженіе христіанскихъ идей въ народной массѣ, шло перениманіе отъ народа къ народу новыхъ обычаевъ, суевѣрно-христіанскихъ преданій и поэтической легенды [2]).

Такимъ образомъ, въ томъ основномъ переворотѣ, какой испытывала народная жизнь, мы видимъ русское племя не одинокимъ, а напротивъ, связаннымъ съ другими племенами, и въ самомъ выраженіи христіанскихъ идей воспринимающимъ греческіе и латино-германскіе элементы черезъ посредство моравовъ и болгаръ. Вліяніе византійскаго христіанства, въ общихъ чертахъ указанное выше, совершалось, конечно, очень медленно. Прежніе историки отмѣчали какъ рѣдкую особенность нашего народа мирное и быстрое распространеніе въ его средѣ христіанства, а мистическіе теоретики видѣли въ этомъ именно фактъ предназначенія: русскій народъ какъ бы ожидалъ христіанства какъ своей настоящей религіи, потому и принималъ его быстро и глубоко. Историки новѣйшіе, имѣя въ распоряженіи больше

---

[1]) Буслаевъ, тамъ же, стр. 92—93.

[2]) Отмѣтимъ еще особый взглядъ на исторію славянскаго перевода Писаній въ „Исторіи русской церкви“ г. Голубинскаго (т. I, половина 2-я, стр. 282 и слѣд.). Авторъ именно думаетъ, что Константинъ философъ перевелъ для моравовъ греческіе богослужебныя книги на ихъ *моравскій* языкъ, а болгары, заимствовавъ ихъ отъ моравовъ, *переложили* ихъ съ моравскаго на свой *болгарскій* языкъ, при чемъ въ переложеніи сохранились моравизмы. — Книги Миклошича авторъ, кажется, не зналъ.

число фактовъ и болѣе критическую разработку ихъ, приходятъ къ увѣренности, что принятіе христіанства не было на дѣлѣ ни такъ быстро, ни такъ послѣдовательно и глубоко. Дѣло шло такъ, какъ должно было бы ожидать въ положеніи народа, находившагося въ весьма первобытномъ язычествѣ. Высшій, болѣе развитый классъ, князь и его дружина, много видѣвшіе, знакомые съ культурой сосѣднихъ народовъ, могли яснѣе чувствовать руководящее нравственное начало новой вѣры, лучше усвоить христіанскую космогонію, смѣнявшую, вѣроятно, весьма темныя представленія славяно-русскаго язычества о началѣ и устройствѣ міра; они безъ сомнѣнія видѣли значеніе христіанства для установленія болѣе прочнаго общественнаго быта, принимали христіанство болѣе сознательно и прочно, и встрѣчавшаяся грубость въ отношеніяхъ нѣкоторыхъ князей къ церкви была отголоскомъ общей грубости нравовъ—другіе князья, напротивъ, отличались большимъ почтеніемъ къ церкви и ея служителямъ. На эти верхніе классы всего больше были направлены усилія и вліяніе духовенства,—здѣсь всего точнѣе должны были исполняться требованія новой религіи. Но не то было въ другихъ слояхъ народа. Несомнѣнно были и здѣсь люди съ религіознымъ настроеніемъ, люди, на которыхъ сильно дѣйствовало ученіе новыхъ проповѣдниковъ,—первые подвижники являются равно изъ всѣхъ народныхъ слоевъ,—но народная масса мелкихъ городовъ и селъ, очевидно, не могла получить религіознаго воспитанія въ такой мѣрѣ, какая была возможна въ центрахъ и въ высшемъ слоѣ. Первое духовенство было, конечно, не многочисленно; его должно было едва доставать для самихъ городовъ; прежде чѣмъ размножилось духовенство, настроены церкви, написаны богослужебныя книги, должно было пройти не мало времени. Народъ иногда сомнѣвался въ новой вѣрѣ, даже иногда оказывалъ ей сопротивленіе, но вообще принималъ его довольно покорно, потому безъ сомнѣнія, что съ одной стороны христіанство приносило опредѣленное ученіе и положительную обрядовую форму, съ другой старое язычество не въ состояніи было противопоставить ему ничего равносильнаго. Славянское язычество, сколько извѣстно, не выработало никакого точно опредѣленнаго культа и ясной миѳологіи; нѣчто похожее на культъ имѣли, кажется, только балтійскіе славяне, у которыхъ языческіе элементы развились яснѣе, быть можетъ, вслѣдствіе сосѣдства съ болѣе развитымъ язычествомъ германскимъ, и у которыхъ описываются храмы съ изваянными божествами; у славянъ русскихъ шло, повидимому, только неясное броженіе миѳологическихъ представленій, кото-

рое, при разбросанности племенъ, осталось на степени разрозненнаго обычая и миѳа. Старые церковные писатели, которые были тогда и единственными историками, не любили заносить въ свои лѣтописи воспоминаній и фактовъ стараго язычества; но еслибъ оно было сильно, какъ у германцевъ, оно успѣло бы пробиться въ историческій памятникъ въ видѣ эпическихъ сказаній, какъ тѣ, которыя сохранили для новѣйшихъ историковъ цѣлую систему германской языческой миѳологіи. У насъ не случилось ничего подобнаго: кромѣ отрывочныхъ упоминаній въ лѣтописи, въ церковныхъ поученіяхъ и правилахъ, мы не имѣемъ никакихъ свѣденій о древнихъ божествахъ русскаго народа; одно «Слово о полку Игоревѣ» въ концѣ XII вѣка неожиданно называетъ языческія божества, какъ будто имѣющими свою старую авторитетную силу, и какъ произведеніе дружинной поэзіи, указываетъ, что языческія воспоминанія хранились въ высшемъ классѣ въ то время, когда христіанство надо считать установившимся окончательно, когда оно имѣло уже несомнѣнное общественное и политическое вліяніе въ жизни. Но это упоминаніе языческихъ боговъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» остается такъ одиноко, что за нимъ нельзя предположить никакого дѣятельнаго вліянія язычества: это былъ скорѣе отголосокъ стараго эпическаго пріема, внѣшній и формальный. Но если такимъ образомъ, язычество не имѣло силы для прямого сопротивленія, оно долго и упорно хранилось въ народномъ быту, какъ пассивный остатокъ стараго обычая, какъ миѳическое суевѣрное преданіе, какъ обрядовая пѣсня, какъ заговоръ и колдовство. Это было то состояніе, которому еще древніе обличители дали характерное и совершенно справедливое названіе *двоевѣрія*, о которомъ—дальше.

Вообще, говоря о значеніи христіанскихъ вліяній въ древнемъ періодѣ, должно имѣть въ виду два теченія: одно—въ верхнемъ слоѣ, въ «лучшихъ людяхъ», а также въ наиболѣе просвѣщенныхъ умахъ и избранныхъ характерахъ, которые на первыхъ порахъ давали христіанству его религіозно-общественный авторитетъ и полагали начало его національному значенію; другое—въ народныхъ массахъ. Прежніе историки обыкновенно слишкомъ односторонне указывали внѣшнее оффиціальное распространеніе церкви, и факты другого порядка считали какъ будто только исключеніемъ; новѣйшее изученіе старины и особливо ея памятниковъ литературныхъ значительно измѣняетъ прежнее представленіе дѣла. Въ той первой области, на которую мы указывали, въ средѣ правящихъ классовъ и наиболѣе

просвѣщенныхъ по своему времени людей, мы видимъ важные факты распространенія христіанства и его разнообразныхъ вліяній. Еще до Владиміра, крещеніе Ольги открывало новыя отношенія къ Византіи; со времени оффиціальнаго принятія христіанства на Руси, эти отношенія стали первостепеннымъ факторомъ церковной и политической жизни, и просвѣщенія. Греческая іерархія приноситъ тѣ формы церковности, какія были и въ Греціи; имъ стараются слѣдовать и первые русскіе іерархи, и духовенство. Вскорѣ основывается по греческому образцу монастырская жизнь и русскіе подвижники уже на первыхъ порахъ пріобрѣтаютъ высокій нравственный авторитетъ, какъ напримѣръ, основатели и дѣятели Кіево-Печерскаго монастыря. Съ устройствомъ церкви возникаетъ десятина, дары въ пользу церкви, и церковный судъ, которые должны были обезпечивать духовенство, какъ особый общественный классъ, доставлять значеніе новой церковной власти и сильно дѣйствовать на нравы: церковное право и судъ категорически вмѣшивались въ бытъ и *отмѣняли* старое *народное право* и обычай. Съ христіанствомъ начинается построеніе церквей, сначала съ прямой помощью греческихъ художниковъ: это были, безъ сомнѣнія, первыя большія и изящныя зданія, какія появились на русской землѣ. Отъ греческихъ художниковъ, конечно, начинаютъ учиться и русскіе: такимъ образомъ полагается первое начало русскаго искусства (архитектуры и живописи) путемъ непосредственнаго перениманія греческихъ образцовъ; къ этимъ послѣднимъ присоединяются вскорѣ образцы романскіе, на сѣверѣ; скульптура, вообще отвергаемая византійскимъ церковнымъ искусствомъ, подобнымъ образомъ была отвергнута и у насъ (немногіе ея памятники остаются исключеніемъ). Потребность въ христіанскомъ ученіи и въ частности въ богослужебныхъ книгахъ даетъ начало школѣ и грамотности. Грамота пришла готовою отъ южнаго славянства: съ нею вмѣстѣ приходитъ цѣлая готовая литература, къ которой прямо примыкаютъ первыя произведенія русскихъ писателей, составляя съ нею нераздѣльное цѣлое. Вліяніе церковнаго языка на многіе вѣка наложило свою печать на русскую книжную рѣчь, отдѣливши ее отъ народной. Первый русскій лѣтописецъ пользуется греческими хронографами въ южно-славянскомъ переводѣ и, конечно, не безъ ихъ вліянія чувствуетъ потребность разсказать о началѣ русской земли, т.-е. и самому возъимѣть потребность національнаго сознанія. Въ числѣ другихъ формъ христіанства переходятъ къ намъ способы поклоненія и почитанія святыхъ. На Руси строятся храмы съ именами

знаменитыхъ константинопольскихъ святынь — церкви св. Софіи (въ Кіевѣ и Новгородѣ), церкви Влахернскія, св. Иліи и т. п. Эти святыни считаются особыми покровителями города и цѣлаго княженія, которые свое политическое достоинство отождествляютъ съ славою своей мѣстной святыни—храма или чудотворной иконы: Новгородъ борется со своими врагами во славу св. Софіи и разсчитываетъ при этомъ на ея содѣйствіе и т. п.

Князья относились къ христіанству, какъ вообще относились лучшіе люди, наиболѣе просвѣщенные—если не просвѣщеніемъ книжнымъ, то широкимъ опытомъ въ управленіи дѣлами и людьми, и знаніемъ иныхъ народовъ; но нерѣдко къ этому опыту и знанію присоединяется и церковная книжная начитанность. Характерный примѣръ княжескаго просвѣщенія представляетъ извѣстное поученіе Владиміра Мономаха; любопытенъ и примѣръ его отца, Всеволода, по его словамъ, «изумѣвшаго» пять языковъ и т. п. Князья, безъ сомнѣнія, искренне усвоивали содержаніе христіанства и понимали, что для его здраваго уразумѣнія необходимо просвѣщеніе. Отсюда, одни заботятся о школахъ и берутъ въ нихъ дѣтей «нарочитой чади», т.-е. высшаго сословія; другіе составляютъ библіотеки, сами занимаются списываніемъ книгъ или заказываютъ списки; третьи пишутъ собственныя поученія. У князей являются свои святыни; перемѣщаясь въ новое княженіе, они для подкрѣпленія своего авторитета берутъ изъ старыхъ городовъ знаменитыя иконы и переносятъ ихъ въ свои новыя владѣнія; церковная святыня должна была закрѣплять политическую мѣру. Впослѣдствіи, когда возникало московское единодержавіе, Москва иногда забирала въ свою пользу такія мѣстныя святыни въ знакъ своего господства и для его большаго подтвержденія. Если князья поддерживали церковь по простому чувству религіозности и по соображенію ея вліянія на массы, то и церковь съ своей стороны поддерживала княжескій авторитетъ и тѣмъ общимъ ученіемъ христіанства, которое указывало въ Богѣ источникъ земной власти и требовало почтенія къ кесарю, и спеціальной поддержкой князя въ особыхъ политическихъ случаяхъ. Усиленіе княжеской власти должно было болѣе обезпечивать и положеніе самого духовенства.

Въ этихъ условіяхъ, въ тѣсномъ союзѣ со свѣтскою властью, церковь все больше распространяла свое вліяніе и становилась живой дѣйствующей силой: это, между прочимъ, обнаруживается въ извѣстной самостоятельности ея дѣйствій. Любопытно, напримѣръ, что въ эти первые вѣка у насъ установляются особыя церковныя празднества по поводу греческихъ событій, которыя

однако не вызывали празднованія въ самой греческой церкви, а иногда могли быть ей даже непріятны. Таково было установившееся уже очень рано празднованіе перенесенія мощей святителя Николая изъ Миръ Ликійскихъ въ Баръ-градъ (Бари, въ Италіи, на берегу Адріатическаго моря): собственно говоря, это перенесеніе было похищеніемъ этихъ мощей изъ Малой Азіи итальянскими купцами. Таково было русское празднованіе «Покрова пр. Богородицы», т.-е. чуда или видѣнія, разсказаннаго въ житіи Андрея юродиваго, и т. п. Спеціальное развитіе нѣкоторыхъ чествованій (св. Георгій, св. Илья, Параскева-пятница, Николай чудотворецъ, Спасъ) отчасти происходило въ связи съ готовымъ греческимъ преданіемъ, отчасти шло собственными средствами, порождая мѣстныя легенды и сказанія о чудесахъ. Съ перваго вѣка нашего христіанства открывается самостоятельное творчество въ легендѣ, хотя конечно въ духѣ и тонѣ общехристіанской легенды. Религіозно настроенное воображеніе уже готово было видѣть вокругъ себя необычайныя явленія и чудеса: таковы были легенды кіевскаго Патерика, описывавшія подвиги монашескаго аскетизма и въ числѣ которыхъ передается поэтическое сказаніе о построеніи кіево-печерской церкви при непосредственномъ участіи Влахернской Богоматери; таково любопытное новгородское сказаніе объ Антоніи Римлянинѣ, приплывшемъ на камнѣ изъ Рима въ Новгородъ, и т. п. Легенда становилась выраженіемъ религіознаго и вмѣстѣ патріотическаго энтузіазма: она размножала число святынь, приковывала къ нимъ воображеніе и привязанности народа, въ ней находили пищу и религіозное, и политическое настроеніе.

Съ самыхъ первыхъ временъ христіанская проповѣдь естественно настаивала на противоположности христіанства и язычества. Люди, принявшіе православіе, прилѣплялись къ истинному Богу и удалялись отъ его, преданнаго проклятію, врага. Тѣмъ больше они должны были чуждаться язычества, которое представлялось какъ прямое поклоненіе дьяволу: языческія божества отождествлялись съ нечистыми духами; слово «поганый» которое въ своемъ латинскомъ источникѣ означало только деревенскаго жителя (такъ какъ жители деревень, менѣе доступные для проповѣди, вездѣ дольше держались языческой старины), въ новомъ его примѣненіи стало синонимомъ всего нечистаго и злокачественнаго. Съ теченіемъ времени это противоположеніе христіанскаго и языческаго, по примѣру церкви и высшихъ слоевъ, стало больше и больше распространяться въ массахъ; борьба русскихъ съ восточными инородцами и южными кочевниками, которые были язычники, все больше принимала харак-

теръ борьбы съ «погаными», врагами христіанства. Напротивъ, послѣднее все больше становится особенностью русскаго народа: онъ былъ и христіанинъ, и «крестьянинъ».

Другого рода картину, сравнительно съ понятіями и бытомъ лучшихъ людей, представляла въ первые вѣка народная масса. Отъ перваго начала русскаго христіанства и во все продолженіе стараго періода идетъ рядъ обличеній народнаго язычества и двоевѣрія — въ лѣтописи, церковномъ поученіи, въ словахъ «христолюбцевъ», въ распоряженіяхъ духовной власти, наконецъ княжескихъ и царскихъ указахъ. Правда, нѣкоторыя изъ обличеній, особенно позднѣйшихъ, подъ вліяніемъ развившагося тогда внѣшняго аскетическаго благочестія, осуждаютъ въ народной жизни всякій признакъ развлеченія, всякое увеселеніе и всякую пѣсню, но вообще обличенія довольно богаты и самыми дѣйствительными фактами народнаго язычества и суевѣрія: мы находимъ здѣсь поклоненіе огню, болотамъ и колодезямъ, языческія вакханаліи и пріапическія празднества, усердное колдовство и т. д. и т. д. Правда, мы уже почти не встрѣчаемъ въ этихъ обличеніяхъ именъ главныхъ божествъ, и можно думать, что главныя формы языческаго обряда были уже вскорѣ уничтожены христіанствомъ, но отъ послѣдняго скрылась и уцѣлѣла въ народномъ обиходѣ цѣлая масса языческихъ представленій, уцѣлѣла вся такъ называемая низшая миѳологія, которая однако сопровождала народнаго человѣка на каждомъ шагу. Постоянство обличеній, доходившихъ иногда до большихъ подробностей въ описаніи осуждаемыхъ фактовъ народнаго язычества, не оставляетъ сомнѣнія въ полной дѣйствительности этихъ сообщеній,— которымъ впрочемъ не трудно повѣрить, присматриваясь даже къ современному состоянію народныхъ вѣрованій. Какое же было положеніе христіанства въ народѣ?

Новѣйшій историкъ русской церкви, обсуждая извѣстные факты древняго двоевѣрія, не скрываетъ отъ себя его дѣйствительныхъ размѣровъ и первую причину его видитъ въ крайнемъ недостаткѣ ученія. «Какъ учился простой народъ,—спрашиваетъ г. Голубинскій,—какъ училась народная масса?.. На вопросъ отвѣчать не легко. Учился какъ-нибудь, но какъ? Обыкновенно принято отвѣчать, что училищемъ вѣры и благочестія для простого народа былъ у насъ храмъ съ его богослуженіемъ, причемъ съ особенною силою указывается на то, что у насъ богослуженіе совершалось не на чужомъ непонятномъ языкѣ, а на своемъ понятномъ. Но говоря откровенно, къ отвѣту этому прибѣгаютъ для успокоенія совѣсти и просто потому, что не находятъ другого сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта. Кто рѣшится

предполагать, чтобы въ древнее время богослуженіе было совершаемо у насъ лучше, чѣмъ въ настоящее? И слѣдовательно, что могъ разбирать простой человѣкъ во всемъ чтомомъ и поемомъ кромѣ одного «Господи помилуй»? Затѣмъ, языкъ нашихъ богослужебныхъ книгъ называютъ нашимъ собственнымъ далеко не въ собственномъ или не въ точномъ смыслѣ, и онъ вовсе не такъ былъ понятенъ для народа, какъ свой русскій»... Притомъ, «богослуженіе, совершаемое въ церкви,—не для наученія вѣрѣ невѣдущихъ, а для назиданія вѣдущихъ; нерасчитанное на то, чтобы подготовлять людей и быть для нихъ начальнымъ христіанскимъ училищемъ, оно напротивъ само требуетъ предварительной подготовленности и предполагаетъ уже пріобрѣтенную большую или меньшую наученость»[1]. Народъ въ сущности былъ предоставленъ самому себѣ и учился вѣрѣ самоучкой. Подъ давленіемъ власти и мало-по-малу возникавшаго сознанія въ достоинствѣ новой вѣры, языческіе боги исчезали, но не исчезла масса языческихъ вѣрованій и обычаевъ: одна часть ихъ успѣла примкнуть къ христіанству и стать подъ его покровъ,—это тѣ языческія празднества и вѣрованія, которыя совпадали съ христіанскими праздниками; другая осталась въ видѣ безразличныхъ или терпимыхъ народныхъ увеселеній и обычаевъ (позднѣе, какъ мы упоминали, на нихъ также распространилось преслѣдованіе). Г. Голубинскій справедливо полагаетъ два періода народнаго двоевѣрія: одинъ, который онъ сравниваетъ съ позднѣйшимъ двоевѣріемъ нашихъ инородцевъ, когда рядомъ съ оффиціальной религіей сознательно практиковалась домашняя языческая религія; и другой, когда послѣдняя хранилась уже въ скрытомъ и безсознательномъ обычаѣ и суевѣріи[2].

Трудно сказать, какъ долго держался у насъ этотъ періодъ

---

[1]) Исторія русской церкви. Періодъ первый, кіевскій или домонгольскій. Вторая половина перваго тома. М. 1881, глава VIII: „Вѣра, нравственность и религіозность народа", стр. 719 и слѣд.

[2]) „Въ первое время послѣ принятія христіанства,—говоритъ г. Голубинскій,—наши предки въ своей низшей массѣ или въ своемъ большинствѣ, буквальнымъ образомъ ставъ двоевѣрными и только присоединивъ христіанство къ язычеству, но не поставивъ его на мѣсто послѣдняго, съ одной стороны молились и праздновали Богу христіанскому съ сонмомъ Его святыхъ или—по ихъ представленіямъ—богамъ христіанскимъ, а съ другой стороны, молились и праздновали своимъ прежнимъ богамъ языческимъ. Тотъ и другой культъ стояли рядомъ и практиковались одновременно: праздновался годовой кругъ общественныхъ праздниковъ христіанскихъ и одновременно съ нимъ праздновался таковой же кругъ праздниковъ языческихъ; совершались домашнія требы чрезъ священниковъ по-христіански и въ то же время совершались онѣ черезъ стариковъ и черезъ волхвовъ и по-язычески; творилась домашняя молитва Богу и святымъ христіанскимъ и вмѣстѣ съ ними и богамъ языческимъ" (стр. 737).

открытаго двоевѣрія; въ этомъ отношеніи очень любопытенъ извѣстный случай въ Новгородѣ, въ концѣ XI вѣка, когда почти черезъ сто лѣтъ послѣ крещенія Руси явился волхвъ, открыто возставшій противъ христіанства: князь и дружина были на сторонѣ епископа, но весь народъ стоялъ за волхва. Если такъ было въ одномъ изъ главномъ центровъ, то можно представить, что сочувствія къ язычеству были еще сильнѣе въ мѣстахъ глухихъ и отдаленныхъ. По свидѣтельству древнихъ памятниковъ, между самими пастырями находились такіе, которые потворствовали язычеству, освящая христіанской молитвой языческія празднества и жертвы. Обвиненія въ формальномъ язычествѣ слышатся еще въ XIV столѣтіи, хотя, быть можетъ, они и были тогда преувеличены; но двоевѣріе скрытое и замаскированное можно смѣло принять не только въ теченіе всего стараго періода, до обличеній «Духовнаго Регламента», но и до настоящаго времени.

Упомянутый авторъ «Исторіи русской церкви» извлекаетъ изъ старыхъ памятниковъ свидѣтельства о состояніи народной нравственности въ древнемъ періодѣ и въ общемъ рисуетъ весьма мрачную картину: рядъ крупныхъ недостатковъ народныхъ нравовъ — тотъ же, какой мы видимъ и до настоящаго времени. Возникаетъ недоумѣніе—въ какой мѣрѣ христіанство подѣйствовало на нравы въ началѣ и улучшило ихъ впослѣдствіи? Но если въ абсолютномъ счетѣ остается желать еще очень многаго въ нравственно-христіанскомъ воспитаніи народа, то по сравненію съ временами язычества разница едва ли подлежитъ сомнѣнію: нравы во всякомъ случаѣ смягчились, въ жизни личной и семейной явилась извѣстная норма поведенія, указаны были образцы, которые не оставались безъ вліянія; съ вѣками народъ, хотя бы самоучкою, все больше знакомился съ требованіями христіанскаго милосердія и контроля надъ самимъ собой. Но въ одномъ случаѣ надо согласиться съ выводами автора: сличая религіозное пониманіе древняго періода и московской Россіи XVI—XVII вѣка, г. Голубинскій приходитъ къ убѣжденію, что позднѣйшія времена впали въ прискорбный недостатокъ едва ли извѣстный древности, а именно, что та крайность внѣшняго обрядового благочестія въ ущербъ внутреннему, которая отличаетъ болѣе поздніе вѣка, была дѣломъ московской Россіи.

Вѣра необходимо предполагаетъ знаніе и не можетъ быть безъ него, — разсуждаетъ г. Голубинскій. Просвѣщеніе необходимо поднимаетъ уровень общественной нравственности и внушаетъ болѣе чистое пониманіе вѣры. У всѣхъ христіанскихъ народовъ было и бываетъ неизбѣжнымъ явленіемъ, что низшія необразованныя части общества или народныя массы страдаютъ больше

или меньше неразлучною болѣзнью необразованности—преувеличеніемъ значенія наружной набожности въ ущербъ нравственно-добродѣтельной жизни; русскіе представляли собой народъ необразованный и, слѣдовательно, у насъ также долженъ былъ имѣть мѣсто этотъ недостатокъ. По всей вѣроятности, внѣшняя набожность съ самаго начала получила у насъ несвойственное значеніе, потому что человѣкъ необразованный не можетъ не преувеличивать ея значенія. Но началось ли здѣсь прямо съ той совершенной крайности, какую мы видимъ въ XVI вѣкѣ, или дѣло шло постепенно, съ теченіемъ времени ухудшаясь? — Г. Голубинскій не сомнѣвается, что было именно послѣднее. Внѣшняя набожность имѣетъ у насъ свою исторію, и хотя намъ трудно услѣдить ее съ точностью, мы должны ее предполагать. Принимая христіанство, наши предки были такими же людьми безъ образованія, какъ и въ послѣдующее время, но, тѣмъ не менѣе, въ это первое время должны были принимать новую вѣру въ возможно истинномъ, а не извращенномъ видѣ. Лучшіе люди должны были разумѣть (а народная масса, если не совсѣмъ разумѣла, то не потому, что была къ этому неспособна, а потому только, что не была научена и предоставлена была самой себѣ), какое значеніе новая вѣра придаетъ добрымъ дѣламъ или исполненію нравственнаго закона Божія; поэтому и не могло у нихъ сразу начаться съ того, что мы находимъ въ XVI столѣтіи, т.-е. съ совершенно извращенныхъ понятій объ отношеніи между внѣшней набожностью и дѣйствительнымъ благочестіемъ. Г. Голубинскій указываетъ, что болѣе широкому пониманію религіозности могло способствовать въ древнемъ періодѣ и болѣе свободное общеніе съ образованными иноземцами западными, а также и примѣръ самихъ грековъ, которые должны были имѣть вліяніе своими религіозными обычаями и которые не страдали этимъ недостаткомъ. «Итакъ,—заключаетъ историкъ нашей церкви, — о до-монгольскихъ предкахъ нашихъ необходимо думать, что въ дѣлѣ пониманія благочестія они еще свободны были отъ той крайности, которая является нашею болѣзнію въ позднѣйшее время. Но въ отношеніи къ благочестію, конечно, выше тотъ, кто болѣе правильно понимаетъ его; слѣдовательно, должно думать о нихъ, что они въ семъ случаѣ были выше, чѣмъ позднѣйшіе наши предки» (стр. 774).

Прибавимъ еще замѣчаніе г. Голубинскаго по этому поводу. «Кіевскій или до-монгольскій періодъ русской исторіи есть періодъ исторіи того русскаго племени, которое называется теперь малорусскимъ». Нѣкоторые писатели, сравнивая позднѣйшихъ

малороссовъ съ великороссами и обращая вниманіе на то, что послѣдніе произвели расколъ, который отождествлялъ внѣшніе обряды съ догматами и тѣмъ именно выражалъ крайнюю приверженность къ наружной набожности, а что у малороссовъ именно не было и нѣтъ раскола, — эти писатели заключали о существенномъ различіи въ духовной натурѣ обоихъ племенъ, и приписывали спеціально великоруссамъ, которымъ принадлежитъ періодъ московскій, эту привязанность къ внѣшней набожности. Нашъ историкъ не отвергаетъ различія племенныхъ характеровъ, но не распространяетъ его абсолютно и на прошедшее. «Позднѣйшіе, XVI вѣка, малороссы, весьма отличные отъ современныхъ имъ великороссовъ, представляютъ собою продуктъ своей особой исторіи, отличной отъ исторіи Великороссіи, а чѣмъ бы они были, еслибы ихъ исторія была тождественна съ исторіею послѣдней, это составляетъ вопросъ, на который вовсе не можетъ быть дано увѣреннаго отвѣта. Великороссія, по своему географическому положенію—часть Руси весьма удаленная отъ западной Европы, начала до нѣкоторой степени разобщаться съ послѣднею съ самаго Андрея Боголюбскаго, съ котораго начинается ея исторія, а потомъ и совершенно порвала свои связи съ нею и до такой степени стала страною самозаключенною, что представляла изъ себя какъ бы европейскій Китай; напротивъ, нынѣшняя Малороссія не только никогда не разрывала съ западной Европой, но съ той самой минуты, какъ для Великороссіи началось совершенное разъединеніе (нашествіе монголовъ), тѣснѣе, чѣмъ прежде, сблизилась съ нею (королевство галицко-волынское)», и т. д. (стр. 767). То-есть, у малороссовъ могли бы возникнуть такія же явленія нравственно-религіозной жизни, еслибъ у нихъ повторилась та же китайская разобщенность съ другими народами и такое же отсутствіе школы; но южная исторія шла иначе, и тѣхъ явленій не развилось. Но разница племенного характера между сѣверомъ и югомъ все-таки и тогда существовала и, какъ мы видѣли, ея возникновеніе надо относить еще къ вѣкамъ, предшествовавшимъ началу государства. Съ другой стороны, развитіе тѣхъ особенностей народнаго христіанства, которыя отличаютъ всего болѣе Великороссію XVI—XVII вѣка и заняли такое значительное мѣсто въ великорусскомъ народномъ характерѣ, совершилось вѣроятно не безъ связи съ племенными различіями юга и сѣвера.

А. Пыпинъ.

КАРТИНКИ ИЗЪ ЖИЗНИ.

Разсказы финскаго писателя П. Пэйверинта.

Съ шведскаго.

У насъ очень мало извѣстна новѣйшая финская литература. Пэйверинтъ—одинъ изъ лучшихъ ея писателей, и его разсказы изъ народнаго финскаго быта интересны какъ сами по себѣ, такъ и въ связи съ общеевропейскимъ развитіемъ повѣсти изъ жизни народа. Мы беремъ нѣсколько разсказовъ изъ вышедшаго недавно шведскаго перевода, и предисловіе шведскаго переводчика, Рафаэля Герцберга: оно указываетъ особенности литературнаго характера Пэйверинта, и вмѣстѣ даетъ понятіе о томъ значеніи, какое дается его трудамъ у соотечественниковъ.—*Ред.*

«Разсказы, взятые изъ недавно вышедшаго въ свѣтъ «Сборника повѣстей», принадлежатъ безспорно къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ въ новѣйшей финской литературѣ. Тонкая психологическая наблюдательность, глубокое пониманіе жизни, проникнутое теплымъ участіемъ къ людямъ и простое, полное захватывающаго интереса изложеніе, ставятъ эти разсказы наравнѣ съ самыми выдающимися произведеніями европейской литературы, посвященными описанію быта и жизни крестьянскаго населенія. Всѣ обстоятельства и дѣйствія изображаются съ поразительною вѣрностію, люди стоятъ передъ читателемъ какъ живые; картины природы и тяжелая, упорная борьба за существованіе написаны смѣлою, широкою, мастерскою кистью; наконецъ, личность самого писателя, который передаетъ именно то, чтó

было пережито имъ самимъ—отражаетъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, всѣ лучи этой жизни, сосредоточивающіеся въ нёмъ самомъ, какъ въ фокусѣ. Увлеченный этими разсказами, читатель слѣдитъ за ними съ величайшимъ интересомъ и ощущаетъ самую живѣйшую симпатію къ описываемымъ въ нихъ радостямъ и страданіямъ.

«При этомъ нельзя умолчать о самомъ главномъ и почти единственномъ въ своемъ родѣ обстоятельствѣ, касающемся автора,—именно, что онъ крестьянинъ и что, будучи уже сорокалѣтнимъ человѣкомъ, онъ покинулъ соху для того, чтобъ сдѣлаться писателемъ; считаемъ необходимымъ прибавить, что слова эти нужно принимать въ буквальномъ смыслѣ относительно Пэйверинта. Будучи съ самаго дѣтства страстнымъ любителемъ чтенія, онъ однакожъ усердно исполнялъ всѣ полевыя работы, во-время которыхъ ему однажды вдругъ пришла впослѣдствіи мысль сдѣлаться писателемъ и попробовать свои силы на этомъ, совершенно новомъ для него, поприщѣ.

«Пьетари Пэйверинта родился 1827 года въ приходѣ Юлівіеска, гдѣ родители его жили даромъ въ чужомъ домѣ. Онъ былъ старшій изъ ихъ четверыхъ дѣтей. Еще въ очень раннемъ возрастѣ родители выучили его читать, а писать онъ уже выучился потомъ самъ. Въ прежнее время дѣтей воспитывали строго, такъ что каждая вина наказывалась безпощадно. Пока здоровье не измѣняло, то родители зарабатывали своимъ трудомъ достаточно для пропитанія семейства; но когда имъ случалось обоимъ бывать больнымъ въ одно время, то маленькій Пьетари долженъ былъ отправляться просить милостыню, что онъ всегда дѣлалъ съ большой неохотой и съ горькими слезами.

«На десятомъ году своей жизни Пьетари уже самъ зарабатывалъ себѣ хлѣбъ у чужихъ людей. Двадцати-двухъ лѣтъ онъ женился на дочери одного крестьянина, который не могъ дать за дочерью никакого приданаго и потому молодые супруги должны были разсчитывать только на свои здоровыя руки; работали они оба безъ устали и, наконецъ, купили въ долгъ, поставленный въ лѣсу срубъ избы, гдѣ и поселились. Такимъ образомъ они прожили четыре года и тогда Пэйверинта, славившійся въ околодкѣ хорошимъ голосомъ, задумалъ подать прошеніе о принятіи его въ приходъ Алавіеска, для отправленія церковной службы, пономаремъ, должность котораго ему хотѣлось получить. Нѣсколько времени спустя, онъ выдержалъ пономарскій экзаменъ въ Вазѣ и, наконецъ, получилъ желаемое мѣсто въ своемъ приходѣ, гдѣ и живетъ до сихъ поръ. Въ 1882 году онъ участвовалъ въ

засѣданіяхъ ландстага, какъ уполномоченный представитель крестьянства.

«Но все это представляетъ, такъ сказать, внѣшній очеркъ жизни Пэйверинта. Что же касается до его внутренняго и умственнаго развитія, то мы уже сказали выше, что онъ съ самаго ранняго дѣтства пристрастился къ чтенію. Еще тогда, какъ онъ жилъ въ работникахъ у чужихъ людей, онъ уже покупалъ себѣ книги и все сокрушался, что не имѣетъ средствъ выписать какую-нибудь дешевенькую газету; а когда женился, то страсть его къ книгамъ не только не уменьшилась, а даже усилилась, хотя средствъ его едва хватало на самыя необходимыя домашнія нужды. Трудъ въ пользу поднятія финской національности находилъ въ немъ всегда самаго горячаго приверженца и онъ съ величайшимъ участіемъ слѣдилъ за постепеннымъ успѣхомъ этого дѣла. Впрочемъ, онъ всегда предпочиталъ для чтенія беллетристику, такъ какъ на нее преимущественно отзывалось его сердце. Онъ уже началъ изрѣдка посылать свои корреспонденціи въ нѣкоторыя газеты, какъ вдругъ лѣтомъ 1867 года, когда онъ поднималъ плугомъ новь, ему мелькнула мысль попробовать писать книги. Его первой попыткой въ этомъ родѣ было описаніе нѣкоторыхъ эпизодовъ того бунта, который принялъ въ тотъ годъ такіе большіе размѣры въ Улеаборгѣ. Въ то же время онъ собралъ и напечаталъ въ газетѣ «Oesterbott» свои умиротворяющія воззванія, имѣвшія видъ пастырскихъ посланій, къ людямъ, довѣрявшимъ его образу мыслей и для которыхъ слова его были авторитетомъ. Потомъ онъ написалъ драму, которая впрочемъ не появилась въ печати. Въ 1876 году какимъ-то несчастнымъ случаемъ онъ сломалъ себѣ ногу, вслѣдствіе чего принужденъ былъ провести въ постели нѣсколько недѣль; но онъ чувствовалъ себя настолько бодрымъ, что могъ сидѣть въ кровати писать повѣсть, подъ заглавіемъ: «Какъ я жилъ въ своей семьѣ», гдѣ онъ изобразилъ степень умственнаго развитія, на которой стоитъ финская народная масса, и рукопись эта дала ему 600 марокъ чистыми деньгами. Въ это время ему было уже 50 лѣтъ; но его авторская дѣятельность нисколько не ослабѣвала и послѣднимъ плодомъ ея былъ рядъ разсказовъ, подъ заглавіемъ «Картинки изъ жизни», откуда мы теперь и выбрали наиболѣе интересные.—Р. Г.»

I. МОРОЗНОЕ УТРО.

Въ половинѣ августа мнѣ было необходимо по нѣкоторы собственнымъ дѣламъ отправиться въ такую мѣстность, гдѣ существовало никакихъ проѣзжихъ дорогъ, вслѣдствіе чего принужденъ былъ сдѣлать это путешествіе пѣшкомъ. Совер такимъ образомъ мой путь, я пришелъ однажды поздно вечеро къ одному уединенно стоящему крестьянскому двору съ избо по наружному виду которой я заключилъ, что она выстро уже давно и что хозяева ея въ ней обжились совершен Вошедъ въ избу и пожелавъ находившимся въ ней «добра вечера», я попросилъ, чтобъ меня пустили переночевать, на немедленно получилъ позволеніе. Въ избѣ въ данную минуту увидалъ слѣпого старика, древнюю старуху и цѣлую кучу леньвихъ дѣтей, большинство которыхъ еще было въ тако возрастѣ, когда ихъ водятъ только въ однихъ рубашонка Старуха, повидимому, была бабушкой этихъ дѣтей и очевид завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ; а старикъ возился съ мелюзгой, няньчилъ ихъ на рукахъ и поочередно сажалъ себѣ на колѣни. По всему было замѣтно, что дѣти чрезвычай привязаны къ старику; они карабкались на лавку, гдѣ онъ дѣлъ, обвивали своими рученками его шею, гладили по голо и по длинной, сѣдой бородѣ, изъ чего я заключилъ, что с рикъ—дѣдъ этихъ дѣтей. Я попробовалъ вступить въ разгово Разумѣется, всякій прохожій, случайный постоялецъ обяза предварительно сказать, кто онъ, откуда, куда и зачѣмъ иде а потомъ уже заводить рѣчь о чемъ-нибудь другомъ. Такъ то поступилъ и я. Сообщивъ на мой счетъ всѣ необходимыя с денія, я обратился къ дѣду съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Неужели вы всю свою жизнь прожили здѣсь?

— Да,—отвѣчалъ дѣдъ.

— А давно стоитъ здѣсь этотъ дворъ?

— Да, пожалуй, побольше сотни лѣтъ. Этотъ дворъ всѣмъ своимъ хозяйствомъ былъ заведенъ здѣсь моимъ отц

— Я думаю, не мало труда положено было на все это?

— Мало ли было труда! Работали мы сколько было с и жить можно бы хорошо, еслибъ не морозы. Ужъ этотъ розъ для насъ такой врагъ, хуже котораго и не найти; о постоянно поѣдаетъ всѣ труды нашихъ рукъ; а вотъ подл въ сосѣднихъ выселкахъ о немъ и слыхомъ не слыхать. Здѣ недалеко есть большое болото, а осушить его, прорыть канав

рукъ не хватаетъ въ одной семьѣ; вся причина морозовъ—это болото!—сказалъ старикъ съ глубокимъ сокрушеніемъ.

Въ этотъ вечеръ погода дѣйствительно была очень непріятная и даже въ продолженіе всего дня дулъ холодный, рѣзкій, сѣверный вѣтеръ. Я намѣревался-было навести разговоръ на болѣе отрадные предметы, какъ вдругъ старикъ самъ заговорилъ со мной.

— А какова сегодня погода? Когда ты пришелъ сюда, все еще дулъ полночный вѣтеръ?

— Погода довольно прохладная и хотя вѣтеръ дуетъ съ сѣвера, я однако-жъ не думаю, чтобъ ночью могъ быть морозъ! —отвѣтилъ я.

— Да, хорошо, какъ бы такъ было!—отозвался дѣдъ, глубоко вздохнувъ.

— А много у тебя дѣтей, старина?—спросилъ я опять.

— Въ живыхъ четверо сыновей!—отвѣчалъ старикъ.

— А что, всѣ твои сыновья женаты?

— Трое женатыхъ, а одинъ еще холостой.

— Гдѣ же всѣ они теперь?

— Вся семья задумала поднять большой клинъ нови и спѣшитъ хорошенько приготовить ее къ ржаному сѣву, которому скоро придетъ пора. Кто копаетъ канавы, кто разбрасываетъ по сторонамъ вырытую землю, а кто послабѣе силами, такъ выжигаютъ пни и корни въ полѣ, гдѣ потомъ будетъ пашня.

— А ночевать они возвращаются домой?

— Да. Они ушли еще вчера, а сегодня вечеркомъ придутъ.

— Жены твоихъ сыновей, вѣроятно, также ушли съ своими мужьями, такъ какъ ихъ не видно здѣсь?

— И жены, и старшіе изъ ихъ дѣтей, всѣ тамъ.

— У тебя-таки много рабочихъ рукъ?

— Да, довольно.

— Неужели одна твоя семья могла справиться съ такимъ дѣломъ? Вѣдь поднять большое пространство нови не шутка?

— Да, только одной своей семьей и сдѣлали это. Вѣдь они всѣ, сколько ихъ есть, цѣлое лѣто были заняты этимъ, кромѣ сѣнокосной поры.

Мнѣ хотѣлось еще поговорить съ старикомъ, но онъ очевидно не желалъ продолжать бесѣды и попытка моя не удалась. У него былъ такой грустный и озабоченный видъ, какъ будто его тяготила какая-то тайная, глубокая печаль. При такомъ настроеніи ему, конечно, было не до разговоровъ и онъ отвѣчалъ

на всѣ мои вопросы по бо́льшей части односложно, изъ чего я заключилъ, что онъ не желаетъ больше говорить.

— А что, дѣдъ, вѣдь, я думаю, не мало и всякихъ другихъ невзгодъ случалось тебѣ натерпѣться здѣсь? — возобновилъ я опять свои разспросы.

— Всего было много, и горя, и бѣдъ! Но вѣдь этимъ Господь испытываетъ только насъ, а не покидаетъ насъ совсѣмъ! — сказалъ старикъ твердымъ голосомъ, изъ чего я заключилъ, что онъ или самъ читалъ, или слышалъ отъ другихъ это изреченіе, которое Рунебергъ вложилъ въ уста своего «Крестьянина Пааво».

— Гдѣ ты слышалъ такое изреченіе? — спросилъ я, живо заинтересованный этимъ.

— Мой меньшой сынъ, Матти, откуда-то достаетъ книги, точно изъ земли ихъ выкапываетъ и въ свободные отъ работы часы онъ читаетъ мнѣ вслухъ, чтобъ занять меня, такъ какъ я слѣпъ и не могу читать самъ. Да, большая для меня утѣха въ томъ, что онъ мнѣ читаетъ, а больше всего утѣшаетъ онъ мою скорбную душу словомъ Божіимъ. Матти для меня — тотъ свѣтъ, котораго лишены мои глаза. И я благодарю Господа, что онъ, по крайней мѣрѣ, сохранилъ мнѣ слухъ.

— Давно ли ты ослѣпъ, дѣдъ?

— Уже больше десяти лѣтъ.

— Какимъ образомъ это случилось?

— Я щепалъ лучину и маленькій осколокъ попалъ мнѣ въ глазъ; послѣ этого оба мои глаза стали болѣть; болѣли, да болѣли — такъ я и ослѣпъ совсѣмъ!

— Любятъ тебя твои дѣти?

— Да; всѣ мои дѣти любятъ меня и я самъ ихъ люблю.

— Если такъ, то, мнѣ кажется, ты не имѣешь причины особенно горевать, будучи окруженъ счастливой семьей, всѣ члены которой дружно живутъ между собою! — замѣтилъ я.

— Конечно, въ такомъ смыслѣ мы счастливы, потому что вмѣстѣ переносимъ наши бѣды, любя другъ друга. Но вѣдь у главы семейства могутъ быть еще другія заботы. У насъ было нѣсколько неурожайныхъ годовъ сряду, послѣ которыхъ мы не ѣдимъ чистаго хлѣба, а печемъ его съ подмѣсью древесной коры, и кромѣ того вошли въ долгъ, а Эркки изъ Тинкиля требуетъ его съ процентами и грозитъ судомъ. Чтобъ какъ-нибудь избавиться отъ такой бѣды, мы всѣ работали, не покладывая рукъ, и теперь есть надежда, что мы поправимся, потому что рожь выровнялась славная, густая. Да вотъ погода-то опять посвѣжѣла и вѣтеръ подулъ съ полночной стороны и я боюсь, что

морозъ пожалуетъ къ намъ въ гости! Если только это случится, то придется хоть пропадать совсѣмъ! Тогда Эркки изъ Тинкиль навѣрное станетъ взыскивать свой долгъ судомъ, продадутъ нашъ скотъ, который былъ намъ такимъ подспорьемъ въ это трудное время, а это уже будетъ для насъ просто разоренье! Такъ вотъ ты сообрази все это, милый человѣкъ, и разсуди, какъ же старшему въ семьѣ не тужить и не задумываться! Конечно, въ Писаніи сказано также: «Не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ». Конечно, можетъ быть «Господь только испытываетъ насъ разными бѣдствіями, но не покинетъ насъ совсѣмъ».

Сказавъ это, старикъ замолчалъ. Я только-что собирался возразить ему какимъ-нибудь ободряющимъ его упавшій духъ словомъ, какъ услыхалъ на дворѣ голоса и, выглянувъ въ окно, увидалъ, что вся семья воротилась съ работы домой. Любопытствуя получить понятіе о прочихъ членахъ семьи, о ихъ характерѣ, ихъ отношеніяхъ между собою, а въ особенности объ ихъ отношеніяхъ къ старику, я отодвинулся въ самый дальній и самый темный уголъ избы, чтобъ лучше смотрѣть и слушать оттуда.

Всѣ говорили въ одно время, такъ что словъ нельзя было разобрать, а слышался только какой-то гулъ отъ разговора крестьянъ пріѣхавшихъ съ работы и убиравшихъ въ сарай свои земледѣльческія и прочія орудія; потомъ вся эта толпа разомъ ввалилась въ избу; у всѣхъ были довольныя, веселыя лица. Но пока еще они были на дворѣ, я подумалъ: посмотримъ, каковъ этотъ молодецъ—Матти, котораго такъ нѣжно любитъ отецъ, и самъ онъ любитъ ли дѣйствительно въ такой же степени своего отца?

Тутъ все мое вниманіе сосредоточилось преимущественно на одномъ изъ сыновей старика—на юношѣ, которому, повидимому, было лѣтъ семнадцать, не болѣе. Высокаго роста, стройный, бѣлокурый, голубоглазый, съ необыкновенно пріятнымъ выраженіемъ лица:—это навѣрное Матти, меньшой сынъ старика!—мысленно рѣшилъ я.

Быстро сбросивъ съ плечъ свою выпачканную въ грязи и въ глинѣ куртку, онъ скорыми шагами подошелъ къ отцу, обнялъ его обѣими руками, поцѣловалъ въ морщинистый лобъ и погладилъ его потомъ по сѣдой головѣ, сказавъ:

— Что, батя? Чай соскучился ты одинъ, пока насъ цѣлыхъ два дня не было дома? Ахъ, жалко, что ты не видишь и не можешь читать; а то бы даже и не замѣтилъ, какъ прошло это время!

Прежде чѣмъ старикъ успѣлъ что-нибудь сказать на это, молодой человѣкъ подошелъ къ столу, зажегъ огня, потомъ порывшись въ карманахъ своей куртки, досталъ оттуда толстый, порядочно истрепанный свертокъ газетъ и, сѣвъ на лавку рядомъ со старикомъ, обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Ну. вотъ я принесъ еще кое-чего новенькаго почитать, батя! Тутъ есть одна славная пѣсня, которая навѣрное тебѣ понравится, потому что относится къ простому народу. Называется она «Палаты крестьянина». Я сейчасъ прочту ее тебѣ вслухъ. Слушай же!

Съ разсвѣтомъ дня, въ понедѣльникъ, надѣвъ на плечи свою куртку, выхожу я въ дальнее поле перепахивать жнивье и вырубать молодой кустарникъ.

Когда я поработалъ для доставленія насущнаго хлѣба милымъ моему сердцу, тогда отправляюсь на короткій ночной отдыхъ, въ уединенную избушку, посреди лѣсной поляны.

Пѣнье птичекъ замѣняетъ мнѣ музыку, а ревъ бури напоминаетъ звуки органа; напитокъ мой—чистая ключевая вода, а ѣда—вкусный, хотя и черный хлѣбъ.

Вотъ какъ я блаженствую въ моихъ палатахъ; ночи не кажутся мнѣ томительными и длинными; счастливый и внутренно довольный, радостно жду я разсвѣта.

Но если вдругъ поздній, сердитый морозъ истребитъ всю, уже почти созрѣвшую, рожь, тогда сердце загорюетъ, какъ объ умершемъ, когда подумаешь о предстоящей нуждѣ для семьи.

Не я одинъ, а всѣ мы зависимъ отъ зерна, брошеннаго въ землю. Но как ни тяжелъ для насъ неурожай, а подати все-таки спросятъ съ насъ сполна

Во все время чтенія молодого человѣка я слѣдилъ за выраженіемъ лица старика. Оно становилось все болѣе горькимъ и и его лишенные зрѣнія глаза учащенно мигали, какъ будто отъ слезъ, но они по прежнему оставались сухи, по всей вѣроятности, вслѣдствіе слѣпоты потерявъ способность проливать слезы.

Очевидно это стихотвореніе было не изъ тѣхъ, которыя способны смягчать тяжелыя чувства, которыя такъ глубоко запали въ душу старика; его печаль и забота очевидно предстояли отчетливо и ясно передъ его мысленными очами. Но юноша, въ своемъ увлеченіи, не понялъ того впечатлѣнія, какое эти стихи произвели на старика, продолжая по прежнему указывать на то, какъ это вѣрно и какъ похоже на собственное положеніе ихъ семьи.

— Въ какой книгѣ напечатаны эти стихи?—спросилъ старикъ.

— Это напечатано въ «Oulun Viikko-Sanomia» [1],—отвѣчалъ сынъ.

---

[1]) Издаваемая въ Улеаборгѣ финская газета.

— Откуда ты ее досталъ?—снова спросилъ старикъ.

— Я за ночь съѣздилъ въ село и выпросилъ у Гэйкки, что живетъ въ Маттила, почитать эту газету за цѣлый годъ,—отвѣчалъ сынъ довольнымъ тономъ.

— А кто сочинилъ эту пѣсню?—спросилъ старикъ.

— Ужъ этого я не знаю.

— Сочинитель могъ бы написать что-нибудь и получше; надо, впрочемъ, правду сказать, что онъ, должно быть, самъ много испыталъ въ жизни. Онъ, какъ слѣдуетъ, по порядку изложилъ свои мысли и такъ ясно, точно самъ чувствуешь все, чтò онъ описываетъ; вотъ я тоже не мало испыталъ на своемъ вѣку и на сердцѣ у меня бываетъ то же самое, да вотъ высказать-то этого не могу.

Старикъ умолкъ и погрузился въ свои невеселыя думы.

Между тѣмъ, вся остальная семья занялась приведеніемъ своихъ вещей въ порядокъ. Кто, снявъ съ себя мокрое платье, развѣшивалъ его, чтобъ оно скорѣе просохло; кто вынималъ изъ котомки кадочку съ масломъ и деревянную солонку; а женщины, у которыхъ были грудныя дѣти, спѣшили брать ихъ на руки, чтобы накормить ихъ.

— А что, какова погода?—наконецъ промолвилъ старикъ, какъ-будто пробуждаясь отъ сна и обращаясь къ своему младшему сыну, Матти.

— Холодная; и вѣтеръ дулъ цѣлый день съ сѣвера, но потомъ стало много теплѣе, какъ только показалась на сѣверо-западѣ большая черная туча,—отвѣтилъ тотъ.

— Туча съ сѣверо-запада предвѣщаетъ морозъ,—замѣтилъ старикъ.

— Что ты, батя! Неужели ты думаешь, что будетъ морозъ?—въ свою очередь спросилъ его сынъ.

— Да, я боюсь, что будетъ такъ!—сказалъ старикъ, глубоко вздохнувъ.

— А можетъ быть, еще и совсѣмъ не будетъ мороза!—утѣшалъ сынъ.

— Дай-то Богъ!—сказалъ старикъ тономъ, въ которомъ слышалось и сомнѣніе, и надежда; а затѣмъ снова задумался. — А что, вы окопали канавами все поле нови, или еще не совсѣмъ съ этимъ управились?—спросилъ онъ снова, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Все сдѣлано какъ слѣдуетъ и новь подготовлена такъ, что хоть сейчасъ приступить къ посѣву,—отвѣчалъ одинъ изъ прочихъ сыновей.

— Ужъ ты не безпокойся, батюшка! Мы такъ обработали эту новь, что любо!—прибавилъ другой.

— Ну, а каково растетъ хлѣбъ на прошлогодней нови и на прочихъ поляхъ?—спросилъ отецъ.

— И на нови, и на прежнемъ полѣ ростъ хлѣбовъ отличный и они уже поспѣваютъ, такъ что, пожалуй, недѣли черезъ двѣ можно будетъ жать. И соломой рожь хороша, и колосъ такой наливной, что такъ и наклонился къ землѣ. Еслибъ еще недѣльки двѣ не было мороза, тогда мы заплатили бы всѣ недоимки въ казну, отдали бы Эркки изъ Тинкиля сполна весь нашъ долгъ, у насъ появился бы опять чистый ржаной хлѣбъ, уже безъ подмѣси древесной коры, батька былъ бы у насъ всегда сытъ, а потомъ, на радости, можно будетъ даже выписать себѣ какую-нибудь газету! — весело проговорилъ Матти, подходя къ отцу, нѣжно обнимая его и гладя, какъ ребенка, по головѣ.

— Еслибъ все случилось такъ, какъ мы надѣемся, то вмѣсто одной, мы выпишемъ тебѣ пожалуй цѣлыхъ двѣ газеты!—сказалъ старикъ, обращаясь къ Матти и стараясь улыбнуться этому преданному, искренно любящему и почтительному сыну. Но выраженіе минутной отрады, блеснувшей на лицѣ старика, тотчасъ же исчезло; у него опять проявился прежній скорбно-суровый и удрученный видъ, вѣроятно сложившійся вслѣдствіе постоянной матеріальной тяготы и житейскихъ нуждъ. Потомъ онъ опять какъ будто ушелъ въ самого себя, просидѣлъ такимъ образомъ нѣсколько минутъ и, наконецъ, какъ будто очнувшись, заговорилъ снова:

— А если хлѣбъ у насъ побьетъ морозомъ, то чѣмъ же будемъ мы сѣять и что будемъ ѣсть?

— Мы уже сжали рожь на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она совсѣмъ поспѣла, боясь мороза—такъ, стало быть, соберемъ сколько-нибудь сѣмянъ; мы уже рѣшились такъ, не спросясь тебя, батюшка! Я думаю, не худо мы сдѣлали?—сказалъ одинъ изъ женатыхъ сыновей.

— Какое худо? Разумно вы это придумали; я самъ хотѣлъ напомнить вамъ объ этомъ, когда вы пошли подымать новь: тогда погода стояла хорошая. Ну, слава Богу, хоть сѣмена-то по крайности собрали!—сказалъ старикъ.

Наконецъ, семейные старика замѣтили, что въ избѣ есть посторонній человѣкъ, и разговоръ тотчасъ же сдѣлался общимъ. Они всѣ очень рады были услыхать что-нибудь новое отъ гостя, который былъ и городскимъ, и деревенскимъ жителемъ; въ особенности интересовался всѣмъ Матти, который во все время мо-

ихъ разсказовъ не отходилъ отъ меня и ловилъ на лету каждое мое слово. Всѣ они предлагали мнѣ очень дѣльные вопросы на счетъ нѣкоторыхъ предметовъ и обстоятельствъ и всѣ они не похожи были на тѣхъ закоснѣлыхъ людей, которые, вслѣдствіе своей замкнутости и ограниченности, считаютъ вздоромъ все, чего они сами никогда не видали, или о чемъ никогда не слыхали; а напротивъ, старались уяснить себѣ суть дѣла во всемъ, чего только касалась наша рѣчь. Но въ то же время я могъ убѣдиться, что какъ самъ старикъ, такъ и его старшіе сыновья не извлекали для себя изъ слушанія чтенія особенной умственной пользы; только у младшаго сына, Матти, страсть къ чтенію получала осмысленный характеръ, хотя очевидно и всѣ прочіе интересовались этимъ, какъ пріятнымъ развлеченіемъ.

Когда разговоръ нашъ прекратился, то вся семья стала собираться ужинать, а для меня, какъ для посторонняго посѣтителя, накрыли столъ въ находившейся рядомъ съ избой «горницѣ». Сколько радушія выражалось въ этомъ при всей бѣдности семьи! Мнѣ было очень непріятно, что они вздумали особенно хлопотать о моемъ угощеніи, но отказаться отъ него было невозможно, не обидѣвъ хозяевъ, и я непремѣнно долженъ былъ сѣсть за столъ. Послѣ ужина всѣхъ стало клонить ко сну. Послѣ трудового дня и физическаго утомленія, природа заявляла свои права: усталое тѣло требовало покоя и подкрѣпленія силъ. Всѣ, одинъ по одному, стали уходить спать, а мнѣ приготовили въ «горницѣ» особую кровать, гдѣ я и провелъ ночь.

Скоро на этихъ тружениковъ снизошелъ благодѣтельный сонъ и все затихло вокругъ; только изрѣдка слышалось чье-нибудь храпѣніе или шумное дыханіе крѣпко спящаго человѣка, да оханье старика за потрескивавшей перегородкой.

У меня сложилась несчастная привычка: я никогда не могу уснуть на новомъ мѣстѣ и на чужой постелѣ; то же самое случилось и теперь. Сколько ни старался я заснуть, но это мнѣ никакъ не удавалось. Образы всей крестьянской семьи моихъ хозяевъ и переносимыя ими трудности жизни безпрестанно возставали въ моемъ воображеніи. При этомъ я задавалъ себѣ вопросъ: еслибы весь этотъ людъ имѣлъ возможность съ ранняго дѣтства научиться читать и притомъ непремѣнно что-нибудь полезное, то неужели бы оттого не улучшились всѣ условія его жизни? Матти хотя читалъ мало, но чтеніе вліяло на него хорошо. Сѣмя печатнаго слова упало на добрую землю и принесло плодъ. Но не побьетъ ли морозъ это еще не убранное въ житницу зерно? вотъ въ чемъ вопросъ. Будетъ ли его жажда

познаній возрастать или ослабѣвать, а, можетъ быть, и совсѣмъ пропадетъ, заглохнетъ подъ гнетомъ самыхъ необходимыхъ житейскихъ нуждъ, которыми постоянно грозитъ крестьянину морозъ? Если же этотъ злой врагъ сразу, однимъ ударомъ, уничтожитъ урожай, на который возлагалось столько надеждъ, для полученія котораго потратилось столько трудовъ и усилій—если не смотря на все это, при постоянномъ недостаткѣ хлѣба, крестьянамъ придется еще хуже того—голодать, страшно подумать объ этомъ! Матти уже нечего будетъ и думать о «газетѣ»; его жажда знаній заглохнетъ, имѣя постоянно передъ глазами цѣлую голодающую семью и уступая болѣе насущнымъ и болѣе неумолимымъ требованіямъ, чѣмъ даже требованія Эркки изъ Тинкилэ. Можетъ быть, не только онъ, но и всѣ прочіе члены семьи предадутся безвыходному чувству отчаянія!

Но еслибы они своевременно получили возможность развить свой умъ знаніями, то, можетъ быть, устроили бы все ранѣе и лучше чѣмъ теперь. Они бы скорѣе расплатились съ своимъ долгомъ, еслибы прежде хватились осушить сосѣднее болото, какъ причину мороза, постоянно уничтожающаго всѣ усиленные труды ихъ рукъ. Можетъ быть, еслибы вмѣсто ржи, они сѣяли траву, которая давала бы имъ хорошій урожай сѣна и которая не такъ терпитъ отъ мороза какъ всякій зерновой хлѣбъ, то не терпѣли бы такой нужды какъ теперь. Еслибы то, еслибы другое и я все придумывалъ разные способы, которые могли бы вывести эту работящую семью изъ ея тягостнаго положенія, а между тѣмъ сонъ не приходилъ ко мнѣ и я не могъ сомкнуть глазъ. Такъ угнетали меня мысли о душевныхъ, хотя и временныхъ, страданіяхъ людей мнѣ подобныхъ! Но я думалъ не исключительно только о семьѣ моихъ хозяевъ, а о судьбѣ всего нашего простонародья. Въ обитателяхъ этого уединеннаго крестьянскаго двора я видѣлъ типъ цѣлаго крестьянства, съ его горестями, бѣдствіями и борьбою со всякаго рода нуждой. Въ личности сыновей стараго крестьянина отражался національный характеръ финскаго упорства въ трудѣ и финской выносливости,—который все разсчитываетъ, что морозъ пощадитъ засѣянныя ими поля, и потому такъ спокойно и равнодушно относится къ этому обстоятельству, какъ будто къ вещи неизбѣжной и самой обыкновенной. Только одинъ старикъ находился постоянно подъ впечатлѣніемъ страха, въ ожиданіи худшаго, и это настроеніе сложилось у него вслѣдствіе того, что время достаточно пріучило его къ покорности. Мнѣ думалось, что пора бы морозу сжалиться надъ нашими крестьянами и надъ моимъ старикомъ-хозяиномъ въ осо-

бенности, потому что онъ уже и безъ того такъ много потерпѣлъ отъ него. Наконецъ, я сталъ замѣчать, что мысли мои начинаютъ путаться и я заснулъ.

Такъ какъ человѣческіе сны вообще находятся въ связи съ тѣмъ, что занимало умъ во время предшествовавшаго сну бодрствованія, то и мои грезы были какъ бы продолженіемъ моихъ мыслей на яву. Мнѣ снилось, будто я вышелъ ночью въ поле въ половинѣ августа. Небо было совершенно чистое и ясное. Ночь тихая, передъ моими глазами разстилалось, на большое пространство, поле густой, высокой, поспѣвающей ржи, обѣщавшей хорошую жатву, причемъ вдоль хлѣбныхъ стеблей собирались капли росы, медленно падавшія на землю. Казалось, что этимъ хлѣбамъ уже нечего бояться, и когда набѣгалъ легкій вѣтерокъ, покачивавшій колосъ, то этотъ шелестъ походилъ какъ бы на дыханіе ихъ. Вдругъ изъ-за утеса съ сѣвера сталъ показываться полный обликъ луны. Я невольно обернулся въ ту сторону и увидалъ гигантскаго роста древняго старика, который шелъ слѣдомъ за луной; по мѣрѣ того какъ онъ подвигался впередъ, онъ становился все длиннѣе и былъ бѣлый, какъ снѣгъ. Все платье его было изо льда, а на подолѣ и вокругъ рукавовъ висѣли ледяныя сосульки въ видѣ бахромы. У него была необыкновенно густая и длинная борода, которая спускалась ниже колѣнъ и, такъ же какъ его брови, была вся усѣяна ледяными колючками, блестѣвшими разными переливчатыми цвѣтами при лунномъ свѣтѣ. Такими же точно украшеніями покрыты были его волосы, спускавшіеся до самой земли. На рукахъ надѣты были огромныя ледяныя рукавицы, ноги обуты въ большіе ледяные сапоги, а на головѣ была ледяная шапка, имѣвшая видъ горшка.

Прошедши нѣкоторое разстояніе такимъ образомъ, луна вступила съ своимъ спутникомъ въ разговоръ и я услыхалъ слѣдующее:

— Не ходи за мною; ты появляешься только затѣмъ, чтобы причинить вредъ и сдѣлать зло людямъ, которые уже знакомы съ твоими ранними посѣщеніями и называютъ тебя морозомъ.

Такъ этотъ старикъ-великанъ и есть морозъ! — подумалъ я, и невольная дрожь пробѣжала у меня по спинѣ. Нужно однакожъ хорошенько вглядѣться въ него! —мысленно добавилъ я.

— Какая мнѣ нужда заботиться о томъ, что я причиняю имъ вредъ, я иду туда, гдѣ нахожу поживу, и мнѣ дѣла нѣтъ до употребляемыхъ ими предосторожностей. Я —меньшой сынъ сѣвернаго вѣтра и теперь для меня самое удобное время начать

мой обходъ. Вѣдь надо же и мнѣ чѣмъ-нибудь жить!—отвѣчалъ старикъ.

— Ищи себѣ пищи въ полярныхъ странахъ, у Ледовитаго моря и на вершинахъ горъ, а не около человѣческихъ жилищъ, гдѣ ты дѣлаешь столько опустошеній. Или по крайней мѣрѣ, отложи твое посѣщеніе до другого времени, когда твое появленіе уже не причинитъ такого вреда. Тебѣ и безъ того найдется много работы. Поди, заключай въ свои объятія бурныя моря и озера; укрощай стремительное теченіе рѣчныхъ волнъ, сдѣлая ихъ неподвижными, и закуй льдомъ болота и топи, превращая ихъ въ сплошную массу льда. Тебѣ въ пору справиться только съ этимъ; пожалуйста отложи свое посѣщеніе теперь! — продолжала упрашивать луна.

— Вся то работа, которую перечислила ты теперь, это—уже дѣло моего старшаго брата, которому имя — холодъ, и все это лежитъ прямо на его обязанности; да притомъ срокъ его времени уже близокъ, — отвѣчалъ ледяной великанъ.—Я долженъ приходить раньше, а онъ уже придетъ послѣ, потому что необходимо прежде мнѣ сдѣлать свое дѣло, чтобы онъ могъ успѣшнѣе исполнить свое. Сегодня мой первый выходъ передъ осенью и я не допущу, чтобы кто-нибудь помѣшалъ мнѣ исполнить то, чтó должно быть сдѣлано!—сердито отвѣчалъ старикъ, отряхая и выбивая ледъ изъ своей одежды, откуда вдругъ посыпалась масса изморози, падая на землю, причемъ на меня повѣяло холодомъ. Мнѣ хотѣлось крикнуть морозу: не ходи сюда и не причиняй намъ бѣды! Но взглянувъ ему въ лицо, я убѣдился, что съ такимъ упрямцемъ сладить невозможно. И вотъ онъ сталъ приближаться къ полю, принадлежащему той крестьянской семьѣ, которая дала мнѣ ночлежный пріютъ.—Остановись, не иди дальше и пощади уже почти созрѣвшую къ жатвѣ рожь моихъ хозяевъ! —закричалъ я ему. Вѣдь тогда Матти останется безъ «газеты»; слѣпой, столько испытавшій на своемъ вѣку старикъ-отецъ долженъ будетъ питаться хлѣбомъ съ подмѣсью древесной коры, казна и Эркки изъ Тинкилэ, не смотря ни на что, будутъ требовать уплаты податей и долга и вся семья доведена будетъ до самой крайней бѣдности!

Но морозъ, не обращая вниманія на мои мольбы, остановился посреди принадлежащаго моимъ хозяевамъ поля и началъ изо всей силы отряхивать свою одежду, отчего все поле побѣлѣло и колья стояли точно окаменѣвшіе, а покрывавшія ихъ капли росы превратились въ маленькія льдинки. Непріятный, холодный

туманъ охватилъ всю окрестность и въ воздухѣ почувствовалась мгновенно сильная, насквозь пронизывающая стужа.

«Господи! Что же это такое!» — со стономъ произнесъ я и тотчасъ же проснулся отъ звука своего собственнаго голоса. Этотъ сонъ такъ напугалъ меня, что я дрожалъ какъ въ лихорадкѣ и долго не могъ успокоиться отъ его тягостнаго впечатлѣнія. Вся крестьянская семья спала крѣпкимъ сномъ, утомившись отъ усиленной работы. Между тѣмъ, солнце стало всходить. Но сонъ мой все еще продолжалъ меня безпокоить и я невольно подумалъ: ужъ не оправдалось ли предчувствіе старика-хозяина? Я началъ вставать. Къ этому побуждали меня двѣ причины: во-первыхъ, мнѣ нужно было, не теряя времени, отправиться въ дальнѣйшій путь, а во-вторыхъ, мнѣ прежде хотѣлось взглянуть, чтó дѣлалось на дворѣ.

Я одѣлся и вышелъ; но только лишь переступилъ за порогъ избы, какъ увидалъ, что вся земля была бѣлая, точно была покрыта снѣгомъ. Сердце мое болѣзненно сжалось, у меня потемнѣло въ глазахъ и я почувствовалъ, что ноги мои подкашиваются, потому что на себѣ я неоднократно испытывалъ причиняемыя морозомъ бѣдствія. Морозъ въ эту ночь былъ такъ жестокъ и захватилъ такое большое пространство, что, пострадала не только моя родная деревушка, весь приходъ и вся губернія, но чуть ли не вся Финляндія! Но ни моя собственная бѣда, ни чья-нибудь посторонняя, не сокрушала меня въ такой степени, какъ бѣда, постигшая крестьянскую семью, гдѣ я провелъ ночь, и я, съ грустью въ сердцѣ, отправился обозрѣвать ближайшія хлѣбныя и картофельныя поля. Я ощупалъ стволъ хлѣбной соломы и картофельный листъ; то и другое оказалось такимъ промерзлымъ, что ломалось при малѣйшемъ прикосновеніи.

Я сорвалъ нѣсколько стеблей и воротился въ избу. Когда я подходилъ туда, то услыхалъ, что кто-то отворяетъ наружную дверь, и остановился, чтобъ посмотрѣть, кто выйдетъ на дворъ. И что же я увидѣлъ? Слѣпой старикъ, совсѣмъ одѣтый, переступилъ порогъ сѣней и собирался сойти съ крыльца. Сошедши внизъ, онъ нагнулся къ землѣ и повелъ рукою по травѣ. Какъ будто ужаленный змѣей, онъ быстро отскочилъ въ сторону и отчаяннымъ голосомъ вскрикнулъ:

— Господи, Боже мой! Теперь все пропало!

Потомъ, едва держась на ногахъ, побрелъ тихими шагами въ избу, съ трудомъ взбираясь на ступени крыльца и держась обѣими руками за перила; наконецъ, ощупью по стѣнѣ, взошелъ

въ избу. Я осторожно слѣдовалъ за нимъ, чтобъ онъ не замѣтилъ моего присутствія.

Всѣ прочіе члены семьи еще спали сладкимъ сномъ. Остановившись посреди избы, старикъ сказалъ громкимъ, надрывающимъ сердце голосомъ:

— Вы тутъ спите и ничего не чуете; вставайте! Нашъ губитель опять все отнялъ у насъ! Теперь все пропало! И труды, и безпокойства, и усталость, и хлопоты, и надежды на будущее, все, все пошло прахомъ!

Какъ громовымъ ударомъ поразили ихъ слова слѣпого старика-дѣда, произнесенныя надъ ихъ головами вмѣсто утренняго благословенія. Всѣ вскочили съ своихъ постелей и принялись проворно одѣваться. Эта суматоха разбудила также и дѣтей. Однакожъ, никто изъ семьи не вышелъ на дворъ, чтобъ провѣрить слова старика; они знали, что онъ никогда не ошибался, и потому всѣ молча сидѣли на скамейкахъ вокругъ стѣнъ избы.

— Чтожъ мы теперь будемъ ѣсть?—произнесъ со вздохомъ старшій изъ сыновей.

— Вотъ велика важность ѣда!—возразилъ ему на это второй.—Ты скажи лучше, чѣмъ заплатимъ мы казенныя подати, когда еще за нами есть прошлогодняя недоимка?

— Чѣмъ заплатимъ нашъ долгъ Эркки изъ Тинкиля?—горевалъ третій.

— Ну, теперь прощай моя газета!—печально, въ полголоса проговорилъ Матти.

— Дѣдушка, дай намъ хлѣбца! Мы ѣсть хотимъ!—кричали въ свою очередь дѣти, цѣпляясь за старика.

— Господи! Чѣмъ виноваты эти бѣдняжки? За что же вы будете страдать, мои птенчики?—произнесъ старикъ дрожащимъ, надорваннымъ голосомъ, лаская ребятокъ.

— Забылъ насъ Господь!—жалобилась чуть слышнымъ голосомъ старуха.

— Да, покинулъ насъ Господь! Мы теперь лишились всего! —какъ бы въ отвѣтъ на ея слова отозвался старикъ.

— Нѣтъ, Господь только посылаетъ намъ испытаніе, но никогда не покидаетъ насъ! — поспѣшилъ вмѣшаться со своей рѣчью Матти. — Развѣ вы забыли о «крестьянинѣ Пааво», родимые мои батюшка и матушка? Вѣдь онъ не отчаявался, когда Господь испытывалъ его разными бѣдствіями. И для насъ еще не все потеряно. Мы можемъ начать добывать деготь и смолу. Намъ нужно только какъ-нибудь перебиться въ самое трудное время. А я ужъ, такъ и быть, обойдусь и безъ газеты!

— Ты правильно разсудилъ, сынокъ! — сказалъ старикъ, стараясь улыбнуться.

Такъ какъ мнѣ нужно было продолжать мой путь, то я сталъ собираться уходить. Простившись съ моими хозяевами и поблагодаривъ слѣпого дѣда за гостепріимство и радушіе, я, при разставаньѣ, сказалъ Матти, что онъ не останется «безъ газеты», прося его только назвать мнѣ ту, которую онъ желаетъ получать; что я выпишу ее для него и что ему только понадобится ходить за нею къ приходскому священнику. Матти былъ такъ обрадованъ этимъ, что даже припрыгнулъ на мѣстѣ, захлопалъ въ ладоши и тотчасъ же вызвался проводить меня. У Матти не было средствъ выписать себѣ газету, но зато было много молодыхъ, здоровыхъ силъ. Въ эту минуту онъ видѣлъ все въ розовомъ цвѣтѣ, даже совершенно забылъ о морозѣ, убившемъ почти весь годовой урожай, и наконецъ остановилъ свой выборъ на «Oulun Wiikko-Sanomia», какъ на газетѣ, съ которой онъ уже былъ нѣсколько знакомъ.

Итакъ, мы отправились въ дорогу. Проводникъ былъ человѣкомъ далеко не лишнимъ въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ проложенныя тропинки очень сбивчивы, въ особенности находящіяся между озеръ. Матти проводилъ меня черезъ все протяженіе пути, гдѣ собственно могла встрѣтиться для незнакомаго человѣка опасность заблудиться, и мы шли тихо, не спѣша, такъ какъ у насъ нашлось не мало предметовъ, о которыхъ мы могли поговорить. Я толковалъ ему о свойствахъ мѣстнаго хозяйства, о пользѣ осушенія топей, доказывалъ необходимость ходатайствовать у правительства о ссудѣ для осушенія находящагося по близости ихъ выселка большого болота, какъ причины сильныхъ морозовъ, и по этимъ предметамъ сообщилъ ему нѣсколько общихъ совѣтовъ и наставленій. Онъ съ жадностью ловилъ каждое слово изъ тѣхъ крайне скудныхъ поученій, которыми я могъ снабдить его. Дошедъ до того мѣста, гдѣ мы должны были разойтись въ разныя стороны, мы усѣлись на большую кочку, чтобъ еще поговорить кое о чемъ. Дружески, крѣпко пожавъ другъ другу руки, мы разстались, и Матти отправился домой. Во все время нашего пути, онъ, повидимому, не замѣчалъ, что все было побито морозомъ, который мѣстами еще покрывалъ землю какъ саваномъ, что на всѣхъ лужахъ была ледяная кора и что замерзшая придорожная грязь сдѣлалась тверда какъ камень. Я продолжалъ слѣдить за нимъ глазами, пока онъ совсѣмъ не скрылся отъ моихъ глазъ. «Почему», «зачѣмъ», «еслибы», безпрестанно

вертѣлись у меня въ головѣ во все время, пока я продолжалъ одиноко совершать мой путь.

Когда я дошелъ до другихъ, находившихся на моей дорогѣ деревень, то убѣдился, что морозъ въ своихъ опустошеніяхъ не ограничился только полями того крестьянскаго семейства, у котораго я переночевалъ. Всюду хлѣба были побиты, картофельная ботва вся почернѣла и повалилась на землю, а въ воздухѣ стоялъ какой-то сладковатый запахъ. Вскорѣ я услыхалъ, что во многихъ мѣстахъ было то же самое. Хотя при этомъ несчастіи пострадало много, очень много людей и суровый гость не пощадилъ никого, но бѣдствіе, постигшее слѣпого дѣда съ его семействомъ, безпрестанно возставало передъ моимъ воображеніемъ, и къ этому невольно присоединялось воспоминаніе о Матти. Еще до окончанія моего путешествія я, при первой возможности, подписался для него на газету «Oulun Wiikko-Sanomia», предварительно купивъ и отправивъ къ нему нѣсколько полезныхъ книгъ.

Картина, видѣнная мною во время моего путешествія, никогда не изгладится изъ моей памяти; такъ что я рѣшился когда-нибудь напечатать все видѣнное мною въ газетахъ, но по разнымъ причинамъ не могъ этого исполнить.

Послѣ всего описаннаго выше прошло десять лѣтъ. Въ одинъ осенній вечеръ, въ мою комнату вошелъ высокій, худощавый человѣкъ. Поздоровавшись со мною, онъ подошелъ ко мнѣ ближе и сказалъ:

— «Вы, кажется, совсѣмъ не узнаете меня?»

Взглянувъ на незнакомца, мнѣ показалось, что я видѣлъ его прежде; но никакъ не могъ припомнить, гдѣ и когда. Пристальнѣе всмотрѣвшись въ его лицо, у меня мелькнуло въ головѣ, что это долженъ быть Матти, меньшой сынъ слѣпого старика. Я привѣтствовалъ молодого человѣка дружескимъ рукопожатіемъ, въ видѣ закрѣпленія нашего прежняго знакомства; пригласилъ Матти сѣсть и выкурить трубку. Онъ сообщилъ мнѣ, что пріѣзжалъ въ эту сторону для исполненія нѣкоторыхъ порученій, но что не вытерпѣлъ, чтобъ не навѣстить меня, хотя это было ему и не по дорогѣ. Онъ разсказалъ мнѣ о всѣхъ членахъ семьи и о своихъ домашнихъ обстоятельствахъ, добавивъ, что исправно получилъ посланныя мною ему книги и газету. Случайно попалась ему въ руки еще другая газета, которую онъ тоже сталъ выписывать и теперь постоянно получаетъ двѣ газеты. Библіотека его состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ томовъ и онъ ежегодно увеличиваетъ ее, смотря по количеству дохода и когда представится къ тому случай. Старикъ рѣшился ходатайствовать у правительства о

выдачѣ ему ссуды, которую и получилъ для осушки болота, превратившагося теперь въ отличные луга, съ которыхъ собирается большой запасъ сѣна, и что вообще морозовъ теперь почти совсѣмъ не бываетъ, такъ что семья уже не находится подъ страхомъ лишиться всего своего урожая.

Старикъ-отецъ все еще живъ и продолжаетъ няньчить внуковъ. Теперь уже у него постоянно печется чистый, ржаной хлѣбъ. Когда получаютъ газеты, то онъ требуетъ, чтобъ ему прочли каждый нумеръ, съ начала до конца. Тоже и съ книгами.

Старуха-мать и трое дѣтей старшаго брата померли. Семья продолжаетъ жить вмѣстѣ и усердно работаетъ подъ руководствомъ старика, который распоряжается всѣмъ хозяйствомъ. Старикъ часто вспоминаетъ обо мнѣ и считаетъ мое случайное посѣщеніе для себя Божьей благодатію. Самъ Матти такого же мнѣнія на этотъ счетъ. Теперь онъ женатъ и у него уже трое дѣтей. Годъ тому назадъ крестьянское общество выбрало его представителемъ своихъ интересовъ; онъ въ настоящее время уже исходатайствовалъ то, что̀ они ему поручили, и это самое обстоятельство привело его теперь сюда. Такъ какъ онъ самъ получилъ много пользы отъ чтенія, то намѣревается, при случаѣ, уговорить прочихъ крестьянъ основать у себя приходскую библіотеку.

II.—ПОПУТЧИКЪ.

Былъ конецъ марта. Погода стояла хорошая и на всемъ уже были видны признаки близкаго наступленія весны. Весело чирикали сидѣвшія на деревьяхъ птички, вознося свой хвалебный гимнъ Творцу всей природы. Санный путь хотя еще и не совсѣмъ рушился, но уже былъ очень испорченъ; дороги вездѣ стали вязкія и грязныя, а въ иныхъ мѣстахъ уже была одна голая земля. Въ ручьяхъ и на рѣкахъ вода выступала поверхъ льда, и только ночные морозы не давали имъ вскрыться совсѣмъ. Горные потоки надулись, какъ бы собираясь съ силами ринуться внизъ по своему прежнему руслу и какъ бы только выжидая теплаго дуновенія весны, по первому знаку которой они готовы тотчасъ же сбросить свои ледяные покровы, наброшенные на нихъ сковывающей рукой зимы. На нѣкоторыхъ, болѣе пригрѣтыхъ солнцемъ мѣстахъ изъ-подъ снѣга пробивались, въ видѣ желобковъ, тонкія струйки воды, превращавшіяся потомъ въ шумно бѣгущіе ручьи, стремившіеся въ лоно ихъ общей матери — большой рѣки.

Не смотря на плохое состояніе дорогъ и на самое неудобное для путешествій время года, я принужденъ былъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, отправиться изъ моей родной деревушки за предѣлы нашего округа.

Рано по утру догналъ я на дорогѣ другого человѣка, которому, также какъ и мнѣ, должно быть пришла нужда пуститься въ путь. Его заморенная лошаденка едва тащила тяжело нагруженный возъ, за которымъ онъ плелся пѣшкомъ, чтобъ не прибавлять собою еще лишней тяжести своей лошади. Поравнявшись съ нимъ, я выскочилъ изъ саней и подошелъ къ моему попутчику, съ цѣлію завести съ нимъ разговоръ.

— Здорово, старинушка! — привѣтливо сказалъ я.

— Спасетъ Богъ! — отвѣчалъ онъ, не поворачивая ко мнѣ головы.

Тутъ я имѣлъ возможность еще ближе разсмотрѣть моего попутчика. Лошадь его имѣла положительно видъ остова, а кладь воза состояла изъ двухъ бочекъ смолы. Вся сбруя была въ ужасномъ видѣ, хомутъ привязанъ былъ къ оглоблямъ тонкими, перекрученными прутьями и такими же прутьями, съ безконечными узлами, связаны были почти совсѣмъ измочалившіяся вожжи. Въ саняхъ лежала охабка плохого сѣна, для корма лошади во время дороги, и, по всей вѣроятности, въ длинномъ, туго набитомъ мѣшкѣ, уложенномъ въ передкѣ саней между бочекъ со смолой, былъ также кормъ для лошади, очевидно состоявшій изъ сѣчки. Кромѣ того, въ саняхъ находился еще небольшой берестовый кузовокъ, въ которомъ, должно полагать, заключалась съѣстная провизія самого крестьянина. Самъ онъ одѣтъ былъ въ изношенный, дырявый кафтанъ, низко подпоясанный обрывкомъ старой веревки. У кафтана не было никакихъ застежекъ, которыя могли бы придержать на груди запахнутыя полы, а обрывокъ веревки былъ слишкомъ коротокъ для того, чтобъ обвернуть его еще разъ покрѣпче вокругъ тѣла; такъ что это рубище едва покрывало его, а сквозь лохмотья рубашки видна была голая грудь.

Обувь его была также ветха, что можно было заключить по множеству покрывавшихъ ее заплатъ и по клочкамъ соломы, торчащимъ изъ-подъ пятокъ полу-отвалившихся подошвъ. Если еще добавить къ этому пару изодранныхъ рукавицъ, да совсѣмъ вытертую мѣховую шапку, то читатели получатъ полное понятіе о внѣшнемъ видѣ этого бѣдняка.

Какъ я уже сказалъ выше, старикъ шагалъ возлѣ воза, потому что ему не было мѣста въ саняхъ, нагруженныхъ двумя

смоляными бочками, тяжесть которыхъ и безъ того оказывалась непосильной для измученной лошаденки, въ особенности при такой дурной дорогѣ. Когда возу приходилось тащиться по голой землѣ, то старикъ изо всѣхъ силъ пособлялъ своей скотинкѣ, которая едва передвигала ноги, обливаясь потомъ и надрываясь. При этомъ, когда случались на пути глубокія, наполненныя водою, рытвины, старикъ не обращалъ на нихъ вниманія и ступалъ прямо въ эту холодную какъ ледъ воду, бульканье которой изъ-подъ отвалившихся подошвъ его обуви слышалось при каждомъ его шагѣ.

— Куда путь держишь?—спросилъ я, окончивъ мои наблюденія и желая завязать разговоръ.

— Въ городъ!—коротко и уныло отвѣчалъ старикъ.

— Плохое же время выбралъ ты для поѣздки въ городъ; вѣдь ужъ санный путь совсѣмъ портится!—сказалъ я.

— Ужь чего хуже теперешняго пути, да нельзя мнѣ было дожидаться, когда онъ поправится!—возразилъ онъ.

— Что же заставило тебя отправиться въ такую ростополь?.. —продолжалъ я любопытствовать.

— Нужда не спрашиваетъ, хороша или дурна дорога; когда говорятъ: «подавай долгъ!» такъ по неволѣ поѣдешь!..—сказалъ бѣднякъ упавшимъ голосомъ, бросивъ на меня робкій, тоскливый взглядъ.

Тутъ я въ первый разъ взглянулъ попристальнѣе въ лицо моего попутчика. Изнуренное, покрытое морщинами, оно говорило о преждевременно наступившей старости этого человѣка, причемъ однакожъ фигура его была далеко не стариковская.

— Кто же этотъ строгій кредиторъ, который заставилъ тебя ѣхать въ городъ по такому ужасному пути?—спросилъ я.

— Пасторъ!—коротко отвѣтилъ крестьянинъ.

— Пасторъ?—переспросилъ я въ удивленіи.—Развѣ ты такъ много долженъ ему?

— Нѣтъ, не много; только прошлогодній десятинный сборъ,— сказалъ крестьянинъ, вздохнувъ.

— Только прошлогодній десятинный сборъ!—Да чтожъ ты не сходилъ къ нему и не попросилъ подождать?

— Да ужъ я ходилъ къ нему раза два; а можетъ быть, и больше.

— Ну, что же онъ сказалъ тебѣ?

— Онъ разсердился на меня и закричалъ:—Суму что ли мнѣ надѣть для васъ, олуховъ? Вы только и смóтрите, какъ бы кого обокрасть!—Я опять со слезами сталъ просить его подо-

ждать на мнѣ мой долгъ, онъ все таки не сжалился надо мной и прогналъ меня!—Сказавъ это, бѣднякъ взглянулъ на меня такъ грустно, что сердце мое невольно сжалось.

— Жестокосердый же у васъ пасторъ, что не могъ подождать съ тебя долга хотя до того времени, когда дороги поправились бы вездѣ совершенно! — сказалъ я съ негодованіемъ.

— Я также подумалъ, что онъ могъ бы подождать. Да вѣдь я человѣкъ простой, этихъ вещей не понимаю; пасторъ навѣрное лучше это знаетъ. Развѣ ему мало заботы объ нашихъ душахъ?—вѣдь за нихъ онъ долженъ дать большой отвѣтъ Богу! Такъ вотъ, можетъ быть, поэтому онъ и требуетъ, чтобъ ему исправно платили десятинный сборъ. Какой онъ мастеръ говорить проповѣди и всю церковную службу исправляетъ хорошо! Я не жалуюсь на пастора, да только не могу заплатить ему всего, хотя радъ всей душой. Правда, многіе говорятъ, что у него много, да вѣдь ему много и надо за большой отвѣтъ, который онъ держитъ за насъ передъ Богомъ; стало быть, нельзя же намъ не платить ему десятинный сборъ!—разсуждалъ бѣднякъ въ простотѣ сердечной.

Этотъ простой разговоръ далъ мнѣ понятіе о томъ, какая чистая душа была у моего попутчика. Онъ навѣрное въ своей жизни испыталъ гораздо болѣе всякихъ нуждъ и лишеній, чѣмъ его приходскій пасторъ, матеріальными благами котораго онъ былъ такъ озабоченъ. Борясь всю свою жизнь со скудной природой, съ разнаго рода хозяйственными недостатками, съ нищетой, онъ твердо помнилъ одно — что обязанъ отдавать другому, что̀ слѣдуетъ—хотя бы ему самому угрожало еще худшее состояніе, можетъ быть, голодная смерть. Его печалило собственно то, что онъ не смогъ исполнить своихъ обязательствъ. Я, въ необдуманномъ порывѣ, назвалъ пастора жестокосердымъ; а онъ не раздѣлялъ моего мнѣнія; даже болѣе, онъ не осуждалъ пастора, который своимъ требованіемъ налагалъ на него непосильную тяготу.

— Мнѣ только горько показалось, когда пасторъ назвалъ меня воромъ! Я никогда не кралъ и не хочу красть; я не могу только заплатить ему моего долга, потому что нечѣмъ!—снова повторилъ онъ, думая пояснить мнѣ тѣмъ свою мысль.—Далъ бы Богъ мнѣ продать въ городѣ эту смолу, тогда я заплатилъ бы мой долгъ пастору и не довелъ бы себя до взысканія! — прибавилъ онъ, послѣ чего сдѣлался нѣсколько сообщительнѣе.

Меня интересовало узнать поподробнѣе всѣ условія его

жизни, и я, чтобъ не показаться ему любопытнымъ, спросилъ его равнодушнымъ тономъ:

— Отчего у тебя лошадь такая худая? Вѣдь она, пожалуй, и не довезетъ бочекъ до города!

— Правда, что она ужъ больно плоха. Да съ чего ей и быть сытой, когда она не видитъ другого корма, кромѣ плохого сѣна, да воды?

— Всякій крестьянинъ обыкновенно первымъ дѣломъ старается прежде накормить свою лошадь,—замѣтилъ я.

— Оно конечно такъ; да чтобъ такъ говорить, надо знать, почему лошадь не накормлена какъ слѣдуетъ. Когда у человѣка весь хлѣбъ побило морозомъ, то онъ думаетъ только о томъ, какъ бы самому съ семьей не умереть съ голоду; досугъ ли помнить о кормѣ лошади, когда и наша собственная пища не лучше скотской. Мы ѣдимъ то, чего не станетъ, можетъ быть, ѣсть ваша лошадь!—сказалъ онъ, взглянувъ мнѣ прямо въ глаза и какъ бы удивляясь, что я не понимаю его положенія.

— Такъ по крайней мѣрѣ ты могъ бы починить свою обувь; посмотри, вѣдь подошва чуть держится и ноги у тебя промочены насквозь,—продолжалъ я частію изъ желанія узнать дальнѣйшія подробности его положенія, частію вслѣдствіе предположенія, что онъ, можетъ быть, по природѣ своей неряшливый человѣкъ.

— Да, побывали бы вы въ моей шкурѣ, такъ не сказали бы этого! Когда у человѣка жена, да шестеро голодныхъ и почти голыхъ ребятъ, такъ ему некогда уже заниматься своей одеждой и обувью. Были починены эти сапоги и не одинъ разъ послужили они мнѣ довольно; было и для нихъ время, да сплыло. Съумѣлъ бы и я получше и почище одѣться, да не на что!—проговорилъ онъ подавленнымъ голосомъ.

— Откуда ты родомъ?

— Изъ деревни, что въ самомъ углу здѣшняго округа.

— Какъ тебя зовутъ?

— Матти «изъ Голодныхъ бобылей», такъ ужъ всѣ привыкли называть меня; да оно и правда: всю жизнь свою я голодалъ на моей родинѣ.

— Отчего же это?

— Да такъ ужъ вышло. Наша изба поставлена была на пустырѣ, котораго уже никому не нужно было, потому что вокругъ него были только топи, да болота. Построиться тутъ вздумалъ еще мой покойникъ отецъ, пробовалъ осушать это болото въ свое время, а морозъ и до сихъ поръ по прежнему каждый годъ побиваетъ у насъ хлѣбъ.

— Отчего же ты не уйдешь съ этого мѣста? Развѣ не нашлось бы гдѣ-нибудь другого, получше?

— Это не такъ легко сдѣлать. Какъ же мы уйдемъ оттуда, когда за него никто ничего не дастъ; а на какія деньги мы купимъ другое? Намъ больше нечего дѣлать и лучше уже оставаться тамъ, чѣмъ шататься зря, да нищенствовать; ужъ надо какъ нибудь доживать свой вѣкъ. Только бы Богъ далъ продать эту смолу, чтобъ съ долгомъ-то расплатиться.

— Ты это прошлогоднюю смолу везешь въ городъ?

— Нѣтъ. Гдѣ ужъ намъ имѣть запасную смолу? Что выгонишь заразъ смолы, то и продашь сейчасъ же. Я только недавно выгналъ ее, вылилъ въ бочки, да и повезъ въ городъ.

Тѣмъ временемъ, мы подъѣхали къ постоялому двору, гдѣ крестьянинъ хотѣлъ покормить свою лошадь и дать ей отдохнуть. Хотя моя лошадь не везла никакого воза, но я ѣхалъ тоже не мало времени и потому рѣшился послѣдовать примѣру моего попутчика. Когда мы стали заворачивать къ постоялому двору, то полозья саней крестьянина бороздили голую, размятую въ грязь землю, врѣзываясь въ нее; видя, что бѣдная лошаденка надрывается стащить возъ съ этого мѣста, мы оба уперлись въ него сзади, чтобъ сколько-нибудь помочь ей двинуть его впередъ.

Выпрягши нашихъ лошадей и давъ имъ сѣна, каждый изъ насъ, захвативъ свои плетенки съ провизіей, вошли въ горницу, чтобъ немного закусить. Крестьянинъ досталъ что-то изъ своего коробка и сѣлъ въ самый уголъ на лавку, поближе къ печкѣ. Меня очень интересовало взглянуть, изъ чего состоитъ его дорожная пища, и я, подъ какимъ-то предлогомъ, подошелъ къ печкѣ. Скудость этого запаса поразила меня. Черенъ, черствъ и безвкусенъ былъ тотъ полузаплѣсневѣвшій каравай хлѣба съ примѣсью древесной коры, отъ котораго онъ отламывалъ небольшіе куски, запивая ихъ изъ кувшина, тоже взятой съ собою въ дорогу, какой-то мутной жидкостью, предварительно обмакивая ихъ въ бумажку съ щепоткой соли.

Я не могъ вынести этого зрѣлища и отвернулся. Принявъ на себя спокойный и равнодушный видъ, въ то время, какъ сердце мое болѣзненно сжималось отъ сожалѣнія, я обратился къ моему попутчику съ слѣдующими словами:

— Иди сюда! позавтракаемъ вмѣстѣ моимъ дорожнымъ запасомъ.

Крестьянинъ быстро вскинулъ на меня глаза, но ничего не отвѣтилъ и продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ. Не разслышалъ ли онъ хорошо того, что я сказалъ ему, или, глядя на свою

убогую трапезу, онъ не рѣшился принять такое добровольное и щедрое угощеніе.

— Поди сюда, пожалуйста, и поѣшь моего хлѣба-соли! — сталъ я упрашивать его.

— Да за что же вы будете кормить меня? — отозвался онъ, засовывая свою провизію въ плетенку. Потомъ онъ медленно всталъ и тихими шагами приблизился ко мнѣ, все еще продолжая недовѣрчиво смотрѣть на меня, какъ будто подозрѣвая, не пошутилъ ли я надъ нимъ.

— Вѣдь ужъ мы настолько познакомились, что я могу, по-пріятельски, предложить тебѣ позавтракать вмѣстѣ со мной и принять отъ меня это небольшое угощеніе. Садись, сдѣлай милость, и ѣшь, не стѣсняясь! — продолжалъ я снова убѣждать его.

Наконецъ онъ согласился, и я долженъ сказать правду, что онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и какъ можетъ вообще ѣсть проголодавшійся человѣкъ.

Тутъ мы разстались. Крестьянинъ продолжалъ свой путь въ городъ, а я поѣхалъ дальше по своимъ дѣламъ.

Слѣдуя моей дорогой уже одинъ, я не могъ отдѣлаться отъ воспоминанія о крестьянинѣ, съ которымъ судьба свела меня такъ случайно. Его смоpенная лошаденка, скудный кормъ ея, такой же какъ пища самого крестьянина, рубище, въ которое онъ былъ одѣтъ, его преждевременно состарѣвшееся лицо, — все это живо и неотвязно представлялось мнѣ каждую минуту. А въ ушахъ постоянно слышались слова: «Да, побывали бы вы въ моей шкурѣ, такъ не сказали бы этого!»

Съ этими мыслями я все ѣхалъ, да ѣхалъ впередъ, и день, и два, заботясь только о томъ, чтобъ править лошадью; да вѣдь другого дѣла, впрочемъ, и не можетъ быть у человѣка, который пустился въ дорогу одинъ.

На одномъ поворотѣ я увидалъ большой и прочно выстроенный домъ приходскаго пастора. Усадьба примыкала къ обширному хлѣбному полю; всѣ хозяйственныя постройки были одна лучше другой и всѣ поставлены въ рядъ. Это уже не похоже было на какой-нибудь жалкій крестьянскій выселокъ, съ развалившимися крышами и плетнями, гдѣ происходитъ столько борьбы съ разными лишеніями и гдѣ кончается человѣческая жизнь со всѣми ея тяготами, — гдѣ съ незапамятныхъ временъ длилась эта борьба и преждевременно гасла жизнь цѣлыхъ поколѣній, гдѣ было такъ мало радостей и пользованія плодами своихъ трудовъ;

зато какъ много вздоховъ, горя, страданій и притѣсненій! Можетъ быть, многіе изъ этихъ людей легли въ могилу, не въ состояніи будучи заплатить своему приходскому пастору прошлогодній десятинный сборъ. Да, да;—я думаю такихъ еще и теперь найдется не мало.

На высокой горѣ, на берегу большого озера, стояла, посреди сосноваго бора, красивая церковь. Нѣсколько поодаль, на мысу, выдававшемся въ озеро, расположена была сама пасторская усадьба, съ примыкавшимъ къ ней тѣнистымъ паркомъ. Дѣло, по которому я долженъ былъ отправиться въ путь, принадлежало къ разряду тѣхъ, которыя дѣлаютъ посѣщеніе пасторскаго дома неизбѣжнымъ. Внутренность дома была столь же красива, какъ и его внѣшность. Въ немъ были всѣ удобства, созданныя цивилизаціей новѣйшаго времени.

Пасторъ сидѣлъ въ покойномъ, мягкомъ креслѣ. Это былъ высокаго роста, полный и статный мужчина, про котораго уже никакъ нельзя было сказать, что онъ преждевременно состарѣлся. Этотъ самый господинъ и былъ тотъ пасторъ, въ приходѣ котораго находился Матти «изъ Голодныхъ бобылей», и ради уплаты долга которому послѣдній отправлялся теперь въ городъ, чтобъ выручить что-нибудь за свою смолу.

Подходя къ пастору, я увидалъ, что передъ нимъ стоитъ приходскій пономарь, котораго онъ распекалъ за какую-то неисправность. При этомъ я услыхалъ слѣдующее:

— Вотъ ты считаешь себя честнымъ человѣкомъ, а сказалъ ли ты мнѣ, хоть одинъ разъ, сколько у кого изъ прихожанъ коровъ? Между тѣмъ, я очень хорошо знаю, что ты ведешь имъ счетъ, потому что нерѣдко заглядываешь въ крестьянскіе дворы!—кипятился пасторъ.

— Кто? я?—отозвался пономарь.

— Да, ты! именно ты!—сказалъ пасторъ, пристально смотря ему въ лицо и какъ бы пронизывая пономаря своимъ взглядомъ.

— Да какъ же я могу вести счетъ всѣмъ крестьянскимъ коровамъ и знать, сколько у каждаго изъ прихожанъ домашняго скота?—отвѣчалъ пономарь смиреннымъ тономъ, какъ бы желая этимъ способомъ отклонить отъ себя пасторскій гнѣвъ.

— Кому же и знать, какъ не тебѣ, обо всемъ этомъ! Ты знаешь, но только скрываешь это отъ меня. Эти олухи обкрадываютъ и обсчитываютъ меня немилосердно, и тотъ, кто не хочетъ выдать ихъ, оказывается въ сущности ихъ сообщникомъ. А ты знаешь ли, какому наказанію подвергается человѣкъ за

воровство или за укрывательство воровъ?—продолжалъ не унимавшійся пасторъ.

Пономарь, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія. Въ немъ заговорило чувство оскорбленнаго самолюбія; онъ покраснѣлъ отъ злости, будучи не въ состояніи выносить такого рода упреки, и прерывающимся голосомъ сказалъ:

— Я полагаю, что нисколько не обязанъ ходить по крестьянскимъ дворамъ, чтобъ вести счетъ ихъ коровамъ и доносить объ этомъ господину пастору. Еще менѣе считаю себя отвѣтственнымъ передъ Богомъ и передъ людьми за какихъ-нибудь сверхкомплектныхъ коровъ. На свѣтѣ есть всякаго сорта люди; одни, которые только и думаютъ о томъ, какъ бы увеличить свои доходы; а другіе, какъ бы сократить свои расходы; такъ не обязанъ же я отвѣчать за нихъ также! А если кто часто заходитъ въ избы бѣдныхъ крестьянъ, да увидитъ ихъ нужды, тотъ пойметъ, что имъ не откуда взять лишняго, чтобъ отдавать другимъ! Я, можетъ быть, высказалъ вамъ свое мнѣніе слишкомъ рѣзко, господинъ пасторъ; но вы сами довели меня до этого.

Пришла очередь пастора покраснѣть. Онъ обрушился на пономаря, какъ бы желая подавить его силою своей начальнической власти, и закричалъ:

— Да знаешь ли ты, съ кѣмъ ты говоришь?

— Очень хорошо знаю. Я говорю съ господиномъ пасторомъ, который, къ сожалѣнію, человѣкъ далеко не мягкосердый!—сказавъ это, пономарь ушелъ, не простясь съ пасторомъ.

Я поспѣшилъ изложить сущность приведшаго меня сюда дѣла. Пасторъ находился въ крайне раздраженномъ состояніи духа; его, по всей вѣроятности, задѣли за живое правдивыя слова пономаря.

— Этотъ сорванецъ стоитъ горой за нашихъ олуховъ-крестьянъ; онъ радъ отдать за нихъ свою душу! И вѣдь нисколько не стыдится грубить такимъ образомъ людямъ, которые выше его по своему положенію! Онъ иногда позволяетъ себѣ такія дерзости, что многіе изъ моихъ собратій-пасторовъ нѣсколько разъ говорили мнѣ: «Еслибъ у меня былъ такой пономарь, то я согнулъ бы его въ бараній рогъ!» Да; попробуйте-ка его согнуть! Вы сами видѣли сейчасъ; развѣ можно сладить съ такимъ человѣкомъ!—сказалъ пасторъ, обращаясь ко мнѣ.

Я ничего не отвѣтилъ на это, потому что въ душѣ былъ убѣжденъ, что пасторъ самъ былъ причиною такой сцены; а затѣмъ я очень смиренно и вѣжливо приступилъ къ объясненію моего дѣла и это подѣйствовало на пастора успокоительнымъ образомъ. Онъ отвѣчалъ также вѣжливо, но сдержанно;

потомъ разговоръ перешелъ уже на другіе предметы. Пасторъ, если вѣрить его словамъ, хорошо зналъ нравы и обычаи крестьянства. Но при этомъ онъ выражалъ такого рода мнѣніе, нѣсколько разъ возвращаясь къ нему, что люди, или, правильнѣе, народъ, не умѣютъ понимать и цѣнить своихъ главныхъ доброжелателей и благодѣтелей. Пасторъ не сказалъ прямо, кого онъ считаетъ этими доброжелателями и благодѣтелями, но по тону его голоса и способу выраженій мнѣ весьма не трудно было догадаться, что онъ подразумѣвалъ самого себя, изображая въ своей личности чуть не мученика-страдальца.

Устроивъ свое дѣло, я простился и уѣхалъ.

Но тутъ опять возсталъ въ моемъ воображеніи Матти «изъ Голодныхъ бобылей» съ его тяжелымъ возомъ, нагруженнымъ смоляными бочками. Я мысленно сопоставлялъ различныя условія жизни, положеніе и матеріальныя средства людей, и сравнивъ судьбу Матти съ судьбой пастора, ужаснулся громадной, существующей между ними разницѣ. Ни одной общей, сколько-нибудь сходной черты! Одинъ проводитъ свою жизнь въ покойномъ, прекрасно устроенномъ домѣ, въ избыткѣ пищи, отъ которой жирѣетъ его тѣло, окруженный всѣми удобствами, какія только могла создать новѣйшая цивилизація, свободный отъ всякихъ заботъ и трудовъ и не имѣющій повода тревожиться о томъ, что кто-нибудь потребуетъ съ него свой долгъ. Другой же не знаетъ дня, который бы прошелъ для него безъ трудовъ и заботъ; постоянными его товарищами оказываются голодъ и холодъ, нужда и всякія лишенія; его окружаетъ голодная, едва прикрытая рубищемъ семья, онъ весь свой вѣкъ борется съ такой же бѣдной, какъ онъ самъ, природой, напрягая всѣ свои силы для того, чтобъ исполнить свои обязанности относительно семьи и общества, находясь подъ вѣчнымъ страхомъ, что не сможетъ этого и кончитъ тѣмъ, что, надорвавшись совсѣмъ, сойдетъ въ могилу подъ бременемъ своей тяжкой жизненной ноши.

За что такое неравенство въ судьбѣ людей, которые всѣ одинаково созданы Богомъ? — продолжалъ я мысленно задавать себѣ этотъ вопросъ.

Мои дѣла задержали меня въ приходскомъ селѣ еще нѣсколько дней; но по окончаніи ихъ, я отправился еще далѣе. Мнѣ предстояло ѣхать въ довольно пустынной мѣстности, гдѣ дорога была очень сбивчива и большею частію пролегала по косогорамъ, гдѣ проѣздъ былъ даже не совсѣмъ безопасенъ и потому я принужденъ былъ взять проводника. Я сидѣлъ въ санях, погруженный въ мрачныя думы, предоставивъ прави

лошадью моему проводнику, который вполголоса напѣвалъ свои любимыя пѣсни. Это былъ молодой парень, котораго, повидимому, еще не коснулись серьезныя заботы жизни. Это самый счастливый возрастъ, періодъ котораго, впрочемъ, весьма не продолжителенъ!

Во все время пути мы даже двухъ словъ не сказали другъ съ другомъ.

Когда мы отъѣхали отъ церкви мили полторы, то нѣсколько влѣво отъ дороги виднѣлся одиноко стоящій крестьянскій дворъ, около котораго собралась довольно большая кучка людей, что само по себѣ уже было вещью не совсѣмъ обыкновенной въ такомъ уединенномъ мѣстѣ.

— Что это за изба?—спросилъ я въ недоумѣніи моего проводника.

— Это выселокъ, который называется «Голодные бобыли»,— отвѣтилъ парень равнодушнымъ тономъ.

Я невольно встрепенулся.

— Что же тутъ за сборище?

— Пришли продавать имущество хозяина за долгъ пастору.

— Вѣдь хозяина этого двора, кажется, зовутъ Матти?—снова спросилъ я уже съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Да; Матти,—отвѣчалъ парень своимъ прежнимъ равнодушнымъ тономъ.

— Я нагналъ его по дорогѣ, когда ѣхалъ въ ваше село; а онъ ѣхалъ въ городъ, и мы нѣсколько времени ѣхали вмѣстѣ какъ попутчики, почти полдороги. Не можетъ быть! Я долженъ былъ бы непремѣнно встрѣтиться съ нимъ!—продолжалъ я допытывать парня.

— Что мудренаго, что вы не встрѣтились съ нимъ? Онъ вѣрно свернулъ на другую дорогу, потому что, ѣхавши по этой, ему пришлось бы сдѣлать большой крюкъ.

— Вѣроятно, онъ еще не воротился изъ города, иначе здѣсь не было бы этого сборища для взысканія съ него долга; вѣдь онъ затѣмъ только и поѣхалъ теперь въ городъ, чтобъ продать свою смолу въ бочкахъ,—по прежнему не унимался я.

— Да ужъ навѣрно такъ,—лѣниво отвѣтилъ парень.

Тутъ дорога дѣлала поворотъ ко двору.

— Заворачивай туда!—скомандовалъ я.

Возница мой исполнилъ мое приказаніе.

Подъѣхавъ ко двору, я увидалъ, что вся процедура шла здѣсь обычнымъ порядкомъ. Многаго, впрочемъ, здѣсь не нашлось продавать, кромѣ нѣсколькихъ тощихъ коровъ; вотъ и все! Не-

доставало только того, чтобъ забрать самихъ обитателей избы, двоихъ маленькихъ, изнуренныхъ, едва прикрытыхъ дырявыми рубашенками, дѣтей, да ихъ мать, еще довольно молодую, но преждевременно увядшую женщину. Но ихъ-то самихъ ни подъ какимъ видомъ не приказано было трогать, потому что у пастора была вѣдь христіанская душа.

Коровы уже были выведены на дворъ и привязаны за рога длинными веревками, концы которыхъ находились въ рукахъ новыхъ хозяевъ; вся эта толпа уже собиралась уходить совсѣмъ.

Блѣдная какъ смерть, стояла горемычная мать около своихъ дѣтей. Она не голосила, не плакала, потому что, вѣроятно, заранѣе выплакала всѣ свои слезы, что было видно по ея опухшимъ, краснымъ глазамъ.

Я прямо подошелъ къ ней и спросилъ:

— Отчего у васъ продаютъ все имущество? развѣ твой мужъ еще не воротился изъ города?

— А вы почему знаете, что Матти уѣхалъ въ городъ? — въ свою очередь спросила она меня, какъ бы недоумѣвая.

— Я ѣхалъ съ нимъ по одной дорогѣ, когда онъ отправлялся туда, — отвѣтилъ я.

— Нѣтъ, онъ еще не воротился, а хотѣлъ воротиться какъ можно скорѣе. Я боюсь, не случилось ли съ нимъ какого несчастія. Въ лѣсу есть такія дурныя мѣста, что пожалуй смореная наша лошаденка-то и не вывезетъ; достатки-то у насъ плохіе, вотъ и нечѣмъ кормить ее какъ надо. Теперь даже когда и Матти пріѣдетъ, все равно онъ ничему не поможетъ, потому что вся наша надежда, чтобъ справиться сколько-нибудь, была на нашу скотинку, а ее всю взяли у насъ, не оставивъ ни одной коровенки. Хоть и немного прибыли было отъ нашихъ коровъ, все-таки онѣ давали хоть нѣсколько чашекъ молока, на пропитаніе ребятишкамъ. Такъ онѣ и пошли за безцѣнокъ; да кто и дастъ-то за нихъ хорошую цѣну, когда онѣ такія смореныя? Впрочемъ и всѣ онѣ не стоятъ того, сколько мы должны отдать пастору. Мы надѣялись, что лѣтомъ онѣ у насъ отъѣдятся и тогда они были бы для насъ большимъ подспорьемъ.

Такъ передавала мнѣ эта бѣдная женщина свое положеніе. Да. Пришла бѣда, несчастіе совершилось, все произошло законнымъ порядкомъ, но никто изъ исполнителей закона не подумалъ уяснить себѣ смыслъ своего поступка: что они дѣйствовали несправедливо и что, кромѣ непреклонности закона, существуетъ еще неприкосновенность правъ собственности. Они не подумали о томъ, что есть еще другой законъ, который прямо признаетъ

подобнаго рода поступки несправедливостью, и что этотъ законъ, завѣщанный намъ самимъ Богомъ, есть законъ любви.

Я видѣлъ достаточно, и отыскавъ моего проводника посреди удалявшейся толпы, я отправился въ дальнѣйшій путь. Цѣлый хаосъ мыслей кружился у меня въ головѣ, пока мы ѣхали лѣсомъ, безъ малѣйшаго признака населенія, и какъ ни безсвязны были онѣ, но упорно просились наружу, такъ что я не вытерпѣлъ и вступилъ въ разговоръ съ моимъ возницей.

— Что за человѣкъ вашъ пасторъ? Какъ объ немъ разумѣютъ деревенскіе старики, эти главные люди въ семействѣ?— спросилъ я его послѣ долгаго молчанія.

— Всѣ говорятъ, что онъ большой мастеръ говорить проповѣди, да ужъ черезъ-чуръ аккуратенъ въ сборахъ съ прихожанъ; подавай ихъ ему откуда хочешь и чтобъ хотя что-нибудь взять, готовъ даже выгрести золу изъ печки, если нѣтъ ничего другого; — отвѣчалъ парень своимъ обычнымъ, равнодушнымъ тономъ и вслѣдъ затѣмъ снова принялся напѣвать свои пѣсни.

Въ этотъ же самый день я добрался до мѣста, которое было цѣлью моего путешествія. Для совершеннаго окончанія моихъ дѣлъ я долженъ былъ пробыть тамъ нѣсколько дней, послѣ чего отправился съ ожидавшимъ меня проводникомъ въ обратный путь. Это было, какъ сейчасъ помню, въ субботу; а въ воскресенье утромъ пріѣхалъ я опять въ приходское село. Оставивъ мою лошадь на дворѣ у одного крестьянина, я намѣревался пойти въ церковь, благо къ этому представлялся случай. Торжественно гудѣлъ церковный колоколъ, призывая народъ къ слушанію слова мира и любви, возвѣщеннаго Вѣчной любовью всему человѣчеству.

Когда я подходилъ къ церкви, то замѣтилъ, что нѣсколько человѣкъ на носилкахъ несли покойника и, опустивъ ихъ на землю, ожидали прихода пастора и пономаря, которые вскорѣ явились. Это были оба мои знакомца, которыхъ я видѣлъ, лицомъ къ лицу, въ пасторскомъ домѣ. Мнѣ такъ и чудилось, что пасторъ сейчасъ опять скажетъ: «Эти олухи готовы пустить меня по міру! Такъ и смотрятъ, чтобъ кого-нибудь обобрать»!

— Кого это будутъ хоронить? — спросилъ я, ближе всѣхъ стоящаго ко мнѣ крестьянина.

— Матти, «изъ Голодныхъ бобылей»; онъ умеръ на дорогѣ, когда ѣхалъ въ городъ,—получилъ я въ отвѣтъ.

Я понялъ все и не имѣлъ нужды въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ. У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ. Итакъ, попутчикъ мой умеръ, можетъ быть, отъ изнуренія силъ, потому что онъ всю дорогу шелъ пѣшкомъ, жалѣя свою лошадь; вотъ она, та

причина, почему онъ не успѣлъ во-время воротиться домой, чтобъ предупредить продажу своего имущества.

Въ эту самую минуту, пономарь запѣлъ евангельскій стихъ: «Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ», и т. д.

По всей вѣроятности, самъ пасторъ, духовникъ Матти «изъ Голодныхъ бобылей», приказалъ выбрать именно этотъ стихъ. Его проницательность и природный инстинктъ внушили ему мысль о томъ, что Матти въ самомъ дѣлѣ былъ и «труждающимся», и «обремененнымъ» человѣкомъ.

По окончаніи службы, погребальная процессія двинулась, и я, хотя незванный, присоединился къ провожатымъ покойника.

Такъ какъ въ этотъ день пришлось хоронить многихъ, то народу было очень много. Пришедши къ могилѣ, носилки съ покойникомъ опустили въ землю, и пасторъ приблизился для благословенія этого мѣста вѣчнаго успокоенія для почившаго. Потомъ, нагнувшись, онъ захватилъ лопаткой земли и посыпалъ ею гробъ, съ паѳосомъ произнося слова: «Земля еси и въ землю отъидеши!» Земля, еще не успѣвшая оттаять совершенно послѣ зимняго холода, большими комьями, съ глухимъ стукомъ, падала внизъ, ударяясь о крышку гроба. Услыхавъ этотъ сжимающій сердце звукъ, мнѣ почудился изъ могилы шопотъ Матти: «Онъ большой мастеръ говорить проповѣди и церковную службу исправлялъ хорошо. Я не виню пастора... Мнѣ только ужъ то горько показалось, что онъ назвалъ меня воромъ. Никогда я не кралъ во всю мою жизнь, а если не заплатилъ ему прошлогодній десятинный сборъ, то потому, что нечѣмъ»...

Между провожатыми я искалъ глазами жену Матти. Теперь жизнь этой несчастной женщины должна сдѣлаться еще вдвое горше и тяжелѣе. Съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, съ сухими, но воспаленными глазами, съ впалыми щеками, стояла она, между своихъ, чуть-чуть прикрытыхъ дырявыми лохмотьями и дрожащихъ отъ холода дѣтей, возлѣ могилы и остолбенѣвшимъ взглядомъ смотрѣла на одинъ предметъ — на гробъ своего мужа. Я не подошелъ къ ней, чтобъ сказать ей хотя нѣсколько словъ, чтобъ не растравлять ранъ ея сердца, такъ какъ въ памяти ея было еще слишкомъ свѣжо постигшее ее послѣднее несчастіе.

Когда могила была зарыта, я обратился къ одному изъ стоявшихъ возлѣ меня людей съ вопросомъ о причинѣ смерти Матти. Еще не доѣхавъ до города, онъ занемогъ воспаленіемъ легкихъ, вслѣдствіе своей плохой одежды и обуви. Истощенное тѣло не

выдержало простуды отъ постоянно мокрыхъ ногъ и послѣ трехдневныхъ страданій душа покинула свою бренную оболочку.

Въ это время опять раздался звонъ церковнаго колокола. Послѣ пѣнія псалмовъ и священнодѣйствія передъ алтаремъ, пасторъ взошелъ на каѳедру. — «Любовь есть исполненіе закона», вотъ текстъ, который избранъ былъ священникомъ для проповѣди. Сильно, убѣдительно и краснорѣчиво излагалъ онъ передъ своими слушателями этотъ великій и священный завѣтъ. Не знаю, убѣжденъ ли онъ былъ самъ лично въ томъ, чему такъ увлекательно поучалъ своихъ прихожанъ, именно, въ любви къ ближнему; очень сомнѣваюсь въ этомъ, но впечатлѣніе, вынесенное мною, было таково «что онъ прекрасный проповѣдникъ». Должно полагать, однакожъ, что слова его производили свое дѣйствіе, потому что многіе изъ присутствующихъ плакали.

По окончаніи проповѣди, священникъ предложилъ прихожанамъ помолиться вмѣстѣ за усопшаго, начавъ такъ:—Господь, по неисповѣдимой своей благости, призвалъ къ себѣ изъ этого міра болѣзней, печалей и воздыханія крестьянина Матти изъ «Голодныхъ бобылей», имѣвшаго отъ роду 42 года, три мѣсяца и 8 дней.

Что значатъ всѣ богатства и сокровища?
Они не болѣе какъ ничтожный тлѣнъ и прахъ.
Умирая, всякій бѣднякъ дѣлается обладателемъ нетлѣнныхъ сокровищъ,
Избавляясь отъ всякихъ заботъ и страданій.

Этимъ пасторъ оказалъ послѣднюю милость Матти, но все-таки не даромъ, а за получаемое имъ отъ прихода жалованье, а лично отъ себя приложилъ только стараніе быть эффектнымъ въ своемъ поученіи. Произнося послѣднія два стиха, онъ произнесъ ихъ такимъ тономъ, какъ будто онъ самъ лично не придаетъ ни какого значенія земнымъ богатствамъ и что его собственныя лишенія и страданія могутъ быть поставлены на ряду съ тѣмъ, что испыталъ Матти.

Но во время этихъ, громкимъ голосомъ произнесенныхъ молитвъ за покойника, мнѣ слышался другой робкій голосъ: «Я вѣдь человѣкъ простой и этихъ вещей не понимаю; конечно пастору это извѣстно лучше, чѣмъ намъ, темнымъ людямъ!»

III.—ВЫСЕЛОКЪ.

Пришлось мнѣ однажды проѣзжать совсѣмъ пустынною мѣстностью, гдѣ на большое пространство не было ни одного жилья; но меня предупредили, что на половинѣ моего пути есть выселокъ, состоящій изъ одного крестьянскаго двора. Дѣло было зимой. Когда я выѣхалъ съ послѣдней моей станціи, гдѣ я останавливался покормить лошадь, то было уже много времени спустя послѣ полудня, и гдѣ мнѣ посовѣтовали переночевать въ вышеупомянутомъ выселкѣ.

Туда не было другой дороги, кромѣ слѣда, проложеннаго крестьянскими санями, на которыхъ обыкновенно возятъ сѣно и дрова; но потомъ слѣдъ этотъ расходился въ разныя стороны и въ разныхъ направленіяхъ, такъ что заблудиться было весьма легко.

Дулъ холодный, сильный вѣтеръ, подымая съ мерзлой земли снѣгъ и неся его вихремъ; но сверху пока снѣгъ еще не начиналъ идти. Выселокъ, гдѣ мнѣ предстояло ночевать, стоялъ на открытомъ мѣстѣ, среди болотъ и мелкихъ озеръ, такъ что вѣтру былъ полный просторъ, и кромѣ того росшій здѣсь прежде лѣсъ очевидно былъ выжженъ на нѣсколько миль вокругъ и на всемъ этомъ мѣстѣ росъ только молодой березнякъ, кусты котораго могли быть годны единственно для хвороста. Причиной такихъ пожаровъ въ лѣсныхъ участкахъ, принадлежащихъ казнѣ, было то, что поселеннымъ на этихъ участкахъ государственнымъ крестьянамъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ выжигать этотъ лѣсъ для пастбища своего скота и для увеличенія своихъ сѣнныхъ покосовъ. Путешествіе мое дѣлалось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, потому что дорога и все поле представляли сплошную ледяную кору; подъ напоромъ сильныхъ порывовъ вѣтра мои сани раскатывались, оказываясь уже не позади, а съ боку лошади; мѣстами они даже чуть не опрокидывались совершенно, такъ что ѣхать было почти совсѣмъ невозможно. Ночная темнота увеличивалась съ каждой минутой, вѣтеръ все усиливался и въ то же время началась снѣжная мятель. Я всячески напрягалъ зрѣніе, чтобъ увидать выселокъ, но напрасно; ничто не указывало на близость человѣческаго жилья.

Я уже начиналъ ощущать страхъ, при мысли, что вовсе не найду этого выселка, что я поѣхалъ не въ ту сторону, что я сбился съ дороги, что лошадь моя не выдержитъ усталости, выбьется изъ силъ и наконецъ замерзнетъ. Однакожъ я старался

побороть въ себѣ такое малодушное чувство отчаянія и направилъ все свое вниманіе на тотъ пунктъ, гдѣ, по моему предположенію, должна была находиться та дорога, по которой мнѣ слѣдовало ѣхать, потому что вокругъ не было видно ни зги.

Наконецъ стало немного проясняться, и я увидалъ на горизонтѣ очертанія лѣса, на который мнѣ указали какъ на маякъ, котораго я долженъ былъ держаться по пути къ выселку, и это обстоятельство произвело на меня положительное дѣйствіе оазиса на заблудившійся въ Сахарѣ караванъ.

«Вотъ тутъ близко долженъ быть выселокъ,—мысленно утѣшалъ я себя.—Тутъ я переночую и теперь уже всѣ мои опасенія замерзнуть въ полѣ должны совершенно исчезнуть».

И я усердно сталъ погонять мою лошадь. Но тутъ опять снѣгъ повалилъ такой густой массой, что я снова, на разстояніи сажени, не могъ различать предметовъ и очертанія лѣса скрылись изъ моихъ глазъ. Чтобъ не сбиться съ однажды избраннаго мною направленія, я внимательно слѣдилъ, съ которой стороны дуетъ вѣтеръ. Ѣхавши такимъ образомъ съ добрый часъ времени, я очутился передъ молодымъ сосновымъ лѣсомъ, гдѣ однакожъ не оказалось никакой дороги, по которой можно было бы добраться до выселка. Дѣлать было нечего! Привязавъ мою лошадь къ дереву, я отправился пѣшкомъ отыскивать дорогу, которую наконецъ нашелъ. Воротившись за моею лошадью и поставивъ ее на дорогу, я проѣздилъ такимъ образомъ еще около часа лѣсомъ и наконецъ, сквозь стволы деревьевъ, вдали мелькнулъ огонекъ. «Вотъ онъ, давно желанный выселокъ!» радостно мелькнуло у меня въ головѣ, и погнавъ лошадь еще шибче, я вскорѣ подъѣхалъ къ дворику, на который изъ оконца избы падала яркая полоса свѣта отъ горящихъ угольевъ, и я въ эту минуту съ особенно отраднымъ чувствомъ подумалъ о живущихъ въ этой избѣ, подъ надежнымъ кровомъ, и защищенныхъ отъ свирѣпствующей теперь бури и мятели. Отпрягши мою лошадь, я, безъ всякой церемоніи, прямо взошелъ въ избу, поздоровался съ хозяевами и попросилъ позволенія поставить мою лошадь въ конюшню. Но у нихъ не было конюшни и ихъ собственная лошадь стояла на изгороди, возлѣ гумна. «Есть пожалуй небольшой, старенькій хлѣвушокъ, да дверь въ немъ такъ низка, что лошадь нельзя туда поставить—не помѣстится», такъ отвѣтили мнѣ хозяева.

Но такъ какъ буря и мятель все усиливались, и было бы безжалостно оставить лошадь наружи, то я и спросилъ хозяевъ, не позволятъ ли они мнѣ прорубить дверь повыше на

столько, чтобъ можно было провести лошадь въ хлѣвъ. Они согласились и дали мнѣ для этого топоръ. Прорубить пришлось въ бревенчатомъ сарайчикѣ надъ дверью звена два, не болѣе; устроивъ это, я помѣстилъ туда свою лошадь, а кстати уже поставилъ и сани. Я принесъ лошади сѣна, поставилъ ей воды, и устранивъ такимъ образомъ всѣ мои опасенія на счетъ того, какъ и гдѣ простоитъ она ночь, отправился въ избу, чтобъ поближе познакомиться съ хозяевами.

Теперь, когда уже меня болѣе не удручали безпокойства и заботы о моей собственной безопасности, я обратилъ вниманіе на то, что въ избѣ господствовала страшная бѣдность и нищета. Въ окнахъ были такія большія щели, что въ нихъ свободно дулъ вѣтеръ, вмѣстѣ со снѣгомъ, котораго намело на подоконники цѣлые сугробы. Въ одномъ углу избы стоялъ столъ, а въ другомъ убогая кровать, на которую накидана была разная ветошь. У дверей была другая кровать, на которой сидѣлъ, скорчившись отъ холода, едва прикрытый лохмотьями мальчикъ, повидимому, лѣтъ семи.

Хозяйка была еще молодая женщина, но даже самый неопытный глазъ легко могъ бы замѣтить, что горе и заботы преждевременно наложили печать свою на ея когда-то красивыя и правильныя черты лица. Возлѣ печки, въ люлькѣ лежалъ маленькій ребенокъ, очевидно опасно больной. По всей вѣроятности, люлька повѣшена была такъ близко къ огню съ той цѣлью, чтобъ его теплота могла сколько-нибудь отогрѣть его крошечное, коченѣющее отъ стужи тѣло. Потомъ въ избѣ жило еще двое людей: старый, сѣдой какъ лунь, старикъ и древняя старуха, которые были, повидимому, старѣйшими членами семьи, дѣдомъ и бабкой, и которымъ, казалось, не было никакого дѣла до всѣхъ лишеній и разныхъ превратностей жизни, въ такой степени они оба имѣли равнодушный видъ. Хорошо ли, худо ли будетъ имъ, у нихъ очевидно сложилось такое убѣжденіе, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ, при всемъ своемъ желаніи, не будетъ въ силахъ измѣнить ихъ теперешняго положенія. Подобнаго рода философія съ ихъ стороны тотчасъ же бросилась мнѣ въ глаза, какъ только я заговорилъ съ ними. Пожалуй, ничего другого и не остается для выселившейся семьи; по крайней мѣрѣ того, кто смотритъ на этотъ вопросъ такимъ образомъ, уже не будутъ смущать всѣ неудачи и напрасные труды, которые ждутъ всякаго переселенца. Но у хозяйки была, очевидно, другая натура, что доказывалось преждевременнымъ увяданіемъ ея молодости и вы-

раженіемъ лица, краснорѣчиво говорившимъ, что она уже достаточно вынесла всякихъ горестей и трудовъ.

Сообщивъ обитателямъ избы, кто я, куда и зачѣмъ ѣду, я вступилъ съ ними въ разговоръ.

— Развѣ у васъ въ домѣ нѣтъ мужчины помоложе?—спросилъ я.

— Есть; мой мужъ,—отвѣчала женщина.

— Гдѣ же онъ теперь, что я его не вижу здѣсь?—продолжалъ я разспрашивать.

— Ужъ и такъ довольно пришлось посидѣть дома; теперь онъ въ сосновомъ лѣсу, рубитъ деревья на смолу.

— Боже мой!—невольно вскрикнулъ я.—Да слыханное ли дѣло, чтобы въ такую мятель можно было отправиться рубить лѣсъ, да притомъ въ такую позднюю пору! Неужели никто изъ васъ не безпокоится за него, чтобы съ нимъ не случилось какого-нибудь несчастія?

— Мой Гэйкки не справляется съ дурной погодой и съ поздней порой. Онъ работаетъ, не покладывая рукъ; досугъ ли ему разбирать! И будетъ работать до тѣхъ поръ, пока силъ хватитъ; ну, а когда уже силъ не станетъ, еще успѣетъ насидѣться дома,—отвѣтила хозяйка, и при разговорѣ о мужѣ, повидимому, забыла хотя на одну минуту свое горе и заботы.

— Но вѣдь онъ можетъ замерзнуть въ такую мятель и въ такой холодъ?—замѣтилъ я.

— Участокъ, гдѣ онъ работаетъ, недалеко отъ дома и тамъ такой густой лѣсъ, что со всѣхъ сторонъ защищенъ отъ вѣтра и мятели. Какъ только кончитъ, такъ и прибѣжитъ домой. Вотъ вы увидите!—продолжала хозяйка совершенно увѣреннымъ тономъ.

— А давно вы живете здѣсь?—спросилъ я, чтобы перемѣнить предметъ разговора.

— Это я вздумалъ выселиться сюда,—вмѣшался старикъ.

— Ты, вѣроятно, выселился, когда былъ еще молодъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, ужъ далеко не молодъ. Мнѣ было уже почти подъ пятьдесятъ лѣтъ, когда мнѣ влѣзло въ голову построить себѣ дворъ на новомъ мѣстѣ. Пораньше надо было бы это сдѣлать!—прибавилъ старикъ совсѣмъ равнодушнымъ тономъ, и съ этими словами вышелъ вмѣстѣ съ своей старухой. Но я продолжалъ свой разговоръ съ хозяйкой.

— Кто изъ васъ обоихъ сынъ или дочь этихъ стариковъ?—спросилъ я ее.

— Я,—отвѣчала женщина.

— Были у твоихъ родителей еще другія дѣти, кромѣ тебя?

— Да. Насъ всѣхъ было десять человѣкъ. Прочіе девятеро померли.

— Давно ты за мужемъ за твоимъ Гэйкки?

— Шесть лѣтъ.

— Были у васъ еще дѣти, кромѣ этихъ двоихъ?

— Всего на все было четверо; двое померли, — отвѣчала она печально.

— Твой меньшой ребенокъ, кажется, очень боленъ?—спросилъ я, взглянувъ на крошечное существо, лежавшее въ люлькѣ.

— Да, маленькій Гэйкки очень хвораетъ, бѣдняжка. Боюсь, какъ бы и онъ не умеръ!—сказала она, глубоко вздохнувъ. Я предположилъ, что эта молодая чета не исполнила многихъ, лежащихъ на ней обязанностей относительно ихъ дѣтей и потому причиной тому была смерть послѣднихъ, — я не зналъ внутреннихъ душевныхъ свойствъ этихъ людей. Но не желая прибавлять еще лишней тягости къ тому бремени, которое уже угнетало ихъ, я замѣтилъ со всевозможной осторожностью.

— Отчего вы не поправите своихъ оконъ такъ, чтобы въ нихъ не было щелей, сквозь которыя дуетъ вѣтеръ со снѣгомъ?

Она, очевидно, поняла, на что я намекалъ, дѣлая этотъ вопросъ и, устремивъ на меня пристальный, проницательный взглядъ, сказала:

— Ахъ, голубчикъ! Вы вѣдь не знаете нашего положенія. Мой Гэйкки—не лѣнивецъ и не безпечный человѣкъ. Онъ работаетъ безъ устали ночь и день насколько хватаетъ его силъ; но вѣдь онъ одинъ работникъ въ семьѣ; мой отецъ и мать уже стары и работать не могутъ. Въ лѣтнее время только я могу пособить ему въ работѣ. Когда Гэйкки пришелъ сюда, то не нашелъ почти ни клочка обработанной земли, потому что родители мои были стариками, когда выселились сюда, на совсѣмъ пустое мѣсто въ лѣсу. За эти шесть лѣтъ сколько мѣста расчистилъ Гэйкки своими руками въ лѣсу для пашни, и прошлымъ годомъ эта земля дала намъ хорошій доходъ, такъ что Гэйкки рѣшился построить совсѣмъ новую избу, которую мы только успѣли поставить вчернѣ, какъ вы видите ее теперь. Мы собирались лѣтомъ привести въ порядокъ горницу и приспособить избу для житья какъ слѣдуетъ; да вотъ съ нами случилось по пословицѣ: «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ». Нынѣшнее лѣто былъ такой плохой годъ, что ничего не уродилось и пришлось намъ отложить попеченіе объ устройствѣ избы, такъ

какъ мы остались ни при чемъ, прожили все, что было запасено, а для расплаты съ долгами пришлось намъ продать большую часть нашего имущества. Ну, а теперь Гэйкки день и ночь возитъ на себѣ смолу къ сосѣднему мельнику, который платитъ ему за это ржаной мукой; а то вѣдь намъ пришлось бы ѣсть хлѣбъ съ мякиной или съ корой. Такъ ужъ досугъ ли тутъ думать о томъ, чтобы справить избу какъ слѣдуетъ!

Этотъ правдивый, безъискусственный разсказъ хозяйки разомъ уничтожилъ всѣ мои сомнѣнія.

Во все время нашего разговора, молодая женщина тихо укачивала въ люлькѣ своего больного ребенка. А я все не могъ отдѣлаться отъ тревожныхъ мыслей по поводу продолжительнаго отсутствія хозяина дома. Когда же разговоръ нашъ прекратился, то безпокойство мое достигло самыхъ крайнихъ предѣловъ и я былъ почти увѣренъ, что съ хозяиномъ случилось какое-нибудь несчастіе, потому что, по моимъ часамъ, былъ уже десятый часъ въ исходѣ. Но въ эту самую минуту въ сѣняхъ послышался стукъ, дверь отворилась и въ комнату вошелъ весь занесенный снѣгомъ человѣкъ. Отряхнувъ съ себя снѣгъ, положивъ возлѣ себя на полъ топоръ и рукавицы, онъ быстрыми шагами подошелъ къ женѣ и, заглядывая въ люльку, не замѣчая, что на боковой лавкѣ сидитъ незнакомый человѣкъ, проговорилъ:

— Получше ли хотя немного маленькому Гэйкки?

— Нѣтъ; онъ, бѣдняжечка, совсѣмъ плохъ; я думаю, что онъ скоро умретъ,—отвѣчала ему жена.

— Господи! сохрани его и помилуй!—произнесъ упавшимъ голосомъ этотъ изнуренный трудомъ отецъ больного ребенка. Нагнувшись къ колыбели и засунувъ обѣ руки подъ изголовье, онъ приподнялъ лежавшее тамъ маленькое существо и прикоснулся своими похолодѣвшими губами къ его блѣднымъ щечкамъ, на которыхъ выступалъ болѣзненный потъ, предшественникъ неумолимой смерти. При этомъ зрѣлищѣ я почувствовалъ, что мои глаза наполняются невольными слезами.

Онъ по прежнему продолжалъ стоять у колыбели, а жена, желая дать ему знать, что въ избѣ есть постороннее лицо, заговорила съ нимъ такимъ образомъ:

— Гдѣ ты такъ долго замѣшкался въ такую страшную мятель? Вотъ даже чужой человѣкъ сталъ безпокоиться, что ты не возвращаешься домой.

Мужъ, отвлеченный отъ своей печали этимъ новымъ предметомъ для разговора, спросилъ:

— Кто же это былъ здѣсь?

— Проѣзжій; вотъ онъ сидитъ на лавкѣ,—отвѣчала жена, указывая на меня.

Только въ эту минуту онъ замѣтилъ меня, спросилъ, кто я, откуда ѣду и какъ попалъ въ эту сторону. Получивъ на все обстоятельный отвѣтъ и удовлетворившись имъ, онъ, наконецъ, сказалъ:

— Да, ужъ точно погода ужасная. Но вѣдь теперь полный мѣсяцъ, такъ что при его свѣтѣ, да при снѣгѣ, можно безъ особенной нужды рубить сосны для выкуриванья смолы. Въ такія тяжелыя времена не до того, чтобы давать отдыхъ рукамъ!

Между тѣмъ, онъ грѣлъ у огня свои окостенѣвшія отъ стужи пальцы, а жена, тѣмъ временемъ, собирала все къ ужину. Она вынула изъ печки каменную чашку, на которую въ видѣ крышки опрокинута была вверхъ дномъ другая, поставила ее на столъ; потомъ принесла небольшой хлѣбецъ, щепотку соли, немного молока, и ужинъ былъ готовъ. Я закусилъ своей дорожной провизіей, пока ужиналъ хозяинъ. Всѣ прочіе члены семьи поужинали еще до моего прихода.

Я заглянулъ въ чашку съ похлебкой, которую ѣлъ хозяинъ, и ужаснулся! Это была какая-то кашица изъ отрубей, приправленная мукой. Прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, хозяинъ снялъ съ головы шапку, сложилъ на груди руки крестомъ и прочелъ мысленную молитву передъ своей скудной трапезой. Всыпавъ въ вышеупомянутую болтушку щепоть соли, онъ прихлебывалъ съ свой черствый хлѣбъ, запивъ все это небольшимъ, приготовленнымъ женою количествомъ молока.

Въ это время зашевелился, на стоящей у двери кровати, спавшій до этой минуты мальчикъ. Онъ, какъ былъ, въ одной рубашенкѣ, спрыгнулъ съ постели, развалистой походкой подошелъ къ отцу и заговорилъ: «Батя! И я хочу ѣсть!» Тогда отецъ взялъ его на руки, собралъ находившееся на постели тряпье, завернулъ имъ мальчика, сколько было возможно, и посадивъ къ себѣ на колѣни, раздѣлилъ съ нимъ свой ужинъ.

Мнѣ стало жаль этого бѣднаго мальчугана; доставъ изъ своего дорожнаго коробка половину булки, намазавъ на нее масла, а сверху положивъ ломтикъ мяса, я подошелъ къ нему и подалъ ему тартинку. Но онъ никакъ не хотѣлъ взять ее отъ меня; наконецъ, согласился и держалъ этотъ кусокъ передъ собою какъ величайшее лакомство, только изрѣдка рѣшаясь откусывать отъ него понемножку. Въ то же время я услыхалъ какъ онъ, обращаясь къ матери, сказалъ:—Мама, и Гэйкки также!— «Гэйкки уже такъ боленъ, что не можетъ ѣсть ничего! Ѣшь ты

самъ!»—отвѣтила ему мать. Сколько любви къ своему брату выразилось въ этихъ словахъ малютки, который самъ былъ голоденъ!—подумалъ я, глядя на него. И мальчикъ, успокоенный словами матери, принялся съ большимъ аппетитомъ за булку съ масломъ.

Горѣвшіе въ печкѣ уголья до сихъ поръ давали достаточно тепла въ избѣ; но когда огонь сталъ понемногу гаснуть, то холодъ, постепенно усиливаясь, сдѣлался, наконецъ, очень чувствительнымъ. Тогда хозяйка предложила мнѣ пойти въ горницу, гдѣ помѣщались оба старика и которая была истоплена съ вечера заранѣе. «Вѣдь въ избѣ будетъ такъ холодно, что вы не вытерпите, продолжала она,—да притомъ и кровати нѣтъ, гдѣ бы можно было вамъ лечь». Предложеніе было мнѣ очень по сердцу, потому что я уже начиналъ бояться непріятной перспективы провести длинную зимнюю ночь въ избѣ, гдѣ былъ такой невыносимый холодъ. Между тѣмъ, мальчикъ снова улегся въ свою постель, ребенка въ колыбели придвинули еще ближе къ печкѣ, чтобы на его долю пришлось всего больше тепла, а сама мать сѣла возлѣ колыбели, чтобы наблюдать за больнымъ ребенкомъ. Утомленный тяжелымъ дневнымъ трудомъ, мужъ сдался, наконецъ, на убѣжденія жены отдохнуть хорошенько и легъ спать на свой соломенный тюфякъ; а я, захвативъ свое верхнее платье, отправился въ горницу, къ старикамъ.

Погода по прежнему была ужасная. Дулъ сильный вѣтеръ и валилъ такой снѣгъ, что сквозь него не было возможности разглядѣть даже самые ближайшіе предметы. Однакожъ, я все таки отправился провѣдать мою лошадь, которая находилась въ такомъ удобномъ для нея и защищенномъ со всѣхъ сторонъ мѣстѣ, что я на этотъ счетъ остался совершенно спокоенъ.

Когда я подошелъ къ горницѣ, которой дверь была со стороны вѣтра, то замѣтилъ, что она была очень тонка, такъ что вся тряслась отъ напора вѣтра. Я попытался отворить ее, но это оказалось невозможнымъ; я сталъ стучаться и торкаться въ нее изо всѣхъ силъ, но изъ каморки никто не подавалъ ни малѣйшаго признака жизни.

Оставаться въ темнотѣ и на такомъ страшномъ холодномъ вѣтрѣ я не могъ, и потому принялся отчаянно обѣими руками, изо всѣхъ силъ напирать на дверь, чтобы, въ случаѣ крайности, даже выломать ее. Вотъ она уже начала немного подаваться впередъ, а внутри послышалось движеніе и трескъ, причемъ громкій, сильный голосъ, спросилъ извнутри: «Кто тамъ ломится сюда?»

— Это я — проѣзжій. Отворяй дверь! Меня послали сюда ночевать! — крикнулъ я въ свою очередь такимъ же зычнымъ голосомъ.

— Да подожди немножко, пока я отворю дверь!—опять послышался голосъ старика, который чего-то шарилъ на полу, потомъ началось какое-то передвиганье, оханье, кряхтѣнье, а дверь все-таки не отворялась.

— Вѣдь я могу замерзнуть здѣсь! Отворяй дверь!—завопилъ я изо всей мочи.

— Да я никакъ не слажу съ нею!—отозвался старикъ, толкая и дергая дверь изо всѣхъ силъ. Наконецъ-то онъ отворилъ ее.

Вошедши въ горницу, я тотчасъ же увидалъ причину, почему старикъ заставилъ меня столько времени ждать за дверью. Сначала старику показалось, что кто-то постоянно треплетъ и дергаетъ дверь; онъ никакъ не сообразилъ того, что это вѣтеръ, который дулъ, не переставая во весь вечеръ. Такъ какъ дверь была очень тонка и ненадежна, то старикъ, и привязалъ ее обрывками веревокъ, крѣпко прикрутивъ ее множествомъ узловъ къ парѣ полозьевъ, которые положены были между двухъ брусьевъ на печь, чтобъ ихъ не покоробило, и прикрутилъ онъ ее такъ усердно, что не могъ распутать завязанныхъ имъ же самимъ узловъ, и долженъ былъ оборвать веревку, чтобъ отворить дверь.

Каморка была крошечная. На печкѣ уже не было мѣста прилечь, потому что кромѣ двоихъ спавшихъ на ней стариковъ, она вся была загромождена, выключая вышеупомянутыхъ предметовъ, разными досками и обрубками, предназначавшимися для домашнихъ подѣлокъ. Скамейка, стоявшая вдоль стѣны, была такъ узка, что не только лечь на ней, но даже сидѣть можно было съ трудомъ; а полъ былъ такой холодный и грязный, что нечего было и думать о томъ, чтобъ расположиться на немъ на ночлегъ. Оставалось только одно, провести ночь на лавкѣ, въ сидячемъ положеніи, прислонившись спиною къ стѣнѣ. Но какъ ни пристраивался я, а заснуть все-таки не могъ, и потому, чтобъ скоротать время, я вступилъ съ старикомъ въ разговоръ.

— Далеко ли отсюда до ближайшаго села?—спросилъ я его.

— Мили полторы,—отвѣтилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ вы не можете разсчитывать на скорую помощь сосѣдей, еслибъ у васъ случилась неожиданно какая-нибудь бѣда?

— Нѣтъ, ужъ на это надѣяться нечего. Надо будетъ управиться самимъ, своими собственными силами! — сказалъ старикъ спокойнымъ тономъ.

— А что, вѣдь много нужды и всякихъ невзгодъ, я думаю, пришлось испытать тебѣ въ жизни?

— Ну, конечно. Да вѣдь все это уже прошло!—философски рѣшилъ старикъ.

— А скольких дѣтей схоронилъ ты?

— Девятерыхъ.

— Когда умерли они? До твоего переселенія сюда или послѣ?

— Двое умерли прежде, а прочіе семеро уже здѣсь.

— Можетъ быть, они умерли оттого, что терпѣли нужду въ самомъ необходимомъ для жизни?—нерѣшительно спросилъ я.

— Вотъ еще! Да наши сосѣди жили еще хуже нашего, а дѣти у нихъ всѣ до одного живы; такія здоровыя, да краснощекія! Все это пустяки! Развѣ отъ смерти уйдешь? А вся причина того, что наши дѣти умерли, та, что имъ уже такъ написано было на роду!—отвѣтилъ старикъ съ нѣкоторой досадой.

Замѣтивъ, что этотъ разговоръ ему непріятенъ, я перемѣнилъ его на другой и началъ такъ:

— А кто изъ васъ старше: ты или твоя жена?

— Моя старуха почти на десять лѣтъ моложе меня.

— Теперешняя хозяйка дома самая старшая изъ твоихъ дѣтей?

— Да, она самая старшая. А вотъ и съ нею было намъ не мало хлопотъ, чтобъ пріискать ей мужа! — сказалъ старикъ, какъ бы опасаясь, что я снова вернусь къ прежнему предмету разговора.

— Онъ, кажется, хорошій человѣкъ?

— Худымъ назвать грѣхъ! И работникъ онъ исправный!—прибавилъ старикъ.

— По моему, даже больше, чѣмъ исправный,—замѣтилъ я.

— Чего же больше-то? Такихъ много, какъ онъ,—сказалъ старикъ. Этимъ онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что весьма натурально, если живущій въ выселкѣ крестьянинъ работаетъ, сколько хватаетъ силъ, чтобъ прокормить себя и свою семью.

— Я боюсь, какъ бы у нихъ не умеръ ихъ больной ребенокъ!—продолжалъ я.

— Бояться тутъ нечего. Ужъ если кому опредѣлено не жить, такъ, стало быть, и долженъ онъ помереть!—сказалъ на это старикъ равнодушнымъ и вялымъ тономъ; потомъ задремалъ, а вскорѣ крѣпко уснулъ, такъ что въ ночной тиши громко раздавалось его храпѣніе. Я также очень бы охотно уснулъ, но сонъ положительно бѣжалъ отъ глазъ моихъ. Меня угнетали мысли относительно равнодушнаго взгляда этого старика на жизнь вообще. Нѣжно-любящая своихъ дѣтей и жалостливая къ нимъ

молодая чета, находившаяся въ избѣ, ихъ безнадежно боль[illegible] ребенокъ, старческое сонное храпѣніе въ каморкѣ, все это [illegible] выходило у меня изъ головы, послѣ того какъ я узналъ побли[illegible] всѣхъ обитателей этого пустыннаго выселка. Пока хозяинъ ещ[illegible] не возвращался съ своей работы, то я предполагалъ, что онъ, если не совсѣмъ неспособный человѣкъ, то по крайней мѣрѣ очень безпечно относящійся къ своему бѣдственному положенію. Но какъ только онъ воротился домой, мнѣніе мое о немъ совершенно измѣнилось. Вмѣсто воображаемаго мною разгильдяя, увидалъ я крѣпко сложеннаго, рослаго, стройнаго человѣка, съ замѣчатель[illegible] красивыми чертами лица. На его щекахъ еще игралъ румянец[illegible] здоровья, хотя очевидно уже значительно поблекшій отъ усилен[illegible] наго безустаннаго труда. При этомъ я имѣлъ случай убѣдиться что сердце его было не просто обыкновенный полый мускул[illegible] но что оно полно было горячей, искренней любви къ своей семь[illegible] Очевидно, что онъ поселился здѣсь не по нуждѣ, потому ч[illegible] онъ не могъ ожидать на этой скудной почвѣ вознагражден[illegible] своихъ трудовъ, но лишь ради другой, болѣе глубокой причин[illegible] любви къ женщинѣ, которая сдѣлалась его женой. И онъ по[illegible] слѣдовалъ этому сердечному влеченію, и не раскаявается в[illegible] немъ, хотя вмѣстѣ съ нимъ на его плечи обрушился постоянн[illegible] непосильный, почти нечеловѣческій трудъ.

Все это вмѣстѣ волновало мою душу и не давало заснут[illegible] Зажегши сѣрную спичку, я при ея свѣтѣ взглянулъ на сво[illegible] часы. Была половина второго. Мнѣ очень хотѣлось бы узна[illegible] горитъ ли огонь въ избѣ; но я не могъ этого видѣть, пото[illegible] что окно каморки выходило на другую сторону, а дверь оп[illegible] была прикручена прежнимъ способомъ, такъ что мнѣ болѣе н[illegible] чего не оставалось дѣлать, какъ продолжать сидѣть на у[illegible] скамейкѣ, прислонясь спиной къ стѣнѣ, и въ этомъ положені[illegible] наконецъ, снизошелъ на меня благодѣтельный сонъ.

Мнѣ грезилось, что я нахожусь въ избѣ съ больнымъ ребе[illegible] комъ и его родителями. Буря ревѣла еще сильнѣе, чѣмъ с[illegible] вечера, а въ щели оконъ въ избу надуло еще болѣе снѣ[illegible] Больному ребенку становилось все хуже, а отецъ и мать съ [illegible] чальными лицами сидѣли возлѣ его колыбели. Вдругъ сильн[illegible] порывомъ вѣтра настежъ распахнуло наружную дверь, въ ко[illegible] рую ворвалась снѣжная мятель и закрутилась посрединѣ изб[illegible] Мать благоговѣйно сложила руки и стала шептать молитву, [illegible] отецъ упалъ возлѣ колыбели на колѣни, нагнулся къ ребен[illegible] и запечатлѣлъ долгій поцѣлуй на его мертвенно-блѣдномъ лич[illegible] Въ эту самую минуту въ дверяхъ показался бѣлый, прозрачн[illegible]

какъ легкій дымъ, призракъ, съ большими крыльями на плечахъ. Онъ былъ такой воздушный, что шелъ даже не касаясь пола. Приблизившись къ колыбели, онъ накрылъ ее совсѣмъ собою, и когда онъ сталъ удаляться, то я замѣтилъ, что онъ уноситъ съ собою ребенка бережно на своихъ крыльяхъ. Увидала это и сама горюющая мать. «Господи! куда это ты уносишь мое дитя?» —въ отчаяніи вскрикнула она. «Туда, гдѣ нѣтъ ни бурь, ни снѣжныхъ мятелей и гдѣ уже не нужно будетъ отирать съ его чела болѣзненнаго пота, какъ то дѣлалъ здѣсь отецъ, цѣлуя его!» — отвѣчалъ призракъ. При этомъ неутѣшная мать пала ницъ, а призракъ исчезъ съ ребенкомъ на рукахъ, и снѣжная мятель помчалась имъ вслѣдъ. Я поспѣшилъ выйти наружу, чтобъ посмотрѣть, куда они направятъ свой путь, и увидалъ, что они стали подниматься на воздухъ все выше и выше, вмѣстѣ съ вихремъ крутящихся вокругъ нихъ снѣжинокъ. Я слѣдилъ за ними глазами, сколько было возможно и пока они совсѣмъ не скрылись изъ вида. Въ лѣсу и вокругъ выселка завывалъ и гудѣлъ вѣтеръ, а гдѣ-то вверху слышно было стройное пѣніе: «Тебѣ, Господи, подобаетъ слава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ!»

Когда я проснулся, то старикъ уже всталъ и, зажегши свѣтецъ, щепалъ лучину. Старуха также встала и штопала свои чулки. Мнѣ такъ хотѣлось опять воротить мой благодатный сонъ, но я уже не могъ заснуть въ другой разъ. Однако жъ то, что мнѣ грезилось, глубоко запечатлѣлось въ моей памяти и я счелъ это за предзнаменованіе смерти больного ребенка.

— Былъ ты въ избѣ?—спросилъ я старика.

— А зачѣмъ мнѣ идти туда? Чтó бы я сталъ дѣлать тамъ? —отозвался онъ своимъ обычнымъ, равнодушнымъ тономъ.

— Чтобъ освѣдомиться, живъ ли еще больной ребенокъ.

— Чего объ немъ освѣдомляться? Живъ, такъ живъ; умеръ, такъ умеръ!—отвѣчалъ онъ безучастно.

Такія слова показались мнѣ не только холодными, но даже безсердечными. Я поспѣшилъ одѣться по дорожному и вышелъ на дворъ. Вѣтеръ утихъ и мятель также. Начинало свѣтать. Сходивъ посмотрѣть свою лошадь, я отправился въ избу, гдѣ люлька съ ребенкомъ была все на томъ же мѣстѣ, возлѣ печки, гдѣ догорала, вставленная въ трезубецъ, лучина, наполняя избу дымомъ. Отецъ и мать сидѣли возлѣ колыбели, низко наклонившись надъ нею. Оба они казались точно окаменѣлые. Я понялъ все. На ихъ лицахъ видны были слѣды обильно пролитыхъ слезъ, которыя въ настоящую минуту уже совсѣмъ изсякли.

— Ребенокъ вашъ, вѣроятно, умеръ?—спросилъ я.

— Да, бѣдняжки Гэйкки уже нѣтъ болѣе въ живыхъ!— отвѣчала мать глухимъ голосомъ.

При этихъ словахъ, я взглянулъ на лицо отца. Беззвучныя сдержанныя рыданія подергивали его губы, а въ глазахъ было столько глубокаго отчаянія, что у меня защемило сердце.

Я отправился запрягать въ сани свою лошадь и продолжалъ мой путь по сбивчивымъ дорогамъ этого пустыннаго края; но во все время моихъ долгихъ странствованій грустная, видѣнная мною картина безпрестанно возставала въ моемъ воображеніи и воспоминаніе о ней никогда не покидало меня до сихъ поръ; а между тѣмъ, въ головѣ моей неотвязно копошилась такого рода мысль:—

Войны, которыя ведутъ между собою государства и народы, ведутъ за собою страшныя кровопролитія и стóятъ имъ безчисленнаго множества человѣческихъ жизней; но сосчиталъ ли кто, какого множества человѣческихъ жизней стоило Финляндіи обработываніе ея скудной почвы и вообще веденіе всего полевого хозяйства? Я полагаю, что на этотъ счетъ не имѣется никакихъ статистическихъ свѣдѣній, потому что:

Кто разскажетъ повѣсть борьбы,
Какую пришлось вынести этому народу,
Когда война прошлась по всему Финскому краю,
Когда морозъ уничтожалъ всѣ посѣвы и наступалъ голодъ?
Кто оцѣнитъ всю пролитую народомъ кровь
И все его великое терпѣніе?

Е. М.

НА ШИХАНѢ.

Изъ записной книжки охотника.

I.

— Тамъ кто-то есть...—проговорилъ Савка, нюхая воздухъ, ікъ собака.—На шиханѣ *) артель.

Онъ остановился въ задумчивой позѣ, поставилъ свою вин- вку на камень и пристально посмотрѣлъ назадъ, въ дымив- уюся подъ нашими ногами голубую даль. Пестрая собаченка укша давно уже почуяла присутствіе людей и въ отвѣтъ на ова хозяина только помахала своимъ пушистымъ хвостомъ и же облизнулась—умное животное чувствовало близость другихъ бакъ.

— Карла съ объѣздчиками... шестеромъ, на вершныхъ,— одолжалъ Савка, осматривая каменистую извилистую тропу, уто забиравшую кверху между двумя розсыпями. — Чуешь, ринъ?

— Нѣтъ, ничего не чую...—долженъ былъ я сознаться.

— А я давно чую, и Кукша тоже... — проговорилъ Савка задумчивой улыбкой, которая такъ шла къ его изрытому пой некрасивому лицу.

Небольшого роста, худенькій, сутуловатый Савка казался та- мъ жалкимъ мужиченкомъ въ своемъ широкомъ армякѣ, под- ясанномъ какимъ-то оборваннымъ ремешкомъ. Разношенная бровая шапка, надвинутая на самыя уши, дѣлала лицо Савки це меньше. Ободранные сапоги на ногахъ и мѣшокъ изъ си-

---

*) Шиханами на Уралѣ называютъ каменные утесы на вершинахъ горъ.

ней пестрядины за плечами дополняли охотничій костюмъ. Дробь и порохъ Савка носилъ въ двухъ деревянныхъ лядункахъ, которыя пряталъ въ пазухѣ, всегда отдувавшейся у него самымъ неудобнымъ образомъ; «свистоны», хранившіеся въ пузырькѣ изъ подъ какого-то лекарства, онъ пряталъ въ шапку, вмѣстѣ съ табачнымъ кисетомъ и пыжами. Курилъ Савка преуморительно: свернетъ изъ газетной бумаги крючокъ, набьетъ крупкой, зажжетъ и, затянувшись раза два, погаситъ крючокъ прямо о ладонь своей заскорузлой руки и окурокъ спрячетъ въ шапку. Спичекъ изводилъ онъ несмѣтное количество, но никогда не рѣшался выкурить весь крючокъ за-разъ.

— Далеко еще до шихана? — спросилъ я, когда Савка полѣзъ въ свою шапку за окуркомъ.

— Да версты двѣ, поди, будетъ... Засвѣтло еще придемъ.

Я собственно былъ очень доволенъ этой остановкой, потому что едва передвигалъ ноги: мы бродили цѣлый день по лѣсу, а тутъ еще крутой подъемъ на гору почти въ пять верстъ. Три версты этого подъема оставались назади, оставалось сдѣлать еще двѣ. Пожалуй, хорошо было бы устроить охотничій приваль и на томъ мѣстѣ, гдѣ мы сейчасъ стояли, но Савка былъ неумолимъ въ такихъ случаяхъ—не сдѣлать ночовку въ заранѣе намѣченномъ балаганѣ, урочищѣ или просто гдѣ-нибудь подъ камнемъ для него было чѣмъ-то въ родѣ святотатства. Впрочемъ, это ужъ такая «зараза» всѣхъ записныхъ охотниковъ, и Савкѣ не разъ случалось, особенно на зимней охотѣ за оленями или дикими козлами, являться въ балаганъ полуживымъ. Черезъ четверть часа мы продолжали свой подъемъ въ гору, карабкаясь по громаднымъ камнямъ розсыпи. Но сначала нужно сказать, что такое «розсыпь». Если смотрѣть на гору издали, часто кажется, что цѣлый бокъ горы усыпанъ мелкимъ щебнемъ, какимъ мостятъ шоссе; иногда изъ такого щебня образуются правильныя полосы, которыя спускаются внизъ каменными потоками. Это и есть розсыпи. Когда вы начинаете взбираться на гору и встрѣчаете розсыпь, то вмѣсто щебня оказываются громадные камни, иногда объемомъ въ нѣсколько кубическихъ саженъ. Приходится прыгать съ камня на камень, карабкаться и даже ползти, чтобы подняться по такой розсыпи. Когда вы, наконецъ, поднимаетесь на самый верхъ, предъ вами открывается великолѣпная картина: розсыпь сползается внизъ сплошной сѣрой массой валуновъ, точно высыпанныхъ здѣсь изъ гигантскаго мѣшка какимъ-нибудь исполиномъ. Края розсыпи обыкновенно затянуты кустами жимолости, черемухой, малиной и иванъ-чаемъ; кой-гдѣ поднимаются

сибирскіе кедрики и горныя ели и пихты. Особенно красивы послѣднія: онѣ такъ и рвутся въ небо своими готическими прорѣзными вершинами, а внизу разстилаютъ по камнямъ цѣлый коверъ изъ бархатной зеленой хвои. Между этимъ ковромъ и стрѣлкой ели остается голый темный стволъ. Я нѣсколько разъ спрашивалъ Савку о причинѣ такого расположенія вѣтвей.

— Это отъ олешковъ...—флегматически объяснялъ Савка.— Когда у олешка выростутъ молодые рога, вѣдь они у него кожей обтянуты и въ шерстѣ—вотъ олешекъ и обтираетъ эту кожу по розсыпямъ о пихты, потому зудятъ у него рога-то въ тѣ поры.

Мнѣ такое объясненіе Савки казалось недостаточнымъ, потому что такія же пихты должны были бы встрѣчаться и въ обыкновенномъ лѣсу, гдѣ водятся олешки, но этого не бываетъ.

— Говорю: олешки... Чего еще тебѣ?—сердился Савка.

Подъемъ по розсыпямъ значительно облегчается тѣмъ, что всѣ камни точно нарочно выложены разноцвѣтными мхами и необыкновенно красивыми лишаями. Нога ступаетъ иногда, какъ по мягкому ковру; въ засуху лишаи хрустятъ и осыпаются подъ ногой, но послѣ дождя камни кажутся обтянутыми змѣиной кожей, такой же пестрой, влажной, холодной и скользкой. Мхи бываютъ большею частью великолѣпныхъ сѣрыхъ цвѣтовъ или зеленоватые съ черными пятнами, красными крапинками и цѣлыми узорами, точно вычерченными какой-то очень искусной рукой. Эта чисто сѣверная растительность гнѣздится по камнямъ и медленно разлагаетъ ихъ поверхность въ мелкій песокъ, который смывается дождемъ и сносится внизъ снѣгами. Можно представить себѣ ту микроскопически-гигантскую работу, при помощи которой получается каждая горсть песку гдѣ-нибудь на днѣ горной рѣчки. Растенія здѣсь помогаютъ атмосферическимъ дѣятелямъ и разъѣдаютъ камни своими корешками. Мелкая зеленая травка осыпаетъ образовавшійся изъ старыхъ лишайниковъ слой чернозема точно мѣдной ярью или изумрудной оправой; иногда изъ расщелины скалы весело глянетъ на васъ розовымъ или синимъ глазкомъ сѣверный цвѣтникъ, занесенный сюда Богъ знаетъ откуда, иногда широко топорщатся широкіе листья или расползутся по откосамъ и ссадинамъ разныя каменки и горькая горная полынь.

Наша тропинка вилась теперь между двумя такими розсыпями, потомъ перекосила одну изъ нихъ и увела въ густую еловую заросль, которая зеленой щеткой покрывала широкую впадину почти на самомъ верху горы. Насъ сразу охватило смоли-

стымъ ароматнымъ воздухомъ, который накопился здѣсь за день. И я теперь уже слышалъ легкій запахъ гари, тянувшій со стороны недалекаго шихана.

— Теперь по самому по лбу идемъ... — объяснилъ Савка, развалисто ступая своими кривыми ногами.—Широченный у ей лобъ-отъ!..

Гора, на которую мы взбирались, называлась Лобастой, потому что имѣла форму волчьей головы; мы поднялись по самому крутому подъему, который велъ къ шихану. На Лобастой было два шихана, которые издали казались ушами каменной головы.

Съ каждымъ шагомъ впередъ горная панорама точно раздавалась все шире и шире и небо дѣлалось глубже. Гора Лобастая составляла центръ небольшого горнаго узла; отъ нея въ разныя стороны уходили синими валами другія горы, между ними темнѣли глубокіе лога и горбились небольшіе увалы, точно тяжелыя складки какой-то необыкновенно толстой кожи. Хвойный лѣсъ выстилалъ синѣвшую даль, сливаясь съ горизонтомъ въ мутную бѣлесоватую полосу. Гдѣ-то далеко желтѣлъ своими песчаными отвалами небольшой пріискъ, дальше смутно обрисовывалась глухая лѣсная деревушка, прятавшаяся у подножія довольно высокой горы съ двумя вершинами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ винтомъ поднимался синій дымокъ, тихо таявшій въ воздухѣ и расплывавшійся голубымъ пятномъ. Нѣсколько бойкихъ горныхъ рѣчекъ сбѣгались въ одну, которая смѣло пробивалась между загораживавшихъ ей дорогу прикрутостей и уваловъ; въ одномъ мѣстѣ она пробила скалистый берегъ, который вставалъ отвѣсной каменной стѣной, точно полуразрушившійся замокъ.

Надъ этой картиной плыло нѣсколько бѣлоснѣжныхъ облачковъ, прохваченныхъ по краямъ розовымъ золотомъ, густѣвшимъ и точно спекавшимся въ кровавый сгустокъ на самомъ западѣ, гдѣ багровымъ шаромъ спускалось надъ горами закатившееся солнце. Горизонтъ горѣлъ кровавымъ пожаромъ; это море огня дрожало и переливалось золотыми блестками, точно тамъ, сейчасъ за зубчатой линіей горизонта, колыхалась сплошная волна расплавленнаго золота. А здѣсь, на землѣ, уже чувствовалась наливавшаяся ночная свѣжесть, потянуло ароматомъ лѣсныхъ пахучихъ травъ—земля «дала паръ», какъ объяснялъ Савка. Надъ лѣсной опушкой толклись высокимъ столбомъ комары, гдѣ-то въ просоньѣ пиликала какая-то лѣсная «пичужка», неожиданно вырывалась изломанной линіей летучая мышь и быстро исчезала въ накоплявшейся мглѣ. Внизу, по логамъ и разсѣлинамъ, заползалъ волокнистый туманъ, кутавшій бѣлой пеленой

говорливыя рѣчки и ключики, рѣчную осоку, всѣ низины и болотины.

— Ведро будетъ... ишь какъ туманъ-то заходилъ, — проговорилъ Савка, перекидывая свою винтовку съ одного плеча на другое.—Кукша, цыцъ, треклятая!..

Вдали, точно подъ землей вопросительно гукнулъ сторожевой собачій лай, и Кукша отвѣтила подавленнымъ ворчаньемъ.

II.

На шиханѣ, вѣрнѣе подъ шиханомъ, дѣйствительно сдѣлала привалъ охотничья артель, съ «Карлой» во главѣ, какъ угадалъ Савка. Намъ на-встрѣчу вылетѣли два сеттера-гордона, чорные съ желтыми подпалинами, и сейчасъ-же напали на Кукшу, которая присѣла задомъ къ землѣ и по-волчьи защелкала зубами.

— Ну вы, дуроломы, отойдите! — кричалъ Савка на лаявшихъ господскихъ собакъ.—Въ хозяина шерсть-то вышли...

Шиханъ на Лобастой представлялъ собой острый каменный гребень саженъ въ двѣнадцать высотой; сейчасъ подъ нимъ образовалась въ мелкой пихтовой заросли небольшая лужайка. Мѣсто было порядочно дикое, но его скрашивали два охотничьихъ балагана, поставленныхъ одинъ противъ другого подъ самымъ шиханомъ. Такихъ балагановъ по горамъ разбросано безъ числа: въ нихъ скрываются отъ дождя и непогоды охотники, лѣсообъѣздчики и просто бродяги. Въ осеннюю дождливую пору, а особенно зимой такому балагану цѣны нѣтъ, и не одинъ охотникъ спасся здѣсь отъ вѣрной смерти, поэтому балаганы оберегаются, какъ общественное достояніе.

Теперь на лужайкѣ подъ шиханомъ горѣлъ яркій костеръ; около него собралась пестрая кучка охотниковъ. Въ центрѣ, около самаго огня, на бухарскомъ коврѣ лежалъ въ охотничьей венгеркѣ самъ «Карла», а около него лежали и сидѣли на травѣ человѣкъ пять лѣсообъѣздчиковъ. Надъ самымъ огнемъ висѣлъ походный котелокъ съ варевомъ и мѣдный чайникъ.

— Миръ на привалѣ...—здоровался Савка, входя въ полосу свѣта, падавшаго отъ огня.

— Миръ дорогой,—отозвался одинъ изъ объѣздчиковъ.—Да это ты, Савка?..

— Выходитъ, что я, Иванъ Васильичъ... Можно намъ заночевать?

— На-вотъ, всѣмъ мѣста хватитъ.

— А я вотъ барина по лѣсу водилъ, пристали... Кукша, цыцъ, стерва!..

— Пожалуйтъ, пожалуйтъ, каспада...—заговорилъ самъ Карла, приподнимаясь съ ковра.—Веста, тубо... назатъ!.. А это ти, Сафкъ...

— Я, Карла Иванычъ... Вотъ къ огоньку вашему прибрели съ бариномъ.

— Ошэнь ратъ... садитесь на мѣсту... Кого убилъ?

— Да такъ пустяки, Карла Иванычъ,—скромничалъ Савка, снимая съ плечъ свой пестрядевый мѣшокъ. — Двухъ поляшей залобовали да польнюшку [1]).

— Карошъ.

Мы познакомились, Карла Иваныча я зналъ по слухамъ. Онъ былъ управителемъ въ Кособродскомъ заводѣ и между рабочими слылъ подъ именемъ «Слава-богу» потому что называли Ивана Богослова — Иванъ Слава-богу. Это былъ чистокровный баварскій нѣмецъ—вспыльчивый, горячій и по своему добрый; онъ жилъ «на Россія» чуть не двадцать лѣтъ и говорилъ самымъ невозможнымъ ломанымъ языкомъ, но зато ругался по-русски мастерски. Рабочіе любили его, потому что Слава-богу хоть и былъ крутъ, но за то былъ и отходчивъ сердцемъ; обругаетъ, прогонитъ, а потомъ отойдетъ и все забудетъ. Бывало такъ, что онъ даже извинялся предъ простыми рабочими. «А шертъ минэ взялъ... мой не правъ... твой извиняйтъ»,—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ и рабочіе по-своему понимали этотъ тарабарскій языкъ. Наружность Карлы какъ нельзя больше соотвѣтствовала его внутреннему содержимому, средняго роста, коренастый, съ взъерошенными волосами, съ бѣлыми нѣмецкими глазами на выкатѣ, онъ точно былъ налитъ кровью. У Карлы не только было красное лицо, но и вся шея, даже руки. Козлиная бородка и усы, завинченные штопоромъ, придавали ему видъ «человѣка» изъ номеровъ для гг. пріѣзжающихъ или егеря средней руки. У насъ на Уралѣ онъ сходилъ за заводскаго управляющаго и даже за очень хорошаго управляющаго, хотя въ спеціально заводскомъ дѣлѣ ничего не смыслилъ. Уральскіе заводскіе управляющіе—народъ съ бору да съ сосенки, военные писаря, гардемарины, какіе-то забвенные шведы, канонисты и т. д., такъ что въ этой разношерстной средѣ, Слава-богу являлся настоящей находкой и пользовался громкой репу-

---

[1]) Поляшъ или косачъ — тетеревъ березовикъ, польнюшка—тетерька. Залобовать—убить.

таціей настоящаго дѣльца. Кровяные бифштексы, англійскій портеръ, рижскія сигары и вѣра въ то, что нѣтъ на свѣтѣ людей лучше нѣмцевъ, дѣлали изъ Карлы то, чѣмъ онъ былъ.

— А ви сюда... коверъ...—обязательно предлагалъ мнѣ Славабогу мѣсто около себя и сейчасъ-же налилъ водки въ походный серебряный стаканчикъ.—Зарядиться... мѣстъ опасный.

Пять человѣкъ лѣсообъѣздчиковъ смотрѣли въ глаза своему повелителю, какъ дрессированныя лошади, и старались предупредить малѣйшій его жестъ. Нáродъ былъ все рослый, здоровый и крайне плутоватый, потому что около господъ нельзя не избаловаться. Лучше другихъ былъ Иванъ Васильичъ, старый объѣздчикъ, степенный и благообразный старикъ, съ широкой грудью и сѣдыми подстриженными усами; онъ былъ изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и въ тонкости зналъ всякую субординацію и военную вытяжку. Охотничья закуска была намъ приготовлена въ лучшемъ видѣ, потому что первой обязанностью хорошаго лѣсообъѣздчика считается поварское искусство. Мы съѣли отличный супъ, пару рябчиковъ и какую-то кашу, а потомъ на сцену появились сардинки, копченый языкъ и даже страсбургскій пирогъ въ герметически закупоренной жестянкѣ. Карла ѣлъ за четверыхъ, запивалъ все водкой и портеромъ и болталъ безъ умолку на своемъ попугайскомъ языкѣ. Собаки почтительно дожидались подачки, облизывались и съ опущенными ушми униженно вертѣли хвостами.

— Хорошъ собакъ? — спрашивалъ Слава-Богу, облизывая свои пальцы,—Веста, кушъ... отличный сука!

Подкрѣпивъ свои силы всевозможными составами, нѣмецъ растянулся у огня и сейчасъ-же захрапѣлъ. Мой Савка развелъ огонекъ у другого балагана и варилъ убитую польнюшку въ горшечкѣ, который раздобылъ откуда-то изъ балагана. Кукша, положивъ свою острую морду съ торчавшими пнемъ ушами межъ переднихъ лапъ, слѣдила за каждымъ движеніемъ хозяина и вызывающе взмахивала пушистымъ бѣлымъ хвостомъ.

— Экъ этотъ Карла трескаетъ... страсть!—задумчиво говорилъ Савка, помѣшивая одной рукой въ своемъ горшечкѣ, а другой заслоняя лицо отъ летѣвшихъ искръ. — Чисто какъ въ бочку водку льетъ. Этакая прорва... И кажный день такъ-ту натрескается, а потомъ и дрыхнетъ, какъ стоялый жеребецъ. Иванъ Васильичъ, хошь моей похлебки?..

Иванъ Васильичъ молча подсѣлъ на корточки къ огоньку и раскурилъ деревянную трубочку, которую по солдатской привычкѣ носилъ за голенищемъ.

— Хороша у васъ сучка-то...—проговорилъ Савка, отставляя горшокъ отъ огня.

— Ничего...—протянулъ Иванъ Васильичъ, насасывая свою трубочку.—На дупелей стойку держитъ, на копалятъ [1]) тоже...

— Ну, это пустое... а такъ, баская собачка. Вы куда?

— Подъ Мохнатенькую... Карлѣ пуще всего болото: хлѣбомъ не корми, а подъ Мохнатенькой болотина верстъ на пять.

— Знаю... Куликовъ стрѣлять? Извѣстно, господская охота... все въ лѣтъ надо.

Савка презрительно улыбнулся, потому что куликовъ и всякую другую болотную дичь считалъ поганой. Самъ онъ стрѣлялъ только въ сидячую птицу, да и то изъ винтовки, потому что его винтовка пороху принимала самую малость, а это большой разсчетъ для настоящаго охотника.

А лѣтняя горная ночь уже давно все кругомъ закутала своимъ мягкимъ сумракомъ, который сгустился по логамъ и въ лѣсу въ черную мглу. Горы приняли фантастическія очертанія, точно онѣ выросли и поднялись выше; лѣсъ превратился въ сплошныя темныя массы, неподвижно обложившія все кругомъ. Сильно пахло свѣжей травой и смолевымъ деревомъ. Пала роса, что предвѣщало завтра хорошую погоду. Лѣтнія ночи, по моему, особенно хороши именно этой росой и густыми туманами, чего не бываетъ весной, когда стоишь на тягѣ—отъ сухой травы пахнетъ чѣмъ-то мертвымъ, а тутъ точно все дышетъ около васъ. Я долго любовался измѣнявшейся картиной сѣвернаго неба, которое сейчасъ послѣ солнечнаго заката сильно потемнѣло и только мало-по-малу «отошло» и приняло великолѣпный голубой цвѣтъ. Полярная звѣзда, Большая Медвѣдица горѣли лихорадочнымъ свѣтомъ; Млечный Путь теплился матовымъ фосфорическимъ блескомъ. Въ одномъ мѣстѣ черкнула по небу падавшая звѣзда, точно кто въ темной комнатѣ зажигалъ спичку о стѣну. Падавшія звѣзды производили на Савку какой-то суевѣрный ужасъ, и онъ долго шепталъ какую-то молитву.

— Это андедъ Божій палъ на земь,—объяснялъ онъ.—По душу Господь его послалъ, по праведную.

Лежа въ балаганѣ, на широкихъ палатяхъ, я долго не могъ заснуть, хотя усталъ страшно. Въ открытыя двери балагана мнѣ видна была вся площадка, освѣщенная двумя кострами. Недалеко бродили по травѣ спутанныя лошади, тяжело падая на переднія

---

[1]) Глухаря самку на Уралѣ называютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ копалухой, а глухарятъ копалятами.

ноги при каждомъ прыжкѣ. Гдѣ-то ухнулъ филинъ и замолкъ; ночная птица нѣсколько разъ шарахнулась надъ самымъ огнемъ и заставила Савку обругаться. «О будь ты проклята, некошная!» ругался онъ за свой испугъ.—«Эхъ ее взяло, проклятущую»... Иванъ Васильичъ, похлебавъ изъ горшечка охотничьяго варева, облизалъ ложку, вытеръ усы и, снявъ кожанную фуражку, помолился на востокъ.

— Ну, что у васъ на Кособродскомъ?—спрашивалъ Савка, раскуривая бумажный крючокъ.

— Да чего тебѣ новаго-то... Дровосушки закрыли. Наладили новую печь, Сименсомъ зовутъ, труба высоченная, ну, такъ эта печь сырыя дрова-то жретъ. Слышь, щепамъ да корьемъ можно топить... Дѣвкамъ теперь на дровосушныхъ печахъ никакой работы не стало, а только которы еще поденьщиной перебиваются.

— А будь онѣ отъ меня трижды прокляты эти дровосушныя печи!—азартно проговорилъ Савка, бросая окурокъ въ траву.

— Не забылъ разѣ еще Анки-то? Ахъ ты, песъ тебя возьми... ишь вѣдь... а?.. Экой у тебя карахтеръ, Савка... чистой ты дьяволъ, ежели разобрать... а?

— Хуже дьявола, потому какъ...

Савка не докончилъ рѣчи и началъ крутить новый крючокъ.

III.

Мнѣ пришлось познакомиться съ Савкой въ лѣсу, на охотѣ около глухой деревушки Студеной. Дѣло было осенью, подъ вечеръ, когда нужно было позаботиться о ночлегѣ.

— Пойдемъ, баринъ, ко мнѣ, заночуемъ... — предложилъ Савка. — Я въ Студеной живу...

Вѣроятно, многимъ случалось пользоваться такими любезными приглашеніями, а затѣмъ на повѣрку оказывалось, что у гостепріимнаго хозяина изба полна ребятъ и жена хуже чорта. Видъ Савки говорилъ не въ его пользу, и я колебался принять его предложеніе.

— Да ты чего, баринъ, сумлѣваешься?—заговорилъ Савка, угадывая мою мысль. — Я въ своемъ дому хозяинъ, не сумлѣвайся... Вѣрно тебѣ говорю!.. У меня избушка теплая, самоваръ оборудуемъ...

Мы отправились. Деревушка Студеная была недалеко отъ золотыхъ промысловъ, и намъ приходилось тащиться въ кромѣшной тьмѣ верстъ пять, рискуя каждую минуту свалиться куда-нибудь

въ шахту. Я вполнѣ положился на охотничью опытность Савки и брелъ за нимъ ощупью. Наконецъ, показалась и Студеная. Избушка Савки стояла на самомъ краю и была безъ воротъ и двора; ходъ въ нее шелъ прямо съ улицы. Въ избѣ огня не было; насъ встрѣтила высокая здоровенная баба, которая сначала обыскала карманы и пазуху Савки, а потомъ принялась ругаться.

— И чего ты, шатунъ, ведешь незнакомаго барина, на ночь глядя?—ругалась достойная половина Савки.—Въ избѣ и мѣста-то нѣтъ совсѣмъ...

Въ избѣ Савки, дѣйствительно, мѣста совсѣмъ не оказалось: на полу, на лавкахъ, на палатяхъ — вездѣ валялись ребята. У Савки было восемь человѣкъ дѣтей и самый меньшой качался еще въ зыбкѣ. Мнѣ ничего не оставалось, какъ только ругать про себя и дурака Савку, и свою глупую довѣрчивость.

— Намъ бы, Анка, насчетъ самоварчика? — попробовалъ робко заявить Савка предъ своей разгнѣванной половиной.

— Самоварчикъ?!.. да гдѣ я тебѣ его возьму?—съ азартомъ закричала Анка, наступая на мужа съ сжатыми кулаками.— Заведи сперва самоварчикъ-то, а потомъ и справляй, а то у меня и чугунки-то нѣтъ...

— Да ты что больно зудишь? — заговорилъ Савка съ очевиднымъ намѣреніемъ показать себя настоящимъ хозяиномъ въ своемъ дому:—я тебя расчешу, постой... я тебѣ...

Вмѣсто отвѣта Анка схватила ухватъ и со всего плеча принялась ломить «хозяина своего дома», по чему попадя. Ребятишки проснулись и заревѣли. Я ожидалъ жестокой схватки, но Савка подъ градомъ сыпавшихся на него ударовъ улизнулъ на печку и уже оттуда кричалъ на жену: «Погоди, Анка, вотъ я тебя расчешу... будетъ тебѣ зудить-то!»

— Охъ, погубитель... охъ разбойникъ, нѣтъ на тебя пропасти-то, на окаяннаго!..—неистово голосила Анка, стараясь ударить Савку по самому чувствительному мѣсту, по головѣ, въ животъ или по хребту.—Гли-ко, ребятишекъ-то наплодилъ полную избу, а самъ все на проклятомъ винищѣ протрескиваетъ... Всѣ, вѣдь, видятъ мою-то муку мученицкую!..

Савка ругался, кричалъ, но даже не пытался сопротивляться, а только защищалъ себя руками и ногами, какъ перевернутый на спину таракань. Дѣло кончилось тѣмъ, что, утомившись колотить мужа, Анка сѣла посреди пола и принялась причитать, какъ по покойникѣ, причемъ для перваго знакомства разсказала всю подноготную про мужа: какъ онъ въ третьемъ годѣ последнюю телушку свелъ въ кабакъ, какъ потомъ, когда она рожала

послѣдняго ребенка, Савка отбилъ замокъ у ея сундука и пропилъ всю одежу до нитки, какъ и т. д.

Я провелъ подъ гостепріимной кровлей Савки пресквверную ночь и утромъ на другой день былъ крайне удивленъ картиной полнѣйшаго примиренія супруговъ. Дѣло объяснилось какимъ-то недоумѣніемъ въ разсчетахъ: Анка заподозрила мужа въ сокрытіи нѣсколькихъ пятаковъ, чего не оказалось въ дѣйствительности.

— Она, Анка-то славная у меня...—докладывалъ Савка. — И меня любитъ, а только на руку больно скора, когда разстервенится. Конешно, есть тутъ и мое звѣрство...

Анка при дневномъ свѣтѣ была еще некрасивѣе, чѣмъ при искусственномъ освѣщеніи. Это была здоровенная, высокая баба съ необыкновенно широкой спиной и некрасивымъ желтымъ лицомъ; она точно вся была сдѣлана изъ дерева, притомъ сдѣлана столяромъ-самоучкой, который больше всего заботился о крѣпости своего произведенія. Въ своей избушкѣ Анка являлась настоящей рабочей машиной, не знавшей устали; единственнымъ недостаткомъ этой машины была только ея неистощимая производительность. За двадцать лѣтъ супружества Анка принесла восемнадцать ребятъ, изъ которыхъ десять она похоронила.

— А пропасти на васъ нѣтъ... хошь бы передохли всѣ до единаго!—кричала Анка на ораву ребятишекъ съ утра до ночи. —Который померъ — и слава Богу, не мается самъ и меня не тянетъ... А отцу чтó, хоть околѣй мы тутъ, ему бы только вино. Охъ ужъ и жисть-же только: какъ колесомъ по тебѣ ѣздятъ...

Не смотря на свою видимую суровость, необыкновенную скорость на руку и способность голосить, Анка была самой примѣрной женой и по своему очень любила мужа и дѣтей. Каждый новый дѣтскій гробокъ она оплакивала по мѣсяцамъ, пока новый ребенокъ не отнималъ у нея послѣднія свободныя отъ работы минуты. Савку за глаза Анка никогда не ругала и никому не жаловалась на свое положеніе, какъ дѣлаютъ другія бабы, даже напротивъ, она яростно защищала его предъ общественнымъ мнѣніемъ Студеной и готова была перегрызть горло каждой бабенкѣ, которая скажетъ что-нибудь нехорошее про Савку.—Онъ, Савка-то, вѣдь совсѣмъ особенный, не какъ другіе... — объяснила мнѣ однажды Анка про мужа и этимъ однимъ словомъ было сказано все.

Вотъ исторія Савки въ короткихъ словахъ.

Жилъ въ Кособродскомъ заводѣ одинъ мужикъ по прозванію Крохаль. Это былъ настоящій богатырь—высокій, плечистый, широкій въ кости, съ желѣзной рукой; онъ въ свободное отъ за-

водской работы время промышлялъ звѣрованьемъ и на своемъ вѣку залобовалъ за сорокъ медвѣдей. Какъ всѣ слишкомъ развитые физически люди, старый Крохаль не получилъ соотвѣтствующаго развитія умственныхъ способностей и даже былъ «слабоватъ головой»; избытокъ матеріи перевѣшивалъ въ немъ болѣе тонкія психическія отправленія. Между прочимъ, этотъ медвѣдь въ человѣческомъ образѣ испытывалъ какой-то паническій ужасъ, когда ему приходилось идти въ заводскую контору или къ приказчику; Крохаль всегда говорилъ, что ему лучше идти одинъ-на-одинъ на медвѣдя, чѣмъ къ начальству. Извиняющимъ обстоятельствомъ для стараго Крохаля было только то жестокое крѣпостное время, когда на заводахъ съ рабочими обращались, какъ съ преступниками, даже хуже. По необъяснимой игрѣ природы, у богатыря Крохаля былъ сынъ лядащій мужичонко Савка Крохаленокъ и, по еще болѣе необъяснимой игрѣ природы, въ этомъ лядащемъ Крохаленкѣ отъ младыхъ ногтей проявлялись именно тѣ самыя душевныя свойства, какихъ не доставало отцу. Начать съ того, что Савка Крохаленокъ не боялся рѣшительно никого и ничего на свѣтѣ и гордо отстаивалъ свое я отъ всякихъ поползновеній на его неприкосновенность. Сначала мальчишки, потомъ подростки и мужики—всѣ узнали въ Савкѣ особеннаго человѣка, котораго не тронь. Однимъ словомъ, Крохаленокъ оказался отчаянной башкой, которому вездѣ было море по колѣно и все—трынъ-трава. Старики дивились въ Савкѣ его необыкновенному уму: онъ все понималъ по своему и все умѣлъ представить въ самомъ смѣшномъ видѣ, съ той безпощадной ироніей, на какую способны только особенные мужицкіе мозги. Савка и говорилъ не какъ люди, а совсѣмъ по своему, какъ говорятъ всѣ талантливые выродки и отщепенцы: мысль выражалась полусловами, намеками, загадками, точно это была бурлившая горная рѣчка, которая прокладывала себѣ извилистое теченіе черезъ тысячи препятствій

— Ужъ Савка скажетъ – какъ завяжетъ!—дивились мужички.

—Мудреный, песъ...

— Не больно завидно мудренѣе васъ-то быть, — огрызается Савка. – Всѣ вы, какъ бараны, другъ за дружкой ходите... Всякій своего ума боится.

— А ты поживи за насъ своимъ-то умомъ, Савка.

— И поживу.

Особенному человѣку Савкѣ скоро вышла и особенная судьба. Онъ работалъ на заводской фабрикѣ, въ кричной; на фабрикѣ же при дровосушныхъ печахъ работала и Анка. Что понравилось

Савкѣ въ ней—трудно сказать, но только онъ крѣпко привязался къ Анкѣ и вездѣ ходилъ за ней, какъ хорошій гусь. Вѣроятно, эта связь прикрылась бы вѣнцомъ и былъ бы тому дѣлу конецъ, но на бѣду Савки не такъ вышло. Приказчикомъ въ Кособродскомъ на ту пору случился Чернобровинъ, изъ крѣпостныхъ служащихъ; это былъ благочестивый тихонькій старичекъ, большой охотникъ до ядреныхъ и рослыхъ бабъ. Чернобровинъ увязался за Анкой и при помощи своихъ клевретовъ получилъ желаемое, т.-е. въ одну прекрасную ночь Анка очутилась въ господскомъ домѣ, прямо въ когтяхъ благочестиваго старца. Вся фабрика замерла въ ожиданіи, что выкинетъ Савка Крохаленокъ по такому исключительному случаю. И Савка дѣйствительно выкинулъ: Чернобровина нашли задушеннымъ въ своей квартирѣ, причемъ преступленіе было совершено среди бѣлаго дня съ отчаянной смѣлостью. Наѣхалъ судъ и первымъ дѣломъ, конечно, схваченъ былъ Савка. Несмотря на всевозможные подходцы и придирки, прямыхъ уликъ противъ Савки судъ не могъ найти и до окончанія дѣла препроводилъ Савку въ острогъ. Съ этого момента въ жизни Савки начинается рядъ подвиговъ, прославившихъ его имя на нѣсколько уѣздовъ: онъ шесть разъ уходилъ изъ острога, наводилъ грозу на цѣлыя селенія и снова попадался въ острогъ, благодаря своей слабости къ родному гнѣзду и къ своей Анкѣ. Онъ не могъ прожить больше году, чтобы не объявиться въ Кособродскомъ и притомъ являлся всегда смѣло, съ отчаянной энергіей и замѣчательнымъ хладнокровіемъ.

— Ужъ знаю, что взловятъ меня, а иду домой,—разсказывалъ Савка:—какъ въ петлю иду и никого не боюсь. Чего мнѣ было бояться, когда люди меня боялись хуже огня?.. Даже смѣшно въ другой разъ бывало надъ ихней глупостью!.. Приду въ Кособродскій ночью, прямо въ кабакъ: отворяй!... Цѣловальникъ трясется, какъ осиновый листъ, только его не тронь, и прямо меня за стойку, какъ дорогого гостя—еще мнѣ же кланяется... А тамъ ужъ донесутъ въ контору, потому караулятъ меня, ну, сейчасъ ударятъ на пожаръ, народъ и повалитъ Савку ловить къ кабаку. А на меня самое это звѣрство нападетъ: сижу въ кабакѣ и не могу съ мѣста встать—такъ бы я всѣхъ этихъ дураковъ въ крошки расшибъ, потому боятся одного человѣка. И уходилъ, изъ глазъ у всѣхъ уходилъ, развѣ когда соннаго возьмутъ.

— Какъ же ты уходилъ?

— Да такъ... больше по своей смѣлости, потому человѣкъ ежели разстервенится, хуже онъ въ тѣ поры всякаго звѣря. Ну, кому свою-то голову охота было подставлять, да и крѣпостные

тогда были, не по своей волѣ ловили меня, а тутъ еще свои дружки-пріятели помогали. Гдѣ тутъ въ свалкѣ ночью-то разберешь—одинъ крикъ да гамъ, какъ на пожарѣ, а я, глядишь, и вывернулся... Ну, а какъ воля пришла, этихъ самыхъ прикащиковъ прежнихъ не стало, лютовать-то не передъ кѣмъ, ну и самъ пришелъ въ острогъ-то и объявился. Таскали-таскали меня по острогамъ, а потомъ въ подозрѣніи оставили и выпустили, потому, какъ большая неправда прежде по заводамъ была и утѣсненіе народу. Много насъ этакихъ-то въ бѣгахъ состояло, по горамъ бродили, какъ олени... Ныньче тихо все, потому ужъ не тѣ времена.

— Ну, а Анка что?

— Анка?.. Конечно, вышелъ тогда съ ней грѣхъ, только это грѣхъ подневольный, а тѣмъ море не испоганилось, что песъ налакалъ...

Нужно замѣтить, что крѣпостное время съ его варварскими порядками создало на уральскихъ горныхъ заводахъ два характерныхъ явленія, служившихъ какъ бы сторонами одной и той же медали: это заводскіе разбойники и заводскіе дураки. Около такихъ разбойниковъ, на сторонѣ которыхъ были всѣ симпатіи населенія, сложились цѣлыя легенды, но, достаточно указать на тотъ фактъ, что прошло всего какихъ-нибудь 25 лѣтъ воли, какъ тѣ и другіе совершенно исчезли, вмѣстѣ съ создавшими ихъ причинами. Такъ Савка до воли состоялъ въ бѣгахъ и наводилъ панику, какъ завзятый разбойникъ, а когда настала воля — онъ просто перешелъ въ разрядъ тѣхъ «особенныхъ» людей, какихъ выдвигаетъ изъ себя крестьянскій міръ въ видѣ исключеній.

И занятіе себѣ Савка выбралъ «особенное», ни отъ кого не зависящее — охоту. Замѣтимъ здѣсь въ скобкахъ, что для мужика собственно охоты какъ удовольствія, въ барскомъ смыслѣ этого слова, не существуетъ, и даже самое слово «охота» или «охотникъ» считаются обидными, потому что господа стрѣляютъ всякую погань—куликовъ, воробьевъ и т. д.; мужикъ звѣруетъ, т.-е., какъ старый Крохаль, бьетъ только звѣря, или лѣсуетъ, т.-е., какъ Савка, бьетъ птицу и звѣря. Отъ старинныхъ временъ сохранился еще терминъ: ясачить, который часто употребляется на Уралѣ, но не въ своемъ собственномъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ добыванія ясака. Савка отлично зналъ мѣста на сто верстъ кругомъ и могъ жить безбѣдно, промышляя лѣсованьемъ, но его губила водка — онъ часто не доносилъ вырученныхъ за дичь денегъ, за что и получалъ законную трепку отъ Анки.

— Ужъ супротивъ Савки не сдѣлать,—говорили про него другіе мужики: — его и птица всякая знаетъ, и звѣрь, потому какъ онъ слова такія знаетъ..: Вѣдь онъ того, не къ ночи будь сказано: съ нечистой силой знается.

Въ сущности Савка, какъ большинство настоящихъ охотниковъ, былъ поэтъ въ душѣ и крайне наблюдательный человѣкъ, которому до тонкости были извѣстны всѣ привычки, особенности и образъ жизни каждой дичи. Онъ являлся настоящимъ хозяиномъ въ лѣсу.

— Зачѣмъ же ты пьешь такъ, что зоришь самъ себя?—нѣсколько разъ спрашивалъ я Савку.—Вѣдь ты могъ бы жить не хуже другихъ?

— Отъ звѣрства отъ своего и пью... — коротко объяснялъ Савка.—Вѣдь ты у меня не былъ на душѣ-то у пьянаго? То-то вотъ и есть, а я, можетъ, жисти своей не радъ... Какъ пойдутъ въ башкѣ круги да столбы, начнется тоска... Охъ, да что тутъ говорить, баринъ!.. А то раздумаешься-раздумаешься...

Таковъ былъ особенный человѣкъ Савка, составлявшій вполнѣ органическое цѣлое съ своей Анкой.

IV.

На шиханѣ утромъ мы поднялись очень рано, потому что Савка обѣщалъ Слава-богу показать какое-то дупляное болото сейчасъ подъ Лобастой горой.

Въ горахъ даже самыя лучшія іюльскія утра очень холодны и нагоняютъ непріятную дрожь. Солнце подымается въ туманной мглѣ горизонта багровымъ шаромъ безъ лучей, точно оно отдѣлено отъ васъ громаднымъ матовымъ стекломъ; утренній свѣтъ льется откуда-то сверху дрожащей волной, которая дробится миріадами искръ въ ночной росѣ, еще покрывающей траву и деревья. Въ логахъ колышется густыми массами туманъ; гдѣ-то изъ-за горы онъ всплылъ вверху небольшимъ бѣлымъ облачкомъ. Зелень свѣжа и рѣжетъ глазъ своимъ блескомъ, какъ только-что ограненный драгоцѣнный камень. Все кругомъ дышетъ наливающейся силой лѣтняго дня и вы чувствуете эту силу, какъ и то, что вы ничтожная пылинка въ этомъ грандіозномъ концертѣ природы. Вздрагиваешь, надѣвая покоробившіеся за ночь охотничьи сапоги, вздрагиваешь, когда солнце ударитъ въ глаза ослѣпляющимъ свѣтомъ, вздрагиваешь отъ перваго слабо дохнувшаго вѣтерка, поднявшаго накопившійся за ночь въ лѣсу тяжелый ароматъ, а тамъ стоитъ густая трава по

поясъ, которая промочитъ васъ до нитки на нѣсколькихъ саженяхъ пути.

— Важное утречко издалось...—говоритъ Савка, залѣзая плечами въ свой пестрядинный мѣшокъ.—Пусть ужо Карла вгоняетъ куликовъ въ болотѣ, ноги-то у него долгія.

Слава-богу совсѣмъ одѣтъ и уже красенъ, какъ зажаренный съ кровью барашекъ. Обѣ собаки съ нетерпѣніемъ слѣдятъ, какъ онъ надѣваетъ на себя патронницу и заряжаетъ свою бельгійскую двустволку центральнаго боя; Веста слабо взвизгиваетъ отъ радости и взмахиваетъ хвостомъ, готовая сейчасъ ринуться въ мокрую траву, опустивъ носъ къ землѣ.

-- Пошла, Савкъ?—спрашиваетъ Слава богу, опрокидывая серебряный охотничій стаканчикъ.

— А я, Карла Иванычъ, этихъ самыхъ куликовъ одинова набилъ цѣлый десятокъ шапкой,—разсказываетъ Савка, трогаясь въ путь своей развалистой походкой.

— Врать...—скептически замѣчаетъ Иванъ Васильичъ, потягиваясь въ сѣдлѣ и зѣвая.

— Ей-Богу, сейчасъ помереть... Утренничекъ былъ этакъ въ успленьевъ постъ, ну имъ росой-то крылушки и заморозило. Я иду около болота, а они передо мной порхъ-порхъ... Взлетѣть-то и не могутъ. Ну, я снялъ шапку, да шапкой ихъ и ловилъ.

Мы идемъ съ Савкой впереди. За нами въ линію вытянулись лѣсообъѣздчики; лошади фыркаютъ и громко лязгаютъ подковами по камнямъ. Слава-богу молча сосетъ сигару, продолжая дремать въ сѣдлѣ; объѣздчики тоже дремлютъ и потихоньку зѣваютъ. Шиханъ и пихтовая заросль остались назади, а передъ нами крутой спускъ съ горы между розсыпями. Видъ на горы отсюда утромъ необыкновенно хорошъ. Воздухъ совершенно прозраченъ и простымъ глазомъ замѣтно, какъ онъ дрожитъ и переливается въ яркомъ утреннемъ свѣтѣ солнца. Синевато-сѣрая даль точно поднесена. Можно разсмотрѣть даже Кособродскій заводъ, до котораго отъ Лобастой вѣрныхъ тридцать верстъ; ближе спряталась въ лѣсу Студеная, около нея сѣрыми пятнами выдѣляются золотые пріиски. Лѣсъ въ логахъ принимаетъ какой-то фіолетовый оттѣнокъ, и только курени и поруби остаются свѣтло-зелеными, точно громадныя заплаты. Глазъ отдыхаетъ на этой картинѣ широкаго простора, дышется такъ вольно и является скромное желаніе подняться куда-то выше, въ синеву неба, гдѣ черными точками плаваютъ чорные орлы.

Между розсыпями трава по поясъ; бѣлыя шапки душистаго горнаго шалфея, иванъ-чай и малина лѣпятся около самыхъ камней, точно живая бахрома. Въ одномъ мѣстѣ изъ-подъ куста

жимолости вынырнулъ зайченокъ и пустился на утекъ въ траву; Веста вздрогнула, согнулась и, какъ пущенная изъ лука стрѣла, пустилась въ догонку за бѣглецомъ. Слава-богу спрыгнулъ съ лошади и пустился бѣгомъ за собакой, выкрикивая хриплымъ голосомъ: «Веста, Веста... канайль!.. швинъ!» Быстрая на бѣгу Веста совсѣмъ начала настигать зайченка, но хитрая звѣрушка, спасая свой заячій животишко, сдѣлалъ крутой поворотъ назадъ и стремглавъ полетѣлъ прямо на насъ. Разбѣжавшейся собакѣ нужно было выгнуть большой кругъ, чтобы вернуться назадъ.

— Охъ, баринъ!..—вдругъ крикнулъ Савка какимъ-то не своимъ голосомъ, пустившись бѣжать къ Карлѣ.—Ой, баринъ... стой!..

Но было уже поздно, Слава-богу успѣлъ выстрѣлить, и бѣдная Веста съ дикимъ воемъ упала въ траву. Дальше произошло что-то необыкновенное: Савка подбѣжалъ къ Слава-Богу и какъ-то по-волчьи схватилъ его прямо за горло. Прежде чѣмъ объѣздчики успѣли опомниться, Савка уже катался по травѣ съ Карлой однимъ живымъ комомъ. Когда мы подбѣжали на выручку, Слава-богу уже сидѣлъ на Савкѣ и колотилъ его прямо по лицу своими красными кулаками.

— Бей, бей...—хрипѣлъ Савка, закрывая глаза.—Лучше меня бей...

— А... канайль... швинъ!.. — ревѣлъ Карла, продолжая обработывать побѣжденнаго непріятеля.—Ты меня хотѣлъ убивайтъ... душилъ за горломъ...

— И задушу... вотъ постой, нѣмчура... я те покажу...

Мы кое-какъ растащили сцѣпившихся враговъ, и странно было то, что Савка не отпускалъ нѣмца, а не наоборотъ.

— Отцѣпись ты, дьяволъ!—кричалъ Иванъ Васильичъ, напрасно стараясь разжать судорожно скорченныя руки Савки.— Точно клещъ впился... Дьяволъ, тебѣ говорятъ: пущай...

— Бей меня, а то пса губить... живодеры, мошенники! — ревѣлъ Савка, продолжая барахтаться.

Пятеро здоровенныхъ мужиковъ едва могли оторвать Савку. Слава-богу смотрѣлъ кругомъ ошалѣлыми глазами, не понимая, что такое случилось. Веста неистово визжала, ползая въ травѣ.

— А шортъ минэ взялъ... а шортъ тебя взялъ... Зачево меня душилъ?..—спрашивалъ Слава-богу, повертываясь.—Стрѣлялъ мой собакъ... твой меня душилъ...

— У! нехристь...—шипѣлъ Савка, стараясь вырваться изъ рукъ объѣздчиковъ.

Этотъ неожиданный эпизодъ совсѣмъ разстроилъ нашу охоту. Слава-богу уѣхалъ съ лѣсообъѣздчиками, а я остался съ Савкой

на розсыпи. Этотъ странный человѣкъ долго молча лежалъ въ травѣ и только вздрагивалъ всѣмъ своимъ тщедушнымъ тѣломъ. Я принесъ ему воды въ берестяномъ чуманѣ и легъ на траву; въ десяти шагахъ отъ насъ валялась убитая Веста, надъ которой уже начали кружиться какія-то зеленыя мухи. Гдѣ-то въ воздухѣ слышался ребячій крикъ коршуна и щекотанье польнюшки-матки, сторожившей на ягодникѣ свой выводокъ. Тихо-тихо набѣгалъ утренній вѣтерокъ, колыхалъ высокую траву и скрывался въ лѣсной заросли съ тихимъ шопотомъ. Въ травѣ стрекотали кузнечики и ползала всякая мелкая тварь, можетъ быть, жившая всего однимъ этимъ днемъ и поэтому наслаждавшаяся самымъ фактомъ своего существованія. По небу плыли легкія облачка, вытягивая за собой по горамъ длинныя тѣни.

Савка безмолвно пролежалъ съ полчаса, а потомъ сѣлъ и тяжело вздохнулъ. Лицо у него вспухло, одинъ глазъ совсѣмъ затекъ; на зипунѣ и на рукахъ оставались кровавыя пятна. Онъ ощупалъ что-то за пазухой и только покачалъ головой, а потомъ отправился къ тому мѣсту, гдѣ происходила свалка. Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялъ съ земли маленькій ножъ, который всегда носилъ за пазухой.

— Ишь ты, проклятый... вывалился изъ-за пазухи-то, — какъ-то въ раздумьѣ проговорилъ онъ, разглядывая ножъ. — Ну, счастливъ Карла, а то я бы ему выпустилъ всѣ кишки.

— Это изъ-за собаки?

Савка посмотрѣлъ на меня, отрицательно покачалъ головой и въ прежнемъ раздумьѣ заговорилъ:

— Не помню, изъ ума вышибло... Ахъ, баринъ, баринъ!.. Какъ это Карла нацѣлился въ собаку, такъ у меня точно что порвалось въ нутрѣ... Не помню ничего, что дальше было, а только помню, какъ онъ меня по рожѣ лѣпилъ. Да мнѣ это наплевать, а вотъ псицу жаль... Зачѣмъ онъ ее порѣшилъ безъ вины? Не могу я этого самаго звѣрства видѣть, потому во мнѣ все нутро закипитъ... Охъ, вездѣ неправда, вездѣ темнота, вездѣ это самое звѣрство! Ты теперь разбери, баринъ, кто лучше: звѣрь или человѣкъ?

— Какой звѣрь, какой человѣкъ?

— А всякой... Звѣрь лютуетъ съ голоду, ему пропитанье нуженъ, а такъ всякой звѣрь, какъ ребенокъ малый. Возьми ты даже медвѣдя... Начто волкъ лютъ, а и тотъ сытый не тронетъ. А вотъ человѣкъ-то не такъ... Онъ сытый-то еще, пожалуй, хуже... Вѣрно!.. Лютости этой въ человѣкѣ, звѣрства — пропасть... Я всякаго звѣря люблю, потому звѣрь справедливѣе завсегда человѣка. А ужъ касательно лошади али пса — такъ и говорить не-

чего... Я никогда не трону лошадь али пса, потому куда бы мы поспѣли безъ нихъ? Конечно, говорятъ, что души въ нихъ нѣтъ только, а я такъ думаю, что хоть плохонькая душонка да должна быть... Я тебѣ какой случай скажу. Ѣхалъ какъ-то черезъ нашъ Кособродскій одинъ купецъ, онъ на ярмарку ѣхалъ. Денегъ при немъ тыщи три было... Ну, остановился у знакомыхъ мужиковъ, покормилъ лошадь, а лошадь у него своя была, преотличная лошадь. Уѣхалъ купецъ, а мужики, у которыхъ онъ останавливался, больно озарились на его деньги, сейчасъ въ погоню, догнали его, да и убили. Ну, убитаго купца затащили въ лѣсъ да въ ширфъ и бросили, а сверху елочками закидали... Теперь куда съ лошадью дѣться, а лошадь дорогая, примѣтная. Эти самые убивцы взяли эту самую лошадь да къ сосенкѣ на цѣпь и приковали и на ноги желѣзныя путы надѣли. Думаютъ, помретъ на этомъ самомъ мѣстѣ съ голоду,—и конецъ всему дѣлу. Хорошо... А лошадка-то три дни стояла у сосенки да грызла ее, да и перегрызла, а потомъ съ путами-то и поскакала домой. Семьдесятъ верстъ, сердешная, проскакала она въ путахъ и прямо на дворъ къ хозяину. Какъ увидали ее—всѣ всполошились, конешно, и по слѣду назадъ поѣхали, потому изъ ногъ-то у ней кровь все лила по дорогѣ, а она впередъ идетъ и прямо въ Кособродскій къ намъ привела, къ тому двору, гдѣ убивцы жили. Ну, народъ, конешно, собрался, всѣ признали лошадь-то и всѣ на убивцовъ: признавайтесь... Помялись-помялись они и прямо міру въ ноги: «Наше дѣло... мы убили купца. Простите!» Признаться признались, а куда убитаго купца дѣли—не сказываютъ. Тогда опять эту самую лошадь и пустили впередъ... Что-бы ты думалъ, вѣдь она повела: идетъ впереди, а народъ за ней такъ валомъ и валитъ. Плачетъ народъ-то, такъ это жалостливо все вышло. Ну, привела лошадь къ самой шахтѣ, въ которую купца бросили и встала. Тутъ его и нашли... Такъ народъ что тогда дѣлалъ: ревмя ревѣли, не надъ купцомъ, а надъ лошадью! Изгибла, сказываютъ, скоро, потому ноги себѣ путами всѣ извела...

— Почему же эти мужики не убили лошадь тогда, когда убивали купца?

— Ахъ, какой ты непонятный, баринъ... Человѣка-то, поди, легче убить, чѣмъ скотину, потому она безотвѣтная тварь, только смотритъ на тебя. На купца, значитъ, рука поднялась, а на лошадь не поднялась. У насъ въ дому какой случай былъ. Жеребушечка у отца росла, да ножку себѣ и сломала. Куда съ ней, какъ не пришибить? Ну, отецъ взялъ винтовку, зарядилъ, пошелъ

стрѣлять жеребушку—и воротился... Медвѣдей билъ, а жеребушку не могъ порѣшить. Думали-думали, послали за однимъ пропойцой, Тишкой звать. Отчаянная-преотчаянная башка, настоящій душегубецъ... Ну, Тишка и говоритъ: «ставь полштофъ водки, тогда и жеребушку вашу порѣшу». Повели его въ кабакъ, выставили полштофъ. Тишка его выпилъ и къ намъ. Отецъ-то со страховъ въ избу спрятался и на крючокъ заперся. Ей-Богу! Ну, а Тишка взялъ топоръ, замахнулся и бросилъ... «Не могу, говоритъ, рука не подымается, хошь что хошь со мной дѣлайте. Обратно вамъ полштофъ вашъ выставлю»... И выставилъ, а жеребушечка ужъ сама изгибла. Вотъ оно, баринъ, какое дѣло-то выходитъ! При всемъ нашемъ звѣрствѣ и то руки опускаются, а тутъ еще баринъ называется и пса стрѣляетъ. Песъ-то, можетъ, лучше его былъ...

Въ этомъ безсвязномъ разсказѣ Савки рельефно обрисовывались основанія его оригинальнаго міросозерцанія. Сознаніе Савки было подавлено проявленіями человѣческаго «звѣрства» и «лютости»; его пытливый умъ прилѣпился къ безграничному лѣсному простору, и здѣсь, въ мірѣ животныхъ, онъ находилъ погибшую въ людяхъ правду... Савку не страшили самыя дикія проявленія желѣзнаго закона борьбы за существованіе въ этомъ животномъ царствѣ, потому что для этого закона существовало разумное объясненіе, какъ неизбѣжной, хотя и жестокой необходимости, тогда какъ человѣкъ проявляетъ свое звѣрство большею частью помимо этой необходимости, а только удовлетворяя своей жаждѣ «лютовать».

— Теперь читалъ ты о великихъ угодникахъ, которые по лѣсамъ спасались?—допрашивалъ меня Савка.—Къ этимъ угоднымъ человѣкамъ всякой лѣсной звѣрь приходилъ: и медвѣдь, и олень... Это какъ по твоему?... Звѣрь-то понимаетъ, что человѣкъ его лютѣе, и обходитъ человѣка. Никого такъ звѣрь не боится, какъ человѣка... А старухи говорятъ, что въ звѣрѣ нѣтъ души, а паръ. Какой тутъ паръ... Ты бы весной послушалъ, что по лѣсу дѣлается?.. Стоишь этакъ, стоишь, прислушаешься, а лѣсъ-то кругомъ тебя точно весь живой: тутъ птица поетъ, тамъ козявка въ травѣ стрекочетъ, тамъ звѣрь бѣжитъ... Ужъ больно хорошо птицы по веснѣ поговариваютъ, точно вотъ понимаешь ихъ, и такъ у нихъ все хорошо выходитъ. А какъ припомнишь свое-то житьишко, да про другихъ-то, Господи милосливый, сколько этого грѣха въ насъ, сколько неправды... Разъ я этакъ-то слушалъ, слушалъ, точно очумѣлъ, а потомъ гляжу, вся рожа-то у меня мокрая: слезой проняло.

Д. Маминъ.

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО
И
ЛИБЕРАЛИЗМЪ.

По поводу мнѣній проф. Ламанскаго и его единомышленниковъ.

Въ полутьмѣ нельзя разглядѣть ни точныхъ очертаній противниковъ, ни присутствія молчаливыхъ друзей: удары попадаютъ часто въ пустое пространство или задѣваютъ вовсе не тѣхъ, для кого предназначены. Такую именно картину представляетъ борьба различныхъ направленій или „партій" въ нашей современной печати. Люди ведутъ горячіе споры о словахъ и понятіяхъ, дѣйствительное содержаніе которыхъ остается по необходимости въ туманѣ; одни не договариваютъ своихъ мыслей до конца, или не выходятъ изъ сферы отвлеченностей, другіе принимаютъ громкую фразу за цѣлую положительную программу и напрасно тратятъ порохъ на опроверженіе ея; третьи хватаются за первое попавшееся знамя и носятся съ нимъ какъ побѣдители, хотя никого имъ побѣждать не приходилось; есть наконецъ и такіе, которые пользуются общею разноголосицею для личныхъ цѣлей. Какой-нибудь безтолковый и даже безсмысленный возгласъ, произнесенный рѣзко среди общаго затишья, производитъ неожиданное впечатлѣніе и вызываетъ смуту въ умахъ. Можно ли говорить о политическихъ партіяхъ при подобныхъ условіяхъ?

Безъ сомнѣнія, у насъ существуютъ важныя разногласія по многимъ вопросамъ общественной жизни; но они имѣютъ мало случаевъ выясниться вполнѣ на практикѣ и придать опредѣленныя черты группирующимся около нихъ интересамъ. Оттого на каждомъ шагу встрѣ-

чаются явныя недоразумѣнія, которыя становятся даже сознательною системою въ рукахъ неразборчивыхъ дѣятелей. Взгляды, высказываемые какою-либо одною газетою, приписываются обширному классу лицъ, не имѣющихъ съ ними ничего общаго,—только на томъ основаніи, что данная газета считаетъ себя либеральною или консервативною; личныя мнѣнія одного публициста,—быть можетъ, совсѣмъ не компетентнаго или недалекаго,—даютъ поводъ къ дешовой побѣдѣ надъ направленіемъ, которому спорныя мнѣнія совершенно чужды. Сколько такихъ мнимыхъ побѣдъ одержано было надъ либерализмомъ за послѣдніе годы! Полемика оказывается тѣмъ болѣе безплодною, что спорящіе прикрываютъ свои идеи неподходящими флагами, подъ которыми можно предполагать самыя разнообразныя тенденціи; такъ, проповѣдники возврата къ старинѣ имѣютъ нерѣдко въ виду исключительно тѣ стороны прошедшаго, которымъ сочувствуютъ и прогрессисты,—однако споръ ведется такимъ образомъ, что защитники старыхъ земскихъ идеаловъ смѣшиваются добровольно съ обскурантами, а приверженцы широкаго европейскаго просвѣщенія выставляются почему-то врагами самостоятельнаго развитія русскаго народа. Недоразумѣніе отчасти исчезаетъ, когда общіе принципы переходятъ на практическую почву и примѣняются къ отдѣльнымъ вопросамъ текущей политики. Славянофилы являются тогда либералами, и народничество повторяетъ требованія либерализма. Въ настоящей замѣткѣ мы приведемъ нѣкоторые новые примѣры такого единомыслія между партіями, пребывавшими понынѣ въ напрасномъ антагонизмѣ.

Редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ заявлялъ неоднократно, что его газета есть только „органъ своего издателя“. Безполезно было бы искать политической программы у людей, которые не могутъ представить себѣ правительство иначе какъ въ видѣ полиціи, и притомъ укрощающей обывателей; для нихъ власть равносильна произволу, и всякое указаніе на законы есть посягательство на авторитетъ государства. „Московскія Вѣдомости“ стоятъ въ сторонѣ отъ дѣйствительныхъ общественныхъ теченій, и потому не входятъ въ счетъ при обсужденіи вопроса о партіяхъ. Добросовѣстные приверженцы самобытности начинаютъ тяготиться своею видимою солидарностью съ московскимъ Кассаньякомъ; они все чаще возстаютъ противъ его невозможныхъ воззрѣній, основанныхъ на личныхъ симпатіяхъ и интересахъ.

Видный представитель новѣйшаго славянофильства, профессоръ В. И. Ламанскій, издалъ недавно обширный трудъ о государственныхъ тайнахъ Венеціи. Въ предисловіи къ этой книгѣ авторъ счелъ нужнымъ изложить свои политическія идеи, которыя, при всей своей обыча-

вости, заслуживаютъ полнаго вниманія [1]). Авторъ старается доказать, что система политическихъ убійствъ, практиковавшаяся венеціанскимъ правительствомъ въ XV и XVI вѣкахъ, не составляла исключительнаго явленія въ Европѣ. „Въ политикѣ, какъ и въ частной жизни,—говоритъ г. Ламанскій,—честность есть въ концѣ концовъ вѣрнѣйшая гарантія противъ ошибокъ, и если Венеція часто ошибалась, то только вслѣдствіе слишкомъ большой вѣры въ могущество человѣческой низости,—ошибка, къ несчастію свойственная государственнымъ людямъ всѣхъ временъ. Образцы добродѣтели не находятся обыкновенно въ рядахъ лицъ, обладающихъ богатствомъ и властью... Восточная роскошь и излишества, господство фаворитовъ и метрессъ, не разъ осквернявшія различные европейскіе дворы, дѣлали изъ нихъ враждебные лагери среди націи, разоряемой и третируемой на правахъ завоеванной страны. Эта необузданная жизнь, это забвеніе долга со стороны правителей не содѣйствовали ли колебанію троновъ болѣе, чѣмъ революціонныя писанія или недостатокъ твердости, въ которомъ обвиняютъ министровъ Людовика XIV? Будущимъ историкамъ остается рѣшить, окончилась ли въ Европѣ безнравственная политика, съ паденіемъ Венеціи. То немногое, что мы знаемъ о Меттернихѣ, Прокешъ-Остенѣ, Буолѣ, Луи-Филиппѣ, Луи-Наполеонѣ, Пальмерстонѣ и Дизраэли, этихъ великихъ людяхъ своего времени, довольно часто обнаруживаетъ въ ихъ моральныхъ основахъ и поведеніи такія черты, которыя строго осуждаются исторіею въ прошедшемъ. Кто скажетъ намъ, что политическія тайны современныхъ государствъ также хорошо извѣстны, какъ секреты политики временъ возрожденія? Развѣ секретные протоколы „совѣта десяти“ могли бы составлять предметъ историческихъ изслѣдованій, если бы имя дожа красовалось теперь въ „Almanach de Gotha“?

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, г. Ламанскій переходитъ къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ племенъ и о роли Россіи въ европейской политикѣ. „Что касается поляковъ,—говоритъ онъ,—то мы вообще искренніе друзья этнографической Польши и рѣшительные враги Польши исторической, такъ какъ послѣдняя есть прямое отрицаніе нашего народнаго единства. Относительно русской Польши, называемой у поляковъ „конгрессовкою“, было бы непростительною ошибкою русской политики отступить отъ главныхъ основаній программы Николая Милютина и возвратиться къ проекту маркиза Велепольскаго или къ чему-либо подобному. Такимъ образомъ, мы никогда не совѣ-

---

[1]) „Secrets d'état de Venise“ etc., par *Wladimir Lamansky* (S.-Pét., 1884). На сбивчивость разсужденій г. Ламанскаго и на недостатокъ системы въ его трудѣ указано, между прочимъ, въ спеціальномъ историческомъ журналѣ фонъ-Зибеля (Historische Zeitschrift, 1884, 2 Heft, стр. 373—8).

товали бы русскому правительству закрывать въ Польшѣ русскія школы, среднія и высшія, и возстановить оффиціальное употребленіе польскаго языка въ администраціи и въ судѣ. Мы не желаемъ, однако, *никакихъ вообще стѣсненій для польскаго языка* въ церквахъ, в театрахъ, въ журналистикѣ и литературѣ, во всѣхъ проявленіяхъ соціальной жизни. Напротивъ, мы отъ всей души желаемъ польской литературѣ и національности всевозможнаго процвѣтанія и свободы. Въ Польшѣ, по сю сторону Вислы, пропорція населенія русскаго и литовскаго корня настолько значительна, что было бы безсмысленно и крайне несправедливо вводить обязательное употребленіе польскаго языка въ учебномъ дѣлѣ, въ администраціи и въ судѣ. По ту сторону Вислы, Польша населена такимъ количествомъ евреевъ и нѣмцевъ, что было бы нелѣпостью со стороны русскаго государства заставить на свой счетъ ополячиваться этихъ многочисленныхъ подданныхъ и жителей имперіи, людей вовсе не польскаго происхожденія и имѣющихъ прямой интересъ въ точномъ знаніи государственнаго языка... Мы всегда сочувственно слѣдимъ за успѣхами польской литературы, будь это въ Варшавѣ, въ Краковѣ или въ Познани, равно какъ и за возрожденіемъ польской народности въ Силезіи. Но мы энергически протестуемъ противъ образа дѣйствій поляковъ въ восточной части Галичины, и намъ прискорбно видѣть доказательство того, что они остались тѣми же, какими были, ничему не научившись и ничего не позабывъ. Отношеніе ихъ къ русской національности въ Галичинѣ можетъ привести только къ вреднымъ послѣдствіямъ для самихъ поляковъ". Авторъ допускаетъ возможность новой политической комбинаціи, способной удовлетворить національныя стремленія поляковъ. „Съ нашей личной и чисто-академической точки зрѣнія,—замѣчаетъ онъ,—мечта о присоединеніи Варшавы къ Кракову не безусловно неосуществима, еслибы могло состояться соединеніе Львова съ Кіевомъ, связаннымъ съ Россіею неразрывными узами. Тогда наши поляки, отдѣленные отъ насъ границею и таможнями, могли бы съ полнымъ правомъ развивать свою національность и придать своему языку оффиціальный характеръ во всѣхъ сферахъ". Очевидно, г. Ламанскій значительно смягчилъ свои прежніе взгляды, которые были разобраны въ свое время въ „Вѣстникѣ Европы" [1]. Обязательное употребленіе русскаго языка въ польскихъ школахъ ставится имъ въ зависимость отъ мѣстныхъ условій—отъ существованія инородческихъ и русскихъ элементовъ, отсутствіе которыхъ въ какомъ-либо отдѣльномъ пунктѣ оправдывало бы признаніе естествен-

1) Въ статьяхъ А. Н. Пыпина о польскомъ вопросѣ, за 1880 годъ (ноябрь, стр. 282 и слѣд.).

ныхъ правъ языка туземнаго. Ошибочно только представленіе автора, что правительство содержитъ учебныя и прочія заведенія въ Царствѣ Польскомъ „на свой счетъ"; польскіе обыватели, какъ и остальные подданные имперіи, уплачиваютъ налоги, которыми съ избыткомъ покрывается содержаніе школъ и государственныхъ учрежденій въ краѣ. Въ частныхъ школахъ, создаваемыхъ спеціально для лицъ польскаго происхожденія, не могло бы быть рѣчи о стѣсненіи польскаго языка, съ точки зрѣнія г. Ламанскаго, которая въ этомъ случаѣ совпадаетъ съ либеральною.

Г. Ламанскій стоитъ за политику мирнаго внутренняго развитія и рѣшительно отвергаетъ воинственный панславизмъ, мечтающій о борьбѣ съ западною Европою и въ частности съ Германіею. „Для насъ, столь мало еще успѣвшихъ въ области наукъ и искусствъ, въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ, продолжительный миръ особенно необходимъ, и конечно не нами онъ можетъ быть нарушенъ". Это основное признаніе автора отнимаетъ всякое практическое значеніе у той туманной фразеологіи, въ которой заключается сущность новѣйшаго славянофильства. Авторъ справедливо полагаетъ, что старинная вражда западныхъ славянъ къ германству не можетъ быть раздѣляема Россіею. „Мы не вѣримъ,—заявляетъ онъ, —чтобы въ будущемъ предстояла война съ нѣмцами, или чтобы она была необходимостью дальнѣйшей исторіи. Мы не придаемъ большой важности тому, что принято называть „Drang nach Osten", и не думаемъ, что славянскимъ землямъ грозитъ прогрессивное нашествіе нѣмецкихъ массъ: мы думаемъ напротивъ, что въ виду постепеннаго уменьшенія Европы сравнительно съ возростаніемъ значенія другихъ частей свѣта, Германія воспользуется развитіемъ своего военнаго и торговаго флота, а также естественнымъ направленіемъ народной эмиграціи, для основанія колоній въ Африкѣ, по примѣру Англіи и Франціи, и для укрѣпленія нѣмецкаго элемента въ Америкѣ... Тамъ находится истинное поприще для распространенія нѣмецкой расы, а не въ земляхъ славянскихъ, гдѣ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ нѣмецкіе поселенцы, не желаемые туземцами, встрѣчали бы все болѣе препятствій и ежедневныхъ затрудненій, которыя сдѣлали бы невозможными ихъ мирную жизнь и благосостояніе". Въ такомъ же смыслѣ высказывался не разъ и „Вѣстникъ Европы" [1]). Авторъ защищаетъ „русскій славизмъ" отъ обвиненій въ „темной непріязни къ европейской культурѣ", и этимъ самымъ онъ отрекается отъ солидарности съ темными толкователями россійской самобытности. Упоминая мимоходомъ о „пессимистическомъ взглядѣ на

---

[1]) См., напримѣръ, „Иностранное обозрѣніе" за сентябрь, стр. 392—8.

внутреннее состояніе Россіи", онъ, однако, даетъ полный просторъ своему оптимизму относительно будущаго,—хотя будущее есть только продуктъ настоящаго и прошедшаго. Впрочемъ, объ этой сторонѣ вопроса г. Ламанскій совершенно умалчиваетъ, полагаясь болѣе всего на Провидѣніе, предначертанія котораго столь же мало доступны ему, какъ и намъ.

Можно бы видѣть нѣкоторую долю старой иллюзіи въ разсужденіяхъ автора о призваніи Россіи относительно Европы,—призваніи, слишкомъ мало соотвѣтствующемъ дѣйствительному ходу русской жизни и русской политики. Высокій тонъ по отношенію къ Западу является какъ-то сразу, безъ всякихъ мотивовъ и безъ всякой связи съ историческими фактами. Начиная съ истинъ весьма банальныхъ, имѣющихъ большею частью отрицательное значеніе, авторъ неожиданно дѣлаетъ скачекъ къ выводамъ крайне сомнительнымъ и произвольнымъ. „Питая искреннюю привязанность и чувства удивленія, уваженія и благодарности ко всему тому, что европейская культура создала великаго, прекраснаго и вѣчнаго, мы признаемся,—заявляетъ г. Ламанскій,—что не имѣемъ не только смѣлости, но и возможности желать нашему отечеству и всѣмъ народамъ нашей расы и нашей церкви перестать быть самими собою и стараться превратиться въ Европу, если бы это было даже осуществимо. Которую же изъ этихъ Европъ мы приняли бы за образецъ,—ибо ихъ нѣсколько, и каждая изъ нихъ, выдавая себя за истинную, исключаетъ другія". Авторъ безцѣльно играетъ словами: фантастическое желаніе „превратиться" въ Европу никѣмъ не выставлялось и не имѣло бы никакого смысла, еслибы понималось буквально. Когда говорятъ о заимствованіяхъ у Европы, то имѣютъ всегда въ виду сознательное усвоеніе лучшаго, выработаннаго болѣе богатымъ и разнообразнымъ опытомъ. У насъ не затрудняются вопросомъ, куда именно посылать ученыхъ для усовершенствованія въ наукахъ и гдѣ именно искать образцовъ для улучшеній техническихъ, законодательныхъ и административныхъ; при каждомъ второстепенномъ преобразованіи отправляются чиновники за границу для изученія соотвѣтственной отрасли управленія или хозяйства, иногда даже безъ дѣйствительной въ томъ надобности и безъ пользы для дѣла, — и каждое вѣдомство твердо знаетъ или, по крайней мѣрѣ, обязано знать, въ „которую изъ Европъ" обращаться по предметамъ своей спеціальности. Вопросъ г. Ламанскаго есть пустой вопросъ, и это чувствуетъ самъ авторъ, ибо неопредѣленность слова „Европа" не мѣшаетъ ему самому говорить объ „европейской культурѣ", какъ о чемъ-то общемъ и цѣльномъ.

Изъ естественной невозможности цѣликомъ „превратиться въ

Европу" выводятся, между тѣмъ, заключенія довольно туманныя и удивительныя. Для европейскихъ народовъ оказывается „безспорное преимущество въ томъ, что въ моментъ охлажденія горячки національностей и при наглядно выступающемъ нравственномъ разладѣ, обрисовывается все яснѣе на границахъ Европы образъ народа, расы, материка, цѣлаго міра, который, не примыкая ни къ одной изъ этихъ Европъ, способенъ и расположенъ оказать каждой изъ нихъ больше справедливости и сочувствія, чѣмъ дѣлали бы это онѣ сами относительно своихъ соперницъ". Почти все представлено тутъ навыворотъ: невѣрно тò, что мы не примыкаемъ ни къ одной изъ Европъ,—мы недавно еще оффиціально примкнули къ Европѣ германской и австрійской; невѣрно, что у насъ нѣтъ нравственнаго разлада, быть можетъ даже болѣе значительнаго, чѣмъ въ государствахъ западныхъ; далеко еще не доказано, что мы, не умѣя устраивать свои собственныя дѣла, обладаемъ способностью судить безпристрастно и разумно о дѣлахъ чужихъ.

„Будучи арійцами и христіанами, но не латинянами, ни германцами, ни католиками, ни протестантами, — такъ вычисляетъ наши достоинства г. Ламанскій,—мы не можемъ и не должны смотрѣть на однихъ глазами другихъ. Не будучи ни гвельфами, ни гибеллинами, ни феодалами-консерваторами, ни среднимъ сословіемъ, ни либеральными буржуа, ни демократами-соціалистами, ни четвертыми слоями, и имѣя своеобразную соціальную организацію, во многомъ отличную отъ европейской, мы должны только внимательно изучать существующія въ Европѣ партіи, направленія и секты, не вмѣшиваясь въ ихъ споры и не увлекаясь ихъ страстями" [1]). Конечно, у насъ не иностранныя, а свои собственныя группы, общественныя и религіозныя,—податныя и неподатныя сословія, изъятыя и неизъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній, православные и раскольники разныхъ родовъ, чиновники и земцы, крестьянство и кулачество. Но что̀ изъ этого слѣдуетъ, и что хотѣлъ доказать авторъ своимъ перечисленіемъ неидущихъ къ намъ названій?

Мы видимъ здѣсь только обычный славянофильскій туманъ, въ сущности совершенно невинный. Либералы и прогрессисты также не чужды сознанія справедливой народной гордости, но матеріалъ для этого чувства почерпается ими вовсе не тамъ, гдѣ ищутъ ихъ близорукіе патріоты,—не въ самодовольныхъ и фантастическихъ счетахъ съ Европою, а въ великихъ свѣтилахъ нашей литературы, въ нашемъ Тургеневѣ и Львѣ Толстомъ, въ нашемъ высшемъ женскомъ образованіи, давшемъ недавно первый примѣръ женской профессуры по ка-

---

[1]) Préface, стр. X, XII—XIII, XXI и сл., XXX—XXXVI.

ѳедрѣ математики въ иностранномъ университетѣ, наконецъ нѣ-
которыхъ сохранившихся хорошихъ обычаяхъ нашего крестьянства.
Реальные факты всего менѣе занимаютъ нынѣшнихъ славянофиловъ;
они предпочитаютъ гордиться смутными фантазіями своего собствен-
наго изобрѣтенія. Г. Ламанскій въ другомъ мѣстѣ упрекаетъ либе-
раловъ въ отрицаніи достоинствъ и важности „здороваго крестьян-
ства“ [1]),—точно ему совсѣмъ незнакома громадная новѣйшая лите-
ратура по крестьянскому вопросу, въ которой главные двигатели
и работники принадлежатъ именно къ либеральному направленію.
Въ этомъ умственномъ движеніи на пользу русскаго крестьянства
нисколько не повинны, разумѣется, члены славянскихъ комитетовъ
и патріоты московскаго оттѣнка, которымъ авторъ серьезно ста-
въ заслугу произнесеніе похвальныхъ фразъ о мужикѣ.

Всѣ эти странности, повторяемъ, служатъ часто оболочкою д-
воззрѣній либеральныхъ по существу, какъ можно видѣть изъ рѣ-
и статей того-же г. Ламанскаго, г. Ор. Миллера и другихъ при-
ныхъ ораторовъ петербургскаго славянофильства. „Не въ мирное
время,—говорятъ эти дѣятели,—ожидать русскому обществу необ-
димаго простора для свободы мнѣній и сомнѣній, для откровенны-
споровъ и оживленной полемики самыхъ разнообразныхъ литера-
ныхъ и научныхъ направленій, всѣхъ этихъ необходимыхъ усло-
для мирныхъ завоеваній русской мысли, для подъема русскаго ис-
ства и русской науки на высоту, подобающую великому народу.
Человѣкъ обрекаетъ самъ себя на безъисходное невѣжество, ес-
только будетъ считать одни свои предположенія и мнѣнія за ист-
ныя и полезныя, а чужія—за ложныя и вредныя... Не давая па-
доксамъ и ложнымъ мнѣніямъ высказываться противъ ученія ист-
наго, люди ревностные не по разуму обличаютъ только свое нев-
вѣріе въ силу истины, помогаютъ лишь утвержденію и распростра-
ненію лжи, дѣлая ее запретною, либеральною, популярною, и таки-
образомъ задерживаютъ неминуемое иначе самообличеніе лжи и само-
оправданіе истины“ [2]). Кто не подпишется подъ этими азбучными
истинами либерализма? Трудно также оспаривать, что намъ „мѣшаютъ
нѣкоторыя привычки нашего воспитанія, извѣстное самомнѣніе и
самодовольство“, что скверно быть „рабомъ лѣнивымъ и лукавымъ“,
который „предаваясь безплоднымъ и праздным размышленіямъ
ищетъ только знаменій у Бога“, что Россія (?) напрасно была „сл-
почтительна и исполнена высокаго благоговѣнія къ спаситель-

[1]) „Извѣстія с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества“, 1884,
№ 4, стр. 16—17.

[2]) Тамъ же, № 3, рѣчь г. Ламанскаго, стр. 8—9.

идеямъ Меттерниха", что „нуженъ крѣпкій и своеобразный бытъ народа со смѣлымъ и самодѣятельнымъ умомъ" и т. п. А въ концѣ является вдругъ желаніе гордиться, и авторъ наивно возглашаетъ: „я горжусь и дорожу необъятнымъ просторомъ Россіи", какъ-будто просторъ степей есть достоинство или заслуга народа.

Другой публицистъ, менѣе ученый, храбро утверждаетъ тутъ же, что „исторія, безъ нашего вѣдома и не смотря на наши промахи, неумѣлость, неспособность, ведетъ неудержимо къ объединенію славянства", такъ какъ за насъ работаетъ „мудрая народная пословица: перемелется—мука будетъ". И съ подобными ребяческими пріемами люди берутся разрѣшать вопросы практической политики! Смѣлый патріотъ находитъ одно только возможное возраженіе, что славяне „не захотятъ подчиниться несимпатичнымъ имъ оффиціальнымъ формамъ русской жизни". Но это ничего не значитъ, ибо за насъ хлопочетъ исторія. „Развѣ Россія не подлежитъ законамъ политической эволюціи и должна на вѣки вѣчные, подобно Китаю, застыть и неподвижно окаменѣть? Россія—европейская держава, сказала великая Екатерина, и она, конечно, знала, что̀ говорила. Были у насъ Сперанскіе, были и Аракчеевы, но тѣ и другіе должны были уступить свое мѣсто другимъ историческимъ дѣятелямъ, потому что исторія не возвращается вспять... Какъ подъ снѣжнымъ покровомъ зимы зрѣютъ будущіе урожаи, такъ и въ моментъ самой жестокой реакціи незримо зарождаются сѣмена будущаго прогрессивнаго движенія". Такъ переплетаются либеральныя ожиданія съ постороннимъ сумбуромъ; они вновь выступаютъ въ чистомъ видѣ въ размышленіяхъ г. Ореста Миллера по поводу смерти Кошелева. Послѣдній былъ несомнѣннымъ либераломъ, хотя и числился въ рядахъ славянофиловъ; это даетъ г. Миллеру поводъ желать „единенія между враждебными партіями". Г. Миллеръ рѣзко осуждаетъ „тѣхъ, кто подводилъ подкопы подъ великія реформы" прошлаго царствованія; „по совѣсти можно сказать,—говоритъ онъ,—что настоящая сила власти теперь у насъ въ охраненіи ея же собственныхъ преобразованій отъ всякихъ преградъ". Онъ соглашается съ проектами и доводами Кошелева, въ которыхъ нѣкоторые видятъ „программу большинства" либераловъ [1];—чего же больше?

Въ дѣйствительности, мостъ для единенія давно существуетъ, и отъ славянофиловъ зависитъ откровенно перейти его, не прячась подъ ненужными и устарѣвшими флагами. Пора бросить нелѣпые толки объ опасностяхъ „превращенія въ Европу" и трезво взглянуть на насущныя нужды нашей будничной общественной жизни,

---

[1]) Тамъ же, стр. 16, 19—23.

не заботясь о партійныхъ кличкахъ и перегородкахъ. Для внутре-
нихъ дѣлъ Россіи славянофильство есть или безплодная секта, уз
и односторонняя, имѣющая только отрицательное значеніе, или скры-
тый и робкій либерализмъ, мечтающій о реформахъ подъ видо
возстановленія извѣстнаго рода старины. Для внѣшней полити
славянофильство не существуетъ съ той минуты, какъ оно отреклос
отъ пагубнаго ослѣпленія, тянувшаго насъ къ войнѣ съ Германіе
и Австріею. Чтó же остается отъ этой своеобразной доктрины, имѣ-
шей когда-то нѣкоторый raison d'être? Остается рядъ невинныхъ и
нерѣдко сумбурныхъ мечтаній, лишенныхъ всякой связи съ потреб-
ностями народа и съ нашими многочисленными злобами дня. У нас
нѣтъ ни безусловныхъ западниковъ, съ которыми нужно было б
бороться, ни безусловныхъ восточниковъ, съ которыми стоило б
воевать. Съ другой стороны, ни одинъ здравомыслящій прогрессист
не отрицаетъ русской самобытности въ естественномъ смыслѣ это
слова, равно какъ и исторической роли славянства.

Зачатки политическихъ партій распредѣляются у насъ еще п
признакамъ слишкомъ произвольнымъ и случайнымъ; въ сущности у
насъ имѣетъ рѣшающую силу болѣе элементарное дѣленіе людей—
на честныхъ и безчестныхъ, на искреннихъ друзей народа и лиц
мѣрныхъ эгоистовъ, на противниковъ и любителей хищеній, на ст
ронниковъ правды и лжи, законности и произвола, справедливос
и безправія. Добросовѣстные люди разныхъ направленій всегда могу
сойтись на почвѣ фактическихъ интересовъ и недуговъ общес
венныхъ.

Л. С.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е октября, 1884.

Новый университетскій уставъ и главныя его особенности.—Ожидаемыя дополненія къ нему.—Газетный обвинительный актъ противъ устава 1863 г.—Еще о церковно-приходской школѣ.—Полезное нововведеніе въ желѣзно-дорожной политикѣ.—Отвѣтъ экономисту «Руси».

Новый университетскій уставъ, долго служившій предметомъ толковъ и слуховъ, сдѣлался, наконецъ, совершившимся фактомъ. Немного найдется у насъ законовъ, нарожденіе которыхъ отличалось бы такою медленностью и сопровождалось бы такими затрудненіями и колебаніями. Первые фазисы только-что окончившагося процесса относятся къ самому началу семидесятыхъ годовъ; въ будущемъ году исполнится десять лѣтъ путешествію особой коммисіи, возившей съ собой изъ университета въ университетъ столь извѣстные въ свое время „вопросные пункты". Движеніе законопроекта, выработаннаго въ 1876 г., подвергалось неоднократно остановкамъ, перерывамъ; нѣсколько разъ можно было думать, что все останется по старому; еще весьма недавно шансы склонялись, повидимому, на сторону умѣренныхъ, частныхъ преобразованій. Надежды однихъ, опасенія другихъ не оправдались; характеристическою чертою осуществившейся реформы является именно самая полная, такъ сказать, ея абсолютность. По нѣкоторымъ пунктамъ, уставъ 23 августа идетъ еще дальше, чѣмъ предполагало идти министерство семидесятыхъ годовъ; всѣ спорные вопросы разрѣшены прямо въ разрѣзъ съ уставомъ 1863 г. Для подробной, всесторонней оцѣнки новаго закона не наступило время; многое предрѣшено имъ только въ принципѣ, развитіе котораго, путемъ инструкцій и правилъ, предоставлено министерству народнаго просвѣщенія; многое зависитъ отъ способа примѣненія общихъ началъ, положенныхъ въ основаніе реформы. Въ свое время „Вѣстникъ Европы" посвятилъ цѣлый рядъ статей всѣмъ глав-

нымъ сторонамъ университетскаго вопроса [1]); ограничимся одною ссылкою на эти статьи и короткимъ указаніемъ на важнѣйшія особенности новаго устава.

Абсолютность реформы нигдѣ не выразилась такъ ясно, какъ въ устраненіи выборнаго начала. Въ этомъ отношеніи уставъ 23 августа расходится не только со всѣми ему предшествовавшими, но и съ проектомъ, составленнымъ въ семидесятыхъ годахъ и напечатаннымъ въ книгѣ г. Любимова объ университетскомъ вопросѣ („Мой вкладъ", т. I, Москва 1881, стр. 588—661). Избраніе ректора проектъ (ст. 6) оставлялъ за университетскимъ совѣтомъ, сокращая только срокъ ректорскихъ полномочій съ четырехъ лѣтъ на два года; право избранія декана, на трехлѣтній срокъ, сохранялось за факультетомъ (ст. 16); утвержденіе избраннаго ректора—Высочайшимъ приказомъ, избраннаго декана—министромъ народнаго просвѣщенія, было заимствовано проектомъ, безъ всякой перемѣны, изъ устава 1863 г. Вновь утвержденный уставъ вездѣ замѣняетъ избраніе назначеніемъ. „Ректоръ,—сказано въ ст. 10-ой,—избирается министромъ народнаго просвѣщенія изъ ординарныхъ профессоровъ университета и назначается Высочайшимъ приказомъ на четыре года" [2]). Деканъ, на основаніи ст. 24-ой, „избирается попечителемъ учебнаго округа изъ профессоровъ соотвѣтственнаго факультета и утверждается въ должности на четыре года министромъ народнаго просвѣщенія". Значительную разницу между уставомъ и проектомъ мы находимъ и по другому, однородному, но еще болѣе существенному вопросу—по вопросу о способѣ назначенія профессоровъ. „При открывшейся (профессорской) вакансіи,—читаемъ мы въ ст. 105—8 проекта,—деканъ соотвѣтствующаго факультета немедленно объявляетъ о томъ во всеобщее свѣденіе, дабы желающіе явиться кандидатами могли своевременно заявить о томъ факультету. Члены факультета и совѣта могутъ также указать факультету на извѣстныхъ имъ кандидатовъ. По подробномъ обсужденіи ученыхъ и преподавательскихъ достоинствъ каждаго кандидата, факультетъ подвергаетъ ихъ баллотированію. Тотъ изъ кандидатовъ, который получитъ наибольшее число голо-

---

[1]) Въ 1876 г. — т.-е. въ самый разгаръ работы надъ проектомъ университетскаго устава — въ нашемъ журналѣ по этому предмету было помѣщено три статьи: „Вопросные пункты", В. Н. (янв., 269); „Свѣтъ и тѣни университетскаго быта", В. И. Герье (февр., 643); „Русскіе университеты, въ связи съ ходомъ общественнаго образованія", В. С. Иконникова (сент. 128, окт. 492, и ноябрь, 73 стр.).

[2]) Эта статья новаго устава понимается одною изъ петербургскихъ газетъ въ томъ смыслѣ, что ректоромъ университета можетъ быть назначенъ ординарный профессоръ *другого* университета. Такое толкованіе едва ли правильно; подъ именемъ *университета* разумѣется здѣсь, безъ сомнѣнія, именно тотъ университетъ, куда назначается ректоръ.

совъ, считается кандидатомъ факультета. Совѣтъ даетъ свое заключеніе о немъ посредствомъ баллотировки, результатъ которой представляется попечителю округа, а послѣдній, съ своимъ мнѣніемъ, представляетъ дѣло министру. Если кандидатъ факультета не получитъ большинства голосовъ, то баллотированію (въ совѣтѣ) подвергаются всѣ лица, рекомендованныя членами факультета. Представленіе университета имѣетъ значеніе рекомендаціи. Отъ усмотрѣнія министра зависитъ утвердить лицо, избранное совѣтомъ, назначить профессора изъ числа кандидатовъ, предложенныхъ въ университетѣ, или опредѣлить таковаго изъ постороннихъ лицъ, удовлетворяющихъ требованіямъ закона". Всѣ эти постановленія вошли въ составъ новаго устава (ст. 100—103), *съ однимъ только крупнымъ измѣненіемъ*: рекомендація кандидатовъ факультетомъ и совѣтомъ, по смыслу проекта составлявшая *общее, обязательное правило*, является, на основаніи устава, чѣмъ-то факультативнымъ, могущимъ быть или не быть, смотря по усмотрѣнію министра. „При открывшейся вакансіи профессора, — сказано въ ст. 100-ой устава, — министръ народнаго просвѣщенія или замѣщаетъ ее по собственному усмотрѣнію лицомъ, удовлетворяющимъ указаннымъ въ законѣ условіямъ, или предоставляетъ университету избрать кандидата на вакантную должность и представить его на утвержденіе". Процедура рекомендаціи, описанная выше, соблюдается только въ послѣднемъ случаѣ. Университетамъ принадлежалъ до сихъ поръ, при избраніи профессоровъ, голосъ *рѣшающій*—теперь признается излишнимъ сохранять за ними право даже на *совѣщательный* голосъ по этому предмету; указаніе ими кандидатовъ въ профессора низводится на степень маловажной формальности, безъ которой можно и обходиться. Болѣе ясно, болѣе рельефно нельзя было и выразить разрывъ съ выборнымъ началомъ, такъ долго составлявшимъ краеугольный камень нашего университетскаго устройства. Мы не даромъ употребили выраженіе: *такъ долго.* Если послушать журнальные толки о реформѣ, можно подумать, что избраніе ректора, декановъ, профессоровъ было нововведеніемъ, всецѣло принадлежащимъ „бѣсу 1863 г."; на самомъ дѣлѣ оно существовало, почти безъ перерыва, съ начала нынѣшняго вѣка. „Внутреннее устройство университетовъ по уставамъ 1804 г., —читаемъ мы въ представленіи, при которомъ внесенъ былъ въ государственный совѣтъ уставъ 1863 г. [1]),—имѣло форму коллегіальную и основано было на началѣ совершенной автономіи во всѣхъ дѣлахъ, касающихся быта университетской корпораціи... Средоточіе

---

[1]) См. Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. III, стр. 960 и слѣд.

университетскаго самоуправленія образовалъ совѣтъ, съ *выборнымъ* своимъ головою—ректоромъ... Совѣтъ самъ комплектовался посредствомъ выбора на вакантныя каѳедры кандидатовъ, которые утверждались въ этомъ званіи министромъ... Деканы избирались изъ ординарныхъ профессоровъ общимъ совѣтомъ"... Уставъ 1835 г. значительно уменьшилъ власть совѣта, но все-таки оставилъ за нимъ выборъ ректора и лицъ для занятія вакантныхъ профессорскихъ каѳедръ. Ограниченія университетской автономіи, вызванныя событіями 1848—49 г., были отмѣнены въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, еще до изданія новаго устава. Выборное начало, устраняемое теперь изъ университетовъ, имѣетъ за собою, такимъ образомъ, восьмидесятилѣтнее прошедшее; уставъ 1863 г. только подтвердилъ и укрѣпилъ его, не сходя съ исторической почвы.

Вторая отличительная черта новаго устава—это строгая подчиненность, водворяемая имъ въ университетахъ. Въ уставѣ 1863 г. (ст. 3) было сказано: „каждый университетъ ввѣряется попечителю учебнаго округа"; статья четвертая устава 1884 г. ввѣряетъ университетъ *начальству* попечителя. Сравненіе ст. 26 прежняго устава съ ст. 6—8 новаго закона показываетъ, что попечителю учебнаго округа предоставлены вновь, по отношенію къ университету, слѣдующія права: наблюдать за ходомъ университетскаго преподаванія [1]), созывать совѣтъ, правленіе и собранія факультетовъ, присутствовать въ засѣданіяхъ этихъ установленій, давать ректору обязательныя для послѣдняго предложенія о надзорѣ за студентами. На основаніи ст. 9-й новаго устава, *всѣ* сношенія министерства народнаго просвѣщенія съ университетомъ и представленія послѣдняго въ министерство происходятъ черезъ попечителя. Не менѣе существенны перемѣны, вносимыя новымъ уставомъ въ положеніе ректора. Изъ „перваго между равными" онъ обращается въ начальствующее лицо—начальствующее не только надъ студентами и чиновниками канцеляріи (что было и прежде), но и надъ профессорами. Статья 34-я прежняго устава уполномочивала ректора сообщать о неисправности или неправильныхъ дѣйствіяхъ преподавателей совѣту, факультету или попечителю; статья 14-я новаго устава (и въ этомъ отношеніи идущаго дальше, чѣмъ проектъ 1876 г.) даетъ ректору право дѣлать должностнымъ лицамъ, служащимъ по учебной и дисциплинарной части (т.-е. чинамъ инспекціи и *профессорамъ*) указанія, напоминанія и *замѣчанія*. Область дѣлъ, самостоятельно разрѣшаемыхъ университетскимъ совѣтомъ, значительно ограничена. Такъ, напримѣръ, по уставу 1863 г. оставленіе при университетѣ стипендіатовъ для при-

[1]) Этого права не предоставлялъ попечителю и проектъ 1876 года.

готовленія къ профессорскому званію зависѣло отъ совѣта; теперь предположенія факультета по этому вопросу подлежатъ утвержденію попечителя и сообщаются совѣту только *для свѣдѣнія*. Порядокъ преподаванія учебныхъ предметовъ прежде опредѣлялся совѣтомъ; теперь будетъ опредѣляться министерствомъ, по выслушаніи мнѣнія совѣта. Утвержденіе министерства требуется и для распредѣленія между факультетами суммъ, назначенныхъ на учебно-вспомогательныя установленія при университетѣ. Полученными на этомъ основаніи суммами факультетъ можетъ распоряжаться не иначе, какъ съ утвержденія попечителя. Принципъ административной опеки проведенъ, такимъ образомъ, всецѣло, въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ это предполагалось при составленіи проекта 1876 г. Отмѣтимъ еще одно существенное различіе между проектомъ и уставомъ. Проектъ (ст. 102 и 103), именуя ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ профессорами старшаго и младшаго оклада, предполагалъ повышать профессора съ младшаго оклада на старшій *по старшинству профессорской службы*; на основаніи ст. 98-ой устава повышеніе экстраординарнаго профессора въ ординарные производится министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя. И здѣсь, слѣдовательно, весьма замѣтно увеличилась (сравнительно съ проектомъ 1876 г.) зависимость профессоровъ отъ высшей учебной администраціи.

Сохраняя за факультетами производство испытаній на ученыя степени магистра и доктора [1]), новый уставъ возлагаетъ производство общихъ выпускныхъ испытаній и выдачу дипломовъ, удостовѣряющихъ знаніе университетскаго курса, *на особо назначенныя для того коммиссіи*; другими словами, онъ установляетъ такъ называемые „государственные экзамены". Коммиссіи учреждаются *при университетахъ* (ст. 74), но въ какой степени и какъ онѣ будутъ связаны съ университетомъ—этого изъ устава не видно. Названія ихъ соотвѣтствуютъ названіямъ факультетовъ; „число коммиссій по каждому факультету,—сказано въ ст. 75-й,—опредѣляется министромъ народнаго просвѣщенія, которымъ назначаются ежегодно также предсѣдатели и члены коммиссіи". Въ назначеніи этомъ министръ не стѣсненъ рѣшительно ничѣмъ, между тѣмъ какъ проектъ 1876 г. (ст. 73) допускалъ въ предсѣдатели и члены коммиссій только лицъ, имѣющихъ ученыя степени магистра или доктора (исключеніе изъ этого правила предполагалось сдѣлать единственно для акаде-

---

[1]) Министру народнаго просвѣщенія предоставляется однако, если онъ признаетъ нужнымъ, назначать къ присутствованію при этихъ испытаніяхъ лицъ, имѣющихъ ученыя степени по тѣмъ отраслямъ наукъ, изъ которыхъ испытанія производятся.

миковъ и для лицъ, пріобрѣтшихъ почетную извѣстность труда
по предметамъ испытанія). Другое различіе между проектомъ 1876 г.
и уставомъ заключается въ томъ, что первый разрѣшалъ, а для сту-
дентовъ медицинскаго факультета дѣлалъ даже обязательнымъ прои-
водство испытанія въ два пріема—въ половинѣ курса и по совер-
шенномъ окончаніи его; въ уставѣ мы не находимъ ничего подобнаго.
Испытанію въ коммиссіи должно предшествовать *полное* окончаніе
университетскаго курса; другими словами, оно распространяется на
всѣ предметы университетскаго преподаванія, въ полномъ ихъ объемѣ.
Само собою разумѣется, что это значительно увеличиваетъ трудность
испытанія. Правилъ и программъ для испытаній въ особыхъ ком-
миссіяхъ уставъ въ себѣ не содержитъ; утвержденіе ихъ предоста-
лено министру народнаго просвѣщенія (ст. 80). Будутъ ли они со-
ставлены при участіи университетскихъ факультетовъ и совѣтовъ—
въ уставѣ не сказано; остается только надѣяться на утвердитель
разрѣшеніе этого вопроса. Спѣшить составленіемъ программъ и пра-
вилъ нѣтъ причины. На основаніи ст. VIII мнѣнія государственна
совѣта, утвержденнаго одновременно съ уставомъ, окончательны
испытаніямъ въ порядкѣ, вновь опредѣленномъ, будутъ подвергнут
лишь тѣ, которые поступятъ въ университеты послѣ изданія уста
для студентовъ и слушателей, нынѣ находящихся въ универси
тахъ, сохраняютъ силу постановленія объ испытаніяхъ, дѣйствова
до настоящаго времени. Практическое примѣненіе правила о го
дарственныхъ экзаменахъ получать, такимъ образомъ, не ран
какъ по прошествіи четырехъ лѣтъ, или даже пяти, если изъяті
въ этомъ отношеніи, отъ дѣйствія устава будутъ признаны и ст
денты послѣдняго пріема, т.-е. всѣ вступившіе въ университет
августѣ нынѣшняго года. Значительный промежутокъ времени, ос
щійся до осуществленія новыхъ правилъ, даетъ полную возможност
обсудить примѣненіе ихъ къ тѣмъ высшимъ учебнымъ заведеніям
которыя конкуррируютъ съ университетами на поприщѣ приготовл
молодыхъ людей къ государственной службѣ. Пока выпускные э
мены въ университетѣ производились самими профессорами, выд
дипломовъ училищемъ правовѣдѣнія и александровскимъ лице
не представлялась слишкомъ вопіющей аномаліей; но разъ что и
таніе окончившихъ курсъ студентовъ переходитъ въ руки особ
коммиссій, самая простая логика требуетъ предоставленія тѣмъ
коммиссіямъ того же права по отношенію къ правовѣдамъ и ли
стамъ. Еще проще и правильнѣе, конечно, было бы соверш
закрытіе учебныхъ заведеній, давно исполнившихъ свое назнач
и не имѣющихъ болѣе никакого права не только на привилег
ванное положеніе, но и на равенство съ университетами. Привед

по этому поводу, отзывъ „достовѣрнаго свидѣтеля"—одного изъ авторовъ новаго университетскаго устава, г. Любимова. „У насъ существуетъ, — говоритъ онъ въ цитированной нами уже книгѣ (стр. 78—79),—искусственное отвлеченіе отъ университетовъ молодыхъ людей, принадлежащихъ къ высшимъ общественнымъ слоямъ, вслѣдствіе того, что устроены особыя заведенія, какъ александровскій лицей, школа правовѣдѣнія, пажескій корпусъ и другія, въ научномъ отношеніи стоящія значительно ниже университетовъ, но приманивающія правами и перспективой служебной карьеры. Древній геометръ говорилъ своему царственному ученику, что въ математикѣ нѣтъ особой дороги для царей. У насъ повидимому, полагали, что даже для дѣтей особъ первыхъ классовъ табели о рангахъ долженъ быть въ наукѣ облегчительный путь, серьезное же ученіе должно быть удѣломъ поповичей и разночинцевъ". На этотъ разъ устами г. Любимова говоритъ сама истина.

Кромѣ испытаній на ученыя степени и испытаній, производимыхъ особыми комиссіями, уставъ упоминаетъ еще объ испытаніяхъ состязательныхъ на стипендіи и вспоможенія, повѣрочныхъ и полукурсовыхъ (ст. 82—84). Всѣ эти испытанія производятся въ факультетахъ. Полукурсовыя испытанія обязательны только для студентовъ медицинскаго факультета. Повѣрочныя испытанія производятся для допущенія къ практическимъ занятіямъ, для зачета полугодій и вообще съ цѣлью обезпеченія успѣшнаго хода студенческихъ занятій. Для всѣхъ этихъ испытаній имѣютъ быть изданы министерствомъ правила, основаніемъ которыхъ должны послужить предположенія, выработанныя въ факультетахъ и разсмотрѣнныя въ совѣтахъ университетовъ. Судить о значеніи испытаній, установляемыхъ новымъ закономъ, можно будетъ лишь тогда, когда будутъ обнародованы только-что упомянутыя правила. Большую важность, по всей вѣроятности, будутъ имѣть повѣрочныя испытанія, такъ какъ отъ нихъ зависитъ зачетъ полугодій—а этимъ зачетомъ обусловливается, въ свою очередь, выдача выпускного свидѣтельства, безъ котораго нельзя быть допущеннымъ къ испытанію въ особой коммиссіи. На основаніи ст. 78 устава, студенту зачитается лишь такое полугодіе, въ теченіе котораго онъ исполнилъ обязанности, возложенныя на него правилами для обезпеченія успѣшнаго хода его занятій,—правилами, изданіе которыхъ также отнесено къ числу будущихъ задачъ министерства народнаго просвѣщенія. Студентъ, которому не зачтено три полугодія сряду или пять полугодій вообще, увольняется изъ университета (ст. 126).

Крупнымъ нововведеніемъ представляется установляемый закономъ 23 августа гонораръ за слушаніе лекцій. Съ каждаго студента

и посторонняго слушателя взимается по пяти рублей за каждое полугодіе въ пользу университета, и сверхъ того особая плата въ пользу отдѣльныхъ преподавателей, лекціями и руководствомъ которыхъ студентъ или слушатель желаетъ пользоваться (ст. 129). Точный размѣръ особой платы въ пользу преподавателей, порядокъ взноса как этой платы, такъ и платы въ пользу университета, и условія освобожденія отъ денежныхъ взносовъ установляются министромъ народнаго просвѣщенія (ст. 130); въ уставѣ сказано только, что размѣръ „особой платы" (т.-е. гонорара) долженъ быть установленъ примѣнительно къ нормѣ одного рубля за недѣльный часъ въ полугодіе. Далѣе двадцати часовъ въ недѣлю занятія студента, по всей вѣроятности, никогда идти не будутъ, а слѣдовательно и размѣръ всего обязательнаго для студентовъ платежа не будетъ превышать теперешней максимальной цифры—двадцати пяти рублей въ полугодіе. Весь вопросъ, затѣмъ, сводится къ тому, насколько будетъ затруднено или облегчено освобожденіе отъ гонорара, сравнительно съ дѣйствовавшимъ до сихъ поръ порядкомъ освобожденія отъ общей платы за право слушанія лекцій. По уставу 1863 г. (ст. 107) право давать отсрочки во взносѣ платы, уменьшать ее до половины и совершенно освобождать отъ нея принадлежало самимъ университетамъ, пользовавшимся въ этомъ отношеніи весьма широкою свободой дѣйствій. Нужно надѣяться, что въ томъ же смыслѣ будетъ разрѣшенъ и вопросъ объ освобожденіи отъ взноса гонорара. Сравнительно съ проектомъ 1876 г., уставъ 23 августа представляетъ, въ этомъ отношеніи, перемѣну къ лучшему. По ст. 137 проекта, освобожденіе отъ взноса въ пользу университета (правда, ограниченнаго *тремя* рублями въ полугодіе) безусловно не допускалось; уставъ, какъ мы уже видѣли, признаетъ его возможнымъ. Проектъ (ст. 132) требовалъ отъ своекоштныхъ студентовъ представленія удостовѣренія, *соединеннаго въ случаѣ надобности, съ отвѣтственнымъ поручительствомъ или денежными залогами*, въ томъ, что они могутъ вносить плату за ученіе и содержаться собственными средствами, не прибѣгая къ вспомоществованіямъ; въ уставъ это требованіе—неизбѣжнымъ послѣдствіемъ котораго было бы значительное уменьшеніе числа студентовъ—къ счастію не включено.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ правиламъ устава, которыми опредѣляется организація преподаванія въ университетахъ. Уставъ 1863 г. создалъ у насъ институтъ доцентовъ, изъ которыхъ однимъ, въ заранѣе опредѣленномъ числѣ, ассигновано было штатное содержаніе, а другіе, именуясь приватъ-доцентами, не имѣли права на содержаніе, но могли получать, по усмотрѣнію совѣта, соразмѣрное ихъ трудамъ вознагражденіе изъ спеціальныхъ средствъ университета.

Новый уставъ сохраняетъ только одну категорію доцентовъ, по имени соотвѣтствующую второму изъ только-что упомянутыхъ разрядовъ, но на самомъ дѣлѣ ближе подходящую къ первому. Приватъ-доценты, на основаніи ст. 112-й устава, получаютъ вознагражденіе изъ особо назначенной на этотъ предметъ *штатной суммы*, въ размѣрѣ, опредѣляемомъ по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія. Во время полемики, предшествовавшей изданію устава, однимъ изъ главныхъ доводовъ въ пользу установленія гонорара служила именно необходимость его для приватъ-доцентовъ; мы видимъ, однако, что въ концѣ концовъ этотъ источникъ вознагражденія приватъ-доцентовъ признанъ недостаточно надежнымъ, и дѣло не обошлось безъ назначенія имъ содержанія изъ штатной суммы. Вся разница между новыми приватъ-доцентами и старыми штатными доцентами заключается, съ этой точки зрѣнія, въ томъ, что размѣръ вознагражденія послѣднихъ былъ опредѣленъ закономъ, а размѣръ вознагражденія первыхъ предоставленъ усмотрѣнію министра. Проектъ 1876 г. былъ болѣе послѣдователенъ; твердо уповая на гонораръ, онъ провозглашалъ его, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, единственнымъ источникомъ содержанія приватъ-доцентовъ и допускалъ лишь въ видѣ исключенія „поощрительное вознагражденіе" ихъ изъ особой суммы, ассигнуемой въ распоряженіе министра (ст. 117 и 118). Доступъ въ приватъ-доценты, сравнительно съ уставомъ 1863 г., новымъ уставомъ нѣсколько затрудненъ. До сихъ поръ приватъ-доцентами могли быть и кандидаты, защитившіе диссертацію pro venia legendi; новый уставъ требуетъ отъ ищущихъ доцентуры—если они не состоятъ профессорами другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и не пріобрѣли извѣстность учеными трудами—либо ученой степени (магистра или доктора), либо по крайней мѣрѣ выдержанія испытанія на степень магистра. Въ послѣднемъ случаѣ необходимо еще, въ добавокъ, истеченіе трехъ лѣтъ со времени окончанія университетскаго курса.

Число каѳедръ, сравнительно съ уставомъ 1863 г., увеличено новымъ уставомъ только по медицинскому факультету (23 вмѣсто 17); по факультетамъ историко-филологическому и восточному оно остается то же самое (11 и 9), по факультетамъ физико-математическому и юридическому—нѣсколько уменьшено (съ 12 до 10 и съ 13 до 12). На историко-филологическомъ факультетѣ каѳедра исторіи всеобщей литературы замѣнена каѳедрой исторіи западно-европейскихъ литературъ; прибавлена каѳедра географіи и этнографіи. На физико-математическомъ факультетѣ упразднена каѳедра геогнозіи и палеонтологіи, на юридическомъ факультетѣ упразднены каѳедры исторіи славянскихъ законодательствъ и исторіи важнѣйшихъ законодательствъ древнихъ и новыхъ, и учреждена вновь самостоятельная

каѳедра торговаго права и судопроизводства. По отношенію къ числу преподавателей точной параллели между обоими уставами провести нельзя, потому что въ уставѣ 1863 г. опредѣлялось число профессоровъ и штатныхъ доцентовъ, а въ новомъ уставѣ опредѣляется только число профессоровъ. Разсматриваемое само по себѣ, послѣднее число является болѣе значительнымъ, чѣмъ соотвѣтствующая цифра 1863 г. Существенное вліяніе на увеличеніе числа профессоровъ можетъ имѣть та статья новаго устава (105-я), въ силу которой профессоръ, по истеченіи тридцати лѣтъ учебной службы, не включается болѣе въ число штатныхъ профессоровъ (т.-е. мѣсто его признается вакантнымъ и замѣщается другимъ лицомъ), но сохраняетъ право читать лекціи, а также званіе члена совѣта и факультета.

Вопросъ о числѣ преподавателей пріобрѣтаетъ особую важность въ виду тѣхъ постановленій новаго устава, которыми вводится у насъ такъ-называемая „академическая свобода ученья“. Каждый факультетъ, на основаніи устава, составляетъ одинъ или нѣсколько учебныхъ плановъ, въ которыхъ обозначаются какъ науки, подлежащія изученію студентами этого факультета, такъ и нормальный порядокъ ихъ изученія (ст. 70). Каждый студентъ обязанъ принять къ руководству одинъ изъ вышеупомянутыхъ учебныхъ плановъ, причемъ отступленія отъ избраннаго допускаются не иначе, какъ съ разрѣшенія декана факультета (ст. 72). Если одинъ и тотъ же предметъ преподается нѣсколькими преподавателями, то студенту предоставляется слушать лекціи и принимать участіе въ практическихъ упражненіяхъ у того преподавателя, у кого онъ самъ пожелаетъ (ст. 73). Центръ тяжести новаго порядка лежитъ, очевидно, въ послѣдней изъ приведенныхъ нами статей—а свобода выбора, провозглашенная ею, перестанетъ быть фикціей только тогда, когда сдѣлается возможнымъ самый выборъ, т.-е. когда каждый факультетскій предметъ будетъ читаться по меньшей мѣрѣ двумя преподавателями. Числомъ преподавателей обусловливается, между прочимъ, и разнообразіе учебныхъ плановъ, опредѣляющихъ порядокъ студенческихъ занятій. При отсутствіи или недостаткѣ приватъ-доцентовъ, при вакантныхъ каѳедрахъ или строго-минимальномъ числѣ профессоровъ, факультеты поневолѣ будутъ ограничиваться составленіемъ *одного* учебнаго плана, который, ipso facto, и будетъ столь же обязательнымъ для студентовъ, какъ обязательно было для нихъ до сихъ поръ слушаніе всѣхъ читаемыхъ на данномъ факультетскомъ курсѣ лекцій, въ установленномъ разъ навсегда порядкѣ.

Во время полемики, предшествовавшей изданію новаго университетскаго устава, рядомъ съ „академической свободой ученья“ намѣчалась еще другая цѣль реформы—„академическая свобода препода-

ванія". На самомъ дѣлѣ новый уставъ можетъ повлечь за собою скорѣе ограниченіе, чѣмъ развитіе этой свободы. Благопріятна для послѣдней только одна статья (68-я), предоставляющая профессору, сверхъ преподаванія по занимаемой имъ каѳедрѣ, объявлять курсы и практическія занятія съ студентами также и по другимъ предметамъ. На другую чашку вѣсовъ слѣдуетъ положить — помимо усиленнаго надзора попечителя, ректора и декана, помимо естественныхъ послѣдствій новой системы назначенія профессоровъ — вліяніе „государственныхъ экзаменовъ". Статья 66-я новаго устава возлагаетъ на факультеты обязанность принимать всѣ мѣры, чтобы въ каждыя восемь полугодій (а на медицинскомъ факультетѣ—въ теченіе десяти полугодій) студентамъ предоставлена была возможность, въ надлежащемъ порядкѣ и полномъ объемѣ, выслушать всѣ тѣ предметы, которые входятъ въ составъ предстоящихъ каждому изъ нихъ по избранному имъ разряду наукъ испытаній, по окончаніи полнаго университетскаго курса. Чѣмъ меньше число преподавателей, тѣмъ больше каждый изъ нихъ будетъ стѣсненъ необходимостью согласовать свои лекціи съ программой, не имъ установленной, съ условіями, не отъ него зависящими. Прибавимъ къ этому, что и въ глазахъ студентовъ наибольшую цѣну будутъ имѣть, вообще говоря, именно тѣ курсы, которые будутъ всего болѣе приспособлены къ требованіямъ особыхъ коммиссій. Свобода преподаванія, поставленная въ такія рамки, едва ли составляетъ шагъ впередъ противъ положенія дѣлъ, созданнаго уставомъ 1863 г. Нельзя не пожалѣть, далѣе, что новый уставъ не предоставляетъ профессорамъ и приватъ-доцентамъ права объявлять такъ-называемые публичные курсы (collegia publica), не подлежащіе оплатѣ гонораромъ. Особенно полезны подобные курсы были бы съ одной стороны для приватъ-доцентовъ, могущихъ пріобрѣсти этимъ путемъ извѣстность между студентами, а слѣдовательно и слушателей для своихъ приватныхъ (оплачиваемыхъ) курсовъ, съ другой стороны—для студентовъ, не желающихъ замыкаться въ сферу избранной ими спеціальности. *Право* слушать лекціи по другимъ факультетамъ обезпечено за студентами ст. 72-ою новаго устава, но *фактическая возможность* пользоваться этимъ правомъ до крайности ограничена отсутствіемъ въ уставѣ правилъ относительно публичныхъ курсовъ. Публичные курсы менѣе всего имѣли бы въ виду удовлетвореніе практическихъ потребностей студентовъ, менѣе всего были бы разсчитаны на подготовку къ государственному экзамену—и именно потому больше всякихъ другихъ приближались бы къ идеалу академической свободы.

Защитники и противники университетской реформы всегда сходились только въ одномъ—въ необходимости лучшаго матеріальнаго

обезпеченія профессоровъ, содержаніе которыхъ давно уже не соотвѣтствуетъ ни повысившимся на все цѣнамъ, ни окладамъ жалованья въ другихъ вѣдомствахъ. Именно въ этомъ отношеніи, однако, новый уставъ всего меньше расходится съ старымъ. Содержаніе профессоровъ, какъ ординарныхъ, такъ и экстраординарныхъ, остается прежнее (3,000 и 2,000 рублей); улучшены только условія назначенія имъ пенсій. Между тѣмъ, недостаточность профессорскаго содержанія, опредѣленнаго уставомъ 1863 г., сознавалась уже при самомъ составленіи этого устава. Въ представленіи, при которомъ онъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, сдѣланъ весьма любопытный разсчетъ минимальной суммы, необходимой для содержанія профессора, съ семьей средней величины. Эта сумма опредѣлена въ 2,948 рублей, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы „профессоръ и его домашніе всегда ходили пѣшкомъ, всегда были здоровы, никогда не выѣзжали изъ города на лѣтнее время, вели затворническую жизнь, никого не принимая и не посѣщая, и ничего не откладывали на черный день". „Допустивъ—сказано въ представленіи—что профессоръ по всѣмъ этимъ предметамъ будетъ дѣлать самые умѣренные и необходимые расходы, бюджетъ его надобно возвысить до 4,000 рублей. При 5,000 руб. содержанія, жизнь профессора сдѣлается удобною и привлекательною для молодыхъ ученыхъ". Заключеніе, справедливое двадцать лѣтъ тому назадъ, имѣетъ тѣмъ бо́льшую силу въ настоящее время; чтобы убѣдиться въ этомъ, сто́итъ только замѣтить, что въ вышеупомянутомъ разсчетѣ цѣна квартиры въ пять комнатъ, кромѣ передней и кухни, принималась въ 600 рублей, цѣна сажени дровъ—въ 4 рубля, цѣна фунта мяса—въ 12-15 коп. Намъ укажутъ, конечно, на гонораръ, какъ значительную прибавку къ постоянному профессорскому содержанію; но въ томъ-то и дѣло, что эта прибавка, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, вовсе не будетъ значительною. „По разсчету дерптскихъ профессоровъ,—читаемъ мы въ книгѣ г. Любимова (стр. 338),—тамъ въ среднемъ числѣ приходится гонорара по двѣсти, двѣсти-пятидесяти (maximum около тысячи) рублей въ годъ на человѣка, такъ какъ въ Дерптѣ освобождаемыхъ отъ платы (гратистовъ) очень много (на медицинскомъ факультетѣ почти половина). Сообразно этому разсчету, въ столичныхъ университетахъ можно бы ожидать нѣсколько бо́льшаго гонорара, въ провинціальныхъ — нѣсколько меньшаго, впредь до болѣе благопріятныхъ условій относительно количества и достаточности студентовъ". Итакъ, 150—200 рублей въ провинціальномъ университетѣ, 250—350 рублей въ столичномъ — вотъ средняя цифра, на которую разсчитываютъ защитники гонорара. Ожидать отъ нея существенной перемѣны къ лучшему въ матеріальномъ положеніи профес-

соровъ очевидно нельзя, а наступленію „болѣе благопріятныхъ условій относительно количества и *достаточности* студентовъ" долго еще суждено оставаться мечтою.

Общая цифра содержанія преподавателей, по каждому университету въ отдѣльности, измѣнилась, съ изданіемъ новаго закона, весьма мало. По штатамъ 1863 г. на содержаніе профессоровъ и доцентовъ въ петербургскомъ университетѣ ассигновано было 165,800 руб., въ московскомъ, харьковскомъ, кіевскомъ и казанскомъ—по 193,200 руб.; по штатамъ 1884 г. соотвѣтствующія цифры составляютъ — считая и вознагражденіе приватъ-доцентовъ (среднимъ числомъ по 10,000 рублей на университетъ)—170,000 и 206,000 рублей. Содержаніе инспекціи въ каждомъ университетѣ обходилось, по штатамъ 1863 г., въ 4,200—5,200 рублей (смотря по тому, стоялъ ли во главѣ инспекціи проректоръ или инспекторъ), составляя для пяти университетовъ не болѣе 26,000 руб.; штатами 1884 г. ассигновано на содержаніе инспекціи въ шести университетахъ 93,940 рублей.

Дополненіе законовъ инструкціями или правилами, составляемыми и утверждаемыми въ административномъ порядкѣ, составляетъ, съ нѣкоторыхъ поръ, обычное явленіе нашей государственной жизни; но никогда, кажется, оно не достигало такихъ размѣровъ, какіе отведены ему въ новомъ университетскомъ уставѣ. Кромѣ упомянутыхъ уже нами правилъ объ испытаніяхъ въ особыхъ коммиссіяхъ, о повѣрочныхъ, состязательныхъ и полукурсовыхъ испытаніяхъ, о зачетѣ полугодій, о взносѣ платы за слушаніе лекцій и объ освобожденіи отъ нея, новый уставъ возлагаетъ на министерство народнаго просвѣщенія изданіе слѣдующихъ еще правилъ, инструкцій или положеній: объ испытаніяхъ на ученыя степени (ст. 91), о способѣ дѣйствій инспекціи (ст. 52), о завѣдываніи библіотекой, пріобрѣтеніи книгъ и пользованіи ими (ст. 94), о завѣдываніи университетскими клиниками (id.), о практическихъ (семинарскихъ) упражненіяхъ студентовъ (ст. 96), о пріемѣ студентовъ и постороннихъ слушателей (ст. 30 и 120), о порядкѣ, обязательномъ для студентовъ и постороннихъ слушателей въ зданіяхъ университета (ст. 121), о взысканіяхъ за нарушеніе студентами ихъ обязанностей и о порядкѣ наложенія этихъ взысканій (прим. къ ст. 125), о контролѣ надъ занятіями студентовъ, получающихъ стипендіи (ст. 128), о назначеніи стипендій, соединенныхъ съ обязательствомъ службы (ст. 132). Зданіе, требующее такихъ достроекъ и пристроекъ, не можетъ считаться оконченнымъ; его характеръ, его цѣлесообразность опредѣлятся вполнѣ лишь по окончаніи работъ, изъ которыхъ многія ничуть не уступаютъ, по важности, возведеннымъ уже частямъ зданія. Различіе между тѣми и другими во всякомъ случаѣ не столь ве-

лико, чтобы оправдать громадную разницу въ способѣ исполненія работъ. Единоличному разрѣшенію архитектора предоставлены задачи, вполнѣ однородныя съ тѣми, надъ которыми трудился цѣлый архитектурный совѣтъ. Укажемъ, для примѣра, на правила объ испытаніяхъ въ особыхъ коммиссіяхъ, до изданія которыхъ нельзя составить себѣ яснаго понятія объ одномъ изъ самыхъ крупныхъ нововведеній университетскаго устава. Ничто не мѣшало, повидимому, включить въ уставъ по крайней мѣрѣ существенныя основанія этихъ правилъ и въ особенности опредѣлить точнѣе составъ экзаменаціонныхъ коммиссій. То же самое можно сказать и о порядкѣ зачета полугодій, отъ котораго непосредственно зависитъ будущій характеръ преподаванія и ученья въ университетахъ. Почти одновременно съ новымъ уставомъ обнародованъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, содержащій въ себѣ правила о порядкѣ оставленія молодыхъ людей при университетахъ и командированія за границу, съ цѣлью приготовленія къ профессорскому званію. Судя по этимъ правиламъ, отличительною чертою дополненій къ университетскому уставу весьма легко можетъ стать стремленіе къ регламентаціи, къ замѣнѣ рѣшеній, постановляемыхъ на мѣстѣ, лицами непосредственно знакомыми съ дѣломъ, рѣшеніями, постановляемыми въ департаментѣ, на основаніи письменныхъ документовъ. Выборъ кандидатовъ на профессорское званіе предоставляется министерству, въ которомъ сосредоточиваются всѣ данныя о лицахъ, намѣчаемыхъ съ этою цѣлью факультетами и совѣтами университетовъ. Молодымъ людямъ, избравшимъ своею спеціальностью одинъ изъ основныхъ предметовъ факультета, разрѣшается обращаться съ ходатайствомъ о зачисленіи въ кандидаты непосредственно къ попечителю учебнаго округа или въ министерство. Централизація избранія влечетъ за собою, какъ этого и слѣдовало ожидать, установленіе внѣшнихъ условій, положительныхъ и отрицательныхъ, которымъ долженъ соотвѣтствовать кандидатъ. Къ числу положительныхъ условій принадлежитъ очень хорошій аттестатъ зрѣлости, при отличныхъ отмѣткахъ по обоимъ древнимъ языкамъ (для кандидатовъ по историко-филологическимъ или юридическимъ наукамъ) или по всѣмъ частямъ математики и физики (для кандидатовъ по физико-математическимъ или медицинскимъ наукамъ), къ числу отрицательныхъ — неприкосновенность къ студенческимъ безпорядкамъ. Любопытно было бы узнать, многіе ли изъ нашихъ лучшихъ ученыхъ были отличными учениками въ гимназіи? Способности и трудолюбіе далеко не всегда развиваются уже на школьной скамьѣ; лѣнивый гимназистъ сплошь и рядомъ становится дѣльнымъ студентомъ, потомъ — солиднымъ ученымъ, знатокомъ избранной имъ спеціальности. Развѣ нельзя,

притомъ, сдѣлаться знаменитымъ медикомъ, не будучи особенно сильнымъ въ математикѣ, замѣчательнымъ юристомъ, не отличаясь глубокимъ знаніемъ греческаго языка?.. Съ другой стороны, мы конечно не ошибемся, если скажемъ, что изъ увлекающагося до неосторожности юноши легко можетъ выйти сдержанный, разсудительный, даже консервативный общественный дѣятель, все равно, на какомъ поприщѣ дѣятельности онъ бы ни остановился. Между участниками студенческихъ безпорядковъ 1861 г. видную роль играло одно лицо, занимающее теперь каѳедру въ одномъ изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма важное мѣсто на государственной службѣ; имя его можно найти въ спискѣ новыхъ почетныхъ членовъ кіевскаго университета. Кому придетъ теперь на мысль поставить ему въ вину его прошедшее, заградить передъ нимъ, изъ-за давно забытаго поступка, доступъ къ дорогѣ, къ которой онъ чувствуетъ призваніе и на которой приноситъ несомнѣнную пользу? Примѣръ, нами приведенный, едва ли можетъ быть названъ единичнымъ. При новой системѣ назначенія профессоровъ, абсолютныя ограниченія выбора, въ родѣ установляемыхъ циркуляромъ, окончательно теряютъ свою raison d'être. Ничто не мѣшаетъ министру обращать вниманіе на прошедшее лица, ищущаго профессуры—но ничто и не обязываетъ его подводить отдѣльныя черты этого прошедшаго подъ заранѣе опредѣленную, неподвижную мѣрку.

Туманъ, покрывающій въ настоящую минуту будущее нашихъ университетовъ, разсѣется еще не скоро; плоды новаго устава, каковы бы они ни были, будутъ созрѣвать медленно и постепенно. Для надеждъ, какъ и для опасеній, существуетъ и долго еще будетъ существовать полный просторъ. Всего благоразумнѣе, однако, не увлекаться черезъ-чуръ ни тѣми, ни другими—всего благоразумнѣе уже потому, что процвѣтаніе и упадокъ университетовъ, какъ и всякаго другого учрежденія, зависитъ не отъ одного только регулирующаго ихъ закона. Эту простую истину многіе забываютъ, относя всѣ грустныя, всѣ темныя стороны современной университетской жизни къ уставу 1863 г. Топча его ногами, они упускаютъ изъ виду, что черезъ нѣсколько лѣтъ, при стеченіи сколько-нибудь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, та же процедура, съ тѣмъ же самымъ правомъ, можетъ оказаться примѣнимой и къ новому закону. „Университеты потеряли свою *автономію*,—читаемъ мы въ одной изъ газетъ, думающей, что она также кого-то побѣдила:—старые профессора этимъ недовольны, это понятно, но можетъ ли это недовольство раздѣляться обществомъ? Рѣшительно нѣтъ... Корпорація профессоровъ стала хуже, чистая наука несомнѣнно пошла внизъ, да и общественная нрав-

ственность людей высшей культуры, въ лицѣ даже лучшихъ профессоровъ, оказалась несомнѣнно униженною. Поощряла ли *автономія* таланты? Нѣтъ. Заставляла ли выбраннаго ученаго добросовѣстнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ, нежели относились къ нимъ профессора-чиновники? Также нѣтъ. Наконецъ, создала ли она тѣсный кружокъ людей высшей культуры, гарантировавшей и высшую нравственность его членовъ? И это нѣтъ. Никогда еще свинцовыя сѣдалища и терпѣливыя тупицы не пользовались ученымъ авторитетомъ въ такой степени, какъ нынѣ. Никогда еще истинному, *живому* таланту не представлялось такихъ трудностей для полученія каѳедры, какъ теперь. Наконецъ, *совмѣстительство* ученаго званія съ самымъ вопіющимъ гешефтмахерствомъ, занятія университетскихъ и иныхъ профессоровъ учено-литературными плагіатами и аферами, прямо направленными противъ общественной совѣсти и кармана—явили міру яркое доказательство того, что университетская автономія не дѣлаетъ профессоровъ ни умнѣе, ни честнѣе, ни лучше... Преподавательная профессура (*значитъ есть профессура непреподавательная?*)—ремесло, имѣющее свою нестерпимую рутину, о которой ходитъ и всегда и вездѣ ходило столько забавныхъ анекдотовъ. Разъ выучившись, нашъ преподаватель-профессоръ терпѣть не можетъ переучиваться, и потому онъ естественный врагъ развитія науки. Отсутствіе печатныхъ трудовъ, принадлежащихъ профессурѣ, у насъ поразительное". Еслибы всѣ факты, съ такою беззастѣнчивою смѣлостью приводимые въ этой тирадѣ, были вполнѣ справедливы, оставалось бы еще доказать самое главное—причинную связь между ними и университетской „автономіей". Post hoc—еще не значитъ propter hoc; явленія, обусловливаемыя совокупностью общественныхъ теченій, свойственныя, въ большей или меньшей степени, цѣлой эпохѣ, а не отдѣльному учрежденію, не могутъ быть приписываемы какой-нибудь одной чертѣ въ организаціи этого учрежденія. Никакое устройство университетовъ не въ силахъ „гарантировать высшую нравственность культурнаго кружка", когда въ обществѣ господствуетъ поклоненіе золотому тельцу, когда старые идеалы исчезаютъ, а новые еще не успѣли сложиться и окрѣпнуть. Говорятъ о „совмѣстительствѣ", пустившемъ корни въ профессорской средѣ; но развѣ оно не процвѣтало еще болѣе въ другихъ сферахъ, далекихъ отъ всякой „автономіи", развѣ *назначенныя* должностныя лица рѣже пользовались его выгодами, чѣмъ выборныя? Развѣ „аферы, направленныя противъ общественной совѣсти и кармана", составляли исключительное или хотя бы преимущественное достояніе университетскаго міра? Сама газета, ратующая противъ побѣжденной „автономіи", обвиняетъ, наравнѣ съ *универ-*

ситетскими профессорами, и *иныхъ*,—а эти „иные" стояли, во всякомъ случаѣ, внѣ вліянія выборной системы. „Наши университеты, —читаемъ мы въ торжественной рѣчи, произнесенной профессоромъ Н. К. Ренненкампфомъ на кіевскомъ юбилейномъ актѣ,—слились съ русскимъ обществомъ, составляютъ кость отъ кости его, плоть отъ плоти его, и естественно не могутъ не отражать въ себѣ движеній и характера жизни всего общества. Взгляните же на русское общество новаго времени, вдумайтесь въ внутреннюю его жизнь, припомните тѣ тягостныя явленія, которыя кружили голову и потемняли глаза людей даже зрѣлыхъ, и скажите, справедливо ли выдѣлять университеты и студентовъ изъ общей жизни и возлагать на нихъ однихъ отвѣтственность за общія ошибки и грѣхи?" Только у насъ, кажется, необходимо объяснять очевидное, доказывать не требующее доказательствъ. Во всякой другой странѣ мысль, высказанная Н. К. Ренненкампфомъ, показалась бы труизмомъ, общимъ мѣстомъ; только у насъ приходится подчеркивать ее, какъ полезный противовѣсъ безсмысленнымъ и несправедливымъ обвиненіямъ.

Мы допустили, на минуту, точность фактовъ, на которыхъ основанъ обвинительный актъ противъ университетской автономіи. На самомъ дѣлѣ это не факты, а нѣчто совершенно другое. „Чистая наука,—говорятъ намъ,—несомнѣнно пошла внизъ». Итакъ, до 1863 г. русская наука стояла выше, чѣмъ въ настоящее время? Желательно было бы знать, къ какимъ отраслямъ науки примѣнима эта оцѣнка? Естественныя науки достигли въ Россіи такого развитія, о которомъ двадцать лѣтъ тому назадъ нельзя было и мечтать; политическая экономія, юриспруденція, философія насчитываютъ теперь гораздо больше самостоятельныхъ представителей, чѣмъ въ до-реформенное время; русская исторія можетъ выдвинуть имена, достойныя стать рядомъ съ именами Костомарова и Соловьева. Между двигателями науки первое мѣсто занимаютъ именно университетскіе профессора; достаточно назвать гг. Сѣченова, Менделѣева, Мечникова, Н. Грота, Посникова, Янжула, Чупрова, Ключевскаго и др. Эти имена, къ которымъ можно было бы присоединить много другихъ, отвѣчаютъ и на обвиненіе въ „отсутствіи печатныхъ трудовъ, принадлежащихъ професcурѣ". Еслибы намъ сказали, что у насъ *вообще* мало появляется научныхъ трудовъ, то съ этимъ можно было бы согласиться; но вопросъ поставленъ вовсе не такъ—въ непроизводительности упрекаютъ именно *профессоровъ*. Чтобы подтвердить этотъ упрекъ, нужно было бы доказать, во-первыхъ, что большинство или по крайней мѣрѣ значительная часть научныхъ трудовъ, вышедшихъ въ Россіи въ послѣднія двадцать лѣтъ, принадлежитъ перу ученыхъ, не занимающихъ профессорской каѳедры; во-вторыхъ, что эти ученые не зани-

мають ея по винѣ самоуправлявшихся университетскихъ корпорацій. И то, и другое едва ли кому-либо удастся. Можно, конечно, назвать нѣсколько отдѣльныхъ лицъ, преждевременно оставившихъ университетъ и не прекратившихъ своей научной дѣятельности; но причины, разлучившія ихъ съ каѳедрой, не имѣютъ, бо́льшею частью, ничего общаго съ уставомъ 1863 г. Нѣкоторые изъ нихъ вышли изъ университета еще до обнародованія этого устава (припомнимъ великій „исходъ" 1861 г.), другіе—вслѣдствіе обстоятельствъ отъ него независящихъ; узкости взглядовъ или мелкимъ интригамъ и раздорамъ профессорскихъ корпорацій можно приписать развѣ весьма немногія потери университетской науки. Еще меньше найдется такихъ случаевъ,—если только они найдутся,—когда молодымъ, „живымъ" талантамъ закрытъ былъ самими университетами доступъ къ профессорской дѣятельности. Есть цѣлыя отрасли науки, по которымъ у насъ работаютъ почти исключительно профессора; назовемъ, для примѣра, всеобщую исторію. Много ли историческихъ сочиненій, написанныхъ не-университетскими дѣятелями, можно поставить наряду съ трудами гг. Герье, Лучицкаго, Осокина, Трачевскаго, Петрова?.. „Свинцовыя сѣдалища", „терпѣливыя тупицы" возможны, даже неизбѣжны при всякомъ университетскомъ строѣ; отмѣняемый теперь порядокъ благопріятствовалъ имъ, во всякомъ случаѣ, не больше, чѣмъ какой бы то ни было другой. О преподавательской рутинѣ, по сознанію самого обвинительнаго акта, забавные анекдоты разсказывались „вездѣ и всегда"; что же удивительнаго, если нѣкоторый ихъ запасъ былъ пущенъ въ ходъ и въ послѣднее время? Пробнымъ камнемъ порядка долженъ служить не низшій, а высшій уровень, достигаемый при его дѣйствіи. Съ этой точки зрѣнія уставу 1863 г. нечего опасаться суда исторіи. Юридическіе факультеты въ Петербургѣ и Москвѣ, физико-математическій факультетъ въ Петербургѣ служатъ достаточно яркимъ образцомъ того, что́ было возможно при университетской „автономіи". Намъ скажутъ, можетъ быть, что послѣднее двадцатилѣтіе не произвело ни одного Грановскаго, не выдвинуло на сцену ни одного профессора, который пользовался бы безграничнымъ—и благотворнымъ—вліяніемъ на студентовъ; но такіе люди, какъ Грановскій, всегда являются рѣдкимъ исключеніемъ—да и неужели кто-нибудь станетъ утверждать, что Грановскій былъ произведеніемъ современныхъ ему университетскихъ порядковъ? Гораздо правильнѣе было бы сказать, что онъ дѣйствовалъ не *благодаря*, а *вопреки* этимъ порядкамъ, постоянно угрожаемый и до болѣзненности стѣсняемый ими. Едва ли, притомъ, второму Грановскому удалось бы создать себѣ въ шестидесятыхъ или семидесятыхъ годахъ такое положеніе, какое занималъ первый въ сороковыхъ и пятидесят-

тыхъ. Обстоятельства перемѣнились слишкомъ радикально, условія жизни до крайности усложнились, общепризнанный авторитетъ сдѣлался почти немыслимымъ. Довольно уже и того, если между начинающими профессорами появляются даровитые люди, пріобрѣтающіе уваженіе своихъ слушателей, способные распространить и укрѣпить между ними наклонность къ научному труду. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ группа молодыхъ ученыхъ, сложившаяся недавно въ Москвѣ и успѣвшая уже заслужить почетную извѣстность. Къ сожалѣнію, въ ея средѣ слишкомъ скоро образовались пробѣлы. Если вѣрить слухамъ, ея ряды должны порѣдѣть еще больше; въ одномъ изъ періодическихъ изданій появилась вѣсть о выходѣ изъ университета, вмѣстѣ съ Н. С. Тихонравовымъ, А. Н. Веселовскаго и Н. И. Стороженко... Университетамъ противопоставляются „высшія учебныя заведенія спеціальныхъ вѣдомствъ, съ самаго основанія своего вполнѣ находящіяся въ рукахъ оффиціальныхъ лицъ, и въ то же время щеголяющія превосходнымъ составомъ своихъ профессоровъ". О какихъ учебныхъ заведеніяхъ идетъ здѣсь рѣчь? Объ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, горномъ институтѣ и т. п.? Въ такомъ случаѣ необходимо имѣть въ виду, что здѣсь преподаются прикладныя науки, чуждыя всякой „политики". Что касается до высшихъ учебныхъ заведеній, по характеру своему болѣе близкихъ къ университетамъ (училище правовѣдѣнія, александровскій лицей), то лучшіе ихъ преподаватели всегда назначались изъ среды профессоровъ университета.

Мы не остановились бы такъ долго на ретроспективныхъ ударахъ, направленныхъ противъ уничтоженнаго порядка, еслибы несправедливое отношеніе къ послѣднему не проникало иногда за предѣлы сферъ, вообще враждебныхъ „автономіи". Въ одной изъ газетъ, не участвующихъ въ „торжествѣ побѣдителей", мы прочли недавно слѣдующія строки: „Ничто такъ не обличаетъ ненормальности тѣхъ условій, въ которыхъ находились наши университеты и которыя вызвали изданіе новаго устава, какъ возможность одного предположенія, что разныя подпольныя и темныя вліянія [1]) оказались болѣе ощутительными для студентовъ, нежели вліянія профессорской корпораціи и университетскаго начальства". Прежде всего необходимо замѣтить, что *возможность предположеній* ровно ничего не доказываетъ и не „обличаетъ". Предполагать можно чтó угодно и какъ угодно — но признавать значеніе и вѣсъ можно только за тѣми предположеніями, которыя соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Слишкомъ странно было

[1]) Рѣчь идетъ о прискорбныхъ событіяхъ, омрачившихъ юбилейное торжество кіевскаго университета.

бы судить объ учрежденіи или порядкѣ по тѣмъ выдумкамъ, къ которымъ они даютъ поводъ. Допустимъ, однако, что въ данномъ случаѣ предположеніе не было лишено основанія; оставалось бы еще доказать, что „ненормальность условій", послужившая точкой опоры для „подпольныхъ вліяній", коренилась именно въ уставѣ 1863 г. Пока это не доказано, гораздо лучше было бы не дѣлать опальный уставъ козломъ очищенія всѣхъ университетскихъ и студенческихъ грѣховъ, обусловливаемыхъ самыми разнообразными причинами.

Разбирая, мѣсяцъ тому назадъ, новыя правила о церковно-приходскихъ школахъ, мы не имѣли въ виду мотивовъ, которыми вызвано каждое отдѣльное правило. Теперь мы познакомились съ ними, по крайней мѣрѣ отчасти, изъ статей, напечатанныхъ въ „Гражданинѣ". Ничего не измѣняя въ нашемъ мнѣніи, они даютъ намъ возможность присоединить къ нему нѣсколько добавочныхъ соображеній. Мы недоумѣвали, въ прошедшій разъ, на счетъ причинъ, по которымъ курсъ ученья въ одноклассной церковной школѣ сокращенъ до двухъ лѣтъ. Такихъ причинъ оказывается три: „1) такъ какъ большинство учащихся (до 80%) остается въ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ всего два года, то естественнѣе и удобнѣе открывать школы съ болѣе или менѣе законченнымъ двухлѣтнимъ курсомъ; 2) учителю вдвое легче заниматься съ двумя отдѣленіями или группами, чѣмъ съ тремя, что̀ позволитъ въ два года достичь бо̀льшихъ результатовъ, чѣмъ при трехлѣтнемъ курсѣ; 3) такъ какъ въ церковной школѣ нѣтъ двухъ вѣдомствъ, изъ которыхъ каждое вѣдаетъ только свою особую область, то отсюда является возможность проникнуть весь курсъ однимъ религіозно-нравственнымъ элементомъ". Всѣмъ этимъ тремъ пунктамъ свойственна одна общая черта—недостаточное знаніе (или, быть можетъ, намѣренное игнорированіе) того, что такое *на самомъ дѣлѣ* свѣтская начальная школа. Раздѣленія на двѣ замкнутыя *области* въ свѣтской начальной школѣ, вообще говоря, не существуетъ; всякій сколько-нибудь удовлетворяющій своему назначенію учитель является, ipso facto, сотрудникомъ законоучителя въ религіозно-нравственномъ развитіи учениковъ—является имъ не только тогда, когда законоучитель (какъ это сплошь и рядомъ бываетъ) не исполняетъ своихъ обязанностей или исполняетъ ихъ лишь по имени, но и тогда, когда оба руководителя школы дружно стремятся къ одной общей цѣли. Обученіе въ начальной школѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо должно идти и дѣйствительно идетъ рука объ руку съ воспитаніемъ; нравственное вліяніе учителя на учениковъ столь же желательно, сколько и неизбѣжно. Допустимъ, однако, что рели-

гіозно-нравственное развитіе учениковъ будетъ совершаться успѣшнѣе и быстрѣе въ церковно-приходской школѣ; отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы ученики ея скорѣе выучивались читать, писать и считать — а безъ твердаго знанія грамоты и четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій цѣль школы никакъ не можетъ считаться достигнутою. Предполагается, правда, способствовать достиженію ея сокращеніемъ числа группъ, съ которыми долженъ заниматься учитель; но еслибы между школами церковно-приходской и свѣтской не была искусственно воздвигнута высокая стѣна, то не трудно было бы заимствовать у послѣдней весьма простой пріемъ, уменьшающій число группъ или отдѣленій безъ уменьшенія числа учебныхъ годовъ. Этотъ пріемъ, осуществленный съ большимъ успѣхомъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ петербургской губерніи, заключается въ томъ, что курсъ ученья остается трехлѣтній, но одинъ разъ въ три года школа не принимаетъ новыхъ учениковъ, вслѣдствіе чего на лицо въ школѣ постоянно бываетъ только два отдѣленія (въ первый годъ послѣ введенія новой системы — среднее и старшее, во-второй — старшее и младшее, въ третій—младшее и среднее, и такъ далѣе въ томъ же порядкѣ). Что касается до преждевременнаго оставленія школы большинствомъ учениковъ, то, во-первыхъ, это явленіе ненормальное, противъ котораго начальная школа должна всѣми силами бороться и которое должно повторяться все рѣже и рѣже, по мѣрѣ развитія въ народѣ стремленія къ образованію; во-вторыхъ, нѣтъ основанія жертвовать интересами лучшихъ учениковъ школы, хотя бы они и составляли въ ней меньшинство. Весь вопросъ сводится къ тому, можно ли основательно и прочно усвоить въ два учебные года (т.-е. въ какіе-нибудь одиннадцать или двѣнадцать учебныхъ мѣсяцевъ) minimum знаній, сообщеніе которыхъ составляетъ одну изъ задачъ начальной школы. На этотъ вопросъ не можетъ быть другого отвѣта, кромѣ отрицательнаго — а отрицательное разрѣшеніе его равносильно осужденію всякой попытки, направленной къ сокращенію безъ того уже крайне короткаго курса начальной школы.

Слишкомъ мало замѣченнымъ въ нашей печати осталось положеніе комитета министровъ 23 іюня 1884 г. о предоставленіи обществу рыбинско-бологовской желѣзной дороги произвести третій выпускъ облигацій, гарантированныхъ правительствомъ. Насъ интересуетъ въ этомъ положеніи слѣдующая статья: „Общество рыбинско-бологовской желѣзной дороги обязуется подчиниться тому контролю, который правительство признаетъ необходимымъ установить надъ отчетностью общества, въ цѣляхъ провѣрки правильности его дѣйствій по

отношенію къ уплатѣ процентовъ и погашенія по гарантируемымъ облигаціямъ". Читателямъ „Вѣстника Европы" извѣстно наше мнѣніе о возможности установленія правительственнаго контроля надъ желѣзно-дорожными обществами, посредствомъ изданія общаго желѣзно-дорожнаго закона [1]); имъ извѣстны тѣ доводы, по которымъ мы не видимъ въ этомъ никакого нарушенія „пріобрѣтенныхъ правъ" желѣзно-дорожныхъ обществъ или частныхъ ихъ уставовъ. Въ оффиціальныхъ сферахъ перевѣсъ остается покамѣстъ за противоположнымъ взглядомъ; введеніе порядковъ, не предусмотрѣнныхъ частными уставами, признается, повидимому, возможнымъ только при согласіи на то самихъ обществъ.—Разъ что это такъ, самымъ удобнымъ временемъ для достиженія соглашеній представляется, очевидно, тотъ моментъ, когда то или другое общество нуждается въ извѣстномъ видѣ правительственной поддержки; она можетъ быть дана ему не иначе, какъ подъ условіемъ исполненія требованій, предъявленныхъ ему со стороны правительства. Мы едва ли ошибемся, если объяснимъ именно этимъ путемъ происхожденіе статьи, подчеркнутой нами въ положеніи 23 іюня. Ничто не мѣшаетъ держаться той же системы и во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ, пока не будетъ, наконецъ, признана законность болѣе рѣшительнаго образа дѣйствій.

Между законодательными мѣрами послѣдняго времени можно указать одну, отличающуюся именно тою рѣшительностью, которой мы пока не видимъ въ желѣзно-дорожной политикѣ правительства. Это—утвержденныя 22-го мая и обнародованныя въ августѣ мѣсяцѣ правила о порядкѣ прекращенія дѣйствій частныхъ и общественныхъ установленій краткосрочнаго кредита. Существуетъ, какъ извѣстно, мнѣніе, въ силу котораго банковые уставы, въ качествѣ *частныхъ договоровъ*, неприкосновенны для законодательной власти наравнѣ съ частными желѣзно-дорожными уставами. Названныя выше правила идутъ наперекоръ этому мнѣнію, ошибочность котораго въ нашихъ глазахъ несомнѣнна. Они распространены на всѣ установленія краткосрочнаго кредита, какъ имѣющія быть учрежденными, *такъ и уже существующія*; правило, въ силу котораго законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія, совершенно основательно признано непримѣнимымъ къ данному случаю [2]). Прекращеніе дѣйствій банка сдѣлано обязательнымъ *независимо отъ случаевъ, означенныхъ въ подлежащихъ (частныхъ) уставахъ*, во всѣхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ новыми правилами. Статья 5-я правилъ предоставляетъ министру финансовъ

---

[1]) См. Внутреннія Обозрѣнія въ №№ 4, 5, 8, 9 и 10 „Вѣстника Европы" за 1883 г.

[2]) О настоящемъ значеніи этого правила, часто толкуемаго вкривь и вкось, см. Внутр. Обозр. въ № 8 „Вѣстника Европы" за 1883 г.

назначать, при извѣстныхъ условіяхъ, ревизію банка, опять таки независимо отъ времени его открытія. Это уже не первый шагъ министерства финансовъ по правильно избранной дорогѣ; тѣмъ же характеромъ запечатлѣны, какъ уже было указано нами въ свое время не разъ, изданныя въ прошедшемъ году правила о городскихъ общественныхъ банкахъ. Остается только пожелать большей послѣдовательности и настойчивости въ проведеніи вѣрнаго взгляда.

Мы нѣсколько запоздали, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, отвѣтомъ автору „Экономическихъ писемъ", печатаемыхъ въ „Руси". Возражая противъ нѣкоторыхъ замѣчаній, сдѣланныхъ нами при разборѣ перваго отчета крестьянскаго поземельнаго банка, г. Д. И. („Русь" № 13) не безъ ироніи называетъ наши сужденія *городскими*, причисляетъ насъ къ манчестерцамъ, приписываетъ намъ любовь къ аукціонамъ (!), предостерегаетъ управленіе банкомъ противъ нашихъ совѣтовъ, могущихъ привести, „подъ западно-гуманной оболочкой" (и здѣсь оказалось невозможнымъ обойтись безъ киванія на западъ!), къ переходу дворянскихъ имѣній въ руки кулаковъ-разночинцевъ. Такіе полемическіе пріемы не говорятъ въ пользу дѣла, защищаемаго авторомъ. Знаніе сельскаго быта, пріобрѣтаемое долговременною жизнью въ деревнѣ, не составляетъ монополіи публицистовъ „Руси". Смѣшно и странно отрицать его a priori въ другихъ писателяхъ, о прошедшемъ и настоящемъ мѣстѣ жительства которыхъ г. Д. И., конечно, не наводилъ точныхъ справокъ. Наши сужденія съ такимъ же правомъ могутъ быть названы городскими, какъ и манчестерскими. Мы не требуемъ, конечно, отъ г. Д. И. знакомства съ духомъ нашихъ обозрѣній, съ нашими взглядами на предѣлы и задачи государственнаго вмѣшательства; но разъ что онъ ихъ не знаетъ, ему слѣдовало бы воздержаться и отъ общей характеристики ихъ. Убѣдиться въ томъ, что мы меньше всего желали бы перехода земель въ руки разночинцевъ, онъ могъ бы, впрочемъ, изъ того же обозрѣнія, противъ котораго направлена его замѣтка; мы указывали въ немъ (стр. 785) на необходимость закона, который предупредилъ бы переходъ земель, купленныхъ при содѣйствіи банка, въ руки лицъ, не имѣющихъ никакого права на правительственную помощь [1]). Что касается до аукціона, то мы не безъ основанія назвали его угрожающимъ неисправному плательщику; дарованіе льготъ, о которыхъ говоритъ г. Д. И., зависитъ—помимо случаевъ доказан-

[1]) Болѣе подробно эта мысль была развита нами при разборѣ самого положенія о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ (см. Внутреннее Обозрѣніе въ № 7 „Вѣстника Европы" за 1882 г.

наго бѣдствія—отъ *усмотрѣнія* банка (Положеніе о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ, ст. 29—32). Замѣтимъ, притомъ, что предметомъ спора между г. Д. И. и нами служатъ ссуды товариществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ—а недоимки по этимъ ссудамъ, очевидно, не могутъ быть погашаемы путемъ учрежденія общественной запашки, на который указываетъ нашъ противникъ.

Авторъ „Экономическихъ писемъ" отождествляетъ бездомныхъ и безхозяйныхъ крестьянъ съ „хивинцами", по собственной винѣ лишившимися надѣла и обратившимися въ паразитовъ сельскаго общества. Мы имѣли въ виду не этихъ отпѣтыхъ людей, между которыми едва ли и найдутся охотники просить ссуды у банка, а тѣхъ, не малочисленныхъ крестьянъ, которые вовсе или почти вовсе не имѣютъ земли, обладая и охотой къ земледѣлію, и средствами обзавестись хозяйствомъ. Покупка лошади и коровы, вмѣстѣ съ простѣйшими земледѣльческими орудіями, постановка избы, хотя бы посредствомъ такъ называемой „помочи"—все это не требуетъ большихъ расходовъ и доступно для многихъ безъ необходимости прибѣгать къ займу; доплата къ банковой ссудѣ также не всегда составляетъ значительную сумму. По отношенію къ другой категоріи крестьянъ г. Д. И. допускаетъ ошибку иного рода; онъ забываетъ, что мы постоянно говорили не просто объ исправныхъ, а объ исправныхъ *состоятельныхъ* хозяевахъ. Само собою разумѣется, что хозяинъ *только исправный*, т.-е. не бѣдствующій и аккуратно платящій лежащіе на немъ налоги, имѣетъ полное право, въ извѣстныхъ предѣлахъ, на помощь банка; мы возражали исключительно противъ ссудъ, послѣдствіемъ которыхъ было бы обогащеніе людей безъ того уже достаточныхъ, сосредоточеніе въ рукахъ одной семьи количества земли, превышающаго собственную ея рабочую силу. При этомъ мнѣніи мы остаемся и теперь, продолжая считать задачей банка облегченіе золъ, обусловливаемыхъ малоземельемъ и *безземельемъ*.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е октября, 1884.

Скерневицкое свиданіе трехъ императоровъ.—Разнорѣчивые толки оффиціозной печати; отзывы вѣнской „Presse" и нашего „Journal de St.-Petersbourg". — Замѣчанія лондонскаго „Times'a" и парижскаго „Temps".—Биржевые интересы въ Египтѣ и защита ихъ Европою.—Внутреннія дѣла въ Германіи и Австріи.—Польскій вопросъ и рѣчь графа Дѣдушицкаго.

Свиданіе трехъ императоровъ въ Скерневицахъ—главное событіе истекшаго мѣсяца, предметъ общихъ разговоровъ въ Европѣ, исходная точка для новыхъ политическихъ комбинацій, предположеній и догадокъ. Вновь возстановленный тройственный союзъ истолковывается различно въ дипломатическихъ сферахъ заинтересованныхъ державъ; особенное торжество замѣчается почему-то въ австрійской столицѣ.

„Скерневицкое свиданіе, — по словамъ вѣнской оффиціозной „Presse", — дало оффиціальную санкцію состоявшемуся за послѣдніе полтора года сближенію Россіи съ средне-европейскимъ союзомъ; оно подтвердило побѣду мирныхъ идей въ Петербургѣ, гдѣ сохраненіе общаго спокойствія въ Европѣ признано также лучшею политикою для русской имперіи. Это сближеніе послужитъ урокомъ для странной и фантастической школы политиковъ въ Россіи, которые хотѣли бы выйти изъ затруднительныхъ внутреннихъ кризисовъ посредствомъ великой военной бури, направленной противъ запада, и которые думали устранить революціонную смуту въ умахъ своей собственной страны при помощи громаднаго кровопролитія. Образумятся также политическіе спекулянты на западѣ, старавшіеся оживить свои безсильныя мечты о возмездіи неясными надеждами на коалицію. Примутъ это къ свѣдѣнію и политическіе счетчики на берегахъ Темзы, привыкшіе столь искусно пользоваться разладомъ между другими государствами и присвоившіе себѣ такимъ способомъ почти исключительное владычество въ прочихъ частяхъ свѣта".

Замѣчанія вѣнскаго органа для насъ мало понятны; они какъ-то не вяжутся съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ. Гдѣ эта фантастическая русская партія, жаждущая войны и крови? Неужели рѣчь идетъ о славянофилахъ, вся храбрость которыхъ не простирается далѣе покушеній на борьбу съ либерализмомъ? На чемъ основана мысль, что мирныя идеи только теперь окончательно одержали

верхъ въ русскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ? На сколько намъ извѣстно, никакихъ другихъ идей, кромѣ миролюбивыхъ, не было и не могло быть въ средѣ нашей оффиціальной дипломатіи, со времени тяжелой и во многихъ отношеніяхъ несчастной турецкой войны. Быть можетъ, въ данномъ случаѣ русское миролюбіе имѣетъ особый смыслъ въ австрійскихъ устахъ; оно можетъ означать уступчивость, связанную съ важными выгодами для Австріи въ области ея торговыхъ и политическихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ. Корреспонденты австрійскихъ газетъ увѣряли, что графъ Кальноки былъ пріятно пораженъ скорымъ согласіемъ Россіи на требованія и даже намеки вѣнскаго кабинета, — хотя неизвѣстно еще, къ чему относились эти предполагаемыя уступки. Говорятъ, что временное занатіе Босніи и Герцеговины превратится теперь въ полное присоединеніе, вопреки берлинскому трактату,—и если Россія одобрила этотъ проектъ, то австрійскіе патріоты имѣютъ, конечно, право восхвалять „мирныя идеи", обогатившія Австрію двумя чужими провинціями. Но есть основаніе сомнѣваться въ осуществленіи подобнаго плана и въ одобреніи его русскимъ правительствомъ,—ибо неприкосновенность установившагося порядка вещей или такъ называемаго status-quo является однимъ изъ главныхъ пунктовъ соглашенія между правительствами трехъ имперій, по единодушному увѣренію всѣхъ оффиціозныхъ газетъ. Далѣе, вѣнская „Presse" намекаетъ на враждебный характеръ тройственнаго союза относительно Франціи и Англіи, причемъ обѣимъ западнымъ державамъ приписываются замыслы, прямо противорѣчащіе ихъ дѣйствительной политикѣ за послѣдніе годы. Мысль о возмездіи совершенно сошла со сцены текущихъ французскихъ заботъ и предпріятій; Франція занялась колоніальными экспедиціями и не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія устраивать коалиціи противъ Германіи, съ которою напротивъ находится въ безспорной дружбѣ. Англія также мало вмѣшивается въ европейскія дѣла и ограничивается защитою своихъ интересовъ въ Африкѣ и въ Индіи. Чѣмъ же объяснить угрожающую выходку вѣнскаго министерскаго органа противъ двухъ передовыхъ націй западной Европы? Нельзя же принимать это заявленіе за серьезный признакъ реакціоннаго духа, которымъ будто бы проникнуто состоявшееся соглашеніе между тремя имперіями. Программа твердаго общаго мира, возвѣщаемая теперь отовсюду, обѣщала бы очень плохіе результаты, еслибы она выражалась прежде всего въ угрозахъ англичанамъ и французамъ, съ которыми мы имѣемъ нисколько не меньше общихъ интересовъ, чѣмъ съ нѣмцами и австрійцами. Или, быть можетъ, австрійскіе дипломаты вспомнили теперь знаменитый возгласъ Гладстона — „руки прочь!"—по поводу попытки захватить

Боснію? Эта злопамятность доказывала бы, что проектъ присоединенія занятыхъ славянскихъ провинцій играетъ какую-то роль въ настоящихъ политическихъ комбинаціяхъ.

Гораздо успокоительнѣе, но за то еще болѣе неопредѣленно, выражается нашъ „Journal de St.-Pétersbourg". „Личныя воззрѣнія монарховъ, равно какъ и взгляды ихъ министровъ,—говоритъ этотъ дипломатическій органъ, — оказались вполнѣ тождественными, такъ какъ всѣ три правительства одушевлены одинаковымъ желаніемъ поддерживать между собою сердечное согласіе и сохранять дружескія отношенія съ остальными европейскими государствами. Политика въ собственномъ смыслѣ была затронута лишь настолько, чтобы подтвердить существующее соглашеніе, которое должно поставить начало единенія, примиренія и успокоенія на мѣсто принципа одиночныхъ дѣйствій, могущихъ вести къ разногласіямъ и недоразумѣніямъ. Всѣ спеціальные вопросы, возникающіе въ Европѣ, должны будутъ разсматриваться съ точки зрѣнія этого согласія трехъ имперій, такъ, что нравственная и матеріальная сила, которою располагаютъ эти державы, будетъ тяготѣть въ одну сторону, вмѣстѣ съ уваженіемъ къ праву и съ желаніемъ мира. Можно считать миръ совершенно и дѣйствительно обезпеченнымъ не только между тремя имперіями,— что́ уже само по себѣ было бы чрезвычайно важнымъ преимуществомъ,—но и для всей вообще Европы, потому что всякіе разсчеты, построенные на несогласіяхъ и соперничествѣ державъ или же на разрушительныхъ попыткахъ враговъ соціальнаго порядка, разобьются объ это твердое и искреннее согласіе, основанное на личной дружбѣ трехъ монарховъ и на общности воззрѣній ихъ правительствъ... Чувство недомоганія, которымъ страдаетъ Европа, имѣетъ свой источникъ въ неизвѣстности завтрашняго дня; оно можетъ исчезнуть только подъ вліяніемъ довѣрія къ будущему, и это довѣріе будетъ слѣдствіемъ того факта, что настоящее мирное соглашеніе покоится не на абстрактныхъ теоріяхъ и не на случайныхъ чувствахъ, а на убѣжденіи въ практическомъ согласіи интересовъ, которое должно вести къ прочному единенію".

Сквозь обычную дипломатическую фразеологію не трудно здѣсь разглядѣть нѣсколько сомнительныхъ пунктовъ, около которыхъ напрасно вертятся разсужденія почтенной газеты. Еслибы понимать буквально мысль о „согласіи интересовъ и тождественности взглядовъ", то выходило бы слѣдующее: такъ какъ Австрія имѣетъ интересъ въ присоединеніи Босніи и въ расширеніи своего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, то и Россія желаетъ того же для австрійцевъ и никакихъ другихъ интересовъ противопоставить имъ не можетъ; если Германія имѣетъ свои счеты съ французами, то эти счеты

обязательны и для Россіи; если нѣмцы спорятъ съ англичанами изъ-за колоній, то и мы должны спорить объ этомъ съ сочувствующимъ намъ правительствомъ Гладстона. Очевидно, интересы трехъ имперій и воззрѣнія ихъ министровъ не могутъ ни въ какомъ случаѣ совпадать на практикѣ и должны неизбѣжно расходиться коренными образомъ, чуть только возбуждаются вопросы, касающіеся положительныхъ интересовъ той или другой державы. Такимъ образомъ, основное положеніе, на которое опирается „Journal de St.-Pétersbourg", оказывается совершенно невозможнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ падаютъ сами собою и дѣлаемые изъ него выводы. Единство воззрѣній и интересовъ существуетъ только въ смыслѣ отрицательномъ: союзныя имперіи не желаютъ ссориться ни между собою, ни съ другими, и для этого условились разрѣшать всякія сомнѣнія миролюбиво, по общему соглашенію. Въ предѣлахъ этого миролюбія будутъ по прежнему проявляться старинныя разногласія и не перестанутъ возникать новыя, даже при несомнѣнной общей рѣшимости держаться по всемѣстнаго status-quo.

Увѣреніе „Journal de St.-Pétersbourg", что разногласія исчезнуть, или что ихъ нѣтъ уже болѣе, послѣ двухчасоваго совѣщанія трехъ министровъ въ Скерневицахъ, 4 сентября,—это увѣреніе грѣшитъ нѣкоторою фантастичностью. Чтобы достигнуть единодушія по отдѣльнымъ вопросамъ, необходимы взаимныя уступки, и весь интересъ подобныхъ соглашеній заключается въ томъ, что одинъ изъ участниковъ долженъ уступать въ угоду другимъ. Никто не сомнѣвается, что Германія и Австрія несравненно ближе связаны между собою, чѣмъ съ Россіею; во многихъ случахъ, напримѣръ, по дѣламъ балканскимъ и восточнымъ, интересы обѣихъ сосѣднихъ имперій дѣйствительно тождественны, такъ что обязанность дѣлать уступки будетъ лежать почти исключительно на русской дипломатіи. Притомъ политика Вѣны и Берлина отличается энергіею и настойчивостью; при этихъ качествахъ возможны попытки вовлечь Россію въ невыгодныя или не нужныя для нея сдѣлки, пользуясь ея дѣйствительнымъ и искреннимъ миролюбіемъ,—чему уже не разъ бывали печальные примѣры въ прошломъ. Ради сохраненія мира предпринимались кровавыя войны, и русскія народныя силы отдавались въ жертву заграничнымъ союзникамъ, для воображаемаго блага Европы или для пользы чужихъ правительствъ. Конечно, эти односторонніе союзы немыслимы въ настоящее время; горькій опытъ прошедшаго не можетъ повториться вновь. Но „Journal de St.-Pétersbourg", своими преувеличенными толкованіями невольно наводитъ насъ на непріятныя сопоставленія. Развѣ недостаточно того, что три могущественныя имперіи заботятся объ избѣжаніи всякихъ столкновеній въ Европѣ? За-

чѣмъ приписывать ихъ взаимному сближенію какія-то положительныя общія задачи, могущія будто-бы положить конецъ разногласіямъ и недоразумѣніямъ? Тройственный союзъ, гораздо болѣе тѣсный, существовалъ и ранѣе, до начала послѣдней войны, съ тою-же цѣлью сохраненія мира; и однако онъ не только не предотвратилъ замѣшательствъ на Востокѣ, но еще скорѣе способствовалъ тяжелой ихъ развязкѣ. Германія и Австрія не имѣли тогда никакого интереса въ томъ, чтобы сохранить миръ для Россіи; обѣ дружественныя намъ державы находили выгоднымъ для себя усложненіе кризиса и въ тайнѣ поддерживали политику лорда Биконсфильда. Принципъ status-quo не сходилъ съ устъ представителей и сторонниковъ тогдашняго тройственнаго союза; однако, status-quo поколебался отъ первыхъ выстрѣловъ въ Герцеговинѣ, и сохраненіе его оказалось не во власти кабинетовъ. Зачѣмъ-же повторять условныя формулы, которыя кажутся вѣскими только до тѣхъ поръ, пока не является необходимость практическаго примѣненія ихъ? Дипломаты могутъ согласиться не нарушать сознательно общаго равновѣсія и мирнаго хода международныхъ дѣлъ; но обѣщать нѣчто больше, ручаться за безобидное направленіе событій и за отсутствіе поводовъ къ разногласіямъ,—это значило-бы уже выходить за предѣлы обыкновенной человѣческой предусмотрительности.

„Journal de St.-Pétersbourg“ довольно странно мотивируетъ свое предположеніе объ общемъ довѣріи къ будущему. Согласіе не пріобрѣтаетъ особенной прочности отъ того, что оно основано на общности интересовъ въ данное время; оно прежде всего зависитъ отъ взглядовъ на эти интересы, а взгляды мѣняются вмѣстѣ съ лицами и обстоятельствами; оно зависитъ также отъ настроенія, измѣнчиваго по существу. То, что игнорировалось вчера, можетъ сегодня выступить на первый планъ и разстроить всѣ вчерашнія комбинаціи; наконецъ, самъ тройственный союзъ не остался-бы временнымъ явленіемъ и не распался-бы въ 1878 году, еслибъ онъ основывался дѣйствительно на природѣ вещей. Нельзя поэтому требовать отъ Европы, чтобы она теперь болѣе вѣрила въ прочность мира и согласія, чѣмъ восемь лѣтъ тому назадъ, когда тройственный союзъ былъ въ полной силѣ. „Journal de St.-Pétersbourg“ упоминаетъ еще объ устраненіи попытокъ, направленныхъ противъ соціальнаго порядка и спокойствія; но общія мѣры въ этой области могутъ касаться только ограниченнаго круга фактовъ, ибо самыя понятія о соціальномъ порядкѣ и объ его врагахъ далеко не одинаковы въ различныхъ государствахъ. Прогрессисты, находящіеся въ открытой оппозиціи противъ министерства, считаются въ одной странѣ невинными и полезными гражданами, а въ другой—вредными противниками всякой

власти. Какъ тутъ установить общія мѣры для борьбы со зломъ, когда самое зло понимается различно? Соглашеніе можетъ относиться только къ преслѣдованію попытокъ, признаваемыхъ преступными повсюду, такъ что общаго внутренняго умиротворенія оно облегчить не можетъ. Ясно отсюда, что „Journal de St.-Pétersbourg" значительно увлекся въ своихъ комментаріяхъ по поводу скерневицкаго свиданія, хотя увеличеніе его направилось въ другую сторону, чѣмъ въ отзывѣ вѣнской „Presse".

На сколько можно судить по отрывочнымъ указаніямъ и обмолвкамъ берлинской оффиціозной печати, дѣйствительное возстановленіе стараго тройственнаго союза не имѣлось вовсе въ виду въ Скерневицахъ; дѣло шло лишь объ оффиціальномъ сближеніи Россіи съ правительствами двухъ сосѣднихъ имперій, которыя продолжаютъ оставаться въ особомъ между собою союзѣ. Австро-германскій договоръ 15 октября 1879 года сохраняетъ свою силу; онъ утрачиваетъ только характеръ недовѣрія къ русской политикѣ и получаетъ болѣе широкое поле дѣйствія. Скерневицкое соглашеніе представляетъ гарантію взаимнаго мира между тремя великими державами; но оно не устраняетъ возможности войны въ остальной Европѣ, при участіи того или другого изъ союзныхъ кабинетовъ. Такъ именно и смотрятъ на дѣло лондонскія и парижскія газеты.

„Times" полагаетъ, что Германія, Россія и Австрія не могутъ заключить союзъ для общаго наступательнаго предпріятія. „Три имперіи поставлены въ такое положеніе,—разсуждаетъ этотъ вліятельный органъ,—что ни одна изъ нихъ не въ состояніи предпринять войну, которая пользовалась бы сочувствіемъ и поддержкою двухъ остальныхъ. Иностранная политика Австріи на Балканскомъ полуостровѣ сталкивается съ русскими интересами, и половина австрійскаго населенія рѣшительно отвергла бы мысль о какомъ-либо воинственномъ союзѣ съ Россіею. Съ другой стороны, сочувственная нѣмцамъ партія въ Россіи ограничивается предѣлами бюрократическаго класса, а народныя массы, на которыя опирается власть, относятся далеко не дружелюбно къ германской имперіи. Но большая заслуга правительствъ заключается уже въ томъ, что они принимаютъ мѣры для избѣжанія недоразумѣній, способныхъ вести къ войнѣ". Относительно Англіи, „Times" не питаетъ никакихъ опасеній; „русское нашествіе на востокъ,—говоритъ газета,—не есть, конечно, продуктъ воображенія, но русское правительство имѣетъ слишкомъ много дѣла у себя дома, чтобы по крайней мѣрѣ въ настоящее время не вызывать замѣшательствъ, могущихъ породить столкновеніе съ нами". Почему-то „Times" гораздо болѣе безпокоится объ одиночествѣ Франціи, которая вообще не пользуется теперь симпатіями

англичанъ. „Если на Францію не обращаютъ вниманія, не смотря на то, что она можетъ выставить армію не менѣе многочисленную, чѣмъ австрійская или даже германская, то это, — по увѣренію „Times'a",—происходитъ отъ того, что ея государственные люди не успѣли убѣдить Европу въ своей способности охранять военныя силы страны. Напротивъ, они какъ-будто расточаютъ ихъ. Различныя происшествія, связанныя съ такъ-называемою колоніальною политикою Франціи въ Тунисѣ, Мадагаскарѣ, Тонкинѣ и Китаѣ, обнаружили слабость если не въ военной организаціи французовъ, то по крайней мѣрѣ въ политической дальновидности, необходимой для направленія силъ къ желанной цѣли". Нечего и говорить, что приведенныя указанія противорѣчатъ фактамъ: новѣйшая колоніальная политика Франціи, весьма успѣшная по результатамъ, могла только возвысить и улучшить международное положеніе французской республики въ глазахъ Европы вообще и Германіи въ особенности. Заботы о колоніяхъ сблизили нѣмецкую дипломатію съ французскою и отчасти устранили постоянный источникъ кризисовъ въ отношеніяхъ между обѣими націями; Франція имѣетъ возможность дѣйствовать рука объ руку съ Германіею, не теряя нисколько своего самостоятельнаго національнаго достоинства, и идея объ утраченныхъ прирейнскихъ провинціяхъ все болѣе уходитъ въ прошлое, заглушаясь сознаніемъ новыхъ богатыхъ пріобрѣтеній въ отдаленныхъ краяхъ. Но эти колоніальные успѣхи французовъ понятнымъ образомъ раздражаютъ Англію, чтò и высказывается въ непріязненномъ тонѣ лондонскихъ газетъ относительно Франціи.

Съ своей стороны, парижская печать отплачиваетъ англичанамъ тою же монетою и приписываетъ скерневицкому свиданію значеніе нежелательное для Англіи. „Нужно предположить, — замѣчаетъ „Temps",—что въ числѣ вопросовъ общаго интереса правители трехъ имперій обсуждали планъ дѣйствій относительно Египта. Дѣло это—чрезвычайно щекотливое, ибо безспорное право Европы на вмѣшательство было торжественно признано созваніемъ лондонской конференціи, а между тѣмъ, англійское правительство усиливается теперь съ удвоенною энергіею разрѣшить вопросъ своими собственными средствами. Европа присутствуетъ при этомъ опытѣ, а рано или поздно она должна будетъ опять сказать свое слово". Въ Скерневицахъ, по мнѣнію „Temps", нельзя было также избѣгнуть переговоровъ о Турціи. Подобныя догадки едва ли основательны, уже въ виду кратковременности министерскихъ совѣщаній 4 сентября,—не говоря уже объ общемъ характерѣ съѣзда, болѣе праздничномъ, чѣмъ дѣловомъ. Объ египетскомъ вопросѣ не приходилось, вѣроятно, разсуждать по той простой причинѣ, что ни одна изъ трехъ имперій

не имѣетъ серьезныхъ интересовъ на берегахъ Нила; о туркахъ и славянахъ не могло быть рѣчи потому, что опасно было бы затрогивать предметы, не стоящіе теперь на очереди и неразрывно связанные съ коренными различіями во взглядахъ заинтересованныхъ державъ. Остается выжидать фактическихъ результатовъ скерневицкаго свиданія, чтобы правильно судить о предѣлахъ и важности соглашенія между руководителями иностранной политики трехъ сосѣднихъ государствъ.

Что соглашеніе не грозитъ никакимъ интересамъ другихъ державъ, и что оно имѣетъ лишь цѣлью охрану общаго мира дипломатическими способами,—это видно уже изъ той легкости, съ какою было достигнуто единодушіе между княземъ Бисмаркомъ, графомъ Кальноки и русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Первый случай для проявленія этого согласія представился кабинетамъ по поводу самовластной мѣры, принятой Англіею въ Египтѣ, въ ущербъ европейскимъ кредиторамъ этой несчастной страны. Англійское правительство отправило въ Каиръ спеціальнаго коммисара, лорда Норсбрука, для устройства финансовыхъ дѣлъ Египта; лордъ Норсбрукъ прежде всего счелъ нужнымъ пріостановить погашеніе египетскаго долга, чтó и исполнено было номинальнымъ совѣтникомъ хедива, Нубаромъ-пашою. Между тѣмъ, система погашенія египетскаго долга установлена международнымъ актомъ, при участіи всѣхъ европейскихъ правительствъ; великія державы должны были протестовать во имя уваженія къ трактатамъ. Протесты посыпались на Нубара-пашу и затѣмъ, въ болѣе мягкой формѣ, направились въ Лондонъ; Франція дѣйствовала тутъ за-одно съ Германіею и Австріею. Согласіе предполагалось само собою между заинтересованными кабинетами, и оно не нуждалось вовсе въ предварительныхъ переговорахъ. Но какую практическую силу имѣютъ эти совмѣстныя дипломатическія дѣйствія? Англія оставила ихъ безъ вниманія и распорядилась по своему; а протесты оказались лишь исполненіемъ формальности, въ которую не вѣрятъ сами протестующіе.

Нельзя не замѣтить, что мѣра, давшая поводъ къ этимъ общимъ возраженіямъ, есть одна изъ немногихъ справедливыхъ мѣръ, принятыхъ англичанами въ Египтѣ. Надъ разореннымъ и едва прозябающимъ египетскимъ народомъ тяготѣетъ непомѣрная масса такъ-называемыхъ государственныхъ долговъ, которые въ сущности созданы были личными сдѣлками расточительныхъ правителей. Европейскія биржи получили рѣшающее вліяніе на дѣла Египта; для защиты интересовъ биржевыхъ игроковъ устроена была опека надъ египетскими финансами, и главнѣйшіе источники доходовъ должны были служить спеціально для уплаты процентовъ по заграничнымъ

займамъ. Потребности управленія не могли удовлетворяться за недостаткомъ средствъ, народъ бѣдствуетъ подъ тяжестью налоговъ, а иностранные кредиторы, черезъ посредство европейскихъ державъ, требуютъ аккуратной уплаты съ неумолимою настойчивостью Шейлоковъ. Можно сожалѣть о политикѣ, побуждающей Францію возставать противъ добровольнаго пониженія процентовъ по египетскому долгу; но значительнѣйшая часть этихъ бумагъ помѣщена въ рукахъ французскихъ капиталистовъ, которыми никакое правительство во Франціи не станетъ пренебрегать. Но чѣмъ объяснить энергическое участіе прочихъ государствъ въ поддержаніи несправедливой системы, разоряющей Египетъ? Намъ кажется, напримѣръ, что представители русской дипломатіи могли бы спокойно уклониться отъ протестовъ противъ облегченія неоплатныхъ жертвъ привилегированнаго ростовщичества. Просвѣщенныя правительства Европы не разъ прибѣгали къ тѣмъ самымъ мѣрамъ, которыя такъ рѣшительно отвергаются ими относительно Египта; мы не говоримъ уже объ оффиціальномъ банкротствѣ Турціи и Испаніи; — можно указать на болѣе деликатные способы измѣненія долговыхъ обязательствъ, подъ названіемъ „конверсіи“, „девальваціи“. Франція совершила „конверсію“ своего пятипроцентнаго займа въ долгъ четырехъпроцентный (собственно въ $4\frac{1}{2}$%) и этимъ сократила свои ежегодные платежи на значительную сумму, не заботясь о согласіи или возраженіи кредиторовъ; а когда на лондонской конференціи предложено было такое же пониженіе процентовъ по египетскимъ бумагамъ, то противъ этого рѣшительно возстали французскіе дипломаты и публицисты. По крайней мѣрѣ, постороннимъ, болѣе безпристрастнымъ дѣятелямъ не слѣдовало бы присоединяться къ политикѣ разоренія, примѣняемой въ Египтѣ финансовою администраціею кредиторовъ. Правда, англичане имѣютъ въ виду не благо феллаховъ, пытаясь уменьшить или отсрочить уплаты по ихъ государственному долгу; они хлопочутъ о покрытіи своихъ собственныхъ дефицитовъ въ Египтѣ, такъ какъ хроническій недостатокъ средствъ въ египетскомъ казначействѣ неизбѣжно пополняется теперь Англіею. Но принципъ облегченія долга, за который стоитъ англійское правительство, представляетъ общій интересъ, независимо отъ тѣхъ условій и обстоятельствъ, при которыхъ онъ заявленъ.

Для Германіи и ея канцлера скерневицкое соглашеніе есть несомнѣнный политическій успѣхъ. Нѣмецкіе патріоты болѣе чѣмъ когда-либо превозносятъ князя Бисмарка; одинъ изъ серьезнѣйшихъ органовъ нѣмецкой печати—„Всеобщая газета“ (мюнхенская)—по-

мѣстила рядъ восторженныхъ статей подъ заглавіемъ „Наполеонъ мира“. Это настроеніе утилизируется уже для цѣлей внутренней политики; избирательная агитація ведется съ новою энергіею, и шансы правительственныхъ кандидатовъ, повидимому, возрастаютъ. Парламентскіе выборы назначены на 16 (28) октября. Оффиціозныя газеты говорятъ любезности національ-либераламъ и допускаютъ возможность положительнаго сближенія ихъ съ княземъ Бисмаркомъ. Предводитель этой партіи, фонъ-Беннигсенъ, произнесъ въ Ганноверѣ рѣчь, въ которой выразилъ надежду на необходимыя перемѣны въ составѣ и направленіи высшей администраціи, въ видахъ уничтоженія вреднаго разлада между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ. Умѣренные либералы ничего не имѣютъ противъ своеобразнаго консерватизма, представляемаго имперскимъ канцлеромъ; но они не могутъ примириться съ близорукимъ усердіемъ исполнителей, старающихся систематически загнать благонамѣренную оппозицію въ лагерь враговъ государственной власти.

Начавшееся общественное движеніе ясно направлено противъ министра внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Путкамера, который своими крутыми пріемами и дѣйствіями успѣлъ значительно усилить недовольство въ средѣ многочисленной либеральной интеллигенціи. Люди, готовые даже пожертвовать извѣстною долею своихъ личныхъ мнѣній и симпатій для поддержанія общей политики канцлера, отталкиваются отъ правительства тѣмъ охранительнымъ пыломъ, которымъ проникнуты второстепенные агенты администраціи. Каждый чиновникъ, желающій отличиться предъ начальствомъ, хочетъ доказать свою преданность господствующимъ свыше теченіямъ и усвоить общія ихъ черты; но исходная точка этихъ теченій, ихъ внутренній смыслъ, ускользаютъ отъ пониманія бюрократіи, которая быстро превращаетъ ихъ въ нѣчто безжизненное, преувеличивая внѣшность въ ущербъ содержанію. Оттого консерватизмъ, достойный уваженія въ лицѣ просвѣщеннаго и сознательнаго дѣятеля, становится лишь источникомъ смуты въ рукахъ мелкихъ и крупныхъ карьеристовъ, крикливыхъ патріотовъ и услужливыхъ публицистовъ. Фонъ-Путкамеръ думаетъ оказать услугу князю Бисмарку, стараясь быть консервативнѣе его самого; чиновники министерства консервативнѣе самого министра, дальнѣйшіе исполнители усердствуютъ еще болѣе, и въ концѣ-концовъ получаются результаты, которыхъ всего менѣе могло желать и ожидать разумное правительство. Органы печати, взявшіеся проводить спасительныя идеи министровъ, кончаютъ тѣмъ, что доводятъ эти идеи до абсурда; они объявляютъ „врагомъ имперіи“ всякаго, несогласнаго съ ними, разсказываютъ повсюду небывалыя интриги и измѣны, преслѣдуютъ честныя и искреннія мнѣ-

вія цѣлымъ рядомъ коварныхъ подтасовокъ, сыплютъ грубостями по адресу либераловъ и восторгаются непогрѣшимою мудростью своихъ вдохновителей. Подобная пресса раздражаетъ всѣхъ, не исключая и добросовѣстныхъ консерваторовъ; она не внушаетъ довѣрія даже самымъ мирнымъ и пассивнымъ элементамъ общества. Постоянныя нападки на оппозицію не только не ослабляютъ ея, но придаютъ ей новыя силы и увеличиваютъ число ея приверженцевъ; прогрессисты, объявленные „врагами имперіи“, становятся могущественною и тѣсно сплоченною партіею; къ нимъ примкнули либералы, дѣйствовавшіе прежде подъ знаменемъ князя Бисмарка и служившіе ему надежною опорою въ парламентѣ. Парламентское большинство, подчинявшееся идеямъ канцлера, распалось подъ развращающимъ вліяніемъ этой охранительной травли. Партія центра, которой приписывали всевозможные измѣннические замыслы, окрѣпла и выросла до размѣровъ внушительной политической силы; разрозненныя либеральныя фракціи соединились подъ руководствомъ опытныхъ дѣятелей и привлекли къ себѣ лучшія свѣтила нѣмецкой науки и литературы. Картина борьбы дешовыхъ патріотовъ, оплачиваемыхъ „фондомъ пресмыкающихся“, противъ этого неожиданнаго либеральнаго возбужденія, представляла подробности крайне комичныя. Безъименные оффиціозы авторитетно поучали историка Моммзена относительно призванія нѣмецкаго народа въ области внутреннихъ дѣлъ; они снисходительно преподавали ему уроки патріотизма, уличали его въ незнаніи высшихъ истинъ исторіи и политики, къ великому недоумѣнію образованной публики. Обычныя роли какъ-то странно перемѣшались; невѣжи стали учить ученыхъ, глупые насмѣхались надъ умными, Вирховъ и Моммзенъ попали въ школьники, люди съ слабою и податливою совѣстью толковали о честности, продажные карьеристы пылали патріотизмомъ, а искренніе друзья народа подвергались опалѣ. Этотъ разгулъ фальшивой благонамѣренности не могъ продолжаться долго; онъ уронилъ правительство въ глазахъ населенія и вызвалъ общее безпокойство, при которомъ невозможно было правильное выполненіе соціально-политической программы, возвѣщенной канцлеромъ. Опытъ насильственнаго подавленія оппозиціи не привелъ ни къ чему, и онъ былъ откровенно признанъ неудавшимся; система запугиванья была оставлена, органы берлинскаго „бюро печати“ напрасно исчерпали весь запасъ лжи и злобы, они сразу понизили тонъ и стали вновь разсуждать о примиреніи и единствѣ. Беннигсенъ сдѣлался возможнымъ кандидатомъ въ министры, на мѣсто фонъ-Путкаммера: оффиціозная „Post“ прямо заявляетъ это, не смотря на рѣшительные протесты строго-консервативной „Крестовой газеты“.

Неопредѣленное указаніе Беннигсена на желательную „перемѣну въ администраціи“ оживило надежды умѣренныхъ нѣмецкихъ либераловъ. Въ печати перечисляются теперь „злоупотребленія“ министерства внутреннихъ дѣлъ; они касаются главнымъ образомъ одностороннаго толкованія законовъ. Нѣмцы негодуютъ по поводу высылки изъ Берлина двухъ журналистовъ, изъ которыхъ одинъ—австрійскій подданный, а другой былъ приговоренъ судомъ къ аресту за нарушеніе постановленій о печати. Министръ распорядился выслать ихъ, какъ людей „неудобныхъ“. Газеты всѣхъ оттѣнковъ возстаютъ противъ такого произвольнаго нарушенія личныхъ и гражданскихъ правъ; а министерскіе публицисты ссылаются на законы, по которымъ иностранцы и осужденные граждане могутъ быть высылаемы изъ столицы по распоряженію правительства. По нѣмецкому обычаю, обѣ стороны подкрѣпляютъ свои мнѣнія цитатами изъ авторитетныхъ ученыхъ книгъ по публичному праву; большинство, однако, рѣшительно осуждаетъ фонъ-Путкаммера, находя его „законные“ мотивы недостаточными. Эти злоупотребленія,—правду сказать, довольно скромныя,—обсуждаются подробно въ газетныхъ статьяхъ и корреспонденціяхъ; имена потерпѣвшихъ, ихъ дѣятельность и даже частная жизнь, сдѣлались предметомъ общаго интереса. Для избирательной агитаціи это пища весьма своевременная; выборы могутъ оказаться неблагопріятными для министра, и князь Бисмаркъ, вѣроятно, пожертвуетъ имъ, хотя находится съ нимъ въ близкомъ родствѣ (княгиня Бисмаркъ—урожденная фонъ-Путкаммеръ). Остатки вліятельной нѣкогда партіи націоналъ-либераловъ привлекаются въ ряды союзниковъ консерватизма и надѣются теперь послужить ядромъ, около котораго составится правительственное большинство въ парламентѣ. Едва ли сбудутся эти ожиданія, при господствующемъ настроеніи нѣмецкаго общества и печати. Живые и энергическіе прогрессисты повсюду вытѣсняютъ безцвѣтныхъ и вялыхъ патріотовъ національно-либеральнаго направленія. Вмѣсто того, чтобы поочередно вступать въ сдѣлки съ различными партіями, раздѣляемыми взаимнымъ антагонизмомъ, правительство поневолѣ должно будетъ опереться на свободное общественное мнѣніе народа; тогда прекратится безполезная трата силъ на борьбу съ либеральною оппозиціею, и внутренняя жизнь Германіи приняла бы спокойный, естественный ходъ.

Борьба національностей въ Австро-Венгріи принимаетъ все болѣе острый характеръ. Нѣмцы жалуются на притѣсненія чеховъ, хорваты и сербы недовольны мадьярами, поляки обижаютъ русиновъ, и между всѣми этими противоположными интересами и притязаніями безъисходно лавируетъ министерство графа Таафе. Внѣшняя политика кабинета идетъ неуклонно по намѣченнымъ путямъ, притягивая къ

ебѣ сосѣднія балканскія государства разнообразными вліяніями, коммерческими и культурными, а внутри самой Австріи замѣчается прежній хаосъ. Скерневицкое соглашеніе могло упрочить политичекія завоеванія австрійцевъ; но оно выдвинуло въ то же время нѣкоторые вопросы, болѣе или менѣе щекотливые, относящіеся до внутренняго равновѣсія имперіи. Сближеніе съ Россіею должно было прежде всего отразиться на полякахъ, играющихъ нынѣ весьма видную роль въ Австро-Венгріи. Конечно, польская автономія сама по себѣ нисколько не мѣшаетъ русской дружбѣ; но она все-таки ставится въ извѣстные предѣлы, для избѣжанія возможныхъ неудобствъ и недоразумѣній. На столбцахъ нѣмецкихъ газетъ вновь появился старый польскій вопросъ; ловкіе публицисты воспользовались скерневицкимъ свиданіемъ, чтобы представить Галичину очагомъ національной революціи, угрожающей будто бы одинаково тремъ имперіямъ. Вѣнская „Neue Freie Presse“ сошлась въ этомъ случаѣ съ московскими и петербургскими патріотами, поставившими себѣ спеціальною цѣлью непрерывное науськиваніе на поляковъ, иногда даже подъ видомъ разговоровъ о примиреніи.

Нѣтъ ничего возмутительнѣе этихъ безсмысленныхъ выходокъ противъ народности, имѣющей свои традиціи и свое безспорное право на существованіе; откровенная вражда по крайней мѣрѣ понятна, какъ и рѣзкая критика,—но что сказать о полемикѣ, которая вертится около злыхъ словъ и намековъ, безъ всякой серьезной подкладки, съ единственнымъ намѣреніемъ уколоть и повредить насколько возможно? Для многихъ кажется достаточнымъ указать, что поляки любятъ Польшу, любятъ свой языкъ и свою родину, куда бы ни загнала ихъ судьба, — и это указаніе принимается уже какъ свидѣтельство о враждебной „польской справѣ“, объ интригахъ и козняхъ, требующихъ вмѣшательства крѣпкой власти. Казалось бы, со стороны поляковъ совершенно естественно любить свою родину и свой языкъ; предполагать въ нихъ другія чувства было бы по меньшей мѣрѣ столь же нелѣпо, какъ требовать отъ русскихъ исключительной любви къ польщизнѣ. Мало того,—ненавидя поляковъ и безцеремонно торгаясь въ ихъ задушевные идеалы, иные русскіе патріоты совершенно серьезно ставятъ имъ въ вину подобное же недоброжелательное отношеніе къ Россіи и ко всему русскому. Какая-то непостижимая слѣпота лежитъ въ основѣ этихъ разсужденій. Люди обвиняютъ другихъ въ томъ, что дѣлаютъ сами, что проповѣдуютъ неустанно не только на словахъ, но и на дѣлѣ,—они нападаютъ на скрытую непріязнь, тогда какъ сами вовсе не скрываютъ своей вражды,—они злорадно уличаютъ поляковъ въ привязанности къ родной исторіи и къ исконному національному духу, между тѣмъ какъ для себя считаютъ

патріотизмъ заслугою и достоинствомъ. Этихъ патріотовъ безпокоятъ даже мечтанія поляковъ: почему поляки мечтаютъ о своей родинѣ, а не объ обрусеніи, подъ руководствомъ иныхъ обрусителей? Неспособность уважать чужую личность, индивидуальную и народную, нигдѣ не распространена въ такой мѣрѣ, какъ у насъ; нигдѣ она не пользуется такимъ широкимъ просторомъ и такимъ развращающимъ вліяніемъ на умы. Мы какъ-будто не можемъ примириться съ сознаніемъ, что чужая народность имѣетъ такія же человѣческія свойства, стремленія, права и надежды, какъ и мы сами. Насъ каждый разъ удивляетъ открытіе, что такая-то народность живетъ и думаетъ по своему, держится своихъ собственныхъ понятій и традицій, не любитъ посторонняго вмѣшательства въ свои дѣла и на враждебныя дѣйствія отвѣчаетъ тою же монетою. Мы поднимаемъ шумъ, когда поляки не оказываютъ любезнаго пріема русскому соглядатаю-корреспонденту; а когда живущій среди насъ полякъ заговариваетъ открыто по-польски, мы взываемъ къ начальству и требуемъ крутыхъ мѣръ,—забывая уже о нашихъ собственныхъ требованіяхъ вниманія и сочувствія отъ польскаго общества.

Безъ сомнѣнія, невѣжество служитъ главнымъ источникомъ такого отношенія къ цѣлому племени, связанному съ нами общею политическою связью; но тутъ виноваты также наши старинныя привычки, дурныя замашки насилія и произвола, недостатокъ политическаго воспитанія и отсутствіе системы въ мысляхъ. Можно имѣть самые суровые взгляды на польскій вопросъ и предлагать какіе угодно проекты для его окончательнаго разрѣшенія; но смѣшно нападать на поляковъ за то, что они остаются поляками и хотятъ оставаться ими. Отыскивая слѣды преступной интриги во всякомъ самостоятельномъ проявленіи польской жизни, ревнители обрусенія не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ тѣхъ цѣляхъ, которыя съ успѣхомъ могутъ быть преслѣдуемы, и въ тѣхъ способахъ, которыми эти цѣли могутъ быть достигнуты. Никто не скажетъ, что польская народность можетъ быть уничтожена или превращена въ другую посредствомъ искусственныхъ комбинацій на бумагѣ; польская народность со всѣми ея качествами есть существующій фактъ, о которомъ спорить безполезно,—фактъ, съ которымъ лучше мириться такъ или иначе. Если мы желаемъ перевоспитать польское общество сообразно нашимъ интересамъ и понятіямъ, то прежде всего мы должны себѣ поставить вопросъ, что̀ именно требуется для такого перевоспитанія, и способны ли мы осуществить эту задачу при данныхъ условіяхъ; при ближайшемъ же разсмотрѣніи оказалось бы, что перевоспитаніе необходимо для насъ самихъ не менѣе, чѣмъ для поляковъ, и что дѣйствительное, внутреннее подчиненіе чужого пле-

мени невозможно безъ нравственнаго и умственнаго превосходства, безъ уваженія къ человѣческой личности и къ элементарнымъ человѣческимъ правамъ. Обвинительные акты противъ поляковъ, краснорѣчивые возгласы объ ихъ упорной самобытности, остаются лишь раздражающими, безцѣльными звуками, а толки о примиреніи кажутся горькою ироніею. Пруссаки очень мало говорятъ объ онѣмеченіи поляковъ; но послѣднихъ онѣмечиваетъ сама жизнь, вся окружающая культура, наука, гражданская полноправность, признаніе личной неприкосновенности, цѣлая система естественныхъ вліяній и интересовъ. Нѣмцы стараются привлечь къ себѣ польскія симпатіи, и не безъ успѣха; даже свои принудительныя мѣры они обставляютъ такъ, что непріятный характеръ ихъ исчезаетъ среди противоположныхъ заботъ, чисто-культурныхъ и общественныхъ. А наши самозванные обрусители ограничиваются ругательствами и доносами, воображая, что дѣлаютъ настоящее дѣло.

Австрійская журналистика привыкла трезво относиться къ польскому вопросу, какъ одному изъ важныхъ элементовъ внутренняго спокойствія имперіи; австрійцы знаютъ по опыту, что со всякимъ народомъ можно жить въ ладахъ и даже въ тѣсномъ союзѣ, если только видѣть въ немъ фактическую силу и уважать его особенности. Но и въ вѣнской печати не мало такихъ дѣятелей, которые не разбираютъ средствъ въ полемикѣ съ противниками и которые были бы очень рады сократить чрезмѣрное вліяніе поляковъ. Въ Галичинѣ положеніе польскаго элемента нарушаетъ права значительной части русскаго населенія; но не для защиты послѣдняго выступили вѣнскіе органы съ своими нападками на опасные планы поляковъ. Къ этимъ нападкамъ подала поводъ рѣчь одного изъ польскихъ членовъ парламента, графа Дѣдушицкаго. Судя по тѣмъ многочисленнымъ комментаріямъ, которые вызваны были этою рѣчью, можно бы думать, что въ ней заключалось прямое требованіе возстановленія независимой Польши. Такъ толковали эту рѣчь и нѣкоторыя русскія газеты, со словъ увлекшихся вѣнскихъ публицистовъ. Что же говорилъ и чего требовалъ польскій ораторъ? Оказывается, что онъ требовалъ неразрывнаго единенія съ Австріею и упомянулъ притомъ объ „ягеллонской традиціи"; но нѣмцы перевели „единеніе" словомъ „союзъ", и вышло криминальное дѣло,—ибо находиться съ кѣмъ-либо въ союзѣ можетъ только независимая держава. Значитъ, графъ Дѣдушицкій мечтаетъ о самостоятельности Польши; а если онъ говоритъ объ этомъ, то всѣ поляки думаютъ то же самое и слѣдовательно должны отвѣчать за подобную дерзкую мысль. „Ягеллонская идея" получила неожиданный успѣхъ и пошла гулять по разнымъ газетамъ и канцеляріямъ; она показалась какимъ-то внезапнымъ откровеніемъ, отъ котораго пришли въ ужасъ патріоты нѣмецкіе и наши.

.ЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ БЕРНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Письмо въ редакцію.

Нынѣшній годъ особенно отличается университетскими празде-
...ами. Въ апрѣлѣ праздновалъ трехсотлѣтнее свое существованіе
...нбургскій университетъ; въ августѣ бернскій университетъ тор-
...ствовалъ по случаю пятидесятилѣтняго своего юбилея и, нако-
...цъ, въ октябрѣ произойдетъ въ Кіевѣ празднованіе 50-тилѣтняго
...ществованія университета св. Владиміра. Не знаю, въ какомъ видѣ
при какой обстановкѣ удастся юбилейное торжество нашего род-
о университета. Но мнѣ посчастливилось быть свидѣтелемъ уни-
...рситетскихъ праздниковъ въ Эдинбургѣ и въ Бернѣ, и я долженъ
...знаться, что впечатлѣніе, вынесенное мною въ обоихъ случаяхъ,
...мое радостное: любовь къ университету, какъ высшему хранилищу
...учныхъ и идеальныхъ истинъ и стремленій, обнаружилась самымъ
...льефнымъ образомъ какъ въ населеніи шотландской столицы, такъ
въ жителяхъ швейцарскаго союзнаго города. Кромѣ того, какъ
...азднованіе эдинбургскаго юбилея, такъ и маленькій швейцарскій
...иверситетскій праздникъ обратились въ торжества, въ которыхъ
...спѣшили участвовать многіе другіе университеты и представители
...анія, ума и талантовъ главнѣйшихъ европейскихъ народовъ.

Правда, насколько бернскій университетъ ни по своимъ истори-
...скимъ традиціямъ, ни по современному своему значенію, не мо-
...тъ сравниться съ университетомъ эдинбургскимъ, настолько же
...илейное торжество въ Бернѣ значительно уступало въ отношеніи
...ще-европейскаго характера апрѣльскимъ празднествамъ въ Эдин-
...ргѣ. Въ шотландскую столицу съѣхались представители болѣе ста
...иверситетовъ и академій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми знаменитѣйшими
...ятелями современной науки и искусства. Въ столицу швейцар-
...аго союза прибыли только делегаты по преимуществу германскихъ
...иверситетовъ и отъ немногихъ другихъ иностранныхъ ученыхъ
...режденій. Эдинбургскій праздникъ имѣлъ вполнѣ космополитическій
...рактеръ и всемірное значеніе. На бернскомъ юбилеѣ исключи-
...льно господствовалъ нѣмецкій языкъ, и представители германскихъ
...иверситетовъ и германской культуры безспорно занимали первое
самое почетное мѣсто.

Кромѣ того, если въ Эдинбургѣ рельефно выступалъ космополитическій характеръ науки, если шотландцы, гордясь своимъ университетомъ, съ удивительнымъ тактомъ, ни разу не раскрывали предъ своими иностранными почетными гостьми язвъ, неурядицъ и столкновеній, которыхъ не можетъ не быть въ ихъ общественной жизни и университетскомъ быту, то, напротивъ, швейцарцы были въ этомъ отношеніи несравненно откровеннѣе.

На юбилейныхъ собраніяхъ и банкетахъ въ Бернѣ можно было присутствовать при ораторскихъ турнирахъ представителей университетской корпораціи и кантональнаго швейцарскаго правительства, на которыхъ первые старались доказывать, что бернскій университетъ не всегда находилъ необходимую опору въ правительствѣ, между тѣмъ, какъ представители послѣдняго доказывали, что всѣ разногласія только результатъ недоразумѣній. Представители различныхъ политическихъ партій, какъ консерваторы, такъ и либералы, откровенно высказывались насчетъ обстоятельствъ, при которыхъ бернскій университетъ былъ основанъ и успѣлъ развиваться.

Можно думать, что почтенные бернскіе дѣятели забыли французскую поговорку: on lave son linge toujours en famille. Но нельзя было не замѣтить постороннему наблюдателю одну общую идею, которою были проникнуты всѣ рѣчи консервативныхъ и либеральныхъ ораторовъ. Всѣ они были проникнуты одною общею воодушевляющею ихъ всѣхъ любовью къ университету; всѣ они одинаковымъ образомъ уважаютъ университетъ, его самоуправленіе и свободу преподаванія; всѣ они сознаютъ, что гордость бернскаго кантона составляетъ его университетъ. Ни въ одной рѣчи даже такихъ ораторовъ, которые явно были недовольны нынѣшними порядками бернскаго университета, не слышно было никакой нотки личной злобы или ненависти къ этому храму науки, а еще меньше къ высшему университетскому образованію вообще. Всѣ критики были единодушны въ своемъ уваженіи къ университету и никого изъ нихъ нельзя было заподозрить въ томъ, что онъ критикуетъ и желаетъ какой-нибудь перемѣны въ университетскихъ порядкахъ, потому что университетъ или профессора задѣли его мелкое самолюбіе и не преклоняются предъ его личнымъ авторитетомъ или даже властью. Когда, напримѣръ, на юбилейномъ банкетѣ почтеннѣйшій швейцарскій общественный дѣятель фонъ-Гонценбахъ, въ своей длинной застольной рѣчи, высказалъ горькія вещи нынѣшнему бернскому университету, далеко не всѣ слушатели раздѣляли его мысли и совѣты, но всѣ, безъ исключенія, знали, что престарѣлый „федеральный совѣтникъ“ отъ всей души любитъ науку, искренно преданъ университету и что никакія грязныя личныя чувства имъ не руководятъ

Такое задушевное и искреннее отношеніе къ университету можно встрѣтить въ каждой цивилизованной странѣ, въ которой уважается наука и понимается огромное культурное вліяніе университетскаго образованія въ самыхъ отдаленныхъ слояхъ народа.

Понятно, что въ этомъ отношеніи швейцарцы могутъ служить отраднымъ примѣромъ того, насколько уваженіе къ наукѣ и знанію необходимо для матеріальнаго благоденствія и общественнаго и политическаго развитія народа. Когда въ мартѣ 1834 года „большой совѣтъ“ (Grosser Rath) бернской республики единодушно постановилъ учредить въ Бернѣ университетъ, онъ объявилъ, что долгъ, честь и польза государства требуютъ, чтобы оно сдѣлало все, что въ силахъ, для развитія науки. Въ эту истину вѣрятъ всѣ швейцарцы и эта вѣра въ могущество науки объясняетъ намъ не только, почему Швейцарія занимаетъ такое почетное мѣсто въ средѣ современныхъ цивилизованныхъ народовъ, но также ту степень матеріальнаго и культурнаго развитія, которой достигъ швейцарскій народъ.

Только этою вѣрою можно себѣ объяснить, что въ предѣлахъ такого небольшого государства, какъ Швейцарія, находится не менѣе *семи* университетовъ или академій, посвященныхъ распространенію высшаго общаго или техническаго образованія. Наконецъ, только этою же вѣрою въ созидательную силу науки и университета, которою проникнутъ швейцарскій народъ, можно себѣ объяснить какъ общій характеръ послѣдняго юбилейнаго торжества въ Бернѣ, такъ и историческое прошлое бернскаго университета.

Въ самомъ дѣлѣ, когда въ понедѣльникъ, 23-го іюля (4-го августа) тронулось отъ дворца союзнаго совѣта (Bundespalast) шествіе съ президентомъ швейцарской республики во главѣ и за нимъ со всѣми профессорами университета и почетными гостями по улицамъ Берна въ соборъ, то нельзя было не видѣть, что всѣ жители союзнаго города празднуютъ университетскій юбилей. Всѣ улицы, по которымъ шла процессія, были живописно убраны флагами, цвѣтами и зеленью; изъ оконъ домовъ смотрѣли тысячи веселыхъ лицъ, которые явно выказывали свою радость маханіемъ платковъ или шляпъ, или бросаніемъ живыхъ цвѣтовъ. Во всѣхъ церквахъ города происходилъ трезвонъ колоколовъ, которому аккомпанировали, съ одной стороны, хоръ военной музыки, шедшій во главѣ шествія, съ другой—пушечные выстрѣлы изъ батарей, разставленныхъ на правомъ берегу рѣки Аара. Еслибы кто посмотрѣлъ на этотъ праздничный видъ всего города, не зная настоящей причины его, и увидѣлъ это торжественное шествіе по разукрашеннымъ флагами улицамъ и при полномъ звонѣ всѣхъ колоколовъ, то навѣрно заключилъ бы, что бернцы встрѣчаютъ какого-нибудь героя.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности такимъ восторженнымъ образомъ бернцы праздновали только пятидесятый годъ рожденія своего университета и чествовали его профессоровъ!

Когда въ тотъ же самый день, вечеромъ, студенты бернскаго университета устроили торжественный факельцугъ и подошли къ зданію Casino, въ которомъ пировали за юбилейнымъ банкетомъ президентъ республики вмѣстѣ съ другими членами союзнаго правительства, профессорами и делегатами отъ иностранныхъ университетовъ, съ балкона представлялось удивительное зрѣлище. На обширной площади предъ Casino стояла тысячная толпа, въ которой можно было различать простого рабочаго, стоящаго возлѣ дамы изъ „лучшаго“ общества, и когда послѣ восторженной рѣчи студента-предсѣдателя союза университетскихъ студентовъ, напоминавшей молодежи, что она всѣмъ обязана бернскому народу и университету, вся эта толпа, какъ въ одинъ голосъ, прокричала троекратно „виватъ“ университету, тогда я понялъ, почему въ Бернѣ университетскій юбилей былъ общимъ и народнымъ праздникомъ для всего населенія города Берна и кантона.

Не менѣе любопытна, съ точки зрѣнія народнаго характера бернскаго университетскаго праздника, была экскурсія, устроенная на второй день празднествъ, 24-го іюля (5-го августа), на Тунское озеро. На желѣзно-дорожной станціи ожидалъ гостей и вообще участниковъ въ экскурсіи громадный поѣздъ, два локомотива котораго были красиво убраны цвѣтами и вѣнками. На всемъ пути до самаго озера поѣздъ постоянно встрѣчалъ людей, которые махали платками, кланялись и кричали: „ура!“ По прибытіи къ озеру, поѣздъ былъ встрѣченъ пушечными выстрѣлами. Три парохода, приготовленные для участниковъ экскурсіи, были на славу разукрашены множествомъ флаговъ, вѣнковъ и цвѣтовъ. Во время прогулки по озеру пароходы неоднократно были встрѣчены съ берега пушечными выстрѣлами, которые особенно сильно возобновились, когда пароходы возвратились въ Тунъ. Здѣсь ожидалъ университетскихъ гостей самый радушный пріемъ: пива можно было пить сколько душѣ угодно.

Но особенно характеристична была слѣдующая сцена. Послѣ того, какъ участники экскурсіи успѣли занять мѣста за длинными столами въ празднично убранномъ саду самой большой тунской гостинницы, между ними появилась вдругъ процессія молодыхъ дѣвочекъ, не старше двѣнадцати лѣтъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья и въ цвѣтахъ. У каждой изъ нихъ была корзина съ множествомъ маленькихъ букетовъ изъ альпійскихъ розъ. Это были дѣти изъ тунскаго училища для дѣвочекъ и изъ мѣстнаго сиротскаго дома. Директоръ этого училища произнесъ весьма одушевленную рѣчь, въ кото-

рой благодарилъ гостей отъ имени всего населенія Туна за посѣщеніе и указалъ на причины, почему весь бернскій народъ такъ сердечно радуется пятидесятилѣтнему юбилею своего университета. Не длинна была эта рѣчь и, можетъ быть, даже не краснорѣчива, но она была проникнута глубокою задушевностью. Вслѣдъ за этою рѣчью дѣвочки роздали всѣмъ гостямъ свои букеты на память.

Можетъ быть, эта овація тунскаго населенія покажется инымъ весьма сантиментальною, можетъ быть, на самой экскурсіи не было достаточно внѣшняго порядка, но во всякомъ случаѣ всѣ участвующіе должны были вынести убѣжденіе въ томъ, что бернскій университетъ любимъ и почитаемъ народомъ, который искренно праздновалъ его юбилей вмѣстѣ со всѣми прибывшими иностранными гостями.

Но я сказалъ выше, что не только общій, народный характеръ университетскаго юбилея, но равнымъ образомъ все прошлое самого университета и его современное цвѣтущее состояніе можно понять только тогда, если имѣть въ виду ту непоколебимую вѣру въ силу мысли и просвѣщенія, которою проникнуты жители бернскаго кантона и вообще весь швейцарскій народъ.

Думаю, что и для русскаго общества не безъинтересны будутъ нѣкоторыя данныя относительно развитія бернскаго университета и современнаго его состоянія.

Исторія бернскаго университета тѣснѣйшимъ образомъ связана съ общественнымъ развитіемъ жителей бернскаго кантона и даже съ государственнымъ строемъ всей Швейцаріи. Эта связь неизбѣжна уже потому, что въ жизни каждаго отдѣльнаго швейцарскаго кантона всегда отражались, болѣе или менѣе, устройство и состояніе всего Швейцарскаго Союза. Всѣ политическія перемѣны, которымъ подвергалась Швейцарія, въ особенности съ конца прошлаго столѣтія, неминуемымъ образомъ вліяли не только на взаимныя отношенія между кантонами, но также на внутреннюю самостоятельность и порядки самыхъ кантоновъ.

Это вліяніе внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ и внутреннихъ кантональныхъ порядковъ наглядно выступаетъ на образованіи и развитіи бернскаго университета. Уже давно бернскій народъ сознавалъ потребность въ высшемъ общемъ и спеціальномъ образованіи, но только въ началѣ нынѣшняго столѣтія онъ могъ удѣлить больше средствъ на осуществленіе этой мысли. Такъ уже въ концѣ прошлаго вѣка существовали въ Бернѣ спеціальныя высшія заведенія, какъ-то: „медицинскій институтъ“; „политическій институтъ“, въ которомъ „молодые люди изъ высшихъ классовъ“ могли бы изучать политическія науки; „техническая школа“ для изученія художествъ, коммерческихъ и военныхъ наукъ и т. д. Въ 1805 году была

учреждена въ Бернѣ „академія", которая представляла собою не столько университетъ, сколько школу низшаго и высшаго разрядовъ Въ составъ бернской академіи дѣйствительно входили начальная школа и гимназія. Рядомъ съ ними существовали подъ тѣмъ же академическимъ начальствомъ философскій, богословскій, медицинскій и юридическій факультеты.

Но весьма скоро убѣдились лучшіе представители бернскаго народа, что академія, не будучи университетомъ, не достигаетъ поставленной цѣли: быть храмомъ науки и просвѣщенія въ кантонѣ. Съ перваго взгляда можно было думать, что бернская академія представляетъ собою образецъ высшаго учебнаго заведенія и въ особенности наилучшаго устройства университета. Въ самомъ дѣлѣ академическій уставъ опредѣлялъ самымъ точнымъ образомъ всѣ вопросы внутренняго порядка и установилъ весьма строгую дисциплину. Не только для студентовъ, но также для самихъ профессоровъ была установлена особенная форма одежды, въ которой они могли являться на улицу и на лекцію. За посѣщеніемъ студентами лекцій былъ установленъ особенный строгій надзоръ; большинство изъ нихъ и въ особенности студенты богословскаго факультета жили на счетъ бернской казны въ особенно-устроенныхъ общежитіяхъ; всѣ программы лекцій профессоровъ и рекомендуемые ими своимъ слушателямъ учебники должны были получить предварительное одобреніе со стороны кантональнаго правительства.

Этого мало: самое вступленіе въ академію было поставлено въ зависимость не столько отъ познаній и способностей юношей, сколько отъ знатности происхожденія. На основаніи § 1 устава 1823 года вступленіе въ приготовительную школу академіи „разрѣшается мальчикамъ, которые по сословію, званію и состоянію своихъ родителей могутъ имѣть право на образованное воспитаніе" (gebildete Erziehung). Согласно этому общему основному началу безусловно были исключены изъ вступленія въ академію и ея школы „всѣ незаконнорожденные, всѣ сыновья родителей, находящихся въ званіи слугъ (Dienstboten) или въ подобномъ состояніи, и наконецъ тѣ, которые, не будучи кантональными уроженцами, не приписаны также ни къ какому городу или неспособны, по рангу, званію или состоянію своихъ родителей, получить научное образованіе".

Такимъ образомъ казалось, что бернская академія была поставлена въ самыя лучшія условія для того, чтобъ процвѣтать. Съ точки зрѣнія полицейскаго благочинія были передѣланы внутренніе порядки академіи и о крупныхъ скандалахъ или нарушеніяхъ установленной строгой дисциплины рѣчи не было, или по крайней мѣрѣ о нихъ ничего не повѣствуетъ исторія. Сверхъ того только дѣти „благо-

родныхъ родителей", которые одни имѣли „право на высшее образованіе", ибо „самою природою были къ тому предназначены", слушали лекціи въ бернской академіи.

Но по мнѣнію почтеннаго историка бернскаго университета, профессора богословія Мюллера, только „защитники политическаго абсолютизма и господствовавшаго направленія, изучавшаго науку только какъ средство для пріобрѣтенія насущнаго хлѣба" (Brodstudien), были довольны такимъ устройствомъ и порядками академіи. На дѣлѣ оказалось, что дѣти „благородныхъ родителей", исключительно имѣвшіе доступъ въ академію, были весьма плохо подготовлены для слушанія лекцій и занимались наукою настолько, насколько требовалось для ихъ карьеры, уже обезпеченной за ними въ значительной степени ихъ благороднымъ происхожденіемъ.

Съ октабря 1831 года совершился полный переворотъ въ государственномъ устройствѣ Берна, который долженъ былъ также привести къ полному измѣненію школьной системы. Во главѣ этого движенія, направленнаго къ организаціи учебнаго дѣла въ бернскомъ кантонѣ на основаніи свободнаго изученія наукъ и дѣйствительнаго распространенія просвѣщенія, стали такіе искренніе друзья просвѣщенія какъ Нейгаузъ, Луцъ, Фелленбергъ, Штудеръ и другіе. Память ихъ навсегда останется дорога благодарному бернскому народу.

Изъ нихъ первое мѣсто безспорно принадлежитъ Нейгаузу (Neuhaus). Вотъ какими мыслями онъ руководился. „Наука,—говорилъ онъ въ одной рѣчи, произнесенной по случаю открытія бернскаго университета,—составляетъ высшую силу и лучшее орудіе человѣческаго духа; но она получаетъ свое освѣщеніе только отъ тѣхъ нравственныхъ цѣлей, которымъ она служитъ, и отъ того чистаго сердца, съ которымъ ее изучаютъ. Иначе можно ее унизить на степень средства для эгоистическаго пріобрѣтенія матеріальныхъ благъ, для тщеславія и удовлетворенія низменныхъ и безплодныхъ страстей. Университетской наукѣ должны быть поставлены, по мнѣнію бернскаго преобразователя, три задачи: во-первыхъ, давать для тѣснаго круга технической или спеціальной дѣятельности извѣстную сумму познаній; во-вторыхъ, увеличивать благоденствіе народовъ посредствомъ обогащенія ихъ знанія и, въ третьихъ, возвышать и очищать человѣческую душу и подготовлять ее такимъ образомъ къ ея безсмертію. До сихъ поръ университеты исключительно имѣли въ виду только первую задачу; относительно разрѣшенія второй имѣются только слабые зачатки, и третья задача постоянно была упускаема изъ виду".

Вотъ тѣ идеальныя и возвышенныя мысли, которыя привели къ учрежденію бернскаго университета и вообще къ правильной поста-

новкѣ высшаго образованія въ бернской республикѣ. Ихъ вполнѣ раздѣляли другіе общественные дѣятели того времени. „Пускай другіе рѣшатъ,—говорилъ Штудеръ,—прилично ли какой-нибудь странѣ только пользоваться плодами трудовъ другихъ народовъ и не стараться изо всѣхъ силъ уплатить часть общаго долга и насколько умно провозгласить эгоизмъ, умѣстный въ домашнемъ хозяйствѣ частнаго лица, основнымъ закономъ дѣятельности правительства. Намъ это кажется ни приличнымъ, ни умнымъ. Отъ величины взноса, приносимаго отдѣльнымъ народомъ общему благу въ интересахъ человѣчности, зависитъ то уваженіе, которымъ онъ пользуется какъ въ настоящее время, такъ и въ исторіи и, подобно подаянію вдовицы, приношеніе бѣднаго также найдетъ признаніе".

Наконецъ эти самыя мысли нашли торжественное выраженіе въ слѣдующемъ единодушномъ постановленіи большого совѣта бернской республики отъ 5-го марта 1834 года: „Большой совѣтъ бернской республики, желая исполнить долгъ государства имѣть надлежащее попеченіе объ основательномъ образованіи и подготовленіи своихъ гражданъ ко всякому ученому званію, въ виду того, что долгъ, честь и польза государства требуютъ сдѣлать все, что оно въ силахъ, чтобъ развивать науку, и принимая въ соображеніе общесознанную потребность совершеннаго преобразованія существующей академіи,—постановляетъ: въ Бернѣ должна быть учреждена высшая гимназія и существующее подъ названіемъ академіи учебное заведеніе должно быть преобразовано въ университетъ (Hochschule)".

Вотъ грамота, вызвавшая въ жизнь бернскій университетъ и драгоцѣнная точнымъ опредѣленіемъ обязанностей каждаго просвѣщеннаго правительства въ отношеніи народнаго образованія вообще и университетскаго въ особенности.

Первоначально была мысль создать въ бернскомъ университетѣ обще-швейцарскій университетъ, который былъ бы общимъ достояніемъ всего швейцарскаго народа. Но эта превосходная мысль не получила осуществленія, благодаря духу розни и ревности, раздѣляющему по настоящее время швейцарскіе кантоны. Какъ только сдѣлался извѣстнымъ проектъ устройства въ Бернѣ „союзнаго" университета, цюрихскій кантонъ немедленно рѣшилъ основать въ Цюрихѣ свой собственный университетъ, праздновавшій въ прошломъ году пятидесятилѣтній свой юбилей. Такимъ образомъ бернскій университетъ сдѣлался исключительнымъ достояніемъ бернскаго кантона, населеніе котораго должно покрывать всѣ и весьма значительныя издержки, неизбѣжныя при надлежащей постановкѣ университетскаго преподаванія. Но все-таки поступокъ цюрихскаго кантона указываетъ на стремленіе швейцарскихъ кантоновъ имѣть по возможности

каждому свой собственный университетъ, не смотря на огромныя жертвы, сопряженныя съ удовлетвореніемъ такого желанія и весьма чувствительныя въ особенности для бѣдныхъ и крайне разсчетливыхъ швейцарцевъ. Но на дѣло народнаго просвѣщенія и развитія своихъ университетовъ или академій швейцарцы обыкновенно находили деньги и ихъ не жалѣютъ. Лучшее тому доказательство развитіе и настоящее состояніе бернскаго университета.

На основаніи устава бернскаго университета 1834 года, въ немъ была обезпечена полнѣйшая свобода преподаванія и ученія (Lehr- und Lernfreiheit) и двери его были открыты для всякаго, безъ различія званія или состоянія родителей. Высшее образованіе перестало быть особенною привилегіею высшаго сословія или бернской родовой аристократіи. Былъ созданъ особенный философскій факультетъ и значительно были увеличены учебныя средства, согласно требованіямъ тогдашней науки. Вступленіе въ число студентовъ университета было затруднено только въ одномъ смыслѣ: отъ каждаго желавшаго вступить въ университетъ требовалось прохожденіе гимназическаго курса.

Весь учебный персоналъ университета былъ раздѣленъ на 3 разряда: доцентовъ, экстраординарныхъ и ординарныхъ профессоровъ. Утвержденіе университетскихъ преподавателей въ ихъ званіи происходило не иначе какъ на основаніи предварительнаго одобренія со стороны подлежащаго факультета. Всѣ преподаватели составляютъ академическій сенатъ, завѣдующій дѣлами университета, подъ контролемъ бернскаго правительства или въ частности „департамента просвѣщенія“ (Erziehungs-Departament), во главѣ котораго обыкновенно стоятъ лица, сами получившія университетское образованіе. Академическій сенатъ избираетъ изъ своей собственной среды какъ своего предсѣдателя или ректора университета, такъ и своего секретаря. Каждый изъ четырехъ факультетовъ избираетъ на четыре года своего декана и факультеты обязаны составлять расписаніе лекцій, имѣть надзоръ за студентами, завѣдывать всѣми учебными и учеными пособіями, учрежденіями и средствами, принадлежащими отдѣльному факультету, давать ученыя степени и т. д.

Таковы главныя постановленія бернскаго университетскаго устава 1834 года, который до настоящаго времени остался положительнымъ закономъ, не смотря на весьма серьезныя политическія событія, значительно измѣнившія въ продолженіе истекшихъ пятидесяти лѣтъ направленіе политики бернскаго правительства. Правда, эти событія отражались также на отношеніяхъ бернскаго „департамента просвѣщенія“ къ университету, который находилъ по временамъ то большее, то меньшее содѣйствіе со стороны своего непосредственнаго

начальства въ развитіи своей учено-учебной дѣятельности. Но университетскій законъ 1834 года остался до настоящаго времени неизмѣннымъ и твердымъ основаніемъ жизни бернскаго университета. Всѣ же незначительныя измѣненія, которымъ онъ подвергался, имѣли исключительною цѣлью: еще большее развитіе свободы преподаванія и увеличенія учебныхъ пособій и средствъ университета.

Такимъ образомъ республиканское бернское правительство совершенно вѣрно понимало настоящій смыслъ консервативнаго направленія въ дѣлахъ народнаго просвѣщенія: оно не отмѣняло разъ изданнаго закона и не уничтожило созданнаго имъ порядка, но только постоянно усовершенствовало этотъ порядокъ разумными мѣрами. Въ отношеніи университета бернское правительство совершенно дѣйствовало согласно убѣжденіямъ „патріарха славянофиловъ" почтеннаго А. С. Хомякова, который въ письмѣ къ своему другу А. Н. Попову писалъ, что „мое всегдашнее убѣжденіе было, что *истинное просвѣщеніе имѣетъ по преимуществу характеръ консерваторства*, которое есть постоянное усовершенствованіе, всегда опирающееся на очищающуюся старину. *Совершенная остановка невозможна, а разрывъ гибеленъ*".

Въ данномъ случаѣ по-истинѣ можно сказать — les extrêmes se touchent. Убѣжденнѣйшій защитникъ монархическаго начала совершенно сошелся со всѣми лучшими правительственными дѣятелями старинной республики, какого бы направленія они ни были, въ пониманіи того, что̀ составляетъ „истинное просвѣщеніе". Благодаря этому обстоятельству, бернскій университетъ въ состояніи былъ, въ продолженіе полувѣка, постоянно совершенствоваться и развиваться на пользу и радость бернскаго народа.

Особенно тяжело было положеніе бернскаго университета въ концѣ сороковыхъ годовъ и въ началѣ пятидесятыхъ, когда ложно-консервативное направленіе мало-по-малу одерживаетъ верхъ въ бернскомъ правительствѣ и старается приложить свои силы также къ дѣлу разрушенія бернскаго университета. Любопытнымъ фактомъ, удачно характеризующимъ это время, является призваніе въ 1847 году въ бернскій университетъ профессора Целлера, извѣстнаго вожака тюбингенской школы богослововъ, автора лучшей исторіи греческой философіи и понынѣ замѣчательнаго профессора бернскаго университета. Когда сдѣлалось извѣстнымъ это призваніе, бернская консервативная партія, въ союзѣ съ лютеранскимъ духовенствомъ, стала устраивать шумныя народныя собранія, на которыхъ подписывались петиціи противъ утвержденія избранія профессора Целлера. Но большой совѣтъ бернской республики послѣ преній, продолжавшихся четырнадцать часовъ, все-таки утвердилъ постановленіе академиче-

наго совѣта, и Целлеръ вступилъ на каѳедру и читалъ съ большимъ успѣхомъ много лѣтъ въ бернскомъ университетѣ.

Эта побѣда принципа свободы преподаванія еще болѣе вызывала гнѣвъ бернскихъ консерваторовъ, которые громко стали вопить противъ университета, профессоровъ и студентовъ. Университетъ былъ объявленъ притономъ для всѣхъ революціонныхъ или либеральныхъ предпріятій; профессоровъ объявили „врагами существующаго правительства и государственнаго устройства", студентовъ обвиняли въ участіи въ политическихъ демонстраціяхъ и въ неуваженіи законовъ и добрыхъ нравовъ. Мало того, въ низшихъ слояхъ бернскаго населенія консерваторы стали распространять идею объ явномъ вредѣ и безполезности университета, воспитывающаго только „интеллигенцію", ничего общаго не имѣющую съ „народомъ". По словамъ историка бернскаго университета, антагонизмъ между жителями столицы и въ частности университетомъ, съ одной стороны, и провинціей, съ другой, сталъ все болѣе рѣзкимъ и непримиримымъ.

Такимъ образомъ понятенъ лозунгъ бернскихъ консерваторовъ конца сороковыхъ годовъ: „прочь университетъ!" (Hochschule fort!), который сталъ раздаваться все чаще и громче и привелъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ къ мѣрамъ, совершенно несовмѣстимымъ съ дѣйствительнымъ уваженіемъ къ интересамъ науки и просвѣщенія. Было постановлено, что профессоровъ можно отрѣшать отъ должности и лишать каѳедры, какъ это дѣлается со всѣми чиновниками. Предписывается профессорамъ читать бо́льшее количество лекцій; уменьшается ихъ жалованье; обрѣзывается бюджетъ университетскій до крайности и требуется, между прочимъ, отъ профессоровъ, чтобъ они читали лекціи днемъ, а не въ вечернее время, для того, чтобъ они меньше расходовали сальныхъ свѣчей и щипцовъ для свѣчей!

Непосредственными и неизбѣжными послѣдствіями этихъ лжеконсервативныхъ мѣропріятій были тѣ самыя, которыя всегда бываютъ при такихъ обстоятельствахъ: лучшіе профессора бернскаго университета, какъ Целлеръ, Рено (недавно умершій въ Гейдельбергѣ) покидаютъ этотъ университетъ, переѣзжая въ Германію, или совершенно бросаютъ профессорскую карьеру; значительно сокращается число читаемыхъ лекцій и невѣроятно скоро падаетъ число университетскихъ слушателей. Въ началѣ зимняго семестра 1848 г. на юридическомъ факультетѣ было только два профессора, а по отдѣленію политическихъ наукъ не осталось ни одного преподавателя!

Кажется, бернскіе консерваторы имѣли полное основаніе праздновать самую блестящую побѣду.

Но любопытно, что бернскіе радикалы также были недовольны

университетомъ, потому что онъ будто бы высказывалъ слишкомъ много уваженія и уступчивости въ отношеніи кантональнаго правительства и съ недостаточною энергіею защищалъ свободу ученія, въ особенности въ дѣлѣ профессора Целлера. Эти обвиненія были совершенно безсмысленны, и скорѣе можно было упрекать университетскую корпорацію и учащуюся молодежь въ томъ, что они напрасно занимались политическими демонстраціями и участвовали въ борьбѣ политическихъ партій. Такіе профессоры бернскаго университета, какъ, напр., Снелль, могутъ имѣть несомнѣнныя ученыя заслуги, но если они обращаютъ университетскую каѳедру, исключительно посвященную служенію истинѣ и наукѣ, въ ораторскую трибуну для достиженія чисто-практическихъ и политическихъ цѣлей, то нечего было удивляться тому, что съ паденіемъ политической партіи, къ которой они пристали, должны были пасть они сами.

Гоненіе, воздвигнутое на бернскій университетъ, прекратилось только съ 1854 года, когда во главѣ департамента просвѣщенія стали опять лица, искренно преданныя просвѣщенію и любящія свою родину. Если спросить, чего достигали бернскіе сторонники мракобѣсія и лже-консерваторы своими стѣснительными для университетскаго образованія мѣрами, то на это отвѣтило самое бернское правительство въ 1854 году слѣдующимъ образомъ: „еслибъ прежнія правительственныя лица имѣли въ виду *дѣйствительную* пользу университета, за которую они такъ энергично ратовали на словахъ, то нѣтъ сомнѣнія, что они оставили бы неприкосновеннымъ дѣйствующій университетскій уставъ и усовершенствовали бы университетскіе порядки на этомъ уже существующемъ основаніи. Но всѣ бывшіе до сихъ поръ проекты преобразованія были вызваны совершенно постороннею цѣлью, которая была главнымъ побужденіемъ у всѣхъ назойливыхъ приверженцевъ преобразованія (Reorganisationsdrängern). Эта главная цѣль (если сказать откровенно то, что ни для кого не составляетъ тайну) заключалась въ удаленіи непріятныхъ (missliebiger) профессоровъ“.

Правительство, установившееся въ Бернѣ въ 1854 году, совершенно отказалось отъ преслѣдованія всякихъ постороннихъ высшему образованію цѣлей и внесло въ дѣло только „горячую любовь и искреннее доброжелательство“. Да этого и должно требовать, прежде всего, отъ всякаго завѣдывающаго какимъ-либо общественнымъ дѣломъ, чтобъ оно правильно было постановлено и совершенствовалось согласно высшей пользѣ народа.

Программа, составленная бернскимъ департаментомъ просвѣщенія въ 1854 году, заключалась въ слѣдующихъ главныхъ пунктахъ: во-первыхъ, поднятіе состоянія университета на основаніи дѣйствую-

щаго университетскаго устава; во-вторыхъ, назначеніе на вакантныя каѳедры способныхъ ученыхъ; въ-третьихъ, покровительство молодымъ людямъ, желающимъ посвятить себя ученой карьерѣ; улучшеніе философскаго факультета въ особенности относительно преподаванія реальныхъ наукъ и новыхъ языковъ; въ-четвертыхъ, введеніе или развитіе практическихъ занятій и т. д.

Вся эта программа была приведена въ исполненіе въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, и бернскій университетъ не только „вздохнулъ свободно“ въ 1854 году, но съ этого же времени онъ видимо развивается и живетъ, но не „прозябаетъ“, потому что съ „горячею любовью и искреннимъ доброжелательствомъ“ относилось къ нему бернское кантональное правительство.

Насколько это положеніе справедливо, можно убѣдиться изъ нѣкоторыхъ данныхъ относительно современнаго состоянія бернскаго университета. Въ настоящее время онъ раздѣляется на пять факультетовъ: евангелическо-богословскій, католическо-богословскій, юридическій, медицинскій и философскій. Всего преподавателей числится въ настоящее время не менѣе 84, изъ которыхъ 39 ординарныхъ профессоровъ, 8 экстраординарныхъ, 4 нештатныхъ (Honorar-Professoren) и 33 приватъ-доцентовъ. Въ числѣ послѣднихъ трое—русскіе подданные, преподающіе предметы, въ которыхъ большой недостатокъ въ русскихъ университетахъ. Кажется, скоро не будетъ заграничнаго университета, въ которомъ нѣтъ профессора изъ русскихъ подданныхъ!

Студентовъ и слушателей было въ бернскомъ университетѣ во время лѣтняго семестра нынѣшняго года 565, вмѣстѣ съ слушателями ветеринарнаго института и студентками, допускаемыми къ слушанію лекцій въ университетѣ съ 1874 года. Если вѣрить свидѣтельству властей бернскаго университета, то „нравственное поведеніе студентовъ, прилежаніе и приличное поведеніе огромнаго большинства“ не подлежатъ сомнѣнію. Весьма рѣдко имѣло мѣсто исключеніе и всегда одерживало въ студентахъ верхъ сознаніе, что они въ качествѣ „академическихъ гражданъ“ нравственно и юридически обязаны не подавать повода къ нареканіямъ на университетъ со стороны многочисленныхъ его враговъ и держать высоко знамя „академической чести и чувства долга“. Но съ сожалѣніемъ почтенный историкъ бернскаго университета долженъ признаться, что не всегда студенты были чужды политической борьбы, мутившей спокойное теченіе жизни бернскаго кантона, и не всегда они сознавали исключительный свой долгъ учиться въ университетѣ, а не заниматься самоувѣреннымъ рѣшеніемъ вопросовъ относительно общественныхъ порядковъ своего родного кантона или даже другихъ народовъ. Обыкно-

венно преподаватели бернскаго университета напоминали студентамъ этотъ ихъ первый долгъ, и, между прочимъ, самъ Нейгаузъ, открывая въ 1834 году чтеніе лекцій въ бернскомъ университетѣ, обратился къ студентамъ съ слѣдующими словами: „Храмъ науки для васъ открытъ. Вступите въ него съ благоговѣніемъ и почтеніемъ и поставьте себѣ цѣлью, переходя его порогъ, сдѣлаться мужами и гражданами. Вы займете когда-нибудь въ обществѣ высшія по значенію мѣста. Заслужите это преимущество посредствомъ благороднаго соревнованія принести пользу вашей родинѣ"...

Счастливы университеты, учащаяся молодежь которыхъ никогда не забываетъ, что университетъ дѣйствительно—храмъ науки, а не теплица для искусственнаго разведенія скороспѣлыхъ и самомнящихъ реформаторовъ въ лицѣ недоучившихся и необразованныхъ юношей!..

На этомъ основаніи нельзя не сочувствовать нѣкоторымъ студенческимъ обществамъ, учрежденнымъ при бернскомъ университетѣ, члены которыхъ должны при вступленіи торжественно обѣщать безусловно не заниматься никакими политическими дѣлами и не стараться участвовать въ рѣшеніи вопросовъ „практической политики". Такое положительное запрещеніе встрѣчается въ уставѣ весьма многочисленнаго студенческаго общества „Neu- Zofingia", имѣющаго въ числѣ своихъ членовъ студентовъ, нынѣшнихъ и бывшихъ, всѣхъ швейцарскихъ университетовъ.

Обращаясь къ другимъ сторонамъ университетскаго быта, нельзя не сказать, что въ отношеніи всевозможнаго рода стипендій бернскій университетъ, сравнительно говоря, не только много разъ богаче каждаго русскаго университета, но можетъ поспорить даже съ нѣкоторыми германскими университетами. Въ настоящее время въ распоряженіи бернскаго университета огромная сумма въ 1.331,388 франковъ, проценты которой ежегодно раздаются въ видѣ стипендій или наградъ за лучшія сочиненія на заданныя тэмы или въ видѣ пособія молодымъ людямъ, приготовляющимся къ каѳедрѣ или университетской, или церковной.

Еще меньше могутъ поспорить русскіе университеты съ бернскимъ по части учебныхъ пособій и учрежденій, обыкновенно состоящихъ при университетахъ и необходимыхъ для надлежащаго преподаванія наукъ. При университетѣ бернскомъ состоятъ всевозможныя клиники: для душевныхъ, дѣтскихъ и глазныхъ болѣзней, далѣе патологическій институтъ, лабораторіи химическая, медико-химическая и фармакогностическая, ботаническій садъ, музей культурно-историческій и художественный, астрономическая обсерваторія и т. д. На расширеніе химической лабораторіи университета канто-

нальное правительство выдало недавно 40,000 франковъ; на устройство художественнаго музея 150,000 фр.; на устройство госпиталя съ аудиторіями для лекцій 800,000 фр.; на устройство образцоваго родовспомогательнаго заведенія болѣе *полутора милліоновъ* франковъ!

Всѣ эти огромныя денежныя жертвы были принесены на пользу университетскаго образованія со стороны *одного* швейцарскаго кантона съ населеніемъ въ полмилліона человѣкъ и съ ежегоднымъ бюджетомъ въ сто съ небольшимъ милліоновъ франковъ!

Но бернское населеніе далеко еще не убѣждено въ томъ, что его университетъ слишкомъ процвѣтаетъ и ни въ чемъ не нуждается. Нѣтъ, напротивъ, энергически идетъ агитація въ пользу постройки совершенно новаго университетскаго зданія, такъ какъ нынѣшнее помѣщеніе университета весьма неудобно и, какъ говорятъ въ Бернѣ, „недостойно бернскаго народа"! Далѣе весьма многіе убѣждены въ томъ, что бернскій университетъ весьма жалко вознаграждаетъ своихъ профессоровъ, давая ординарному профессору только 5,000 франковъ—что составляетъ на русскія деньги, при бернской дешевизнѣ, 5,000 рублей. Кромѣ того, весь гонораръ за лекціи поступаетъ въ пользу тѣхъ же профессоровъ. Между тѣмъ, въ бернскомъ университетѣ профессора обыкновенно не засиживаются и скоро покидаютъ красивую столицу Швейцарскаго Союза съ ея очаровательною панорамою Альповъ, потому что имъ предлагаютъ въ Германіи и Австріи болѣе выгодныя условія.

И вотъ, съ цѣлью придти на помощь университету составилось общество (Bernischer Hochschulverein), члены котораго обязались дѣлать ежегодно въ кассу общества опредѣленный взносъ и избрать изъ своей среды комитетъ для завѣдыванія собраннымъ капиталомъ. Первоначальными членами этого университетскаго общества были бывшіе воспитанники бернскаго университета, но ими могутъ быть всѣ любящіе просвѣщеніе и понимающіе культурное вліяніе университета. Изъ процентовъ собраннаго капитала предполагается давать прибавку къ жалованью, полагаемому по закону бернскимъ профессорамъ, съ цѣлью привлекать и удерживать въ Бернѣ „первоклассныхъ ученыхъ". Далѣе предполагается увеличивать вообще средства университета на удовлетвореніе такихъ насущныхъ потребностей, на которыя кантональное правительство не имѣетъ въ данное время свободныхъ рессурсовъ.

Мнѣ кажется, что представленныхъ мною данныхъ относительно прошлаго и настоящаго бернскаго университета достаточно, чтобъ характеризовать общественную среду, въ которой онъ пустилъ глубокіе корни, и понять причины радостнаго празднованія всѣмъ бернскимъ населеніемъ пятидесятилѣтняго юбилея дорогого ему универ-

ситета. Прошлое этого храма науки не было свободно отъ большихъ тревогъ и серьезныхъ опасностей какъ со стороны лже-консерваторовъ, усматривающихъ въ ломкѣ установившихся университетскихъ порядковъ панацею отъ „распущенности профессоровъ и студентовъ", такъ и со стороны радикаловъ, поставившихъ университетскимъ преподавателямъ въ вину, что они слишкомъ мало занимаются политическими дрязгами и недостаточно энергически воюютъ съ правительствомъ. Тяжко было время, которое пришлось переживать бернскому университету въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда друзьями его прикидывались отъявленные враги всякаго университетскаго образованія и всякаго просвѣщенія вообще, и когда, во имя поднятія университета, изгонялись лучшіе профессора и ограничивалась необходимая свобода преподаванія.

Но бернскій университетъ нисколько не унывалъ и продолжалъ, въ лицѣ своихъ профессоровъ, высоко держать знамя науки и вѣрить въ окончательное торжество идеальныхъ цѣлей, къ достиженію которыхъ долженъ стремиться всякій университетъ. По свидѣтельству историка бернскаго университета, это тяжелое время было даже полезно для университета, потому что „оно очищало и укрѣпляло творческія жизненныя силы" и приготовляло почву для наростанія новаго и лучшаго университетскаго строя. Этого мало: безпощадное гоненіе, которому подвергся университетъ для своего якобы „развитія", привело въ Бернѣ къ тому, что политическіе противники (напр., Стемпфли и Блёшъ) помирились и шли рука объ руку къ защитѣ свободы и автономіи университета съ того момента, когда они убѣдились, что судьба высшаго образованія рѣшается съ точки зрѣнія мракобѣсія и въ пользу водворенія невѣжества на университетской каѳедрѣ.

Для насъ русскихъ исторія маленькаго кантональнаго бернскаго университета во всякомъ случаѣ поучительна, насколько вообще поучительно знакомство съ опытомъ и страданіями культурной жизни другихъ народовъ. Нельзя не относиться съ полнымъ уваженіемъ къ полумилліонному населенію бернскаго кантона, который изъ своихъ крошечныхъ средствъ создалъ такой цвѣтущій университетъ и теперь лелѣетъ его какъ свое любимое дѣтище. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что швейцарцы давно поняли, что̀ составляетъ въ нашъ вѣкъ дѣйствительную, основную и незыблемую силу каждаго народа. Это не милліоны штыковъ, не необъятность государственной территоріи и не многомилліонный составъ населенія. Эта сила, предъ которою всѣ преклоняются и которая все завоевываетъ — это сила высшей культуры, ума и таланта. Ее признаютъ даже злѣйшіе враги всякаго умственнаго развитія, всѣ гасители просвѣщенія все равно гдѣ, въ какой бы странѣ, они ни находились.

Эту самую неопровержимую истину въ примѣненіи къ нашей родинѣ высказалъ также почтенный А. С. Хомяковъ, когда онъ въ 1854 году, во время военныхъ неудачъ на крымскомъ полуостровѣ, писалъ своему другу: „Насъ бьетъ не сила (она у насъ есть) и не храбрость (намъ ея не искать), *насъ бьетъ и рѣшительно бьетъ мысль и умъ!*"

Дай Богъ, чтобъ наши русскіе университеты никогда не перестали быть храмомъ науки, убѣжищемъ мысли, воспитателями ума и таланта и крѣпкимъ устоемъ для самоотверженной и безпредѣльной любви къ родинѣ!

Ф. Мартенсъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е октября, 1884.

— Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 года. Томъ первый. 4°. Казань, 1884.

Съ тѣхъ поръ, какъ происходилъ археологическій съѣздъ въ Казани, археологи имѣли еще два съѣзда—въ Тифлисѣ, и недавно кончившійся въ Одессѣ; между тѣмъ теперь только выходятъ „Труды" казанскаго съѣзда. Медленность очевидно неудобная: два съѣзда прошли, не имѣвъ возможности воспользоваться трудами своихъ предшествовавшихъ собраній; нѣкоторыя статьи, представленныя или читанныя на казанскомъ съѣздѣ, тѣмъ временемъ явились уже въ другихъ изданіяхъ и матеріалъ разбрасывался; другія являются теперь, нѣсколько запоздавшими. Чѣмъ объясняется эта медленность въ изданіи „Трудовъ", неизвѣстно; изъ предисловія мы узнаемъ, что въ теченіе семи лѣтъ со времени казанскаго съѣзда редакція изданія измѣнилась въ своемъ составѣ: первый редакціонный комитетъ съ 1877 г. до марта 1882 успѣлъ напечатать только до 12 печатныхъ листовъ; второй комитетъ, въ составѣ котораго были гг. Буличъ, Корсаковъ и Радловъ (извѣстный оріенталистъ), съ марта 1882 до конца іюля 1884, напечаталъ до 80 печатныхъ листовъ. Конечно, лучше поздно чѣмъ никогда, и по крайней мѣрѣ заботливость второго комитета вознаграждаетъ за медленность перваго.

Въ программѣ съѣзда предметы его работъ и доставленныя статьи распадаются на 8 отдѣловъ: вопросовъ общихъ, древностей первобытныхъ, исторической географіи и этнографіи, памятниковъ искусствъ и художествъ, быта домашняго и общественнаго, быта рели-

гіознаго, памятниковъ языка и письма, и древностей восточныхъ; в настоящемъ случаѣ прибавленъ еще 9 отдѣлъ—археологическихъ и историческихъ матеріаловъ и библіографіи. Въ вышедшемъ нынѣ первомъ томѣ, кромѣ разныхъ общихъ свѣденій о дѣятельности съѣзда и его протоколовъ помѣщены статьи по первымъ четыремъ отдѣламъ. Понятно, что отдѣлы указываютъ преобладающій характеръ статей, но иногда содержаніе рефератовъ касается различныхъ предметовъ археологіи, переходя границы этихъ рубрикъ.

Мы отложимъ сужденіе о результатахъ четвертаго археологическаго съѣзда до выхода второго тома его „Трудовъ" и ограничимся здѣсь нѣсколькими замѣчаніями. Какъ и слѣдовало ожидать, на казанскомъ съѣздѣ въ особенности выступалъ вопросъ о мѣстныхъ древностяхъ, какъ первобытныхъ, такъ и историческихъ, и работы членовъ съѣзда представляли въ этомъ отношеніи очень много любопытнаго. Съѣздъ не могъ не вызвать вниманія къ этой области нашей старины, до сихъ поръ слишкомъ мало разработанной, а надо желать, чтобы изслѣдованія этой области получили прочное основаніе въ дѣятельности того мѣстнаго общества археологіи, исторіи и этнографіи, которое подъ впечатлѣніемъ съѣзда основано было въ Казани въ 1878 году. Дѣла предстоитъ здѣсь очень много: восточный край Россіи былъ издавна, даже съ самаго начала нашей исторіи, поприщемъ русской колонизаціи и борьбы съ инородческими племенами, то кровавой и разрушительной, то медленной, бытовой. Этотъ край и донынѣ сохранилъ множество инородческихъ элементовъ, еще цѣлыхъ и невредимыхъ, съ язычествомъ или магометанствомъ, или тамъ, гдѣ уже укрѣпилось русское населеніе, съ различными отголосками инородческой старины. Здѣсь, на средней и нижней Волгѣ въ началѣ нашей исторіи были финскія и тюркскія царства, послѣ царства татарскія: изученіе ихъ старины, остатковъ ихъ быта должно пролить свѣтъ на самую русскую исторію. Нѣтъ сомнѣнія, что вѣковыя историческія связи съ инородческимъ востокомъ оставили свой отпечатокъ какъ на общемъ складѣ русской жизни, такъ въ частности на характерѣ и бытѣ мѣстнаго русскаго населенія: но это вліяніе все еще остается труднымъ, мало выясненнымъ вопросомъ, опредѣленіе котораго должно бы быть въ особенности дѣломъ мѣстной археологіи и этнографіи.

Работы казанскаго съѣзда еще разъ указываютъ одну прискорбную сторону нашихъ археологическихъ изученій: постоянное и до сихъ поръ неудержимое истребленіе памятниковъ древности. Въ настоящемъ томѣ „Трудовъ" заявляется о постепенномъ уничтоженіи развалинъ извѣстнаго города Булгара, и въ особенности объ исчезновеніи любопытныхъ остатковъ древняго города Маджара, на берегахъ Кумы, и Селитрянаго городка на Ахтубѣ, протокѣ Волги

Путешественники прошлаго лѣта еще видѣли въ развалинахъ Маджара множество сохранявшихся древнихъ зданій, и свидѣтельство этихъ писателей осталось теперь почти единственнымъ свѣдѣніемъ объ этихъ памятникахъ, исчезнувшихъ для археологіи. „Селитряный городокъ", называемый такъ теперь по селу Селитряному, расположенному на его развалинахъ и около нихъ, у мѣстныхъ жителей слыветъ подъ названіемъ „Мамаева городка" и, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, представляетъ остатокъ знаменитаго Сарая, столицы хановъ Золотой орды (другіе ищутъ этой столицы на мѣстѣ нынѣшняго города Царева). Селитряный городокъ рѣдко кто видѣлъ; въ послѣдніе годы его случайно посѣтилъ профессоръ казанскаго университета, г. Загоскинъ. Заинтересованный этими развалинами, г. Загоскинъ внимательно осмотрѣлъ ихъ и въ то короткое время, которое было въ его распоряженіи, успѣлъ убѣдиться въ большой археологической важности, какую должны были имѣть эти развалины, пока не были доведены до настоящей степени ихъ разрушенія. Развалины занимаютъ пространство, указывающее, что здѣсь помѣщался очень обширный городъ; сохранилась отъ него одна башня, еще не совсѣмъ разрушенная, но подъ массой мусора еще видны фундаменты древнихъ зданій; постройки были сдѣланы изъ особеннаго кирпича, выламываніе котораго (какъ и въ Царевѣ) составляло у мѣстныхъ жителей цѣлый промыселъ: старинный кирпичъ выламывался изъ древнихъ построекъ и вывозился на продажу, особливо въ Астрахань. Этотъ промыселъ и успѣлъ почти стереть городъ съ лица земли раньше, чѣмъ наша наука успѣла произвести здѣсь какія-нибудь изслѣдованія. Г. Загоскинъ безъ труда и по ничтожной цѣнѣ пріобрѣлъ тамъ отъ мѣстныхъ искателей старины, мальчишекъ, цѣлую коллекцію древнихъ джучидскихъ монетъ, серебряныхъ и мѣдныхъ, между которыми оказались новые варіанты и даже тринадцать экземпляровъ монетъ, ранѣе совсѣмъ неизвѣстныхъ нумизматамъ. Подобнымъ образомъ истребленъ въ новѣйшее время и городъ Маджаръ. Эти примѣры именно даютъ образчикъ того, какъ еще слабы до сихъ поръ средства нашей науки и какъ мало въ обществѣ мысли о важности собственной исторіи. Не мудрено, конечно, что разрушается Маджаръ или Мамаевъ городокъ въ ихъ захолустьѣ (хотя желательно было бы, чтобы наша наука имѣла довольно средствъ сохраненія по крайней мѣрѣ того, что́ уцѣлѣло донынѣ), но разрушеніе старины активное или пассивное, по невѣжественному небреженію, совершается не только въ захолустьяхъ, но и въ самой серединѣ Россіи: истребляется не только восточная и далекая, но самая русская и близкая старина. Еще недавно мы читали воззваніе къ одесскому съѣзду, чтобы онъ принялъ мѣры для сохраненія остатковъ нашей старины, разрушаемой не-

вѣжественными реставраторами старыхъ церквей, зданій, живописи и т. п. Существуетъ, правда, оффиціальное распоряженіе объ охранѣ подобныхъ древностей, но оказывается, что эта мѣра не производитъ желаемаго дѣйствія, потому что жалобы любителей—съ фактическими указаніями на разрушеніе—продолжаются по прежнему. Неуваженіе къ старинѣ въ нашемъ обществѣ, къ сожалѣнію, несомнѣнно; оно имѣетъ свои различныя причины, но одну изъ нихъ составляетъ простое невѣжество. Наши археологи успѣли выхлопотать упомянутое распоряженіе, но намъ кажется, что желаемое ими уваженіе къ старинѣ гораздо прочнѣе можетъ быть достигнуто только однимъ путемъ—образованіемъ. У насъ не развилось того чувства, которое заставляетъ европейскіе народы дорожить преданіями своей старины, которыя такъ часто бывали преданіями ихъ просвѣщенія и общественнаго достоинства; желательно по крайней мѣрѣ, чтобы нашему обществу и массѣ стала доступна мысль о научной важности сохраненія и изученія древности.

— Сказки и преданія Самарскаго края. Собраны и записаны *Д. Н. Садовниковымъ*. (Записки Импер. Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи. Томъ XII). Спб. 1884.

Дмитрій Николаевичъ Садовниковъ, составитель настоящаго сборника, уже извѣстенъ былъ въ литературѣ сборникомъ „Загадокъ русскаго народа“, изданнымъ въ 1876 г.; онъ извѣстенъ былъ также какъ поэтъ значительнаго дарованія. Въ кружкахъ любителей народной словесности съ нетерпѣніемъ ожидался вышедшій теперь сборникъ; къ сожалѣнію, его выхода не дождался самъ собиратель, умершій въ декабрѣ прошлаго года. Сборникъ вышелъ безъ объясненій его составителя, который, вѣроятно, разсказалъ бы и о способахъ собиранія и о своихъ личныхъ взглядахъ на собранный матеріалъ. Книга вышла подъ редакціей Л. Н. Майкова, который въ предисловіи сообщилъ лишь немногія свѣденія о внѣшней сторонѣ собранія. Мы пожалѣли, что при изданіи труда Садовникова не были помѣщены біографическія свѣденія о покойномъ этнографѣ.

Находящіяся въ настоящей книгѣ сказки и преданія, какъ видно изъ предисловія г. Майкова, принадлежатъ не исключительно одному Самарскому краю. Обозначеніе „Самарскій край“ употреблено здѣсь въ широкомъ смыслѣ: въ сборникѣ находятся также народно-поэтическія произведенія сосѣднихъ мѣстностей. Понятно, что здѣсь повторяется множество сюжетовъ обще-русскихъ: таковы варіанты сказокъ и нѣкоторыхъ былинныхъ сюжетовъ, превратившихся въ сказочные отрывки (напр. объ Ильѣ Муромцѣ); таковы варіанты народныхъ легендъ (объ Ильѣ Пророкѣ, Николаѣ Угодникѣ, Егоріи Хра-

ромъ). Но затѣмъ есть тутъ и цѣлый рядъ разсказовъ дѣйствительно мѣстнаго характера; таковы разсказы о Стенькѣ Разинѣ, о разбойникахъ, о постоялыхъ дворахъ, о Волгѣ и Камѣ, о Никитушкѣ Ломовѣ и т. д.

Издатель замѣчаетъ въ предисловіи, что собиратель имѣлъ въ виду преимущественно литературныя цѣли и, при записываніи преданій не обращалъ особеннаго вниманія на грамматическія особенности мѣстнаго говора. Для тѣхъ, кого интересуетъ самое содержаніе народной поэзіи, это послѣднее не покажется большимъ недостаткомъ,—для нихъ достаточно будетъ вѣрнаго сохраненія текста; не замѣтятъ этого недостатка и тѣ, кого интересуетъ народный словарь; но что касается грамматическихъ отличій мѣстнаго *говора* (не нарѣчія) мы думаемъ, что собиранія ихъ и не слѣдовало бы требовать отъ этнографовъ, записывающихъ произведенія народной поэзіи. Изученіе народной поэзіи и изученіе языка, конечно, весьма близки, но они составляютъ однако двѣ весьма разныя научныя задачи. Этнографъ напрасно пестрилъ бы произведенія народной поэзіи отмѣтками мѣстнаго выговора (какъ дѣлалъ это Аѳанасьевъ въ своемъ изданіи сказокъ): эта пестрота утомляла бы обыкновеннаго читателя, но все-таки не удовлетворила бы филолога не только потому, что эти отмѣтки говора въ текстахъ доставлялись бы людьми, обыкновенно весьма не компетентными въ вопросахъ филологіи, но и потому, что эти отмѣтки оставались бы слишкомъ случайными и никакъ не давали бы сколько-нибудь отчетливаго понятія о разнообразныхъ мѣстныхъ оттѣнкахъ народнаго русскаго языка. Съ точки зрѣнія литературнаго изученія народной поэзіи было бы односторонне представлять какія-нибудь общераспространенныя произведенія народной поэзіи—пѣсни, сказки и т. п., въ одеждѣ лишь одного исключительнаго говора; вмѣстѣ съ тѣмъ филологическое изученіе народнаго языка должно быть поставлено независимо и послѣдовательно.—Лучшіе собиратели или записывали общенародныя сказанія на общенародномъ языкѣ, какъ Гриммъ и Вукъ Караджичъ, или ставили прямо спеціальный вопросъ о мѣстныхъ нарѣчіяхъ: этого послѣдняго Садовниковъ, вѣроятно, вовсе не имѣлъ въ виду, и Самарскій край, вѣроятно, не представляетъ отдѣльнаго нарѣчія.

— Земля и люди. Всеобщая географія. *Элизе Реклю.* Т. V, выпускъ второй. Европейская Россія. Съ 54 рисунками и картою на 6 листахъ. Спб. 1883.

— Дополненіе къ II выпуску V тома. Спб. 1884.

Въ свое время мы упоминали въ „Литературномъ обозрѣніи" о первомъ выпускѣ V тома обширнаго изданія Реклю въ русскомъ переводѣ; съ настоящимъ вторымъ выпускомъ закончено изложеніе

географіи Россіи. Въ предисловіи, редакція перевода говоритъ об интересѣ книги для русскихъ читателей какъ по ея предмету, такъ и по автору-иностранцу, и замѣчаетъ, что редакція старалась сохранить подлинникъ въ неприкосновенности и только должна была подновить и частью дополнить цифровой матеріалъ; впрочемъ, тутъ же прибавляетъ, что изъ послѣдней главы (Gouvernement et Administration) въ русскомъ переводѣ помѣщенъ только конецъ. По поводу перваго выпуска V тома мы замѣчали уже, что французскій подлинникъ тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сохраняетъ преимущество передъ русскимъ изданіемъ, именно—обиліемъ объяснительныхъ чертежей. Теперь къ русскому переводу присоединено обширное дополненіе, представляющее много дѣйствительно важныхъ свѣдѣній.

Самый подлинникъ сочиненія имѣетъ достаточно установившуюся репутацію, и на немъ нѣтъ надобности много останавливаться. Разныя части труда исполнены, конечно, не одинаково—смотря по количеству источниковъ, какіе были въ распоряженіи у автора. Между прочимъ, книга Реклю вызывала и суровыя осужденія: въ предпріятіи такого объема невозможно обойтись безъ ошибокъ, пробѣловъ, недосмотровъ; матеріалъ такъ громаденъ, что былъ бы подъ силу развѣ только цѣлому ученому обществу, и однообразное соблюденіе программы и объема вообще чрезвычайно трудно въ обширныхъ предпріятіяхъ подобнаго рода; но нельзя не оцѣнить высоко и того, что̀ сдѣлано. Книга Реклю, во всякомъ случаѣ, вводитъ въ обращеніе множество новыхъ географическихъ свѣдѣній, и относительно описанія Россіи заслуга автора не подлежитъ никакому сомнѣнію. Можно сказать смѣло, что до книги Реклю во французской и цѣлой европейской литературѣ не было сочиненія, гдѣ бы собрано было такое обиліе географическихъ свѣдѣній о Россіи, свѣдѣній точныхъ, основанныхъ на обширномъ и разностороннемъ изученіи русскихъ источниковъ. Русскій издатель не ошибался, что книга представитъ интересъ и для русскихъ читателей; скажемъ болѣе: въ нашей литературѣ нѣтъ географической книги, которая бы могла равняться съ книгой Реклю по плану и изложенію. У насъ есть огромная географическая литература спеціальныхъ изслѣдованій, подробныхъ частныхъ описаній и этнографическихъ очерковъ, но общія сочиненія представляютъ или громадныя массы сухого фактическаго матеріала, какъ „Географическій словарь“ г. Семенова, или учебники. Книга Реклю, напротивъ, имѣетъ въ виду дать чтеніе популярное и цѣльную картину: въ этой рамкѣ, какъ мы сказали, собрано много свѣдѣній изъ новѣйшей русской литературы по географіи, этнографіи, статистикѣ, администраціи, исторіи, и все это является въ живомъ и занимательномъ изложеніи. Многочисленные и

обыкновенно прекрасно исполненные рисунки, конечно, прибавляютъ книгѣ интереса.

Дополнительный томъ (въ 300 страницъ) заключаетъ въ себѣ слѣдующія работы: общій очеркъ климата европейской Россіи, г. Воейкова,—фитогеографическій очеркъ, г. Бекетова,—геологическій очеркъ, г. Иностранцева,—животный міръ, г. Богданова, — очеркъ экономическаго быта земледѣльческаго населенія, С., — очеркъ настоящаго положенія и условій сельско-хозяйственной промышленности, г. Ермолова,—артели въ Россіи, и кустарная промышленность, г. Исаева. Изъ этого перечисленія достаточно виденъ интересъ добавленій, составленныхъ спеціалистами дѣла. Эти дополненія, любопытныя въ научномъ отношеніи, даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ не мало полезныхъ практическихъ указаній и разъясненій. Таковы поучительные выводы г. Богданова о судьбѣ животнаго міра нашей территоріи, въ связи съ хищническимъ хозяйствомъ въ теченіе вѣковъ нашей исторической жизни. Такую практическую цѣну имѣютъ выводы, извлеченные г. Ермоловымъ изъ изученія настоящаго положенія сельско-хозяйственной промышленности, гдѣ въ противодѣйствіе той же господствующей хищнической эксплуатаціи земли рекомендуются средства, доставляемыя научнымъ знаніемъ. Таковы другія замѣчанія г. Богданова (стр. 121) о свойствахъ кочевого быта и о томъ, каково должно было бы быть отношеніе администраціи къ кочевникамъ нашего европейскаго и азіатскаго юго-востока и т. д. Къ сожалѣнію, эти и подобныя указанія науки даются уже давно, но имѣютъ пока очень мало вліянія въ практической дѣйствительности; масса нашего общества пребываетъ въ печальномъ заблужденіи, что наука есть порожденіе запада, и въ этомъ качествѣ къ намъ непримѣнима, что интеллигенція народу мало нужна и ея у насъ слишкомъ много. Если это отношеніе къ знанію продолжится, то прискорбные результаты, уже и теперь отмѣчаемые знающими людьми, не преминутъ явиться и въ очень серьезныхъ размѣрахъ.

—*А. Пузыревскій.* Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка (V—XVI стол.). Съ отдѣльнымъ атласомъ. Двѣ части. Спб. 1884. Издано при содѣйствіи Николаевской академіи генеральнаго штаба.

Книга г. Пузыревскаго назначается, конечно, для спеціалистовъ и именно должна служить пособіемъ для офицеровъ, обучающихся въ Николаевской военной академіи; но въ ней найдется не мало интереса и для обыкновеннаго любознательнаго читателя. Вообще говоря, такому обыкновенному, не-военному, читателю бываетъ нерѣдко нѣсколько странно читать спеціально военныя книги, гдѣ военное дѣло трактуется съ „научной“ точки зрѣнія. Авторъ настоящей книги

приводить слова Наполеона: „Тактика, эволюціи, инженерная и артиллерійская *науки* могутъ быть изучаемы по книгамъ почти такъ же, какъ геометрія; но знаніе высшей части войны пріобрѣтается только опытомъ и изученіемъ исторіи войнъ и сраженій великихъ полководцевъ. Можно ли выучить по грамматикѣ, какъ составить пѣснь Иліады или трагедію Корнеля?.. Исторія 84 кампаній (онъ перечисляетъ кампаніи нѣсколькихъ знаменитѣйшихъ полководцевъ), тщательно разработанная, составитъ полный трактатъ по военному искусству“. Въ нашей литературѣ есть военные писатели, которые видятъ въ войнѣ не только науку, но и одну изъ благотворнѣйшихъ наукъ, такъ какъ самая война представляется имъ не только дѣломъ совершенно естественнымъ и необходимымъ, но и настоящимъ двигателемъ прогресса. Г. Пузыревскій говоритъ не о военной „наукѣ“, а только о военномъ „искусствѣ“, „задача“ котораго, „выраженная въ самой общей формулѣ, заключается въ „умѣньѣ *бить врага* съ наименьшими для себя усиліями и потерями“. Разъ война существуетъ, пріемы ея, конечно, должны составить предметъ изученія для спеціалистовъ дѣла, и въ такомъ случаѣ это дѣло все-таки правильнѣе называть „искусствомъ“, нежели наукой, не только потому, что наука имѣетъ вообще иныя цѣли чѣмъ „бить“ кого-нибудь, но и потому, что и въ чисто теоретическомъ отношеніи всякіе предметы войны едва ли укладываются въ формы науки: инженерная или артиллерійская „наука“ можетъ носить подобное названіе лишь настолько, насколько онѣ составляютъ приложеніе физики, химіи, механики и архитектурнаго искусства. Для обыкновенныхъ не-военныхъ смертныхъ война, безъ сомнѣнія, рѣдко представляется такимъ благодѣяніемъ для человѣческой цивилизаціи, какимъ она кажется нѣкоторымъ упомянутымъ выше спеціалистамъ; обыкновеннымъ людямъ гораздо сочувственнѣе та точка зрѣнія, которая видитъ въ войнѣ одно изъ величайшихъ бѣдствій человѣчества, одинъ изъ самыхъ прискорбныхъ остатковъ первобытнаго варварства. Но какъ бы то ни было, въ вопросѣ военнаго искусства есть одна дѣйствительно научная сторона; это именно его исторія, не въ томъ смыслѣ, какъ говорится въ приведенныхъ выше словахъ Наполеона, а въ смыслѣ исторіи быта. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи книга г. Пузыревскаго, какъ мы сказали, можетъ представить не мало интереса для всякаго любознательнаго читателя.

Задачу исторіи военнаго искусства г. Пузыревскій полагаетъ въ изслѣдованіи тѣхъ путей, какими шло развитіе этого искусства, и тѣхъ причинъ, которыми это развитіе было обусловлено: такимъ образомъ эта задача представляется ему „аналогичною съ задачей общей исторіи, изслѣдующей пути развитія человѣчества, или какого-либо народа“. Ни общая исторія, ни исторія военная, по словамъ

автора, не могутъ дать такого кодекса законовъ, какіе установляются точными науками,—онѣ могутъ указать лишь законъ развитія, каждая въ своей области. Изученіе военной исторіи, по словамъ автора, приводитъ, однако, къ такому заключенію: „Наивысшія ступени развитія этого искусства у различныхъ народовъ вовсе не могутъ быть связаны ни съ эпохой наибольшаго просвѣщенія, ни съ высокимъ состояніемъ культуры; онѣ также не совпадаютъ съ временами, наиболѣе богатыми войнами, когда невѣжественное и освирѣпѣвшее человѣчество важнѣйшимъ и славнѣйшимъ выраженіемъ внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній государствъ считало войну. Такимъ образомъ кульминаціонный пунктъ греческаго, римскаго и арабскаго военнаго искусства не совпадаетъ съ временемъ наивысшей образованности этихъ народовъ; съ другой стороны военное искусство самой мрачной эпохи Среднихъ вѣковъ, времени господства кулачнаго права, находилось на весьма жалкой степени развитія. Исторія насъ учитъ, что военное искусство, понимаемое въ обширномъ смыслѣ слова, достигаетъ наиболѣе полнаго и *гармоническаго* развитія у каждаго народа въ тѣ эпохи его историческаго существованія, когда весь народъ во всей его совокупности живетъ наиболѣе полной жизнью, находя *гармоническое* удовлетвореніе всѣмъ своимъ потребностямъ, какъ умственно-моральнымъ, такъ и матеріальнымъ, въ семейныхъ, государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ".

Не будемъ разбирать здѣсь, какое состояніе военнаго искусства можетъ называться „гармоническимъ" и какъ связать ту мысль автора, что наиболѣе полное развитіе военнаго искусства того или другого народа совпадаетъ съ эпохой, когда этотъ народъ живетъ *наиболѣе полной жизнью*, находя „гармоническое" удовлетвореніе всѣмъ своимъ потребностямъ, какъ матеріальнымъ такъ и умственн нравственнымъ — съ другою, рядомъ съ этимъ высказанною мыс что наивысшее развитіе военнаго искусства вовсе не связывает эпохами *наибольшаго просвѣщенія* и наиболѣе *высокой культ* авторъ не замѣтилъ противорѣчія между этими двумя поло Но вообще онъ изображаетъ исторію военнаго искусства съ общимъ положеніемъ народовъ, ихъ общественно-пол устройствомъ, характеромъ быта и понятій, и даетъ мательную бытовую картину, гдѣ складъ военнаго иску естественное объясненіе въ общихъ условіяхъ наро

Въ книгѣ г. Пузыревскаго дано мѣсто и военн скихъ; но можно пожалѣть, что авторъ останови комъ коротко, и собственно только на древне и нѣкоторыя ошибки. Такъ, напр., въ ряду обор какія были въ большомъ употребленіи въ нуто о постройкѣ валовъ: эти валы, протя

странствахъ, составляли цѣлую оборонительную систему именно противъ нападеній степныхъ кочевниковъ,—о нихъ не однажды упоминается въ лѣтописи и остатки ихъ цѣлы и донынѣ въ территоріи древне-кіевской области (они не разъ были описаны въ нашей археологической литературѣ). Далѣе, разсказывая объ укрѣпленіи городовъ (ч. I, стр. 71), авторъ упоминаетъ о „заборолѣ": на такомъ „заборолѣ" стояла Ярославна, когда оплакивала несчастный походъ и пораженіе своего мужа, въ „Словѣ о полку Игоревѣ". Авторъ пишетъ это слово: „заборалъ", что совершенно неправильно (это—„заборало", въ русской формѣ „забороло"). Въ разсказѣ о гусситахъ и ихъ способѣ веденія войны автору пришлось пользоваться чешскими свѣдѣніями черезъ посредство нѣмецкихъ и французскихъ историковъ и переводчиковъ,—такъ что „славянская взаимность" осталась въ этомъ случаѣ безплодна. Между прочимъ, авторъ не коснулся при этомъ вопроса, гдѣ было бы любопытно мнѣніе военнаго спеціалиста, именно вопроса о томъ, была ли военная система гусситовъ воспринята нашимъ казачествомъ, какъ думали это нѣкоторые чешскіе историки. Русское военное искусство нашихъ среднихъ вѣковъ авторомъ совсѣмъ не тронуто (ему посвящено лишь нѣсколько строкъ, ч. II, стр. 103, 104, 114). Желательно было бы избѣжать и нѣкоторыхъ мелкихъ ошибокъ, напр., нѣмецкое слово Bube авторъ переводитъ „негодяй", когда оно значитъ просто „парень", (ч. II стр. 97) и т. д. Атласъ, приложенный къ книгѣ, очень любопытенъ; къ сожалѣнію рисунки большею частію вышли очень блѣдны и не отчетливы, особенно планы сраженій.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е октября, 1884.

Студенческіе безпорядки въ Кіевѣ.—Побоище въ селѣ Ровномъ.—Еще „признаки времени": газеты въ роли цензоровъ; идеализація прихода; крики о помощи землевладѣльцамъ; вылазки противъ самоуправленія и адвокатуры.—„Русь" о реальныхъ училищахъ.

Первые дни истекшаго мѣсяца обѣщали русскому обществу цѣлый рядъ мирныхъ празднествъ. За свиданіемъ трехъ императоровъ въ Скерневицахъ должны были послѣдовать юбилейныя торжества въ Архангельскѣ, въ Кіевѣ; трудно было ожидать иныхъ извѣстій, кромѣ телеграммъ о застольныхъ рѣчахъ, тостахъ, привѣтствіяхъ, почетныхъ дипломахъ. Тѣмъ тягостнѣе было впечатлѣніе, произведен-

ное вѣстью о кіевскихъ студенческихъ безпорядкахъ. Подробности ихъ до сихъ поръ не разъяснены надлежащимъ образомъ. Прискорбны, во всякомъ случаѣ, не только насильственныя дѣйствія, совершенныя частью университетской молодежи, не только неизбѣжные результаты этихъ дѣйствій, но и толкованія, ими вызванныя, предположенія и предложенія, къ которымъ они дали поводъ. Не говоримъ уже о попыткахъ приписать ихъ только-что отмѣненнымъ университетскимъ порядкамъ; старинное правило: Vae victis! до сихъ поръ сохраняетъ свою силу—или, если замѣнить классическую поговорку менѣе изящнымъ, но не менѣе энергичнымъ русскимъ выраженіемъ: лежачаго не бьетъ у насъ почти одинъ лишь лѣнивый. Гораздо важнѣе стремленіе представить кіевскіе безпорядки въ видѣ предостереженія, не даромъ совпавшаго съ изданіемъ новаго университетскаго устава. Каковъ бы ни былъ этотъ уставъ, многое, чрезвычайно многое зависитъ отъ способа его исполненія. Внести въ осуществленіе закона чувства недовѣрія и нерасположенія къ массѣ затрогиваемыхъ имъ лицъ, значило бы сразу стать на фальшивую дорогу, сразу отказаться отъ лучшихъ шансовъ успѣха. Не въ озлобленіи противъ „университетской сволочи", не въ рѣшимости сократить число студентовъ, хотя бы только косвеннымъ путемъ уменьшенія числа стипендій, заключается залогъ лучшаго будущаго для университетовъ. Проповѣдь строгой репрессіи свидѣтельствуетъ только о томъ, что наши журнальные реакціонеры все еще ничему не научились. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить серьезно о слабости, снисходительности начальства по отношенію къ прежнимъ студенческимъ безпорядкамъ? Начиная съ 1861 г., ни одна такъ называемая студенческая исторія не оканчивалась безъ крайне серьезныхъ послѣдствій для ея виновниковъ—и все-таки одна „исторія" слѣдовала за другою. Или, можетъ быть, наши консервативные крикуны газетъ желали бы примѣненія къ студентамъ тѣхъ карательныхъ мѣръ, о которыхъ, если вѣрить напечатанному недавно анекдоту, разсказывалъ студентамъ, на основаніи собственнаго опыта, бывшій попечитель кіевскаго учебнаго округа, покойный генералъ Антоновичъ? Можетъ быть, они стоятъ за укрощеніе молодежи посредствомъ „солдатскаго ранца"? Въ такомъ случаѣ имъ не мѣшало бы припомнить, что солдатскій ранецъ, къ счастію, давно уже пересталъ быть наказаніемъ, что военная служба не имѣетъ и не должна имѣть ничего общаго съ уголовнымъ кодексомъ. Когда и гдѣ, притомъ, усиленныя мѣры строгости приводили къ своей цѣли? Не странно ли предполагать, что теорія „устрашенія", давно уже потерявшая всякій вѣсъ въ наукѣ, можетъ оказаться полезной въ стѣнахъ университета; что эффектъ, не производимый даже смертною казнью и каторжной ра-

ботой, можетъ быть достигнутъ усиленіемъ наказаній за проступки, подсудные мировому суду... Въ Берлинѣ на дняхъ вышла въ свѣтъ интересная книга, чтеніе которой мы усердно рекомендуемъ нашимъ реакціонерамъ. Ея заглавіе — „Erlebtes" (Пережитое); ея авторъ — извѣстный сотрудникъ Бисмарка, одинъ изъ основателей „Крестовой газеты", дѣйствительный тайный совѣтникъ Вагенеръ. Если такой человѣкъ сомнѣвается въ дѣйствительности полицейскихъ и карательныхъ мѣръ, въ цѣлесообразности исключительныхъ законовъ, если онъ провозглашаетъ во всеуслышаніе: „man beseitigt nur das was man ersetzt" (устраненіе возможно только путемъ созиданія), то надъ этимъ, право, слѣдовало бы призадуматься всѣмъ тѣмъ, кто слѣпо и упорно вѣритъ въ всемогущество принужденія и запугиванья. Дружескій голосъ, идущій изъ союзнаго стана, подѣйствуетъ на нихъ, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ всѣ доводы противниковъ.

Тяжелое чувство овладѣваетъ нами каждый разъ, когда мы видимъ, какъ легко, изъ-за ничтожныхъ причинъ, пускается въ ходъ грубая сила; какъ быстро нарушается порядокъ, покоющійся только на внѣшнихъ точкахъ опоры. Каменья, которыми разбивались окна въ Кіевѣ, къ счастью, никому не причинили существеннаго вреда—но они были брошены руками, отъ которыхъ можно было ожидать большей сдержанности. Для интеллигентныхъ классовъ нашего общества обязанность избѣгать всего похожаго на насиліе сдѣлалась особенно настоятельною съ тѣхъ поръ, какъ въ массѣ народа появилась или по крайней мѣрѣ обострилась наклонность къ такъ-называемымъ погромамъ. Почти одновременно съ кіевской смутой, побоище въ приволжскомъ селѣ Ровномъ увеличило собою длинный рядъ однородныхъ явленій, уже болѣе трехъ лѣтъ повторяющихся одно за другимъ съ тревожною быстротою. Гдѣ бы они ни происходили—въ Нижнемъ-Новгородѣ или въ Одессѣ, въ Елисаветградѣ, въ Баку или въ самарской губерніи—они вездѣ запечатлѣны двумя общими чертами: въ основаніи ихъ лежатъ экономическія причины, осложненныя національною и религіозною рознью. Русскіе сталкиваются враждебно не между собою, а съ евреями, съ татарами, съ нѣмцами. Это послѣднее обстоятельство, безъ сомнѣнія, не случайно; оно должно быть принимаемо въ разсчетъ, когда идетъ рѣчь о мѣрахъ къ предупрежденію столкновеній. Насколько необходимо поднять матеріальное благосостояніе русскаго населенія, противодѣйствовать всему тому, что́ влечетъ за собою эксплуатацію его инородцами или слишкомъ очевидное неравенство съ ними, настолько же важно воспитывать его въ духѣ терпимости и уваженія къ чужимъ особенностямъ, къ чужимъ вѣрованіямъ. Говоря о воспитаніи, мы имѣемъ въ виду, конечно, не одну школу, а всю совокупность условій, дѣйствующихъ на

міросозерцаніе народа. Въ ряду этихъ условій, періодическая печать занимаетъ, пока, весьма скромное мѣсто, и мы далеки отъ мысли, чтобы на нее упадала, прямо или косвенно, какая бы то ни была доля отвѣтственности за какой бы то ни было изъ погромовъ. Всякая попытка доказать противное не только заранѣе обречена на неудачу—она противна обязанностямъ печати, противна ея интересамъ, играя въ руку тѣмъ, кто готовъ всегда и во всемъ обвинять печатное слово, замѣнивъ изреченіе французскаго криминалиста, ненавистника женщинъ: „cherchez la femme"! формулою: „cherchez le journaliste ou le journal". Несомнѣнно, однако, что печать, въ концѣ-концовъ, можетъ способствовать или препятствовать распространенію тѣхъ понятій, суммою которыхъ обусловливается, между прочимъ, нравственная устойчивость массы, способность ея реагировать противъ внезапнаго увлеченія, противъ перваго порыва. Чѣмъ рѣже будутъ произноситься огульные приговоры надъ тѣмъ или другимъ племенемъ, обитающимъ въ предѣлахъ Россіи, чѣмъ рѣже отвѣтственность за одного или за немногихъ будетъ взваливаема на цѣлое, тѣмъ легче будетъ достигнуть нормальныхъ отношеній между разнородными элементами, обреченными жить бокъ-о-бокъ, другъ съ другомъ. Всего больше уклоняются отъ этой цѣли злобныя выходки противъ всего не-русскаго и всѣхъ не-русскихъ; но въ разрѣзъ съ нею идутъ и отголоски, сознательные или безсознательные, ультраславянофильскихъ тенденцій. Такими отголосками наполнена, напримѣръ, статья, появившаяся недавно въ одной изъ провинціальныхъ газетъ и почтённая перепечаткою въ столичной прессѣ. „Съ вступленіемъ на престолъ императора Александра III, — такъ разсуждаетъ газета, — характеръ нашей внутренней политики значительно измѣнился, и измѣнился не въ смыслѣ перемѣны одной доктрины на другую, какъ то бывало въ прошлыя царствованія, а именно въ смыслѣ отрицанія всякой доктрины, измѣнился, слѣдовательно, по самому типу, принявши характеръ національный. Правительство стало принимать во вниманіе не интересы просвѣщенія, торговли, промышленности и т. д. *вообще*, а интересы *русскаго* просвѣщенія, *русской* промышленности, *русской* торговли и т. д. Правительство стало заботиться не о созданіи, поддержаніи и воздѣлываніи культуры вообще, а о созданіи, поддержаніи и воздѣлываніи именно русской культуры". Трудно наговорить столько несообразностей въ столь немногихъ фразахъ. Стараніе созидать, водворять, воздѣлывать спеціально-русскую культуру—еслибы оно существовало не въ одномъ только воображеніи газеты—было бы, во-первыхъ, плодомъ своеобразной доктрины или своеобразнаго доктринерства, а не признакомъ отрѣшенія отъ всякой доктрины. Никакое правительство,

во-вторыхъ, не заботилось и не могло заботиться о насажденіи культуры *вообще*, потому что всякое правительство дѣйствуетъ на опредѣленной, конкретной почвѣ, ее культивируетъ, на ней, сообразно съ ея потребностями — *такъ или иначе понятыми* — развиваетъ (или не развиваетъ) просвѣщеніе, промышленность, торговлю. Что касается собственно до той эпохи, значеніе которой столь неудачно пытается опредѣлить газета, то однимъ изъ главныхъ ея произведеній является новый университетскій уставъ, переносящій къ намъ цѣликомъ нѣсколько германскихъ учрежденій (государственные экзамены, гонораръ и т. п.). Къ чему же сводятся, затѣмъ, всѣ измышленія газеты, и не пора ли отказаться отъ безплоднаго труда возведенія такихъ воздушныхъ замковъ?

Продолжая слѣдить за „*признаками времени*", мы наткнулись на слѣдующій фактъ, относящійся, кажется, къ прошлому году, но знаменательный для насъ въ особенности по комментаріямъ, посвященнымъ ему, на дняхъ, въ двухъ петербургскихъ газетахъ. Рѣчь идетъ о статистическихъ изданіяхъ рязанскаго земства, послужившихъ яблокомъ раздора между мѣстнымъ губернскимъ собраніемъ и губернскою управою. Въ московскій цензурный комитетъ доставлена была отъ рязанской губернской земской управы рукопись подъ заглавіемъ: „Хозяйство рязанскаго уѣзда". Комитетъ, на основаніи циркулярнаго распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ, отослалъ эту рукопись на усмотрѣніе рязанскаго губернатора, сообщивъ ему, что со стороны цензурнаго вѣдомства препятствій къ напечатанію ея нѣтъ. Губернаторъ нашелъ, что нѣкоторыя мѣста рукописи не могутъ быть напечатаны. Изъ числа этихъ мѣстъ въ газетахъ приведены два, слѣдующаго содержанія: на стр. 15, указанъ случай крайне стѣснительнаго займа крестьянами у помѣщика денегъ, съ поименованіемъ имѣнія и означеніемъ начальныхъ буквъ фамиліи владѣльца; на стр. 42—46, указаны—также съ поименованіемъ имѣній—насильственныя, будто бы, выселенія крестьянъ на новыя земли, вслѣдствіе чего крестьяне лишились пастбищъ и обѣднѣли. Одна изъ газетъ считаетъ включеніе подобныхъ свѣденій въ земскую статистику доказательствомъ „крайней безтактности мѣстнаго земскаго статистическаго бюро"; „надо сознаться,—восклицаетъ другая газета, —что обличительныя задачи едва ли могутъ входить въ кругъ занятій земскихъ статистическихъ бюро, а тѣмъ болѣе въ программу статистическихъ сборниковъ, издаваемыхъ земствами". И это говорятъ *газеты*, отъ которыхъ, по самому назначенію ихъ, больше всего слѣдовало бы ожидать здравыхъ понятій о гласности, о свободѣ печатнаго слова! Обвинительное усердіе сдѣлало ихъ болѣе стро-

тими, чѣмъ сама цензура, болѣе католическими, чѣмъ папа. Московскій цензурный комитетъ не встрѣтилъ препятствій къ напечатанію рукописи въ полномъ ея объемѣ—а газеты, съ трогательнымъ единодушіемъ, читаютъ мораль земству, осмѣлившемуся предназначить къ обнародованію столь нецензурныя вещи! Представимъ себѣ, что въ одну изъ этихъ газетъ—беремъ для примѣра ту, которая не отстаиваетъ во что бы то ни стало интересы крупнаго землевладѣнія—была бы прислана корреспонденція о „стѣснительномъ займѣ", заключенномъ крестьянами у помѣщика, съ поименованіемъ заимодавца. Неужели редакція отказалась бы, по собственному побужденію, помѣстить такую корреспонденцію, еслибы имя корреспондента ручалось за вѣрность сообщеннаго имъ факта? Между тѣмъ, въ ежедневной, широко распространенной газетѣ сообщеніе этого рода безспорно имѣло бы преимущественно обличительное свойство; центръ тяжести его заключался бы не въ бѣдственныхъ послѣдствіяхъ, сопряженныхъ для крестьянъ съ невыгодными условіями займа, а въ характеристикѣ лица, эксплуатирующаго тяжелое положеніе своихъ сосѣдей. Въ земскомъ статистическомъ изданіи, чисто-дѣловомъ и читаемомъ немногими, тотъ же фактъ получаетъ совершенно другую окраску; онъ входитъ въ составъ общей картины, необходимое свойство которой—объективная точность и безусловная полнота. Намъ скажутъ, быть можетъ, что эти свойства достижимы и безъ приведенія собственныхъ именъ; но мы должны признаться, что не понимаемъ—въ изслѣдованіи, имѣющемъ дѣло съ мельчайшими общественными единицами — безъименныхъ статистическихъ данныхъ. Довольно уже смѣялись у насъ надъ анонимною гласностью, надъ извѣстіями о беззаконномъ поступкѣ, совершенномъ должностнымъ лицомъ Иксъ въ городѣ Игрекъ; въ статистическихъ трудахъ такой маскарадъ еще менѣе умѣстенъ, чѣмъ въ періодической печати. Каждый фактъ, отмѣчаемый земскою статистикою, долженъ подлежать повѣркѣ, очевидно невозможной по отношенію къ неопредѣленнымъ, неизвѣстно чего касающимся свѣдѣніямъ. Сказать, что крестьяне деревни А. разорились вслѣдствіе займа, заключеннаго ими у г. Б., значило бы не сказать ровно ничего; оторванное отъ своей реальной обстановки, это обстоятельство сразу потеряло бы бóльшую половину своей цѣнности. Правда, для лицъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстностью, маска, наброшенная на фактъ, часто была бы довольно прозрачной; но возможность ошибочныхъ заключеній она все-таки бы не устраняла, затрудняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, опроверженіе ошибки. Допустимъ, что фактъ, роняющій тѣнь на того или другого землевладѣльца, сообщенъ въ статистическомъ изданіи не совсѣмъ вѣрно. Если землевладѣлецъ названъ при этомъ по имени или ясно указанъ инымъ путемъ (напримѣръ, поименованіемъ имѣнія), онъ легко можетъ оправ-

даться, возстановить истину; въ противномъ случаѣ его положеніе гораздо болѣе затруднительно, потому что въ принятіи имъ на свой счетъ безъименнаго разсказа могутъ усмотрѣть какъ бы сознаніе собственной вины. Или, можетъ быть, усилія цензоровъ-добровольцевъ направлены къ охраненію добраго имени помѣщиковъ, къ предупрежденію такъ-называемой сословной вражды, сословнаго недовѣрія? Репутація помѣщиковъ, какъ общественной группы, не пострадаетъ отъ оглашенія неблаговидныхъ поступковъ, совершенныхъ отдѣльными членами группы; поводомъ къ сословной враждѣ можетъ послужить развѣ совокупность извѣстныхъ дѣйствій, если они повторяются слишкомъ часто и заходятъ слишкомъ далеко, но отнюдь не занесеніе ихъ въ статистическую лѣтопись края. Опасеніе попасть въ эту лѣтопись и занять въ ней не совсѣмъ красивую страницу могло бы сдѣлаться хорошей гарантіей противъ нравственной распущенности, поощряемой, между прочимъ, именно безгласностью провинціальной жизни... Въ особенности страннымъ кажется намъ страхъ передъ оглашеніемъ фактовъ, относящихся къ давно прошедшему времени—напримѣръ, принудительныхъ выселеній, совершившихся въ первые годы послѣ освобожденія крестьянъ. Пора разсматривать ихъ какъ достояніе исторіи и предоставить полный просторъ спокойному изученію ихъ результатовъ. Какъ ни прискорбны, впрочемъ, стѣсненія, идущія со стороны цензуры, они для насъ по крайней мѣрѣ понятны. У цензуры—тѣмъ болѣе у цензуры спеціальной, въ область которой входитъ губернаторскій контроль надъ земскими изданіями—есть свои обычаи, свои преданія, съ которыми ей трудно разстаться; ослабѣвая въ рѣдкіе моменты политическаго разсвѣта, они опять пріобрѣтаютъ обычную силу, какъ только начинается обратное движеніе. Повторяемъ еще разъ, „признакъ времени" мы видимъ не столько въ административныхъ мѣрахъ, вызванныхъ статистическими изданіями рязанскаго земства, сколько въ поддержкѣ, встрѣченной этими мѣрами со стороны нѣкоторыхъ органовъ нашей печати.

Если изданіе положенія о церковно-приходскихъ школахъ было крупнымъ признакомъ времени, то къ числу мелкихъ признаковъ, коллекцію которыхъ мы собираемъ, безспорно принадлежатъ попытки идеализаціи прихода. Его называютъ, въ противоположность „выдуманной" всесословной волости или всесословной общинѣ, „основной ячейкой", „естественной единицей" уѣзднаго тѣла. „Сложныя, разнообразныя отношенія,—восклицаетъ одинъ изъ довольно извѣстныхъ нашихъ публицистовъ,—и оцѣнка личнаго участія въ дѣлахъ церкви, и почетъ по предкамъ, и естественное уваженіе къ богатству и власти—все это укладывается въ рамкахъ приходской жизни какъ-то спокойно, само собою, сглаживая рѣзкія различія, вызван-

ныя отчужденіемъ сословій въ другихъ сферахъ быта, безъ обидной и произвольной кодификаціи обязанностей и правъ, какъ это часто случается въ разныхъ сочиненныхъ уставахъ петербургскихъ канцелярій". Что за идиллическая, успокоительная картина—и какъ жаль, что она столь мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности! Не споримъ, можетъ быть, въ нашемъ обширномъ государствѣ и найдется нѣсколько приходовъ, живущихъ полною жизнью, отличающихся трогательнымъ единодушіемъ, воздающихъ каждому должное: одному—почетъ, другому—власть, третьему—помощь, четвертому—попеченіе. Исключенія возможны вездѣ и всегда—только не нужно смѣшивать ихъ съ общимъ правиломъ. Органическимъ цѣлымъ—если разсматривать его не съ специально-церковной, а съ общественной точки зрѣнія—приходъ является въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ; достаточнымъ доказательствомъ этому служитъ хотя бы судьба до-реформенныхъ приходскихъ школъ или приходскихъ попечительствъ. Первыя почти повсюду уступили мѣсто, безъ бою, земской школѣ, хотя ее и устраивало „выдуманное" земство; послѣднія только кое-гдѣ существуютъ не на бумагѣ, и еще рѣже идутъ дальше заботы объ украшеніи храма. Допустимъ, однако, что приходъ—лучшій изъ всѣхъ возможныхъ маленькихъ міровъ; что все улаживается въ немъ по щучьему велѣнью, безъ приказанія и принужденія; отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы онъ могъ замѣнить собою волость или сельское общество, чтобы ему, именно ему, предназначено было стать тою мелкой хозяйственно-административной единицей, надъ созданіемъ которой такъ долго и пока такъ безуспѣшно работаетъ наша мысль и въ оффиціальныхъ, и въ частныхъ сферахъ. Если въ приходѣ права и обязанности каждаго не требуютъ категорическихъ, формальныхъ опредѣленій, если каждый даетъ для него, что̀ можетъ и что̀ хочетъ, служитъ ему по способностямъ, силамъ и желанію, то это объясняется именно характеромъ приходского союза — союза добровольнаго, не преслѣдующаго никакихъ извнѣ данныхъ цѣлей. Стоитъ только измѣнить этотъ характеръ, ввести приходъ въ составъ государственнаго и земскаго строя—и регламентація его внутренней жизни, взаимныхъ отношеній его членовъ сдѣлается неизбѣжной. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предположить, что въ приходѣ, поставленномъ хотя бы на мѣсто теперешней волости, каждый будетъ облагать себя приходскимъ сборомъ по своему усмотрѣнію, что въ избраніи приходскаго старосты, кругъ дѣйствій котораго не будетъ уже ограничиваться контролемъ церковныхъ доходовъ, будетъ господствовать та же патріархальность, которою восхищается поклонникъ современнаго прихода. Если теперь, при выборѣ церковнаго старосты, „голосъ двухъ-трехъ болѣе почтенныхъ прихожанъ иногда значитъ гораздо болѣе, чѣмъ крикъ цѣлой толпы", то въ этомъ еще нѣтъ боль-

шой бѣды, потому что церковный староста не принадлежитъ къ числу лицъ, облеченныхъ властью; но разъ, что онъ попадетъ въ ихъ сонмъ, объ избраніи его такимъ первобытнымъ способомъ не можетъ быть больше и рѣчи. Придется, волей-неволей, опредѣлить его обязанности и права, а также права и обязанности прихожанъ, „уставомъ, сочиненнымъ въ петербургской канцеляріи". Этотъ способъ сочиненія уставовъ намъ нимало не симпатиченъ; но другого вѣдь покамѣсть не существуетъ, а обходиться, въ дѣлѣ управленія, вовсе безъ уставовъ—искусство незнакомое современной Россіи. Обратить приходъ въ оффиціальную хозяйственно-административную единицу, значило бы устранить возможность дальнѣйшаго свободнаго движенія его въ томъ направленіи, въ какомъ онъ развивался до настоящаго времени. Какъ бы хорошо ни было устроено *управленіе*, оно оставляетъ много мѣста для добровольной, коллективной дѣятельности, органомъ которой и можетъ быть приходъ, стоящій рядомъ съ общиной или волостью. Противъ включенія прихода въ систему административныхъ учрежденій говоритъ еще одинъ неопровержимый аргументъ: средоточіемъ прихода служитъ православная церковь—а населеніе приходской территоріи не всегда состоитъ исключительно изъ православныхъ. Пока связь, соединяющая прихожанъ, свободна отъ принудительнаго элемента, иновѣрцы остаются внѣ прихода; общей почвой для нихъ и для православныхъ ихъ сосѣдей служитъ община или волость. Замѣнить эти единицы приходомъ, значило бы либо не достигнуть цѣли—потому что приходъ, обнимающій собою и иновѣрцевъ, и православныхъ, не былъ бы больше приходомъ въ настоящемъ смыслѣ слова,—либо возложить заботу о церкви и православномъ духовенствѣ одинаково на православныхъ и не православныхъ, т.-е. допустить явную несправедливость. Чтобы оцѣнить всю силу этого возраженія, достаточно припомнить, что иновѣрцами, съ занимающей насъ точки зрѣнія, слѣдуетъ считать и всѣхъ раскольниковъ.

Говоря о признакахъ времени, нужно ли упоминать о томъ, что на очереди продолжаютъ стоять съ одной стороны патетическіе вопли о бѣдствіяхъ помѣщичьяго землевладѣнія, съ другой—вылазки противъ самоуправленія, во всѣхъ его видахъ и формахъ? „Не пора ли,—восклицаетъ одинъ изъ радѣтелей за вновь открытую категорію угнетенныхъ и оскорбленныхъ, — не пора ли, послѣ столькихъ лѣтъ, посвященныхъ заботѣ объ улучшеніи быта *только крестьянъ* (курсивъ въ подлинникѣ), подумать объ улучшеніи быта и помѣщиковъ - землевладѣльцевъ"? Крестьянское населеніе болѣе двухсотъ лѣтъ несло на себѣ, вмѣстѣ съ гнётомъ крѣпостного права, почти всю тягость рекрутчины и податного бремени; помѣщики-землевладѣльцы пользовались, столько же времени, трудомъ крестьянъ и

самыми разнообразными льготами со стороны правительственной власти. Можно ли, затѣмъ, говорить серьезно о равномъ правѣ тѣхъ и другихъ на государственную помощь? Такъ называемое улучшеніе быта крестьянъ было дѣломъ простой справедливости, исцѣленіемъ вѣковыхъ язвъ, возстановленіемъ нарушеннаго права; оно было естественнымъ результатомъ первой обязанности государства — заботиться о слабыхъ, безпомощныхъ, беззащитныхъ. Къ какому изъ этихъ разрядовъ можно отнести помѣщиковъ-землевладѣльцевъ? Что мѣшаетъ имъ самимъ принять мѣры къ улучшенію своего быта — если только онъ требуетъ улучшенія въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно употребляется это слово? На основаніи какого правила политической ариѳметики насчитывается, далѣе, *столько лѣтъ* исключительнаго попеченія объ однихъ только крестьянахъ? *Исключительнымъ* оно не было никогда, потому что даже въ эпоху освобожденія крестьянъ интересы помѣщиковъ тщательно охранялись закономъ, еще тщательнѣе—администраціей. Вскорѣ послѣ 1861 г. наступилъ періодъ времени, въ продолженіе котораго улучшеніе крестьянскаго быта признавалось, съ оффиціальной точки зрѣнія, совершенно законченнымъ, и всякое сомнѣніе на этотъ счетъ разсматривалось какъ нѣчто близкое къ неблагонамѣренности. Этотъ періодъ простирается вплоть до „новыхъ вѣяній", т.-е. до 1880 г. Четыре послѣдніе года принесли съ собою, правда, продолженіе слишкомъ рано прерванной работы—но параллельно съ нею шли и такія мѣры, какъ установленіе краткосрочнаго государственнаго кредита для землевладѣльцевъ. Самый вопросъ: *Не пора ли?* является, такимъ образомъ, не чѣмъ другимъ, какъ „признакомъ времени"; остается надѣяться, что за нимъ не послѣдуетъ утвердительнаго отвѣта.

Между органами самоуправленія ни одному, кажется, не суждено претерпѣвать столько нападокъ, какъ петербургской Думѣ. Не прекратятся ли онѣ на время въ виду неожиданнаго отпора, недавно встрѣченнаго нападающими? Не успѣли еще засохнуть слезы, пролитыя реакціонными плакальщиками надъ участью петербургскихъ больницъ, по поводу перехода ихъ изъ рукъ администраціи въ вѣденіе города, какъ раздались во всеуслышаніе слѣдующія слова С. П. Боткина, сказанныя въ соединенномъ присутствіи городской управы и коммиссіи общественнаго здравія: „нѣтъ сомнѣнія, что разъ городъ принялъ больницы въ свое завѣдываніе, онъ уже не можетъ оставить ихъ въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ находятся въ настоящее время. Больные умираютъ въ этихъ больницахъ преимущественно отъ голода. Въ настоящее время отпускается всего лишь 13—14 коп. въ сутки на пищу больного, что представляется крайне недостаточнымъ. Смертность отъ брюшного тифа въ нашихъ госпиталяхъ составляетъ одиннадцать процентовъ и болѣе, тогда какъ

процентъ смертности отъ той же болѣзни въ городской барачной больницѣ даетъ только $4^{1}/_{2}$ процентовъ. Не слѣдуетъ приписывать это исключительно лучшему воздуху въ барачной больницѣ и искусству врачей ея; нѣтъ, меньшій процентъ смертности въ барачной больницѣ находится въ прямой зависимости отъ пищи больныхъ"... Дальше С. П. Боткинъ указалъ на то, что больничныя сидѣлки получаютъ за свой трудъ самое ничтожное вознагражденіе; „это—голодные люди, которые объѣдаютъ тѣхъ же больныхъ, и безъ того получающихъ ничтожную порцію". Въ словахъ знаменитаго врача важно не одно только указаніе на крупный недостатокъ оплакиваемаго порядка. Еслибы больничное дѣло было для столичнаго самоуправленія чѣмъ-то совершенно новымъ, можно было бы, пожалуй, опасаться, что положеніе больныхъ, послѣ перехода больницъ въ завѣдываніе города, останется то же или перемѣнится къ худшему. Теперь подобныя опасенія немыслимы; опытъ уже сдѣланъ, и, по авторитетному свидѣтельству С. П. Боткина, оказался удачнымъ. Въ единственной больницѣ, находившейся до сихъ поръ въ рукахъ города, достигнуты результаты, устраняющіе всякую возможность горевать о расширеніи круга дѣйствій петербурской Думы. Сознавая всю тяжесть нанесеннаго имъ удара, систематическіе враги самоуправленія усиливаются подорвать вѣру въ слова С. П. Боткина; но къ чему же сводятся ихъ усилія? Къ указанію на то, что еслибы положеніе городскихъ больницъ дѣйствительно было столь печально, С. П. Боткинъ, какъ лейбъ-медикъ, давно довелъ бы о немъ до свѣденія покойнаго Государя. Но гдѣ же основанія предполагать, что С. П. Боткину *давно* уже извѣстны констатированные имъ теперь факты? Гораздо вѣроятнѣе, что раскрыть и констатировать ихъ онъ могъ только теперь и именно какъ гласный думы, какъ членъ городской санитарной коммиссіи. Нужно ли прибавлять, что одного указанія на слабую сторону учрежденія или порядка еще недостаточно для ея устраненія; что движенія нашего административнаго механизма, кѣмъ бы они ни были предписаны, крайне рѣдко отличаются рѣшительностью и быстротою?... Мы далеки отъ мысли, чтобы дѣятельность нашего самоуправленія вездѣ и во всемъ была безупречна, чтобы передача дѣла въ руки города или земства всегда представлялась, сама по себѣ, гарантіей успѣха; мы возстаемъ только противъ обратнаго заключенія, противъ осужденія a priori всего не заштемпелеваннаго бюрократическою или сословною печатью. Петербургская Дума ошибалась много и часто, грѣшила и дѣйствіемъ, и бездѣйствіемъ—но еслибы она не сдѣлала ничего другого, кромѣ удесятеренія числа городскихъ начальныхъ училищъ, то и въ такомъ случаѣ ей нечего было бы опасаться сравненія съ административными учрежденіями, работавшими и работающими на одной съ нею почвѣ. Отзывъ С. П. Боткина свидѣтель-

ствуетъ о томъ, что ей можетъ быть ввѣрено, съ пользой для дѣла, и охраненіе народнаго здоровья.

Существеннымъ преимуществомъ *самоуправленія* служитъ полная доступность его для критики, всегда болѣе или менѣе затрудненной, когда рѣчь идетъ объ *управленіи*. Весьма можетъ быть, что положеніе городскихъ больницъ, съ переходомъ ихъ въ вѣденіе Думы, улучшится не въ такой мѣрѣ и не такъ скоро, какъ это было бы желательно и осуществимо—но поручиться можно за одно: всѣ слабыя стороны больничнаго устройства будутъ выставлены на видъ съ такою яркостью и полнотою, о какой до сихъ поръ нельзя было и думать. Гораздо вѣроятнѣе, въ этомъ отношеніи, преувеличенность обвиненій, чѣмъ недостаточная ихъ настойчивость и смѣлость. Въ чемъ только не упрекаютъ Думу, чего только не требуютъ отъ нея! Сегодня одна газета, относящаяся къ ней, вообще говоря, довольно дружелюбно, ставитъ ей въ вину невозбужденіе вопроса о кремаціи, т.-е. о сожиганіи труповъ, забывая сообразить, насколько въ настоящую минуту вѣроятно утвердительное разрѣшеніе этого вопроса, зависящее, безъ сомнѣнія, не отъ Думы. На слѣдующій день другая газета заводитъ рѣчь о необходимости лучшаго снабженія города водою, утверждая, что извѣстнымъ процессомъ городской управы съ обществомъ водопроводовъ въ этомъ отношеніи „не сдѣлано еще ровно ничего". Повторяя не только ничѣмъ недоказанную, но прямо противорѣчащую истинѣ фразу о невозможности отвода, въ достаточномъ количествѣ, городской земли для устройства центральнаго фильтра [1]), газета восклицаетъ: „стоитъ ли настаивать на томъ, что̀ не можетъ быть осуществлено"? Мы желали бы знать, что́ сказали бы о Думѣ, что̀ сказала бы о ней, можетъ быть, сама обвиняющая ее теперь газета,—еслибы Дума перестала заботиться о возстановленіи своего нарушеннаго права, еслибы она отказалась отъ продолженія процесса, выиграннаго ею въ первой судебной инстанціи? Не странно ли видѣть, что тѣ же органы печати, которые привѣтствовали рѣшимость Думы вступить въ судебную борьбу съ обществомъ водопроводовъ, совѣтуютъ ей теперь сложить оружіе и ввѣриться великодушію противника? „Общество водопроводовъ,—читаемъ мы въ той же статьѣ,—не оказалось бы, по всей вѣроятности, такъ неуступчиво, еслибы предполагаемыя ему требованія были удобоисполнимы"; отношеніямъ города къ обществу водопроводовъ исполнилась уже четверть вѣка; исторія ихъ заключаетъ въ себѣ достаточно данныхъ, изъ которыхъ можно было бы вывести болѣе правильное представленіе объ „уступчивости" общества. Еслибы даже и было дока-

---

[1]) Мѣста для устройства центральнаго фильтра съ избыткомъ довольно, хотя бы на преображенскомъ плацѣ, противъ таврическаго сада—до 23,000 кв. саж.

зано, что устройство центральнаго фильтра—не лучшій способъ снабженія города *чистою* водою, за нимъ все-таки осталось бы одно существенное преимущество: возможность *требовать* его на основаніи устава и контракта. Безъ этихъ точекъ опоры немыслимо требованіе, мыслима только просьба—а разсчитывать на исполненіе обществомъ обращенной къ нему *просьбы* было бы слишкомъ наивно. Сдѣлка между городомъ и обществомъ водопроводовъ, сопряженная съ отреченіемъ города отъ предоставленнаго ему закономъ права, была бы несомнѣнно *худымъ миромъ*; въ данномъ случаѣ лучше *добрая ссора*, каковъ бы ни былъ исходъ ея передъ судомъ.

Къ числу учрежденій, не обрѣтающихся, съ нѣкоторыхъ поръ, въ авантажѣ, принадлежитъ присяжная адвокатура — принадлежитъ уже потому, что пользуется самоуправленіемъ, дорожитъ своей „автономіей". Это совершенно въ порядкѣ вещей, и мы не сказали бы ни слова въ защиту адвокатуры, еслибы только ея враги дали себѣ трудъ изучить поближе предметъ своихъ нападеній. До чего они доводятъ незнаніе или игнорированіе давно оглашенныхъ фактовъ, объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру. Прусскій министръ юстиціи обратился недавно къ адвокатскимъ корпораціямъ съ приглашеніемъ принять мѣры противъ тѣхъ адвокатовъ, которые стараются возбудить вниманіе публики разсылкою циркуляровъ, рекламами, навязываніемъ своихъ услугъ обвиняемымъ по сенсаціоннымъ дѣламъ, и т. п. „Вотъ какъ понимаютъ въ Германіи истинную свободу"—торжествующимъ тономъ восклицаетъ по этому поводу одна изъ нашихъ реакціонныхъ газетъ, очевидно, предполагая, что у насъ никогда не происходило ничего подобнаго, что нашимъ адвокатамъ предложеніе воздерживаться отъ рекламъ, отъ взмыливанія своей репутаціи показалось бы несовмѣстнымъ съ „свободой" адвокатской профессіи. На самомъ дѣлѣ петербургскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ—да вѣроятно и другіе совѣты—всегда держался взгляда, выраженнаго прусскимъ министромъ юстиціи, и не ожидалъ, для проведенія его, напоминаній или приглашеній со стороны высшей судебно-административной власти. Все похожее на рекламу всегда подвергалось съ его стороны запрещенію и преслѣдованію. Не дальше, какъ въ минувшемъ отчетномъ году, петербургскій совѣтъ сдѣлалъ одному изъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ выговоръ за раздачу въ домѣ предварительнаго заключенія своихъ карточекъ, что̀, по мнѣнію совѣта, „неприлично и имѣетъ видъ рекламы"[1]. Отчеты совѣта постоянно печатались и печатаются во всеобщее свѣ-

---

[1]) См. Отчетъ совѣта за восемнадцатый годъ его существованія (1883—1884), стр. 109.

деніе: знакомство съ ними возможно и обязательно для всякаго, кто берется судить о нашей присяжной адвокатурѣ.

Статья, о которой мы теперь хотимъ сказать нѣсколько словъ, можетъ быть отнесена къ числу „признаковъ времени" только одною своею стороною—пристегнутою къ ней, безъ всякой надобности, тирадой противъ „прогрессистовъ" и „либераловъ", мимо которыхъ изданія извѣстной окраски не могутъ, съ нѣкоторыхъ поръ, пройти, не толкнувъ ихъ ногою. Рѣчь идетъ о статьѣ г. де-Пуле: „Реально-училищный кризисъ", напечатанной въ послѣднемъ (18-мъ) номерѣ „Руси". Она заключаетъ въ себѣ нѣсколько признаній, тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что г. де-Пуле самъ причисляетъ себя къ „людямъ, открыто заявлявшимъ о глубочайшей антипатіи къ россійскому реализму". Вотъ что говоритъ авторъ, свободный отъ всякихъ подозрѣній въ анти-классицизмѣ, въ журналѣ, всегда стоявшемъ на сторонѣ существующей системы средняго образованія: „Необходимо покаяться въ первородномъ грѣхѣ нашего министерства просвѣщенія, считающаго свою эру лишь съ учебныхъ уставовъ семидесятыхъ годовъ и не признающаго большихъ заслугъ устава среднихъ учебныхъ заведеній 1864 г. Правда, для такого покаянія требуется большое мужество, ибо придется сознаться не только въ собственныхъ ошибкахъ, неизбѣжныхъ во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, но и въ умышленной порчѣ нѣкоторыхъ преобразованій по учебной части; но истина раньше или позже сама собою обнаружится, и дѣтское прятаніе ея никогда къ добру не приводитъ... Главный порокъ устава среднихъ учебныхъ заведеній 1864 г. (Головнинскихъ) состоялъ въ томъ, что онъ продержался очень недолго, такъ что не успѣли вполнѣ обнаружиться ни его хорошія, ни его слабыя стороны; но порокъ этотъ —чисто механическаго свойства, происшедшій, при смѣнѣ министровъ, отъ полемическаго отношенія къ уставу, давно не составляющаго секрета... Въ недобрый часъ родились наши реальныя училища, смѣнившія (въ 1872 г.) реальныя гимназіи; учрежденіе ихъ, вмѣсто пользы классическому образованію, принесло большой вредъ ему и образованію вообще... Пора, наконецъ, понять, что пренебреженіе къ реальной школѣ, кромѣ вреда, не принесло никакой пользы, и что таковъ бываетъ результатъ всякаго учрежденія, возникающаго подъ вліяніемъ страсти". Оставляя, покамѣстъ, въ сторонѣ ту часть статьи, въ которой г. де-Пуле намѣчаетъ свой планъ реформы (главная его мысль—увеличеніе числа реальныхъ училищъ—или гимназій—и прогимназій, въ ущербъ числу гимназій и прогимназій классическихъ), укажемъ только на внутреннее противорѣчіе, въ которое вовлекаетъ его вражда къ „прогрессистамъ" и „либераламъ". Онъ осуждаетъ молчаніе ихъ въ виду опасности, угрожающей—за недостаткомъ ма-

теріальныхъ средствъ—существованію нѣкоторыхъ реальныхъ училищъ. Но если реальныя училища представляютъ на самомъ дѣлѣ ту печальную картину, которую рисуетъ авторъ, то гдѣ же основаніе для поддержки ихъ, *въ настоящемъ ихъ видѣ*, „реалистами", какъ называетъ г. де-Пуле „либераловъ и прогрессистовъ"? Отвѣтственность за положеніе реальныхъ училищъ во всякомъ случаѣ упадаетъ не на „реалистовъ"; задача послѣднихъ—указаніе началъ, на которыхъ возможна правильная организація реальнаго образованія—давно уже исполнена ими, а для повторенія доводовъ, подробно высказанныхъ въ свое время, едва ли настала удобная минута. Она настанетъ тогда, когда появятся первые признаки „покаянія", проповѣдуемаго г. де-Пуле.

Заключимъ нашъ обзоръ „признаковъ времени" указаніемъ на самый маленькій изъ нихъ, но въ своемъ родѣ характеристичный: это „полный гордаго довѣрія покой", которому предается, съ нѣкоторыхъ поръ, тузъ нашей реакціонной печати. Кругомъ него кипитъ суета, неустанно идетъ подкладыванье дровъ на костеръ, приготовляемый для „либераловъ" и „либерализма"; „онъ" кидаетъ туда лишь изрѣдка крупное полѣно, довольствуясь, большею частью, наставительными—для иностранныхъ державъ—статьями по внѣшней политикѣ и занимаясь, между дѣломъ, тенденціозными выборками изъ недоступныхъ для обыкновеннаго смертнаго изданій (см. перепечатанные въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" отрывки изъ воспоминаній г. Лаврова о Тургеневѣ и замѣчанія „Новаго Времени" о способѣ подбора этихъ отрывковъ). Что предвѣщаетъ это „успокоеніе на лаврахъ"?

ОТЪ РЕДАКЦІИ.—Контора журнала „Вѣстникъ Европы" симъ извѣщаетъ г-на М. Г. К—а, что полученные ею отъ него двѣсти пятьдесятъ (250) рублей, согласно его желанію, сданы въ Комитетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, 10-го сентября сего года, по квитанціи № 132.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЯТАГО ТОМА

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ, 1884.

Книга девятая.—Сентябрь.

Книга десятая.—Октябрь.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Исторія русской словесности. Составилъ И. Порфирьевъ. Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ II. Литература въ царствованіе Екатерины II. Казань. 1884. 8°. 411 стр. Ц. 2 руб.

Г. Порфирьевъ, авторъ настоящей книги, извѣстенъ уже давно своими изслѣдованіями по старой русской литературѣ, въ которыя внесено имъ не мало новыхъ фактовъ изъ рукописей знаменитой Соловецкой библіотеки, находящихся нынѣ въ библіотекѣ казанской духовной академіи; не менѣе онъ извѣстенъ своей „Исторіей русской словесности“ до-петровскаго періода, имѣвшей уже не одно изданіе. Въ 1881 вышелъ первый выпускъ второй части его труда, посвященной послѣ-петровскому времени; теперь является второй выпускъ, заключающій въ себѣ разсказъ о литературѣ времени имп. Екатерины II. Новая часть отличается тѣми же качествами, которыя составили успѣхъ прежней книги: авторъ ставитъ себѣ цѣлью представить точное изложеніе литературныхъ фактовъ по самымъ источникамъ, пользуясь вмѣстѣ и главнѣйшими новыми изслѣдованіями. Какъ видно изъ указаннаго объема настоящаго выпуска, изложеніе довольно подробно: разсказывается біографія писателя, указываются вліянія, подъ которыми развивалась его дѣятельность, передается содержаніе главнѣйшихъ произведеній, а иногда сообщаются и значительныя выписки. Книга г. Порфирьева несомнѣнно послужитъ съ пользой для преподаванія исторіи русской литературы.

Въ помощь учащимся. Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ (XVII-ый вѣкъ). Составилъ В. Д. Сиповскій. 160 политипажныхъ изображеній въ текстѣ и два рисунка на отдѣльныхъ листкахъ. Спб. 1884. Большое 8°. 478 и IV стр. Ц. 2 р. 50 к.

Въ свое время мы упоминали о двухъ первыхъ частяхъ сочиненія г. Сиповскаго; вышедшая теперь третья часть доводитъ разсказъ до конца XVII столѣтія. Настоящій томъ, вѣроятно, представитъ своимъ читателямъ еще болѣе интереса. Изложеніе историческихъ событій сопровождается бытовыми очерками, для которыхъ изъ XVII вѣка сохранилось довольно обильное количество матеріаловъ; авторъ умножилъ также и число рисунковъ, въ которыхъ передаются обыкновенно подлинные рисунки изъ старыхъ книгъ, изображенія старинныхъ предметовъ, костюмовъ, процессій, зданій, виды городовъ и т. п.; два рисунка представляютъ уменьшенныя копіи съ историческихъ картинъ Шамшина и Шварца. Задачу своего труда авторъ опредѣляетъ такъ: „Главною цѣлью нашей,—говоритъ онъ,—было дать учащемуся юношеству такое пособіе по отечественной исторіи, которое, дополняя и освѣщая факты, изложенные въ общеупотребительныхъ учебникахъ, давало бы по возможности болѣе живое представленіе обо всемъ достопамятномъ въ отечественной исторіи, особенно же о внутреннемъ строѣ жизни и бытѣ нашихъ предковъ,—притомъ не въ видѣ отрывочныхъ эпизодовъ, а въ связномъ послѣдовательномъ разсказѣ“. Авторъ желалъ своей книгой, хотя бы въ малой части учащейся молодежи, пробудить сколько-нибудь живой интересъ къ старинѣ и къ памяти ея лучшихъ дѣятелей и желалъ, чтобы его книга служила переходной ступенью отъ учебника къ чтенію серьезныхъ научныхъ трудовъ по нашей прошлой исторіи: „Только тотъ можетъ быть полезнымъ, сознательно дѣйствующимъ гражданиномъ,—говоритъ онъ,—кто знаетъ и любитъ свое отечество; а знать и любить его сколько-нибудь разумно, не вѣдая его прошлаго, нельзя“. Авторъ положилъ много добросовѣстнаго труда для выполненія своей задачи, а книга его, исполненная съ большой любовью къ дѣлу, вполнѣ заслуживаетъ успѣха.

Словарь практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ жизни всякому. Изданіе д-ра Л. Симонова. Выпускъ первый. Спб. 1884. Большое 8°. 96 стр. Ц. 1 р.

Въ большихъ европейскихъ литературахъ очень обыкновенны энциклопедіи всякаго рода, обширныя и краткія, общія и спеціальныя. Онѣ составляютъ тамъ такую потребность, что, напр. извѣстный многотомный Conversations-Lexicon Брокгауза выходитъ теперь ни болѣе, ни менѣе какъ тринадцатымъ изданіемъ. У насъ это дѣло стоитъ, какъ извѣстно, очень плохо: два энциклопедическихъ словаря, затѣянныхъ въ большихъ размѣрахъ, остановились на первыхъ буквахъ; дошелъ до конца одинъ только словарь г. Березина... Но если выказалось здѣсь неумѣнье организовать большое издательское предпріятіе, то потребность въ энциклопедіи для нашей публики не подлежитъ сомнѣнію; очень полезна будетъ и такая энциклопедія, какую предпринимаетъ теперь г. Симоновъ. Содержаніе „Словаря“ указывается его заглавіемъ: оно посвящено описанію и объясненію предметовъ и понятій, съ которыми человѣкъ безпрестанно встрѣчается въ практической жизни. Издатель указываетъ эти предметы изложенія словаря такъ:—домашняя жизнь и хозяйство, жилище, одежда, пища и напитки, здоровье и болѣзнь, гигіена и домашняя медицина, косметическія средства, нравственное и физическое воспитаніе дѣтей; сельское хозяйство, садоводство и огородничество; искусства и ремесла; общественныя и правительственныя учрежденія, администрація, учебныя и ученыя заведенія; суды, адвокатура, финансы и проч. Объясненія, какія мы просматривали, обыкновенно просты и общедоступны.—Изданіе предполагается въ 10—12 выпускахъ, въ большую восьмушку, въ два столбца, убористаго и четкаго шрифта. Цѣна всего изданія по подпискѣ—6 руб. Въ предисловіи издатель объясняетъ особенную необходимость распространенія практическихъ свѣдѣній въ нашемъ обществѣ, потому что наше образованіе именно бѣдно практическимъ содержаніемъ—оно остается слишкомъ отвлеченно и далеко отъ дѣйствительной жизни. Съ этимъ можно согласиться, но авторъ совершенно напрасно пустился въ дальнѣйшія толкованія этой темы, гдѣ виной недостатковъ нашего образованія являются все тѣ же „интеллигенты“, нападенія на которыхъ стали шаблономъ извѣстнаго сорта печати: издателю серьезной книги слѣдовало бы лучше понимать положеніе вещей, чѣмъ сколько видно его на 1—2 страницахъ его предисловія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1885 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:		Годъ:	Полгода:	Четверт
Безъ доставки . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою . .	17 » — »	10 »	6 »
Съ доставкою . . .	16 » — »	9 »	5 »	За-границей	19 » — »	11 »	7 »

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к. за-границей — 3 руб.

☛ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою. ☚

ПОДПИСКА принимается—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журна «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Невскомъ пр пектѣ;—въ Москвѣ: при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузн комъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и въ Конторѣ Н. Пе ковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются по почтѣ въ редакці журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же пр нимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журнал

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчика Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые выс подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сооб ніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (N *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ преж мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 изъ иногороднихъ въ городскіе—50 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранн недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вы указанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по лученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, котор приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.
BOOK DUE
CANC
3 - 1986
784514
JAN 20 1986